

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

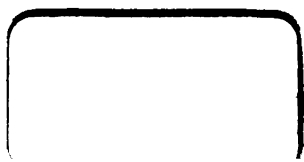
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929328 6

Allen

15 B1

*QCA

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. О. ИКСЕМСКАГО.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

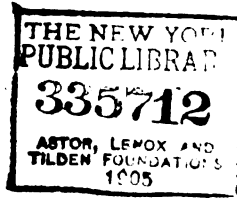
НОЯВРЬ.

ТОМЪ СТО-СЕМЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1862.

Одобрено Цензурою. С -Петербургъ 1862 г. ноября 25 дня.

Ценсоръ *М. Касторскій*.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Ноябрь.

Безъ ножа зарѣзали (Записки слѣдователя сороковыхъ годовъ).

Рыбакъ. Стихотвореніе *Н. П. Грекова.*

Итцанская женитьба. *Н. А. Зарубина.*

Сынъ. Стихотвореніе *Пальмина.*

Вще разбитое сердце!!! (Окончаніе). *В. Самойчовича.*

Зима, Стихотвореніе *Пальмина.*

Мемуары Канлера. Происхожденіе тайной полиціи. — Похищеніе. —
Вступленіе на престолъ Карла X. — Стрѣльба жандармовъ въ ули-
цѣ Сентъ-Дени. — Un flagrant délit. — Мономаны. — Убійство Жюльет-
ты Фламмъ.

Сцены изъ киргизской жизни. I. Султанд-жанъ. II. Курбанъ Бай-
рамъ. *К. Калачова.*

О необходимости раскладки налоговъ общественными присяжными
судами. *В. Э. Пфафа.*

Письма изъ лѣсной полосы.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О представительномъ правительствѣ. Considerations on Representa-
tive Government. By John Stuart Mill). 3—а.

Выдержки изъ текущей литературы и путевыя замѣтки (Продолженіе). Брюссель, воспитаніе дѣвицъ въ монастыряхъ. — Спа. — Молодая Франція. — Нѣмецкій патріотизмъ. — Наугеймъ. — Рулетка. — Переписка г жи Сталь, ея отношенія къ Шиллеру, Гёте и Бонапарту. *Евгеніи Туръ.*

Смертная казнь. (Mittermaier. — Die Todesstrafe nach den Ergebnissen der wissenschaftlichen Forschungen und der Fortschritten der Gesetzgebung und der Erfahrung. — Исслѣдованіе о смертной казни, основанное на окончательныхъ выводахъ науки, успѣхахъ законодательства и опыта.)

Вопросъ о правахъ женщины (Исторія нравственнаго положенія женщинъ. Сочиненіе Эрнеста Легуве, члена французской академіи. Съ 3-го изданія. Перевелъ Р... Москва, 1862 года. *Д. Ф. Щеглова.* Основные положенія преобразованія судебной части. *Зарина.*

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Преобразованіе военно-учебныхъ заведеній. — Приказъ главнаго начальника ихъ. — Главныя основанія реформы. — Найдется-ли достаточное количество воспитанниковъ для юнкерскихъ школъ. — Нужно-ли приготовленіе къ военной дисциплинѣ съ ранняго возраста. — Литература о корпусахъ. — Распредѣленіе кздетскаго дня. — Стройки къ чаю, обѣду и проч. Пригонки. — Сколько часовъ остается для учебныхъ занятій. — Причины недостатковъ дисциплины между офицерами. — Недостатокъ специальныхъ занятій офицеровъ. — Вліяніе корпуса на умственное образованіе. — Переходныя мѣры. — Множество приготовляющихся реформъ. — Толки о судебной реформѣ. — Обозрѣніе ея хода. — Скоро-ли можно ожидать окончательныхъ проектовъ? — Размноженіе газетъ и танцклассовъ. — Споръ г. Павлова и гг. Каткова и Леонтьева о независимости газетъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Гражданскія дѣла. — Слухи о здоровьѣ султана. — Римскій вопросъ. — Толки о заговорѣ въ Парижѣ. — Мексиканская экспедиція. — Кризисъ въ Гессенъ-Кассель. — Амнистія политическихъ преступниковъ въ Венгріи. — Положеніе дѣлъ въ Пруссіи. — Война въ Америкѣ и выборы. — Убіиство въ Японіи. — Инсур-генты въ Китаѣ.

Замѣтки о русскомъ театрѣ. *Федорова.*

При этомъ номерѣ прилагается извѣстіе объ изданіи въ 1863 году журнала «Русскій Міръ» съ сатирическимъ жеткомъ «Удочка».

... Декабрь ...

Мѣщанская женитьба (Окончаніе). *И. А. Зарубина.*
Для бѣдныхъ. Стихотвореніе *Н. П. Грекова.*

Слѣпецъ (Изъ записокъ слѣдователя сороковыхъ годовъ).

Служебныя столкновѣнія и судебная практика (Разсказъ уѣзднаго стражачаго). *А. Никитина.*

Сербская сказка.

Въ путь-дорогу! Романъ. Книга вторая. *Петръ Боборыкина.*

Последнее стихотвореніе *А. Шенье. Н. Грекова.*

Мемуары Канлера. *Леонъ Ламбель и Леспинасъ.* — Обокраденный ночью часовщикъ. — Госпожа З***, Эрнестъ и Леонъ. — Похищеніе ребенка.

Письма изъ лѣсной полосы. *С. Челищева.*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Наши понятія и законы объ оскорбленіи чести и объ удовлетвореніи. *А. Никитина.*

Нѣсколько словъ о литературныхъ заслугахъ г. Каткова (Матеріалы для прагматической исторіи русской журналистики за послѣдніе годы). *М. К.*

Очерки Сибири въ историческомъ и экономическомъ отношеніи (Окончаніе). *С. Шашкова.*

О началахъ общественнаго городского устройства. *А. Дмоховскаго.*

Новая брошюра Прудона. (la fédération et l'unité en Italie). *Д. Щеглова.*

Чювничій элементъ въ разработкѣ русской исторіи. *Н. Вятвицкаго.*

Основные положенія преобразования судебной части. *Зарина.*

Къ вопросу о нашихъ племенныхъ отношеніяхъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Споръ г. Скарятина съ г. Громекой о недовольныхъ правительствомъ. — Слѣды стараго времени нашего оживленія, общихъ мѣстъ и знаменъ. — Мировые посредники и судья. — Облегченіе раскольниковъ. — Старообрядческіе архіерей. — Вѣлая Криница. — Комиссія объ улучшеніи быта духовенства. — Ходъ судебной реформы. — Наша благотворительность. — Подольскіе дворяне. — Письмо г. Тургенева.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Пора всевозможныхъ вопросовъ. — Греческій вопросъ, остановившійся на самой интересной минутѣ. — Паденіе министерства Ратацци. — Составъ новаго министерства. —

Римскій вопросъ.—Врошюра Эжена Рандю о папствѣ и Италіи. —
Рукоположеніе кардинала Антонелли въ санъ священника и розо-
вые мечты его.—Мадзинисты, бурбонисты и мюратисты. — Откры-
тіе бульвара *Принца Евгенія* и рѣчь по этому случаю императора
Наполеона.—Послѣднія извѣстія.

БЕЗЪ НОЖА ЗАРЪЗАЛИ.

Записки следователя сороковскихъ годовъ

(РАЗКАЗЪ ПЯТЫЙ).

I.

Темновъ дѣло.

Въ передней — кто-то закашлялъ и зашаркалъ. Колокольчиковъ у насъ въ заведеніи не было и двери по простотѣ нравовъ не запирались, а деньщикъ по обыкновенію подалъ чай и ушелъ себѣ на кухню.

— Кто тамъ? спросилъ я.

— Мы-съ, отвѣчалъ приотворяя дверь и высовываясь, незнакомый купецъ.

— Пожалуйста—взойдите.

Взошелъ смуглый средняго роста — мужчина, довольно дерзкого—но простодушнаго вида.

— Наше вамъ наннижайшее-съ.

— Позвольте узнать—съ кѣмъ имѣю честь? кто вы?

— Мы-съ? Онъ закинулъ голову назадъ, крякнулъ, изъ правой руки передалъ круглую шляпу въ лѣвую, а правую провелъ во своей темнорусой бородѣ и заложилъ руку за бортъ синяго

длиннополаго сюртука: завемся-съ Федотъ Михайловъ Гороховы-съ, 1-й гильдіи купеческой племянникъ—были-съ, а ноне—во иѣщанствѣ.

— Что-жь вамъ нужно?

— Отъ начальства-съ присланы къ вамъ, отъ его превосходительства-съ; онъ дерзко окинулъ меня глазами, гордо вскинулъ голову, какъ будто говоря «я вѣдь-де отъ начальства—ты, тово, смотри» онъ важно выставилъ ногу, пристукивая носкомъ; сапожки такъ были навощены, хоть смотришь.

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ я садясь.

— А вотъ-съ, прочитайте-съ, узнаете-съ.

Онъ подалъ мнѣ конвертъ.

— Садитесь—пожалуйста! онъ не заставилъ повторять просьбу; садясь, сжалъ колѣнки и задернулъ полу на полу.

Въ запискѣ его превосходительство писалъ мнѣ карандашемъ: «разберите въ чемъ дѣло Горохова? кажется тутъ систематическій грабѣжъ — надо раскрыть; вечеромъ доложите, что можно сдѣлать». А въ приложенной просьбѣ пьянымъ почеркомъ, однако съ соблюденіемъ разныхъ формальностей, значилось:

«Припадаю слезно къ стопамъ блистательной особы вашего превосходительства, соблаговодите выслушать жалобное прошеніе сіе, приношу оную челобитную, по долгу присяги и чистой совѣсти безожи и утайки на 1-й гильдіи купца баньщика Семна Федорова Смушкина, да на зятя его первостатейнаго купца, бывшаго лакеемъ и ограбившаго своего барина Ивана Чупахина, также сына Смушкина — Федора; вышерѣченные люди, яко хриstopродавцы, изувѣрствомъ, каверзами и разбойничествомъ сообща съ прикащикомъ нашимъ Анисимомъ Варюхинымъ, дядю мого родного Павла Федотова Горохова—какъ есть разными фальшивыми документами до нитки всего обобрали, родительскіе дома и лѣсныя дачи—на себя перевели, въ конецъ раззорили и смертоубійство совершили, поелику дяди мой ума отъ горя рехнулся и яко трупъ бездыханный обретается. Всѣ сіи разбойническія дѣла, въ мое отсутствіе совершили, злоухищренно удаливъ меня отъ дяди въ Астрахань; сестру мою родную Анисимъ Варюхинъ съ Федькой Смушкинымъ въ развратъ ввели и страму предали, а капиталовъ и разнаго имущества движимаго и недвижимаго у насъ было до 500 т. ассигнаціями.— Ваше превосходительство по данной вамъ власти на основаніи свода законовъ тома X и

ХУ, статей (тутъ цѣлый наборъ цифръ) повелите у этихъ беззаконниковъ грабленное имущество отобрать, и съ убытками и процентами намъ возвратить, а за разбойство и убийство ихъ всѣхъ въ острогъ посадить и въ каторгу сослать, а сына на сестрѣ моей повѣнчать и проч.»

— Что-жь тутъ смѣшнаго нашли ваше благородіе? обидчиво спросилъ Гороховъ, подиѣтя мою улыбку.

— Вы это сами писали?

— Писали съ люди тоже знающіе, а мы съ руку приложили—значить всё едино.

— Въ негодованіи видно писано: кровь говорила...

— Воистину такъ-съ.

— Ну и вышло ужъ больно рѣзко, много оскорбительныхъ словъ.

— Что же—рѣзко—коли все правда какъ есть.

— Очень вѣрю, да въ просьбахъ-то нельзя такъ писать; ну, у насъ сойдетъ, а шейте-ко въ дѣло, къ вамъ и прицѣнятся; вѣдь, какъ бы вы не говорили правду, безъ слѣдствія нельзя, а слѣдствіе разсмотреть судъ и рѣшить дѣло.

— Вотъ то-то и оно! отвѣтилъ вздохнувъ и потупя голову Гороховъ, судъ-да дѣло сабака ѣла! знаемъ-съ, пойдутъ волонтеры разныя, спросы да распросы—не то што дядя и мы-то конца не закусимъ; оно бы чище, кабы ихъ превосходительство призывали къ себѣ разбойниковъ, вытребовали грабленное, да отодрали на обѣ корки и концамъ конецъ. Пожалуй послѣ хоть отпустить, все единственно, пусть не жалются—люди тоже семейные.

— Такъ нельзя—надо по законамъ, по порядку.

— Порядокъ-то больно длиненъ.

— Что дѣлать-то; а все-таки какая правда есть, такая выйдетъ.

— Да я неправды-то и не прошу, дѣло чистое-съ, и благодарность тоже сдѣлать можемъ: это и по священному слѣдуетъ—да и намъ несумнительно.

— Ну это послѣ, расскажите мнѣ лучше о своемъ семействѣ, торговлѣ, о состояніи какое оно: нажитое или родовое?

— Родительское, значить, дѣдушка Федотъ Артемьичъ, дѣдущку тоже Федотомъ звали, оставилъ; видите-ли—два дома было двухъ-этажные, каменные, въ одномъ сами жили, а другой въ жильцахъ ходилъ; была земля луговая и огородная—десятины

200, почесь подь городомъ, важнѣющій сборъ былъ, еще по контракту рощи сводили—значить лѣснымъ дѣломъ занимались ну и запасецъ лежалъ.

— Что-жь послѣ, какъ дѣдъ, умеръ раздѣлились отцы?

— Зачѣмъ дѣлиться? на общій капиталъ торговали—какъ тутъ дѣлиться и нашто? тятенька лѣснымъ дѣломъ орудовалъ, а дядя по домамъ и хозяйству: скорѣе идетъ такъ.

— Гдѣ-жь вашъ отецъ?

— Представился—вставая отвѣчалъ Гороховъ и перекрестился—когда я во младенчествѣ былъ, безъ портокъ въ бабки игралъ, помню только много нищихъ одѣляли и они подрались.

По кресту, я увидалъ что онъ раскольникъ.

— Можеть вамъ неприятно, что я курю!

— Отчего? что я старовѣръ-то? ничево, мы привычны, во всякомъ народѣ живемъ.

— Такъ кто же послѣ смерти отца лѣсной торговлей управлялъ?

— А вотъ этотъ разбойникъ, христовопродавецъ, душегубецъ—Варюхинъ-то, онъ-то и есть.

— Почему жь вы не занялись сами, какъ выросли?

— Гм! вотъ тутъ капитель-то и началась; дяденька Павелъ Федоточъ, человекъ добрый, задумевный, а по коммерческой части ни рожна не зналъ; Варюхинъ свелъ его съ Сумшкиными, а тѣ и подбили съ ними въ какой-то подрядъ влѣзть, съ того и началось; маменька когда скончалась—онъ опять всталъ и перекрестился—дяденька меня и закабалили на выучку, въ Астрахань на рыбные промыслы; да и не пушали оттоли, а здѣсь его обрабатывали.

— Да вѣдь половина имѣнія послѣ отца вамъ слѣдовала по наслѣдству, опека должна была быть?

— Въ нашемъ быту не такъ (онъ тяжело вздохнулъ) дѣдъ тятенькѣ и дяденькѣ на словахъ передали все, а дома-то въ залогахъ ходили, такъ и до конца было, а сталъ отецъ умирать, при свидѣтеляхъ стороннихъ—все дѣдъ передалъ, и меня въ полную власть отдалъ, значить отчету—не проси у старшаго, вотъ оно што и выходитъ, все дяденькѣ, и меня отдали, значить при свидѣтеляхъ.

— Да все-таки дома и земля по купчей значились за двумя братьями, какъ же дядя одинъ могъ продать Сумшкинымъ?

— Значить, такъ подвели видно.

— Вотъ Федотъ Михайловичъ, кой до чего добились, купчая, кажется, незаконная, тогда можно уничтожить; ну дальше.

— А что дальше, какъ меня услали, Анисимъ совсѣмъ говорить заграбасталъ домъ, хозяйномъ сталъ, тѣфу ты совсѣмъ, дяденька въ дворники попалъ, а какъ дома отобрали на огородъ вербрался.

— Ну если дядя глупъ—чего-жь тѣтка смотрѣла?

— А что ей смотрѣть-то: они съ Варюхинымъ душа въ душу жили, ей бы только чай былъ, да тѣфу, сказать мерзостно.

— А сестра?

— Марфуша-то? молода, глупа! и онъ махнулъ рукой.

— Какъ же вы не узнали прежде, никто вамъ не написалъ?

— Кому писать-то? Варюхинъ писалъ, да облыжно все мошенникъ; признаться инѣ тамъ, житье было хорошее: я старшимъ прикащикомъ былъ, съ промысла пай ужъ имѣлъ, а осетровой промыслъ во какой!

— Что-жь скопилъ что?

— Скопилъ—какъ же, по усамъ текло, да въ ротъ не пошло; прикащикья жизнь веселая, а на рыбныхъ промыслахъ разгульная; гдѣ ужъ тутъ скопить, а я, вотъ, што въ расчетѣ держалъ, дѣло-то я тонко узналъ, у дяденьки думаю возьму капиталу да отъ себя торговать начну, не такъ токмо вышло. Пишу, пишу, отаѣту отъ дяди нѣтъ, и Варюхинъ не пишетъ; что за оказія думаю, знать на поштѣ письма пропадають; поѣхали наши съ икрой на почтовыхъ я и далъ писульку Матюхину прикащику, разузнай братъ.—

— Что-жь онъ...

— Раз-у-з-налъ! прѣвзжасть да на смѣшки меня и поднялъ: шь молодцы расхвастался Гороховъ, что у него дядя на золотѣ спитъ, въ палатахъ бѣлокаменныхъ живетъ, ужъ и палаты! вбушка на курьихъ ножкахъ, устлана рогожами, ковры шемазанскіе значить. Думаю что бы такос!—Нахвасталъ братъ, говорить Матюхинъ,—только и богатства у дяди что жена въ три обвата, ужъ вотъ ребята тѣтинька только свои колотить! Я его взялъ подъ руку, говорю, не глумись Матюхинъ—а дѣло говори то-то не ладно; онъ говоритъ: поѣзжай, самъ увидишь! Подумалъ, подумалъ какъ же это? куда-жь родительское благословеніе все подѣвалось; надо ѣхать, хозяйнишъ пушать не хотѣлъ: не стоять, говорить; какъ не стоять 500 т.; да коли дядя прокурдонилъ, такъ что же взять?—Ну, думаю нѣтъ, побывать надоть

такъ нельзя, ну и прѣѣхалъ, а лучше бы, пожалуй, не ѣздить!

— А что?

— Извольте видѣть прѣѣжаю-сь; на Астраханскомъ подворьи остановился, иду улицъ не узнаю, значить, долго не былъ, городъ перестроился, однако домъ свой узналъ, а на домѣ надпись: Смущкина; я къ дворнику спрашиваю, а куда Гороховъ съѣхалъ, Павелъ Федоточъ? а тебѣ на што?—Надоць стало, дѣло есть! Чай не стащили-ли на погость, жилъ у Миколы на горкаль, у Хлыщова, а то не знаю, проваливай! Прихожу къ Хлыщову, на огородѣ не то баня, не то кладушка; сидитъ у дверей въ старомъ ситцевомъ платьѣ дѣвушка блѣдная, рябоватая, глаза красные, сидитъ пригорюнясь, да платкомъ большимъ закрывается! Стряпуха што-ли думаю. Красавица говорю, можно Павла Федоточа повидать? Она вгъгнула на меня, встала, взвизгнула «братецъ» и убѣжала за уголь. Ну, в. вб.—душа перевернулася—это сестрица моя Марфуша, да чтожъ съ ней сталоць? за мужемъ штоль? не слыхали. Отворилъ дверь. Сидитъ тѣтушка, пуще расползлася, вся въ поту, красная, пиво дуетъ, узналъ се. Здравствуйте говорю, тѣтинька. Она выпучила глаза, какая я тебѣ тѣтинька, ты кто такой?—Не узнали Федота, видно измѣнился!—А, да, похожъ; не слыхать, зачѣмъ нечистая принесла? хотѣлось ей заушину отвѣсать, да удержался: тѣтка; гдѣ говорю, дядя.—Вонъ онъ чурбанъ проклятый, дрыхнетъ!... Подошелъ, полъ сердце подкатило, поджилки такъ затряслись, что такое Господи помилуй; бужу дядю, а онъ во всѣ глаза смотреть и только мычить; я и то и другое не узнаеть, не понимаетъ, хотѣлъ встать ноги волочутся, ротъ скривило! всплеснулъ я руками и выбѣжалъ на огородъ, право слово, самъ чуть не рехнулся! ужъ какъ мозги рѣзало, индо носомъ кровь пошла.

Онъ задумался и слезы навернулись на глазахъ, чашка дрожала въ его рукѣ, шляпа упала на полъ, я молчалъ.

— Такъ вотъ-сь встрѣча какая миѣ была радостная, въ таръ-тарары провалиться, все единственно; естество перевернулось, разбойники!

— Ну какія же вы подробности узнали?

— Не я, гдѣ намъ, мы люди темные; знахаря отыскали, онъ по судамъ ходилъ; разумѣется, заплатили, кого слѣдуетъ ула-готворяли.

— Что-жь узнали?

— Да что узнали, что на дома и на все бумаги есть дѣйствительныя; а дядя подѣ конкурсъ взять.

— Да онъ съ ума давно-ли сошелъ?

— Года два, должно быть, какъ въ тюрьму хотѣли засадить; съ нимъ родимецъ что-ли, или черная немочь приключилась.

— А въ магистратѣ его спрашивали?

— Ничего евтого не извѣстно, надо того спросить.

— Да кто вашъ стряпчій?

— Кто -жь его знаетъ, изъ подъячихъ, невзрачный такой, а дѣло знаетъ, собаку съѣлъ; Котиковъ, калужской секретарь что-ли зовется.

— Да это и въ просьбѣ есть; знаете, приведите его ко мнѣ завтра, я его лучше распрошу.

— Пойдетъ-ли, больно человѣкъ-то кабачный, забитой?

— Ничево, уговорите, только не напоите.

— Трезвый не годится, съ перепоею дуракъ дуракомъ.

— Ну опохмѣлитесь дайте, да въ мѣру! авось что-нибудь устроимъ.

— Ладно; такъ прощенья просимъ, и за доброе слово благодарны, такъ завтра?

— Завтра, въ это время.

Онъ ушолъ, оставивъ самое тяжелое впечатлѣніе.—Человѣка отъ богатства, ему принадлежавшаго, загнали за тридцать земель, въ тридцатое государство; бросили въ трудъ и нужду и дали ему возвратиться, когда?.. ужасно! а на это преступленіе и казни нѣтъ, преступленіе нравственное.

Что-то расскажетъ Котиковъ?

Въ назначенный часъ явился Гороховъ съ своимъ руководителемъ; Котиковъ внесъ съ собою такую атмосферу кислаго пива, что я поспѣшилъ закурить самую крѣпкую сигару. Его одуловатое, глянцовое лицо, какое-то странное сѣрое пальто, безъ пуговицъ, оборванные штаны, неуклюжіе лопнувшіе сапоги такъ и говорили: убить человѣкъ, погибъ человѣкъ; горе и нужда съѣли или самъ виновать?

— А, здравствуйте, мы кажется, знакомы?

— Точно такъ, в. в.—бл., отвѣчалъ онъ, остановясь у приотки.

— Ничево, что вы тамъ встали, садитесь; человѣкъ! чаю. гдѣ я васъ видалъ? не помню.

Котиковъ нерѣшительно подвинулся и оглядывалъ комнату, гдѣ бы сѣсть, чтобъ не замарать мебели; онъ чувствовалъ свое положеніе.

— Въ острогѣ, в. в—бл. Дозвольте благодарность излить в. в—бл. (и онъ утеръ слезы) изволили отъ Сибири спасти своимъ заступничествомъ; тогда въ городѣ завелись промышленники, открыли фабрику фальшивыхъ паспортовъ, а полиція не могла уловить—вотъ и разослали сыщиковъ, во что бы то ни стало, достать составителя; передъ начальствомъ надо оправдаться; тогда частный приставъ Слюнкинъ былъ, это, говорить, должно быть Котиковъ, уловить Котикова; а что Котиковъ? никогда такими пакостями не занимался, законы знаетъ; я тогда состоялъ на службѣ въ земскомъ судѣ, утро работаемъ, собьешь копѣйку, ну вечеромъ пропьешь въ трактирѣ, эка бѣда, человѣкъ одинокій, такая и жизнь, ни съ-зади, ни съ-переди. Разъ эдакъ сижу въ трактирѣ съ однимъ человѣкомъ, просьбу въ чуланчикѣ строчу на Слюнкина, подвернулся мелкимъ бѣсомъ ко мнѣ парень; началъ угощать, ну кто-жъ прочь отъ угощенья, слаба натура человѣческая; я хоть охмѣлѣлъ, а себя помню, онъ и сталъ упрашивать паспортъ написать, такимъ несчастнымъ прикинулся, да три цѣлковика выложилъ; три цѣлковика, шутка-ли, гдѣ ихъ добыть; я цѣлковики и опустилъ въ карманъ; тотъ мнѣ сей-часъ трехрублевой листъ подсунулъ, я и написалъ (онъ подмигнулъ) да что написалъ? я видѣлъ, что онъ безграмотной, а тутъ и полиція, и стряпчій, свидѣтели—взяли меня; я и говорю на другой день, что никому паспортовъ не давалъ, этимъ не занимаюсь и это вовсе не паспортъ и ни къ чему не служить, а что это ложной подвохъ Слюнкина изъ личностей, да и эту галиматью написалъ пьянъ будучи, нарочито напоили; этимъ и отвертѣлся, все свалилъ на полицію, подвелъ статьи, что полиція должна предупреждать преступленія, а не завлекать упившихся до безпамятства людей; однако изъ службы выгнали, ну пошолъ жить, съ копѣйки на копѣйку перебиваться хуже прежняго, справочку сдѣлаешь, настрочишь прошенъеце, тѣмъ и сытъ, что дѣлать-то: и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Вотъ теперь для Федота Михайло-ча стряпаю.

— Ну еще немного настряпалъ, можно-ли было такую кляузную просьбу написать; за эту стряпню, пожалуй, его засадили бы: только слова—ни одного доказательства, развѣ ругаться такъ можно?

— Такъ вы изволите находить, что просьба — тьфу? (онъ улыбнулся и помоталъ головой) не вамъ бы-съ говорить, не намъ бы слушать; въ такихъ дѣлахъ-съ говори, да не выска-
зывайся, то и хитро, какъ противникъ не знаетъ заблаговре-
менно, противъ чего защищаться; это, такъ сказать, военные
маневры, отводъ; начнется дѣло (онъ подмигнулъ) и явятся одно
за однимъ доказательства, свидѣтели; окружимъ враговъ, опута-
емъ, а врагъ поглядишь самъ съ горяча навретъ на себя! да-съ,
а враги сильные-съ, тонкіе-съ и съ ними тонить надо. Что вы
смотрите в. в-бл.? я со всею откровенностью.... планъ есть (онъ
уткнулъ палецъ въ лобъ), на то и просьба такъ написана;
извольте сами разсудить, подай его п-ву г-ну Г-у форменное про-
шеніе по пунктамъ съ объясненіемъ обстоятельствъ, они бы мо-
жетъ быть и читать не стали, длинно; передали бы въ губерн-
ское, а тамъ все и смахлевали бы; а вотъ какъ я нахваталъ съ
печа, оно въ носъ и бросилось! къ слѣдствію другое и третье
напишемъ, перо изъ рукъ у насъ не выпадетъ, дойдемъ

Онъ пріостановился. Дѣлецъ подумалъ я.

— Такъ вы уже собрали свѣденія, справки?

— Пособрали-съ; я нарочито будто стороной вездѣ въ архи-
ихъ копадся, т. е. на счетъ актовъ, есть не то што фальши-
ые, а противозаконные есть, похерить можно, а все прочее
нудрость не великое узнать, чуть-ли не весь городъ знаетъ,
въ голосъ говорить... ограбили, убили!

— Какъ же это никто не предупредилъ Федота? не нашлось
ни одного добраго человѣка?

— Какъ не нашлось, да кому охота въ чужія дѣла путаться;
мутайся, тебѣ скажутъ, какое дѣло, да послѣ притянуть са-
юго?

— Написать Федоту слѣдовало, открыть глаза.

— Да никто, чай, и адреса-то не зналъ... Жизнь-то Федота
Исайлова, такъ сказать, кочевая цыганская была; ну да что
губа таятъ и слава про него дурная шла, что дядя за непочте-
ніе изъ дому прогналъ.

Гороховъ вздыхалъ, ничего не возражалъ своему патрону; по-
глаживалъ только бороду, да поддакивалъ: да-съ, тэкъ-съ!

— Такъ съ чего же начать можно?

— А вотъ-съ, просьбица готова, извольте конкурсъ обриви-
зовать, бейте навѣрное, достаточно обретете пакостей и проти-
возаконій; у меня тамъ кураторомъ душепріятель Ладошкинъ,

кой-что сорвалось съ языка-съ; а тамъ какъ по ниточкѣ до-сконально до корня добраться можно, что нужно будетъ узнать или справочку—мы съ нашимъ удовольствіемъ сообщимъ подъ рукою.

Между тѣмъ я прочолъ просьбу; это уже была просьба—обдуманная, холодная, фактическая, но крючковатая, вездѣ лазѣйки къ изворотамъ, видно искусникъ, да еще какой сработалъ! зубы съѣлъ—на этомъ, видно.

— Хорошо-съ, мы вашимъ руководствомъ воспользуемся.

— Помните, мы люди маленькіе, единственно за правду хочется постоять, бѣднаго человѣка на ноги поставить, а то....

— Ну, къ чему излишняя скромность; такъ до свиданья, г. Котиковъ.

Я отпустилъ Котикова, и задержалъ Горохова.

— Федотъ, эта острая бритва, на сколько ты вѣришь этому человѣку?

Федотъ задумался.

— Кажись, изъ чего же ему надуть-то, хлопочеть, какъ слѣдуетъ.... не облыжно.

— Больно хитеръ онъ; запутаетъ тебя въ дѣло, да и продастъ, видишь все полуслова, намеки, не высказывается...

— Какъ же это быть-то? вѣдь онъ съ меня контрактъ взялъ, на гербовой.

— Какой?

— Другова стряпчева не брать, а что выхлопочеть, пятую часть ему, а убытки и протари наши.

— А, значить, обезпечилъ себя; ну это лучше, да выдержитъ-ли?

— Э! всѣ они такіе продажные, нельзя же-съ намъ безъ нихъ, люди мы темные, не смыслящіе по бумажной части, въ простотѣ проживали.

— А онъ что такое отпустилъ на счетъ дурной славы? значить, и за тобой были грѣшки, ну-ка, душу на ладонку, говори всю правду.

— Да что, дѣло плевое, глупость просто, ну ихъ совѣмъ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно для тебя же знать, какъ же не знавши защищать.

— Это о чемъ же?

— О молодости, какъ жилось, за что дядя услалъ.... не мнись, говори, былъ молодцу не укора.

— Да что говорить, всѣхъ обошли, облопошили, и я какъ есть, дуракъ! махнулъ онъ рукой и откланялся.

II.

Это была присказка, а вотъ и сказка.

Въ богоспасасемомъ городѣ Великокняжескѣ биржи нѣтъ, а есть трактиръ и перекрестокъ, есть и маклеры, да сидятъ они въ конторахъ почестъ безъ дѣла, а обороты что и на московской биржѣ.

На перекресткѣ всегда толпится народъ, а какого народу нѣтъ и бухарцы и армяне и нѣмцы бываютъ, сводчики снуютъ, ямщики стоятъ въ кучкахъ и упорно торгуются о перевозкѣ; первый вопросъ: куды кладъ и сколько? второй: на срокъ или безъ сроку? навалять, дадутъ рядчику накладную, у него возьмутъ паспортъ и товаръ будетъ доставлень, коли на срокъ такъ на срокъ, ну а коли безъ сроку, такъ пожалуй ямщики верстъ двѣсти крюку сдѣлають, домой заѣдутъ по дорогѣ, а товаръ все доставятъ, хоть бы и въ убытокъ вышло; вотъ и вся процедура.

Въ трактирѣ всѣ столы заняты купцами, словно ярмарка; въ два слова и на слово, крѣпче контрактовъ и векселей кончаютъ дѣла чуть не въ сотни тысячъ.

Половые едва успѣвають разносить чай, двумъ только и дѣла, что сахаръ колотъ, хлопають иногда пробки вдовы Кликко русскаго издѣлья, да рѣдко, развѣ русская натура у купеческихъ сынковъ расходится, такъ и то старики косятся и съ ними на сдѣлку не пойдуть; натура-то у нихъ и сильна, да ужъ слово-то не такъ крѣпко.

Въ уголку сидятъ и усиживаютъ десятый чайникъ воды на шесть паръ чаю, въ припуску или въ наглядку, должно быть, трое купцовъ руссаковъ, двое просто въ кафтанахъ на распашку, у красныхъ рубахъ ворота растегнуты, потомъ прошибло, а третій въ сюртукѣ, сапоги съ подборцомъ,—однако всѣ съ бородками.

— Такъ какъ же, говорить одинъ изъ кафтанниковъ другому, Михайлѣ Федоточу Горохову.

— Да такъ-сто, поставимъ.

— Нешто, да надо скинуть.

— Надо бы, прибавилъ сюртушникъ банщикъ Смушкинъ.

— Ты вотъ што, замѣтилъ ему Гороховъ, ты свое сдѣлалъ, свелъ, ну пятакъ твой, а тамъ молчи, значить не твое дѣло.

— Такъ всѣ три тысячи зимникомъ выставите?

— Какъ есть, сказалъ, конечно, мѣра двѣнадцать, пластинникъ осенній, ужъ ладно будетъ, не тревожься.

— А сбавить надоть, хозяинъ осерчаетъ.

— Серчай, пожалуй, а кто: наши или ваши власть будутъ?

— Наши.

— Нельзя! скидки не будетъ.

— Такъ-такъ?

— Такъ.

— Заручимся.

— Задаточку надо же; расчетъ по мѣрѣ привоза, а задатокъ самъ по себѣ.

Кафтанникъ молча отсчиталъ нѣсколько сотъ ассигнаціями; Гороховъ тщательно пересчиталъ, досталъ бумагу, завернулъ и положилъ въ карманъ шароваръ.

— Такъ по первопутьи?

— Ладно!

— Ладно!

Ударили по рукамъ, кафтанникъ всталъ, поклонился и ушелъ.

— Такъ какъ же, Михаилъ Федоточъ?

— А што?

— Наше-то дѣло, нельзя же, уступить надо.

— А вотъ што: съ тебя за зиму причитается недобору три тысячи пятьдесятъ шесть рублей, давай три и баста.

— Не рублевое дѣло, цѣны больно спустились.

— Такъ што-жъ уговоръ лучше денегъ, прибавятся, а мы не накинemъ, небось...

— Да теперь-то...

— А што теперь? сказано и плати! а придетъ время, на новомъ уговорѣ скинемъ тамъ, али накинemъ, больно въ владкѣ-то горазды... то-то и есть.

Рядомъ съ ними сидѣли еще три купца, одинъ кафтанникъ по виду родной братецъ Горохова, да по дѣлу нѣтъ; ведетъ рѣчь съ сюртушникомъ, да съ какимъ-то оборванцемъ не то лакеемъ, не то прогорѣвшимъ прикащикомъ.

— Ужъ нѣтъ, Павелъ Федоточъ, говоритъ оборванецъ, твой турмана противъ Михѣевскихъ шавель, не говори.

— А что у него одинъ хохлушка-то? и то дрянъ, ужь противъ моей серебряной пары не говори.

— Ну всякой свое хвалить.

— Нѣтъ, вотъ красногловой Петька у Павла Федотова такъ золото ужь боецъ, нече сказать, виѣшался третій.

— А што? каково ономясь офицерскаго обработалъ, глазъ выворотилъ, гребень расчесалъ, тотъ и сѣлъ, а мой Петька такъ и ходить гоголемъ.

— Ну а противъ Никашкина пасъ.

— Кто? красногловой-то? шутишь.

— Нѣтъ, у того аглицкой.

— А что-жь что аглицкой, не боюсь, спущу, завтра спущу.

— Ну и побьетъ, и осрамить.

— Какъ бы не такъ, шутишь.

— А что держишь?

— Сто рублей—держу! мало? вали больше.

— Ходить.

— Ходить, завтра; не сбреди же.

— Ей, Павелъ, крикнулъ Михайло, полно дурить-то, дѣло есть.

— А ты и дѣлай, коли есть, а меня не трожь.

— Ну, отвѣчалъ оборванецъ, заьемъ закладъ.

— Заьемъ.

— Малый, двѣ пары пива!

Михайло всталъ, отплюнулся и вздохнувъ пошолъ вонъ: провадетъ онъ безъ меня, прогорить на голубяхъ да пѣтухахъ, что твои рысаки, глядишь чего стоятъ разныя клѣтки, да вышки, всю крышу изуродовалъ; паръ сто кормить, экая глупость! Плюнулъ и пошелъ Михайло; Смушкинъ только улыбулся и тоже вышелъ, а Павелъ остался пиво дуть.

— Братъ де и безъ меня заработаетъ, а какъ душу не потѣшить, любо какъ пѣтухи дерутся, а въ турмана кувыркаются; это не то, что беззубаго медвѣдя—собаки тереть на травлѣ, завтра закричимъ наша взяла и сто рублей возьмемъ, а можетъ и больше, не въ убытокъ, да и слава хоть гроша стоятъ, ишь ты не потѣшься человекъ, затворникомъ живи? какъ же! и остался въ трахирѣ.

Видно дождь купеческой, ворота на запорѣ, да не то, что ворота и калитка; въ деревянной канурѣ у воротъ злая пѣнная

собака Жучка; цѣль раздѣлена такъ чтобъ входящихъ въ калитку собака только напугала лаемъ, а не укусила; на лѣвниво выдетъ дворникъ Филать и впуститъ, распросивъ: коге нужно да зачѣмъ? дворъ чисто подметенъ; поленица въ порядкѣ, у всѣхъ дверей и въ погребѣ, и кладовую, и конюшню тяжелые замки, переднее крыльцо тоже на запорѣ, кому нужно отогнуть а то пожалуйте по черной лѣстницѣ; отъ стѣн чистая некрашенная лѣстница ведетъ въ покои хозяина, а внизу живутъ дворники, рабочіе, прикащики; у нихъ и приспѣшная особая, и стряпуха особая; вверху нѣтъ залъ и гостинныхъ; люди простые, на что имъ парадъ; у нихъ комфортъ по ихъ понятіямъ; первая комната, не лакейская а для шубъ и для обтирки сапоговъ объ дюжую дерюгу или веревочной коверъ, а то и просто рогожку, а сей-часъ и половина старшаго брата Михайлы. Въ большой комнатѣ для отдыха двуспальная кровать съ грудой пуховиковъ и подушекъ задернута пестрымъ ситцевымъ пологомъ на мѣдныхъ колечкахъ; для молитвы лучшей передній уголъ; богатая до потолка кіота наполнена иконами, совершенно темными, но въ блестящихъ ризахъ съ множествомъ лампадокъ и подсвѣчниковъ, впереди налой съ древними книгами, на стѣнкахъ висятъ четвероугольные подколесники и четки; для гостей есть тяжелый крашенный диванъ, жестко обтянутый кожей, такіе же стулья и четырехугольный столъ, вотъ и вся мебель; да, главное забылъ, двѣ, три бѣлыя скамьи—не всякой на стуль сядетъ—и лежанка есть.

Вонъ еще что: на стѣнахъ, кромѣ разныхъ писанныхъ молитвъ въ рамкахъ насленныя картины; въ серединѣ какая-то аллегорія; сердце пронзенное страстями и пороками съ надписями; а по бокамъ два, три облика почтенныхъ старцевъ съ бѣлыми длинными бородами и руками на груди.

А ужъ чистота, порядокъ любо смотрѣть; право какое-то душевное спокойствіе царствуетъ въ самой комнатѣ; а тутъ все и житейское: и шкафъ съ посудой, и ложечками, и шеты, и на одной стѣнѣ пачки бироковъ съ разными мѣтками: это коммерческія книги полумилліонаго торговца; другихъ и въ заводѣ нѣтъ человѣкъ безграмотной.

Похоже да не совсѣмъ такъ у младшаго братца: необъятная половина его Макарьевна зиму владѣтъ лежанкой, а лѣто проводитъ на ледникѣ, порядка и опрятства нѣтъ, да какъ и быть: тутъ и голуби, и пѣтухи въ клеткахъ, да и самъ хозяинъ-то

словно неумытый ; жидвія комнаты кромѣ приспѣшной больше кладовыя, только для ребятшекъ одну оставили.

Не прошло и году какъ все перевернулось вверхъ дномъ въ этотъ домъ.

Сильно распотѣвъ Михайло Федоточъ не въ мѣру хвятилъ кляску съ ледкомъ, да на ледникъ спустился; къ вечеру дыханье захватило, такъ на сквозозъ словно стрѣлами колить, съ ледника перетасили его на пуховики, и жажда такая, изо рту кашъ изъ вѣчки, онъ то и дѣло какъ на каменку холоднымъ квасомъ подливаетъ.

Къ ночи сильно метаться сталъ, мозги стало жечь, заговариваться сталъ.

— Братъ! дѣтей, попа... умираю.

Варухинъ хотѣлъ сбѣгать за лекаремъ; Михайло услыхалъ: ворота на запоръ, не пущать, противъ воли Божіей не пойду... шить, вить! а самъ глаза такъ и таращить. Привели дѣтей—бабы заголосили.

— Малы, малы... рано Богъ по душу посылаетъ, рано!... онъ потребовалъ изъ середины кивота родительскою икону и благословилъ дѣтей

— Духовника, сусѣдей-стариковъ Клушина, Парникова... еще кого тамъ найдете... ой, больно!... скорѣе, скорѣе.

Всѣ разбѣжались, онъ задыхался.

— Федотка! малъ ты, глупъ ты, обучать надо, грамоте учишь, нельзя ноне безъ нее, вотъ теперъ умру, кто по биркамъ моимъ-то разберетъ; а я не могу, мозги палить... словно колсные угли въ груди... ой!... (и онъ начиналъ заговариваться) Это кто въ окно-то смотритъ... филинъ ночной... да... нѣтъ, воды, воды... О! о! Господи. . прости меня грѣшнаго!

Сбѣжались сосѣди, съ зваными пришли, втѣснились до дверей и незваные, поглядѣтъ, какъ челоуѣка предсмертные муки корчатъ.

Пришолъ съ дарами и священникъ.

Михайлѣ Федоточу, какъ будто легче стало, онъ выщиталъ свое достоянье, показалъ бирки брату и Варюхину, по биркамъ расчеты сдѣлалъ, Варюхинъ грамотный былъ и записалъ; активъ доходилъ въ капиталахъ и имуществѣ до 500 тысячъ ассигнаціями.

Работа утомила больного, жаръ разгорался въ груди, Федо-

тотъ метался: воды, льду, квасу, требовалъ—скорѣе, скорѣе... конецъ близко, спалило все нутро.

Ноги холодѣть начали.

— Батюшка, отецъ духовникъ, почтенные сусѣды, слушайте, родные!... воля моя непремѣнная: дѣти малы, бабы глупы, все, чѣмъ родитель благословилъ, что самъ приобрѣлъ, вотъ што выщитали, отдаю, когда Богъ по душу пошлетъ... брату единокровному, Павлу Федоточу! ты пѣтуховъ, да голубятники-то брось, братъ, дѣломъ займись! дѣтей тебѣ оставляю, помни: сироты будутъ, не обижай, а воли не давай, не балуй чтобъ изъ-подъ твоей власти не выходили! фу, духъ перехватываетъ, пить! — Павелъ. одинъ ты останешься, сердешный; отецъ, голова въ домѣ, трудно: что это, оконницы завѣсили, что-ли? темно стало!... Варюхинъ! не вижу, гдѣ ты?

— Здѣсь, хозяйнѣ!

— Ты, Варюхинъ, бойся Бога, не покидай брата, не обижай, грѣха на душу не бери, на томъ свѣтѣ помолюсь, а быть тебѣ съ сегодня во всѣхъ барышахъ въ десятой долѣ и десять тысячъ, теверича...

— Буду служить, какъ тебѣ, хозяйнѣ!

— Смотри же!... подростутъ дѣти, Марушѣ въ приданое 100 тысячъ выдѣлить, а остальное, умереть Павелъ, Федоту передасть, а Федоту отчету не требовать, въ покорности пребывать... отецъ Василій здѣсь?

— Здѣсь передъ тобою, съ святыми дарами.

— Спасибо, возьми 5 тысячъ на церковную богадѣльню; не забудьте родные немущую братью одѣлать... а то што...

— А намъ-то што? спросила плаксиво жена.

— А васъ, Павелъ кормить будетъ, одѣвать будетъ, не раздѣльно жить надо... что это шумъ какой, градъ што-ли?

— Ничего нѣтъ, отвѣчалъ священникъ: — пора Михайло Федоточъ... не опоздай.

— Пора!... душно, скорѣе, къ горлу подступаетъ... прощайте, добрые люди, простите, коли кого обидѣлъ, согрѣшилъ противъ кого, охъ!... грѣшенъ, много грѣшенъ человекъ... какъ-то предстану.

— Очистишься покаяньемъ. Михайло Федоточъ!

И всѣ кланялись передъ смертнымъ одромъ въ землю, лобзали благословляющую руку.

— Завѣщанье-бы на бумагѣ написать, прошепталъ Варюхинъ.

— Когда теперь... не все-ли равно, отвѣчалъ Павелъ.

— Скорѣе, скорѣе, твердилъ слабо умирающій.

И въ торжественной тишинѣ тихо разлилось молитвословіе.

— Готовъ-ли? спросилъ духовникъ.

Всѣ вышли, тихо было въ сосѣдней комнатѣ.

Черезъ нѣсколько времени вышелъ священникъ и благословляя присутствующихъ объявилъ, что Михайло Федоточъ очистился копаньемъ, приобщился св. таинъ и отошолъ въ міръ вѣчный.

Раздались рыданья, заговорили въ голосъ; у воротъ ужъ толпилась нищія братія, а гробовщикъ готовился торговаться за воставку послѣдняго жилища.

У дому похаживали полицейскіе.

На другой день хозяинъ въ той же комнатѣ лежалъ на столѣ въ долбленомъ дубовомъ гробу, столъ стоялъ на-косъ, тецъ однозвучно начитывалъ псалтыри, двѣ толстыя купчихи сидя на лежанкѣ вздорили о чемъ-то, обдергивая свои черныя кленкоровыя платья; у воротъ Варюхинъ одѣлалъ нищюю братью. Хозяинъ еще тутъ, а домъ какъ будто опустѣлъ, Федотка безсознательно глазѣлъ на все это, заголосить бабы и онъ заголосить, слезами заливаеця; должно быть такъ надо... а бѣды его постигшей и не понимаетъ.

Черезъ два года почти тоже повторилась въ этой комнатѣ, только не было завѣщанья разсчиталась съ жизнью мать Федота, остался онъ, съ осмыслѣнной сестренкой круглой сиротой.

Послѣ сорочинъ эту половину завялъ Варюхинъ. Въ комнатѣ ничего не тронулъ, все такъ и оставилъ, только вмѣсто бирокъ завелъ книги и писанные счета, оно было не лучше бирокъ, въ нихъ никто не добрался бы толку опричь его; это было ему съ руки, всѣми дѣлами заправлялъ; Павлуха жилъ на голубятнѣ да еще рысаковъ завелъ, а на рысакѣхъ каталась какая-то барыня въ шляпкѣ съ перьями и турецкихъ шаляхъ.

Павлухамъ, такіе прикащики съ руки, барствуи знаи, да транжирь деньги, а дѣла будто сами идутъ; только и работы, что клади деньги въ сундукъ, да вынимай; оно вынимать чаще приходилось и въ сундукѣ дно стало просвѣчивать, да и большихъ дѣловъ набралось, на сплавной рѣкѣ большущій лѣсъ сводили! А дѣла значить хороши, остановки въ платежахъ нѣтъ и век-

седей надо ходить; правда что у Смушкина занялъ Павелъ Федотчъ тысячъ 25, да это на разсчетъ артелямъ не хватило; Смушкинъ богатъ и не поминаетъ, все едино въ ломбардѣ сгнютъ.

Однако шли дѣла, да шло и время; незамѣтно подросталъ Федотъ, надо было въ ученье отдать; сталъ Федотъ въ школу ходить, да плохо давалась ему грамота; ово и точно: веселѣе было въ чехарду или въ свайку играть, а еще забавше на нулачной бой выйдти, то-то любо, какъ стѣна на стѣну поидеть; хоть рыло въ кровь, да наша взяла.

А время шло, да шло; хоть уму разуму не набрался Федотъ, а выросъ-таки; началъ понимать, что деньги-деньги. Началъ противъ дяди идти; что-жь, говорить, ты мнѣ дядя денегъ не даешь, вѣдь у тебя деньги-то отцовскія?

Нашолся же такой человекъ, натолковалъ ему вѣрно такую чепуху.

— Врешь ты, пострѣль, отецъ мнѣ все отдалъ, передъ смертью при свидѣтеляхъ отдавалъ, а мать и возьму да тренну тебя задамъ.

— Ну, не суйся—самъ поднесу, судомъ отыщу наследствіе.

Наумился Павелъ, прогналъ Федотку; узналъ объ этомъ Ворушинъ.

— А что, говорить, Павелъ Федотчъ, дѣло не совсѣмъ ладно, пожалуй, голова за Федотку вступится; отчету потребуетъ.

— У кого? у меня отчету, какова отчету? въ мой-то собственности отчету? ахъ ты хватилъ, сердечный... одурѣлъ знать.

— Ну я-ли полно одурѣлъ, капиталъ-то общій былъ, на бумагѣ ничего нѣтъ, скажете пожалуй, давай половину.

— Недоростокъ-то, малолѣтний-то? ну тебя совсѣмъ, не тревожь.

— Да что не тревожь, — тебѣ говорить дѣло, опосла не воротнишь, вѣдь парню-то, чай, лѣтъ 17 есть?

— Ну такъ што-жь?

— Да што, его къ себѣ приучаетъ Котиковъ, жинеша, изъ суда? ошь такія каверзы подведетъ, что у тебя отниметъ, да и Федотку опосла оберетъ.

— Да какъ же такъ, а отецъ завѣщалъ?

— Да такъ: слова не бумага!

— Что-жь тутъ дѣлать-то?

— Что знаете, а не ладно, мое дѣло сторома?

Проганулось канителью еще нѣсколько времени. Павелъ жилъ вопрежнему, беззаботно. Въ ихъ городѣ голова страшный человекъ былъ: Ермилъ Петровичъ Незваной, за сиротъ любилъ заступиться, а дѣла Павла Федоточа для него не тайна была, какъ купцу, въ одномъ городкѣ, да не знать всей подноготной, узналъ онъ, что дѣла Павла Федоточа больно плоховаты становятся, пожалуй сироты по-миру пойдутъ; оно кабы дѣла хорошо шли, что впутываться, Павелъ бездѣтенъ, Федотъ наследникъ, а то, пожалуй, перейдетъ все къ Емилькамъ, да Варюшнымъ; такой рѣдкій человекъ былъ выбранъ въ головы! благородной души былъ!

Позвалъ онъ къ себѣ Павла Федоточа, будто въ гости, да и другихъ купцовъ пригласилъ и дѣло объяснилъ имъ, что за сиротъ заступиться надо; на ту пору Федоточъ попался послѣ попойки, похмѣляться не успѣлъ, а не послушаться нельзя, голова трепуется. Пошелъ Федоточъ къ головѣ.

— Вотъ, говорить голова: — садись-ка Павелъ Федоточъ, покаянать объ дѣлѣ надо.

— Какое-жь такое дѣло?

— Ты вѣдь въ Бога вѣруешь и совѣсть знаешь?

— Какъ не знать, не нехристь какой!

— А какъ же ты чужое добро транжиришь?

— Какое же чужое?

— Да вѣдь кто другой, а мы-то знаемъ! дѣдушка Федотъ Васильичъ, на васъ двухъ сыновъ достояніе оставилъ; ты-то дѣломъ не занялся, а работалъ братецъ твой Михаилъ Федоточъ, дай ему Богъ царствіе небесное, хорошій былъ человекъ, настоящій купецъ; у него дѣти остались, а коли торговля была на общій капиталъ, такъ все съ дѣтymi тебѣ пополамъ надо.

— Оно, тово оно... братъ-то мнѣ отдалъ по завѣщанью, при свидѣтеляхъ, въ полную волю отдалъ.

— Можетъ статья; а все дома, и прочее другое, что по смерти покойника осталось, надо тово, въ извѣстность привести и половицу въ опеку взять, опекуна опредѣлить.

— Ну свто дудки, Ермилъ Петровичъ! кому какое дѣло въ домашнее дѣло путаться.

— Да я тебѣ теперь-то по домашнему говорю Федоточъ, а не послушаешься, такъ формально поведу, ты племянниковъ отдѣля... слышь?

И разговоръ долго длился; у Федоточа такъ трещала съ по-

хмѣля голова, что онъ хорошенько ни понимать, ни отвѣчать не могъ; гости подсмѣивались.

— Господинъ Гороховъ, заключилъ голова: — грѣшно сиротъ обижать, на разныхъ Емилекъ деньги бросать, чужія деньги, сиротскія значить, ты тово опомнись, а то и самъ-то пожалуй куда угодишь; ты разнымъ Варюхинымъ-то не больно вѣрь: они тебя во какъ обираютъ, изъ твоего кармана въ свой перекадыкаютъ, смотри въ оба! сказано: упрежденіе имѣешь, ну и смотри! а я за сиротъ постою! Прощай! заруби хоть на носу!

— Что-жь это воснѣ или на яву напасть такая, бѣлены что-ли голова объѣлся; ишь накинудись, какъ же быть-то? оно точно наглушилъ я не много, да! шельма Емилька, больно округтла... денегъ много ушло, да все ужъ не столько... чай удоблетворить можно... Федотка то и въ самомъ дѣлѣ поднялся, я и не замѣтилъ, тѣфу ты пропасть!—знаю я голову-то! что сказалъ сдѣласть, загубягъ, оберутъ какъ есть, страму не оберешься.. пойти съ Варюхинымъ покалякать, надоть счеты въ концы свести... не въ конецъ же я раззорился, что они въ самомъ дѣлѣ, начальство што-ли какое. Такъ думалъ Федотъ и пошелъ къ двери, голова такъ и трещить, хоть бы водицы испить, и пуще мысли загоношили въ головѣ, такъ и ломаются вонъ, да путаница такая, не разберешь, и какіе-то черти пляшутъ хоровадь и черти крючками цѣпляютъ, на голову раскаленные рублевики сыпятся и встаетъ въ углу оставъ, зоветъ братомъ, грозитъ анаемой, комната начинаетъ вертѣться, до чортиковъ допидся Федоточъ!

Прибѣжалъ онъ домой какъ шальной, дорогой будошникъ было погнался за шмъ, калашники кричали: глядять-ко безумной бѣжить. Прибѣжалъ домой, перебудилъ всѣхъ; жучка, была, подбѣжала, онъ ее подъ рыло такъ сапогомъ ткнулъ, что та перевернулась и оглядываясь въ недоумѣнья ушла въ конуру; въ комнатахъ хватилъ стаканъ водки, ткнулъ кулакомъ въ бокъ свою супругу, та отгрызлась, ругаться начала, а онъ схватилъ ухватъ да и началъ ее мачалить.

По городу разошлось: Гороховъ съ перепоею съ ума сбрендилъ.

Однако какъ натѣшился, поуспирѣлъ;—сорвалъ злость, да и воды Макарьевнѣ самъ подаль, а потомъ сталъ требовать Варюхина.

Варюхинъ отыскался только къ вечеру; цѣлый день Федоточъ

рылся въ его бумагахъ, ничего не понялъ и растянулся на диванѣ.

— Варюхинъ, разбойникъ, закричалъ Гороховъ, когда тотъ всталъ вечеромъ, ты что со мной подѣлалъ?

— Что такое съ вами приключилось?

— Деньги гдѣ, гдѣ деньги, сундукъ-то пустой, говори зарѣзалъ, безъ ножа зарѣзалъ.

— Да что вы черезъ край хватили што-ли? что вы къ горлу то лѣзите; какія деньги? чай у васъ деньги, ключи-то у васъ, а не у меня.

— Да нѣтъ, ты толкомъ говори, гдѣ деньги, послѣ брата двѣсти тысячъ лежало... а теперь—фууу-пусто; гдѣ они?

— Вамъ лучше знать, я почему знаю... въ дѣлахъ чай...

— Не финти! мошенникъ, обманщикъ, въ дѣлахъ, въ какихъ это... давай 250 т., требуютъ, засудятъ, заѣдятъ...

— Вотъ оно куда поѣхало, такъ бы и говорили толкомъ... да они-то тутъ при чемъ?

— Не знаешь—молчи—уходятъ, сила великая, мірская сила.

— Что же, дѣла-то?

— Да злодѣи, не мучай, скажи, что у насъ есть-то, отчетъ отдай?

— Какой отчетъ... я вамъ всегда сдавалъ.

— Нѣтъ, ты орудовалъ всѣмъ, ты повѣренный былъ, ты торговалъ.

— Да что-жь что я? ужъ хладнокровно отвѣчалъ Варюхинъ, по вашему приказу, не по бумагамъ, не на отчетѣ торговалъ, такъ какой же отчетъ, контракты и все такое вы сами дѣлали, а я только на посылкахъ почестъ былъ.

— Зарѣзалъ.... охъ.... убилъ.... полицію позову, въ острогъ посажу.

— За что это? не боимся, наше дѣло чистое.... а коли вы такія рѣчи повели, такъ наше вамъ почтеніе, пожалуйста рас-считать.

— Што, што ты, окаянный! да чтожь я буду безъ тебя дѣлать-то; ошалѣлъ ты, што-ли?

— А мнѣ-то што за напасть съ вами валапдаться; признаться, я давно собирался, да все не приходилось.... бывало говоришь, не троньте, деньги нужны, а вы ихъ на вѣтеръ, ужъ я давно видѣлъ... это къ добру не поведетъ,

— Что-жь ты молчалъ-то, да ты бы мнѣ бока отвалилъ.... науку задашь.

— Что вы брешите.... свать что-ли какой.... пожадуйте-ка, разочтентесь.

— Постой, не души, ты мнѣ по правдѣ скажи, что у меня есть-то.

— Что? 5 пѣтуховъ, парь полтораста голубей, четверка рысаковъ, да за печкой груда прусаковъ.

— Ха, ха, ха—што выдумалъ! не зубоскаль, дѣло говори.

— А вы сперва разочтите, тогда и скажу.

— Такъ ты не шутишь? братъ! Варюхинъ, другъ! не покинь, пропаду...

— Чѣмъ я-то причинень... да ужъ нѣтъ, Шавель Федотычъ, поработали на васъ, благодарствуемъ за всѣ милости, мы ужъ рѣшились, дѣло хорошее выходитъ, ужъ разочтите.

Въ это время вбѣжала, пыхтя, Макарьевна, и бросилась какъ вѣдьма къ Варюхину съ проклятіями и упреками, слова такъ и сыпались; прислушался Шавель, понялъ что-то такое неловкое, схватилъ стулъ, да и пустилъ въ нее.

Какъ не бился съ Варюхинымъ, упорно стоялъ тотъ; передалъ ему счеты, вывели ожидаемые барыши отъ дѣла, оказалось активу около 200 т., только! да пришлось Варюхину по расчетамъ въ 20 т. документъ дать; хорошо что еще согласился, а то хотѣлъ къ суду притянуть.

Повѣсилъ голову Шавель и про Емилку забылъ, только пилъ попрежнему, а голова все напираетъ, грозить прошеніе подаютъ.

Повѣхалъ Гороховъ на совѣтъ къ Смушнику, тотъ выслушалъ все, подумалъ, ничево не сказалъ, обѣщался завтра пріѣхать.

Точно пріѣхалъ и не одинъ, привезъ законника изъ суда Ладошкина, тотъ тоже сперва спрашивалъ всѣ подробности и какія тамъ бумаги есть, и все прочее, а потомъ спросилъ:

— Что будетъ за выручку?

Сторговались, сто рублей задатокъ дали.

— Это, говоритъ Ладошкинъ, за совѣтъ, а за работу опосля: вотъ что, завѣщанія словесной памяти силы не имѣютъ, да имѣть силу голова, только вотъ что надо: во-первыхъ, удалить насмянника, т. е. орудія лишить.

— Какъ его отынешь-то, не выдадутъ.

— Ну, какихъ лѣтъ малой-то?

— Десятнадцать што-ли, право не знаю.

— Несовершеннолѣтній! ничего... только подалыше надо, а тутъ обработаемъ, чай жизнь-то ему такая опротивѣла?

— Да онъ другой-то и не знаетъ.

— Такъ узнаетъ, тѣмъ лучше! подмигивая и улыбаясь отвѣтъ стряпчій.

Планъ Ладошкина исполнился; Федота познакомили съ Емилкой; Емилка много хохотала надъ шцемъ, но такъ ловко ювели дѣло, что черезъ двѣ недѣли парня узнать нельзя было, откуда что взялось, оно сильно припахивало гостиннодворцемъ, а почестъ ничего отъ жизни прежней не осталось, развѣ только робость маленькая, а ужъ въ школу его калачемъ не заманишь.

Вдохнувъ свободно и хотѣвъ жизнь перемѣнить Федоточъ, дѣлами заняться, да ничего больше не придумалъ, какъ присоединиться къ Смушкинымъ, тотъ ему своихъ прикащиковъ далъ, а чтобъ Федотка не мѣшалъ ему, было внушено Федоткѣ, что у него ничего нѣтъ, что все дядино, а какъ дядя бездѣтень, то онъ наследникомъ будетъ, богатъ будетъ; только долженъ онъ уму разуму научиться, по свѣту поталкаться, жизнь узнать и для этого ѣхать съ знакомымъ мѣщаниномъ Сапляковымъ въ Астрахань на рыбные промыслы. Федотъ былъ, что твой грудной ребенокъ, простота сердечная; дали ему 1000 рублей, обѣщали туда присылать, онъ согласился и поѣхалъ.

Да и что его могло удерживать? что могло его привязывать? онъ ласки ни отъ кого не видывалъ.

Когда онъ уѣхалъ, вустали слухъ, что онъ противъ дяди буйство учинилъ, въ дебошъ пустился и долги сталъ дѣлать, такъ и послали на усмирение—пусть нужду узнаетъ.

Такъ устроилось дѣло и никто сору изъ избы не вынесъ, ни нити да крыто. Началъ онекать Смушкинъ Павла Федоточъ, да такъ тонко, что ему и не въ доверъ и дѣла его будто поправляться стали. Явился и Варюхинъ ужъ подрядчикомъ, въ кущы переписался, гильдію внесъ.

Емилку Гороховъ бросилъ, только пить не бросилъ, втянулся очень и все бы хорошо, да дома покою не было отъ Маргаревны, поѣдомъ вѣтъ, да начала Марфушу научать, что-де всѣ выше, что онъ обворовалъ васъ, сироть, и честнаго человека Варюхина обидѣлъ; Марфа ужъ подросла, развѣрнулась, сарфа, простая дѣвка была, а не глухая; что же это братаецъ-то молчать, а я што могу? развѣ съ Варюхинымъ посоветоваться и

посоветовалась; да только бѣду на себя накликала, объ ней было и забыли, а тутъ вспомнили.

Какъ-то разъ собралось семейство Смушкиныхъ, Семень Федорычъ и спрашиваетъ:

— Да что-жь это ты, Павелъ Федотычъ, отъ насъ свою красавицу-то спрячешь—не годъ, не два съ тобой знакомы, а и не выдывали, что за племянница такая?

— Она непривычна у меня, не балуемъ, въ черномъ тѣлѣ держимъ.

— Да все же не слѣдуетъ прятать, чай ужъ невѣста.

— Пожалуй, покажемъ, денегъ не возьмемъ.

Потребовали Марфушу, та испугалась и въ амбаръ убѣжала; она видѣла, что съ Смушкинымъ пріѣхалъ какой-то важный господинъ, жилетка бѣлая, бакенбарды, такая толстая золотая цѣпочка и палка съ золотой головкой, да еще молодой человекъ, такой красавчикъ, сюртучекъ въ перетяжку, высокой, такой хорошенькій.

Однако дядя шутить не любилъ; коли не придешь, за косу вытащу!

Одѣлась Марфа въ свое лучшее платье, розовое ситцевое, съ глухимъ воротомъ, зачесала волосы въ двѣ косы вокругъ головы, красненькій платочекъ на шею повязала и вышла, за-краснѣвшись, съ подносомъ и чашками. Всѣ обступили ее, начали расхваливать и бранить дядю, что онъ ее такъ держитъ, что это безбожно, что она не этого достойна, а дѣвка стояла, какъ къ землѣ приросла, думая: ишь черти обступили, хоть бы провалились! что имъ отъ меня надо; какъ отпустили, она опрометью убѣжала.

— Такъ это-то племянница; ну братъ, Павелъ Федотычъ, не думалъ я такъ о тебѣ дурно, грѣшишь, скаредничаешь, чтобъ такая красавица-дѣвка жениха не нашла, за что-жь ты вѣкъ-то ея заѣдаешь; развязывай кошель, одѣть ее надо, да людямъ показать.

— Эхъ, не водится это у насъ, къ чему это, такъ лучше.

— Врешь, братъ, не скаредничай, не позволимъ.

— А вы вотъ што, Семень Федорычъ, увезите ее къ Анютѣ, да тамъ и одѣнемъ, а денежки взыщемъ, подалъ мысль господинъ съ цѣпочкой.

— Ну что она за пара Аннѣ Семеновнѣ, та у васъ образцованная, барышня какъ есть.

— Такая же купеческая дочка, а развѣ вашу нельзя образовать?

— Ну, поздновато... она и грамотѣ не знаетъ.

— Эко поздно, можно и въ пансіонѣ отдать.

— Экъ што выдумали, въ пансіонѣ такую талпѣгу осмѣютъ, развѣ дома мамзель подрядить.

— Ишь подъѣзжаетъ, не Емильку-ли? нѣтъ, ты къ намъ отпусти сперва-на-перва.

— Не уломаешь ее-то!

— Позвольте мнѣ съ Марфой Михайловной поговорить-съ? спросилъ молодой человѣкъ, сынъ Семена Федорыча, чиновникъ изъ гимназистовъ.

— Да не найдете, убѣжить!

— Ну, ужъ это наше дѣло, самоувѣренно отвѣчалъ молодой человѣкъ.

И онъ пошолъ ее отыскивать; когда старики собрались ѣхать, они нашли ихъ на дворѣ; Марфуша очень смѣло разговаривала съ ними и, закусывая кончикъ платочка, посмѣивалась, да изко-са поглядывала на милашку.

Не прошло года, Марфуша скинула прежнюю оболочку и изъ куколки вылетѣла бабочка, конечно пестренькая, неуклюжая, а прехорошенькая, такъ что Федоръ Семеновичъ не на шутку сталъ за нею ухаживать.

Подруга ея, Анюта, часто ѣздила къ ней съ братомъ и она гостила у нихъ по недѣлямъ и въ театры и въ собранья ѣздила съ ними; домъ опустѣлъ, Макарьевна со скуки лошадей полюбила, все на конюшнѣ пребывала.

Федотычу все опротивѣло какъ-то, и дѣла опротивѣли, и всѣ быльи опротивѣли, и жена, правда, жена давно опротивѣла, только жеребцы да пѣтухи еще тѣшили, да пиво не опротивѣло. Опустился, постарѣлъ Федотычъ, а время шло себѣ, не обращая вниманія на всѣхъ Гороховыхъ въ свѣтѣ.

Перешло и это время, опостылили и кривые пѣтухи съ храними рысаками, разлетѣлись по бѣлу свѣту голуби.

Теплится въ уголкѣ и трещить лампада, сидитъ за столомъ, въ рубашкѣ на распашку, Павелъ Федотычъ, одной рукой подперъ бороду, другой барабанить по столу, али кидаетъ костями на счетахъ, скинетъ все, хватить изъ жбана домашней браги, да и опять со вздохомъ начнетъ барабанить; а на лежанкѣ си-

дять Марьяевна, шой-канъ соединила на брюхѣ ручкии, да вертѣть палець около пальца, красная такая, не узнаешь, кто кого грѣсть: лежанка ее, или она лежанку, да хоть бы молчала, а то перебираетъ всю жизнь по шиточкѣ, да шобдомъ ѣсть мужа, по правдѣ и было за что.

— Олухъ паря небеснаго, вохлякъ эдакой; уродился пень шмочъ, на людей не похожъ; шмякъ на тебѣ верхомъ ѣздить; нече брэнчатъ чертовщину-то, коли пробрэнчался: до чего дошли: изъ послѣдняго дома гонять, шей суму, собираться пойдешь, охъ, охъ, охъ, Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшную!... Она зѣвнула съ каиниъ-то мяунаемиъ, такъ что Павелъ кинулъ на нее глазами, и перекрестила ротъ.

— Што чортъ озираться-то; когда ты своей башкой жить-то будешь; голубятникъ проклятой, изувѣръ, развратникъ, то те Богъ-то по грѣхамъ и караетъ! по-дѣломъ тебѣ, хоть бы омололъ, окаянный, плакать бы не стала.

Павелъ не обращалъ вниманія и рассуждалъ въ слухъ, перекидывая на счетахъ:

— Такъ, именно такъ, съ этого дѣла слѣдуетъ выручки быть на два полу 13 тысячъ, а Семень Федорычъ началъ на меня 8, какъ же это такъ?... а у него вѣрно выходило! Онъ почесалъ затылокъ и началъ снова считать.

— Ободралъ тебя, какъ липку, Семень то, твой Федорычъ, да святотъ, проклятый фертъ безбородой, Чупахинъ-то твой золотой, много остатось? вывороти кошель-то — связался съ собашниками бритыми... тьфу!... всѣхъ-то ты заѣлъ, въ грязь затопилъ, кровныхъ-то затопилъ; меня до мозгу измучилъ, мозги высохли.

Павелъ поглядѣлъ на нее и ухмыльнулся.

— Не правда што-ль, съ печки не сойти помираю, помру такъ на зло тебѣ помру.

— Ну помирай коли больно хочется!

— Тебѣ-бы хотѣлось, такъ нѣтъ же на зло буду жить; ты нехристь проклятый, кабы о племянникѣ-то вспомнилъ, гдѣ онъ сердешный теперъ мається, вѣтъ твоя кровь-то, да тебѣ што верколей всѣ какъ псы, ты охъ не молвишь, вишь деревяшка нетесаная, племяннику на поруганье отдалъ и въ усь не дуешь, стражникъ!

— А что охать-то? вотъ возьметъ ее за сына, Семень Федорычъ и будетъ Марфуша барыня, завидни знать берутъ!

— Тьфу, стану пакости такой завидовать, страмоты набира-
тся, ты гляди, не видишь штоль? дѣвка стыдъ потеряла, все
кружѣ, на любуйся; подколозница этакая, ужъ и въ правду
не барышня-ли? вотъ принесетъ тебѣ внучка и радуйся; а то
шиш, Федоръ Семеновъ женится, — хотѣла захохотать, но за-
моллась и замашлялась.

Павель перемѣнилъ положеніе: правой рукой подверъ бороду,
а лѣвой сталъ барабанить, въ жбанѣ было пусто.

— Говорилъ братецъ Михайло, дай Богъ ему царствіе небес-
ное держись Варюхина, подержался какъ-же, а Варюхинъ бы въ
сѣню взомелъ, я бы съ Марфой ихъ свела.

— Ну ты, убирайся въ чорту съ своимъ Варюхинымъ, не
забѣзъ что-ли онъ въ семью? ужъ ты не говори ниѣ. слышь?
кто всѣ деньги-то усидѣлъ какъ не твой Варюхинъ.

— А ты что не считала, умный человекъ значить, видать
на дурака напала.

— Дуракъ! да ты что лаяться вздумала, какъ возму вечергу
такъ...

— Только и уя въ тебѣ что драться! весь поганой; граби-
тель, раззорилъ, всѣхъ по міру пустилъ.

Павель крѣпко стукнулъ по столу.

— Мавра! крикнулъ онъ такъ, что стекла отозвались; взом-
ла Мавра, обтирая мокрыя руки салнымъ передникомъ.

— Пава!

— Да гдѣ-жь его взять-то; все Павель Федотычъ пиво-то
выпилъ.

Павель вынулъ изъ бумажника синенькую. Возьми кроновска-
го двѣ пары.

— Полно те лопать-то, прорва эдакая, хоть бы ниѣ далъ ду-
шеньку отвести.

— Три пары возьми.

Мавра ушла, а Павель крѣпко задумался и совѣтъ Макарь-
еву пересталъ слушать; въ его не глупой, но легкомысленной
головѣ переливалось жгучимъ потокомъ прошедшее, видѣлъ онъ
ясно какъ его надувалъ Варюхинъ и онъ поддался ему, а все
лѣнь проклятая, изъ чего себя мучить работой, на то прикащики
на свѣтѣ есть, а самъ катая валяй! Какимъ-то фейерверкомъ про-
мелькнули дни и годы. на рысакахъ въ бархатныхъ ласкахъ Е-
чишки; морозомъ по кожѣ прошли допросы и угрозы головы,
а Павель выпустилъ изъ груди широкую струю воздуха,

какъ будто сей-часъ вырвался отъ него; а потомъ, потомъ? мелькнулъ въ немъ порывъ за дѣло взяться, не то чтобъ умѣнья не было, да отвычка дѣло великое, попытался—не въ ногу; пусть другіе дѣлаютъ а мы барствовать будемъ, а другіе што? чужихъ денегъ не жаль, своя рубашка къ тѣлу ближе, промахнулся, обмшурился! нече сказать, хоть бабій волосъ дологъ и умъ коротокъ, все-таки Макарьевна правду говорить: оно что съ возу упало то пропало, да теперь баста, вотъ какъ примусь за дѣло, покажемъ себя; врите, Павла Горохова на кривой не объѣдешь!

Макарьевна сползла съ печи такъ что полъ крикнулъ, а Федотычъ залпомъ хватилъ бутылку кроновскаго и сталъ счеты и цыфры выводить.

Когда Макарьевна поужинавши воротилась, свѣчка нагорѣла и оплыла, а Федотычъ крѣпко спалъ на диванѣ; помолилась она передъ образами, ругнула его порядкомъ: ишь дрыхнетъ песь, гдѣ тебѣ ужъ дѣло дѣлать: пропиалъ послѣдній знать умъ-то, хуже ты бабы послѣдней, то-ли дѣло Онисимушка! и она, поставя стулъ, влезла на кровать и утонула въ пуховикахъ.

Дня три или четыре сильно захопоталъ Павелъ, повелъ такіе расчеты съ Смущкиными, что тѣ глаза выпучили, откуда прыть взялась такая, опѣлъ и Марфушу п домой увезъ и собирался Федоту написать, чтобъ тотъ пріѣхалъ, да не успѣлъ, больно усталъ; съ Смущкинымъ вышелъ только раздоръ, почестъ поругались, а Макарьевна свое напѣвала: возьми Варюхина, — вырчать.

Съѣздивъ Павелъ Федотычъ и въ лѣсную дачу, тамъ распекъ прикащиковъ и самодовольно воротился домой, скинулъ кафтанъ и вѣрно въ награду себѣ послалъ за кроновскимъ.

Только вмѣсто кроновскаго явился красный воротникъ хожаго съ сѣрою бумажкою въ рукѣ.

— Здравія желаемъ, Павелъ Федотычъ.

— А! Поспѣловъ, здорово землякъ, что плошки што-ли ставить, аль улицу мостить? Филату дворнику скажи.

— Никакъ-нѣтъ, Максимъ Гаврилычъ кланяться приказали, просятъ въ часть пожаловать, очень-де нужно.

— Что такое тамъ понадобилось шибко!

— Не можемъ знать, приказано подиску взять.

— Такъ придетъ.

— Не велико дѣло и подписать, все единственно, а мнѣ нельзя же, человѣкъ служилой, взыщутъ.

— Ну, давай что тамъ такое? явлюсь, и онъ подмахнулъ: Павелъ Гороховъ, и выкинулъ хожалому полтинникъ.

— Благодаримъ покорно, отвѣчалъ хожалый, а самъ поминался и оглядывался.

— Аи что сказать надо?

Хожалый посмотрѣлъ на полтинникъ и улыбнулся.

— Да дѣло не хорошее выходитъ, частный съ письмоводителемъ шептались, да наше ухо привычное полицейское, онъ улыбнулся.

— Голова что-ли опять?

— Какой тамъ голова, не въ головѣ дѣло.

— Да ты садись, пивка выпьемъ.

— Почему-жь и не выпить! и снявъ киверъ усѣлся. Ну, Павелъ Федотычъ придется и частному поклониться, а то скрутятъ.

Павелъ поблѣднѣлъ

— Да ты толкомъ говори что нишасть.

— Да вотъ што выходитъ: письмоводитель вызвалъ въ сѣни, говорить, поди-ка повѣсти Горохова, а то пропалъ человѣкъ.

— Что за напасть такая? кажись я на праздникъ отнесъ.

— Все не туда гнете господинъ купецъ, а не хотите какъ хотите, ваша воля! и онъ всталъ.

— Постой, куда ты? окаянный. Да не мучь, злодѣй, развязывай языкъ.

— Что у васъ добра-то дома много? то есть денегъ, серебра, али вконѣ и одѣжи всякой?

— А тебѣ што?

— Да нынѣ ночью припрятоть бы нужно.

— Это изъ какой болѣсти? а у самого морозъ прошолъ по снѣгъ.

— Ги! стало, такъ нужно, коли упреждаютъ.

— Хоть убей—не смѣкаю.

— Эхъ, эхъ, эхъ, а еще купецъ; банкротствовать задумалъ, а какъ дѣло обдѣлать—не знаешь.

— Какъ? что? спросилъ, одеревенѣвъ, Павелъ.

— Да то, коли завтра не выложишь по векселю, такъ въ магистратъ, а изъ магистрата извѣстно куда, въ тюрьму, мы вѣдь знаемъ, денегъ-то у вашей милости нѣтъ.

Павелъ сперва позеленѣлъ, а потомъ зардѣлъ.

— Чей же это вексель?

— Видно такъ, — мы знать не можемъ, только завтра печати на все наложить, такъ письмоводитель упредить велѣтъ; затѣмъ прощенья просимъ.

— Голубчикъ! постой, договори!

— Да я больше не знаю ни рожна, что-жь говорить-то?

— Нельзя-ли письмоводителя повидать?

— Ни, ни, не велѣтъ! частный слышать ничего не хочетъ.

— Такъ какъ же это? хоть бы въ погребокъ...

— Развѣ въ погребокъ; ступайте, попрошу, да вы тово... понимаете...

По подпискѣ онъ не явился въ часть, а сновалъ по всему городу, у всѣхъ друзей денегъ не оказалось, всѣ жалѣли, а денегъ не дали; только и вышло изъ этого, что пошелъ говорить, что Гороховъ лопается, однако эту дыру онъ кое-какъ заткнулъ, выдалъ двойной вексель заднимъ числомъ, на имя одного изъ своихъ; только этихъ прорѣхъ стало много, то и дѣло, что маклера повѣщали о протестахъ; бросился онъ къ Смушкину; уѣхалъ въ Москву, а зять прислалъ къ нему Ладошкина.

— Здравствуйте, добрыйшій Павелъ Федотычъ, какъ ваше драгоценное здоровье?

— Съ почтеніемъ-съ, милости просимъ, пожалуйста, соблаговолите, вотъ тутъ, присядьте.

— Сядемъ, сядемъ, а эдакъ можно бы рейнвейнцу.

— Отчего-жь, можно, очень рады, вотъ сей-часъ прикажемъ.

— Да сыру пармезанцу, хорошо бы.

— Ну, что дѣляшки? спросилъ Ладошкинъ, когда Гороховъ вернулся.

— Что дѣляшки, хорошаго мало! вздохнувши, отвѣчалъ Гороховъ.

— То-то и есть, слышали, шила въ мѣшкѣ не утаишь, зачѣмъ было съ Семеномъ Федорычемъ вздорить, человекъ на-стоящій, всегда бы выручилъ, а то вотъ и пошло.

— Да больно накладно съ нимъ счоты вести, все въ убытокъ.

— Шу, это неправда; вольно же самому роспускать прикащиковъ; Семень-то Федорычъ постарше, а вездѣ самъ, да самъ, человекъ — дѣло!

— Што ужъ говорить, а вотъ кабы другъ былъ, такъ бы

выручить, далъ бы оборотиться, безъ наличнаго ничего не подѣлать, вотъ всё расчёты и получки въ октябрѣ, а платежи подвѣдали; надоть будетъ поклониться ему съ зяткомъ, у того капиталы всегда есть.

— Да что въ торговомъ дѣлѣ кланяться, торгъ — торгъ и есть, деньги развѣ не товаръ, пожалуй, посредствуемъ.

— Какъ же это торгъ деньгами-то, чѣмъ же за нихъ заплатить? векселемъ, пожалуй, можемъ.

— Ну кто теперь на вексель вамъ дастъ; всё кричатъ: Павелъ Федотычъ не плательщикъ.

— Ужъ и кричатъ?!

— Особенно прежніе друзья-радѣтели; въ конкурсѣ, говорятъ, его: тамъ разберуть, куда братнано дѣлъ, въ острогъ въ Сибирь; чего добраго, и заунтають; съумѣлъ же ты со всёми перессориться.

— Ну, я всему причиной, на бѣднаго Макара шишки валятся.

— А то кто-жь, не я-ли? Я бы вамъ вотъ что посовѣтовалъ! Фу, какъ пить хочется, поставь-ка еще.

— Шампанея, што-ли?

— Что твоя шампанея, просто кизлярки, пуштику лучше, жажду залить.

— Такъ что-жь ты бы мнѣ посовѣтовалъ?

— Тебѣ сколько теперь нужно-то?

— 50 надо бы. Рѣвинская дача выручить, примусь за нее.

— Ой, ой, ой, многолько! развѣ этотъ домъ, да луговую дачу запродашь!

— Ишь ты, 80 стоитъ...

— Да сколько долгу-то всего?

— Про евто мы знаемъ; за нами больше своего наберется, чѣмъ долговъ-то; Рѣвинская заставка еще не тронута, а денегъ вывалено; Уськовский лѣсъ весь оплаченъ, а половинны не сведено, такъ 50 тѣфу намъ.

— Тѣфу, а въ сундукъ вѣтеръ свищетъ, рабочіе бунтуютъ.

— Ну, на перехватку и надо 50.

— Дай залоги, достанемъ; за залоги нѣзъ 15 достанемъ!

— 15! Это вѣдь не портки въ закладъ дають—обѣщали намъ, извернемся.

— Ну, слава Богу, поздравляемъ!—Вотъ только слышалъ я: Смушкины хотять съ тобой дѣла прекратить, потребовать расчёта, да Варюханъ бухиууль въ магистратъ.

— Што ты? не слыхали што-то?

— Такъ услышишь, да поздно; съ Варюхинымъ-то сладить; ты ему передай, что придется изъ Рѣпинской, а съ Смушкинымъ худо будетъ, больно озлобился Семенъ Федорычъ, подрѣжетъ въ конецъ, всё дѣла остановитъ, ходокъ.

— Онъ-ли, полно, не г-нъ ли Ладошкинъ!

— Я што? мнѣ кто деньги дастъ, просьбу и напишу, тѣмъ живемъ.

— Такъ какже?

— Да такъ-то! надо пардонъ просить у Семена, совѣтъ божескій, дружескій даю.

— Ну, ужъ нѣтъ, такъ въ руки не отдамъ.

— Нѣтъ, такъ нѣтъ—твое дѣло:

Посидѣли еще, усидѣли два штофника кызлярки съ чаемъ и, ни на чемъ не покончивъ, разошлись большими друзьями, облобызались.

Пустой, кажется, разговоръ былъ, а не пустое вышло.

Изъ магистрата прибѣжалъ писаришко съ вѣстями больно не-радостными, все правду сказалъ Ладошкинъ.

Дѣлать нечего, пошелся Гороховъ къ Ладошкину, согласился на все, ну и уладилъ Ладошкинъ: кой-какіе векселя скупилъ, кой-какіе переписали, тысячь десять на руки пришлось, а на луга выдана купчая, домъ отданъ подъ залогъ, пол-Рѣпинской роши отмахнулъ Варюхинъ; поправился Гороховъ изъ кулька въ рогожку, защеголялъ въ трипкиномъ кафтанѣ, однако къ лѣту самъ въ Уськовскій лѣсъ переселился; Марфуша опять пріютилась у Смушкиныхъ, только не прежннее обхожденіе съ нею, командуетъ ею Анята, а подругой не зоветъ, старые обноски дарить; только Макарьевна одна словно приросла къ лежанкѣ, да завелась котомъ, надо же что-нибудь дѣлать! домъ опустѣлъ, запертыя комнаты пауки, да мыши одолѣли, не къ добру и воронъ по утрамъ на крышѣ каркаетъ, тоска возьметъ и на дворъ взойти, заросъ крапивою и лапушникомъ, запустѣнье просто. — Да и на душѣ-то Павла Федотыча не то, что пустота, а что-то даже могильное; раздумается — видать, выходу нѣтъ, опутали его кругомъ, точно Христа-ради кусокъ бросили, а около и на намъ все чужое! пуще пьеть Федотычъ, пуще мракъ ложится на душу, тревожно бьетъ кровь; скоро, скоро, думаетъ онъ, настанетъ срокъ платежей по векселямъ, расчетовъ по сдѣ-

какъ; каркнетъ одинъ воронъ, почуя добычу, слетятся, закружатся вороны надъ трупомъ, спустятся оспаривать другъ у друга лакомые кусочки, и запыруеть кровожадная стая.

Зацѣтался бѣдный Павелъ Гороховъ, куда ни обернется, вездѣ враги, не къ кому преклонить горемычной головушки, кредиторы налегають всей тягостью правъ своихъ, душатъ закономъ и частный не въ силахъ защитить, домашніе пронизываютъ упреками, какъ змѣи; прикащики, домочадцы тащатъ, захватываютъ, что подъ руки попало, а тамъ раздается ѣдкій хохотъ Смущкиныхъ.

Ходить Павелъ по жарко натопленной комнатѣ, въ голову точно горячаго свинцу налили, вышелъ на морозъ освѣжиться—еще хуже, поднялся на лѣстницу, грудь расперло, вдругъ почувдилось ему затрещали стѣны и потолокъ посыпался, закружились передъ глазами золотыя и красныя искры, и онъ рухнулъ на полъ—его хватилъ кондрашка!

—

Побѣжала Марфуша повѣстить объ этомъ Смущкиныхъ и Варюхина, дворникъ сдѣлавъ свое дѣло заявилъ въ часть, прискакалъ городской лекаръ, заглянулъ квартальный: ничево говорить лекаръ, апоплексія, оживетъ и велѣлъ бросить кровь и все прочее сдѣлать.

Заѣхали Смущкины, пошептались и уѣхали.

Побывалъ Варюхинъ, совѣтывалъ получше доктора взять, да же самъ привезъ своего благопріятеля изъ больницы, куда онъ дрова поставлялъ.

Варюхинъ можетъ и больше бы позаботился, да дѣла отзывали его, надобно было уѣхать.

Еще врачѣе, еще унылѣе стало жилище Гороховыхъ, только и слышны упреки да перебранки, да стоны больнаго; какъ ужъ тутъ торговымъ дѣламъ идти!

Поправился не много Павелъ, ходить сталъ, докторъ велѣлъ прокатываться, Смущкинъ предложилъ свою коляску и самъ прѣзжалъ за нимъ.

А какъ поправился Федотычъ? силы то воротились да умъ не вернулся што-ли, дуракъ дуракомъ, бормочетъ и не поймешь што!

Увидеть Макарьевну, наровитъ чѣмъ ни папало хватить, особенно послѣ того какъ велѣлъ Марфушѣ сундуки отворить и нашель ихъ почти пустыми, за то подманитъ къ себѣ Марфу-

шу обниметь ее, бормочетъ чтото а слезы такъ и навертываются.

А вотъ стукнулъ и роковой часъ, кончилися сроки векселямъ, отсрочкамъ, сдѣлкамъ — стали они слѣтаться со всѣхъ сторонъ, требуютъ денегъ, Гороховъ головой матасть да мычить, за него пишутъ отзывы.

Прѣѣхала коляска Смушкина, повезли къ допросу несостоятельнаго должника Горохова, а полиція нагрянула съ сургучемъ, печатами и добросовѣстными, описывать все да опечатывать! все форменно, все по закону.

III.

КОНКУРСЪ.

Мѣсяца черезъ три или четыре — объявлено было: присяжной попечитель Куропаткинъ приглашаетъ наличныхъ кредиторовъ несостоятельнаго должника, бывшего 1 гильдіи купца, а нынѣ мѣщанина Павла Федотова Горохова для выбора изъ среды себя предсѣдателя конкурса и кураторовъ, при чемъ предъявлены будутъ исковые документы и описи имущества должника, въ домѣ его Горохова, 17 марта въ 3 часа по полудни

Собрались кредиторы въ той самой комнатѣ гдѣ когда-то висѣли бирки Михаила Федотовича; какъ-то церемонно раскланивались другъ другу, точно пріатели передъ поединкомъ: отводили другъ друга въ сторону, шептались.

— У васъ великъ-съ Пафнутій Карпычъ?

— 7700, со вздохомъ отвѣчаетъ дровяникъ, а вы въ какомъ Матвѣй Андрейчъ?

— Ужъ и не говорите, обкралъ мошенникъ, самого обанкротилъ.

— У кого больше всѣхъ? спрашиваетъ третій.

— Разумѣется у Смушкина, да Чупахина.

— Пстойте, вонъ списокъ читають!

Прочли: долговъ, неисполненныхъ условій, неустоекъ больше пол-милліона, а претензій и то спорныхъ, да наличнаго имущества по оцѣнкѣ на 24 т. съ рублями и копѣйками; хоть оцѣнка не указъ, а повѣсили носъ кредиторы, особенно настоящіе; засадили они кровныя денежки.

Приступили къ выборамъ.

Отъ предсѣдательства всѣ отказывались; наперли на одного

очень добросовѣстнаго чайнаго торговца—тотъ и руками и ногами; отплеваться сталъ, не погубите говорить, своимъ дѣломъ ворочать не успѣваешь, отлучаюсь часто, бесполезенъ буду, лучше отъ денегъ откажусь.

Пристали къ старику очень разумному.

И дѣтки. говоритъ старичекъ, куды мнѣ вляузы разводить, вышь тутъ какія плетушки заплетены, контракты да неустойки! гдѣ мнѣ, старъ я.

А другіе говорятъ—я де членомъ въ думѣ, или магистратѣ не приходится или: и такъ двѣ сиротскія опеки одолѣли,

Оставался одинъ Смушкинъ—всѣ ему съ поклономъ въ поясъ.

Тебѣ приходится Семень Федорычъ, тебѣ его и дѣла-то и люди болѣе знакомы, по одной части, значить торговали, да и денегъ твоихъ больше.

Сталъ отпѣкиваться Семень Федоровичъ и недугами, и старостью, и незнаніемъ подъяческихъ порядковъ—а какъ больно пристали такъ и сказалъ:

— Нѣтъ ужъ чего не умѣю за то не возьмусь, а вотъ развѣ моего Федора вамъ дать, мы ему векселекъ передадимъ.

Такъ и порѣшили, выбрали единогласно Федора Смушкина.

Кто-то заикнулся о мировой сдѣлкѣ, загорланили, куды тебѣ, лучше все пропадай, да его доѣдимъ.

Ну, а кураторами кого?

Да ужъ надо дѣльца, а-то кто-жь канцелярскіе порядки будутъ вести, законы подводить?

— Лadoшкина, г. Лadoшкина, слышалось нѣсколько головъ, у него есть заемное письмо.

И то дѣло, подтвердить Смушкинъ, человекъ настоящій, таково и надо.

Вышелъ Лadoшкинъ, откланялся, поблагодарилъ за честь, только оговорился,—говоритъ:

— Время мало имѣю-сь, почтенные господа; въ судѣ дѣлами задвленъ, по уши заваленъ—развѣ писца нанять, такъ изъ какихъ доходовъ?

— Ну на этомъ не стоимъ, на писца дадимъ.

Согласился Лadoшкинъ; другого куратора пустили на голоса—не выбрали; выбрали на скорую руку бывшаго прикащика Чувашина, мясника безграмотнаго, надоѣло выбирать надо было кончать.

Конкурсъ былъ составленъ, многіе вздыхали и почесывались

или покачивали головами, а подписали протоколъ засѣданья, не читая; присяжный взялъ росписки въ сдачѣ дѣла и документовъ. Смушкинъ нѣкоторыхъ пригласилъ къ себѣ пунштику выпить — тѣмъ общее собранье кредиторовъ и кончилось, только многіе и не были, поздно вызовъ получили, а отсутствующіе всегда согласны съ наличными.

Въ первомъ засѣданіи конкурса былъ рѣшонъ вопросъ, сколько ассигновать на наемъ квартиры, съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и сторожемъ.

Рѣшили 1200 руб. ас.

Зашолъ споръ — гдѣ нанять?

Кураторъ мясникъ выпустилъ-было, что чѣмъ деньги тратить, лучше въ домѣ Горохова — и не радъ былъ, что сунулся съ мнѣніемъ, такъ и пакнулись на него, а Смушкинъ говоритъ: этотъ домъ ужь не Горохова, а нашъ по закладной.

Уговорили Смушкина помѣстить у себя въ квартирѣ; согласился, бѣдный, и условіе подписалъ за 1200 р.

Во второмъ засѣданіи, черезъ двѣ недѣли, разрѣшили вопросъ о канцелярскихъ расходахъ и предоставили ихъ въ распоряженіе Ладощкина, а мяснику назначили лѣсную засѣку принять по описи.

Потомъ мѣсяць засѣданій не было; ужь Ладощкинъ заготовлялъ журналы одинъ; послѣ подписывали, а Смушкинъ-старикъ ликвидировалъ неконченныя дѣла — очень выгодно, только для кого?

А живѣ-ли Гороховъ, есть-ли на что лекарства взять али похоронить, да есть-ли кусокъ хлѣба у жены и племянницы? имъ что за дѣло — ихъ цѣль достигнута, а тамъ хоть трава не рости.

А въ самомъ дѣлѣ заглянемъ къ Горохову!

Комната та же, и постель оставили, только иконы въ ризахъ выбрали, да на все печати наложили.

Макарѣвна, на своей лежанкѣ, гладить Ваську-кота, жирный шельма — мышей много, подъ пару хозяйкѣ.

Мавра еще неумытнѣе, у печки пустой возится, и рветъ и мечетъ, а отойти не хочетъ — грѣхъ, люди въ бѣдѣ.

Самъ Павелъ Федотычъ лежитъ, какъ пласть, на диванѣ; лицо покривило, языкъ не слушается, да и мысли не складываются, какъ-будто умъ отшибло, все смѣяться порывается.

— Чайку, невнятно прохрипѣлъ онъ, вставая съ дивана и безсознательно подходя къ окошку, мм, промычалъ Федотъ.

Вскочила со скамейки Марфуша; какъ же она перемѣнилась,

одѣта въ черномъ, щеки осунулись, глаза выплаканы; она ужь не говоритъ своимъ, что ее Смушкины со страпомъ выгнали, опозорили, надсмѣялся Семень, а какъ она полюбила его.

Бросилась Марфуша, вздула самоварчикъ, а чаю и нѣтъ ни щепотки; накинула платочекъ, побѣжала, выпросила у лавочника золотничокъ, начала поить дядю, а у самой такъ слезы и капають.

— Ишь, за мертвецомъ ухаживаетъ, а нѣтъ чтобъ теткѣ душу отвести, али пивка спроворить; неблагоприятная животина, ворчала на лежанкѣ Макарьевна.

— Да вѣдь ему не много надо, останется.

— Ишь, тѣткѣ объѣдки, да опивки... слышь, страшица, модница, чепешница.

Марфуша послѣшила передать ей чай, а самой тоже очень хотѣлось чайку; пошла въ кухню, напилась водицы.

Прежде всѣхъ вспомнилъ о нихъ Варюхинъ. Павелъ не узналъ его, когда онъ пришолъ; затуманился и Варюхинъ.

— Да нешто вы ничего не припрятали? какъ же это?

— Да што жъ съ нимъ, *дурнемъ* подѣлаешь; все не давалъ, говорить, справимся, ничего не будетъ, и есть *ничего* нѣтъ; съ голоду умираемъ! и Макарьевна заплакала.

Пошолъ Варюхинъ къ Маврѣ, да ее разспросилъ.

— Ужъ ей, печкѣ толстой вѣръ, мало она перетаскала къ своимъ старухамъ-то; слышь, какъ налимонится бывало хозяинъ, она и обшарить карманы; своими глазами видѣла; а ты спроси, гдѣ серебро-то, что въ шкапу было, да иконы съ жемчугами — все потаскала, рухляди цѣлый сундукъ свезла, а съ погребя-то што поди осталось, смотри ей въ зубы-то; вотъ сердешная Марфуша, ту ужь больно обижаютъ; нѣтъ у нея ничего, только платишки да шляпки; были супирчики, цѣпочки — все ужь заложила, да распродала, дидѣ на лекарства, о себѣ не помнитъ; вотъ ужь христіанская душа, а вѣдь она... тяжела.

— Гм, вздохнувъ отвѣчалъ Варюхинъ, жаль, не воротить; ты не говори, а тебѣ жалованье буду я платить, не оставь несчастныхъ, да приди уже въ лавочку къ Ивану Петрову, какъ къ вечерни ударятъ, да не говорить — чуешь?

— Ладно, мнѣ што говорить-то.

Конкурсное дѣло, какъ не рѣдко случается, шло черезъ-пень-голоду; однако назначили день продажи съ аукциона движимо-

сти, жеребцовъ и всего прочаго; состоялось опредѣленіе продать съ публичнаго торга и Уськовскую дачу съ нарубленнымъ лѣсомъ.

Стучить молотокъ присяжнаго въ квартирѣ Горохова, разглядываютъ, хаютъ каждую вещь покупателя, торгуютъ, наддаютъ, а все полѣны не больше, и то барышники, кому старое нужно; да еще вмѣстѣ съ тележкой пускаютъ въ продажу старые чугуны, или съ дровами фарфоровыя чашки; это перекупщикамъ и съ руки; три удара молотка заканчиваютъ споръ и купленное уносятъ; продали и двуспальную кровать, на которой помѣщалась одна Макарьевна, и диванъ служившій ложемъ полутрупу банкрота; да его купилъ Варюхинъ и не дешево далъ.

Смушкинъ по закладной введенъ во временное владѣніе домомъ и сдалъ его въ наймы подъ постоялый дворъ; надо выѣзжать Гороховымъ, съ чѣмъ и куда? съемщику что за дѣло, въ контрактѣ нѣтъ обязательства исполнять долгъ челоуѣколюбія; полиція должна квартиру очистить!

Повернулось сердце у бѣдной Марфуши, когда узнала объ этомъ; побѣжала къ Смушкинымъ—тѣ ее и на дворъ не пустили, а ее третій день самое все ломаетъ: жаръ такой, не отопьется; притащилась домой, да и повалилась на лавку въ бреду, безъ памяти.

Докторъ, зайдя къ старику, осмотрѣлъ ее и хладнокровно рѣшилъ, что у нея оспа.

Дня черезъ два рано утромъ на ломовомъ извозникѣ везли двухъ-больныхъ, а на другомъ, посреди разнаго домашняго хлама, сидѣла съ котомъ Макарьевна. Извозникъ kota далъ понюхать лошади, чтобъ легче везти было; Мавра шла подлѣ съ самоваромъ водъ мышкой и образомъ въ рукахъ.

Это Гороховы переселились на задворки, гдѣ ихъ нашелъ Федотъ по приѣздѣ изъ Астрахани.

И то Варюхинъ помогъ; онъ обругалъ ирѣво Смушкиныхъ; вслѣдствіе этого ругательства въ конкурсномъ правленіи послѣдовало опредѣленіе: несостоятельному должнику Горохову и его семейству выдавать, впродъ до опредѣленія несостоятельности, изъ кредиторской суммы по 25 р. въ мѣсяць!

IV.

Не ждали.

Когда я подалъ начальнику губерніи докладную записку съ надписью *секретно* о собранныхъ мною свѣдѣніяхъ по просьбѣ

Федота—его превосходительство пришло въ бѣшенство отъ негодованія; онъ ужь давно грызъ зубы, на всѣ конкурсы; все увертывались, поймать не удавалось; не приходилось такъ близъ 9 ю, осязательно, взглядѣться въ это болото, *идь адамы—не сть числа*, какъ онъ выразился.

Онъ пригласилъ прокурора; прокуроръ былъ, молодой человекъ—новый человекъ, изъ министерства, видѣвшій все издали, привыкшій облупленные яички кушать.

А я прокуроръ, прочтя записку, тоже пришло въ негодованье.

— Ну что, батюшка, каковы дѣла? а мы спимъ!

— Это ужасно—да правда-ли? фактовъ нѣтъ....

— Какихъ еще фактовъ, вотъ онъ приклонность ихъ слѣдствіемъ, будутъ факты, да я не затѣмъ васъ просилъ, а вотъ вообще какъ бы этимъ, какъ ихъ, кураторамъ што-ли, хвостъ прижать?

— Кажется жалобъ и протестовъ нѣтъ, а если есть такъ гдѣ ихъ разсматривать должны магистратъ и губернское правленіе.

— Что мнѣ жалобы! подадутъ листа три и читать не станешь, пожалуй и прочтешь да толку не доберешься, отошлешь въ правленіе, правленіе въ магистратъ, магистратъ въ конкурсъ, а тотъ напишетъ всякую белоберду и правы, изъ воды сухи вышли, вотъ-те и жалобы—всѣ, сударь мой, бумагомаранье, крѣпководство! суду предать, вотъ что надо.... слѣдствіе.

— Хорошо, бы было, ваше превосходительство, обревизовать дѣйствія всѣхъ конкурсовъ, вклеилъ я, чтобъ остановить потокъ рѣш.

— Это было бы хорошо и въ порядкѣ, прибавилъ прокуроръ.

— Однако на нихъ есть аппеляція.

— Большая часть этихъ дѣлъ кончается безъ аппеляціи, мировыми сдѣлками, добавилъ я.

— Вотъ она штука-то, вотъ и зло-то; измучаютъ кредиторовъ, сунуть въ носъ копѣйку за рубль, — тѣ и рады, только отвязаться—а не аппеляціи подавать; вотъ и мировая сдѣлка—а прокураторы карманы набили; на площадь ихъ надо, вото-что надо! Вы пожалуйста сдѣлайте по законамъ предложенье-какъ по формѣ какъ надо, а подтянуть необходимо; (г-ть началъ готовить сигару) оно надо.... то есть.... дѣйствія, т. е. распоряженія.... тамъ расходы.... Вонъ вы обревизуйте это дѣло, слѣдствіе произведите, въ полицію — вы доканайте ихъ

разбойниковъ, прошу васъ! напишите предписанье какъ тамъ нужно.

Я впрочемъ вполне раздѣлялъ основную мысль г-а, что пора заглянуть въ бездну пресудрости конкурсныхъ судилищъ и, получивъ такія широкія уполномоченія начальника губерніи, я принялъ всѣ мѣры, чтобъ накрыть съ разу, внезапно; а то почувуютъ только — ничего не найдешь, все шито и крыто будетъ.

Для этого, пригласивъ стряпчачаго, словеснаго судью и полицію ожидать меня въ частномъ домѣ, гдѣ жили близко Смушкины, я не объяснилъ по какому дѣлу, — я сообщилъ въ другія части пригласить въ полицію Чупахина, Ладощкина, мясника и задержать ихъ впредь до распоряженія, въ предупрежденіе стачки.

Когда мы привалили гурьбой къ дому Смушкина, онъ сначала понять не могъ въ чемъ дѣло, думалъ вѣрно что въ гости пожаловали, съ такой радушной улыбкой встрѣтилъ; за то какъ водой окатило его когда я спросилъ: гдѣ здѣсь присутствіе конкурса?

Старый Смушкинъ отвѣчалъ, показывая первую комнату, а вамъ это для чего-съ?

— Я здѣсь никакихъ дѣлъ не вижу, это столовая.

— Да дѣла-то у сына спрятаны.

— А гдѣ-жь вашъ сынъ?

— Нездоровъ, у себя въ комнатѣ, я сей-часъ кликну его.

— Для чего же, не трудитесь, мы пойдемъ сами туда! и я пошелъ туда, куда направился было старикъ; какая-то женщина и дѣвушка бросились отъ дверей черезъ комнаты; въ щелку смотрѣли на насъ.

Въ третьей горницѣ, очевидно мужскомъ кабинетѣ, потому что стоялъ большой письменный столъ, шкапъ съ бумагами и книгами, валялись сапоги и платье, насъ встрѣтилъ высокій молодой человекъ, дерзкимъ вопросомъ: что вамъ угодно?

— Вы нездоровы?

— Да-съ нездоровъ, а что-съ?

— Вы председатель Гороховскаго конкурса?

— Я-съ.

— Такъ стало быть всѣ дѣла у васъ хранятся, вѣдь присутствіе у васъ въ домѣ.

— Конечно-съ.

— Такъ позвольте намъ освидѣтельствовать книги.

— Это-съ по какому праву, вы кто такой-съ?

— Не знаете? такъ прочтите, вотъ эту бумажку, вы кажется на службѣ?

— Это очень хорошо-съ, только я безъ членовъ, не имѣю права... допускать.

— Да я имѣю право, не беспокойтесь, за это не отвѣтите.

— Коммерческія книги никто-съ смотрѣть не можетъ безъ ..

— Да я у васъ приходорасходную книгу, а не коммерческую спрашиваю.

— Да ты не глупи, дай, чего бояться! отозвался отецъ.

— Такъ позвольте-съ одѣться: я сей-часъ вынесу...

— Что-жь вамъ беспокоиться, мы здѣсь посмотримъ.

Онъ нехотя вынулъ книгу, все записано въ порядкѣ, послѣдняя расходная статья внесена дня за два; подвели итоги, балансъ и закончили книгу подписями.

— Въ остаткѣ на лицо должно быть 13,763 р. 76 к. асс., позвольте гдѣ касса? (онъ задрожалъ, поблѣднѣлъ и взглянулъ на отца).

— Какая тамъ касса, — у тебя въ ящикѣ деньги покажи.

Онъ дрожа вынулъ ломбардный билетъ, нѣсколько разбитыхъ чекъ бумажекъ, золота, мелочи.

— Тутъ не всё? гдѣ-жь остальные?

Онъ молчалъ и рылся въ ящикѣ.

— У меня остальные, отвѣчалъ отецъ, сколько тамъ надо-то?

— Коли у васъ такъ вы должны знать сколько, отвѣчалъ я накрывая деньги.

— Да, да, знаю...

— Три, шепнулъ Федоръ Семенычъ.

Старикъ сверкнулъ на него глазами, пошолъ и принесъ три тысячи.

— Всѣ тутъ? всѣ, отвѣчалъ старикъ. Больше конкурсныхъ денегъ нѣтъ? Нѣтъ, отвѣчали оба.

— Такъ сочтите; съ билетомъ выходитъ: 7964 р. 43 к., а гдѣжь остальные 4809 р. г. председатель?

— Выдача была-съ по журналу-съ, не успѣли записать, отвѣчалъ онъ торопливо.

— Такъ позвольте этотъ журналъ посмотреть.

Онъ отворилъ шкапчикъ, гдѣ въ ящикахъ беспорядочно было набиты бумага.

— Это у васъ конкурсное дѣло? да не ищите, коли есть найдется при ревизіи дѣла, г. добросовѣстной—изволь выбрать всѣ бумаги и связать.

— Это для чего же? спросили Смушкины оба.

— А я ихъ запечатаю, а потомъ разберемъ.

— Какъ же это конкурсное-то дѣло-сь? я дать не могу.

— Я и не возьму, только запечатаю...

Добросовѣстной выбиралъ бумаги.

— Всѣ тутъ, больше нѣтъ, а книги?

— Всѣ-сь, ничево больше нѣтъ.

— Гдѣ-жь журнальная книга?

— Тетрадь-сь вотъ здѣсь! и онъ пошелъ въ шкафъ.

— А это что за бумаги?...

— Это наши дамашнія!.. и какъ-то торопливо отодвинулъ ихъ.

— Добросовѣстной, возьмите всѣ эти бумаги и осмотрите всѣ эти ящики.

— Помилуйте да это наши...

— Онѣ лежать вмѣстѣ съ конкурсными, послѣ разберемъ, опечатать.

Бумагъ набралось двѣ большихъ кипы.

Разсматривая журналы, я мелькомъ прочолъ, что такого-то числа торгъ на лѣсъ не состоялся, и переторжка обращена въ торгъ, а у меня былъ въ рукахъ торговый листъ этого числа; гляжу въ торговомъ листѣ, на торгу напесели цѣну 28,000 слишкомъ, а по книгѣ лѣсъ проданъ за 16,000 съ рублями! я молча положилъ ихъ вмѣстѣ.

Вглядываясь въ собственные бумаги Смушкиныхъ, я подмѣтилъ длинныя разсчеты съ буквами П. Гор. это што? не ключъ ли къ дѣлу, но не показалъ виду; только бумаги всѣ затюковалъ такъ, что иголки не подсунешь, не то что бумажку вытащить и сюргучу на печати не пожалѣлъ, но объявилъ, что, по извѣстнымъ мнѣ причинамъ теперь, въ домѣ ихъ оставить не могу; рѣшили чтобъ я взялъ ихъ къ себѣ.

Актъ составилъ подробно, и то что 3000 старикъ принесъ вписали.

— За недостатку денегъ, я васъ арестую.

— Нельзя-сь—я на службѣ.

— Тѣмъ и лучше: вы подчинены нач-у г-им, а я его исполнитель, если вамъ угодно, я увѣдомлю ваше начальство.

— Какъ угодно, а я буду жаловаться!

— Идите полное право, господа; до завтра, а Семена Федорыча г. частный приставъ, извольте обязать подпиской и заарестовать на дому.

Вабунтовалось было все семейство Смушкина, они послали къ своимъ сообщникамъ и получили уже отвѣтъ, что и они арестованы, а тутъ старика запираютъ; какъ же переговорить-то. Я очень вѣжливо, съ величайшимъ сожалѣніемъ о необходимости этой мѣры, раскланялся и увелъ г. предсѣдателя на гаубвахту.

На другой день я доложилъ г-у, что начало удачно, растрата и подлогъ въ продажѣ лѣса на лицо, но что я сдѣлалъ преступленіе, арестовалъ прежде времени цѣлое присутственное мѣсто, забралъ конкурсное дѣло.

— Что вы за вздоръ говорите, напишите себѣ предписанье, это я все приказалъ, эка важность!

— Надо в. пр. губернскому правленію предложить удалить ихъ отъ должностей и составить новое присутствіе.

— Ну пужно такъ и пишите я подпишу, да смотрите потачки не давайте? что? говорилъ я, это болото гадостей, копните глубже еще увидите.

— Рады стараться в. п—во, хотѣлъ крикнуть я, а отвѣтилъ будьте покойны, развѣ пересолю, а упущенія не сдѣлаю.

— Ну да, я въ васъ увѣренъ!

Я сей-часъ принялся за вопросные пункты, потребовалъ всѣхъ въ канцелярію, гдѣ для слѣдствій была особая комната и предложилъ легонькіе вопросы порознь всѣмъ членамъ, собственно о безпорядкѣ въ какомъ найдено дѣло, о недостаткѣ денегъ; перенутались сердечные и больше сваливали все на Смушкина; Лодошкинъ, прочтя вопросы, поглядѣлъ на меня, да только крикнулъ.

— Ну теперь господа мы примемся за разборку бумагъ общими силами и составимъ актъ. Печати цѣлы?

Лодошкинъ и Смушкинъ поспѣшно стали развязывать.

— Итъ ужъ позвольте, господа, вы только смотрите, а мы разберемъ.

Замѣчаніе мое о подлогѣ въ продажѣ лѣса вполне подтвердилось фактами: Смушкинъ и Лодошкинъ, увидя торговый листъ,

переглянулись, перо затрепало въ зубахъ послѣдняго, только бѣдный мясникъ, хлопая глазами какъ филинъ и ровпо ничего не понималъ, мнѣ жаль стало эту безгласную жертву.

Наконецъ очередь дошла до счетовъ; Смушкинъ поблѣднѣлъ, Ладошкинъ вопросительно взглянулъ на него—очевидно онъ не зналъ что это такое, а это были всѣ разсчеты, начоты, учеты съ Павломъ Гороховымъ, чуть не за 20 лѣтъ; огромные проценты, приписки суммъ по числамъ векселей и просто выдачи; вычеты за заложенные и проданные Смушкинымъ дома и землю, съ числами актовъ, однимъ словомъ въ цифрахъ выведена вся исторія сдѣлокъ съ этой жертвой лѣни и простоты; и на что это Смушкинъ формулировалъ? вотъ дуракъ-то, али не успѣлъ уничтожить, али хотѣлось привести въ извѣстность итоги этихъ коммерческихъ оборотовъ? да еще въ двухъ экземплярахъ.

— Это черновую кто писалъ? чья рука?

— Батюшкина-съ, отвѣчалъ Смушкинъ.

— А на бѣло кто переписывалъ?

— Это я-съ?

Ладошкинъ вскочилъ, схватилъ себя за волосы и началъ ходить по комнатѣ.

Всѣ бумаги, какія нужны были къ слѣдствію, я отобралъ, прошнуровалъ и заставилъ приложить печати.

— Теперь г. Смушкинъ не угодно-ли вамъ дать по пунктамъ объясненіе противъ этого счета, въ той комнатѣ, а васъ г. Ладошкинъ я попрошу здѣсь подобрать, то есть привести въ порядокъ конкурсныя бумаги—мы съ г. стряпчимъ съѣздимъ на минутку.

Оставивъ ихъ подъ надзоромъ, я самъ поѣхалъ къ старику Смушкину; стряпчій зашелъ въ часть за словеснымъ судьей и священникомъ, а я пошелъ прямо заготовить пока вопросы.

Меня встрѣтила старуха, и, кажется, удивилась, что я одинъ пришелъ; я безцеремонно расположился писать въ гостиной.

Черезъ полчаса отворилась дверь, и вышла барышня, одѣтая въ розовое платьице, точно театральная танцовщица, плечики голыя, ручки голыя, да и присѣла какъ-то съ припрыжкой, мнѣ казалось что она пируэтъ сей-часъ сдѣлаетъ.

— Вамъ папашу нужно-съ видѣть?

— Да-съ надо бы поговорить съ нимъ.

— Они одѣваются — нездоровы, весь день лежали! Вамъ это вслучно все писать, какъ это вамъ не опротивить.

— Служба-съ обязанность!

— Ну ужь очень нужно, а ужь какіе вы жестокіе! и она безцеремонно сѣла очень близко ко мнѣ, и откинулась на спинку дивана, прищуривъ глазки и улыбнувшись.

— Чѣмъ же я кажусь вамъ жестокъ!

— Какъ-же? вчера вы просто безчеловѣчно поступили, я же слышала, брата на гобвахту заперли, у воротъ бутюшника оставили.

— Такъ требовалъ законъ!

— Нѣтъ вы безчеловѣчны! ну что они сдѣлали?

— Ужь это вы ихъ спросите—они лучше знаютъ.

— Да нѣтъ, вы вѣдь только такъ кажетесь суровы, а вы очень добренькіе, я слышала, и она умильно положила ручку мнѣ на плечо; я деликатно вывернулся и отодвинулся.

— Что это вы меня боитесь?

— Чего-жь васъ бояться — развѣ за васъ, вы слишкомъ увлекаетесь любовью къ папенькѣ и братцу.

— Ну да, и она присѣла ко мнѣ; я васъ прошу не дѣлайте мнѣ зла, помогите имъ, спасите ихъ, вы можете все сдѣлать, умоляю васъ, я готова на колѣни встать, руки цѣловать, нашей благодарности мѣры не будетъ.

А грудь такъ и волнуется, электричество такъ и мечетъ изъ себя; ухъ! не ловко что-то; я поскорѣе всталъ и громко отвѣтилъ ей:

— Любовь къ нимъ не должна увлекать до забвенія приличій; позвольте васъ просить сказать папенькѣ, что я его жду.

— Вотъ вы какіе! найдемъ защиту и безъ васъ! я гордо отворотаясь медленно ушла; въ то же время зашаркали въ передней; кошелъ стряпчій, съ купцомъ и священникомъ, а съ другой стороны шелъ Смушкинъ.

— Такъ это, стало быть, была ловушка что-ли? подумалъ я: вышь подѣхала.

Старикъ отозвался болѣзненно и неумѣемъ много писать, я сталъ постепенно развивать вопросъ за вопросомъ, и мы уже зашли довольно далеко; многихъ сдѣлокъ онъ объяснить не могъ, а когда я задалъ вопросъ, какимъ образомъ больной выдалъ акты, подписанные за него Чупахинымъ, когда онъ самъ пишетъ, и какъ его возили къ допросу о несостоятельности съ

Смушкнннмъ сдѣлалось дурно, притворно или нѣтъ, не знаю! я послалъ за лекаремъ, Аннушка выбѣжала, драматически упала на колѣни, проклиная меня, что я убилъ отца, однако ни слезинки въ глазахъ не было; за нимъ ухаживала старуха и кухарка.

Лекаръ засвидѣтельствовалъ, что давать отвѣты онъ не въ силахъ, да и я очень усталъ, допросъ отложенъ.

Чупахинъ явился къ допросу съ надменностью обиженной важной особы и давая отвѣты, твердилъ что если бы графъ Матвѣй Петровичъ пожаловалъ изъ деревни, я бы раскаялся—и отвѣтилъ бы за свои незаконныя дѣйствія.

Г—ъ съ хохотомъ рассказывалъ мнѣ, какъ Аннушка театрално влетѣла къ нему въ кабинетъ и разыгрывала разныя комедіи, совершенно безуспѣшно. И понятно: его пр—во былъ застрахованъ отъ соблазна.

Не удалось и это, они прислали ко мнѣ очень почтеннаго господина и онъ выложилъ весьма почтенный пакетъ въ 15 т. за то, чтобъ я выкралъ изъ дѣла торговый листъ на лѣсъ и счета съ Гороховымъ.

— Я удивляюсь, какъ вы приняли на себя ходатайство по такому дѣлу (я объяснилъ ему дѣло и даже показалъ факты) кажется, вы меня довольно знаете, за что же вы меня оскорбили предложеніемъ такой взятки?

Господинъ вздохнулъ, сконфузился.

— Они совсѣмъ не то мнѣ говорили, я бы не взялся.

— Кто-жь на себя скажетъ, вы не юристъ, а видите сами.

— Что и говорить, безчестныя дѣла.

Не унялись, принялись на меня жалобы писать, до сената доходило; пришлось отписываться. Г—ъ уѣхалъ за границу; хорошо, что я крѣпко дѣло завязалъ! да *обезпечилъ себя* предписаньями, а то свернули бы пожалуй.

Вытребовалъ я и Павла Федотыча; на видъ ничего, будто и здоровъ, только глаза больно бессмысленны, говорить непонятно, тяжело, да и ничего понять не можетъ, даже не понимаетъ вопросовъ, больше повторяетъ чужія слова; я отослалъ его въ медицинскую контору.

Контора нашла давленіе мозгу что-ли, и отсутствіе мыслительныхъ способностей.

Доктора, его лечившіе, засвидѣтельствовали, что онъ въ такомъ положеніи находится со времени перваго удара.

Какъ же акты отъ него совершали? кажется, дѣло ясное, не говоря уже, что посторонніе лѣсовщики подъ присягою изобличили подлогъ въ торгахъ; они показали, что торгъ былъ, а на переторжкѣ имъ объявили, что она кончена и они оноздали, при чемъ добавили, что за лѣсъ пошли бы за 50; растрата ясно доказана, счета такъ и кричатъ о всѣхъ продѣлкахъ, а виновники, на сколько можно, вывертываются и запираются, да толку мало, улики законныя; однако Чупахина я долженъ былъ освободить; Ладошкинъ самъ освободился: бѣжалъ изъ полиціи.

Старикъ Смушкинъ мнѣ говорилъ.

— На ково вы работаете? чему вы насъ подводите? стоятъ-ли эти люди вниманія, вся семья негодная, какъ есть и дѣдъ-то ихъ чѣмъ состояніе нажилъ; простой мужикъ, извозчикъ былъ, въ 12 году съ комисіонерами якшался, наколотилъ кису, 15 троекъ завелъ, да съ разу и разжился; слышь, въ госпиталѣ въ Москвѣ въ подвалѣ купцы товару навалили, чтобъ значить спасти, а вывести не успѣли, подводъ негдѣ было взять, старикъ-то Гороховъ и провѣдалъ, да какъ Аполеонъ съ французами и прочіи басурманами вступалъ въ Москву, онъ и наярнулъ, до вмѣсто того, чтобъ христіански раненыхъ нагружать, онъ богоотступникъ нагрузилъ сахару, дорогихъ матерій, всего, что подъ руки попало, да на 15 тройкахъ вывезъ. 15 троекъ шутка-ли, чай тысячи двѣ пудовъ, съ того и жить пошелъ, вотъ отколѣ ихъ богатство, да все же по правдѣ 500 т. то и не бывало, это для форсу кричали; еще Михаилъ Федотовъ туда сюда былъ человекъ, а что ужъ Павель, это мотъ, каторжникъ какой-то, раскидалъ деньги на шампанское, рысаковъ, вѣтуховъ и на разныхъ Емилекъ што-ли, одно слово, голубятникъ, пѣтушникъ безпутной, то-то его Богъ и покоралъ! жена-то и племянница просто кабашныя, а ужъ Федотка прощальга, музникъ...

— Остановитесь, Семень Федорычъ, я васъ объ этомъ не спрашиваю, мнѣ дѣла нѣтъ, кто какой былъ, у меня подъ свѣдѣніемъ дѣйствія, а по дѣйствіямъ я и сужу о людяхъ.

— Да что ему надо? денегъ; ну бросимъ, пусть только на старости лѣтъ въ покоѣ оставить, и вашу милость мы бы не обшли, достойно возблагодарили бы.

Думаю дѣло затушить или перевернуть невозможно имъ, а

для Федота лучше, еслибъ въ денежныхъ расчетахъ покончили, пусть идутъ на мировую; говорю Федоту, лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля въ небѣ; онъ поддался, да нѣтъ и мало даютъ, и требуютъ чтобъ дѣло я потушилъ.

Такое сложное слѣдствіе скоро окончить нельзя; пошли справки, посыпались отъ прикосновенныхъ лицъ просьбы, дополнительные показанія, объясненія, которыя не объясняли, а только запутывали дѣло, — да вѣроятно для того и подавались.

Между тѣмъ я узналъ, что мой начальникъ болѣе не возвратится, и мнѣ предложили другое мѣсто.

Я его принялъ и сдалъ дѣла.

Дѣло Горохова, еще не совсѣмъ dokonченное, перешло къ какому-то ех-аудитору Кузнецигу; ему почему-то очень не нравилось, что оно аккуратно подобрано, прошнуровано, описано и припечатано; онъ даже завелъ было полемику по этому поводу, да другіе чиновники смѣяться стали, нельзя было не принять.

Передъ отъѣздомъ я слышалъ, что будто онъ намѣренъ дать дѣлу другой какой-то оборотъ и находить мое слѣдствіе одностороннимъ и что онъ освобождаетъ подсудимыхъ изъ подъ ареста. Я скорѣе выѣхалъ въ другую губернію.

У.

Чѣмъ же кончилось?

Отвѣчалъ бы не знаю (какое дѣло было мнѣ слѣдить и справляться о всѣхъ Гороховыхъ, Варюхиныхъ, Смушкиныхъ, переходившихъ передъ моими глазами, какъ китайскія тѣни), да черезъ нѣсколько лѣтъ снова мелькнулъ передо мною Федотъ Гороховъ.

Какъ въ началѣ разсказа сидѣлъ я у себя въ кабинетѣ и занимался дѣлами; на крыльцѣ былъ ужъ у меня колокольчикъ, въ передней лакей въ должности швейцара; безъ доклада я ужъ не принималъ, двери отворялись не для всѣхъ.

Докладываютъ мнѣ, что какой-то купецъ съ двумя кулечками настойчиво требуетъ меня видѣть!

— Кто такой, зачѣмъ, спроси?

— Да говорить, у него никакихъ дѣловъ нѣтъ, а знакомый, видѣть желаетъ васъ.

Я велѣлъ впустить его и принялъ въ залѣ.

Федотъ переиначился мало, не узнать было нельзя; кажется и сюртукъ, и сапоги, и шляпа тѣ же, только ранняя сѣдина про-бывалась.

Онъ развязно поклонился и протянулъ было руку, да опустилъ: вѣрно мой шелковый съ бархатомъ и кистями халатъ его озада-чилъ.

— Наше всенижайшее почтеніе.

— А, это ты, Федотъ Михайловичъ? Какимъ вѣтромъ сюда занесло?

— Проѣздомъ-съ, по торговому дѣлу, да узналъ, что изво-лите здѣсь проживать, я почелъ-съ.... съ нашими задущев-нымъ-съ....

— Такъ стало дѣла идуть хорошо, наслѣдство получили?

— Ужъ и не говорите, радъ былъ, чтобъ отвязаться, поми-рился (и онъ махнулъ рукой), домъ, да двадцать пять тысячъ воротили, на это и торгъ завелъ бакалейнымъ....

— Такъ дѣло кончилось?

— А кто его знаетъ; не знаю, должно быть кончилось, я от-туда переписался въ Москву, больно страчно жить-то тамъ было, такое кляузничество пошло!

— А дядя что дѣлаетъ, живъ?

— Дядя тогда же вскорѣ померъ, и тетка померла.

— У тебя еще сестра кажется была? она гдѣ?

— Въ монастырь пошла, я ей келью купилъ.

— Что-жь прикащикъ-то на ней не женился?

— Варюхинъ-то? гдѣ ему! онъ поди-ко какую хватилъ не-вѣсту; извѣстное дѣло поднялся, человекъ вострой; ну, сперва руки нагрѣлъ около дяди; куды плохъ былъ покойникъ, нельзя сказать, что дуракъ, а какой-то распоясанный. Варюхинъ не намъ чета, большой подрядчикъ сталъ, такой красной, да пуза-той сталъ и бороду брѣтеть.

— А эти, какъ ихъ, Шкуркины, Овчинкины?

— Смушкины што-ли?

— Да, Смушкины?

— Живутъ себѣ поживаютъ, что имъ дѣлается; обобрали дядю, безъ ножа зарѣзали, нече говорить....

Гороховъ началъ переминаясь, повертывать шляпу.

— Ну, очень радъ, что ваши дѣла поправляются, благодар-ствуйте, что вспомнили, прощайте.

— Прощенья просимъ-съ, очень рады, ваше добродушіе пом-

нишѣ, не скоты какіе, вотъ извольте, ради усердія, сахарку да винца моей торговли, удостойте попробовать....

— Это для чего?

— Не обижайте; бездѣлицы, ради моего усердія, а затѣмъ прощенья просимъ, будьте здоровехоньки.

И онъ проворно скрылся.

РЫБАКЪ.

(БАЛЛАДА.)

Ночь. Пагасла заря.
Надъ Днѣпромъ надъ рѣкой
Тихо свѣтитъ луна,
Словно серпъ золотой.
Доно водъ, какъ стекло;
Всюду мертвая тишь;
Только слышно порой,
Какъ лепечеть камышъ.
На рѣкѣ огонекъ,
Надъ рѣкой полумракъ...
На волнахъ въ челнокъ.
Ночь проводитъ рыбакъ.
Тащитъ съѣтъ онъ, — вотъ,
На водѣ видитъ вдругъ,
При сіяньи луны
Расходящійся кругъ,
И въ кругу томъ плыветъ
Чудо женской красы:
Грудь какъ снѣгъ, — по плечамъ
Пряли русой косы.
И красавицъ нагихъ
Цѣлый рой. вслѣдъ за ней,
Выплываетъ шума
Изъ Днѣпровскихъ зыбей
Хохотъ, брызги воды
Вдоль несутся рѣки,
И на каждой вѣнокъ
Изъ цвѣтовъ осоки.
Замеръ духъ въ рыбакъ;
Ужась имъ овладѣлъ;
Оградиться крестомъ
Въ страхъ онъ не успѣлъ.
И онъ слышать, поютъ:
Къ намъ, прекрасный рыбакъ,
Къ намъ скорѣе въ пріютъ
Все сгущается мракъ!
Скоро мѣсяцъ зайдетъ
За холмомъ въ облака;

БИБЛОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІА.

Скоро полночь пробьетъ,
А рѣка глубока.

Съ нами ночь проводи!
Мы тебя усыпимъ,
И на влажной груди
Много счастья дадимъ.

Изъ кудрей золотыхъ
Выжмемъ влагу воды,
Роемъ сновъ золотыхъ
Очаруемъ мечты.

Съ нами весело жить:
Мы ночью порой
Станемъ звѣзды ловить
На волнѣ голубой.

И его всѣ зовутъ:
Къ намъ, прекрасный рыбакъ,
Къ намъ, скорѣе въ пріютъ,
Все сгущается мракъ!

Поспѣшай же рыбакъ,
Поспѣшай же—мы ждемъ,
Все сгущается мракъ
Надъ шумящимъ Днѣпромъ.

Сѣтъ тащится въ рѣкѣ;
Рыбака клонитъ сонъ,
И, плывя въ челнокѣ,
Пѣсню слушаетъ онъ.

И замолкла она
Спать лѣса и луга;
Мѣсяцъ моетъ въ рѣкѣ
Золотые рога.

Вотъ и онъ потонулъ
Въ облакахъ за холмомъ;
И густѣе сталъ мракъ
Надъ широкимъ Днѣпромъ.

Ночь прошла. По-утру,
Какъ разсѣялась мгла,
Плылъ челнокъ по Днѣпру,
Безъ гребца и весла.

Н. ГРЕКОВЪ.

МЪЩАНСКАЯ ЖЕНИТЬБА *

I.

Маленькія семейныя сцены.

Однажды осенью, когда Николай Ивановичъ былъ въ Рыбинскомъ, Пелагея Петровна легла на голбчикъ посумерничать и, не имѣя никакого позыву ко сну, предалась различнымъ думамъ. Размышляя о томъ и другомъ, она пожелала, для чего-то, сѣкнуть приблизительно, сколько у нихъ имѣется теперь на лицо различнаго капитала. «Вотъ росшивка стоитъ тысячи полторы» принялась разсуждать въ слухъ Пелагея Петровна, «припасовъ на тысячу, — мѣсто — двѣ съ половиной; барочка съ припасами тоже тысячи-то, стоитъ, три съ половиной; деньжонокъ сотъ пять—шесть, вотъ и четыре слишкомъ; якорей, вонъ, да мелочей разныхъ, да того да сего.... и Пелагея Петровна насчитала движимаго капитала тысячъ на пять рублей, т. е., почти вдвое противъ дѣйствительности.

Тутъ она задумала думу крѣпкую, которую, до поры до времени, таила въ глубинѣ души; но такъ какъ не могла осуществить эту думу безъ посторонней помощи то и рѣшилась передать ее, подъ глубокимъ впрочемъ секретомъ, Матренѣ Семеновнѣ Тальниковой, какъ жевщицѣ весьма пригодной на многія дѣла, а въ настоящемъ случаѣ почти незамѣнимой. Кстати же Матрена Семеновна водилась тогда у Пелагеи Петровны, даже ночевала у нея нѣсколько ночей. Съ ней т. е. съ Матреной

* Продолженіе романа: «Жизнь».

Семеновной случилась маленькая домашняя неприятность. Она поразмолвилась немножко съ своимъ большачкомъ—Иваномъ Миненчемъ, который, въ минуту крайняго своего озлобленія, собрался было совсѣмъ переломать у Матрены Семеновны всѣ ребра и вымотать изъ нея всѣ кишки; но Матрена Семеновна, какъ видно, на это не согласилась, а рѣшилась лучше, какъ Іосифъ прекрасный, лишиться воскрылія отъ своего платья, за которое цапнулъ было ее Иванъ Миненчъ, нежели пожертвовать ребрами, или кишками.

Дѣло заключалось въ томъ, что Иванъ Миненчъ въ это время пилъ запоемъ и постоянно требовалъ у Матрены Семеновны денегъ, на разныя будто бы хозяйственныя потребности. Та, разумѣется, не давала ему ни копѣйки, а только в естъ, что ругала его пьяницей—пропойцемъ..., чего Иванъ Миненчъ терпѣть не могъ, потому что вовсе не считалъ себя пьяницей, а только человѣкомъ выпивающимъ, и то по самымъ резоннымъ причинамъ. Онъ, какъ и всякій знаменитый пьяница, считалъ себя какимъ-то несознаннымъ талантомъ, забитымъ невежественною толпою, къ которой конечно причислялъ и Матрену Семеновну. По этому случаю, онъ, какъ будто на зло ей одной, старался таскать изъ своего дома все, что только попадалось ему подъ руку. Попадетъ подъ руку полшубокъ—проплетъ полшубокъ; попадетъ сковорода, проплетъ и сковороду. Матрена Семеновна глазъ уже не спускала съ своего супруга: все сторожила за его поведеніемъ. Выйдетъ-ли Иванъ Миненчъ за какой-нибудь надобностью на дворъ, Матрена Семеновна черезъ извѣстныя ей проулки—успѣетъ уже забѣжать впередъ и подсматриваетъ за нимъ изъ-за какого-нибудь погаеннаго уголка; вздохнетъ-ли онъ изъ глубины души и выразитъ въ слухъ свое негодованіе на недостатки общественной нравственности, а въ особенности на то, что его, Ивана Миненча, никто не понимаетъ, никто достойно не оцѣниваетъ—Матрена Семеновна навостритъ свое ухо и подслушиваетъ, не высказываетъ-ли тотъ какихъ вредныхъ идей, противъ которыхъ нужно принять нѣкоторыя предосторожности.

Однажды Иванъ Миненчъ отправился тихонько на подволоку, съ невинною цѣлю приобрѣсти тамъ себѣ изъ трубы вьюшки и снести ихъ въ кабакъ. Въ это время, какъ на грѣхъ, Матрена Семеновна тоже была на подволокѣ: она развѣшивала по шестамъ бѣлье. Услышавъ осторожные шаги по лѣстницѣ, ко-

торая вела на подволоку, Матрена Семеновна совершенно затихла и присѣла въ темный уголокъ.

Только что Иванъ Миненчъ, взойдя на подволоку, протянулъ было къ трубѣ руку и намѣривался взяться за первую вьюшку, какъ Матрена Семеновна мгновенно выскочила изъ своей засады и закричала благимъ матомъ. — Что, разбойникъ! пьяница! али ужь къ вьюшкамъ подбираешься, пропоець!... али вьюшки пропить хочешь, анафемская твоя хара!

— Никакъ нѣтъ-съ, сударыня Матрена Семеновна, отвѣтилъ, торопливо Иванъ Миненчъ, немножко пораженный неожиданностью такой встрѣчи: въ ошибку изволили впасть, сударыня.... Починочки вотъ немножко требуетъ, присовокупилъ онъ, разсматривая трубу, и для отвода поцарапалъ въ трубѣ глинку, а до вьюшекъ дѣйствительно не дотронулся.

— И! разбойникъ, пьяница! продолжала кричать Матрена Семеновна: такъ бы взялъ, пьяницу, да чѣмъ-нибудь и переѣлъ!...

— Цыц! сударыня Матрена Семеновна, перебилъ ее Иванъ Миненчъ; далеко оченно заѣхали, сударыня, не желаете-ли изрыльничка получить?... И Иванъ Миненчъ довольно было проворно хватилъ ее на отмашку кулакомъ; но та, однакожь, успѣла отвернуться.

— Что, ефюць, не удалось! произнесла она, усвольтнувши отъ удара.

— За мной, сударыня Матрена Семеновна, извольте считать, выразился Иванъ Миненчъ, заскрежетавъ отъ злости и неудачи зубами: непримину вамъ заплатить, сударыня, этотъ должокъ въ самой скорости.

Съ этими словами Иванъ Миненчъ сошелъ внизъ, а Матрена Семеновна осталась на подволоку.

Съ страшнаго перепоя и вмѣстѣ съ тѣмъ со злости на Матрену Семеновну, Иванъ Миненчъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Востоялъ онъ немножко на дворѣ; подумалъ о чемъ-то важномъ, взглянулъ машинально на погребъ и, по-видимому, обѣнился какою-то новою и пріятною для него мыслию. Онъ вспомнилъ, что въ погребѣ, въ числѣ прочихъ овощей, есть грузди, на которые, мѣсто простаго камня для гнета, наложена была полу-пудовая гиря. Къ ней-то Иванъ Миненчъ и пожелалъ на этотъ разъ присвататься. Осмотрѣвшись кругомъ, заглянувъ во всѣ уголки, Иванъ Миненчъ осторожно отправился въ погребъ. Между тѣмъ Матрена Семеновна наблюдала надъ нимъ съ подволоки въ

слуховое окошко, которое было на дворъ. Только лишь Иванъ Миненчъ направилъ стопы свои къ погребу, Матрена Семеновна съ быстротою молніи сбѣжала внизъ и, прежде нежели успѣлъ тотъ спуститься въ погребъ и отыскать тамъ ошувью грузди, какъ та находилась уже на погребницѣ; въ погребъ, однакоже, сбѣжать она побоялась.

— Что, мѣрнякъ рыжій! чувашская твоя морда! зачѣмъ еще сюда пришелъ, а? заорала Матрена Семеновна съ погребницы, заглядывая немножко въ погребъ.

— Ну, сударыня, Матрена Семеновна, отозвался изъ погреба Иванъ Миненчъ: «камо иду отъ гнѣва твоего, и отъ лица твоего камо бѣжу? Куда же, сударыня мнѣ дѣваться отъ васъ прикажите?»

— Въ таръ-тарары провались! вотъ куда! отвѣтила, не задумавшись, Матрена Семеновна,

— Слушаю, сударыня Матрена Семеновна; такъ ужь позвольте съ вами проститься, сударыня... И Иванъ Миненчъ торопливо полѣзъ изъ погреба съ видимымъ напѣреніемъ посчитаться немножко съ своею супругой.

Матрена Семеновна весь этотъ день всячески старалась злить Ивана Миненча, и просто была на отчаянную. Какъ только Иванъ Миненчъ сталъ показываться изъ погреба, та, въ азартѣ схватила изъ погребницы кринку съ устоемъ и швырнула ей въ своего большачка.

— Святъ! Святъ! Святъ! произнесъ, оторопѣвъ, Иванъ Миненчъ, когда хлынула на него сметана; и съ страшною свирѣпостію, закусивъ бороду, онъ, какъ тигръ, бросился на Матрену Семеновну, успѣлъ даже щипнуть еѣ за платье; да видно слишкомъ уже сильно рванулъ къ себѣ, потому что оторвалъ у платья весь задъ, а Матрену Семеновну всё-таки не удержалъ: та убѣжала отъ него и безъ заду.

— Всѣ кости твои переломаяю, всѣ кишки вымотаю наруку! прошипѣлъ съ невыразимою злостію и съ зубнымъ скрежетомъ Иванъ Миненчъ, бросившись за Матреной Семеновной въ догонку по двору; но та успѣла убѣжать отъ него за ворота, даже успѣла еще показать ему, на скорую руку въ подворотню кукишь.

Разсвирѣпѣвшій донѣльзя, Иванъ Миненчъ не перенесъ нанесеннаго ему оскорбленія, и потому изорвалъ на себѣ рубашку въ мелкіе клочки и раскидалъ по двору, а самъ такъ и остался одѣтымъ на легкую руку. Въ порывахъ своего бѣшен-

ства, онъ достаточно колотился объ стѣну головой, потомъ вошелъ въ избу, выдвинулъ осередѣ полу лаханъ, повалилъ въ нее наскоро всю посуду—чашки, ложки, горшки, тарелки и проч., нашель пестъ и истолокъ все въ мелкіе куски, приговаривая:—на вотъ вѣдьма! на вогъ тебѣ, на!....

Не ограничившись этой мстью, Иванъ Минейчъ снова отправился въ погребъ и выпустилъ тамъ изъ бочекъ весь квасъ, а съ груздами сдѣлалъ такую каверзную штуку, что и сказать нельзя; цѣлы—то они были — цѣлы, да ужъ нельзя ихъ было ѣсть—испортилъ совершенно.

Иванъ Минейчъ рѣдко доходилъ до такого неистовства, это случалось съ нимъ только во время страшнаго перепоя и то тогда, когда долго не попадалось ему на пропой вещей и когда Матрена Семеновна, дразня его какъ собаку, успѣвала вывертываться у него изъ подъ самыхъ, кажется, вѣрныхъ оплеухъ! Это раздражало его пуще всего.

Между тѣмъ Матрена Семеновна улинула къ Пелагеѣ Петровнѣ подъ ея вѣрную защиту и покровительство.

— Ждала-ли гостью—то къ себѣ? закричала еще гдѣ-то Матрена Семеновна, завидѣвъ Пелагею Петровну въ окошкѣ.—Въ гости къ тебѣ, Пелагеюшка, иду! пестъ-отъ мой вѣдь убилъ было меня до смерти, Пелагеюшка! продолжала она весело, а сама такъ и помираетъ со смѣху:—Вѣдь вонъ что, пестъ эдакой, сдѣлалъ!... И Матрена Семеновна поворотилась къ Пелагеѣ Петровнѣ задомъ.

Пелагея Петровна со смѣхомъ и удивленіемъ всплеснула руками.

— Безстыдница ты эдакая! заговорила она качая головой:—вужто, матка, ты такъ по улицѣ-то и шла?

— А какже мнѣ идти-то? чортъ-ли увидить; а хоть и увидить, такъ дуй ихъ горой! глядите; ха !ха! ха!...

Тутъ Матрена Семеновна рассказала Пелагеѣ Петровнѣ обстоятельно всю домашнюю исторію, поясняя между тѣмъ, что Иванъ Минейчъ сдѣлался еще хуже и озорниковатѣе.

— Ужъ не знаю какъ, дѣвушка, и биться-то съ нимъ съ проклятикомъ,—разсудила Матрена Семеновна, въ заключеніе своего разказа:—Ономнясь, ужъ, Петровнушка, хотѣла было уморить его, пса эдакого, мышьякомъ: «пожалуй молъ все прольеть, окаянникъ эдакой, ничего молъ не остается», даништо,

дѣвушка, пожалѣла: «понадобится молъ, такъ гдѣ возьмемъ» а вѣдь когда тоже и надобится, рыжей чортъ, ха! ха! ха!...

— Полно, дура эдакая, что ты это врешь! возразила Пелагея Петровна:—какъ это можно морить человѣка, въ умѣ ли ты?..

— А что же съ нимъ дѣлать-то со псомъ эдакимъ, коли отбился отъ рукъ?

— Какъ, что? ужь лучше, matka, попросить, ннѣ на него въ судѣ, тамъ ужь какъ-нибудь да разоудятъ же.

— Полно-тко Пелагея, завираться-то,—перебила ее Матрена Семеновна съ недовольнымъ видомъ:—на мужевей-ту, matka, развѣ просятъ когда-нибудь? вѣдь ужь и пословица-то говорится: «мужъ да жена одна сатана» съ какой харей-ту я въ судѣ-отъ приду, подумай-ко ты? на мужа что-ли просить?, да что онъ у меня, воръ что-ли какой? вѣдь ужь онъ, и въ самомъ дѣлѣ, не всѣхъ же хуже въ слободѣ-то, не глупѣе другихъ, хотъ и попиваетъ-то; такъ мало-ли въ слободѣ-то пьяницъ-ту есть, матушка, не перечтешь. Гришка, вонъ Челнокъ, двѣ недѣли ужь дома-то нагой сидитъ: все съ себя-то пропиль; а вѣдь и в мой-отъ нечужое пропиваетъ, а свое, что суду-то за дѣло?..

— Да, вѣдь, ты сама же говоришь, что отъ него житья нѣтъ тебѣ, что всё пьетъ да дерется, — возразила было Пелагея Петровна.

— Да что дерется-то? перебила ее Матрена Семеновна: — что кому за дѣло, что онъ дерется? твой-отъ, покойпой, меньше что-ли дрался? теперъ только развѣ смиренъ-отъ больно сталъ, какъ въ могилу-ту запрятали, а какъ живой-отъ былъ, такъ вѣдь не лучше, родимая, другихъ: одно золото-то; всѣ они, проклятики, на одну колодку-ту состроены!.. А вѣдь какъ и мой-отъ, умереть, такъ я на могилѣ-то проноу не хуже другихъ,—прибавила Матрена Семеновна шутивнымъ тономъ: — «Промышленная, молъ, твоя головушка! корабельная, молъ, твои рученьки? смиренникъ, молъ, ты мой батюшка, дорогильной! жила, молъ, съ тобой, мой батюшка, точно золото вѣсила!... ха! ха! ха!...

Тутъ Матрена Семеновна, смѣючись, передразнила, пѣвучимъ тономъ, обыкновенныя бабьи причитанья на могилѣ покойниковъ, чѣмъ окончательно разсмѣшила и Пелагею Петровну.

Такимъ образомъ, Матрена Семеновна водилась у Пелагеи Петровны нѣсколько дней. Впрочемъ она приходила къ ней для

одной ночевки, а днемъ большею частію находилась дома, потому что Иванъ Миненчъ денные часы больше проводилъ въ кабаки.

Тутъ-то Пелагея Петровна и рѣшилась передать Матренѣ Семеновѣ свою думу крѣпкую. Не потому однакоже, что она считала ее за женщину заслуживающую довѣрія, а потому, что въ настоящемъ случаѣ безъ Матрены Семеновны обойтись было нельзя. Пелагея Петровна задумала своего сынка сочетать законнымъ бракомъ и Матрену Семеновну заблагоразсудила употребить въ свахи. Она хорошо понимала, что для исполненія подобныхъ порученій Матрена Семеновна способнѣй всей родни; потому что отъ свахи требуется только, чтобы она какъ можно больше хвастала и лгала, а этими опоспособностями Матрена Семеновна одарена была съ избыткомъ; на разъ также не отставала отъ другихъ и искусною вычурностью. Притомъ же за того человѣка, который удостоивалъ ее болѣе или менѣе важнымъ порученіемъ, Матрена Семеновна готова была лѣзть въ огонь и въ воду.

И Богъ знаетъ какъ обрадовалась Матрена Семеновна настоящему порученію Пелагеи Петровны.

— И не могли откладывать, Петровнушка; жени непременно! настаивала она съ своей стороны:—а то вѣдь хуже избалуется.

— Оно хоть избаловаться-то и не избалуется, возразила на это Пелагея Петровна съ нѣкоторою увѣренностію, — да чего ужь, матушка, ждать, время пришло и женить, покуда жива да здорова. Да вотъ невѣстенокъ-ту ничто хорошенькихъ-ту нѣтъ; гдѣ ужь и взять-то не знаю?

— Какъ, матушка, нѣтъ? заговорила съ энергіей Матрена Семеновна:—у Ивана Никитича невѣста, сударыня, у Луки Сидорича невѣста,... у Лукерьи Ивановны невѣста,... ну, сударыня ты моя... у Тереньгя Иваныча невѣста... и Матрена Семеновна перебрала всѣхъ слободскихъ невѣстъ; но Пелагея Петровна отозвалась объ нихъ какъ-то неслишкомъ выгодно: «та нехороша, другая не богата...»

— Такъ какова же тебѣ еще бѣса Пелагеюшка! выразилась съ недовольнымъ видомъ Матрена Семеновна:—на себя-то оглянись; у самой-ту что есть? вѣдь, я думаю, бѣшеной собачки выманить не чѣиъ... Женихомъ-ту что-ли больно расхвасталась, ужь про жениха-то лучше, Петровнушка, и не говори—въ трехъ соснахъ заблудилась!... Да хорошая-то невѣста, Пелагеюшка, еще въ твой-отъ домъ, пожалуй, и не пойдетъ.

Пелагея Петровна чрезвычайно оскорбилась на Матрену Семеновну, такъ что не рада уже была, что съ ней и связалась.

— Я не за тѣмъ, matka, пригласила тебя, чтобы ругаться съ тобой, выразилась оскорбленнымъ тономъ Пелагея Петровна:— коли не хочешь для меня сдѣлать услугу, такъ и не дѣлай, другую найду; а ругать тебѣ мой домъ не приводится.

— А я развѣ ругаю?—отозвалась невиннѣйшимъ образомъ Матрена Семеновна:— перекрестись, Петровнущка, ондроны вдуты! и въ умѣ-то не было, Пелагеюшка, ругать-то твой-отъ домъ, изсуши меня Господи—не было! Видно ужъ, сударыня, услуга-то моя тебѣ не нравится, что другую сваху хочешь взять. Богъ съ тобой, Пелагеюшка!.. И Матрена Семеновна, опечаленная непривѣтливымъ тономъ Пелагеи Петровны, стала было собираться домой; но та, разсудивши хорошенько, что на подобную женщину сердиться нельзя, опять остановила ее и увѣрила, что она все-таки намѣрена послать еѣ къ кому-нибудь свахой.

— Такъ къ кому же, матушка, сходить-то? надумывай что-ли, поскорѣе,—выразилась съ заботливымъ нетерпѣніемъ Матрена Семеновна:—вѣдь вонъ ужъ и вечеръ на дворѣ, тянуть-то, matka, нечего.

II.

Сватовство.

Въ это время была на славѣ, и считалась забѣлою всѣхъ невѣсть, дочка Николая Афанасьевича Хлѣбникова, свободнаго хлѣбопашца, человѣка весьма честнаго и благочестиваго. Хлѣбниковъ жилъ не далеко отъ Гавриловой слободы и считался почти за слободскаго. Николай Афанасьевичъ считалъ себя, какъ и есть, простымъ деревенскимъ мужикомъ, и потому не предъ кѣмъ не заносился, не затрогивалъ ничьего самолюбія и каждому уступалъ дорогу.

Точно также и Прасковья Ивановна — жена Николая Афанасьевича, имѣла чрезвычайно добрый и кроткій характеръ. Она была женщина самая простая и уступчивая. Не было такого примѣра, чтобы она въ чемъ-нибудь попротиворѣчила своему мужу или сказала бы ему противное слово. По этому случаю въ домѣ Николая Афанасьевича царствовали миръ и тишина.

Николай Афанасьевичъ имѣлъ довольно обширную хлѣбную

маняину; хоть денегъ у него залежыхъ было немного, но онъ жилъ въ довольствѣ, такъ что, судя по его жизни, всѣ считали его богачемъ. Единственную его дочь, красавицу Катю, онъ любилъ какъ свою душу, и берегъ, и лелѣялъ, какъ зеницу ока. Воспитывалъ онъ ее просто, безъ всякихъ мѣщанскихъ причудъ, а такъ, какъ считалъ приличнымъ для добраго крестьянина. Не широко, правда, простиралось ее ученіе: выучилась она только читать и писать и больше ничего. Читать ей давали только однѣ духовныя книги, а о другихъ книгахъ она не имѣла и понятія, да другихъ книгъ, правда, у нихъ и не было.

Катенька, по положенію своему, рѣдко имѣла столкновение съ мѣщанками и потому вредная мѣщанская цивилизація не коснулась ее частаго дѣтственнаго сердца. Въ домѣ своихъ родителей она жила просто и совершенно свободно, и никогда не стѣснялась ихъ присутствіемъ. Если не дѣлала она чего передъ родителями, то, зная, не дѣлала этого и одна. Въ виду своихъ родителей она дѣлала и дурное и хорошее, потому что, пожалуй, и не умѣла еще вѣрно различить, что дурно и что хорошо. Впрочемъ дурное ей замѣчали, что оно дурно, а за хорошее хвалили, даже, для поощренія къ хорошему, нерѣдко покупали ей сладкій городецкой пряникъ. Въ Свѣтлый праздникъ она со всѣми безъ изъятія христосовалась, потому что запрету ей на это не было. Впрочемъ по простому русскому обычаю ей не запрещалось, въ приличныхъ мѣстахъ, цѣловаться съ кѣмъ угодно. Такимъ образомъ, Катенька воспиталась безхитросно и во всей невинной простотѣ русскаго обичая.

Будучи шестнадцати уже лѣтъ, она, однажды за обѣдомъ, сообщила своему родителю, съ самою невинною дѣтскою наивностію, что ее любитъ Иванъ дядинъ, что онъ говорилъ ей объ этомъ самъ и просилъ, чтобы она его поцѣловала.

— Ну, такъ ты поцѣловала-ли, его матушка? спросилъ ее Николай Афанасьевичъ шутивымъ тономъ.

— Нѣтъ, не поцѣловала, отвѣтила Катя.

— А что же ты не поцѣловала?

— Да ничто тогда не хотѣлось цѣловать-то его

— И не цѣлуй, родимая, никогда. Безъ меня да безъ матери никого не цѣлуй, а при мнѣ, либо при матерѣ — ничего; только украдкой да тихонько — обереги тебя Богъ — ничего не дѣлай и не цѣлуй никого. Украдкой цѣловаться большой грѣхъ.... И Катенька всячески остерегалась дѣлать то, что

грѣхъ, потому что боялась Бога и любила и уважала своихъ родителей.

А какъ Катенька была хороша и прелекательна, такъ это и выразить нельзя. Напрасно бы я сталъ описывать ея красоту и прелекательность: описаніе это никакъ не выразило бы той неувливаемой и, можно сказать, обаятельной прелести, которая и во взорахъ и въ движеніяхъ обнаруживала ея внутреннюю, душевную доброту. Всякій, кто имѣлъ случай близко ея любоваться—находиться въ ея сообществѣ, ощущалъ въ душѣ своей какое-то высшее наслажденіе, и чѣмъ болѣе въ нее всматривался, тѣмъ болѣе не хотѣлось отъ нея оторваться. На что ужъ скромнѣе и воздержнѣе былъ на все о. Гавриила, а и тотъ при встрѣчѣ съ Катенькой всегда бывало, опривѣтствуетъ ее словами изъ «Пѣснь пѣсней» царя Соломона.—«Приди ко мнѣ, возлюбленная моя голубице моя...

И не по одной только красотѣ и хорошему нраву славилась эта невѣста—за ней, по слухамъ, много было и приданого. Досужіе слобожанки какими-то судьбами разнюхали все досконально; дознались обо всемъ ея приданомъ до послѣдняго лоскутка. У нее, дескать, есть теперича четыре платья матерчатыхъ, а нахорошее-то, дескать, еще не куплено» Слобожанки описали даже подробно, что какія на матеріяхъ *манеры* (рисунки) в которыхъ изъ этихъ матерій сотканы изъ чистаго шелку-безъ подмѣся, которыя съ сырцомъ.

Опречь матерчатыхъ платьевъ, перебирали слобожанки Катенькино приданое, «естъ, дескать, два платья муслинъ-делиновыя, четыре платья битепа жевскихъ, остальные то прохоровской, то Царевской фабрики, хорошагоразбора, нелинючія, значить, а Веберскихъ хотьбы одно платье. Хорошій, дескать, солопъ весь на лисьемъ мѣху, покрытъ атласомъ багроваго цвѣта, воротничекъ хоть и куничей, да не хуже, пожалуй, соболя. Въ другихъ—солопъ тоже матерчатой, мусаковаго цвѣту съ аблоками; полки, де, тоже на лисьемъ мѣху, ну а спинка изъ подкрашенныхъ зайчиковъ, да такіе, дескать, зайчики, такъ что твоя лиса! воротничекъ, де, изъ какихъ-то незнакомыхъ звѣрой, насчетъ чернубурой лисицы»... Между заботливыми слобожанками въ одномъ только и зашелъ жаркій споръ: одинъ говорилъ, что у Кати суконная, ваташная шубка стегана вся на вѣтошкѣ, а другія увѣряли, что подъ полы, будтобы, вѣтошка не достало, и поэтому полы выстеганы будтобы на листовой ватѣ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ по-

ложительно, то увѣтовано было такъ: что если Катенька придетъ къ кому-нибудь въ этой шубкѣ въ гости, то подпороть немножко подкладку, узнать чѣмъ вата обвѣтошена и порѣшить этимъ окончательно спорный вопросъ. Такъ было и положено.

На эту-то славную невѣсту зарились всѣ мѣщанскія матери, у которыхъ были взрослые сыновья. Когда ещё Катенькѣ и годы не вышли, а ужъ къ ней сватались три жениха, да отказали родители, потому что не хотѣли еще съ Катенькой такъ рано разставаться, да отчасти и женихи не слишкомъ нравились.

Вотъ и Пелагея Петровна, когда задумала обзаконить своего сына, тоже остановилась своимъ выборомъ на Катенькѣ, да только робѣла заявить свою мысль гласно, изъ опасенія, чтобы и ей не отказали; а отказъ въ невѣстѣ безславить жениха.

— Вотъ у Николая Афанасьяча, говорятъ, дѣвушка-та хороша,—начала будто нехотя Пелагея Петровна;—да видно еще выдавать-то, матушка, не хотятъ: всѣмъ, говорятъ, отказываютъ.

Пелагея Петровна знала на-вѣрняка, что другой такой невѣсты, какъ Катенька Хлѣбникова, нельзя и найти, да только употребила слово: «говорятъ» для того, чтобы въ случаѣ отказа можно было вернуть тутъ какую-нибудь клюку, «что, какъ поразузнала, дескать, хорошенько-то, такъ и даромъ, де, такой-ту невѣсты не надобно».

— Николая Афанасьевича, такъ у Николая Афанасьевича, отвѣтила Матрена Семеновна:—и къ нему схожу, отчего не сходить-то?

— Оно можно и къ нему! да онѣ, матушка, такіе, говорятъ гордые, да неприступные, всѣмъ, говорятъ, отказываютъ.

— Ты думаешь и намъ откажутъ? Не откажутъ, матушка моя! а откажутъ, такъ и песь съ ними! дуй ихъ горой! видали эдакихъ-ту жоховъ. А вѣдь я, Петровнушка, никому ни скажу, что сваталась, хоть убей—не скажу: вся изклянусь, а ужъ не скажу. А все-таки, Пелагеюшка, попытаемся, хоть и напрасно-то схожу, такъ наплевать, у меня вѣдь на ногахъ-ту не укладъ. Какъ, неровно, совсѣмъ-ту ужъ стануть, Петровнушка, отказывать, такъ я имъ пригрожу, псамъ эдакимъ, право пригрожу! что ты смѣешься?... «Огдавайте, молъ, а то осрамлю! ворота, молъ, вымажу дехтемъ!» право! Что ты смѣешься? ты

думаешь не скажу?—право скажу? ха! ха! ха!.... Да что болю носы-то задирають?

— Полно ты, врунья эдакая,—возразила, смѣючися, Пелагея Петровна:—ты, у меня и въ самомъ дѣлѣ этого не бухни.

— Что у меня взять-то? у меня, родиная, взятки-то гладки, съ меня ничто возьмутъ.

— Да вѣдь за такіа-то слова ты будешь отвѣчать, дура ты эдакая!

— Запрусь, Петровнушка, тутъ же запрюсь, что они возьмутъ?

— «Знать, молъ, ничего не знаю! не говаривала, молъ, ничего этого, у меня молъ и въ помышленіи не было!»... такъ что они возьмутъ?—шишь!

— Ну полноко ужъ пустяки-то врать-то, сходи инъ, matka, потрудись, что ужъ тамъ тебѣ скажутъ». Пытка не пытка спрось-не бѣда». Вотъ ужъ какъ совсѣмъ-ту смеркнется, такъ, сударыня, и отправляйся съ Богомъ, что ужъ Богъ дастъ.

Обрадованная окончательнымъ порученіемъ, Матрена Семеновна побѣжала домой переодѣваться.

Все это совершилось въ домѣ Пелагеи Петровны подъ глупоимъ секретомъ. Объ этихъ ея намѣреніяхъ покуда не знала еще ни одна душа, кромѣ одной Матрены Семеновны; а Николая Ивановича, какъ выше было упомянуто, не было даже и дома. Онъ и знать не зналъ и вѣдать не вѣдалъ, что его, добраго молодца, женать, что безъ его вѣдома и согласія посторонніе люди выбираютъ для него, по своему вкусу, друга жизни и тѣмъ окончательно рѣшаютъ его судьбу!

Смерклось. Часовъ въ 10 вечера Матрена Семеновна, помолвившись, какъ слѣдуетъ, Богу и получивъ отъ Пелагеи Петровны должныя наставленія, отправилась къ Николаю Афанасьевичу въ характеръ настоящей свахи.

Матрена Семеновна почти на одинъ духъ прибѣжала въ усадьбу, въ которой отдѣльнымъ домомъ жилъ Николай Афанасьевичъ. Подойдя къ окошку нижняго жилья, она застучалась курочкой въ деревянный ставень хоть и не слишкомъ громко, но чрезвычайно часто такъ что домашніе Николая Афанасьевича, по одному стуку разпознали, что это стучится сваха (*).

(*) Опытныя свахи старыхъ временъ стучались обыкновенно подъ окошкомъ весьма часто въ родѣ барабана.

Николай Афанасьевичъ, какъ водится, перемигнулся съ Прасковьей Ивановной и шепнулъ ей на ухо, чтобы она вышла на улицу и приняла сваху въ горницу. Прасковья Ивановна такъ и сдѣлала.

Съ необыкновенною чопорностію, пригодной для самой искусной свахи, Матрена Семеновна вошла въ горницу, довольно вычурно помолилась Богу и поздоровалась съ Прасковьей Ивановной. Чтобы поразить необразованную деревенщину отборною мѣщанской отчетливостію, Матрена Семеновна до того съузила свой ротикъ, что какъ будтобы собрала его «нитку», и въ такомъ видѣ повела съ Прасковьей Ивановной свою искусную рѣчь; а та съ проста-то подумала, что губы у Матрены Семеновны больно ужъ видно обило вѣтромъ, такъ что и говорить-то ужъ, видно, ей очень трудно.

— Садитесь милости просимъ, сударыня Матрена Семеновна, предложила ей Прасковья Ивановна.

— Не устала, все сидѣла, сударыня, отвѣтила довольно ловко Матрена Семеновна.

Матрена Семеновна и тутъ знала условіе, что, не окончивши дѣло, свахи не садятся.

— А я, сударыня, за дѣльцемъ къ вамъ пришла, заговорила Матрена Семеновна съ величайшимъ искусствомъ и ужимками, — у насъ, сударыня моя, есть купчикъ, а у васъ товарище, такъ нельзя-ли, сударыня, вашъ-отъ товарище уступить нашему купчику?

Прасковья Ивановна безъ всякаго затрудненія поняла настоящую аллегорію витѣватой рѣчи.

— Этотъ товарище, матушка Матрена Семеновна, не у однихъ у насъ есть, отвѣтила она поддѣлываясь подъ тактъ Матрены Семеновны, — у другихъ-ту, сударыня, посмотрите, не лучше-ли поправится.

— Нѣтъ ужъ, сударыня моя, намъ ужъ вашъ-то товарище больно къ сердцу да къ душѣ пришелся, такъ что и отстать не хочется.

— У Лукерьи Ивановны дѣвушка-та хороша, да рукодѣльная, говорятъ, такая, — промахнулась съ проста Прасковья Ивановна.

— Этотъ товарище, сударыня, не по нашему купчику, — подерживала свой искусный разговоръ Матрена Семеновна — намъ

отъ купчикъ, сударыня, не осъви въ полѣ, не Лукерья Ивановнѣ чета.

— Что же, сударыня, у васъ закупчикъ такой?—принуждена была спросить на прежній ладъ Прасковья Ивановна:—нельзя-ли, сударыня—узнать намъ будетъ, безъ этого и товарищъ продавать намъ нельзя, у насъ товаръ не залежной, сударыня.

Сказавши это, Прасковья Ивановна подумала немножко, что ужъ такъ-ли она наговорила, ненаврала-ли.

— Купчика нашего, сударыня Прасковья Ивановна, не похайте, слава Богу!—выразилась Матрена Семеновна!—Пелагемъ Петровны сынокъ, сударыня, эдакого-то человекъ, я думаю, обойди всю матушку *Россею*, такъ не найдешь,—принялась хвастать Матрена Семеновна. — Умница-то какая! за что ни примется, такъ дѣло-то въ рукахъ-у такъ и поетъ! такъ и поетъ!

— Не больно, говорятъ, богаты, замѣтила спроста Прасковья Ивановна,—есть-ли, матушка, чѣмъ жить-то.

— Полно-ко, матушка, Прасковья Ивановна, объ этомъ ужъ ты и не говори и не заботься, живутъ, матушка, какъ сыръ въ маслѣ катаются; въ домѣ-то вонъ всякой всячины и не проберешься, ужъ подлинно что, чего хочешь, то и просишь»!... а сундуки-то съ добромъ-ту такъ и ломаются! такъ и ломаются! «Ужь куда, молъ, тебѣ Петровна съ экимъ-ту добромъ и дѣваться то?—всему, де, найду мѣсто: вотъ сношку, дескать, Богъ дастъ, такъ по-поламъ-де съ ней и раздѣлю»—такъ все и говоритъ, у самой-то видно есть еще кока съ сокомъ! только не сказываетъ; тысячь видно пять — шесть — десять есть,—врала съ плеча Матрена Семеновна,—еще и съ хвостикомъ, — надбросила она для походу—да видно еще и съ схвостикомъ-ту съ большинькимъ;—присовокупила Матрена Семеновна, подозрѣвая, что обыкновенный хвостикъ на Прасковью Ивановну какъ будто не дѣйствуетъ.—«Али и этого еще тебѣ мало? раздуло бы тебя горой! подумала она про себя, покосившись съ недовольнымъ видомъ на Прасковью Ивановну.

Прасковья Ивановна въ это время стояла призадумавшись и, какъ видно, половины не слышала, объ чемъ напѣвала ей Матрена Семеновна.

— Все это, матушка, хорошо-слышу, все слышу,—заговорила она, будто спохватившись—да вотъ что, какъ деньжонокъ-ту у нихъ нѣтъ, такъ плохо...

«Разстрѣли-те горой! какого еще тебѣ бѣса» — подумала про себя Матрена Семеновна, и, не зная чѣмъ болѣе поразить Прасковью Ивановну, бракнула ей съ дуру, что Целагея Петровна собирается строить колокольню.

Прасковью Ивановну дѣйствительно изумило такое огромное предпріятіе, такъ что не знала она что на это и сказать.

— Видно ужъ двѣ у васъ, матушка, колокольни-то будутъ? нашлась она только замѣтить

— Да видно ужъ двѣ, сударыня, подтвердила Матрена Семеновна.

Прасковья Ивановна отъ удивленія покачала головой.

— Больно, говорятъ, сама-то сердита, жить, говорятъ, нельзя,—начала опять Прасковья Ивановна.

— Полно-ко, матушка,—все это пустяки! все пустяки! — возразила Матрена Семеновна, отбросивъ уже кашгальную статью въ сторону: — дома-то смиренная-разсмирная, точно курочка, ну вотъ точно курочка! — двухохленкая, прибавила Матрена Семеновна ради особенной витѣватости и красоты слога, — ни чуть то ее не слышать. Съ сыномъ-то вонъ, какъ ни живутъ: поперекъ слова не бывало... Изъ устъ, сударыня, не вынесетъ какъ Николинька-то мой, да Николинька-то у меня»... А вѣдь это все вѣдмы работницы худую-ту славу про насъ разносятъ. Вѣдь всѣ онѣ, — не въ вашемъ-ту домѣ будь сказано, — скурехи бѣлосвѣтныя! вогъ что сударыня моя. Какъ ономясь, вонъ ваши работники, — принялись сочинять Матрена Семеновна, — про васъ поразказала, такъ только уши вьнугъ! такъ неушто ей и вѣрмтъ? тфу! на ея-то слова, вотъ что, сударыня моя... Такъ ужъ подумайте, сударыня Прасковья Ивановна, — принялась за прежнее Матрена Семеновна, измѣнивши нѣсколько крикливый тонъ своей рѣчи и стянувъ по-прежнему самымъ искуснымъ манеромъ случайно распустившіяся гуоки: — вѣдь сегодня-ли, завтра-ли, а ужъ этого, сударыня, не минешь, не за нашего, такъ за другого. Конечно, свое дѣтище жаль отпустить въ чужія руки; да вѣдь ужъ, сударыня, не нами вѣкъ начался не нами кончится; что видно въ людяхъ ведется, то и у насъ не минется; держать ужъ, матушка моя, все при себѣ не ставешь: малюбовалась видно да наглядѣлась; пора ужъ и въ чужіе люди огдаты; мѣшкать ужъ нечего, прикрывай, де, вѣничкомъ-ту свое дѣтище, покуда молодо еще да, зелено да покуда жеминьки-то есть хорошіе; пословица говорится «куй, де,

жельзо, пока горячо».. а вѣдь ужь этотъ товарецъ хлибкой, сами знаете, залеживаться не дѣлать, лишній годокъ полежить, такъ ужь и продыравится.

Довольная своею находчивостью, Матрена Семеновна ловко взметнула глазами и съ незамѣтною усмѣшкой покосилась на Прасковью Ивановну... «послушаемъ, дескать, что ты скажешь на мой-то словеса».

— Для нашей, матушка, невѣсты время еще не ушло, возразила на это Прасковья Ивановна, не слишкомъ довольнымъ тономъ—наша невѣста нестарокъ какой-нибудь, сударыня, еще и годы-то не знаю вышли-ли.

— Эго, сударыня Прасковья Ивановна, не къ вашей дочкѣ и сказано—извернулась Матрена Семеновна,—а къ слову только пришлось; пословица говорится, что, изъ пѣсни-де слова на выгородишь... Такъ уже какъ же сударыня Прасковья Ивановна, съ чѣмъ меня отпустите? что прикажете сказать?

Да вотъ, матушка, съ большачкомъ-ту надо переговорить; это дѣло такое, подумать надо, да посовѣтовать... И Прасковья Ивановна вышла на минуточку переговорить съ большачкомъ.

Что они между собой переговорили, что присовѣтовали,—неизвѣстно; но только по строгимъ правиламъ сватовства, невѣстина мать, въ случаѣ согласія съ ея стороны, ни подъ какимъ видомъ не должна съ перваго раза обнаруживать этого свахѣ, а должна хоть сколько-нибудь потянуть дѣло, говоря конечно съ свахою не на-прямикъ, а какъ-нибудь обиняками, т. е. ни да ни лѣтъ. Хоть свахѣ и всегда говорится, что и вы, дескать, свахонька, посовѣтуйте да подумайте, но говорится это большею частію для одного блезира. А между тѣмъ женихова сваха обязана въ свою очередь объявлять свои намѣренія самымъ рѣшительнымъ образомъ, хоть бы даже брадо ее и раздумье.

— Что сударыня, надумали да присовѣтовали? заговорила Матрена Семеновна Прасковѣ Ивановнѣ, когда та возвратилась въ горницу.

— Да что, матушка, присовѣтовать-то, вѣдь это дѣло такое, что кругъ пальца не обернешь... Подумаемъ, сударыня Матрена Семеновна,—и вы, матушка, подумайте да погадайте, у другихъ можетъ не получше-ли приглянется.

— У насъ ужь, сударыня Прасковья Ивановна, надуманно да нагадано; ужь брать-ли не брать-ли у васъ, вотъ что су-

дарыня... Такъ что же, сударыня, Пелагеѣ-то Петровнѣ сказать прикажете.

— Датакъ, матушка, и скажите, что подумаютъ-де, да посовѣтуются.

— Слышу, сударыня Прасковья Ивановна, такъ сударыня и скажу. Прощенья просимъ, сударыня!

— Прощайте, матушка Матрена Семеновна, на предки къ намъ милости просимъ.

— Ваши гостья, сударыня.

— Просимъ покорно, матушка!

Догадливая на все Матрена Семеновна, при прощаньѣ съ Прасковьей Ивановной, будто не парочно, стукнулась съ ней лбомъ и тутъ же замѣтила, что видно имъ придется породниться.

Такимъ образомъ первое сватовство кончилось благополучно, въ пользу Пелагеи Петровны. Последнія слова Прасковьи Ивановны «просимъ покорно, матушка» обозначали ясно и положительно, что сдѣланное предложеніе родителямъ не противно и что есть полная надежда на успѣхъ. Съ невыразимою радостію Матрена Семеновна сбѣжала домой. Отъ необыкновенной торопливости своей она то и дѣло спотыкалась и падала, тѣмъ болѣе, что ночь была довольно темна и на дорогѣ было грязно.

Пелагею Петровну тоже порядочно подмывало; она въ свою очередь не знала, какъ и дожидаться своей сваховки, ей часъ показался за годъ. Нѣсколько разъ выбѣгала она за ворота и прислушивалась въ темнотѣ ночи, что не слышно-ли въ улицѣ сваховкина шлепанья. Пелагея Петровна почти уже раскаивалась, что она послала къ Хлѣбникову свою сваху.

Обдумавшись хорошенько, она и сама сознавала, что забѣжала не по своему кошелю, что такому богатому и торговому человѣку, каковъ Хлѣбниковъ, выдавать свою дочь красавицу за ея простофилю нѣтъ никакого резона.

Во время подобныхъ размышленій Пелагеи Петровны, сваховка Матрена Семеновна, веселая развеселая, и вся въ грязи, вбѣжала къ ней въ горницу.

— Ну-ко, чертовка омутная! произнесла въ особенномъ она расположеніи духа: — что зенка-то вылупа сидишь?! Что самовара-то не ставишь? И Матрена Семеновна, въ порывахъ восторга и радости, презрѣдно одѣла Пелагею Петровну по спинѣ кулакомъ.

Целагея Петровна тотчас смекнула, что дѣло идетъ на ладъ и потому также не могла скрыть своего внутренняго удовольствія, которое какъ будто невольно выразилось уже и въ словѣ и въ дѣлѣ.

— Экой долгой бѣсъ, какъ ударила!—произнесла она довольно весело, и съ этимъ словомъ такъ оплела Матрену Семеновну, что та не взвидѣла свѣту Божьяго.

— Палашка, окаянная, больно дерешься! прокричала уже съ визгомъ Матрена Семеновна, и захвативши ударенное мѣсто рукою, отбѣжала прочь.

— Ну-ко, говори, что тамъ сказали? начала спрашивать Целагея Петровна съ величайшимъ любопытствомъ.

— Нѣтъ, прежде рюмочку поднеси, а безъ этого, живучи, ничего не скажу! отвѣтила на это Матрена Семеновна.

— Эхъ горой тебя наду! выразилась съ рѣдкою дружелюбностію Целагея Петровна, наливая ей изрядную рюмку водки:— на вотъ, лопай! разстрѣли те горой!

— А ты думаешь, не выпью? выпью матушка! и Матрена Семеновна процѣдила сквозь зубовъ, самой тощенькой струйкой, всю рюмочку.

Послѣ этого, оставя всѣ шутки въ сторонѣ, она чопорно сѣла на стулъ и чинно пересказала все, какъ ее приняли и какъ при прощаньи сказали, «спросимъ де покорно, сударыня».

Целагея Петровна внутренно едва вѣрила такому неожиданному счастью, но показала видъ, что какъ будто много результата и ожидать было нельзя.

— Чего имъ еще лучше-то деревенщинѣ! отозвалась она довольно серьезно: Палашка что-ли Глазокъ лучше насъ? али вонъ Матренка Свистунъ?..

— Полно-ко, Целагеюшка, хвастать-го! перебила ее Матрена Семеновна: ужъ я сама-то сватаю да и думаю: «дураки, молъ будутъ, какъ отдадутъ; только, молъ, дѣвку-то погубить, право».

— Отчего же сударыня, они дѣвку-ту погубить? спросила, оскорбившись, Целагея Петровна.

— Ну, матка, вѣдь это я пошутила, отвѣтила разсѣянно Матрена Семеновна.

Целагея Петровна выставляла на первый планъ только себя, а объ Николаѣ Ивановичѣ не было и помину. Однажды только и то къ слову, спросила объ немъ Матрена Семеновна, что вѣдь чай Николаюшко-то, Петровна объ этомъ не знаетъ?— На что

ему знать, матушка, отвѣтила на это Пелагея Петровна самымъ серьезнымъ тономъ, — его-ли это дѣло.

— Ну, то-то, я вѣдь только объ этомъ спросила—заключила Матрена Семеновна.

Въ слѣдующую ночь, Матрена Семеновна опять отправилась къ Николаю Афанасьевичу для продолженія сватовства; переговоры были почти такого же одержанія, все еще обняками; только на этотъ разъ находился при переговорахъ и самъ Николай Афанасьевичъ. При прощаньи Матрена Семеновна опять услышала: «просимъ покорно, сударыня.»

Такъ повторилось сватовство ночи по три и говорилось все одно и то же. На четвертую уже ночь Катенькины родители сообщили свахонкѣ Матренѣ Семеновнѣ прямо, — безъ всякихъ уже обняковъ, что они дочку свою за предлагаемаго ею жениха выдать согласны. Вслѣдствіе чего на пятую ночь Матрена Семеновна уполномочена была отъ Пелагеи Петровны переговоры на счетъ приданнаго.

Съ удивительнѣйшею памятью и соображеніемъ перебирала Матрена Семеновна все приданое, начиная отъ самолучшаго сапога, — до простой булавки.

— Воротничекъ-отъ на хорошемъ-ту салопѣ какой будетъ, сударыня спрашивала, между прочимъ она Прасковью—Ивановну,

— Да куничей, матушка, отвѣтила Прасковья Ивановна.

— Чай, пришить будетъ, сударыня? али только на тесемочкахъ привязанъ?

— А и не знаю, матушка, какъ у нихъ тамъ сдѣлано, опозвала Прасковья Ивановна.

— Ужь пришейте сударыня, такъ будетъ попрочнѣе, замѣтила Матрена Семеновна.

Это замѣчаніе сдѣлала она съ тѣмъ соображеніемъ, что воротникъ, привязанный тесемками, можно послѣ и перемѣнить и привѣсить на мѣсто его хужѣ, а также одинъ воротникъ можно такимъ образомъ перевѣшивать ко всѣмъ салопамъ; тогда какъ пришитый воротникъ перемѣнить труднѣе, да и при нахлопѣ сапогъ; по-необходимости, долженъ быть свой уже воротникъ.

— Рубашичекъ-ту сколько за ней будетъ, сударыня? продолжала спрашивать Матрена Семеновна.

Прасковья Ивановна объяснила, сколько будетъ у невѣсты рубашекъ.

— Парочку бы еще не мѣшало прибавить, — замѣтила для порядка Матрена Семеновна;—со строчичкамъ-ту, чай, парочки двѣ будетъ, сударыня? прибавила она.

— Какъ же матушка; она у меня строчить-то поди какая мастерица! всѣ вонъ рубашки и полотенца сама строчила.

— Ужь вѣстимо, что самой надо, замѣтила Матрена Семеновна.

— А съ кружевцамъ-то много-ли, сударыня, будетъ рубашечекъ-ту?

— Да и не знаю, матушка, сколько у ней тамъ будетъ—отозвалась Прасковья Ивановна.

— Ужь парочки-то двѣ тоже надобно, сударыня пояснила Матрена Семеновна.

Прасковья Ивановна соглашалась на все.

— Башмачковъ-ту, сударыня, сколько будетъ за ней? продолжала развѣдывать Матрена Семеновна.

Прасковья Ивановна тоже отозвалась было незнаніемъ, но Матрена Семеновна этимъ не удовольствовалась.

— Ужь объявите, сударыня, сколько будетъ ваше намѣреніе дать, мы ужь такъ и знать будемъ, — настаивала Матрена Семеновна.

Прасковья Ивановна сдалась въ этомъ случаѣ на Матрену Семеновну.

— По нашему, сударыня, двѣ бы парочки на кожанномъ подиарядцѣ, ну а двѣ парочки хоть и на холстикѣ, объяснила свое желаніе Матрена Семеновна.

Прасковья Ивановна и на это согласилась.

— Ну, сударыня моя, чулковъ костровыхъ парочки двѣ ужь надобно,—заявляла дальнѣйшія свои требованія свахонька Матрена Семеновна, да шерстяныхъ тоже, парочки двѣ; а нитяныхъ-ту можно, сударыня и три парочки. Валяночки, хоть двои надобно зимой-ту ходить-то. А вѣдь подвязочки-то къ чулкамъ ту чай есть? и безъ этого сударыня нельзя, надобно ужь хоть подвязки три.

Прасковья Ивановна ничему этому не противорѣчила.

— Ну, сударыня Прасковья Ивановна, чѣмъ ваше намѣреніе будетъ благословить дочку-ту на счетъ Божія-то милосердія? продолжала Матрена Семеновна.

Прасковья Ивановна объяснила, какой иконой будетъ бла-

гословлять она сама, и какой ея большачокъ, Николай Афанасьевичъ.

— Иконы у насъ, матушка хорошія, присовокупила Парасковья Ивановна, — всё въ окладахъ, да въ ризахъ серебряныхъ.

— Ужь около вѣнчиковъ-ту, сударыня, сдѣляйте сіяніе, какъ вамъ будетъ угодно, объявила положительно Матрена Семеновна.

Парасковья Ивановна на счетъ придѣлки сіянія представила было какія-то неудобства, что нѣтъ, дескать, здѣсь и серебряниковъ что-ли, или другое что; но Матрена Семеновна пошла такую аколесную, что чуть было не испортила этимъ всего дѣла.

— Ужь если, сударыня, нѣтъ у васъ намѣренія придѣлать сіяніе, такъ ужь видно развѣхаться намъ будетъ по простымъ, — брякнула она, не подумавши.

Николай Афанасьевичъ страшнымъ образомъ разсердился на эту выходку и дѣйствительно хотѣлъ было разойтись по простымъ; да только ужь уговаривала его Парасковья Ивановна.

Матрена Семеновна тоже струхнула и для поправки дѣла предложила, «что если представится, то можно обойтись и безъ сіянія».

— Мы, вѣдь, матушка, не взыскательны, не какъ иные прочіе, закончила она спорную рѣчь на счетъ сіянія.

— Теперь объ дѣлѣ-то надо поговорить, начала опять Матрена Семеновна, — тепленькое-то одѣяльце, на мѣху-ту, чай, будетъ у васъ, сударыня.

— А на что, кажется, мѣховое-то одѣяло, отвѣтила Парасковья Ивановна: — вѣдь у нихъ, чай, въ горницахъ-ту, матка, тепло. Ваточныхъ два одѣяльца будетъ.

— Ваточныя само собой, а ужь безъ мѣховаго одѣяльца, сударыня, тоже нельзя. Неровно лѣтомъ приведется одежду посушить на солнышкѣ, такъ ужь мѣховаго-то одѣяльца и не будетъ, ровно у сиротки.

Убѣждаясь такой очевидной необходимостью, Парасковья Ивановна согласилась шить и мѣховое одѣяльце.

— А изъ овчиннова-то, сударыня, ужь будетъ-ли что-нибудь. вѣдь ужь и безъ этого нельзя, сударыня.

— Она, матушка. у насъ овчиннаго-то никогда и нешивала,

замѣтила Прасковья Ивановна:—есть, матушка моя, что надѣть-то и безъ овчиннаго.

— Какъ же, сударыня Прасковья Ивановна, представляла свои резоны Матрена Семеновна:—ужь какъ овчиннаго-то не будетъ, такъ ужь нечего будетъ положить и на полатки-то, али на голбчикъ-отъ? да опять же, и на солнышкѣ-то посушить нечего? сами восудите, сударыня, хоть на васъ послаться.

Убѣждаясь такими резонами, Прасковья Ивановна, дѣлать нечего, согласилась шить два овчинныхъ полушубка, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, было что посушить на солнышкѣ и положить на полатки, али на голбчикъ.

— Чай, юбочекъ-то канаватныхъ, али грезетовыхъ будетъ, сударыня, сколько-нибудь? продолжала задавать свои вопросы Матрена Семеновна.

— Да, вѣдь, нынче, матушка, этого давно ужь и не носятъ, возразила Прасковья Ивановна,—продаютъ-ли, поди, и матерія-то эдакія. Нынче, вонъ и сарафановъ-ту мало городскія-то носятъ, а все платья пошли. Моя-то, правда, платьевъ-то немного любитъ, дома-то вонъ все въ сарафанахъ ходитъ; ну а юбокъ-то канаватныхъ ужь не нашивала; носить-то, вишь, давно перестали.

— Носятъ-ли, не носятъ-ли, сударыня Прасковья Ивановна, а ужь все бы надобно юбочку-то шить, хоть бы на стѣннѣ-то висѣла, да покрасовалась.

Такимъ образомъ, свахонька Матрена Семеновна перебрала приданое до послѣдней вещи и на счетъ каждой вещи сдѣлала свое замѣчаніе. Въ заключеніе же всего объявила, что кромѣ этого невѣста должна вывязать въ числѣ приданого не только на столъ столешникъ, но и на квашню квашенникъ.

— Ужь безъ этого, сударыня Прасковья Ивановна, никакъ нельзя, поясняла Матрена Семеновна:—неровенъ, матушка, случай: если, не къ тому будь сказано,—пожаръ случится, за что сначала-то возьмешься? вѣдь ужь, извѣстное дѣло, что сперва наперво надобно за Божіе милосердіе, да за столешничекъ, да да за квашенничекъ, тогда и добро все будетъ цѣло, да сохранно, развѣ ужь только не усиѣешь.

Этимъ закончились послѣднія условія на счетъ приданого.

Чтобы не откладывать дѣла въ дальній ящикъ и, какъ говорится, ковать желѣзо, покута горячо, Пелагея Петровна

предложила Николаю Афанасьичу, чрезъ Матрену Семеновну, сдѣлать, въ слѣдующее же Воскресенье, рукобитье. Николай Афанасьевичъ согласился, но только не иначе, чтобы на рукобитьи былъ и женихъ. Хоть свахонька Матрена Семеновна и увидала было сватушка Николая Афанасьевича, что и безъ жениха здѣсь дѣло обойдется, что женихъ изъ родительской воли не выдетъ.... но свать Николай на это никакъ не согласился.

— Безъ жениха, сваха рукобитья не будетъ, сказалъ онъ на отрывъ.

VII.

Рукобитье.

Много опечалила Пелагею Петровну такая неожиданная отсрочка рукобитья. Ее такъ и подмывало, чтобы, дескать, не перодумали да не отказали.—«Долго больно не ѣдетъ, дуй его горой» думала Пелагея Петровна на счетъ Николая Ивановича—«пожалуй другой какой-нибудь салыбъсъ подвернется, такъ и откажутъ...» Вишь, вѣдь, жошище что выдумалъ: жениха привести, ровно не сдѣлалось бы дѣло-то безъ жениха-то».

Къ общему благополучію, и почти неожиданно, на третій день, прибылъ и женихъ; онъ приплылъ на баркѣ. Пелагея Петровна отъ радости такъ и пропрянула. Она не пожелала даже проконтролировать и расходовъ, какія сдѣлалъ Николай Ивановичъ во время путины; а только и есть, что спросила его: «все-ли благополучно?»

— Да все слава Богу, отвѣтилъ не слишкомъ впрочемъ весело Николай Ивановичъ:—только якорь потеряли, присовокупилъ онъ немного помолчавъ.

— Экой грѣхъ какой! произнесла Пелагея Петровна съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ;—ну да ужъ дѣлать нечего, прибавила она потомъ довольно спокойно.

Николай Ивановичъ не могъ и надивиться, что Пелагея Петровна обошлась съ нимъ такъ скромно.

Не зная не вѣдая, что рѣшается его судьба, онъ спокойно ворочался около барки. Замѣчалъ онъ, правда, въ домѣ какую-то суету: перешептыванье да перемигиванье, а догадаться все-таки не могъ. Не мало также смущала его и Матрена

Семеновна, которая съ утра до вечера, какъ юла, вертѣлась у нихъ въ домѣ. — «Что-нибудь да недаромъ, подумалъ про себя Николай Ивановичъ. — Развѣ не Машка-ли, песъ, что надѣлала... ужь не родила-ли. Эко дѣло.... такъ чему бы, кажется, тутъ радоваться-то».

Между тѣмъ Пелагея Петровна скоро-на-скоро послала извѣстить сватушка Николая Афанасьича, что пріѣхалъ женихъ и и что нельзя-ли въ воскресенье сдѣлать рукобитье.

Николай Афанасьевичъ отвѣтилъ, что можно.

Наканунъ рукобитья, т. е. въ субботу, когда Николай Ивановичъ былъ дома, Пелагея Петровна торопливо вышла вонъ изъ комнаты и, возвратившись, принесла съ собой хорошіе новые сапоги, отдѣланые подъ козелъ.

— На-ко примѣрай! проговорила она повелительно, обращаясь къ Николаю Ивановичу, и съ этимъ словомъ бросила передъ нимъ сапоги.

«Часъ отъ часу не легче» подумалъ про себя Николай Ивановичъ—«Что за милости такія явились!» и сталъ примѣрять сапоги.

Сапоги оказались немножко тѣсноватые; однако, все-таки влѣзли.

— Хороши, отвѣтилъ Николай Ивановичъ:—влезли.

— Мать-та ужь худова-то, небось, не купить, произнесла самодовольно Пелагея Петровна.

Тѣмъ для Николая Ивановича и покончился первый приступъ къ дѣлу, изъ котораго онъ все-таки ничего не повялъ, а подумалъ только, что сапоговъ этихъ, хоть онъ ихъ и примѣралъ, носить ему не дадутъ. Такъ Николай Ивановичъ ничего и не узналъ до самаго воскресенья. Въ воскресенье къ вечеру пришолъ его отецъ крестный, котораго Пелагея Петровна, бывши за обѣдней, сама лично пригласила съ собой на рукобитье.

Начало смеркаться. Пелагея Петровна стала по-немногу собираться уже на рукобитье.

— Ну-ко, Николай, надѣвай повье-то сапоги, да собирайся съ нами! сказала, наконецъ, она обращаясь къ сыну съ повелительнымъ тономъ: — сибирочку надѣнь, да причешися, да припомадся, а михрютой-то не глади.

— Да куда же мы пойдѣмъ? спросилъ съ изумленіемъ Николай Ивановичъ.

— Извѣстно куда,—отвѣтила Пелагея Петровна довольно сер-

кто:—балбѣсничать-то ужь нечего, жениться пора. Невѣсту смотришь собирайся! рукобитье сегодня будетъ... Нечего фофаномъ-то глядѣть-то, слышилъ что говорятъ?!

Николай Ивановичъ только ротъ разинулъ.

— Какую невѣсту смотришь?... да кого вы женить-то хотите, меня что-ли? спросилъ онъ самымъ неуклюжимъ манеромъ, потому что немножко растерялся.

— Нѣтъ, вонъ, Гришку дьячка!—сзострила Пелагея Петровна:— Собирайся-ко, собирайся! что еще раздобаривать-то сталъ!

— Да что вы это, въ самомъ дѣлѣ? шутить что-ли этимъ хотите?—заговорилъ, нѣсколько обдумавшись, Николай Ивановичъ:— не сказавши мнѣ ни слова, не спросивши меня, вдругъ издумали женить и Богъ знаетъ на комъ!.. я вовсе и жениться-то не хочу.

— Вотъ, прямъ, «не сказавши» «не спросивши» изволь-ко думать!... мать-то видно докладывать тебѣ станетъ: «не изволишь-ли, молъ, сочетаться законнымъ бракомъ» вотъ сударыня моя?... А какъ возьму, да отвожу бока-те полѣномъ, такъ и станешь говорить «не спросившись». Одѣвайся-ко, одѣвайся, куда цѣль!!

Огорченный и раздраженный такимъ неосновательнымъ требованіемъ матери, Николай Ивановичъ собралъ всѣ свои силы и съ самою отчаянною рѣшимостію хотѣлъ высказать Пелагею Петровну все, что скопилось у него на душѣ въ настоящія минуты. Онъ никогда такъ смѣло и рѣзко не говорилъ съ своей матерью, какъ собирался говорить теперь, потому что былъ уже на отчаянную. Ему было тогда 23 года, и онъ сталъ уже сознавать въ себѣ нѣкоторую самостоятельность. Оцѣнивая всю важность настоящаго критическаго момента, Николай Ивановичъ хотѣлъ было выразиться не просто, а какъ можно сильнѣе, ученѣе и изысканнѣе, хотѣлъ произнести что въ родѣ ораторской рѣчи; но въ результатъ вышло ни тѣя ни мама, такъ что эта ораторская рѣчь, какъ можно было замѣтить, сильно позывала Пелагею Петровну схватить ухватъ и отвозить оратору бока. Замѣтивши эти непріязненные намѣренія своей матери, Николай Ивановичъ, немножко, кажется, струхнулъ, и, на мѣсто витѣватой рѣчи, въ-торопяхъ, сталъ выражаться довольно угловато, такъ что послѣ и самъ былъ недоволенъ своими выраженіями.

— Ужь силѣмъ меня жениться не заставите?—говорилъ онъ между прочимъ самымъ рѣшительнымъ тономъ: — Ужь коли не захочу; такъ, хоть зарѣжьте меня — не женюсь!... Изъ церкви убѣгу!... кнутъ выдержу; а ужь не женюсь!... говорю вамъ прямо! «Чортъ знаетъ, какъ не хорошо вышло» подумалъ про себя Николай Ивановичъ, закончивъ свою рѣчь «одинъ-отъ, кажется, говоришь иногда хорошо, а вонъ оно какъ при людяхъ—ту выходитъ.»

Какъ бы то ни было, но эти крутыя и рѣшительныя выраженія Николая Ивановича сильно озадачили Пелагею Петровну. Она видѣла ясно, что ухватомъ тутъ ничего не подблаеть. Хоть и можно вытащить его на рукобилье, думала Пелагея Петровна, — да пожалуй онъ и тамъ что-нибудь вывезетъ, такъ что отъ стыда не покроешься и подоломъ.» Между тѣмъ Пелагея Петровна рассчитывала было обдѣлать это дѣло съ нѣкоторымъ эффектомъ.

Послѣ такого неудачнаго приступа къ дѣлу, Пелагея Петровна видимо растерялась и не знала какъ дѣйствовать и что начать. Дѣйствовать рѣшительно, т. е. отдубасить Николая Ивановича хоть, примѣрно, каткомъ—она не хотѣла: это значило бы испортить дѣло навѣрняка, слѣдовательно опустить почти изъ рукъ такую лакомую невѣсту, которая въ настоящія минуты казалась ей еще лучше, еще достойнѣе; урезонивать Николая Ивановича—тоже не хотѣла: это значило бы унижать въ глазахъ всѣхъ родительскую власть, которая по мѣщанскимъ расчетамъ здѣсь-то и должна наиболѣе всего обнаруживаться. Итакъ, время шло, а Пелагея Петровна не знала что и дѣлать. Спасибо еще отцу крестному: онъ только и вступился за Пелагею Петровну — урезонилъ Николая Ивановича, и тѣмъ поправилъ все дѣло, которое чуть было не развѣхалось.

— Да что ты тутъ хорохоришься *мохирь* * эдакой?! вступился съ своими резонами отецъ крестный:—знаешь-ли ты дѣвкѣ-ту?... видалъ-ли ее?

— Въ томъ-то и дѣло-то, батюшка крестный, что не видалъ и не знаю, отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

— То-то и есть—«не знаю!...» Да у тебя у дурака глаза-то разбѣжались! слюнки потекутъ!... тебя и за волосы отъ нея не оттащишь! какъ увидишь, такъ столбнякъ найдетъ! подъ микитками задрожитъ! дуракъ ты эдакой! старался какъ можно

* Безсилой и ничтожный человекъ съ весьма строптивымъ характеромъ.

нитіе выразить свои резоны отецъ крестный. — А ты оперва космогри, а потомъ ужъ и говори, что не хочу, да не надо.

— Посмотрѣть-то — ничего — можно, отвѣтилъ Николай Ивановичъ: — ужъ если понравится, такъ дѣлать нечего, ... а ужъ какъ не понравится, такъ, что вы тамъ не говорите — уйду! на кожъ полѣзу, а ужъ на своемъ поставлю! бухнулъ онъ по прежнему.

Послѣ этого онъ опять подумалъ, что и здѣсь вышло у него не больно, чтобы истово.

— Уйди только, такъ я, братъ, такихъ подзатыльниковъ на-лаю! замѣтилъ отецъ крестный, — что тебѣ небо-то съ овчинку покажется! у меня братъ, не у Пелагеи! ... Ну-ко пойдѣмъ! что время-то тянуть!

У крестнова разобрать было нельзя: шутилъ-ли онъ это, или правду говорилъ.

— Да къ кому же мы пойдѣмъ? спросилъ изъ любопытства Николай Ивановичъ.

— А ты еще и не знаешь? — хорошъ женихъ! произнесъ крестный: — Такъ ты олухъ эдакой, прежде узнай, а потомъ и корачься! ... Николая Аванасъвича знаешь?

— Знаю, — отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

Ну такъ какого же тебѣ еще, прости Господи! ...

Крестный не сталъ больше и продолжать: онъ былъ увѣренъ, что яснѣе и убѣдительнѣе этого сказать уже не возможно.

Николай Ивановичъ видимо смягчился. Онъ уважалъ все семейство Николая Аванасъевича, а къ Катенькѣ чувствовалъ даже какую-то инстинктивную привязанность, не смотря на то, что сроду ее не видывалъ, а только зналъ ее по слухамъ. Бывало заговаривать только про Катеньку Хлѣбникову — Николай Ивановичъ непремѣнно ужъ покраснѣетъ. Хорошо что никто этого не замѣчалъ, а то и Богъ знаетъ, чтобы изъ этого вывели.

«Неужели отдадутъ ее за меня? подумалъ Николай Ивановичъ, и, подстрекаемый какимъ-то отраднымъ чувствомъ, началъ то-ропливо собираться на рукобитье.

Какъ будто нехотя, начала собираться и Пелагея Петровна, ее страшно тревожила мысль: «ну, какъ не понравится? ну, какъ уйдетъ? — голову съ плечъ сниметъ да и только?» какъ бы-то ни было, но она собиралась; собрался и Николай Ивановичъ.

Приглаженный и припомаженный, Николай Ивановичъ чего)

сроду не бывало) чувствовалъ себя чрезвычайно неловко, даже совѣстился глядѣть на людей. Онъ, правда, и вообще держалъ себя не слишкомъ изящно, а особенно когда надѣнетъ на себя свою долгополую сибирочку: въ ней онъ похожъ былъ на какого-то странника, путешествующаго по святымъ мѣстамъ, тѣмъ болѣе, что сибирка была сшита съ запасомъ на ростъ да на толщину, между тѣмъ какъ Николай Ивановичъ въ толщину не подавался ни сколько и постоянно былъ какъ выпитой. Стало быть сибирочка эта все съ запасомъ и оставалась. Когда Николай Ивановичъ совсѣмъ собрался на рукобитье и надѣлъ сибирку, такъ ужъ Пелагея Петровна пыталась его одергивать, да охорашивать! — ничего не помогало! Только бы, поправить и уничтожить какой-нибудь кошель, такъ тутъ же—рядомъ образуется другой кошель, самаго безобразнаго вида. Пелагея Петровна поодергивала, поодергивала его, да такъ и отступилась.

— Ну ужъ пойдемъ, Николай — хорошо, проговорила она по необходимости, убѣдившись, что къ уничтоженію этихъ проклятыхъ кошелей нѣтъ никакихъ способовъ.— «Эка снафида роговна придетъ!» презентала она про себя, полюбовавшись издали на фасонъ сибирки.

Часовъ въ 9 вечера Пелагея Петровна, помолившись Богу отпавилась съ своими гостями и женихомъ на рукобитье.

Чуть не такая же исторія произошла и въ домѣ Николая Аеанасьевича. Катенька хоть и знала о ея сватовствѣ, даже съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ожидала и рукобитья и свадьбы, однако когда объявили ей, чтобы она поманеньку снаряжалась уже для выхода къ жениху, съ ней сдѣлалась какая-то тоска и она, какъ будто ни съ того ни съ сего, зарыдала. Ее и уговаривать и усовѣщивать — нейдетъ ни на какой уговоръ, да и только! Сначала домашніе ее думали, что она плачетъ, какъ и слѣдуетъ невѣстѣ, для одного порядка, а ко времени будетъ готова; однако Катенька не была готова и ко времени. На мѣсто того, чтобы снаряжаться по гостивому, Катенька надѣла на себя полушубокъ, застегнулась на всѣ пуговицы, влѣзла на полаты, закатилась тамъ въ самый задній уголъ да такъ начала отваливать, что какъ будто бы хоронила отца роднаго. Звали звали ее оттуда — нейдетъ! едва ужъ только могли стащить ее силой и то съ помощію кочерги, да двухъ ухватовъ.

— Что ты, матушка Катенька, плачешь? спросилъ ее съ уча-

стиемъ Николай Аванасьевичъ, — али женихъ, родимая, тебѣ не правится? такъ я откажу!

— Нѣтъ, не отказывайте, чуть проговорила Катенька.

— Такъ объ чемъ же ты, матушка, плачешь?

— Не знаю! отвѣтила Катенька, всхлипывая.

Николай Аванасьевичъ успокоился. — «Ребенокъ! произнесъ онъ про себя и усмѣхнувшись отошелъ прочь.

Разсмѣялась сквозь слезы и Катенька.

Въ самомъ дѣлѣ, Катенька была совершенный ребенокъ! До сихъ поръ она жила хорошо и счастливо въ домѣ своихъ родителей; а теперь ей предстояла какая-то другая жизнь, безъ отца и безъ матери. Жениха своего она вовсе не знала, семейства его тоже не знала, поэтому не знала и той жизни, которая ее ожидаетъ, знала только одно, что ей скоро нужно будетъ разстаться съ своими родителями, которыхъ она любитъ и почитаетъ болѣе всего на свѣтѣ. Это-то самое чувство привязанности къ родителямъ и вызвало у нея горькія слезы.

Впрочемъ старыя тетушки да свахоньки истолковали это въ весьма хорошую сторону.

— Безъ слезъ свадьба не дѣлается, пояснили опытыя тетушки: — какая ужъ свадьба безъ слезъ! хорошее-ли дѣло, если не поплачетъ невѣста.

Наплакавшись до-сыта, не зная объ чемъ, Катенька начала собираться. Черезъ полчаса она была уже готова и по-прежнему была весела и покойна. Плачевныхъ признаковъ не осталось и слѣда. Катенька почему-то пожелала одѣться въ русское платье.

Педагогу Петровну встрѣтили еще на дворѣ со свѣчами. Дворъ былъ уже набитъ биткомъ любопытствующими бабами и дѣвками, которыя изъ скромности, чтобы ихъ кто-нибудь не узналъ, надѣвали на себя какіе-нибудь худые и неносимыя тулупишки и мужскія шапки, закрывая свое лицо высокимъ воротникомъ тулупа. Мущины же, наоборотъ, одѣвались иногда въ женскія шубы и обвязывали голову и лицо большими платками, дѣлая только маленькое отверзтіе для глазъ.

Снаружи дома, у окошекъ, была страшная давка. Любопытствующіе висѣли на оконныхъ наличникахъ, на ставняхъ; хватились за рамы, чуть держались на какихъ-нибудь подставкахъ и не рѣдко обрывались и падали; на мѣсто ихъ карабкались другіе и т. д. Въ числѣ самыхъ рьяныхъ глядѣльщицъ, завязанныхъ

почти герметически, кто-то узналъ, по покрою старинныхъ холодниковъ и по росту, Парушу и Оришу.

Переваливаясь съ важностію съ боку на бокъ, Пелагея Петровна, не торопясь и довольно величаво, взшла по крутой лѣстницѣ и, принявъ самую грандіозную осанку, довольно гордо раскланялась съ нареченнымъ сватушкомъ и свахонькой.

Дорогихъ гостей пригласили въ горницу и попросили сѣсть. Гости сѣли.

Пелагея Петровна сидѣла какъ на иголкахъ: у нея изъ головы не выходили тревожныя мысли, что «какъ бы, матушки, Никола-та содому какого не надѣлалъ, какъ бы не брякнулъ, «что, дескать, не хочу жениться, или какъ бы не ушелъ, дуи его горой.»

— Зачѣмъ, сударыня Пелагея Петровна, изволили къ намъ пожаловать? спросилъ, какъ водится, для приличія, нареченный сватушекъ Николай Аванасьевичъ.

— Да купчика-то вотъ, Николай Аванасьичъ, привели, — вступилась наперебой Матрена Семеновна, сопровождая рѣчь свою приличными для этого случая ужимками: — такъ нельзя ли ужъ намъ будетъ показать товарецъ-отъ?

— Можно, сударыня Матрена Семеновна, отвѣтилъ Николай Аванасьичъ — нашъ товарецъ незавидной.... И Николай Аванасьичъ переглянулся съ своей женой, давъ ей знакъ, чтобы она пригласила невѣсту. Прасковья Ивановна вышла вонъ.

По уходѣ свахоньки Прасковьи Ивановны, водворилось въ комнату совершенное молчаніе. Всѣ затихли и ожидали прибытія невѣсты.

«За невѣстой пошли! за невѣстой! послышались переговоры съ улицы.

«Кто-ко выводить-то станеть?—въ чемъ-то, дѣвушка, выведуть?... начались громкія перешептыванія глядѣльщицъ въ окошкахъ.

Наконецъ дверь отворилась и невѣста-красавица, сопровождаемая близкою своею родственницею, какъ лебедь бѣлая, кротко, но величаво вошла въ горницу. Скромная стыдливость и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то дѣтская простота и откровенность выражались на ея бѣломъ лицѣ и во всѣхъ ея манерахъ. Плавно и мягко сдѣлала она три шага, помолилась, по обычаю, образамъ, какъ будто постороннее лицо и привѣтливо поклонилась всѣмъ гостямъ; потомъ тою же непринужденною и ровною поступью, какъ

зава, отправилась она на предназначенное ей мѣсто и сѣла за чайный столъ, лицомъ къ гостямъ. Цвѣтной узорчатый сарафанъ ея изъ самолучшаго битепажевского ситца, широко и красиво разметнулся по полу около того стула, на которомъ она красовалась. Рубашка, какъ кипень бѣлая, съ широкими рукавами и красивыми узорчатыми кружевами, своего рукодѣля, прикрывала высокую бѣлоснѣжную грудь ея, которая, несдавленная корсетомъ, свободно колыхалась какъ тихая волна и, по правдѣ сказать, немножко соблазнила и Николая Ивановича. Въ длинную русую косу, — дѣвичью красу, была вплетена широкая лента, достающая почти до полу. Съ какою-то невинною и привлекательною улыбкою, Катенька, открыто и довѣрчиво поглядывала повременамъ на гостей и только что не говорила: «вотъ, де, я и пришла, любуйтесь на меня.» Ужь и было на что полюбоваться!...

У Николая Ивановича просто разбѣжались глаза, и дѣйствительно, какъ пророчествовалъ отецъ крестный, задрожало подъ микитками. Въ первый разъ въ жизни случилось ему быть въ сообществѣ съ постороннею дѣвицею, да еще съ какою дѣвицею! Въ восторгѣ чувствъ онъ уже не зналъ что и дѣлать и куда глядѣть, а въ особенности не зналъ куда дѣвать свои руки. Хорошо, что было еще у него маленькое занятіе:—щипать изъ бороды волоски, да ковырять въ носу, а безъ этого хотъ дѣлай надъ руками его операцию, и отпиливай ихъ по плечо.

«Неужели она будетъ мнѣ жена? подумалъ про себя Николай Ивановичъ, покосившись изъ подлюбья на невѣсту, и съ радости началъ глядѣть на потолокъ да по сторонамъ, а на невѣсту такъ ужь больше и не взглянулъ.

— Ну что, понравилась-ли? — спросилъ его тихонько отецъ крестный, такъ что этого никто не замѣтилъ.

Николай Ивановичъ махнулъ только рукой, поглядѣлъ на потолокъ и на стѣны, а отвѣта никакого не далъ.

— Что ты тутъ машешься, остановилъ его отецъ крестный:— Я говорю нравится-ли невѣста-та?

— Неужто нѣтъ? могъ только выговорить Николай Ивановичъ.

— Те-то и есть, фюфанъ ты эдакой! замѣтилъ ему шопотомъ отецъ крестный, и по праву родительскому снабдилъ его, для порядка, небольшимъ толчкомъ въ бокъ, въ родѣ тайной милостыни, потому что эволюція эта произведена была секретно.

Отецъ крестный сообщалъ Пелагеѣ Петровнѣ, тоже по секрету,

радостное извѣстіе, что жениху невѣста больно видно нравится.

Пелагея Петровна вздохнула свободно и совершенно просвѣтлѣла. Она сдѣлалась весела и разговорчива, точно разливанное море.

Между тѣмъ Катенька разлила чай, поставила чашки на большой подносъ и пошла сама обносить дорогихъ гостей чаемъ. Стыдливый румянецъ такъ и запылалъ на ея дѣвственныхъ ланитахъ. Руки ея немножко дрожали, а особенно тогда, когда она подошла съ подносомъ къ жениху.

Николай Ивановичъ, въ свою очередь, совсѣмъ растерялся. Въ это время обнаружилось у него вдругъ нѣсколько желаній: онъ хотѣлъ было и поправить волоса и сибирку и почесать лобъ; былъ такъ же у него позывъ немножко и поковырять въ носу и пощипать бороду, да такъ нечего и ни успѣлъ. Какъ-то суетливо поднялся онъ на ноги, схватилъ въ обѣ руки чашку, какъ будто ее у него отнимали, а сахаръ, за неимѣніемъ третьей руки, хотѣлъ ужъ было въ торопяхъ взять ртомъ, да спасибо выручилъ его отецъ крестный: онъ ужъ взялъ за него кусокъ сахару и пихнулъ ему въ руку.

— Что чашку-то обѣими-то руками облачилъ, ровно медвѣды!—Замѣтилъ ему тихонько отецъ крестный:—что на невѣсту не глядишь? олухъ! прибавилъ онъ потомъ, незамѣтно ткнувши его локтемъ.

Николай Ивановичъ отрицательно потрясъ головой, а на невѣсту дѣйствительно не поглядѣлъ:—«не взглянуть, говорить, ужъ болѣе близко подошла».

Обнеся всѣхъ гостей чаемъ, невѣста сѣла на прежнее мѣсто.

Тутъ свахонька Матрена Семеновна перемигнула съ Пелагеей Петровной, и напомнила ей, что съ невѣстой, какъ водится, нужно переговорить.

— Такъ переговори, сударыня, ужъ ты, сказала Пелагея Петровна.

— А женишекъ-отъ самъ, матка не переговорить-ли, предложила Матрена Семеновна.

Сообщили это, конечно шопотомъ, жениху; но женихъ отъ переговоровъ съ невѣстой отказался начисто. «Ужъ лучше, говорить, отъ невѣсты откажусь, а переговаривать съ ней не стану».

— «Вотъ дуло тебя горой, что вывезъ! замѣтила про себя Пелагея Петровна.

— Ужъ переговори, матка ты, тебѣ поприличнѣе, передала

она на ухо Матренѣ Семеновнѣ: — женихъ еще, молодое дѣло, не знаетъ что и спросить-то.

— Я бы стала подсказывать, отвѣтила самодовольно Матрена Семеновна.

— Ну ужь, матка, сама-то ты переговоришь лучше, заключила Пелагея Петровна.

Матрена Семеновна чопорно сѣла на стулъ, сложила на груди свои руки, стянула какъ на ниточку свой ротокъ и повела искусную рѣчь съ невѣстой.

— Какъ тебя зовуть? сдѣлала она первый ей вопросъ.

— Катерина, отвѣтила невѣста, покраснѣвшись, какъ маковъ цвѣтъ.

— А по отчеству-ту, сударыня, какъ величаютъ?

— Николаевна, отвѣтила невѣста.

— Ну вотъ, сударыня моя, Катерина, прямъ, Николаевна!... Какъ же сударыня, у тебя родителей-ту зовуть, да величаютъ?

— Батюшку зовуть Николаемъ Аванасьичемъ, а матушка Прасковья Ивановна.

— А понашему бы *тятинька да маминька*, замѣтила свахонька самымъ щепетильнымъ манеромъ, покосившись самодовольно на Пелагею Петровну.

Невѣста покраснѣлась еще больше.

— Сколько, сударыня, тебѣ годковъ-то? — снова принялась свахонька за допросы.

— Шестнадцать, отвѣчала невѣста.

— Такъ, сударыня, прямъ, шестнадцать. Что подѣлываешь, сударыня моя? пошивать-то умѣешь-ли? можетъ приведется и рубашечку, али другое что, сшить «кому-нибудь»....

Матрена Семеновна на слова «кому-нибудь» сдѣлала особенное удареніе, и какъ-то ловко и искусно покосилась на жениха и на всю честную компанію.

— Для себя я все шью сама, — отвѣтила невѣста.

— Ну вотъ, сударыня моя, заключила Матрена Семеновна, и тѣмъ покончила свой официальный разговоръ съ невѣстой. После этого та встала, поклонилась всѣмъ гостямъ и вышла.

По уходѣ невѣсты Николай Ивановичъ вздохнулъ свободнѣе, при ней онъ чувствовалъ себя чрезвычайно не ловко, какъ будто бы у него всё гдѣ-нибудь зудило.

— Ну вотъ, сударыня, Пелагея Петровна, нашъ и товарищъ весь тутъ, видѣди сами, — проговорилъ шутливо Николай Аван-

насыичь, когда Катенька вышла изъ горницы:—теперь подумайте да погадайте, не нравится — можно и у другихъ поглядѣть, мы свой товаръ, сударыня, людямъ не наваливаемъ.

— Ужь у насъ давно надумано, Николай Аванасьевичъ, — отвѣтила Пелагея Петровна: — мы ужь васъ просимъ покорно согласиться, да чѣмъ время тянуть, помолиться бы и Богу, да ужь, какъ въ людяхъ водится, ударить по рукамъ.

Николай Аванасьичъ для приличія немножко помялся, подавая видъ, что онъ какъ будто бы на это не такъ-то еще согласенъ, и тогда только изъявилъ на все полное свое согласіе, когда всѣ новые гости повторили ему свою просьбу.

— Ну, дѣлать нечего, помолимся Богу, проговорилъ онъ.

Всѣ присутствующіе на минуточку попритихли, потомъ усердно принялись молиться Богу.

Послѣ чего отецъ крестный положилъ правую полу своего тулупа на правую руку, то же самое сдѣлалъ и Николай Аванасьичъ (они оба для этого нарочно были въ тулупахъ) и подойдя другъ къ другу хлопнулись полами своихъ тулуповъ, т. е. мѣхъ къ мѣху, чтобы богато жить. Это значитъ ударились по рукамъ.

У Николая Аванасьича во все это время хоть и не сходила съ лица веселая и шуточная улыбка; однако при богомольѣ и рукобитѣ, сквозь эту улыбку выкатились у него изъ глазъ на сѣдую бороду двѣ-три крупныя слезы.

Послѣ всего этого послышались со всѣхъ сторонъ поздравленья: «съ благополучнымъ начатіемъ дѣла, съ новой родней, съ нареченнымъ женихомъ и невѣстой» и пр. и пр. Съ этого времени новая роденька стала именовать себя сватушками, да свахоньками.

Началась пировня и веселье. Ни откуда появились различныхъ сортовъ свахонки да заловушки, которыя, до урочнаго часа, хранились какъ видно подъ-спудомъ, а потомъ и выползли всѣ, какъ заповѣдная сила.

Свахонька Прасковья Ивановна для дорогихъ гостей прицесла различныхъ закусокъ, цѣлый подолъ, и тутъ же высыпала ихъ на большой подносъ.

Пелагея Петровна едвали была когда-нибудь такъ весела, какъ теперь. На ее глядя развеселились и всѣ прочіе гости, такъ что отецъ крестный, до того уже расшутился, что при

всей честной компаніи принимался разъ съ пять гнуть Матренѣ Семеновнѣ красную дугу.

Часа въ четыре за полночь кончилась вся пировня, понадобилось подгулявшихъ гостей развезти по домамъ. Николай Аванасьичъ поручалъ это дѣло своему работнику Оомѣ, котораго онъ особенно любилъ за его вѣжливость и трезвое поведеніе.

Оома чинно развезъ всѣхъ госей. Подъѣзжая къ дому какого-нибудь гостя, онъ вѣжливо стучался подъ окномъ и сообщалъ домашнимъ, «что онъ привезъ хозяица и что куда прикажете его сваливать»:—

— Очинно ужъ подгулявши, пояснилъ при этомъ онъ.

Матрену Семеновну только буде и можно было распознать по однимъ подметкамъ башмаковъ, которые торчали изъ телеги; но головы ея видѣть было нельзя, потому что она покоилась подъ бесѣдкой ящичка. По словамъ вѣжливаго Оомы Матрена Семеновна «лишилась уже всякаго чувствія и молвы».

Сговоръ положено было сдѣлать черезъ недѣлю, а черезъ двѣ недѣли и свадьбу.

О т ъ р у к о в и т ѣ я д о с в а д ѣ б ы .

На другой день рукобитья, послѣ обѣдни, забѣжали на минуточку къ Прасковѣ Ивановнѣ Ориша, для того, чтобы передать ей лично вынутую заздравную просфирку.

— Богъ милости прислалъ, Прасковьюшка! проговорила Ориша, помолясь Богу и кланяясь Прасковѣ Ивановнѣ. На-ко, матушка, просфирку скушай за здоровье

— Благодарю покорно, Оринюшка!—отвѣтила Прасковья Ивановна, принимая отъ нея просфирку:—А я, грѣшница, и за обѣдней-то не была... Садись-ко, матка, что стоимъ, чай устала.

— Некогда, матушка, сидѣть-то: домой тороплюсь: квашню еще творить надо. Забѣжала только на минуточку провѣдать-то: живы-ли, молъ, да здоровы-ли?.. Катенька-то живетъ-ли, можетъ-ли?

— Слава Богу, матушка, всѣ живы да здоровы.

— Ну и слава Богу! здоровье-то, матушка, пуще всего.

Та и другая замолчали. Ориша ожидала было, что не заговорить-ли съ ней сама Прасковья Ивановна на счетъ вчерашняго рукобитья; но Прасковья Ивановна ничего не заговорила,

и потому Ориша принуждена была заговорить объ этомъ сама.

— Да что, матушка, не затѣвается-ли у васъ чего-нибудь?— начала она тономъ совершеннаго незнанія дѣла:— вѣдь мы все въ келейкѣ-то у себя сидимъ, такъ ничего, матушка, не слышимъ и не видимъ; да сего дня Пелагея Петровна хвастаетъ въ церкви, что будто дочку вашу сосватала! Я таки я не повѣрила этому: неужто, молъ, отдастъ, Парасковьюшка-то за адакова-то сезона... Такъ правда-ли это, Ивановна?

— Правда, матушка, правда, дѣлать нечего,—такъ ужъ видно Богъ приводитъ; суженаго-то, видно конемъ не объедешь, матушка... Вчерась ужъ рукобитъеце было, сударыня.

— О!.. О... охъ! охъ!-охъ!.. произнесла Ориша самымъ унылымъ тономъ, качая головою:—экой грѣхъ!.. погубила ты, матушка, свое дѣтище милое!.. За кого ты, матушка, выдаешь?! подумала-ли ты это!

— Да ужъ такъ видно Богъ, матушка, приводитъ; не всѣмъ же за богатыхъ выдавать, что дѣлать-то, какъ-нибудь прожить; станутъ работать, женихъ-отъ, слава Богу, не пьяница, одно это чего стоитъ.

— Еще пьяница-ли нѣтъ-ли, такъ про это, матушка, старуха на двое сказала, съострила Ориша,—а вотъ про дѣло-то надобно говорить, неужто, matka Ивановна, ты не знаешь, что онъ колдунъ?.. съ нечистыми знается?

— Нѣтъ, матушка, не слыхала, отозвалась съ боязливымъ изумленіемъ Прасковья Ивановна:—слыхала, что *рехметчикъ да граматчикъ*; * а этого не слыхала, матушка не чего; да вѣдь правда-ли это, Оринушка? не врутъ-ли?

— Изъ колдуновъ-ту, матушка, колдунъ!—произнесла утвердительно Ориша:—во огненнаго змѣя превращается, да все за Волгу и летаетъ къ Анюшкѣ, видно, финажихъ, тамъ надъ трубой-то у нее и разсыпается. Вѣдь ужъ объ этомъ вся слобода знаетъ, что онъ колдунъ; кого, матушка, ни спросите, развѣ ужъ побоятся только сказать-то. Да чего тутъ далеко-то ходить, вѣдь ужъ я вотъ, пустяковъ говорить не люблю, отъ меня матушка, слова никто лишняго-то не услышитъ: не люблю, Парасковьюшка, смерть не люблю пустяки-то говорить!.. Здѣсь иду я вечеркомъ... въ пятницу кажется... нѣтъ, матушка, въ четвергъ... такъ-въ четвергъ! гляжу, отъ Петровнина-то двора

* Подъ именемъ рехметчика или граматчика разумѣется въ простонародіи ученый человѣкъ.

и поднялся огненный змѣй, да такъ хвостомъ-ту и виляетъ!—и виляетъ! а глаза-то во всѣ стороны такъ и поводитъ! съ мѣста бы не сойти, Ивановна!.. а искры-то такъ и сыпаютъ! такъ и сыпаютъ! Гляжу, и полетѣлъ, сударыня, за Волгу, такъ ужь и не видала куда тамъ улетѣлъ. Ужь чего, матушка, не видала, такъ и не видала—не солгу. *

Къ разсказу этому пристала работница Николая Афанасьевича. Оказалось, что и она, недѣли двѣ тому назадъ, тоже видѣла огненного змѣя.

Прасковья, Ивановна, пригорюнившись, слушала и только покачивала головой въ глубокомъ раздумьѣ.

— А бѣдность-то какая! нищета-та какая! продолжала Ориша:—такъ со стороны-то глядя животиньки подвочечтъ. По троемъ суткамъ, говорятъ, не ѣвши сидятъ! думай-ко ты, Ивановна!.. Ономясь забѣжала къ намъ ихняя-то работница, да такъ горючими-то слезами и заливаётся! такъ, дѣвушка, и не выговариваетъ! «Матушка, говоритъ Оришинька! что, говоритъ нѣ дѣлать-то будетъ! съ голоду, говоритъ, помирамъ!»—«Сойди, молю, матушка отъ нихъ, что, молю, тебя, тутъ привязало.»—«Не могу, говоритъ, матушка, разстаться-то разбойникъ-отъ, говоритъ, приворожилъ!..» Это, видишь, зятюшко-то вашъ нареченной, пояснила Ориша.—«Поѣшь, молю, матушка, хоть суходенія-то нашего.» «Не могу, говоритъ, матушка, въ ротъ, говоритъ, ничего нейдетъ»... Такъ вотъ что, Парасковьюшка! подумайко-ты хорошенько-то, за ково ты, матушка, свое-то дѣтище сосватала?..

Сказавши это, Ориша засуетилась и торопливо стала собираться домой.

— Засидѣлась, матушки мои! проговорила она скороговоркой:—Простите-ко Христа ради!.. На минуточку, вѣдь, только забѣжала, просфирку-ту, вотъ занести... Катеньки-то ужь видно не увижу... Отъ меня ей ни-и-и-зкой поклонъ!..

Послѣднія слова Ориша проговорила уже въ сѣняхъ, сбѣгая съ лѣстницы.

Цотупивъ въ землю свою головку, Ориша шла домой тихо и скромно съ свойственною дѣвическою застѣнчивостію. Она гля-

* Разказы о летающихъ огненныхъ змѣяхъ очень не рѣдки и особенно между бабами. Говорятъ, что не только нечистые, но и колдуны превращаются въ огненныхъ змѣй и летаютъ въ такомъ видѣ къ своимъ возлюбленнымъ.

дѣла себѣ только подѣ ноги, для того, чтобы не увидѣть на сторонахъ какого-нибудь соблазна и не согрѣшить мыслию.

Посѣщеніемъ своимъ Ориша навела на все семейство Николая Аванасьевича страшное уныніе. Люди они были простые, мало понимающіе и не освобожденные отъ предрассудковъ и суевѣрій.

— Что мы надѣлали, большачокъ! говорила Прасковья Ивановна унылымъ тономъ:—поторопились видно, родимой, не справились ни у кого!

— Что же, можно вѣдь и теперь справиться,—замѣтилъ угрюмо Николай Аванасьевичъ, видимо тревожимый этимъ обстоятельствомъ:—дѣло-то еще не ушло; какъ узнаемъ что-нибудь, такъ откажемъ, не поглядимъ ни на что.

Послѣ этого Николай Аванасьевичъ принялся самъ, и сверхъ того поручилъ близкимъ родственникамъ усердно развѣдывать о жизни и поступкахъ Николая Ивановича. На счетъ того, что не водится-ли Николай Ивановичъ съ чертями, ничего положительнаго не открылось. Иные говорили, что Николай Ивановичъ ни болѣе, ни менѣе какъ рехметчикъ; но другіе не отвергали, что онъ занимается и колдовствомъ, потому что собираетъ, говорятъ, на Ивановъ день разныя травы, глядитъ по ночамъ на звѣзды, да наводитъ на стѣны дьявольское навожденіе. (У Николая Ивановича былъ волшебный фонарь.)

Посудили, порядили наши старички, да порѣшили сдѣлать совѣтъ, на который пригласили свата Карпа, да дядю Данила, какъ людей опытныхъ и грамотѣевъ.

— Откажи, старичокъ! настаивала съ грустію Прасковья Ивановна:—подумай-ко, родимой, вѣдь у насъ во всей роднѣ колдуновъ-ту не бывало!

— А вотъ, что ужъ тамъ присовѣтуемъ, заключилъ Николай Аванасьевичъ.

Собрался совѣтъ.

— Вотъ, сватушко, затѣяли мы дѣло, да не знаемъ, какъ и кончить, говорилъ, между прочимъ, Николай Аванасьевичъ на совѣтъ:—колдунъ, говорятъ, съ нечистыми, говорятъ, знается; ну а другіе говорятъ, что пустяки; такъ ужъ не знаемъ мы со старухой-ту, что и дѣлать-то: отказать-ли, вѣтъ-ли?

— Не знаю, сватушко, что тебѣ на это сказать, отвѣтилъ глубокомысленно сватъ Карпъ:—бабихъ-ту рѣчей здѣсь всѣхъ во переслушаешь; не мимо говорить, что у бабы-то, де, во-

лось—отъ дологъ, да умъ коротокъ... У насъ, воть, Филька Демишъ,—не тѣмъ его Богъ помани, — тоже съ нечистыми-то звался, а ужь сдалъ-ли ихъ кому, нѣтъ-ли? не знаю — ужь чего не знаю, такъ не знаю—передъ смертью-ту, говорятъ, искалъ ужь все такового человѣка, кому-бы, знаешь, сдать-то, ихъ, окаян-ныхъ; ужь не знаю, воть, нашель-ли; чего не знаю, такъ не знаю. А какъ томился, такъ ужь шеломъ поднимали—не умираеть такъ-ту... * Понавѣдаться бы тебѣ, сватушко, стороной, кому онъ ихъ сдалъ; а вѣдь ужь кому-нибудь да сдалъ. А что про твоего нареченнаго зятя, на счотъ этого не слыхалъ—не знаю, ужь чего не знаю, такъ не знаю. Можетъ, вѣдь, и напрасно про него говорятъ, бѣзъ толку. Я говорю, что если бабы слушать, такъ самъ баба будешь! Тѣмъ и заключилъ свать Карпъ свою разумную рѣчь.

На мѣсто его принялся разсуждать дядя Данило.

— Свать отъ Карпъ правду говоритъ, что всѣхъ-то бабьихъ рѣчей не переслушаешь, началъ Данило: — на звѣзды-то воть, говорятъ, онъ все ночью-ту глядитъ! Это, что бы такое значило! для чего онъ на нихъ глядитъ?

— Да, вѣдь, днемъ-то, Данило Иванычъ, звѣздъ-ту не видно, такъ какъ на нихъ днемъ-ту глядѣть-то станешь? возразилъ на это замѣчаніе Николай Аванасьевичъ.

— Оно знамо, что не видно, Николай Аванасьевичъ, продолжалъ разсуждать Данило:—да для чего онъ глядитъ то на нихъ! воть про что я говорю.

— Да, вѣдь, на планиду-ту Божью, Данило Иванычъ, я думаю, глядѣть-то не грѣхъ, замѣтилъ Николай Аванасьевичъ.

— Оно знамо, что не грѣхъ, грѣха тутъ нѣтъ, да съ-проста ли онъ глядитъ-то?... Мы, воть, съ тобой, Николай Аванасьевичъ, поглядимъ на небесную-то высоту съ-проста, а онъ можетъ, поглядитъ не съ-проста, воть вѣдь про что я говорю, Николай Аванасьевичъ!

Николай Аванасьевичъ ничего не могъ возразить на это замѣчаніе, а только развелъ руками.

— Небесную высоту да морскую глубину, Николай Аванасьевичъ, узнать нельзя, пояснял свою глубокую мысль Данило. — Александръ *Маркидонской* хотѣлъ было испытать и

* По мѣвнiю мужиковъ. всякій колдунъ передаетъ передъ смертью своихъ дьяволовъ другому, и когда колдунъ умираеть, то поднимають на крышѣ дома шеломъ, т. е. самый верхъ крыши.

небесную высоту и морскую глубину, да и не удалось. Онъ, вонъ, поднимался было на небеса-то на орлахъ, да опять назадъ спустился — не долетѣлъ, говорить; а и въ море-то тоже спускался въ хрустальномъ шарѣ, да тоже до дна-то не досталъ. * Оттого-то въ писаніи-то и сказано «ни небесной высоты, ни морской глубины испытывать человекѣ не довлѣетъ». Грѣхъ, значить. Такъ я, Николай Аванасьевичъ, про то-то и говорю, что съ-проста-ли, молъ, онъ на небеса-то глядитъ? Пора-зунать бы тебѣ объ этомъ надо, Николай Аванасьевичъ! добавилъ Данило, принявъ на себя самый заботливый видъ. — А бабьихъ-то рѣчей, тебѣ, Николай Аванасьевичъ, слушать нечего, давно сказано, что баба дура!

На эту же тѣму продолжались на совѣтѣ и всѣ дальнѣйшія сужденія, изъ которыхъ Николай Аванасьевичъ не получилъ для себя никакого полезнаго результата, а только накачалъ еще себѣ на шею новую заботу, что кому именно Филька Деминовъ сдалъ съ рукъ чертей, и съ-проста-ли Николай Ивановичъ глядитъ на небеса?

Послѣ сказаннаго совѣта Николай Аванасьевичъ, по-необходимости, опять обратился къ своей старухѣ. Та, разумѣется, стояла на одномъ, чтобы отказать; но Николаю Аванасьевичу брало раздумье.

— Оно отказать можно, да чтобы послѣ, мать, не пожалѣть, человекѣ-отъ онъ, кажется, хорошій, не пьяница, вѣдь, я его давно знаю; какъ бы, кажется, эдакому человекѣ съ нечистыми знаться?... вѣдь, онъ, вонъ, и въ церковь ходитъ, и причащается!...

— И я тоже, родимой, бабьимъ-ту умомъ думаю, замѣтила въ свою очередь, Прасковья Ивановна: — что, кажется бы, эдакому-ту человекѣ причащаться-то ужъ нельзя... опять-же, какъ бы онъ, молъ, съ нечистыми-то знался, такъ ровно бы надобно ему жить-то побогатѣе; нечистые-то бы, кажется, денегъ-ту ему натаскали; а, вѣдь, я думаю, какія у него деньги?...

— То-то и есть, мать, подхватилъ, съ живостію, Николай Аванасьевичъ, видимо осѣненный какою-то новою мыслию: — денегъ у нихъ, я знаю, нѣтъ ничего, только и есть, что росшивенка-та да барченка-та — велики-ли это деньги? А вѣдь, какъ росшиву-ту у нихъ изломало, такъ, я знаю, оцъ въ деньгахъ-то сильно нуждался: у каждаго просилъ, да занималъ. А вѣдь,

* Народное преданіе.

что ты же не молвишь, сталъ-ли бы съ бѣсами-то нужду-ту вѣдкую терпѣть?... велѣлъ, такъ бы натаскали и денегъ. Чѣмъ заставлятъ веревки-то изъ песку вить, * такъ лучше бы велѣлъ имъ нужду-ту свою поправить... Али опять, какъ бы онъ съ нечистыми-то знался, такъ оставилъ-ли бы росшиву-ту на мелито? — небось бы стащили! не чорта имъ дѣлать-то, такимъ сажинъ?... Ужъ если они ни денегъ достать не умѣютъ, ни росшивы съ мели стащить, такъ чортъ-ли въ нихъ, послѣ этого?! кто ихъ даромъ-то держать-то станеть, такихъ сажинъ!...

Тутъ Николай Афанасьевичъ, взойдя пемножко въ азартъ, обругалъ, за такіе безпорядки, всю нечистую силу, и изъ всего этого вывелъ такое заключеніе, что или всѣ эти дьяволы безтолковы — хуже бабы, дрянъ, значить; или Николай Ивановичъ съ ними вовсе не знается. Разсматривая же внимательно всѣ обстоятельства дѣла, Николай Афанасьевичъ остановился на послѣднемъ заключеніи.

Будь бы Николай Ивановичъ въ это время богатъ — ему бы отказали на вѣрняка; но видимые его недостатки и перенесенныя имъ бѣдствія послужили, въ настоящее время, въ его пользу — ему не отказали. «Быть бы бѣдѣ, говорить русская пословица, да несчастье помогло».

Въ этотъ же промежутокъ времени, между рукобיתемъ и сговоромъ, какъ-то случайно, и то по дорогѣ, забѣжала къ Пелагеѣ Петровнѣ Паруша. Пелагея Петровна хоть и не слишкомъ была рада дорогой гостейкѣ; но на это время по-необходимости должна была обойтись съ ней ласково, изъ опасенія, чтобы въ такое критическое для нея время не разнеслась о ней, т. е. о Пелагеѣ Петровнѣ, молва на счетъ ея непривѣтливости, и чтобы какъ-нибудь не повредило это начатому дѣлу.

Паруша начала свой разговоръ съ того, что принялась выхвалять Пелагею Петровну и за умъ, и за распорядительность; намекнула стороной о ея новыхъ недоброжелательницахъ, и въ заключеніе всего наименовала Пелагею Петровну королею.

— У насъ, молъ, Петровна-то, въ слободѣ-то, ровно король, ровно король! говорила Паруша: — ужъ есть, молъ, на что по-

* Мужички думаютъ, что бѣсы у ихъ содержателя постоянно требуютъ работы, и когда работы для нихъ не находится, то содержатель заставляетъ ихъ вить изъ сухого песку веревки и переносить ихъ къ себѣ. Нечистые горазды, говорятъ, дѣлать всѣ работы; но несчастныя веревки до сихъ поръ у нихъ отбиваются.

глядѣть, да есть чего послушать!... Ужь какую-то, молъ, еѣ Богъ дастъ свешку-ту; здѣсь, молъ, по ее-то думу и невѣроятнѣй-то нѣтъ, право... Да что, Петровна, народъ-отъ толкуеть, будто у тебя дѣльце затѣвается? не женишь-ли Николаму-ту?

— Да ужь время, матушка, пришло и женить, отвѣтила Пелагея Петровна.

— У кого, matka, берешь, не у Кузмишины-ли? дѣвушка-то, говорятъ, больно хороша.

— Чего ужь спрашивать-то, выразилась съ нѣкоторою досадою Пелагея Петровна: — чай, ужь двадцать разъ слышала.

— Нѣтъ, матушка, я ничего не слыхала, съ мѣста бы не сойдти! Давече въ церкви народъ-отъ толкуеть, что Петровна-де сына женить, а ужь на комъ? этого не слыхала. Миѣ, вѣдь, матушка, Пелагеюшка, если нельзя сказать, такъ и не говори; я, вѣдь, матушка, нелюбопытна.

— Отчего, matka, нельзя сказать, вѣдь это не секретъ, не уведомъ увожу, а по доброй волѣ... У Николая Афанасьевича, матушка, сообщила, какъ бы нехотя, Пелагея Петровна, потому что была увѣрена, что Паруша объ этомъ давно знаетъ.

— Ну, вотъ, сударыня, прями у Николая Афанасьича! произнесла, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, Паруша: — жеховнушку вздумала, сударыня, взять; ну да жеховнушка-то, вѣдь, лучше, носъ-отъ не станетъ задирать, не какъ слобожанка.

— Чтой-то, сударыня, развѣ ужь ей имени-то нѣтъ, что ты жеховной-то ее называешь; замѣтила, оскорбившись, Пелагея Петровна.

— Я, вѣдь, все по-просту, родимая, ни что не знаю хорошенько-то, какъ ее и зовутъ. Катюшкой, что-ли? кажется, ребята наши Катюшкой называли.

— Я думаю, ей имя-то не Катюшка, а Катерина, тебя вотъ не Парушкой зовутъ, а Парасковей.

— Меня, матушка, какъ хочешь зовите, миѣ все равно, не осержусь. Я, вѣдь, все, Петровнушка, по-просту-ту да по-Христову-ту привыкла, а «гдѣ, матушка, просто, тамъ, де, ангеловъ со сто». Вотъ, какъ жеховнушку-ту приведемъ... опять, вѣдь, проговорилась, простыня экая! какъ сношку-ту деревенскую приведемъ, такъ, можетъ, и частенько проговариваться-то станемъ... Ну, да здѣсь, правда, есть вотъ у кого поучиться-то, свекровушка-то, слава Богу! ума-то занимать у людей не станетъ... Съ нашей стороны, матушка, дай Богъ! тебѣ нравится,

а мамъ и подавно. Хоть и не вышла-то чѣмъ противъ людей-ту, такъ что кому за дѣло! пословица говорится: «грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», и «на старуху, де, бываетъ проруха...» А ужь какъ всѣмъ-ту будетъ хороша да исправна, такъ, пожалуй, противъ свекрови-то и рыльце вздернетъ, а эдакая-то и помиритье будетъ.

— Да что же за ней порокъ что-ли какой есть? проговорила, съ досадою, Пелагея Петровна: — Чѣмъ она до людей-то це дошла?

— Я, вѣдь, матушка, не знаю, ничего не знаю, все, вѣдь, чужія рѣчи толкую; говорить-то бы, правда, не надобно, да ужь къ слову-ту вотъ пришлось. Ономясь, вонъ, Анна Спирина, какъ-то перебирала невѣсть-ту: «Катки, говорить, Николаихожовны, ни за что не возьму, оцѣлованной-то, говорить, дѣвчонки даромъ не надо...» Съ парнями что-ли, говорить, она тамъ цѣловалась — не знаю. Мы, вѣдь, матушка, ничего не знаемъ, да не слышимъ.

— Полно, языкъ-бритва! произнесла наконецъ, съ досадою, Пелагея Петровна, не выдержавъ ядовитыхъ намековъ Паруши: — вѣдь ей еще только шестнадцать лѣтъ? Когда ей съ парнями-то цѣловаться-то? Да твое-ли дѣло-то объ этомъ и говорить-то. Молчали ужь бы, коли самихъ Богъ обидѣлъ.

— Я, вѣдь, Петровнушка, только съ тобой-ту вотъ поговорила, возразила, по-видимому нисколько не обидясь, Паруша: — а съ чужими-то, matka, стану-ли про это говорить. Развѣ, вотъ, Анюшка-то Спирина, эдакъ же кому не проболтала бы, у нея вѣдь язычокъ-отъ говорливешекъ, помолчать не любить. По нашему знаю, да не знаю, мало-ли бы вотъ я что знала, да, вѣдь, всего говорить не станешь, Богъ съ ней, не наше дѣло.

Впрочемъ, какъ ни старалась Паруша своими ядовитыми и изворотливыми намеками очернить Катю и возбудить въ Пелагее Петровнѣ любопытство на счетъ подробностей, касающихся ея поведенія, та не обратила на это никакого вниманія, даже все прекратила съ ней разговоръ. А потому Паруша, неговизивъ еще немножко около Пелагеи Петровны, принуждена была отпрадаться домой, безъ всякаго успѣха.

Николай Афанасьевичъ сдѣлалъ сговоръ на славу—съ выходцемъ. На сговоръ были приглашены не только всѣ ближніе и дальніе родственники, но и знакомые.

Тутъ былъ даже приглашенъ студентъ семинаріи, Іоаннъ Понсовскій, котораго Николай Афанасьевичъ любилъ за басистый голосъ. Хоть студентъ держалъ себя довольно гордо и почти неприступно, однако и онъ много содѣйствовалъ всеобщему веселью. Онъ, напр., пропѣлъ, одинъ однихонекъ: «ночною темнотою», увѣряя, между тѣмъ, что эту пѣсню можно только пѣть хоромъ. А важнѣе всего, онъ нѣсколько разъ принимался декламировать передъ Катенькой отрывки изъ какихъ-то стиховъ, довольно страннаго склада. Были-ли эти стихи его собственнаго сочиненія, нарочито *притовленные для даннаго момента*, или выбраны откуда-нибудь? неизвѣстно.

Величаво и совершенно иногда неожиданно, студентъ пересѣкалъ Катенькѣ дорогу, останавливалъ ее, самъ становился передъ ней въ какую-то особеннаго склада позу, громко откашливался и начиналъ декламировать стихи:

Власы твои, какъ стадо козъ
Средь Галилейскія долины,
Какъ кедръ ливанскій есть твой носъ,
И очи яко голубины.
Іерихонскіе столбы —
Твои багряныя ланиты,
Какъ всадникъ скачуць на дыбы,
Такъ перси твою покрыты и т. п.

Присутствующіе всплескивали только руками и не знали, какъ и дивиться студенческому уму и ловкости.

Пелагея Петровна всѣхъ своихъ родственниковъ, которые приглашены были на сговоръ, переписала въ реестръ (съ объясненіемъ степени родства), и передала этотъ реестръ Николаю Афанасьевичу.

Сначала Николай Ивановичъ держалъ себя на сговорѣ чрезвычайно неуклюже и угловато, а потомъ — ничего, обошелся.

Въ продолженіе стола, передъ каждымъ кушаньемъ, какъ водится, просили гостей виномъ. Гость бралъ рюмку, отвѣдывалъ и, будто отъ горечи, чрезвычайно морщился. Чтобы присластить эту горечь, гость просилъ жениха и невесту поцѣловаться; послѣ чего выпивалъ уже *подслащенную* рюмочку съ видимымъ наслажденіемъ. Такъ обязаны были дѣлать каждый гость и гостья. Сверхъ того, каждый гость подходилъ къ молодымъ цѣловаться, для того, чтобы немножко и самому помолодѣть.

Сначала гость цѣлуетъ жениха, потомъ проситъ его поцѣловаться съ невестой, чтобы засластить горькій поцѣлуй гостя и

иногда съ тѣмъ показать ему дорожку къ невѣстѣ. По этой дорожкѣ гость цѣлуетъ невѣсту и опять проситъ ее поцѣловаться съ женихомъ, чтобы засластить своей горькой поцѣлуй. Послѣ этого гость, поблагодаривъ жениха и невѣсту поклономъ, отправляется на свое мѣсто. Такимъ образомъ жениху и невѣстѣ, во время сговорнаго стола, приводится поцѣловаться, по крайней мѣрѣ, 1000 разъ. По этому случаю Катенька, какъ непривычная ни къ притворству, ни къ обману, подъ конецъ вечера сообщила жениху, безъ всякой церемоніи, что ей ужь цѣловаться не хочется, «больно ужь, говорить, надоѣло.»

Передъ концомъ стола начались дары. Николай Асановичъ обязанъ былъ одарить всю прихлынувшую къ нему новую роденьку, согласно представленному ему реестру, съ соблюденіемъ степени родства. Такимъ образомъ новые родственники получили: кто на сибирку нанки, кто на шаровары, кто на жилетку; иные получили по платку и пр. Сверхъ этого каждого родственника подарили большимъ печатнымъ пряникомъ, длиною около 10 вершковъ, а шириною около 7 верш. На пряникъ, сверхъ того, насыпалось самыхъ мелкихъ пряничниковъ, именуемыхъ орѣхами, величиною съ горошину, столько, сколько могло помѣститься ихъ въ чайное блюдечко. Дальнихъ родственниковъ дарили одними только большими пряниками, а дальѣйшихъ—одними орѣхами.

Жениху подарили сукна на сибирку, а свахонькѣ, Пелагеѣ Петровнѣ, драдедаму на капоть.

Не нужно говорить, что каждая церемонная свахонька отговаривалась отъ даровъ всѣми силами, представляя въ резонъ, «что она этого не спрашиваетъ, что она не затѣмъ пришла, что она этого не стоитъ». Отпѣкиванье да отговариванье въ такихъ случаяхъ считается необходимою.

По окончаніи стола нужно было жениху исполнить еще одно обыкновеніе: сходить за занавѣску. Это дѣлается такимъ образомъ:

Въ какую-нибудь комнату налезетъ бабъ, конечно изъ гостей, тьма тьмушая, а между ними, гдѣ-нибудь въ уголку, встанетъ и невѣста. Женихъ обязанъ среди этого множества бабъ отыскать свою невѣсту, которую бойкія бабы стараются всячески загородить собою. Отыскавши невѣсту, тутъ же долженъ дернуть еѣ деньгами, т. е. пихнуть ей въ руку что Богъ положитъ по сердцу. Потомъ его опять выталкиваютъ вонъ изъ этой

комнаты, а невесту между бабъ переставляютъ на другое мѣсто. Женихъ опять ищетъ свою невесту и опять даритъ ее деньгами. Такъ повторяется до трехъ разъ. Это значить, что женихъ три раза ходилъ за занавѣску.

Когда женихъ ходитъ за занавѣску, то бабы стараются шутливо отводить его въ сторону и всячески препятствовать подойти къ невестѣ, представляя ему различные шуточные резоны:—«Чтой-то это, матушки, куда ты лезешь?.. Что ты здѣсь потерялъ?.. Хорошее-ли дѣло къ бабамъ пришло!.. Что тебѣ здѣсь надобно?.. Здѣсь, батюшка, лишняго ничего нѣтъ, а твоего-то и не бывало... Не въ тотъ кругъ заѣхалъ!.. Ошибся, судары!.. Твое-то мѣстечко вонъ у мужчинъ...» и жениха даже отталкиваютъ въ сторону.

Николай Ивановичъ въ первый разъ припешъ за занавѣску три талера, во-второй разъ два цѣлковыхъ, а въ-третій—полтора цѣлковыхъ.

Только что женихъ успѣлъ кончить хожденіе свое за занавѣску, какъ между бабами поднялось страшное шушуканье:—«сколько, матушка, за занавѣску-то наносилъ, не слышали?» спрашивала съ нетерпѣніемъ одна другую. — «Три талера, сударыня, да три цѣлковыхъ, да полтинникъ» отвѣчала та, переименовывавъ буквально всѣ разнородныя монеты.—«Ну, ужь не мѣшало бы еще полтинничекъ-отъ прибавить!» замѣчала, вскользь, первая баба.

Сговорный столъ продолжался ровно восемь часовъ, такъ что дорогие гости успѣли сдѣлать по пяти выходцевъ.

Послѣ стола свахонька Прасковья Ивановна предложила свахонькѣ Пелагеѣ Петровнѣ въ подарокъ сладкій короваецъ, довольно изящнаго приготвленія. Короваяецъ этотъ обозначалъ: «что вотъ, дескать, свахонька, мы чѣмъ свою-то дочку всѣ кормили, чѣмъ-то, дескать, вы ее станете кормить?»

Сговоръ кончился на другой день часовъ въ девять. Дорогие гостей развозили по домамъ какъ мертвыя тѣла.

Послѣ сговора женихъ каждый день ходилъ къ невестѣ съ закусками и каждый день дарили его различнаго рода платками и щалами хорошей доброты; да послѣ опять все, у добраго молодца, и отобрали назадъ: такое ужь, говорятъ, обыкновеніе.

На другой день послѣ сговора одна слобожанка пожелала между дѣломъ перекинуться словомъ - другимъ съ своей сосѣд-

кой, которая жила насупротивъ, т. е. на другой сторонѣ улицы. Открывъ свое окошко, слѣбожанка крикнула черезъ улицу.

— Тимофеевна!— а Тимофеевна!

— Что-те Ѡадѣевна? отвѣтила Тимофеевна, тоже открывши окошко.

— Была-ли, сударыня, на сговорѣ-то вчера? спросила Ѡадѣевна.

— Была, сударыня, отвѣтила Тимофеевна.

— Что стряпали, сударыня? хороша-ли стряпня-то была?

Тимофеевна рассказала до малѣйшей подробности всю стряпню, какая была на сговорѣ, отзываясь, конечно, о ея достоинствѣ и недостаткахъ.

На счетъ стряпни Ѡадѣевна съ своей стороны замѣтила только одно, что теллячьи ножки слѣдовало бы, кажется, подавать прежде теллячьей головы.

— Чѣмъ дарил, сударыня? онова начала Ѡадѣевна.

— Э! матушка! платчишко плѣтчатой точно ну пихнули!... Тимофеевна объяснила даже, куда именно и пихнули.

— Эки безстыжіе зенки! безсоромные глаза! какъ имъ съ харей-то не стыдно! отозвалась съ участіемъ Ѡадѣевна.

— Чего ужъ взять у жоха? жохъ,—жохъ и есть!—и ния-то ему мужикъ-вахлакъ! выразилась съ своей стороны Тимофеевна.

— А Сидориху-ту чѣмъ подарили, не слыхала-ли?

— Тоже, матушка, платчишкомъ въ полтину. Ужъ Сидориха-то такъ и рвется, такъ и рвется! Ужъ я, говорить, имъ, жохамъ, это припомню. Да ужъ того, матушка, и стоять,—заключила съ своей стороны Тимофеевна.

Подобные этому рассказы были почти въ каждомъ домѣ.

И. ЗАРУБИНЪ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

С О Н Ъ.

Мнѣ снилось, что въ темной могилѣ
Я тихо, безмолвно лежалъ,
И слышалъ сквозь сонъ я, какъ вѣтеръ
Траву надо мной колыхалъ.

И снилось мнѣ, будто я вижу,
Сквозь землю могилы моей,
Лазурное ясное небо
И ширь необъятныхъ полей.

И много весеннихъ цвѣточковъ
Въ высокой травѣ надо мной,
И въ утреннемъ радостномъ блескѣ
Скользилъ по нимъ лучъ золотой.

Почувалъ я трепеть знакомый
Утраченной жизни опять
И выйти хотѣлъ я изъ гроба,
Но силъ не хватило мнѣ встать.

Вверху же, надъ самой могилой,
Я видѣлъ, молилась она,
Все такъ же прелестна, какъ прежде,
Но только блѣдна и грустна.

Она обо мнѣ вспоминала,
Поникнувъ головкой своей,
И горькія, горькія слезы
Катились изъ милыхъ очей.

Тѣ слезы ко мнѣ проникали
Сквозь рѣдкую насыпь земли
И, въ мертвую грудь попадая,
Мнѣ сердце томили и жгли.

И трепетнымъ жгучимъ желаньемъ
Горѣла ожившая грудь,
Чтобъ снова мнѣ съ ней на свободѣ
Весенней прохладойдохнуть.

И въ страшномъ безсильномъ томленьи,
Я слышалъ сквозь сонъ, какъ она
Съ могилы моей уходила
Все также блѣдна и грустна.

И въ тихой и кроткой печали,
Съ молитвой своей обо мнѣ,
Не знала, какъ я на свободу
Рвался къ ней въ нѣмой глубинѣ!

НАЛЬДИНЪ.

ЕЩЕ РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ!!!

(Окончаніе.)

VII.

На другой день Варенька встала рано и написала ш-ше фонъ-дери-Штерне коротенькую записку, въ которой уведомляла ее, что не можетъ долѣе оставаться въ ея домѣ. Потомъ одѣлась и, сказавъ Маріаннѣ, что не придетъ больше и что пришлетъ завтра за вещами, вышла на улицу. Она отправилась къ теткѣ, которая жила у своихъ родныхъ на Петербургской сторонѣ.

Тетка Вареньки была добрая женщина, но она не могла оставить у себя племянницу на долго. Да и Варенькѣ было неудобно ходить съ Петербургской стороны къ тѣмъ господамъ и госпожамъ, которые рекомендуютъ гувернантокъ на мѣста, потому что эти особы живутъ всегда въ центрѣ города. Такимъ образомъ, переночевавъ у тетки, Варенька на другой день, поутру, пошла пѣшкомъ съ Петербургской стороны. День былъ праздничный, извозчики просили непомерно дорого. Погода была самая неприятная. Мокрый снѣгъ осыпалъ съ головы до ногъ, рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо бѣдной дѣвушкѣ. Варенька начинала уже понимать всѣ невыгоды положенія гувернантки безъ мѣста. Она порядочно устала и озябла, когда наконецъ добралась до тѣхъ улицъ, которыя идутъ отъ Адмиралтейства. Здѣсь она стала смотрѣть по окнамъ. Она заходила въ нѣсколько домовъ, гдѣ видѣла билеты, но вездѣ встрѣчала какія-нибудь неудобства. Въ одномъ домѣ какая-то пѣмка отдавала отъ своей квартиры комнату. Квартира была въ четвертомъ этажѣ, лѣстница грязная. Два окна комнаты выходили во дворъ. Но хозяйка просила за нее десять рублей въ мѣсяцъ и, какъ вид-

но, была твердо увѣрена, что ей дадутъ эту цѣну, потому что не обнаруживала ни малѣйшаго расположенія уступить: Въ другомъ домѣ съ Вареньки запросили только восемь рублей, но за то комната была въ одно окно и проходная. Ее отдавалъ въ наймы отъ своей квартиры башмачникъ. Въ третьемъ домѣ Варенька наткнулась на француженку, очень порядочной наружности; эта дама объявила, что преподаетъ уроки французской литературы. Ея собственныя комнаты были убраны очень мило и удобно. Тутъ были розаль, книги, шебель, обитая шелковою матеріею, красивые занавѣсы на окнахъ и пр. Француженка спросила у Вареньки, чѣмъ она занимается, есть-ли у ней родные, и, чрезъ нѣсколько минутъ знакомства, приняла въ ней живое участіе. Сказала, что даетъ уроки во многихъ знатныхъ домахъ и непременно доставить ей мѣсто, ловко встала въ свою рѣчь нѣсколько тонкихъ комплиментовъ, и, наконецъ, отворила дверь и съ гордостью показала Варенькѣ комнату, которую отдавала въ наймы. И точно, комната была хороша. Она была меблирована не только съ комфортомъ, но даже съ роскошью. Но когда француженка объявила цѣну, Варенька совершенно упала духомъ. Комната стояла тридцать рублей въ мѣсяць безъ прислуги. Съ прислугой надо было прибавить еще три рубля. Выйдя отъ француженки, Варенька посмотрѣла на огромные часы, въ окнѣ часового мастера. Стрѣлка показывала половину третьяго. Бѣдная дѣвушка, усталая, озябшая и, въдобавокъ, порядочно проголодавшаяся, помышляла уже, не ваять-ли ей извозчика на Петербургскую, попросить тамъ пріюта еще на эту ночь, тѣмъ болѣе, что уже смеркалось, и проходившіе мимо мужчины начинали заглядывать ей подъ шляпу. Одна объявилъ ей, что она очень хорошенькая, другой назвалъ ее душкой, третій изъявлялъ желаніе провезать ее. Варенька уже махнула рукой извознику, чтобъ подѣхалъ, какъ вдругъ женскій голосъ назвалъ ее по имени. Она проворно обернулась. Передъ нею стояла женщина, въ черномъ салопѣ и капорѣ, уже не молодая, отнюдь не красивая, но съ бойкимъ выраженіемъ лица.

— Ахъ, это вы, Авдотья Семеновна, сказала Варенька.

Господинъ, собиравшійся провезать ее, отошелъ на нѣсколько шаговъ.

— Куда вы это? спросила Авдотья Семеновна.

— Иду комнату.

— Что вы, зачѣмъ? Развѣ вы отошли отъ фонъ-дериъ-Штерце?

— Отошла.

— Какъ же это вы такъ на праздникахъ вздумали?

— Да нельзя было жить долѣе, надо было отойти.

— Да и хорошо сдѣлали. Сквалыжники эдакіе. Прошедшій разъ утянула у меня пятнадцать копѣекъ за то, что вотъ, видите, не въ девять часовъ, а въ семь кончила работу. Ну пусть ей на хлѣбъ останется. Я бѣдная дѣвушка, своими трудами живу, да и мнѣ пятнадцать-то копѣекъ не диковина. Ну, что-жь нашили комнату?

— Какое нашла, я ужь къ тетѣ на Петербургскую хочу ѣхать, устала, озыбла, съ утра хожу.

— Ахъ, вы, бѣдненькія, жаль мнѣ васъ! У моей хозяйки отдается комнатка. Хотите, пойдемъ посмотримъ?

— Нѣтъ, я ужь лучше завтра, Авдотья Семеновна...

— Да куда вы завтра соберетесь опять съ Петербургской. Переночуйте у меня не то... А комнатка вамъ, право, удобная будетъ.

— Да кто ваши хозяева?

— Чмьовники.

— Большое семейство?

— Нѣтъ, только двое, мужъ и жена.

— А что стоитъ комната?

— Да, я думаю, рублей-то шесть возьметъ. Просить семь, да вы не дадите. Небольшая, въ одно окно. Ну, да, вѣдь, вамъ все равно. Вѣдь вы вѣрно не надолго.

— Конечно. Я буду мѣста искать.

— Такъ пойдемте, что-ли? Если эта комната не годится, такъ все же вамъ завтра отъ меня ближе идти искать, чѣмъ съ Петербургской.

Этотъ доводъ былъ такъ основателенъ, что Варенька согласилась.

— Поѣдемте, сказала она.

— Ну, вотъ, стоитъ еще ѣхать. Вѣдь это близко.

— Все равно, поѣдемте, я устала.

Онѣ сѣли въ сани.

— Вотъ и видно, что вы не привыкли ходить. Въ пансіонѣте, я думаю, все сдѣлали. Да вы хорошенькія такія, вамъ бы генеральшей быть, да въ каретахъ разъѣзжать... А мнѣ такъ вотъ ни почему два конца сдѣлать въ день къ Знаменью, ту-

да, на самую Лиговку. Вотъ передъ праздниками я тамъ работала у одной полковницы. Утромъ пойдешь еще темно, а вечеромъ прибѣжишь въ девять часовъ, какъ встрепанная.

На Вознесенскомъ проспектѣ, не доѣзжая до Измайловскаго моста, Авдотья Семеновна велѣла извозчику остановиться. Она повела Вареньку чрезъ длинный дворъ, обстроенный кругомъ высокими каменными флигелями, по довольно сносной лѣстницѣ, во второй этажъ. Здѣсь у одной двери, обитой клеенкой, она позвонила. Имъ отворила женщина, лѣтъ пятидесяти, высокая, толстая, какъ башня, и такая-же неповоротливая. На ней была надѣта длинная кацавейка, шоколаднаго цвѣта, засаленная и во многихъ мѣстахъ разорванная, такъ что изъ нея торчали клочки грязной ваты. На головѣ, сверхъ кисейнаго чепца съ оборкой, былъ надѣтъ красный шелковый платокъ, завязанный узелкомъ у подбородка. Заспанные глаза ея свидѣтельствовали о томъ, что звонъ колокольчика нарушилъ ея послѣбоденный отдыхъ. Увидѣвъ незнакомую даму, она какъ-то сконфузилась и стала поправлять волосы, выбившіеся изъ-подъ чепчика.

— Вотъ-съ рекомендую вамъ, сказала Авдотья Семеновна, обращаясь къ Варенькѣ, мою хозяйку, Татьяну Степановну Федосѣеву.

— Извините-сь, пробормотала Татьяна Степановна съ странной улыбкой, выражавшей замѣшательство, я не одѣта-сь.

— Ничего, отвѣчала Варенька.

— Онѣ, вотъ, хотять-съ комнату у васъ посмотрѣть, проговорила Авдотья Семеновна.

— Что-жь, можно-съ. Вотъ я сей-часъ огонька достану. Темповато становится.

Татьяна Степановна пошла за деревянную перегородку въ кухню, и вышла оттуда со свѣчкой. Она осмотрѣла Вареньку съ головы до ногъ, пока та снимала галоши.

— Комната у меня хорошая-съ, проговорила она, теплая. У насъ спокойно, дѣтей нѣтъ, никакого шума не бываетъ. Не угодно-ли посмотрѣть?

Она ввела Вареньку въ небольшую комнату, убранную довольно чисто. У стѣнъ стоялъ старинный диванъ, обитый черной волосяной матеріей, передъ нимъ стоялъ покрытый клеенкой столъ. Окна были украшены пестрыми ситцевыми занавѣсами. По стѣнамъ стояли стулья, обитые такою же матеріей, какъ диванъ. На одномъ изъ нихъ, у желѣзной печки, покоил-

са жирный бѣлый котъ. Посреди потолка висѣла кѣтка съ канарейкой. Надъ диваномъ было небольшое зеркало. Напротивъ него, на другой стѣнѣ, между окнами, красовалась картина въ бумажной рамкѣ, изображавшая даму въ высокой прическѣ, съ очень красными щеками, въ голубомъ платьѣ, стариннаго фасона, съ коротенькимъ лифомъ и коротенькими рукавами, въ видѣ шаровъ. Внизу картины, неизвѣстно по какому поводу, было начертано крупными буквами: «La Beauté». На окнахъ стояли горшки съ цвѣтами или, лучше сказать, съ какой-то зеленью сѣроватаго цвѣта. Во всю длину пола былъ постлаецъ узкій коврикъ.

— Вотъ-съ это наше зало, сказала Татьяна Степановна Варенькѣ. А вотъ-съ, прибавила она, отворяя дверь направо, эту комнату я отдаю въ наймы-съ

Варенька заглянула въ нее. Комната была съ однимъ окномъ, выкрашенная по штукатуркѣ блѣдно-розовой краской. На углахъ были ясные признаки сырости. Комната нагрѣвалась отъ круглой чугунной печки изъ зала.

— А какъ цѣна? спросила Варенька.

— Восемь рублей-съ. У меня жила тутъ также благородная дама, изъ нѣмокъ, уроки музыки давала, по восьми рублей платила-съ... Да вотъ передъ праздниками съѣхала. На мѣсто пошла-съ.

— Для меня это дорого, замѣтила Варенька, нельзя-ли по-дешевле.

— Нѣтъ, никакъ нельзя, право-ну. У васъ много мебели?

— Никакой нѣтъ,

— Такъ какъ же вы будете-съ.

— Да вы одолжите мнѣ одинъ стулъ, да какой-нибудь столикъ, да если есть еще кровать, а больше мнѣ ничего не надо.

— Вотъ, видите-съ! съ мебелью-то и нельзя взять дешевле. Еще восьми рублей и маловато будетъ.

— Помилуйте, какая же это мебель!

— А какже-съ не мебель? Вотъ кровати-то у меня нѣтъ, купить надо будетъ, вѣдь я заплатитъ должна. А тамъ, вѣдь, и еще что понадобится, шкафикъ какой хоть для посуды...

— Нѣтъ, нѣтъ, поспѣшила сказать испуганная Варенька, мнѣ ничего не надо, кромѣ стола и стула, на первый разъ, а тамъ, если что понадобится, я сама куплю.

— Ну, да объ этомъ послѣ потолкуете, сказала Авдотья Се-

мешовина, которая успѣла сходить въ свою коморку и переодѣть-ой въ домашнее платье, а теперь пойдете-ка ко мнѣ, Варвара Александровна, въ мою хагу. Вѣдь онѣ у меня почевать будутъ, прибавила она, обращаясь къ Татьянѣ Степановнѣ, такъ еще успѣете порядиться.

Варенька пошла съ Авдотьей Семеновной. Комната, которую занимала Авдотья Семеновна, была просто коморка, отгороженная деревянной перегородкой отъ кухни. Въ ней было ровно столько пространства, сколько надо, чтобъ поставить кровать, два стула, столъ и кофейникъ. Всѣ эти вещи находились въ коморкѣ. По стѣнамъ вездѣ были набиты гвоздики, на которыхъ красовался весь гардеробъ Авдотьи Семеновны. Окно выходило на корридоръ. Подлѣ самой перегородки дверь вела на черную лѣстницу. Варенькѣ въ первый разъ въ жизни привелось видѣть такое тѣсное помѣщеніе. Она не могла понять, какъ можно проводить дни, недѣли, проживать, наконецъ, по цѣлымъ годамъ въ такомъ темномъ, мрачномъ мѣстѣ.

— Что? спросила со смѣхомъ Авдотья Семеновна, замѣтивъ изумленіе своей гостьи, вамъ не доводилось жить въ такой мышеловкѣ?

— Мнѣ кажется, у васъ немножко тѣсно, замѣтила Варенька.

— Тѣсно-то еще ничего, продолжала Авдотья Семеновна, снимая съ нея салопъ и шляпу, а вотъ плита-то въ кухнѣ дымить. Оттого я и не люблю на домъ работу брать. Повернуться негдѣ, пожалуй, еще какъ-нибудь выпачкаешь чужое-то. У меня же Васька такой негодный, все привыкъ на столѣ лежать. Да и шить-то бѣда, дымомъ глаза выѣстъ и темновато. Какъ начнется осень, то хоть цѣлый день со свѣчей сиди... А вѣдь за такое нурье каждый мѣсяцъ два рубля подай.

— Кто это спитъ тамъ? спросила Варенька, прислушиваясь къ громкому храпѣнью, раздававшемуся изъ сосѣдней комнаты.

— Хозяинъ. Вотъ на праздникахъ-то загулялъ, такъ и отсыпается теперь.

— Какъ же, сказала Варенька, вѣдь я буду бояться тутъ жить. Я пьяныхъ ужасно боюсь.

— И что вы! Вѣдь онѣ до васъ касаться не будутъ, какое ему дѣло до васъ?

— А если онѣ забуянитъ?

— А мы-то на что съ хозяйкой? Онѣ у насъ, правду сказать, не буянитъ, а вотъ какъ получить жалованье или на

большихъ праздникахъ, то и зашьетъ. Тутъ ужъ до того-шьетъ, что начинаетъ куралесить. Разныя ему видѣнья чудятся. Представленья начнеть давать. Ожопясь вообразилъ, что сдѣлался генераломъ, что у него домъ большой. Померещилось ему, будто принимаетъ, и пошелъ съ ними раскланываться и разговаривать, садиться просить. Умора, да и только. Мы съ Татьяной Степановной смотримъ, смотримъ, иногда въ щелку въ дверь, да и войдемъ. Такъ вѣдь насъ-то не узнаеть—графиня-ли да княгиня-ли сдѣлаеть. Прошедшій разъ работница Аграфена вошла въ комнату, замарашка такая, волосы-то растрепанные, лицо сажей выпачкано, а онъ ей такъ поклоны и отѣшивается. Ваше сіятельство, говоритъ, какъ я радъ, что вы озаботились меня вашимъ посѣщеніемъ, позвольте вамъ моего брата представить, да взялъ, знаете, моего кота Ваську и подносить къ ней, а Васька-то какъ фыркнетъ да цапнетъ его...

Варенька покачала головой съ состраданіемъ.

— А долго это съ нимъ продолжается?

— Да какъ случится, иной разъ и недѣлю. Только что вы его не бойтесь. Онъ пресмирный всегда, пальцемъ пикого не тронетъ, да и сила-то ужъ какая у него. Татьяна Степановна одной рукой его перевернетъ. А жаль, что пьетъ, какъ трезвый, пить лучше его человѣка. Смирный такой, деликатный. Смотрите-то тогда ему на насъ совѣстно.

— Такъ зачѣмъ же онъ пьетъ?

— А Богъ знаетъ. Видно ужъ такъ на роду написано. Я заболталась и о кофеѣ забыла, а вѣдь вамъ, поди-ка, кушать хочется.

— Мнѣ совѣстно, что я вамъ столько хлопотъ дѣлаю.

— Что за хлопоты. Я вотъ духомъ огонь разведу, да въ булочную сбѣгаю. Мы хозяйку-то пригласимъ кофею пить, прибавила она, понизивъ голосъ. Вы ей больше семи не давайте за комнату. За кофейкомъ-то она скорѣй уступить.

Авдотья Семеновна ушла въ кухню, откуда вскорѣ послышался трескъ горѣвшихъ лучинъ и потянуло дымомъ. Черезъ минуту она явилась опять, накинула салонъ и платокъ на голову, и пошла за сливками и сухарями. Вскорѣ все было готово. Явилась и Татьяна Степановна и, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилась уступить наконецъ комнату за семь рублей. Варенька немножко побаивалась пьянаго хозяина. Ей не нравилась запачканная Татьяна Степановна, не нравилась весь этотъ бытъ, эта

тѣснота, но она была слишкомъ измучена въ этотъ день. Она увала духомъ.

— Притомъ же, думала Варенька, не надолго, проживу какъ-нибудь недѣли двѣ.

— На чемъ же я лягу спать? спросила она вдругъ Авдотью Семеновну, мнѣ бы хотѣлось лечь ужъ въ моей комнатѣ, а у меня нѣтъ даже матраса.

— Не безпокойтесь, я вамъ все слажу. Вотъ велю дворнику сѣна принести, и набьемъ простыню, подушку-то одну я вамъ могу удѣлать...

— Мнѣ бы хотѣлось послать дворника за моими вещами...

— Я сама пойду съ нимъ. На этотъ народъ нельзя полагаться, пожалуй еще что потеряетъ, да и проходить три часа.

Варенька поблагодарила Авдотью Семеновну и дала ей на извощика.

— Вы пока посидите въ моей комнатѣ, сказала она, уходя.

Авдотья Семеновна была дочь также мелкаго чиновника. Ей было двѣнадцать лѣтъ, когда умеръ ея отецъ. Мать отдала ее въ ученье въ модный магазинъ. Выйдя оттуда черезъ пять лѣтъ, она постоянно, до настоящей минуты, то есть до тридцати-пяти лѣтъ своей жизни, кормилась своими трудами. Пока мать ея была жива, она брала работу на домъ, что было для нея гораздо выгоднѣе. По смерти матери, ей не удобно было жить въ отдѣльной квартирѣ, потому что она не успѣвала и работать и хозяйничать. Она пересѣхала въ комнату къ Федосѣевымъ, и стала ходить по-денно.

М-ше фонъ-деръ-Штерне изъ экономіи часто брала швею на домъ. У ней-то Авдотья Семеновна познакомилась съ Варенькой. Иногда Варенька также давала ей шить себѣ что-нибудь и всегда щедро платила. За эту-то щедрость Авдотья Семеновна приняла въ ней такое горячее участіе. Можетъ быть, также легла ей неопредѣленная надежда попользоваться отъ Вареньки какой-нибудь мантилей или платьемъ.

Во время ея отсутствія, Татьяна Степановна старалась занять новую жилищу. Но она умѣла только жаловаться на дороговизну съѣстныхъ припасовъ, на неисправность своей работницы, которая еще съ утра ушла въ гости и до сихъ поръ не возвращалась, на Антона Прокофьевича, который на праздникахъ всегда не въ своемъ умѣ бываетъ.

— И на службѣ-то держать его, говорила она, только изъ

жалости, что немного ему осталось до пенсін, а кабы не такіе добрые начальники, просто хотъ по-міру поди!

Всѣ эти рассказы навели на Вареньку нестерпимую скуку. Она очень обрадовалась, когда явилась Авдотья Семеновна съ дворникомъ, который принесть чемоданъ и картонки.

— Вотъ и имѣнье ваше, заговорила она, все въ исправности. Теперь только надо все въ вашей комнатѣ устроить. Слушай-ка, Микита, закричала она уходившему дворнику, вернись-ка на минутку.

Дворникъ вернулся.

— Достань ты тамъ, голубчикъ, гдѣ-нибудь сѣнца, прибавила она, перемѣнивъ повелительный голосъ на медовый, вотъ барышнѣ надо тюфакъ сѣномъ набить, она тебѣ на чай дастъ.

Дворникъ почесалъ въ затылкѣ.

— Да гдѣ взять-то? Ишь ты, купить надо.

— Ну, ну ужъ и купить! Ты попроси у кучера Лазаревскихъ. Онъ тебѣ и такъ дастъ, а ты, вѣдь, на чай-то получишь.

— Не дастъ такъ, отвѣтилъ Никита, мотнувъ головой, господъ боится.

— Ну, поди, понщи, нельзя-ли гдѣ-нибудь купить.

— Да много вамъ надо?

— Нѣтъ же, говоритъ тебѣ, только матрасъ набить.

Никита вторично почесалъ въ затылкѣ.

— А, ну, столько-то, може, и кучеръ дастъ.

— Такъ поди-жь поскорѣй.

— Не знаю только, пріѣхалъ-ли кучеръ, даве барина куды-то отвозилъ.

И Никита ушелъ, продолжая бормотать себѣ подъ носъ.

— Ну-съ, заговорила опять Авдотья Семеновна, обращаясь къ Варенькѣ, пойдете-ка теперь на новоселье. Прежде всего надо бы образокъ да хлѣбъ снести. Татьяна Степановна, отрѣжьте-ка кусокъ хлѣба. Есть у васъ образокъ? спросила она у Вареньки.

Варенька достала изъ чемодана маленькій образокъ Божіей Матери, которымъ благословила ее Елена Егоровна, отпускная маленькую въ Петербургъ съ дадей. Авдотья Семеновна положила на блюдечко ломоть хлѣба, посолила его крушной солью и вмѣстѣ съ образомъ понесла на новоселье.

— Теперь спесемте картонки и чемоданъ, сказала она, вернувшись.

Картонки и чемоданъ были перенесены.

— Не знаю, куда мнѣ шубу повѣсить, сказала Варенька.

— А вотъ я сей-часъ устрою. Дайте-ка двѣ кофѣйки на гвозди.

Авдотья Семеновна живо сбѣгала за гвоздями и вколотила ихъ въ стѣну въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

— Достаньте простыню, сказала она.

Варенька достала. Авдотья Семеновна унесла ее въ сдою каморку и черезъ минуту опять вернулась, пришивъ къ ней тесемку дѣ видѣ цетли. Потомъ повѣсила шубу на гвоздь, нацѣпила на нее простыню и обвертѣла ею шубу. Точно также поступила она и съ двумя нарядными платьями. Затѣмъ отыскала въ чуланѣ у хозяйки какой-то старыи столдикъ, поставила его къ окну и разостлала на немъ собственную свою красную салфетку. Хозяйка дала изъ своего зала два волосьяные стула.

— Теперь, кажется, все хорошо, сказала она, осматриваясь вокругъ и любясь своей находчивостью. Только, кажется, здѣсь холодновато.

— Да, немножко, отвѣчала Варенька.

— Постойте, я скажу хозяйкѣ, чтобы печку затопила въ залѣ.

И Авдотья Семеновна опять исчезла. Варенька сѣла шить матрасъ изъ простыни.

— У васъ нѣтъ подсвѣчника? спросила Авдотья Семеновна, войдя къ ней.

— Нѣтъ.

— А, вѣдь, вамъ надо будетъ. И ни чашечки у васъ нѣтъ, ни кофейничка?

— Нѣтъ.

Авдотья Семеновна покачала головой.

— Можно, пожалуй, вамъ и въ моемъ кофейникѣ варить и чашку-то я могу вамъ дать. Ну, а вотъ на-счетъ того, если вамъ сосрѣпать когда, то переговорите съ хозяйкой, прежде чѣмъ ей деньги отдадите за мѣсяць впередъ. Если не хотите покупать посуды, выговорите, чтобъ она свою давала. Она хоть и хороша, хороша, а все-таки пальца въ ротъ не клади: какъ денежки-то отдадите, такъ и прижметъ, пожалуй.

— Да зачѣмъ же мнѣ ей заплатить впередъ за цѣлый мѣсяць, можетъ быть я и меньше проживу.

— Ну, ужъ это нельзя иначе. Хоть вы три дня проживете, а

денегъ впродолжъ за весь мѣсяцъ. Вездѣ такъ. Вы и на-счетъ прислуги съ ней не уговаривались?

— Нѣтъ, да мнѣ не надо прислуги.

— Эхъ, что вы говорите? Сей-часъ видно, что вы никогда еще не ждали по компантамъ. Какъ же надо. Да вотъ, напримеръ, хоть сухарей купить понадобилось, вѣдь не сами же вы побѣждаете во всякую погоду. А подѣ-то вымыть понадобится? мало-ли чего! Конечно, вамъ безъ того придется Аграфенѣ хоть платнички въ мѣсяцъ дать, а все-таки перговорите съ хозяйкой завтра по утру.

Варенька подумала, что со всѣми этими расходами ей пятнадцать рублей скоро исчезнутъ изъ порт-монше.

— Пойдите я вамъ помогу матрасъ сшить.

Авдотья Семеновна подсадила къ столу и работа закинула у нея въ рукахъ.

— Ахъ, да, чуть не забыла, сказала вдругъ она: какъ я къ ефимъ-дери-Штерне-го шла, мнѣ попался на дѣтничѣ Михайло Борисовичъ. Куда вы это, говоритъ, ужъ не мить-ли въ праздникъ идете?

— Нѣтъ, говорю, меня и въ будни-то теперь къ вашей сестрицѣ калачемъ не заманишь мить... Я иду за Варвары Александровными вещами. Вотъ онъ и присталъ, куда вы перѣѣхали? Я его порядкомъ помучила. Намеянецъ должна была сказать. Всталъ у дверей: не пушчу, говоритъ, пока не скажете, а какъ я, слыша, смеюрю, а онъ у подъѣзда-то и стоитъ. Вы, говоритъ, сочинили, а вотъ я за вами поѣду да и посмотрю, правду-ли вы сказали. Этакъ сумасшедшій.

— Зачѣмъ вы сказали, проговорила Варенька, наклонясь надъ работой, чтобъ скрыть до какой степени покрасѣла, онъ этакъ, пожалуй, сюда вздумаетъ прѣѣхать.

— Ну, такъ что-жь за бѣда, хоть бы и прѣѣхалъ? Вѣдь онъ и безъ меня захотѣлъ бы, такъ узналъ, куда вы перѣѣхали. По отиѣткѣ видно. У дворника бы спросилъ.

— Да какъ же мнѣ его здѣсь принять?

— Да вотъ такъ просто въ этой комнатѣ и примите. Не начинать же вамъ квартиру, чтобъ его принимать.

— Но что скажутъ!

— А кому сказать-то: Ацронъ Прокофьевичъ всѣ праздники будетъ безъ просыпу спать, а Татьяна-то Степановна и гово-

рить порядкомъ не умѣть. Да и что за дѣло до того, что люди говорятъ. Пускай себѣ языки чешутъ на здоровье.

— Да онъ и не пріѣдетъ, сказала Варенька; къ чему ему пріѣзжать?

— Ну, нѣтъ, не надѣйтесь. Должно быть вы ему очень нравитесь.

— Я не приму его, сказала Варенька, еще больше наклонясь надъ шитьемъ.

— Ну, вотъ ужъ напрасно. Онъ человѣкъ богатый и добрый, кажется. Коли вы ему взаправду нравитесь, такъ, можетъ быть, Богъ и судьбу пошлетъ. Можетъ и женится. Ухъ, то-то бы Марья Борисовна разорвалась съ досады. Вѣдь все фонъ-да фонъ. Поди-ка, ровной-то ей на свѣтъ нѣтъ.

— Онъ еще такъ молодъ! сказала Варенька.

— Что за молодъ?.. Двадцать четыре года.

— А вы отчего знаете?

— Да Марианна какъ-то сказала. Когда-жъ и влюбляются-то безъ памяти, какъ не въ эти лѣта.

— Микита сѣно принесъ, объявила Татьяна Степановна, выставивъ лицо въ полуотворенную дверь.

— Вотъ умница! сказала Семеновна вставая, надо ему двугривенничекъ дать.

Варенька дала двугривенный.

Матрасъ набили. Между тѣмъ къ Авдотѣ Семеновнѣ пришла гостья, и она ушла въ свою каморку. Варенька рада была отдохнуть. Она устроила себѣ кое какъ постель, на новоизобрѣтенномъ матрасѣ, надѣла блузу и прилегла. Ей не хотѣлось спать, было еще рано, но послѣ усталости всегда приятно бездѣйствіе. Варенька стала думать обо всемъ случившемся и о томъ, что еще ожидаетъ ее въ будущемъ. Странно и дико казалось ей ея настоящее положеніе. Ее очень беспокоило, зачѣмъ Мишель разспрашивалъ у Авдотьи Семеновны, куда она перѣѣхала.

— Я не приму его, если онъ пріѣдетъ, говорила она мысленно. Но чрезъ минуту, испугавшись такой рѣшимости, начинала успокаивать себя разными доводами, на которые всегда такъ податлива наша совѣсть, если намъ хочется убѣдить себя, что мы поступаемъ безупречно.

— Если не приму его, думала Варенька, значить никогда не увижу. Къ чему же такъ погнупать съ человѣкомъ, который

принимаетъ во мнѣ участіе. Къ тому же, можетъ быть, чрезъ вѣсколько дней, я поступлю на мѣсто, а тогда и безъ того, вѣроятно, никогда его не увижу. Потомъ она начала думать о своемъ родномъ городкѣ, о матери и сестрахъ.—Горько было бѣдной дѣвушкѣ, что ей вѣчно суждено оставаться чужой въ своей семьѣ... Она припомнила Нину, ея веселое доброе лицо, ея спокойную, трудолюбивую жизнь и почти сожалѣла, что на ея долю не выпала такая же участь.

Но это сожалѣнье было только минутое, свидѣвіе дурнаго расположенія духа. Въ глубинѣ души, Варенька все-таки сознавалась, что такая однообразная жизнь ей скоро бы наскучила.

— Лишь бы поскорѣй найти мѣсто, думала она въ заключеніе, а тамъ я опять заживу весело. Будутъ деньги, нашью себѣ нарядовъ, сдѣлаю на праздникахъ визиты всѣмъ бывшимъ подругамъ и буду къ нимъ ѣздить на вечера. Когда буду дѣлать условія, непременно выговорю, чтобы два вечера въ недѣлю быть свободной.

Давно уже мечтала Варенька о томъ, какъ бы сшить себѣ голубое креповое платье на шелковомъ чахлѣ. Теперь оно предстало ея воображенію со всѣми подробностями во всей красѣ. На этомъ-то платьѣ сонъ поймалъ ее. Оно пригрезилось ей и во снѣ. Она видѣла ярко освѣщенную бальную залу, Мишеля, Валеріана Петровича и Нину въ своемъ собственномъ голубомъ платьѣ. Потомъ она сидѣла въ театрѣ въ ложѣ, изъ партера на нее смотрѣлъ Мишель, а на сценѣ порхала Гризи. Вдругъ она проснулась, въ залѣ дѣйствительно кто-то пѣлъ. Она стала прислушиваться. Пѣли похоропнымъ напѣвомъ. Вареньку охватило ужасомъ. Ея платья, которыя Авдотья Семеновна укутала простынями и развѣсила по стѣнамъ, смотрѣли на нее, какъ мертвецы въ саванахъ. Изъ залы раздавалась вѣчная память. Варенька вскочила и, не смѣя открыть двери, стала прислушиваться, дрожа всѣмъ тѣломъ. Вдругъ пѣнье прервалось.

— Позвольте васъ спросить, заговорилъ кто-то пискливымъ, дребезжающимъ голосомъ: кого это хоронятъ.

— Оедостику, отвѣчалъ мужской басъ, Татьяну Степановну.

— Ахъ какъ жаль, какъ жаль! повторилъ тотъ же пискливый голосъ.

— Что ее жалѣть, отвѣчалъ басъ, туда ей и дорога. Гадкая бабенка была. Сто лѣтъ прожила на свѣтѣ, будетъ съ нее—по-

ра и честь знать. Вслѣдъ затѣмъ послышались неровные удары молотка и что-то упало на полъ.

— Ну, слава Богу похоронилъ.

— Ну, похоронили, такъ идите спать.

Варенька узнала голосъ Авдотьи Семеновны:

— Полжете комедіи-то ломать, вѣдь ночь, мы спяты хотишь.

— Гдѣ ему! скоро-ли онъ теперь уйдетъ. День-то выспался, сказала Татьяна Степановна.

— Ахъ, жива, жива! закричалъ опять мужской голосъ, сейчасъ только что похоронилъ...

— Да идите спать, полно вамъ хлопотать-то, это не Татьяна Степановна. Татьяна Степановна умерла, вѣдь вы сами ее похоронили, сказала Авдотья Семеновна.

— Да, да похоронилъ. Панихиду надо отслужить.

— Завтра отслужите.

— А вотъ я ему отслужу панихиду, проговорила грозно Татьяна Степановна. Аграфена, принеси-ка веревку, свяжемъ ему руки, чтобъ не барахтался, да и отнесемъ на постель.

— Исаія ликуй! возонилъ Антонъ Прокофьевичъ во все горло.

Раздался громкій смѣхъ Авдотьи Семеновны и Аграфены.

— Натко, ужъ и свадьба! какъ скоро, заговорили онъ, не успѣлъ жену похоронить.

— Исаія ликуй, ликуй, ликуй... продолжалъ Антонъ Прокофьевичъ.

— Позвольте васъ спросить, кого это вѣнчаютъ? спросилъ подобострастный тихій голосъ.

— Федосѣева, отвѣчалъ отрывисто другой голосъ. Чиновника Федосѣева, Антона Прокофьевича.

— А на комъ это они изволятъ жениться? спросилъ опять подобострастный голосъ.

— На племянницѣ папы римскаго.

— Богата-съ?

— Еще бы! на семидесяти волахъ приданое привезли. Не старой вѣдьмѣ Федогвѣхѣ чета.

— Ну, нечего ждать, пока онъ обвиняется. Аграфена, давай-ка веревку.

Вслѣдъ затѣмъ послышалась возня. Антонъ Прокофьевичъ не давалъ себя вязать, вопилъ что было силы: Исаія ликуй! На-

конецъ возни утихла и пѣніе раздавалось еще съ четверть часа, но уже въ спальнѣ молодого.

Когда все смолкло, Варенька дрожа, какъ осиновый листъ, зажгла свѣчу, отворила дверь и на ципочкахъ прокралась въ каморку Авдотьи Семеновны.

— Матушки мои! что это съ вами сдѣлалось? вскричала Авдотья Семеновна, вскочивъ и бросивъ папироску, которую курила.

Не смотря на поздній часъ вечера, Татьяна Степановна также не спала. Она сидѣла тутъ же и, по поводу новаго представленія Антона Прѣкофича, разливалась въ жалобахъ на свою горькую участь.

— Посмотрите-ка, продолжала Авдотья Семеновна, обращаясь къ ней и кивая головой на Вареньку.

— На нихъ лица нѣтъ!

— Я, было, заснула, начала Варенька...

— А нашъ комедіантъ испугалъ васъ? подхватила Авдотья Семеновна.

— Ужь впрямъ, что комедіантъ, прибавила хозяйка, вздумалъ заживо меня хоронить! Еретикъ этакой!

— Да отчего вы дрожите-то, спрашивала Вареньку Авдотья Семеновна, усаживая ее на свой стулъ. Вотъ, вѣдь, что значить, этакой жизни никогда не видать, до полусмерти перепугались. А мы-то съ вами, Татьяна Степановна?

И Авдотья Семеновна захохотала. Татьяна Степановна также усмѣхнулась.

— Нешто дурака этакого бояться, промолвила она презрительно.

— Голубушка моя, да перестаньте вы дрожать-то, успокоивала Авдотья Семеновна Вареньку. Погодите, я самоваръ поставлю, чайку выпьете и согрѣетесь. Есть-ли уголья, Татьяна Степановна?

— Должно быть, что есть.

— Не надо, Авдотья Семеновна, упрямилась Варенька. Это нервная дрожь, сей-часъ пройдетъ. Право, мнѣ очень совѣстно, что вы обо мнѣ такъ хлопочите.

— Ну, вотъ, что за хлопоты. Мы тоже по чашечкѣ выпьемъ. У меня ужъ и сонъ прошелъ.

Авдотья Семеновна побѣжала въ кухню.

— Да что-жь ему это вздумалось васъ хоронить? спросила Варенька хозяйку.

— Со злости, зачѣмъ за виномъ не пошла. Вѣдь, вишь, онъ эхидина какая; не смотри, что пьяный, знаетъ, чѣмъ можетъ до сердца дойти. Вѣнчаться вздумалъ! Господи Боже мой! Хоть бы я и въ самомъ дѣлѣ, горемышная, Богу душу отдала, ну, кто за него пойдетъ-то? Ну, ужь постой же онъ, отрезвится, поману я ему эту свадьбу.

— Авдотья Семеновна мнѣ говорила, замѣтила Варенька, что онъ добрый человекъ, когда въ своемъ умѣ бываетъ.

— Добрый! что его доброта-то. Все ровно что скотина бессмысленная. Все молчить, хоть ты весь день пили его.

Авдотья Семеновна принесла самоваръ, Варенька выпила, чтобы сдѣлать ей удовольствіе, и пошла въ свою комнату. Авдотья Семеновна проводила ее, взбила ея стѣнной матрасъ, уложила ее, укутала и, послѣ неоднократныхъ увѣщаній, чтобы она ничего не боялась, ушла въ свою каморку.

— Вѣдь какъ ее трясло, сердечную, сказала она со смѣхомъ, наливая себѣ еще чашку чаю.

— Улеглась? спросила Татьяна Степановна.

— Улеглась.

— Нѣжна больно, проговорила Татьяна Степановна, эка не видалъ—пьяный.

— Ну, нѣтъ, не говорите, Татьяна Степановна. Съ непривычки очень испугаться можно, отвѣчала, съ глубокомысленнымъ видомъ, Авдотья Семеновна.

— Пустяки, ломается. Хочетъ, чтобы ухаживали за ней. Ну, ужь отъ меня не дождется. Да что это, Авдотья Семеновна. у ней ничего нѣтъ имѣньшика-то никакого?

— Да говорятъ вамъ, что она въ гувернанткахъ жила.

— Что-жь она на самыхъ праздникахъ переѣхала?

— А кто ее знаетъ! говорить, что поссорилась. А можетъ, что и другое на умѣ есть... Вѣдь она смазливенькая.

— Носъ-то только высоко держать. Смотрить такой графией. Терпѣть не могу такихъ.

Между тѣмъ Варенька ужь больше не засыпала. Неприятная сцена, которой она была свидѣтельницею, произвела на нее тяжелое впечатлѣніе. Было еще темно, когда она встала, но въ домѣ уже шевелились. Прежде всего пришлось Варенькѣ опять открыть свой порт-монне. Надо было купить кофе, сахаръ, сли-

возъ и проч. Авдотья Семеновна закупила все, что было нужно, и взяла все въ свое распоряженіе. Она изжарила и смолола кофе, и расколола сахаръ. У ней была слишкомъ развита нишка услужливости. Потому она захопотала на-счетъ обѣда.

Варенька твердо, было, рѣшилась не обѣдать въ избѣжаніе лишнѣхъ расходовъ.

— Помиляйте, да вы себя уморите такъ, заговорила Авдотья Семеновна, что за охота!

— Но я боюсь, что у меня денегъ не достанетъ, замѣтила Варенька.

— Ну, вотъ, ужъ нашли, о чемъ думать. У васъ всегда деньги будутъ. Вотъ пойдете на мѣсто и деньги есть.

— Но до тѣхъ поръ...

— Не бѣда, если не хватитъ, найдемъ. какъ горю помочь. Можно что-нибудь заложить. Видно, что вы нужды-то не видали, всего бонтесь. Вотъ кабы вы пожили такъ, какъ мы: какъ весна, зимній салопишка въ закладъ, какъ осень—выкупить сто. Вы думаете, что безъ обѣда-то выгодноѣ? Нѣтъ, на чайхъ-то, да на кофеяхъ долго не проживете. Сливки да сахаръ наведутъ на то, что стоитъ два фунта мяса купить. А мясо-то, если купите два фунта, такъ я вамъ такой бѣстексъ сдѣлаю, что вы имъ два дня сыты будете.

Варенька дала цѣлковый. Она тяжело вздохнула. Накашувъ она дала семь рублей хозяйкѣ, и въ ея порт-монне оставалось еще немного. Послѣ кофе она надѣла черное шелковое платье, такую же мантилью, бѣлую шляпу съ мелкими розовыми цвѣтами подъ полями и отправилась къ м-г. N. Было еще почти сумерки, когда она вышла изъ дома, но Варенька знала, что этого господина можно застать дома въ девять часовъ утра или въ три часа передъ обѣдомъ. Войдя по широкой, чистой лѣстницѣ, которая вела прямо съ улицы во второй этажъ, Варенька позвонила.

— Дома м-г N.? спросила она у служанки, отворившей дверь.

— Сей-часъ идетъ со двора.

— Нельзя-ли его видѣть хоть на нѣсколько минутъ?

— Войдите, я скажу ему.

Варенька вошла въ маленькую пріемную. Минуты черезъ двѣ къ ней вышелъ пожилой, толстый, краснолицый французъ, уже со шляпой въ рукѣ и въ перчаткахъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ очень любезно.

— Пришла вась просить рекомендовать мнѣ мѣсто гувернантки.

— Очень охотно. Только извините, я тороплюсь теперь на урокъ. Придите завтра въ три часа. Вы уже жили гдѣ-нибудь?

— Да, я недавно оставила мѣсто.

— Такъ до завтра.

Французъ и Варенька вмѣстѣ сошли съ лѣстницы.

На другой день около двѣнадцати часовъ она сидѣла въ своей комнатѣ и читала. Вдругъ дверь отворилась и Авдотья Семеновна не вошла, а влетѣла съ лицомъ отчасти радостнымъ, отчасти таинственнымъ.

— Вѣдь пріѣхалъ! проговорила она шопотомъ.

— Кто?

— Да Михайло-то Борисовичъ.

И прежде, чѣмъ Варенька успѣла на что-нибудь рѣшиться, въ соседней комнатѣ послышались мужскіе шаги. Она обернулась и въ полурастворенную дверь увидѣла Мишеля. Дѣлать было нечего. Варенька вышла къ нему. Она сама чувствовала, что покраснѣла чуть не до слезъ. Мишель былъ очень серьезенъ и даже, какъ будто, скученъ.

— Простите меня, началъ онъ тихимъ голосомъ, когда они раздвѣнялись поклонами, что я осмѣлился пріѣхать къ вамъ. Но меня мучила мысль, какъ вы устроились. Такъ какъ вамъ надѣлали неприятностей въ домѣ моей сестры, то хотя она и не выговариваетъ въ нихъ, но ее все таки беспокоитъ ваше положеніе. Она даже сама просила меня заѣхать къ вамъ.

Мишель все это выдумалъ. Marie была радешенька, что опасная соперница убралась изъ дому, ей въ голову не приходило беспокоиться объ ея положеніи.

— Ваша сестрица очень добра, проговорила Варенька, благодарите ее и скажите, что мнѣ въ моемъ положеніи нельзя быть прихотливой.

Въ эту минуту отворилась дверь и Татьяна Степановна, въ лохматой шоколадной кацавейкѣ, явилась съ тряпкой вытирать пыль, хоть пыль давно уже была вытерта. Мишель и Варенька продолжали разговоръ по-французски.

— Кто это? спросилъ онъ.

— Хозяйка.

— Кто-жь она?

— Чиновница.

— Большое семейство у ней?

— Нѣтъ, только она и мужъ.

— Вы ихъ знали прежде?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы мнѣ сказали, что перейдете къ знакомымъ?

— Я прежде такъ и хотѣла, но потомъ разсудила, что гораздо лучше не быть обязанной.

— Это ваша комната? спросила Мишель, заглядывая въ потворенную дверь.

— Моя.

Мишель всталъ, подошелъ къ двери, заглянулъ въ нее и, безъ дальнихъ церемоній, вошелъ въ Варенькину комнату.

— Да у васъ просто келья, сказали онъ, улыбаясь. Даже мнѣ кажется, что и въ кельяхъ живутъ удобнѣе.

— Но, вѣдь, это не такъ долго, замѣтила Варенька.

— Все равно. Я считаю каждый день драгоценностью и ни одного дня не хотѣла бы прожить безъ комфорта.

Онъ взялъ съ она книгу.

— Вы не читали: *La savane de l'oncle Tom*?

— Нѣтъ.

— Славная вещь, я привезу вамъ. Знаете-ли, что дѣли ничѣмъ не могутъ утѣшить.

— Мнѣ также очень жаль, но нечего было дѣлать. Я не могу жить съ людьми, которые имѣютъ обо мнѣ такое мнѣніе, какого я не заслуживаю.

— Но все-таки вы поступили слишкомъ поспѣшно. Marie сожалѣетъ объ этомъ. Можно-бъ было подождать, пока вы найдете другое мѣсто.

— О нѣтъ, отвѣчала Варенька, вспыхнувъ.

— Такъ до свиданія, проговорилъ Мишель, я сообщу сестрѣ обо всемъ, что видѣлъ.

Мишель уѣхалъ. Около трехъ часовъ Варенька отправилась къ м-г Н. Французъ встрѣтилъ ее въ приемной и пригласилъ въ свой кабинетъ.

— Такъ вы желаете мѣсто гувернантки? спросилъ онъ.

— Да.

— За этимъ дѣло не станетъ. Посмотрите, сколько у меня здѣсь адресовъ.

Онъ развернулъ толстую переплетенную тетрадь и подаль Варенькѣ. Въ ней всѣ страницы были исписаны адресами тѣхъ домовъ, куда требовали гувернантокъ. Но вмѣсто фамилій надъ

ними были выставлены номера. Подъ каждымъ номеромъ было записано, какихъ познаній требуютъ отъ гувернантки, какое ей предлагаютъ вознагражденіе и сколько ученицъ или ученишковъ.

— Ко мнѣ обращаются изъ всѣхъ почти губерній Россіи, прибавилъ m-г N. Воуопс: гдѣ вы воспитывались?

— Въ пансіонѣ у m-те Жермень.

— Вы хорошо говорите по-французски. Вы русская?

— Да.

— Можете учить музыкъ?

— Могу.

— Какіе еще языки вы знаете?

— Нѣмецкій и англійскій.

— Вы бѣгло говорите по-нѣмецки?

— Нѣтъ, я лучше знаю правила языка, нежели могу объясняться на немъ.

— А, это жаль! Но все-таки вы говорите по-нѣмецки?

— Говорю; только не такъ бѣгло, какъ по-французски.

— А по-англійски?

— Англійскимъ языкомъ я больше занималась, я знаю его лучше, нежели нѣмецкій.

— Oh, il ne s'agit pas de cela? l'essentiel—c'est de parler une langue.

— Я говорю по-англійски довольно бѣгло.

— Какое-жъ мѣсто вы желаете имѣть? При большихъ или при маленькихъ дѣтяхъ?

— При маленькихъ.

— Да, для большихъ вы слишкомъ молоды. А цѣна?

— Не менѣе тридцати рублей въ мѣсяцъ.

— А больше—согласны? спросилъ французъ шутливо.

Варенька улыбнулась.

— А прогос, я вамъ дамъ нѣсколько совѣтовъ. Когда вы идете рекомендоваться въ какой-нибудь домъ, не надѣвайте ничего слишкомъ яркаго или свѣтлаго цвѣта. Вашъ нарядъ хорошъ. Черное платье, черная мантилья—это прекрасно, но эти розовые цвѣты подъ шляпкой лишніе. Ихъ надо снять. Les gosses vont a la jeunesse, прибавилъ французъ, сладко улыбаясь, но гувернантки никогда не должны быть молоды. Это очень жаль, прибавилъ онъ, пожимая плечами. Вы, вѣрно, подумаете: ce barbare cet ours de N. вмѣшивается не въ свое дѣло, когда совѣтуетъ испортить мою хорошенькую шляпку,—mais j'ai gai-

зон, утѣряю васъ. Все зависитъ отъ перваго впечатлѣнія. Наставница дѣтей должна всегда служить имъ примѣромъ. Она должна быть одѣта скромно, хотя со вкусомъ. Сколько разъ мнѣ случилось рекомендовать очень свѣдущихъ особъ въ какой-нибудь богатый и знатный домъ. И что-жь? Ces dames-la ne veulent pas entrer dans leur role d'institutrice. Онѣ разодрѣнутся въ пухъ и отправятся съ моимъ адресомъ: Naturellement cela choque les grandes dames,—и все обрушивается на меня. Придешь въ одинъ домъ,—тамъ говорятъ: пошлуйте, m-r N., вы намъ прислали ходячую модную картинку, а не гувернантку. Въ другомъ домѣ сердатся.... Vous concevez comme cela m'est désagréable! Вѣдь эти особы лишаютъ меня довѣрія. Elles me font perdre ma reputation, si bien établie.

М-г N. разгорячился. Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ, потирая руки.

— Я скину розовые цвѣты, сказала Варенька.

— Et vous ferez très bien, mademoiselle: Jamais de roses-jamais, tant que vous êtes gouvernante. Когда вы будете невѣстой, прибавилъ онъ опять съ любезной улыбкой, тогда другое дѣло. Еще... или нѣтъ. Къ чему вамъ терять время. Вотъ мой Manuel des Gouvernantes. Я написалъ его, какъ руководство для гувернантокъ. Вы можете прочесть его дома. Это стоитъ одинъ рубль. Это необходимая брошюра для тѣхъ, кто серьезно занимается воспитаніемъ дѣтей. Онъ взялъ съ этажерки тоненькую голубую книжечку, изъ цѣлой кнѣ подобныхъ ей книжечекъ и подалъ Варенькѣ.

Она взяла брошюру и вынула порт-монне. Нечего дѣлать, надо было заплатить за нее цѣлковый. Это былъ родъ налога, который всѣ гувернантки безъ мѣстъ платятъ своему патрону. Но Варенька не была еще посвящена во всѣ таинства міра гувернантокъ, компаньенокъ и боннѣ. Она не знала, что еще до полученія мѣста слѣдовало изъяснить свою признательность m-r N., то есть, вынуть изъ порт-монне бумажку, очень аккуратно свернутую въ видѣ аптекарскихъ порошковъ и предложить ее м-г N. Еслибъ она это сдѣлала, онъ не сталъ бы съ ней вдругъ такъ сухъ и выбралъ бы для нее изъ толстой книги не тѣ адреса, которые были отмѣчены тремя черточками, что означало третій разрядъ. Варенька ничего этого не замѣтила и ушла, вполнѣ довольная тѣмъ, что уносила въ карманѣ два адреса.

Возвратясь домой, она увидѣла, что маленькая прихожая бы-

ла заставляла мебелью. На встрѣчу къ ней вылетѣла Авдотья Семеновна.

— Эка жалость, заговорила она, чтобы вамъ придти ятью минуками раньше.

— А что такое? спросила Варенька.

— Привесли вамъ мебель, да какую чудесную! Диванчикъ бархатный, два большія кресла, столикъ письменный, этажерку, шкафъ орѣховаго дерева, вотъ все бы досильщики и доставили въ вашу комнату, такъ ключа не было. Тенярь горе такое, надо Никиту звать. Ну, да ужъ я это выгомъ слажу, только опять ему придется дать на чай.

Варенька отъ удивленія не могла выговорить ни слова, и только слушала Авдотью Семеновну.

— Да кто же прислалъ мебель? спросила она наконецъ.

— Неизвѣстно отъ кого, не сказали, какъ я ихъ не вытала.

— Такъ это, можетъ быть, ошибка. Вѣрно не ко мнѣ.

— Ну, вотъ! какая ошибка. Я ихъ десять разъ переспрашивала, говорятъ, велѣно доставить сюда, въ Фролова домъ, въ 23 номеръ, барышнѣ, кто третьяго дня переѣхала.

— Это та мебель, что въ передней? спросила Варенька.

— Та самая. Посмотрите, какая слава.

Варенька вышла въ переднюю.

Она осмотрѣла синій бархатный диванчикъ, да такія же кресла изълучной работы, этажерку и такой же платяной шкафъ и уютный письменный столикъ.

— Ахъ да! вотъ и ключи, сказала Авдотья Семеновна, вынуть изъ кармана два ключа.

Варенька очень хорошо догадалась, кто прислалъ все это. Только она не могла опредѣлить, какъ назвать такой поступокъ. Было ли то внимательность, дѣжная заботливость объ ея спокойствіи, или просто дерзость.

— Мнѣ не надо этой мебели, сказала она запыльчиво. Я не знаю, кто ее прислалъ.

— Да куда-жь ее дѣвать? замѣтила Авдотья Семеновна.

— Куда хотите. Возьмите къ себѣ въ комнату, если она вамъ нравится, или въ чуланъ какой поставьте.

Авдотья Семеновна захохотала.

— Да если я все это поставлю къ себѣ въ комнату, такъ у меня и курсицъ повернуться негдѣ будетъ. Кто вамъ за дѣло

де того, кто прислалъ. Не все-ли вамъ равно. Благо прислали добрые люди.

Варенька ушла въ свою комнату.

— Еще ломается, проворчала Татьяна Степановна, которая за перегородкой въ кухнѣ слышала весь разговоръ, будто ужъ и не знаетъ, кто прислалъ. Авдотья Семеновна! а Авдотья Семеновна! закричала она, высунувшись изъ-за двери.

— Что такое?

Авдотья Семеновна вышла въ кухню.

— Да долго-ли, матушка, у меня такой разгромъ будетъ въ прихожей? Чего она ломается-то.

— А вотъ, погодите, я сей-часъ за дворникомъ обѣгаю, такъ онъ вмѣстѣ съ работницей все и переноситъ къ ней въ комнату.

Авдотья Семеновна накинула салошъ и платокъ и отправилась отыскивать Никиту.

— Зачѣмъ вы все это несете сюда? спросила Варенька, когда работница растворила обѣ половинки дверей и въ нихъ показался синій бархатный диванчикъ и рыжая борода Никиты. Видъ я сказала, что это все можно въ чуланъ поставить.

— Никакихъ у меня чулановъ нѣтъ, отозвалась сердито Татьяна Степановна изъ-за Никиты, а въ прихожей не мѣсто вашей мебели. У меня не мебельная лавка. Я не торгую. Я благородная женщина, чиновница.

И Татьяна Степановна величественно удалилась.

Диванъ внесли въ комнату. Вслѣдъ за нимъ принесли и остальные вещи. Авдотья Семеновна хлопотала и суетилась около нихъ.

— Посмотрите-ка, какъ я уберу все на мѣсто, проговорила она, вѣшая платье въ шкафъ, такъ самимъ любо будетъ. Этотъ матрасъ-то теперь не нуженъ. На диванѣ можете спать. Аграфена, помогите-ка мнѣ его вытащить въ эту комнату. Я распорю, Никита хоть сѣно-то вынесетъ. Эка досада, что понапрасну хлопотали, шили-то его.

Варенька дала на чай Никитѣ. Черезъ нѣсколько минутъ Авдотья Семеновна все прибрала въ комнату, такъ что она утратила тотъ дикій видъ, который напоминаетъ отчасти бытъ промотавшагося студента. Варенька не могла не сознаться, что плетъ гораздо удобнѣе.

Шкафъ поставили въ углубленіи у поперечной стѣны, два-чичь противъ двери, письменный столъ и кресла у окна.

— Ну, вотъ теперь хоть жить тутъ можно, замѣтила Авдотья Семеновна. А вы еще не хотѣли брать. Что тутъ худаго? Ну, теперь на радостяхъ, давайте, я кофею сварю.

На другой день по утру Варенька въ десятый разъ прочла оба адреса, которые ей далъ ш-г Н. Одинъ указывалъ на жилище купца Спиридонова, близь Пустаго рынка. Другой былъ данъ въ Коломну, у Аларчмина моста, къ помѣщицѣ Муравейкиной. Варенька прочла оба эти адреса Авдотья Семеновнѣ.

— Къ купцу идите сперва... къ купцу, рѣшила Авдотья Семеновна. Знаете, какъ у купцовъ-то хорошо жить, какой у нихъ почетъ гувернанткамъ. Жалованье большое, да и подарки какіе славные дѣлаютъ. Со двора пускаютъ, сколько хочешь, да еще окнажъ даютъ.

Варенька сняла розовые цвѣты изъ-подъ шляпки и отправилась къ Пустому рынку. Отыскавъ означенный на адресѣ домъ, она обратилась къ дворнику съ просьбой указать, гдѣ живетъ купецъ Спиридоновъ.

— Вотъ, по этой лѣстницѣ, въ третій этажъ.

Онъ указалъ на темный подъѣздъ со двора. Варенька по скользкой и грязной лѣстницѣ добралась до третьяго этажа. Она позволила, но никто не явился. Только по третьему звонку кто-то сталъ медленно отворять дверь. Показалась старушка, сморщенная, въ затрапезномъ платьѣ и бумажномъ платкѣ на головѣ. Она какъ-то недовѣрчиво непріязненно посмотрѣла на Вареньку и, не впуская ее, но выглядывая изъ полуотворенной двери, повела съ ней переговоры.

— Что вамъ надо-ть? спросила она.

— Здѣсь живетъ г. Спиридоновъ?

Старушка окинула ее съ головы до ногъ удивленнымъ взглядомъ.

— Дома нѣту, отвѣчала она, собираясь захлопнуть дверь.

— А барыня? посидѣла сказать Варенька.

— Катерина Ивановна? спросила старушка.

— Ну, да, жена его.

— Вамъ на что надо-ть ее видѣть.

— Скажи ей, что гувернантка пришла, отвѣчала Варенька, чтобъ поскорѣе прекратить дальнѣйшіе переговоры.

Старушка захлопнула дверь. Варенька осталась на лѣстницѣ.

Постепенно нѣсколько минутъ, она начала уже подумывать, на что рѣшиться: позвонить-ли еще или отправиться домой, какъ вдругъ дверь опять открыли. На этотъ разъ это былъ мальчикъ, одѣтый казачкомъ. Очевидно было, что онъ любилъ предъ посетителями разыгрывать роль ловкаго лакея. Онъ такъ рванулъ дверь, что она стукнулась объ стѣну.

— Пожаайте-сь, проговорилъ онъ съ какой-то фамиллярной развязностью.

Варенька вошла.

— Какъ прикажете доложить о васъ?

— Скажи, что отъ ш-г N.

— По дѣлу-сь?

— Да.

Казачокъ исчезъ. Черезъ минуту онъ снова появился, распахнулъ широко обѣ половинки дверей въ пріемную комнату, снялъ съ Вареньки шубу, все это чрезвычайно гадантерейно и ловко, и указавъ жестомъ на сосѣднюю комнату, сказалъ ей:

— Пожаайте-сь.

Когда Варенька ступила изъ передней въ пріемную, у ней зарябило въ глазахъ отъ пестроты и тѣсноты. Комната была не велика и совершенно загромождена излишней мебелью, но-ставленной въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ украшеній. Окна почти исчезали подъ массивными занавѣсами изъ пунцоваго плиса. Огромные канделябры, на высокихъ бѣлыхъ пьедесталахъ, стояли какъ разъ противъ оконъ, какъ будто ихъ поставили тутъ съ цѣлью загородить свѣтъ. Въ двухъ простѣнкахъ, подъ большими зеркалами, стояли столы, и на каждомъ изъ нихъ часы съ большими бронзовыми группами. Обои были пунцовые, бархатные. У двухъ противоположныхъ стѣнъ симметрически стояли два маленькіе диванчика, обтянутые желтой матеріею съ лиловыми разводами. Противъ нихъ столики. Одинъ былъ накрытъ пунцовой бархатной скатертью и на немъ подъ стеклян-нымъ колпакомъ, въ красной вазѣ, громадный букетъ восковыхъ цвѣтовъ. На другомъ столикѣ, скатерть была бѣлая флорейная. На одномъ изъ креселъ, окружавшихъ столики, лежалъ дѣтскій башмачекъ. Надъ диванами, въ бронзовыхъ вычурныхъ рамахъ, висѣли два большіе портрета, писанные масляными красками. Одинъ изображалъ купчика во цвѣтѣ лѣтъ, съ маленькой бородкой, острыми, плутовскими глазами,—бѣлаго и румянаго. Съ противо-положной стѣны взирала на него, вѣроятно его супруга, пол-

ния; молодая женщина съ добродушными лицомъ, въ синемъ платьѣ и чепецъ съ розовыми лентами. У самой двери стоялъ рояль. По угламъ двѣ этажерки, съ разными чашками, вабачками, молочниками, куклами, собачками и проч. Пушистымъ портьера закрывала дверь въ другія комнаты. Передъ нею красовалась, въ видѣ арки, зеленая бесѣдка, по которой вилась плющъ, покрытый пылью. Въ разныхъ углахъ комнаты были разостланы пестрые коврики.

Всѣ эти подробности Варенька разсмотрѣла на досугъ во ожиданіи хозяйки. Наконецъ, черезъ добрую четверть часа, портьеру приподняли и изъ-подъ арки вышла женщина, въ ситцевомъ капотѣ, который болтался около ногъ. Сверхъ него была накинута бархатная мантилья, гранатаго цвѣта.воротничка и рукавовъ не было. Волосы второнахъ кое-какъ были зачесаны за ухо и закручены въ косу, зашпигленную огромными голубыми шпильками съ побрякушками. Мантилья на груди была застегнута коралловою брошкою. Портретъ г-жи Спиридоновой былъ снятъ съ нее лѣтъ десять тому, потому что на немъ она была гораздо моложе.

— Здравствуйте, прошу садиться, сказала она привѣтливо.

Варенька сѣла на кресло, хозяйка на диванъ.

— Вы мамзель? спросила она наввно.

— М-г Н. далъ мнѣ вашу адресъ. Онъ сказалъ, что вамъ нужны губернантии.

— Это французъ-то?

— Да.

— Намъ точно надо губернантику. Вотъ мой мужъ я заѣзжала къ нему. Дочки у насъ есть, десяти лѣтъ, Оленька. Учили мы ее во французскомъ пансіонѣ, объ Рождествѣ, какъ разъ, два года, какъ туда отдали. Да Богъ ихъ знаетъ, должно быть, плохо учать. Вотъ намъ и сумнительно. Рѣшили ужъ лучше не посылать послѣ праздниковъ, и въ домъ взять мамзель.

— Да развѣ она не сдѣлала никакихъ усѣйховъ въ пансіонѣ.

— Да какъ вамъ сказать-то? Можетъ и сдѣлала, да намъ все такъ сумнительно. Ничего такого не видно въ ней. Вотъ хотѣ-бы музыки два года мадамъ особо платили, а не слышать, чтобы она, что-нибудь такое хорошее, играла. Бранчать себя, да все что-то не складно. Не то, чтобы танецъ какой, польку, или вальсъ. Мы люди темные, танцу-то мало знаемъ, вотъ я

не истрѣтся въ кайъ-то. Можетъ и даромъ долгга-то берутъ. А кайъ она дома въ глазахъ у насъ — все лучше. Вы всекъмъ изучаеъ учите?

— Всекаеъ, говорила Варенька, едва удерживаеъ отъ улыбки.

— И на всеъ языки?

— Я говорю по-французски, по-нѣмецки и по-англійски.

Хозяйка посмотрѣла на нее недоувѣрчиво.

— Вотъ жалъ, что мужа-то дома нѣтъ, проговорила она. Безъ него-то я сама собой не могу рѣшить. Вотъ и мадамъ, какъ отдавали Олю къ ней, говорила, что на всеъ языки учить будетъ, а не слыхатъ что-то, чтобъ она говорила.

— Не съ кѣмъ же ей говорить? замѣтила Варенька. У насъ въ домѣ знаетъ кто нибудь французскій языкъ?

— Нѣтъ, у насъ-то никто не знаетъ. Да вѣдь сей-часъ бы видно было, кабы хорошо учили. Хотъ-бы промежъ себя когда поговорила, такъ нѣтъ, не слыхатъ.

Варенька закусила губы, чтобъ не раскохотаться. Между тѣмъ хозяйка повертывалась, съ какимъ-то замѣшательствомъ пощипывала свою мантилю и поглядывала на шелковое платье Вареньки.

— А какую-жь цѣну требуете? промолвила она наконецъ робкимъ голосомъ.

— Четыреста рублей, сказала Варенька, не чувствовавшая большаго расположенія поселиться въ этомъ домѣ.

— Нѣтъ съ, намъ это никакъ не можно, отвѣчала хозяйка, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. Мы и мадамъ во французской пансіонъ платили только двѣсти. Такъ вѣдь все же ужъ-то пансіонъ.

— Но вѣдь вы сами говорите, что лучше нѣтъ гувернантку.

— Такъ-то такъ-съ, да ужъ все же пансіонъ считается лучше. Туда учителя разные ходятъ.

— Я двѣсти рублей не могу взять.

— Очень жалъ. Конечно, арятно свое дитя воспитать, жалъ слѣдуетъ, да мы не въ состояніи такой цѣны платить. Вѣдь мы хотъ и купцы, да вѣдь не первой гильдіи, а третьей. Что у насъ? Три лавки въ Пустрѣ рынкѣ, да кое-какіе подрядишки Степанъ Михайловичъ беретъ.

Варенька встала.

— Вы все-таки зайдите на-дняхъ. Когда-нибудь вечеромъ,

какъ Степанъ Михайловичъ дома будетъ. Я съ нимъ поговорю, можетъ быть онъ рублей пятьдесятъ и рѣшится прикнунуть. Очень бы намъ желательно Оленьку хорошо воспитать, а вы мнѣ нравитесь....

— Я меньше четырехсотъ не могу взять.

— Нѣтъ, ужь очень дорого. Вотъ вѣдь вы и подарки еще къ праздникамъ потребуете...

— Нѣтъ. Я никакихъ подарковъ не требую.

— Будто не потребуете. Все-таки дороговъно. Да вы зайдите вечеромъ лучше, хоть сегодня. Степанъ Михайловичъ самъ съ вами поторгуется. Купчиха проводила ее до самыхъ дверей на лестницу и еще вслѣдъ закричала ей, чтобъ она зашла вечеромъ. Но вечеромъ Варенька, вмѣсто того, чтобы идти торговаться со Степаномъ Михайловичемъ, принялась пересматривать и приводить въ порядокъ свои наряды. Передъ ней стояла раскрытая картонка, въ которой лежали ея хорошенькіе кружевные воротнички, ленты и другія мелочи. Совѣты м-г Н. запали тяжело ей на сердце.

— Неужели, думала она, взявъ въ руки розовый бантъ и съ грустью разсматривая его, потому только, что я должна жить моими трудами, я не имѣю права носить даже такого банта. Какое кому дѣло до того, что на мнѣ падѣто. Всякая кухарка имѣетъ право на свои деньги покупать, что ей вздумается. Она можетъ идти танцевать, веселиться, если ей того хочется. Отчего же мы, несчастныя гувернантки, составляемъ какой-то особый классъ, у котораго отнято все: независимость, положеніе въ свѣтѣ, молодость—все, все. М-те фонъ-деръ-Штерне хотѣла меня нарядить на всю жизнь въ коричневое платье, м-г Н. совѣтуетъ не носить свѣтлыхъ цвѣтовъ. Точно я изъ какой-нибудь секты квакеровъ или гернгутеровъ! Но развѣ отъ этого будетъ лучше. Положимъ, я надѣну черное платье и бѣлый кисейный чепчикъ, не буду улыбаться, буду проповѣдывать моимъ воспитанницамъ строгую мораль и буду пугать ихъ моею погребальной физиономіей—правственно я отъ этого сдѣлаюсь во сто разъ хуже. Это будетъ лицемеріе, больше ничего. Развѣ я могу отказаться отъ всѣхъ удовольствій жизни, когда я молодая, когда я хочу жить, какъ и другіе. Развѣ эти знатныя дамы, которымъ нужны гувернантки для ихъ дѣтей, никогда не были молоды? Или онѣ воображаютъ, что какими-нибудь четырьмя или пятьюстами можно купить насъ до самоотреченія.

Она подошла къ окну. Безпрестанный стукъ экипажей навелъ на нее еще болѣе грусти. Это былъ часъ , когда велико-свѣтская дама садится въ свой экипажъ , чтобы ѣхать въ спектакль или готовится къ балу. Варенька взяла розовый бантъ , приколола подъ воротничкомъ и посмотрѣлась въ зеркало. Розовый цвѣтъ къ ней шелъ болѣе всякаго другаго. Потому она выбрала изъ картонки съ цвѣтами вѣтку розановъ и воднесла къ волосамъ.

— Вздоръ , сказала Варенька , смотрясь въ зеркало , этотъ N. только хочетъ умничать со своими совѣтами. Не хочу лицемѣрить и разыгрывать квакерку , когда самой хочется жить и веселиться. Она отошла отъ зеркала и стала еще тщательнѣе убирать свои цвѣты и денты въ картонки.

— Васъ спрашиваютъ , сказала Аграфена , пріотворивъ дверь.

— Кто? спросила Варенька встрепенувшись.

— Намеднишній баринъ , въ очкахъ-то.

— Проси.

Только что Аграфена исчезла , вошелъ Мишель.

— А , да какъ вы мило устроились , сказалъ онъ , осматриваясь.

— Михаилъ Петровичъ , признайтесь , вы прислали эту мебель? спросила Варенька , пристально взглянувъ на него.

— Нѣтъ , не я , отвѣчалъ Мишель покачавъ головой , съ такимъ серьезнымъ видомъ , какъ будто считалъ себя обиженнымъ за то , что на него всклепали такую напраслину.

— Ее принесли безъ меня , продолжала Варенька , мнѣ было такъ досадно , я хотѣла отослать , но Авдотья Семеновна увѣряетъ , что носильщики не сказали , кто ихъ послалъ.

— Куда вы ходили? спросилъ Мишель.

— Я была у одного господина , который мнѣ посоветовалъ никогда не носить розоваго цвѣта.

— Кто-жь этотъ мрачный господинъ? Вы позволите , прибавилъ онъ , вынимая сигару.

Мишель закурилъ сигару и притащилъ къ столику передъ диваномъ кресло отъ окна.

— Да какое славное кресло , оказалъ онъ , усаживаясь въ немъ.

Варенька взяла вышиванье и сѣла на диванъ. Ее сильно смущала сальная свѣча , горѣвшая передъ ней , но что было дѣлать

— Расскажите же мнѣ, кто этотъ таинственный господинъ, который не любитъ розоваго цвѣта.

Варенька рассказала ему о своемъ визитѣ къ м-г Н. Мишель смѣлась. Затѣмъ Варенька рассказала ему о своей первой попыткѣ у кучихи.

Здѣсь, въ этой маленькой комнатѣ, Варенька чувствовала себя гораздо свободнѣе и развязнѣе, нежели въ домѣ у его сестры. Мишель также былъ въ веселомъ расположеніи духа.

— Что-жъ вы теперь намѣрены дѣлать? спросилъ онъ, когда Варенька кончила рассказывать.

— Онъ далъ мнѣ еще одинъ адресъ къ какой-то помѣщицѣ. Я хочу идти завтра.

— Позвольте мнѣ также дать вамъ маленькій совѣтъ? сказалъ Мишель, помолчавъ немного.

— Говорите.

— Такъ какъ вы теперь уже оставили ваше мѣсто, не торопитесь выборомъ. Лучше подождите лишнюю недѣлю или мѣсяцъ, но устройтесь такъ, чтобы не скоро пришлось перемѣнить.

— Конечно, отвѣчала Варенька.

Она вспомнила о своихъ финансахъ и вздохнула. Совѣтъ Мишеля не совсѣмъ былъ удобоисполнимъ.

— А что-жъ касается до совѣтовъ этого почтеннаго господина, то вы прекрасно сдѣлаете, если забудете ихъ.

— Я уже поступила по его совѣту, отвѣчала Варенька, сняла розовые цвѣты изъ-подъ шляпки.

Мишель улыбнулся.

— Такъ онъ не на шутку напугалъ васъ.

— Но знаете-ли, продолжала Варенька въ раздумьѣ, вѣдь онъ не совсѣмъ неправъ. Отъ насъ точно требуютъ, чтобы мы одѣвались немножко пуританками.

— Это очень понятно, отвѣчалъ Мишель. Этого требуютъ отъ васъ женщины же.... Что это за брошюрка, прибавилъ онъ, перелистывая *Manuel des gouvernantes*.

Варенька рассказала, какимъ образомъ попала къ ней эта книга.

— Можно смѣть? спросилъ Мишель, поднеся ее къ свѣчѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно, я еще и не заглядывала въ нее.

— Да она и не стоитъ того, чтобы вы въ нее заглянули. Можно-ли ждать добраго отъ такого автора, который хочетъ огнять у женщинъ право параматься, какъ онъ хотѣлъ. Онъ

должно быть человеком. Ботъ въкусъ, ботъ мажнмаго пошатнъ съ кашникомъ. Ахъ, кстати, я вамъ принесъ: La savane de Louis Tonne, пишется, въ шубѣ оставилъ, въ парижѣ. И Мишель отпривыкъ отыскивать книгу. Варенька слышала, какъ въ прихожей разговаривалъ онъ съ Авдотьей Семеновной и какъ вошелъ въ ея комнату. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился.

— Вы любите слушать, когда читаютъ? сказала она.

— Да.

— Хотите, я вамъ буду читать?

— Сдѣлайте одолженіе.

Мишель началъ читать. Онъ читалъ очень хорошо. Романъ былъ замѣчательный. Сначала Варенька слушала развѣливо. Но Мишель читалъ такъ, что слова романа какъ будто проходили у ней передъ глазами и увлекали ея вниманіе. Въ соседней комнатѣ не разъ были часы, но ни Мишель, ни Варенька не слышали ихъ бою. Они вспомнили о времени только тогда, когда вошла Авдотья Семеновна, весь поднесъ съ часомъ. Варенька совершенно забыла о немъ и очень обрадовалась, что Авдотья Семеновна хорошо распорядилась. Она пригласила ее вѣстись съ ними. Мишель, положивъ въ сторону книгу, вынулъ часы.

— Теперь уже десять часовъ, сказала Авдотья Семеновна.

— Да, отвѣтилъ Мишель. Ваши часы вѣрны съ молити.

— Поужели десять часовъ, замѣтила Варенька. Эта книга такъ хороша, что я совсѣмъ забыла о времени, забыла даже, что я сижу въ этой комнатѣ. Я воображаю себя въ Америкѣ.

— Я не оставлю вамъ этой книги, сказалъ Мишель.

— Это отчего?

— Вы будете читать безъ меня, а я этого не хочу.

Послѣ чаю чтеніе уже не возобновилось и Мишель скоро ушелъ, не оставивъ книги. Это была первый вечеръ въ жизни, который Варенька провела совершенно на свободѣ у себя. Ей было такъ весело, такъ хорошо, такъ уютно въ маленькой комнаткѣ, гдѣ она была полною хозяйкой, что на время забыла обо всемъ, что ее тревожило. На другой день по утру она отправилась къ помѣщицѣ Муравейкиной въ Коломну. Не м-г Н. на даромъ далъ ей адресъ, означенныя время черточками.

Г-жа Муравейкина была мать пяти подростковъ, которые сильно желала завязать на рукѣ какой-нибудь сурьманакѣ, за

очень умѣренное вознагражденіе. Принять ея условія было невозможно, и Варенька отправилась домой, вторично обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ. Вечеромъ приѣхалъ Мишель. Онъ читалъ, она слушала. Эти литературные вечера повторались ежедневно. Проняла недѣля. Варенькинъ перт-монне былъ совершенно пустъ. Она ходила еще разъ къ ш-г N., но успѣха было мало. М-г N., не смотря на свой фолиантъ, исписанный адресами, говорилъ, что теперь зима, всѣ хорошія мѣста заняты и что надо подождать. Придя отъ него домой, Варенька стала придумывать, какъ бы выдти изъ затруднительнаго положенія.

— Что вы такъ пригорюнились? спросила Авдотья Семеновна, войдя въ ея комнату и увидѣвъ, что она сидѣла облокотясь на столъ и печально посматривала въ окошко.

— Я просто не знаю, что дѣлать, отиѣчала Варенька, я была у ш-г N. Онъ говоритъ, что нѣтъ мѣстъ, надо подождать, а у меня вышли всѣ деньги.

— Ну, вотъ, нашли о чемъ сокрушаться. Публикуйте въ газетахъ.

— Да вѣдь и на это надо деньги.

— Дайте какое-нибудь платье, я заложу. Какъ-нибудь и перебьетесь пока.

Дѣлать было нечего. Варенька встала и отворила платяной шкафъ. Авдотья Семеновна выбрала одно шерстяное платье, отвесла къ закладчицѣ и принесла Варенькѣ четыре рубля. Вечеромъ Варенька сообщила Мишелю о своемъ намѣреніи искать себѣ мѣсто посредствомъ газетъ. Мишель сильно возставалъ противъ этого. Онъ приобрѣлъ надъ Варенькой уже такое вліяніе, что его мнѣніе было для нея авторитетомъ. Мишель велъ себя такъ осторожно, что умѣлъ приобрести полную довѣренность неопытной дѣвушки. Онъ принималъ въ отношеніи къ ней роль старшаго брата и разыгрывалъ ее очень искусно. Никогда не позволяяль онъ себѣ ни одного слова, которое могло бы намекнуть на болѣе нѣжное чувство, хотя чувство высказывалось въ участіи, которое принималъ во всѣхъ мелочахъ, относящихся до Вареньки.

— Или онъ меня не любитъ, думала она, и заботится обо мнѣ только потому, что добросовѣстенъ, и считаетъ долгомъ не выпускать меня изъ вида, пока я не устроюсь. Онъ платитъ долгъ за сестру. Или онъ меня любитъ, но такъ искренно и

такъ глубоко, что боятся высказать мнѣ это. Во всякомъ случаѣ, мнѣ его нечего бояться.

Ей было понятно только, что Мишель искренно желаетъ ей добра. Публикація въ газетахъ была отложена. Прошло еще нѣсколько дней. Четыре рубля приходили въ концу. Авдотья Семеновна опять отнесла къ закладчицѣ другое платье. Но Вареньку не на шутку начинало беспокоить ея положеніе. Она рѣшилась, во что бы ни стало, найти мѣсто. Она снова отправилась къ ш-г N и чуть не со слезами просила его дать ей еще нѣсколько адресовъ. Французъ сжалился и далъ ей какой-то адресъ на Васильевскій островъ.

— Если это мѣсто не годится для васъ, прибавилъ онъ, у меня есть въ виду одна баронесса: *c'est une place magnifique*. У ней есть одна дочь, дѣвочка лѣтъ тринадцати, при ней всегда двѣ гувернантки: англичанка и русская. Уроки давать холить учителя. Я знаю, что русская должна отойти на этой недѣлѣ. Приходите завтра, скажите мнѣ отвѣтъ. Если вы не устроитесь у этихъ добрыхъ нѣмцевъ, къ которымъ я вамъ далъ адресъ на Васильевскій островъ, то послѣ завтра я поговорю о васъ баронессѣ. Если я ей скажу слово — дѣло кончено. Она имѣетъ ко мнѣ большое довѣріе. Но только вы знаете, прибавилъ онъ съ самой любезной улыбкой, что такіа мѣста я доставляю на особыхъ кондиціяхъ. И затѣмъ онъ объяснилъ ей эти кондиціи, которыя состояли въ томъ, что ему следовало получить жалованье за весь первый мѣсяцъ. Варенька согласилась на это съ радостью. На другой же день по-утру, не смотря на боль въ горлѣ, она пошла на Васильевскій островъ. Нѣмецъ, къ которому адресовалъ ее ш-г N, былъ зонтичный мастеръ. Варенька разсудила, что лучше подождать еще нѣсколько дней и воступить къ баронессѣ, которая дастъ ей гораздо дороже, нежели жена зонтичнаго мастера. Прямо съ Васильевского острова отправилась она къ ш-г N, чтобъ дать ему ожидаемый отвѣтъ. Было уже четыре часа, когда она вернулась домой. Она прошла черезъ черную лѣстницу, потому что Татьяна Степановна, съ тѣхъ поръ какъ замѣтила, что положеніе ея кошельна не улучшалось, обращалась съ ней довольно нецеремонно. Она не разъ ворчала, что Аграфена то и звай отворай, да заперей за ней двери. Никто не замѣтилъ ея прихода. Она раздѣлась въ потьмахъ. Сняла съ себя сапожки и чулки, которые пролегли, не смотря на галоши, и замѣнила ихъ другими. По-

ка она раздвигалась, Татьяна Степановна вышла изъ каморки, въ которой наслаждалась послѣобѣденнымъ отдыхомъ, и захохотала о кофе. Она звала Аграфену, но та, вѣроятно, сидѣла въ лавочкѣ или болтала за воротами. Татьяна Степановна съ громкой воркотней пришла въ залъ, чтобы зажечь свѣчу, оставленную тутъ на столѣ передъ диваномъ.

— Ты, что-ли, Аграфена? закричала она, когда въ кухнѣ хлопнули дверью.

Аграфена явилась.

— Гдѣ ты шлялась?

— Я не шлялась, я въ лавочкѣ была.

— То и дѣло въ лавочкѣ сидишь.

— Не сидѣла, Татьяна Степановна. Квасу на грошъ кунить ходила.

— Разведи-ка огонь, кофе варить.

— Надо здѣсь топить? спросила Аграфена.

— Гдѣ?

— Да вотъ чугунку-то.

— Ну, обойдется и такъ, нечего дрова-то попустому нести. Мы-то здѣсь не сидимъ, а она не замерзнетъ, а кони и замерзнуть, такъ не бѣда, милый другъ отогрѣть.

Татьяна Степановна громко захохотала. Аграфену также очень развеселило это замѣчаніе.

— Да что это такое, Татьяна Степановна? спросила она, переставъ хохотать, отчего она бѣдная-то такая? Авдотья Семеновна то и знай закладываетъ ей.

— Оттого, что дура, отвѣчала глубокомысленно Татьяна Степановна. Кабы поумнѣй была, такъ хоть не даромъ грѣхъ на думу брала.

— А, вѣдь, Авдотья Семеновна говоритъ, что онъ богатый.

— Лѣшій его знаетъ. Былъ бы богатъ, такъ она не такъ жила бы. Можетъ, въ картишки играетъ. Ну, иди же, разведи плиту. Я, вотъ, только кѣтку сниму, утромъ-то не успѣла вычистить.

Варенька не пошевелилась, пока въ залѣ не затихли шаги Татьяны Степановны. Ее приковало къ мѣсту не столько любопытство, сколько изумленіе. Она встала, наконецъ, заглянула свѣчу и хотѣла, было, за что-нибудь приняться. Но это было невозможно. Ее трясла лихорадка, у ней горѣла голова, слезы душили ее. Она положила на диванъ подушку, присела, села, и

вспомогась вдоволь до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, впала въ какое-то тяжелое, болѣзненное забытье. Ее разбудилъ голосъ Мишеля и стукъ щавцовъ.

— Хорошо, что я пришелъ во время, сказалъ онъ.

— Это вы, сказала Варенька, совершенно проснувшись и вставъ съ дивана.

— Я, отвѣчалъ Мишель. Добрый геній привелъ меня, чтобы спасти васъ отъ пожара. Зачѣмъ бы не погасить свѣчку? На ней нагорѣло на три пальца, свѣтильня могла упасть и все бы это запылало, прибавилъ онъ, указывая на доскутки кисей, изъ которыхъ Варенька собралась, было, шить себѣ рукава.

— Я не хотѣла заснуть.

Она опять сѣла на диванъ и взялась рукой за отяжелѣвшую голову.

— Что съ вами? спросилъ Мишель, взглянувъ на нее пристально. Вы блѣдны, дрожите. Вы нездоровы?

— Мнѣ кажется, я простудилась немножко.

— Зачѣмъ вы выходите, теперь такъ холодно. Что вы чувствуете?

— Горло болитъ, голова...

Мишель не далъ ей договорить. Онъ пощупалъ ея пульсъ, дотронулся рукой до пылающей головы, все это не спрашивая ея позволенія. По его блѣдному, встревоженному лицу видно было, что ему не до того. Онъ осмотрѣлся вокругъ и замѣтилъ въ углу большой шерстяной платокъ, схватилъ его и закуталъ въ него Вареньку такъ проворно и ловко, что она не успѣла выговорить слова.

— Дайте, сказалъ онъ настойчиво, почти повелительнымъ голосомъ, я сей-часъ привезу доктора.

— Не надо, не надо, проговорила Варенька, я не буду принимать лекарства.

— Я васъ заставлю принимать. И онъ взглянулъ на нее съ невыразимой вѣжностью. — Если вы не хотите жить для себя, то для меня ваша жизнь необходима.

Затѣмъ онъ сталъ на колѣно, осторожно поднималъ ея ноги и положилъ на диванъ. Варенька опустила голову на подушку, и тяжелая дремота опять сомкнула ей глаза. Мишель вышелъ въ кухню и поднималъ тамъ всѣхъ на ноги.

Авдотья Семеновны не было дома. Она лучше бы всѣхъ гонимая въ сдѣлки больной. Дѣлать было нечего. Онъ сунулъ

Аграфенъ цѣловый и послалъ ее посидѣть у Вареньки. Татьяна Степановна, при видѣ блестящей монеты, остановила его и принялась съ соболѣзнованіемъ разсказывать, какую нужду терпитъ бѣдная Варенька, что и чаю-то у ней нѣтъ, и не кушаетъ ничего, такъ просто сердце надрывается, прибавила она въ заключеніе. Мишель, второяхъ, вытащилъ десять рублей и убѣдительно просилъ купить для Вареньки все, что нужно. Съ этой минуты Варенька зажила какъ королева, какъ выражалась впоследствии Татьяна Степановна. Когда Мишель уѣхалъ, она отправилась къ Варенькѣ, принялась разспрашивать, не надо-ли ей чего, укутала ее собственноручно одѣяломъ, поправила ей подушку, словомъ, ухаживала за ней съ подобострастіемъ. Варенька, видя себя предметомъ такой вѣжной внимательности, удивилась, но не догадалась о причинѣ ея. Она не могла размышлять, потому что у ней начиналась горячка. Черезъ четверть часа Мишель вернулся съ докторомъ. Лекарство было прописано, докторъ уѣхалъ, Аграфена полетѣла въ аптеку. Мишель сѣлъ въ кресло у столика и объявилъ, что не уѣдетъ, пока не убѣдится своими глазами, что всѣ предписанія доктора исполнены. Варенька лежала съ открытыми глазами. Онъ выкопалъ гдѣ-то у Татьяны Степановны абажуръ и надѣлъ на свѣчу, чтобы свѣтъ не беспокоилъ ее.

До сихъ поръ мысль о смерти никогда не останавливала на себѣ серьезно вниманія молодой дѣвушки. Но теперь возможность умереть вдругъ мелькнула въ ея головѣ. Ей стало страшно умереть, когда она только начинаетъ жить, когда она сама любима и любить сама, когда подлѣ нея сидитъ добрый молодой человѣкъ, который съ безпокойствомъ слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ—это ужасно. Она вздрогнула и заплакала. Мишель перепугался не на шутку.

— Ради Бога, скажите, что съ вами? проговорилъ онъ, схвативъ ее за руки.

— Ничего, отвѣчала она, пробуя улыбнуться. Мнѣ не хотѣлось бы умирать.

— Что за мысль! Ты не умрешь, прибавилъ онъ, прильнувъ губами къ ея волосамъ и страстно сжимая ее въ объятіяхъ,— пока я живъ, ты не умрешь, я не дамъ тебѣ умереть.

Лекарство принесли. Мишель самъ давалъ его Варенькѣ. Въ этотъ вечеръ онъ просидѣлъ долго. Напрасно Авдотья Семеновна, возвратившаяся съ работы, упрасивала его, чтобы онъ не

беззаботился, положившая на нее, что она будетъ давать лекарство аккуратно и, пожалуй, всю ночь просидитъ надъ Вареньки. Онъ успокоился только тогда, когда больная крѣпко заснула, и уѣхалъ, въ сотый разъ наказавъ Татьянѣ Степановнѣ и Авдотѣ Семеновнѣ не оставлять Вареньку одну ни на минуту. Авдотья Семеновна легла въ ея комнату и по этому случаю чуть было не поссорилась съ своей хозяйкой, которая хотѣла провзойти ее въ усердіи.

VIII

На другой день Мишель прѣхалъ очень рано поутру. Авдотья Семеновна не пустила его къ больной, потому что она еще не просыпалась, но успокоила его, сказавъ, что ей гораздо лучше. Горло болитъ не такъ сильно и всю ночь она крѣпко спала. Около двѣнадцати часовъ Мишель опять заѣхалъ и сошелся съ докторомъ. Вечеромъ въ пять часовъ онъ снова сидѣлъ у постели больной. О чемъ они говорили, мы не знаемъ. Но, вѣроятно, вы, читатель, знаете очень хорошо, о чемъ говорятъ люди, страстно влюбленные другъ въ друга. Дѣло въ томъ, что Варенька начинала привязываться всей душой къ человѣку, который заботился о ней съ трогательною нѣжностью. Она вѣрила, что онъ не дастъ ей умереть, можетъ быть оттого, что она чувствовала, какъ начинала жить полнѣе—жизнью любимаго человѣка.

Прошло еще нѣсколько дней. Варенька выздоровѣла, румянецъ на щекахъ ея игралъ ярче, глаза блестя живѣй. М-г N былъ забытъ, и она жила только для того, чтобы двадцать разъ въ часъ смотрѣть въ окно, не идетъ-ли по двору Мишель. Платья изъ заклада были выкуплены, много было подарено ей тѣхъ дорогихъ игрушекъ, которыми женщины утѣшаются даже на старости лѣтъ... Мишель сыпалъ деньгами. Однажды вечеромъ, когда они сидѣли вдвоемъ и передъ Мишелемъ лежала раскрытая книга, отъ которой онъ безпрестанно отрывался, дверь тихонько отворилась и показалась голова Антона Прокофьевича, увѣнчанная вмѣсто лавровъ капустными листьями. Мишель никогда не выдавалъ его, потому что Антонъ Прокофьевичъ въ полномъ сознаниіи очень совѣстился не только постороннихъ, но и домашнихъ и всегда отъ нихъ прятался въ какой-нибудь малѣйшій уголокъ. Но теперь была масляница, нельзя же было не заплатить долга такому веселому, народному празднику. Ан-

тень Прокофьевичъ, пользуясь послѣобѣденнымъ отдыхомъ Татьяны Степановны, выскользъ изъ чулана, куда она его уложила, и пошелъ куралесить.

— Кто ты такой? спросилъ онъ, храбро подступивъ къ Мишелю, который смотрѣлъ на него съ крайнимъ удивленіемъ.

— Что вамъ надо? спросилъ, въ свою очередь, Мишель.

— Что вамъ надо, повторилъ Антонъ Прокофьевичъ съ злительной улыбкой, располагаясь спокойно въ кресло, я хозяинъ здѣсь, убирайтесь всѣ вонъ! Эта моя комната, мой домъ. Старую вѣдьму Федосѣиху помеломъ отсюда.

Между тѣмъ, Авдотья Семеновна, которая не спала, а только сумерничала въ своей камерѣ, услышала выразительный грекскій говоръ Антона Прокофьевича. Она соскочила съ постели и бросилась будить Татьяну Степановну.

— Вставайте, сказала она, когда та очулась, подите, увидите вашего сумасшедшаго. Слышите, какъ оретъ у нихъ въ комнатахъ.

— Ахъ ты, Господи! неужели онъ туда забрался. Сущее наказаніе Божье

И кое-какъ накинувъ кацавейку, она побѣжала въ комнату Вареньки.

— Ты тутъ еще, вскричалъ Антонъ Прокофьевичъ, увидя ее. Я говорилъ тебѣ, чтобы ты шла вонъ, сію минуту вонъ изъ моего дома! И онъ топнулъ ногой.

— Вишь, окаянный, куда забрался! Вы, ради Бога, Михайло Борисовичъ, извините, я задремала маленько, а онъ и тагу изъ чулана. Вотъ такъ и маюсь всю жизнь. День-то деньской насуешься, а онъ и отдохнуть не дастъ. Пойдемъ, прибавила она, сляясь приподнять Антона Прокофьевича.

Авдотья Семеновна подоспѣла къ ней на помощь, но Антонъ Прокофьевичъ такъ упрямился, что не малаго труда стоило своротить его съ мѣста.

— Вишь, баба-яга, повторилъ онъ, пріятеля завела! признайся, вѣдь пріятель? допрашивалъ онъ, кивая головой на Мишеля. Говори, пріятель? мужа обманывать, ай да Федосѣиха. Вонъ, говорю тебѣ, вонъ! Въ окошко выкину, жена нечестивая!

Наконецъ, съ помощью Аграфены, кое-какъ проникли въ дверь Антона Прокофьевича. Но весь этотъ вечеръ онъ кричалъ и буянилъ такъ, что никому не давалъ покоя. На другой день Мишель пріѣхалъ къ Варенькѣ по-утру.

— Одивайся, сказалъ онъ ей, поѣдемъ.

— Куда?

— Ты посмотришь, какую я нанялъ для тебя квартиру.

— Квартиру! произнесла Варенька съ удивленіемъ.

Ей стало какъ-то совѣстно самой себя.

— Да. Неужели-жь я могу оставить тебя здѣсь, у грязной бабы и у пьяницы. Ну, что-жь ты задумалась? прибавилъ онъ, видя, что она какъ-то нерѣшительно бралась за шляпку. Квартира хорошенькая, а ее меблирую, какъ тебѣ хочется. У тебя будетъ горничная, кухарка, все, что захочешь. Да разве-сидишь же, моя чудная Варя, не смотри такъ жалобно. Я хочу, чтобъ ты была такъ счастлива, какъ только возможно. Посмотри, какъ мы славно заживемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, они зажили превесело. Квартира, которую нанялъ для нея Мишель, состояла изъ трехъ комнатъ, въ бельэтажѣ. Ихъ устлали пушистыми коврами, устали удобной мебелью, цвѣтами. Въ гостиной явился рояль, на окнахъ красивые занавѣсы, на стѣнахъ картины. Каждый день на туалетѣ Вареньки появлялись новыя затѣйливыя бездѣлки, въ шкафахъ новыя платья. Упоенная любовью, она вполнѣ предалась этой праздной жизни. Она проводила цѣлыя дни разсѣянно, читая какой-нибудь романъ и ожидая часа, въ который обыкновенно прѣзжалъ Мишель. Къ чести ея сердца надо сказать, что она помогала матери. Для этой цѣли, она хозяйничала экономически и часто, вмѣсто новаго подарка, брала отъ Мишеля деньги и посылала ихъ въ свой родимый городокъ. Она хотѣла, такимъ образомъ, покончить отчасти со своею совѣстью, потому что совѣсть по-временамъ все-таки напоминала о себѣ довольно неприятнымъ образомъ.

Между тѣмъ, въ нашемъ маленькомъ городкѣ въ эту осень было много свадебъ. Въ томъ числѣ обвѣнчались и Нину съ челоуѣкомъ, котораго она давно любила.

Нина переѣхала съ мужемъ въ Петербургъ. Олимпиада Алексѣевна не захотѣла разстаться со своимъ уютнымъ домикомъ ишла къ себѣ сиротку, одну изъ бывшихъ ученицъ Нины.

По отъѣздѣ Вареньки, Валерьянъ Петровичъ отправился въ Г. Онъ могъ бы еще дольше пользоваться правомъ, предоставленнымъ небогатымъ студентамъ г-скаго университета. Это право позволяетъ имъ, для поправки своего кармана, на годъ или два отлучаться изъ университета. Въ это время они обыкно-

венно занимаются преподаваніемъ въ частныхъ домахъ. Но Варьяна Петровича обуяла такая тоска, что онъ сѣвшилъ увлечься какою-нибудь страстью, чтобы вытѣснить тяжелыя воспоминанія. Черезъ годъ онъ кончилъ курсъ и поступилъ на службу въ Петербургъ, гдѣ получилъ мѣсто по ходатайству одного родственника. По старой дружбѣ, онъ часто навѣщалъ Нину. О Варенькѣ они ничего не знали. Сначала, когда она жила у фонъ-деръ-Штерне, Нина писала ей и два раза получала отвѣтъ. Но на третье письмо отвѣта не послѣдовало. Въ это время Нина стала невѣстой и ей было уже не до Вареньки. Переѣхавъ въ Петербургъ, она хотѣла было отыскать по-другу, но не знала, къ кому обратиться. Что-жь касается до Варьяна Петровича, то онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые будутъ преслѣдовать какую-нибудь мечту даже въ образѣ любимой женщины, если эта женщина или мечта скрылись отъ нихъ однажды. Къ тому же, онъ только что вступалъ на трудное поприще медика и вступалъ на него съ восторгомъ, блестящими надеждами и съ горячей любовью къ человѣчеству, съ которыми вообще еще мало имѣлъ дѣла. Добросовѣстный отъ природы, онъ увлекался своими обязанностями, и ему пока еще некогда было думать о постороннемъ.

Такимъ образомъ, прошло два года, съ того дня, какъ Мишель перевезъ Вареньку въ хорошенькую квартиру въ бельэтажѣ. Мы заглянемъ въ нее теперь въ одно весеннее утро. Въ ней все какъ было: та же мебель, тѣ же цвѣты; но все это въ иномъ видѣ: мебель полиняла, запылалась, стоитъ въ безпорядкѣ. Цвѣты, за которыми Варенька такъ усердно ухаживала въ началѣ, теперь заброшены. Ихъ поливаетъ ея горничная, когда ей вздумается. Въ спальнѣ Вареньки шкафъ съ платьями растворенъ. На этажеркѣ валяются запыленные, изорванные книги. На туалетѣ, въ безпорядкѣ, брошены мѣнишки. Полъ усыпанъ шелками, обрѣзками платья, которое шьетъ у окна Авдотья Семеновна. Сама хозяйка въ блузѣ лежитъ на кушеткѣ. Одна рука ея, въ которой она держитъ погасшую папиросу, свисла, другою она закрыла глаза. Она лежитъ въ этомъ положеніи уже съ четверть часа.

— Что-жь, Варвара Александровна, проговорила наконецъ Авдотья Семеновна, которой давно уже надоѣло стегать въ молчаніи, придумали-ли, какимъ фасомъ рукава сдѣлать?

Варенька медленно отвела руку от лица, сѣла на кушетку и отвѣчала съ досадой:

— А, да все равно! Хоть саванъ спейте!

Она бросила папироску, облокотилась обѣими руками на столъ и спрятала въ нихъ лицо.

— Вотъ что еще выдумали, саванъ! Что сказалъ бы Михайло Борисовичъ, еслибъ я васъ въ саванъ нарядила?

Варенька встала.

— Большое ему дѣло до меня, отвѣчала она съ грустной усмѣшкой.

— Право, Варвара Александровна, какъ посмотрю я на васъ, вы сущій ребенокъ. Чего вамъ не достаетъ? все у васъ есть. Какъ сыръ въ маслѣ катаетесь, а все скучаете, да хандрите.

— Въ этомъ-то и бѣда, что все есть, отвѣчала Варенька, закуривая новую папироску.

— Вотъ бѣду нашли! возразила со смѣхомъ Авдотья Семеновна. Небось лучше, кабы ничего не было?

— Можетъ быть, было бы лучше, отвѣчала Варенька мрачно. Надоѣли мнѣ всѣ эти тряпки, прибавила она, указывая на шкату.

— А новыя шьете, замѣтила Авдотья Семеновна.

— Куда-жъ мнѣ дѣвать эту матерію? Онъ подарилъ мнѣ ее на Святую.

— Вотъ, видите. А все говорите, что не любите васъ.

— Ахъ, Авдотья Семеновна, онъ потому и даритъ, что совесть не чиста. Хороша любовь его, когда вотъ уже вторую недѣлю и глазъ не кажетъ.

— Неужто! вскричала Авдотья Семеновна, отведи глаза отъ работы и съ изумленіемъ взглянувъ на Вареньку. Ай, ай, продолжала она, дѣлишки-то плохи. Ужъ не завелъ-ли онъ себѣ другую?

— Конечно, что такъ. Маша разузнавала.

— Ну, что-жъ?

— Да рассказывалъ ей кучеръ, что къ какой-то актрисѣ безвременно ѣздитъ.

— Матушки! а вы и не разузнали подробно, кто она такая? Да я бы на вашемъ мѣстѣ въ домъ къ ней пошла, глаза бы ей выцарапала!

— Все разузнала, отвѣчала Варенька протяжно. Было ужъ у

меня горя довольно. Прежде я съ-ума сходила, а теперь мнѣ все равно.

— Развѣ ужь давно?

— Да должно быть у нихъ дружба-то давно водится. Я только подозрѣвала, а съ мѣсяць тому почти навѣрное узнала. Посмотрите, на что я похожа стала въ этотъ мѣсяць.

Авдотья Семеновна взглянула на Вареньку: она, въ самомъ дѣлѣ, похудѣла и поблѣднѣла: щеки осунулись, глаза отъ слезъ утратили прежній блескъ и живость. Движенія ея стали вялы или рѣзки. Авдотья Семеновна покачала головой.

— Жаль мнѣ васъ, проговорила она. А знаете что? въдъ горю можно помочь.

Варенька посмотрѣла на нее съ недоумѣніемъ.

— Велите-ка кофейку сварить, Варвара Александровна, и мнѣ, глядя на васъ, что-то сгрустнулось.

Варенька позвонила и велѣла сварить кофе.

— Съѣздите-ка къ Ѳеклушѣ?

— А кто эта Ѳеклуша?

— Юродивая.

— Чѣмъ же она мнѣ поможетъ?

— Предскажетъ все, что будетъ съ вами. Она все на себя говорить, только понимать надо.

— Вы у ней были?

— Ахъ, матушка! Сколько разъ.

— Что-жь она вамъ предсказала?

— У меня разъ женихъ былъ. Я уже было и слово ему дала.

— Кто-жь онъ такой? спросила Варенька.

— Писарь одинъ. Говорили мнѣ, что онъ человекъ хорошій. только я все сомнѣвалась, истинно-ли онъ меня любитъ, или можетъ думать, что вотъ шить-то я умѣю, такъ на жениныхъ плечахъ выѣзжать. Да главное онъ немножко пилъ. Конечно, кто нынче не пьетъ, а все-таки я побаивалась. Вотъ мнѣ и посовѣтовали сходить къ Ѳеклушѣ. Понесла я ей пятачокъ, да французскую булку. Больше, говорятъ, она ничего не беретъ. Пришла я къ ней, велѣли подождать въ сѣняхъ. И барыни къ ней какія ѣздить порядочныя, и офицеры, и статскіе. Съ четверть часа я дождала, ну, наконецъ мнѣ сказали, что можно. Вхожу я, подошла къ ней и говорю: здравствуй, Ѳеклушка.— Здравствуй, говоритъ, садись.— Вотъ я тебѣ хлѣбъ-соль принесла.— Положи. А сама все съ какимъ-то доскуткомъ возится, точ-

во маленький ребенок. То свернуть его, то развернуть, Я и говорю ей: скажи мнѣ чтонибудь, Оеклушка.— Да что тебѣ сказать-то, говорить. Молись Богу за меня, а я за тебя помолюсь. Потомъ взяла со стола булавку, привязала къ ней нитку и ну стегать этой булавкой, будто шить.— Выйду я за-мужъ, Оеклушка? спросила я.— Какъ же бы! Оеклушка не выйдетъ за-мужъ. Да не мѣшай лучше! Оеклушкѣ шить надо. Да и даетъ мнѣ лоскутокъ-то держать, а сама булавкой хочетъ шить, какъ иглкой. Булавка-то, знаете, не проходитъ, головка держитъ, ну, она давай сердиться. Дергаетъ лоскутокъ, бранится.— Болванка ты атакая, уродина, держи хорошенько. Потомъ распякалась, распалась и выгнала меня вонъ. Чуть не приколотила. Вотъ я вышла отъ нея, и такъ мнѣ жаль стало, что я не въ часъ пришла, ничего мнѣ она не сказала-то. Однако рѣшила, что подожду за-мужъ выходить. Что-жъ бы вы думали? Не прошло и мѣсяца, какъ все исполнилось.

— Да что-жъ исполнилось? спросила Варенька.

— Жениха моего изъ службы выгнали за пьянство.

— Да, вѣдь, она вамъ не предсказала этого?

— Какъ же нѣтъ? А меня-то самую протурила. Вѣдь только понимать надо, а она къ тому и сбѣлала это. Вдругъ-то я не разобрала, а время-то вотъ и показало. Право, съѣздитъ-ка къ ней.

— Нѣтъ, не хочу, отвѣчала Варенька, покачавъ головой, пожалуй и меня выгнать. Вѣдь отъ этого Миша меня не любить опять.

Варенька вздохнула и снова посмотрѣла въ окно.

Между тѣмъ горничная принесла подносъ съ кофейникомъ и чашками. Авдотья Семеновна принялась за свой любимый напитокъ.

— А вы-то что-жъ не пьете? спросила она Вареньку.

— Не хочется что-то.

— Да вы эдакъ изведетесь совсѣмъ. Вы, пожалуй, и не обѣдаете въ тотъ день, когда крѣпко задумаетесь о вашемъ Мишѣ.

Варенька грустно улыбнулась.

— Знаете, что мнѣ еще пришло въ голову?

— Что?

— Знаю я одну чухонку. Въ деревнѣ живетъ, да это ничего, ее можно сюда выписать. Вотъ ужъ помочь то такъ мастерица. Эдакъ одна жена о мужѣ убивалась, — я ихъ давно

знаю, шить къ нимъ ходила. Ужь десять лѣтъ прожили очень хорошо, и женился-то по любви, бѣдную ее взявъ, вдругъ на-вернись одна, вотъ эдакъ же, змѣя подкожная. Матушки мои! чего, чего она, бѣдная, не перенесла, — жена-то. Злой такой стала, зачастую дома не ночевала, живмя тамъ жила. Вотъ кто-то сжалился надъ ней и научилъ ее эту чухонку отыскать. Ну, она меня просить. Самой-то, знаете, неловко въ деревню ѣхать, дѣтей, домъ нельзя оставить. Вотъ я съѣздила, отыскала, привезла чухонку. Что-жь бы вы думали? вѣдь помогла! Словно отбросило его отъ той-то. Опять стала хорошимъ человѣкомъ: стала дома сидѣть и злость куда дѣвалась, а за женой-то такъ и носится: Машенька, да Машенька... Лучше Машеньки и на свѣтѣ не стало. Вотъ ужъ этому лѣтъ пять будетъ, а по сію пору хорошо живутъ.

— Какъ же чухонка помогла ей?

— Да всего-то въ подробности я не знаю, вѣдь онѣ лукавы, не скажутъ, а приносила она ей какую-то косточку. Сказала, что, вотъ видите, на зарѣ въ какой-то день надо поймать лягушку и высунить ее. Потомъ, въ ней есть одна косточка, эту косточку вынуть, да съ разными приговорами и переломить надвое. Одной половинкой кого хочешь притянешь, а другой оттолкнешь. Да еще дала ладану съ какими-то травами. Велѣла зашить ему эту ладанку въ сюртукъ, косточкой-то велѣла тихонько зацѣпить его за волосы, хоть соннаго, а потомъ эту самую косточку положить себѣ въ косу и носить. Она все это такъ и сдѣлала. Я ей и теперь иногда смѣюсь:—А что, Марья Владиміровна, косточку-то носите въ косѣ? Нѣтъ, говоритъ, теперь не надо. А красавицу-то его лукавый попуталъ. Послѣ рассказывалъ женѣ, что засталъ у ней какого-то стараго пріятеля. Вотъ онѣ, чухонки-то, какія. Мастерницы на эдакія дѣла. Хотите, я съѣзжу?

— Нѣтъ, благодарствуйте, Авдотья Семеновна, не надо.

— Да что вы все нѣтъ, да нѣтъ. Ну, какъ онъ васъ въ самомъ дѣлѣ броситъ?

Варенька вздрогнула.

— Я не буду кланяться, чтобъ любилъ меня.

— Ой, полно, такъ-ли, проговорила Авдотья Семеновна съ лукавой усмѣшкой. Поклонитесь, коли сами любите.

— Ему? вскричала Варенька. Человѣку, который погубилъ

меня, который мнѣ надѣлалъ столько зла. Да вы знаете-ли, что я почти ненавижу его.

— Да за что же Варвара Александровна? спросила Авдотья Семеновна съ недоумѣньемъ. Вотъ только теперь-то можетъ онъ за другой приволакивается, а то вѣдь, кажется, онъ всегда до васъ добръ былъ. Вотъ еще и недавно на платьѣ подарилъ.

— Такъ это-то вы называете добротой? вскричала Варенька съ злобной усмѣшкой, что онъ бросаетъ деньги на травки да на разные вздоры. Что мнѣ въ нихъ. Ему все равно, куда не бросать деньги, у него ихъ много. Вотъ ужъ два года, какъ я, благодаря ему, не знаю ни одной спокойной минуты. Если я иду по улицѣ, я такъ и дрожу, чтобъ не встрѣтить когонибудь изъ прежнихъ знакомыхъ. Мнѣ кажется, я отъ стыда на мѣстѣ умру. Тетя по его милости знать меня не хочетъ. Да и жизнь-то какая. Судите сами, куда я съ нимъ могу показаться? Онъ меня прежде часто звалъ то гулять, то въ театръ. Прошедшую зиму я раза два была съ нимъ въ театрѣ. Вѣрите-ли, что я почти не видала что на сценѣ было. Мнѣ кажется, что на меня всѣ пальцами показываютъ, когда видать съ нимъ вмѣстѣ. А когда не вду съ нимъ—сердится. Пышче, на Рождествѣ, выдумалъ, было, обѣдъ сдѣлать, пріятелей позвать. Я съ нимъ поссорилась такъ, что онъ съ недѣлю не ходилъ. Я бы ни за что на свѣтѣ не вышла къ его пріятелямъ.

— Ну, это вы напрасно, проговорила менторскимъ тономъ Авдотья Семеновна. Не мудрено, что онъ послѣ того въ сторону отъ васъ глядитъ. Онъ молодой человѣкъ, ему веселиться хочется.

— Отчего же мнѣ не хочется, отвѣчала Варенька тихо. Пока я не любила его мнѣ, также хотѣлось выѣзжать и людей видѣть. А съ тѣхъ поръ какъ онъ перевезъ меня сюда, я готова была по цѣлымъ годамъ сидѣть дома, лишь бы только видѣть его каждый день,—хоть на одинъ часъ. Отчего же это? а вѣдь я также молода. Скажите-ка лучше оттого, что я его любила, а онъ меня никогда не любилъ.

И Варенька заплакала.

— Мужской характеръ совсѣмъ другое дѣло, замѣтила Авдотья Семеновна. Вамъ бы вездѣ слѣдовало съ нимъ ѣздить. Что вамъ до того, что скажутъ. Ужъ коли вы по этой дорогѣ пошли, такъ вамъ бы и держаться его и угождать ему. А то, что ему за радость съ вами: ни ему съ вами выѣхать куда, ни

къ вамъ пріятелей привезти, чтобы онъ былъ у васъ какъ дома. Эхъ вы, Варвара Александровна, не умѣли вы его въ рукахъ держать. Я, признаться, такъ было и думала, что онъ на васъ женится, современемъ. Посмотрите-ка вы, какъ ловкія-то женщины такихъ молодежь къ рукамъ прибираютъ. Такъ окрутятъ, что и самъ не знаетъ какъ подъ вѣномъ очутится.

Варенькѣ стало черезъ-чуръ тяжело отъ поученій и замѣчаний Авдотьи Семеновны. Она вышла въ другую комнату и стала медленно прохаживаться, посматривая по временамъ въ окна. Авдотья Семеновна едва-ли не была права. Мишель любилъ Вареньку, какъ любятъ всѣ тщеславные и безхарактерные эгоисты. Онъ требовалъ отъ нея ежеминутныхъ жертвъ, часто даже не подозревая, что то были для нее жертвы. Еслибъ Варенька любила его меньше, то пріобрѣла бы надъ нимъ больше вліянія, сумѣла бы держать его въ рукахъ, какъ выражалась Авдотья Семеновна. Но бѣдная дѣвушка увлеклась сильнымъ чувствомъ, и, какъ настоящая пансіонерка, создала себѣ изъ своего Мишеля такой высокій идеалъ, какимъ ему никогда и не грезилось быть. Въ продолженіе двухъ лѣтъ она имѣла время убѣдиться, что ея Мишель былъ ни что другое, какъ вѣтренникъ безъ характера, безъ нравственной силы. Онъ былъ добръ тою мелкою, пошлою добротою, которая часто встрѣчается въ людяхъ, хорошо воспитанныхъ и безъ которой свѣтскій человѣкъ не можетъ быть истинно вѣжливъ. Эти блестящія Варенька приняла за чистое золото. Изящные пріемы и симпатичная наружность молодого человѣка также не мало способствовали ея заблужденію. За нѣхъ-то она отдала ему свою душу. Тяжело было ей, когда она проснулась отъ сладкаго сна счастья и поняла, наконецъ, что погубила себя безвозвратно. Въ эти два года уединенія Варенька много читала. Она начала съ романовъ, но по мѣрѣ того, какъ жизнь становилась для нея тяжелѣе, она научилась размышлять и искала утѣшенія въ серьезномъ чтеніи. Ея умственное развитіе совершалось быстро, подъ вліяніемъ всемірнаго духовнаго двигателя—страданья. Есть женщины, которыя могутъ любить и любить глубоко и преданно, сознавая все ничтожество любимого человѣка

Варенька, по своему характеру, не могла любить такимъ безсознательнымъ пустымъ чувствомъ. Ей хотѣлось, чтобы тотъ, кому она поклонялась, стоялъ несравненно выше ея, чтобы она могла смотрѣть на него съ благоговеніемъ. Она могла еще про-

стиль Мишелою мимолетная шалость и серьезные измѣны. По крайней мѣрѣ, у ней оставалась бы вѣра въ возможность земнаго счастья. Но нравственное ничтожество молодого человека, его рѣшительная неспособность къ полезной дѣятельности, которая такъ идетъ мужчинѣ, его умственная апатія, оттолкнули отъ него Вареньку гораздо дальше, нежели могли бы оттолкнуть похождения съ актрисами. Она сказала правду Авдотѣ Семеновнѣ, она почти ненавидѣла его.

Горѣ женщинѣ съ душой, если она ступить на ту стезю, по которой ловко и безопасно проходятъ женщины, привыкшія рѣшать легко житейскіе и отвлеченные вопросы. Горѣ ей, потому что душа ея не вынесетъ этой шутки и разобьется.

Но зачѣмъ же она смотрѣла такъ часто въ окно, если ужъ не любила Мишеля? Зачѣмъ дожидалась его съ нетерпѣніемъ, какъ въ былые дни, когда его участіе разбудило въ ней всѣ душевныя силы? Зачѣмъ?

Варенька очень хорошо понимала, что ихъ взаимныя отношенія не могутъ вѣчно оставаться въ такомъ положеніи. Не скажу, что ей хотѣлось развязки; но она предчувствовала, что развязка недалеко, и это ожиданіе тревожило ее.

— Варвара Александровна, закричала вдругъ изъ другой комнаты Авдотья Семеновна, смотрите-ка, Михайло Борисовичъ пріѣхалъ.

Варенька бросилась къ окну. Черезъ минуту раздаюся звонокъ, но Варенька успѣла уже раскрыть фортепіано и когда Мишель вошелъ въ переднюю, его привѣтствовалъ оглушительный, отчаянно-веселый мотивъ галопъ.

Варенька встала только тогда, когда онъ отворилъ дверь въ приемную, — Мишель вошелъ съ лицомъ нахмуреннымъ, какъ человекъ, который очень хорошо сознаетъ, что виноватъ и чувствуетъ сильное желаніе обвинить не себя, а другихъ. Ему было также отчасти досадно, что онъ засталъ Вареньку не въ слезахъ, хотя самъ терпѣть не могъ слезъ.

— Какъ здѣсь весело, сказалъ онъ, кладя шляпу и протягивая ей руку.

— Что тебя долго не было? спросила Варенька тѣмъ тономъ, какимъ спрашиваютъ хорошаго знакомаго, — здоровъ-ли ты былъ?

— Я былъ занятъ.

— Занятъ? повторила Варенька съ легкой ироніей. Чѣмъ же? и она пристально взглянула ему въ глаза.

— Мало-ли у меня есть дѣла, отвѣчалъ онъ сухо, стараясь принять видъ озабоченнаго человѣка.

Варенька расхохоталась.

— Чему же ты смѣешься?

— Какъ же не смѣяться, когда ты говоришь, что былъ занятъ. Я никогда не слыхала, чтобъ у тебя было какое-нибудь дѣло.

— Такъ оно есть же теперь! вскричалъ Мишель, взбѣшенный ея смѣхомъ. Онъ раза два быстро прошелся по комнатѣ.

— Я ѣду за границу, прибавилъ онъ вдругъ, остановившись передъ ней, — и хлопоталъ о паспортѣ.

Варенька поблѣднѣла и сѣла на стулъ. Мишель взялъ стулъ и сѣлъ противъ нея.

— Ты знаешь, я ужь давно собирался, началъ онъ гораздо легче, и то довольно времени я потерялъ. Такъ вѣчно жить нельзя. Съѣзжу за границу, а тамъ и примусь за что-нибудь. Пора.

— Да, пора, отвѣчала Варенька, грустно, но спокойно и холодно. Когда ты ѣдешь?

— На дняхъ.

— Будешь ты писать? спросила она, пристально посмотрѣвъ на него.

— Конечно, буду, отвѣчалъ онъ съ замѣшательствомъ, потупивъ глаза подъ вліаніемъ ея испытующихъ взглядовъ.

— Ты, пожалуйста, Варя, не безпокойся; я пробуду за границей не болѣе четырехъ или пяти мѣсяцевъ. Я тебя обезпечу на это время.

Онъ вынулъ порт-монне.

— Вотъ, возьми, сказалъ онъ, положивъ на столъ триста рублей, я думаю тебѣ этого будетъ достаточно пока. Извини меня за маленькій совѣтъ. Теперь мои дѣла не въ блестящемъ положеніи. Я бы совѣтывалъ тебѣ перемѣнить эту квартиру. Ты бы взяла по-меньше. Найми опять комнату, только отъ какихъ-нибудь порядочныхъ людей.

Пока онъ говорилъ, Варенька не спускала съ него глазъ. Его явно смущалъ ея испытующій, отчасти насмѣшливый взглядъ. Онъ кончилъ, а она все сидѣла молча, скрестивъ на груди руки.

Наконецъ она встала, подошла къ нему, и рука ея тяжело опустилась на его плечо.

— Возьми свои деньги, сказала она, придвинувъ къ нему

другой рукой бумажки, мнѣ ихъ не надо. Когда мы любили другъ друга, я ихъ брала отъ тебя, потому что считала между нами все общимъ. Но теперь другое дѣло. Не знаю, поѣдешь ли ты въ самомъ дѣлѣ за границу или нѣтъ, но намъ пора кончить эту тяжелую комедію, которую мы разыгрываемъ цѣлый годъ. Можешь снести эти триста рублей твоей актрисѣ, они ей пригодятся. Отъ совѣтовъ также уволь. Я предоставляю тебѣ полную свободу, и сама памѣрена жить, какъ мнѣ вздумается.

Мишель поблѣднѣлъ отъ злости.

— Браво, сказалъ онъ вставая, вы сдѣлали быстрые успѣхи. Какой это новый обожатель выучилъ васъ говорить такимъ тономъ.

— Ты очень хорошо знаешь, что у меня нѣтъ никакого обожателя.

— Еслибъ вы не имѣли блестящихъ видовъ, вы не дали бы мнѣ отставки такъ равнодушно, безъ драматическихъ сценъ, безъ рыданій и упрековъ.

— Перестань Миша, вскричала Варенька, если прежде я плакала, когда узнавала о твоихъ походахъ, то потому что я любила тебя. Вотъ ужъ годъ какъ для тебя наши отношенія стали какой-то тяжелой обязанностью. Я не виню тебя. Видно вѣчно нельзя любить. Въ душѣ ты радъ, что отдѣлялся такъ дешево, такъ къ чему же намъ мучить другъ друга упреками и слезами. Разстанемся по-дружески. Пока ты любилъ меня, ты былъ добръ ко мнѣ. Я тебѣ благодарна за это.

Въ комнатѣ было тепло, но Варенька вся дрожала. На глазахъ у ней навертывались слезы. Она подошла къ печкѣ и облокотилась на нее. Мишель ходилъ по комнатѣ, потупивъ голову.

— Прощай, сказалъ онъ, наконецъ, отрывисто, подойдя къ ней и подавая ей руку, если ты хочешь этого, прибавилъ онъ тише.

— Да, хочу этого, для того, чтобы не мучить другъ друга.

— Прощай, повторилъ онъ. Хочешь я буду писать тебѣ изъ-за границы?

— Пиши, я буду отвѣчать.

— Но на всѣ-ли мои вопросы будешь отвѣчать? спросилъ онъ съ улыбкой.

— Не знаю: можетъ быть и на всѣ. Только лгать не буду, повѣрь мнѣ.

Мишель пожалъ ей руку и подошелъ къ двери. Варенька бросилась стремглавъ къ столу, схватила ассигнаціи и догнала его уже въ передней.

— Возьми, сказала она настойчиво.

— Да перестань! Вѣдь надо же тебѣ жить чѣмъ-нибудь.

— Не безпокойся, я проживу. Если ты не возьмешь этихъ денегъ, я сей-часъ же разорву ихъ на мелкіе клочки. И она опустила ассигнаціи въ карманъ его пальто.

Мишель пожалъ плечами.

— Прощай, Варя, сказалъ онъ, взявъ ее за руку.

При мысли, что она, можетъ быть, въ послѣдній разъ видитъ человѣка, котораго любила прежде такъ горячо и такъ преданно, Варенькѣ стало невыразимо тяжело. Она обняла его обѣими руками, положила голову на его плечо и заплакала. У Мишеля также были на глазахъ слезы. Но онъ не хотѣлъ, чтобы Варенька видѣла ихъ.

— Ага, сказалъ онъ насмѣшливо, вѣдь я узналъ, что безъ слезъ не обойдется.

Варенька отшатнулась отъ него, отерла глаза и сказала спокойнымъ, но грустнымъ голосомъ:

— Прощай, Миша, будь счастливъ. Они крѣпко пожали другъ другу руки и расстались какъ самые лучшіе друзья.

Мишель, очутившись на улицѣ, подумалъ:

— Славная она женщина, но все-таки лучше, что дѣло кончилось такъ просто. Надоѣло мнѣ нянчиться съ ней. Богъ знаетъ, къ чему бы это повело. Послѣ труднѣе было бы выпутываться. А уминица она, право уминица, что сама догадалась дать мнѣ отставку. Не можетъ быть, чтобы это было просто, вѣрно есть новый другъ. Но да Богъ съ ними, мнѣ же лучше.

И Мишель полетѣлъ къ актрисѣ.

Когда онъ ушелъ, Варенька возвратилась въ пріемную. Вся энергія оставила ее. Она забыла все, что перенесла въ эти два года,—и сознавала только, что рассталась навсегда съ человѣкомъ, который когда-то любилъ ее. Ея будущее мелькнуло въ ея умѣ какимъ-то уродливымъ призракомъ. Она оставалась одна, безъ помощи, не по срединѣ ровной дороги, которая ведетъ къ какой-нибудь цѣли,—но на распутіи, устьяномъ терніями.

— Ну, вотъ, сказала вдругъ Авдотья Семеновна, раскинувъ дверь и воѣжавъ въ комнату,—сами же спровадили его, а те-

перь и стоите точно на васъ столбнякъ нашель. Эхъ, Варвара Александровна, все вы не такъ дѣлаете, какъ надо! Къ чему вамъ было такъ поступать! Представились бы, что любите его, во крайности у него все-таки была бы о васъ забота, писали бы ему письма за границу; прїѣхаль, отыскали бы его, еслибъ самъ не явился... Люблю, молъ, жить безъ тебя не могу... А теперь что надѣлали! Жить-то чѣмъ будете? Къ чему вы деньги-то отдали?

— Я не хочу жигъ его подаяніемъ, отвѣчала Варенька, между тѣмъ, какъ крупныя слезы медленно катились по ея лицу.

— Какое тутъ подаяніе! Да онъ обязанъ васъ содержать, коли разъ взялъ васъ. Велика важность, — все равно на другихъ денежки проматываетъ. Больше дѣлать теперь нечего, прибавила Авдотья Семеновна, осматривая комнату, какъ взять да продать все это! Вотъ чего надѣлали! Надо будетъ въ газетахъ публиковать, что продается мебель.

Варенька ничего не отвѣчала. Она прилегла на кушетку и закрыла глаза. Что ни говорила Авдотья Семеновна, — Варенька ни вовсе не отвѣчала, или отвѣчала одними *да и нѣтъ*. Такъ пролежала она безъ мысли, почти безъ сознанія до поздней ночи. И только къ утру забылась въ какой-то тяжелой дремотѣ. Когда она проснулась, на другой день, Авдотья Семеновна сидѣла уже у окна и дошивала шелковое платье, послѣдній подарокъ Мишеля. По ея нахмуренной физиономіи видно было, что будущность Вареньки очень ее заботила.

— Вставайге, сказала она, пора. У меня платье уже скоро готово.

Варенька взглянула на него съ невольнымъ отвращеніемъ.

— Да полное вамъ убиваться, продолжала Авдотья Семеновна. Взгляните-ка на себя, вѣдь краше въ гробъ кладутъ. Конечно, вы сами вчера напроказничали, да теперь уже нечего дѣлать. Знаете что, прибавила она, вдохновясь внезапно мыслию, хопте, и сей-часъ сбѣгаю къ Михайлу Борисовичу, расскажу ему, какъ вы тоскуете по немъ. Наговорю ему турусу на косякахъ; онъ разжалебится, прїѣдетъ, а вы помиритесь съ нимъ. Право, такъ лучше будетъ.

— Сохрани васъ Богъ, вскричала Варенька, вдругъ вставъ съ кушетки. Я горюю не о немъ, а о самой себѣ. Да что вы думаете, наконецъ, прибавила она съ горькой усмѣшкой, что безъ его подаянія я ужь и не проживу на свѣтъ.

— Ну, дѣлайте какъ знаете, ваше дѣло. По крайней мѣрѣ велите хоть кофею сварить.

Варенька возвратила всю прежнюю бодрость. Она позвонила и велѣла сдѣлать кофе. Потомъ одѣлась и заглянула въ портмоне. Въ немъ было около десяти рублей. Потомъ она обошла всѣ комнаты и все осмотрѣла, придумывая, какъ бы поскорѣй устроится по другому. Ей были ненавистны и эта квартира, и эта мебель, все что было свидѣтелемъ ея жизни въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ. Она написала коротенькую записку и попросила Авдотью Семеповну отнести ее въ редакцію полицейскихъ вѣдомостей,

Когда та ушла, Варенька рассчиталась съ кухаркой и отпустила ее. Затѣмъ собрала всѣ браслеты, кольца, брошки и отнесла ихъ къ ювелиру. Получивъ за нихъ половину ихъ цѣны, она возвратилась домой. Больше въ этотъ день она не могла сдѣлать. Какъ ей не хотѣлось поскорѣе переѣхать, но этого нельзя было, пока не купятъ мебели. Прошла недѣля, въ продолженіе которой Авдотья Семеновна ни на минуту не покидала Вареньку и оказывала ей тысячу различныхъ услугъ. Она бѣгала продавать ея платья своимъ знакомымъ, торговалась съ покупателями, которые приходили въ квартиру смотреть мебель, хозяйничала на кухнѣ.

— Варвара Александровна, сказала она однажды Варенькѣ, придя съ рынка, знаете что? Мнѣ встрѣтился баринъ, что живетъ рядомъ, спрашивалъ, у насъ-ли продается фортепьяно. Хотѣлъ придти посмотреть.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то же утро господинъ, что жилъ рядомъ, пришелъ посмотреть фортепьяно.

Напрасно Варенька упрашивала Авдотью Семеновну, которая стряпала на кухнѣ, выдти къ нему.

Авдотья Семеновна ни за что не хотѣла идти, отговариваясь тѣмъ, что онъ важный и богатый баринъ, и что ей совѣстно показаться ему чумичкой. Варенька должна была выдти сама. Господину этому было на видъ лѣтъ около пятидесяти. Наружность онъ имѣлъ очень презентабельную и даже красивую. Приемы были самые изящные. Отъ всей его особы такъ и вѣяло тономъ большаго барина. Онъ купилъ фортепьяно, не торгуясь. На другой день, Варенька видѣла, какъ онъ три раза прошелся подъ ея окнами и всякій разъ смотрѣлъ на верхъ. На третій день, вечеромъ, Варенька сидѣла въ спальнѣ и

напрягла все свое вниманіе, читая все какую-то вовсе не головоломную книгу. Бѣдной дѣвушкѣ такъ хотѣлось хоть на нѣсколько часовъ оторваться отъ тяжелыхъ думъ, безпрестанно ее преслѣдующихъ. Но напрасно. Смысль прочитанныхъ фразъ ускользалъ отъ нея. Вдругъ, дверь съ шумомъ растворилась и вбѣжала Авдотья Семеновна.

— Вотъ вамъ гостинецъ, прибавила она съ хохотомъ, бросивъ на столъ маленькую надушенную записку.

— Это что такое? спросила Варенька.

— Почему я знаю! прочитайте такъ узнаете.

— Да отъ кого?

— Сосѣдушка вамъ прислала.

— Какъ вамъ не стыдно, Авдотья Семеновна, сказала Варенька, оттолкнувъ записку. Къ чему вы брали.

— Какъ, къ чему брала? скажите на милость! Камердинеръ принесъ, просилъ барышнѣ отдать. Можетъ, онъ и по дѣлу пишетъ? не хочетъ-ли что изъ мебели купить. Прочитайте, что за бѣда.

— Въ самомъ дѣлѣ, можетъ онъ купить что-нибудь хочетъ, подумала Варенька и распечатала записку. Важный баринъ деликатнымъ образомъ, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, объясняя Варенькѣ въ любви и просилъ ее принять его дружбу, покровительство и позволить ему заботиться объ ея благосостояніи.

— Ну, что онъ пишетъ? спросила Авдотья Семеновна, между тѣмъ, какъ Варенька, совершенно ошеломленная неожиданной выходкой сосѣда, въ пятый, можетъ быть, разъ перечитывала его письмо.

— Скажите, пожалуйста, вскричала она вдругъ, разорвавъ его на мелкіе клочки, съ чего этотъ негодяй взялъ, что я пойду къ нему на содержаніе?

— А, такъ вотъ оно въ чемъ дѣло-то!.. проговорила Авдотья Семеновна со смѣхомъ. Къ чему вы разорвали-то, хоть бы мнѣ прочитали. Вишь, старый котъ. Вы говорите, съ чего онъ взялъ? Да какъ же ему, въ одномъ-то домѣ живучи, не знатъ, что дѣлается у сосѣдей. Вѣдь онъ вѣрно видѣлъ, какъ Михайло-то Борисовичъ ѣздилъ къ вамъ. На одномъ подъѣздѣ, я думаю, сколько разъ встрѣчались, а теперь, былъ у васъ, видѣлъ, что вы все продаете, ну, и догадался, что дѣлишки-то плохи. Видно, имъ ему понравились. Вотъ онъ и думаетъ воспользоваться, пока

нѣтъ кандидатовъ. Авдотья Семеновна говорила все это дружескимъ тономъ, очень наивно и безъ малѣйшаго желанія обидѣть Вареньку. Но ея понятіямъ, все это было дѣломъ обыкновеннымъ и въ порядкѣ вещей. Варенька вздрогнула. Она любила Мишеля и не считала несколько предосудительнымъ жить на его счетъ. Еслибъ, наоборотъ, онъ былъ бѣденъ, а она богата, то, конечно, она всѣмъ бы дѣлилась съ нимъ. Но принять покровительство чловѣка, котораго она видѣла только одинъ разъ, казалось ей чѣмъ-то оскорбительнымъ. Горькая, тяжелая мысль мелькнула въ ея умѣ. Для Авдотьи Семеновны, для богатаго сосѣда и вообще для перваго встрѣчнаго, она была не любящей дѣвушкой, которая пала, потому что любила, а искательницей приключеній, цѣль которой состоятъ въ томъ, чтобы пристроить себя повыгоднѣе. Они были правы. Она ясно сознавала это. Какое дѣло до того, что происходило въ ея сердцѣ; а по наружности такъ и слѣдовало судить.

— Что-жь, будетъ отвѣтъ? спросила Авдотья Семеновна, помолчавъ немного.

— Можете отдать ему вотъ эти лоскутки, проговорила Варенька, указывая на разорванную записку.

Авдотья Семеновна подбѣла къ столу и стала прямо противъ Вареньки съ насмѣшливой улыбкой, скрестивъ на груди руки.

— Я хоть и не учена разнымъ языкамъ, начала она менторскимъ тономъ, хоть я простая швея, за печкой вѣкъ просидѣла, но такого невѣжества никогда не сдѣлаю. Никогда! прибавила она, выразительно покачавъ головой. Чловѣкъ предлагаетъ намъ добро, а мы ему разорванныя бумажки пошлемъ, вмѣсто отвѣта! Да еще какой чловѣкъ! Вотъ теперь ломайтесь, когда вамъ Богъ судьбу хорошую посылаетъ, а послѣ.—помните мое слово,—и близко локоть да не укусишь. Не разъ спокантесъ. Чѣмъ вы жить-то будете, скажите на милость? Въ гувернантки-то опять пойти—такъ я вамъ скажу, это вамъ такъ опротивить, что жизни не рады вы будете. Вѣдь теперь ужъ огыкли. Сами хозяйкой полною жили, такъ подь команду-то опять, куда какъ тяжело идти особенно съ вашимъ характеромъ. Вотъ что будетъ, продолжал Авдотья Семеновна мрачнымъ и вдохновеннымъ тономъ Сибилю: помотаетесь, помотаетесь, кое-какъ, а когда всѣ денженки проживете, рады будете, если какой-нибудь вертопрахъ опять повернется. Вотъ не лучше же вашего Михайла Борисовича. Идѣть старость въ богадѣльню угодите. Между тѣмъ какъ этотъ

то, прибавила она, указывая на стѣну, отдѣлявшую сосѣда отъ Вареньки, не вѣтругонъ каной, не двадцати пяти лѣтній мальчишка. Онъ человѣкъ солидный и богатый. Кабы вы съ нимъ дѣло-то умнѣе поведи, такъ заставили бы его обезпечить васъ на всякій случай. Положи, молъ, на мое имя—и положилъ бы, непременно положилъ. Такъ бы вы на вѣкъ съ кускомъ хлѣба остались. Вы на меня не сердитесь. Я вамъ добра желаю.

Варенька закрыла лицо обѣими руками и прилегла на диванъ. Она вдругъ вспомнила о предсказаніи г-на фонъ-деръ-Штерне. Онъ человѣкъ образованный, предсказалъ ей почти то же, что Авдотья Семеновна, и его предсказанія сбылись.

— Почему же, подумала она, люди, стоящіе на такихъ различныхъ ступеняхъ образованности, какъ фонъ-деръ Штерне и Авдотья Семеновна, предсказываютъ мнѣ почти одно и то же. Отъ чего ихъ взгляды на жизнь одинаковы? Не оттого-ли, что они, каждый въ своей сферѣ, хорошо изучили ее. Въ такомъ случаѣ предсказаніе Авдотьи Семеновны можетъ оправдаться... И Варенька задумалась о своей будущности. Тяжело стало у ней на сердцѣ. Въ эти минуты она отъ всей души ненавидѣла Мишеля, который увлекъ ее на этотъ опасный путь. Во весь остальной вечеръ Авдотья Семеновна не могла добиться ни слова. Прошло еще нѣсколько дней. Мебель и всѣ ненужныя вещи раскупили, и Варенька радовалась, что, наконецъ, можетъ выхъзть изъ этой квартиры. Надо было только прискаты куда переѣхать. Она давно уже сказала горничной, что бы та искала себѣ мѣста.

Авдотья Семеновна постоянно гостила у Вареньки и охотно мѣняла прислугу. Однажды вечеромъ дѣвушка принесла отѣтку и сказала, что нашла себѣ очень хорошее мѣсто въ бо-лѣтомъ домѣ, гдѣ ей обѣщали большое жалованье. Такъ какъ было уже поздно, то она отложила переѣзду до завтра. Авдотья Семеновна, возвратившись вечеромъ домой, объявила Варенькѣ, что встрѣтила Маріанну и та сказала ей, что завтра Мишель ѣдетъ за границу.

— Пойдемте на набережную смотрѣть, прибавила она.

— Зачѣмъ? спросила Варенька.

— Ну, какъ зачѣмъ! Увидите своими глазами, какъ онъ ѣдетъ. Авось тогда за умъ возьметесь да за что-нибудь и при-нитесь, а то сидитѣ, повѣсивъ носъ.

— Мнѣ лишь бы поскорѣй переѣхать отсюда, проговорила

Варенька, тогда я и придумаю, что мнѣ дѣлать. Мнѣ хочется уроки давать по домамъ, а здѣсь я ни за что не могу приняться.

— Ну, еще поспѣете куда-нибудь въ нурье, на Козье болото, переѣхать. Да и по дождю и по грязи еще до сыта набѣгаетесь... Такъ что-жь, идемъ завтра, что-ли?

— Пожалуй, пойдете, только мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ онъ меня видѣлъ.

— Мы можемъ такъ встать, что и не увидитъ. Зонтикомъ прикройтесь. Да ему и не до васъ... теперь, пожалуй, хоть и увидѣлъ бы, такъ не узнаетъ. У него, я чай, ушки на макушки, что ѣдетъ деньги мотать. Ахъ да, знаете, вѣдь, я еще нашего соседа встрѣтила. Спрашивала, что же вы ему отвѣта не прислали. Я сказала, что вы все хвораете. Я его сегодня хорошо рассмотрѣла, молодецъ такой и какой вѣжливый, деликатный. Такъ мнѣ, право, было совѣстно.

На другой день Авдотья Семеновна рано разбудила Вареньку. Онѣ на-скоро одѣлись и отправились на набережную У пристани уже стояло множество экипажей. На пароходѣ суетились. Варенька видѣла, какъ пріѣхалъ Мишель въ одной коляскѣ съ актрисой и двумя товарищами. Онѣ былъ веселъ, актриса болтала и смѣялась.

Варенька видѣла, какъ они вышли изъ коляски, какъ всѣ вмѣстѣ вошли на палубу и тамъ еще продолжался ихъ веселый разговоръ и смѣхъ. Только по второму звонку актриса, пожавъ обѣ руки Мишелю, рѣшилась сойти на берегъ и долго еще, когда тронулся пароходъ, стояла она, облокотясь на перилы и, кокетливо улыбаясь своимъ спутникамъ и болтая съ ними, махала платкомъ Мишелю.

— Пойдите домой, Авдотья Семеновна, сказала Варенька грустно.

Она молчала всю дорогу. Мысленно она сравнивала себя съ актрисой.

— Такъ вотъ, думала она, какъ надо любить этихъ господъ. Отдай имъ душу, пожертвуй имъ будущностью, живи только для нихъ. Имъ все ни почемъ. А смѣйся съ ними и надъ ними, кокетничай съ ихъ пріятелями, люби ихъ на столько, на сколько они стоятъ, и наряжайся на ихъ счетъ — тогда они будутъ счастливы.

Варенька пришла домой совсѣмъ разстроенная. Авдотья Семеновна отправилась куда-то по-дѣламъ.

Между тѣмъ горничная Вареньки пришла съ ней проститься, Жалованье ей было уже отдано. Варенька сама заперла за ней дверь и пожелала ей счастья на новомъ мѣстѣ. Она осталась совершенно одна.

Быль прекрасный весенній день. Солнце ярко освѣщало всю комнату и какъ будто съ сожалѣніемъ и любовью скользили лучи его по увядшимъ листьямъ Варенькиныхъ цвѣтовъ. Ей стало жаль ихъ. Она наклонилась и принялась ихъ разсматривать. На многихъ стебляхъ, подлѣ засохшихъ листьевъ, выходили молодые свѣжіе побѣги.

— Они оживутъ, подумала Варенька и какъ-то неопредѣленно ея мысль съ цвѣтовъ перешла на самую себя.

Она отворила окно. На улицѣ была обыкновенная суетня, но светло-голубое небо, солнце и сухіе тротуары и мостовыя, послѣ продолжительной весенней грязи, придавали всему какой-то праздничный видъ. Отсутствие шубъ, дождевыхъ зонтиковъ, неулыжкихъ капоровъ, кашне также не мало радовали сердце. Въ легкихъ пальто всѣ двигались проворнѣе, граціознѣе, какъ будто у всѣхъ стало веселѣе на сердце, послѣ холодной зимы. Благоприятное вліяніе солнца и видъ общей дѣятельности, какъ будто пробудили Вареньку отъ тяжелой дремоты. Свѣтъ и тѣнь, страданіе и радость все мѣняется, все переходитъ въ жизнь. И Варенькѣ блеснула отдаленная надежда на счастье. Теперь она шла о немъ совсѣмъ другія понятія. Оно представлялось ей въ видѣ безмятежной, трудолюбивой, честной жизни гдѣ-нибудь въ уголкѣ вдали отъ свѣта и его шума. Ея наболѣвшее сердце чувствовало потребность такой жизни. Она еще была слишкомъ молода, слишкомъ неопытна и твердо вѣрила, что ея расчеты съ людьми окончены. Пока она смотрѣла въ окно и мечтала о своей будущей жизни, возвратилась Авдотья Семеновна.

— Что вы тутъ дѣлаете? заговорила она, войдя въ комнату.

— Ничего, отвѣчала Варенька, продолжая смотрѣть въ окно.

— Я и вижу, что ничего. Обѣдать-то развѣ сегодня не будете?

— Пожалуй, состряпайте что нибудь, если хотите.

— То-то состряпайте! эхъ вы, хозяйка горемышная. Дайте же денегъ, я схожу, пожалуй, на рынокъ.

Варенька вошла въ спальню и отворила комодъ. Черезъ нѣсколько минутъ она вскрикнула.

— Что такое! что случилось, вскричала въбѣжавъ Авдотья Семеновна.

— Представьте, у меня украли всё деньги! проговорила Варенька съ ужасомъ.

— Быть не можетъ, ищите хорошенько, вѣрно куда-нибудь далеко спрятали.

И Авдотья Семеновна бросилась въ комодъ. Она перерыла всё ящики, вынула всё вещи, осмотрѣла всё углочки—денегъ не было.

— Болѣе никому, какъ эта мошенница Матреника унесла, проговорила она наконецъ, опустивъ руки.

— Что я теперь буду дѣлать безъ денегъ? сказала Варенька.

— Вы, известно, будете сидѣть, повѣсивъ носъ, отвѣчала Авдотья Семеновна, почти презрительно взглянувъ на нее, а я такъ знаю что дѣлать. Не я буду, если я эту мошенницу не отыщу. Много-ли денегъ-то было?

— Около трехъ сотъ.

— Шутка-ли! Ахъ ты, Господи, горе какое! Прощайте.

— Куда-жь вы пойдете?

— Нѣкогда теперь, расскажу когда приду. Запирите дверь за мной.

Варенька опять осталась одна. Отчаянье овладѣло ею. Она не вѣрила, чтобъ деньги отыскались. Продавать болѣе было почти нечего. Она рассчитывала прежде, что на эти деньги проживетъ, пока не найдетъ себѣ уроковъ. Теперь ей оставалось только одно: ѣхать домой къ матери и сестрамъ. Но и это было почти невозможно. На дорогу нужны были деньги. При томъ же она знала, что и тамъ ее ждали только нищота и горе.

Часа черезъ два, Авдотья Семеновна возвратилась. Она успѣла побывать и въ кварталѣ и въ томъ домѣ, куда поступила бывшая горничная Вареньки, и у знакомаго ей дѣловаго человека, который, по словамъ ея, былъ такой проныра, что хоть со дна морскаго достанетъ украденную вещь. У всѣхъ просила она совѣта и защиты, вездѣ надѣлала суматохи.

— Не я буду, повторяла она, ударя кулакомъ по столу, если я эту негодяйку не выведу на свѣжую воду. Вѣдь вѣрно успѣ-

да передать, — при себѣ не станетъ держать. Да все равно, Капитонъ Лукьяновичъ говорить, что поймаетъ ее, а онъ даромъ не любитъ общать. Сколько у васъ денегъ дома-то? спросила она, пораженная новою мыслью.

— Да, кажется ничего, отвѣчала Варенька. У меня всѣ деньги лежали въ одномъ мѣстѣ.

— Господи Боже! что-жь мы теперь дѣлать-то будемъ? Вѣдь пока еще все-то розыщется, нельзя же безъ гроша прожить.

И Авдотья Семеновна въ отчаяніи всплескивала руками.

— И все продано, шептала она, качая головой, все! Нѣтъ-ли еще какихъ-нибудь платишковъ тамъ у васъ, хоть заложить снести.

— Шкафъ отворенъ, посмотрите сами.

Авдотья Семеновна отправилась въ спальню, набрала порядочный узелокъ и возвратилась показать его Варенькѣ.

— Вотъ, сказала она, снести развѣ это въ закладъ. Конечно, за это тряпье немного дадутъ, можетъ рублей пятокъ, да все же лучше чѣмъ съ голоду помирать.

— Снесите, пожалуй, отвѣчала Варенька.

Авдотья Семеновна стояла въ раздумьи съ узелкомъ въ рукахъ.

— Ахъ я дура, дура, вскричала она, вдругъ бросивъ его на полъ и направась къ двери.

— Куда вы, Авдотья Семеновна, что съ вами? спросила Варенька, встревоженная новою идею, мелькнувшею въ головѣ ея Мешторши.

— Отгадайте куда, отвѣчала Авдотья Семеновна, весело взглянувъ на нее.

— Право, не знаю.

— Къ сосѣду. И какъ это мнѣ, дурѣ, тотчасъ въ голову не пришло.

— Да зачѣмъ это, Авдотья Семеновна, проговорила Варенька съ боязливымъ упрекомъ, для чего вы къ нему пойдете.

— Эхъ вы, умница, для чего пойду. Если ужъ для такого важнаго барина полиція не розыщетъ этого дѣла, то для насъ-то съ вами и подавно. Пойду расскажу, какъ все было, да въ добавокъ еще скажу, что мы сидимъ безъ гроша и попрошу денегъ займа ..

— Авдотья Семеновна, что вы это хотите дѣлать? Ради Бога, повторила Варенька, чуть не со слезами страясь удержать ее.

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, глупости-то дѣлаете, Варвара Александровна, вѣдь не съѣсть онъ васъ, коли за правое дѣло вступится.

— Да вы поймите, Авдотья Семеновна, что вѣдь это значитъ навязываться ему, напрашиваться на его покровительство.

— А позвольте васъ спросить, сказала вдругъ Авдотья Семеновна, взглянувъ на этотъ вопросъ совершенно съ новой точки зрѣнія, у кого же бѣднымъ искать покровительства и защиты, какъ не у богатыхъ и знатныхъ людей? Горды вы, матушка, Варвара Александровна, а гордость смертный грѣхъ. Вотъ васъ за нее-то Господь Богъ и караетъ. Нѣтъ, вы еще нужды то не видали, а ужъ я-то ее вдоволь натерпѣлась. Знаю, что когда приходитъ круто, такъ и кошкѣ поклониться въ ножки.

Варенька, совершенно озадаченная, выпустила изъ рукъ платье Авдотьи Семеновны, за которое придерживала ее и только успѣла закричать ей въ слѣдъ:

— Не просите для меня денегъ, я не возьму ихъ.

— Да не бойтесь, прокричала со смѣхомъ уже изъ-за двери Авдотья Семеновна. Онъ и для меня дастъ.. что такому богачу какіе-нибудь двадцать-пять рублей.

Варенька провела четверть часа въ мучительномъ ожиданіи. Она ходила по комнатѣ, въ отчаяньи ломая себѣ руки.

— Боже мой, думала она, до чего я дошла! Эта женщина пошла къ нему просить денегъ для меня, отъ моего имени, и я не могу, не имѣю права остановить ее, потому что она не уважаетъ меня! Еслибъ онъ отказалъ ей! Но чѣмъ же жить? чѣмъ жить, вскричала она вдругъ, остановясь и окинувъ взглядомъ опустошенную комнату. Все продано! все заложено! Боже мой, неужели для меня нѣтъ опасенья!

Вдругъ она какъ будто успокоилась, сѣла и въ мрачномъ раздумьи устремила неподвижные глаза на одну точку. Они горѣли какимъ-то злобѣющимъ огнемъ; на губахъ ея бродила холодная, злобная усмѣшка.

— Странно, продолжала она думать, что это случилось въ то время, когда я готова была начать жизнь трудолюбивую, честную, спокойную, когда я мечтала, что могу въ какой-нибудь маленькой комнаткѣ, забытая всѣмъ свѣтомъ, отдохнуть отъ этихъ тяжелыхъ двухъ лѣтъ...

Она покачала головой съ выраженіемъ отчаянія.

— Нѣтъ, видно я не заслуживаю такой завидной доли. Какъ

будто какой-то злой гений масляно толкает меня въ пропасть. И не чему же фонъ-дёръ-Штерне и Авдотья Семеновна, оба, увѣрены, что другой путь для меня невозможенъ. Неужели-жь это правда, что если женщина разъ собьется съ пути, то ей никогда не выйти на ровную дорогу, и рано или поздно ей суждено потерять уваженіе къ самой себѣ

Вдругъ дверь отворилась и Авдотья Семеновна влетѣла съ шумомъ.

— Ну, что? спросила Варенька съ трепетомъ.

— А вотъ что! отвѣчала она, положивъ съ торжествующимъ видомъ на столъ двѣ двадцати-пяти рублевыхъ депозитки. Не одну далъ, а двѣ.

— Неужели вы для меня просили?

— Да что вамъ за дѣло, для кого бы не просила. Въдѣ я въ займы просила, не Христа ради. Ну, будутъ деньги и отдадите. Я ему рассказала, что вотъ, молю, такъ и такъ, негодяйка Матрешка украла у насъ триста рублей, весь нашъ капиталъ. Просила похлопотать.

— Что-жь онъ?

— Сказалъ, что самъ придетъ вечеромъ поговорить объ этомъ съ вами.

— Самъ придетъ, повторила какъ-то бессознательно Варенька.

— Ну, да. Чтожь вы, не бось не примите его! проговорила Авдотья Семеновна насмѣшливо.

Варенька нѣсколько минутъ молча смотрѣла на ассигнаціи. Она сознавала, что нельзя не принять человѣка, у котораго взяли въ займы денегъ.

— Отчего-жь вы думаете, что не приму, отвѣчала она холодно. Пусть придетъ.

Она подошла къ печкѣ, облокотилась на нее, блѣдная какъ статуя. Въ головѣ ея бродили такія мысли, отъ которыхъ у нея самой сердце обливалось кровью. Но въ тоже время воображеніе рисовало ей жизнь совершенно противоположную той, о которой она мечтала въ тотъ день утромъ. И тутъ ее манило спокойствіе и отдыхъ. Праздная жизнь на счетъ человѣка, изъ-за котораго ей никогда не придется страдать, потому что она никогда не будетъ любить его. Ея добрый ангелъ былъ далеко отъ нея въ эти минуты.

— Ну, слава Богу, что за умъ хватились, сказала обрадован-

ная Авдотья Семеновна. Вотъ я пойду сей-часъ сварю кофей. Вѣдь ужъ объ обѣдѣ нѣкогда и думать, а вы тѣмъ временемъ подите, принарядитесь, вѣдь не въ блузѣ же гостей принимать.

— Въ которомъ часу онъ придетъ?

— Въ семь.

— Ну, такъ успѣю еще одѣться, отвѣчала Варенька.

— Ну, какъ хотите. Я, пожалуй, когда кофей напьюсь, такъ помогу вамъ одѣться.

Черезъ полчаса Авдотья Семеновна одѣла Вареньку. Варенька повиновалась машинально.

— Ну, вотъ, сказала Авдотья Семеновна, окинувъ ее взглядомъ съ головы до ногъ, такъ-то гораздо лучше. Жаль только, что вы блѣдныя такія да и похудѣли-то порядочно. Кабы хорошая жизнь, такъ вы скоро бы опять поправились. Теперь прощайте, я пойду, пока, къ Цѣпному мосту схожу, у меня тамъ дѣло есть...

— Вы скоро придете? спросила Варенька.

— Ужъ конечно что скоро. Къ шести часамъ какъ тутъ буду. Вѣдь я знаю, не самимъ же вамъ дверь отворять ему. Да безъ меня вы ничего ему путемъ и рассказать не сумѣете.

Варенька осталась одна. Долго сидѣла она, не двигаясь съ мѣста, ни о чемъ не думая. Какъ всѣ нервныя натуры, послѣ сильнаго волненія она совершенно упала духомъ. Теперь ей было все равно, чтобы съ ней не случилось. Часы, еще висѣвшіе на стѣнѣ сосѣдней комнаты, пробили пять. Варенька вадргнула. Чтобы какъ-нибудь развлечь себя отъ тягостныхъ мыслей, снова замелькавшихъ въ ея глазахъ, — она стала разбирать разныя бездѣлушки въ своемъ комодѣ. Почти каждая вещь, каждый бантикъ, каждая коробочка, флаконъ съ духами, пустая бонбоньерка составляли для нее какое-нибудь воспоминаніе. И все это болѣе или менѣе напоминало Мишеля. На самомъ днѣ ящика повался ей на глаза портфель, въ который прежде она клала равныя рисунки. Она совсѣмъ забыла объ этомъ портфелѣ и никогда въ него не заглядывала. Первое, что увидѣла она, былъ видъ водопада, который подарилъ ей Мишель въ ея родимомъ городѣ.

— Вездѣ онъ, вскричала она почти съ ненавистью. Онъ теперь далеко, забылъ женщину, жизнь которой разбилъ шути, — а я все еще живу подъ гнетомъ воспоминаній. Каждая бездѣлица напоминаетъ мнѣ и еще долго будетъ напоминать, что я

два года была обязана ему всёю, всёю, каждымъ кускомъ паущаго хлѣба, каждой булавкой. Она разорвала видъ водопада и бросила на пегъ. Потомъ продолжала разбирать портфель. Тутъ были ея пансіонскіе рисунки, напоминавшіе ей о самыхъ свѣтлыхъ годахъ ея жизни, двѣ или три записки Нины, клочокъ бумаги, на которой ея добрый дядя шутя нарисовалъ портретъ ея любимой кошки, и наконецъ глаза ея встрѣгли засохшую, пожелтѣвшую вѣтку сирени. При взглядѣ на эту вѣтку какое-то жгучее чувство болѣзненно кольнуло ея въ сердце. Она покраснѣла, ей стало стыдно самой себя.

Эту вѣтку далъ ей когда-то шутя Валеріанъ Петровичъ и просилъ сохранить на память.

— Еслибъ онъ зналъ! подумала Варенька, какъ я жила и что со мной теперь! Онъ любилъ меня...

Иневольна стала она сравнивать Валеріана Петровича съ Мише-лемъ. И прежде, еще въ маленькомъ городкѣ, она однажды вздумала мысленно сравнить ихъ. Тогда дѣло шло только о наружности и всѣ выгоды сравненія остались на сторонѣ Мишеля. Но теперь вопросъ былъ другой. Страданіе никому не дается надраско. Оно ведетъ за собой размышленіе и освѣщаетъ намъ все то, что прежде казалось темнымъ. Теперь Варенька поняла, что по уму, по силѣ характера, вообще по нравственной энергіи, Валеріанъ Петровичъ несравненно выше, нежели милый свѣтскій чело-вѣкъ Мишель, котораго можно было причислить къ разряду не только дюженныхъ, но даже сотенныхъ головъ. И чѣмъ больше думала она о прошедшемъ, смотря на вѣтку сирени, тѣмъ яснѣе рисовался передъ нею образъ Валеріана Петровича. Его нежного рѣзкій тонъ, прямые откровенныя сужденія, подчасъ колкая насмѣшливость и теплое сочувствіе ко всему доброму, все стало ей теперь понятно, все оцѣнила она.

— Если-бъ онъ видѣлъ меня теперь, повторила она и тихо заплакала.

Въ эту минуту у сосѣда за стѣной послышался стукъ, какъ будто сильно отодвинули кресло. Варенька, сама не помня что дѣлаетъ, бросила портфель въ комодъ, надѣла на скоро шляпу, пальто и выбѣжала изъ дома. Она шла безъ опредѣленной цѣли. Ей хотѣлось только уйти подальше отъ этого ненавистнаго дома, гдѣ она столько страдала, отъ сосѣда, отъ Авдотьи Семеновны, наконецъ отъ самой себя. На набережной Фонташки она все покидало съжестью. Ея разгоряченная голова стала поже-

многу остывать. Бездна, въ которую, за часъ до того, она почти уже рѣшилась броситься, извиняя себя обыкновенными парадоксами, показалась ей теперь отвратительною. Нравственное чувство, усилненное или, лучше сказать, заглушенное на время, проснулось и заговорило въ ней живѣе прежняго. Лицо ея горѣло, удерживаемыя слезы душили ее. Безсознательно, безъ цѣли повернула она на Невскій и шла вслѣдъ за народомъ. У Казанской служила всемогущую, Варенька взошла на панерть, отворила дверь въ церковь и очутилась среди молящагося народа. Она пробралась въ самый далекий уголокъ. Таинственный полумракъ, стройное пѣніе клира подѣйствовали на ея воображеніе. Ея истерзанная душа мало по малу отрывалась отъ земли и стремилась къ источнику вѣчной жизни. Миръ и упованіе водворились въ ней.

Выйдя изъ церкви и возвратясь домой, Варенька спокойно принялась размышлять о своемъ положеніи и изыскивать средства какъ помочь горю. Она вспомнила, что у ней остались карманные часы, которые можно было продать. Она твердо рѣшилась на другой-же день непременно выѣхать куда-нибудь, въ другую квартиру, по-дальше отъ услужливаго сосѣда. Чѣмъ ближе она подходила къ дому, тѣмъ ей становилось страшнѣе. Хотя былъ уже десятый часъ, но Авдотья Семеновна изъ мщениа могла пригласить сосѣда дожидаться возвращенія Вареньки. Конечно, сосѣдъ человекъ образованный и пойметъ, что если она ушла изъ дому, то значитъ не желаетъ видѣть его. Но пятьдесятъ рублей, которые Авдотья Семеновна заняла у него давали ему поводъ не уважать Вареньку. Наконецъ не безъ трепета рѣшилась она войти. Еще въ передней нагринула на нее Авдотья Семеновна.

— Покорнѣйше благодарю, Варвара Александровна, заговорила она, разодолжили, матушка! Въ дуракахъ, въ лгуньяхъ, все равно что въ воровкахъ поставили; это все за благодарность, за то, что я съ вами, какъ мать родная, нанчилась все это время.

Варенька за-ранѣе приготовилась къ бурѣ и рѣшилась выдержать ее философически. Не отвѣчая ни слова, она прошла въ спальню, сдѣлала себѣ постель, легла и закрыла глаза. Напрасно Авдотья Семеновна, еще болѣе взбѣшенная такимъ миролюбивымъ поступкомъ, носилась какъ ураганъ, бранилась, кричала и вместо швыряла все, что попадалось подъ руку. Варенька

периодично устала, прозябла и скоро заснула. Засыпая, она еще слышала, какъ Авдотья Семеновна утверждала, что она, Варенька, совсѣмъ рехнулась. На другой день въ шесть часовъ Варенька была уже на ногахъ. По прежнему, отвѣчая стонческимъ молчаніемъ на всѣ придирки и выходы Авдотьи Семеновны, она сама развела огонь въ плитѣ, чего ей никогда не приводилось дѣлать, сварила кофе и сама сходилла въ булочную. Навишись кофе она взяла часы и пошла къ часовыхъ дѣлать мастеру. Она получила тридцать рублей, хотя они стоили вдвое. Не возвращаясь домой, отправилась искать себѣ новаго жилища. Послѣ долгихъ поисковъ, ей удалось наконецъ найти крошечную комнатку въ одно окно, которую отдавала за пять рублей старушка вдова, жившая съ двумя дочерьми. Это семейство понравилось Варенькѣ. Она дала задатокъ и выпросила у старушки работницу, чтобъ помочь ей перевезти чемоданъ. Когда она пришла на старое пепелище, Авдотья Семеновна, смекнувшая въ чемъ дѣло, подкараулила работницу, когда та пошла нанять извозчика и спросила подробно, куда переѣзжаетъ жилища.

— Что вы думаете, вскричала она, вбѣжавъ въ комнату, гдѣ Варенька убирала кое-какія оставшіяся вещи. Бѣжать затѣяли! переѣзжать въ тихомолку? Нѣтъ-съ, извините!—Я женщиной никогда не была, никогда, прибавила она, тряхнувъ головой,— и не намѣрена быть изъ-за васъ. Извольте сперва отдать со-сѣду деньги, которыя вы занимали у него, а такъ я васъ не выпущу.

Варенька остолбенѣла.

— Послушайте, Авдотья Семеновна, проговорила она, да вѣдь онъ всѣ у васъ остались.

— У меня? проговорила Авдотья Семеновна протяжно, тономъ крайняго изумленія. Да что вы? Никакъ и впрямь съ ума сошли. Не я-ли ихъ вчера положила вотъ на окно и сказала, чтобъ вы взяли.

Варенька на минуту задумалась. Она очень хорошо знала, что деньги были у Авдотьи Семеновны въ карманѣ, но не нашлась вдругъ, что отвѣтить на такую безстыдную ложь.

— Хорошо, сказала она вдругъ, если деньги занимала я, то я ихъ и отдамъ, это не ваше дѣло.

Авдотья Семеновна, въ свою очередь, стала на минуту въ тупикъ.

— Извольте, по крайней мѣрѣ, сказать вашу адресъ, въ случаѣ, если сосѣдъ спроситъ.

— И объ этомъ не беспокойтесь, отвѣчала Варенька. Я когда переѣду, то сама ему напишу, гдѣ живу.

— Такъ вотъ оно что! проговорила язвительно Авдотья Семеновна.

Варенька обрадовалась, что такъ легко отдѣлалась отъ нея.

Между тѣмъ работница напаяла извозчика. Варенька, уходя, встрѣтила дворника и спросила у него, какъ имя и фамилья сосѣда и записала, чтобъ не забыть. Затѣмъ она отправилась на новоселье съ какимъ-то радостнымъ чувствомъ. Она сознавала, что ея прошедшее кануло въ вѣчность. Она начинала новую жизнь. У ней достало энергии выпутаться изъ омута, и эта мысль какъ-то легко и отрадно дѣйствовала на ея сердце.

— Трудъ, думала она, спасетъ меня, и въ первый разъ жизни, она поняла, что можно пристраститься къ труду, потому что нѣтъ чувства, которое поддерживало бы насъ сильнѣе, какъ сознание исполненнаго долга, хотя бы этотъ долгъ относился къ самому себѣ.

IX.

Она пришла на новоселье промокшая до костей, потому что почти всю дорогу шелъ дождь, а ей жалъ было нанять извозчика. У ней было такъ мало денегъ, что экономія становилась необходимостью. Къ вечеру она все разобрала и привела въ порядокъ въ своей крошечной комнаткѣ. Варенька съ утра ничего не ѣла; ее трясла лихорадка, но она забыла о голодѣ, не обратила вниманія на ознобъ, закуталась, какъ только могла, теплѣе и заснула спокойно и сладко, какъ спятъ люди, у которыхъ, какъ говорится, свалится съ сердца тяжелый камень. На другой день она проснулась съ сильною головою болью. Она было попробовала кое-чѣмъ заняться, но вскорѣ принуждена была опять лечь въ постель. Ей было это очень досадно. Ее мучила жажда дѣятельности, которой она никогда еще не испытывала и которая проснулась въ ней, вмѣстѣ съ твердой рѣшимостью неутомимо и энергически бороться съ жизнью и идти твердымъ шагомъ по яраму пути. Она пыталась, было, встать и приняться за что-нибудь черезъ силу, но эти усилія только увеличили ея нездоровье. По-утру хозяйка, видя, что она не выходитъ, постучалась въ ея дверь. Варенька пригласила ее войти:

Увидѣвъ, что жилища ея нездорова, добрая старушка наполнила ее чаемъ, закутала потеплѣе и спросила, не скучно-ли ей и если она хочетъ, то которая-нибудь изъ дочерей придетъ посидѣть съ ней.

Варенька была очень рада. Въ совершенномъ одиночествѣ отрадно малѣйшее участіе. Хозяйка ушла и прислала меньшую дочь. Это была дѣвушка лѣтъ двадцати осьми, некрасивая, застѣнчивая и неловкая, но съ такимъ добрымъ и вмѣстѣ трогательнымъ выраженіемъ лица, что внушала симпатію съ перваго взгляда. Она подсѣла къ окну съ небольшими пальцами; въ нихъ былъ натянутъ кусокъ батиста, вышитый на двухъ углахъ очень мелкимъ рисункомъ съ ажурями. Работа была такъ отчетлива и искусна, что иголка, казалось, повиновалась не вышивальщицѣ, а артисту, который набросалъ легкіе граціозные очерки фантастическихъ вѣточекъ и необыкновенно сквозныхъ цвѣтовъ.

Варенька попросила взглянуть на вышиванье.

— Какая чудная работа, сказала она, люблюсь ею; только я думаю, это очень портитъ глаза.

— Нѣтъ, лѣтомъ-то ничего, отвѣчала дѣвушка, усаживаясь за палецы, а вотъ зимой-то, при свѣчкахъ, такъ ужъ нечего сказать, трудновати.

— Какъ, развѣ вы вышиваете и при свѣчкахъ?

— Да что-жь дѣлать, отвѣчала дѣвушка со вздохомъ, коли никакъ хлѣбъ достаемъ. Вѣдь съ одной маменькиной пенсіей намъ не прожить. Всего-то шестьдесятъ рублей въ третью. Сами судите, что-жь тутъ сдѣлаешь?

Разговоръ завязался. Варенька узнала, что ея хозяйка была женою чиновника. Онъ умеръ тому десять лѣтъ. Обѣ его дочери родили въ дѣтствѣ года два или три въ школу, гдѣ платили за нихъ по два рубля въ мѣсяцъ, и гдѣ выучили ихъ только самому необходимому: читать, писать, немножко ариметики и катехизису. Вышивать онѣ выучились самоучкой и работали на большихъ и богатыхъ барынь, которыя привозили для модели изъ-за границы батистовые платки, заплаченные тамъ по ста франковъ и заказывали бѣднымъ дѣвушкамъ точно такіе же, платя имъ за мелкую, египетскую работу только по десяти рублемъ, на томъ основаніи, что русскія вышивальщицы никогда не достигнутъ до такого совершенства какъ французенки.

— Въ какомъ часу вы встаете? спросила Варенька.

— Лѣтомъ въ пять, а зимой полѣзешь, а темно да холодно, такъ когда и въ семь встанешь.

— Неужели вы работаете цѣлый день не отдыхая?

— Да почти что такъ. Особенно, когда есть на срокъ работа, такъ иной разъ и ночи захватишь.

— Но вѣдь это очень вредно для здоровья, особенно для глазъ.

— Можетъ быть и вредно, да, вѣдь, дѣлать-то нечего: безъ Божьей воли не умрешь и не захвораешь. Вотъ сестра послабѣе меня глазами, постарше, больше и работала, такъ теперь все больше на ходьбѣ. Работу относить и вездѣ куда надо им ее посылаемъ.

— Но, вѣдь, я думаю, это очень скучно вѣчно сидѣть за нѣлками. Неужели у васъ нѣтъ никакихъ развлеченій?

Дѣвушка улыбнулась, но безъ малѣйшей горечи. Даже, напротивъ, вопросъ Вареньки, казалось, развеселилъ ее или, по крайней мѣрѣ, показался ей забавнымъ.

— Да до развлечения-ли, сказала она. Слава Богу, когда есть чѣмъ за квартиру отдать, да дровъ кучить зимой.

— Вы ходите когда-нибудь со двора?

— Какже, по праздникамъ къ обѣднѣ ходимъ. Вотъ прошедшее лѣто я къ Прасковіи Пятницѣ ходила. Изрѣдка и въ гости ходимъ.

— А въ театрѣ бываете?

— Когда папенька былъ живъ, такъ я была разовъ пять или шесть.

— Что-жь, вамъ нравится?

— Ахъ, очень! вскричала дѣвушка, отвѣдя на минуту отъ работы глаза, въ которыхъ сверкнуло удовольствіе. Когда бы я была богата, кажется, каждый бы день въ театрѣ ѣздила. Ни баловъ, ни нарядовъ, ничего бы не надо.

— А теперь вамъ не бываетъ иногда жаль, что не можете быть въ театрѣ, когда вамъ хочется?

— Да что-жь жалѣть-то, отвѣчала простодушно дѣвушка, когда знаешь, что нельзя. Когда надо жить работою, такъ забудешь, что и театры на свѣтѣ есть, всомнишь развѣ только, когда случится мимо пройти

— А читать любите?

— Люблю, да книжекъ нѣтъ, а еще больше—времени жаль. Книжекъ, пожалуй, и дагъ бы, иной разъ, знакомый чиновникъ.

Я одинъ разъ и взяла Вѣчнаго Жида, да ужь и сама не рада была. У меня такой гадкїй характеръ, что какъ я начну читать, такъ не хочется и оторваться отъ книжки. Маменька тогда сердилась на меня, что мнѣ работа на умъ не шла, да по ночамъ читала, свѣчи все жгла. Съ тѣхъ поръ ужь я и закаямьсь.

Варенька замолчала и отвернулась къ стѣнѣ. Ей стало какъ-то тяжело отъ этого разговора. Съ одной стороны, эта жизнь исполненная труда, сопряженная со всевозможными лишенїями ужасала ее своимъ однообразїемъ. Съ другой, покорность судьбѣ этой дѣвушки, ея отреченїе отъ всѣхъ желанїй и удовольствїй молодости, — служили ей живымъ упрекомъ. Развѣ и она не могла такъ трудиться, терпѣть лишенья, отречься отъ суеты и роскоши, къ которымъ прежде имѣла такое сильное влеченїе и въ замѣнъ всего этого сохранить драгоценное благо — уваженїе къ самой себѣ и сознанье, что мы имѣемъ право ожидать его ото всѣхъ.

— Вы не хотите-ли чего-нибудь покушать? спросила дѣвушка послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанїя. Маменька сварить вамъ, скажите только что.

— Нѣтъ, благодарю, отвѣчала Варенька, мнѣ не хочется ѣсть.

— Вамъ очень нездоровится?

— Ничего, пройдетъ.

Весь этотъ день Варенька пролежала въ постели. На другое утро она попробовала встать, но не надолго.

— Не сходить-ли за докторомъ? спросила меньшая дочь хозяйки, которая опять пришла ее спровѣдать.

— Нѣтъ не надо, отвѣчала Варенька. Мнѣ хочется спать, я усну и все пройдетъ.

Она въ самомъ дѣлѣ уснула. По вечеру, старушка-хозяйка, думая, что ея жилища третїй день ничего не кушаетъ, зашла сама посмотреть ее. Больная не узнала хозяйку. Она бредла, щипы ея горѣли, глаза смотрѣли дико. Она была отъ природы слабаго сложенїя. Всѣ душевныя тревоги, которыя вынесла она въ послѣднее время, разстроили ея нервы и потрясли весь организмъ. Хозяйка перепугалась и послала дочь за докторомъ. По счастью, докторъ жилъ въ томъ же домѣ въ верхнемъ этажѣ. Онъ только что возвратился изъ театра.

Это было въ ту самую зиму, когда весь Петербургъ собирал-

ся по вечерамъ въ Михайловскомъ театрѣ смотрѣть дивную артистку, про которую говорили тогда во всѣхъ кругахъ общества, которую одни критиковали изустно и печатно, другіе восторженно защищали ту великую артистку, умѣвшую, не снужу, растрогать сердце, но потрясти его ужасомъ, навлекать страстями, которыя такъ чудно передавала своимъ гробовымъ, глухимъ голосомъ и неподражаемой мимикой.

Молодой человѣкъ, — нашъ докторъ былъ еще молодъ, — возвратясь домой, находился еще подъ вліяніемъ сильныхъ ощущеній. Всѣ доктора болѣе или менѣе люди положительные и матеріалисты. Медицина и поэзія никогда не уживутся вмѣстѣ. Но молодость имѣетъ свои неотъемлемыя права: она увлекается истинно прекраснымъ, въ какой бы формѣ оно не представилось.

— Приходили звать васъ къ больной, сказалъ человѣкъ, снимая съ него пальто.

— Гдѣ?

— Здѣсь въ домѣ, въ нижнемъ этажѣ. Жилица какая-то третьяго дня переѣхала къ одной старушкѣ и захворала.

— Хорошо. Подай самоваръ.

Черезъ минуту самоваръ подали.

Докторъ заварилъ чай, и въ ожиданіи, пока онъ настоится, принялся ходить по комнатѣ. Въ воображеніи его рисовалась высокая граціозная женщина, съ строгимъ профилемъ, въ бѣдой тюникѣ, язычница, страстно любящая и умѣющая ненавидѣть всею душой, отчаянная Камилла, слушающая разсказъ брата объ убійствѣ своего милаго. Докторъ припоминалъ всѣ чудныя позы, всѣ измѣненія лица вдохновенной артистки. Передъ нимъ воскресала древность, грандіозная и могучая, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Мало по малу, нить его мыслей, по какому-то неуловимому для анализа пути, отъ колоннадъ и портиковъ Рима, и отъ роскошныхъ и пламенныхъ красавицъ юга — перешла незаметно къ маленькому домику въ небольшомъ городкѣ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство и первую молодость. Что-то точно кольнуло его въ сердце. Это было воспоминаніе о дѣвушкѣ, которую онъ любилъ и съ которой разстался два года тому. У ней былъ также хорошенькій профиль, она была также граціозна, но она не умѣла любить. Докторъ вздохнулъ и налилъ себѣ стаканъ чаю.

— Баринъ, за вами опять пришли, сказалъ человѣкъ, пріотворивъ дверь.

— Ахъ, да! я и забылъ, проговорилъ докторъ.

Онъ схватилъ фуражку, и торопливо пошелъ къ больной. Онъ былъ еще такъ молодъ, что всегда снѣшилъ на помощь къ страждущему человечеству. Будь онъ хоть пятью годами постарше, то непременно выпилъ бы свой чай. Въ передней ожидала его дѣвушка.

— Пойдемте, сказалъ докторъ, кто у васъ болѣтъ?

— Жалица третьяго дня переѣхала, отвѣчала дѣвушка жалобнымъ тономъ, — да вотъ и захворала бѣдняжка. Сдѣлайте милость, господинъ докторъ.

— Что съ ней?

— Да бредить ужъ начала, насъ не узнаетъ.

— Что-жь вы не пришли раньше? замѣтилъ докторъ строго.

— Я приходила въ восемь часовъ, да васъ дома не было.

— Такъ пойдемте же. Идите впередъ, вы мнѣ покажете дорогу.

Хозяйка Вареньки встрѣтила доктора поклонами и просьбами помочь ей больной, и затѣмъ отворила дверь въ ея комнату. Докторъ подошелъ къ постели—и вздрогнулъ. Больная лежала въ забытьѣ. Ея похудѣвшія щеки горѣли. Хозяйка попробовала разбудить ее. Она открыла глаза, безсознательно повела ихъ кругомъ и вдругъ остановила на молодомъ человѣкѣ, который стоялъ, наклонясь надъ ней. Его лицо выражало глубокое состраданіе. Варенька всматривалась въ него нѣсколько секундъ, какъ будто стараясь что-то припомнить.

— Ахъ, это вы! проговорила она наконецъ, протянула ему руку, но почти въ ту же минуту, обезсиленная, закрыла глаза и упала на подушку.

— Вы, кажется, сказали, что больная переѣхала третьяго дня? спросилъ Валерьянъ Петровичъ, повернувшись къ хозяйкѣ.

— Да, да, третьяго дня утромъ.

— И тотчасъ же захворала?

— Да вотъ ужъ два дня лежитъ.

— Какже, было, не послать за мной раньше!

Валерьянъ Петровичъ покачалъ головой. Онъ прописалъ рецептъ и поѣхалъ съ нимъ въ аптеку. Черезъ полчаса онъ вернулся. Онъ самъ далъ больной первый пріемъ лекарства. Варенька уже не узнала его. Она бредила, и Валерьянъ Петровичъ

вѣчь, сиди подлѣ нея и не спуская съ нея глазъ, вслушивался въ ея несвязныя отрывистыя рѣчи. Было уже очень поздно, когда онъ ушелъ.

— Смотрите, оказалъ онъ уходя хозяйкѣ, если ей будетъ хуже, тотчасъ пришлите за мной, хоть среди ночи, я приду. Ее нельзя оставить одну. Надо, чтобъ кто-нибудь сидѣлъ при ней.

— Да, вотъ Нада посидитъ тутъ, сказала хозяйка, указывая на меньшую дочь. Она за больными-то умѣетъ ходить. Этакимъ добрымъ, толковала старушка, когда ушелъ Валерьянъ Петровичъ. Самъ и за лекарствомъ-то съѣздилъ, хоть ночью, говорить, такъ ничего, не потревожите меня. Поди-ка, другой: и лечитъ бы не сталъ, сказалъ бы, отправьте въ больницу.

— Мнѣ кажется, маменька, онъ ее знаетъ, замѣтила Нада. Вы не видали, какъ онъ вздрогнулъ, когда взглянулъ на нее?

— Можетъ, и знаетъ, а все-таки хорошій человекъ. Лицо-то у него такое доброе.

На другой день, по утру, первый визитъ Валерьяна Петровича былъ къ Варенькѣ. Ей нисколько не было лучше. Въ ней съ удивительной быстротой развивалась нервическая горячка. Валерьянъ Петровичъ перемѣнилъ лекарство, и опять, около часа, просидѣлъ у постели новой пациентки. Онъ былъ заинтересованъ вдвойнѣ: какъ медикъ, и какъ человекъ, когда-то любившій ее.

Варенька въ бреду не разъ поминала имя Мишеля. Это навело Валерьяна Петровича на разныя предположенія, которыя были почти безошибочны. Утромъ онъ заѣхалъ къ Ницѣ и разсказалъ ей, какъ и въ какомъ положеніи нашлась Варенька. Ника тотчасъ же хотѣла идти къ ней, но онъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ, при ея болѣзни малѣйшее потрясеніе для нея можетъ быть смертельно. Я почти не радъ, что судьба устроила такъ, что явился къ ней я, а не другой какой-нибудь докторъ. Она, было, узнала меня, но съ тѣхъ поръ все бредитъ. Вы пойдете къ ней, когда она выздоровѣетъ?

— Но выздоровѣетъ-ли она? спросила Нина, со слезами въ глазахъ.

— Надо надѣяться, отвѣчалъ Валерьянъ Петровичъ, съ грустной улыбкой.

Нина все-таки пошла къ Варенькиной хозяйкѣ. Она разспросила ее о своей бывшей подругѣ, оставила ей денегъ на из-

держки для больной. Убедительно просила ее и дочерей, хорошенько ходить за Варенькой, и строго запретила сказывать ей, что была, ссылаясь на запрещеніе доктора.

Валерьянъ Петровичъ заходилъ въ тотъ день къ Варенькѣ три раза. Хозяйка не могла надивиться его добротѣ. Но, не смотря на то, что онъ всею душою желалъ вылечить свою больную, нервическая горячка упорно боролась съ его искусствомъ. Прешло полторы недѣли. Варенька начала понемногу понимать, что вокругъ нея дѣлается. Прекрасенъ былъ для Валерьяна Петровича тотъ день, когда Надя, встрѣтивъ его въ передней, сказала ему съ радостной улыбкой:

— Она узнала меня сегодня.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Валерьянъ Петровичъ.

— Да, да, узнала. Хотѣла говорить, но я ей сказала, что вы не ведѣли.

— И прекрасно сдѣлали.

Валерьянъ Петровичъ вошелъ въ комнату къ больной съ самымъ веселымъ лицомъ.

— Вотъ мы и начинаемъ выздоравливать, сказалъ онъ, подойдя къ постели, и взявъ Вареньку за руку, чтобъ пощупать пульсъ.

Она подняла глаза, но въ ту же минуту опустила ихъ, и чуть-чуть замѣтный, розовый оттѣнокъ медькнулъ на ея болѣзненнымъ лицѣ.

— Пульсъ хорошъ, продолжалъ Валерьянъ Петровичъ, какъ будто ничего не замѣчая, и даже цвѣтъ лица лучше.

Варенька хотѣла что-то сказать.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебилъ ее Валерьянъ Петровичъ, вы еще слишкомъ слабы, я не позволяю вамъ говорить. Вамъ всею нужнѣе теперь спокойствіе, прибавилъ онъ, дѣлая удареніе на этомъ словѣ и пристально взглянувъ на свою пациентку. Совершенное спокойствіе, тѣлесное и душевное. Старайтесь ни о чемъ не думать и ничѣмъ себя не тревожить. Если вы будете меня слушаться, то мы скоро уберемъ всю эту латинскую кухню, сказалъ онъ, указывая на стѣянки, стоявшія на столицѣ подлѣ постели, и посмотрѣлъ на Вареньку такъ радостно, съ такимъ чувствомъ, что даже Надя, сидѣвшая, по обыкновенію, съ пальцами въ той же комнатѣ, замѣтила въ этомъ взглядѣ что-то сильнѣе простаго участія. Валерьянъ Петровичъ опѣшилъ уйти. Онъ былъ взволнованъ, а докторъ не виѣтегъ права предаваться

своими ощущеніями въ присутствіи своихъ больныхъ. Въ этотъ день онъ ужь не зашелъ больше, но за то на другой день поутру просидѣлъ у Вареньки около получаса, старался ее забавлять, разсказалъ ей нѣсколько веселыхъ городскихъ новостей и смѣшныхъ анекдотовъ, которые заставили ее улыбнуться.

— Какъ вы добры, Валерьянъ Петровичъ! проговорила Варенька съ чувствомъ безконечной благодарности, и на глазахъ ея навернулись слезы. Валерьянъ Петровичъ какъ-то иронически усмѣхнулся.

— У васъ еще очень разстроены нервы, сказалъ онъ съ легкой насмѣшкой. Я вамъ запретилъ говорить, а вы не слушаетесь. Неужели мнѣ суждено всегда съ вами ссориться. Послѣднія слова были сказаны такъ весело, какъ будто въ его сердцѣ не осталось и тѣни сожалѣнія о прошедшемъ.

— Но когда-жъ мнѣ можно будетъ говорить? спросила Варенька жалобно.

— Скоро, скоро. А покажѣте вы можете только слушать. Вотъ Надежда Ивановна вамъ разскажетъ что-нибудь, прибавилъ онъ, обращаясь къ Надѣ, только ради Бога, если она захочетъ говорить сама, такъ лучше не слушайте, уйдите.

Валерьянъ Петровичъ ушелъ. Въ передней онъ встрѣтилъ хозяйку и старую нашу знакомку Авдотью Семеновну. Она всѣми силами порывалась пробраться къ Варенькѣ.

— Да мнѣ только на минутку, упрасивала очень мягкимъ голосомъ Авдотья Семеновна, дѣло-то очень нужное.

— Нельзя, ни на четверть минутки, отвѣчалъ Валерьянъ Петровичъ, особенно о дѣлахъ-то нельзя съ ней говорить.

— Ахъ, Боже ты мой; какъ же быть-то мнѣ! Платье-то, пожалуй, пропадетъ въ закладѣ, чтобы она не разсердилась послѣ. Извините, господинъ докторъ, если я осмѣлюсь васъ спросить, скоро-ли она поправится?

— Отъ такихъ болѣзней не въ три дня поправляются, отвѣчалъ Валерьянъ Петровичъ, отворяя дверь. Выйдя на улицу, онъ пріостановился и подождалъ. Черезъ нѣсколько секундъ показалась Авдотья Семеновна. Онъ далъ ей пройти, и когда она была уже шагахъ въ двадцати отъ него, онъ догналъ ее и остановилъ.

— Скажите, пожалуйста, сказалъ онъ, зачѣмъ вамъ надо видѣть мою больную? Вы говорили, кажется, о какомъ-то заложномъ платьѣ. Говорите со мной откровенно, я принимаю

въ моей больной большое участіе, и буду очень радъ, если избавлю ее отъ какихъ-нибудь хлопотъ или затрудненій. Я ее давно знаю. Мы съ ней изъ одного города.

Авдотья Семеновна окинула его быстрымъ, пронизательнымъ взглядомъ.

— Да-съ, платью у нихъ въ закладъ. Выкупить надо.

— Сколько-жь надо денегъ?

— Восемь рублей.

Валерьянъ Петровичъ досталъ порт-монне, и далъ Авдотьѣ Семеновнѣ восемь рублей.

— Вотъ, выкупите платью, сказалъ онъ. Варвара Александровна отдастъ мнѣ послѣ, когда поправится. Она не должна за это сердиться на меня. Теперь съ ней невозможно говорить ни о какихъ дѣлахъ.

— Помилуйте, за что-жь тутъ сердиться! проговорила Авдотья Семеновна, усмѣхнувшись.

— Однако-жь, она, должно быть, терпѣла страшную нужду, замѣтить, будто мимоходомъ, Валерьянъ Петровичъ.

— Всего бывало-съ. Впрочемъ, нечего Бога-то гнѣвить напрасно, два года прожили-таки въ совершенномъ довольствѣ и нарядовъ было вдоволь, и квартира была хорошая. Ну, потомъ, разумѣется... Вѣдь эдакая жизнь не прочна. Господинъ, который содержалъ ихъ, уѣхалъ за границу, вотъ и пошли все закладывать. Ну, ужъ тутъ нечего сказать: всего натерпѣлись...

— Прощайте, проговорилъ Валерьянъ Петровичъ, мнѣ некогда.

Онъ узналъ все, что ему хотѣлось знать, и о чемъ прежде только смутно догадывался.

Когда Валерьянъ Петровичъ ушелъ отъ больной, Наденька нѣсколько минутъ смотрѣла на нее. Варенька лежала съ полужакрытыми глазами.

— Вы не спите? спросила она тихо.

— Нѣтъ.

— Я хотѣла у васъ что-то спросить, продолжала Наденька робкимъ, нерѣшительнымъ голосомъ.

— Что же?

— Вамъ знакомъ этотъ докторъ?

— Да, знакомъ. Но почему вы узнали это?

— Вы его назвали по имени.

— Я его знала еще въ городкѣ, гдѣ родилась и гдѣ живутъ мои родные.

— Онъ, кажется, такой добрый, замѣтила Наденька. Видѣ онъ все самъ ѣздилъ вамъ за лекарствомъ. А какъ онъ радъ былъ, когда вамъ стало легче. Такой веселый сталъ... Наденька замолчала.

Этотъ простой разговоръ пробудилъ въ Варенькѣ воспоминаніе о прошедшемъ, объ ея родныхъ, о нашемъ маленькомъ городкѣ, объ ея бывшей подругѣ Нинѣ, и наконецъ она задумалась о Валерьянѣ Петровичѣ.

— Да, онъ добръ, прошептала она, и двѣ жгучія слезы выкатились изъ ея глазъ на подушку.

На другой день Валерьянъ Петровичъ пришелъ навѣстить ее точно такой же веселый и довольный своею судьбою, какъ и накануне. Варенька выздоравливала медленно. Черезъ нѣсколько дней, когда она уже могла сидѣть на постели, онъ позволилъ ей говорить. Она стала, было, благодарить его; но Валерьянъ Петровичъ не далъ ей докончить.

— Что объ этомъ толковать, перебилъ онъ ее, я докторъ, и сдѣлалъ только мое дѣло. Всякій другой на моемъ мѣстѣ вылечилъ бы васъ точно также. Дѣло не въ томъ. А вотъ, что я вамъ скажу. У меня есть для васъ очень пріятный сюрпризъ; но теперь еще рано, я подожду, пока вы встанете съ постели.

Варенька догадывалась, что это былъ за сюрпризъ. Нѣсколько разъ хотѣла она спросить Валерьяна Петровича о Нинѣ, но имя подруги всякій разъ замирало у нея на губахъ.

Нина была за-мужемъ. Безъ сомнѣнія, она была доброй женой и доброй матерью, а Варенька падшая дѣвушка. Разстояніе между ними было большое. Варенька сознавала это. Ей было почти страшно увидѣться съ подругой. Нина, довѣрчивая, откровенная сама, потребовала бы и отъ нея разказа объ ея прошлой жизни. Варенькѣ оставалось или безсовѣстно обманывать подругу, или рассказать ей все, рискуя потерять ея уваженіе и дружбу.

Поэтому, когда она встала съ постели, и Валерьянъ Петровичъ, думая ее обрадовать, началъ ей рассказывать о Нинѣ, о томъ, какъ Нина давно нетерпѣливо желаетъ ее видѣть, Варенька поблѣднѣла и не отвѣчала ни слова.

— Я позволилъ ей навѣстить васъ завтра утромъ, сказалъ Валерьянъ Петровичъ въ заключеніе.

Варенька не выдержала этой душевной пытки.

— Не надо, вскричала она, заливаясь слезами, я не хочу, чтобы она приходила, я не хочу ее видѣть.

— Что съ вами? спросилъ Валерьянъ Петровичъ, пристально и съ удивленіемъ взглянувъ на нее. Я понимаю, прибавилъ онъ, взявъ ее за руку и щупая пульсъ, это еще остатки болѣзни. Вы слабѣе, нежели я думалъ. Вамъ неприятно всякое волненіе, малѣйшая переменна, каждое новое лицо, не такъ ли? Въ такомъ случаѣ подождемъ. Я скажу Нинѣ Николаевнѣ, что, какъ докторъ, не могу еще разрѣшить ей повидаться съ вами.

Но Варенька уже опомнилась.

— Нѣтъ, нѣтъ, проговорила она, отирая слезы, я сумасшедшая. Пусть Нина придетъ, и поскорѣе. Я такъ часто о ней думала. Попросите ее навѣстить меня сегодня же.

Валерьянъ Петровичъ улыбнулся.

— Сегодня нельзя. Вы и безъ того взволнованы. Завтра утромъ я заѣду къ вамъ и посмотрю, что будетъ. Если вы будете также благоразумны и хладнокровны, какъ, напримѣръ, я, то Нина Николаевна придетъ къ вамъ, а теперь прощайте, старайтесь ни о чемъ не думать.

Но, напротивъ того, Варенька весь остальной день думала очень много. Мысль, что добрая, довѣрчивая Нина придетъ къ ней съ тѣмъ же расположеніемъ и съ тѣми же чувствами, которыя питала къ ней прежде,—приводила ее въ отчаяніе. Для сердца, не совсѣмъ еще испорченнаго, тяжело пользоваться уваженіемъ, котораго мы не заслуживаемъ. Наконецъ Варенька рѣшилась откровенно все рассказать подругѣ. Лучше казнить себя самому, нежели ждать, чтобъ какой-нибудь случай далъ это право нашимъ друзьямъ. На слѣдующее утро Валерьянъ Петровичъ нашелъ, что его больная достаточно спокойна.

— Вотъ этакъ гораздо лучше, сказалъ онъ, за то я сей-часъ поѣду къ Нинѣ Николаевнѣ.

Не прошло часа по его уходѣ, какъ дверь Варенькиной комнаты отворилась, и въ ней появилось милое, улыбающееся лицо Нины.

— Варя! вскричала она, бросаясь обнимать подругу съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ и бывало. Какъ я рада, что наконецъ нашла тебя. Бѣдняжка! какъ ты похудѣла, ты очень была больна? Я давно хотѣла къ тебѣ придти, но этотъ злой Валерьянъ Петровичъ не пускалъ меня. А вѣдь привела же судьба лечить

тебя. Но расскажи мнѣ, что ты дѣлала съ тѣхъ поръ, какъ мы расстались? Я писала къ тебѣ изъ В., но на последнее мое письмо ты не отвѣчала. Знаешь—я за-мужемъ. У меня есть сынъ. Ты представь себѣ только, какое счастье имѣть сына! Нина смѣялась, и вся какъ будто сіяла радостью. Правда, онъ порядочная плакса, и до сихъ поръ я еще никакого утѣшенія отъ него не вижу. Цѣлый день надо съ нимъ возиться, но за то онъ такой хорошенькій, такіе славные черные глазенки. Ты не знаешь, скоро тебѣ Валерьянъ Петровичъ позволить выходить?

— Не знаю. Я его еще не спрашивала.

— Если еще не очень скоро, то я приведу къ тебѣ моего сына и мужа. Мнѣ очень хочется васъ поскорѣй познакомиться. Но, Боже мой, Варенька, отчего ты такая печальная? Ты еще, кажется, очень слаба.

— Нѣтъ, теперь я могу ходить. Прежде я не могла руки поднять, но я какъ-будто бы проснулась отъ трехдневнаго сна... Не могу еще опомниться хорошенько. Голова не болитъ, а между тѣмъ я не могу даже долго думать объ одномъ предметѣ: сей-часъ устану и забуду, о чемъ думала.

— Это слабость. Тебѣ не надо и напрягать головы, ты не думай, а лучше расскажи мнѣ, гдѣ ты жила, много-ли веселилась... Знаешь, Валерьянъ Петровичъ, кажется, все еще любить тебя по-прежнему. Какъ онъ, бѣдненькій, скучалъ, когда ты уѣхала изъ В. съ твоими фонъ-дерь-Штерне. Хорошо тебѣ было у нихъ?

— Нѣтъ!

— Давно ты отошла отъ нихъ?

Варенька не отвѣчала.

— Нина, сказала она наконецъ дрожащимъ голосомъ, я не буду спокойна, пока не расскажу тебѣ всего, что у меня на душѣ. Я люблю тебя, я нетерпѣливо желала тебя видѣть, а между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ ты пришла ко мнѣ, каждое твое слово заставляетъ меня страдать. Выслушай меня, и потомъ ты поступай, какъ хочешь. Я никогда не забуду, съ какою добротой, съ какимъ участіемъ пришла ты ко мнѣ.

И Варенька крѣпко пожала ей руку.

— Ты меня просто пугаешь, Варя, какой торжественный тонъ! Ради Бога, рассказывай поскорѣй. Нина подвинулась къ подругѣ, устремила на нее глаза, полные участія и наивнаго любопытства.

Варенька принялась рассказывать ей свою историю съ тѣхъ поръ, какъ онѣ разстались. Нѣсколько разъ во время рассказа щеки ея вспыхивали, на глазахъ наворачивались слезы, и она не смѣла взглянуть на подругу. Но она мужественно продолжала свою исповѣдь и добралась наконецъ до настоящей минуты. Нина не прерывала ее ни разу, ни однимъ словомъ, ни восклицаніемъ. Только лицо отражало живо, во все продолженіе рассказа, ея ощущенія. Нина принадлежала къ числу тѣхъ чистыхъ, свѣтлыхъ созданій, для которыхъ всякое нарушеніе долга рѣшительно невозможно. Добродѣтельными женщины дѣлятся на два класса: однѣ добродѣтельны по природѣ, по воспитанію, по сильно развитому чувству сознанія собственнаго достоинства, другія добродѣтельны потому только, что судьба ставила ихъ во все продолженіе ихъ жизни въ такое положеніе и среди такой обстановки, что или искушеніе было далеко отъ нихъ, или онѣ не могли увлечься имъ. Эти-то женщины всегда бываютъ неутомимы къ своимъ падшимъ сестрамъ. Нина была не такова. Рассказъ Вареньки удивилъ ее, опечалилъ, но возбудилъ въ ней не негодованіе, а жалость. Нина знала свѣтъ и людей еще меньше, чѣмъ ея подруга. Такія явленія, какъ статскій совѣтникъ фонъ-деръ-Штерне, Авдотья Семеновна и даже самъ герой романа Мишель были для нея совершенною новостью. Она задумалась о нихъ. Варенька, кончивъ рассказывать и видя, что подруга ея молчитъ, приняла ея молчаніе за нѣмое осужденіе.

— Прощай, Нина, проговорила она, рѣшившись наконецъ взглянуть на подругу.

Въ голосѣ ея было столько грусти, столько удерживаемыхъ слезъ, что Нина вздрогнула.

— Что ты, Варя, вскричала она, что съ тобой? вѣдь ты за твои поступки отвѣчаешь только самой себѣ. Конечно, жаль, что все это такъ случилось, но ужъ это все прошло, а прошедшаго не воротить. Притомъ же, право, ты не такъ виновата, какъ тебѣ кажется. Еслибъ ты не попала въ домъ къ такимъ гадкимъ людямъ, какъ фонъ-деръ-Штерне, ничего бы этого не было... Напрасно ты тогда уѣхала изъ В. Ты не любила Валерьяна Петровича, а вѣдь онъ въ тысячу разъ честнѣе такихъ людей, какъ Мишель. Мнѣ кажется, что онъ и теперь тебя любитъ точно такъ же, какъ и прежде. Но, впрочемъ, что объ этомъ толковать. Слава Богу, что онъ тебя вылечилъ. Теперь

надо подумать о томъ, какъ бы тебѣ устроиться. Скажи, что ты намѣрена дѣлать?

Варенька рассказала Нинѣ свои планы. Ей хотѣлось устроить себѣ независимый, хотя бы крошечный уголокъ, гдѣ она не была бы подъ вѣчной ферилой, какъ обыкновенно бываютъ гувернантки въ чужихъ семействахъ. Понятія Вареньки развились до такой степени, что серьезный, послѣдовательный трудъ казался ей необходимымъ условіемъ жизни. Только одинъ трудъ могъ облагородить и утѣшить ее. Прошедшее не наше, но настоящимъ мы всегда можемъ распорядиться. Варенькѣ хотѣлось трудиться такъ, чтобы быть въ состояніи самой содержать себя.

— Ты можешь давать уроки музыки? спросила Нина. Вѣдь ты хорошо играешь?

— Могу.

— Такъ вотъ и прекрасно.

Нина долго еще просидѣла у Вареньки. Она ее успокоила, ободрила. Не смотря на всю чистоту души, Нина понимала, что если теперь ничья рука не поддержитъ Вареньку, то ей будетъ очень трудно идти предназначеннымъ путемъ. Съ этого дня Варенька стала быстро поправляться. Только характеръ ея совершенно измѣнился: она не только стала серьезна, но даже нелюдимка. Надя привязалась къ ней тою рабскою привязанностью, смѣшанною съ боязливымъ уваженіемъ, какую сердца добрыя, простые чувствуютъ обыкновенно къ существамъ, превосходство которыхъ они сознаютъ. Въ ея глазахъ Варенька была красавицей, умницей, и она отъ всей души жалѣла, что судьба не дала Варенькѣ въ избыткѣ всѣхъ земныхъ благъ. За то она старалась вознаградить такую несправедливость судьбы всѣмъ, что было въ ея власти: она почти всегда сидѣла въ ея комнатѣ, чтобы быть наготовѣ, если понадобится отъ нея какая-нибудь услуга. Бралась-ли Варенька за щетку, чтобы подмести полъ, Наденька сей-часъ вскакивала изъ-за палецъ и отнимала у ней щетку, приговаривая:

— Оставьте, оставьте, это не ваше дѣло. Вы полчаса будете подметать, да еще устанете, а у меня въ пять минутъ будетъ готово. Я ужъ привыкла къ этому. Точно также поступала она и во множествѣ другихъ подобныхъ случаевъ. Часто заводила она съ Варенькой рѣчь о Валерьянѣ Петровичѣ. Она была убѣждена, что докторъ по-уши влюбленъ въ свою больную, и вся-

чески старалась сообщить и Варенькѣ это убѣжденіе. Варенька отпѣкивалась и печально улыбалась.

— А какой онъ добрый, и какіе у него глаза славные! прибавляла Наденька. Особенно когда онъ на васъ смотритъ, такъ какъ вотъ будто вся душа его къ вамъ просится. Онъ женится на васъ, помяните мое слово.

Наденька не знала, какъ растравляла она сердце Вареньки этими наивными замѣчаніями. Валерьянъ Петровичъ по-прежнему продолжалъ ходить къ своей пациенткѣ, и эти визиты обрѣтались у него наконецъ въ привычку. Не проходило дня, чтобъ онъ не заходилъ къ Варенькѣ, утромъ или вечеромъ, иногда на нѣсколько минутъ, иногда просиживалъ долго. Онъ выбиралъ для нея книги.

— Для того, говорилъ онъ, что ей еще опасно заниматься чѣмъ-нибудь серьезно. Онъ давалъ большею частію путешествія. Романы онъ строго запрещалъ. По его словамъ, романы слишкомъ сильно дѣйствуютъ на нервическія женскія натуры. Всегда рассказывалъ онъ Варенькѣ, гдѣ бывалъ, что видѣлъ, что слышалъ интереснаго, все, что могло развлечь ее. Но никогда не было поминна о прошломъ, ни даже самаго легкаго намека о немъ.

Пока Варенька хворала, наступило уже совершенное лѣто. Утро было прекрасное. Нина жила недалеко. На звонъ колокольчика, ей отворила дверь пожилая женщина, опротиво одѣтая. Не успѣла Варенька спросить, дома-ли Нина, какъ изъ передней растворились двери, и ея подруга съ веселымъ лицомъ бросилась обнимать ее.

— Пойдемъ, пойдемъ, говорила она, уводя Вареньку въ другія комнаты, въ передней холодно, не снимай пальто. Какъ я рада, что ты выходишь наконецъ. Вѣдь ты останешься у меня на цѣлый день, не правда-ли? Я тебя познакомлю съ моимъ мужемъ, покажу тебѣ все мое хозяйство...

Она сняла въ спальнѣ съ Вареньки шляпку и пальто.

— Садись сюда, здѣсь тебѣ будетъ покойно, прибавила она, усаживая Вареньку на мягкую кушетку.

— Какъ ты мило живешь, проговорила Варенька, оглянувшись.

— Да. Ты видишь, я, по старой привычкѣ, не позволяю себѣ никакой роскоши. Да и нельзя: мужъ мой получаетъ столько, сколько надо, чтобъ прожить безъ лишннихъ затѣй. А мы

еще взяли себя за правило непременно каждый годъ хоть что-нибудь откладывать. Все наше жилище, какъ видишь, состоитъ изъ трехъ комнатъ. Вотъ это спальня, та комната наша гостиная, все, что хочешь, смотря по обстоятельствамъ и по времени. За нею крошечная каморочка въ одно окно называется кабинетомъ моего мужа.

Въ это время ребенокъ, спавшій на маленькой кроваткѣ, проснулся.

— Вотъ это моя самая большая драгоценность, рекомендую тебѣ, сказала Нина, подойдя къ кроваткѣ. Извини, прибавила она, взявъ его на руки, у меня въ домѣ всего одна прислуга. Я сама нянчусь съ моимъ сыномъ.

Нина поцѣловала ребенка.

— Но какъ же ты дѣлаешь, когда тебѣ надобно идти куда-нибудь?

— Я мало выхожу, только когда надо за дѣломъ. Видишь, какъ мы распорядились: я держу одну прислугу, но плачу ей хорошее, даже слишкомъ хорошее жалованье, мнѣ ее рекомендовали съ очень хорошей стороны, и въ самомъ дѣлѣ, на нее можно положиться. Когда мнѣ надо идти со двора, я спокойна. На балы я не выѣзжаю, всѣ наши удовольствія ограничиваются зимой театромъ, а лѣтомъ прогулками за городъ, но и этими удовольствіями пользуемся мы довольно умѣренно. Вотъ, когда этотъ господинъ выростетъ, тогда я буду покониться на лаврахъ, прибавила она съ улыбкой, и позволю себѣ немножко пороскошничать, а пока съ нетерпѣніемъ жду, чтобъ онъ началъ ходить. Ужасно много времени отнимаетъ.

— Есть у тебя знакомые? спросила Варенька.

— Къ мужу ходятъ нѣсколько человѣкъ пріятелей, а изъ дамъ я знакома только съ двумя, да ты третья. Ты удивляешься, не правда-ли?

— Нѣтъ, отвѣчала Варенька задумчиво, мнѣ кажется, и я бы не желала другой жизни.

— Право? спросила Нина. А помнишь, какъ ты любила общество, блескъ, наряды. Ты считала богатство непремѣннымъ условіемъ счастья.

— Я ненавижу многое, что любила прежде, отвѣчала Варенька. Но все-таки, еслибъ я была богата, то, можетъ быть, не страдала бы такъ, какъ страдала, и не была бы такъ несчастна.

Въ продолженіе дня Варенька могла убѣдиться, что Нина дѣйствительно была такъ счастлива, какъ говорила. Къ обѣду мужъ ея пришелъ домой. Его открытое, доброе и веселое лицо съ перваго взгляда внушало хорошее мнѣніе объ его характерѣ. Онъ былъ очень пріятливъ съ Варенькой, нянчился со своимъ сыномъ съ истинно отцовскимъ наслажденіемъ и, когда взглядъ его упалъ на жену, видно было, что онъ не отвыкъ еще отъ привычки любоваться ею. Трудно было подобрать пару, болѣе согласную въ правдахъ, убѣжденіяхъ, привычкахъ и даже характерѣ. Варенькѣ стало вполне понятно, что при такихъ условіяхъ не надо для счастья ни богатства, ни постороннихъ удовольствій. Она не завидовала подругѣ, но когда вечеромъ возвратилась домой, и осталась одна въ своей маленькой комнатѣ, ей невольно сгрустилось. Ея тяжелое прошлое и безрадостная будущность возстали въ ея воображеніи, какъ мрачныя pendants въ свѣтлой картинѣ семейнаго счастья ея подруги.

— И я, подумала Варенька, могла бы быть точно также счастлива, еслибъ послушалась Валерьяна Петровича и осталась въ В. Я не умѣла потерпѣть немного и во время, не хотѣла перенести семейныхъ непріятностей, за то теперь никогда не буду наслаждаться семейнымъ счастьемъ.

На другой день она проснулась рано. Ее давно уже тревожила забота о томъ, какъ бы поскорѣй приискать себѣ какія-нибудь занятія. Теперь она была здорова, нора было приниматься за дѣло. Хозяйка и дочери ея были очень добры съ ней. Варенька рѣшилась посоветоваться съ ними. У нихъ не было знакомыхъ, но имъ отдавали работу во многихъ хорошихъ домахъ, гдѣ онѣ могли рекомендовать ее, чтобъ давать уроки. Это средство ей удалось. Напротивъ жила одна богатая дама, для которой часто вышивали дочери хозяйки. Надя понесла работу и рассказала, какъ къ нимъ переѣхала одна бѣдная дѣвица, захворала, долго была больна, теперь поправилась и ищетъ уроковъ. Богатая дама сказала Надѣ, чтобы Варенька пришла къ ней. Варенька отправилась съ радостью. Дама, переговоривъ съ ней, предложила ей приходить по утрамъ учить ея дочь, дѣвочку лѣтъ осьми. Варенька была очень довольна этимъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что вознагражденіе превосходило ея ожиданіе. Богатая дама назначила ей за труды двадцать-пять рублей въ мѣсяцъ. Послѣ обѣда у ней оставалось еще много свободнаго времени. Въ продолженіе трехъ или четырехъ мѣ-

сѣцевъ она приобрѣла еще нѣсколько уроковъ музыки, такъ что существованіе ея не только было обезпечено каждый мѣсяцъ, но при строгой экономіи, которую она предписала себѣ, она могла выплатить свой долгъ Нинѣ и по совѣту ея стала откладывать на черный день. Желаніе Вареньки исполнилось. Она жила своими трудами, честно, не терпѣла недостатковъ, ни отъ кого не завистѣла, могла каждый праздникъ располагать по своей волѣ цѣлымъ днемъ и въ будни каждый вечеръ пользовалась нѣсколькими часами отдыха. Но, между тѣмъ, она все становилась серьезнѣе и даже печальнѣе. Лицо ея постоянно выражало глубокое уныніе.

Отношенія Валерьяна Петровича къ Варенькѣ становились все болѣе и болѣе дружественными, почти братскими. Онъ скоро сдѣлался домашнимъ человѣкомъ въ семействѣ, гдѣ жила Варенька. Онъ принялся лечить старушку отъ ревматизма. Ея благодарность къ доктору была безпредѣльна. Дочери ея, въ особенности Наденька, смотрѣли на него, какъ на добраго генія, посланнаго Провидѣніемъ. Въ маленькой комнаткѣ Вареньки часто собиралось по вечерамъ все семейство. Дѣвушки работали, Валерьянъ Петровичъ читалъ имъ вслухъ. Ему было такъ хорошо въ маленькой комнаткѣ, гдѣ всѣ наперерывъ старались угодить ему, гдѣ всѣ любили его. Такіе же точно вечера, но только не такъ часто, случались и у Нины. Невозможно было не замѣтить, что Валерьянъ Петровичъ любилъ Вареньку точно такъ же, какъ и прежде. Онъ никогда не намекалъ ей на свои чувства, но его постоянное желаніе всегда развлекать ее, удовольствіе, ясно выражавшееся на лицѣ его, когда онъ смотрѣлъ на нее, наконецъ эти вечера, которые проводилъ онъ виѣстѣ съ нею, — по всему этому невозможно было ошибиться. Нина отъ всего сердца радовалась за свою подругу. Ее только удивляло, что Варенька, не смотря на то, что могла быть довольна своимъ положеніемъ, послѣ всего, что перенесла, — постоянно была скучна, худѣла и блѣднѣла. Нина вообразила, что она еще любитъ Мишеля, и разъ какъ-то кстатѣ навела разговоръ на прошлую жизнь Вареньки и спросила у ней, не груститъ-ли она о Мишелѣ.

— Нѣтъ, отвѣчала Варенька, чѣмъ я больше узнаю людей, тѣмъ болѣе понимаю его ничтожество. Мнѣ даже странно, что я могла любить его...

— Но если бы онъ вдругъ встрѣтился съ тобою и какимъ-

нибудь чудомъ предложилъ тебѣ выйти за него за-мужъ?..

— Я бы не вышла, вскричала Варенька. Ни за что на свѣтѣ.

Въ ея голосѣ было столько негодованія и презрѣнія, что невозможно было сомнѣваться въ искренности ея словъ.

— Отчего? спросила Нина, стараясь добиться съ женской настойчивостью до своей цѣли.

Варенька пожала плечами.

— Видишь, сказала она, моя жизнь не завидна, я должна работать для куска насущнаго хлѣба, должна отказывать себѣ во многомъ. У меня нѣтъ будущности, нѣтъ ни одной свѣтлой мечты, ни одной утѣшительной надежды. Такъ, какъ живу теперь, проведу я, можетъ быть, длинныя, безрадостныя годы и потомъ улягусь въ могилу, не оставивъ по себѣ отраднаго воспоминанія ни въ чьемъ сердцѣ. И все-таки я предпочитаю эту жизнь замужеству съ человѣкомъ, котораго не могу ни любить, ни уважать. Теперь моя жизнь только печальна, а еслибъ я вышла за Мишеля, она стала бы настоящею пыткой для меня и для него.

— Отчего-жь для него? спросила Нина.

— Оттого, что еслибъ въ порывѣ великодушія, — чего, впрочемъ, никогда не будетъ, — онъ предложилъ мнѣ выйти за него, то на другой же день раскаялся бы. У него нѣтъ характера, а мнѣ кажется, человѣкъ безхарактерный никогда не можетъ быть истинно добръ.

— Но скажи мнѣ, отчего, перебила ее Нина, ты всегда такъ скучна? У тебя какъ-будто есть какое-нибудь горе на сердцѣ.

— Я думаю, что отъ обстоятельствъ мой характеръ сложился такъ, что я утратила навсегда способность веселиться или радоваться.

Нина пристально посмотрѣла на нее.

— Надѣюсь, что не навсегда, отвѣчала она шутливо. Знаешь-ли, что ты сокрушаешь меня. Посмотри, какъ ты худѣешь, да и не одну меня ты сокрушаешь. Развѣ тебѣ не жаль Валеряна Петровича?

— Перестань, Нина, проговорила Варенька тихо и покраснѣла.

Нина замолчала, но съ этихъ поръ она стала внимательно наблюдать за подругой, а отъ женскихъ глазъ рѣдко что укроется, если только они начнутъ прилежно за чѣмъ-нибудь слѣ-

дить. Вскорѣ Нина убѣдилась, що Варенька любила Валерьяна Петровича.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Прошла скучная осень, а за ней и зима. Съ наступленіемъ весны, петербургскіе жители стали переселяться на дачи.

Нина и мужъ ея, по совѣту Валерьяна Петровича, наняли маленькій домикъ, въ одной изъ деревень близъ Петербурга. Нина была въ восторгѣ. Мѣсто, которое они выбрали, было довольно уединенно. Не надо было наряжатся съ семи часовъ утра въ дорогія утреннія неглиже, а сынъ Нины и сама она могли проводить цѣлые дни подъ открытымъ небомъ, въ маленькомъ садикѣ или, лучше сказать, огородѣ, принадлежавшемъ къ нанятому домику. Крімъ того, въ ста шагахъ отъ большой дороги, была сосновая роща. Для Нины, привыкшей съ дѣтства гулять по лѣсамъ и горамъ, окружавшимъ В., эта роща была гораздо привлекательнѣе многихъ болотистыхъ садовъ, которыми изобилуютъ невскіе берега.

Въ началѣ мая все семейство переѣхало въ деревню. Нина взяла съ Вареньки слово, что она прїѣдетъ на всѣ каникулы гостить къ ней. Она даже приготовила для нея маленькую комнату. Нина замѣтила, что съ весною появился у Вареньки сухой, отрывистый кашель, и полагала, что здоровый деревенскій воздухъ и нѣсколько недѣль отдыха принесуть пользу ея подругѣ. Когда настали каникулы, Варенька переселилась къ Нинѣ.

Для жителя или жительницы большого города, гдѣ, въ продолженіе зимы, глазъ привыкнетъ къ каменнымъ стѣнамъ, — ничего не можетъ быть прїятнѣе, какъ первыя ощущенія, которыми дарить деревня. Чувство свободы и простора, видъ лѣса и ничѣмъ нескрываемаго отъ глазъ горизонта радуютъ сердце. Къ концу лѣта эти ощущенія тупѣють, но въ началѣ они восхитительны. Варенька испытала ихъ вліяніе. Она стала веселѣй, прежняя живость возвратилась къ ней. Нина обрадовалась, но не надолго. Дня черезъ три или четыре, ея подруга стала, по прежнему, серьезна и молчалива. Добрую Нину это приводило въ отчаяніе. Она видѣла, что Валерьянъ Петровичъ любитъ Вареньку, и безошибочно догадывалась, что Варенька платитъ ему тѣмъ же чувствомъ.

— Но когда же наконецъ они поймутъ другъ друга, думала она, и въ ней возродилась мысль помочь имъ сблизиться. Она

поговорила объ этомъ мужу и высказала ему все свое негодование на Валерьяна Петровича.

— Оставь, отвѣчалъ мужъ, онъ когда-нибудь выскажется ей.

— Но когда же это будетъ? отвѣчала Нина нетерпѣливо. Развѣ ты не видишь, какъ она чахнетъ.

— Вѣрно и онъ это видитъ, отвѣчалъ мужъ.

Но Нина, на этотъ разъ, рѣшилась не послушаться мужа: она воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ объясниться съ Валерьяномъ Петровичемъ.

Было прекрасное июльское утро. Варенька ушла въ рощу съ книгою, что означало, что она намѣрена оставаться тамъ до обѣда. Нина сидѣла въ саду на скамейкѣ и шила. У ногъ ея въ песокъ игралъ ея сынъ. Мужъ Ницы былъ въ городѣ. Она ожидала его къ четыремъ часамъ. Вдругъ послышался дребезжащій стукъ дрожекъ и на дорогѣ показалась пыль. Дрожки остановились у калитки сада.

— Валерьянъ Петровичъ! вскричала Нина, идя къ нему на встрѣчу.

— Здравствуйте, проговорилъ Валерьянъ Петровичъ, соскочивъ съ дрожекъ, я встрѣтился въ городѣ съ вашимъ мужемъ. Онъ послалъ меня къ вамъ обѣдать. Я отдѣлялся отъ моихъ больныхъ и явился, какъ видите.

— И прекрасно сидѣли.

Они пошли къ скамейкѣ, подлѣ которой игралъ ребенокъ.

— Да какой же молодецъ вашъ сынъ, сказалъ Валерьянъ Петровичъ, сѣвъ и любуясь красными щечками и блестящими глазенками мальчика.

— Досадно, ничего не говорить, сказала Нина.

Валерьянъ Петровичъ засмѣялся.

— Какъ вы нетерпѣливы! замѣтилъ онъ.

— Вы еще и въ В. упрекали меня за этотъ недостатокъ, отвѣчала Нина.

— А что Варвара Александровна! спросилъ Валерьянъ Петровичъ.

— Ушла въ рощу. Кстати, прибавила она, я хотѣла съ вами поговорить о Варенькѣ.

Скамейка, на которой они сидѣли, была очень близка отъ низенькаго домика. Нина встала, подошла къ отворенному окну и приподняла темного стору. Въ комнатѣ никого не было. Нина возвратилась къ скамейкѣ.

— Валерьянъ Петровичъ, начала она, съвъ подлѣ него и какъ-то боязливо и нерѣшительно взглянувъ на него украдкой изъ подъ длинныхъ рѣсницъ: Варенька меня очень беспокоитъ.

— Чѣмъ? спросилъ Валерьянъ Петровичъ, закуривая сигарку.

— Она больна. Замѣтили вы, какъ она худѣетъ?

— Замѣтилъ, отвѣчалъ хладнокровно Валерьянъ Петровичъ.

— Боже мой, какъ вы равнодушно говорите объ этомъ! вскричала Нина съ нетерпѣніемъ. Я думала, что вы принимаете въ ней участіе, и потому заговорила съ вами объ ея болѣзни.

— Да чтожь мнѣ дѣлать, когда тутъ ничѣмъ нельзя помочь?

— Нельзя! вскричала Нина съ испугомъ, развѣ она уже такъ опасна?

— Вотъ ужъ сей-часъ и опасна, проговорилъ Валерьянъ Петровичъ съ усмѣшкой, у женщины все крайности.

— Но какъ же, что нельзя помочь?

— Да вѣдь я не Богъ, отвѣчалъ почти съ досадой Валерьянъ Петровичъ. Я могу лечить только тѣлесныя болѣзни, а не душевныя.

Нина быстро взглянула на него.

— Такъ вы думаете, что ея болѣзнь душевная.

— Думаю, что такъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Нина не знала какъ продолжать. Но, рѣшившись разъ высказать все, что было у ней на душѣ, она рассчитала, что прямой путь самый вѣрный, и пошла прямо къ цѣли.

— Я никогда не спрашивала у ней, о чемъ она скучаетъ, но мнѣ кажется, что вы не ошибаетесь. Валерьянъ Петровичъ, продолжала она робкимъ и ласковымъ голосомъ, простите—ли вы мнѣ вопросъ очень нескромный и неумѣстный, но который я рѣшилась вамъ сдѣлать потому только, что Варенька серьезно беспокоитъ меня. Вы не повѣрите, какъ мнѣ жаль ее.

— Говорите, отвѣчалъ Валерьянъ Петровичъ, отряхая пепель съ сигары и стараясь не встрѣтиться глазами съ Ниной.

— Вѣдь вы любили ее? спросила Нина чугъ слышно.

— Любилъ, отвѣчалъ Валерьянъ Петровичъ твердымъ, звучнымъ голосомъ.

Щеки его слегка загорѣлись.

— А теперь? прибавила Нина едва дыша.

— И теперь люблю.

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричала Нина, какъ я рада.

— Чемужъ вы радуетесь? спросилъ Валерьянъ Петровичъ съ прежнимъ равнодушіемъ.

— Какъ чему? вотъ мило. Вы сами сказали, что Варенька больна душевной болѣзнью.

— Такъ вы полагаете, что я-то и есть эта душевная болѣзнь?

— Не только полагаю, а увѣрена.

— А я такъ увѣренъ совершенно въ другомъ, отвѣчалъ Валерьянъ Петровичъ рѣзко. Она скучаетъ да не обо мнѣ.

Нина не знала, что сказать, и не смѣла взглянуть на Валерьяна Петровича.

— Отчего вы такъ думаете? проговорила она наконецъ.

— Оттого, что это очень понятно. Обо мнѣ ей нечего скучать: кажется, она не рѣдко имѣетъ удовольствіе видѣть мою особу, и очень хорошо заключаетъ, что я все тотъ же глупецъ, какимъ былъ прежде,

— Такъ вы думаете, что она не любитъ васъ?

— Да за что меня и любить-то, право, не за что.

— А если я буду держать пари, что вы ошибаетесь.

— Провиграете.

И Валерьянъ Петровичъ взглянулъ Нинѣ прямо въ глаза такъ серьезно и пристально, что она смутилась.

— Вы говорите такъ утвердительно, сказала она наконецъ, какъ будто знаете Варенькины тайны.

— Я знаю, что она любила другаго, и полагаю, что она и теперь его любитъ.

Валерьянъ Петровичъ всталъ, сломалъ какую-то вѣтку и принялся ее ощипывать. Руки его дрожали. Рѣзкій металлическій тонъ его голоса говорилъ сильнѣе словъ.

— Кто вамъ это оказалъ? спросила Нина.

— Не все-ли равно, кто бы ни сказалъ. Довольно того, что я знаю.

— Это не правда, васъ обманули, рѣшилась проговорить Нина съ притворнымъ негодованіемъ.

Валерьянъ Петровичъ покачалъ головой и усмѣхнулся.

— Вы очень хорошо знаете, что это правда, сказалъ онъ

наконецъ. Хотите я вамъ скажу, какъ его зовутъ: Михаилъ Борисовичъ Ранцевъ.

— Но кто вамъ это сказалъ? спросила Нина почти уничтоженная.

— Довольно того, что я все знаю, все, повторилъ Валерьянъ Петровичъ вмѣсто отвѣта.

— Но вѣдь вы ее любите? повторила Нина.

— Люблю, потому что это чувство ослѣпитъ моей воли.

Лицо Нины засіяло надеждой.

— Послушайте, сказала она, слегка дотронувшись рукой до руки Валерьяна Петровича, желая пробудить его отъ тяжелаго раздумья, которое овладѣло имъ послѣ послѣднихъ словъ, — если ужъ мы дошли до такой степени откровенности, то будемъ продолжать также откровенно. Я начала этотъ разговоръ затѣмъ только, что желала вывѣдать, что у васъ на сердцѣ. Теперь, когда вы высказали больше, нежели я ожидала, я никогда не простила бы себѣ, еслибъ не оправдала въ вашихъ глазахъ Вареньку на столько, на сколько ее оправдываютъ обстоятельства.

И Нина начала съ самой первой минуты своего свиданья съ Варенькой. Она передала Валерьяну Петровичу всю исповѣдь своей бѣдной подруги, ея отчаяніе, ея презрѣніе и ненависть къ Мишелю и непоколебимую рѣшимость жить своими трудами. Нина говорила со всѣмъ увлеченіемъ женскаго краснорѣчія и не разъ слезы наворачивались у нея на глазахъ. Валерьянъ Петровичъ также былъ растроганъ. Часто восклицаніе негодованія или состраданія прерывало рассказъ Нины.

— Она, бѣдняжка, такъ много страдала и еще страдаетъ, что ей можно простить, прибавила она въ заключеніе. Вѣдь, вы простите ее, не правда-ли?

— Мы всегда прощаемъ тѣхъ, кого любимъ, проговорилъ Валерьянъ Петровичъ съ чувствомъ.

Нина вспыхнула отъ радости.

— О да, сказала она, взглянувъ на Валерьяна Петровича сіяющими глазами; я знала, что вы добры, что вы выше предразсудковъ. Варенька любитъ васъ. Я наблюдала за ней. Я знаю, что она васъ любитъ, но безнадежно, и это чувство сведетъ ее въ могилу... Спасите ее...

— Вы хотите сказать, — женитесь на ней, проговорилъ тихо Валерьянъ Петровичъ.

— Да, да, конечно, подхватила Нина. Видь вы ее любите? Дайте же ей счастье, которого она еще не встрѣчала въ жизни.

Валерьянъ Петровичъ не отвѣчалъ. Онъ провелъ рукою по лбу. Глаза его съ грустнымъ выраженіемъ какъ-то безцѣленно смотрѣли на одну точку.

— Вы не отвѣчаете? спросила Нина послѣ долгаго молчанія.

— Я уже давно думалъ объ этомъ, — проговорилъ наконецъ Валерьянъ Петровичъ.

— Такъ что же?

— Это невозможно!

Эти слова вырвались изъ его груди, какъ стоиъ.

Онъ опустилъ голову. Блѣдное лицо его выражало нестерпимое тяжелое чувство.

— Невозможно? повторила Нина. Ей не хотѣлось вѣрить тому, что слышала. Вы ее любите и говорите, что невозможно жениться на ней?

Валерьянъ Петровичъ отрицательно покачалъ головою.

— Бѣдная Варенька! прошептала Нина съ выраженіемъ глубокаго состраданія.

— Валерьянъ Петровичъ, сказала она вдругъ, повернувъ къ нему свое доброе, хорошенькое личико, помните-ли, какъ часто въ Р., когда вы были еще студентомъ, мы спорили съ вами. Помните, съ какимъ искреннимъ убѣжденіемъ увлекались вы свѣтлыми утопіями, — въ которыя я не вѣрила, и надъ которыми такъ часто смѣялась? Помните вашу любимую мечту: вы проповѣдывали, что когда человѣкъ дойдетъ до высшей степенн просвѣщенія, — когда душа его достигнетъ высшей точки развитія, на землѣ будетъ царствовать тишина, справедливость, вѣчный миръ и то чистое чувство любви къ ближнимъ, образецъ котораго показалъ самъ Спаситель... Словомъ, вы предвѣщали золотой вѣкъ. Помните это?

— Помню. Чтожь вы хотите сказать этимъ?

— А что я была права, когда смѣялась надъ вашимъ золотымъ вѣкомъ, надъ совершенствомъ человѣка. Вы такъ горячо вѣрили въ эти прекрасныя мечты, а теперь, когда дѣло коснулось собственно васъ, — вы не можете простить дѣвушку, которая вполнѣ заслуживаетъ прощенья, которую вы любите, — и которая любить васъ. Послѣ того, какъ вы думаете, на какой ступени къ совершенству стоите вы сами? Нить, продолжала Нина, помолчавъ немного, эти чудныя мечты никогда не осу-

ществомъ на землѣ, потому что человѣкъ всегда останется со своими страстями,—онъ никогда не научится прещать.

Валерьянъ Петровичъ посмотрѣлъ съ улыбкой на разгорѣвшееся лицо Нины.

— Можетъ быть, вы и правы, отвѣчалъ онъ спокойнымъ тономъ; но ошибаетесь, если думаете, что я питаю къ Варварѣ Александровнѣ непріязненное чувство. Повторяю вамъ, что я люблю ее и Богъ свидѣтель, дорого бы далъ, чтобъ она была счастлива.

— Но если это счастье зависитъ отъ васъ! сказала Нина съ выраженіемъ нетерпѣнія и досады.

— Если я женюсь на ней, мы оба будемъ несчастны. Вѣрите мнѣ, я говорю правду. Я давно и долго думалъ объ этомъ. Вы правы, какъ человѣкъ, я ушелъ не дальше моихъ ближнихъ. Какъ не люблю я ее, но между ней и мною всегда будетъ тѣнь того человѣка, котораго она предпочла мнѣ. Я ревнивъ, — это не моя вина. Притомъ же, кто поручится мнѣ, что она любитъ меня, а не его?

— Если такъ, сказала Нина, то къ чему же вы принимаете въ ней такое участіе? къ чему выказываете его на каждомъ шагѣ?

— Опять потому же, что я человѣкъ грѣшный и несовершенный. Я люблю ее: виновать-ли я, что мои чувства проявляются въ моихъ поступкахъ.

— Но, Валерьянъ Петровичъ, вы не думайте о ней. Къ чему это поведетъ? Развѣ она мало наказана, мало страдала.

— Нѣтъ, напротивъ, я обо всемъ думалъ. Хоть я далеко отъ идеальнаго героя, но все-таки я честный человѣкъ. А вѣдь и честнымъ человѣкомъ не всегда легко.

— Это что еще за загадки? говорите скорѣй, вы меня мучите.

— Я уйду отсюда, я уже переведенъ въ Г.

— И послѣ этого, вы еще говорите, что любите ее?

— Кажется, вы меня довольно знаете, я никогда не могъ терпѣть лжи и обмана. Мнѣ не легко ее оставить... но я не виноватъ. Если я женюсь на ней, то это будетъ адъ и для нее и для меня... Нѣтъ, моя жена должна быть такъ чиста, чтобъ никогда подозрѣніе не смѣло придти мнѣ на умъ.

Валерьянъ Петровичъ всталъ и началъ играть съ ребенкомъ. Между тѣмъ пріѣхалъ мужъ Нины. Нина захолопотала объ

обидѣ. Когда она вышла въ комнату Вареньки, бѣдная дѣвушка сидѣла на креслѣ у окна и горько плакала.

— Что съ тобой, Вара! вскричала она, бросааясь къ ней. Ты давно здѣсь!

— Давно, отвѣчала Варенька, посмотрѣвъ на нее съ печальной улыбкой.

— Боже мой! ты вѣрно слышала?

— Все, отвѣчала Варенька.

— И все я виновата! вскричала Нина съ отчаяніемъ, я была такъ неосторожна!

Варенька взяла ее за руку.

— Нѣтъ, ты не виновата, проговорила она, ты добрая душа, ты хотѣла мнѣ счастья. Онъ правъ, прибавила она съ невыразимой грустью, прощаетъ только Богъ, а люди никогда.

Наша исторія кончена.

Валерьянъ Петровичъ вскорѣ уѣхалъ въ Г. Варенька умерла чахоткой.

Кто изъ нихъ былъ правъ и больше виноватъ, не беремса судить. Можно только сказать почти навѣрное, что изъ ста человѣкъ девяносто девять поступили бы такъ же какъ Валерьянъ Петровичъ, хотя на словахъ, особенно въ молодости, и другое говорить.

В. САМОЙЛОВИЧЪ.

З И М А.

Вотъ и свѣжестью зимней нагнуло,
Выпалъ первый снѣжокъ на поляхъ,
Заблѣла родная дорожка,
Убѣгая въ поближнѣхъ кустахъ.

Запоздалая бѣдная травка
Изъ подъ снѣга украдкой глядитъ,
Будто лѣто роскошное вспомявъ,
Съ Божьимъ свѣтомъ прощаясь, груститъ.

Живо вспомнилъ я, старое время,
Поздней осенью первый снѣжокъ,
И темнѣющій сумракъ вечерній
И въ окошкѣ твоёмъ огонекъ!

На деревьяхъ повиснувшій иней,
И дорожку по снѣгу въ саду,
И слѣды твоей маленькой ножки
По прозрачному звонкому льду.

И снѣжокъ такъ лукаво за спину
Мнѣ засунутый ручкой твоей
И слѣды башмачковъ по тропинкѣ
Межъ покрытыми снѣгомъ полей!

ПАЛЬМИНЪ.

МЕМУАРЫ БАНДЕРА.

Происхождение парижской тайной полиции.—Похищение Вступленіе на престолъ
Карла X. — Стрѣльба жандармовъ въ улицѣ Сентъ-Дени. — Un flagrant délit. —
Момманы.—Убийство Жюльетты Фламъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПАРИЖСКОЙ ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ.

Я считаю необходимымъ сообщить здѣсь нѣсколько подробностей о происхожденіи такъ называемой тайной полиціи. Эта полиція составляетъ во Франціи одно изъ самыхъ недавнихъ учрежденій: она начинается только съ 1817 года. Кстати: не удивительно-ли, что правительству, въ теченіе такого огромнаго періода времени, не приходила въ голову такая простая мысль, какъ соединить въ одномъ общемъ составѣ извѣстное число лицъ, занятыхъ исключительно преслѣдованіемъ преступленій, раскрытіемъ продѣлокъ воровъ и захватываніемъ преступниковъ?

Эта полиція, такого недавняго происхожденія, должна бы быть совершенно отдѣлена отъ полиціи политической, и ея специальность должна бы была доставить ей неприкосновенное положеніе среди всѣхъ революціонныхъ переворотовъ, такъ какъ эта специальность должна исключительно заключаться въ охраненіи безопасности жителей и собственности.

Если бы эта полиція была направлена въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, никто, конечно, не сталъ бы оспаривать ея полезности, ни сомнѣваться въ ея необходимости; между тѣмъ, должно сознаться, съ давняго времени уже на агентовъ этой полиціи брошена тѣнь ея враженія и ненависти. Это были единственные чувства, которыя еще возбуждала въ тѣхъ жителяхъ, которыхъ нѣтъ поручалось охранять.

Нѣсколько словъ о происхожденіи этой полиціи, о тѣхъ лицахъ, которыя ее составляли, о первомъ, управлявшемъ ею начальникѣ, оправдаютъ укореженіе въ обществѣ подробнаго чувства къ полиціи.

Въ 1810 году, Видокъ сидѣлъ въ бисетрской тюрьмѣ, ожидая, вмѣстѣ съ другими преступниками, осужденными на каторгу, отправленія на галеры; съ галеръ ему удалось бѣжать. Для этого человѣка, одареннаго живымъ воображеніемъ и пылкимъ умомъ, мысль о заключеніи и жизни на галерахъ должна была казаться весьма мучительною и потому онъ, служившій уже много разъ доносчикомъ полиціи, нашелъ въ низости своего сердца, если не средство пріобрѣсть свободу, то, по крайней мѣрѣ, улучшить свое положеніе: онъ предложилъ себя г. Анри, начальнику втораго дивизиона полиціи, для услугъ тюремной администраціи, въ качествѣ фискала (mouton), т. е. арестанта, который эксплуатируетъ довѣрчивость къ себѣ своихъ товарищей, чтобъ вывѣдать отъ нихъ сознаніе въ ихъ преступленіяхъ; для начала же, Видокъ представилъ г. Анри свѣдѣнія о многихъ бѣжавшихъ каторжникахъ и ссыльныхъ, содержавшихся вновь въ Бисетрѣ подъ вымысленными именами; наконецъ, чтобъ еще болѣе зарекомендовать себя, Видокъ далъ такія точныя указанія о нѣкоторыхъ отчаянныхъ ворахъ, долгое время производившихъ грабежи въ столицѣ, что, на основаніи этихъ указаній, полиція легко успѣла арестовать почти всѣхъ этихъ мошенниковъ.

Въ это время, строго говоря, тайная полиція не существовала еще въ Парижѣ, или, лучше сказать, если и существовала, то при условіяхъ, дѣлавшихъ ее почти ничтожною за недостаткомъ однородныхъ элементовъ въ ея составѣ: полицейскіе офицеры, совершенно независимые другъ отъ друга, отправляли свои обязанности по личному усмотрѣнію, каждый въ своей части, такъ что иногда воръ, преслѣдуемый въ одномъ кварталѣ, могъ преспокойно продолжать свою дѣятельность въ другомъ.

Показанія, данныя Видокомъ, были разсмотрѣны, повѣрены и найдены, послѣ розысковъ по нимъ, точными. Г. Анри разсудилъ, что такой человѣкъ, какъ Видокъ, можетъ быть для него весьма полезенъ въ качествѣ тюремнаго фискала, и Видокъ былъ употребленъ съ этою цѣлію въ тюрьмахъ Лафорсѣ и Бисетрѣ; ему было выдаваемо особое вознагражденіе, смотря по важности его доноса. Наконецъ, г. Анри рѣшился освободить Видока изъ тюрьмы, но съ условіемъ, чтобъ этотъ послѣдній продолжалъ служить для полиціи доносчикомъ и ежемѣсячно доставлялъ въ префектуру полиціи известное число мошенниковъ, minimum котораго было опредѣлено заранее, подъ страхомъ быть сосланнымъ, въ случаѣ недочета до этого minimum'a на галеры, въ Брестъ; ему положено было 100 фр. ежемѣсячнаго постояннаго жалованья и, кромѣ того, премія за каждый сдѣланный, на основаніи его показаній, арестъ.

Одинъ изъ первыхъ доносовъ Видока былъ сдѣланъ на одного торговца кожами, который далъ бывшему каторжнику, по выходѣ его изъ тюрьмы, убѣжище въ своей квартирѣ и котораго Видокъ обвинилъ, справедливо или нѣтъ, въ дѣланіи фальшивой монеты. Продавецъ и схваченный вмѣстѣ съ нимъ одинъ изъ его друзей, докторъ, были преданы суду и оба сложили свои головы на эшафо-

тѣ, въ отплату за гостепрѣимство, оказанное пансіонеру полицейской пресектуры.

Вироломство слишкомъ удачно служило Видоку, чтобъ онъ остался правдымъ; съ одной стороны страхъ, съ другой — жадность къ деньгамъ сообщали ему невѣроятную дѣятельность, и, весьма понятно, чтобъ достичь цѣли допосовъ, отъ которой зависѣло его пребываніе въ Парижѣ, онъ рѣшался прибѣгать къ подстрекательству и пользовался этимъ безчестнымъ средствомъ съ самой преступной ловкостью до возвращенія Бурбоновъ; тогда каторжникъ-полицейскій стегъ болѣе выгоднымъ посвятить себя на служеніе интересамъ торжествовавшей политической партіи.

30 марта 1814 года союзныя войска вступили въ Парижъ; нѣскольکو французовъ, принадлежавшихъ къ старому дворянству, во главѣ которыхъ находился маркизъ де-Мобреиль, рѣшились, опираясь на могущественную протекцію, сбросить съ вандомской колонны статую великаго полководца; но чтобъ привести въ исполненіе это намѣреніе требовались извѣстныя руки, и тотъ, которому поручено было приобрести эти руки, могъ отыскать ихъ только у подобныхъ себѣ, т. е. между отверженцами общества.

Утромъ, 31 марта, около трехъ часовъ по полудни, каторжникъ Видокъ, съ огромнымъ обухомъ въ рукѣ, влѣзъ на вандомскую колонну, и здѣсь, послѣ нѣсколькихъ ударовъ изъ всѣхъ силъ по шпашу, прикрѣпившій статую Наполеона къ колоннѣ, онъ накинулъ арканъ на шею статуи, а конецъ веревки бросилъ внизъ, своимъ сотоварищамъ, стоявшимъ у подножія колонны. Толпа народа поналегла на веревку и стала тянуть ее, при крикахъ: «ура!» наконецъ ей удалось, впрочемъ не безъ труда, сбросить на землю статую при громѣ рукоплесканій г. де-Мобрейля и его сотоварищей дворянъ, которые оплатили золотомъ труды безчестныхъ орудій своей фанатической мести.

Со времени этого подвига, Видокъ смотрѣлъ уже на свои занятія по тайной полиціи, какъ на побочныя, а главнымъ образомъ, почти исключительно, посвящалъ себя политикѣ.

Въ 1816 году, нѣкто Шельтейнъ подготавливалъ заговоры въ кабакахъ, между прочимъ и у одного виннаго торговца, лавка котораго была на углу улицъ Каландръ и Варилльери, подъ вывѣской: «Au sacrifice d'Abraham». Здѣсь Шельтейнъ встрѣтилъ Пленье, Толлерона, Карбонно и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, преданныхъ воспоминаніямъ объ императорѣ и, слѣдовательно, не любившихъ Бурбоновъ. Презрѣнный Шельтейнъ ободрялъ ихъ, увѣряя, что тогдашнее положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться долѣе, что низверженіе монархіи 1814 года — неизбѣжно.

Видокъ и еще нѣкто Риклоки, его асолитъ, часто посѣщали упомянутый кабакъ. Шельтейнъ отрекомендовалъ ихъ своимъ знакомымъ, какъ старыхъ офицеровъ имперіи, и весьма скоро успѣлъ, при содѣйствіи этихъ знакомыхъ, состряпать заговоръ, что повело, конечно, къ тому, что Пленье, Толлеронъ и Карбонно, взявъ на себя

самыя компрометирующія роли въ этомъ дѣлѣ, были арестованы, и такъ какъ, по обыскѣ, у нихъ были найдены обличительные документы, прокламаціи и разныя политическія эмблемы, то всѣ трое несчастныхъ сложили свои головы на эшафотѣ, — жертвами собственнаго небагоразумія и подлыхъ подстрекательствъ Видока. Шельтейна и Риклоки.

Политическія смуты 1815 и 1816 годовъ нѣсколько стихли въ 1817 году; умы немного успокоились. Видоку дано было въ распоряженіе около дюжины агентовъ, подобнаго же ему закала, для преслѣдованія мошенниковъ, и вотъ съ этого времени бывшій каторжникъ дѣлается начальникомъ бригады тайной полиціи. Въ 1821 году эта бригада была увеличена въ своемъ составѣ префектомъ полиціи г. Делава до 28 человекъ, а бѣглому каторжнику, начальнику этой бригады, были предоставлены въ распоряженіе, тѣмъ же префектомъ, секретныя суммы, которыя Видокъ могъ тратить по своему усмотрѣнію, почти не давая въ нихъ отчета.

Но что значили эти двадцать восемь человекъ для охраненія общественнаго спокойствія и собственности? Что за начальникъ былъ у этихъ людей, — начальникъ, который долженъ, по настоящему, обладать самой сильной ненавистью къ кражѣ и полиційнымъ отвращеніемъ ко всему, что можетъ повредить въ чемъ бы то ни было праву собственности или жизни его согражданъ?

Начальникъ этотъ намъ извѣстенъ, мы его видали на дѣлѣ; агенты же его были преступники, бывшіе каторжники, почти всѣ подвергавшіеся наказаніямъ за свои дѣла по суду, дѣла, подобныя тѣмъ, подавая которыя они были призваны властью.

Что можно было ожидать отъ подобныхъ людей? Какое уваженіе могло имѣть общество къ учрежденію, составленному подобнымъ образомъ? Нѣтъ ничего удивительнаго, что общественное мнѣніе стало смѣшиваться съ преступниками и тѣхъ, которые ихъ хватали, и выраженіе, приписанное Видокомъ, дѣлъ ли лицаго интереса, вѣроятно, себѣ: «чтобъ умѣть ловить воровъ, необходимо быть самому воровомъ», — было тѣмъ болѣе справедливо, по крайней мѣрѣ по вѣдѣности, что Видокъ старался изыскивать помощниковъ себѣ преимущественно между отчаянными мошенниками.

Подобной компаніи случалось иногда превосходить ловкостью самого своего главу, который имѣлъ претензію на безошибочность и способность перехитрить любого плута.

Одинъ примѣръ дастъ понятіе объ остальныхъ. Въ одно прекрасное утро, въ бюро Видока является неизвѣстный человекъ, назвавшій себя Жакономъ, предлагая себя въ фискалы.

— Что ты умѣешь дѣлать? спрашиваетъ его полицейскій глава.

— Чортъ возьми! Мало-ли что я умѣю дѣлать! отвѣчалъ плутъ. — Я умѣю, напримѣръ, очень выгодно покупать. Попробуйте меня въ этомъ дѣлѣ.

— А! вотъ какъ! Возьми вотъ этихъ двѣ пятифранковыя монеты, ступай на рынокъ и принеси мнѣ двѣ хорошихъ курицы. Посмотришь, какъ ты обдѣлаешь это дѣльце.

Экзаменуемый ушелъ, обѣщая скоро воротиться. Къ назначенному часу, дѣйствительно, онъ снова явился въ бюро и вручилъ Видоку двѣ безукоризненныхъ пулярки, а въ добавокъ и данныя ему на покупку десять франковъ.

— Прекрасно! говорить маэстро, — но расскажи, какъ ты смастерилъ эту штуку?

— Извольте, отвѣчалъ Жакенъ: — я позаимствовалъ у одного изъ моихъ друзей, повара, бѣлый жилетъ, кофакъ и корзину. Въ корзину была послана солома, я наложилъ ее камнями, прикрылъ ихъ соломой, купилъ на десять су овощей, которыя разложилъ по верху корзины; затѣмъ, какъ вѣжливый поваръ, я обратился самымъ любезнымъ образомъ къ торговкѣ живностью, сталъ торговать тѣ двѣ пулярки, которыя имѣлъ удовольствіе только что намъ представить, и заплатилъ за нихъ деньги.

Корзина, которую я держалъ на спинѣ, была тяжела. Не снимать же ее для двухъ пулярокъ! Вотъ почему я просилъ бабенку положить ее товаръ на верхъ корзины: поваръ и торговка не церемонятся между собою. Я стоялъ къ торговкѣ лицомъ, въ положеніи, которое и прилично занимать намъ къ прекрасному полу, и нѣсколько нагнулся. Въ то время, какъ она клала своихъ пулярокъ, ея руки были заняты поверхъ моей головы, а я моими руками обрабатывалъ дѣлшки въ ея переднемъ большомъ карманѣ. Надо замѣтить, что у всѣхъ этихъ торговокъ ужасно глупая привычка прятать свой заработокъ въ карманъ на животѣ. Я успѣлъ самымъ деликатнымъ образомъ, нисколько не щекоти, достать у глупой бабы изъ кармана мои двѣ монеты, да кстати ужъ сами пальцы захватили и еще тридцать франковъ, которые имѣю честь представить....

— Ты часто производишь подобныя операціи? спрашиваетъ Видокъ.

— Дѣлаемъ-съ кое-что, по силамъ, отвѣчаетъ экзаменующійся.

— Скромнень и не неловокъ! Очень хорошо, съ завтрашняго дня ты получаешь у меня мѣсто. Ступай, да смотри не попадайся впередъ. Кстати, сколько времени ты пробывъ въ тюрьмѣ?

— Въ тюрьмѣ? Нѣтъ, я не могу сказать, что вышелъ оттуда. Я еще никогда не былъ и взять-то въ нее. Про что другое я не говорю.

Видокъ отпустилъ Жакена.

Разсказывая Видоку о своихъ плутняхъ съ торговкой, Жакенъ размахивалъ руками и дѣлалъ разные жесты, для большаго, вѣроятно, выразительности разсказа. Онъ нагибался, становился на колѣно, чтобъ нагляднѣе представить маэстро всю сцену своего мошенничества; онъ позволялъ себѣ даже, разумѣется съ самымъ почтительнымъ видомъ, прикоснуться иногда руками къ самому экзаменатору, который держалъ себя съ большою важностью; Жакенъ и на испытаніи счелъ не лишнимъ воспользоваться своимъ искусствомъ, и самымъ ловкимъ образомъ вытащилъ у Видока изъ жилетнаго кармана дорогіе золотыя часы съ цѣпью и брелоками, вытащилъ ихъ такъ искусно, что самъ маэстро не замѣтилъ.

Съ тѣхъ поръ Жакенъ пропагъ; весьма понятно, что онъ назвалъ себя ложнымъ именемъ.

Видокъ, тщеславіе и гнѣвъ котораго были раздражены этимъ плутомъ выше всякаго описанія, употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобъ поймать его, но часы вмѣстѣ съ Жакеномъ точно канули въ воду, и много лѣтъ спустя, послѣ этого происшествія, ни одинъ агентъ и фискаль не осмѣливались произносить предъ Видокомъ имя Жакема.

Въ 1827 году, Видокъ оставилъ свое начальствованіе надъ бригадой тайной полиціи и вышелъ въ отставку обладателемъ состоянія, источникъ котораго не могъ состоять только въ сбереженіи отъ жалованья. Предвидя хорошо, что, рано или поздно, администрація оттолкнетъ его отъ себя, Видокъ основалъ въ 1826 году бумажную фабрику въ Сенъ-Мандо и, выйдя въ отставку, взялъ на себя лично управленіе этимъ заведеніемъ; но съ его привычками трудно было упредить почетныя коммерческія отношенія съ другими промышленниками. Такимъ образомъ, не имѣя возможности выгодно вести свои промышленныя дѣла, Видокъ оставилъ фабрикацію бумаги и жилъ, кажется, совершенно праздно до начала 1832 года, т. е. до той эпохи, съ которой снова начались политическія волненія въ столицѣ. Въ это время онъ снова нашелъ средства убѣдить префекта полиціи, что его услуги могутъ быть совершенно необходимы для полиціи, и получилъ полномочіе снова секретно образовывать тайную полицію. Съ этой цѣлью, Видокъ устроилъ въ улицѣ Паве родъ полицейскаго бюро и набралъ себѣ помощниковъ въ лицѣ нѣсколькихъ преступныхъ личностей, вполне достойныхъ своего покровителя. Организовавъ такимъ образомъ свои занятія, Видокъ снова сталъ исключительно думать о томъ, чтобъ пріобрѣсть званіе начальника бригады тайной полиціи, но для этого необходимо было зарекомендовать себя префекту какимъ-нибудь блестящимъ подвигомъ. Онъ обратилъ вниманіе на одного изъ своихъ новыхъ аколитовъ, по имени Л*, и далъ этому замѣтить, что онъ можетъ расчитывать сдѣлаться впослѣдствіи его *alter ego*, если имъ удастся состряпать такое дѣло, искусное раскрытіе всѣхъ нитей котораго имъ могло бы броситься въ глаза начальству. Оба агента остановились на слѣдующемъ предпріятіи:

Л* былъ поваромъ у нѣкогого Шмидта, державшаго ресторана у заставы Фонтенебло; Л* очень хорошо зналъ расположеніе комнатъ и обычный порядокъ всего заведенія. Видокъ рѣшилъ, что въ этомъ ресторанѣ должно произвести покражу. Л* поспѣшилъ стакнуться съ нѣсколькими освобожденными каторжниками, именно Сегеномъ, Денуаромъ, Депаутсомъ, Клокменомъ и Саломономъ, и подъ предлогомъ, что онъ самъ лично не можетъ появиться въ домѣ, гдѣ онъ всѣмъ извѣстенъ, онъ снабдилъ ихъ всѣми необходимыми указаніями для совершенія воровства въ спальнѣ своего хозяина, въ которой находились, по его словамъ, серебряная посуда, банковыя билеты; удобное для воровства время было имъ также указано: хозяинъ выходилъ ежедневно изъ дому раннимъ утромъ на рынокъ, для закупокъ провизіи. 2 марта 1832 года, когда все уже было условлено для со-

вершения покражи, Л* сообщил о ходѣ дѣла Видоку; этотъ послѣдній тотчасъ же отправился къ мэру въ Жантилья и объявилъ, что онъ увѣдомленъ своими агентами, что завтрашній день, въ семь часовъ утра, мошенники намѣрены произвести воровство со взломомъ въ спальнѣ ресторатора Шмидта и что если принять необходимыя мѣры, то мошенники могутъ быть схвачены съ поличнымъ. Мэръ успѣхнулъ помѣстить заранѣе въ небольшой комнаткѣ, смежной съ спальней Шмидта, нѣсколько жандармовъ; въ часъ, объявленный ему Видокомъ, вышеупомянутые мошенники дѣйствительно явились въ ресторанъ, взломали въ общій залъ въ первомъ этажѣ, прилегавшій къ спальнѣ хозяина, и приказали подать себѣ вина. Когда мальчикъ сошелъ внизъ распорядиться о винѣ. Сегонъ отперъ, со взломомъ замка, дверь спальни и захватилъ серебро; но въ эту минуту явились жандармы и арестовали воровъ, которые были отправлены затѣмъ къ префекту.

Въ уваженіе такого ловкаго ареста, обьяаннаго, какъ тогда казалось, бдительности Видока, помрачавшей дѣятельность его предшественника, ослабленное правительство сочло почти долгомъ возстановить Видока снова въ званіи начальника бригады тайной полиціи. Между тѣмъ дѣло о пяти ворахъ шло своимъ чередомъ; каждый изъ воровъ послѣдовательно являлся предъ судомъ, и одинъ изъ нихъ, наконецъ, объявилъ, что воровство было совершено только по наущенію извѣстнаго повара Л*, который сообщилъ ворами всѣ необходимыя для успѣшнаго совершенія воровства указанія. Это показаніе было подтверждено остальными сообщниками показавшаго; судья сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи повара. Но это распоряженіе весьма мало затруднило Видока, который, опасаясь, чтобъ его агентъ не былъ вынужденъ на очной ставкѣ сказать правду, успѣхнулъ спрятать его въ безопасномъ мѣстѣ, а затѣмъ донесъ, что Л* не отыскивается. Прошло уже четыре мѣсяца со времени распоряженія объ арестованіи повара изъ ресторана Шмидта, какъ неожиданно слѣдственный судья получилъ секретное извѣщеніе, что Л* преспокойно живетъ въ Парижѣ, вовсе не исчезая изъ столицы, и что Видоку привялъ его въ свою бригаду подъ именемъ Огюста. Новое предписаніе слѣдственнаго судьи заставило Видока, вопреки его желанію, выдать суду своего агента.

30 числа слѣдовавшаго за тѣмъ сентября, судъ присяжныхъ приговорилъ всѣхъ пятерыхъ воровъ къ каторжнымъ работамъ. Л*, увлеченный въ подстрекательствѣ обвиненныхъ къ воровству, сообщеніемъ имъ всѣхъ подробныхъ указаній для его совершенія, былъ приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію.

Видоку былъ проникнуть увѣренностью, что общество вполне согласо съ тѣмъ аргументомъ, который онъ провелъ въ своихъ мемуарахъ и который я напомию здѣсь читателямъ:

«...Что касается до воровства, то я не думаю, чтобъ здѣсь возможно было подстрекательство. Человѣкъ или честенъ или безчестенъ: если онъ честенъ, то никакіе доводы не заставятъ его рѣшиться на

совершеніе преступленія; если же онъ безчестенъ въ дунѣ, то такому человѣку не достаетъ лишь случая, и очевидно, что для него такой случай, рано или поздно, но представится.

Какая мораль! Какая логика! Что за стойкъ, подумаешь, этотъ человѣкъ! Какъ хорошо онъ доказываетъ, что если онъ, Видокъ, былъ на галерахъ, то этотъ фактъ вовсе не составляетъ послѣдствія вреднаго сообщества, ни результата какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ случайностей, но просто—слѣдствіе его душевной порчи!

Со времени вторичнаго вступленія Видока въ полицію, судъ видѣлъ съ неудовольствіемъ, что обвиненные часто уличаютъ самихъ агентовъ тайной полиціи въ показаніяхъ; эти улики, естественно, стали производить самое дурное впечатлѣніе на многочисленную публику, присутствовавшую на засѣданіяхъ суда. Въ самомъ дѣлѣ, показанія агентовъ, призываемыхъ въ судъ въ качествѣ свидѣтелей, весьма часто прерывались обвиняемыми, которые упрекали свидѣтелей или какъ сотоварищей по галерамъ, или же, какъ сообщниковъ и подстрекателей въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняли ихъ агенты. Эти взаимныя улики были весьма тягостны для судей, обязанныхъ прилагать законъ, и составляли предметъ скандала для присяжныхъ и публики.

Не смотря на подобные результаты и слѣдовавшее за ними недовольство всей публики, это положеніе вещей не прекращалось; только совершенно неожиданный, посторонній всѣмъ этимъ соображеніямъ случай положилъ конецъ отвергаемой всѣмъ обществомъ системѣ полиціи.

Революція 1830 года провозгласила свободу печати, которою воспользовалась журналистика до такихъ размѣровъ, что въ 1832 году одинъ сатирическій журналъ, печатавшій каррикатуры, часто сопоставлялъ въ параллель фигуру Видока съ фигурой одной очень высокой особы.

Оскорбленный подобными недостойными сравненіями, поводомъ къ которымъ служило оффиціальное положеніе эксъ-каторжника, министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ префекту полиціи распустить имѣвшуюся бригаду тайныхъ агентовъ и сформировать ее вновь на совершенно новыхъ началахъ, такъ чтобъ общество не могло ничѣмъ уже упрекнуть агентовъ этой новой бригады.

Постановленіемъ префекта отъ 15 ноября 1832 года была распущена бригада Видока, а другимъ постановленіемъ отъ того же числа предписывалось преобразование тайной полиціи на совершенно новыхъ началахъ; третей статью постановленія объявлялось, что впредь въ составъ тайной полиціи не можетъ поступить ни одно лицо, которое когда-нибудь, хотя за самый незначительный проступокъ, подверглось судебному осужденію. Съ 1 января слѣдующаго 1833 года бюро тайной полиціи должно было состоять при полицейской префектурѣ.

До этого же времени бригада Видока имѣла свою штабъ-квартиру въ темномъ, старомъ, низкомъ и грязномъ домѣ, въ маленькомъ переулкѣ Святой Анны; этотъ домъ далеко не походилъ на бюро

полиціи. Чтобъ избѣгнуть всѣхъ обстоятельствъ, которыя могли бы напомнить объ эксъ-каторжникѣ полицейскомъ, префектъ хотѣлъ, чтобъ еще до новаго года бюро преобразованной тайной полиціи приобрѣло новое помѣщеніе; съ этой цѣлью былъ нанятъ временно домъ въ Іерусалимской улицѣ, № 5. Г. Алларъ былъ назначенъ начальникомъ этой новой тайной полиціи, а я — главнымъ инспекторомъ; мнѣ поручено было избрать агентовъ между городскими сержантами, а также между лицами, не принадлежащими къ администраціи.

Эти мѣры были какъ нельзя болѣе благотворны; но онѣ заставляли опасаться за одно только весьма печальное слѣдствіе, къ которому онѣ могли повести: агенты Видока, лишившись средствъ къ существованію, могли возвратиться къ своему прежнему образу жизни, то есть, къ воровству, и потому необходимо было, во что бы то ни стало, предупредить возвращеніе этихъ полуобращенныхъ людей къ преступленіямъ. Положено было сохранить ихъ при полиціи въ качествѣ домосчиковъ, опредѣлить для нихъ мѣсто сборища въ городѣ и что, кромѣ ежемѣсячной постоянной, весьма значительной платы 50 франковъ, они будутъ получать еще премію за каждый произведенный по ихъ указанію арестъ.

Только четырнадцать человекъ изъ бригады Видока согласились на эти условія. Въ своей новой организаціи тайная полиція заключала тоже число агентовъ, какъ и бригада Видока, именно: 1 начальникъ, 1 главный инспекторъ, 4 бригадира, 21 агентъ, изъ которыхъ одинъ состоялъ при бюро, и 1 писарь; всего 31 человекъ.

Похищеніе.

Одинъ богатый собственникъ, жившій въ одномъ изъ департаментовъ, сосѣднихъ съ столицей, прибылъ въ Парижъ объявить префекту полиціи, что его жена, молодая и прелестная собой, двадцатилѣтняя брюнетка, бѣжала отъ него съ однимъ господиномъ В*, ея обольстителемъ, захвативъ съ собой пятьдесятъ тысячъ франковъ въ деньгахъ и драгоценныхъ вещахъ.

Мнѣ было поручено отыскать бѣглецовъ. Для посковъ мнѣ не было дано никакого указанія; всѣ инструкціи заключались только въ словахъ Евангелія: «Ищи и обрещешь.» Прежде всего, я немедленно отправился на почтовую станцію, гдѣ, къ моему величайшему удовольствію, узналъ, что наканунѣ, въ десятомъ часу вечера, какой-то господинъ съ дамой требовали лошадей, что экипажъ, въ которомъ они ѣхали, былъ ихъ собственный, что сундукъ его выкрашенъ зеленой краской, что, наконецъ, оба путешественника выражали намѣреніе отправиться въ Англію. Снабженный всѣми этими указаніями и въ которыхыми другими сообщенными мнѣ мелочами, я возвратился въ префектуру сообщить о моемъ открытіи, и два часа спустя, растянувшись на мягкихъ подушкахъ превосходной почтовой кареты, я проѣзжалъ утроеннымъ галопомъ предмѣстье Сентъ-Дени. Я замаскассомъ въ Англію и предписаніемъ слѣдственнаго судьи арестовать обоихъ бѣглецовъ. Я старался разузнавать о нихъ на каждой станціи

ди, чтобъ имѣть возможность напасть на ихъ слѣдъ; система, которой я слѣдовалъ въ этомъ случаѣ, была самая простая: въ то время, какъ я перемѣнялъ лошадей, я тщательно разспрашивалъ у почтальоновъ и конюшихъ о наружныхъ примѣтахъ лицъ, проѣзжавшихъ черезъ станцію наканунѣ, поддерживая каждый разъ мои распросы непреодолимымъ аргументомъ пятифранковой монетой; такимъ образомъ, отъ одной станціи до другой я приобрѣлъ несомнѣнныя доказательства ихъ проѣзда. Я не терялъ, такъ сказать, ихъ изъ виду, а расшевеливъ нѣскольکو руку почтальона, я могъ быть почти увѣренъ, что настигну ихъ еще до отплытія въ Англію. Но въ главномъ городѣ департамента Соммы я узналъ отъ одного конюха при станціи, что утромъ того же дня на станціи останавливались одинъ господинъ съ молодой дамой, пріѣзжавшіе въ своей дорожной каретѣ, которые, позавтракавъ и отдохнувъ, отправились въ Аррасъ. и что едва только они выѣхали изъ Аміена, какъ приказали почтальону своротить съ дороги и ѣхать по дорогѣ въ Метцъ, желая, по ихъ словамъ, посѣтить Германію.

Мнѣ было невозможно ѣхать далѣе: мой пассъ былъ визированъ на Лондонъ. Я рассчиталъ, что В*, измѣнивъ направленіе своего пути, сочтетъ, что онъ скрываетъ свой слѣдъ, и потому побѣдетъ съ меньшей поспѣшностью, что дастъ мнѣ, въ свою очередь, возможность догнать его еще во-время. Сообразивъ все это, едва только перемѣнили лошадей, я приказалъ почтальону везти меня по дорогѣ къ столицѣ, куда я успѣлъ прибыть въ теченіе ночи. На другой день, въ десять часовъ утра, я выѣхалъ снова изъ Парижа, но на этотъ разъ съ паспортомъ, визированнымъ на Германію.

Въ Шалонѣ-на-Марнѣ я снова попалъ на слѣдъ бѣглецовъ; ихъ видѣли на станціи, но они не останавливались; я слѣдовалъ за ними шагъ за шагомъ, щедро одѣлая пятифранковыми монетами везшихъ ихъ почтальоновъ и приобрѣтая такимъ образомъ, изъ устъ въ уста, самыя точныя свѣдѣнія. Въ Метцѣ я узналъ, что они проѣзжали здѣсь наканунѣ вечеромъ, ночевали и снова уѣхали въ девять часовъ утра; но въ то же время я также узналъ, что вмѣсто того, чтобъ отправиться въ Германію, какъ они хотѣли сначала, мои путешественники ѣхали уже по дорогѣ въ Швейцарію. Медлить было нельзя; мнѣ хотѣлось арестовать ихъ еще въ предѣлахъ Франціи; я устроилъ на водку почтальону: лошади, разумѣется, устроили рысь. Я такъ хорошо вознаграждалъ потерянное время, что весьма скоро опять попалъ на слѣдъ бѣглецовъ. Наконецъ, я настигъ ихъ въ маленькой деревушкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ границы: да и пора уже было! Почтовая станція помѣщалась въ крайнемъ домикѣ деревни. Предоставляю читателю судить о моей радости, когда я увидалъ на дворѣ гостиницы дорожную карету съ зеленымъ сундукомъ, ту самую карету, за которой я такъ усердно и долго рыскалъ. Я приказалъ немедленно проводить себя къ мэру, единственной власти, содѣйствія которой я могъ требовать; я нашолъ мэра съ вилами въ рукахъ, которыми онъ приготовлялся бросать сѣно на свой сѣноваль.

Этот муниципальный чиновникъ былъ весьма толстый, приземистый господинъ, съ веселымъ лицомъ; слегка багровый носъ его свидѣтельствовалъ о его достаточной слабости къ наслажденіямъ Бахуса; его ноги были обуты въ грубые деревянные башмаки, одѣтъ онъ былъ въ заплатанную блузу, а на головѣ носилъ шапку изъ голубой бумаги. Я объяснилъ ему цѣль моего посѣщенія, и, представивъ ему всѣ документы, подтверждавшіе данную мнѣ власть, я сталъ просить его оказать мнѣ свое содѣйствіе. Тогда произошла довольно потѣшная сцена; добрякъ мэръ чрезвычайно сконфузился, что «шпюиугъ» изъ Парижа, пріѣхавшій въ дорожной каретѣ, встрѣтилъ его въ такомъ неглиже, совершенно не зная іерархическую скромность моего титула,—главнаго инспектора тайной полиціи—и предполагая, вѣроятно, что ему пришлось имѣть дѣло съ какимъ-нибудь высокаго полета чиновникомъ; онъ рѣшительно терлся въ привѣтствіяхъ, извиненіяхъ, увѣряя меня, что я могу самымъ удобнымъ образомъ обойтись безъ него, а окончателно же объявилъ, что онъ не понимаетъ, чего я добиваюсь отъ него. Наконецъ, послѣ довольно длинныхъ объясненій съ моей стороны, мнѣ удалось—таки, худо-ли, хорошо-ли, дать ему понять, что его присутствіе необходимо для законной формы производимаго мной арестованія; добрякъ, попросивъ меня обождать его нѣсколько минутъ, явился вскорѣ, споенанный въ неизмѣримый сюртукъ и повитый офиціальнымъ шарфомъ, держа въ одной рукѣ свертокъ бумаги, а въ другой—чернильницу съ перомъ. Мы направилсь къ почтовой станціи; на дорогѣ намъ попались на встрѣчу жандармъ съ своимъ унтеръ-офицеромъ; мэръ приказалъ имъ присоединиться къ намъ. Взойдя въ гостиницу, я увидалъ, что дорожная карета стояла все на томъ же мѣстѣ; влюбленная же парочка завтракала. Мнѣ указали занимаемую ею комнату, въ которую я и вошелъ съ мэромъ и двумя жандармами.

— Господинъ В*, если не ошибаюсь? спросилъ я, войдя въ комнату.

— Это я, милостивый государь! отвѣчалъ бѣглый Донъ-Жуанъ.

— Вы путешествуете; съ вами должны быть какія-нибудь бумаги, паспортъ, что-нибудь, наконецъ, что бы свидѣтельствовало о вашей особѣ?

В* взглянулъ на меня, нахмуривъ брови; молодая женщина бросила на меня кроткій и испуганный взглядъ; избѣжать отвѣта на мой вопросъ было невозможно: присутствіе лзухъ трехуголокъ, украшавшихъ обѣ половинки двери, придавало моимъ глазамъ непреодолимую силу. В*, нечего дѣлать, уступилъ съ горемъ пополамъ: представлялъ мнѣ свой паспортъ, совершенно вѣрный.

— Это прекрасно, сказалъ я, взглянувъ на паспортъ, но.... вотъ госпожа?

— Эта дама, моя жена, гордо отвѣчалъ В*, и она не имѣетъ надобности въ паспортѣ, если ѣдетъ со мной.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Я полагаю, милостивый государь, и я не понимаю...

— Какъ! Госпожа Д* не имѣетъ надобности въ паспортѣ для путешевія съ г. В*?

Услыхавъ провнесенной свою фамилію, молодая женщина вскрикнула и упала въ обморокъ; я подошелъ тогда къ похитителю и, положивъ руку на его плечо, сказалъ ему:

— Во имя закона, милостивый государь, арестую васъ!

В* упалъ на стулъ; его дѣло было проиграно, онъ видѣлъ это. Я позвалъ хозяйку гостиницы, и въ то время, какъ она ухаживала за плачущей любовницей В*, подъ отеческимъ наблюденіемъ жандармскаго унтеръ-офицера, я, вмѣстѣ съ мэромъ и В*, охраняемымъ другимъ жандармомъ, сошелъ на почтовый дворъ осмотрѣть карету съ зеленымъ сундукомъ. Въ это время, какъ я входилъ въ карету въ одні дверцы, В* влетѣлъ въ нее черезъ другія и бросился на одну изъ подушекъ; я вытолкнулъ его тотчасъ же изъ кареты и напелъ поды этой подушкой пару карманныхъ пистолетовъ—пару игрушекъ дамы большаго свѣта, но игрушекъ убійственныхъ, которыми В*, можетъ быть, имѣлъ намѣреніе воспользоваться противу меня. Въ каретномъ сундукѣ я отыскалъ драгоценныя вещи и большую часть денегъ; изъ похищенной суммы недоставало только издержекъ на покупку кареты, проѣздъ и нѣкоторыя мелочи. Когда дошло дѣло до составленія акта, мнѣ пришлось еще выдержать преуморительную сцену: мэръ, не щадя своего краснорѣчія, наивно увѣрялъ меня, что онъ ни разу въ своей жизни не совершалъ никакого акта и что положительно не умѣетъ, какъ взяться за это. Я кончилъ тѣмъ, что самъ продиктовалъ ему содержаніе акта. Затѣмъ, передавъ В* въ руки двухъ жандармовъ, приказалъ везти его по этапу въ Парижъ, изъ одной жандармской бригады въ другую; самъ я сѣлъ съ г-жею Д* въ карету и отправился въ Парижъ, гдѣ сдалъ мою прелестную пльвиницу съ рукъ на руки мужу. Мужъ тотчасъ же послалъ 250 франковъ В*, чтобъ онъ могъ пріѣхать на почтовыхъ. Когда же соблазнитель прибылъ въ столицу, г. Д*, желая избѣгнуть скандала, взялъ назадъ свою жалобу и вызвалъ В* на дуэль; но, по странному контрасту, такъ часто встрѣчающемуся въ человѣческомъ сердцѣ, этотъ Ловеласъ, который умѣлъ, вѣроятно, на столько драпироваться предъ женщинами въ благородныя и великодушныя чувства, чтобъ заставить себя любить, теперь отказался отъ вызова мужа, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя успѣлъ переслать г-жѣ Д* письмо, въ которомъ онъ предлагалъ ей отравить мужа, обѣщая доставить ей отъ себя ядъ, необходимый для совершенія преступленія!

Испуганная подобнымъ звѣрствомъ В*, раскаявшаяся супруга, вся въ слезахъ, бросилась въ объятія своего мужа и подала ему только что полученное ею письмо. Разувѣренный въ чувствахъ своей жены, Д* простилъ ее. Что же касается до преступнаго предложенія В*, то г. Д*, не подавая никакой жалобы, ограничился лишь сообщеніемъ полиціи письма и сопровождавшихъ его обстоятельствъ, и продупреждая по возможности зло, онъ не допускалъ, чтобъ его имя связалось въ публичныхъ преніяхъ въ судѣ съ именемъ негодяя, недостойнаго принадлежать къ обществу.

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛЪ КАРЛА X. — СТРЕЛБА ЖАНДАРМОВЪ ВЪ УЛИЦѢ СЕНЬ-ДЕНИ.

Вступивъ на престолъ, Карль X тотчасъ издалъ постановленіе, уничтожавшее декретъ 15 августа 1824 года, которымъ его предшественникъ приводилъ въ дѣйствіе законы о ценсурѣ, а 30 сентября того же года новый король отправился на Марсово Поле дѣлать смотръ національной гвардіи и парижскому гарнизону. Когда онъ доѣхалъ до площади Дома Инвалидовъ, на встрѣчу ему двинулась густая масса народа, ожидавшая его прибытія. Уланы, составлявшіе часть королевскаго эскорта, стали отталкивать тушулъ концомъ своихъ шикъ тѣхъ, кто слишкомъ близко тѣснился къ королю. Карль X, замѣтивъ это, далъ знакъ уланамъ не препятствовать приближаться къ его особѣ, сказавъ при этомъ: *Прочь алебарды!* На эти слова откликнулось въ толпѣ тысячекратное эхо: *Да здравствуетъ король!*

На другой день въ журналистикѣ и въ публикѣ раздавались самыя восторженные похвалы монарху; каждый сталъ надѣяться, что съ его царствованіемъ начнется эра разумной свободы; къ сожалѣнію, ожиданія не оправдались: благоразумныя намѣренія короля казались весьма опасными конгрегаціи іезуитовъ, бывшей тогда еще въ своемъ полномъ могуществѣ. Всѣ ультрамонтаны составляли лигу, чтобъ отклонить монарха отъ тѣхъ либеральныхъ пожеланій, которыя онъ обнаруживалъ: они употребили всѣ средства, чтобъ оплести въ свои сѣти Карла X, человѣка добродушнаго, но весьма слабого характера, чтобъ энергично противодействовать окружающимъ. Вотъ почему правительство стало все болѣе и болѣе падать во мнѣніи націи: не смотря на избирательный законъ 1820 года, всѣ хлопоты о доставленіи представительства министерскимъ депутатамъ, всѣ могущественныя козни конгрегаціи, или, можетъ быть, именно, благодаря всему этому, оппозиція пріобрѣтала съ каждымъ днемъ новыхъ адептовъ, и едва прошло три года новаго царствованія, какъ болѣе громкій и рѣшительный актъ заявилъ, что катастрофа приближается.

17 ноября 1827 года были произведены общіе выборы; вечеромъ того же дня, въ публикѣ уже толковали шопотомъ, что министерству Виллеля приходитъ конецъ, что теперь либеральная партія имѣетъ огромное большинство. 18 ноября, утромъ, кое къ кому доставлялись новости о результатѣ выборовъ; доходили списки избранныхъ, хотя и не полныя, но какъ все предсказывало громадный успѣхъ либеральной партіи, обитатели предмѣстievъ Сень-Мартена и Сень-Дени поспѣшили, въ началѣ вечера, освѣтить свои окна; волнами свѣта праздновалась, считавшаяся заранѣе вѣрною, побѣда либераловъ.

19 ноября, парижскія газеты извѣщали французскія провинціи, что, наканунѣ, улицы столицы были иллюминированы великолѣпнымъ образомъ и что вечеромъ снова городъ будетъ иллюминированъ.

Замѣчательно, что, когда на парижанъ найдеть охота иллюминировать свои дома, они никогда не удовольствуются однимъ вечеромъ;

въ настоящемъ случаѣ, имъ также хотѣлось оправдать пословицу: «il n'est pas de bonne fete sans lendemain.»

Префектура полиціи, увѣдомленная, что жители столицы, и именно жители кварталовъ, смѣжныхъ съ рынками, намѣрены, вечеромъ, праздновать общей иллюминаціей успѣхъ выборовъ, разослала агентовъ по всѣмъ пунктамъ столицы, главнымъ же образомъ въ кварталы Сень-Мартена и Сень-Дени. Что касается до меня, то я былъ отправленъ для наблюденія на улицѣ Сень-Дени; толкался въ толпѣ, едва двигавшейся отъ тѣсноты, я имѣлъ возможность слышать справа и слѣва отрывки разговоровъ, но долженъ сознаться, ни одинъ изъ нихъ не былъ благопріятенъ для правительства.

Казалось, въ этихъ двухъ улицахъ столпился весь Парижъ: тѣ, которые вчера видѣли иллюминацію, хотѣли посмотреть ее снова, тѣ же, которымъ не удалось видѣть ее вчера, хотѣли посмотреть на нее сегодня, въ первый и послѣдній разъ; наконецъ множество буржуа выходили на улицу, чтобъ посмотреть на эффектъ иллюминированныхъ оконъ ихъ домовъ. Особенно интересна была иллюминація въ улицѣ Геренъ-Буассо и другихъ подобныхъ маленькихъ и узкихъ улицахъ, въ которыхъ обѣ линіи домовъ отстоятъ другъ отъ друга на нѣсколько шаговъ; здѣсь свѣтъ огней представлялъ видъ огненной рѣки, текущей вдоль улицы. Въ то же время уличные мальчишки прогуливались толпами, требуя плашекъ и подпаливая физиономіи и платья прохожихъ своими нетардами и ракетами.

Около восьми часовъ вечера я находился неподалеку отъ пассажа Большаго Оленя; я увидалъ, что въ улицѣ Сень-Дени появилась, со стороны площади Шателе, толпа людей, въ лохмотьяхъ, подъ предводительствомъ неизвѣстнаго человѣка, вооруженнаго палкой; толпа эта стала кричать во все горло: *плошекъ! плошекъ!* Плошекъ было поставлено вездѣ многое множество: чего имъ еще хотѣлось? Они продолжали свое шествіе вдоль улицы, какъ вдругъ человѣкъ съ палкой указалъ имъ на одинъ домъ, многія окна котораго не были иллюминированы. На этотъ сигналъ толпа отозвалась неистовыми криками: *Смерть виллелистамъ! Смерть іезуитамъ!* Съ аккомпаниментомъ: *плошекъ! плошекъ!* на который отзывались тоненькой фистулой уличные мальчишки.

Уличный мальчишка Парижа, *gamin*, главнымъ образомъ подражатель: услыпнть, что кричать, и онъ себѣ начнетъ надсаживать глотку. Такъ было и на этотъ разъ. Предводитель съ палкой далъ вторичный сигналъ своей шайкѣ: она вся вооружилась тотчасъ камнями и стала вышибать ими стекла плохо освѣщеннаго дома; уличные мальчишки не замедлили точно также вооружиться тѣми же снарядами и стали весьма дѣйствительнымъ образомъ помогать своимъ коноводамъ; чрезъ нѣсколько секундъ, въ злополучномъ домѣ было выбито огромное число оконъ. Жильцы дома, опасаясь негодоваія черни, успѣлиши иллюминировать свои окна, посреди свистковъ и шканій зрителей.

Человѣкъ съ палкой и своей шайкой снова прошелъ вдоль улицы,

но уже всѣ окна домовъ были залиты свѣтомъ; неосвѣщенные же окна и потухшія плашки немедленно освѣщались и зажигались; но крикунамъ, очевидно, хотѣлось чего-то много, нешаломинаціи.

Они направились къ Сенѣ; подойдя къ пассажиру Большаго Оленя, они остановились передъ однимъ строящимся домомъ, и человекъ съ палкой закричалъ: *Къ баррикадамъ!* Толчокъ былъ данъ, и публика продолжала толпиться среди шума и хаоса, весело смѣясь надъ различными сценами, попадавшимися на каждомъ шагѣ. Я приблизился тогда къ человеку съ палкой и, къ моему величайшему удивленію, узналъ въ немъ одного стараго каторжника, состоявшаго при бригадѣ тайной полиціи подъ начальствомъ Кокко-ла-Кура; другой изъ той же шайки былъ бѣглый съ галеръ преступникъ, котораго я только нѣсколько дней тому назадъ арестовалъ съ полицнымъ при воровствѣ въ Тамплѣ. Вся шайка была составлена изъ самыхъ грязныхъ личностей, которыя теперь, на общественной площади, подъ покровительствомъ тайной полиціи, затѣвали весьма опасную азартную игру.

Въ то время, какъ все это происходило, мнѣ встрѣчалось нѣсколько полицейскихъ комиссаровъ, между прочимъ гг. Ротъ, Бонифасъ, Гальтонъ и Фубертъ, и, странное дѣло! хотя префектура полиціи была въ двухъ шагахъ отъ этихъ баррикадъ и, кромѣ того, на площади Шателе стоялъ жандармскій пикетъ, ни одинъ изъ этихъ господъ не пытался остановить презрѣнныхъ подстрекателей! Только около десяти часовъ вечера, когда уже вторая баррикада была совершенно окончена и занята, въ улицѣ Сенъ-Дени показался взводъ пѣхоты, подъ командой Б*, капитана генеральнаго штаба; при приближеніи войска, агенты-подстрекатели и ихъ послѣдователи обратились поспѣшно въ бѣгство съ своей позиціи; но, не смотря на это поспѣшное отступленіе, капитанъ счелъ необходимымъ отдать приказаніе солдатамъ стрѣлять; многіе изъ бѣжавшихъ были или убиты, или ранены.

Нѣсколько далѣе, жандармы, съ саблей на голо, дѣлали кавалерійскія атаки на толпу; пѣхотные жандармы также подвигались впередъ, расчищая себѣ дорогу выстрѣлами.

Я представилъ г. Барре, моему ближайшему начальнику, подробный рапортъ о всемъ видѣнномъ мною, между прочимъ и о тѣхъ личностяхъ, которыхъ я замѣтилъ въ шайкѣ, подъ предводительствомъ человека съ палкой; я представилъ г. Барре этотъ рапортъ, прося дая ему надлежащій ходъ.

Вечеромъ 20 числа повторились тѣ же сцены, но на этотъ разъ огонь солдатъ, подъ командой полковника Ф*, былъ направляемъ не только на баррикады, но даже въ окна близъ лежащихъ домовъ такъ что многіе жертвы пали отъ неразборчивой пули въ ихъ собственныхъ квартирахъ.

Этой второй стрѣльбой былъ положенъ конецъ печальной попыткѣ.

На другой день, 21 числа, чрезвычайно удивленный извѣстіемъ, что мой рапортъ остается подъ сукномъ, я воспользовался посѣще-

нѣмъ, которое я дѣлалъ г. Барре ежедневно въ два часа по полудни, чтобъ разузнать о моемъ рапортѣ.

— Вашъ рапортъ? онъ давно уже разорванъ, началъ г. Барре. — Я даже совѣтую вамъ, для вашей же собственной пользы, никогда никому не открывать рта о томъ, что вы видѣли.

Пресловутый бунтъ въ улицѣ Сенъ-Дени былъ, очень просто, дѣломъ самой же полиціи. Іезуиты, чувствовавшіе, что власть ускользаетъ изъ ихъ рукъ, надѣялись, посредствомъ новаго столкновения между народомъ и войскомъ, понудить короля принять суровыя мѣры и распустить новую палату депутатовъ. Лица, пробѣгавшія по улицамъ, приглашая *своихъ братьевъ* взять оружіе, были тайные агенты, которыхъ я очень хорошо узналъ. Только для скромности у нихъ были отобраны ихъ ярлыки, чтобъ въ случаѣ арестованія кого-нибудь изъ нихъ не могла быть окомпрометирована полиція.

Всѣмъ извѣстно, чѣмъ кончились всѣ эти штуки: — кровью! Въ ночь, 20 ноября, въ десятомъ часу утра, въ улицѣ Сенъ-Дени и близь пассажа Большаго Оленя собирались трупы; ихъ укладывали въ фіакры и свозили въ Ла-Моргъ. Въ числѣ убитыхъ находился и человекъ съ палкой, эксъ-каторжникъ Б*: пуля раздробила ему позвоночный столбъ; очевидно, что онъ хотѣлъ улизнуть, исполнивъ данное ему гнусное порученіе. Агентъ-подстрекатель, рѣшившійся на преступную торговлю жизнью гражданъ, принужденъ былъ пулей улечься самъ среди жертвъ своего подстрекательства, не успѣвъ даже получить цѣны пролитой имъ крови.

Божій судъ замѣнилъ и на этотъ разъ судъ человѣческій.

Un flagrant délit.

Въ іюнь 1821 года, г. Фудросъ, главный инспекторъ тайной полиціи, позвалъ меня въ свой кабинетъ и сообщилъ мнѣ слѣдующее порученіе:

«Господинъ префектъ связанъ самымъ тѣснымъ образомъ съ графиней Б*, принадлежащей къ одной изъ самыхъ громкихъ фамилій одной изъ сосѣднихъ державъ; единственная дочь этой графини замужемъ за графомъ Д*, ея соотечественникомъ. Но съ этого времени графиня Д* уходитъ одна пѣшкомъ изъ своего отеля, въ улицѣ Св. Лазаря, каждый четвергъ, около полудня, и не возвращается обыкновенно домой ранѣе трехъ или четырехъ часовъ вечера. Куда ходитъ она? — никому неизвѣстно; но ея мать чрезвычайно беспокоитъ эти продолжительныя отсутствія дочери изъ дому, тѣмъ болѣе, что недавно молодая графиня познакомилась съ однимъ неаполитанскимъ изгнанникомъ, одной изъ важнѣйшихъ итальянскихъ фамилій, человекомъ самой привлекательной наружности. Г-жа графиня Б*, по своей материнской заботливости, опасается, чтобъ ея дочь не вступила въ тѣсныя отношенія съ этимъ молодымъ итальянцемъ, отношенія, которыя, рано или поздно, могутъ сдѣлаться извѣстны-

ми нужу, человеку равнивому и неистовому, который, весьма вбро-
лтво, рѣшится тогда на какую-нибудь печальную крайность.

«Пока, вамъ предстоитъ только слѣдить за молодой графиней, когда она выйдетъ въ четвергъ изъ дому; вы постараетесь узнать, куда она уходитъ, и выходитъ-ли она на встрѣчу молодому изгнаннику. Но помните только, что порученіе, дѣлаемое вамъ господиномъ префектомъ, требуетъ самой большой осмотрительности; наблюдайте тщательно и не идите пока дальше въ своихъ наблюденіяхъ; въ особенности же будьте благоразумны.»

Отъ г. Фудроса я тотчасъ же отправился въ улицу Св. Лазаря, чтобъ познакомиться сначала съ окружающей мѣстностью и позаботиться заложить заранѣе, на сколько возможно, мои батареи. Была среда: слѣдовательно, я имѣлъ еще время, чтобъ принять необходимыя мѣры. Первымъ дѣломъ, разумѣется, я считалъ познакомиться съ наружностью молодой графини, чтобъ, запечатлѣвъ ея черты въ память, слѣдить за нею на другой день.

Подъ предлогомъ, что у меня есть дѣло къ графу, я вошелъ къ привратнику отеля, который отвѣчалъ, что графъ занимаетъ квартиру во второмъ этажѣ, въ глубинѣ двора. Я направился къ указанному зданію, взшелъ на лѣстницу, но, минутой спустя, снова сошелъ съ нея, какъ будто я былъ уже у необходимаго мнѣ лица. Теперь я зналъ расположеніе оконъ графской квартиры; мнѣ оставалось только заставить графиню показаться въ нихъ. Выйдя на улицу, я обдумывалъ еще, какую бы употребить хитрость, чтобъ увидать графиню, какъ вдругъ я увидалъ издали одного изъ тѣхъ маленькихъ итальянцевъ съ обезьяной, которые, заставляя плясать свое животное, собираютъ подаваніе у прохожихъ или квартирантовъ тѣхъ домовъ, во дворы которыхъ они пробираются. Мнѣ пришла тотчасъ въ голову мысль, что я могу достигнуть своей цѣли, благодаря этому маленькому пролетарию. Я остановилъ его и, сунувъ ему въ руку два франка, приказалъ войти въ только-что оставленный мною дворъ и тамъ теревить и вертѣть свою обезьяну такъ, чтобъ она кричала во все свое горло и привлекла вниманіе жильцовъ. Молодой итальянецъ, въ восторгѣ отъ моей щедрости, охотно согласился исполнить мое желаніе. Я послѣдовалъ за нимъ издали и снова проскользнулъ во дворъ отеля, въ ту минуту, когда животное, въ ярости отъ поддразниваній своего хозяина, стало издавать такіе неистовые рѣзкіе крики, что вскорѣ во всѣхъ окнахъ появились жильцы, которыхъ интересовало, разумѣется, узнать, что причиною такого гама на дворѣ. То, что я предполагалъ, случилось: молодая графиня также появилась въ одномъ изъ окошекъ, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, и я могъ вдоволь разглядѣть ея черты. Теперь я зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло.

На другой день, въ десять часовъ утра, я сталъ, такимъ образомъ, на улицѣ, что могъ превосходно видѣть каждаго, кто входилъ и выходилъ изъ отеля. За нѣсколько минутъ до полудня, я увидѣлъ наконецъ молодую графиню, выходившую изъ отеля, свѣжую и разряженную, какъ и каждая женщина, впрочемъ, когда она идетъ на сви-

даніе съ тѣмъ, кого любить; но именно съ этой-то минуты и началась самая трудная часть моей миссіи. Женщина, когда у ней есть имя, положеніе, репутація, которую надо стараться сберечь, совершаетъ ошибку не безъ волненія; ея совѣсть, какъ бы ни была она подавлена, всегда возмущается и болѣзненно содрогается при мысли, что ее могутъ открыть.

Слѣдовательно, мнѣ необходимо было принять самыя мелочныя предосторожности, чтобъ не возбудить подозрѣнія въ графинѣ. Слѣдуя за нею, однако, какъ ея тѣнь, я видѣлъ, какъ она повернула въ улицу Кляши и вышла къ заставѣ, гдѣ молодой итальянецъ ожидалъ ее въ каретѣ со спущенными шторами.

Карета поѣхала сначала рысью, но вскорѣ лошади пошли шагомъ, весьма медленно, до самой Тронной Заставы. Здѣсь карета повернула назадъ по проѣханной дорогѣ. Немного не доѣзжая заставы Мучениковъ, графиня вышла изъ кареты и пошла домой, а молодой неаполитанецъ приказалъ кучеру везти себя къ его квартирѣ, въ улицу Мучениковъ.

Три четверга сряду я наблюдалъ за влюбленными молодыми людьми и каждый разъ ихъ свиданія происходили при тѣхъ же обстоятельствахъ. Сомнѣваться, въ чемъ здѣсь дѣло, было уже невозможно; я сообщилъ мои наблюденія г. Фудросу, который представилъ мой рапортъ префекту.

Спустя нѣсколько дней, генераль-инспекторъ снова потребовалъ меня въ свой кабинетъ и сказалъ мнѣ, что мать графини, увѣдомленная о виданіяхъ своей дочери, желаетъ, чтобъ я такъ неожиданно засталъ обояхъ любовниковъ, чтобъ они не могли отрицать своей интимности, и что если мнѣ удастся это, то чтобъ я самъ сѣлся въ ихъ карету и приказалъ кучеру ѣхать къ квартирѣ префекта.

«Разумѣется, прибавилъ г. Фудросъ, вы понимаете всю трудность и деликатность подобнаго порученія; не дѣйствуйте иначе, какъ навѣрняка, и во всѣхъ обстоятельствахъ будьте крайне благоразумны: какой-нибудь неловкій шагъ съ вашей стороны не только испортитъ все дѣло, но и лишитъ васъ впредь моего довѣрія. Подумайте серьезно объ этомъ.»

Нечего скрывать: мнѣ пришлось-таки подумать. До сихъ поръ мнѣ еще ни разу не приходилось исполнять такого скользкаго и труднаго порученія.

Въ слѣдующій четвергъ я снова дождался выхода графини изъ дому и слѣдовалъ за нею пѣлыхъ два часа, въ продолженіе которыхъ она каталась въ каретѣ. Двадцать разъ, я думаю, во время этой форсированной прогулки, отъ одной заставы до другой, я приближался къ катящемуся коробу, въ которомъ происходила тайна, о которой я догадывался, но которую я не могъ захватить,—и двадцать разъ я быстро отскакивалъ отъ кареты назадъ, боясь слѣлать какую-нибудь неловкость.

Я видѣлъ, что мнѣ необходимо, наконецъ, рѣшиться на что-нибудь,

что бы до 10 мнѣ возможность исполнить мою деликатную миссію; я бесполезно ломалъ голову, не находя сподручныхъ средствъ для достиженія моей цѣли. «Утро вечера мудренѣе», говоритъ пословица, и никогда еще она не представлялась мнѣ такъ безупречной, какъ въ настоящемъ случаѣ. Я легъ спать въ безнадежномъ настроеніи духа, а всталъ спокойный и трезвый духомъ; я былъ увѣренъ, если не въ полномъ успѣхѣ моего предпріятія, то, по крайней мѣрѣ, въ возможности привести его къ благополучному окончанію. Въ слѣдующій четвергъ я одѣлся какъ можно тщательнѣй, и вмѣсто того, чтобъ отправиться въ улицу Св. Лазаря, къ отелю графини, я пошелъ прямо къ заставѣ Клиши. Было три четверти двѣнадцатаго, на площади стояла только одна извозничья карета. Я подошелъ къ кучеру и, потрепавъ его по плечу, сказалъ: «мой любезный, тебѣ представляется случай приобрѣсть золотой!» При этихъ словахъ я повернулъ въ рукѣ, предъ глазами кучера, прекрасную золотую монету, только-что отчеканенную.

Достойный кучеръ повернулъ ко мнѣ свое пьяное рыло и бессмысленно уставилъ въ меня свои глаза.

— А что требуется за это, mon bourgeois? рѣшился наконецъ онъ отвѣтить.

— Самое пустое дѣло. Ты останешься на своемъ мѣстѣ; я же стану вотъ тамъ, возлѣ рѣшетки; ты будешь отказывать сѣдокамъ до тѣхъ поръ, пока къ тебѣ не подойдетъ одинъ господинъ, о которомъ я тебѣ подамъ знакъ; онъ не замедлитъ прійти; ты предложишь ему свою карету, онъ сядетъ въ нее и прикажетъ тебѣ остаться на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока въ карету къ нему не сядетъ одна дама; тогда онъ прикажетъ тебѣ ѣхать шагомъ по этой дорогѣ (я указалъ знакомое уже мнѣ направленіе прогулки влюбленной пары). Ну, вотъ, когда и какимъ образомъ ты заработаешь свой лудлоръ: ты ухитришься подсмотреть, разумеется, оставаясь незамѣченнымъ, что происходитъ въ каретѣ, — опасаться тебѣ здѣсь нечего: это будутъ двое влюбленныхъ молодыхъ людей, болѣе занятыхъ собою, чѣмъ нами съ тобой, и въ извѣстную минуту ты мнѣ подашь знакъ жестомъ; я же буду слѣдовать шагъ за шагомъ за каретой.

— Чортъ побери! мой буржуа, вы можете быть увѣрены, что вашъ золотой перейдетъ въ мой карманъ.

Въ четверть перваго пришелъ итальянецъ, и вскорѣ явилась и молодая графиня на rendez-vous, и влюбленная парочка поѣхала

..... plus ou moins cahoté,

Sur les nobles coussins d'un char numéroté.

Между заставой Битвы и Маленькаго Фонтана, кучеръ обернулся и состроилъ мнѣ самый энергическій жестъ, чтобъ увѣдомить, что минута благоприятна для моей цѣли.

Я бросился къ дверцѣ кареты, быстро отворилъ ее и засталъ двухъ любовниковъ въ самомъ «преступномъ разговорѣ», какъ говорятъ наши заламаншскіе сосѣди.

Точно громъ поразилъ ихъ: они были ошеломлены и не двигались съ мѣста; но такъ какъ я могъ ожидать, что, выйдя изъ удивленія, молодой итальянецъ можетъ оказать мнѣ противодѣйствіе, то я повернулся къ двумъ агентамъ, которые были только въ моемъ воображеніи, но естественно, для моихъ двухъ горлицъ показались спрятанными за каретой:

— Садитесь въ вашу фіакръ, сказалъ я громкимъ голосомъ воображаемымъ агентамъ, — и слѣдуйте за нами къ префекту полиціи.

Затѣмъ я прыгнулъ самъ въ карету. Кучеръ, понявшій въ чемъ дѣло, сталъ дѣятельнѣй погонять своихъ клячь, и скоро я ввелъ моихъ плѣнниковъ въ кабинетъ г. Фудроса, который уже самъ отвезъ ихъ къ префекту.

Я ожидалъ упрековъ со стороны итальянца и слезъ отъ дамы; но ни тотъ, ни другая не шелохнулись въ каретѣ и, забывшись въ углы ея, съ опущенными головами и глазами, не подавали почти признака жизни.

На другой день молодой итальянецъ получилъ паспортъ, съ приказаніемъ выѣхать изъ Франціи въ двадцать-четыре часа, а молодая графиня, подобно воровѣ Лафонтена....

..... honteuse, confuse,

Jura, mais un peu tard, qu'on ne l'y prendrait plus.

Мономаны.

Странная вещь — человѣческій мозгъ! Такъ превосходно устроенный, способный къ такому знанію, наблюденію, размышленію; зжидатель столькихъ высокихъ подвиговъ, гигантскихъ предпріятій; украшенный способностями памяти, ума, воли, онъ подверженъ въ то же время такимъ извращеніямъ, галлюцинаціямъ, которые доходятъ иногда до безумія!

Но, не доходя еще до той послѣдней степени извращенія, когда человѣкъ теряетъ совершенно разумъ и дѣлается способнымъ на множество эксцентричностей, мозгъ можетъ прійти въ то состояніе, которое называютъ обыкновенно *мономаніей* и которое состоитъ собственно въ помѣшательствѣ на одной-какой нибудь мысли, желаніи, потребности.

У нѣкоторыхъ предметъ помѣшательства совершенно отвлечененъ и состоитъ въ постоянно опредѣленномъ направленіи мысли на какой-нибудь исключительный предметъ; для одного — это страхъ воровъ, для другаго — пожаръ, для третьяго — смерть и замѣчательно, что всѣ эти три лица, пораженные каждый совершенно различнымъ отъ другаго представленіемъ, которое онъ считаетъ вполне возможнымъ, близкимъ, неизбѣжнымъ, смѣются взаимно одинъ надъ другимъ или считаютъ себя взаимно помѣшанными.

Мнѣ приходилось очень часто имѣть дѣло съ мономанами; несчастные, подверженные такой болѣзни мозга, весьма часто приходили въ

ное бюро просить содѣйствія полиціи противу ихъ *idée fixe*, или, скорѣе, противу той причины, которой они приписывали свои страданія.

Нѣсколько примѣровъ достаточно уяснят упорство преобладающей мысли у мономановъ и регулярное возобновленіе ихъ болѣзненныхъ припадковъ.

Нѣкто г. В*, старый торговецъ сукнами, прекратившій уже свою коммерцію, жилъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ Плезансъ съ своей женой и двумя дочерьми; старшей дочери было двадцать лѣтъ, младшей — восемнадцать. Какъ видитъ читатель, обѣ дѣвушки были уже въ лѣтахъ, чтобъ выйти замужъ, но ихъ отецъ вообразилъ себѣ, что существуютъ двѣ личности, два негодяя, вооруженныхъ зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ съ сатанинской точностью всѣ предметы, которые ежедневно, утромъ и вечеромъ, являются за стѣною его дома, въ тотъ часъ, когда его дочери ложатся спать или встаютъ съ постели и что, посредствомъ своего отражательнаго зеркала, эти негодяи имѣютъ возможность видѣть его дочерей почти совершенно нагими.

— Вы можете представить себѣ, конечно, милостивый государь, прибавилъ старикъ, — какъ печально должно быть подобное положеніе моихъ дочерей: не сегодня, такъ завтра могутъ явиться женихи, не правда-ли? Что же будетъ съ ними, если пройдетъ слухъ, если узнаютъ, что онѣ каждое утро и вечеръ подвергаются нахальнымъ взорамъ шалуновъ: онѣ потеряютъ добрую репутацію и тогда никто не захочетъ на нихъ жениться.

Я, разумѣется, поддакивалъ химерѣ старика и обѣщалъ ему непременно арестовать обоихъ, указанныхъ имъ повѣсь. Казалось, я успѣлъ успокоить его взволнованное воображеніе, но, двѣ недѣли спустя, чудакъ снова явился ко мнѣ и мнѣ еще разъ пришлось выслушать всѣ его жалобы на проклятое отражательное зеркало: это было его *idée fixe*! Дѣло тянулось подобнымъ образомъ около года, старикъ надобдалъ мнѣ регулярно два раза въ мѣсяцъ. Наконецъ, однажды, когда я былъ въ Плезансъ, мнѣ пришло въ голову посѣтить моего мономана.

— Милостивый государь, сказалъ я ему безъ всякихъ лишнихъ предисловіи: — я начальникъ тайной полиціи, я самъ арестовалъ уже двухъ негодяевъ, которые позволяли себѣ оскорблять вашихъ дочерей, и отражаемое зеркало было немедленно разбито мною. Что же касается до смѣльчаковъ, то они должны будутъ дать отчетъ въ своемъ поведеніи предъ судомъ. Не знаю, неожиданность ли моего извѣщенія произвела на г. В* благотворное впечатлѣніе, но только съ этихъ поръ онъ болѣе уже не являлся ко мнѣ.

Меня посѣщалъ также одинъ изъ собственниковъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, мономанія котораго была не менѣе любопытна. Этотъ несчастный былъ убѣжденъ, что каждый мужчина, встрѣчающій на лѣстницѣ его дома его жену, непременно обшариваетъ ея одежду самымъ нецеремоннымъ образомъ, и что вслѣдствіе этого,

уличные мальчишки, подкупаемые его врагами, встрѣчаютъ его жену, какъ только она выходитъ на улицу, самыми грубыми эпитетами. Первое число каждаго мѣсяца этотъ собственникъ являлся въ мой кабинетъ; онъ начиналъ, обыкновенно, въ самомъ серьезномъ и сдержанномъ тонѣ, просить меня прекратить этотъ скандалъ. Каждый разъ я увѣрялъ его, что мною учреждено уже самое строгое наблюденіе, чтобъ немедленно арестовать всякаго, кто имѣлъ бы безстыдство позволить себѣ тѣ поступки съ женщиной, о которыхъ онъ мнѣ рассказывалъ. Когда уходилъ этотъ бѣднякъ, я невольно говорилъ самому себѣ: «ну, слава Богу, теперь на цѣлый мѣсяць покоенъ!»

Одинъ мастеръ, слесарь, жившій въ Белльвиллѣ, являлся ко мнѣ въ каждое воскресенье, утромъ, прося возвратить ему покой. Этотъ бѣднякъ атаковывалъ меня каждый разъ слѣдующими словами:

— Милостивый государь, въ моей комнатѣ устроены незримые колокольчики моими многочисленными врагами, которые легко могли проложить подземныя трубы подъ моимъ домомъ, выходящія къ предмѣстью Св. Антонія, и по нимъ провести электрическую проволоку въ сообщеніе съ этими незримыми колокольчиками. Едва только я улягусь въ постель, какъ начинается оглушительный звонъ: едва только они замолкнутъ на нѣсколько мгновеній и я начну засыпать, какъ они снова начинаютъ страшный гвалтъ, не давая мнѣ никакого покоя до самаго утра.

Еженедѣльные посѣщенія ко мнѣ этого безумца продолжались около двухъ лѣтъ и разомъ прекратились.

Я узналъ позднѣе, что его помѣшательство достигло печальныхъ размѣровъ: родные принуждены были помѣстить въ домъ сумасшедшихъ (Бисетръ) и тамъ онъ вскорѣ умеръ.

Но въ числѣ всѣхъ этихъ печальныхъ фактовъ, обнаруживающихъ хрупкость мозговой организаціи человѣка, одинъ изъ самыхъ удивительныхъ, представлявшихъ когда-либо мнѣ, тотъ, о которомъ я сей-часъ разскажу.

Однажды утромъ человѣкъ доложилъ мнѣ, что одинъ господинъ желаетъ поговорить со мною объ одномъ крайне-важномъ дѣлѣ; я приказалъ тотчасъ же попросить въ мой кабинетъ посѣтителя. Это былъ низкаго роста дородный человѣкъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, брюнетъ, съ открытымъ и принципательнымъ взглядомъ.

— Милостивый государь,—началъ онъ таинственно и съ шепотомъ, опасаясь, вѣроятно, чтобъ кто-нибудь его не подслушалъ,—я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ; я содержу магазинъ, имѣю приличное положеніе въ обществѣ, жену, прелестную и молодую, которую обожаю, но которая меня обманываетъ; мнѣ давно пришло на умъ убить ея любовника, но прежде, чѣмъ рѣшиться на подобную крайность, несчастную и для жены и для меня, скандальную для всѣхъ, я рѣшилъ побывать сначала у васъ и просить васъ, послѣдить за моей невѣрной женой, чтобъ имѣть возможность схватить ее вмѣстѣ съ ея соучастникомъ,

— Вамъ извѣстенъ этотъ послѣдній?

— Нисколько, милостивый государь! моя жена слишкомъ хитра, чтобъ дать мнѣ возможность открыть его; впрочемъ, я обязанъ сказать вамъ сущую правду: нечего дѣлать! моя жена одержима мономаніей къ мужчинамъ!

— Извините, я не совсѣмъ понимаю, объясните мнѣ, что подразумеваете вы подъ этими словами.

— Извольте, я повторю: моя жена одержима мономаніей къ мужчинамъ, то есть, какъ только она увидитъ красиваго на ея взглядъ мужчину, она ни о чемъ болѣе не думаетъ, не мечтаетъ, ничего болѣе не желаетъ, какъ только обладать имъ; она начинаетъ употреблять тогда всѣ средства, чтобъ войти съ нимъ въ сношенія и до тѣхъ поръ не успокоится, пока не удовлетворитъ своего каприза.

— Но, милостивый государь, вѣдь что вы говорите — весьма серьезно!...

— Да, да! Я самый несчастный изъ людей, — что прикажете дѣлать! До тѣхъ поръ, пока возможно было, я еще сомнѣвался въ безчестіи моей жены; поздиѣе, я закрылъ глаза на ея поведеніе и стараясь излечить ее отъ порока посредствомъ заботливости, вниманія, предупредительности — ничто не помогало; теперь я пришелъ просить васъ поручить вашимъ агентамъ слѣдить за нею, наблюдать за каждымъ ея шагомъ, чтобъ захватить ее въ преступную минуту, я слишкомъ страдаю, чтобъ имѣть силы терпѣть еще болѣе.

— Къ несчастію, милостивый государь, я не могу удовлетворить васъ; вамъ необходимо подать сначала жалобу въ судъ. Слѣдственный судья прикажетъ тогда произвести слѣдствіе, нарядитъ слѣдственную комиссію и распорядится объ арестованіи виновныхъ; тогда, будьте увѣрены, я не пренебрегу ничѣмъ для вашей пользы.

Онъ ушелъ, обѣщая послѣдовать моему совѣту; недѣлю спустя, онъ снова явился ко мнѣ, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, увѣдомить меня, что онъ уже подалъ жалобу, и что слѣдственный судья отдалъ уже по ней необходимое предписаніе.

— Но гдѣ же это предписаніе? спросилъ я его.

— Вѣроятно еще въ судѣ; сдѣлайте милость, пошлите кого-нибудь за нимъ; я знаю, что все готово.

Я отправился лично въ судъ узнать объ этомъ дѣлѣ, но мнѣ объявили тамъ, что никакой жалобы не было подано, и что не знаютъ даже фамиліи того человека, о которомъ я говорю. Удивленный подобнымъ отвѣтомъ, я подумалъ, что, можетъ быть, челоубитчикъ сдѣлалъ какую-нибудь ошибку; но на другой день онъ снова явился ко мнѣ съ встревоженнымъ лицомъ и въ чрезвычайномъ волненіи.

— Повѣрите-ли вы, милостивый государь, сказалъ онъ мнѣ, что въ эту ночь, въ эту еще ночь, любовникъ моей жены пробрался въ мой домъ и, о ужасъ! въ самую спальню этого безсовѣстнаго созданія, — моей жены? Сегодня утромъ, встревоженный произведеннымъ им шумомъ, я приблизился къ дверямъ спальни, которыя были немного приотворены, и увидалъ ихъ обонхъ вмѣстѣ, и Боже мой, въ какомъ

положеніи!... Въ ту минуту, когда я входилъ въ комнату, чтобъ наказать виновныхъ и пристыдить жену въ ея безсовѣстномъ поведеніи, въ ея связи, негодные оба скрылись.

Они исчезли, бѣжали оба! И что вы думаете? жена послѣдовала за своимъ презрѣннымъ любовникомъ, захвативъ съ собою все, что только попало ей подъ руку въ драгоцѣнныхъ вещей?

Послѣ такой развязки, я могъ только сожалѣть о крайне непріятномъ положеніи, въ которомъ находился этотъ несчастный мужъ и, сообщивъ ему отвѣтъ, данный мнѣ по его дѣлу въ судѣ, я все-таки предлагалъ ему подать новую жалобу. Онъ принялъ мой совѣтъ съ большой признательностью и увѣрялъ меня, что теперь уже онъ повернетъ дѣло гораздо серьезнѣй. Уходя, онъ сказалъ мнѣ, что надѣется на мое дѣятельное содѣйствіе, для того, чтобъ ему оказана была справедливость.

На другой день, предполагая, что въ судѣ не замедлятъ прислать мнѣ приказаніе о поимкѣ бѣжавшихъ, я рѣшился напередъ узнать отъ мужа, не имѣетъ-ли онъ какихъ-нибудь новыхъ указаній, которыя дали бы мнѣ возможность напасть на слѣдъ бѣжавшихъ; съ этой цѣлью я отправился на его квартиру. Вго самого не было въ лавкѣ, но въ конторѣ сидѣла молодая, прекрасная собой женщина; я вошелъ.

— Господинъ Н*?

— Онъ отлучился на минуту, но если вы имѣете что-нибудь ему сообщить, то я его жена....

— Какъ, вы... его жена?

— Точно такъ, милостивый государь; что вы находите въ этомъ удивительнаго?

Всѣмъ понятно, я думаю, мое удивленіе и изумленіе.

— Но извините, — началъ я, стараясь по возможности казаться хладнокровнымъ, я полагалъ, что вы уѣхали... что вы за городомъ?

— Позвольте мнѣ полюбопытствовать, милостивый государь, кто вы такой?

— Да я, мадамъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ начальникъ тайной полиціи.

— О! теперь я понимаю, въ чемъ здѣсь дѣло, прибавила она съ своей восхитительной улыбкой; вѣрно мой мужъ являлся уже къ вамъ съ своими глупостями! Это меня нисколько не удивляетъ, потому что съ нѣкотораго времени онъ мнѣ грозилъ вами. Мы нѣсколько лѣтъ уже женаты; сначала мы были весьма счастливы, но потомъ ревность мужа приняла такіе размѣры, что тронула его разсудокъ. Теперь ему чудится мой любовникъ не только въ каждомъ незнакомомъ человѣкѣ, который является къ намъ по дѣлу, но въ каждомъ мужчинѣ, проходящемъ по улицѣ, если этотъ взглянетъ въ окна нашего магазина.

Нѣкоторыя свѣдѣнія, приобретенныя мною постороннимъ образомъ, вполне подтверждали слова этой женщины, справедливо уважаемой всѣми, кто только зналъ ее.

Только тогда я убѣдился въ умственномъ разстройствѣ ея мужа; между тѣмъ, ничто въ его походкѣ, взглядѣ, рѣчахъ, голосѣ не обнаруживало человѣка, подверженнаго какому-нибудь болѣзненному разстройству; вотъ почему, сначала, я вѣрилъ всѣмъ его представленіямъ.

Нѣсколько дней послѣ моего посѣщенія въ магазинъ, чудакъ снова явился ко мнѣ. Я сталъ всматриваться въ него попристальнѣе; его наружный видъ нѣсколько не измѣнился, но въ разговорѣ со мной на этотъ разъ онъ уже заврался. Онъ началъ съ величайшимъ хладнокровіемъ говорить мнѣ:

— Милостивый государь, вчера я лично съ особенной тщательностью заперъ всѣ выходы и двери моей квартиры; къ несчастію, между двумя половицами оказалась щель, которую я не замѣтилъ. Любовникъ моей жены воспользовался-таки этимъ единственнымъ отверстіемъ, проникъ въ домъ и пробрался до самой постели моей супруги! Повѣрите-ли?

— Я знаю, знаю, отвѣчалъ я; но я принялъ уже необходимыя мѣры, чтобъ покончить это дѣло; принявъ довѣрчивый тонъ, я прибавилъ: Знайте, что я послалъ двухъ незримыхъ агентовъ, которые немедленно же арестуютъ каждаго человѣка, которому вздумалось бы проникнуть къ вашей женѣ. Такъ-то, мой любезный. Теперь вамъ нечего уже опасаться, и вы можете почивать самымъ спокойнымъ образомъ.

Мой мономанъ ушелъ отъ меня въ восторгѣ, восклицая: Ахъ! какая счастливая мысль! Какая прекрасная мысль! Теперь я отомщенъ!

Я не встрѣчался съ нимъ болѣе, и не знаю, что съ нимъ случилось.

Убийство Жюльеты Фламми.

23 іюля 1851 года къ одному винному торговцу и содержателю номеровъ въ улицѣ Шершъ-Миди вошли, около девяти часовъ вечера, одинъ молодой человѣкъ съ молодой дѣвушкой, прилично одѣтой и, казалось, принадлежавшей къ рабочему классу; они спросили у хозяина отдѣльную комнату и бутылку вина. Бѣда прошло полчаса, какъ молодой человѣкъ сошелъ внизъ и тихонько вышелъ изъ дому. По прошествіи нѣкотораго времени, лакеи при номерахъ, видя, что молодой человѣкъ не возвращается и не слыша никакого шума въ занятой имъ комнатѣ, пожелали узнать, не ушла-ли изъ номера и молодая дѣвушка, такъ, что они не замѣтили; но, отворивъ дверь занятой комнаты, они отступили назадъ, пораженные тѣмъ, что увидѣли. Постель была залита кровью; молодая дѣвушка лежала на ней бездыханной; зіяющая, глубокая рана въ ея шеѣ говорила ясно о томъ, что совершенномъ преступленіи! смерть несчастной дѣвушки должна была быть мгновенной, потому что у ней была перерѣзана станова я жила. Полицейскій комиссаръ квартала былъ тотчасъ же призванъ; онъ засвидѣтельствовалъ преступленіе, и жертва его, ид-

кому изъ окружающихъ не знакомая, была отвезена въ Ла-Моргъ, гдѣ я посидѣвши немедленно же поставилъ двухъ тайныхъ агентовъ для наблюденія, чтобъ узнать, не признаеть-ли кто-нибудь несчастную. Лицо, которому пришлось прежде всѣхъ сообщить мнѣ необходимыя свѣдѣнія объ убитой — была, къ сожалѣнію, ея мать, и вотъ обстоятельства, предшествовавшія преступленію.

Жюльета Фламъ имѣла семнадцать лѣтъ и занималась стиркой тонкаго бѣлья. Она была отлана почти ребенкомъ въ ученье, и ея головка, весьма слабая, можетъ быть, чтобы отличить добро отъ зла, прониклась печальными началами жавѣстныхъ мастерскихъ. Однимъ словомъ, совращенная дурными примѣрами, Жюльета, вѣтронная и хорошенькая, стала вести себя не совсѣмъ безукоризненно.

Въ день своей смерти, несчастная дѣвушка утромъ пришла по обыкновенію на работу въ свое заведеніе, въ улицѣ д'Анжевилл; но около полудня къ ней пришелъ нѣкто Гембло, девятнадцатилѣтній молодой человекъ, продавецъ лимонада въ улицѣ св. Лазаря, съ которымъ у Жюльеты давно уже были интимныя отношенія; молодые люди вышли изъ прачешной вмѣстѣ, и затѣмъ никто не зналъ, что съ ними сдѣлалось.

Не знаю, почему, но мнѣ показалось, что упомянутый молодой человекъ долженъ быть убійца Жюльеты. Распросивъ у вдовы Фламъ о наружности предполагаемаго мною убійцы и узнавъ отъ нея же адресъ его матери, я отправился разузнать о Гембло у торговца лимонадомъ, въ улицѣ св. Лазаря. Гембло дѣйствительно былъ прикащикомъ у этого торговца, но нѣсколько дней уже, какъ объявилъ мнѣ хозяинъ, онъ исчезъ изъ лавки; я сдѣлалъ тогда распоряженіе, чтобъ его имя искали въ спискахъ лицъ, проживающихъ во всѣхъ парижскихъ гостинницахъ и меблированныхъ комнатахъ; но и здѣсь онъ былъ совершенно неизвѣстенъ. Увѣренный уже, по собраннмъ мною свѣдѣніямъ, что я имѣю дѣло съ не совсѣмъ обыкновеннымъ убійцей, я пришелъ къ заключенію, что для того, чтобъ схватить его, мнѣ нѣтъ надобности прибѣгать къ разнымъ тонкостямъ и уловкамъ моего ремесла. Я совершенно измѣнилъ составленныя прежде намѣренія, и убѣжденный почти, что Гембло не оставитъ Парижъ, не простившись съ своею матерью, къ которой онъ былъ нѣжно привязанъ, я помѣстилъ въ домѣ этой послѣдней двухъ тайныхъ агентовъ, приказавъ имъ не только слѣдить за этой женщиной всюду, куда бы она ни пошла, но и наблюдать за всѣми тѣми лицами, которыя пришли бы къ ней, въ особенности же поздней ночью. Мнѣ казалось, что Гембло непременно пошлетъ къ своей матери или коммисіонера или кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, чтобъ попросить ее прійти къ нему туда, гдѣ онъ скрывается; я приказалъ также наблюдать надъ тѣмъ домомъ, въ которомъ жила Жюльета, подгадалъ, что, можетъ быть, ея любезный вздумаетъ явиться въ этомъ домѣ, чтобъ отклонить подозрѣнія. Наконецъ, третій наблюдательный постъ былъ нараженъ мною въ Ла-Моргѣ, чтобъ схватить Гембло, еслибы ему пришла въ голову фантазія посмотреть на свою жертву на пе-

человекъ помостѣ; и такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ не слѣдуетъ пренебрегать ни однимъ шансомъ къ успѣху, я сообщилъ наружнимъ примѣтамъ Гембло всѣмъ агентамъ, стоящимъ на площадяхъ и улицахъ, чтобъ въ случаѣ, еслибы онъ показался на улицѣ, они могли арестовать его. Спустя день послѣ совершеннаго преступленія, къ матери Гембло пришла въ девять часовъ вечера какая-то женщина. Когда она вышла снова на улицу, за ней последовалъ агентъ и видѣлъ, какъ въ улицѣ Сентъ-Оноре эта женщина подошла къ молодому человѣку, ожидавшему ее на тротуарѣ. Обмѣнявшись другъ съ другомъ нѣсколькими словами, они разстались: женщина вошла въ домъ № 112, а молодой человѣкъ продолжалъ идти по дорогѣ къ Пале-Роялю. Въ это время слѣдовавшему за молодымъ человѣкомъ агенту показалось, что онъ узналъ убійцу, но чтобъ лучше убѣдиться въ сходствѣ этого молодого человѣка съ сообщенными ему примѣтами, агентъ перешелъ на претивооложный тротуаръ: но затѣмъ, по какому-то необъяснимому недоумѣнію, вмѣсто того, чтобъ немедленно же арестовать молодого человѣка, агентъ сталъ просто слѣдовать за нимъ, чтобъ узнать: гдѣ онъ живетъ. На поворотѣ въ одну изъ улицъ сталкиваются двѣ кареты, кучера начинаютъ перебранку между собою, иѣшеходы бѣгутъ отъ лошадей и Гембло также исчезаетъ вмѣстѣ съ ними, оставивъ за собой агента на другой сторонѣ улицы. Когда этотъ послѣдній замѣтилъ уже, что потерялъ изъ виду преслѣдуемаго имъ человѣка, онъ сталъ метаться въ разныя стороны, надѣясь снова напасть на предметъ своихъ преслѣдованій. Но неожиданно, среди всей этой путаницы, агентъ снова замѣчаетъ скрывшагося у него изъ виду молодого человѣка; со спертымъ дыханіемъ, боясь моргнуть глазомъ, агентъ снова начинаетъ слѣдить за нимъ и видитъ, какъ онъ вошелъ въ домъ, сѣдланій съ подворьями Лафитта и Кайлльара. Но въ ту-то минуту агентъ потерялъ присутствіе духа и ограничился лишь тѣмъ, что приближалъ ко мнѣ рассказать объ всѣхъ этихъ обстоятельствахъ. Я приказалъ этому вахлаку тотчасъ же вести себя въ замѣченный имъ домъ, въ которомъ я произвелъ обыскъ съ подвала до чердака, но безуспѣшно. Мнѣ сказали, что, дѣйствительно, въ часъ, указанный агентомъ, въ домъ входилъ одинъ молодой человѣкъ, но все, что у него было общаго съ Гембло, то это — дѣта и сложеніе. Послѣ этого посѣщенія, я отправился къ дому № 112, въ той же улицѣ; въ привратницѣ этого дома мой агентъ узналъ ту женщину, которую онъ преслѣдовалъ. Я спросилъ у этой госпожи о причинѣ ея посѣщенія къ матери Гембло, и что было за человѣкъ, съ которыми она говорила въ улицѣ Сентъ-Оноре? Она созналась мнѣ, что сынъ Гембло просилъ ея, какъ близкую къ ея матери, сказать этой послѣдней, что онъ желалъ бы повидѣться съ нею, и что онъ будетъ ожидать ее въ улицѣ Сентъ-Оноре, что мать Гембло не рѣшилась идти на свиданіе съ сыномъ, предполагая, что полиція слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ. Это послѣднее обстоятельство подтверждало въ моихъ глазахъ виновность сына Гембло. Я помнилъ двойную неловкость агента, который имѣя преступника почти уже въ

своихъ рукахъ, далъ ему возможность уйти, а самъ сталъ преслѣдовать вмѣсто него другое лицо; но все-таки увѣренный, что по своему характеру Гембло не рѣшится предпринять какого-нибудь рѣшенія, не повидавшись сначала съ своей матерью, и что для этого онъ снова обратится къ знакомой привратницѣ, я поставилъ наблюдательный постъ въ квартирѣ этой послѣдней: назначивъ новыхъ агентовъ, которые должны въ пять часовъ утра на другой день снѣжить тѣхъ, которые сторожили ночью, я отправился домой, но не раяше, какъ убѣдившись предварительно, что все люди занимаютъ назначенные имъ посты. Мнѣ до такой степени было досадно на неуклюжія соображенія и столбнякъ моего агента, что я провелъ безъ сна цѣлую ночь. На утро меня ожидала новая непріятность, но, къ счастью, она не могла повести къ худымъ послѣдствіямъ. Агентъ, поставленный мною въ квартирѣ привратницы, отлучился утромъ съ своего поста перекусить съ своими товарищами въ сосѣднемъ пегрбекѣ. Между тѣмъ во время этого отсутствія, хотя и продолжавшагося не болѣе пяти минутъ, сынъ Гембло снова пришелъ къ привратницѣ просить ее отправиться вмѣстѣ къ его матери. Проидя еще нѣсколько минутъ, дѣло бы еще разъ было проиграно, но, къ счастью, агентъ успѣлъ возвратиться къ своему посту во-время, и убійца Жюльеты Фламмы былъ арестованъ и отправленъ въ префектуру полиціи, гдѣ я и приступилъ тотчасъ къ его допросу.

— Какъ ваше имя и фамилія?

— Юзефъ Гембло.

— Который вамъ годъ?

— Девятнадцать лѣтъ.

— Гдѣ вы родились?

— Въ Намсѣ.

— Ваше занятіе?

— Я былъ прикащикомъ у продавца лимонада въ улицѣ св. Лазаря.

— Это вы—убійца Жюльеты Фламмы?

— Да, я, милостивый государь.

И при этихъ послѣднихъ словахъ, его взволнованныя черты выразили безконечное мученіе; онъ поднялъ глаза къ небу и сталъ рассказывать мнѣ все обстоятельства ужасной драмы. Въ голосѣ слышалась святая истина.

— Я любилъ Жюльету самой живой, пламенной любовью, какую только можно вообразить; для меня она составляла жизнь, счастье! Но, несчастная, она не понимала, на сколько глубоко и неистово было мое чувство къ ней; вотъ почему, своей кокетливостью и непослѣдовательнымъ поведеніемъ, она такъ часто возбуждала во мнѣ припадки ревности, съ которой я не могъ совладать и которая выводила меня изъ себя. Съ полмѣсяца тому назадъ, со мной повстрѣчалась одна изъ ея подругъ:

— Знаете-ли. Жозефъ, сказала она мнѣ: -- вѣдь Жюльета-то васъ обманываетъ.

— Полноте! Вы шутите!

— Нисколько! Я не лгу и клянусь вамъ, что у Жюльеты есть любовникъ....

— Но вѣдь....

— Да не мнѣ, а просто винный торговецъ, старикъ, который живеть вогъ тамъ-то и тамъ-то и, должно быть, содержитъ ее, потому что овъ недавно еще обмоблировалъ ее комнату. Бѣдный юноша! Подите же; а вѣдь вы не этого заслуживаете, и еслибъ это я....

Но я не слушалъ уже ее болѣе. я бѣжалъ, какъ полумумный, не зная, гдѣ скрыть мою ревность и ярость; я пытался было броситься подъ колеса какой-нибудь кареты; всѣ мои мысли спутались!... Когда я успокоился нѣсколько, я рѣшился послѣдить самому за невѣрной и убѣдиться уже положительнымъ образомъ, навѣрнякъ, въ грозившемъ мнѣ несчастіи. Я ушелъ изъ лавки, не говоря никому ни слова, чтобы устроить засаду; дѣйствительно, вскорѣ я увидѣлъ Жюльету, входившую къ указанному мнѣ винному торговцу. Она осталась у него съ четверть часа и, едва только она вышла, какъ я осадилъ ее самыми горячими упреками. Она стала рыдать и клялась мнѣ, что никогда не пойдетъ болѣе къ этому мерзавцу. Не смотря на это обѣщаніе Жюльеты, во мнѣ родилась мрачная мысль, мысль о мщеніи; я предпочелъ видѣть мою любезную мертвою, чѣмъ въ объятіяхъ какого-нибудь другаго, и положилъ въ умѣ убить ее, если ея поведеніе дастъ мнѣ еще поводъ подозрѣвать измѣну съ ея стороны. Я продолжалъ слѣдить за нею. Нѣсколько дней поздиѣе рассказанной мною сцены, я увидѣлъ ее садившуюся въ омнибусъ, за которымъ, разумѣется, я послѣдовалъ; но скоро дыханіе у меня сперлось, я сталъ бояться потерять ее изъ виду: я вскочилъ самъ къ карету и, сѣвъ возлѣ нея, сталъ спрашивать, куда она ѣдетъ.

— Я ѣду къ одной изъ моихъ подругъ, съ которой я очень дружна, отвѣчала она, но съ безпокойствомъ и замѣшательствомъ, ясно показывающими, что она лгала.

Я проводилъ ее до ея матери, но съ той поры мысль: «этому можно положить конецъ! Я убью ее!» не выходила изъ моей головы.

Позавчера я отправился за нею къ ея хозяйкѣ, въ улицѣ д'Анжеллье, подѣ предлогомъ прогулки. Былъ полдень; мы гуляли до десяти часовъ вечера; такъ какъ въ это время мы были въ улицѣ Шершъ-Миди, то и зашли къ ближайшему винному торговцу, у котораго отдавались отдѣльные номера: я спросилъ отдѣльную комнату и бутылку вина. Войдя въ номеръ, мы оба въ платьѣ легли на постель; я положилъ тотчасъ же мою руку на ея шею, спросивъ: любить ли она меня?

— Да, отвѣчала Жюльета, но такимъ холоднымъ, равнодушнымъ тономъ, что, право, не умѣю объяснить вамъ теперь, что произошло во мнѣ въ ту минуту; кровь бросилась въ мою голову и помрачила мои глаза. Я опустилъ руку въ карманъ моего пальто и досталъ оттуда нарочно приготовленную заранѣе бритву и, раскрывъ ее незамѣтно, перебрѣзалъ горло моей милой Жюльеты. «Матушка! мат...ка!» успѣла пролепетать она, и умерла.

При этихъ словахъ рыданія захватили дыханіе Гембло и онъ долженъ былъ приостановить свой рассказъ.

На сколько я ни былъ привыченъ уже къ подобнымъ событіямъ, на сколько ни было во мнѣ хладнокровія, пріобрѣтеннаго моею долговременною практикой — въ эту минуту я самъ не могъ не почувствовать самого живаго состраданія къ жертвѣ прѣупленія и даже къ самому преступнику, и слезы выступили на моихъ глазахъ. Я нисколько не хвалюсь этимъ, но и не сожалею объ этомъ.

Гембло продолжалъ:

— Когда я совершилъ преступленіе я вымылъ сначала мои окровавленные руки, затѣмъ, застегнувъ пальто на все пуговицы, чтобы скрыть пятна брызнувшей на меня крови, я облобызалъ въ послѣдній разъ мою бѣдную жертву. Я направился, по выходѣ изъ дому, къ рѣкѣ, чтобы смыть кровавыя пятна, запекшіяся на моемъ платьѣ. Затѣмъ я пошелъ къ моей матери и, посидѣвъ у нея немного времени, простился съ нею, сказавъ ей: «попробуйте меня, матушка, въ послѣдній разъ, — я погибъ! Я негоду! Все кончено: меня ожидаетъ эшафотъ!...» Разставшись съ матерью, я пошелъ куда глаза глядятъ, изъ одной улицы въ другую, не давая себѣ никакого отчета, куда и зачѣмъ иду: наконецъ, проходивъ весьма долго, я удивился, видя себя за заставой Парижа. Тогда я зашелъ въ первый попавшійся домъ съ мебелированными комнатами и спросилъ себѣ номеръ, чтобы провести ночь. Вчера утромъ я ходилъ въ Ла-Моргъ, надѣясь взглянуть еще разъ на дорогія черты той, которую я обожалъ; но, увы! мнѣ не удалось и это счастье: тѣло Жюльеты было уже убрано. Грустно мнѣ было: вѣдь какъ любилъ я ее! Мнѣ пришла тогда мысль покончить съ моею жизнью, чтобы прервать мое невыносимое впредъ существованіе; но прежде, чѣмъ поивести мое намѣреніе въ исполненіе, мнѣ захотѣлось исповѣдаться. Я обѣгалъ много церквей, надѣясь хоть въ какой-нибудь застать священника, но и это послѣднее утѣшеніе не давалось мнѣ — я не засталъ ни въ одной церкви священника. Тогда я снова нанялъ комнату, чтобы провести ночь. Теперь, я знаю, что для меня насталъ конецъ, и я благодарю за это Бога, потому что для меня было бы слишкомъ мучительно жить съ постояннымъ воспоминаемъ, что я убилъ ту, которая составляла для меня все на землѣ.

Въ продолженіе этого разказа, Гембло лишь обильныя слезы и постоянно поднималъ глаза къ потолку, часто съ умоляющимъ выраженіемъ въ нихъ. Мнѣ до сихъ поръ ни разу не удалось допрашивать подобнаго убійцу. Это былъ какой-то особнякъ, аномалія, убійца, обожающій свою жертву, сожалеющій о ней, но въ то же время одобряющій себя въ глубинѣ души въ томъ, что онъ сдѣлалъ.

Я хотѣлъ сказать ему что-то, но замѣтилъ, что онъ падаетъ въ обморокъ. Сначала я подумалъ, что эта слабость въ немъ составляетъ результатъ глубокаго душевнаго волненія, которое вызвало въ немъ его собственная исповѣдь мнѣ; но когда отъ дѣйствія спирта онъ снова пришелъ въ себя, то сознался мнѣ, что еще со вчераш-

ного дня онъ отказалъ себѣ въ пищу, намѣреваясь умереть голодной смертью. Я упрекнулъ его въ подобномъ намѣреніи, прибавивъ, что нельзя повѣрить, чтобы онъ могъ рѣшиться на нее, такъ какъ онъ вѣритъ же, что Богъ проститъ ему его преступленіе.

— Да, ваша правда, отвѣчалъ онъ: — мнѣ грѣшно было имѣть подобную мысль, такъ какъ я возлагалъ все упованіе мое на Бога, надѣясь, что, по своей безконечной благодати, Онъ умилосердится надо мною и позволитъ мнѣ въ томъ, лучшемъ мірѣ, снова соединиться съ моей милой Жюльетой.

Я поспѣшилъ распорядиться, чтобы ему принесли супу и вина, которые онъ глоталъ съ алчностью и вполнѣ подкрѣпилъ свои силы. Начиная съ этой минуты, онъ не выражалъ ни малѣйшаго намѣренія на самоубійство.

Предъ судомъ, Гембло повторилъ снова всѣ сдѣланныя имъ мнѣ показанія. Каждый разъ, какъ я навѣщалъ его въ тюрьмѣ, его не покидали тѣ же мысли, та же надежда на милосердіе Божіе, та же любовь къ той Жюльетѣ, которую убила его ревность. Когда я начиналъ говорить ему о его процессѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: «ахъ! какъ бы хотѣлось, чтобы поскорѣе присудили меня къ смерти, чтобы я могъ соединиться съ Жюльетой, которая ждетъ меня въ небесахъ!»

Нѣсколько дней спустя послѣ прочтенія ему приговора, я видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ.

— Скоро для меня все кончится въ этомъ мірѣ, сказалъ онъ мнѣ съ явнымъ удовольствіемъ. — У меня есть, впрочемъ, одно желаніе: увидаться съ вами передъ смертью, чтобы поблагодарить васъ за всю вашу доброту ко мнѣ.

Онъ протянулъ мнѣ руку, которую я слегка пожалъ въ моей рукѣ; онъ благодарилъ меня взглядомъ, полнымъ такой признательности, что я обѣщалъ ему присутствовать при его послѣднихъ минутахъ. Но въ день его казни, 16 декабря, я не былъ уже начальникомъ тайной полиціи, будучи уволенъ въ отставку еще 15 ноября; а до сихъ поръ жалѣю, что не могъ сдержать даннаго мною Гембло обѣщанія.

Вотъ какъ «Journal des Debat» давалъ отчетъ своимъ читателямъ о казни Гембло:

«Сегодня утромъ, около шести съ половиною часовъ, къ Гембло вошелъ тюремный священникъ и преподавалъ преступнику религіозное утѣшеніе; осужденный востѣпилъ слова пастыря съ большой охотою и оставался на исповѣди почти часъ времени.

«Въ три четверти восьмага, палачъ, ожидавшій въ сосѣдней комнатѣ, потребовалъ преступника, который и былъ переданъ палачу священникомъ, для переодѣванья. Войдя въ комнату къ палачу, Гембло, замѣтивъ директора тюрьмы, поклонился ему и сказалъ тихимъ голосомъ: «прощайте, господинъ директоръ; благодарю васъ за все ваше вниманіе ко мнѣ во время моего заключенія здѣсь». Директоръ тюрьмы просилъ осужденнаго не терять присутствія духа; духовникъ отвѣчалъ: «не безлокойтесь, онъ сохранитъ твердость духа, я вамъ отвѣчаю за это, потому что онъ начерпнулъ ее въ религіи.» Одинъ

изъ тюремныхъ служителей спросилъ у осужденнаго, не желаетъ-ли онъ съѣсть чего нибудь; тотъ отвѣчалъ, что ничего не хочетъ; но, по настоянію своего духовника, онъ согласился выпить стаканъ вина. Затѣмъ его стали одѣвать; во все время этихъ приготовленій, продолжавшихся, впрочемъ, не болѣе нѣсколькихъ минутъ, онъ не сказалъ ни одного слова и былъ вполне спокоенъ. По совершеніи одѣванья, онъ попросилъ самъ второй стаканъ вина, выпилъ его, и печальная процессія тронулась пѣшкомъ изъ тюрьмы; осужденный — между духовникомъ и палачомъ впереди.

«Согласно постановленію префекта, отъ послѣдняго ноября, о томъ, чтобы всѣ уголовные преступники, осужденные на смерть, были казнимы въ Парижѣ, на площади Ларокеттъ, предъ тюрьмой того же названія — сегодня утромъ былъ устроенъ эшафотъ на этой же площади.

«Гембло, оставляя тюрьму, просилъ своего духовника написать къ его отцу и матери, чтобъ извѣстить ихъ о тѣхъ религіозныхъ чувствахъ, съ которыми онъ встрѣчалъ смерть, прибавивъ, что отъ духовника уже будетъ завѣсть извѣстить какъ можно позднее его мать о его смерти. Затѣмъ Гембло твердой поступью прошелъ тюремный дворъ, слушая съ особеннымъ вниманіемъ напутственные совѣты священника и читая вслухъ за нимъ разныя молитвы. Выйдя за ворота, на улицу, Гембло, полагавшій, что эшафотъ ожидаетъ его на площади Св. Іакова, слегка ужаснулся, когда увидѣлъ эшафотъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя. Онъ просилъ своихъ помощниковъ поддержать его до ступеней эшафота; подойдя къ эшафоту, онъ сталъ на колѣна, чтобъ прочесть свою послѣднюю молитву. Затѣмъ, приложившись съ особенной алчностью ко кресту и поцѣловавъ духовника, онъ взшелъ на эшафотъ, не говоря ни слова, поддерживаемый, по его просьбѣ, палачемъ; спустя нѣсколько секундъ, чадотѣческая справедливость была удовлетворена».

СЦЕНЫ ИЗЪ КИРГИЗСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

СУЛТАНДЖАНЪ.

У огня, поджавши ноги,
Молча сълъ *джигитъ*...
Онъ изволнованъ, полнъ тревоги,
Зорко вдаль глядитъ...
По кустарникамъ тѣнистымъ
Скачутъ сернь стада,
И каскадомъ серебристымъ
Льется съ горъ вода.
Въ сторонѣ-жь, изъ-за кургановъ,
Пронеслися вскачь:
Стадо дружное *кулановъ* *
И олень-маргачъ...
Только пылъ у косогора
Поднялась столбомъ
И въ чащѣ сыраго бора
Разнеслась потомъ...
Знойный полдень, догорая,
Погасаль у скаль,
Султанджанъ, глазъ не смыкая.
Все кого-то ждалъ?...
Ждалъ изъ ближняго *аула*
Онъ къ себѣ Фатьму.
Но *чрагымъ* **, зная, обманула,
Не пришла къ нему!...
А вѣдь онъ и знатенъ родомъ,
И красивъ собой,
И не старъ, и чтимъ народомъ
Въ сторонѣ родной!
Зная, она забыла ласки?

* *Куланъ*—дикий осаль (древ.—онагръ).

** *Чрагымъ* — дословный переводъ—лучезарная; то же, что у насъ выражаетъ—лушка.

Сталь немилъ *джигитъ*?
 Уже въ узенькіе глазки
 Ей другой глядить?..
 Нѣтъ, Фатьма бы прибѣжала
 Милаго обнять,
 Еслибъ только не узнала
 Обо всемъ томъ мать...
 «Увезутъ тебя—плутовку!»
 Говорить она,
 А Фатьма, склонивъ головку,
 Плачетъ безъ-ума!...
 Мать же бредитъ все *калымомъ* *,
 Хочетъ дочь продать
 И морить, бѣдняжку, дымомъ
 Сряду дней ужъ пять!
 Не пускаетъ на полянѣ
 Погулять одной, —
 Все твердитъ, «что тамъ, въ туманѣ,
 «Бродитъ хищникъ злой...
 «Увезетъ тебя онъ даромъ
 «Погубить, злодѣй!
 «Я-жь въ *кошѣ* ** останусь старомъ —
 «И *калымъ* ничей!...»
 Вотъ и ночь ужъ наступаетъ,
 И луна блеститъ;
 Султанджанъ коня сѣдлаетъ, —
 Самъ въ *ауль* спѣшитъ.
Ариамакъ *** несется прытко,
 Клубомъ пыль вокругъ...
 Вотъ знакомая *кибитка*...
 Поклялся наѣздникъ ратный
 Предъ *кошомъ* ся
 И, схвативши ножъ булатный,
 Соскочилъ съ коня.
 Дверь отворена... Вошелъ онъ...
 На кошмѣ лежитъ
 Мать Фатьмы... И, злобы полонъ,
 Прямо къ ней бѣжитъ!...
 Вѣренъ былъ ударъ булата —
 Нѣтъ старухи злой!...

* *Калымъ*—плата за невѣсту.

** *Кошъ*—войлочное жилище; однозначущее слово «кибиткѣ».

*** *Ариамакъ* — одна изъ лучшихъ породъ лошадей въ киргизъ-кайсацкихъ степяхъ.

И Фатьму улазъ бѣдъ, обратя
 Опъ улазъ бѣдъ, обратя
 Въ чистомъ долу, въ просторѣ,
 Конь, какъ въ долу, обратя,
 А вдали, въ долу,
 Боръ, въ долу, обратя,
 Святъ песня, въ долу,
 У подножья горы,
 Тихо стелюся, въ долу,
 Обнимаю бѣдъ,
 Какъ серебряныя бѣдъ,
 На ковчѣ, въ долу,
 Озера видны отъ долу,
 Имъ, среди стѣнъ,
 Всюду видны, въ долу,
 Таки ** въ долу,
 И роскошныя долины
 Полны, въ долу, обратя!
 Все вокругъ, въ долу, обратя...
 Востъ, въ долу, обратя...
 Но лобзаній нѣтъ, въ долу,
 Ужъ никто, въ долу, обратя!

КУРБАНЬ БАЙРАКЪ ***.

Что за ширь, въ долу, обратя,
 Въ цѣломъ Аширѣ ****,
 Что за радостныя лица
 Любятъ по долу,
 Всюду рѣжутся, въ долу,
 И горятъ костры,
 Всюду ставятся въ таганы
 На огнѣ, въ долу,
 И обширное пространство
 Все озарено!

* *Бурханъ* — песчаная насыпь или возвышенность.

** *Таки* — нѣчто въ родѣ ораговъ.

*** Курбань-Байракъ — самый наибольшій праздникъ у всѣхъ мусульманскихъ народовъ.

**** Ашире — округъ, въключающій въ себѣ нѣсколько киргизскихъ родовъ.

Всюду роскошь и убранство—
 Все оживлено!
 Здѣсь, въ кругу межъ удалцами,
 Пляски и борьба,
 А поодаль, за холмами,—
 Скачки и стрѣльба!
 Тамъ же, рѣзвья дѣвицы,
 У побережья водъ,
 Собралися вереницей
 Въ стройный хороводъ!...
 Не султанъ-ли возвратился
 Изъ далекихъ странъ;
 Иль не новый-ли явился
 Грозный Чингизъ-ханъ,
 И пируя въ путь далекой,
 Снаряжаетъ рать—
 Непоклонниковъ Пророка
 Всѣхъ завоевать?...
 Иль султанъ отбилъ со славой
 Чуждый караванъ.
 И, пируя средь забавы,
 Оживилъ такъ станъ?...
 Нѣтъ, тотъ пиръ, средь степи дикой,
 Потому, что тамъ
 Наступилъ Курбанъ великій—
 Праздникъ мусульманъ!...
 Чу! *азанъ* * творять ужъ муллы!
 Съ горной вышины,
 Видятъ мирные аулы—
 Блещетъ рогъ луны.

М. МАЛАЧЕВЪ.

1862 г. сентября 3 дня.

* Азанъ — молитва, или вообще богослуженіе, совершаемое муллами въ мечетяхъ.

О НЕОБХОДИМОСТИ

раскладки налоговъ общественными при- судными судами.

Въ настоящее время теоретически не подлежитъ уже болѣе никакому сомнѣнію, что устройство разныхъ сферъ общественной жизни производится дѣйствіемъ неизмѣнныхъ естественныхъ законовъ. Въ свободныхъ государствахъ самостоятельность естественныхъ законовъ, опредѣляющихъ социальныя отношенія, должна обнаруживаться, между прочимъ, въ самоуправленіи городовъ и сельскихъ обществъ и въ защитѣ благопріобрѣтенныхъ и общечеловѣческихъ правъ гражданъ, независимыми отъ административной власти, судами. Признаніемъ самоуправления городовъ и обществъ и независимости судовъ, государственное управленіе освобождается отъ тяжелой обязанности обсужденія огромнѣйшей массы незначительныхъ дѣлъ и отъ ответственности за послѣдовавшія въ нихъ рѣшенія, чѣмъ и упрощается весь государственный механизмъ. Вслѣдствіе того увеличивается и сила и безопасность государствъ.

Въ числѣ предметовъ, которые необходимо слѣдовало бы предоставлять самому народу, заключается и раскладка налоговъ. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ во всѣхъ почти современныхъ государствахъ обнаруживается противоположное тому стремленіе.

Взимаемые съ отдѣльныхъ гражданъ налоги должны быть исчислены по ихъ чистому доходу, потому главная задача финансового управленія состоитъ:

1) Въ изслѣдованіи дѣйствительной величины чистаго дохода каждаго гражданина, и

2) Въ опредѣленіи процентовъ съ этого чистаго дохода, которые граждане обязаны жертвовать въ пользу государства.

Въ последнемъ отношеніи, въ теоріи по крайней мѣрѣ, признанъ принципъ равенства.

Изслѣдованіе дѣйствительной величины чистаго дохода каждаго гражданина есть задача хозяйственной статистики. Потому развитіе хозяйственной статистики должно считать единственнымъ условіемъ равномерной между всѣми гражданами раскладки налоговъ.

Вслѣдствіе недостаточнаго до сихъ поръ во всѣхъ современныхъ государствахъ развитія подобной статистики, правительства для приблизительнаго, по крайней мѣрѣ, опредѣленія таксъ, взимаемыхъ съ каждаго гражданина, изобрѣли разныя финансовыя системы. Всѣ эти системы имѣютъ слѣдующіе главные недостатки:

1) Онѣ основаны на ложномъ предположеніи, что можно произвольно раздѣлить народное хозяйство въ его дѣйствительности, по какимъ либо теоретическимъ моментамъ, между тѣмъ какъ по его существу, народное хозяйство составляетъ одно органическое и нераздѣльное цѣлое, части котораго тѣснѣйшимъ образомъ между собою связаны. Такъ напр. поземельный налогъ основывается на ложномъ предположеніи, будто бы изъ одного владѣнія землею можно было заключить и о чистомъ доходѣ владѣльца. Раскладка поземельнаго налога производится по пространству и добротѣ поземельныхъ участковъ, такъ что владѣльцы земель одинаковаго пространства и такой же доброты должны заплатить и одинаковый налогъ. Но при этомъ совершенно теряютъ изъ виду, что одинъ поземельный участокъ расположенъ близъ большой дороги, а другой далеко отъ всякаго сообщенія, что у одного владѣльца есть средства для введенія улучшеній и покупки сельско-хозяйственныхъ машинъ, въ то время какъ другой не имѣетъ самыхъ необходимыхъ хозяйственныхъ орудій. Далѣе, не обращаютъ вниманія на различную способность и дѣятельность владѣльцевъ въ производствѣ, на то, занимается ли владѣлецъ земли исключительно сельскимъ хозяйствомъ, или, кромѣ того, и другимъ промысломъ, на то, отдава ли земля на аренду или нѣтъ, и на множество другихъ обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на состояніе и доходность поземельныхъ владѣній. Было бы очень легко, съ указанной здѣсь точки зрѣнія, доказать несправедливость и другихъ налоговъ.

2) Дѣйствующія до настоящаго времени финансовыя системы не обращаютъ надлежащаго вниманія на движеніе, въ которомъ народное и частное хозяйство безпрестанно обращается. Укажемъ напр. на промысловый налогъ. Сдѣланныя въ разныхъ странахъ классификаціи промысловъ по ихъ большей или меньшей доходности, нельзя не считать очень недостаточными опытами приблизительнаго опредѣленія обращающаго въ постоянномъ движеніи промышленнаго капитала и происходящей отъ него ренты. Промысловыя кадастры, составленные подъ участіемъ депутатовъ промышленнаго сословія, какъ напр. въ Баденѣ, должно считать менѣе вредными, нежели кадастры, составленные одними только чиновниками. Состояніе промышленности обусловливается вліяніемъ денежнаго курса, урожая, моды и множества другихъ, совершенно случайныхъ, обстоятельствъ, потому, съ измѣненіемъ положенія разныхъ промысловъ, должно было бы измѣняться и законодательство, спеціально опредѣляющее, сколько именно отдѣльные классы промышленниковъ обязаны заплатить.

3) Не смотря на то, что взимаемые съ отдѣльныхъ гражданъ налоги должны быть исчислены на основаніи ихъ чистаго дохода, по мѣрѣ хозяйственныхъ ихъ силъ и возможности платежа, правительства при раскладкѣ налоговъ не обращаютъ почти никакого вниманія на чисто личныя обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія чистый доходъ гражданъ. Домовладелецъ холостой, безъ всякаго сомнѣнія, богаче его сосѣда, владельца дома такой же цѣны, но сверхъ того и отца многочисленнаго семейства. Случившіеся въ частномъ хозяйствѣ гражданъ убытки и на другой сторонѣ происшедшія отъ счастливой спекуляціи выгоды до сихъ поръ оставались безъ всякаго вліянія на раскладку налоговъ.

4) Въ дѣйствующихъ законодательствахъ налогомъ обложены не всѣ предметы и промыслы, приносящіе доходы, потому тѣ изъ нихъ, которые налогомъ дѣйствительно обременены, несутъ всѣ тягости, которыя собственно должно было бы наравнѣ между всѣми раздѣлить. Съ какою же напр. справедливостью богатый адвокатъ, имѣющій ежегодно до 10,000 руб. чистаго дохода, за производство своей промышленности не платитъ никакого налога, между тѣмъ какъ отъ портнаго и сапожника пошлины взимаютъ? Для смягченія подобнаго неравенства въ нѣкоторыхъ государствахъ учрежденъ подоходный налогъ. Изъ всѣхъ

родовъ налоговъ ни одинъ общественнымъ мнѣніемъ не былъ осужденъ строже, нежели подоходный налогъ. Явленіе не удивительное, потому что самая большая часть людей получаетъ свои доходы изъ одного только или немногихъ источниковъ. Коль скоро подобный источникъ доходовъ уже обложенъ налогомъ, то требованіе со стороны государства, кромѣ того и подоходнаго налога, заключаетъ въ себѣ ничто иное, какъ обложеніе одного и того же источника двоякимъ налогомъ. Потому скорѣе можно было бы защищать подоходный налогъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у извѣснаго человѣка, кромѣ обложенныхъ уже налогомъ источниковъ дохода, есть еще другіе, не обложенные. Правду сказать, подоходный налогъ заключаетъ въ себѣ несправедливость только до тѣхъ поръ, пока не уничтожены всѣ прочіе роды налоговъ. Именно въ этомъ случаѣ главная цѣль финансоваго управленія, т. е. опредѣленіе чистаго дохода каждаго гражданина, лучше всего достигается учрежденіемъ подоходнаго налога. Притомъ главная трудность состоитъ въ изобрѣтеніи способа, необходимаго для справедливой раскладки, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

б) Во всѣхъ современныхъ государствахъ финансовыя законы приносятъ съ собою множество мѣръ, стѣсняющихъ свободное развитіе промышленности, предприимчивость и производительность гражданъ. Часто именно вліаніе введенныхъ для контроля формальностей вредитъ самымъ платежамъ, требуемыхъ государствомъ.

Въ этомъ отношеніи вредитъ другимъ оказывается налогъ на потребленіе. Изъ числа предметовъ потребленія по произволу правительствъ выбираются преимущественно нужныя для всѣхъ съѣстные припасы и напитки и другія, потребляемая въ большихъ количествахъ произведенія, какъ напр. бумага, табакъ и пр. Такъ какъ подобные припасы и произведенія необходимо нужны для всѣхъ вообще слоевъ народонаселенія, то въ платежѣ налоговъ на потребленіе бѣднѣйшій въ такой же степени участвуетъ, какъ и самый богатый человѣкъ. Часто налогъ на потребленіе есть ничто иное, какъ новый родъ промысловаго налога, потому что зависитъ отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ (именно отъ высоты рыночной цѣны произведенія), платится-ли онъ производителемъ или потребителемъ. Взиманіе налоговъ на потребленіе иначе невозможно, какъ подъ строжайшимъ надзоромъ правительства, или

надъ производствомъ самыхъ промысловъ, продукты которыхъ обложены налогомъ, или надъ торговлю означенными произведениями. Подобный казенный надзоръ, предполагая даже, что опредѣленные для этого чиновники люди честные, въ высшей степени вреденъ для свободнаго развитія промышленности и всей внутренней торговли. Представьте себѣ напр. работника табачной фабрики, собравшаго бережливостью маленькое состояніе изъ нѣсколькихъ сотъ рублей. Онъ желалъ бы открыть самъ маленькую табачную фабрику. Но для этого ему нужно подать прошенія въ разныя мѣста, заплатить за гербовую бумагу и внести другія пошлины за разныя свидѣтельства, чуть-ли не записаться въ гильдію, купить бандероли и т. п. Наконецъ оказывается, что по исполненіи всѣхъ, предписанныхъ закономъ, условій и формальностей для начатія самаго дѣла, именно по нанятіи квартиры и работниковъ, покупкѣ табаку и т. п., ничего не остается. Такимъ образомъ работникъ долженъ оставить свое предпріятіе впредь до пріобрѣтенія большого капитала; видя невозможность составить себѣ лучшее волюженіе, онъ падаетъ духомъ, начинаетъ пьянствовать и дѣлается опять нищимъ. Подобныхъ примѣровъ въ дѣйствительной жизни можно собрать тысячи.

Но устраните всѣ преграды, затрудняющія до сихъ поръ промышленную предпримчивость, и вы увидите, что все народонаселеніе въ короткое время сдѣлается богаче и нравственнѣе.

Какъ налоги на потребленіе стѣсняютъ преимущественно внутреннюю торговлю и промышленность, такъ же вредно таможенные пошлины дѣйствуютъ въ отношеніи къ международной торговлѣ. Необходимость свободы международной торговли въ теоріи признана, и на западѣ Европы она уже начала осуществляться. Потому излишне было бы разбирать здѣсь разныя мнѣнія, представленныя въ этомъ важномъ вопросѣ учеными и государственнымъ людьми.

6) Нѣкоторые изъ современныхъ налоговъ имѣютъ очень вредное вліяніе на нравственное состояніе народа. Укажемъ напр. на разные способы уклоненія отъ платежей таможенныхъ пошлинъ и акциза.

7) Сложная система современныхъ налоговъ приноситъ съ собою необходимость учрежденія сложнаго бюрократическаго механизма, чѣмъ и покрываемыя народомъ издержки казны напрасно увеличиваются многими милліонами.

8) Некоторые изъ современныхъ налоговъ обременяютъ преимущественно того, кто находится въ известномъ несчастномъ положеніи. Въ числѣ подобныхъ налоговъ можно поставить, напр., судебныя и гербовыя пошлины и пр.

9) Наконецъ, главный недостатокъ дѣствующихъ финансовыхъ системъ заключается въ томъ, что руководствѣ составленія финансовыхъ плановъ и раскладки на нихъ преимущественно только правительственными мѣстами, тогда какъ раскладка налоговъ должна бы быть производима публично и предоставлена одному только народу. Сила всякого на то вліянія со стороны правительства.

Теорія финансовъ во всѣхъ ея частяхъ руководствуется началами политической экономіи. Но для примѣненія въ практикѣ политико-экономическихъ теорій, по словамъ Рошера (*Syst. d. Volkswirthsch.* 1860. Bd. I, S. 30) необходимое условіе заключается въ хорошо обработанной хозяйственной статистикѣ. До сихъ поръ не достааетъ подобной статистики, потому составленіе хорошаго финансового плана, спеціально опредѣляющаго, сколько именно отдѣльные классы народонаселенія и даже отдѣльные граждане обязаны заплатить, собственно невозможно до дальнѣйшаго развитія хозяйственной статистики. Для равномерной между всеми гражданами раскладки налоговъ подобная статистика должна была бы ограничиваться не однимъ только опредѣленіемъ хозяйственнаго состоянія разныхъ слоевъ народонаселенія, но и отдѣльныхъ гражданъ. Для исполненія огромнѣйшей подобнаго рода задачи недостатка была бы даже цѣлая армія чиновниковъ. Мы здесь стоимъ на предѣлахъ государственной власти и отсюда не выйдеть кругъ самостоятельной политической дѣятельности народа, *self government*. Важность общественнаго самоуправленія въ отношеніи къ раскладкѣ налоговъ признана въ теоріи. Шванцъ (*Finanzwissenschaft* S. 93) объ этомъ говоритъ: «Раскладка налоговъ городскими или сельскими обществами есть учрежденіе столь естественное, что оно необходимо должно быть установлено вездѣ, гдѣ обложеніе налогомъ производится по естественной оцѣнкѣ гражданъ». Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ во всѣхъ современныхъ государствахъ, исключая только Россіи, городскія и сельскія общества не имѣютъ никакого вліянія на раскладку налоговъ. Въ некоторыхъ государствахъ, какъ напр. въ Австріи, городскимъ и

сельскимъ обществамъ предоставленъ, по крайней мѣрѣ, сборъ прямыхъ налоговъ.

Равномѣрная между всѣми гражданами раскладка налоговъ иначе невозможна, какъ при господствующей во всѣхъ имущественныхъ оборотахъ *безусловной гласности*. Подобная гласность имѣла мѣсто въ самой блестящей эпохѣ римской республики, именно до временъ Цицерона. Всякій римскій гражданинъ, подъ строжайшимъ надзоромъ цензора, былъ обязанъ вести подробныя и точныя хозяйственныя книги, извѣстныя подъ названіемъ: «*Codices ассерті et експезі и adversaria*». Съ нравственнымъ разлѣніемъ римскаго общества уничтожилась и гласность въ имущественныхъ отношеніяхъ.

Гласность—это истина, таинственность—ложь. Гласность въ общественныхъ отношеніяхъ развивается параллельно съ цивилизаціею. Да, гласность прямо можно назвать однимъ изъ моментовъ, обусловливающихъ развитіе всей государственной и соціальной жизни.

Идея гласности обнаруживается сперва въ наукѣ. Каждое новое открытіе есть ничто иное, какъ распространеніе гласности въ недостигнутыхъ до тѣхъ поръ человѣческимъ умомъ областяхъ знаній. Далѣе, распространеніе въ народѣ просвѣщенія есть дѣйствіе того же обнимающаго всю общественную жизнь принципа гласности. Распространеніемъ просвѣщенія истины, составлявшія до тѣхъ поръ собственность отдѣльныхъ ученыхъ, дѣлаются публичными. Развитіе статистики заключаетъ въ себѣ ничто иное, какъ осуществленіе гласности въ общественной жизни. Телеграфы, желѣзныя дороги и пароходы помогаютъ всеобщему распространенію гласности. Далѣе, принципъ гласности обнаруживается въ прессѣ. Публичность судебного производства заключаетъ въ себѣ дальнѣйшую побѣду всемогущаго принципа гласности. Наконецъ путемъ гласности развиваются и государственныя учрежденія. Въ настоящее время новые законы составляются уже болѣе не въ однихъ только канцеляріяхъ, но проекты часто подвергаются предварительному обсужденію народа. Особая форма и степень развитія гласности въ государственныхъ дѣлахъ заключается въ конституціонномъ государствѣ.

Принципъ гласности особенно важенъ и въ жизни недѣльныхъ. Если бы всѣ граждане были проникнуты убѣжденіемъ необходимости открытаго во всѣхъ нравственныхъ и имуществен-

ныхъ отношеніяхъ дѣйствія, тогда растущіе подъ покровительствомъ таинственности пороки современнаго общества скоро сдѣлались бы невозможными. Мы далеко отъ подобнаго состоянія, можетъ быть, никогда не увидимъ столь высокой степени цивилизаціи и нравственности, но тѣмъ не менѣе гласность во всѣхъ безъ исключенія нравственныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ составляетъ одну изъ высшихъ цѣлей будущаго развитія общества.

Всѣ экономисты согласны въ томъ, что кредитъ есть одно изъ важнѣйшихъ условій народнаго благосостоянія. Кредитъ основывается на хозяйственномъ состояніи имѣнія заемщика, которое кредитору должно быть извѣстно, и на довѣріи кредитора къ честности заемщика. Еслибы гласность была въ такой степени развита, что можно было бы легко получить свѣдѣнія о хозяйственномъ состояніи каждаго гражданина, тогда бы дѣйствительно достаточнымъ людямъ никогда не недоставало соразмѣрнаго ихъ имуществу и нравственности кредита. Вслѣдствіе того капиталы должны бы находиться въ постоянномъ движеніи, между тѣмъ какъ въ настоящее время много милліоновъ народнаго капитала не приносятъ никакой пользы. Необходимость достиженія означенной цѣли въ современномъ народномъ хозяйствѣ признана; сюда именно относятся, между прочимъ, биржи, веденіе купеческихъ книгъ и гипотечныя учрежденія. Не смотря на то, иногда обнаруживается и до сихъ поръ сопротивленіе признанію необходимости безусловной гласности имущественнаго состоянія гражданъ. Подобное сопротивленіе въ нѣкоторыхъ государствахъ явилось напр. при введеніи подоходнаго налога, имѣющаго прямою цѣлью открытіе хозяйственнаго состоянія каждаго гражданина. Далѣе, въ нѣкоторыхъ странахъ общественное мнѣніе рѣшительно выразилось противъ публичности гражданскаго судопроизводства и всеобщей гласности типотечныхъ книгъ. Подобное сопротивленіе должно считать собственно только проходящимъ явленіемъ. Оно произведено вліяніемъ общественнаго устройства бывшихъ временъ, основаннаго не на принципѣ гласности. Истина вообще развивается медленно; этому же закону слѣдуетъ и истина о необходимости безусловной гласности въ имущественныхъ отношеніяхъ. Налоги считаются лежащими не на каждомъ лицѣ отдѣльно, но на цѣломъ обществѣ или селеніи. Количество денежныхъ оборотовъ, взимаемыхъ съ городскихъ или сельскихъ обществъ,

опредѣляется государственнымъ управленіемъ, сперва на основаніи имѣющихся въ настоящее время хозяйственно-статистическихъ свѣдѣній, и потомъ уже по наблюденіямъ, сдѣланнымъ во время дѣйствія предлагаемаго нами учрежденія окружныхъ жюри. Для производства раскладки налоговъ городскія и сельскія общества раздѣляются на нѣсколько округовъ. Число душъ, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ округамъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, опредѣляется различно. Небольшія селенія могутъ составлять одинъ общій округъ. Городскимъ и сельскимъ начальствамъ, съ содѣйствія общественныхъ депутатовъ, предоставляется раскладка по округамъ общей суммы, лежащей на цѣломъ обществѣ, и сборъ, слѣдуемыхъ съ отдѣльныхъ округовъ, платежей, но до производства раскладки налоговъ внутри округовъ они не имѣютъ никакого дѣла. Во главѣ округа стоитъ предсѣдатель, назначаемый правительствомъ, или городскимъ и сельскимъ начальствомъ. Обязанности предсѣдателя состоятъ преимущественно въ созваніи необходимыхъ собраний и въ надзорѣ надъ правильностію производства раскладки по установленнымъ для этого правиламъ. Лежащій на цѣломъ округѣ налогъ, между состоящими въ немъ лицами, раскладывается сперва произвольно ихъ оцѣнкою. Для этого въ началѣ каждаго финансоваго періода предсѣдателемъ округа составляется росписаніе лицъ, въ окружномъ окладѣ состоящихъ. Въ подобное росписаніе включаются и лица женскаго пола, имѣющія самостоятельное хозяйство, и несовершеннолѣтніе, имѣющіе самостоятельное имущество. При составленіи росписанія предсѣдатель округа руководствуется народною переписью. Потомъ уже слѣдуетъ произвести первоначальную раскладку чрезъ разсылку податнымъ лицамъ податныхъ тетрадей, въ которыхъ они обязаны означить, сколько именно могутъ заплатить. О результатахъ подобнаго производства публикуется въ вѣдомостяхъ.

Платежъ налоговъ, по мѣрѣ чистаго дохода недѣльныхъ, составляетъ гражданскую обязанность, потому что утайкою со стороны податныхъ, дѣйствительной величины ихъ чистаго дохода, обременяется все общество, а преимущественно многочисленный классъ недостаточныхъ людей. Изъ этого слѣдуетъ, что подобная утайка заключаетъ въ себѣ поступокъ, охраняемый особеннаго рода судебными мѣстами. По своему назначенію подобныя мѣста лучше всего учреждаются въ видѣ судовъ присяжныхъ. Вѣдомству подобныхъ судовъ присяжныхъ подлежитъ:

1) Определеіе добавочныхъ суммъ, которыя обязаны заплатить податныя лица, при произвольной раскладкѣ объявившія сумму, ниже соотвѣтственной ихъ чистому доходу.

2) Пониженіе суммъ, объявленныхъ при произвольной раскладкѣ податными лицами, преувеличившими по какому нибудь поводу свой чистый доходъ.

Преувеличеніе податными лицами ихъ чистаго дохода подлежитъ вѣдѣнію окружнаго жури, потому что этимъ вводитъ въ заблужденіе общественное мнѣніе касательно имущественнаго состояніе лицъ. Подобное преувеличеніе чаще всего употребляется для достиженія воспрещенныхъ цѣлей, именно для чрезмѣрнаго кредита и пр.

Образованіе жури сперва начинается избраніемъ въ назначаемомъ для этого общемъ собраніи, или другимъ способомъ, окружнаго прокурора, съ нѣкоторыми помощниками, потомъ извѣстнаго числа (напр. 30) судей и сборщика. Въ эти должности могутъ быть выбраны одни только принадлежащія къ округу лица (разумѣется, совершеннолѣтнія и пользующіяся добрымъ именемъ). Принятіе сихъ должностей вѣняется въ гражданскую обязанность. При избраніи прокурора и судей слѣдуетъ обратить особое вниманіе на лица, по своему положенію имѣющія случай имѣть свѣдѣнія о хозяйственномъ состояніи возможно большаго числа податныхъ. Судьи приводятся къ присягѣ. Термины присутствія присяжныхъ назначаются предсѣдателемъ округа. Въ нихъ присяжные, какъ и прокуроръ, обязаны явиться подъ опасеніемъ пени.

На основаніи составленнаго по произвольной оцѣнкѣ податныхъ и опубликованнаго въ вѣдомостяхъ росписанія, окружной прокуроръ обязанъ составить списокъ лицамъ, долженствующимъ заплатить больше или меньше означенныхъ въ приведенномъ росписаніи суммъ. Найденные въ первоначальномъ росписаніи пробѣлы могутъ быть дополнены самимъ прокуроромъ и по предложенію частныхъ лицъ.

Для точнаго изслѣдованія имущественнаго состоянія лицъ, подозрѣваемыхъ въ утайкѣ своего имущества, окружной прокуроръ въ правѣ справляться въ судебныхъ, гипотечныхъ и административныхъ мѣстахъ, банкахъ и другихъ, удобныхъ для этого мѣстъ. Однакожь для просмотра гипотечныхъ книгъ ему нужно особое уполномочіе присяжныхъ, подписываемое именемъ ихъ предсѣдателемъ общаго присутствія.

Состоящія въ округѣ податныя лица въ правѣ и въ тоже время обязаны содѣйствовать прокурору сообщеніемъ достовѣрныхъ данныхъ объ имущественномъ состояніи подозрѣваемыхъ въ утайкѣ, или преувеличеніи имуществъ лицъ.

По окончаніи предварительныхъ изслѣдованій, составленный окружнымъ прокуроромъ списокъ сообщается присяжнымъ въ извѣстный срокъ передъ общимъ присутствіемъ. Въ состоящемъ подъ предсѣдательствомъ начальника округа общемъ присутствіи присяжныхъ сперва окружнымъ прокуроромъ долженъ быть прочтенъ составленный имъ списокъ. Потомъ будетъ приступлено къ обсужденію заключающихся въ означенномъ спискѣ отдѣльныхъ предложеній. Прокуроръ защищаетъ сдѣланное имъ предложеніе противъ возраженій явившагося въ присутствіе, по вызову, податнаго лица. Дѣла о незначительныхъ добавочныхъ суммахъ, и не явившихся въ общее присутствіе податныхъ лицъ рѣшаются безъ всякихъ формальностей. Сдѣланныя прокуроромъ предложенія для присяжныхъ необязательны ни въ какомъ отношеніи. Дѣла рѣшаются по большинству голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Важнѣйшія дѣла, для подробнѣйшаго изслѣдованія, по усмотрѣнію общаго присутствія, могутъ быть предоставлены отдѣльнымъ присяжнымъ судамъ. Для этого всѣ подобнаго рода дѣла между присяжными раздѣляются по жеребью. Въ каждое отдѣльное жюри полагается пять судей. Податныя лица, имѣющія причину подозрѣнія на кого либо изъ судей отдѣльнаго жюри имѣютъ право просить объ устраненіи ихъ. Въ этомъ случаѣ приемиются въ уваженіе установленныя въ судопроизводствѣ причины отвода.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ право отвода судей предоставляется прокурору преимущественно, если судья находится въ родствѣ и свойствѣ, или дружбѣ съ подлежащимъ отдѣльному жюри и податнымъ лицомъ.

Засѣданія отдѣльныхъ жюри назначаются предсѣдателемъ округа, или по соглашенію присяжныхъ. Въ нихъ судьи и прокуроръ, или его помощникъ, явиться обязаны. Подлежащія отдѣльному жюри податныя лица вызываются къ суду. По избраніи изъ числа присяжныхъ предсѣдателя, прокуроръ, или его помощникъ, защищаетъ сдѣланное имъ предложеніе противъ возраженій подсудимаго. Для производства по представленнымъ отъ подсудимыхъ объясненіямъ, и въ особенности, по редъявленнымъ доказательствамъ, особыхъ правилъ не пола-

гаются. Послѣдовавшія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшенія вносятся въ протоколъ, который ведется однимъ изъ присяжныхъ.

Дѣла, относящіяся до самихъ присяжныхъ, рѣшаются въ особенномъ жюри, состоящемъ изъ пяти судей, выбираемыхъ общимъ собраніемъ округа.

Кандидаты къ прокурорской должности могутъ быть утверждаемы въ семь званій не прежде, какъ по полученіи отзыва присяжныхъ о сдѣланной имъ, соразмѣрно имуществу, собственной оцѣнкѣ. Въ противномъ случаѣ, на мѣсто подобнаго кандидата выбирается новый.

Дѣло, касающееся самого предсѣдателя округа, обсуживается общимъ присутствіемъ одного изъ сосѣднихъ округовъ.

По окончаніи изложеннаго здѣсь производства раскладки, на основаніи сдѣланныхъ присяжными измѣненій въ предложеніяхъ прокурора, предсѣдателемъ округа составляется новое росписаніе. Если сумма установленныхъ такимъ образомъ денежныхъ сборовъ оказывается недостаточною для покрытія, лежащаго на цѣломъ округѣ, налога, то дополненіе производится пропорціонально установленнымъ въ приведенномъ новомъ росписаніи денежнымъ сборомъ. Если же сумма установленныхъ присяжными денежныхъ сборовъ превосходитъ сумму, лежащей на цѣломъ округѣ, то остатокъ сохраняется сборщикомъ до будущаго финансоваго періода.

Обо всемъ этомъ публикуется въ вѣдомостяхъ.

Установленный по означенному способу раскладки налогъ ступаетъ на мѣсто всѣхъ другихъ родовъ денежныхъ сборовъ.

По своей природѣ этотъ налогъ ближе всего отвѣтствуетъ подоходному налогу современной теоріи финансовъ.

Мысль, замѣняющаго всѣ прочіе роды налоговъ, подоходнаго налога является уже въ законахъ древнихъ индійцевъ. Далѣе подоходный налогъ играетъ важную роль и въ государственномъ хозяйствѣ древнихъ грековъ. Здѣсь раскладка подоходнаго налога производилась собственною оцѣнкою податныхъ. Для принужденія же гражданъ къ объявленію дѣйствительной величины ихъ имуществъ, въ случаѣ утаекъ, каждому другому гражданину было предоставлено право выкупа, за объявленную имъ сумму, всего имущества утаившаго.

Въ нѣкоторыхъ современныхъ государствахъ раскладка подоходнаго налога производится собственною, подъ присягою,

оцѣнку гражданъ. Этотъ способъ въ высшей степени недостаточенъ, потому что болѣе или менѣе широкая, смотря по личностямъ, совѣсть, никогда не можетъ служить мѣрою для справедливой раскладки.

Имѣя основаніемъ неоспариваемое начало о самостоятельности отъ государственной власти, общественныхъ сферъ и дѣйствующихъ въ имущественныхъ и социальныхъ отношеніяхъ, естественныхъ законовъ, и начало гласности въ имущественныхъ отношеніяхъ, предположенный нами способъ раскладки налоговъ общественными присяжными судами ближе всего соответствуетъ природѣ, основаннаго на тѣхъ же самыхъ началахъ, народнаго хозяйства.

Раскладка между гражданами, по мѣрѣ дѣйствительной величины ихъ чистаго дохода, огромнѣйшаго капитала, поступающаго ежегодно въ государственную казну, должна имѣть важнѣйшее вліаніе на хозяйственное благосостояніе народа. Уже выше было сказано, что дѣйствующія въ современныхъ государствахъ финансовыя системы въ этомъ отношеніи совершенно несправедливы. При наложеніи налоговъ правительственными мѣстами имѣется въ виду преимущественно только пополненіе государственной казны. При томъ не обращаютъ никакого вниманія на то, что прочное благосостояніе финансовъ обуславливается именно благосостояніемъ частнаго хозяйства гражданъ.

Предполагаемая нами финансовая система лучше всего удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ государственной казны, охраняя при томъ равномерностью раскладки и благосостояніе частныхъ лицъ. Собственная оцѣнка податныхъ лицъ и уравненіе чрезъ присяжныхъ, опредѣленныхъ означеннымъ путемъ денежныхъ сборовъ, суть средства, представляющія всю гарантію для справедливости раскладки налоговъ, потому что опредѣленные такимъ образомъ денежные сборы основываются на истинномъ *veredictum vicinatus*. Нигдѣ общественное мнѣніе не оказывается справедливѣе, какъ въ обсужденіи хозяйственнаго состоянія гражданъ. Свѣдѣнія о подобномъ состояніи хозяйства частныхъ лицъ, можно получить изъ однихъ только ежедневныхъ оборотовъ. Получая опредѣленное жалованье, чиновники находятся не въ столь тѣсной связи съ самымъ обществомъ, какъ напр. купцы и промышленники, которые для выгоднаго сбыта ихъ товаровъ и произведеній и для полученія свѣдѣній о томъ, можно ли дать кому кредитъ, или нѣтъ, должны имѣть большое

знакомство и слѣдить за хозяйственнымъ состояніемъ большаго числа людей. Общественное мнѣніе объ имущественномъ состояніи лицъ весьма рѣдко ошибается. Преувеличеніе, со стороны частныхъ лицъ, своего дохода, современемъ необходимо откроется неудовлетвореніемъ долговъ, образомъ жизни, несообразнымъ указанной величинѣ дохода, и многими другими знаками, указывающими на дѣйствительную хозяйственную силу подобнаго лица. Такъ какъ для полученія доходовъ капиталы необходимо должны находиться въ постоянномъ движеніи, то и открытіе утаекъ современемъ станетъ неизбѣжнымъ. Общественное мнѣніе объ имущественномъ состояніи лицъ въ предложенномъ нами учрежденіи необходимо должно выразиться, чѣмъ и раскладка налоговъ должна быть произведена по мѣрѣ дѣйствительныхъ хозяйственныхъ силъ каждаго гражданина.

Въ новѣйшее время учрежденіе жюри было примѣнено для разрѣшенія разныхъ другихъ вопросовъ общественной жизни. Такъ, напримѣръ, въ выставкахъ художественныхъ и промышленныхъ произведеній, присужденіе художникамъ и промышленникамъ премій производится чрезъ присяжные суды. Здѣсь судьи выбираются изъ числа художниковъ, или промышленниковъ, специально знакомыхъ съ подвергнутыми ихъ обсужденію произведеніями. Главное примѣненіе учрежденія жюри заключается въ назначенныхъ для разбора судебныхъ дѣлъ присяжныхъ судахъ. Но здѣсь, не смотря на трудность разбора и рѣшенія подобныхъ дѣлъ, въ современныхъ государствахъ назначаются въ присяжные люди, не специально, или вовсе не изучавшіе юридическихъ наукъ; въ подобномъ судѣ участь подсудимаго, во многихъ случаяхъ, зависитъ отъ одной только опытности и способности прокурора, или защитника, умѣющихъ выставить на видъ или покрыть краснорѣчіемъ тѣ части и стороны преступленія, которыя, въ юридическомъ отношеніи, должны бы имѣть менѣе или болѣе важное вліяніе на рѣшеніе самаго дѣла. Такимъ образомъ судьи, не занимавшіеся специально правовѣдѣніемъ, обманываются очень часто. Во Франціи судъ присяжныхъ сдѣлался просто комедіею.

Напротивъ, производство раскладки налоговъ общественными присяжными судами вытекаетъ изъ самой природы подобной задачи.

Во 1-хъ, учрежденіемъ подобныхъ судовъ представляется возможность основанія вѣрной хозяйственной статистики. Развитіе

подобной статистики есть необходимое условіе веденія правильного государственнаго хозяйства, потому что иначе правильное приращеніе въ практикѣ политико-экономическихъ теорій невозможно.

Далѣе, производимая дѣйствіемъ общественныхъ присяжныхъ судовъ гласность имущественнаго состоянія всѣхъ гражданъ должна имѣть важнѣйшее вліаніе на правильное развитіе кредита. Современная ипотека, основанная на принципѣ гласности и специальности обезпеченія, заключаетъ въ себѣ охраненіе кредитора въ тѣхъ случаяхъ, когда долгъ обезпеченъ залогомъ недвижимаго имущества.

Напротивъ, для личнаго кредита до сихъ поръ не достаетъ подобной законной защиты. Въ имущественныхъ оборотахъ личный кредитъ несравненно важнѣе такъ называемаго реальнаго кредита.

Денежныя суммы, ежедневно переходящія съ рукъ въ руки, безъ обезпеченія кредитора залогомъ имущества, несравненно значительнѣе суммъ, дѣйствительно обезпеченныхъ подобнымъ залогомъ.

Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ личный кредитъ обыкновенно дается по однимъ только слухамъ о хозяйственномъ состояніи и нравственности заемщика.

Гипотечный кредиторъ прежде отдачи взаймы денегъ въ гипотечныхъ книгахъ справляется о хозяйственномъ состояніи недвижимаго имѣнія заемщика.

Слѣдовало бы предоставлять возможность подобной справки объ общемъ хозяйственномъ состояніи должника и лично кредитору. По учрежденіи предполагаемаго нами способа раскладки налоговъ, вслѣдствіе установленной съ тѣмъ гласности имущественнаго состоянія каждаго гражданина, личный кредиторъ могъ бы легко получить свѣдѣнія о томъ, достаточно-ли обезпеченъ отдаваемый взаймы капиталъ, или нѣтъ. Для достиженія означенной цѣли слѣдовало-бы вмѣнять во всеобщую обязанность означеніе въ главѣ векселей, заемныхъ писемъ и другихъ кредитныхъ бумагъ, опредѣленной присяжными судами величины, слѣдующаго съ занимавшаго лица, денежнаго сбора.

Весь кредитъ основывается на извѣстности дѣйствительной величины чистаго дохода заемщика. Кредитъ всякому, занимающемуся дѣлами, необходимо нуженъ, потому, для полученія во всякое время, соразмѣрнаго хозяйственному состоянію своему,

кредита, каждый гражданинъ имѣеть важный интересъ, заплатить налоги, соразмѣрно дѣйствительной величинѣ чистаго дохода своего. Вслѣдствіе этой причины общественными присажными судами необходимо должно быть охраняемо и преувѣдиченіе, со стороны податныхъ, ихъ чистаго дохода.

Такъ какъ раскладываемый означеннымъ способомъ налогъ долженъ замѣнить всѣ прочіе роды налоговъ, то и очевидно, что отмѣненіе стѣснительныхъ мѣръ и формальностей, введенныхъ для взиманія разныхъ современныхъ налоговъ, необходимо должно имѣть послѣдствіемъ быстрое развитіе промышленности и торговли.

Огромнѣйшія издержки взиманія современныхъ налоговъ въ предположенной нами финансовой системѣ значительно уменьшаются. Вслѣдствіе того, и по равномѣрности раскладки между всѣми гражданами налога, ежегодные доходы государственной казны увеличиваются многими милліонами.

Раскладка означеннымъ путемъ налоговъ заключаетъ въ себѣ главную цѣль будущаго развитія государственнаго хозяйства. Къ достиженію означенной цѣли русское государственное хозяйство ближе всѣхъ другихъ, потому что въ немъ уже теперь частью признается дѣйствующимъ правиломъ великое начало, что налоги считаются лежащими не на каждомъ лицѣ отдѣльно, но на цѣломъ обществѣ или селеніи.

В. ШВАФЪ.

ПИСЬМА ИЗЪ ЛѢСНОЙ ПОЛОСЫ.

I.

НА ПАРХОДѢ ДО ЛОДЕЙНАГО ПОЛЯ.

Выѣздивъ лѣтомъ, въ среднѣ іюня, мнѣ пришлось отпра- няться на небольшое путешествіе въ одно изъ самыхъ глухихъ мѣстъ Лодейнопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи.

Поѣздка обѣщала быть любопытною и оригинальною. Я со- путствовалъ одному молодому человѣку, спѣшившему для со- ставленія уставныхъ грамотъ въ своемъ имѣніи. Мой спутникъ юнчи никогда не бывалъ въ своихъ олонецкихъ деревняхъ, только что принявъ ихъ въ управленіе, еще не былъ введенъ въ владѣніе своимъ имѣніемъ и имѣлъ о немъ очень смутное юнчатіе да и то на одной только лаконической опекунской опи- си. По разнымъ причинамъ это имѣніе было въ послѣднее вре- мя заброшено владѣльцами. Оставалось предполагать, что это какая-нибудь дикая олонецкая глушь, вѣроятно богатая лѣсомъ; но по какой дорсигѣ ѣхать въ эти деревни? далеко всѣ онѣ отъ города? Какъ живутъ тамъ крестьяне? и проч. — все это оста- валось узнать впередъ. Въ генеральномъ штабѣ была куплена карта губерніи, но на ней не оказалось дскомыхъ деревень. Впрочемъ, кто же вѣрять этимъ картамъ? Такимъ образомъ при- ходилось ѣхать, какъ бы на открытіе и на занятіе новыхъ зе- мель.

— Легко было Багрову, думалъ я, занимать новыя мѣстріары съ вѣрною толпою старинныхъ крѣпостныхъ, тогда часто патриар-

хально преданныхъ и рабски покорныхъ своимъ владыкамъ. Моему же спутнику приходилось опираться только на силу писанныхъ правъ и можетъ быть на мѣстные воспоминанія. Интересно было узнать, какъ дѣйствуютъ тамъ административныя пружины? какъ смотритъ народъ на собственность?

Были еще другія нѣсколько жуткія оттѣнки въ этой поѣздкѣ въ забытыя деревни.

Крестьяне пріѣзжавшіе отсюда смотрѣли несчастными, оборванными дикарями, подтверждая всѣмъ своимъ видомъ ужасныя описанія скудной Олопецкой природы въ нашихъ географіяхъ и другихъ правдивыхъ источникахъ. Ничтожный по размѣру оброкъ тамошніе крестьяне платили какъ непосильный тяжелый налогъ, — иной годъ половину, другой четверть, а тамъ и вовсе ничего. Миѣніе управлялось старостою, который не только не исполнялъ помѣщичьи приказы, но и не отвѣчалъ на нихъ, а приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ оставлялъ безъ малѣйшаго вниманія. Такимъ образомъ тамошніе крестьяне уже давно не знали барской власти. Интересно было посмотреть на бытъ ихъ.

Съ пріѣздомъ помѣщика между нимъ и крестьянами должны были возникнуть нѣкоторыя отношенія съ неизбѣжно барскимъ оттѣнкомъ. Интересно было посмотреть въ этомъ новомъ положеніи на самихъ себя, провѣрить на дѣлѣ свой либерализмъ.

Но самое главное, — приходилось уѣзжать изъ Петербурга въ июнѣ сего 1862 г. А что тогда можно было выдумать лучше поспѣшныхъ сборовъ на дорогу, хоть куда-нибудь, только поскорѣ прочь изъ этого козоваго города русской земли. Теперь тогдашнее черное время вспоминается какъ сумасшедшая сказка, какъ тяжелый кошмаръ. Петербургъ казалось навсегда прово нялъ дымомъ пожаровъ, подметными письмами, прокламаціями молодой и старой Россіи. — По угламъ домовъ, по стѣнамъ трактировъ еще красовался приказъ губернатора. Въ гостинныхъ происходило настоящее, внезапное смѣшеніе языковъ, и вездѣ ходили извѣстныя слухи. Хотѣлось хоть немного освѣжиться, хоть на время позабыть видѣнное и слышанное... Можно было надѣяться, что въ Олопецкой губерніи, насъ, молодыхъ людей, не стануть считать за поджигателей, — хотя бы только потому, что тамъ и жечь нечего. Что стало съ этой надеждой, я разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Не зная вѣрной дороги, мой спутникъ рѣшился ѣхать на Ло-

лейное поле. Очень могло случиться, что слѣдовало высадиться на другой Свирской станціи, но что же за бѣда?

Переѣздъ въ Лодейное поле очень удобенъ на пароходахъ, плавающихъ въ Петрозаводскъ и заходящихъ по пути на всѣ Свирскія станціи. Мы отправились на пароходѣ «Геркулесъ» въ 120 силъ, «съ отдѣльными каютами для удобства пассажировъ и съ прекрасно-устроеннымъ буфетомъ по обыкновеннымъ пѣнамъ.» Пароходъ отходилъ отъ пристани у Александро-Невской Лавры.

Съ перваго шагу въ дорогу, я тотчасъ почувствовалъ цѣлебную близость къ «почвѣ», и предался наблюденію.

Пристань у Александро-Невской лавры вовсе не походитъ на хорошо знакомыя намъ пристани пароходовъ, отходящихъ съ другаго конца города за Николаевскимъ мостомъ, съ ихъ разномысличною толпою разряженныхъ дамъ и щегольскихъ кавалеровъ, съ слугами и солдатами на носу. Здѣсь же на монастырскую пристань валилъ коренной и все больше рабочій русскій людъ съ кулками, мѣшочками, подушками, пилами, топорами и т. п. Видѣтъ съ отъѣзжающими толпилось еще больше провожающихъ. Крестьяне, придя за часъ до назначеннаго времени, боялись опоздать, озабоченно суетились и приговаривая «мотри Митюха, уйдетъ», рвались на пароходъ. Между тѣмъ другіе, пришедшіе еще раньше, спокойно и благоразумно занимались закускою на дороге.

На скамьяхъ пристани сидѣло и бесѣдовало нѣсколько дамъ и только двое или трое господъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Около дамъ суетился молодежькій, очевидно новенькій офицеръ.

На берегу же происходилъ слѣдующій безпорядокъ. Пьяный фабричный усердно прощался съ двумя сѣрыми армяками. Онъ, то горько плакалъ, стоналъ, цѣловалъ и обнималъ уѣзжавшихъ, то вдругъ принималъ грозную позу, замахивался на нихъ и кричалъ крѣпкія слова. Нѣсколько извозчиковъ и крестьянъ обступили кругомъ эту группу, то смѣялись надъ пьянымъ, то сторонились отъ его поднятыхъ рукъ.

Я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ молодой офицеръ оставилъ своихъ дамъ, спустился на берегъ, подошелъ къ заѣзжавшемуся городовому, тронулъ его за плечо и, указавъ олимпійскимъ движеніемъ руки на пьянаго, прибавилъ: «убери!».

Испуганный городской успѣшно обернулся, вытанулъ, бросился точно въ погоню за едва державшимся на ногахъ фаб-

ричнымъ, вырвалъ его за шиворотъ изъ толпы, обернулъ спиною къ пароходу и повелъ, повелъ...

Все остальное пошло благополучно. Пароходъ, согласно ожиданію крестьянъ, пошелъ въ не назначенное время. Часа два ожидали мы не то директора, не то члена, — мнѣ все равно, я не обличитель.

Когда пароходъ сталъ отчаливать и отводимый съ носа багромъ, придерживаемый съ кормы веревкою, медленнo заворачивалъ свой носъ на средину рѣки, когда отъѣзжающіе стояли у борта парохода, а провожавшіе тѣснѣе прижались къ периламъ пристани и перекидывались пожеланіями, напутствіями и прощаніями, я, хоть ни кѣмъ не провожаемый и не напутствуемый, вслѣдъ за другими подошелъ къ борту парохода и съ любопытствомъ всматривался въ лица и вслушивался въ слова.

— «Кланяйтесь, Иванъ Семеновичъ, тятенькѣ-съ, — а я, значить-съ, какъ приказывали, — все безпремѣнно исполню,» — снимая шляпу и кланаясь низкимъ поклономъ, говорило краснощекое лицо какого-то купеческаго сына, въ длинной чуйкѣ и въ высокихъ сапогахъ.

— «Adieu Paul, adieu; reviens vite vite,» кричала съ пристани хорошенькая шляпка, въ полоборота смотря на уѣхавшаго *gros bon homme* и кокетливо протянувши черезъ перила свою маленькую ручку съ батистовымъ платкомъ; глаза ея смотрѣли какъ-то не весело и по губамъ точно скользила улыбка.

— «Adieu Marie, adieu,» отвѣчалъ ей съ парохода какой-то пожилой господинъ, не сводя съ нея глазъ. *Ne pleurs pas, — да смотри, пожалуйста, за дѣтьми, чтобъ не простудились.*

Армяки, зиуны и сермяжный народъ говорили мало, они что-то лепеча про себя, отвѣщивали съ парохода и съ пристани низкіе поклоны и такими же поклонами, только еще по ниже, кланялись бабы. «Господи благослови, помогай Богъ, счастливый путь и пр.» слышалось въ этомъ шопотѣ. Нѣкоторые сняли шапки и крестились на золотые кресты Лавры.

«Щетруха... чортовъ сынъ... прощай!» крикнулъ что-то.

Пробѣгая глазами по толпѣ, кланявшейся и махавшей шапками съ пристани, ловя полу-слова, полу-фразы, я вдругъ остановился на одномъ лицѣ, и уже не спускалъ съ него глазъ. Я смотрѣлъ на него, мнѣ становилось больно до слезъ, а я все смотрѣлъ. Это была мать старуха.

Она ничего не говорила, почти не шевелилась; приложивши

платокъ ко рту, съ лицомъ облитымъ слезами, съ выраженіемъ страшной, безпомощной, сирой скорби, она впиалась во что-то глазами и не видѣла, не слышала ничего кругомъ. Лицо ея какъ-то страшно стянуло въ нѣсколько складокъ къ глазамъ. Въ всю подергивало отъ рыданій, голова дрожала, грудь и плечи судорожно колыхались. Но ни всхлипываній, ни словъ не было слышно, точно она боялась, и плакала, не смѣя плакать. Никогда не видалъ я такого страшнаго и полнаго выраженія скорби; развѣ одна голова Мадонны Ванъ деръ Эйка,—но то была картина. Я обернулся и сталъ смотрѣть вокругъ себя, ища того, что такъ страшно заставило мучиться женщину и мать.

И что же я увидѣлъ! Это что то,—былъ черный монахъ; онъ стоялъ нѣсколько поодаль отъ прочей толпы. Я забывшись полвинулся къ нему нѣсколько ближе и посмотрѣлъ въ его лицо. Правда оно было нѣсколько блѣдно, но какое-то каменное смиреніе и безчувственность трупа поразили меня. Ему можно было дать лѣтъ 35. Глаза его были опущены внизъ, онъ изрѣдка ихъ поднималъ и какъ-то быстро и судорожно окидывалъ ими женщину и снова опускалъ ихъ внизъ. Руки его были сложены на груди, крестъ на крестъ какъ у мертвеца, въ тактъ онъ отвѣшивалъ низкіе поклоны въ поясъ. Я не видалъ, чтобы у него дрогнули губы, чтобы глаза остановились на матери, онъ весь кланялся низко, правильно и долго. Покуда была видна пристань, видна на ней и мать и бѣлый платокъ, крѣпко прижатый къ ея губамъ. Пристань опустѣла, махавшіе платки спрятались, а я все еще могъ отличить едва замѣтную фигуру какой-то женщины съ платкомъ у рта и видѣлъ около себя что-то черное, равномерно двигающееся внизъ и вверхъ.

Мы взяли отдѣльную каюту, повидимому очень удобную для двухъ. Въ ней оказалась нѣсколько излишняя роскошь, 30 или 40 град. тепла. Каюту поимѣчалась у самой трубы, надъ паровой печью. Болѣе часу въ самомъ свободномъ туалетѣ не было возможности выдержать: голова кружилась, какой-то пламень въ глазахъ, дышать трудно... Африка, да и только, но лишь отворишь дверцы, чтобы дохнуть роднымъ воздухомъ, — какъ онъ обдавалъ сыростію, дождемъ, запахомъ каменнаго угля и пр. Мы рѣшились избрать климатъ болѣе умѣренный и постоянный въ каютѣ II-го класса, гдѣ поимѣчался буфетъ.

Спускаясь по крутой лѣстницѣ, когда еще только мои ноги

были во II классѣ, а голова провѣтривалась на палубѣ, я былъ пораженъ нѣсколькими долетѣвшими до меня снизу словами, и когда спустился совсѣмъ, т. е. съ головой (и замѣчательно, для перваго разу довольно благополучно), и началъ искать глазами автора поразившаго меня изреченія, то замѣтилъ, что глаза всѣхъ присутствующихъ были обращены въ одну сторону, и, невольно слѣдуя за ними, я увидалъ мое искомое, и все мое вниманіе, и взоръ, и слухъ сосредоточились на немъ одномъ. Это былъ офицеръ. Въ гордомъ отдаленіи отъ чужь, высокихъ сапоговъ и женскихъ головъ, повязанныхъ платками, сидѣла за однимъ столомъ группа, состоящая изъ двухъ женщинъ, старой и молодой, — послѣдняя была маленькая, пухленькая нѣмка съ сѣрыми глазами, бѣлыми волосами, румяными щечками, и изъ двухъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ солидный человекъ съ форменными бакенбардами, съ выраженіемъ сдержаннаго и покровительственнаго достоинства на лицѣ. Это былъ тотъ самый, которою хорошенькая шляпка называла Paul. Другой свѣженькій, молоденькій офицеръ, такъ эффектно убравшій пьянаго съ пристани. Судя по чертамъ лица, бѣлымъ волосамъ, сѣрымъ безжизненнымъ глазамъ, здоровому румянцу, его слѣдовало принять за брата молоденькой нѣмки и по этому и инымъ несомнѣннымъ причинамъ за русскаго нѣмца *rig sang*, — что-то грубое, голое и казенное его лица производило непріятное впечатлѣніе. Остриженные подъ гребенку бѣлобрысые волосы, сквозь которые свѣтилась кожа по всей головѣ, довершали эффектъ. Онъ-то и былъ ораторомъ своего кружка и героемъ минуты всего II класса. Изъ всѣхъ пассажировъ разговаривала только эта группа (остальные только слушали, въ молчаніи смотря на нее); изъ лицъ этой группы говорилъ преимущественно, офицеръ. Какъ я узналъ потомъ изъ ихъ разговора, этотъ, какъ вы увидите, благовоспитанный молодой человекъ отправлялся на мѣсто своей службы и везъ за собою маленьку и сестрицу. Онъ былъ очевидно ихъ опора и гордость. Такимъ образомъ одна изъ (ячеекъ) составныхъ частицъ русскаго народа въ широкомъ смыслѣ этого слова, — одно нѣмецкое семейство колонизировалось на сѣверъ и несло за собою начало цивилизаціи и порядка.

— «Помните изреченіе Шекспира: «о женщины, женщины!» говорилъ офицеръ, какъ бы не обращаясь ни къ кому въ особенности, но такъ громко, что его всюду было слышно. «Сираведливо сказано, глубоко».

— Да, отвѣчалъ солидный Польша, послѣ нѣкотораго молчанія, — нельзя не согласиться.

Это-то и были тѣ фразы, которыя поразили меня при спускѣ въ какую глубокою правдой ихъ.

— «Да, помилуйте, продолжалъ ораторъ, съ полемическимъ задоромъ, — любить, влюбляться, — легко сказать, — нѣтъ-съ, слуга покорный, я имѣю примѣръ на собственныхъ глазахъ. Вотъ вы знаете N (онъ обернулся къ матери), вы помните, какъ онъ превосходно шелъ въ корпусѣ. Онъ могъ до конца остаться первымъ, ему предстояла отличная карьера, его зналъ самъ N. И на самыхъ экзаменахъ онъ былъ такъ глупъ, что ни съ того, ни съ сего влюбился, — и вы знаете, чѣмъ это кончилось.

— Застрѣлился, подумалъ я и ждалъ со страхомъ слѣдующаго слова.

— Едва выдержалъ и далеко не первымъ. Вотъ тебѣ и любовь. Что-жь, развѣ это не глупость. Этакой любви я не понимаю.

— Да, отвѣчала мать, смотря на него ласкающимъ взоромъ, — ты, мой Карлуша, не таковъ, ты слишкомъ уменъ для этого...

— «Еще бы, отвѣчалъ съ самодовольствомъ Карлуша, я не люблю безпорядка; все можно въ свое время. Когда я занимаюсь, то ужь занимаюсь; весь этотъ вздоръ и развлеченія въ сторону; ну, потомъ въ свободное время и можно позволить себѣ. И вообще я не отрицаю любви. Я не говорю, чтобы я никогда не влюбился самъ. Но прежде надо подумать о своемъ положеніи, поступить на службу, обезпечить себя, однимъ словомъ...»

Потомъ онъ заговорилъ о числѣ наукъ, проходимыхъ въ одной академіи, и насчиталъ ихъ столько, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало страшно.

Рѣчь его лилась спокойно, ровно, нравоучительно. И его слушали и онъ самъ себя слушалъ. Въ каютѣ царствовала полная тишина, — только его голосъ раздавался внушительно, — и даже самъ буфетчикъ высунулъ голову изъ рамы своей форточки и заслушался, подпершись локтями.

Какъ ни усердно поддакивалъ Польша на все, что ни скажетъ Карлуша, какъ ни внимательно слушали его, — онъ наконецъ выболтался. Наступила минута молчанія.

— Я думаю, что теперь можно будетъ выпить чаю? сказалъ ошперъ.

— Палашка, достань погребецъ, сказала мать.

Изъ-за груди подушекъ, мѣшечковъ, салоповъ сначала высу- нулась голова дѣвочки, а потомъ показалось и туловище, на которомъ болталась дырявая юбка. Вокругъ груди дѣвочки былъ повязанъ безцвѣтно-грязный платокъ. До смѣхъ поръ я ее совер- шенно не замѣчалъ, — такимъ клубочкомъ лежала она между барской рухлядью. Соскочивши на полъ, она вытащила изъ-подъ скамьи погребецъ и тяжело поволокла его къ столу.

— Поставь на столъ, рѣзко произнесъ Карлуша.

Она начала подымать, ношкатулка была не по силамъ. Стук- нувши ее о край стола она тяжело опустила ее на полъ.

— Дура, давай сюда, и Карлуша вырвалъ у ней изъ рукъ погребецъ и мужественно, хоть не безъ напряженія, поставилъ на столъ.

— Палашка, сними съ меня теплыя галоши, заговорила мать.

Дѣвушка полѣзла подъ столъ и начала копошиться у барыш- ныхъ ногъ. Только что показалась изъ-подъ стола ея рука съ галошами и за тѣмъ голова, молодая барышня сказала: «Сними встати и съ меня», и протянула ей свою плоскодонную нѣмец- кую ножку. Голова Палашки опять спряталась подъ столъ.

— Челозкъ! раздался излишне громко голосъ Карлуши.

Половой сорвался съ мѣста въ карьеръ и въ минуту сталъ сзади офицера.

— Прикажете порціями или стакапами? проговорилъ онъ.

Произошла небольшая пауза. Юноша медленно обернулся, мед- ленно окинулъ глазами полового и началъ тихо и съ разста- новкой:

— Развѣ я тебѣ говорилъ что-нибудь, любезный? А? Что-жь ты молчишь?

Молчаніе..

— А? Вѣдь я тебя только позвалъ? Чтобы что-нибудь прика- зать? а? Что-жь ты сущься съ своими вопросами? Ты спишишь куда-нибудь?

— Никакъ-съ нѣтъ, отвѣчалъ срѣзанный половой, а я толь- ко-съ думалъ..

— То-то думаешь... а ты лучше слушай, что тебѣ прика- жуть. Пошелъ, принеси кипятку.

Половой бросился со всѣхъ ногъ къ лѣстницѣ, но только что замесъ ногу, какъ офицеръ остановилъ его.

— Пстой, пстой, любезный, а по чемъ у васъ кипятокъ?

— Гривенникъ-съ.

— Ну, пошелъ же живѣй.

И ноги полового запрыгали по ступенькѣмъ.

— Что это такое? спросилъ офицеръ, когда воднось съ чайниками и стаканами былъ ловко брошенъ половымъ на столъ.

— Кивятокъ-съ.

— А полоскательная чашка, отвѣчалъ офицеръ, гдѣ она?

Снова началось громкое, ровное и длинное распеканье полового. Къ сожалѣнію, послѣдній не зналъ знаковъ прерыванія, безпрестанно считалъ рѣчь оконченною, все срывался съ мѣста и тѣмъ задерживалъ дѣйствительное окончаніе распечки.

Наконецъ почетная группа была удовлетворена и начался процессъ распітія. Публика при этомъ точно освободилась отъ давившаго ее кошмара и только теперь, когда господа принялись за чай, принялась она за разговоры. Я же бѣжалъ въ свою африканскую каюту, чтобы вновь бѣжать оттуда черезъ часъ.

А вотъ и намазанный на берегъ, низенькій Шлюшинъ съ его уютною крѣпостью, а за ней и безпріютное Ладожское озеро. Пароходъ стоялъ у пристани часа два, и я имѣлъ довольно времени полюбоваться Шлюсельбургомъ, этимъ *ключемъ* чего-то. Если это ключъ, то что же заперто имъ и отъ какого онъ замка? Желтая, круглая, гладкая, словно выточенная изъ камня, крѣпость затворяла входъ въ озеро. Какая простота въ архитектурѣ, а между тѣмъ какъ много говорить зданіе. Мое воображеніе работало усиленно.

Пароходъ пошелъ мимо крѣпости въ Ладожское озеро. Крѣпость одинаково хороша со всѣхъ сторонъ: славное мѣстечко!

Берега начали отходить и скрываться за дождемъ; все смутнѣй и смутнѣй становилась линія праваго берега, а лѣвый пропагъ тотчасъ. Безцвѣтная даль принимала насъ. Кругомъ и безъ конца впереди вода какого-то оловяннаго цвѣта; вода же льется сверху; небо тяжелое, безъ тоновъ, безъ цвѣта и сумракъ на этомъ небѣ и на водѣ. Чувство какой-то сиротливой тоскливости и бездолья закрадывалось въ душу. Каждый прятался какъ сурокъ въ нору и искалъ, куда и какъ бы уткнуться поплотнѣе.

Мы также ушли въ нашу немного остывшую каюту и попробовали заснуть.

На другой день мы проснулись среди береговъ Свири. Она немножко уже Невы, но берега ея выше, лѣсистѣ невскихъ, но за то и безлюднѣе. Рѣдко, рѣдко попадалось какое-нибудь жильѣ на берегу.

Противъ какой-то деревни нашему пароходу замахали и закричали съ берега. Пароходъ остановился и къ нему подѣхала лодка съ нѣсколькими крестьянами. Не спѣша лѣзть на трапъ, они стали торговаться съ пароходными властями. Последніе просили два рубли до какого-то мѣста, а крестьяне давали только полтора, и наконецъ уѣхали на берегъ, не успѣвъ сторговаться.

Черезъ двадцать-четыре часа послѣ отъѣзда изъ Петербурга, мы пристали къ Лодейному Полю. Офицеръ отправлялся далѣе, но мнѣ было еще суждено увидѣть его этимъ лѣтомъ.

II.

ССЫЛЬНЫЙ ГОРОДЪ.

Мы остановились въ Лодейномъ полѣ нѣсколько отдохнуть и разузнать о дальнѣйшемъ пути въ К—цы.

О Лодейномъ полѣ много рассказывать нечего, это бѣдный, крохотный и видимо чахнувшій городишка. Отъ прежней знаменитой верфи, отъ стараго значенія Лодейнаго поля не осталось и слѣда, если не считать печальный, чугуинный памятникъ, въ формѣ пирамиды, поставленный какимъ-то купцомъ на мѣстѣ дворца Петра Великаго. Недавно бѣдный городокъ испыталъ новый ударъ. Здѣсь помѣщалось огромное правленіе балтійскаго округа корабельныхъ лѣсовъ; но такія лѣса сильно истреблены въ уѣздѣ и годъ тому назадъ округъ закрыли. Лѣса переданы въ вѣдомство государственныхъ имуществъ. Брошенные, скверно-желтыя строенія округа занимаютъ чуть-ли не четверть миниатюрнаго Лодейнаго поля. Въ немъ одинъ только каменный домъ, да и то погорѣлый; одна церковь, кромѣ невзбѣжной кладбищенской; въ немъ нѣтъ ни одного сада; домики низенькіе, некрашеные, какого-то сизо-сѣраго цвѣта, старенькіе, а улицы невѣроятно широкія и пустышныя...

Кромѣ трехъ-четырехъ богатыхъ купцовъ, разжившихся лѣсопромышленностію, да еще уѣздныхъ властей, здѣсь живетъ нѣсколько сотенъ бѣдныхъ мѣщанъ. Купцы лѣсопромышленники, болшею частію, значительные мѣстные землевладѣльцы. Въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, хотя онъ послѣ Вытегорскаго самый крѣпостной уѣздъ губерніи, помѣщиковъ очень мало; выборовъ нѣтъ. Всѣ сколько-нибудь значительные помѣщики живутъ внѣ уѣзда, а въ самомъ Лодейномъ полѣ едва-ли найдется полдесятка мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и владѣтельницацъ прежнихъ

пяти-шести душъ. Мы дѣлаемъ эту замѣтку для изучающихъ проектъ новыхъ уѣздныхъ и губернскихъ учреждений. Какъ производить здѣсь выборы? кого выбирать?

Лодейное поле совершенно оправдываетъ свое названіе, — съ лѣбаго перекрестка видны оба конца плоскаго городишка и поле окружающее его. Улицы и площадь поросли травой, — это тоже поле и тутъ бродятъ сонныя коровы, до конца дополняющія унылый видъ города. Рѣдко удавалось мнѣ видѣть болѣе печальный видъ, чѣмъ этотъ пустынный сѣрый городишка на сѣрой, плоской землѣ. И не смотря на сквозной просторъ его, въ немъ есть что-то невыносимо душашее.

Очень хорошо помню я, какъ въ срединѣ яснаго іюльскаго дня я пошелъ бродить по улицамъ Лодейнаго поля. Въ чистой глубокой синевѣ ни одного облочка, солнечное сіяніе повсюду...

Я отправился на Свирь, видъ на которую, дѣйствительно, хорошъ. Она течетъ у самаго города подъ небольшимъ глинянымъ обрывомъ, отъ края котораго дома отступили на нѣсколько десятковъ сажень, и живая, синяя, широкая струя Свири течетъ какъ-то отдѣльно отъ города, какъ-бы говоря: «я не имѣю ничего общаго съ нимъ.» Чтобы видѣть Свирь, надо стать со всѣмъ спиною къ Лодейному полю.

У самаго города Свирь дѣлаетъ крутое, красивое колѣно. Легкій вѣтеръ слегка рябилъ синія воды Свири и мѣстами солнце играло въ нихъ звѣздами. Бѣлые паруса судовъ, огибающихъ колѣно рѣки, въ разныхъ положеніяхъ, были освѣщены ярко и весело. На другомъ берегу вдали синѣла полоса лѣса; ближе подбѣгали зеленныя мерлушки кустовъ и между ними мѣстами красовались пестрые разливы богатаго рѣчнаго сѣнокоса. Словомъ, извѣстный видъ нашихъ сѣверныхъ рѣкъ.

Но только оборотившись назадъ, вы видите Лодейное поле.

Пыльные, пропекаемые солнцемъ улицы были совершенно пусты; — ни человѣка, ни собаки, ни коровы, ни воробья не показалось на нихъ, — только заборы да низкія стѣны домиковъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ окна были закрыты ставнями, — вѣроятно отъ жара. И подъ этою мертвою массою несчастныхъ домишекъ глухая, непробудная тишина...

Вы могли слѣдить эту тишину и пустоту безъ конца, ни одного звука, никакого населенія, — вы могли слѣдить до одуренія. Хоть бы крикнулъ кто-нибудь, хоть бы подрался кто-нибудь!..

Я подошелъ прочесть длинное объявленіе за старое рѣшое, вывѣшенное у забора; я думалъ не проповѣдь-ли это Іудина Златоуста: «о матомъ словѣ», вывѣщаемая на иныхъ судоходныхъ станціяхъ. Но я обманулся, забывъ, что Лодейное поле, хотя оно и на Свири, а все же судоходная станція. Вдовольствомъ, на обратномъ пути въ Петербургъ, при первомъ шагѣ въ Новую Ладугу, у часовни на берегу Волхова, я прочелъ эту проповѣдь, вывѣщенную вмѣстѣ съ разными объявленіями.

Вдоволь начитался я объявленія у забора, а также мертвая пустынная тишина лежала кругомъ... Это полное уединеніе среди самаго города какъ-то слишкомъ тягостно, — хоть занимайся собственною тѣнью. Въ самомъ дикомъ лѣсу живѣе, — тамъ не умолкаетъ птичье населеніе и странно и грозно отдаются голоса звѣрей. А какіе виды безпрестанно открываются!

Наконецъ корова вышла изъ-за угла, остановилась среди улицы, и вытянувъ морду, промычала длиннымъ воемъ, — словно и сѣ тяжело.

Таково Лодейное поле въ ясный іюльскій день, въ разгаръ судоходства. Каково же оно бѣвать въ ненастный, слезливый день, когда наша сѣверная природа смотритъ такую несчастною неухой!..

Но и въ самое людное время, при выходѣ народа изъ церкви, Лодейное поле производило на меня тоже кошмарное впечатлѣніе, и чѣмъ дальше приходилось оставаться здѣсь, тѣмъ тяжелѣе. Сколько разъ мнѣ не приходилось бывать въ этомъ сѣверномъ городишкѣ, я всегда спѣшилъ броситься изъ него въ глушь лѣсныхъ деревень, чтобы хоть вздохнуть свободнѣй. Что именно давить здѣсь такимъ тяжелымъ камнемъ сердце, я не могу хорошенько объяснить. Отсутствие-ли всего, что можетъ быть названо сколько-нибудь общественнымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ вѣчное уединеніе, грозящее никогда не покидать васъ? Отсутствие-ли всего живаго и красиваго въ этомъ городѣ изъ однихъ заборовъ и сѣрыхъ стѣнъ, безъ садовъ, почти безъ деревьевъ, съ однообразною казенною архитектурою домовъ? Пустыньность-ли, видимая-ли бѣдность городка? Впрочемъ, все работаетъ на свой паи. Недаромъ Лодейное поле еще недавно было ссыльнымъ городомъ. Кажется, оно перестало быть имъ изъ-за пароходовъ, начавшихъ часто ходить по Свири, а впрочемъ кто это знаетъ?

Пудожъ же, Повѣнецъ, тоже уѣздные города Олонечной губерніи, говорятъ, еще лучше. Намъ рассказывали, что тамъ почти вѣтъ лавокъ, а зажиточные чиновники должны посылать за разными запасами и даже за хлѣбомъ, — въ Петрозаводскъ. Простые жители этихъ городковъ пекутъ хлѣбъ съ корою, который царапаетъ ротъ и горло и имѣетъ отвратительный вкусъ.

Однѣ изъ олонечскихъ чиновниковъ говорилъ мнѣ:

— Послать бы въ Повѣнецъ какого-нибудь крикума нынѣшняго, — какъ обдеретъ себѣ в глотку и языкъ и небо тамашнѣ хлѣбомъ, такъ кричать-то... и т. п.

А городъ Олоонецъ, какъ намъ рассказывали, имѣетъ еще другую занимательную особенность.

«Въѣдешь въ него, весь проѣдешь, выѣдешь вонъ, а города не примѣтишь.» Олоонецъ—это административное сѣдленіе нѣсколькихъ деревушекъ, раскинутыхъ на 12 верстахъ; пашни и возни (сѣнокосы) приходятся въ самой срединѣ города; дождь отъ дома стоитъ иногда въ полуверстѣ. Впрочемъ, такія-ли еще занимательности пришлось увидѣть и услышать намъ.

Лодейное поле нѣсколько оживаетъ зимою, когда чрезъ него проходятъ обозы, — здѣсь одна изъ станцій стариннаго, теперь упадающаго архангельскаго тракта. Осенью также выпадаетъ нѣсколько живыхъ дней, — тутъ сѣшать домою бурлаки. Въ юлѣ опять бываетъ нѣсколько дней, когда чрезъ Лодейное поле идетъ мѣстный народъ на богомолье и на ярмарку въ Александро-Свирскій монастырь, лежащій отъ него верстахъ въ пятьдесятъ на другомъ берегу Свири.

О здѣшнихъ олонечскихъ чиновникахъ, т. е. о большинствѣ ихъ, дающихъ такой сильный поводъ считать Олонецкую губернію Сибирью подъ Петербургомъ, мы будемъ говорить далѣе, и постараемся сдѣлать это возможно серьезно, обративъ вниманіе на тѣ средства, которыя представляетъ здѣшній край самому благовѣренному законодателю для устройства сколько-нибудь сноснаго управленія. Надо признаться, что улучшеніе въ управленіи, «справедные судьи,» о которыхъ столько говоритъ народъ въ здѣшнихъ краяхъ, нанесли бы немалый ударъ многимъ мѣстнымъ отгѣнкамъ раскола.

Теперь скажемъ только, что здѣшнихъ чиновниковъ смѣняютъ безпрестанно, — да кстати вотъ недавнее происшествіе, нѣсколько касающееся лодейнопольской Оеиды.

Въ здѣшнемъ уѣздѣ, между крестьянами, деревня Шалта

считается самую безпкойною во всей губерніи, а объ оло-
вцкихъ разбойникахъ идетъ слава, что они первые въ имперіи.
Временное отдѣленіе земскаго суда почти каждый годъ бывало
на Шапшѣ. Весьма недавно, на сельскомъ праздникѣ шапшинскіе
крестьяне передрались и въ дракѣ двое изъ нихъ были убиты...

— Много тогда ихъ забрали, рассказывалъ намъ крестьянинъ,
цѣлый годъ въ тюрьмѣ сидѣли. Жены ужъ ходили, ходили въ
городъ, носили, носили.. много поиздержались, а сбыли какъ-то.

— Чѣмъ же рѣшилъ судъ?

— Сбыли шапшинскіе-то... въ судѣ-то никакъ ворѣшили,
что мертвый убилъ мертваго.

— Какъ?

— Да такъ, отвѣчалъ крестьянинъ улыбаясь. Аль такъ, что
зарѣзали другъ друга. Доведесть-ли намъ знать, только сбыли.

На мировомъ съѣздѣ одинъ изъ мѣстныхъ посредниковъ, об-
разованный молодой офицеръ, очень извѣстной русской фамиліи,
съ намѣреніемъ навелъ рѣчь на это послѣднее шапшинское дѣло.
Узденный судья, засѣдающій на съѣздѣ въ замѣнъ предводителя
дворянства, но не предсѣдательствующій, какъ-то сердито смѣшал-
ся и сказалъ: «это было при моемъ предшественникѣ. Кажется,
не нашли виновныхъ,» и еще сердитѣе прибавилъ: «я этого дѣ-
ла не знаю, это дѣло не мое.»

— Я сказалъ, что шапшинское дѣло весьма недавнее, и судья
въ Лодейномъ полѣ уже новый. Такъ скоро смѣняются здѣсь
чиновники. Не знаю почему, но въ Лодейномъ полѣ я часто
вспоминалъ тотъ идеалъ домохозяина, который выражается въ
извѣстномъ генералѣ М. Этотъ богатъ, страстный любитель рус-
ской промышленности, достигъ до того, что въ его домѣ нѣтъ
ничего покупнаго, отъ вина до парохода для прогулки. Имѣніе
и заводы въ разныхъ губерніяхъ доставляютъ генералу М. все,
что нужно для его барскаго дома. Но тотъ же старый идеалъ
хозяина, неимѣющаго въ своемъ домѣ ничего покупнаго, дости-
гался иногда людьми, неимѣющими ничего похожаго на имѣнія
или на заводы....

О здѣшнихъ кушпахъ, наживающихъ на заготовкахъ лѣсу ба-
снословные барыши, рубля по два на рубль и даже болѣе, мы
поговоримъ также впоследствии.

Лодейновольскіе мѣщане живутъ очень бѣдно. Часть ихъ при-
нуждена уходить далеко на заработки. Занимающіеся извозомъ
разоряются отъ падежей, въ послѣднее время ежегодныхъ. Свирь

даетъ возможность нѣкоторымъ держать трешкоты для перевоз-ки клади и пассажировъ въ Новую Ладугу, но ближнія деревни соверniają въ этомъ съ Лодейнымъ полемъ. За тѣмъ въ городѣ нѣтъ никакихъ промысловъ, никакихъ ремеслъ, кромѣ са-мыхъ обыденныхъ.

Въ Лодейномъ полѣ нѣтъ гостиницы и проѣзжающимъ приходится стучаться за пристанищемъ въ дома гостепріимныхъ мѣщанъ. Къ счастью, мы скоро попали въ домъ мѣщанина Ивана Васильева, бойкаго содержателя почтовой станціи. Тутъ мы узнали, что ко всѣмъ радостямъ здѣшней городской жизни присоединяются «чистыя горницы», какъ говорилъ Иванъ, но въ самомъ дѣлѣ истинные клоповники.

Впрочемъ, Иванъ Васильевъ оказался драгоцѣннымъ человѣкомъ въ невѣдомомъ краѣ. Онъ и научигъ, и облупитъ, и выведетъ и проведетъ васъ. Онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Янусомъ: утромъ трезвъ и молодецъ на всѣ руки, вечеромъ пьянъ и буянъ.

Оказалось, что К-цы лежатъ въ самой глуши здѣшнихъ лѣсовъ, и намъ рассказали, что на дальнѣйшемъ пути мы встрѣтимъ какіе-то чудеса и ужасы.

— Дорогъ у насъ званія нѣтъ, рассказывалъ намъ Иванъ Васильевъ. На колесахъ проѣдете только 16 верстъ по архангельскому тракту, до Тениць.

— А дальше?

— Тамъ верхомъ пожалуете... лѣса пойдутъ. Дорожки въ лѣсу узенькія, вѣтвями все лицо выхлещетъ. Мосты, продолжалъ онъ лукаво улыбаясь, въ три жердочки; мѣста топкія, болота...

— Какъ же проѣхать по тремъ жердочкамъ?

— Проѣдете. Здѣсь лошади привычныя, смирныя... только надо поводы бросить, не дергать и по двумъ жердочкамъ прой-детъ, хоть сломится жердочка, а лошадь пройдетъ.

— Очень пріятно, а на чемъ же помѣщницы ѣздятъ здѣсь?

Васильевъ засмѣялся. «На смычкахъ. То-то умора бываетъ», сказалъ онъ.

— Smyчки! это что такое?

— Такой экипажъ: на немъ кладъ и помѣщницъ возятъ. По-жалуйте въ сарай, я покажу.

Въ темномъ углу сарая мы сразу замѣтили какія-то стран-ные носилки, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ рабочіе таскаютъ гли-ну при постройкѣ домовъ, только гораздо большихъ размѣровъ

и рукоятки съ одной стороны были гораздо длиннѣе чѣмъ съ другой.

— Вотъ и смычки, объявилъ Васильевъ, указавъ намъ на это подобіе насидокъ.

— «Какова штука!» говорилъ онъ, подбросивъ одною рукою весь этотъ гибкій экипажъ. «Сюда на доски положимъ кладъ и привяжемъ веревками, въ цѣлости оставимъ».

Между длинными рукоятками носилокъ впрягается лошадь, а короткія волочатся по землѣ. Другими словами, смычки — это длинныя оглобли, скрѣпленные сзади лошади небольшимъ помостомъ; на него привязываютъ кладъ или сидятъ несчастныхъ помѣшницъ и тянутъ оглобли волокомъ. Къ помосту можно придѣлать стѣнку, а внизу его перекладину для упора ногъ и прилегши на помостъ, крѣпко упершись ногами въ перекладину, вы можете, имѣя за затылкомъ хвостъ лошади, подпрыгивать по всѣмъ неровностямъ дороги. Лошадью будетъ править мальчикъ, посаженный на нее верхомъ, или крестьянинъ, идущій рядомъ.

— Какъ смычки закатятся на косогорѣ или одной оглоблей вскочатъ на камень, затрещать, рассказывалъ Васильевъ, — барыня-то завоетъ, плачетъ, ругается... Особыхъ людей берутъ, чтобы черезъ камни перекладывать смычки. То-то барыня страху натерпится, всю дорогу кричить: «стой! стой! тише!» а тѣ и безъ того ползутъ шагомъ... Умора! Лошадь хвостомъ махнетъ, а она кричить «стой!»

— Не ужь-то тамъ въ лѣсахъ вовсе нѣтъ колесъ?

— Въѣкъ не бывало. Тамошніе мужики снопы съ полей на дровняхъ волокутъ; случится лѣтомъ мертвый и того на дровняхъ тащить. Дикій народъ, какъ есть дикій! А если вамъ угодно, такъ заложимъ таратайку; первый перелѣсокъ отъ Теничь какъ вибудь вроберемся, а дальше ужъ надо верхомъ, нельзя иначе.

— А какъ лучше верхомъ или на таратайкѣ?

— Есть у меня легонькая таратайка, двухколесная, покойно будетъ. То-то тамошнее мужичье рты поразинетъ. У нихъ, чай, въ деревни никогда телѣги не видали. «Аи парень, парень!» загомятъ, — такая у нихъ поговорка.

Васильевъ успѣлъ уговорить меня сдѣлать первый перелѣсокъ на таратайкѣ, но заломилъ цѣну страшную. Таратайка была удобна тѣмъ, что позволяла захватить съ собою нѣкоторыя вещи,

оставить другія въ городѣ до нарочныхъ изъ деревни. Но надуть же насъ Иванъ Васильевъ!

Не дай Богъ никому отправиться на открытіе новыхъ лѣсныхъ земель, проводя по ихъ дорогамъ первый колесный слѣдъ!

III.

ЛѢСНЫЯ ДОРОГИ И ЛѢСНОЕ МОРЕ.

Шестнадцать верстъ по Архангельскому тракту къ ст. Тенинчи мы сдѣлали скоро и весело, широкою, ровною, боровою дорогой. На всѣхъ шестнадцати верстахъ ни одной лужи, ни одного мѣстечка грязи, все указанная песчаная земля. Говорять, дальше архангельскій трактъ выходитъ изъ бора и тамъ онъ затопленъ грязью такъ, что не только едва проѣдешь, но и едва пройдешь. Ведя грунтовую дорогу, не мѣшаетъ стараться захватить возможно больше не очень песчаного бора.

Первыя десять верстъ по боку тракта вьется красивая Свирь, мѣстами съ хорошими сѣнокосами и поемными островами. Цотомъ Свирь скрылась изъ глазъ, но она долго еще течетъ вблизъ почтовой дороги.

Деревни, чрезъ которыя мы проѣхали по тракту, смотрѣли очень зажиточно; многіе дома въ два этажа, выстроены и выкрашены по городски. Впрочемъ, всѣ дома и избы глядѣли нѣсколько голо, здѣсь нѣтъ ни воротъ, ни дворовъ.

Недоѣзжая до Тенинчи, потянулся боръ, спаленный въ прошломъ году краемъ огромнаго лѣснаго пожара. Молодыя заросли и небольшія сосенки совсѣмъ погорѣли; остались только болѣе крупныя, съ большою желтоватою зеленью иглъ, съ обуглившимися снизу стволами. Земля не успѣла оправиться отъ пожара; трава еще не пробилась сквозь уголь. Между стволами уцѣлѣвшихъ сосенъ, по здѣшнему уже довольно рѣдкими, далеко виднѣлась черная гладь. Впрочемъ, тутъ лѣсъ только загорался, а еще не горѣлъ: пожаръ остановился недалеко отсюда. За то дальше отъ дороги огонь повалилъ самыя большія деревья.

Въ прошлое лѣто погорѣли и верхніе Тенинчи. Теперь строятся церкви, рубились избы, увы! уже изъ тонкаго лѣса.

Въ нижнихъ Теничахъ намъ приходилось своротить съ почтового тракта на лѣсныя дороги и сразу отвѣдать ихъ полнымъ пріемомъ: первый перелѣсокъ шелъ на двадцать верстъ—на двадцать здѣшнихъ верстъ!

Только что въѣхали мы въ Тенинчи, со всѣхъ сторонъ деревни стали сходитья крестьяне и обступили насъ на почти-тельномъ разстояніи. Когда кто нибудь изъ насъ подымалъ глаза на подошедшаго крестьянина, тотъ большею частію кланялся съ достаточнымъ достоинствомъ. Мальчики и маленькія дѣвочки подошли еще ближе къ крыльцу, на которомъ мы усѣлись хлебать молоко. Сначала съ тупымъ изумленіемъ смотрѣли они намъ прямо въ ротъ, но потомъ разшались. Бѣльшія дѣти пугали малютокъ нашимъ барскимъ видомъ...

Подошла къ намъ старуха въ грязныхъ лохмотьяхъ, заплакала и протянула руку.

— Безнадежной старушкѣ, Христа-ради... пятеро дѣтей малъ маломеньше... ѣдаковъ много, работниковъ мало. .

Между тѣмъ въ толпѣ собравшихся крестьянъ стало извѣстно, что одинъ изъ насъ рѣшился ѣхать далѣе на таратайкѣ, а для другаго нужна лошадь.

Крестьяне пугали Ивана Васильева на счетъ его таратайки, пророчили, что она либо сломится на половинѣ дороги, либо завязнетъ такъ, что не вытащишь.

Я былъ тотъ несчастный, который выбралъ себѣ мѣсто на повозкѣ. Много пришлось мнѣ позавидовать своему товарищу, поѣхавшему верхомъ, несмотря на ужасающую упряжь лошади, нанятой имъ въ Тенинчахъ. Хозяинъ этой лошади не только заломилъ чудовищную цѣну, но и не рѣшился передать своего коня на руки Ивану Васильеву. Онъ отправился сопутствовать намъ, и для него надобно было нанять еще одну лошадь. Правда, что онъ вызывался провожать своего коня пѣшкомъ, но это бы очень задерживало насъ. Здѣшніе крестьяне берегутъ своихъ коней, главныхъ пособниковъ ихъ въ работѣ, не только старательно, но и благоговѣнно...

За то здѣшняя упряжь, вѣроятно, худшая въ мірѣ. На конѣ моего товарища, вмѣсто желѣзныхъ стремянъ, съ одной стороны былъ привязанъ согнутый изъ прута трехугольникъ, а съ другой, гораздо длиннѣйшей, была наворочена изъ мочала большущая петля. У лошади сопровождавшаго насъ крестьянина стремяна замѣнялись сложенною на двое веревкой, переброшенною чрезъ сѣдло, расколотое по срединѣ и битое ужасающими для сѣдока гвоздями.

— Неужели у васъ нѣтъ стремянъ лучше?

— Есть у меня стремяна хорошія, да завалились теперь, не

найдешь... отвѣчалъ крестьянинъ и принялся расхваливать своего коня во весь голосъ, съ какимъ-то дикимъ азартомъ.

— И безъ стремянъ можно... дико, дико смиренъ конь, кричалъ онъ.

Но едва мой товарищъ занесъ ногу въ стремя, какъ дико-смирный конь шархнулся въ сторону.

— Всполохнулся маленько, возразилъ крестьянинъ на нашъ укоряющій взглядъ.

Наша кавалькада вышла довольно странная. Впереди ѣхала таратайка, и, несмотря на все искусство ямщика, она безпрестанно совсѣмъ накренивалась то на одну, то на другую сторону, такъ, что нужно было держаться обѣими руками за спинку. Камни, выбоины, кочки, усѣвали всю дорогу. Потомъ пошли мы такъ подпрыгивать по розсыпи камней, что дышать было трудно и въ груди что-то заболѣло. Не отъѣхали мы четверти дороги, какъ Иванъ Васильевъ уже успѣлъ вывалить меня раза два. Упряжь таратайки безпрестанно растроивалась и мы останавливались безъ счету. Впрочемъ, моему товарищу едва ли было лучше. Молодой конь, бывшій подъ нимъ, полохался передъ каждымъ большимъ камнемъ, передъ каждымъ большимъ чернымъ пнемъ, и даже испугался теленка, вышедшаго на дорогу. Разъ онъ такъ сильно дернулъ въ сторону, что дрянная подпруга лопнула, но, къ счастью, мой товарищъ благополучно сползъ вмѣстѣ съ сѣдомъ. Кромѣ того, его лошадь все нагибалась на ходу, чтобы пощипать травы или листьевъ; конь сопровождавшаго насъ крестьянина, напротивъ того, былъ чрезвычайно флегматиченъ. Онъ не обращалъ никакого вниманія на сѣдока, на его удары и крики: сколько крестьянинъ не стегалъ его, онъ только обмахивался хвостомъ и шелъ тѣмъ же шагомъ, также шевеля ушами въ тактъ шагу, а потомъ вдругъ пускался бѣгомъ. Въ мѣстахъ, которыя особенно нравились ему, онъ останавливался и щипалъ траву; не обращая вниманія на постегиваніе длинною вицей въ больныя мѣста и потомъ шелъ дальше совершенно неожиданно.

Крестьянинъ всю дорогу ругалъ эту лошадь «жидомъ» и рассказывалъ намъ, какіе хорошіе кони въ Финляндіи, — сосѣдней съ Олонецкою губерніей!

Впрочемъ, обѣ верховыя лошади, въ самомъ-дѣлѣ, съ удивительнымъ искусствомъ проходили черезъ совершенно разрушившіеся мосты и гати, хотя жерди поперечной настилки то вставали

стоймя подъ копытомъ, то ломались подъ его тяжестью. Иные мосты до того ветхи, что копыта раскакавшихся коней продавливали полусгнившія бревна, и тогда клубъ черной, гнилой пыли вырывался изъ посыпавшихся щепокъ. Я до сихъ поръ не могу сообразить, какимъ образомъ проѣхала таратайка черезъ эти остатки мостовъ съ самыми разнообразными черными щелями, часто вдвое шире колесной шины, съ множествомъ бревенъ, доходившихъ только до половины моста. Конечно, передъ каждымъ такимъ мостикомъ приходилось выѣзжать изъ таратайки.

А солнце уже сильно понизилось, и Иванъ Васильевъ поощрялъ насъ ѣхать скорѣе, чтобы не заночевать въ лѣсу. На здѣшнихъ дорогахъ вовсе нѣтъ постоянныхъ дворовъ. Если ночь захватить на пути, то спутываютъ коней, пускаютъ ихъ на лѣсную пожню, разведутъ близъ нея огонь и спать вокругъ костра.

Прошло часа четыре съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Тениничъ, а впереди оставалась еще цѣлая треть перелѣска. Иванъ Васильевъ начиналъ сердиться и распекать сопровождавшаго насъ крестьянина за варварское безобразіе дороги.

— Вѣдь вы сами, черти, ѣздите по этимъ мостамъ—хоть бы для себя-то кинули два-три новыхъ бревна. А вотъ здѣсь, смотри, только бы качни, телѣжный прибранъ былъ бы скать... Вѣдь у васъ тениническихъ есть телѣги...

— Да начальство не принуждало, а я для чего буду править для другого...

— Начальство не принуждало!.. а еще свирскими зоветесь,—какъ есть оятске глухари...

— Кто-жь станеть, Иванъ Васильевъ, для другого дорогу править?

— Толкуй съ вами... Экая чухна проклятая, продолжилъ Иванъ Васильевъ, обращаясь уже къ намъ. Повалить зимою дерево черезъ дорогу, — здѣсь снѣга глубокіе; налетитъ столько, что большущія деревья валить. Ёдетъ ихъ брать по дорогѣ, видитъ дерево лежитъ поперегъ,—остановится, ругается, спину чешетъ и почнетъ распрягать лошадь. Дровни онъ протащитъ подъ деревомъ,—здѣсь дороги видите какія узкія, какъ дерево повалить, оно и застрянетъ въ сучьяхъ на другой сторонѣ. А лошадь обведетъ кругомъ лѣсомъ, вязнетъ чуть не по плечи; за деревомъ опять заложитъ и поѣдетъ. Потомъ, на возвратномъ пути, тоже самое. Сколько времени пройдетъ, сколько муки... а не догадается выхватить топоръ, да перерубить дерево. И работы

то всего на четверть часа. Коли дерево высоко повалило, такъ одну дугу снять и за деревомъ опять надѣваетъ, а ни за что не приметъ его. Другіе крестьяне поѣдутъ — тоже самое: никто не перерубить, не переложить...

— Это точно правда, возразилъ тениничскій крестьянинъ.

— Да сколько же осталось? спрашивали мы, видя, что длинныя вечернія тѣни и заревой багрянецъ разливаются въ лѣсу.

— Версть шесть будетъ, отвѣчалъ крестьянинъ. Считаютъ у насъ шесть, а поди вѣдай сколько. Версты у насъ не мѣренныя, — мѣрила баба клюкой, да махнула рукой...

Прошолъ еще цѣлый часъ въ тѣхъ же дорожныхъ мытарствахъ у каждаго моста, у каждаго косогора и проч. Мѣстами мы разбрызгивали глубокія лужи, всякаго цвѣта—отъ чернаго до бѣлаго, и грязная вода обдавала насъ брызгами выше шапокъ.

— Да скоро-ли, наконецъ...

— Еще версты четыре будетъ...

— Хороши же ваши версты.

— Да, версты у насъ длинныя, а сами узенькія...

Между тѣмъ солнце сѣло и весь лѣсъ огласился весельемъ, протяжными окликами возвращающихся съ работы крестьянъ. Эти оклики напоминали моему товарищу югелъ въ швейцарскихъ горахъ.

Мужики, бабы и дѣвки, верхомъ, часто безъ стремянъ и безъ сѣдла, стали обгонять насъ. Они почтительно объѣзжали нашихъ коней и отвѣшивали намъ низкіе поклоны. Глядя, какъ иной крестьянинъ, чтобы объѣхать насъ по узкой дорожкѣ, заѣзжалъ подъ самыя вѣтви, хлеставшія его по всему тѣлу, я невольно вспомнилъ нѣкоторыхъ господъ, увѣряющихъ, что мы живемъ наканунѣ великихъ переменъ. Два-три крестьянина, горячно, не будучи въ силахъ преодолѣть свое любопытство, вступили съ нами въ дружелюбный разговоръ, спрашивали: куда мы ѣдемъ и кто мы такіе?

— Ну, теперь скоро, утѣшалъ насъ Иванъ Васильевъ, — версты двѣ осталось. — Онъ говорилъ это передъ какими-то деревянными воротами, совершенно заграждавшими дорогу.

— «Слѣзай,» командовалъ онъ крестьянину. — «Отворяй кучать...»

— Я съ лошади отворю—ишь тутъ грязь какая, — завязнешь, отвѣчалъ тотъ и поѣхалъ на эти странныя лѣсныя ворота. Они поддались подъ напоромъ коня, крестьянинъ схватился за

нихъ рукою и со скрипомъ отвелъ ихъ въ сторону; мы проѣхали и ворота начали сами заператься.

— «Притвори, братецъ, плотнѣй», усовѣщевалъ крестьянина Иванъ Васильевъ. «Какъ скоть, братецъ, пройдетъ, да хлѣбъ у крещеныхъ поѣсть,—поздно будетъ»...

Кугачъ,—это ворота въ оскѣ вокругъ деревни, за которыми пасется скоть. Роль блока въ кугачѣ замѣняетъ привязь толстою вицей, къ вершинѣ молодого дерева. Отворяя кугачъ, вы сгибаеете скривящее деревцо и когда, проѣхавъ, отпустите ворота,—деревцо выпрямляется, тянетъ ихъ и запираетъ кугачъ.

Наконецъ по обѣимъ сторонамъ дороги пошла сплошная изгородь изъ колотыхъ, косыхъ жердей и сама дорога превратилась въ сплошную лужу черной, взбитой копытами грязи.

— Вотъ и улица, объявилъ нашъ проводникъ. Пріѣхали-сь.

Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ дѣйствительно открылась деревня В—чи. Мы заночевали здѣсь въ чистой, просторной комнатѣ, во второмъ этажѣ избы, сколоченной изъ громадныхъ бревенъ и смотрѣвшей очень зажиточно.

Какъ ни былъ удалъ Иванъ Васильевъ, онъ отказался ѣхать далѣе на таратайкѣ. Мы взяли лошадей и проводника за баснословную цѣну.

За В—чачи пошла настоящая лѣсная дорога, и трудно вообразить себѣ, чтобы сибирскія лѣсныя тропы могли быть хуже здѣшнихъ узенькихъ просѣкъ. Ну, край въ 300 верстахъ отъ Петербурга! Мало того, что сюда не успѣло еще проникнуть изобрѣтеніе колесъ, но даже для пѣшехода здѣшнія дороги непроходимы.

Чортъ знаетъ чего только нѣтъ на нихъ! Пни, камни, кочки, толстые корни деревь, рытвины, лужи на нѣсколько десятковъ сажень, часто по колѣно лошади, ямы, полныя грязью, каменные розсыпи и проч.—успиваютъ всю дорогу; тутъ бродъ черезъ ручей, а тамъ надо пробираться по скользкому, каменистому руслу высохшаго протока, а здѣсь бревно и даже цѣлосъ дерево съ вѣтвями лежитъ поперекъ дороги. Хуже всего ѣхать по болоту, гдѣ половина жердей дрянной гати ушла въ топъ и гдѣ здѣшніе кони, какъ ни ловко скользятъ они неподкованными копытами по гладкимъ жердямъ, но все-таки падаютъ.

Но мало того, что вы проваливаетесь въ болотахъ, въ ямахъ, въ лужахъ, васъ еще безпрестанно хлещетъ вѣтвями стоящихъ по бокамъ дорожки деревьевъ и кустовъ,—не рѣдко приходитъ

ся закрывать глаза и прятать руки въ карманы. Столѣтнія, оди и сосны, стоящія на краю тропы, положительно опасны,—тутъ чуть зазѣваетесь, конь пройдетъ близко дерева и обдеретъ вамъ колѣно о громадный стволъ. Самаа лучшая часть здѣшней дороги,—это взбороненное поле, по которому иногда ѣхалъ нашъ проводникъ для сокращенія пути.

Трудна ѣзда верхомъ по лѣснымъ тропинкамъ; но каково на нихъ пѣшеходу! По краю глубокихъ лужъ, часто затопляющихъ просѣки, не всегда положены бревна для прохода, и пѣшеходу приходится разгребать грязную воду ногами, прыгать съ кочки на кочку. Вязкая грязь безпрестанно хватается за ноги, словно держать и не пускаетъ идти. Обойти упавшее на тропу большое дерево, мѣстами настоящая гимнастическая задача. Надо идти либо на проломъ стѣны густаго ельника или сплетшагося кустарника и напоромъ своего тѣла съ трескомъ и шумомъ ломать и раздвигать эту хлещущую васъ массу зелени, или остается только пролѣзть и карабкаться сквозь вѣтви упавшаго великана.

Но я мало замѣчалъ всѣхъ мытарства дороги,—впечатлѣнiе могучей красоты лѣснаго моря, сквозь которое пробирались мы, было гораздо сильнѣе и совершенно ново для меня. Мнѣ приходилось видѣть лѣса, и довольно большіе, либо подъ Петербургомъ, либо въ губерніяхъ, которые не могутъ назваться очень лѣсными. Тамошніе лѣса не даютъ никакого понятія о непрерывномъ повсюдномъ разливѣ олонцакаго лѣснаго моря.

Въ губерніяхъ, не слишкомъ богатыхъ лѣсомъ, онъ составляетъ одно изъ самыхъ живыхъ и пріятныхъ украшеній хорошаго вида, составляетъ даже необходимый аксессуаръ такого вида, и чаще всего является въ нихъ какъ бы отдѣльною картинкою. Проѣзжая черезъ лѣсъ въ такой мѣстности, всматриваясь въ физіономію каждаго дерева, каждой группы ихъ и словно бесѣдуешь съ ними. Тутъ стоитъ молодая береза, съ крѣпкими раскидистыми вѣтвями, пышно разубранная листьями, словно невѣста; тамъ изъ среды частыхъ сосенъ, высоко вылезла одна съ обтраванною, обломанною верхньюю, прикрытою словно панною кускомъ зелени; она далеко видна и далеко словно влачетъ на судьбу свою; тутъ стоитъ молодая густая липа, струясь всѣми вѣтвями по вѣтру или крѣпко вздрагивая отъ налетовъ его, какъ молодое тѣло отъ набѣгающей струи холода... А группы деревьевъ? На берегу небольшой рѣки стоитъ

Нѣсколько старыхъ, уже плакучихъ березъ, съ повислыми тонкими вѣтвями, и кусты почтительно отступили отъ всегдашней тѣни ихъ; молодыя заросли также не могли подняться къ ней, и группа березъ стоитъ въ какомъ-то гордомъ и скорбномъ уединеніи. Среди поля у края дороги пріютились двѣ-три сосны съ разнообразнымъ потомствомъ, — словно одинокая, но дружная семья.

Въ Олонецкой губерніи весь видъ слагается изъ разнообразнаго размѣщенія непрерывнаго, повсюднаго лѣса, и множество свѣтлыхъ озеръ, шумныхъ, каменистыхъ ручьевъ и порожистыхъ рѣчекъ, мѣстами дополняютъ виды лѣснаго моря, но не отнимаютъ отъ него суроваго лѣснаго колорита. Во всю дорогу лѣсъ не отпуститъ васъ ни на шагъ, постоянно окружаетъ не только со всѣхъ сторонъ, но часто накрываетъ лѣсную дорогу зеленымъ сводомъ вѣтвей. Сплошная лѣсная масса, не то, чтобы давить васъ, а покоряетъ, успокаиваетъ и вмѣстѣ подымаетъ себѣю нѣсколько грозною красотой.

Но глазъ скоро привыкаетъ къ общему, постоянному впечатлѣнію безконечнаго лѣса, по крайней мѣрѣ на столько, что вы начнете всматриваться въ различные виды, образуемые лѣсными массамаи.

Лѣсъ, большею частію, мѣшанный: ель, береза, ольха, осина мелькаютъ неотступно одна за другою, то сбиваясь тѣсною, широколиственною частью, то разсыпаясь по мокрой луговинѣ, поросшей густою выскокою травой, усыпанною цвѣтами. Старья, чуть не столбѣнія ели, занимаютъ почетное мѣсто въ этомъ лѣсу; широко раскидываютъ онѣ свои темныя огромныя долгогривыя вѣтви, и подъ густою не смѣютъ показаться молодымъ зарослямъ, тогда какъ между небольшими деревьями онѣ поднимаются, частями почти какъ трава. Видъ мѣшаннаго лѣса хорошо знакомъ намъ по петербургскимъ окрестностямъ, — тутъ только и видишь, что между темнозеленыхъ шпрандѣ елей солнце васозвонно пронизываетъ свѣтлую листву березъ и осинъ. Зрѣлый мѣшанный лѣсъ такъ густъ и тѣнистъ, что трава плохо растетъ подъ нимъ, а цвѣты еще болѣе рѣдки; за то черничныя и брусничныя листья раскидываются на волѣ. По краямъ дороги въ смѣшанномъ лѣсу, свободнымъ отъ тѣни хоть на половину дня, проходитъ вѣстрая тропка лѣсныхъ цвѣтовъ. Въ мѣстахъ посырѣе ландыши цѣлыми кучами развертываютъ свои листья въ широкія трубы, высоко поднимаютъ стебель съ крупными цвѣтами, разливающимъ тонкій мышиій запахъ; между ними такъ и слышь, мелькаютъ бѣ-

лѣсе, липовые, малиновые заячьи ландыши, и вѣрнѣе нѣсколь-
ко одурмѣннѣй запахъ ихъ слышенъ олимпкомъ примѣтно. Въ
мѣстахъ болѣе сухихъ, на придорожной грядкѣ, бѣлѣютъ розсы-
па цвѣтовъ земляники, алѣетъ яркій звѣздчатый цвѣтъ куна-
ницы, тамъ и сямъ красуются бобовникъ, астры, синіе коло-
кольчики и прочіе цвѣты. Огромный высокій муравейникъ у
края дороги обступили густые малиновые кусты, любящіе
свѣтлымъ солнечнымъ мѣста.

Но рощи изъ деревьевъ сплошь, одинокой породы гораздо
красивѣе мѣшаннаго лѣса.

Сосновый боръ, съ гладкою песчаною дорогою какъ-то ко-
кетливо чистъ и парадно свѣтелъ; ровная, словно пробитая зем-
ля у корней высыпана желтыми аглами; вѣрнѣе травы и брус-
ничный листъ съ трудомъ пробиваются сквозъ нее; мелкіе под-
ростки не часты, рѣдковѣтвисты, свѣтлы; высокія прямыя сос-
ны съ чистыми желтыми стволами рѣдко сбиваются въ кучу,
но чаще раскидываютъ свои вѣтви на просторѣ, впрочемъ под-
навѣ свой зеленый шатеръ довольно высоко надъ землею,
такъ что снизу стволы ихъ голы. Но за то между всегда мно-
го простора и свѣту. Далеко видно какъ перелетываютъ, съ де-
рева на дерево, лѣсными птицы, испуганныя поѣздомъ. Въ жар-
кій солнечный день въ бору, на восточной дорогѣ, паритъ не-
милосердно сквозъ вѣтви сосенъ, ясное небо смотритъ како-
то горячею раскаленною огневою. Не смотря на удобство ходь-
бы въ бору его, и смолистый здоровый воздухъ, въ немъ какъ-
то непріятно долго оставаться. все равно, что въ чистой, свѣтлой,
но всегда слишкомъ пустой столовой. Гораздо уютнѣе и весе-
лѣе въ березовой рощѣ, особенно не слишкомъ густой, но уже
значительно подростшей.

Отраднѣе встрѣчаетъ она васъ своими бѣлыми какъ снѣгъ,
блестящими какъ шелкъ стволами, своею веселою, насквозь про-
низанною солнцемъ листвою. Она струится и шепчетъ подъ на-
летами легкаго прохладнаго вѣтерка; густая яркозеленая трава
высоко подымается у корней, всякіе цвѣты и ягоды разбросаны
въ ней, то въ розсыпную, то плотными разноцвѣтными ковра-
ми. Радостно смотритъ такой пестрый лужокъ подъ косымъ
сплошнѣмъ золотыхъ солнечныхъ лучей, прорвавшихся между рас-
туившимися зелеными березами. Кусты черемухи, жимолости,
шиповника, волчьихъ ягодъ разливуютъ здѣсь свое благоуханіе
большую половину лѣта. Всякія птицы расцвѣваютъ, перекликаютъ

ся, кричать, свистать и въ травѣ и въ деревьяхъ,—это самый живой, самый голосистый лѣсъ. Въ немъ нѣтъ почти пустаго уголка и все смотритъ красиво и уютно. Тутъ по мягкой дорогѣ легко трястись на конѣ; пятна свѣта и проходной тѣни безпрестанно скользятъ по ней; тутъ вы спокойно любуетесь, какъ солнце играетъ кругомъ въ листьѣ и свѣтомъ, и тѣню и яркимъ блескомъ. Не далеко отъ дороги, близъ рѣчки, закрытой густыми кустами, цѣлый рядъ старыхъ красивыхъ березъ склонилъ свои длинныя тонкія вѣтки вокругъ свѣтлой лужайки, и солнце такъ скользитъ по ихъ пыльнымъ листьямъ, что они кажутся освѣщенными точно луннымъ свѣтомъ. А тутъ дорога пошла въ гору, и высокія деревья поднимаются на нее, одно за однимъ, открывая взору всю красоту свою; въ старой березовой рошѣ всегда высится нѣсколько громадныхъ осинъ, подымающихся высоко отъ земли свои раскидистыя вѣтви и трепещущихъ листьями на самомъ верху, въ ясной синевѣ неба. Здѣсь это «проклятое» дерево въ огромныхъ старыхъ экземплярахъ достигаетъ значительной красоты.

По оврагамъ, во мокрыя и нѣсколько вязкія мѣста, темною корбой стоитъ непроглядный еловый лѣсъ, заглушая и свѣтъ и траву вѣчною тѣною частыхъ молодыхъ подростовъ, до того частыхъ, что человекъ никогда не продерется сквозь нихъ; на нѣсколько шаговъ, не проглянешь сквозь ихъ темный частоколь. Стволы упавшихъ деревьевъ лежатъ одно на другомъ, прикрытыя мягкими волнами бѣлаго моха, словно саваномъ. Въ еловомъ лѣсу пусто, тихо, прохладно даже въ жаркій день, а водъ вѣтромъ онъ стонетъ, завѣваетъ и скрипитъ пугающими лѣсными голосами. Въ темной, густой зелени елей трудно разглядѣть осторожную лѣсную птицу, хотя иногда та застучитъ крыльями и вырвется въ нѣсколькихъ шагахъ. Черная грязная дорога въ еловомъ лѣсу, почти всегда мокромъ, вязка и не сносна; на ней всего чаще случаются провалы.

Но кромѣ разнообразныхъ рошъ и красивыхъ разливовъ лѣсныхъ массъ по пригоркамъ, дорога оживляется разработками лѣса, подъ пашню, и онѣ, можетъ быть, еще больше займутъ васъ.

У самыхъ Теничъ мы увидѣли цѣлый склонъ холма, покрытымъ срубленными и поваленными деревьями съ засыхающими, уже поблекшими листьями. Стволы поваленныхъ деревьевъ лежали правильно, все по одному направленію. Эта порубка сдѣлана одъ пашню, «на суки», какъ говорятъ здѣсь, и оставлена со-

Въ на лѣто. Дальше, у самаго края дороги, мы увидѣли на-
кю-то мертвую небольшую поляну,—по выжженной, усыпан-
ной углемъ землѣ, чернѣли обгорѣлые пни. Нѣсколько боль-
шихъ умерщвленныхъ деревьевъ стояли на полянѣ, съ голыми
высокими вѣтками. Густой лѣсъ вокругъ поляны опаленъ, а
внизу было видно, какъ бѣжалъ огненный потокъ. Самые близ-
кіе на полянѣ деревья стояли со вѣтвѣми обгорѣлыми. Это уже
сожженные, но еще не вспаханные суки.

На дорогѣ безпрестанно попадались намъ лѣсныя пашни, мѣс-
тами огороженныя. Высокіе колосья стояли неподвижно, заслонен-
ные отъ вѣтра лѣсною стѣною окружающей пашню. Сквозь про-
зрачные стебли хлѣба сквозили тамъ и сямъ обгорѣлые пни.
Особенно красива была ячменя съ богатыми золотистыми ко-
лосьями, перемѣшанная синими и пестрыми васильками, слов-
но на уборѣ дамской шляпки. Съ радостію увидѣлъ я превос-
ходные хлѣба, которыя можно считать развѣ въ очень хлѣбо-
родной губерніи.

Выпаханная, уже брошенная лѣсная пашня, если мѣсто доста-
точно сыро, покрыта густою травою, испещрена всякими лѣс-
ными цвѣтами; кусты малины поднялись у края, а мѣстами
залѣзъ низкій кривой шиповникъ; молодые заросли а мѣстами
ольхи кое-гдѣ уже глушатъ траву. Но если мѣсто черезы и
брошенная нива смотритъ очень печально, какъ-то особен-
но лобно глядятъ разрушающіеся остовы умерщвленныхъ дере-
вьевъ. Низкая трава съ рѣдкими высокими цвѣтами туго пробивается
на ровной землѣ; жидкія молодые сосенки и ели блестятъ сво-
ими иглами и на солнцѣ. За то на такой нивѣ много ягодъ;
костяника, земляника, брусника располагается на ней коврами.
Оставленная распашка въ бору еще печальнѣе, она сплошь по-
ростаеетъ низкими сѣрыми кустиками крѣпкой сухой травы въ
родѣ вереска.

Нивы, то засѣянные, то брошенные, а также поваленные суки
встрѣчаются безпрестанно на дорогѣ, идущей по помѣщичьей
землѣ и по большей части земли государственныхъ крестьянъ.
Тутъ вы видите уже начало развалинъ, прежняго, сплошнаго,
могучаго лѣснаго царства. Но въ островахъ, принадлежащихъ
купцамъ или въ заповѣдной казенной рощѣ, лѣсное море являет-
ся вамъ еще во всемъ своемъ грозномъ величїи. За то на этихъ
островахъ никто не чинитъ дороги, и всѣ мытарства ихъ учет-
веряются."

Но я, кажется, слишкомъ долго занялся описаніемъ, тѣмъ болѣе, что о лучшихъ видахъ мнѣ придется еще говорить. Возвращаюсь на нѣсколько словъ къ лѣснымъ дорогамъ.

Каторжными мытарствами своихъ дорогъ здѣшній лѣсной народъ спасался отъ баръ и отъ начальства, хотя самъ страдалъ, и жестоко уцербился отъ этихъ мытарствъ. Дѣйствительно, въ иныхъ деревняхъ, становой не показывался нѣскольکو лѣтъ сряду.

— Наѣдетъ, бывало, исправникъ, рассказывали намъ крестьяне; — глаза-то у него вѣтвями выхлещетъ. Ругается, злится, руками идетъ, «кто ваши господа», кричить? — А мѣ К-іе. — «Кто вашъ баринъ? Что не смотритъ?» — «Въ Питѣ живеть, а варадъ». Подерется, да съ тѣмъ и отвалитъ. А мѣ сибѣмся вслѣдъ, — пусть, молъ, глаза деретъ, рѣже ѣздитъ, аветъ.

— Теперь, прибавляли крестьяне, — дѣлгія времена стали, начальство не боится дорогъ. И сры, начальники наѣзжать стали. Дороги чистить принудаютъ. У насъ въ правленіи за этимъ строго....

Впрочемъ, всѣ по бокамъ дороги деревъ, хлещущихъ пут-

ника. послѣ нашего вріѣзда, крестьяне со страхомъ раска-

Вѣ намъ, что судебный слѣдователь провалился въ мосту и жо бранилъ мѣстныхъ крестьянъ.

— Теперь мосты починять, говорили крестьяне, — а то, вправду, проѣзду не было, — измучаешься на дорогѣ.

— Какъ же вамъ самимъ не противна такая гадость?

— Начальство не принуждало, — кто самъ пойдетъ чинить дорогу? А дорога, точно, плохи, какъ есть плохи.

Надобно истинно пожалѣть о здѣшнихъ мировыхъ посредникахъ, принужденныхъ разѣзжать по лѣснымъ тропамъ, хотя крестьяне, слышавъ о скоромъ пріѣздѣ посредника, бѣгутъ чистить дорогу, — повалить нѣсколько деревьевъ по сторонамъ, бросать нѣсколько бревенъ на мостахъ и гатяхъ и, наконецъ, отстануть предъ громадностью нужныхъ поправокъ.

Крестьянскія власти въ помѣщичьихъ мѣстностяхъ: старосты, судьи, выборщики начинаютъ уже крѣпко жаловаться на дороги. Мнѣ приходится часто ходить въ правленіе, инымъ по пятидесяти верстѣ въ одинъ конецъ.

— Пржеде на этотъ счетъ было лучше, говорятъ они, — Зна-

ля мы только барина, да жили за нимъ. Баринъ иной разъ вытребуется и въ Питеръ, да нейдёмъ, — въ здѣшнемъ мѣстѣ рукой не достанешь. Теперь-то гуляй-ка въ правленіе, да безпремѣнно къ сроку поспѣй, — какъ знаешь дѣлай, а поспѣй....

— Я, прибавилъ староста, — ужь двѣнадцать разовъ гулялъ въ правленіе. Туда пятьдесятъ или сорокъ, да назадъ сорокъ, — такъ старое-то время и вспомнишь.

Чтобы съѣздить въ городъ за солью, за рукавицами, за мелкой бездѣлушкой, здѣшній крестьянинъ принужденъ оторваться отъ работы на три, на четыре дня. До санной дороги онъ не можетъ свезти что-нибудь для продажи, — въ мѣшкахъ, переброшенныхъ черезъ сѣдло, увезешь не болѣе трехъ-четырехъ пудовъ. За непроѣздными дорогами крестьяне принуждены оставлять въ лѣсу скирды и стоги хлѣба на прокормъ и лѣсной птицѣ, и бѣлкамъ, и зайцамъ, и мышамъ, и горностаямъ. Всю зиму крестьянинъ исподоволь привозитъ себѣ хлѣбъ изъ лѣсу, по нѣрѣ надобности. Впрочемъ, и снѣжный путь не даетъ здѣсь хорошей дороги, — по здѣшнимъ лѣснымъ тропамъ едва можно протянуть возъ въ двадцать или тридцать пудовъ.

Впрочемъ, есть надежда, что въ близкомъ будущемъ дороги будутъ еще хуже. Теперь самыя худыя тропы идутъ по землѣ купцовъ, большею частію живущихъ далеко отъ уѣзда. Со введеніемъ уставныхъ грамотъ, дороги за крестьянскою нартзкою обязаны исправлять сами помѣщики, большею частію рѣдкіе гости въ своихъ здѣшнихъ имѣніяхъ. Здѣшнія дороги, вѣроятно, исправятся не прежде прочнаго водворенія удовлетворительныхъ уѣздныхъ учреждений.

Но какъ же, спросите вы, возятъ по здѣшнимъ лѣснымъ тропамъ огромныя бревна и громадное количество дровъ, сплавляемое отсюда въ Петербургъ? Очень просто, — при каждомъ лѣсномъ подрядѣ прокладываютъ новую зимнюю дорогу, обходящую овраги и холмы. Потомъ она забрасывается, тѣмъ болѣе, что часто идетъ по болоту.

Пріѣхавъ въ К-цы, я былъ вознагражденъ за всё истинныя мытарства превосходнымъ, громаднымъ видомъ на лѣсное море. Съ здѣшней горы отрывается вся окружающая мѣстность, верста на пятьдесятъ. Въ ясные дни можно различить Ладейное поле, и далеко за нимъ еще видны голубые очерки дальнихъ лѣсовъ.

IV.

Свирь и Оятъ.

Лодейнопольскій уѣздъ распадается на двѣ весьма различныя и далеко не дружественныя мѣстности. Это дѣленіе основано на самыхъ существенныхъ особенностяхъ края, и оно живетъ въ мѣстномъ народномъ *воззрѣніи* и говоритъ гораздо тверже казенныхъ межевыхъ границъ, не только становъ, но и всего уѣзда, тѣмъ болѣе, что даже сама администрація часто путается въ своихъ уѣздныхъ границахъ. Нѣкоторыя граничныя деревни могутъ считаться, по разнымъ законамъ, въ обѣихъ смѣжныхъ губерніяхъ, — и въ Олонецкой, и въ Новгородской. Случилось такъ, что одинъ изъ тихвинскихъ волостныхъ старшинъ живетъ съ своимъ правленіемъ не только не въ своемъ уѣздѣ, но даже и не въ Новгородской губерніи, а на лодейнопольской землѣ. Деревня этого старшины, значась по спискамъ за Тихвинскій уѣздомъ, должна получить теперь, при надѣлѣ $1\frac{1}{2}$ десятины на душу менѣе, чѣмъ деревни того же лодейнопольскаго берега Оятя, а оброку будетъ платить она рублемъ серебромъ на душу болѣе.

Достаточно прожить нѣсколько недѣль въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, чтобы замѣтить его распаденіе на свирскую и оятскую мѣстности и даже важнѣйшія черты ихъ взаимныхъ отношеній.

— «Питухъ ты, со-Свири чортъ!» дразнили при насъ оятскіе крестьяне подгулявшаго молодца на ближнемъ сельскомъ праздникѣ.

Бойкій парень, показывавшій и толковавшій намъ пляску дѣвокъ на бесѣдѣ, на томъ же праздникѣ похвалялся: «знатно валяють; не хуже свирскихъ у насъ тенцуютъ».

— Племянникъ мой на Свирь переписался, и меня зоветъ туда-жь, рассказывалъ намъ отставной солдатъ, изъ государственныхъ крестьянъ, живущихъ близъ Оятя. — Говорить, что тамъ, — куда лучше... онъ еще молодой, мой племянникъ.

— И ты не поѣдешь жить на Свирь?

— Нѣтъ. не лаку. Знаюе дѣло, Свирь добычливый край, и работа тамъ легче, да и на Свири тоже видать гора довольно. Велко я тамъ живутъ. Здѣсь я, благодарю Создателя, обзавелся: коней пара, коровъ пятокъ, бываетъ и больше, хлѣбъ есть, — что Бога гнѣвить! Гдѣ родился, тамъ и кости сложить. А свир-

скіе, добавилъ онъ, съ самодовольной улыбкой, — еще частенько къ намъ за хлѣбомъ ѣздить.

Мнѣ пришлось жить въ деревни, близъ Ояти. Не разъ приходилось слышать въ ней колокольчики свирскихъ крестьянъ, прѣзжавшихъ цѣлою гурьбой, «цѣлою свадьбой» понувать хлѣбъ.

На Ояти часто услышите, что крестьянинъ, нуждающійся въ деньгахъ, идетъ заработать ихъ на Свирь.

Быстрая, мѣстами порожистая Свирь, течетъ по сѣверной границѣ Лодейнопольскаго уѣзда, а Оять, — притокъ ея, по южной. По берегу Свири, или близъ него, вѣтца старинный Архангельскій трактъ, но настоящая большая дорога здѣшняго уѣзда, это сама Свирь, входящая всѣмъ своимъ теченіемъ въ составъ Маринской системы, лучшей изъ трехъ, ведущихъ въ Петербургъ съ Волги. Свири суждена прочная и, вѣроятно, еще лучшая будущность. Предпринятая теперь поправка Маринской системы должны окончательно упрочить побѣду ея надъ Тихвинскою и Вышневолоцкою, и вообще поднять значеніе этого водянаго пути.

Оять судоходна только верстѣ на 17 отъ своего устья, на берегахъ котораго лежитъ извѣстная пристань Сермаксы. Выше Оять слишкомъ порожиста, но опыты весенняго сплава судовъ удались въ верстахъ 50 отъ Сермаксы. По Ояти и впадающимъ въ нее рѣчкамъ сплавляются дрова и бревна.

Теперь позвольте указать нѣсколько подробнѣе на нѣкоторымъ черты различія свирской мѣстности отъ оятской.

Свирскіе крестьяне живутъ преимущественно очень доходнымъ промысломъ судоходства. Они служатъ лодчанами, гребутъ на судахъ, тянутъ ихъ бичевой, а богатые имѣютъ свои барки, на которыхъ доставляютъ кладъ до Петербурга.

Рѣдкій лодчанинъ заработаетъ въ день менѣе 8—10 руб. сер., но весьма не рѣдкій оставитъ значительную часть ихъ въ кабакъ и въ трактиръ. Случается лодчанинъ, подъ пьяную руку, сгубить судно въ порогахъ, но въ качествѣ рѣдко обращается на него. Особенно въ послѣднее время купцы аккуратно страхуютъ свои барки, и кому же охота получить съ виноватаго лодчана рублей триста, когда, сваливъ дѣло на независящія отъ людей причины, можно добыть полное вознагражденіе въ страховомъ обществѣ. Кажется, было бы весьма полезно обратить здѣшнихъ лодчановъ въ вельныхъ, т. е. чтобы купецъ могъ брать лодчана во своему усмотрѣнію. Пороги Свири вовсе не такъ опасны, какъ рассказываютъ о нихъ мѣстные инженеры.

Свиря, какъ известно, раздѣлена на: судоходныя станціи, по которымъ суда не только провожаются казенными дозорами, но и обязаны имѣть определенное для каждой станціи число гребцовъ. Это постановленіе отдаеть проходящія суда въ руки здѣшнимъ лоцманамъ и вообще судоходной полиціи, тѣмъ болѣе, что на самомъ дѣлѣ можно обойтись съ несравненно меньшимъ количествомъ гребцовъ противъ назначеннаго въ табели. Съ теперешнимъ преобразованиемъ судоходной полиціи, вѣроятно, эти стѣсненія будутъ вмѣстѣ значительно облегчены. Еще недавно было предложеніе разписать Шекснѣ на казенныя станціи, но, по ходатайству купцовъ, оно оставлено.

Греблю на судахъ крестьяне зарабатываютъ отъ 60 коп. до 1 руб. въ день, а тягою бичевой почти вдвое болѣе. Вообще заработная плата на Свиря въ полтора раза болѣе, чѣмъ на Олти. Но греблю и тягою бичевой занимаются только бѣдные крестьяне.

Богатые, а такихъ здѣсь очень много, имѣютъ свои суда, торгуютъ на станціяхъ или занимаются лѣсными подрядами, съ попенщины изъ казенныхъ дачъ. Провозка клади даетъ большіе барыши, особенно въ хорошее торговое время.

Но зарабатываемыя деньги не много идутъ впрокъ свирскимъ крестьянамъ! Частые кабаки въ здѣшнихъ деревняхъ всегда полны шумною, пьяною толпою; бабы и дѣвки щеголяютъ нарядами, пропиваются на кофеѣ и чаѣ. Сплавляя кладь, здѣшній крестьянинъ рѣдко минуеть кабакъ или трактиръ и возвращается домой изъ веселаго Питера не только безъ заработанныхъ денегъ, но и безъ задатка, если случится сорвать его. Къ тому же, при доставкѣ клади въ Петербургъ, козанину судна рѣдко приходится получить порядочную сумму. Обыкновенно, лѣтній заработокъ прогуливается даже къ концу навигаціи, и зимою свирскій крестьянинъ перебивается кое-какъ, закладывая платье, утварь и забирая впередъ задатки, такъ что при окончаніи доставки приходится получить очень мало или вовсе ничего. Лѣтомъ на Свиря ширь и льнованье; зимою — нужда и горе. Въ рошый годъ своихъ средствъ свиряне никакъ не могутъ прожить, зато на Свиря умѣютъ повеселиться. Зимною, когда въ дому почти нѣтъ хлѣба на медлю, когда иные перебиваются только на деньги, заработанныя въ подрядѣ, сельскій праздникъ справляется на славу: не жалѣютъ богатаго угощенья, устраиваютъ конскіе бѣги, и идетъ щегольство: княжи, нарядами, шубами...

Въ прежнее время было также хорошее житье ящичкамъ на большой дорогѣ. Купцы, прикащики, чиновники и проч. валили во всю навигацію. Отъ 80 до 100 рублей зарабатывалъ ящикъ въ лѣто, не считая запашки. Теперь всѣ проѣзжающіе лѣтомъ садятся на пароходъ, на которомъ проѣздъ и дешевле и удобнѣе. Здѣшніе ящички убѣждены, что, рано или поздно, съ проклятыми пароходами случится большое несчастіе, что Ладожское озеро не вынесетъ и когда-нибудь потопитъ ихъ.

Занятые всю навигацію на судахъ, свирскіе крестьяне не ищутъ времени, чтобы самимъ заниматься хлѣбопашествомъ. На самой Свирѣ богатая семья круглый годъ покупаютъ хлѣбъ; во ивръ отдаленія отъ рѣки, хлѣбопашество усиливается. На самомъ берегу и близъ него землю обрабатываютъ наемными работниками. Вотъ вамъ примѣръ крестьянскаго вольно-наемнаго хозяйства въ довольно значительныхъ размѣрахъ!

Обыкновенно, хозяинъ дома нанимаетъ постоянного вѣрнаго работника и ему въ нѣкоторой степени поручается веденіе запашки. Такой работникъ, получая жалованья только нѣсколько больше, чѣмъ другія, большею частію временные рабочіе, остается вѣрнымъ извѣстному семейству по цѣлымъ годамъ. Всякій крестьянинъ, въ окружной мѣстности, если ему нужно нѣсколько рублей, а достать ихъ не у кого, отправляется на Свирь и, заработавъ, идетъ домой, покончить еѣ собственной запашкой. Впрочемъ, нѣкоторые частію разорившіе, частію лѣнныя крестьяне изъ оятскихъ деревень, бросаютъ хлѣбопашество дома, отдаютъ свой сѣнокосъ на бразги и отправляются на все лѣто на Свирь. Тамъ почти не бываетъ недостатка въ работѣ, а въ сѣнокосъ дневная плата подымается даже выше рубля.

Запашки свирскихъ крестьянъ не очень велики, потому, во-первыхъ, что здѣсь мало удобныхъ земель, а во-вторыхъ, наемные работники, забравъ задатки, очень часто уходятъ домой, или переходятъ куда-нибудь подальше къ другимъ хозяевамъ.

— У насъ нынѣ тѣмъ и живутъ, разсказывали намъ на Ояти. Хоть на Свирѣ ихъ и опасаются, а все берутъ, какъ время-то уходитъ, а нанять некого.

— Отчего-жь свирскіе хозяева не дѣлаютъ письменныхъ контрактовъ.

— «Кундрахъ-то, — да что въ немъ? Въ судъ, небось, не пойдемъ, да и въ правденіе тоже. Тамъ все дѣло на деньгахъ.»

Собственный хлѣбъ хватаетъ свирчанъ не на долго и съ звыи Оять становится ихъ житницею.

На Свири почти всѣ крестьяне вольные, — государственные. Доходность промысловъ привлекаетъ сюда многихъ переселенцевъ, и изъ нихъ по немногу составляются новыя деревни.

Свирь, сказали мы, здѣшняя большая дорога; Оять вовсе не имѣеть дорогъ и сохраняетъ еще въ своихъ лѣсахъ нашъ старинный земледѣльческій бытъ. Оятскій крестьянинъ имѣеть большую частію огромныя запашки, позволяющія сбывать часть хлѣба на сторону, въ городъ или на Свирь. Амбары здѣшняго достаточнаго крестьянина полны хлѣбомъ; избы богаты всякимъ самодѣльемъ. На сторону, на заработки, оятскій крестьянинъ не любитъ ходить дальше Свири. Идеаль его, шерѣдко достигаемый, — запахать достаточно хлѣба на зиму, да на продажу для уплаты податей и, съ окончаніемъ полевыхъ работъ, завалиться до весны на печь съ бабами, подсмѣиваясь надъ часто нуждающеюся просвѣщеною Свирью и надъ своимъ братомъ, ѣдущимъ въ подрядъ. Зимомъ достаточный оятянинъ такъ разлѣнитса, что не потрудится свезти хлѣбъ изъ лѣсу. Когда въ домѣ хлѣбъ выходитъ, онъ поѣдетъ въ лѣсъ, возьметъ возъ сноповъ изъ стога, намолотить, смелеть муки на недѣлю и опять залажетъ съ бабою на печь.

Здѣсь совершаются еще языческіе обряды, живутъ старинныя повѣрья и только въ недавнее время стали забываться древнія русскія сказки и пѣсни. Здѣшніе старики еще помнятъ рассказы о добываніи невьсть силою и наѣздомъ на деревню. До сихъ поръ теленокъ и пѣтухъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ считаются не совсѣмъ чистою пищею.

Оятскій крестьянинъ, разумѣется, не любитъ промысловъ. Только одна деревня занимается здѣсь выдѣлкою глиняной посуды. Горшечное производство перешло сюда съ завода г. Фока въ Тихвинскомъ уѣздѣ.

Зимомъ оятскій крестьянинъ можетъ заработать хорошія деньги въ лѣсномъ подрядѣ, рубкою и вывозкою бревенъ и дровъ. Государственные крестьяне, менѣе богатые землею, или помѣщичьи, платящіе большой оброкъ, находятъ въ подрядѣ значительное подспорье, но большинство достаточныхъ, какъ мы сказали, не ѣздить въ подрядъ.

Нѣкоторые оятскіе крестьяне имѣють по нѣсколько тысячъ законныхъ гдѣ-набуду въ лѣсу, подъ корой. Они никогда

ли пускать своего капитала въ оборотъ, развѣ что съѣздить на ярмарку и привезутъ съ нея деревенскаго товару на какіе-нибудь десятки рублей.

Достаточный крестьянинъ трепещетъ за свой капиталъ, даже семейству не объявить, гдѣ онъ его закопалъ, продолжаетъ жить бѣдно, никогда не поможетъ сосѣду и пр.

— Недавно у насъ въ Каргиничахъ сынъ укралъ у отца три тысячи рублей, а старикъ-то бѣднякомъ все прикидывался. Сынъ-то шустрый былъ, веселый такой, ему и надоѣло, что отецъ-то по старинному мается, а деньги такъ лежатъ, рассказывали намъ. — Отецъ убивается, чуть не померь, сыну и жаль стало: «деньги, говоритъ онъ ему, я ваялъ. Что тебѣ, старина, судаться. — раздѣлимъ пополамъ, а иначе и ничего не возмешь и меня попутаетъ». Ну, и раздѣлялись. Теперь оба радомъ по хорошему дому себѣ поставили.

И такимъ-то путемъ разлагается иногда старый бытъ.

— А въ Я—гахъ, у Ѳедьки Архипова, такъ деньги въ лѣсу и пропали. Домашніе видятъ, совсѣмъ плохъ старикъ, — помираетъ, и за попомъ послали. Отецъ Петръ уговаривалъ старика, сважки, моль, гдѣ деньги; видишь, какъ ты плохъ, руки не поднять; не то, вѣдь, такъ пропадутъ.... Только старикъ не сказалъ, да такъ и померъ ... Должно быть, думалъ, что сбудетъ отъ смерти-то. Конечно, оно жалко вышло, денегъ-то очень жалко, да и сказать, неровенъ часъ, всяко бываетъ. Есть здѣсь крестьянинъ, Ѳедоръ Андреевъ, — избушка маленькая, около Степановой-то, — можете знаете? Копилъ онъ деньгу долго, и скопилъ напоследокъ 500 рублей безъ трехъ. Приходить это онъ на бесѣду, говоритъ: «дайте, братцы три рубля, кто можетъ, я дамъ себя во спитѣ три раза коломъ съѣздить Я, говоритъ, скопилъ 500 рублей, да только трехъ не хватаетъ». Мужики смѣются, а онъ проситъ все, плачетъ.... больно ужъ ему захотѣлось. Прослышалъ объ этомъ Някиноръ, и говоритъ: «далъ бы я ему три рубля, да ужъ за то огрѣлъ бы такъ, чтобъ съ мѣста не всталъ». Только въ скорости деньги у Ѳедора пропали. Почитай, никогда того не бываю; а пропали.

Года три-четыре тому назадъ, на Ояти разгуливалъ бѣглый солдатъ, Рязя, — типъ разбойника прошлаго столѣтія. Онъ грабилъ только баръ, однодворцевъ да богатыхъ крестьянъ, а бѣднымъ очень часто помогалъ. Крестьяне любили его и укрывали отъ начальства.

Свирскіе крестьяне считают оятских за простаковъ, подбиваются надъ ними. Тѣ, въ свою очередь, трунить надъ напѣженностью свиряковъ и надъ разными невагодами ихъ вселаго быта.

Дома свирскихъ крестьянъ состоятъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, часто въ два этажа. Наружность ихъ и меблировка меркливо городская. Въ деревняхъ есть улицы.

— Иной крестьянинъ на Свири поставитъ себѣ таян коромы, что подойти страшно: баринъ, купецъ, просто.... рассказываютъ на Ояти.— «Зато иной разъ въ такихъ хоромахъ зубы на полку кладутъ и нашимъ братомъ не брезгаютъ.»

— Какъ есть свиньями живутъ на Ояти, говорятъ, въ свою очередь, свирскіе крестьяне.

Въ кучу, безъ улицы, безъ проулковъ сбиваются просторныя, рубленныя изъ толстаго лѣсу, избы оятскихъ деревень. У достаточныхъ крестьянъ, при курной избѣ, есть часто чистая, т. е. съ большою русскою печью. Впрочемъ, въ чистой половинѣ крестьяне не живутъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней зимою, когда морозятъ въ курной таракановъ и клоповъ. Въ чистой избѣ, обыкновенно, стоитъ молоко, сложена разная утварь, и все это выносятся, когда прѣдутъ почетные гости, принимаемые здѣсь. Изба на Ояти смотритъ какъ-то зажиточно, чего нельзя сказать о домахъ на Свири.

Свирскіе крестьяне по нѣскольку разъ въ день распиваютъ чай и кофе. Вычищенные до огненного блеска самовары съ множествомъ чашекъ располагаются на окнѣ, чтобы ихъ видѣли прохожіе.

На Ояти самовары стали заводить недавно, такъ же хвастливо ставить ихъ на окнѣ; но крестьяне сами рѣдко пьютъ чай, развѣ угощая нужнаго гостя. Выпитый чай сушатъ до будущаго раза. Зато оятскій крестьянинъ круглый годъ, по нѣскольку разъ въ день, садится за столъ и волю уписываетъ щи, полхлебки, овсяный кисель, лѣтомъ часто, особенно по праздникамъ, купить онъ рыбу; на зиму запасетъ солонины.

— На Ояти цѣлый день хлѣбъ жуютъ; при кажиномъ ровдыхѣ тащатъ краюху изъ пазухи, а дома обѣда не умѣютъ сварить, скажетъ свирянинъ.

— «Кто хлѣба поѣлъ хорошо, тотъ и въ полѣ воинъ», отвѣтитъ оятскій мужичокъ. «У насъ работа тяжелая, за то на

на Свири, лѣтомъ-то чортова масляница, а зимой великій востѣ».

Свирская дѣвушка метитъ одѣться по городски, и хотѣ въ трапицу да въ тафтицу. Дочери торгующихъ крестьянъ разряжаются великолѣпно въ штофъ, въ атласъ и т. п. Почти у каждой есть дорогой русскій нарядъ, и на Свири видали на иной дѣвущкѣ жемчугу на нѣсколько тысячъ. Крестьяне одѣваются очень чисто и напяливаютъ на себя бѣлый балахонъ только при рѣдкой работѣ въ лѣсу.

На Свири правду говорятъ, что оятскій крестьянинъ одѣтъ часто хуже свиньи. Въ рабочіе дни здѣсь вы не увидите другой одежды, кромѣ загрязненнаго балахона на мужикахъ и замаранныхъ сарафановъ на бабахъ, но за то въ сельскій праздникъ оятская дѣвушка часто разодѣта съ головы до ногъ въ дорогой штофъ, а на парняхъ являются плисовые поддевки и штаны, захватскія шапки и сапоги. На рукахъ у дѣвущекъ вплоть до костей кружевные нарукавники. Покрой сарафановъ — старинный русскій. Впрочемъ, въ послѣднее время Оять начала перенимать со Свири нѣкоторые наряды. Оттуда уже давно идутъ на Оять тащи и пѣсни.

На здѣшнемъ сельскомъ праздникѣ я былъ, разумѣется, нѣсколько удивленъ, увидѣвъ, какъ бесѣда дѣвущекъ выплывала что-то очень похожее на французскую кадрили.

— Давно-ли у васъ такъ танцуютъ? спросилъ я.

— Недавно... это со Свири наши дѣвки переняли, пояснили парни, стоявшіе тѣсною толпою вокругъ танцующихъ.

Какъ же попало сюда, въ дремучіе лѣса, это подобіе французской кадрили? Фабричныхъ здѣсь нѣтъ: вѣроятно, какой-нибудь свирякъ зашелъ на судахъ въ Питеръ и не отсталъ въ немъ отъ другихъ. Въ извѣстныхъ домахъ увидѣлъ онъ французскую кадрили и перенесъ ее на Свири. Оттуда недалеко дорога на Оять.

— Мы и пѣсни поемъ нынче свирскія, говорили парни. Что ни годъ, то новая пѣсня...

Дѣйствительно: «Бѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ», «Сударыня-барыня» и т. п. начинаютъ вытѣснять старинныя русскія пѣсни. Вѣроятно, новыя пѣсенки заходятъ тѣмъ же путемъ, какъ и тащи.

— Старыя пѣсни знаютъ у насъ старики, — какъ подопьютъ, склоняютъ голову, да завоютъ.

Но до сихъ поръ на Ояцъ, пьянства еще нѣтъ, и если оно является здѣсь, то рѣдкимъ исключеніемъ. За то паренъ, возвращающійся съ сельскаго праздника, считаетъ долгомъ притвориться пьянымъ, нарочно ломается, кричитъ, падаетъ...

Таковы первыя явленія грядущей, неотразимой цивилизаціи, проходящей въ народѣ чрезъ большія дороги и значительныя водяныя сообщенія, ведущія къ Питеру!

Здѣсь мы предоставляемъ читателю задуматься надъ путями, которые такъ часто избирала приходящая цивилизація. Дикій народъ заставляла она обыкновенно трезвымъ и начинала съ того, что спавала его. Въ наше высшее общество западный укладъ жизни прошелъ также прежде всего нарядами и оргіями на чужой образецъ. То же во многихъ мѣстахъ видимъ мы въ простомъ народѣ, даже тамъ, гдѣ привычки образованнаго люда являются изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, и потому не могутъ считаться за своекорыстное пользованіе человѣкомъ менѣе развитымъ.

Предоставляю также читателю подумать, если угодно, о нуждѣ школъ на большихъ дорогахъ, а также между фабричными. Эти рабочіе, а также дороги, преимущественно вносятъ въ народъ только наружную и часто дурную сторону городской жизни. Нельзя-ли воспользоваться тѣми же источниками для болѣе высокихъ цѣлей?

О ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ.

(Considerations on Representative Government. By John Stuart Mill).

Русской публикѣ очень хорошо извѣстно... а можетъ быть и не очень хорошо, можетъ быть, даже совсѣмъ неизвѣстно, что дальновидные консерваторы цѣлаго міра испытываютъ истинное наслажденіе всякій разъ, какъ только знаменитый англійскій публицистъ выступаетъ съ своею побѣдоносною фалапгой *новыхъ* аргументовъ въ защиту *старыхъ* истинъ. Но консерваторы консерваторамъ рознь и это было бы небольшое пятно для репутаціи блестятельнаго публициста, если бы онъ доставлялъ удовольствіе однимъ только *дальновиднымъ* консерваторамъ; но всегда и вездѣ являясь жаркимъ поборникомъ индивидуализма, защитникомъ государственной власти, сторонникомъ частной собственности и разумной свободы, Милль долженъ встрѣчать еще одинаковое сочувствіе какъ со стороны правительствъ, такъ и со стороны отпѣтыхъ враговъ всеобщаго благополучія—собственниковъ, исключая только самыхъ эгоистическихъ между ними. Да и одно-ли это?... Милль продолжаетъ трактовать о благодѣяніяхъ вѣротерпимости; онъ не устаетъ приводить аргументы за свободу слова, печати и совѣсти.... экая невидальщина! подобные предметы давно обратились въ темы гимназическихъ сочиненій. Онъ истощаетъ всю энергію своего плодovitаго ума, отстаивая новый избирательный проектъ какого-то Гера (Hare), онъ высказываетъ и свои соображенія объ избирательствѣ, отъ котораго устраняетъ всѣхъ круглыхъ невѣждъ, неумѣющихъ читать, писать и считать, а умнымъ и образованнымъ предоставляетъ право двойныхъ и тройныхъ (plural) голосовъ!... Онъ настаиваетъ на ослабленія правительственныхъ центровъ въ пользу развитія мѣстныхъ самоуправленій; это, пожалуй, и здоровое требованіе, но какому же школьнику оно не прожужжало уши? Онъ со всею

силою глубокаго убѣжденія старается утвердить ту мысль, что политическія учрежденія не создаются изъ ничего, а вырастаютъ изъ національной исторіи и текущей обстановки народа, при помощи свободнаго обсужденія и опыта; но развѣ мы это привыкли встрѣчать у настоящихъ передовыхъ политическихъ писателей? развѣ эти писатели недостаточно убѣдили насъ, что исторія столько же имѣетъ вліянія на наше поведеніе, сколько поучительная сказка о Бовѣ Королевичѣ управляетъ нашими поступками? Словомъ: въ то время, какъ передовые мыслители томятся муками рожденія, а насъ заставляютъ томиться ожиданіемъ—совершенно новаго общественнаго устройства, безъ государственной власти, безъ семейства, безъ голодныхъ годовъ, съ одними полезными науками и производительными ремеслами, и безъ всякихъ ненужныхъ искусствъ, Милль продолжаетъ копаться надъ старымъ общественнымъ устройствомъ, и хотъ является его строгимъ критикомъ, но никогда не доходитъ до отверженія, стоитъ за ораторское краснорѣчіе, желаетъ возвышенной литературы, отдаетъ должную справедливость искусствамъ и какъ нарочно не смѣется даже надъ метафизикой! Это публицистъ, не написавшій ни одного запрещеннаго сочиненія, переводимый на всѣ языки, продающійся во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Милль написалъ не одну книгу, которая продавалась по двойной и тройной цѣнѣ—вслѣдствіе быстраго расхвата, но никогда—вслѣдствіе запрета. Но и всего этого мало; консерватизмъ Милля заходитъ такъ далеко, что онъ смотритъ какъ будто свысока даже на тотъ способъ обращенія съ деликатными предметами, который дѣлаетъ книги запрещеннымъ плодомъ; оставаясь терпимымъ къ существующему общественному устройству, онъ открываетъ въ немъ предрасудки и заблужденія, пороки кастъ, рутины, невѣжества, своекорыстія, и съ ними сражается, а что касается до воображаемаго устройства, то онъ не даетъ себѣ труда даже открывать въ немъ нелѣпости, а просто за недосугомъ, дорожа своимъ временемъ, произноситъ огуломъ свой приговоръ надъ нимъ. Образецъ такого высокомерія со стороны блистательнаго публициста мы встрѣчаемъ въ этой самой книгѣ, которая поставлена у насъ въ заглавіи.—«Мы знаемъ,—говоритъ онъ,—какія продѣлки можно выдумывать для поддержанія самаго беззаконнаго проекта, предлагаемаго однако для воображаемаго блага народныхъ массъ. Мы знаемъ, сколько находилось людей, не бывшихъ ни глупыми, ни дурными, которые считали извинительнымъ государственное банкротство. Мы знаемъ, сколько есть

другихъ людей, не лишонныхъ таланта и даже весьма значительной популярности, которые находятъ справедливымъ обрушить всю тяжесть налоговъ на экономію, реализованную подъ именемъ недвижимой собственности, позволяя такимъ образомъ людямъ, которые, подобно отцамъ своимъ, постоянно проматываютъ все, что получаютъ, оставаться, за столь примѣрное поведеніе, свободными отъ всякихъ повинностей. Мы знаемъ, какіе могущественные аргументы, — тѣмъ болѣе опасные что они заключаютъ въ себѣ частицу истины, можно приводить противъ всякого наслѣдства и права завѣщаній, противъ всякаго преимущества, которое можетъ имѣть человекъ предъ человекомъ. Мы знаемъ, какъ легко можно доказывать бесполезность почти всѣхъ отраслей знанія, къ совершенному удовольствію людей, ничего незнающихъ. Сколько мы видимъ людей, которые, не будучи совершенными глупцами, считаютъ научное изученіе языковъ — бесполезнымъ, древнюю литературу — бесполезной, всякую эрудицію — бесполезной, логику и метафизику — бесполезными, поэзію и изящныя искусства — праздными и бездѣльными, политическую экономію — чисто вредною. Самая исторія была объявлена людьми довольно смыслающими — бесполезною и вредной» и т. д.

Но если Милль съ такою презрительностію отзывается обо всемъ томъ, что, по мнѣнію многихъ, составляетъ лучшіе цвѣты свободомыслія, то отчего же зависить, что собственная репутация блистательнаго публициста растетъ съ каждымъ его произведеніемъ, и почему мыслящіе люди обѣихъ полушарій въ такой высокой степени интересуются каждымъ новымъ трудомъ его?

Это происходитъ отъ того, что у людей, кромѣ способности любоваться цвѣтами, есть еще здравый смыслъ и есть вкусы, которые заставляютъ ихъ соглашаться безъ труда, что зрѣлые плоды свободомыслія во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе цвѣтовъ, которымъ никогда не суждено сдѣлаться плодами, — по крайней мѣрѣ не суждено сдѣлаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнится теперешній грунтъ человѣческой природы. Милль предлагаетъ плоды; онъ возвращаетъ ихъ на томъ грунтѣ, который приготовленъ историческимъ рокомъ и который онъ засталъ въ этомъ мірѣ въ данную частичку времени, въ которое суждено ему жить, размышлять и дѣйствовать, такъ что для него вовсе не существуетъ вопроса о возможности разводить плодовые деревья не на землѣ, а на примѣръ — на водѣ или воздухѣ. Какъ величайшій

діалектикъ нашей эпохи и одинъ изъ умовъ — самыхъ оригинальныхъ, самыхъ неистощимыхъ и наиболѣе свободныхъ отъ предразсудковъ. Милль высказалъ столько новыхъ мыслей и на такую даль освѣтилъ перспективу прогресса, что производители лучшихъ цвѣтовъ свободомыслія и его причисляютъ къ своему лику и ставятъ на одну доску съ собою. Но это неболѣе, какъ недоразумѣніе: между такими воздѣльвателями человѣческаго прогресса и остроумнѣйшимъ изъ современныхъ публицистовъ нѣтъ ничего общаго; онъ свои новизны открываетъ, а не выдумываетъ и не сочиняетъ ихъ; онъ всегда граничатъ и находитъ въ какой-нибудь связи съ тѣмъ, что есть; онъ выводится изъ того начала, что человѣкъ есть существо исправимое, то есть — прогрессивное, а не изъ того, что онъ есть протей, способный преображаться въ произвольныя формы; прогрессъ, признаваемый и распространяемый Миллемъ, есть дѣло осязательное, къ которому можно склонять и убѣждать людей, а въ случаѣ ихъ упорства, можно стыдить ихъ, опираясь на самые очевидные аргументы; это — право истины надъ умами, а не личное мнѣніе прожектера, это не темное предчувствіе и не томительное воздыханіе о чемъ-то никому неизвѣстномъ, а твердое и сознательное стремленіе къ умпженію безспорныхъ истинъ и къ увеличенію благъ, самыхъ осязательныхъ. «Человѣчество прогрессируетъ, — говоритъ Милль, — и по мѣрѣ того, какъ оно прогрессируетъ, число доктринъ, перестающихъ быть предметомъ спора и сомнѣнія, постоянно увеличивается; общая сумма человѣческаго благосостоянія можетъ почти измѣряться количествомъ и важностію истинъ, сдѣлавшихся безспорными.»

Вы видите увлекательнѣйшаго изъ политическихъ писателей, говорящаго о безспорныхъ истинахъ и о томъ, что прогрессъ есть ничто иное, какъ накопленіе такихъ истинъ... Оттого вы смѣло можете слѣдить за волною его оригинальнаго мышленія, пробѣгать съ нимъ самые сокровенные дедалы самой утонченной діалектики и ни разу не почувствовать себя ослабѣвшимъ, затерявшимся, или сбитымъ съ толку: вашъ *Виргилій* хорошо знаетъ дорогу, по которой ведетъ васъ; вслѣдъ за нимъ вамъ часто приходится проникать въ мрачнѣйшія глубины человѣческаго быта, приходится видѣть самую хаотическія запутанности адски-перемѣшанныхъ общественныхъ положеній и вопросовъ, и вы все-таки не чувствуете себя запуганнымъ, — не потому, чтобы вашъ *Виргилій* былъ большой оптимистъ, а только потому,

что при немъ вы находитесь въ присутствіи могучаго руководящаго ума и приходите къ мысли, что если въ человѣчествѣ не послѣдуетъ умственного упадка, если оно не потеряетъ своей способности—убѣждаться очевидностію, быть исправимымъ и совершенствоваться, и если оно не будетъ лишено счастья — время отъ времени имѣть такихъ профокъ, то за будущее можно не отчаиваться.

Въ новой своей книгѣ Милль является съ тѣми же самыми качествами, которые доставили всесвѣтную популярность всему, имъ написанному: это полнѣйшая самостоятельность мнѣній, еще болѣе полное отсутствіе фразы, декламации, софизмовъ и общихъ мѣстъ, новые взгляды на всѣмъ извѣстные предметы, поразительные выводы изъ общеизвѣстныхъ фактовъ. Есть много стародавнихъ вещей, ясныхъ, какъ солнце, и какъ оно же обыкновенныхъ, и потому давно переставшихъ, вслѣдствіе самой привычки къ нимъ, возбуждать энтузіазмъ или увлеченіе, и однако получающихъ у Милля совершенно новое очарованіе, вслѣдствіе его манеры трактовать о нихъ. Въ этомъ онъ не имѣетъ соперниковъ и для доказательства этого довольно сослаться, въ его сочиненіи «*On liberty*», на удивительную главу «*о свободѣ мысли и преній*». Извѣстно, что Милль придаетъ умѣнью на-поминать и разъяснять большія истины и предохранять ихъ отъ опешлѣнія и привычки почти такое же громадное значеніе, какъ в самомъ открытіи ихъ, и что защитниковъ еще непризнанной истины онъ считаетъ вполнѣ достойными раздѣлять честь съ ея открывателемъ. Въ маленькомъ предисловіи къ своей новой книгѣ онъ объясняетъ почти всю ея заслугу тѣмъ, что довольно извѣстные принципы и не совсѣмъ новыя практическія воззрѣнія,—отчасти принадлежащія ему, отчасти другимъ, — въ ней въ первый разъ излагаются системнымъ образомъ и подкрѣпляются новыми доказательствами. Это очень скромно со стороны Милля, но это будетъ почти вполнѣ справедливо, если будетъ дополнено слѣдующими его же словами: «во всякомъ случаѣ,—говоритъ онъ,— многія изъ предлагаемыхъ мнѣній, хотя и не совсѣмъ новыхъ, имѣютъ въ настоящее время такъ мало шансовъ встрѣтить всеобщее одобреніе, какъ еслибы они были совсѣмъ новыя». Но главнѣе всего здѣсь, какъ и вездѣ, у Милля выставляется то его качество, что онъ постоянно является *туземнымъ*, патриотическимъ мыслителемъ; на какія бы эфирныя высоты общихъ соображеній онъ ни возводилъ васъ, вы никог-

да не перестаете чувствовать, что у этихъ высотъ есть твердая основанія, упирающіяся въ грунтъ; этотъ грунтъ — порядки и политическія учрежденія его собственной родины. Милль, кажется, иначе не можетъ и мыслить, какъ постоянно имѣя въ виду фактъ, обычай, предразсудокъ или учрежденіе, препятствующія возвышенію блага въ его отечествѣ. Книга, занимающая насъ въ эту минуту, болѣе чѣмъ какое другое сочиненіе Милля, написана въ этомъ духѣ. Какъ гражданинъ страны, въ которой политическая свобода утвердилась окончательно и въ которой государственный механизмъ настолько хорошъ и испробованъ, что однимъ изъ блестящихъ царствованій англійской исторіи считается царствованіе короля идіота (Георга III), Милль принялъ на себя трудъ рассказать своимъ соотечественникамъ процессъ, которымъ они дошли до этого, показать имъ — какою они запаслись или должны были бы запастись опытностію, хорошо ли они ею пользуются и какимъ образомъ они могли бы возвысить степень того добра, которымъ владѣютъ. На эту частную цѣль своей книги, имѣющей впрочемъ громадное общее значеніе, Милль указываетъ въ этомъ же самомъ предисловіи къ ней, которое такъ и обращено къ однимъ англичанамъ. Если бы не современные толки о парламентской реформѣ, то, подумаешь, знаменитому публицисту не пришло бы и на умъ разглашать свои политическія убѣжденія и возводить ихъ въ теорію. По крайней мѣрѣ такъ можно заключать изъ его собственныхъ показаній. Онъ говоритъ: «Многіе различныя признаки и особенно послѣднія пренія о нашей парламентской реформѣ заставляютъ меня думать, что какъ консерваторы, такъ и либералы (если я могу продолжать называть ихъ этимъ именемъ, которымъ они называютъ еще самихъ себя) потеряли всякую вѣру въ политическія доктрины, которыхъ они держатся номинально; я думаю такъ потому, что не вижу ни съ той, ни съ другой стороны, ни одного человѣка, который хотѣлъ бы сдѣлать шагъ къ отысканію чего-нибудь лучшаго. Однако это лучшее должно быть возможнымъ; и я говорю не о простой сдѣлкѣ, которая бы подѣлила разногласію между двумя партіями, а о вещи болѣе обширной и болѣе умной, чѣмъ та или другая партія, о вещи, которая, въ силу этого превосходства, могла бы быть принята и консерваторами и либералами, безъ пожертвованія съ ихъ стороны тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, имѣетъ дѣйствительно нѣкоторую цѣну въ ихъ взаимныхъ вѣ-

рованіяхъ. Когда столь много людей ощущаютъ смутную потребность въ подобной доктринѣ и когда столь немногіе льстятъ надеждой, чтобы она была указана, каждый, безъ высокомірія, можетъ предлагать то, что, въ его собственныхъ идеяхъ (и въ томъ, что онъ знаетъ лучшаго въ идеяхъ другихъ людей), способно содѣйствовать образованію такой доктрины».

Не смотря на столь скромную задачу, Милль написалъ однако полнѣйшее изслѣдованіе объ идеальномъ правительствѣ вообще. Мы намѣрены остановить вниманіе читателя лишь на тѣхъ главахъ этого образцоваго произведенія, которыя по преимуществу заключаютъ въ себѣ общія соображенія, могущія казаться *туземными* во всякомъ человѣческомъ обществѣ, и даже изъ этихъ главъ только на тѣхъ, которыя представляютъ общій интересъ для всякаго, имѣющаго двѣ-три политическія мысли или хотъ желающаго имѣть ихъ.

Изслѣдованіе Милля начинается критикою умозрѣній или, лучше сказать, различныхъ способовъ понимать то, что такое политическія учрежденія. Такихъ способовъ существуетъ два. По одной теоріи правительство почитается дѣломъ человѣческаго произвола и выбора; это дѣловой вопросъ, въ которомъ первый шагъ къ рѣшенію состоитъ въ томъ, чтобы знать, какая именно задача лежитъ на правительствахъ, а второй въ томъ, чтобы отыскать, какая форма правительства наиболѣе способна къ выполненію этой задачи. Понимаемая въ этомъ духѣ правительственныя формы представляются простыми орудіями, похожими на всякія другія орудія, употребляемыя людьми для достиженія другихъ цѣлей. Другая теорія, напротивъ, такъ далека отъ приравненія правительства къ машинѣ, что она смотритъ на него какъ на что-то имѣющее самородное происхожденіе и самую науку о правительствѣ считаетъ, такъ сказать, отраслью естественной исторіи; правительственныя формы не могутъ быть дѣломъ выбора,—гласитъ эта теорія,—мы должны принимать ихъ такъ, какъ ихъ находимъ; *правительства не дѣлаются: они растутъ*; наши отношенія къ нимъ, какъ и къ другимъ предметамъ вселенной, должны состоять въ томъ, чтобы узнавать ихъ свойства и приспособляться къ нимъ.

Милль недоумѣваетъ, которую изъ этихъ двухъ доктринъ слѣдуетъ признать наименѣе абсурдною, если смотрѣть на которую-нибудь изъ нихъ, какъ на исключительную теорію. Съ одной стороны, люди не нашли политическихъ учреждений вы-

росшими изъ земли, проснувшись въ одно прекрасное утро; они одолжены своимъ происхожденіемъ человѣку. Точно то же слѣдуетъ сказать и о ихъ дальнѣйшемъ существованіи, потому что они не похожи и на деревья, которыя, будучи одинъ разъ посажены, *растутъ*, даже когда мы *спимъ*; въ каждый періодъ ихъ существованія человѣческая воля дѣлаетъ ихъ тѣмъ, что они есть; поэтому они, какъ и всякое человѣческое произведеніе, могутъ быть устроены хорошо, и могутъ быть устроены дурно. Съ другой стороны, это никакимъ образомъ не служитъ въ пользу теорій неограниченнаго произвольнаго выбора; по этой теоріи, человѣку, который самъ про себя выдумалъ форму правительства, заключающую, по его мнѣнію, наибольшую сумму добра съ наименьшею суммою зла, остается только убѣдить своихъ соотечественниковъ или тѣхъ, кому предназначается эта правительственная форма, въ томъ, что она дѣйствительно наилучшая. Но человѣкъ не выбираетъ даже простого долота или шила по одной той причинѣ, чтобы эти орудія *сами въ себя* составляли то, что только можетъ быть наилучшаго; онъ непремѣнно соображается съ тѣмъ, владѣтъ-ли еще онъ самъ тѣми качествами, которыя должны быть приданы этимъ орудіямъ, чтобы употребленіе ихъ было для него удобно и выгодно, и имѣтъ-ли онъ необходимое умѣнье и способность ими пользоваться. Потомъ, никто, безъ сомнѣнія, не можетъ серьезно вѣрить, чтобы каждый народъ былъ способенъ ко всякаго рода учрежденіямъ; этому никто не можетъ серьезно вѣрить, а между тѣмъ это многіе утверждаютъ. Но принципы, признаваемые людьми относительно спорныхъ предметовъ,—говоритъ Милль,—служатъ чрезвычайно несовершеннымъ выраженіемъ тѣхъ мнѣній, которыя люди на самомъ дѣлѣ имѣютъ объ этихъ предметахъ. По мнѣнію самого Милля, та и другая теорія имѣетъ только извѣстную долю правды; всякая данная правительственная форма отчасти зависитъ отъ воли человѣка, отчасти дѣлаетъ его подневольнымъ. Теорію свою онъ развиваетъ такимъ образомъ.

Правительственный механизмъ дѣйствуетъ не самъ собою. Его создали люди и люди же должны направлять его, и притомъ люди обыкновенные. Онъ имѣетъ нужду не въ простомъ принятіи съ ихъ стороны, а въ ихъ дѣлательномъ участіи: это предполагаетъ значительное участіе человѣческой воли;—но онъ долженъ быть приспособленъ къ качествамъ и способностямъ

такихъ людей, какими онъ ихъ находитъ: этимъ ограничивается человѣческій выборъ. Тутъ замѣшиваются три условія, на которыхъ и основывается собственная теорія Милла: 1) народъ, которому предназначается правительственная форма долженъ быть согласенъ тайно или явно принять ее, по крайней мѣрѣ не долженъ отказываться отъ принятія ея съ такимъ упорствомъ, чтобы изъ его отказа составилось непреодолимое препятствіе къ ея введенію; 2) онъ долженъ имѣть охоту и способность дѣлать то, что необходимо для поддержки ея существованія; 3) онъ долженъ имѣть охоту и способность дѣлать то, чего требуетъ отъ него эта правительственная форма и безъ чего она не можетъ достигать своей цѣли.—При недостаткѣ хоть одного изъ этихъ трехъ условій, данная правительственная форма, каковы бы притомъ ни были возлагаемыя на нее надежды, не можетъ быть примѣнена ни къ одному случаю, гдѣ будетъ встрѣчаться подобный пропускъ. Теорія эта можетъ быть утверждена аргументами, ясными до очевидности.

Что касается до перваго препятствія, то есть отвращенія народа къ данной формѣ правительства, то это почти не требуетъ доказательства или поясненія посредствомъ примѣра. Случай этотъ слишкомъ обыкновененъ. Одна только чужеземная сила могла заставить сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ покориться стѣсненіямъ правльваго и цивилизованнаго правительства. То же самое можно сказать о варварахъ, наводнявшихъ римскую имперію; нужны были цѣлыя вѣка и полнѣйшая перемѣна обстоятельствъ, чтобы сдѣлать ихъ способными къ повиновенію даже ихъ собственнымъ вождямъ, въ воинской службѣ. Есть народы, которые могутъ выносить власть только извѣстныхъ фамилій, имѣющихъ привилегію давать имъ правителей съ незапамятныхъ временъ; другіе привыкли жить въ монархіи и питаютъ отвращеніе къ республикѣ, а третьи, наоборотъ, такъ что препятствіе перѣдко возвышается, для даннаго времени, до степени совершенной невозможности какой бы то ни было перемѣны.

Но есть случаи, когда народъ, не имѣя отвращенія къ данной правительственной формѣ, даже желая ея, можетъ не имѣть охоты и способности выполнять требуемыя ею условія, безъ которыхъ невозможно ея существованіе—даже номинальное. Напримеръ, извѣстный народъ можетъ имѣть предпочтеніе къ правительству свободному; но если по мѣрадѣнію, апатіи, трусости, недостатку общественнаго духа, онъ не способенъ обла-

руководить необходимыми усилиями для сохранения его, если онъ не хочет сражаться за это правительство во время прямыхъ нападений на него; если онъ можетъ опростоволоситься, попасть въ западню и быть лишениымъ своей свободы, если въ минуту упадка духа или временной паники, или въ припадкѣ энтузіазма къ какой-нибудь личности, онъ способенъ сложить свои вольности къ ногамъ великаго человѣка или облечь его властію, которая даетъ ему возможность ниспровергнуть свободныя учрежденія, то во всѣхъ этихъ случаяхъ такой народъ болѣе или менѣе не способенъ къ свободѣ.

Точно такимъ же образомъ народъ можетъ не хотѣть или не быть въ состояніи выполнять обязанности, возлагаемыя на него известною правительственною формою. Народъ слишкомъ еще грубый, хотя бы до известной степени и склонный къ благотвореніямъ цивилизованнаго общества, можетъ быть неспособенъ къ стѣсненіямъ, нераздѣльнымъ съ жизнью въ цивилизованномъ обществѣ. Или вотъ другой народъ, который кажется созданнымъ только для частичной, ограниченной свободы, потому что онъ не хочетъ дѣятельнымъ образомъ содѣйствовать выстѣпкамъ и закону въ подавленіи злодѣяній. Народъ, который болѣе склоненъ укрывать преступника, чѣмъ налагать на него руку, народъ, въ которомъ люди, подобно индусамъ, всегда съ болѣею охотою совершаютъ ложную божбу и клятву для спасенія обворовавшаго ихъ человѣка, чѣмъ возьмутъ на себя трудъ донести на него и подвергнуть его послѣдствіямъ правосудія, народъ, у котораго (какъ у нѣкоторыхъ народовъ Европы и даже теперешней Европы) переходятъ на другую сторону улицы при видѣ того, какъ одинъ человѣкъ ткнетъ книжаломъ другого, — такъ какъ это касается полиціи и такъ какъ во всякомъ случаѣ для васъ гораздо лучше не вышываться въ то, что до васъ не касается, — наконецъ, народъ, который возмущается зрѣлищемъ наказанія, но не поражается при видѣ убійства, * такой народъ, безъ сомнѣнія, не можетъ почитаться созрѣвшимъ для принятія государственнаго механизма, который, главнымъ образомъ, направляется волею и благоразуміемъ всѣхъ. Конечно, та-

* Мы желали бы чтобы у насъ было поменьше филантроповъ, возмущающихся тираніей намордниковъ для собакъ, и побольше людей, способныхъ проникаться чувствомъ негодованія до той степени, которая бы въ точности соответствовала бѣдствію — укушенію дѣшею бѣшеннымъ собакамъ.

кое плачевное состояніе чувствъ у народа, вышедшаго изъ дикаго состоянія, обыкновенно бываетъ послѣдствіемъ дурнаго предыдущаго управленія, научившаго смотрѣть людей на законъ, какъ на вещь, существующую не для ихъ блага, а для какой-то другой цѣли, и на исполнителей закона, какъ на враговъ его и притомъ худшихъ, чѣмъ открытые нарушители его; какъ нисколько, поэтому, заслуживаютъ порицанія тѣ, которые усвоили себѣ такой способъ смотрѣть на вещи, и хотя, въ концѣ всего, такой оборотъ мыслей можетъ быть окончательно искорененъ лучшимъ правительствомъ, но, пока онъ остается неискорененнымъ въ данномъ народѣ, этотъ народъ долженъ считаться окруженнымъ значительными препятствіями къ тому, чтобы управляться съ такою же ничтожною степенью строгости, какъ напр. народъ, у котораго всѣ симпатіи находятся на сторонѣ закона и который имѣетъ совершенную готовность оказывать все свое содѣйствіе къ его исполненію.

Вотъ три основныя условія, а пожалуй и три преграды, съ которыми должны встрѣчаться правительственныя формы, въ ихъ приспособленіи къ народамъ. Кромѣ этихъ нравственныхъ преградъ существуютъ еще много матеріальныхъ, но изъ нихъ достаточно упомянуть о главнѣйшей: это — физическая невозможность къ образованію и распространенію мнѣнія. Такъ въ древнемъ мірѣ, — хотя тамъ и встрѣчается большая индивидуальная независимость, — не могло существовать ничего похожаго на правильное народное правительство внѣ стѣнъ одного города, такъ какъ физическія условія для образованія и распространенія общественнаго мнѣнія у древнихъ существовали только для городскихъ жителей, то есть для людей, имѣвшихъ возможность собираться для обсужденія государственныхъ дѣлъ на одной и той же площади. Съ изобрѣтеніемъ представительнаго правительства это препятствіе, по общему мнѣнію, исчезло; но для полнаго господства надъ нимъ нужна была печать, и притомъ журнальная печать, которую во многихъ отношеніяхъ, хотя не вполне, замѣняютъ *авора* и *форумъ*.

Если сторонники натуральной политической теоріи, — говоритъ Милль, — будутъ стоять за необходимость трехъ означенныхъ условій, если они будутъ утверждать только, что никакое правительство не можетъ утвердиться прочнымъ образомъ, если оно не имѣетъ за себя двухъ первыхъ условій и значительной части третьяго, то ихъ участіе, ограниченное такимъ

образомъ , не опровержимо. Но на этомъ и кончаются всѣ уступки въ пользу ихъ теорій; требовать большаго они не имѣютъ никакого права. Все , что говорятъ намъ о необходимости учрежденій на исторической основѣ въ гармоніи съ народнымъ характеромъ, народными обычаями и проч. , означаетъ только это , или не означаетъ ничего. Съ практической точки зрѣнія историческая основа, конечно, представляетъ могучія вспомогательныя средства: когда извѣстное учрежденіе, или совокупность учрежденій, имѣетъ для себя уже проложенныя пути чрезъ образованіе мнѣній, вкусовъ и привычекъ въ данномъ народѣ, то этотъ народъ не только гораздо легче приметъ учрежденіе, но и скорѣе научится и охотнѣе изъявить готовность исполнять все то, чего отъ него потребуетъ нововведеніе, какъ въ видахъ его сохраненія, такъ и для плодovitѣйшаго развитія его. Но только слѣдуетъ помнить, что всѣ эти вещи, эти народные обычаи, преданія, вѣрованія и проч., не болѣе, какъ вспомогательныя средства; законодатель сдѣлаетъ ошибку, если не воспользуется такими предсуществующими расположеніями въ народѣ для извлеченія изъ нихъ всей возможной выгоды; но считать ихъ роковыми условіями или преградами было бы крайнимъ преувеличеніемъ. Точно, народъ болѣе склоненъ дѣлать и съ большимъ умѣньемъ дѣлаетъ то, къ чему онъ привыкъ; но онъ выучивается также дѣлать вещи, для него совершенно новыя. Быть привычнымъ къ извѣстному роду дѣлъ—это огромная помощь; но идея, на которую часто и сильно напираютъ, становится подъ конецъ привычною даже въ томъ случаѣ, если бы она въ началѣ возбуждала только изумленіе. Есть многочисленныя примѣры цѣлыхъ народовъ, имѣющихъ пламенное стремленіе къ новизнѣ. Количество готовности , а также и способности,—которыя существуютъ въ народѣ,—дѣлать новыя вещи и входить въ новыя обстоятельства само по себѣ есть одинъ изъ элементовъ настоящаго вопроса. Есть и еще одно соображеніе, котораго не слѣдуетъ упускать изъ виду: народъ можетъ не быть приготовленъ къ хорошимъ учрежденіямъ; но за жечь въ немъ желаніе есть необходимая часть приготовленія. Предлагать, объяснять и защищать эти учрежденія—показывать ихъ преимущества во всемъ ихъ свѣтѣ, есть одинъ изъ способовъ и часто единственный способъ воспитанія національнаго смысла, который такимъ образомъ научается не только помогать, но еще и обращаться съ новымъ порядкомъ вещей. Тотъ, кто,

успѣлъ убѣдить публику, что извѣстное учрежденіе или какое бы то ни было общественное дѣло заслуживаетъ всего ея домогательства, тотъ сдѣлалъ величайшую вещь, какую только возможно сдѣлать для доставленія торжества этому учрежденію или дѣлу. Какія другія средства употребляли итальянскіе патріоты теперешняго и предыдущаго поколѣній, чтобы приготовить итальянскій народъ къ свободѣ въ единствѣ, кромѣ того, что возбуждали ихъ къ домогательству этого рода? Люди, предпринимающіе подобный подвигъ, — будутъ-ли это сами правители или передовые люди, — для полнаго его успѣха должны однако постоянно имѣть въ виду не только преимущества желаемой политики, но также нравственныя, умственныя и дѣятельныя способности народа, необходимыя для умѣлаго обращенія съ новымъ порядкомъ, чтобы такимъ образомъ избѣжать, насколько возможно, опасности — пробудить въ народѣ желанія, слишкомъ превышающія его способности.

Мы не приводимъ всѣхъ возраженій, которыя могутъ быть направлены противъ этихъ мыслей, въ пользу натурализма политическихъ учрежденій, и это главнымъ образомъ потому, что все, что можетъ быть сказано къ униженію человѣческой воли и человѣческихъ разчетовъ въ дѣлѣ правительства, можетъ быть сказано повсюду, гдѣ только проявляются эта воля и эти разчеты. Человѣческое могущество вообще ограничено. Мы можемъ дѣйствовать не иначе, какъ располагая одною или нѣсколькими силами природы. Такимъ образомъ силы, удобопримѣнимыя къ желательному для насъ употребленію, должны существовать, и онѣ будутъ дѣйствовать не иначе, какъ сообразно съ ихъ собственными законами. Мы не можемъ направить теченіе рѣки къ ея истоку. Но мы поэтому не говоримъ, что водныя мельницы *«не дѣлаются, что они растутъ.»* Въ политикѣ какъ и въ механикѣ слѣдуетъ искать *внѣ* механизма ту силу, которая должна приводить машину въ движеніе; если такой силы нѣтъ, или если она не достаточна, то нашъ расчетъ будетъ неудаченъ.

Изъ сказаннаго, слѣдуетъ что въ границахъ, обозначенныхъ тремя условіями, правительственныя формы и учрежденія составляютъ дѣло общаго явнаго или тайнаго согласія. Поэтому, общее изслѣдованіе о наилучшей формѣ правительства есть не химера, а предметъ въ высшей степени практическій и вполне способный къ научному пониманію. Ввести въ данной

странъ наилучшія учрежденія, которыя могли бы, въ данномъ положеніи страны, сноснымъ образомъ выполнять три означенныя условія,—это одна изъ самыхъ рациональныхъ цѣлей, къ какой только могутъ быть направлены практическія усилія.

Вопросъ о такихъ учрежденіяхъ есть вопросъ объ отличительныхъ признакахъ правительственной формы, которая бы въ самой высокой степени благопріятствовала интересамъ даннаго общества. Въ чемъ состоятъ эти признаки? Если они будутъ найдены, то съ тѣмъ виѣсть будетъ найдено и то, что должно опредѣлять наилучшія качества правительства, то есть будетъ найденъ критерій для оцѣнки хорошей правительственной формы.

Прежде чѣмъ пускаться въ такое изслѣдованіе, по-видимому, было бы необходимо опредѣлить съ точностію коренныя обязанности правительства, потому что, если мы знаемъ все, что правительство должно для насъ дѣлать, то легко можемъ знать и то, легче-ли ему дѣлать это при такомъ или другомъ устройствѣ. Но такой способъ ставить вопросъ нисколько не помогаетъ его изученію. Во-первыхъ, коренныя обязанности правительства не есть что-нибудь неизмѣнное; онѣ разнообразятся по различному состоянію государствъ и бывають несравненно обширнѣе у запоздалаго народа, чѣмъ у передоваго. Потомъ, наша оцѣнка характера политическихъ учрежденій будетъ чрезвычайно неудовлетворительна, если мы ограничимся одною законною сферою правительственныхъ отправленій; потому что хотя благодѣянія правительства необходимо очерчиваются этимъ кругомъ, къ несчастію, этого нельзя сказать о его дурныхъ дѣйствіяхъ. Бѣдствія всѣхъ родовъ и всѣхъ степеней, какія только способны испытывать человѣчество, могутъ постигать насъ черезъ посредство нашего правительства, такъ что человѣкъ можетъ не получать отъ своей жизни въ обществѣ никакой выгоды, никакого преимущества передъ жизнію въ дикихъ лѣсахъ, если его правительство не будетъ хотѣть этого. Но не говоря о косвенномъ вліяніи, одно прямое виѣшательство государственной власти можетъ обнимать все человѣческое существованіе: поэтому вліяніе правительства на благосостояніе общества слѣдуетъ разсматривать по его отношенію не къ нѣкоторымъ только его интересамъ, а къ совокупности всѣхъ его—человѣческихъ интересовъ.

И вотъ мы получаемъ, какъ пробный камень хорошаго или дурнаго правительства, такой сложный предметъ какъ собира-

тельные интересы общества. Мы охотно попытались бы классифицировать эти интересы въ опредѣленныя группы и черезъ это самое указать качества, необходимыя правительству, чтобы благоприятствовать каждому изъ этихъ интересовъ. Мы получили бы громадное облегченіе, если бы могли сказать: благо общества заключается въ такихъ-то и такихъ-то элементахъ; такой-то элементъ требуетъ такого-то условія, а вотъ этотъ такого-то; слѣдственно, правительство, которое соединяетъ всѣ эти условія въ самой высокой степени, должно быть наилучшимъ.—Къ несчастію, исчислить и классифицировать то, что составляетъ общественное благо, вещь не легкая. Важность подобной классификаціи чувствовали почти всѣ сколько-нибудь значительные политическіе мыслители текущаго и предыдущаго поколѣній; но попытки сдѣлать ее до сихъ поръ останавливались на первомъ шагу. Классификація начинается и оканчивается раздѣленіемъ потребностей общества на два отдѣла—порядка и прогресса, по французской фразеологій, или—постоянности (regime fixe) и движенія, слѣдуя Кольриджу. Это дѣленіе чрезвычайно обольстительно по своему видимому контрасту, представляемому двумя отдѣлами. Но я боюсь,—говоритъ Милль,—чтобы это различіе между порядкомъ и прогрессомъ,—не смотря на то, что оно можетъ быть очень терпимымъ въ разговорѣ,—не оказалось не точнымъ и не достаточно научнымъ, если мы будемъ употреблять его для опредѣленія качествъ, необходимыхъ правительству.

Во-первыхъ, что такое порядокъ и что такое прогрессъ?—Относительно прогресса еще нѣтъ особенной трудности, крайней мѣрѣ такой, которая бы бросалась въ глаза. Когда говорить о прогрессѣ; какъ о потребности человѣческаго общества, то подъ именемъ прогресса можно разумѣть—улучшеніе. Но что такое порядокъ?

Въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова—порядокъ означаетъ повиновеніе. Говоря строго, правительство, которое не имѣетъ власти заставить повиноваться себѣ, не управляетъ. Не составляя необходимое условіе всякаго правительства, порядокъ, понимаемый въ этомъ смыслѣ, не можетъ быть цѣлю самъ по себѣ; правительство имѣетъ нужду въ повиновеніи для достиженія какой-нибудь другой цѣли; слѣдственно намъ остается имѣть въ виду эту другую цѣль, которой должно достигать прави-

тельство всякаго общества, будетъ-ли оно стоячимъ или прогрессивнымъ.

Въ болѣе обширномъ смыслѣ слово *порядокъ* означаетъ, что общественный миръ не нарушается никакимъ частнымъ насилиемъ. Говоря вообще, порядокъ можно признавать существующимъ во всякой странѣ, гдѣ жители на столько проникнуты чувствомъ законности, что перестали рѣшать свои личныя распри вооруженною рукою и сдѣлали привычку за восстановленіемъ нарушенныхъ правъ своихъ относиться къ правительству. Но и въ этомъ болѣе обширномъ смыслѣ порядокъ есть также одно изъ необходимыхъ условій правительства, а не цѣль его и не критерій его превосходства.

Если мы съ идеей порядка будемъ соединять все то, чего общество требуетъ отъ правительства и что не заключается въ идеѣ прогресса, то мы должны будемъ опредѣлить порядокъ, какъ *сохранность* уже существующихъ благъ всякаго сорта и значенія, а прогрессъ, какъ *возрастаніе* всѣхъ этихъ благъ. Это различіе обнимаетъ все, чему правительство обязано благопріятствовать; но и оно не можетъ служить основаніемъ философіи правительства. Мы не можемъ сказать, чтобы, руководясь извѣстной политикой, нужно было принимать однѣ мѣры въ видахъ порядка, а другія въ видахъ прогресса, потому что въ означенномъ нами смыслѣ условія порядка и прогресса не противоположны, а подобны. Напримѣръ: какія индивидуальныя качества необходимы людямъ для поддержанія въ обществѣ доброго поведенія, хорошей администраціи, успѣха и процвѣтанія, которыя уже въ немъ существуютъ? Всякій согласится, что эти качества — трудъ, честность, справедливость и благоразуміе. Но развѣ какія-нибудь другія, а не эти самыя качества самымъ прямымъ образомъ способствуютъ прогрессу? развѣ возрастаніе этихъ добродѣтелей въ обществѣ само по себѣ не есть величайшій прогрессъ? А если такъ, то и качества самого правительства, каково бы оно не было, благопріятствующія труду, честности, справедливости и благоразумію, равнымъ образомъ благопріятствуютъ какъ сохранности такъ и прогрессу, съ тою разницею, что для поддержанія общества въ томъ состояніи, котораго оно достигло, нужна меньшая доля этихъ качествъ, чѣмъ для того, чтобы сдѣлать его прогрессивнымъ. — Также самое слѣдуетъ сказать и о тѣхъ качествахъ, которыя въ человѣческихъ существахъ имѣютъ, по-видимому, спе-

ціальное отношеніе къ прогрессу. Эти качества—умственная раз-
вѣнность, духъ предприимчивости, стойкость. Развѣ они не такъ же
необходимы и для сохраненія уже прибрѣтеннаго нами блага, какъ
и для умноженія его? Если есть что-нибудь достовѣрное въ мірѣ,
такъ это то, что тѣже самыя силы, которыми мы одолжены на-
шими драгоцѣннѣйшими прибрѣтеніями, составляютъ неизбѣж-
ную потребность и для сбереженія прибрѣтенныхъ нами со-
кровищъ. Вещи, предоставленныя сами себѣ, неминуемо прихо-
дятъ въ упадокъ. Люди, которыхъ быстрый успѣхъ отучаетъ
отъ привычекъ заботливости и предусмотрительности, не долго
остаются въ апогей своего благосостоянія. Даже *оригинальность*
и *изобрѣтательность*—свойства, наиболѣе характеризующія
прогрессъ, столько же необходимы для сохранности, какъ и для
умноженія благъ: въ неизбѣжныхъ измѣненіяхъ человѣческихъ
дѣлъ на каждомъ шагу встрѣчаются новыя неудобства и новыя опас-
ности, которыя необходимо исправлять или предупредить посред-
ствомъ новыхъ расчетовъ и соображеній,—просто для того, чтобы
поддержатъ дѣла наши на той хорошей ногѣ, на которой они по-
ставлены. Поэтому опять—всѣ качества правительства, благо-
приятствующія дѣятельности, энергіи, предприимчивости, смѣло-
сти и оригинальности, составляютъ одинаковыя условія сохран-
ности или *постоянности*, какъ и прогресса. Если мы отъ
этихъ нравственныхъ условій перейдемъ къ матеріальнымъ усло-
віямъ общества, то и тутъ не найдемъ ни одной политической
мѣры, которая бы благоприятствовала одному только порядку,
или одному только прогрессу: все, что способствуетъ одному,
способствуетъ обоему. Возьмите самое обыкновенное учрежде-
ніе—полицію. порядокъ есть, кажется, исключительное назна-
ченіе этой части общественной организаціи. Но если полиція
благоприятствуетъ порядку, то есть—если она съ такимъ успѣ-
хомъ подавляетъ преступленія, что каждый чувствуетъ и свою
личность и свое имущество въ безопасности, то можетъ-ли
быть что-нибудь такое, что болѣе прямымъ образомъ благо-
приятствовало бы прогрессу? Наибольшая безопасность имуще-
ства есть одно изъ условій и одна изъ главныхъ причинъ наи-
болѣе производительности; а это есть прогрессъ въ его са-
момъ обыкновенномъ и самомъ наглядномъ видѣ; наибольшее
подавленіе зла подавляетъ въ обществѣ расположеніе ко злу; а
это есть прогрессъ въ его болѣе возвышенномъ смыслѣ. Чело-
вѣкъ, освободившійся отъ всѣхъ заботъ и опасеній, осаждаю-

цѣль его при недостаткѣ надѣжной защиты и шокровительствъ, можетъ направлять свои способности къ достиженію какой-нибудь новой цѣли. менше тѣмъ какъ та же самая причина, вызывающія цѣль его существованія въ общество и не позволяя ему глядѣть на своего ближняго, какъ на своего врага—настоящаго или будущаго, развиваетъ въ немъ чувства благосклонности, братолюбія и этого живого участія къ общему благосостоянію всѣхъ, которое составляетъ столь значительную долю общественнаго прогресса.

Если для того, чтобы понатію о хорошемъ правительствѣ придать научную точность, уже слѣдуетъ пользоваться этими идеями порядка и прогресса, то было бы гораздо превильнѣе и болѣе достойно философскаго мышленія оставить слово *орядокъ* или опредѣленія и называть наилучшимъ правительствомъ то, которое имѣетъ наиболѣе стремленія къ прогрессу, потому что прогрессъ обнимаетъ порядокъ, но порядокъ не обнимаетъ прогресса. Прогрессъ—это порядокъ или постоянность и еще кое-что лишнее; это высшая степень той самой вещи, которой порядокъ или постоянность есть низшая степень.

Идею порядка находимъ въ числѣ условій прогресса, потому что если мы хотимъ умножить сумму нашего блага, то прежде всего должны приложить приличную заботливость о томъ, чѣмъ мы владѣемъ; если мы хотимъ быть богаче, то первое правило наше должно состоять въ томъ, чтобы не растрчивать по пустому уже приобрѣтенные нами капиталы. Понимаемый, такимъ образомъ, порядокъ, очевидно, есть предметъ, не противоположный прогрессу, а только часть и орудіе самаго прогресса. Если то, что мы выигрываемъ на одномъ предметѣ, покупается нами цѣною потери болѣе чѣмъ равнозначительной на томъ же самомъ или на другомъ предметѣ, тогда нѣтъ никакого прогресса. Не-клонность или способность къ прогрессу, понимаемому въ этомъ смыслѣ, составляетъ всю заслугу хорошаго правительства.

Но и это опредѣленіе критерія хорошаго правительства, снисконое въ метафизическомъ отношеніи, должно оказаться не особенно удобнымъ, потому что, хотя оно и заключаетъ въ себѣ всю истину, но напоминаетъ нашему уму только часть ея. Идея, вызываемая словомъ прогрессъ, есть идея движенія, а мы, между тѣмъ, употребляемъ это слово такимъ образомъ, что оно, по нашему, значить еще—препятствіе къ отступленію назадъ; потому что обществу, говоримъ мы, нужны одни и тѣ же

улучшеніи, одинъ и тотъ же родъ чуждый, одинъ и тѣ же учрежденія и одна и та же практика, какъ для того, чтобы не едѣлаться ретрограднымъ, такъ и для того, чтобы подвигаться впередъ. Если бы намъ не оставалось никакой надежды на улучшеніе, жизнь наша все-таки была бы непрестающею борьбою противъ ухудшенія. Новѣйшіе мыслители не допускаютъ, какъ допускали древніе, чтобы естественное стремленіе человѣческихъ дѣлъ было стремленіемъ къ вырожденію и порчѣ; напротивъ, теперь вообще принято думать, что въ итогѣ всего стремленіе дѣлъ нашихъ направлено къ прогрессу; но мы не должны забывать, что всякаго рода нецѣлостн, всякое неравнѣіе, всякое равнодушіе, лѣнь и безпечность составляютъ силу, которая постоянно склоняетъ человѣческія дѣла къ худу, и что единственное противовѣсіе этой силѣ, мѣшающее, увлекать ей все вслѣдъ за собою, состоитъ въ томъ, что есть разрядъ людей, которые всѣ свои усилія постоянно—или время отъ времени—направляютъ къ полезнымъ и возвышеннымъ цѣлямъ. Предполагать, что единственное значеніе этихъ усилій состоитъ въ извѣстной долѣ улучшенія, ими производимаго, и что если бы они были прекращены, то послѣдствіемъ такого превращенія была бы просто остановка и пребываніе въ одномъ и томъ же положеніи, предполагать это—значитъ имѣть весьма несовершенное понятіе о важности усилій, имѣющихъ своимъ предметомъ улучшать и возвышать человѣческую жизнь и природу. Самое ничтожное уменьшеніе этихъ усилій не только чисто-на-чисто остановитъ прогрессъ, но и повернетъ общее направленіе дѣлъ къ ухудшенію, которое, начавшись разъ, будетъ происходить все съ возрастающею быстротою до тѣхъ поръ, пока достигнетъ наконецъ состоянія, въ которомъ, по-видимому, одна только сверхестественная сила способна переменить ходъ дѣлъ и направить ихъ снова на прогрессивный путь.

По всѣмъ этимъ причинамъ слово прогрессъ, точно такъ же какъ и терминъ порядка и постоянности, не можетъ подлужить основаніемъ классификаціи качествъ, необходимыхъ правительству для того, чтобы быть хорошимъ и которыя вообще могли бы служить критеріемъ правительства. Мысль отыскиваетъ этотъ пробный камень посредствомъ слѣдующихъ соображеній.

Если мы будемъ изслѣдовать принципы и условія правительства—хорошаго во всѣхъ значеніяхъ слова, отъ самаго скромнаго до самаго высокаго,—то наше вниманіе прежде всего должны

останавливать качества человеческихъ существъ, составляющихъ общество, подчиненное правительству. Возьмемъ въ примѣръ—отправленіе правосудія, и это тѣмъ лучше, что нѣтъ ни одной отрасли государственныхъ дѣлъ, гдѣ бы одинъ простой механизмъ, правила и порядки, управляющіе подробностями этой операціи, имѣла такую жизненную важность. Однако то, что здѣсь имѣетъ еще большую важность, это качества человеческихъ агентовъ. Къ чему могутъ послужить въ дѣлѣ уголовного суда гарантіи всѣхъ возможныхъ формальностей, если нравственное состояніе народа таково, что свидѣтели большею частію лгутъ, а судьи подкупаются? Точно такимъ же образомъ, могутъ-ли учрежденія доставить хорошее муниципальное управленіе тамъ, гдѣ на этотъ предметъ глядятъ съ такимъ равнодушіемъ, что люди, которые могли бы завѣдывать дѣлами съ честностію и умѣньемъ, не хотятъ этого дѣлать, а предоставляютъ эту заботу тѣмъ, которые хватаются за нее изъ выгоды? Какимъ образомъ даже представительное собраніе можетъ трудиться надъ общественнымъ благомъ, когда его члены могутъ быть подкупаемы, или когда раздражительность ихъ характеровъ, не умѣряемая ни общественною дисциплиною, ни самообладаніемъ, такова, что дѣлаетъ ихъ неспособными къ спокойному обсужденію и доводитъ до схватокъ и до дуэлей въ самой палатѣ? И повсюду, гдѣ только будетъ встрѣчаться крайній недостатокъ въ сообразительности и единомысліи, гдѣ общее настроеніе народа таково, что каждый обращаетъ вниманіе только на тѣ свои интересы, которые ему личны, и нисколько не заботится о своей долѣ общихъ интересовъ, тамъ хорошее правительство невозможно, тамъ всѣ его операціи будутъ неудачны. Если же первымъ элементомъ хорошаго правительства служатъ добродѣтели и разсудительность человеческихъ существъ, составляющихъ общество, то важнѣйшею заслугою правительства, какою только можетъ обладать оно, будетъ развитіе добродѣтели и разумности въ самомъ народѣ. Первый вопросъ относительно всякаго политическаго учрежденія состоитъ въ томъ, чтобы знать—до какой степени оно способно развивать нравственныя, умственныя и дѣятельныя силы или качества въ членахъ даннаго общества. Правительство, которое исполняетъ это условіе наилучшимъ образомъ, есть, очевидно, наилучшее и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, потому что отъ этихъ силъ и ихъ качествъ, и именно въ той пропорціи, въ какой они существуютъ въ народѣ, самымъ рѣшительнымъ обра-

зомъ зависить все добро, которое правительство можетъ проявлять въ своихъ практическихъ операціяхъ. Такимъ образомъ, критеріемъ того, чего стоить правительство, мы можемъ считать *мѣру, въ которой* оно стремится и способствуетъ къ умноженію существующей доли добрыхъ качествъ въ управляемыхъ людяхъ, принимаемыхъ вообще и въ частности, потому что, не говоря здѣсь о ихъ матеріальномъ благосостояніи, составляющемъ важнѣйшую заботу правительства, ихъ добрыя качества представляютъ ту движущую силу, которая приводитъ въ ходъ нашу.

Теперь логически остается принять за другой составной элементъ доброкачественности правительства достоинство самаго механизма, то есть *мѣру, въ которой* этотъ механизмъ можетъ считаться годнымъ орудіемъ къ тому, чтобы изъ существующихъ добрыхъ качествъ извлекать всю возможную выгоду и направлять ихъ къ достиженію полезной цѣли. Возьмемъ опять въ примѣръ—отправленіе правосудія. При данномъ судоустройствѣ достоинство его отправленій, конечно, слагается изъ того, чего стоятъ судья, и изъ того, чего стоитъ общественное мнѣніе, которое на нихъ вліяетъ и ихъ контролируетъ; но вся разница между хорошимъ и дурнымъ судоустройствомъ зависить отъ *мѣры и приспособленій, принятыхъ къ тому, чтобы все, имѣющее въ обществѣ нравственную и умственную цѣну, тяготѣло надъ отправленіемъ правосудія такимъ образомъ, что бы оно достигало своего дѣйствительнаго назначенія.* Осмотрительность въ выборѣ судей, дающая, среднимъ числомъ, наибольшее количество честности и разсудительности,—спасительныя формы процедуры, — публичность, позволяющая раскрывать и обличать злоупотребленія,—свобода преній и печатной критики,—способъ собранія доказательствъ, наиболѣе ведущій къ раскрытію истины,—удобства всѣхъ возможныхъ родовъ для полученія доступа къ судамъ,—средства къ раскрытію преступленій и задержанію преступниковъ—все эти вещи, правда, не составляютъ силы, а только механизмъ, приводящій силу въ прикосновеніе съ препятствіемъ, и механизмъ самъ по себѣ не имѣетъ никакого дѣйствія; однако безъ этого механизма самая могущественная сила должна оставаться столько же безоружной, сколько и бесполезной. Это правило одинаково примѣняется и къ *исполнительной* части, какъ и къ *судебной*. И здѣсь механизмъ будетъ хорошъ только тогда, когда должностныя лица будутъ

имѣть желаемыя качества. Если чиновники, долженствующіе обуздывать зло, такъ же развращены, какъ и тѣ, кого они должны обуздывать, если публика, — главная пружина обуздывающаго механизма, — слишкомъ невѣжественна и пассивна, или черезчуръ беззаботна и невнимательна къ своей великой роли, то самый лучший административный аппаратъ принесетъ мало пользы. Однако хорошій аппаратъ всегда предпочтительнѣе дурного. При хорошемъ аппаратѣ движущая или обуздывающая сила всегда можетъ приносить именно тѣ плоды, какіе только возможны въ данной степени народнаго развитія, а безъ такого аппарата самая громадная движущая сила будетъ оказываться недостаточной. Напримѣръ, гласность сама по себѣ не есть ни препятствіе ко злу, ни поощреніе къ добру, если публика не будетъ обращать вниманіе ни на что вокругъ нея происходящее; но при отсутствіи гласности, какимъ образомъ она можетъ помѣшать тому, или поощрять то, чего ей не позволяютъ знать и видѣть? Идеаль всякаго частнаго учрежденія, даже всякой должности, состоитъ въ томъ, чтобы интересъ должностнаго лица совпадалъ съ его долгомъ. Этого, конечно, нельзя достигнуть просто и сразу посредствомъ системы; но безъ системы, хорошо принаровленной къ этой цѣли, этого можно достигнуть еще несравненно меньше.

То, что сказано здѣсь объ отдѣльныхъ подробностяхъ государственнаго механизма, можетъ быть примѣнено еще съ большею очевидностію ко всей его цѣлости. Всякое правительство, имѣющее право на названіе хорошаго, есть ничто иное, какъ организація хорошихъ качествъ, находимыхъ въ обществѣ и призываемыхъ къ веденію общественныхъ дѣлъ. Говоря безотнositельно, такая организація возможна при одной только представительной системѣ, такъ какъ одна она способствуетъ къ тому, чтобы сообразительность и честность, разсѣянные въ обществѣ, а также высшіе умы и добродѣтели обнаруживали все свое тяготѣніе на правительство или проявляли все свое вліяніе въ правительствѣ. А такого рода вліяніе, въ свою очередь, есть единственный источникъ всякаго добра, которое можетъ происходить отъ правительства, и препятствіе всякому злу, которое можетъ не происходить отъ него.

Вотъ мы пришли къ точкѣ зрѣнія, съ которой совокупность политическихъ учреждений можетъ имѣть достоинство двойкаго рода. О ней можно судить по ея дѣйствию на людей и по ея

дѣйствию на вещи, не тому, что она дѣлаетъ изъ правды, и потому, что она дѣлаетъ съ ними, но изъ стремленію улучшить или ухудшить человѣческія существа, и по достоинству или неравнѣности дѣлъ, производимыхъ ею на шагъ или надъ ними. Между этими двумя способами правительства вліять на благосостояніе общества, то есть, — между его вліяніемъ какъ національнаго воспитателя, и между его механическими, примарованными въ управленію общественными дѣлами, — первый способъ, очевидно, долженъ быть разнообразіемъ второго, смотря по различнымъ странамъ и различному состоянію ихъ цивилизаціи. Напримеръ: законы относительно собственности, система налоговъ и финансоваго управленія и другія частныя подробности государственнаго механизма не имѣютъ абсолютной необходимости быть различными при различныхъ правительствахъ. Но какъ орудія воспитанія, правительственныя формы необходимо должны представлять радикальную противоположность и очень быстрое многообразіе, смотря по степени прогресса, достигнутой каждымъ народомъ. Въ этомъ отношеніи правительства, если можно такъ выразиться, служатъ показателями степеней народнаго воспитанія. Признаніе этой истины, — хотя ей отдастъ справедливость скаріе практико, чѣмъ наука, — Милль считаетъ доказательствомъ великаго превосходства политическихъ теорій нашего вѣка передъ теоріями прошедшаго столѣтія. Тогда имѣли обыкновеніе провозглашать представительную демократію для Англій или Франціи, основываясь на такихъ аргументахъ, которые въ то же время доказывали, что это единственный родъ правленія, приличный для бедуновъ или мардучефъ. Но состояніе различныхъ человѣческихъ обществъ, въ дѣлѣ развитія, нисходитъ до степени, едва-едва превышающей единичность и некоторыхъ породъ животныхъ; движеніе развитія вверхъ и возможность будущаго улучшенія точно также, вѣдъ еще болѣе, не имѣетъ границы. Общество не можетъ шагати въ этой дѣятности съ одной ступени черезъ нѣсколько высшихъ ступеней, и даже на слѣдующую ступень оно можетъ ступати не иначе, какъ при посредствѣ благоприятныхъ вліаній, изъ которыхъ главнѣйшимъ всегда почти бываетъ вліаніе правительства, или хотя то благотворное бездѣйствіе его, за которое ему можно не завидовать все и всадѣствіе котораго оно не протривается, чтобы бы народъ сдѣлалъ шагъ, отдѣляющій его отъ высшей ступени прогресса.

Прямое слѣдствіе изъ этого то, что различныя формы правительства, примѣнительныя къ различнымъ состояніямъ общества, какъ наилучшія, можно разсматривать не иначе, или о нихъ невозможно разсуждать иначе, какъ сообразуясь со степенью развитія данного народа, начиная съ перваго шага и принимая въ расчетъ все послѣдующіе шаги, которые обществу предстоитъ еще сдѣлать, разумѣя подъ этими послѣдними какъ тѣ, которые можно предвидѣть, такъ и тѣ (а это число чрезвычайно велико), которые въ настоящую минуту не доступны ни для какой проницательности. А отсюда, въ свою очередь, вытекаютъ, что для философскаго сужденія о достоинствѣ правительственныхъ формъ, какъ орудій воспитанія, слѣдуетъ не строить идеаль такой правительственной формы, которая была бы наилучшей сама въ себѣ, то-есть такой, которая бы болѣе чѣмъ какая-нибудь другая была способна благоприятствовать прогрессу, и прогрессу всехъ родовъ и всехъ степеней.

Человѣкъ, привыкшій къ логическому мышленію, можетъ ожидать на этомъ мѣстѣ книги Милля, что онъ пустится отыскивать этотъ идеаль, подобно столь многимъ своимъ предшественникамъ на этомъ полѣ, именно за тою чертою, за которой нѣтъ ничего доступнаго для самой зоркой дальновидности и — чего добраго — можетъ быть дойдетъ до отрицанія государственной власти въ какой бы то ни было формѣ. Человѣкъ логическаго мышленія одѣлаетъ горькую ошибку. Милля, по выраженію одного изъ французскихъ критиковъ, слишкомъ уменъ и слишкомъ африканчанинъ, чтобы быть логичнымъ до такой степени. Заключение его къ переданнымъ нами мыслямъ можетъ показаться почти паразитическимъ для человѣка, непривычнаго къ его образу мыслей.

«Очевидно, — говоритъ онъ, — какая правительственная форма должна составить существенный предметъ нашего изслѣдованія; потому что мы теперь же, не рискуя вроснуть безумцемъ, можемъ высказать положеніе, доказательства и истолкованія котораго будутъ представлены на слѣдующихъ за этимъ страницахъ: именно, что идеаль наилучшей правительственной формы надобно искать въ одной изъ варьяцій представительной системы.» — Затѣмъ этотъ идеаль, или эту варьяцію, Милля открываетъ въ улучшенной формѣ того самаго правительства, которое онъ считаетъ своимъ національнымъ. Въ сущности, Милля предлагаетъ не болѣе, какъ улучшенія — прогрессивныя равно настоль-

то, чтобы не-встрѣтить всеобщаго единодушія. По дорогѣ онъ высказываетъ множество просвѣщающихъ мыслей, которыхъ судьба еще въ отдаленномъ будущемъ, но въ виду у него и на первомъ планѣ постоянно одни только улучшенія; такъ что приходится думать, что, принимаясь за свою книгу, Милль дѣйствительно имѣлъ единственною цѣлю — разъяснить своимъ соотечественникамъ спорный предметъ ихъ внутренней политики, предметъ жгучій, волнующій умы и отчасти возбуждающій страсти очень большого числа англичанъ, но все-таки предметъ насущный и, стало быть, болѣе или менѣе ограниченнаго полета; приходится думать такъ. Да отчего же и не думать? Такой патристическій поводъ къ написанію книги достоинъ и обширнаго ума и великаго сердца.

На самыхъ проектахъ улучшеній, предлагаемыхъ Миллемъ, мы долго останавливаться не для чего. Мы укажемъ только на самую сущность этой теоріи и на то направленіе, въ которое она составлена, такъ какъ общій интересъ, который можетъ быть не чуждъ и для русской публики, представляется только этою ея стороною.

Извѣстно, что все разнообразіе представительныхъ правительствъ зависитъ отъ того простаго и неизбѣжнаго обстоятельства, что между представляемыми и представителями должны стоять выборы. Представляемыми могутъ быть всѣ и могутъ быть не всѣ, даже можетъ быть очень ограниченное число. Это зависитъ, во-первыхъ, отъ правъ выбора, а во-вторыхъ, отъ способа или системы, по которой производятся выборы. Выборы, поэтому, составляютъ главную пружину всякаго представительства. Въ нихъ же заключается и источникъ опасеній, раздѣляемыхъ даже людьми дальновидными и могущихъ будто бы произойти въ отдаленномъ будущемъ для свободы со стороны самой же свободы. Такія опасенія порождаются выборами отъ того неизбѣжнаго свойства всякаго, даже самаго ограниченнаго, избирательства, что оно стремится къ постоянному пониженію, къ тому, чтобы дѣлаться достояніемъ всѣхъ; а уже понятно что такое *всѣ*, что такое громадное большинство даже въ самыхъ образованныхъ странахъ; это темная толпа людей, — столько же, съ одной стороны, лишенныхъ всякаго образованія, сколько, съ другой, не имѣющихъ ничего похожаго на матеріальную независимость, и стало быть заключающихъ въ себѣ двойную угрозу всему, что имѣетъ передъ ними превосходство ума и состоянія. Опасность, поэтому,

очевидная. При означенномъ свойствѣ избирательства, простой арифметическій расчетъ показываетъ, что когда-нибудь воля земли, — образованное меньшинство дѣлшой представительной страны, — вмѣстѣ съ властію и со всѣмъ, что носитъ названіе закона, цивилизаціи, прогресса, собственности, очутится въ зависимости отъ доброй воли—умственного, нравственнаго и матеріальнаго убожества, отъ произвола большинства, наполовину погруженнаго въ варварство. Америка, — страна всеобщаго избирательства, — не представляетъ никакого аргумента противъ опасеній такого рода. Русской публикѣ извѣстное письмо Маклея, писанное имъ къ одному сѣверо-американцу и выражающее его взглядъ на свойство этого аргумента. «Вашъ приговоръ подписанъ, — говоритъ знаменитый историкъ, — хотя на время онъ находится подъ заклятіемъ, вслѣдствіе причинъ совершенно физическихъ. Пока вы имѣете громадные пространства плодородныхъ и никѣмъ незанятыхъ земель, до тѣхъ поръ рабочимъ людямъ у васъ будетъ несравненно привольнѣе, чѣмъ въ старомъ мірѣ. Но придетъ время, когда новая Англія будетъ населена такъ же густо, какъ старая. Заработная плата у васъ упадетъ и будетъ подвержена тѣмъ же колебаніямъ и случайностямъ, какъ и у насъ. Вы будете имѣть свои Манчестеры и Барминггемы, гдѣ сотни тысячъ рабочихъ, конечно, будутъ имѣть, какъ и у насъ, свои прогульные дни. Тогда настанетъ для вашихъ учрежденій великій день испытанія. Бѣдствія повсюду дѣлаютъ рабочаго недовольнымъ и бунтовщикомъ, естественною добычею агитатора, который представляетъ ему, сколь несправедливо это распределение благъ, гдѣ одинъ владѣетъ милліонами долларовъ, между тѣмъ какъ другой не имѣетъ обѣда.» Опасенія этого рода, то есть—опасенія того, что вообще избирательство рано или поздно должно приводить къ самой распущенной демагогіи, составляютъ, въ свою очередь, единственный источникъ той борьбы, свойственной всѣмъ ограниченнымъ представительнымъ правительствомъ, которая раздѣляетъ людей, управляемыхъ по этой системѣ, на консерваторовъ и прогрессистовъ и которая въ сущности всегда идетъ только о томъ, — всѣ-ли имѣютъ право быть представляемыми и, поэтому, быть избирателями, или это право должно быть обстановлено какими-нибудь ограниченіями? Теорія Милля имѣетъ стремленіе быть пригодной къ разрѣшенію этого вопроса, такъ сильно интересующаго его страну въ это самое время. Читателямъ нашимъ, безъ сомнѣнія, всего

интереснѣе знать, какииъ образомъ Милль разрѣшаетъ этотъ вопросъ — какъ прогрессистъ, или какъ консерваторъ? боится онъ перерожденія демократіи въ демагогію, или не боится? Словомъ: стоитъ онъ за всеобщее избирательство, или противъ него? Но тутъ намъ приходится сказать, что отношеніе Милля къ этому вопросу одно изъ самыхъ двусмысленныхъ. Мы не говоримъ, чтобы это отношеніе было хорошо или дурно, — до этого намъ имѣть никакого дѣла, потому что улучшение, придуманное Миллемъ, предлагается не намъ, и его достоинства и недостатки будутъ разобраны людьми, до которыхъ оно касается, — мы говоримъ только, что оно сбивчиво. Милль не проявилъ въ этомъ случаѣ той прямоты взгляда, или лучше, того прамодушія во взглядѣ, которое имѣетъ такую огромную цѣну въ человѣкѣ съ какииъ бы то ни было авторитетомъ. — Милль очень хорошо знаетъ, что люди съ откровенностію Маколея опасующіеся за будущность свободы со стороны демагогіи, подвергаются укоризнамъ въ узкости взгляда и излишнемъ консерватизмѣ. Съ другой стороны, онъ на столько большой умъ, чтобы не поддаваться въ своемъ мышленіи увлеченію моды. Ему слѣдовало бы не поддаваться и опасенію укоризнъ. Но именно этого-то онъ и не одѣлалъ. — Онъ дѣлаетъ такой видъ, будто смотритъ на будущность глазами величайшаго оптимиста, онъ ничего не опасается, онъ даже съ несвойственною ему горечью отзывается о пессимистахъ и опасующихся людяхъ, онъ горой стоитъ за всеобщую подачу голосовъ, но въ сущности его собственная теорія состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ положеній: во-первыхъ, быть избирателями, или быть представляемыми, то есть быть и считаться гражданами своей страны, или не оставаться въ отечествѣ безъ отечества, имѣютъ право всѣ, безъ всякаго исключенія; во-вторыхъ, — этого права должны быть лишены всѣ, ничѣмъ не владѣющіе, ничего не платящіе, а также неумѣющіе читать, писать и считать, то есть — всѣ неграмотные, а между грамотными незнающіе начальныхъ правилъ ариметики; въ третьихъ, образованные люди, смотря по степени ихъ образованія, должны имѣть двойное, тройное и даже еще высшее предпочтеніе предъ необразованными, въ подачѣ голосовъ. — Боязнъ это или надежда? всеобщее это избирательство, или ограниченное? Второй пунктъ, возвышенный на первый, можетъ, въ настоящее время, въ самой Англій, устранить такое количество англичанъ отъ избирательства, какого больше не по-

желаетъ самъ д'Израили. Вотъ *десять* человѣкъ, составленные такимъ образомъ, что *трое* изъ нихъ ничего не платящіе и не грамотные, *трое* достаточно платящіе даже по существующему цензу, *двое* платящіе и грамотные и *двое* платящіе и съ высшимъ образованіемъ. По существующему цензу изъ этого десятка могутъ быть *семь* избирателей, а по теоріи Милля будутъ только два.—По-видямому, не два, а *четыре*, но въ сущности только два. Двоихъ съ высшимъ образованіемъ, имѣющихъ, положимъ, по два голоса, можно предположить людьми одинаковыхъ мнѣній и стоящими за одного кандидата, тогда какъ двое полуграмотныхъ стоятъ за другого; въ такомъ случаѣ каждый изъ образованныхъ однимъ голосомъ парализуетъ голосъ своего претивника, а другимъ приноситъ своему кандидату чистый выигрышъ. Въ классической странѣ пролетаріата, гдѣ притомъ на одного грамотнаго человѣка приходится семь безграмотныхъ и гдѣ люди съ высшимъ образованіемъ считаются десятками тысячъ, эта комбинація можетъ быть составлена еще гораздо безвыгоднѣе для всеобщаго избирательства. Зачѣмъ же думать одно, а говорить другое? Повторяемъ, мы не входимъ въ оцѣнку теоріи Милля, хотя эта теорія вызываетъ противъ себя неотразимыя опроверженія: напримѣръ, мы не можемъ понять, почему бы неграмотнаго человѣка, нажившаго своими трудами большое состояніе, слѣдовало считать менѣе достойнымъ, чѣмъ грамотнаго бобыля, неумѣющаго выдти изъ нужды; трудъ, обратившійся въ богатство, безъ сомнѣнія, предполагаетъ значительную умственную силу, хотя бы никогда не упражнявшуюся надъ четырьмя правилами ариметики; вѣрный счетъ приобретаемаго богатства и, особенно, удачные расчеты относительно препятствій, которыя слѣдовало побѣдить, конечно, стоятъ, хоть немного, дороже умственныхъ усилій, употребляемыхъ на рѣшеніе задачъ по правиламъ умноженія и дѣленія; потомъ, если умъ, сколько нибудь разбирающій буквы и цифры, даетъ право на избирательство, то едва-ли слѣдуетъ отстранять отъ него и сердце, насколько не разбирающее опасностей для оказанія пользы ближнему или даже услугъ отечеству: предметъ, въ высшей степени достойный вниманія всѣхъ изобрѣтателей новыхъ цензовъ на другихъ началахъ, кромѣ денегъ и высшаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ, въ той тысячи, съ которой Гарибальди одержалъ свои побѣды, двѣ трети людей могли быть вполнѣ неумѣющими ни писать, ни читать, ни считать, а что они ничего не мог-

ли платитъ, такъ это вѣрно; если мы допустимъ, что эти люди англичане, совершившіе всѣ свои подвиги для Англіи, и если мы предположимъ, что въ Англіи находится уже въ дѣйстви избирательная система Милля, то эти люди были бы лишены участія въ политическихъ дѣлахъ своей страны въ то самое время, когда они совершили величайшее политическое дѣло, въ то время, когда по поводу ихъ дѣлъ внесено новое начало въ международную политику, начало невидѣшательства, наконецъ въ то время, когда послѣдній маклерскій писарь могъ быть признаннымъ дѣлателемъ политики въ своей странѣ, лишь бы онъ платилъ что-нибудь,—въ этомъ отношеніи Милль требуетъ не многого: *что-нибудь*—и довольно; онъ строгъ къ однимъ только безграмотнымъ; — для насъ непонятны также и эти двойные и тройные голоса въ такомъ жаркомъ поборникѣ индивидуализма, какъ Милль; человекъ, безъ всякой для него обиды, можетъ быть не допущенъ къ участію въ политической дѣятельности, если онъ не выполняетъ извѣстныхъ условій, если онъ, напримѣръ, не имѣетъ ни состоянія, ни мѣстн; но быть допущеннымъ къ этой дѣятельности съ униженіемъ, значить.... значить быть униженнымъ; и хоть въ Англіи и существуютъ двойные, тройные и даже шестерные голоса въ такъ называемыхъ приходскихъ выборахъ, и хоть, по всей вѣроятности, предложеніе Милля вызвано этимъ уже существующимъ обычаемъ,—но такъ какъ величіе людей въ своихъ приходахъ и величіе ихъ въ государствахъ не можетъ быть измѣряемо одною и тою же мѣркою, то навѣрно можно полагать, что улучшенію, предлагаемому знаменитымъ публицистомъ, не суждено встрѣтить практическаго примѣненія. Это самая малая часть возраженій, какія могутъ быть приведены противъ теоріи Милля; но мы повторяемъ, что не наше дѣло входить въ оцѣнку ея достоинства; насъ занимаетъ только личное отношеніе Милля къ деликатному вопросу. Бойся онъ, или не бойся? Токвиль, напримѣръ, прямо признавался, что онъ содрагается при видѣ этой страшной неприготовленности народа къ великой и неизбежной судьбѣ, которая его ожидаетъ. Извѣстно, что опасенія Токвиля отчасти оправдались гораздо скорѣе, чѣмъ кто-нибудь могъ это думать. Извѣстно и то, что Токвиль къ отвращенію грозы, которую считалъ довольно отдаленной, предлагалъ средство: это—воспитаніе народа посредствомъ постепеннаго допущенія его къ политической жизни и посредствомъ другихъ, обыкновенныхъ образовательныхъ средствъ.

Мильт представляет себя безбоязливымъ; допущеніе народа къ политической жизни, и притомъ неограниченное, всеобщее допущеніе, онъ тоже считаетъ самымъ могущественнымъ средствомъ народнаго воспитанія; и потому, что это средство, по его справедливому мнѣнію, такъ могущественно, онъ отлучаетъ отъ политической жизни такое громадное количество людей. Намѣреніе Мильтя превосходно; въ дѣлахъ, касающихся страны и всей судьбы существующихъ въ ней порядковъ, законовъ и цивилизаціи невремѣнно должны преобладать образованность и состояніе, для которыхъ дорого дѣло прогресса; но выраженіе этого намѣренія требовало большой откровенности. Прямодушіе всегда считалось за добродѣтель; а въ наше время всевозможныхъ ученій и мнѣній — искреннихъ, модныхъ, подкупныхъ и цвѣтущихъ съ чужого голоса, оно можетъ быть признано двойною и тройною добродѣтью. Между тѣмъ Мильт, если бы захотѣлъ, могъ и не противорѣчить самому себѣ: кромѣ дѣла, касающагося цѣлаго общества, есть еще огромный кругъ дѣлъ мѣстнаго управленія, посредствомъ участія въ которомъ, какъ въ предварительной школѣ, могутъ воспитываться уже рѣшительно всѣ, что-нибудь имѣющіе.

Мысль знаменитаго публициста выражается гораздо откровеннѣе, когда отъ опредѣленія правъ на выборы онъ переходитъ къ самой системѣ выборовъ. Здѣсь постоянная и энергическая его забота о томъ, чтобы преобладаніе власти и мнѣній удерживать на сторонѣ ума и высшаго просвѣщенія, является безъ прикрытія. Мильт поражаетъ возможность, а отчасти уже и проявленіе того факта, что съ расширеніемъ избирательныхъ правъ просвѣщенному меньшинству съ нередовыми и просвѣщающими мнѣніями должно становиться все труднѣе и труднѣе имѣть для себя представителя. Фактъ, дѣйствительно, печальный, тѣмъ болѣе, что достовѣрность его не подлежитъ никакому сомнѣнію; она доказана примѣромъ за-атлантической республики, которую Мильт такъ удачно называетъ «хорошей политической школой, истерпящей отличныхъ учениковъ.»

Къ отвращенію этого зла въ своемъ отечествѣ Мильт указываетъ на проектъ, составленный Томасомъ Геромъ, и нетоңчаетъ въ пользу его всевозможныя похвалы. Мильту до такой степени приходится по душѣ этотъ проектъ, что одной десятой части его похвалъ, въ случаѣ признанія такого количества ихъ безопорно-заслуженнымъ, было бы до-

статочна для доставленія славы составителю проекта. «Планъ Томаса Гера, — говоритъ Милль, — имѣетъ достоинство почти безпримѣрное: развивая великій правительственный принципъ съ искусствомъ, приближающимся, — относительно его спеціальнаго предмета, — къ идеальному совершенству, онъ, въ тоже время, счастливо достигаетъ многихъ другихъ цѣлей, почти равносильной важности». Планъ этотъ, на первый взглядъ, отличается необыкновенною простотою; но въ примѣненіи къ практикѣ онъ долженъ оказаться необыкновенно сложнымъ, можетъ быть, сложнымъ — до невозможности побѣдить нѣкоторыя трудности; одна поправка избирательныхъ листовъ становится съ принятіемъ этого плана по меньшей мѣрѣ въ сто разъ труднѣе; но наглядная простота его и обиліе выводовъ, изъ него проистекающихъ, дѣйствительно поразительны. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: устанавливается представительная единица; она есть ничто иное, какъ среднее число, полученное посредствомъ дѣленія количества всѣхъ избирателей во всей странѣ на число всѣхъ мѣстъ въ парламентѣ; кандидатъ, получившій эту среднюю цифру голосовъ, считается выбраннымъ; выборы по прежнему производятся въ мѣстныхъ избирательныхъ коллегіяхъ, но не ограничиваются мѣстными кандидатами, а каждый избиратель имѣетъ право вотировать за каждаго кандидата по цѣлой странѣ; голосъ, поданный въ пользу кандидата, оставшагося невыбраннымъ, можетъ быть перенесенъ неопредѣленное число разъ на другое лицо, которое избирателю будетъ угодно имѣть своимъ представителемъ; для этого каждый избиратель вноситъ въ бюро избирательной коллегіи свой листъ съ обозначеніемъ въ немъ нѣсколькихъ именъ кромѣ того, которое онъ предпочитаетъ всѣмъ; цѣль этого состоитъ въ томъ, чтобы придать дѣйствительность избирательнымъ правамъ меньшинства, которыми оно при существующемъ способѣ пользуется только номинально. Далѣе, — для полученія должнаго числа членовъ палаты, а также и для того, чтобы не дать черезъ-чуръ популярнымъ кандидатамъ соединить на себѣ всѣ голоса, у нихъ отбирается весь излишекъ голосовъ, превышающій означенную среднюю цифру и переносится на тѣ имена въ спискахъ избирателей, которыя будутъ имѣть въ томъ нужду. Для опредѣленія того, какія именно имена должны остаться за выбраннымъ кандидатомъ, предлагается жеребій. Выборы первыми голосами предпочитается выборамъ вторыми и третьими.

«Вотъ проектъ,—говорить Милль,—который даетъ представительство, пропорціональное числу всѣхъ отгѣнковъ избирательнаго сословія,—не двумъ большимъ сектаторскимъ партіямъ или нѣсколькимъ значительнымъ меньшинствамъ, но всякому меньшинству, обнимающему довольно значительное количество людей, чтобы, согласно принципу равномерной справедливости, имѣть право на представителя. Съ принятіемъ этого проекта мы не будемъ видѣть избирателей, номинально представляемыхъ лицами, которыхъ они не избирали; каждый членъ палаты будетъ представителемъ круга единодушныхъ вѣрителей. Онъ будетъ представлять собою 1,000, или 2,000, или 5,000 или 10,000 избирателей, смотря потому, каково будетъ количество людей, изъ которыхъ каждый не только подаетъ за него голосъ, но избираетъ его *между всеми* во всей странѣ, а не *между двумя или тремя нилыми померанцами*, составляющими, быть можетъ, весь запасъ его мѣстнаго рынка. Тогда связь между избирателемъ и представителемъ будетъ силою, цѣнностію, о которой въ настоящее время мы не имѣемъ никакого понятія. Тогда депутаты будутъ представлять людей, а не просто кирпичи и штукатурку городскихъ домовъ».

Если мы сообразимъ, въ какомъ разрядѣ людей чаще всего, а можетъ быть даже исключительно, встрѣчаются небольшія группы съ своеобразными мнѣніями и со всѣми отгѣнками мнѣній, то намъ нетрудно будетъ понять, за какія это меньшинства такъ горячо вступается Милль.

Мысль знаменитаго публициста объ объемѣ и организаціи представительства будетъ однако передана не вполне, если не будетъ добавлено, что онъ требуетъ представительства и для женщинъ. «Для меня,—говоритъ онъ,—различіе пола, относительно политическихъ правъ, есть различіе талій и цвѣта волосъ. Всѣ человѣческія существа имѣютъ одинаковый интересъ жить при хорошемъ правительствѣ; благосостояніе всѣхъ ихъ находится въ одинаковой отъ него зависимости; всѣ они, по этому, имѣютъ одинаковую нужду въ голосѣ, чтобы обезпечить за собою слѣдующую имъ часть правительственныхъ благодѣяній. Если тутъ есть какая-нибудь разниа, такъ это та, что женщинамъ нужнѣе право голоса, чѣмъ мужчинамъ, такъ какъ, будучи слабѣе физически, онѣ находятся въ болѣшей зависимости отъ закона и общества, относительно своего покровительства.» Аргументы и языкъ Милля въ отстаиваніи этого женскаго права достигаютъ си-

лы, которая не кажется обыкновенной даже у самого Милля; тутъ же кетати онъ бросаетъ свои сарказмы и на тотъ законъ, которымъ англійскія жены въ распоряженіи своими имуществами зависятъ отъ своихъ мужей. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли отыскать болѣе разительный примѣръ того, какъ трудно человѣческимъ существамъ освободиться отъ своихъ предрасудковъ, почти на всѣхъ степеняхъ развитія? Извѣстно, что прямыхъ доказательствъ противъ полноправности женщинъ вовсе не существуетъ: различіе половъ,—это различіе роста или полноты и худощавости; раздѣленіе труда и призваній на мужскія и женскія,—это произволь мужчинъ, классификація, выдуманная ими и не освященная женскимъ согласіемъ; различіе въ степеняхъ умственной силы,—это отчасти клевета и преувеличеніе, отчасти намѣренное приниженіе женщинъ посредствомъ отлученія ихъ отъ воспитанія и, наконецъ, между мужчинами считаются полноправными не одни только чрезвычайно умные, а напротивъ, опеки и ограниченію правъ подпадаютъ одни только совершенно безумные, признаваемые за таковыхъ по свидѣтельству медиковъ; словомъ, прямыхъ возраженій женская полноправность противъ себя не имѣетъ и всѣ возраженія этого рода сводятся только къ такъ называемымъ доказательствамъ *отъ нелѣзости* (*reductio ad absurdum*). Но какова же сила и этого рода доказательствъ? Передъ нами статья одного сѣвероамериканскаго критика, который возражаетъ противъ этого мѣста въ книгѣ «*О представительномъ правительствѣ*» слѣдующимъ образомъ: «Мы охотно признаемъ силу всѣхъ соображеній мистера Милля, и однако все-таки остаемся неубѣжденными. Это точно, что право женщины быть избирательницей не можетъ быть опровергнуто прямыми, логическими доказательствами. Даже болѣе: нѣтъ ни одного аргумента, который бы, доказывая право женщины на подачу голоса, не доказывалъ въ то же время ея права на соискательство всякой общественной должности. Избиратель, конечно, воленъ подавать голосъ и за женщину. И нѣтъ ничего несправедливаго, неудобнаго или неприличнаго, чтобы женщина засѣдала въ конгрессѣ или парламентѣ — вѣдь засѣдаютъ же онѣ на миттингахъ? Можно указать, пожалуй, и на тотъ фактъ, что на депутатскихъ скамьяхъ мы довольно нерѣдко встрѣчаемъ вполне и совершенно женоподобныя существа, съ тою разницею, что они представляютъ только худшія качества своихъ сестеръ, не представляя ни ихъ ума, ни ихъ

даровитости, въ пользу которыхъ, поэтому, они и могли бы отказаться отъ своихъ мѣстъ безъ всякой помощи для общественной службы. Все это справедливо. Но,—начинается возражать американскій критикъ,—во-первыхъ: можеть-ли мы быть устроены, чтобы, бывъ допущены къ избирательнымъ должностямъ, женщины не сдѣлались самыми отчаянными и самыми коварными искательницами мѣстъ? Не должны-ли мы быть устроены, что это именно такъ и будетъ? А потомъ, женщины имѣютъ самое безспорное право пахать, косить, ковать желѣзо и управлять локомотивами; но если бы они вздумали вступить въ пользованіе этими правами на самомъ дѣлѣ, развѣ каждый честный человекъ не долженъ былъ бы воспротивиться этому?» Вотъ вамъ и доказательство *оной нелицеприятности*. И вѣдь американскій критикъ, высказавшій эту неуклюжую нелицеприятность, воображалъ, безъ сомнѣнія, что оная дѣйствительно доводитъ требованіе Милля до нелицеприятности.—Да и можеть-ли оно не быть нелицеприятно? Что возмущаетъ насъ при видѣ такого зрѣлища (положимъ, что возмущаетъ, хотя русскій глазъ слишкомъ привыченъ къ такому зрѣлищу), какъ женщина—косарь, или женщина пахарь?—Конечно, насъ возмущаетъ то сознательное или бессознательное чувство, что женщина не можеть исполнять этой непосильной для нея работы *со охотою*, что она, напротивъ, дѣлаетъ ее *со отвращеніемъ* и *проклиная* судьбу свою, что она чувствуетъ *нарушеннымъ* свое право—заниматься работой по выбору, словомъ насъ возмущаетъ при этомъ *тиранія обстоятельствъ*.—А что есть возмутительнаго въ женщинѣ-избирательницѣ?—Вѣрно, то, что надъ нею не тяготѣетъ *тиранія обстоятельствъ*, что она находитъ *удовольствіе* въ пользованіи своимъ правомъ и что вытекающія изъ этого права обязанности она выполняетъ тоже *со удовольствіемъ*.—Убѣдительность доказательства *оной нелицеприятности* здѣсь является во всей очевидности, потому что аналогія между двумя чудовищами, — женщиной пахаремъ и женщиной избирательницей, — существуетъ, какъ мы видимъ, самая близкая. Милль утверждаетъ, что исключеніе женщинъ отъ выборовъ есть одна изъ самыхъ незаконныхъ монополій, одна изъ самыхъ некрасивыхъ осколковъ феодальной тираніи, а ему возражаютъ:—нѣтъ; это несправедливо, и вотъ почему: женщина избирательница, это все равно что женщина кузнецъ; но честный человекъ не можеть оставаться равнодушнымъ къ тому, чтобы женщина занималась кузечными работами, чтобы она

подковывала, напиривъ, лошадей, въ числѣ которыхъ помянуты общенныя, или чтобы она выдѣлывала каретныя оси: это ей и не по силамъ и противно во всемъ ея симпатіямъ. Точно такъ и выборы: женщины хотятъ быть избирательницами; онѣ съ чьетою женскою нетерпѣливостію, — по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, — добиваются выполненія обязанностей, вытекающихъ изъ этого права; добиваются, конечно, потому, что эти обязанности приходится имъ по душѣ и не превышаютъ ихъ силы, такъ какъ нѣтъ никакого труда написать на листѣ бумаги пять или десять собственныхъ именъ; однако, если мы не можемъ вложить женщину-избавителя, то не болѣе ли было бы странно, если бы мы согласились терпѣть женщину-избирательницу? — Но такою именно силою, если не такою же безсмыслицей, по необходимости, должны отличаться всѣ возраженія, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не могутъ быть приведены прямыя логическія доказательства. Что женщина должна быть эмансипирована отъ трудовъ, превышающихъ ея силы, это можетъ быть доказано; но что она не должна изъявлять одобреніе или неодобреніе чьей-либо, желающему быть выразителемъ нуждъ и мнѣній того края, въ которомъ она живетъ, это никогда не можетъ быть доказано. Все это, разумѣется, для насъ дѣло стороннее; и оставивъ на этой части избирательной теоріи Милля, мы не имѣемъ и не можемъ имѣть ни малѣйшей претензіи прослыть рыцарями женскаго вопроса. Это такое поле, на которомъ намъ, не смѣина людей, пока не приходится преломлять копій. Мы, русскіе, въ пользу этой части женской эмансипаціи, о которой идетъ дѣло, имѣемъ такой аргументъ, который избавляетъ насъ отъ всякаго рода словесныхъ побоищъ, и предъ которыми всѣ доказательства отъ нелѣпости могутъ казаться только доказательствами — нелѣпости того предрасудка, изъ котораго они почерпаются. Наши дамы — полноправныя хозяйки своего достоянія; наши дамы, по закону, не лишены и права выборовъ, насколько они у насъ существуютъ. И что же? Наши дамы вовсе не представляются намъ такими чудовищами, какими представляются они воображенію сѣверо-американскаго гражданина — мячущагося впереди поѣздовъ на огненныхъ машинахъ и управляющаго этими огненными конями. Наши дамы не пользуются однимъ изъ двухъ означенныхъ правъ, — это ужь ихъ дѣло; вѣроятно предрасудокъ, побѣжденный ими на столько, что онѣ рѣшаются говорить въ слухъ въ просторныхъ комнатахъ, при

большомъ количествѣ постороннихъ людей, о предметахъ мало-важныхъ, не побѣжденъ ими еще на столько, чтобы они въ столь же просторной комнатѣ, при такомъ же или еще меньшемъ стеченіи постороннихъ людей, рѣшились говорить о предметахъ не совсѣмъ мало-важныхъ... Впрочемъ, нѣтъ: онѣ читаютъ на литературныхъ вечерахъ, и для чтеній своихъ они избираютъ вещи, поднимающія тревогу, то есть—вещи не пустыя. Мы знаемъ только фактъ, что онѣ не пользуются своимъ правомъ и что онѣ сдѣлали обыкновеніе довѣрять свои шары—кому заблагоразсудятъ; но другой причины, по которой они это дѣлаютъ, кромѣ ими же самими сдѣланнаго обыкновенія, мы не знаемъ; такъ что, если бы при однихъ дворянскихъ выборахъ всѣмъ или нѣсколькимъ дамамъ, владѣющимъ правомъ голоса, вздумалось явиться въ дворянское собраніе для самоличнаго распоряженія своими шарами, и если бы это кого-нибудь удивило, или возбудило говоръ, или вызвало даже возраженія, то единственной причиной и источникомъ и этого удивленія, и этого говора, и этихъ возраженій было бы именно только то, что дамы нарушили бы въ этомъ случаѣ обыкновеніе, къ которому сами же всѣхъ приучили. Но понятно, что если они захотятъ, то могутъ отъ этого и отъучать и отъучиться. Человѣкъ, который двадцать лѣтъ не являлся на улицахъ иначе, какъ въ каретѣ, не теряетъ черезъ это своего права показаться и пѣшкомъ, какъ только ему вздумается. Его знакомые, потерявшіе всякую возможность представить его пѣшкомъ, а не въ каретѣ, могутъ быть этимъ озадачены; по это до него нисколько не касается; да и они, конечно, не долго будутъ оставаться озадаченными.

Такимъ образомъ, парламентъ, по теоріи Милля, долженъ быть составленъ—если безъ женщинъ, то при ихъ избирательномъ участіи. Самый кругъ парламентскихъ дѣйствій Милль опредѣляетъ въ томъ же духѣ, въ какомъ онъ организуетъ представительство, именно, чтобы возможность преобладанія всегда оставалась на сторонѣ ума и знанія. Парламентъ не дѣйствуетъ, онъ только разсуждаетъ; онъ слишкомъ сложенъ и поэтому слишкомъ непоровотливъ, чтобы дѣйствовать; притомъ, если бы онъ дѣйствовалъ, тогда преобладаніе большинства, то есть, преобладаніе посредственности, въ немъ было бы не отражно, между тѣмъ какъ въ обсужденіи предметовъ перевѣсъ естественно долженъ находиться на сторонѣ ясности и силы убѣжде-

ній. Палата не распоряжается, она только контролируетъ распорядительную власть, проливаетъ свѣтъ публичности на всѣ дѣйствія этой власти, требуетъ объясненія тѣхъ изъ ея дѣйствій, которыя кажутся сомнительными, оправданія тѣхъ, которыя могли бы быть сдѣланы лучше, и произноситъ порицаніе надъ тѣми, которыя этого заслуживаютъ; если люди, составляющіе правительство, не оправдываютъ сдѣланнаго имъ довѣрія, или пользуются имъ такимъ непопулярнымъ образомъ, что идутъ явно наперекоръ громко выраженному и окончательно опредѣлившемуся общественному мнѣнію, то палата прямо или косвенно отрѣшаетъ ихъ и назначаетъ, или указываетъ, имъ преемниковъ. Во всемъ этомъ, конечно, нѣтъ ничего новаго, кромѣ новыхъ доказательствъ, приводимыхъ Миллемъ въ объясненіе того, почему парламентъ, по преимуществу, долженъ быть только мѣстомъ контроля и обсужденія, а не средоточіемъ непосредственной власти. Самая существенная и преобразовательная черта въ мнѣніи Милля объ объеме палатской дѣятельности состоитъ въ томъ, что онъ ограничиваетъ самое право палаты—издавать законы. Для большого собранія, думаетъ Милль, это слишкомъ затруднительное дѣло, и притомъ такое, которое влечетъ за собою чрезвычайно большія неудобства. Для изданія одного какого-нибудь закона нужно знать все предъидущее законодательство; иначе произойдутъ неизбѣжныя противорѣчія, запутанности и повторенія, а также можетъ случиться слишкомъ радикальное отступленіе отъ того, къ чему сдѣлана незапамятная привычка и что требуетъ только измѣненія или поправки; наконецъ есть много законовъ, заключающихъ въ себѣ техническія слова и выраженія, которыя, для однообразія и точности, должны быть удержаны при каждомъ послѣдующемъ измѣненіи этихъ законовъ. По всемъ этимъ причинамъ составленіе биллей должно быть возложено на особую постоянную комиссію изъ специалистовъ по части законовѣденія. Изготовленный въ этой комиссіи билль долженъ быть вносимъ въ палату для обсужденія и преній; въ случаѣ, если онъ встрѣтитъ согласіе большинства, онъ проходитъ безъ всякаго измѣненія въ той самой формѣ, въ которой представленъ въ палату; въ случаѣ несогласія большинства, онъ считается рѣшительно отвергнутымъ; въ случаѣ потребности въ измѣненіяхъ, онъ исправляется тою же самой комиссіей и потомъ снова возносится въ палату. Выходитъ, палата и относительно законодательства, какъ и относительно всѣхъ

дѣйствій всеоцѣнительной власти, остается въ томъ же положеніи контроля, — контроль самаго дѣйствительнаго, заключающаго въ себѣ столько власти, что она вполне достаточно для того, чтобы служить вѣрнѣйшимъ ручательствомъ за національную свободу, но все-таки контроля, который, такъ сказать, и самъ находится подъ контролемъ ума и спеціальнаго знанія; такъ что чрезъ комбинацію, придуманную Миллемъ, многотрудный и отчасти не разрѣшимый вопросъ: «*Quis custodiet custodem?*» (*Кому сторожить сторожа?*) на очень значительную степень подвинуть къ рѣшенію. Здѣсь, встаетъ, одну изъ нашихъ мыслей, высказанную въ этой статьѣ, намъ представляется случай подтвердить примѣромъ: законодательную комиссію Милль предлагаетъ не какъ отрицательный мыслитель, отыскивающій свои идеалы въ своей собственной фантазіи, а какъ англичанинъ и, слѣдственно, какъ патріотическій, туземный дѣятель. Всѣмъ извѣстно хаотическое состояніе англійскихъ законовъ. Въ странѣ, имѣющей передъ собою путь безконечнаго прогресса, этотъ хаосъ и въ самомъ будущемъ долженъ только увеличиваться, а не уменьшаться, если къ преобразованію его не будутъ приняты мѣры. Это доказано опытомъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки введена кодификація. разумѣется, періодически возобновляющаяся. При этомъ замѣчено, что потребность въ новомъ изданіи законовъ, вслѣдствіе дополненій и измѣненій, обнаруживается гораздо прежде, чѣмъ успѣютъ засалиться листы послѣдняго изданія или разойтись корешки его переплетовъ. Такого-то рода факты Милль и имѣлъ, безъ сомнѣнія, въ виду, предлагая свою законодательную комиссію, соединяющую въ себѣ всѣ возможности кодификаціи.

Но назначеніе парламента еще не исчерпано; есть у него еще одно призваніе, не уступающее ни одному изъ предыдущихъ, это — служить конгресомъ мнѣній, то есть, быть тѣмъ, чего не пощадилъ наше отечественное остроуміе, быть *говорилней*. Парламентъ, — по мнѣнію Милля, — это арена, гдѣ не только общее мнѣніе націи, но и мнѣніе различныхъ частей ея и, насколько возможно, мнѣніе блистательныхъ личностей, обрѣтающихся въ странѣ, можетъ выступать на свѣтъ и вызывать пренія. Здѣсь навѣрное каждый гражданинъ можетъ найти человека, который будетъ излагать его мнѣніе такъ же хорошо, или несравненно лучше, чѣмъ онъ могъ бы сдѣлать это самъ, и излагать не друзьямъ его, не единомысленникамъ, а противникамъ, такъ что

его мнѣніе будетъ подвергнуто испытанію—враждебнаго опроверженія. Враги представительныхъ собраній часто упрекали ихъ тѣмъ, будто они представляютъ собою торжественное обиталище болгованія и празднословія. Трудно выдумать остроу, которая казалась бы болѣе жалкой. «Я не знаю, — говоритъ Милль, — можетъ ли представительное собраніе болѣе полезнымъ образомъ расходовать свое время, какъ проводя его въ разговорахъ, когда предметами его разговоровъ служатъ великіе общественные интересы и когда каждое произнесенное въ немъ слово представляетъ—или мнѣніе обширнаго класса людей, или мнѣніе лица, на которое этотъ классъ перенесъ все свое довѣріе. Собраніе людей, гдѣ каждый интересъ, каждый отгѣнокъ мнѣній могутъ встрѣтить заступленіе за себя,—заступленіе, одушевленное страстію и выражаемое передъ лицомъ правительства и другихъ интересовъ и мнѣній,—могутъ заставить выслушать себя и сказать на ихъ требованія *да*, или доказать съ очевидностію, почему имъ говорить *нѣтъ*, такое собраніе есть само по себѣ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ благодѣяній свободнаго правительства. Подобныя слова и разговоры никогда не были бы предметомъ унижительныхъ отзывать, если бы имъ не позволяли вступаться *въ дѣйствіе*, а этого, въ свою очередь, никогда бы не могло случиться, если бы собранія знали и понимали, что ихъ коренное призваніе состоитъ въ томъ, чтобы говорить и спорить, тогда какъ *дѣйствіе*, какъ результатъ спора, есть обязанность—ужь никакъ не многочисленнаго собранія, а людей специально приготовленныхъ къ дѣлу: истинная служба собранія—только наблюдать за тѣмъ, чтобы эти послѣдніе были выбраны честно и разумительно и, достигнувъ этого, вмѣшиваться въ ихъ поведеніе лишь для того, чтобы подвергать ихъ критикѣ, или вдохновлять ихъ идеями или, наконецъ, чтобы давать имъ печать національнаго одобренія, или отказывать въ ней.»

Все, что здѣсь высказано о значеніи парламента, какъ *совокупности*, имѣетъ чрезвычайно близкое отношеніе къ литературѣ вообще;—мы, разумѣется, не можемъ не желать, чтобы это относилось и къ нашей—въ особенности. Призваніе литературы тоже самое: быть выразительницей уже существующихъ мнѣній, вдохновлять общество новыми идеями, подвергать критикѣ установившіяся понятія, заступаться за всѣ возможные интересы—общіе и частные, требовать для нихъ *да*, или выяснять почему *нѣтъ*. Неавидя способъ говорить полусловами, мы рѣшаемся

сказать прямо, что это, однако, нисколько не относится къ нашей лигерахурѣ. Если мнѣнія слѣдуетъ раздѣлять на здравыя и цѣльныя, а интересы на дорогіе и ничтожныя, то наша литература имѣетъ несравненно болѣе шансовъ быть ареной мнѣній нелѣпныхъ, чѣмъ здравыхъ, и интересовъ ничтожныхъ, чѣмъ дорогихъ. Правительственныя мѣры, принятыя у насъ противъ литературы, конечно, имѣютъ обратное стремленіе: онѣ, безъ сомнѣнія, хотятъ подавлять нелѣпости и покровительствовать здравомыслію, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ предполагать, что цѣль цензурнаго учрежденія состоятъ въ этомъ. Цензура въ государствахъ, еще не достигавшихъ особенно высокаго развитія, замѣняетъ законы противъ злоупотребленія печати; другого разумнаго основанія для нея подыскать трудно, и подъ конецъ всего, цензура должна уступить мѣсто законамъ. Слѣдственно, понимая правительственныя мѣры противъ печати такимъ образомъ, мы обязаны думать, что мѣры эти имѣютъ свою цѣлю, во первыхъ: препятствовать проникновенію въ общество идей, кажущихся правительству безнравственными или антисоціальными, а также пасквилей, направленныхъ противъ добраго имени частныхъ лицъ; во вторыхъ: благопріятствовать идеямъ и понятіямъ, способнымъ просвѣщать общество. Казалось бы такъ. Но въ сущности все это происходитъ наоборотъ, — и мы говоримъ это съ желаніемъ добра и успѣховъ нашему правительству, — въ сущности покровительство оказывается тому, что правительство желало бы притѣснить, а притѣсняется то, чему оно желало бы оказывать покровительство. Наша литература имѣетъ почти полную возможность провести всякую нелѣпость, и никакая цензура не въ состояніи помѣшать этому. — Почему? — Потому, что тутъ приходится имѣть дѣло не съ писателемъ, а съ читателемъ; мѣшать приходится не первому — писать свои полуслова и намеки съ безусловнымъ значеніемъ, или всего чаще безъ всякаго опредѣленнаго значенія, а второму — придавать этимъ полусловамъ и намекамъ какой угодно мистическій смыслъ. А можно ли помѣшать этому? Надзоръ долженъ простираться не на корректурные листы, а на мыслительную способность каждаго читающаго. Но такой надзоръ слишкомъ идеаленъ, чтобы быть удобоисполнимымъ. Наша литература давно уже на половину обратилась въ полуслова и намеки, — это общезвѣстная истина; — нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и наши читатели въ той же самой пропорціи привыкли

видѣть въ полусловахъ и намекахъ глубокий смыслъ, исполненный новизны и оригинальности. Если бы они всё знали, что въ нихъ нѣтъ никакой новизны и никакой оригинальности, или, если бы они могли догадаться, что подозрѣваемые въ нихъ новизна и оригинальность такого свойства, что онѣ покупаются на грошъ двѣ, тогда ихъ очарованію полусловами, быть можетъ, былъ бы положенъ конецъ; но они этого не знаютъ и объ этомъ не догадываются; поэтому все, что только нѣтъ призракъ очаровательности въ полусловахъ, остается во всей своей силѣ. Совсѣмъ иначе бываетъ съ здоровыми понятіями: имъ проходить гораздо труднѣе, и почти вовсе невозможно достигать степени очарованія. По-видимому, шансы одинаковы: имъ тоже приходится пробиваться на свѣтъ полусловами, и нелѣпыя мнѣнія не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакой привилегіи передъ здоровыми мнѣніями; но разница начинается съ того, что въ этомъ способѣ выражаться для нелѣпыхъ мнѣній заключается сила и прелесть, а для здоровыхъ погибель и безцвѣтность.—Отчего?—Оттого, что на *тысячу* нелѣпостей самыхъ новыхъ и самыхъ оригинальныхъ можетъ приходиться, по самому строгому расчету, развѣ *одно* только здоровое мнѣніе, которое было бы въ то же время ново и оригинально; здоровыя понятія больше или меньше всегда предчувствуются обществомъ и даже существуютъ въ немъ, хотя бы въ видѣ зародышей, и потому встрѣчаются имъ какъ вещи довольно обыкновенныя; чтобы эти вещи сдѣлались любезными, или показались новыми и оригинальными, для этого они нуждаются въ полномъ и откровенномъ изложеніи и въ болѣе или менѣе талантливой аргументаціи; безъ этого они всегда будутъ походить на законную жену развратнаго мужа, который никогда не перестанетъ предпочитать ей любовницъ. Новыя благодѣтельныя открытія, въ какой бы то ни было области, чрезвычайно рѣдки, да мы не успѣли бы должнымъ образомъ ни однимъ изъ нихъ и воспользоваться, если бы они были слишкомъ часты; приходится прибавляться истинами и открытіями, извѣстными не со вчерашняго дня; между тѣмъ нелѣпыя выдумки, не имѣющія никакой системной связи ни съ чѣмъ изъ всего существующаго, имѣютъ способность плодиться какъ *тришины*, противъ которыхъ совѣтъ московскихъ врачей такъ недавно еще предупредилъ всѣхъ потребителей мяса. При такой легкой плодовитости, съ одной стороны, и при извѣстномъ равнодушіи людей ко всему,

что имъ кажется сколько-нибудь знакомымъ, съ другой, очарованіе новизны и оригинальности у насъ естественно должно оставаться на сторонѣ нецѣпостей, хотя бы въ цензурномъ отношеніи они не пользовались никакой особенной привилегіей. И однако эта естественность въ высшей степени правоестественна. Нецѣпныя мнѣнія пользуются, при теперешнемъ порядкѣ, монополіей привлекательности. Между тѣмъ и общественное благо и безотносительная справедливость требуютъ, чтобы шансы были уравновѣшены. Самое равновѣсіе можетъ быть достигнуто очень легко, и еще болѣе безопасно, чѣмъ сколько легко: оно будетъ установлено *во-первыхъ*: возможнымъ ослабленіемъ предварительной цензуры, такъ чтобы и здравыя мнѣнія, хотя бы они были и не послѣдняго чекана, получили возможность возвышаться до оригинальности и дѣлаться любезными и очаровательными, такъ какъ теперь эта завидная доля находится исключительно на сторонѣ нецѣпостей, и *во-вторыхъ*: введеніемъ, насколько возможно, ответственности по закону за нарушение законовъ о печати, разумѣется, — ответственности публичной, соединенной съ правомъ оправданія. Мы глубоко убѣждены, что среди полезныхъ и патріотическихъ дѣлъ, совершаемыхъ нашимъ правительствомъ, это дѣло будетъ однимъ изъ величайшихъ и не менѣе того патріотическимъ.

Но намъ остается указать еще одинъ подводный камень, который слѣдуетъ обойти нашему автору: это — примѣненіе централизаціи съ самоуправленіемъ. Для Милля, какъ для англичанина, разумѣется вовсе не существуетъ вопроса, что есть кругъ дѣлъ, и притомъ очень обширный, относительно которыхъ вліяніе центрального правительства должно имѣть предѣлы; ему, напротивъ, кажется, что даже и въ самой Англіи верховная государственная власть — и особенно законодательная часть ея — слишкомъ много озабочивается мѣстными дѣлами, но безъ вреда для дѣлъ высшаго, общенациональнаго интереса, да безъ особенной пользы и для самыхъ мѣстныхъ интересовъ, потому что, — выражается Милль, — верховная власть во всѣхъ подобныхъ случаяхъ издерживается на разсѣканіе маленькихъ узловъ, которые слѣдовало бы умѣть — развязывать. Съ другой стороны, Милль находитъ, что въ Англіи много дѣлъ совершенно нерационально находится въ завѣдываніи мѣстныхъ управленій. Поэтому, онъ старается указать принципы, по которымъ бы съ точностію опредѣлялись отношенія этой власти къ са-

моу управленію. Не считаемъ нужнымъ говорить, — потому что это разумѣется само собою, — что рѣшенію этого вопроса Милль предпосылаетъ проектъ организаціи мѣстныхъ управленій, изъ которыхъ и должно составиться идеальное самоуправленіе: это маленькіе механизмы, во всемъ похожіе на главный, центральный механизмъ общенациональной власти, это тѣ же парламенты, и та же своего рода исполнительная власть, и съ тѣми же взаимными отношеніями другъ къ другу. — Въ чемъ должны состоять отправленія этихъ маленькихъ, мѣстныхъ управительствъ? должны-ли они пользоваться полною и совершенною властію въ своей сферѣ, или центральное правительство должно удерживать за собою право вмѣшательства, и если должно, то насколько? Рѣшить эти два вопроса и значить отыскать принципы и определять границы для правительственного вмѣшательства въ дѣла мѣстнаго интереса.

Есть родъ дѣлъ, которыхъ чисто-мѣстный интересъ очевиденъ для самаго перваго взгляда: таковы, напримеръ, мошениче, оскверненіе, очищеніе улицъ и, въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, осужденіе демаговъ. Всѣ эти заботы касаются только жителей города и должны волюнѣ принадлежать мѣстнымъ управленіямъ. Но у насъ въ Англии, — говоритъ Милль, — находится въ завѣдываніи мѣстныхъ начальствъ и мѣстныхъ (*), чиновниковъ тюрьмы, мѣстная полиція и отправленіе мѣстнаго правосудія. Веденіе этого рода дѣлъ имѣетъ уже очевидную важность для цѣлой націи. Если известный городъ вследствие дурнаго полицейскаго надзора, сдѣлается гнѣздомъ воровъ и разбойничью или кляпою деморализаціи, то нельзя, конечно, сказать, чтобы для всей остальной страны это была вещь безразличная. Это же самое слѣдуетъ сказать и въ томъ случаѣ, если бы мѣстныя трибуналы захотѣли оставлять преступниковъ, попадающихъ въ нихъ тюрьмы, безнаказанными, или удвоять слѣдующее имъ наказаніе. Да и есть ли одного достаточнаго основанія къ тому, чтобы полиція, тюрьмы и правосудіе въ разныхъ частяхъ государства отличались разными характеристиками: это даже чрезвычайно опасно, потому что недостатокъ мѣстнаго просвѣщенія и мѣстныхъ способностей, необходимыхъ для дѣлъ такой великой важности, можетъ служить источникомъ

(*) Мѣстныя — значить сродѣлаемыхъ не отъ правительства, точно также и оплачиваемыхъ не отъ казны.

такихъ большихъ упущеній и ошибокъ, которыя способны внушить недоверіе къ общему управленію страны. Безопасность лицъ и ихъ имуществовъ, а также правосудіе равное для всѣхъ, — это главнѣйшія нужды общества и первѣйшія цѣли правительства. Если эти вещи возложить на чью-нибудь постороннюю отвѣтственность, а не на самую возвышенную во всемъ государствѣ, тогда кромѣ войны и трактатовъ не остается ничего, что дѣлало бы необходимымъ общее правительство: тогда нѣтъ государства. Съ другой стороны, если отправленіе правосудія, съ полиціей и тюрьмами, нуждается въ регламентации, однообразной для всей страны, и если для этой регламентации нужны руки болѣе искусныя, чѣмъ какія можетъ представить данная мѣстность, то есть вещи, хотя тоже интересующія всю страну, которыя наилучшимъ образомъ могутъ быть сдѣланы людьми, принадлежащими мѣстности: таковы постановленія относительно общественнаго здоровья, попечительство о бѣдныхъ и проч. До какой же именно степени мѣстныя управленія могутъ обходиться безъ контроля или одобренія государства?

Вся сущность этого вопроса зависитъ отъ сравненія мѣстной и центральной власти — относительно ихъ способностей къ дѣлу и относительно гарантій, представляемыхъ какъ той, такъ и другой, противъ упущеній и злоупотребленій. Во-первыхъ, разсудительность и знаніе мѣстныхъ совѣтовъ и ихъ чиновниковъ, навѣрное, должны быть ниже разсудительности и знаній парламента и общенациональной исполнительной власти. Во-вторыхъ, общественное мнѣніе, которое сторожитъ надъ ихъ дѣйствіями и предъ которыми они отвѣтственны, тоже, конечно, будетъ несравненно ниже общенациональнаго мнѣнія, наблюдающаго за общимъ правительствомъ. Это послѣднее пользуется всѣмъ пособіемъ столичныхъ журналовъ, привлекающихъ къ себѣ лучшія способности въ странѣ; кромѣ того, оно научается примѣрами, наблюдаемыми во всей странѣ и даже въ иностранныхъ государствахъ. Но съ другой стороны, если мѣстная власть и мѣстная публика, относительно знанія началъ администраціи, ниже центральной власти и центральной публики, то они имѣютъ предъ послѣдними то преимущество, вполне уравнивающее все эти поводы къ предпочтенію, что они несравненно прямѣ заинтересованы результатами дѣла. Кромѣ того, какова бы ни была мѣстная публика, все-таки наблюдать за тѣмъ, что около нея дѣлается, вліять своимъ мнѣніемъ на тѣхъ, кто дѣлаетъ, а

также и обращать вниманіе правительства на ихъ поведеніе — можетъ только она одна. Наконецъ, центральное правительство находится въ всякой возможности имѣть совершенно полныя свѣдѣнія, и по качеству и по количеству, какъ о характерахъ лицъ такъ и о подробностяхъ дѣлъ, принадлежащихъ данной мѣстности; а незнаніе даже одной подробности въ дѣлѣ можетъ обратить въ нецѣльность все распоряженіе о немъ.

Отсюда не трудно вывести то заключеніе, что относительно пониманія принциповъ управленія, хотя бы даже чисто-мѣстнаго, все превосходство, и притомъ громадное превосходство, находится на сторонѣ общенациональной власти; что же касается до самаго выполненія дѣла, до проведенія принциповъ въ практику, преимущество должно всегда оказаться на сторонѣ мѣстной власти. Поэтому власть, наиболѣе разумѣющая въ дѣлѣ принциповъ, должна быть верховною властію для всего того, что есть принципъ; а власть, наиболѣе компетентная въ дѣлѣ подробностей, должна завѣдывать этими подробностями. Обязанность центральной власти—направлять, а мѣстной—исправлять, или отправлять. Сила можетъ и должна быть распредѣляема какъ угодно, сообразно надобностямъ, но знаніе, чтобы быть понятнымъ, должно быть централизовано. Нужно, чтобы гдѣ-нибудь было общее свѣтило, въ которомъ бы соединялись все его разрозненные лучи и въ которомъ бы ихъ несовершенный свѣтъ находилъ для себя восполненіе и очищеніе. Каждой отрасли мѣстной администраціи, нечуждой общегосударственнаго интереса, долженъ соответствовать центральный органъ, министръ, или болѣе зависимый чиновникъ, хотя бы онъ ничего другого не дѣлалъ, какъ только собиралъ свѣденія и распространялъ въ одной мѣстности ту опытность, которую онъ приобрѣлъ въ другой. Но у центральной власти есть еще заботы поважнѣе всего этого. Она должна находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мѣстностями, просвѣщаясь ихъ опытностью и просвѣщая ихъ своею собственной, охотно дѣлясь съ ними своими совѣтами, когда ихъ просятъ, и предлагая ихъ, когда это можетъ быть нужно, требуя повсюду совѣщаній и гласности обо всемъ происходящемъ, и водворяя повсюду строгую покорность общимъ законамъ, установленнымъ, говоря строго, конечно, для мѣстнаго самоуправленія. Едва ли кто можетъ возразить противъ пользы подобныхъ законовъ. Мѣстностямъ можно позволять — вести дурно собственныя свои дѣла, но нельзя

допустить, чтобы онъ портил чужія дѣла, или нарушал эти общіе принципы справедливости между человекомъ и человекомъ, строжайшая неприкосновенность которыхъ лежитъ на прямой отвѣтственности государства. Если большинство всѣхъ насъ старается притѣснить меньшинство, или одинъ классъ добивается угнетенія другого, государство должно вступить: не допустить же ихъ до рукоприкладнаго рѣшенія спора.

Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, — говоритъ Милль, — что каково бы ни было превосходство центральной власти въ званіи правительственныхъ принциповъ, но политическое и социальное воспитаніе гражданъ громче всѣхъ другихъ причинъ требуетъ, чтобы самодержавіе гражданъ оставалось неприкосновеннымъ, какова бы ни была степень ихъ просвѣщенія. На это можно бы отвѣчать, что мы должны имѣть въ виду не одно воспитаніе гражданъ, какъ ни велика важность этого предмета: правительство и администрація существуютъ не единственно для этой цѣли. Но люди, говорящіе такимъ образомъ, обличаютъ самихъ себя въ томъ, что они только самымъ слугливымъ образомъ понимаютъ значеніе *народныхъ* учреждений, какъ орудій политическаго воспитанія. Что можетъ быть жалче этого воспитанія, которое сводитъ невѣжество съ невѣжествомъ и которое оставляетъ ихъ, если они жаждутъ знанія, искать его ошупью, или и вовсе обходиться безъ него, если они не жаждутъ его? Важность состоитъ въ томъ, чтобы пробудить въ невѣжестѣ сознаніе своего положенія, чтобы вріучить умы, знающіе оную только рутину, дѣйствовать на основаніи принциповъ, сравнивать различныя способы дѣйствій и выбирать изъ нихъ наилучшій, по указанію собственнаго разсудка. Если мы хотимъ имѣть хорошую школу, мы не должны выгонять изъ нея учителя. Старая пословица: «каковъ учитель, таково и училище» одинаково справедлива въ отношеніи непрямаго воспитанія людей политическими дѣлами, какъ и въ отношеніи прямаго воспитанія юношества въ пансіонахъ и коллегіяхъ. Правительство, желающее дѣлать все, Ремюза очень остроумно сравнилъ съ школьнымъ учителемъ, который выучиваетъ уроки, вмѣсто своихъ учениковъ; онъ можетъ быть очень популярнымъ между своими учениками, но онъ научитъ ихъ, конечно, немногому. Съ другой стороны, правительство, не дѣлающее ничего такого, что можетъ быть сдѣлано другими, и никого ничему не обучающее, похоже на школу вовсе безъ школьнаго учителя, а съ

одними только *надзирателями*, которые сами никогда не получали ни малѣйшаго образованія».

Мы кончили. Обзоръ нашъ, кажется, вышелъ немного длинень. Но мы при этомъ имѣли въ виду тотъ кругъ читателей, которые никогда не будутъ имѣть никакой другой возможности познакомиться съ прекрасною и просвѣщающею книгою Милля. Мы слышали, впрочемъ, что она готовится къ издацію въ русскомъ переводѣ. Въ такомъ случаѣ мы желаемъ, чтобы этотъ переводъ былъ возможно-полный; всего лучше, конечно, чтобъ онъ былъ совершенно полный. Мысль Милля ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться опасною: будучи глубоко прогрессивною мыслию, она, по этому самому, мысль глубоко консервативная; а между тѣмъ искаженіе этой мысли или не полная передача ея могутъ представить ее совершенно въ другомъ свѣтѣ, могутъ заставить думать о ней, будто она похожа на все то, что получаетъ свою предельность отъ выраженія полусловами и намеками.

З—ъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

■

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

(Продолженіе.)

Врюссель, воспитаніе дѣвицъ въ монастыряхъ. — Спа, молодая Франція. — Нѣмецкій патріотизмъ. — Наугеймъ. — Рулетка. — Переписка г-жи Сталь, ея отношенія къ Шиллеру, Гёте и Вонопарту.

Поздно вечеромъ оставила я Парижъ и всю ночь, уставши отъ сборовъ и хлопотъ, продремала. Когда по-утру я выглянула изъ окна, поѣздъ пріѣхалъ уже въ какой-то городъ Бельгіи и путешественники должны были перемѣнять вагоны. Тотчасъ испытала я на себѣ, что оставила прекрасную Францію (*la belle France*) и столицу образованнаго міра. Манеры окружающихъ были иныя. Кто пройдетъ и только задѣнетъ платье ваше, — извинится вѣжливо. Вы лѣзете въ высокіе вагоны, что, по милости недавно изобрѣтенныхъ кринолинъ, несовсѣмъ удобно и легко, изъ вагона вамъ протягиваютъ ужь руки и привѣтливые голоса говорятъ: «позвольте, мы поможемъ вамъ!» у васъ отбираютъ мѣшокъ, пледъ и очищаютъ вамъ мѣсто. Словомъ, изъ этихъ пустыхъ мелочей вы видите, что вы въ обществѣ воспитанныхъ людей, а не посреди стада животныхъ. Кто что не говори, но недавно народившееся во Франціи племя, величающее себя демократіей, совершенно не похоже на демократію 30 годовъ, образованную и вѣжливую, когорую мы видѣли прежде; настоящее поколѣніе отли-

чается особенною грубостію, и Евгений Пеллестанъ правъ, называя его *демократіей переднихъ*. Дѣйствительно, большинство парижанъ грубо, какъ лакей важнаго барина, вышедшій на улицу, и также униженно покорно, низкопоклонно и постигло тайну прислуживанья, какъ эготъ лакей, когда онъ находится въ присутствіи барина. Баринъ у всякаго свой. У кого буржуа, у кого антрепренеръ, у кого банкиръ, у кого чиновникъ выше его стоящій, словомъ, баринъ тотъ, отъ котораго можно получить или деньги, или орденъ, или мѣсто. Правда, что, по общему отзыву, большіе центры создаютъ равнодушную ко всѣмъ и ко всему толпу. Никому нѣтъ ни до кого дѣла. Умирайте, живя въ одномъ этажѣ и на той же площадкѣ лѣстницы, сосѣдъ, не позаботится объ васъ, да и не знаетъ васъ. Многіе приходятъ въ восторгъ отъ такого рода жизни—но не мы. Мы не видимъ ничего заманчиваго, ничего привлекательнаго, ничего нравственнаго въ такомъ накопленіи народонаселенія, при которомъ люди становятся стадомъ, или лучше, псарней, въ которой собаки, тѣсно набитыя, дерутся за кусокъ пищи, которую бросаетъ имъ шебрежная рука барина и его лакеевъ. Если большіе центры назначены для того, чтобы высасывать сокъ изъ всей страны, привлекать къ себѣ все ея богатство, размножать съ одной стороны пролетаріатъ, а съ другой Сардапаловъ, и укоренять въ тѣхъ и другихъ ярое чувство эгоизма и стяжанія, то да погибнуть и уничтожатся же большіе центры, рассадники разврата, себялюбія, всяческихъ пороковъ и свойствъ, изсушающихъ и извращающихъ сердце человѣческое. Разумѣется, идеаль такого большаго центра—городъ Парижъ!...

Пріѣхавъ въ Брюссель, я искала случая видѣть монастырь, въ которомъ монахини занимаются воспитаніемъ дѣвицъ. Мы сказали, что ничего легче быть не можетъ, и обязательно повели меня въ одинъ изъ отдаленныхъ фобуровъ Брюсселя, называемый Иксель. Тамъ вошли мы въ небольшую, почти пустынную улицу и постучались у запертыхъ, большихъ и крѣпкихъ дверей. «Что это такое? Простой домъ? спросила я, совершенно сбитаая съ толку.» Да, конечно; это монастырь-то и есть!» Подъ вліяніемъ моихъ русскихъ понятій, я представляла себѣ монастырь за широкими стѣнами, въ глубинѣ двора, съ рѣшетками, и никакъ не ожидала, что здѣшніе монастыри простые дома. Монахиня тотчасъ отворила намъ дверь; мой спутникъ былъ человѣкъ, хорошо зна-

комый монахинянтъ , ибо дочь его приходила брать уроки въ этотъ монастырь. Монахиня осмотрѣла меня съ головы до ногъ, и когда мой спутникъ сказалъ ей, что мать-настоятельница предъубѣдомлена о моемъ посѣщеніи, пошла на верхъ по чисто выложенной, какъ стекло свѣтящейся дубовой лѣстницѣ. Мы остались въ круглыхъ сѣняхъ , съ запертою на улицу дверью. Меня поразила необычайная чистота сѣней. Ни единой пылинки; полъ вымощенъ плитами, и широкое окно, съ чисто протертыми стеклами свѣтилось какъ зеркало. Черезъ нѣсколько минутъ привратница-монахиня возвратилась и просила насъ идти за нею. Мы вошли по лѣстницѣ въ первый этажъ, въ чистый, выложенный какъ лѣстница, корридоръ, который съ обѣихъ сторонъ былъ прорѣзанъ множествомъ стеклянныхъ дверей. Монахиня отворила одну изъ дверей и, попросивъ войти, оставила насъ однихъ. Это была пріемная. Круглый по срединѣ столъ, вокругъ стѣвъ плетеные стулья , и въ глубинѣ залы тумба , на которой стояла небольшая, плохо сдѣланная , изъ простаго гипса статуя Богоматери. Четыре окна выходили на небольшой внутренній дворикъ, гдѣ толпились бѣдно одѣтыя дѣвочки. Это были дѣти бѣдныхъ родителей , которые приходятъ въ монастырь учиться читать, писать, закону Божьему и у которыхъ свои классы, свой дворикъ для рекреаціи. Онѣ никогда не только не встрѣчаются, но не видятъ издали *пансіонерокъ* . У нихъ даже свой особенный входъ и выходъ. Монахини учатъ ихъ безъ вознагражденія. Число ихъ очень велико до 500 и больше. Пока мой спутникъ объяснялъ мнѣ это, явилась настоятельница. Меня представляла ей. Ей было лѣтъ 50; ея умное, проникательное лицо поразило меня. Въ ней не было и тѣни той задумчивости или страдальческой экзальтаціи, или болѣзненной чувствительности, или, наконецъ, строгости выраженія, которая часто можно видѣть въ лицахъ монахинь , на которыхъ созерцательная , затворническая жизнь налагаетъ неизгладимую печать. Настоятельница была краснощекая , живая женщина , съ выраженіемъ лица *практическаго* . Можно было поклясться , что она отлично считаетъ, ведетъ дѣла, и настерница управлять, судить и рядить. Голосъ ея былъ рѣзкій , рѣчь твердая и быстрая , взглядъ умный и проникательный. Она поговорила со мною, объяснила мнѣ , что я не могу войти въ самый монастырь, отдѣленный отъ пансіона внутренней дверью, которую она показала мнѣ, иди со мной по корридору и ключъ отъ которой былъ у нея въ карманѣ. Мона-

дѣла по очереди являются давать уроки, по очереди дежурятъ въ классахъ, во время рекреации, и надзираютъ за ученицами. Бѣдныя дѣвочки, какъ я уже сказала, не встрѣчаются съ пансіонерками, приходящими, но платяція дѣвочки, дочери достаточныхъ родителей, встрѣчаются съ пансіонерками въ саду, но не имѣютъ ни позволенія, ни возможности перемолвить хотя одно слово съ ними. Монахини считаютъ вреднымъ для своихъ воспитанницъ имѣть какія бы то ни было сношенія съ дѣвочками, живущими иною жизнью, и которыя могли бы занести понятія, воззрѣнія и рассказы о томъ, что происходитъ внѣ монастыря. Пансіонерки вступаютъ въ монастырь 9 и 10 лѣтъ, даже 12, и оставляютъ его въ 16 и 17 лѣтъ. Онѣ никогда не выѣзжаютъ изъ монастыря, развѣ въ случаѣ настоятельной просьбы со стороны родителей, и то на одинъ день и въ случаѣ опасной болѣзни отца или матери. Только самыя близкія родственницы, мать, сестры, бабки допускаются въ монастырь для свиданія съ воспитанницами въ назначенные для этого дни. Настоятельница показала мнѣ залы-классы, залы-дортуары. Все было чисто, прибрано, въ порядкѣ. Дортуаръ былъ устроенъ съ особенною заботливостію. Въ четыре ряда стояли въ залѣ постели дѣвусекъ, оставляя длинный ходъ между постелями вдоль залы; каждая постель была подъ бѣлымъ занавѣсомъ, какъ снѣгъ бѣлымъ, съ бѣлымъ тоже бѣлымъ какъ снѣгъ; каждая постель отгорожена была отъ другой далеко, такъ что постели были похожи на койки въ кораблѣ. На концѣ всякаго ряда постелей спала монахиня, и могла обходить ночью ряды постель и видѣть всѣ ихъ разомъ. Въ глубинѣ постелей я замѣтила образа и портреты «Это портреты родителей—мы дозволяемъ дѣтямъ имѣть ихъ», сказала настоятельница. За дортуаромъ слѣдовала уборная. У каждой пансіонерки свой шкафъ, и въ особенной комнатѣ, увѣщенной длинными зелеными каленкоровыми мѣшками, складъ чернаго бѣлья. У каждой дѣвочки свой мѣшокъ, обозначенный номеромъ. Воздухъ во всѣхъ залахъ, дортуарахъ, даже въ той комнатѣ, гдѣ складъ чернаго бѣлья, чрезвычайно чистъ и здоровъ. Словомъ, внѣшнее устройство, матеріальное, чрезвычайно тщательно. Никакой роскоши; простыя крашенныя лавки, простые столы, простые попирты, но все необычайно чисто, вытерто, вышито. Прибираютъ комнаты монахини; онѣ же моютъ полы, онѣ же готовятъ кушанье. Тѣ, которыя образованы, даютъ уроки. Церковь—не большая, но красивая зала, съ статуей

Богородицы. Настоятельница, войдя въ нее, прочла молитву, перебирая руками четки. Я перекрестилась, войдя въ церковь. Она взглянула на меня и спросила; «Вы греческой вѣры?» — Да! — «Вы поклоняетесь Богоматери?» — Да, конечно. — «А! сказала она, изъявляя свое удовольствіе. И почитаете святыхъ?» — Да. — «Стало быть, вы не какъ протестанты?» — О нѣтъ. — «Но не признаете св. отца?» — Нѣтъ; у насъ митрополиты. «А!...» Вышедши изъ церкви, она повела меня въ небольшой садъ. Тамъ было множество дѣвушекъ. Онѣ ходили по всему саду и громко разговаривали. Увидѣвъ насъ, тотчасъ стихли. Въ одномъ углу сада, подъ предводительствомъ двухъ монахинь, ходило около 20 дѣвочекъ всѣхъ возрастовъ. Я замѣтила, что онѣ кружились въ одномъ углу и не смѣшивались съ толпами дѣвушекъ, гулявшими по всему саду. Я спросила объ этомъ. Настоятельница отвѣчала мнѣ, что въ углу сада кружатся входящія учиться дѣвушки, которыя не имѣютъ позволенія говорить и встрѣчаться съ пансіонерками, для чего во главѣ и въ концѣ ихъ ходятъ за нами двѣ монахини. «Къ сожалѣнію, прибавила настоятельница, мы не имѣемъ двухъ садовъ, и этотъ слишкомъ малъ, чтобы разгородить его. Мы принуждены надзирать, чтобы дѣвушки не сходились. Когда однѣ идутъ по одной дорожкѣ, другія уходятъ въ другую сторону.» Дѣйствительно, эти эволюціи продолжались точно такъ, какъ она сказала, такъ что дѣвицы не имѣли ни малѣйшей свободы. «Что онѣ читаютъ?» спросила я. — Чтеніе допускается только въ воскресенье, въ видѣ награды. Мы даемъ имъ книги духовнаго содержанія. Выборныя мѣста изъ Евангелія *съ толкованіемъ*, и разныя душеспасительныя книги. Мы выбираемъ ихъ сами. — «А что онѣ читаютъ изъ свѣтскаго чтенія?» спросила я. — Почти ничего, немного поэзіи, но духовной. — «Но какъ же онѣ учатся литературѣ?» — Учительница выбираетъ имъ нѣкоторые отрывки изъ нѣкоторыхъ писателей; мы считаемъ эту отрасль знаній не совсемъ удобною и полезною.» Настоятельница прервала разговоръ и повела меня назадъ въ пріемную. — «Въ Брюсселѣ есть монастыри строгаго заключенія?» спросила я. — Да есть, но еще больше въ Люттихѣ и другихъ городахъ Бельгіи. — «Можно ихъ видѣть?» — О нѣтъ, невозможно. — «Никому?» — Никому. — «Ни даже при протекціи?» — Ни даже при протекціи. Чтобы дать вамъ понять, что это совершенно невозможно, я скажу вамъ, что я сама, монахиня, затворница, никогда не выходящая

изъ этихъ стѣнъ, наконецъ настоятельница, не могла получить позволенія взглянуть на монастырь кармелитокъ и побывать въ немъ. Эти монахини отрѣзаны отъ міра. Стѣны, заключающія ихъ, недоступны; только епископъ посѣщаетъ разъ въ годъ монастыри эти. Его высокій санъ позволяетъ ему входить въ первую для всѣхъ другихъ внутренность монастыря.—

Мнѣ было до крайности досадно. Что же я видѣла? — Ровно ничего. Настоятельница была предупреждена о моемъ посѣщеніи, назначила мнѣ сама часъ, въ который я должна была прійти; я выбрала часъ рекреациі!... Я видѣла пустыя стѣны и около 200 богатыхъ дѣвицъ-пансіонерокъ, около 300 бѣдныхъ изъ окна, и 20 приходящихъ, *отверженныхъ*, въ углу сада, подъ карауломъ, кружащихся по одной дорожкѣ, вереницей, какъ гуси или журавли. Я вышла изъ монастыря, какъ вошла въ него, не имѣя понятія о преподаваніи, о дисциплинѣ, о правилахъ и даже о книгахъ, по которымъ учатъ. Спутникъ мой, оставившій меня одну съ настоятельницей, возвратился за мною; я распростилась, поблагодарила (было за что, признаюсь!) и вышла. Мнѣ совѣстно было сказать моему спутнику, что я именно не видала и не слыхала того, для чего посѣтила монастырь. Онъ сказалъ мнѣ, что первоначальныя свѣдѣнія, то есть, грамматику, географію, ариметику преподають очень порядочно, но что о развитіи ума и мысли, не можетъ быть и рѣчи. Преподаваніе исторіи, физики, натуральной исторіи ниже всякой критики и можетъ считаться ничтожнымъ; что касается до литературы, то даже смѣшно бы говорить о ней. Дѣвица, выходящая 16 и 17 лѣтъ изъ этого учебнаго заведенія, ровно ничего не знаетъ, кромѣ орѳографіи, чиселъ, именъ, хронологіи. Онъ прибавилъ, что, отдавая дочь свою въ этотъ монастырь, намѣренъ ее оставить тамъ до 14 лѣтъ, а потомъ дома заняться самъ ея образованіемъ. Такъ какъ она приходящая, и не живетъ въ монастырѣ, то вечеромъ онъ самъ выбираетъ книги для ея чтенія, ибо въ монастырѣ, кромѣ духовныхъ книгъ, самаго драго католическаго направленія, никакихъ нѣтъ, и что дѣвушка останется совершенной невѣждой, если дома не позаботятся о ея развитіи сами родители. «Но для чего же вы отдали ее сюда?»—Но куда же, возразилъ онъ. Я не имѣю довольно денегъ, чтобы воспитывать ее дома, а здѣсь это лучшее женское воспитательное заведеніе. Другаго, лучшаго нѣтъ. По крайней мѣрѣ, она здѣсь хорошо выучится языкамъ—по-нѣмецки и по-ан-

гійски, выучится правильно писать и хорошо читать. Когда она подростет, я самъ займусь ею. — После этого разговора я поняла, почему въ Брюсселѣ уровень женскаго образованія стоитъ такъ низко, что иѣмка средняго сословія, учившаяся въ второстепенныхъ школахъ, знаетъ и понимаетъ больше, чѣмъ бельгійская дѣвушка, вышедшая изъ первыхъ воспитательныхъ заведеній. Вообще можно сказать утвердительно, что Франція и Бельгія очень отстали, какъ въ народномъ, такъ и въ женскомъ образованіи, благодаря несчастной страсти родителей отдавать дочерей въ монастыри. Понятно послѣ этого, почему высшее общество Брюсселя блистаетъ отсутствіемъ всякаго развитія, не имѣетъ интересовъ, мало принимаетъ участія въ дѣлахъ страны; почему женщины рядятся, танцуютъ, а мужчины стрѣляютъ дичь, дѣлаются лошадиными охотниками, сидятъ въ клубахъ и играютъ въ карты. Въ среднемъ классѣ женщины хорошія хозяйки, а мужчины, окончивъ курсы въ высшихъ заведеніяхъ, занимаются индустріей, хозяйствомъ и дѣлами своей страны. Средній классъ образованнѣе высшаго.

Въ монастырѣ я видѣла опыты рисованія дѣвиць. Отвратительно намаранные пейзажи и цвѣты! Ни малѣйшаго вкуса, ни малѣйшаго признака понятія объ искусствѣ. Комната для музыки устроена очень замысловато. Каждое фортепиано стоитъ въ стеклянной клеткѣ, чт. бы звуки одного не мѣшались съ звуками другаго инструмента. Мнѣ кажется, что это очень хорошее изобрѣтеніе. Въ русскихъ пансіонахъ, когда нѣсколько дѣвиць разучиваютъ разныя пьесы въ одной залѣ, подымается такая какофонія, что понять невозможно, какъ могутъ воспитанницы играть пьесу и не сбиться съ такту.

Когда поѣздъ въѣзжаетъ въ изумрудную долину, со всѣхъ сторонъ стрегомую высокими, поросшими лѣсомъ и кустарниками, горами, вамъ дѣлается дышать легче, и какъ-то отраднo, благотворно и успокоительно дѣйствуетъ на человѣка видъ матери-природы, вѣчно спокойной, вѣчно блистающей неувыдаемою красотою. Контрастъ между природой, созданной рукою Божіею и тѣмъ, что создали люди, кишя, какъ въ муравейникѣ, въ своихъ городкахъ, за высочайшими стѣнами, съ грязными задними дворами (понимаю это въ простомъ и въ переносномъ смыслѣ), слишкомъ поразителенъ. Усталая душа отдыхаетъ. Вамъ не хочется ни комфорта отелей, ни позлащенныхъ залъ, ни душевныхъ театровъ, ни шумныхъ сточивъ, ни бѣгущей толпы. Хо-

чется домикъ въ саду, хочется солнца, воздуха, земли, уединенія, мирнаго труда и одинокой прогулки. Все это съ избыткомъ дастъ вамъ Спа.

Когда я прѣехала туда, такъ называемый сезонъ еще не начался; посѣтителей было еще немного. Обитый плющомъ домикъ посреди огорода (простаго огорода), почти избушка, приютилъ меня; я наняла на мѣсяць двѣ комнаты въ rez de chaussé — и ошиблась. Внутренняя страсть къ чему-то нохожему на деревню, заставляла меня обмануться. Комнаты оказались сырими, а взыгивавшаяся погода, и лившіе всякій день, какъ изъ ведра, проливные дожди, сбѣлали тропинку, ведущую къ моей квартирѣ, непроходимую. Часто, въ продолженіе этого мѣсяца, упрекала я сама себя за внезапное желаніе уединенія, деревни и удовлетворенія сельскихъ вкусовъ, которые лишили меня всякаго комфорта. За то и жила у такихъ милыхъ хозяевъ, которыхъ рѣдко можно найти на водахъ гдѣ собираются со всѣхъ концовъ Европы богатые, праздные, ищущіе развлеченія люди. Мои хозяева молодые люди, мужъ и жена, и двое дѣтей, жила надо мною; ихъ жизнь была похожа на идиллію. Жена съ утра до вечера работала у окна и влѣпчалась съ дѣтьми, мужъ исправлялъ какую-то должность на желѣзной дорогѣ и возвращался домой обѣдать. Жена выходила къ нему на встрѣчу, и всякій день я видѣла, какъ вечеромъ, приодывшись, она ходила гулять съ нимъ, рука объ руку. Не-видимому, они любили другъ друга. Въ свободныя минуты мужъ напался въ огородъ и неутомимо поливалъ, садилъ, выкапывалъ свой небольшой клочокъ земли. Только дѣти надобдавали мнѣ. Они могли быть очень любезны для родителей и потону именно были крайне неприятны для постороннихъ. Отецъ и мать жестоко избаловали ихъ, и дѣти эти плакали съ утра до вечера. Живѣйшая радость охватила меня, когда, однажды, потерпѣвшій терпѣніе огонь показалъ своей дражайшей дочери розгу — но увы! радость моя была кратковременна! молодая мать обидела во лѣстницѣ, съ укоромъ выхватила ребенка у мужа и побѣжала вѣстовать, молвить и укрощать его поцѣлуями и мѣткими словами; къ несчастію, въ моихъ комнатахъ были слышны и увѣщанія матери, и вой, и неистовые крики избалованнѣйшихъ дѣтей.

Въ Спа есть аллея, простая аллея изъ какихъ-то развѣсистыхъ деревьевъ, похожихъ на вишны. Нельзя себѣ представитъ

ничего пріятнѣе этой аллеи, ничего привлекательнѣе, роскошнѣе и заманчивѣе ея. Такъ и хочется сѣсть тамъ, взять книгу и читать досыта, читать до усталости. Красота этихъ деревьевъ поразительна. Стволы ихъ покрыты какимъ-то мохомъ, который свидѣтельствуетъ о ихъ почтенныхъ лѣтахъ; вѣтви, разросшіяся въ разныя стороны, такъ густы и длинны, что, не смотря на ширину аллеи, переплелись надъ нею и составляютъ густой, зеленый сводъ, подъ прохладой и вѣчной тѣнью котораго можно бы было прогуливаться въ самый знойный день, не боясь лучей яркаго солнца.—Но мнѣ не суждено было испытать этого удовольствія. Дожди, я ужь сказала это, лили какъ изъ ведра, и одна корысть, которой я пользовалась отъ аллеи, была та, что она могла предохранить меня отъ дождя въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Когда начиналъ накрапывать дождь, я сѣла въ аллею и могла еще гулять по ней лишнюю четверть часа, а потомъ... потомъ надо было, распустивъ вѣчный спутникъ, огромный зонтъ, по грязи и лужамъ бѣжать домой неоглядкой. Музыка, съ похвальной настойчивостію, всякій день, играла около этой аллеи и почти всякій день должна была прекращаться преждевременно, а всѣ гуляющіе и слушающіе разбѣгались въ разныя стороны, гонимые дождемъ и вѣтромъ. Живши въ Спа, я поняла нѣмецкую прокламацію, когда-то, рассказывали мнѣ, прибитую на дрезденскихъ стѣнахъ: «завтра будетъ революція, если дождя не будетъ!» Дѣйствительно, можно отказаться отъ всего на свѣтѣ, по милости вѣчнольющаго, безконечнаго дождя, и нѣмецкая прокламація, надъ которой мы такъ смѣивались, становилась мнѣ понятною.

Я обѣдала всегда въ одной небольшошй гостинницѣ, которая представляла мнѣ то удобство при этой постоянно дурной погодѣ, что была противъ моей квартиры. Притомъ табльдотъ (общій столъ) былъ не многочисленъ, что также очень удобно, ибо онъ не дѣлится тогда слишкомъ долго. Этотъ общій столъ представлялъ весьма любопытное зрѣлище. Онъ былъ чрезвычайно приличенъ и соединялъ людей почти, изъ всѣхъ странъ свѣта, не смотря на то, что ихъ было немного. За исключеніемъ одного господина, всѣ они были люди хорошо воспитанные и образованные. Прежде всѣхъ бросился въ глаза французъ съ женою, при входѣ котораго въ комнату надо было сказать тогдашъ, что это легитимистъ и притомъ человекъ старой Франціи, я хочу сказать 25-хъ—30-хъ годовъ, ему было около 50 лѣтъ.

Высокій статный, здоровый, поразительно похожій на Генрика IV, какъ его рисуютъ на портретахъ, съ пріемами джентельмена, вѣжливый, достойный, онъ представлялъ выгодно свою партію и свою націю. Жена его была добрая, но больная женщина, съ необычайною простотою пріемовъ и большою склонностію къ росказнямъ о сосѣдахъ, жившихъ рядомъ съ нею. Рядомъ съ этою четою сидѣли двѣ женщины, мать и дочь—перувианки. Мать толстая, кроткая, молчаливая, любовно посмотряющая на дочь, дала бы сюжетъ Гранвилю, такъ замысловато сближающаго человѣческія фізіономіи съ звѣринными, для начертанія насѣдки въ образѣ женщины. Она хохлилась какъ насѣдка, распускала мантилью, какъ насѣдка распускаетъ крылья и какъ бы приглашала худенькую, хорошенькую дочку пріютиться подъ эти крылья. Дочери было лѣтъ 16; это былъ типъ испанки. Объ ней можно было сказать: *jaune comme une orange* (желтая какъ апельсинъ), какъ сказалъ гдѣ-то Альфредъ де Мюссе; черноглазая, черноволосая, съ матовымъ цвѣтомъ кожи и голубоватыми бѣлками глазъ, въ которыхъ плавали два зрачка—угля по блеску и цвѣту, она была очень не дурна собою и оригинальной красоты; ея милое лицо, прелестная, добрая улыбка располагали въ ея пользу. Когда она говорила, она безпрестанно краснѣла и прозрачный, нѣжный румянецъ вспыхивалъ какъ зарево на смуглыхъ щекахъ ея и медленно сбѣгалъ съ нихъ, чтобы черезъ минуту опять оживить ея фізіономію. Дѣвочка эта была очень мила—я всегда заглядывалась на нее, что привлекло мнѣ благосклонность ея маменьки. Подлѣ меня сидѣлъ бельгійскій генералъ съ двумя дочерьми, племянникомъ и женою. Почтенный старикъ не обладалъ ничѣмъ такимъ, что у насъ зовутъ *генеральскими привычками*. Онъ былъ вѣжливъ, предупредителенъ, благодушенъ и постоянно объявлялъ намъ, что прочелъ утромъ въ газетахъ. Газеты были для него насуннымъ хлѣбомъ. Изъ двухъ дочерей его, меньшая была лучше—хорошенькая блондинка съ умными глазами и тонкимъ выраженіемъ въ тонкихъ чертахъ лица. Обѣ дочери были смѣле, самостоятельнѣе и проще, чѣмъ обыкновенно бываютъ француженки; я замѣтила, что онѣ были свободнѣе, ибо имъ случалось отъезжаться съ кузеномъ, обѣдавшимъ рядомъ съ ними, въ *салонъ*, (такъ называются въ Спа великолѣпныя залы, гдѣ играютъ съ рудетку, въ *rouge et noir*, читаютъ газеты, даютъ концерты и балы). Обѣ сестры были чрезвычайно ярличны и милы. За

ними ухаживалъ кузень, котораго я заподозрѣла въ особенномъ пристрастіи къ меньшей дочери генерала, такъ же какъ молодаго перувіанца къ хорошенькой перувіанкѣ. Былъ еще одинъ бельгіецъ, похожій на американца, одинъ полякъ, одинъ итальянецъ и французъ. Этого я оставила съ умысломъ на закуску моего описанія. Боже Господи, что это былъ за французъ, представитель настоящей Франціи, судя по его привычкамъ, манерамъ, мнѣніямъ, разговору и пріемамъ. Ему было лѣтъ 30 или 35. Волосы его были тщательно приглажены съ проборомъ сзади; видъ его затылка возбуждалъ неодолимое огвращеніе. Затылокъ животнаго. Есть-ли затылокъ у животнаго, я хорошенько не знаю, и, однако, не умѣю выразить иначе характеръ этой части господина француза. Ограниченность, чувственность, пошлость и особенная бездарность изображались очень явственно въ этомъ затылкѣ. Лицо было красиво, если можно приложить такое слово къ лицу, выражающему ту же пошлость, чувственность и тупость, съ придачею нахальства, самонадѣянности и глупаго чванства. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые все знаютъ, обо всемъ судятъ и рѣдятъ, ни въ чемъ не сомнѣваются а все рѣшили давно, — и рѣшили непогрѣшительно. Бѣлые, какъ слоцовая кость, зубы его напоминали плотоядныхъ животныхъ и блестяи неприятно, когда онъ смѣялся, да и вся его фигура, лицо, голова, выраженія напоминали животное, какое—я сказать не знаю, но животное. Онъ часто смѣялся и въ особенности собственнымъ шуткамъ. Всѣ онъ, по большей части, были направлены на лэди Макъ Д..., жившую на верху и всякій день выѣзжавшую во время самаго обѣда гулять съ маленькимъ сыномъ, прелестнымъ мальчикою, и своею дамою-компаньонкою. Эта лэди была, очевидно, изъ высшаго круга и богатая. Ея наемный экипажъ былъ чрезвычайно щеголеватъ. Она правила сама очень красивою лошадью, и всякій день, въ извѣстную часть, уѣзжала въ окрестности Спа, въ горы. Французъ увѣрялъ всѣхъ, что она влюблена въ него, дѣлаетъ ему глазки и для него играетъ всякій вечеръ на фортепіано. Надо замѣтить, что лэди Макъ Д... была въ глубокомъ траурѣ и казалась очень печальною. Французъ ненавидѣлъ англичанъ. Онъ осмалъ ихъ своими сарказмами, жаждалъ высадки французскихъ зуавовъ и тюркосоовъ на англійскіе берега и не допускалъ возможности, чтобы что-нибудь усумнилось въ томъ, что великой націи стоитъ только захотѣть и Англія будетъ покорона, Лондонъ завосванъ и ост-

ровитяле, коварный Альбионъ унижимъ, какъ тому давно быть слѣдуетъ. Бельгіецъ слушалъ долго такіа рѣчи, и, наконецъ, не выдержалъ и однажды сталъ возражать. Какимъ Юпитеромъ озирался на него французъ. Глаза его метали молніи. «Гдѣ французское знамя, воскликнулъ онъ, тамъ побѣда, сударь мой! Не забывайте этого! Наши арміи непобѣдимы и орлы наши летаютъ во всѣхъ концахъ міра.»

— Да, сказалъ скорѣе молодой перувіанецъ, вотъ еще вчера получено извѣстіе, что ваша армія окружена со всѣхъ сторонъ въ Мексикѣ и, кажется, скоро... — Да, прервалъ французъ, очень дерзко, кажется скоро она будетъ въ столицѣ и одинъ изъ нашихъ принцевъ сдѣлается мексиканскимъ королемъ. Впрочемъ, кто виноватъ въ нашей кратковременной неудачѣ, если можно назвать это неудачей? Испанцы, государь мой, одни испанцы! Они оставили насъ въ критическую минуту, они отказались идти съ нами. Исторія не забудетъ этого и заклеитъ ихъ позоромъ.

Напрасно возражали воинственному французу, обоготовившему армію, и перувіанецъ и бельгіецъ; разговоръ скоро принялъ такое направленіе, что продолжаться не могъ. Французъ говорилъ дерзости, французскій легитимистъ вступился и воспользовался своимъ вліяніемъ надъ соотечественникомъ. Онъ произнесъ тихо, но выразительно: вы горючо, господа, спорите, *тумъ дамы!* Томъ легитимиста образумилъ француза; онъ спустилъ діаволовъ свой, а бельгіецъ сказалъ мнѣ: «какой неучъ! Если бы вы знали, какъ англичане презираютъ этихъ выскочекъ, самохваловъ французовъ! И чѣмъ они чванятся? Тѣмъ, что всѣ они стали или лакеями или солдатами. Я человекъ свободной націи и провожу полъ жизни въ Англіи—вотъ страна, съ которой надо брать примѣръ. Самая могущественная и великая страна—но арміи нѣтъ и арміями никто не думаетъ гордиться. Гордятся свободою, учрежденіями—а не тѣмъ, что солдатъ, да лакеевъ много!» Долго говорилъ бельгіецъ, все въ томъ же родѣ, и уже больше ни разу не возражалъ, даже не смотрѣлъ на француза. Но французъ не унылъ—онъ, кажется, взялъ себѣ задачею показать себя со всѣхъ сторонъ. Любезничая съ молоденькой дѣвочкой перувіанкой, которая никакъ не могла оцѣнить по достоинству его любезностей, благодаря своему простодушію, онъ придирался къ малѣйшей вещи, чтобы сказать ей двусмысленность. Добрѣйшая насѣдка мать ничего сообразить не могла, но легитимистъ и тутъ сказался. Онъ такъ пристально досматривалъ ..

француза, однажды даже такъ уперся на него взоромъ, что французъ укротилъ потокъ своихъ трактирныхъ любезностей. Въ другой разъ, говоря съ легитимистомъ, онъ сказалъ что то, чего я не слыхала, но слышала, что въ отвѣтъ легитимистъ протянулъ: что-о-о? И обожатель армій не осмѣлился повторить шутки, оскорбившей, безъ всякаго сомнѣнiя, стараго дворянина. Говоря съ нимъ, онъ всегда называлъ его *господинъ графъ* и пигалъ къ нему особенное, лакейское почтенiе. Я никогда, одна изъ цѣлаго общества, не только не говорила съ французомъ, но ни однажды не попросила у него передать блюда или графина съ водою. Я говорила со многими, но съ нимъ никогда, хотя мы сидѣли близко одинъ отъ другаго. Это замѣтила жена легитимиста и однажды спросила у меня: отчего я избѣгаю такъ явно перекинуться словомъ съ французомъ. Она была любопытна и страсть ея состояла въ томъ, чтобы все знать и обо всемъ понавѣдаться. Она знала, сколько сундуковъ у ея сосѣдокъ, кто онѣ, откуда и куда ѣдутъ. Она рассказывала намъ, сколько разъ въ день онѣ переодѣваются, что именно надѣваютъ, замѣчала съ прискорбiемъ, что не ладно живутъ съ матерью и выходятъ гулять одинъ и что это очень странно, потому что онѣ дѣвѣнцы. Это дѣйствительно были дѣвѣнцы, русскiя, но имъ уже было болѣе 24 или 25 лѣтъ. Вообще сосѣдки эти были предметомъ постоянныхъ заботъ, пересудовъ, разговоровъ и замѣчанiй жены легитимиста. Не смотря на эти недостатки французенки, общiе всѣмъ французенкамъ, которыя ничего не читаютъ и не имѣютъ серьезныхъ интересовъ, отъ чего вдаются въ сплетни, жена легитимиста была очень добра. Видно было, что она хорошо воспитана, во французскомъ, конечно, смыслѣ слова, то есть, держала себя очень прилично и была знатокъ въ женскихъ тряпкахъ и могла получить дипломъ во всемъ, что касалось до соблюденiя и знанiя обычаевъ своей страны. Я отвѣчала французенкѣ, что никогда не говорю съ людьми дурно воспитанными и дерзкими, ибо не хочу подвергать себя грубому отвѣту. «Но мой мужъ здѣсь, отвѣтила она, онъ никогда не позволитъ, чтобы въ его присутствiи оскорбили женщину.»—Тѣмъ болѣе должна я избѣгать возможности ссоры изъ-за меня, сказала я. «О, нѣтъ, ссоры не будетъ—этотъ господинъ (она назвала француза) никогда не посмѣетъ снздать что-нибудь при моемъ мужѣ. Онъ знаетъ, что мужъ мой дворянинъ (*un gentilhomme*). Развѣ вы не замѣтили, что мой

нужь постоянно его останавливаетъ!» — Конечно, замѣтила, — отвѣчала я и перемѣнила разговоръ.

Однажды, когда говорили о *misérables* Виктора Гюго, я высказала о сценѣ епископа съ членомъ конвента свое мнѣніе, которое понравилось легитимисту; въ эту минуту, съ конца стола, я услышала фразу, и не разобрала ее. Знакомые звуки — во какіе я не знала! Молодой бельгіецъ, кузенъ дочерей генерала, повторилъ ее опять и я не вдругъ повѣрила своему слуху. Онъ говорилъ по-русски, довольно правильно, совершенно свободно, но не очень чисто, какъ иностранецъ. «Вы говорите по русски, сказала я, но вотъ уже мѣсяць, что мы обѣдасишь и вы никогда не говорили со мною, почему вы знаете, что я русская?» Молодой человекъ отвѣчалъ мнѣ, что жилъ въ Россіи и видалъ меня въ Москвѣ. Мы разговорились, онъ былъ знакомъ съ нашей литературой, читалъ Пушкина, Лермантова, Гоголя, Тургенева, Писемскаго, словомъ читалъ все, что было замѣчательнаго. Онъ, живя въ провинціи, познакомился съ священникомъ, который давалъ ему уроки русскаго языка, и читалъ съ нимъ все, что появлялось новаго и замѣчательнаго въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ.

Сырость, дожди, холодный горный воздухъ подѣйствовали очень вредно на мое здоровье, и мнѣ пришлось убираться какъ можно скорѣе изъ Спа. Мнѣ писали, что послѣ моего отъѣзда настали тропическіе жары въ Спа, но я спѣшила на воды въ Германію, куда доктора послали меня. Мнѣ пришлось сдѣлать довольно большой переѣздъ совершенно одной. Я взяла билетъ до Франкфурта, но, пріѣхавши въ Майнцъ, узнала, къ своему неудовольствію, что должна ночевать тутъ. Чтобы не затруднять себя лишними вещами, уѣзжая изъ Спа, я отдала въ багажъ ночной мѣшокъ и должна была просить въ Майнцѣ, чтобы мнѣ выдали его. Мою просьбу исполнили — мѣшокъ мой былъ очень великъ, тяжелъ и набитъ бѣльемъ. Я ночевала очень спокойно, и на другой день рано утромъ меня пришли увѣдомить, что надо идти на пароходъ, который перевозитъ пассажировъ на ту сторону Рейна, гдѣ уже поѣздъ ожидаетъ ихъ. Комиссіонеръ донесъ мой мѣшокъ до парохода. Мы игомъ переѣхали, и толпа путешественниковъ устремилась съ парохода на берегъ. Подлѣ меня не оказалось комиссіонера. Что дѣлать? Я взяла свой мѣшокъ и хотѣла тащить его сама, къ несчастію, это было не легко, ибо въ рукахъ моихъ — бы-

ла дорожная шаль, перевязанная ремнемъ, былъ дорожный, на большой мѣшокъ съ деньгами, книгами и прочими мелкими вещами, да приходилось еще тащить громадный ночной мѣшокъ! Оказывалось, что двухъ рукъ мало, и сила для такой ноши еще меньше. Я стала надъ мѣшками, и, вѣроятно, съ неспротивнымъ отчаяніемъ смотрѣла на нихъ, потому что пожилой нѣмецъ покачалъ головою и сказалъ: «будьте покойны!» Онъ вынесъ всѣ мои мѣшки съ парохода и отдалъ ихъ на берегу комиссіонеру. Но это было начало моихъ бѣдствій. Комиссіонеръ принесъ все это въ огромную гору, гдѣ уже стояла нескончаемая линія вагоновъ и огромная толпа. Лишь только двери вагоновъ отворились, какъ толпа, какой я никогда на желѣзныхъ дорогахъ не видывала, ринулась впередъ: она сжала, стѣснила, повернула меня и понесла было впередъ; но любовь моя къ мѣшкамъ и пожиткамъ спасла меня. Я уцѣпилась изо всѣхъ силъ за стоабъ, около котораго лежали мои мѣшки, и уцѣлила вмѣстѣ съ ними. Но поѣздъ ушелъ безъ меня! «Боже! но что же это такое, воскликнула я съ ужасомъ поѣздъ ушелъ!» и въ порывѣ црискорбія опустила на свои мѣшки. — Не безпокойтесь, сказалъ мнѣ кто-то по-французски, сей-часъ будетъ другой поѣздъ. — Вы куда ѣдете? — «Въ Франкфуртъ!» — Я тоже! — Со мной, говорилъ молодой, красивый, черноволосый и сильный мужчина, съ чрезвычайно пріятнымъ и выразительнымъ лицомъ, будьте покойны, продолжалъ онъ, мѣшки ваши я донесу до вагона, и вы какъ-нибудь пройдете. — При этихъ словахъ я замѣтила, что находилась опять посреди несмѣтной толпы, Богъ вѣсть, откуда взявшейся, какъ будто сей-часъ уѣхавшій поѣздъ не унесъ огромнѣйшей массы народа. «Но что это такое? возопила я съ ужасомъ, откуда, куда стремится эта толпа?» — Какъ, развѣ вы не знаете, что во Франкфуртъ празникъ стрѣлковъ, и что со всѣхъ сторонъ Германіи нѣмцы съѣзжаютъ туда. Посмотрите на этихъ желѣзныхъ, желѣзнодорожныхъ нѣмцевъ! — Ну, подумала я, глядя на дѣйствительно желѣзно и безвкусно разодѣтыхъ женщинъ и замѣтивъ язвительно непріязненный взглядъ, взглятъ заклятаго врага, который кидалъ на толпу мой незнакомый покровитель, теперь надо отгадать, кто онъ? Не французъ, ибо говоритъ по-французски съ акцентомъ, не русакъ — русака я узнаю за сто верстъ, на днѣ морскомъ и въ облацѣхъ небесныхъ, онъ скажется. Онъ, какъ Гоголевъ Метруина (за исключеніемъ немногихъ), носить съ собою свой

запахъ, въ особенности тотъ родъ русака, который заврудилъ улицы Парижа, модныя воды, большіе центры, и большіе сѣздала. Это особенная порода, о которой когда-нибудь надо поговорить подробно. Это и не русскій — образованный русскій, котораго, хотя рѣдко, а можно встрѣтить за границей. Это не итальянецъ, я ихъ хорошо знаю, и, разумѣется, не англичанинъ, котораго сразу узнаютъ всѣ и вездѣ за англичанина. — Это, судя по выговору и фizioноміи, не испанецъ и не американецъ. Кто же это? Пока я размышляла, новый огромный поѣздъ медленно подѣхалъ, вагоны отворились. Толпа ринулась и почти сбѣла съ ногъ и меня и моего покровителя, обремененнаго мною и своими собственными мѣшками. Когда приливъ толпы ливнулъ на насъ, онъ сказалъ мнѣ отрывисто, но спокойно: «не лѣзя! глядите!» Я взглянула; въ жизнь свою не видала я ничего подобнаго. Толпа буквально брала вагоны приступомъ, но безъ гана и криковъ, въ какомъ-то, возбуждающемъ взрывъ хохота, молчаливомъ, но не менѣе того страстномъ рвеніи и яростномъ желаніи достать мѣсто во что-бы то ни стало. Толпа унижала подножки вагоновъ, она цѣплялась, лѣзла, донималась въ вагоны. Задніе толкали и перли переднихъ, передніе смалкились влѣзть въ полныя уже вагоны, откуда сидящіе молча ихъ отталкивали. Влѣзшіе туда озирались назадъ съ недоушніемъ отчаянія. И все это происходило въ молчаніи. Наконецъ кондукторы вступились — силою захлопнули дверцы вагоновъ, оттащили обннзавшихъ подножки людей — и поѣздъ тронулся. Я хохотала отъ души. Но мой спутникъ стоялъ серьезно и опять проговорилъ: «нелѣпыя нѣпцы!» — Что мы будемъ дѣлать? спросила я. — «Еще будетъ сей-часъ поѣздъ, авось найдемъ мѣсто. Это вѣдь все патриоты, воинственные нѣпцы; они все говорятъ рѣчи о своихъ отечествахъ, которыя хотятъ сдѣлать во едино, и ругательски ругаютъ французовъ, вотому что боятся ихъ до смерти. Повѣрьте, что если Наполеону захочется взять прирейнскія провинціи, то онъ возьметъ ихъ ннгомъ, и побьетъ нѣпцевъ на голову. Вотъ они опять лѣзутъ — войдемте, авось и мы усядемся.» Этотъ поѣздъ былъ еще огромнѣе прежнихъ и мы успѣли кое-какъ, съ немнотрнми усиленіемъ, пробраться къ вагонамъ и сѣсть въ одинъ изъ нихъ. Случилось такъ, что, кромѣ меня, никого не было въ вагонѣ; рядомъ со мной сѣлъ обязательный незнакомецъ. На первой станціи и на всѣхъ слѣдующихъ насъ ожидало преснѣшное

зрѣлище. Огромная толпа ожидала поѣзда. Онъ останавливался. Толпа бросалась. Но вагоны были полны. Кондукторы указывали на конецъ поѣзда и толпа, махая шляпами, руками принималась бѣжать изо всѣхъ силъ въ перегонку на конецъ поѣзда. Тамъ происходила страшная сумятица. Всѣ рвались и лѣзли. Женщинъ подсаживали, впахивали. Нашъ поѣздъ, какъ бочка Данаидъ казался никогда не могъ наполняться, ибо все наполнялся болѣе и болѣе на каждой стациіи. Онъ былъ огроменъ. Я и мой спутникъ продолжали разговаривать. Онъ ѣхалъ съ Лондонской выставкѣ къ себѣ, домой, сказалъ онъ. Я не выдержала и спросила: куда? «Въ Дебречинъ!» Теперь понятно, это венгерецъ. И какъ могла я не угадать и не признать въ этихъ выразительныхъ чертахъ, спокойномъ взорѣ и спокойной, во всемъ проявляющейся силѣ, венгерца. Лишь только я узнала, что онъ венгерецъ, какъ разговоръ нашъ сдѣлался еще занимательнѣе. «Многое измѣнилось, говорилъ онъ, съ 48 года. Мы рѣшились приобрести независимость и приобретаемъ ее—дѣло въ томъ, что надо выждать время — мы выждемъ. Время великій союзникъ — надо знать имъ пользоваться.» На мой вопросъ о Кошутѣ, онъ отвѣчалъ, что его партія слабѣетъ съ каждымъ годомъ, но что въ Венгріи особенной популярностью, довѣріемъ и уваженіемъ пользуется Деакъ и Этвэшъ. Телеки, по словамъ его, былъ увлеченъ крайнею партією, и когда Деакъ выдалъ свою программу дѣйствій, Телеки явился къ нему, долго говорилъ съ нимъ, обсуждалъ, даже оспаривалъ, но наконецъ всталъ и произнесъ: «вы правы—я не правъ! Но теперь поздно — для меня поздно! Я совершенно согласенъ съ вашей программой и ничего не имѣю сказать противъ нея.» Затѣмъ онъ простился и воротился къ себѣ, задумчивый и печальный. Прощаясь съ любимой сестрой, онъ сказалъ: «Прощай, сестра, я прощаюсь съ тобою надолго. Вѣдь никто не знаетъ, что можетъ случиться.» Она была озадачена, но онъ не хотѣлъ объясниться и выпелъ. Ночью онъ застрѣлился. Венгерецъ увѣрялъ меня, что многіе думали, что Телеки не хотѣлъ измѣнить своей партіи, но, убѣдившись, будто ея образъ дѣйствія ложенъ, не могъ уже оставаться въ союзѣ съ нею и рѣшился, чтобы не быть отступникомъ, лишить себя жизни. Мой незнакомецъ раздѣлялъ это мнѣніе. Онъ, казалось, очень не любилъ Кошута, но отзывался объ немъ съ уваженіемъ, какъ о патріотѣ искреннемъ и горячемъ, который пошелъ на дурной путь или, лучше, сбился съ пути въ сторону.

Мой спутникъ ѣздилъ въ Лондонъ повидаться съ изгнанниками и выразился такъ: «Подо мною земля горитъ, такъ мнѣ хочется къ себѣ, дома есть дѣло—у всякаго свое дѣло, а долгъ человѣка работать для отечества.» Онъ отзывался о славянахъ съ симпатіею, объ итальянцахъ говорилъ съ уваженіемъ, восхищался Гарибальди, какъ народнымъ героемъ и сравнивалъ его съ лицами Иліады. Въ немъ было много энтузіазма, но холоднаго, сдержаннаго энтузіазма, именно такого, который помогаетъ совершать великія дѣла. Въ немъ было много глубокой любви къ отечеству, онъ выражался не фразами, но, чувствовалось, дышало въ рѣчахъ его и сказывалось въ прекрасныхъ, одушевленныхъ чертахъ его лица, осмысленнаго, живаго, открытаго, благороднаго и спокойнаго. Меня поразило особенно его спокойствіе, странно сочетавшееся съ живостію и одушевленностію рѣчей, которыя бѣжали струею. Спокойствіе и сила высказывались и въ словахъ, и въ смыслѣ словъ, и въ выраженіи.» — Вы, вѣроятно, остановитесь во Франкфуртѣ, сказалъ онъ мнѣ, въ отеляхъ нѣтъ мѣста. Я ѣду черезъ Кассель; Наугеймъ на дорогѣ; я доведу васъ до мѣста и помогу вамъ получить вещи!» — Благодарю васъ, сказала я, мнѣ нечего дѣлать во Франкфуртѣ и я очень не люблю шумную толпу. — «Особенно толпу иѣмцевъ! Они теперь выпьютъ всѣ вина во Франкфуртѣ; это будетъ ихъ единственнымъ подвигомъ и — разойдутся весьма довольные, прибавилъ онъ сѣясь, дѣло сдѣлали!» Разговаривая, я не замѣтила какъ прошло время. — «Салины! сказалъ венгерець, вы пріѣхали!» Дѣйствительно, по обѣимъ сторонамъ дороги возвышались длинныя, деревянныя постройки, набитыя древесными сучьями, по которымъ стекала вода и оставляла въ резервуарахъ соль. Скоро зазвонилъ колокольчикъ — мы подѣхали къ станціи—это былъ Наугеймъ! я вышла, венгерець выскочилъ, предъявилъ мой билетъ на вещи. Ихъ выдали. Онъ попросилъ позволенія пожать мнѣ руку, я поблагодарила его, пожелала ему всего лучшаго, онъ вскочилъ въ вагонъ и отправился дальше, а я осталась въ Наугеймѣ. Черезъ минуту я сѣла въ экипажъ, а черезъ три очутилась въ Европейскомъ отелѣ, построенномъ на главной улицѣ мѣстечка, утонувшаго среди молодой зелени и пріотившагося у подножія зеленой высокой горы, начинающей и оканчивающей цѣпь Іонганнисбергскихъ горъ.

Миръ, тишина, спокойствіе, зелень, чистота, порядокъ, виноградники, плющъ, словомъ Германія въ томъ, что она имѣетъ

лучшаго и привлекательнаго—вотъ Наугеймъ. Онъ состоитъ изъ неразросшагося парка, трехъ улицъ съ высокими, широкими, свѣтлыми домами, изъ неизбѣжнаго при всякихъ водахъ кургауза, обросшаго съ крыши до фундамента зеленью, съ бесѣдкой для музыки на площадкѣ подъ тѣнію каштановъ, съ аллеями каштановъ, ведущихъ къ галлерей, гдѣ гуляютъ водошійпы въ дождливую погоду. Великолѣпная постройка на скатѣ горы, въ которой помѣстится рулетка, устроится комната для чтенія газетъ, залы для концертовъ и баловъ, стоитъ недоконченная на скатѣ холма и царитъ надъ мѣстечкомъ, которое еще отстраивается. Пока въ Наугеймѣ всѣ помѣщенія временныя. Ванны находятся въ деревянныхъ, на-скоро сколоченныхъ домахъ, но красиво окруженныхъ зеленью и цвѣтами; онѣ длинны какъ фабрики, низки какъ хижины. Рулетка тоже помѣщается въ на-скоро построенномъ домѣ, а комната для газетъ въ шалашѣ, похожемъ на палатку. Я увѣрена, что Наугеймъ не будетъ такъ милъ, когда его обстроятъ и уберутъ роскошно, но безвкусно, и заведутъ, по общепринятому на всѣхъ водахъ манеру, залы кургауза. Онъ потеряетъ тогда свою особенную фізіономію, нѣчто среднее между хорошенькой деревней и городочкомъ, гдѣ собираются больные пить воды. Воздухъ Наугейма чрезвычайно здоровъ, ибо, благодаря соляному источнику, испаренія его укрѣпляютъ грудь и дыханіе дѣлается свободнѣе. Не долго пробыла я въ отелѣ и отыскала себѣ квартиру весьма покойную, свѣтлую, окнами на источникъ и галлерей, гдѣ пьютъ воды. Изъ моихъ оконъ видѣнъ садъ и каштановая аллея съ одной стороны, Иоганнисбергъ съ другой, съ какой-то башней между зеленью, которая обливается розовымъ свѣтомъ, при восходѣ солнца. Судьба особенно благопріятствуетъ мнѣ при нанятіи квартиры относительно хозяекъ. Никто не можетъ быть предупредительнѣе, услужливѣе, заботливѣе, веселѣе моей хозяйки, г-жи Грюневальдъ. Она предлагаетъ мнѣ дѣлать чай, какъ *русскія* любятъ, и вообще заботится какъ нельзя больше о моемъ комфортаѣ. Домъ ея держится въ порядкѣ, услуга отличная; за все берутъ честно, не грабятъ пріѣзжаго, какъ въ Парижѣ, гдѣ хозяйки—патентованныя разбойницы, про которыхъ законъ не писанъ и на которыхъ управы найти нельзя. Такъ ужъ и оставяешь обирать себя—но замѣчательно, что, чѣмъ больше онѣ обираютъ васъ, тѣмъ болѣе набираются духу и стремятся обирать сильнѣе, больше, наглѣе, безсовѣстнѣе.

Въ первые дни моей жизни въ Наугеймъ я осматривалась и, найдя двухъ знакомыхъ, устроилась ходить вмѣстѣ обѣдать — но куда? Ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ обѣдать по-нѣмецки въ часъ утра.

Единственная хорошая вещь въ Парижѣ—это поздній обѣдъ. Оно оставляетъ все утро для занятій и не прерываетъ ихъ ни тѣмъ. Можно-ли садиться за какую бы-то ни было серьезную работу послѣ обѣда, и что дѣлать цѣлый день, пообедавъ въ часъ? Мы отправились искать обѣдовъ. Благодаря прїѣзжимъ французамъ, были общіе столы въ пять часовъ, но они оказались плохи до невозможности, и мы принуждены были отказаться отъ нихъ. Наугеймъ сдѣлался извѣстенъ французамъ по книгѣ Пэна, который послѣ своей дуэли или, лучше сказать, послѣ убійства, совершеннаго надъ нимъ Гиенномъ и разсвирѣпѣвшими прапорщиками, лечился отъ опасныхъ и жестокихъ ранъ своихъ въ Наугеймъ. Вылечившись, Пэнъ написалъ цѣлую книгу о Наугеймѣ, и вотъ французы устремились въ этотъ, воспѣтый ихъ соотечественникомъ, красивый Нозмъ—се joli Noém. Такъ всковеркали они названіе Наугеймъ и повторяютъ спокойно и настойчиво: Нозмъ, хотя честные нѣмцы и содержатели отелей, даже педанты лавочники поправляютъ ихъ постоянно. Но это все ровно что шапска. Французы находятъ, что лучше и красивѣе сказать шапска, чѣмъ шапка и Нозмъ, чѣмъ Наугеймъ. Перегнѣвивъ два три общихъ стола въ разныхъ отеляхъ, мы, однако, пристроились въ ресторанъ, гдѣ можно было порядочно обѣдать въ шесть часовъ вечера. Вотъ въ этомъ-то ресторанѣ, стоящемъ въ центрѣ мѣстечка и его движенія, за два шага отъ музыки и отъ кургауза, наглядѣлась, наслушалась, насмѣялась я въ волю. Трудно сказать, кто не приходилъ въ этотъ ресторанъ, кто тамъ не пилъ чудной, на вкусъ, швальгеймской воды, кофе, чаю, или не ѣлъ мороженаго, не говоря уже объ обѣдахъ, ужинахъ и завтракахъ. Тутъ были и французы игроки (спеціальность), и французы демократы, и французы легитимисты, и евреи, и испанцы, и русскіе воины, отличающіеся отвагой и безстрашіемъ, съ фуражкой на бекрень, и русскіе игроки съ всклокоченными волосами, и русскіе хорошіе люди, и американцы, и англичане, и англичанки, прелестныя миссъ, смѣющіяся, веселыя и румяныя какъ Аврора. Тутъ были нѣмки не-лѣно граціозныя и такъ протягивающія: *amitié!* особенное *amitié!* котораго корень лежитъ во французскомъ *adieu*. Тутъ были

красивыя еврейки, отцы и мужья которыхъ богаты какъ Крезы, и прелестныя дѣти, къ удовольствію моему русскія дѣти, съ такими милостивыми фізіономіями, прелестными чертами и милою свободою движеній, что я не могла ими не любоваться. Рѣдко приходилось встрѣчать такихъ милыхъ русскихъ дѣтей. Я не безъ намѣренія прибавляю: русскихъ. Нигдѣ нѣтъ столько изуродованныхъ дѣтей какъ въ Россіи. Ихъ вовсе не умѣютъ воспитывать, и почти всѣ они могутъ подойти подъ два разряда. Дѣти грубыя, неотесанныя, избалованныя, барчаги, какая-то помѣсь монгола и русака, или дѣти чинныя, приглаженныя, приструненныя, ходяція на вытяжкѣ, словомъ, маленькіе старички и старушки, будущіе чиновники и чиновницы. Эти русскія дѣти были не таковы. Свободныя, милыя красивыя, съ омысленными лицами, они, увидавъ отца и мать, бросались къ нимъ съ душевнымъ чувствомъ и милою неприужденностію. Видно было, что они счастливы и не стѣснены дома, что любовь—элементъ, въ которомъ имъ хорошо, какъ птицѣ въ воздухѣ, рыбѣ въ водѣ. Съ одной дѣвочки можно было списать картину—она водила на сворѣ прелестную борзую, небольшую собачку—красавица дѣвочка и красавица собачка ходили постоянно вмѣстѣ и были связаны тѣсною дружбой. Собака глядѣла дѣвочкѣ въ глаза, и дѣвочка бѣлой ручкой, улыбаясь, съ ямочками на миломъ личикѣ, глядѣла на собачку.

Увлечшись дѣвочкой и собачкой, столь нравившимися мнѣ, я должна прибавить къ картинѣ черную тѣнь. Ресторанъ Куртуа былъ бы совершенно пріятнымъ центромъ, если бы его не наводнили камелии. Спасенія отъ нихъ нигдѣ не было. Войдите въ общую залу—камелии! Подите въ садъ (гдѣ Куртуа около музыки наставилъ столы и стулья)—камелии! Подите дальше подъ тѣнь каштановъ, гдѣ администрація водъ разставила скамейки, столы и стулья—камелии! Во всю жизнь мою не видала я ихъ столько, такъ близко и такъ бокъ-о-бокъ съ честными семействами и порядочными людьми. Всѣхъ ихъ можно было узнать по одеждѣ—всѣ онѣ волочили по песку длинныя платья, не поддерживаемыя кринолинами; всѣ онѣ говорили какимъ-то особеннымъ рѣзкимъ, непріятнымъ, немного хриплымъ голосомъ, всѣ онѣ до изнеможенія, въ страшные жары, просживали въ душной игорной залѣ цѣлые дни, за рулеткой или roulette и poig и являлись къ Куртуа обѣдать въ семь часовъ и отдохнуть отъ тяжкихъ трудовъ дня. У нихъ были свои рыцари, безкорыстно

ниъ преданные. Два сѣдоголовыхъ француза постоянно были ихъ собесѣдниками, и если новая камелія прїѣзжала въ Наугеймъ, сіи два покровителя приглашали уже ихъ обѣдать, пили шампанское и съ интересомъ и особенною любовію посвящали ихъ въ тайны текущаго дня! Вообразите, говорили они, красный цвѣтъ прошелъ нынче десять разъ сряду!—Ба?!— «Да, десять разъ сряду! Каково покажется!» Затѣмъ слѣдовало долгое преніе—потомъ разговоръ переходилъ на другіе предметы. На такихъ-то водахъ такой-то лордъ и такой-то prince russe и такой-то милліонеръ изъ южной Америки. Но это было лишь отступленіе въ скобкахъ; безконечный, подробный разговоръ о рулеткѣ возобновляется; о проигранныхъ или выигранныхъ кушахъ говорилось съ тѣми же малѣйшими, до самой тонкой тонкости, подробностями, съ какими московскія барыни рассказываютъ о преферансѣ; вообразите себѣ: у такой-то былъ въ рукахъ король самъ шесть, а партнеръ, позабывая всѣ правила и пренебрегая ими, побилъ короля самъ другъ. Повѣрятъ-ли читатели, что подобные разговоры такъ поглощали умъ, душу и весь интересъ игроковъ, что въ Наугеймѣ они раздавались вездѣ, въ общей залѣ, въ каретѣ катающихся; карета проѣзжаетъ мимо и вдругъ вы слышите: *gouge... perdu... la chance...* и проч. Такіе разговоры, мы думали, процвѣтаютъ только въ Москвѣ—и ошиблись. Мнѣ однажды случилось слышать въ Москвѣ, какъ два пожилыхъ челоуѣка, во время чтенія Евангелія въ церкви, съ жаромъ спорили: слѣдовало-ли или нѣтъ побить чьего-то короля. Собесѣдники такъ забыли, что одинъ изъ нихъ закричалъ въ слухъ: «а онъ побилъ! а онъ побилъ!» Въ эту минуту раздалось шиканье молящихся и игроки опомнились. Въ Наугеймѣ я не была въ церкви и не знаю, что тамъ дѣлается, но могу завѣрить, что никакая въ мірѣ сила не могла бы остановить неистощимаго, безконечнаго разговора о рулеткѣ, внѣ игорнаго дома. Это была единственная пища игроковъ. И какихъ только игроковъ тутъ не было! Всѣ роды и виды ихъ! Вотъ сидятъ пристально, глубокомысленно, рядомъ, согласно, мужъ и жена—оба, особенно она, яростная игрица. По цѣлымъ часамъ, по цѣлымъ днямъ, безъ отдыха, вплоть до ночи, обѣдая на скоро, она сидитъ за зеленымъ столомъ и отмѣчаетъ булавкою тотъ цвѣтъ, который выигралъ или записываетъ нумеръ, который вышелъ. Изрѣдка она ставитъ ставку. Мужъ совѣтуетъ. Усталое худое лицо оживляется; глаза загораются, когда она ставитъ, и потомъ

все потухаетъ. лицо принимаетъ прежнее выраженіе усталости и тупости. И всякой день одно и то же. Въ ту минуту, что я пишу, всѣ разѣзжаются отсюда, я сама ѣду; но этотъ мужъ и эта жена также вѣрны рулеткѣ и сидятъ на томъ же мѣстѣ за тѣмъ же столомъ, неподвижные, какъ истуканы и усталые, какъ люди, трудящіеся цѣлый день изъ всѣхъ силъ своихъ. Вотъ два еврея—одинъ богатырь и рыжій, другой братъ его, черноволосой и коренастый. Они играли не метя, ставили не думая, и проигрались въ пухъ, въ мгновеніе ока. Походили подъ каштанами съ всклокоченными волосами, покричали: «А кто же думалъ? Семь тысячъ! Семь тысячъ! сразу!» и отправились въ Гамбургъ пробовать тамъ счастья. Вотъ молодой красивый чело-вѣкъ, хотя лицо его не можетъ назваться умнымъ, и возлѣ него женщина пожилая, которую сначала принимали за мать его—но это жена красавца. Онъ играетъ постоянно; она сидитъ около него, глядитъ ему въ глаза и вздыхаетъ. Онъ проигрываетъ, а она еще больше вздыхаетъ! Впослѣдствіи я встрѣтила красавца съ книгой въ рукахъ,—несомнѣнный знакъ окончательнаго проигрыша. Всѣ игроки, проигравшись въ пухъ, берутъ *княжку* въ руки и бродятъ около игорнаго дома, какъ Абадонна около дверей рая. У кого остался хотя грошъ, тотъ ѣдетъ въ Гамбургъ или Висбаденъ добывать его—и часто себя. Ни одного *сезона* не проходить въ Висбаденъ или Гамбургъ, чтобы кто-нибудь не застрѣлился. Еще недавно, въ Висбаденѣ одинъ мой знакомой былъ свидѣтелемъ страшной сцены: проигравшійся уже чело-вѣкъ поставилъ послѣдній кушъ. Поворотъ рулетки и безстрастный голосъ крупьера: *rouge perd, couleur gagne!* онъ проигралъ. Крупьеры спокойно загребаютъ золото и серебро, брошенные на столъ. Несчастный вынулъ изъ кармана заряженный пистолетъ и пустилъ себя пулю въ лобъ. Кровь брызнула на близъ стоящихъ, залила полъ и сукно стола. Настало неописанное смятеніе. Обезображенный трупъ вынесли; вытерли, вымыли кровь, и опять раздался, безстрастный монотонный голосъ крупьера: *Messieurs faites le jeu. Le jeu est fait. Rien ne va plus. Sept. Cinq. rouge gagne. couleur perd!* * И пошла рулетка вертѣться и пошли карты метаться, и новыя несчастія, новыя катастрофы стоятъ уже на очереди!

Пѣмцы, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, толкуютъ, о томъ, что

* Господа, ставьте ставки. Ставки поставлены. Другихъ не принимаютъ. Семь, пять; красный цвѣтъ выигралъ, черный проигралъ.

рулетка вещь безнравственная, что ее надо уничтожить и запретить—и до сихъ поръ рулетки не только процвѣтаютъ, но еще устраиваются вновь, и притомъ не на одинъ сезонъ, а на весь круглый годъ, какъ въ Висбаденѣ и Гамбургѣ. Зрѣлище людей, проигрывающихъ свое состояніе, печально; но еще печальнѣе и тяжелѣе зрѣлище игры въ воскресенье. Игорный домъ запруженъ рабочими, мастеровыми и крестьянами; трудовую деньгу, послѣдній гульденъ, хлѣбъ дѣтей и кровавый потъ свой ставятъ на карту или на поворотъ рулетки, несчастный ремесленникъ—и, разумѣется, проигрываетъ его. Оборванные старики тащатъ туда же свои деньги, и глаза ихъ загораются при видѣ грудъ золота, которое кидаютъ записные игроки на зеленое сукно стола. Легко достаются на этомъ столѣ громадныя суммы и еще легче онѣ проигрываются. Зрѣлище крайне безнравственное и отвратительное. Безнравственность игры въ рулетку сознало и правительство. Въ Висбаденѣ жители не имѣютъ права играть, и полиція строго смотритъ за этимъ—но такая мѣра кажется намъ очень слабымъ палліативомъ противъ зла, которое совершается въ виду всѣхъ, при свѣтѣ бѣлаго дня и можетъ назваться разбоємъ, устроеннымъ жадной шайкой для обиранія путешественниковъ.

Нынѣшній годъ *сезоны* не удались, ни въ Спа, ни въ Наугеймѣ. Жители говорили, что никогда не было такъ мало посѣтителей, что никогда общество не было такъ пестро, разбито и разнокалиберно. Я очень готова вѣрить этому, ибо кромѣ двухъ трехъ лицъ, чрезвычайно пріятныхъ, я не нашла никого. Впрочемъ, я удовольствовалась этимъ небольшимъ знакомствомъ, которое вполне меня удовлетворяло.

Изъ Франціи я взяла съ собою нѣсколько только что появившихся книгъ, и хочу сказать о нихъ нѣсколько словъ. Одна изъ нихъ очень читалась во Франціи. Это переписка г-жи Сталь-Гольштейнъ съ принцессою Луизою Веймарскою, женою великаго герцога, Карла Августа, который былъ друженъ съ Гёте. Принцесса Луиза была женщина образованная и съ большимъ характеромъ. Извѣстно, что когда Наполеонъ послѣ іенскаго сраженія, побивши пруссаковъ на голову, пріѣхалъ ночевать въ Веймаръ, одна принцесса Луиза осталась во дворцѣ, изъ котораго панической страхъ выгналъ всѣхъ другихъ лицъ великогерцогскаго семейства. Карлъ Августъ былъ въ это время въ прусской арміи. Населеніе Веймара было поражено ужасомъ и тол-

пилюсь около дворца, ожидая страшнаго побѣдителя. Наполеонъ вошелъ во дворецъ; на верху лѣстницѣ встрѣтила его принцесса Луиза. «Кто вы?» спросилъ у нея съ рѣдкой грубостію вѣщанный корсиканецъ. Она назвалась. «Я сожалею о васъ, продолжалъ побѣдитель, ибо объявляю вамъ, что раздавлю вашего мужа.» Не смотря на это рѣшеніе, сообщенное развѣ только для того, чтобы унижить, оскорбить жену побѣжденнаго, принцесса Луиза имѣла довольно силы надъ собою, чтобы видѣться съ Наполеономъ на другой день, и съ необычайнымъ чувствомъ достоинства и спокойствія говорила съ нимъ и ходатайствовала о сохраненіи имущества жителей и государственной казны. Наполеонъ, не смотря на свою жестокость, грубость и самоволіе былъ удивленъ спокойствіемъ принцессы, ея достойными приемами, благородствомъ рѣчи и присутствіемъ духа, въ столь тяжкія для ея отечества, мужа и подданныхъ минуты, и сказалъ окружающимъ: «Эта женщина не испугалась нашихъ пушекъ!»

Переписка г-жи Сталь съ этою принцессой хранится въ архивахъ Веймара, но въ 1845 году нынѣ царствующій великій герцогъ, посѣтивъ Парижъ, познакомился съ г-жею Рекамье и, возвратясь въ Веймаръ, прислалъ ей копію съ писемъ ея пріятельницы. Копіи эти, вмѣстѣ съ другими бумагами, достались племянницѣ г-жи Рекамье, которая, съ позволенія внуковъ г-жи Сталь, издала ихъ. Мы не можемъ сказать, чтобы переписка эта была интересна. Она оффиціальна и исполнена общихъ мѣстъ, поэтому мы не будемъ подробно говорить о ней и приводить изъ нея отрывки; наша задача будетъ иная. Въ книгѣ, изданной племянницей г-жи Рекамье, весьма много интересныхъ подробностей о г-жѣ Сталь, и намъ кажется, что было бы не лишнимъ передать нѣкоторыя изъ нихъ для сведѣнія нашей публики.

О г-жѣ Сталь можно найти очень много отзывовъ въ современныхъ ей запискахъ замѣчательныхъ лицъ ея времени, но мы замѣтили, что всѣ эти отзывы противорѣчатъ одни другимъ. Старая Франція, Франція стараго порядка вещей, придворныя дачы и знатныя лица двора отзывались о г-жѣ Сталь съ пренебреженіемъ, глядѣли на нее съ высока и какъ на женщину и какъ на писателя. Одна изъ дамъ двора Людовика XVI отзывается о г-жѣ Сталь, въ то время еще молодой дѣвушкѣ, особенно неблагоклонно. Она находитъ ее простонародною—vulgaire, много говорящей, что не прилично для дѣвицы; но не-

ненависть этой придворной дамы къ отцу г-жи Сталь, Неккеру, либеральному министру, такъ велика, что мы не можемъ положиться на ся безпристрастіе. Дамы двора Лудовика XVI глядѣли на Неккера, его жену и его дочь, какъ на выскочекъ, которыхъ ко двору и пускать не слѣдовало. *Ослабленіе лицъ, окружающихъ дворъ въ послѣдніе годы царствованія Лудовика XVI, было таково, что всѣ министры, которые, предусматривая потокъ, долженствовавшій унести въ пропасть несчастнаго короля, его тронъ и его семейство, пытались благоразумными реформами спасти монарха и монархію, были предметомъ особенной ненависти придворныхъ. Подъ вліяніемъ такихъ чувствъ отзывы ихъ о г-жѣ Сталь чрезвычайно строги, чтобы не сказать больше. Съ другой стороны, либеральная партія восхваляла г-жу Сталь, окружала ее ореоломъ геніальности, дивилась глубинѣ ея ума, разнообразію и основательности знаній и политическому смыслу, которыми такъ рѣдко обладаютъ женщины, наиболѣе одаренныя.

Мы постараемся передать вкратцѣ содержаніе новой книги, выбирая изъ нея только тѣ подробности о г-жѣ Сталь, которыя менѣе извѣстны публикѣ.

Дѣвица Неккеръ получила воспитаніе чрезвычайно замѣчательное; единственная дочь человѣка образованнаго, нѣжно имъ любимая, и сама любившая его съ страстію, доходившею до обожанія и боготворенія, она съ самыхъ раннихъ лѣтъ привыкла принимать участіе во всемъ, что занимало отца ея. Для Франціи наступала тяжкая, бурная эпоха; посреди вражды партій, столкновенія мнѣній и отчаянной борьбы новыхъ и старыхъ понятій, рутины и преобразованій дочь Неккера раздѣляла мнѣнія отца и привыкла всѣ интересы свои сосредоточивать на вопросахъ, мало доступныхъ дѣвушкамъ, особенно французскимъ. Она дѣлила съ отцемъ тревоженія политической жизни, и послѣ его удаленія изъ министерства раздѣлила уединенную жизнь, и мирныя занятія. — Двадцати лѣтъ отъ роду она вышла за мужъ за Сталья-Гольштейна, шведскаго посланника, который былъ гораздо старше ея и не пользовался никогда ни ея любовію, ни особенной симпатіею. Это бракъ, какъ всѣ браки во Франціи, устроенный родителями, въ которомъ неvěста принесла огромное состояніе, а женихъ далъ вѣя и положеніе. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ подробности о супружеской жизни г-жи Сталь остались въ тѣни; достовѣрно только то, что она не была счастлива съ мужемъ своимъ.

Въ разгаръ революціи г-жа Сталь не жила въ Парижѣ и возвратилась туда тогда только, когда генераль Бонапартъ захватилъ верховную власть. Зоркій глазъ г-жи Сталь подиѣтилъ тотчасъ подѣ свѣжими лаврами воина побѣдителя приѣхты злаго деспота. Наполеонъ не уступалъ никому въ проникательности и тотчасъ, въ свою очередь, угадалъ будущаго, непримиримаго врага въ этой молодой, умной, образованной женщинѣ. Онъ глядѣлъ неприязненно на нее и уже заподозрилъ ее въ козняхъ противъ себя, когда она, не довѣряясь первому впечатлѣнію, увлекалась еще, какъ и всѣ, во Франціи, обояніемъ славы молодого полководца. Она слѣдила за нимъ съ удивленіемъ, восторженно отзывалась о переходѣ черезъ Альпы, совершенномъ войсками, которыми Наполеонъ предводительствовалъ. Первое столкновение между имъ и ею произошло по поводу книги Неккера: *взглядъ на политику и финансы*, которая раздражала Наполеона, ибо Неккеръ, угадавъ замыслы его, предсказывалъ, что неограниченная диктатура скоро будетъ въ рукахъ его. Г-жа Сталь, согласная во всемъ съ отцемъ своимъ, не скрывала своего образа мыслей и начала высказывать свободно свои опасенія окружающему ее обществу; она поддержала своими совѣтами намѣреніе Бенжамена Констана сказать рѣчь, въ которой онъ указывалъ на зарю деспотизма, угрожавшаго Франціи. Наполеонъ узналъ это и горько жаловался брату своему Юсіфу, который былъ одинъ изъ близкихъ знакомыхъ г-жи Сталь и часто посѣщалъ ее. Домъ г-жи Сталь, въ которомъ собирались всѣ недовольные, всѣ опасующіеся Наполеона, сдѣлался ему ненавистнымъ. Наполеонъ, воспитанный въ военной школѣ, лишенный совершенно чувства гуманности, энтузіазма и вѣры во что бы то ни было, мало образованный, глядѣлъ свысока на людей и презиралъ ихъ глубоко. Еще болѣе презиралъ онъ женщины: по его мнѣнію, женщины были созданы для того только, чтобы, какъ можно болѣе, народить дѣтей, въ особенности сыновъ, и тѣмъ доставить ему тотъ матеріалъ, который онъ называлъ *мясомъ для пушекъ*. При такомъ воззрѣніи ничто не могло болѣе оскорбить его, какъ вліяніе женщины на образованныхъ людей и слѣдственно, на дѣла общественныя. Это вліяніе было ему ненавистно, противно, больше того страшно. Непобѣдимый воинъ боялся всякаго умственнаго движенія, всю свою жизнь подавлялъ его, и искалъ только случая, чтобы удалить изъ Парижа женщину, вся жизнь которой заключалась въ вышихъ интересахъ и раз-

вѣтн идей дорогихъ каждому человѣку, любящему истинное, а не мншурное величіе отечества. Когда первый романъ г-жи Сталь: *Дельфина*, былъ напечатанъ, Наполеонъ приказалъ официальнымъ органамъ правительства отозваться объ немъ съ пренебреженіемъ; но это не помогло, напротивъ того, доставило новому роману большее значеніе и большую популярность. Г-жа Сталь, желая избѣгнуть гоненія, которое предвидѣла и котораго боялась, оставила Парижъ и поселилась въ его окрестностяхъ; но это послужило сигналомъ ея изгнанія. Она была обвинена въ томъ, что въ тайнѣ интриговала противъ перваго консула, который поспѣшилъ принять къ свѣдѣнію ни на чемъ не основанный доносъ, и приказалъ ей выѣхать изъ окрестностей Парижа и не подѣзжать къ нему ближе ста льё. Г-жа Сталь была истая французенка и самая отчаянная парижанка. Франція для нея заключалась въ одномъ Парижѣ—лишиться Парижа значило для нея лишиться отечества, роднаго воздуха, той сферы, гдѣ съ дѣтства она привыкла жить, дышать; она не снесла удара, поразившаго ее въ самое сердце и написала письмо къ Наполеону, читать которое прискорбно. Тонъ этого письма, тонъ униженной просьбы. Она молитъ пощады, она унижается до послѣдней возможности и забываетъ свою гордость, забываетъ чувство собственнаго достоинства. Ни письмо это, ни просьбы Люціана и Жерома, братьевъ Наполеона, не могли измѣнить его рѣшенія, и г-жа Сталь, непонимавшая Франціи безъ Парижа, отечества безъ Парижа, существованія безъ Парижа, отправилась съ двумя сыновьями, дочерью и Бенжаменомъ Констаномъ, съ которыми была связана сильною и искреннею привязанностію, въ Германію. Когда г-жа Сталь пріѣхала въ Веймаръ, Шиллеръ находился тамъ. Шиллеръ былъ занятъ сочиненіемъ своего Вильгельма Телля, и пріѣздъ знатной дамы и извѣстной писательницы разстроивалъ его занятія и прерывалъ его тихое существованіе.

«Г-жа Сталь во Франкфуртѣ, пишетъ онъ къ Гёте, и скоро будетъ здѣсь. Если она понимаетъ по-нѣмецки, то еще можно побесѣдовать съ нею. Признаюсь, что мнѣ кажется тяжкою задачею состязаться съ французскою говорливостію...»

Гёте, который еще болѣе былъ предупрежденъ противъ Франціи и всего французскаго, показавъ еще менѣе желанія встрѣтиться съ г-жею Сталь. Онъ былъ тогда въ Іенѣ, и написалъ къ Шиллеру:

«Я надѣюсь на васъ, чтобы удалить все, что касается до г-жи Сталь. Если она хочетъ пріѣхать повидаться со мною сюда, я буду очень радъ, но, въ такомъ случаѣ, прошу, чтобы она предупредила меня за сутки. Она найдетъ у меня хорошо меблированныя комнаты и хорошій мѣщанскій обѣдъ. Такимъ образомъ, мы можемъ повидаться и побесѣдовать. Она можетъ остаться здѣсь, сколько ей захочется. Мои занятія поглощаютъ немного времени—все остальное я посвящу ей. Но ѣхать въ Веймаръ, одѣваться, являться ко двору и въ общество мнѣ невозможно, и я рѣшился не дѣлать этого.»

Однако великій герцогъ рѣшилъ дѣло иначе; онъ просилъ Гёте пріѣхать и Гёте повиновался.—Вотъ какое впечатлѣніе произвела г-жа Сталь на Шиллера. Онъ пишетъ къ Кернеру (1804 года 4 января): «Моя пьеса, которую я обѣщаль поставить въ февралѣ на берлинскомъ театрѣ, поглотила меня, а тутъ еще дьяволъ принесъ французскую философку, живость, говорливость и страсть къ спору которой ни съ чѣмъ несравнимы. Я долженъ, однако, прибавить, что она самая образованная и самая умная изъ женщинъ, и, еслибъ она въ самомъ дѣлѣ не внушала мнѣ сочувствія, я бы не обезпокоилъ себя для ней. Нельзя не уважать и не удивляться этой женщинѣ; все доступно ея уму и ея либеральной мысли.»

Шиллеръ въ тоже самое время пишетъ къ Гёте:

«Г-жа Сталь покажется вамъ, безъ сомнѣнія, такою, какою вы вообразили ее себѣ. Это цѣльная натура и въ ней нѣтъ ничего фальшиваго и заученаго. Не смотря на несходство ея природы съ нашей, всякій чувствуетъ себя свободнымъ съ нею. Чувствуешь, что все ей можно сказать, все отъ нея выслушать. Это, воплощеніе французскаго ума съ лучшей и замѣчательной стороны его. Во всемъ, что мы называемъ философіей, стало быть въ самыхъ высшихъ принципахъ, мы не можемъ согласиться съ нею; но ея естественность, ея чувства заставляютъ забывать ея метафизику, и умъ ея такъ обширенъ, что его можно назвать гениальнымъ. Она стремится все понять, все объяснить, все измѣрить и не допускаетъ ничего необъяснимаго; что не освѣтило для нея разумъ, то не существуетъ для нея. Отсюда ея непреодолимое отвращеніе отъ философій трансцендентальной, въ которой она видитъ стремленіе къ мистицизму и суевѣрью. Поэтическаго чувства, какъ мы его понимаемъ, она лишена совершенно, и оттого въ произведеніяхъ этого рода усвоиваетъ

и понимает только страстную их сторону, только ораторскую их часть и общий характер. Она никогда не похвалит фальшиваго, но за то не всегда оцѣнитъ простоту».

Вотъ что писала, съ своей стороны, г-жа Сталь о Шиллерѣ:

«Въ салонѣ герцогини я встрѣтила въ первый разъ Шиллера. Онъ свободно могъ читать французскія книги, но не умѣлъ свободно говорить по-французски. Мы заспорили; я съ жаромъ доказывала превосходство французскихъ драматическихъ писателей надъ другими; онъ возражалъ мнѣ и, не обращая вниманія на трудность и медленность, съ какими говорилъ по-французски, не обращая вниманія на мнѣніе присутствующихъ, которое было противъ него, высказалъ свое глубокое убѣжденіе. Я попыталась-было пустить въ ходъ французское оружіе спора: остроуміе, шутки и живость рѣчи, но скоро оставила это. Въ томъ, что говорилъ Шиллеръ, хотя ему, очевидно, не доставало словъ для выраженія мысли своей на французскомъ языкѣ, я замѣчала столько идей, такую простоту, такое забвеніе своихъ собственныхъ успѣховъ на сценѣ, такое одушевленіе и жаръ при защитѣ того, что онъ считалъ истиною, что съ этой минуты я почувствовала къ нему дружбу, смѣшанную съ удивленіемъ и восхищеніемъ».

Изъ этого письма образъ г-жи Сталь, послѣ описанія сдѣланнаго Шиллеромъ, становится яснѣе. Привычка французовъ вносить въ серьезные разговоры и пренія шутки и остроуміе, какъ будто удачное слово есть аргументъ, можно почитать одною изъ примѣтъ неизлечимой ничѣмъ легкости воззрѣній. Они не понимаютъ, что шутка можетъ показаться оскорбительною человѣку, который высказываетъ свои убѣжденія съ жаромъ и крѣпкою вѣрою; еще менѣе заботятся они о томъ, что говорить противникъ. Вниманіе ихъ обращено на одно: блеснуть, удивить слушающаго, заставить постороннихъ смѣяться и аплодировать удачно вставленному въ споръ слову—словомъ, французы въ серьезномъ спорѣ не столько обращаютъ вниманія на предметъ и сущность пренія, какъ на то, чтобы выказать свой собственный умъ и знанія, въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Они думаютъ, что на той сторонѣ побѣда и правда, за которой остаются смѣхъ и одобреніе внимающихъ индифферентовъ и глупцовъ. Г-жа Сталь, по ея собственному отзыву, начала преніе по этой системѣ, и на горячіе доводы Шиллера, на его серьезную

и одушевленную рѣчь отвѣчала шутками, блесками остроумія, которыя доказываютъ, по нашему мнѣнію, только недостатокъ уваженія къ противнику и предмету, легкость, съ которою взираютъ на собственныя и чужія убѣжденія. *Comparaison n'est pas raison* (сравненіе не есть доказательство), говорятъ французы, но съ большимъ основаніемъ можно сказать, что шутка не есть доказательство, а напротивъ того, признаніе въ томъ, что въ спорящихъ много индеферентизма къ вопросу и излишнее желаніе выказать себя. Г-жа Сталь, хотя и французенка по воспитанію и нравамъ, выказала въ этомъ случаѣ свою швейцарскую кровь и свой умъ, болѣе фундаментальный, чѣмъ въ большинствѣ французовъ. Она опомнилась и умѣла оцѣнить жаръ Шиллера, обратила вниманіе на новыя идеи, которыя онъ высказывалъ. Особенность французовъ состоитъ въ томъ, что они, закоренѣвъ въ иныхъ воззрѣніяхъ, дѣлаются неспособны понять другія воззрѣнія и долбать свое, не взирая ни на какіе другіе доводы, какъ бы они ни были ясны и неоспоримы. Мы видали очень умныхъ французовъ, которые затвердили, что трагедія Вольтера верхъ совершенства и что Расинъ стоитъ выше Шекспира. Увѣрьте ихъ, что трагедія Вольтера бездарна, что онъ наборъ пустыхъ фразъ и сколочены на скорую руку, благодаря чисто-виѣшему таланту подбирать гладкія рифмы и текучіе стихи; увѣрьте ихъ, что Расинъ не Шекспиръ, и что всякій нѣмецкій драматургъ выше этого напудренного, напыщенного, прилизаннаго и приглаженнаго царедворца, который въ Эсояри воспѣвалъ Ментеспанъ, а древнихъ грековъ и римлянъ заставлялъ мыслить, говорить и дѣйствовать, какъ версальскихъ придворныхъ, во времена Лудовика XIV. Увѣрьте французовъ, что Шекспиръ царь всѣхъ драматурговъ. Что они отвѣтятъ вамъ? Всѣ, рѣшительно всѣ, какъ по командѣ, засыпятъ васъ шутками, восклицаніями, непременно приведутъ вамъ въ примѣръ великаго Корнеля и его стихъ въ Гораціяхъ: *qu'il tougnt!* А затѣмъ подумаютъ и, пожалуй, даже намекнутъ вамъ, что вы съверный варваръ (если вы русскій), что вы сынъ туманной Германіи (если вы нѣмецъ), что вы грубый уроженецъ коварнаго Альбіона (если вы англичанинъ), и что куда же и гдѣ же вамъ судить о великой, мязочной, утонченной (*raffinée*) поэзіи прекрасной Франціи, *la belle France!* Мы не можемъ никогда забыть одного уморительнаго примѣра французской самонадѣянности и непониманія, доходящихъ до наивности, возбуждающихъ уже не

досаду, но дѣтски незлобный смѣхъ. Однажды очень умный и образованный французъ, знавшій по-нѣмецки довольно плохо, но увѣрившій, что знаетъ этотъ языкъ отлично, просилъ русскую дѣвушку почитать съ нимъ Жанъ Поля Рихтера. Слогъ Жанъ Поля труденъ, понимать его еще труднѣе, но молодая дѣвушка хорошо знала по-нѣмецки и принялась читать съ нимъ. При самомъ началѣ чтенія слѣдующая фраза остановила вниманіе француза: *Die immer Grünen Gefühle unseres Herzens*, говорить гдѣ-то Жанъ Поль Рихтеръ. Французъ оттолкнулъ книгу и воскликнулъ съ одушевленіемъ: «ну, скажите, пожалуйста, не сумасшедшіе-ли эти нѣмцы? Ну, я у васъ спрашиваю, что это такое?» Дѣвушка хотѣла-было отвѣчать, но онъ прервалъ ее и махая руками продолжалъ: «я понимаю, я понимаю! *Вѣчно зеленныя чувства!* онъ заледя самый громкимъ смѣхомъ. *Вѣчно зеленныя чувства!* Только безумные, глупые, туманные нѣмцы могутъ выдумать такую бессмыслицу! И еще *это* зовется великими поэтами, прибавилъ онъ, постукивая пальцемъ въ книгу. *Sont ils bêtes ces allemands?* Напрасно оскорбленная дѣвушка хотѣла объяснить, что слова: *вѣчно зеленныя* значать: *неувядаемыя чувства сердца*; французъ не хотѣлъ ничего слушать и, при всякомъ случаѣ, рассказывалъ, что нѣмцы такъ глупы, что у нихъ какія-то *вѣчно зеленныя чувства*. Самъ собою разумѣется, что онъ на-отрѣзъ отказался послѣ этой фразы продолжать чтеніе Жанъ Поля Рихтера, но съ тѣхъ поръ говорилъ всегда, что онъ знакомъ съ сочиненіями Жана Поля, и что это самая страшная галиматья, какую когда-либо удалось человѣку написать. Этотъ примѣръ не исключеніе. Такихъ набрать можно очень много. Какже не отдать послѣ этого должной справедливости г-жѣ Сталь, умѣвшей оцѣнить разговоры, мнѣнія нѣмцевъ, умѣвшей понять духъ, національность и цивилизацію Германіи и написать такую умную книгу, какова ея книга *de l'Allemagne*. Говорятъ, что она обязана многимъ Шлегелю. Можетъ быть, но не менѣе того, надо былъ сѣумѣть быть обязанной, надо было сѣумѣть, не смотря на французскіе предразсудки и закоренѣлыя понятія на французскій ладъ, оцѣнить иныя воззрѣнія, иныя понятія, иныя идеи, чѣмъ тѣ, которыя были въ обращеніи во французскихъ салонахъ, гдѣ она воспитывалась и выросла. Это свидѣтельствуешь о крѣпкомъ умѣ и способности усвоивать, удивляться и благоговѣть передъ богатствами чужой національности, неимѣющей никакого сходства съ

тою, къ которой она принадлежала. Насъ всегда поражала несправедливость, съ которою отзываются о женщинахъ—писательницахъ. Г-жа Сталь была, по мнѣнію многихъ, всѣмъ обязана Шлегелю, Бенжамену Констану; г-жа Сандъ всѣмъ обязана Пьеру Леру, Жюлю Сандо, Альфреду де Мюссе. Г-жа Севинье всѣмъ обязана своей любви къ дочери—не люби она такъ нѣжно дочь, не было бы ея изящныхъ, ея интересныхъ писемъ. Г-жа Жирарденъ (Дельфина Ге) всѣмъ обязана своему мужу и лицамъ, посѣщавшимъ салонъ ея, подъ вліяніемъ которыхъ она писала прелестные фельетоны. Если мы послѣдуемъ такой методѣ, то окажется, что Пушкинъ всѣмъ обязанъ Байрону, Гоголь Пушкину, который, говорятъ, далъ ему первую мысль написать мертвыя души, и такъ далѣе до безконечности. Кто можетъ обращать, что всякій писатель, особенно при началѣ своей дѣятельности, находится подъ вліяніемъ кого-нибудь, или чего-нибудь, подъ вліяніемъ людей близкихъ или книгъ увлекательныхъ. Не одни писатели, а всѣ вообще люди испытываютъ на себѣ чье-нибудь вліяніе и, въ свою очередь, вліяютъ на кого-нибудь—рѣшительно всѣ, кромѣ глупцовъ. Чѣмъ чловѣкъ умнѣе, воспріимчивѣе, впечатлительнѣе, тѣмъ сильнѣе отражается на немъ вліяніе умныхъ людей и умныхъ книгъ—но потомъ онъ переработываетъ самъ, сбрасываетъ это вліяніе и если одаренъ талантомъ, творитъ самъ, по своему собственному побужденію, собственной, ему данной силой производить, и развиваясь болѣе и болѣе, достигаетъ зрѣлости, при которой вліяетъ уже на другихъ. Въ этомъ и состоитъ прогрессъ: всѣ мы наследуемъ, всѣ мы, увеличивая или переработывая наследство, передаемъ его нашимъ потомкамъ, пріумноженнымъ и изукрашеннымъ. Всѣ мы, звѣнья, золотыя или желѣзныя, въ великой цѣпи чловѣчества и съ каждымъ поколѣніемъ звѣнья прибавляются. Такимъ образомъ и стремится чловѣчество впередъ. Каждый связанъ съ прошедшимъ и съ будущимъ. Всѣ люди нравственно и умственно дѣти отцевъ своихъ и отцы своихъ дѣтей. Это истина неоспоримая. Не будемъ же упрекать писателей за то, что они обязаны своими произведеніями тому или другому, а взглянемъ проще и скажемъ: кому не дано таланта, тотъ не напишетъ ни строки, даже и тогда когда, бы находимся подъ вліяніемъ величайшаго изъ гениевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что г-жа Сталь написала книгу, какой бы не могъ написать Шлегель, ибо не написалъ ея; Жоржъ Сандъ написала такія увле-

кательныя поэмы, какнѣхъ не могъ написать Пьеръ Леру. Мы воспринимаемъ только то вліяніе, которое склонны воспринять и нечего упрекать Пьера Леру въ томъ, что Жоржъ Сандъ писала соціальныя романы. Видно, по складу ея ума, ей необходимо надо было пережить эту фазу—не будь Пьера Леру, оказался бы другой, если не живой, такъ умершій, въ книгѣ котораго она почерпнула бы, въ данную минуту, тѣ идеи, которыхъ жаждала душа ея. Но фазы развитія разнообразны. Многое переживаютъ люди богато одаренные. Они увлекаются, они заблуждаются и, наконецъ, въ зрѣлости ума и лѣтъ, останавливаются на томъ, что есть для нихъ, послѣ многихъ колебаній истина, на томъ что они считаютъ истиной. Не смотря на свою способность воспринимать и понимать, г-жа Сталь была заражена въ высшей степени французскимъ духомъ и сравниваетъ Гёте, разговоръ котораго поразилъ ее, съ Дидеротомъ. Мы не можемъ себѣ представить ничего общаго между разумнымъ, спокойнымъ, созерцающимъ все и вся, съ высоты юпитероваго величія и силы, поэтомъ Германіи, съ живымъ, блестящимъ, вѣчно увлекающимся, страстнымъ и неразумнымъ (хотя крайне умнымъ) философомъ Франціи.

Объѣхавъ всю Германію, принятая вездѣ съ почетомъ и удивленіемъ къ ея уму и таланту, г-жа Сталь возвратилась въ Капетъ и зажила тамъ жизнію богатой женщины, принимая въ своемъ замкѣ посѣтителей со всѣхъ концовъ Европы. Мелочность Наполеона оскорбилась и этимъ. Ему хотѣлось бы, чтобы лицо, подвергшееся его гнѣву, было почитаемо всѣми отверженнымъ, какимъ-то паріей; онъ глядѣлъ непріязненно на всѣхъ тѣхъ, кто посѣщаль г-жу Сталь и изгналъ изъ Парижа г-жу Рекамье и г-на Монморанси за это преступленіе. Г-жа Сталь была глубоко огорчена этимъ новымъ несчастіемъ, которое было тѣмъ для нея чувствительнѣе, что поразило самыхъ близкихъ друзей ея. Письма ея къ нимъ дышатъ неподдѣльнымъ чувствомъ любви и печали. Она, не смотря на свои литературныя труды и успѣхи ея поваго романа: *Коринна*, не умѣла жить вдали отъ Парижа. Парижъ былъ необходимымъ для ея счастья. Внѣ его она постоянно томилась и частыми путешествіями старалась заглушить тоску свою. Посѣтивъ Италію, она, въ другой разъ отправилась въ Германію. Во время этого втораго ея путешествія, старшій сынъ ея, Августъ, имѣвшій тогда 17 лѣтъ отъ роду, остался въ Женевѣ. Дѣти г-жи Сталь, два сына и дочь, были нѣжно при-

вязаны къ матери.—Августъ, не предупредивъ мать, рѣшился, во время проѣзда Наполеона черезъ Шамбери, ходатайствовать передъ нимъ о позволеніи для его матери возвратиться въ Парижъ. Разговоръ Наполеона съ молодымъ Сталь такъ интересенъ, что мы передадимъ читателямъ, со словъ самого Августа, который, въ письмѣ къ матери, рассказываетъ ей свое свиданіе съ Корсиканскимъ Цезаремъ.

Узнавши, что Наполеонъ въ Шамбери, Августъ Сталь подаль одному изъ его адъютантовъ бумагу, въ которой просилъ аудіенціи. Онъ былъ принятъ немедленно.

— Откуда вы? спросилъ Наполеонъ.

— Изъ Женевы, Государь.

— Гдѣ ваша мать?

— Она въ Вѣнѣ.

— И прекрасно! Она должна быть совершенно довольна, и, конечно, выучится по-нѣмецки. Ваша мать не зла; она умна, очень умна, но не привыкла къ *субординаціи*.

Молодой человекъ, съ большимъ жаромъ принялся просить Наполеона позволить его матери пріѣхать въ Парижъ.

«— Еслибъ ваша мать пріѣхала въ Парижъ, возразилъ Наполеонъ, я былъ бы принужденъ не дальше какъ черезъ шесть мѣсяцевъ засадить ее въ Бисетръ или въ Тамплъ. Мнѣ было бы это неприятно, потому что это подняло бы шумъ и толки, и общественное мнѣніе осудило бы меня. Скажите же вашей матери, что пока я живъ, нога ея не будетъ въ Парижѣ. Она бы надѣлала тамъ глупостей. Она бы принимала у себя, шутила бы — вѣдь она не придаетъ значенія шуткамъ, а я придаю имъ большое значеніе. Для меня *все серьезно*. И зачѣмъ это мать ваша желаетъ жить бокъ-о-бокъ съ моимъ *деспотизмомъ*. Вы видѣли, что я не останавливаюсь на словѣ. Пусть она отправляется въ Римъ, Неаполь, Берлинъ, Вѣну, въ Миланъ, въ Ліонъ, въ Лондонъ, если хочетъ писать пасквили (*libelles*). Я съ удовольствіемъ узнаю, что она всюду, но не въ Парижѣ. *Я живу и желаю, чтобы тамъ жили только тѣ, которые меня любятъ*. Если бы я позволилъ ей возвратиться въ Парижъ, она бы надѣлала глупостей; она бы отняла у меня людей, которые меня окружаютъ — испортила бы мнѣ Гарата. Развѣ не она лишила меня трибуната? Она не можетъ жить, не болтая о политикѣ... Еслибы она была въ Парижѣ, мнѣ бы постоянно пересказывали,

что она говоритъ. Еще разъ: я живу въ Парижѣ и не хочу, чтобы она жила тамъ.»

Августъ Сталь опять вступился и опять просилъ за мать.

«Вы очень молоды, возразилъ ему Наполеонъ, еслибы вы дожили до моихъ лѣтъ, то поняли-бы вещи лучше. Но я нахожу, что сыну похвально ходатайствовать за мать. Мать ваша дала вамъ трудное порученіе, но вы умно его исполнили. Я очень радъ, что поговорилъ съ вами, но вы ничего отъ меня не добьетесь. Неаполитанскій король (Юсифъ Бонапартъ) много говорилъ и просилъ меня объ ней—и это не повело ни къ чему. Если бы я посадилъ вашу мать въ тюрьму, то могъ бы поддаться просьбамъ и выпустить ее, но избавить ее отъ изгнанія, позволить возвратиться въ Парижъ—никогда! Всѣ знаютъ, что сидѣть въ тюрьмѣ несчастіе, но одна мать ваша считаетъ несчастіемъ, что ей предоставили всю Европу!»

Кажется нечего прибавлять къ такому разговору! Г-жа Сталь, дѣйствительно, не могла воротиться въ Парижъ; но это не позволило Наполеону потерять тронъ свой и умереть на островѣ св. Елены. Написавъ свою книгу: de l'Allemagne, г-жа Сталь возвратилась во Францію (за сто лѣтъ отъ Парижа, какъ ей было позволено) и послала свою рукопись въ цензуру. Она была убѣждена, такъ же какъ и всѣ друзья ея, что въ ея новомъ сочиненіи не было ничего такого, чтобы могло подвергнуть его запрещенію. На дѣлѣ оказалось иначе. Книга была пропущена ценсурой, но захвачена полиціей. Вотъ что пишетъ сама г-жа Сталь къ герцогинѣ Веймарской: «Я была въ Блуа и послала рукопись въ Парижъ; главный ценсоръ, г-нъ Порталенъ, одобрилъ къ печати. Издатель напечаталъ 10 тысячъ экземпляровъ. За четыре дня до появленія моей книги, министръ полиціи приказалъ захватить всѣ экземпляры, а мнѣ прислалъ повелѣніе ѣхать обратно въ Женеву или въ Америку.

«Причина, объясненная мнѣ и моему сыну, — слѣдующая: въ книгѣ моей нѣтъ ни одной похвалы императору, или, лучше сказать я не говорю въ ней ни о немъ, ни о французахъ, но восхваляю нѣмцевъ и въ особенности пруссаковъ, изъ которыхъ, говорилъ министръ, людей не выходитъ. Впрочемъ, онъ не могъ привести ни одной моей фразы, которую можно бы было подвергнуть осужденію. Стало быть, преступленіе мое состоятъ въ томъ, что я ничего не сказала о Наполеонѣ и что духъ моей книги находятъ анти-французскимъ.»

Г-жа Сталь удалилась въ Каппетъ. Новый префектъ Каппель, желая подслужиться Наполеону, приставалъ къ ней, умоляя ее написать что-нибудь по случаю рожденія короля римскаго. Она отказалась. Тогда префектъ сталъ ее преслѣдовать и дѣлалъ ей всевозможныя неприятели. Г-нъ Шлегель, жившій съ г-жею Сталь въ Каппетѣ, получилъ приказаніе оставить его. Борьба становилась слишкомъ тяжкою. Г-жа Сталь рѣшилась уѣхать. Но куда? Въ Англію трудно, почти невозможно, было проѣхать; Германія находилась во власти Наполеона. Въ Америку она не рѣшилась ѣхать зимою, и выбрала Швецію, отечество отца дѣтей своихъ. Но и въ Швецію трудно было проѣхать. Прежде всего надлежало позаботиться о паспортѣ. Его невозможно было требовать отъ французскаго правительства: оно бы отказалось выдать его. Г-жа Сталь черезъ герцогиню Саксенъ-Веймарскую просила паспорта на проѣздъ черезъ Россію въ Швецію у русскаго Императора. Она получила его безъ особенныхъ затрудненій, и въ 1812 году, 23 мая, оставила Каппетъ потихоньку. Наканунѣ она выслала свои пожитки, а на другой день, одѣтая какъ для прогулки, сѣла въ городскую коляску и благополучно достигла доерна, гдѣ ожидалъ ее Шлегель. Въ сопровожденіи его, дочери и сына, она отправилась черезъ Вѣну и Москву въ Петербургъ. Г-жа Сталь пробыла только нѣсколько дней въ Москвѣ и спѣшила въ Петербургъ, гдѣ императоръ Александръ I-й и обѣ императрицы, Марія и Елисавета, приняли ее съ необычайною благосклонностію. Г-жа Сталь была поражена образованіемъ, изящною формою пріемовъ императора и вообще всѣми личными его свойствами. Послѣ грубаго, необразованнаго и дерзкаго солдата Наполеона, который говорилъ съ ней о томъ, сколько женщина должна народить дѣтей, она не могла не плѣниться изящнымъ, образованнымъ, рыцарски вѣжливымъ съ женщинами и вполне благовоспитаннымъ русскимъ императоромъ. Къ сожалѣнію, время, выбранное для посѣщенія Россіи, было самое неудобное. Общество было взволновано наступавшею войною и сильно раздражено противъ всего французскаго. Однажды г-жа Сталь отправилась во французскій театръ въ сопровожденіи сына и одного француза. Давали *Федру*. Едва вошла она въ ложу, какъ публика, узнавъ, что это французенка и французы, встала въ порывѣ страсти. Партеръ кричалъ: вонъ отсюда! вонъ! вонъ проклятыхъ французовъ! Г-жу Сталь вывели изъ ложи, чрезвычайно возмущенную. Не смотря,

впрочемъ, на смутное время, частныя лица высоко стоявшія и самый дворъ приняли г-жу Сталь съ почетомъ и благосклонностію. Вотъ что пишетъ баронъ Штейнъ, бывшій тогда въ Петербургѣ:

«Я провелъ самый пріятный вечеръ у графа Орлова; общество было очень интимное. Послѣ обѣда, г-жа Сталь прочла намъ нѣсколько главъ изъ своего сочиненія о Германіи, одинъ экземпляръ котораго ей удалось спасти изъ когтей Савари. Она хочетъ издать его въ Англіи. Она прочла намъ главу: *объ энтузіазмѣ*, запрещенную императорской (французской) ценсурой. Это чтеніе произвело на меня глубокое впечатлѣніе; благородство чувствъ, возвышенность мысли, краснорѣчіе этого произведенія таковы, что достигаютъ до глубины сердца».

Хотя г-жа Сталь и всѣ ея окружающіе удивлялись и недоумѣвали, почему именно запрещена глава *объ энтузіазмѣ*, намъ не кажется это нисколько удивительнымъ и вполне понимаемъ, почему правительство Наполеона запретило ее. Дѣйствительно, что можетъ быть ненавистнѣе деспотическому правленію, какъ краснорѣчивое выраженіе тѣхъ чувствъ, которыя наиболѣе возбуждаютъ людей и дѣлаютъ ихъ способными на великія дѣла и великіе подвиги. Энтузіазмъ самая могучая, самая живая и непереможимая сила. Нація, способная чувствовать и отдаваться энтузіазму, останется жива при самыхъ страшныхъ, гнетущихъ условіяхъ. Она не умираетъ и умереть не можетъ. Напрасно было бы пытаться задавить ее: какъ гибкая сталь, она гнется, но не ломится, и подымается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше была пригнута. Примеромъ можетъ служить Испанія, во время войны съ громадными арміями Наполеона за независимость, современная намъ Италія и Греція, въ борьбѣ съ турками. Наполеонъ, поработая Францію, хорошо зналъ, что энтузіазмъ есть первый врагъ, врагъ несокрушимый и крайне опасный всякому деспоту, въ особенности такому, который опирается на штыкъ и пушки.

Не долго суждено было г-жѣ Сталь оставаться въ Стокгольмѣ. Событія, совершавшіяся въ Европѣ, совершались быстро. Въ продолженіе двухъ лѣтъ Европа освободилась отъ французскихъ штыковъ, Наполеонъ былъ заточенъ на островъ Эльбу, Бурбоны царствовали во Франціи и г-жа Сталь успѣшила возвратиться въ дорогой ей Парижъ изъ Англіи, гдѣ была принята съ величайшимъ почетомъ и симпатією. Книга ея о Германіи, перепечатанная тамъ, появилась и произвела громадное впе-

чатлѣніе. Это былъ лучшій и новыи лавръ, пожатыи ею на литературномъ полѣ.

Первыя впечатлѣнія г-жи Сталь по возвращеніи во Францію были тяжки; вездѣ встрѣтила она войска союзниковъ и увидѣла отечество свое какъ-будто завоеваннымъ и покореннымъ. Скоро однако многочисленныя друзья, собравшіяся около ней, удаленіе союзниковъ и новыя либеральныя учрежденія изгладили эти первыя впечатлѣнія. Г-жа Сталь могла бы чувствовать себя исполнѣ довольною и счастливою, если бы часто личныя невзгоды не тревожили ее. Здоровье ея было разрушено, а второй мужъ ея, г. Рокка, находился еще въ большей, чѣмъ она, опасности. Онъ былъ шведскій офицеръ, очень еще молодой человекъ, который, вслѣдствіе ранъ, страдалъ отъ грудной болѣзни. Возвратившись въ Парижъ, г-жа Сталь, заботясь о нѣжно-любимомъ мужѣ, не могла рѣшиться провести тамъ зиму и уѣхала въ Италію. Послѣдніе годы ея жизни были наполнены путешествіями и семейными заботами, переиѣшанными важными политическими неожиданными событіями, которыя, какъ ударъ грома, поражали современниковъ. Таково было возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы, бѣгство короля Лудовика XVIII въ Гентъ, битва при Ватерлоо и заточеніе Наполеона на островъ св. Елены. Во время и послѣ «Ста дней» г-жа Сталь была въ Италіи и оттуда заботилась о возвращеніи двухъ милліоновъ, которыми еще Неккеръ, отецъ ея, ссудилъ правительство и которые Наполеонъ I, изъ личной ненависти, не хотѣлъ заплатить г-жѣ Сталь. Лудовикъ XVIII поспѣшилъ отдать ей этотъ долгъ, послѣ чего замужество герцога Брольи съ дочерью г-жи Сталь было окончательно рѣшено. Два милліона были отданы ей въ приданое и сватовство закончено, контрактъ, въ удовольствію двухъ сторонъ, заготовленъ. Г-жа Сталь воротилась въ Парижъ. У ней оставалось только двое дѣтей — дочь Альбертина и сынъ Августъ; меньшей сынъ ея былъ убитъ нѣсколько лѣтъ назадъ на дуэли, въ Германіи. Послѣ свадьбы дочери, г-жа Сталь немедленно возвратилась опять, вмѣстѣ съ молодыми, въ Италію и провела зиму во Флоренціи.

Страстно любя своего втораго мужа, г-жа Сталь постоянно опасалась потерять его и боялась возвратиться во Францію. «Я не рождена, чтобы быть счастливою!» восклицаетъ она въ одномъ изъ писемъ своихъ къ г-жѣ Рекамье. «Счастіе! но въ мои

лѣта * надо бы только надѣяться на милосердію Божіе! Что я буду дѣлать? Онъ (г. Рокка) болѣнъ, дочь моя беременна, я жестоко измучилась. Неужели суждено мнѣ жить такъ до могилы?» При чтеніи такихъ строкъ, приходитъ невольна на мысль, что, заботясь такъ о другихъ, г-жа Сталь чувствуетъ себя здоровою и хотѣла бы жить и наслаждаться жизнію. Напротивъ того, она только молчитъ о себѣ, но уже жестоко страдаетъ той болѣзнію, которая должна свести ее въ могилу. Не смотря на всѣ свои опасенія, на слѣдующій годъ она возвратилась въ Парижъ и открыла домъ свой, не обращая вниманія на свое болѣзненное состояніе.

Въ продолженіе всей зимы болѣзнь томилла г-жу Сталь; она принимала друзей своихъ, звала ихъ обѣдать, но уже не вставала съ постели и страдала съ необычайнымъ терпѣніемъ и мужествомъ. Такъ дожила она до лѣта; за нѣсколько часовъ до смерти, страданія ея прекратились, и она тихо умерла, утромъ, 15 іюля, въ 1817 году, на рукахъ нѣжно-любимой дочери. Г-жѣ Сталь было 51 годъ отъ роду. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Шатобріану, она охарактеризовала себя такъ: «Я все та же, живая, но печальная; я глубоко любила въ теченіе своей жизни Бога, отца моего и свободу.»

Г-жа Сталь не можетъ служить представительницею и типомъ французенки; въ ней была какая-то примѣсь болѣе серьезнаго и глубокаго элемента, чѣмъ тотъ, который мы привыкли видѣть въ самыхъ замѣчательныхъ французскихъ женщинахъ. По происхожденію г-жа Сталь была швейцарка, и этому фیزیологическому факту мы приписываемъ тотъ серьезный закалъ ея натуры, который служитъ отличительною чертою между ею и чистыми французенками. Если мы перечтемъ всѣхъ великихъ женщинъ Франціи, начиная съ Іоанны д'Аркъ до Шарлоты Кордэ,

Г-жѣ Сталь было въ эту пору 49 лѣтъ, но она уже около 4 лѣтъ была замужемъ за г. Рокка, которому не было 30 лѣтъ. Онъ былъ плѣненъ умомъ ея и страстно привязался къ ней. Г-жа Сталь чувствовала все неравенство такого брака и всѣ насмѣшки, которыя пришлось бы ей вынести, если бы публика узнала о немъ. Она никогда не оглашала этого втораго брака, продолжала называться г-жею Сталь, и только близкіе ея друзья и дѣти знали, какія узы соединяютъ ее съ молодымъ шведскимъ офицеромъ. Эта поздняя привязанность принѣсла ей болѣе горя, чѣтъ радости, ибо она постоянно опасалась потерять любимаго мужа. Судьба, однако, рѣшила иначе: онъ пережилъ ее.

г-жи Роланъ и оканчивая г-жею Сандъ, мы найдемъ, что энтузіазмъ и экзальтація были главными, отличительными, преобладающими свойствами ихъ натуры. Конечно, это сила, это огромный и сильный рычагъ, съ помощію котораго, можно совершить многое, которымъ можно поднять, взволновать и дѣйствовать на цѣлое общество, на цѣлую страну, въ извѣстныя критическія минуты. У г-жи Сталь, кромѣ энтузіазма, было въ натурѣ нѣчто большее. Сила ея ума, крѣпость ея разума, опредѣленные, установившіяся политическія убѣжденія и умѣнье соединить вокругъ себя разнородныя партіи, умѣнье примирять ихъ, успокаивать, отводить отъ крайностей, свидѣтельствуютъ о политическихъ способностяхъ, которыя свойственны мужчинамъ. Въ ея умѣ, сего складъ, въ самомъ ея характерѣ много мужскаго. Она не обладала ни граціей французенки, ни ея подвижностью, ни ея страстностью, ни ея измѣнчивостью. Г-жа Сталь была постоянна и строга съ юности; руководимая отцомъ до старости, когда она сама руководила другими, не увлеклась никакими теоріями, ни республиканскими, ни роялистскими и осталась поклонницей конституціонной монархіи. Она вѣрила въ конституціонную форму правленія, единую, по ея мнѣнію, способную упрочить благосостояніе, счастье и спокойствіе Франціи. Она жила въ страшную эпоху. Обожая свободу, ей суждено было видѣть, какъ, во имя этой свободы, совершались преступленія, какъ кровь лилась потоками, какъ гильотина пожирала тысячи головъ, какъ избивали лучшихъ, благороднѣйшихъ сыновъ Франціи. При ней погибли всѣ жирандисты, при ней сложила голову на плаху благородная мечтательница, Шарлота Кордэ; при ней погибла экзальтированная и страстная Ролланъ, казненъ Шенье, погибло все лучшее, благородное, талантливое французской націи. Плакывая эти заблужденія, эти святотатственные посягательства на свободу во имя свободы, г-жа Сталь не усумнилась однако въ самой свободѣ: она, при всеобщемъ ужасѣ, не подала своего голоса противъ свободы и поняла, что виноваты люди, а не принципъ. Позднѣе она видѣла господство солдатчины и деспотизма, дѣйствовавшее опять во имя свободы. Она видѣла тысячи тысячъ людей, гибшія на поляхъ Германіи, Испаніи и Россіи во имя свободы, до мановенія руки деспота, который злоупотреблялъ этимъ словомъ. Цвѣтъ французскаго населенія погибъ безплодно на всѣхъ концахъ Европы и даже въ Африкѣ. Только минутно увлеклась она, какъ и вся Франція,

славой завоевателя, но опомнилась *прежде всѣхъ и прежде всѣхъ* стала во враждебный ему лагерь, угадавъ солдата и деспота подъ личиною героя и консула. Заслуга не маловажная! Ея сильный и крѣпкій умъ не поддакъ обаянію, не склонился предъ наполеоновскимъ величіемъ, и не отуманило ее то, что называли и еще называютъ французы *славой*. Эфемерное значеніе, гибельныя послѣдствія и пустоту этого всемогущаго значенія надъ многими слова она разгадала одна изъ первыхъ. Десять лѣтъ ея жизни протекли въ изгнаніи и тоскѣ, но она имѣла счастье дожить до Хартіи 1814 года, на которую столько надеждъ возложили французы въ первое время реставраціи. Судьба пощадила г-жу Сталь. Она умерла въ хорошую минуту, не успѣвъ разочароваться въ своихъ надеждахъ на будущее и въ своей вѣрѣ въ прочность французской конституціи. Она, конечно, не оправдывала дѣйствій правительства, но вѣрила въ несокрушимость и прочность самаго учрежденія. Съ этой вѣрой умерла она, сохранивъ до гроба неприкосновенно и свято свою любовь къ отечеству, свою любовь къ свободѣ, свою любовь къ тѣмъ постановленіямъ, которыми, по ея мнѣнію, обезпечивалась эта свобода. Это была женщина блистательно умная, неподкупно честная, непоколебимо твердая въ своихъ убѣжденіяхъ. При такихъ высокихъ свойствахъ нѣтъ мѣста для порицанія мелочей и для указаній на небольшіе недостатки или смѣшныя стороны ея личности. Совершенства нѣтъ въ мірѣ и нельзя обращать вниманія на мелкія особенности, упуская изъ виду высокія стороны благородной природы. Тщательный разборъ характера, сердца и рассказъ о частной, интимной ея жизни, принадлежитъ ея будущему біографу. Онъ еще не явился. Еще нѣтъ матеріаловъ для полной исторіи ея жизни. Внуки ея ревниво берегутъ бумаги, послѣ нея оставшіяся, и не вѣрятъ ихъ никому. Будемъ надѣяться, что современемъ явится кто-нибудь, кто расскажетъ такъ же отчетливо, добросовѣстно и подробно всю жизнь ея, какъ Льюисъ недавно рассказалъ жизнь Гёте. По нѣкоторымъ намекамъ, здѣсь и тамъ разбросаннымъ, мы можемъ заключить, что частная жизнь г-жи Сталь необычайно интересна и тѣсно связана съ замѣчательными лицами ея времени. Особенно видную роль играетъ въ ней Бенжаменъ Констанъ.

Недавно вышла во Франціи другая книга, о которой говорили въ обществѣ, если не въ литературѣ. Правда, что она появилась 40 лѣтъ назадъ, но была издана въ настоящемъ году вто-

рымъ изданіемъ, ибо сдѣлалась біографической рѣдкостью. Это воспоминаніе графа Шуазель объ императорѣ Александрѣ I. Графиня Шуазель, урожденная Тизенгаузъ, считаетъ себя полькой, жила всегда, до своего замужства, въ Парижѣ, и была свидѣтельницей нашествія и потомъ разгрома французскихъ силъ въ Россіи. Книга эта интересна особенно для насъ, русскихъ, такъ какъ въ описаніяхъ гр. Шуазель вполне обрисована личность императора Александра въ первые годы его царствованія. Особенно поражаютъ въ ней читатели рыцарскіе приемы, изящная вѣжливость, изысканная простота и ласковость обращенія. Въ императорѣ прежде всего видѣтъ человѣкъ образованный, благовоспитанный, съ выработанными формами вѣжливости, человѣкъ добрый и сочувствующій людямъ въ ихъ печаляхъ, понимающій ихъ стремленія, готовый прощать и прощающій понятныя ему увлеченія. Онъ понимаетъ чувство патріотизма, онъ сочувствуетъ обществу положенію людей. Книга читается легко. Есть много любопытныхъ анекдотовъ и разказовъ, гдѣ Александръ I всегда является человѣкомъ просвѣщеннымъ и добрымъ. Становится понятно то страстное чувство обожанія, съ которымъ писала о немъ графиня Шуазель.

ЕВГЕНИИ ТУРЪ.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ.

(Mittermaier.—Die Todesstrafe nach den Ergebnissen der wissenschaftlichen Forschungen, der Fortschritte der Gesetzgebung und der Erfahrung.—Исследование о смертной казни, основанное на окончательных выводах науки, успѣхахъ законодательства и опыта).

Вопросъ о смертной казни, когда-то столь сильно волновавшій европейскіе умы, столь горячо и краснорѣчиво обсуждавшійся и въ книгахъ, и въ періодическихъ изданіяхъ, и въ палатахъ, теперь пересталъ, кажется, не только тревожить, но даже интересовать общественное мнѣніе. Смертные приговоры произносятся почти во всей Европѣ; людей разстрѣливаютъ, вѣшаютъ, людямъ рубятъ головы, и не только никто не протестуетъ противъ этого открыто, но едва-ли очень многіе возмущаются этимъ даже и въ глубинѣ своей совѣсти. Толпы, еще болѣе многочисленныя чѣмъ прежде, стекаются на мѣсто казней и жадно ловятъ потрясающія впечатлѣнія ужаснѣйшаго изъ зрѣлищъ.

Неужели это значитъ, что вопросъ этотъ зачисленъ рѣшительнымъ? Ужели общественная совѣсть, которую въ теченіе цѣлаго вѣка смущали писанія противниковъ смертной казни, успокоилась, наконецъ, совершенно? Или, можетъ быть, эта совѣсть окончательно признала, что такая казнь необходима для безопасности мирныхъ гражданъ, а страшный аргументъ общественного благосостоянія внушилъ ей даже убѣжденіе, что казнить вовсе не значитъ совершать беззаконное дѣло? А можетъ, и это скорѣе всего, не обходится ли она съ этимъ вопросомъ такимъ образомъ просто изъ постыднаго равнодушія, съ кото-

рымъ смотритъ она вообще на нравственные вопросы, какъ бы не была велика степень ихъ важности?

Мы, русскіе, менѣ чѣмъ кто нибудь можемъ подлежать упрекамъ такого рода: смертная казнь у насъ вызывается только чрезвычайными случаями, и будучи совершена въ Казани или въ Одессѣ, она прискорбною вѣстію отдается во всей Россіи. Однако она все-таки случается и у насъ, и мы точно такъ же, какъ и люди болѣе привычныя къ этому явленію наконецъ, и даже очень скоро, забываемъ объ этихъ случаяхъ. Между тѣмъ случаи эти нигдѣ не представляютъ такого ненормальнаго явленія, какъ у насъ: наказаніе смертію изгнано изъ нашего уголовного кодекса; мы давно побѣдили тотъ неосновательный страхъ, который до сихъ поръ не дозволяетъ даже самымъ образованнымъ правительствамъ рѣшиться на отмѣну смертной казни, такъ какъ существуетъ предразсудокъ — будто за такую отмѣну долженъ послѣдовать періодъ усиденныхъ преступленій, какъ результатъ безобязанности. А если мы переступили этотъ Рубиконъ, если мы побѣдили этотъ общій страхъ и избавились отъ этого великаго предразсудка, то хорошо-ли мы дѣлаемъ, что поддаемся боязни при какомъ бы то ни было частномъ, хотя бы и чрезвычайномъ, преступленіи?... И вотъ причина, по которой мы считаемъ не бесполезнымъ познакомить нашихъ читателей съ великолѣпной книгою, поставленной у насъ въ заглавіи.

Авторъ этой книги принадлежитъ къ тому благородному и мощному поколѣнію людей, народившихся въ концѣ XVIII вѣка, которые, кажется, для того только и жили, чтобы поселить въ умахъ людей и осуществить на дѣлѣ, въ учрежденіяхъ, самыя возвышенныя понятія о правѣ. Будучи такимъ старѣйшиной между современными писателями, онъ, однако, ни одному изъ нихъ не далъ опередить себя, по крайней мѣрѣ на избранномъ имъ поприщѣ. Не смотря на очень преклонныя лѣта, въ которыя люди обыкновенно думаютъ о томъ, какъ бы на покой, онъ съ энтузіазмомъ юности выходитъ на борьбу съ знаменемъ въ рукахъ, на которомъ неизгладимыми буквами написанъ великій принципъ, составляющій гордость нашего вѣка, потому что онъ то и дѣло начинаетъ одерживать побѣды, принципа — неприкосновенности человеческой жизни

Книга Шгейермайера имѣетъ то капитальное достоинство, что она вовсе не есть болѣе или менѣ искусный выводъ изъ идеи, заранѣе возведенной на степень убѣжденія. Его методъ — чисто

опытный. Пораженный, наравнѣ со всѣми здравомыслящими людьми, тѣми громадными успѣхами, которыми естественныя науки обязаны хорошо удавшимся опытамъ и добросовѣстно сгруппированнымъ наблюденіямъ, онъ захотѣлъ приложить такой же точно методъ и къ уголовному праву, т. е. рѣшить на основаніи опыта, годна смертная казнь или нѣтъ для той цѣли, которой посредствомъ нея достигаютъ. Зная какъ свои пять пальцевъ всѣ теоріи уголовного права и уголовные кодексы всѣхъ временъ и народовъ, будучи убѣжденъ въ единствѣ христіанской цивилизаціи, онъ свелъ въ своемъ изслѣдованіи громадныя данныя; онъ цитируетъ публицистовъ, законодателей, философовъ Европы и Америки; свои доказательства онъ почерпаетъ то изъ исторіи, то изъ теоріи уголовного права, то изъ криминальной статистики различныхъ странъ; онъ разбираетъ и послѣдствія отміны смертной казни, и результаты, полученные отъ введенія хорошей исправительной системы.

Отъ множества другихъ сочиненій о смертной казни книга эта отличается главнымъ образомъ еще тѣмъ, что ея авторъ почти вовсе не прибѣгаетъ къ доказательствамъ, дѣйствующимъ на чувства. Такимъ образомъ онъ, повидимому, добровольно лишаетъ себя одного изъ могущественнѣйшихъ средствъ пропаганды, потому что вообще гораздо легче подѣйствовать на сердце, чѣмъ на разумъ; но на самомъ дѣлѣ книга его только выигрываетъ отъ этого обстоятельства, что въ ней не видно ни малѣйшаго покушенія тронуть читателя, котораго она способна вполне убѣдить. Умъ человѣка, несмущаемаго воззваніемъ къ его даже самымъ возвышеннымъ страстямъ, съ большимъ довѣріемъ принимаетъ строгіе доводы, основанные на голыхъ фактахъ, лишонныхъ всякаго риторическаго украшенія, доводы, въ которыхъ цифры чуть-ли не больше занимаютъ мѣста, чѣмъ слова.

Мы въ этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ нашимъ авторомъ, представляемъ поэтамъ всякія обращенія къ чувствамъ и всю эту аргументацію, исходящую изъ сердца, и вмѣстѣ съ нимъ же обращаемся къ исторіи и опыту.

Исторія уголовного права даетъ намъ результатъ совершенно непредвидѣнный. Постановленія уголовного кодекса далеко не находятъ, какъ можно было бы думать, въ непремѣнномъ соотношеніи съ состояніемъ нравовъ; предположеніе, что эти за-

коны болѣе человѣчны въ странахъ цивилизованныхъ и крайне свирѣпы у варваровъ, оказывается совершенно неосновательнымъ. Напротивъ, у народовъ очень просвѣщенныхъ мы встрѣчаемъ самыя страшныя казни, такія, о которыхъ нѣтъ и помину у народовъ, несравненно болѣе варварскихъ.

Уголовное право находится въ гораздо меньшей зависимости отъ нравовъ, чѣмъ отъ религиозныхъ и политическихъ идей, господствующихъ въ странѣ. Во все времяна уголовный кодексъ былъ безчеловѣчно строгъ, не смотря ни на какое умственное и художественное развитіе народа, гдѣ не признавались ни права, ни склонности личной человѣческой совѣсти, гдѣ правительства никогда, ничѣмъ инымъ не умѣли оддерживать учреждений, необходимыхъ для своей безопасности, какъ только распространяя вокругъ себя страхъ и ужасъ. Пусть ненавидятъ лишь бы боялись, — вотъ что громко провозглашали самыя безжалостныя изъ нихъ. Не пользуясь сочувствіемъ со стороны своихъ подданныхъ, на которое, по смѣтливости своей, они никогда не думали и рассчитывать, они вынуждали внѣшніе признаки уваженія къ своимъ неотъемлемымъ, по ихъ мнѣнію, правамъ. Они не стыдились насильно загонять своихъ подданныхъ въ церкви, они не гнушались прибѣгать къ самымъ безчеловѣчнымъ казнямъ, какъ къ наилучшему средству удерживать людей отъ дѣйствительныхъ или только мнимыхъ преступленій. Времена, на примѣръ, Августа и Лудовика XIV не только равняются въ этомъ отношеніи по своему звѣрству съ временами самаго свирѣпаго варварства, но, отчасти, даже превосходятъ ихъ. Надъ этими временами, столь отдаленными другъ отъ друга, тяготѣютъ еще всею своею тяжестью идеи древняго міра.

Главнѣйшими изъ этихъ идей, давшихъ характеръ уголовнымъ законамъ всѣхъ странъ и не искоренившихся вполнѣ даже до сихъ поръ изъ нашихъ кодексовъ, должно считать три слѣдующія:

Первая и древнѣйшая изъ нихъ — идея о возмездіи, отплатѣ. Отсюда самая грубая, варварская форма расправы. Око за око, зубъ за зубъ, жизнь за жизнь: вотъ что лепетала въ началѣ человѣческая совѣсть по поводу преступленія, смущавшаго ее болѣе какъ физическое зло, чѣмъ какъ нарушеніе общественнаго порядка.

Затѣмъ вскорѣ къ идеѣ о возмездіи примѣшивается идея объ искупленіи, въ которой просвѣчивается уже нѣкоторое смут-

ное понятіе о правосудіи. Первобытныя, да почти и всѣ новыя народы, будучи подавлены религіозными предрасудками и сбиты съ толку буквальнымъ толкованіемъ священныхъ книгъ, представляли себѣ, что преступленіе страшно прогнѣвляеть божество и исполняеть его жаждою отмщенія. Лучшимъ средствомъ отвратить отъ самихъ себя кары разгнѣванныхъ небесъ они считали принесеніе въ жертву этимъ небесамъ преступника. Смертная казнь прежде всего—религіозный актъ, въ которомъ преступникъ играетъ роль очистительной жертвы.

Наконецъ, еще въ самыя отдаленныя времена встрѣчается, болѣе или менѣе ясно сознаваемая, болѣе или менѣе звѣрски осуществляемая, идея устрашенія. Въ тѣ времена, когда непросвѣщенную еще нисколько совѣсть одинъ только страхъ и побуждалъ къ добру, и отвращалъ отъ зла, и когда всякую власть всюду окружали ликторы, тогда въ устрашеніи, разумѣется, видѣли самую энергическую мѣру для нравственнаго воспитанія и дѣтей и цѣлыхъ націй. Отсюда систематѣлесныхъ наказаній и самыя чудовищныя казни, считавшіяся самою внушительною мѣрою.

Ничего нѣтъ изумительнаго, что эти идеи господствовали во времена варварскія; но стоитъ подивиться тому, что онѣ не выброшены окончательно даже до сихъ поръ изъ нашихъ кодексовъ. Нечего и говорить, что въ продолженіе всего XVII вѣка, во Франціи, наприм., на глазахъ у Фенелона и Расина, которые новсе не думали протестовать, людей—пытали, четвертовали, колесовали, жгли, и часто притомъ за такія вещи, за которыя теперь много-что подвергли бы на время тюремному заключенію. Даже XVIII вѣкъ оскверняли эти чудовищныя зрѣлища; но онъ, по крайней мѣрѣ, протестовалъ устами своихъ великихъ людей, и революція, внявъ этому протесту, перестала неистовствовать, хотя бы на подмосткахъ эшафота....

Гуманныя принципы, провозглашонные въ безсмертныхъ книгахъ этой эпохи, приобрѣтая все болѣе и болѣе сильное вліаніе на статьи уголовныхъ кодексовъ, не могли разомъ освободить общественную совѣсть изъ-подъ ига старыхъ идей. Кто захочеть выникнуть въ глубь, тотъ безъ труда убѣдится, что защитники смертной казни до сихъ поръ не перестаютъ основывать ея законность или на идеѣ ъ возмездія, или на идеѣ искупленія, или на идеѣ устрашенія. Только старыя заблужденія получили новыя названія. Изъ идеи объ отмщеніи, отплатѣ, сдѣлали систему

воздаянія, изъ идеи искупленія — теорію отрѣшоннаго правосудія, въ которой общество, заступивши мѣсто карающихъ небесъ древняго міра, тоже жаждетъ мщенія. Германія въ особенности ухищрялась заглушить громкими словами неумолкаемо протестующую совѣсть. Что касается до системы устрашенія, то она остается и до сихъ поръ популярнымъ аргументомъ въ защиту смертной казни.

Только философія, основанная на вѣрѣ въ способность людей совершенствоваться, только одна она и могла окончателно подорвать старыя идеи. И тутъ, разумѣется, дѣло не обходится безъ борьбы принципа свободы съ принципомъ власти. Повсюду, гдѣ свобода пускаетъ корни, она тотчасъ же даетъ драгоцѣнные плоды, изъ которыхъ уваженіе къ человѣческой жизни и къ человѣческому достоинству едва-ли не самый драгоцѣннѣйшій. Мягкость нравовъ, неопирающихся на крѣпкія нравственныя начала, вовсе не исключаетъ собою страсти къ сильнымъ ощущеніямъ и не внушаетъ уваженія къ человѣческой жизни. Мы знаемъ изъ мемуаровъ XVII столѣтія, какъ нравилось, напримѣръ, французскимъ дамамъ самаго высшаго круга, этимъ героинямъ различныхъ галлантныхъ исторій, присутствовать при казняхъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что въ пору самой утонченной цивилизаціи, по недостатку принциповъ, могутъ свирѣпствовать самыя варварскіе законы. Чѣмъ комфортабельнѣе и полише наслажденіями жизнь, тѣмъ страшнѣе кажется все то, что угрожаетъ ей. Чуть что смутитъ ее, все приходитъ въ ужасъ и начинается искать спасителя.

Правда, мы знаемъ, что въ Тосканѣ эшафотъ былъ низвергнуть единственно вслѣдствіе смягченія нравовъ. Но другаго подобнаго примѣра мы не найдемъ въ исторіи. Между тѣмъ, таже исторія тысячами примѣровъ убѣждаетъ насъ, что всегда и вездѣ всякій успѣхъ свободы непременно влечетъ за собою соотвѣтствующій успѣхъ и въ уголовныхъ законахъ. Этотъ неоспоримый фактъ не ускользнулъ отъ пронизательнаго взгляда Монтескье. Онъ доказываетъ на Римѣ тѣ тѣсныя и необходимыя соотношенія, въ которыя становятся всегда уголовные законы съ законами политическими.

Миттермайеръ придаетъ этому аргументу огромную силу. Смыслъ словъ его по этому поводу тотъ, что когда народъ научается цѣнить свободу и, слѣдовательно, уважать должнымъ образомъ нравственную природу человѣка, тогда

чувство гражданской чести и гражданского достоинства заставляет его уважать право. Онъ перестаетъ не только казнить, но даже съчь. Тѣже великодушныя и либеральныя начала, въ которыхъ начинается онъ воспитывать дѣтей, вводитъ онъ и въ законы, воспитывающіе гражданъ. Тираннія, напротивъ, только тогда и чувствуетъ себя въ безопасности, когда опирается на палача. Слишкомъ гнусная для того, чтобъ дѣлать обращенія къ возвышеннымъ чувствамъ, которыя способны только осуждать ее, она пускается изъ чувства самосохраненія на всякія низости, развиваетъ въ подвластныхъ самыя грязныя склонности, какъ, напримеръ, алчность къ матеріальнымъ благамъ, боязливость и проч. Достаточно знать исторію Рима, чтобъ убѣдиться въ благотворномъ вліяніи свободы и въ развращающихъ свойствахъ тиранніи. Съ основаніемъ республики тотчасъ отмѣняется тѣлесное наказаніе и Порціевы законы объявляютъ жизнь гражданина неприкосновенною. По мѣрѣ того какъ падалъ благородный идеалъ республики, вмѣстѣ съ которымъ падала и древняя римская доблесть, смертная казнь появилась снова. Во времена имперіи было уже принято за правило казнить смертью за всѣ важныя преступленія, важнѣйшимъ изъ которыхъ, разумѣется, считалось т. п. оскорбленіе величества. А такъ какъ, благодаря ревности доносчиковъ, жадности до фиска и неизлечимой боязни, смущающей всякую тиранническую власть, однихъ этихъ страшнѣйшихъ преступленій открывалось несмѣтное количество, то и людей казнили безъ счету. Вмѣстѣ съ чувствомъ свободы, деспотизмъ убилъ въ гражданахъ гражданскую доблесть, а въ правительствѣ чувства уваженія къ человѣческому достоинству.

Самое разительное въ этомъ примѣрѣ то, что нравы имперіи вначалѣ были гораздо менѣе грубы, чѣмъ въ самую блестящую пору республики. Нуженъ былъ цѣлый вѣкъ, чтобъ искоренить изъ римскихъ сердецъ всякое челоуѣколюбіе и довести римлянъ, уже отрекшихся отъ гражданскихъ правъ, до того, чтобъ они вовсе позабыли совѣсть. Такимъ образомъ, если Августъ и Тиберій снова взялись за смертную казнь, то это потому, что существуетъ естественное родство между этою казнью и деспотизмомъ.

Огнѣна смертной казни есть слѣдствіе извѣстнаго правственнаго принципа, а не такого или иного чувства; она доказываетъ не столько то, что нестерпимо ужасенъ видъ крови, сколько то, что уважено челоуѣческое достоинство. Такъ въ самомъ

Римъ, во времена республики, когда граждане изтѣты были отъ казни и пытокъ, казнить и пытатъ рабовъ и иностранцевъ, которыхъ древнее общество въ своей необузданной гордости считало за людей гораздо низшей нравственной природы, — было ни-почомъ. Точно также можно указать и въ средневѣковой Европѣ нѣсколько такихъ государствъ, въ которыхъ казнили безъ милосердія и безъ счоту т. н. чернь, между тѣмъ какъ жизнь членовъ господствовавшей аристократіи считалась неприкосновенною.

До тѣхъ поръ, покуда не подрывались т. н. неизблемыя основы деспотизма, не знавшаго границъ, на смертную казнь не было никакихъ нападокъ. Правда, нѣкоторые изъ отцовъ и учителей, нѣкоторые диссидентскія секты протестовали, основываясь на христіанской и чловѣколюбивой идеѣ объ искупленіи грѣха покааніемъ; но эти голоса заглохли среди другихъ ученій, которыя держались всѣ одинаково крѣпко за идею о Богѣ мститель, о гнѣвномъ вѣтхозавѣтномъ Богѣ. Даже до сихъ поръ въ странахъ, провикнутыхъ предпочтительнымъ уваженіемъ къ Вѣтхому Завѣту, смертная казнь не только не признается дѣломъ, во всякомъ случаѣ, подлежащимъ обсужденію, но въ ней видать просто что-то святое. Много въ высокой мѣрѣ интересныхъ доказательствъ этому находитъ Миттермайеръ въ американскихъ пѣтистскихъ республикахъ и въ католическихъ державахъ.

Возставать противъ смертной казни начали съ половины XVIII вѣка, именно съ тѣхъ самыхъ поръ, когда впервые со всѣхъ сторонъ посыпались нападки на принципъ власти чисто-внѣшней, на эту причину, изъ которой казнь вытекаетъ, какъ крайнее слѣдствіе. Въ эту торжественную пору въ умахъ совершился страшный переворотъ. Центръ тяжести нравственнаго міра былъ опрокинутъ: вмѣсто того, чтобъ полагать его во власти чисто-внѣшней, его стали искать въ самой природѣ чловѣка, высшій органъ которой есть разумъ. Иначе стали понимать законъ, бывший до тѣхъ поръ просто высочайшимъ указомъ; онъ сталъ, по выраженію Монтескье, необходимымъ отношеніемъ, вытекающимъ изъ самой природы вещей. Богословы, да, по правдѣ сказать, почти я всѣ жившіе въ предшествовавшія эпохи, говорили: «это справедливо потому, что Богъ такъ хочетъ»; правовѣрные XVIII вѣка стали произносить наоборотъ: «Богъ хочетъ такъ потому, что того требуетъ справедливость».

Пламенное, страстное изслѣдованіе закона, — вотъ характеристическая черта этой славной эпохи.

Вслѣдствіе различныхъ вліяній политическая теорія дошла тутъ до того, что противопоставила монархическому принципу догматъ народнаго представительства. Догматъ этотъ, считавшійся уже тогда утвержденнымъ въ Англіи на прочныхъ основахъ, благодаря произведенной тамъ революціи, признанный почти единодушно еще въ концѣ XVII вѣка французской реформой, былъ принятъ и большинствомъ философовъ. Передъ тѣмъ какъ ему осуществиться, онъ былъ изслѣдованъ теоретически и въ своемъ принципѣ и въ своихъ послѣдствіяхъ.

Принципъ народнаго представительства есть ничто иное, какъ личное право, опредѣляемое, дополняемое и въ то же время ограничиваемое ассоціаціей. Изъ этого заключили, что общество логически, если не исторически, зиждется на договорѣ.

Положеніи объ общественномъ договорѣ (*contrat social*) занимали собою всю публицистику, составляли главную задачу всѣхъ революцій второй половины XVIII вѣка. Эти-то положенія и послужили основой для первой теоретической протестаціи противъ смертной казни. Беккарія, въ безсмертной книгѣ, написанной подъ благотворнымъ вліяніемъ французской философіи и французскаго общества, доказываетъ съ жаромъ итальянца, что никто не могъ включать въ общественный договоръ ни своей совѣсти, ни своей жизни, а отсюда онъ выводитъ, что общество не имѣетъ права казнить смертью. Здѣсь опять сдѣланъ ложный выводъ изъ совершенно вѣрнаго положенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ во многихъ случаяхъ долженъ жить для общества, которое нерѣдко совершенно въ правѣ распорядиться его жизнью. Равно несомнѣнно, съ исторической точки зрѣнія, и то, что общество не зиждется вовсе на договорѣ, а съ теоретической, что общество есть среда, необходимая для полнаго развитія индивидуальной жизни. Но за этия уступки, истины, которыя хотѣли утвердить независимые публицисты посредствомъ гипотезы объ общественномъ договорѣ, остаются уже нерушимы. Ибо, если общество есть дѣло необходимости, а не учрежденіе, зависящее отъ доброй воли, то неоспоримо, съ другой стороны, что оно, какъ состоящее изъ людей свободныхъ, немыслимо безъ законовъ, возникшихъ изъ свободного подчиненія. Такимъ образомъ защитники личнаго права въ большинствѣ случаевъ сходятся съ поборниками об-

нественнаго договора. Если они расходятся, то это, главнымъ образомъ, изъ-за того, что послѣдніе, не опредѣливши точно существенныхъ и, стало быть, неотъемлемыхъ правъ личности, дошли до страшнаго преувеличенія правъ большинства, до предоставленія ему власти даже надъ будущимъ и средствъ ограничивать свободу гражданъ гораздо болѣе, чѣмъ того требуетъ общественное устройство. Разномысліе по этому поводу двухъ теорій, сходящихся, повторяемъ мы, въ большинствѣ выводовъ, имѣло важныя послѣдствія въ современной исторіи. Сходятся же эти теоріи въ такой мѣрѣ, что, напр., Миттермайеръ, совершенно отвергая гипотезу объ общественномъ договорѣ, заодно съ нею и почти на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, не признаетъ за обществомъ права приговаривать къ смерти. Общество, говоритъ онъ, установленное для того, чтобъ охранять общественныя права, лишая преступника своего покровительства, признаетъ этимъ самымъ свое безсиліе. И въ этомъ случаѣ, отнять съ головы преступника свою охраняющую руку и предоставить его всѣмъ случайностямъ, свойственнымъ жизни дикарей, это все, что оно, могло бы сдѣлать, еслибъ самая цѣль его не налагала на него гораздо болѣе высокой обязанности, состоящей именно въ томъ, чтобъ возвышать падшихъ, наставляя ихъ на путь истинный.

Послѣ Беккарии большинство великихъ умовъ XVIII вѣка протестовало только противъ расточительности на казни и противъ звѣрской жестокости, съ которою обыкновенно совершались онѣ. Монтескье, Вольтеръ, допуская смертную казнь убійцъ и политическихъ преступниковъ, энергически возстаютъ противъ казни за преступленія, причиняющія одинъ только матеріальный вредъ, и требуютъ, во имя гуманности, отмѣны пытокъ и всякихъ уточненностей въ дѣлѣ казни. Въ XIX вѣкѣ принято было почти повсемѣстно, что такъ тому и быть, какъ они положили.

Но великій протестъ Беккарии, хотя не прибрѣвшій, даже и въ наше время, всеобщаго сочувствія, произвелъ, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Съ тѣхъ поръ смертная казнь, за которую стояли прежде всѣ поголовно, стала постояннымъ предметомъ преній и споровъ. Каждый возвышенный порывъ общественной совѣсти сталъ сопровождаться провозглашеніемъ отмѣны казней, вообще или съ ограниченіями, и не усидѣлъ прійти еще къ концу тотъ самый вѣкъ, въ который Беккариа

возвысилъ свой голосъ, какъ челоѣколюбивая мысль его осуществилась уже вполне во многихъ странахъ.

Въ XVIII столѣтїи, въ эту пору громадной и плодотворной дѣятельности, когда писатели, парламенты, вельможи, сами государи наперерывъ другъ передъ другомъ шли на встрѣчу революціи, общественное мнѣніе возымѣло такую власть, какой не имѣло оно никогда ни въ какую другую пору. Вся Европа горѣла тогда неутолимою жаждою реформъ, и писанїя людей, дававшихъ инициативу, находили не только читателей, приходившихъ въ восторгъ отъ нихъ, но и смѣлыхъ людей, готовыхъ претворять въ дѣло слова ихъ. Горячо принятое общественнымъ мнѣніемъ ученїе Беккари, будучи истолковано Вольтеромъ, понудило многія страны къ отмѣнѣ пытокъ, впрочемъ уже не существовавшихъ тогда въ Англїи, которой, такимъ образомъ, принадлежитъ честь инициативы въ этомъ дѣлѣ.

Въ Тосканѣ, гдѣ собственно перестали казнить еще съ 1774 года, смертная казнь была отмѣнена оффиціальнымъ образомъ только въ 1786 году Леопольдомъ, «потому, — какъ выразился законодатель, — что опытъ доказалъ, что жестокія наказанїя только затрудняютъ и что уголовный законъ долженъ заботиться не только объ охраненїи общественной безопасности и о вліяніи посредствомъ примѣра, но и объ усовершенствованїи нравственности преступника, на которое никогда не надо смотрѣть, какъ на невозможное дѣло». Подобныя же причины понудили и другаго государя, реформатора XVIII вѣка, Іосифа II, отмѣнить смертную казнь въ Австріи (1787 г.).

Но первыя бури революціи, страшно ожесточившей европейскїя правительства, остановили движенїе этого дѣла. Самъ Леопольдъ въ 1790 году снова узаконилъ смертную казнь для политическихъ преступниковъ; а въ 1795 году въ Тосканѣ, въ 1796 и въ 1803 въ Австріи торжество реакціи ознаменовалось тѣмъ, что снова начались казни преступниковъ всякаго рода.

Да, еслибъ мы могли вмѣстить въ нашу статью всю эту кучу поучительныхъ фактовъ, сгруппированныхъ въ книгѣ г. Миттермайера, то думаемъ, что никто изъ способныхъ убѣждаться не усомнился бы, что всегда и вездѣ смягченїе статей уголовныхъ кодексовъ и отмѣна казней, точно такъ же какъ и усовершенствованїе уголовного слѣдствїя, находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ степени развитїя политическихъ учрежденїй. Будучи принуждены, самымъ объемомъ журнальной

статьи, дѣлать самый существенный выборъ изъ книги Миттермайера, во многихъ отношеніяхъ интересной отъ слова до слова, мы въ доказательство этой истины можемъ прослѣдить исторію вопроса о смертной казни съ конца XVIII вѣка до нашего времени, напр. хоть во Франціи, гдѣ вопросъ этотъ за это время выдвигался особенно на видъ.

Французскій уголовный кодексъ оставался звѣрски неумолимъ вплоть до самой революціи. Сила общественнаго мнѣнія, бывшаго въ сграшно-возбужденномъ состояніи, благодаря неустанной иниціативѣ Вольтера, застала Людовика XVI отмѣнить предварительный допросъ (1780) и пытки (1788); но самыя наказанія все-таки остались варварски жестоки. Революція, руководствовавшаяся во всемъ чистымъ разумомъ, разумѣется, не потеряла этого. Она тотчасъ вошла и въ эту область съ своими принципами. Она не только сразу отмѣнила всякія утонченности въ дѣлѣ казни, но приступила прямо къ рѣшенію вопроса о законности смертной казни, противъ которой въ сущности не возставалъ еще тогда ни одинъ изъ французскихъ публицистовъ.

Во время споровъ о конституціи открылись эти достопамятныя пренія по поводу доклада Лепелеттье, единодушно принятаго конституціонными и законодательными комитетамъ, заставшими вмѣстѣ для обсужденія его. Последнимъ словомъ этого доклада было то, что смертная казнь, которой можно еще въ нѣкоторой мѣрѣ подвергать вождей политическихъ заговоровъ, не должна быть допускаема ни въ какихъ другихъ случаяхъ. Въ докладѣ Лепелеттье не пропущено почти ни одного изъ тѣхъ главныхъ аргументовъ, которые могутъ быть приведены противъ смертной казни, такъ что даже до сихъ поръ чтеніе его далеко небезполезно. Въ немъ подробно разсматриваются общественные права и интересы и доказывается съ замѣчательной силой, что такая казнь, мало того, что превышаетъ права общества, вредитъ еще скорѣе, нежели приноситъ пользу его интересамъ. Тѣмъ не менѣе предложеніе совершенной отмѣны смертной казни было отвергнуто громаднымъ большинствомъ голосовъ. Голосъ общественнаго мнѣнія, бывшаго на сторонѣ Лепелеттье и говорившаго устами Робеспьера, Петіона, Дюпора и др., былъ заглушенъ возопіявшей аристократіей, криками умѣренныхъ изъ средняго сословія, а главное бурей, поднятой по этому поводу духовенствомъ, которое съ осо-

бенинымъ ожесточеніемъ отстаивало смертную казнь, опираясь главнымъ образомъ на то, что въ Библии, гдѣ разсказывается нѣсколько случаевъ казни, нѣтъ ни одного слова противъ нея. Напрасно Дюпоръ въ отвѣтъ на это приводилъ слова той же Библии, гдѣ Богъ говоритъ: да не будетъ убіенъ Камень. Учредительному собранію показалось, что оно поступило и такъ достаточно гуманно, принявши за правило—казнить впродъ только за политическія преступленія, да за самыя страшныя посягновенія на священныя права личности и не мучить казнимыхъ.

Нечальный опытъ вскорѣ доказалъ, сколько вреда надѣлало это собраніе тѣмъ, что не хотѣло во-время возвыситься до великодушія, которымъ прониклось-было вначалѣ общественное мнѣніе. Когда революція, отликовавши свою непрочную побѣду, пришла, наконецъ, въ себя и вступила въ рѣшительный кризисъ, когда она натолкнувшись на оппозицію, пришла въ ярость и шлепала противъ сопротивленія отчаянную атаку, тогда, разумѣется, дѣло не обошлось безъ оружія, оставшагося, къ несчастію, вслѣдствіе промаха учредительнаго собранія, въ распоряженіи страстей. Началось просто юридически-оформленное избиеніе; повалились головы не однихъ заговорщиковъ; достаточно было хоть на минуту, въ какомъ бы то ни было, хотя самомъ мутномъ, дѣлѣ, только показаться торжествующей партіи помѣхой, чтобъ сложить свою голову на плахѣ.

Несколько умилемъся при видѣ людей, которые, среди этой бездны разбушевавашагося гнѣва, оставались непоколебимо тверды въ своей человѣколюбивыхъ стремленіяхъ и не переставали взывать объ отбѣнѣ смертной казни. Такихъ людей находилось не мало. Кондорсе первый; на другой день послѣ произнесенія приговора надъ Людовикомъ XVI, заявилъ конвенту, что пора снести дело въ эшафотъ; немного спустя, въ томъ же духѣ заговорилъ нѣкто Фонфредъ, потомъ, въ III году, неоднократно настаивало на томъ же множество голосовъ изъ толпы, потомъ наконецъ (9-го ванд. IV г.) протестовалъ Ланжюизъ.

Национальное собраніе, будучи противъ воли, вслѣдствіе несчастной уступки, вынужденной у него будто бы какими-то особыми требованіями революціонной поры, столь расточительнымъ къ казни, чувствовало тѣмъ не менѣе, что Боденъ сказалъ правду въ засѣданіи 4-го брюмера IV года, «что общественное мнѣніе такъ же нетерпѣливо ждетъ низверженія эшафота, какъ ждало оно низверженія короля». Оно закотѣло законъ.

читать свою деятельность блистательнымъ заявленіемъ въ пользу того принципа, которымъ только по необходимости, какъ говорило оно, жертвовало для успѣховъ революціи. Конвентъ въ послѣднемъ изъ своихъ декретовъ провозгласилъ, что смертная казнь отмѣняется «со дня объявленія всеобщаго мира».

Всѣ были увѣрены, что день этотъ близокъ, и эта отсрочка торжества гуманныхъ началъ никого не раздражила. Отпаденіе Пруссіи и Испаніи сокрушило коалицію; Австрія была уже близка къ тому, чтобы положить оружіе, и Англія тогда еще неказалась столь страшно озлобленною на Францію, какою зарекомендовала она себя потомъ. Надѣяться на то, что правительство, столь энергическое въ дѣлѣ военной защиты и столь умѣренное въ своихъ притязаніяхъ, не замедлитъ добиться мира, было можно, даже должно.

Какъ бы то ни было, настало наконецъ время, когда водворенный миръ долженъ былъ принести Франціи вмѣстѣ съ своими обычными благами и это чрезвычайное, состоявшее въ отмѣнѣ смертной казни. Тотчасъ послѣ заключенія люневильскаго мира, наканунѣ аміенскаго, французская республика должна была сдержать слово, данное за нее человѣчеству конвентомъ.

Но духъ французскаго правительства уже измѣнился къ этому времени. Реакція заступила мѣсто реформатскаго движенія; самые святые принципы утратили свое свойство исполнять энтузіазмомъ общество. По той причинѣ, что пора завершить революцію, сдѣланъ былъ быстрый поворотъ къ старому порядку. Консульство съ того и начало, что стало подкапываться подъ основныя начала революціи, подрывать громко гражданскія и человѣческія права. За нѣсколько мѣсяцевъ до возстановленія невольничества въ колоніяхъ, оно возстановило смертную казнь (29 декаб. 1801 г.); въ декретъ было сказано, что смертная казнь остается *впредь до отмѣны ея новымъ закономъ*.

Уголовный кодексъ имперіи, какъ и надо конечно ожидать, былъ щедръ до расточительности на казни. Всѣ криминалисты въ одинъ голосъ говорятъ о его чудовищной жестокости и, разумѣется, единодушно осуждаютъ его за это.

Во время реставраціи, либеральная партія устами нѣкоторыхъ изъ своихъ достойнѣйшихъ представителей снова энергически протестовала противъ смертной казни, а въ особенности противъ казни за т. н. политическія преступленія. Но реакція релігіозная и вмѣстѣ политическая, свирѣявавшая тогда, взд-

ля верхъ. Эшафотъ былъ одною изъ тѣхъ «старинныхъ вещей», которыя подновлялись, освящались снова посредствомъ закона или моды и снова начинали вводиться въ жизнь. Въ эту пору реакціонеры не погнушались попытаться возвысить даже самого палача. Де-Местръ, напр., какъ истый цоборникъ такихъ началъ, потратилъ много краснорѣчія на то, чтобъ придать трагически величавый характеръ этой гнуснѣйшей изъ ролей, могущей выпасть на долю человѣка.

Общественная совѣсть, подавленная, но не заглушенная такими свирѣпыми теоріями, энергически протестовала противъ нихъ самымъ низверженіемъ старшей линіи Бурбоновъ. Затѣмъ она тотчасъ потребовала и добилаеь отъ палаты депутатовъ отмены смертной казни. Сначала можно было думать, что это удовлетвореніе, данное июльскою революціею чувству гуманности, составитъ ея славу. Но ее обезславилъ въ этомъ случаѣ палата пэровъ, въ которой нашлось множество вліятельныхъ враговъ этого святаго дѣла, тотчасъ же возвысившихъ свой голосъ.

Вслѣдъ за отрѣшеніемъ отъ дѣлъ министровъ Карла X, господствовавшая олигархія, какъ извѣстно, почла себя отчасти удовлетворенною и успокоилась. Пробужденная, поднятая на нѣсколько дней революціоннымъ теченіемъ, высшая буржуазія, которая одна заправляла всѣмъ, также не замедлила снова власть въ сословный эгоизмъ и снова обнаружить свои слѣпо консервативныя тенденціи. Она вскорѣ даже вовсе отказалась отъ тѣхъ высокихъ цѣлей, за которыя начала-было сражаться; принципы, служившіе ей знаменемъ, ошошались въ ея собственныхъ глазахъ. Чтобъ отдѣлаться отъ нихъ, она начала плутовать, подыматься на штуки; она вообразила, что для успокоенія умовъ и снятія съ себя всякихъ упрековъ, за глаза довольно признать эти принципы только отчасти. И дѣйствительно, она стала одной рукою давать, а другой чуть только не вовсе отнимать свободу печати, свободу ассоціацій, религіозную свободу. Точно также стала она, не смотря ни на какія заявленія и настоянія людей, воспитавшихся въ духѣ первой революціи, обходиться и съ вопросомъ о смертной казни; она и тутъ не столько озаботилась его рѣшеніемъ, сколько тѣмъ, чтобъ и въ этомъ случаѣ увильнуть.

Законодатель 1832 года, призванный для исправленія уголовнаго кодекса имперіи, началъ съ того, что уничтожилъ треть случаевъ, въ которыхъ этотъ деспотическій кодексъ пред-

писывалъ казнить. Касательно же самаго принципа, онъ не зналъ, какъ и повести себя. Не найдя въ себѣ окончательной смѣлости, чтобъ порѣшить съ нимъ самому, онъ предоставилъ судьбу его на волю общественнаго мнѣнія, такъ часто колеблющагося и подверженнаго всевозможнымъ уклоненіямъ. Провѣрить же это мнѣніе, узнать болѣе или менѣе точно степень его враждебности къ смертной казни онъ рассчитывалъ изъ вердиктовъ суда присяжныхъ, которому, будучи самъ въ душѣ поборникомъ постепенной отмѣны этой казни, онъ даровалъ верховныя права посредствомъ введенія т. н. системы смягчающихъ обстоятельствъ.

Въ своемъ объясненіи передъ палатою депутатовъ, въ заведеніе 31 августа 1832 года, показавши, почему законодатель, будучи глубоко убѣжденъ въ необходимости смягчить черезчуръ уже жестокіе уголовные законы, не сдѣлалъ однако въ кодексѣ никакихъ коренныхъ измѣненій и удовольствовался тѣмъ, что предоставилъ общественному мнѣнію средства приводить наказанія въ надлежащее соотвѣтствіе съ болѣе гуманными чувствами, г. Бартъ, хранитель печатей, прибавляетъ:

«Безъ сомнѣнія, судъ присяжныхъ, имѣя въ виду несообразность наказаній, часто принужденъ будетъ такъ или сякъ кривить душой при опредѣленіи степени виновности преступника; но избѣгать совершенно такого отчасти обезоруживающаго вліянія нельзя ни въ какомъ случаѣ; такъ лучше же уважить его должнымъ образомъ, чѣмъ на явную погубель обществу провозглашать безнаказанность и помогать распространенію и вкорененію опасной доктрины о всемогуществѣ».

Въ докладѣ Дюмона это выражено еще яснѣе:

«Комитетъ, сказано въ немъ, вовсе не подымалъ серьезнымъ образомъ вопроса о законности смертной казни, этого важнаго вопроса, смущающаго совѣсть, ставящаго самый разумъ въ затруднительное положеніе и разрѣшаемаго практикою столькихъ вѣковъ и народовъ наперекоръ всѣмъ философскимъ сомнѣніямъ и всякимъ возгласамъ чувства гуманности. Вашъ комитетъ хочетъ, во что бы то ни стало, осуществить вполне тѣ филантропическіе замыслы по этому поводу, которые волнуютъ не одного его; но интересы самаго этого святаго дѣла, которому можетъ страшно повредить неудача попытки, сдѣланной очертя голову, чтобъ ускорить благоприятное рѣшеніе его, интересы общества, у котораго нельзя отнять самыхъ надежныхъ

средствъ къ защитѣ, не оборонивъ его другими, хотя не столь кровавыми, но не менѣе энергическими мѣрами, состояніе страны, настроеніе умовъ, все заставляетъ насъ думать, что *только постепенная отмена казни разумна и возможна*, и намъ кажется, что мы сдѣлали уже большой шагъ въ этомъ направленіи, допустивши смягчающія обстоятельства, поставивши на видъ судьямъ, чтооъ они были какъ можно осмотрительнѣе при обвиненіи въ соучастіи, и отмѣнивши казнь за преступленія, въ которыхъ не будетъ открытаго посягновенія на жизнь ожившаго.

Наконецъ, во время самыхъ пренія по этому поводу, одинъ изъ судей, нѣкто Форъ, сказалъ между прочимъ слѣдующія энергическія слова:

«До сихъ поръ присяжнымъ судьямъ только и твердили, что имъ не должно быть никакого дѣла до результатовъ такого или иного изъ ихъ рѣшеній, что вѣднѣю ихъ подлежатъ только нравственная и матеріальная стороны факта, вмѣняемаго въ преступленіе. Вѣснъ хотѣлось, чтобъ судья позабывалъ на нѣкоторое время то, чему онъ цѣлую жизнь учился, въ чемъ каждый день убѣждалъ его неутомимый опытъ; хотѣлось, чтобъ судья во время отпращиванія своей обязанности вовсе переставалъ быть человѣкомъ. Но съ чѣмъ же это сообразно? Богъ отчего внутри едва-ли не каждого изъ судей зачастую происходили мучительныя борьбы разсудка съ долгомъ, сердца съ совѣстью, чувства справедливости съ чувствомъ гуманности; вотъ отчего зачастую приходилось или горько упрекать за чрезвычайъ жестокаго приговора, или выслушивать такія прискорбныя вещи, какъ напр. объявленіе людей, совершившихъ по истинѣ гнусныя дѣла, виновными... Въ теченіе пятнадцати лѣтъ я самъ былъ свидѣлемъ этихъ плачевныхъ результатовъ, и, разумѣется, у меня послѣ этого не повернется языкъ, чтобъ сказать что-нибудь противъ мѣры, которая должна положить конецъ всему этому.»

Такимъ образомъ ясно, что законъ, уполномочившій судъ присяжныхъ принимать во вниманіе смягчающія обстоятельства, издавъ именно съ тою цѣлью, чтобъ дать судьямъ полнѣйшую возможность не допускать до казни.

Система смягчающихъ обстоятельствъ, часо подвергавшаяся осужденіямъ, тѣмъ не менѣе все-таки восторжествовала. Она выигрываетъ за собою то неоспоримое преимущество, что даетъ возможность принимать въ расчетъ обстоятельства, которыхъ законъ не могъ предвидѣть, но которыя, не измѣняя легальнаго

названія преступленія, дѣлають его менѣе тяжкимъ въ нравственномъ отношеніи и должны, стало быть, вліять на мѣру наказанія. Однимъ изъ первыхъ результатовъ, достигнутыхъ тотчасъ вслѣдъ за введеніемъ этой системы, было, между прочимъ, уменьшеніе въ значительной степени числа оправдываемыхъ по суду и, стало быть, увеличеніе случаевъ вѣнненія.

Но вѣрѣя присяжному судѣ право опредѣлять, въ нѣкоторомъ родѣ, своимъ вердиктомъ тяжесть наказанія, законъ 1832 года не измѣрилъ, на сколько вредно это право для самаго учрежденія суда присяжныхъ, а главнымъ образомъ для вопроса, рѣшеніе котораго требовалось отъ него косвеннымъ образомъ.

Предполагалось, что чрезъ это получится возможность имѣть всегда подъ рукой вѣрнѣйшія данныя для знанія истиннаго общественнаго мнѣнія касательно вопроса о смертной казни; но на чемъ основывалось такое предположеніе? Странно было не догадаться, что судъ присяжныхъ плохой источникъ для такихъ данныхъ. Въ виду чудовищныхъ преступленій судѣ трудно сохранить полную свободу сужденія. Ему такъ легко увлечься до произнесенія самаго неумолимаго приговора, тѣмъ болѣе, что обвинитель, стараясь заставить его усомниться въ объемѣ дарованныхъ ему правъ, уменьшаетъ тѣмъ самымъ въ его глазахъ долю падающей на него ответственности за послѣдствія приговора. Опытъ, на доказательную силу котораго такъ много разсчитывали составители закона 1832 года, дѣйствительно, не далъ ожидаемыхъ ими результатовъ. Смягчающія обстоятельства, то принимавшіяся въ разсчогъ, то нѣтъ, систематически ставились на видъ въ уголовныхъ дѣлахъ только тѣми очень немногими изъ числа судей, которые при энергическомъ характерѣ обладали совѣстью, которую никакіе ужасы не могли заглушить, никакіе цвѣты краснорѣчія — обольстить. Изъ этого вышло, что смертная казнь осталась въ такой же силѣ, какъ и была; система же, придуманная съ цѣлью постепенно клонить къ совершенной отиѣнѣ этой казни, повела только къ прискорбнымъ несообразностямъ въ дѣлѣ уголовного вѣнненія; потому что именно вслѣдствіе ея зачастую — по истинѣ страшныя преступленія стали наказываться кагоржною работою, а преступленія сравнительно маловажныя — смертю.

Пойти дальше этой системы общественному мнѣнію, разумѣется, въ значительной мѣрѣ помѣшало, между прочимъ, одно обстоятельство, неизбѣжное при условіяхъ современнаго общест-

веннаго быта. Статистики доказываютъ, что число убійствъ и вообще всѣхъ страшныхъ преступленій значительно уменьшается; но они, кажется, начинаютъ наводить все болѣе и болѣе ужасъ. Причина этого едва-ли не заключается главнымъ образомъ въ громадной гласности, которой предается нынче все посредствомъ безчисленныхъ газетъ. Изъ нихъ мы часто узнаемъ о преступленіи, только что совершившемся гдѣ-нибудь въ другомъ полушаріи, и, разумѣется, невольно возмущаясь имъ, отчасти запугиваемся, какъ будто чѣмъ-случившимся по содѣйствію. Вслѣдствіе этого, между тѣмъ какъ дѣйствительная опасности, угрожающія общественному благосостоянію, убавляются, паника усиливается: каждый начинаетъ представлять себя въ гораздо болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ въ какомъ онъ находится на самомъ дѣлѣ, и, разумѣется, этимъ самымъ вполне располагается къ тому, чтобъ не слишкомъ углубляться въ вопросъ о законности наличныхъ средствъ, охраняющихъ его. Преступленія, называемыя въ просторѣчій крупными, способны въ теченіе недѣль, даже мѣсяцевъ дѣйствовать на воображеніе цѣлыхъ націй. Праздное общественное мнѣніе съ жадностью накидывается на рассказы о чудовищныхъ преступленіяхъ, съ страстнымъ любопытствомъ слѣдитъ за перипетіями ужасныхъ судебныхъ драмъ и ему, конечно, уже ни почомъ, что въ концѣ всего казнятъ человѣка. Даже самый судья, подъ вліяніемъ рассказа о какомъ-нибудь страшномъ, только что совершенномъ преступленіи, которымъ не преминетъ растрогать его обвинитель, способенъ, изъ боязни дать потачку нарушителямъ общественнаго благосостоянія, произнести самый безчеловѣчный приговоръ.

Какъ бы то ни было, система смягчающихъ обстоятельствъ не повела къ отмѣнѣ смертной казни. Это еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что только великодушный порывъ народной совѣсти можетъ воцарять такіе великіе принципы, какъ личная свобода, неприкосновенность жизни и т. д. Пробы, полу-мѣры тутъ ни къ чему; предрасудки, упорно укоренившіеся интересы всегда, въ такомъ случаѣ, одержатъ верхъ. Исторія невольничества, исторія смертной казни доказываютъ это въ достаточной мѣрѣ.

Современныя событія еще болѣе убѣждаютъ насъ въ существованіи тѣснѣйшаго соотношенія между уваженіемъ къ чело-вѣческой жизни закона уголовнаго и уваженіемъ къ граждан-

скому достоинству закона политическаго. Какъ только побѣдоносная демократія начала стремиться къ осуществленію своего идеала въ свободныхъ учрежденіяхъ, вытекающихъ изъ воли народныхъ собраній, Франція тотчасъ же отмѣнила смертную казнь за политическія преступленія, а Германія, показавшая себя на этотъ разъ еще болѣе смѣлою и послѣдовательною, вовсе перестала казнить. Миттермайеръ, бывший однимъ изъ главныхъ виновниковъ достопамятнаго рѣшенія Франкфуртскаго сейма, вправѣ гордится этимъ и съ глубочайшимъ презрѣніемъ глядеть на такихъ людей, какъ напр. Беккеръ, осмѣлившійся сказать въ своей «Теоріи современнаго германскаго уголовнаго права», что смертная казнь отмѣнена людьми, которыхъ самихъ, по настоящему, надо бы казнить. Эта гнусная фраза чрезвычайно характеристична: въ ней высказался чудовищнымъ образомъ, но искренно, духъ реакціи. Впрочемъ, и въ самой Франціи, въ учредительномъ собраніи, только значительное меньшинство подаю голоса за совершенную отмѣну смертной казни.

Восторжествовавшая реакція поторопилась снова внести смертную казнь въ уголовные кодексы всѣхъ германскихъ государствъ. Она не остановилась, какъ и надо было ожидать, на различіи между политическими и другаго рода преступленіями; въ странахъ же, гдѣ, какъ во Франціи, принципъ этого различія не былъ явно отвергнутъ, онъ подвергся по крайней мѣрѣ безчисленнымъ и чрезвычайно важнымъ исключеніямъ. Чтобы показать все поучительное достоинство этихъ фактовъ, надо добавить, что возстановленіе смертной казни, на которое почти единогласно изъявили согласіе всѣ верхнія палаты, встрѣтило, не смотря на страшную силу реакціи, многочисленныхъ противниковъ въ палатахъ депутатовъ. Миттермайеръ, выставя на видъ этотъ фактъ, справедливо признаетъ его чрезвычайно характеристичнымъ и при томъ окончательно убѣждающимъ въ томъ, что споръ за смертную казнь есть продолженіе борьбы прошедшаго съ будущимъ, реформъ съ старымъ порядкомъ, народнаго права съ правомъ божественнымъ.

Доктрины, дѣйствительно, вообще чрезвычайно послѣдовательны; только сильный взрывъ страстей можетъ, и то не надолго, вынуждать ихъ на вещи, противорѣчащія этому коренному ихъ свойству. Поклоненіе свободѣ, которое есть ничто иное какъ воздаяніе долгаго человѣческой личности, влечетъ за со-

бою, какъ необходимое послѣдствіе, уваженіе къ человѣческой жизни и къ человѣческому достоинству. Принципы свободы по-всюду, тотчасъ по своемъ воцареніи, освобождаетъ совесть, научаетъ государство и школу дѣйствовать не принужденіемъ, а убѣжденіемъ и добивается, чтобы уголовные законы способствовали исправленію, а не истребленію преступниковъ.

Но къ чести великихъ державъ, въ которыхъ смертная казнь все еще въ ходу болѣе или менѣе, мы должны сказать, что ее уже не существуетъ у нѣкоторыхъ изъ ихъ меньшихъ братій, таковы напр. Ольденбургъ и Нассау въ Германіи, республика Сан-Марино и Тоскана въ Италіи, кантоны фрибургскій и везштательскій въ Швейцаріи, изъ американскихъ штатовъ: Мичиганъ, Род-Айлендъ и Висконсинъ.

Изъ этой славной фаланги Тоскана, съ такимъ постоянствомъ и такъ величаво борющаяся противъ варварской казни, заслужила въ особенности, чтобы ея заслуги въ этомъ святомъ дѣлѣ были поставлены на видъ. Мы сказали уже, что Тоскана первая отмѣнила смертную казнь; но она вскорѣ, въ 1795 г., была восстановлена восторжествовавшей реакціею. Въ 1803 году для правительства казнить было уже ни почомъ. За тѣмъ, говоритъ Миттермайеръ, подписанъ французскій кодексъ имперіи, по которому то и дѣло надо казнить и казнить. Общественное мнѣніе, привыкшее къ болѣе гуманнымъ законамъ, не смѣя нѣкоторое время открыто протестовать противъ него, ни на минуту однако не примиралось съ нимъ. По освобожденіи изъ-подъ французскаго владычества, восстановленная династія также, въ свою очередь, искала въ палацѣ опоры престола. Законъ 22-го іюля 1816 года не только восстановилъ силу закона 1795 г., но еще добавилъ къ нему разныя свирѣпости; но тосканскіе суды стѣрались какъ можно съ болѣею гуманностію прилагать эти неумолимые законы.

Въ 1830 году, послѣ долгаго періода времени, въ который не было совершено ни одной казни, случились чуть не разомъ двѣ, что и дало тосканскому народу поводъ къ одной изъ самыхъ достославныхъ манифестацій. Во Флоренціи, въ день казни, всѣ лавки, всѣ дома были заперты; улицы, лежавшія по пути слѣдованія кортежа, совершенно опустѣли, граждане молились въ церквахъ; на площади, гдѣ возвышался эшафотъ, не было буквально ни одного человѣка. Эта торжественная манифестація общественнаго мнѣнія произвела глубокое впеча-

тѣніе на великаго герцога Леопольда. Онъ самъ высказалъ Империану, что народъ преподавалъ ему въ этомъ случаѣ великій урокъ, которымъ онъ и воспользовался. Съ 1831 года ни одинъ человѣкъ не былъ казненъ въ Тосканѣ; закономъ 2 августа 1838 года было опредѣлено, что казнить можно только вслѣдствіе единогласнаго приговора, а закономъ 11-го октября 1847 года смертная казнь отмѣнена совершенно. Европейская реакція 1849 г., надѣлавшая повсюду столько зла, дала, было, себя знать и въ Тосканѣ. Тосканское правительство также нашло тогда необходимымъ взяться за самыя крайнія мѣры строгости, и смертная казнь была возстановлена. Но этотъ ретроградный законъ, вмѣстѣ съ французскою системою смягчающихъ обстоятельствъ, введенною одновременно съ нимъ, былъ отвергнутъ какъ будто по соглашенію и судами и народомъ, такъ что смертный приговоръ, произнесенный какъ-то разъ, не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Наконецъ въ 1859 году одною изъ первыхъ просьбъ, обращенныхъ революціею къ піемонтскому правительству, была просьба о немедленной и совершенной отмѣнѣ смертной казни. Будущій итальянскій король, побоявшійся или просто не захотѣвшій освятить возрожденіе великаго народа всеобщимъ провозглашеніемъ великаго принципа гуманности, по крайней мѣрѣ принужденъ былъ признать славную привилегію Тосканы не имѣть ни палача, ни эшафота.

Отъ этого, конечно очень сжатаго, очерка исторіи смертной казни переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ главныхъ доводовъ, приводимыхъ какъ въ пользу того, на сколько она необходима и цѣлесообразна, такъ и въ доказательство степени ея напрасности и вреда.

Законна ли смертная казнь? Вправѣ ли общество приговаривать къ ней? Это два такихъ вопроса (въ сущности составляющихъ одинъ) которые, съ тѣхъ поръ, какъ только были поставлены прямо, не переставали смущать самыя одеревѣлые умы.

Самый обыкновенный аргументъ противъ законности смертной казни есть тотъ, что жизнь дана намъ отъ Бога и, стало-быть, никакая человѣческая власть не вправѣ отнять ее у насъ. Аргументъ этотъ, приводившійся неоднократно нѣкоторыми изъ знаменитѣйшихъ представителей христіанской идеи, при той системѣ мышленія, которой держались эти люди, неопровержимъ. Въ особенностѣ, если принять во вниманіе, что съ религіозной точки зрѣнія, такъ какъ настоящая жизнь есть только приуго-

товленіе къ будущей, человѣкъ не можетъ остановить близкаго на пути совершенствованія и лишить его такимъ образомъ возможности раскаяться и спасти свою душу. По этому казалось бы, что всѣ богословы должны были бы поголовно возставать противъ смертной казни, и они, безъ сомнѣнія, дѣйствовали бы именно такъ; еслибъ извращеніе смысла Св. писанія вообще не мѣшало имъ понимать духъ того ученія, которое проповѣдывается ихъ собственными устами.

Совершенно на иныхъ основаніяхъ оспаривалось у общества это право публицистами и философами. Одни, по примѣру Беккариа, вывода общественныя права изъ первоначальнаго соглашенія, отвергали смертную казнь потому, что она вовсе не въ духъ общественнаго договора. Другіе, исходя изъ личнаго права, доказываютъ, что общество, установленное для того, чтобъ охранять личныя права, не можетъ лишать ихъ никого ни подъ какимъ предлогомъ.

«Государство, говоритъ Миттермайеръ, никогда не будетъ въ состояніи на законномъ основаніи приговорить къ казни, лишаящей преступника средствъ къ дальнѣйшему развитію способностей, которыми онъ обязанъ своей человѣческой природѣ, а вовсе не обществу. Самая жизнь есть благо, дарованное человѣку вовсе не по милости государства; сверхъ того, жизнь есть необходимое условіе для развитія и нравственнаго совершенствованія; стало быть, всякая казнь, до срока лишаящая жизни, есть незаконіе.»

Вотъ аргументъ, подрывающій окончательно законность казни, которая, вмѣсто того, чтобъ наставлять преступника на путь истинный, истребляетъ его. Посылая человѣка на эшафотъ, общество грѣшитъ противъ своего самаго священнаго долга, который состоитъ въ томъ, чтобъ помогать, безразлично, всѣмъ своимъ членамъ освобождаться отъ пагубныхъ наклонностей и возвышаться до познанія справедливаго. И если только не совсемъ неосновательно думать, что одними добрыми дѣлами можно загладить преступленіе, то общество, заграждая преступнику этотъ единственный путь къ нравственному возрожденію, совершаетъ вопіющую несправедливость. — А что, оживетъ этотъ, котораго повѣсили? спросило разъ дитя свою мать. — Нѣтъ. — Такъ зачѣмъ же его было вѣшать; вѣдь онъ не въ состояніи сдѣлать теперь никакого добра?

Это чрезвычайно сильный аргументъ, особенно если разсудить, какъ мало обращено вниманія въ нашихъ, далеко еще не совсѣмъ благоустроенныхъ, обществахъ на дѣло воспитанія; много остается несчастныхъ дѣтей, непосвящаемыхъ нисколько въ таинства ни умственной, ни нравственной жизни. Многія изъ этихъ дѣтей, предоставляемыхъ на волю судьбъ, развращаются примѣромъ родителей, и когда они поддадутся страшнымъ искушеніямъ нищеты и порывамъ озлобленія, общество, несдѣлавшее ничего для того, чтобъ озарить ихъ темный, скользкій путь, провозглашаетъ еще, что оно не въ силахъ сдѣлать ничего для того, чтобъ воскресить ихъ падшія души. Отчаяваясь наставить ихъ на путь истинный, оно считаетъ за благо лишить ихъ жизни. Нѣтъ, совѣсть никогда не позволитъ признать за обществомъ права убивать тѣхъ, кого оно не умѣло воспитать, и навсегда останется непонятнымъ то равнодушіе, съ которымъ люди, говорящіе во имя его, рѣшаются дѣлать такое постыдное и кровавое заявленіе въ доказательство его безсилія.

На это возражаютъ, что есть дѣйствительно натуры до такой степени развращенныя, что нельзя не отказаться отъ надежды исправить ихъ. Возраженіе это дѣлается часто, даже въ судахъ, столь серьезно, что сбиваетъ съ толку и заставляетъ замолчать людей, протестовавшихъ самымъ энергическимъ образомъ. Но это несправедливо; природа человѣка, даже въ такихъ личностяхъ, которыя повидимому до-нельзя развращены невѣжествомъ, пороками, дурными примѣрами, никогда не утрачиваетъ вовсе способности отличать правое отъ неправого и исправляться. Безчисленные примѣры доказываютъ это и, успокоивая нашу совѣсть, запуганную мыслями объ этомъ нравственномъ адѣ—безъ надежды и безъ помилованія, въ который, благодаря чудовищной теоріи, были бы ввержены тысячи нашихъ ближнихъ, вооружаютъ въ тоже время окончательно противъ смертной казни. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря пенитенціарной системѣ, старанія о возвратѣ преступниковъ къ благонравію,—даже такихъ, которые не останавливались ни передъ какимъ звѣрствомъ,—увѣчиваются постояннымъ успѣхомъ, обществу, неперестающему казнить, нельзя болѣе извинять себя тѣмъ, будто безъ палача и эшафота никакъ обойтись невозможно.

Миттермайеръ нарочно постарался набрать какъ можно больше такихъ, во всѣхъ отношеніяхъ разительныхъ, примѣровъ. «Понятно, говоритъ онъ, что прежде, при повсемѣстно

отвратительномъ устройствѣ тюремъ, люди даже просвѣщенные могли доходить до убѣжденія въ невозможности наставить преступника на путь истинный. Но вслѣдствіе стараній, прилагаемыхъ съ недавнихъ поръ къ улучшенію тюремныхъ порядковъ, благодаря особенно ревностной заботливости нѣкоторыхъ изъ директоровъ тюремъ и благотворному вліянію нѣкоторыхъ изъ тюремныхъ священниковъ, безконечно преданныхъ дѣлу, теперь получились важныя данныя для совершенно иныхъ выводовъ. Доказано уже на опытѣ, что нравственное обновленіе преступника дѣло вовсе не безнадежное, что по чудовищности преступленія никакъ нельзя судить о степени нравственной порчи преступника, совершившаго его. Наблюдено, что холодныя, расчетливыя натуры, изъ выгоды рѣшавшіяся на преступленіе, какъ напримѣръ воры, дѣлатели фальшивыхъ бумагъ, гораздо менѣе способны къ дѣйствительному улучшенію, чѣмъ преступники, надѣлавшіе въ ярости самыя звѣрскія вещи: громадная сила воли, обнаруженная ими при совершеніи преступленій, видна и въ поведеніи ихъ вслѣдъ за пробужденіемъ въ нихъ сознанія ихъ виновности; переломить себя и разомъ свернуть на путь покаянія и искупленія для нихъ ни по-чемъ. Всѣ смотрители тюремъ говорятъ въ одинъ голосъ, что никогда ни про какого преступника не слѣдуетъ говорить утвердительно, что онъ неисправимъ. Часто самый остервенѣлый преступникъ, послѣ многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ тюрьмѣ въ состояніи совершеннаго оцѣпненія, вдругъ трогается увѣщаніями или смотрителя, или священника, или учителя, и тотчасъ вслѣдъ за этимъ доходитъ до сознанія всей глубины своего нравственнаго паденія. Разсказываютъ про убійцъ, которые послѣ многихъ лѣтъ безукоризненнаго поведенія были прощаемы, и однако оставались добровольно въ тюрьмахъ и еще брали на себя исполненіе самыхъ мерзостныхъ обязанностей больничныхъ служителей». Число такихъ примѣровъ увеличивается съ каждымъ днемъ.

Послѣ этого, кажется, очевидно, что казнить по праву, — нельзя; но дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ рѣдко заводятъ рѣчь о правѣ: казнять, изволите видѣть, по необходимости; сторонники смертной казни отстаиваютъ ее, какъ въ высокои мѣрѣ полезную для сохраненія общественной безопасности. Повсюду, въ судахъ, въ школахъ, въ частныхъ бесѣдахъ приводится по этому поводу одинъ и тотъ же аргументъ, ставшій общимъ мѣстомъ, который заключается въ томъ, что смертная

казнь есть самое *примѣрное* наказаніе, что она обладаетъ своимъ устрашать неподобнымъ образомъ, и что никакой другой родъ наказанія не можетъ замѣнить ее въ этомъ случаѣ.

Прежде всего, сколько чудовищнаго и нечеловѣчнаго видѣть въ убіеніи человѣка черезъ палача образовательное средство для среды, въ которой онъ жилъ! Потомъ, правда-ли еще, что смертная казнь по преимуществу способна устрашать? Къ совершенію преступнаго акта люди едва-ли побуждаются соображеніями на счетъ соразвѣренности наказанія за него или выгоды, ожидаемыхъ отъ него. Вѣроятнѣе всего, что преступникъ взвѣшиваетъ только шансы безнаказанности; если что можетъ еще удержать людей, увлеченныхъ страстями и невнемлющихъ голосу совѣсти, такъ это именно страхъ быть открытыми, увѣренность, что не ускользнуть имъ изъ рукъ правосудія. Гдѣ суды руководятся системою смягчающихъ обстоятельствъ, гдѣ то и дѣло, особенно въ послѣднее время, пользуются правомъ миловать, тамъ, конечно, никакъ нельзя заранѣе рассчитывать быть казненнымъ; но зато тамъ, т. е. во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, становится все невозможнѣе и невозможнѣе рассчитывать преступнику на безнаказанность. Это-то главнымъ образомъ и способствуетъ тому, что число преступленій, особенно уголовныхъ, годъ отъ году убываетъ. Убыль же эта, надо замѣтить, происходитъ именно по мѣрѣ того, какъ смягчается не съ чѣмъ несообразная жестокость наказаній; ибо, между тѣмъ какъ чудовищныя мѣшаютъ раздавателямъ правосудія исполнять до конца строго свои обязанности, наказанія, соразмѣрныя съ преступленіями и признаваемые за справедливыя общественною совѣстью, неизмѣнно облегчаютъ судьямъ исполненіе ихъ долга. Мы имѣли уже случай замѣтить, что система смягчающихъ обстоятельствъ, уполномочившая французскій судъ присяжныхъ облегчать мѣру наказанія, повела прежде всего къ уменьшенію въ значительной мѣрѣ числа оправдываемыхъ по суду и умноженію случаевъ вмѣненія.

«Мы знаемъ изъ опыта, говоритъ Монтескьё, что въ странахъ, гдѣ вовсе нѣтъ чудовищныхъ наказаній, на гражданъ точно также сильно дѣйствуютъ несравненно болѣе кроткія карательныя мѣры. Въ иномъ государствѣ чуть откроется неурядица, свирѣпое правительство, чтобъ разомъ пресѣчь зло, находя при этомъ неудобнымъ ограничиться судомъ по существующимъ уже законамъ, изобрѣтаетъ для него новую неслыханно жестокою казнь. Это истощаетъ правительственныя средства казни, съ которыми

успѣли уже всё свыкнуться и которыя перестаютъ вовсе устрашать, послѣ того какъ всенародно совершится казнь чрезвычайная; поневолѣ приходится вводить въ обычай вмѣсто первыхъ, менѣе жестокихъ, послѣднюю. Въ старину въ нѣкоторыхъ государствахъ то и дѣло случались грабежи на большихъ дорогахъ, вздумали положить этому конецъ. Начали колесовать; грабителей и грабежей, дѣйствительно, въ теченіе нѣкотораго времени, не стало вовсе слышно, а потомъ опять стали грабить по старому. Вести людей путемъ крайности не слѣдуетъ; надо берегать средства, данныя намъ для того, чтобъ руководить ихъ. Стоитъ только вникнуть въ дѣло, чтобъ убѣдиться, что причина всѣхъ беззаконій и преступленій не въ смягченіи карательныхъ мѣръ, а въ возможности рассчитывать на безнаказанность.»

Одно изъ вредныхъ свойствъ чрезмѣрно жестокихъ наказаній есть то, что стоитъ только разъ ввести ихъ, чтобъ они въ самомъ непродолжительномъ времени стали казаться такими, безъ которыхъ никакъ нельзя обойтись. Какъ боялся теперь уступить требованіямъ отмены смертной казни, такъ точно боялись, въ концѣ прошедшаго столѣтія, отказаться отъ пытокъ, колесованій, четвертованій и отъ прочихъ свирѣпыхъ дикостей, вошедшихъ въ обычай. Даже просвѣщенные государи, глубоко сознававшіе всю преступность этихъ ужасовъ, и рѣшавшіеся изъ уваженія къ человечеству положить конецъ имъ—и тѣ страшно колебались передъ обнародованіемъ своихъ отмѣняющихъ декретовъ. Въ 1806 году Максимилианъ Баварскій соглашается, вслѣдствіе настояній великаго криминалиста Фейербаха, запретить пытки, но при этомъ требуетъ, чтобъ это оставалось на нѣкоторое время въ тайнѣ, потому что онъ боится, какъ бы обществу не было худо, когда преступники узнаютъ вдругъ, что правосудіе отказалось отъ такого энергическаго наказанія.»

Мы видимъ теперь изъ опыта, сколько нецѣлы подобныя опасенія. Менѣе безчеловѣчныя законы не только не умножаютъ числа преступленій, но, напротивъ, замѣтнымъ образомъ уменьшаютъ ихъ, и если бы теперь законодатель, который бы почелъ за благо для устрашенія преступниковъ снова пустять въ ходъ эти звѣрскія вещи, безъ которыхъ для нашихъ отцовъ немислимо было общественное благосостояніе, то думаемъ, что только очень немногіе не сказали бы ему въ глаза, что онъ или идіотъ или извергъ.

Изъ множества этихъ ужасныхъ вещей, осквернявшихъ некогда законы всѣхъ—даже самыхъ просвѣщенныхъ націй, одна смертная казнь пережила новыя реформы. Но можно-ли утверждать что она, сдѣлавшись теперь просто лишеніемъ жизни, все-таки не потеряла того особеннаго, ей одной приписываемаго свойства устрашать, вслѣдствіе котораго и считается она необходимою для общественной безопасности?—Изъ опыта выводится совершенно противное. Замѣчено во многихъ странахъ, что часто вслѣдъ за совершеніемъ казни почти тотчасъ же, и притомъ вблизи отъ мѣста, гдѣ только-что воздвигался эшафотъ, совершаются страшныя преступленія. «Видъ убійства, совершаемаго обществомъ черезъ палача, говоритъ по этому поводу Миттермайеръ, дѣйствуетъ на грубыя натуры точно такъ же, какъ дѣйствуетъ видъ крови на дикихъ звѣрей: оно возбуждаетъ и раздражаетъ ихъ кровавыя инстинкты. Говорятъ, что рѣдкій изъ убійцъ не присутствовалъ хоть разъ на своемъ вѣку при казни; въ Англіи же и во Франціи насчитывается множество семействъ, въ которыхъ всѣ отъ дѣда съ его братьями до ихъ внуковъ погибали другъ за другомъ на эшафотѣ».

Но, неустрашая тѣхъ, которые надѣлали бездну страшно преступныхъ дѣлъ, смертная казнь устрашаетъ, можетъ быть, тѣхъ, которые не посягаютъ ни на что преступное? Понятно, что тутъ невозможно точное изслѣдованіе: никакой самый проникающій взглядъ не въ состояніи ясно различить, что именно располагаетъ человѣка къ добру, или подстрекаетъ его на зло. Можно впрочемъ косвеннымъ путемъ доказать, что если даже смертная казнь на самомъ дѣлѣ имѣетъ неоцѣненное свойство устрашать, то и въ такомъ случаѣ можно обойтись безъ нея: и безъ нея можно найти средства давать острастку людямъ, которыхъ иначе ни чѣмъ не отвратишь отъ зла.

Во-первыхъ, есть таки довольно странъ, въ которыхъ смертная казнь отмѣнена совершенно. Потомъ во всѣхъ государствахъ Европы и Америки значительно сокращено противъ прежняго число случаевъ, въ которыхъ законъ дозволяетъ казнить.

Если смертная казнь дѣйствительно устрашала и при томъ въ такой мѣрѣ, въ какой нельзя было бы устрашить ничѣмъ инымъ, то вслѣдъ за ея отмѣной, надо бы вдругъ значительно увеличиться числу тѣхъ преступленій, за которыя въ былое время казнили виновные. Между тѣмъ ничуть не бывало. Число этихъ преступленій, наказываемыхъ теперь ссылкой на каторгу,

начинаетъ, напротивъ, все болѣе и болѣе замѣтнымъ образомъ уменьшаться.

И все это оттого, какъ мы уже сказали, что чѣмъ человѣчнѣе наказаніе, тѣмъ съ большей энергіей ведется дѣло вмѣненія. Миттермайеръ совершенно справедливо замѣчаетъ при этомъ, что для строгости вмѣненія необходимо, чтобъ всѣ тѣ, отъ кого оно зависитъ, были убѣждены въ несуществованіи незаконныхъ казней; потому что въ противномъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что эти господа будутъ дѣлать всевозможныя уловки, чтобъ не подать повода, напримѣръ, къ преступному лишенію жизни человѣка и не замарать такимъ образомъ своихъ собственныхъ рукъ въ крови. Мы знаемъ тысячи примѣровъ, изъ которыхъ видно, что судьи, присяжные, защитники, свидѣтели и даже самые обвинители составляютъ между собою что-то похожее на заговоръ и общими силами ухищряются, чтобъ не подвергнуть преступника казни, чудовищнымъ образомъ превышающей вину его, за которую онъ собственно долженъ бы быть осужденъ по закону. Когда англійскій законъ казнилъ смертью за подѣлку фальшивыхъ бумагъ, то ни у кого не доставало духу изобличить кого-либо въ такомъ преступленіи, такъ что лондонскіе банкиры принуждены были наконецъ подать въ парламентъ просьбу объ отмѣнѣ этого закона. Ихъ обкрадывали, а жаловаться имъ запрещало окончательно чувство гуманности, котораго достаточно было имѣть въ этомъ случаѣ хоть на грошъ. Точно также, въ то время, когда виновные въ кражѣ сорока шиллинговъ подвергались смертной казни, англійскіе присяжные въ теченіе пятнадцати лѣтъ, въ пяти-стахъ пятидесяти пяти случаяхъ находили, что украденная сумма не превышала тридцати девяти шиллинговъ.

Не подумайте, что въ одной Англій суды ведутъ себя такимъ образомъ; во Франціи тоже самое. И послѣ всего этого находятся еще люди, способные утверждать, что безъ смертной казни обойтись нельзя?

Смертная казнь не только не необходима, но она положительно вредна. Она страшно вредна потому, что внушаетъ гражданамъ мысль, будто человѣка можно лишать жизни, потому, что она сзываетъ несмѣтныя толпы народа къ эшафоту, на помосткахъ котораго разыгрываются самыя чудовищныя зрѣлища; потому наконецъ, что она есть дѣло непоправимое, такъ

какъ казенныхъ несправедливо ни въ какомъ случаѣ воскресить нельзя.

Въ лѣтописяхъ уголовной юстиціи записано несчетное множество случаевъ осужденія и казни людей, совершенно невиныхъ. Сколько ни старались, не могли добиться того, чтобъ сдѣлать такой преступный актъ совершенно невозможнымъ для общества. Напрасно въ нѣкоторыхъ странахъ, для осужденія на смерть, требовали единогласнаго рѣшенія и особенно строгой оцѣнки данныхъ. Эти чрезвычайныя мѣры, нисколько не пособившія дѣлу, пагубны въ томъ отношеніи, что вслѣдствіе ихъ становится подозрительна справедливость тѣхъ обвиненій, для силы которыхъ не требуется ничего такого—особеннаго. Ужасное дѣло, если слѣдствіемъ судебной ошибки, которая вовсе не рѣдкость и въ наше время, бываетъ, напримѣръ, лишеніе невиннаго человѣка свободы,—ужасное, разумѣется, но по крайней мѣрѣ все еще болѣе или менѣе поправимое. Пролитая же на эшафотѣ кровь невиннаго оставляетъ по себѣ пятно, которое уже ничѣмъ не смить.

Но независимо отъ этого, какое чувство способенъ пробуждать самый видъ эшафота, воздвигаемаго, по обыкновенію, на видномъ мѣстѣ, окруженнаго, разумѣется, толпой, растущей съ каждою минутою и шумя волнующеюся, какъ-будто въ ожиданіи выхода паяца? Жадно слѣдитъ эта толпа за всѣми движеніями несчастнаго, и если онъ покажется ей трусомъ, она только что не подыметъ свиста, но будетъ хохотать, острить надъ нимъ; а если онъ геройски поведетъ себя, толпа чуть не аплодируетъ ему и эшафотъ дѣлается для него пьедесталомъ. Если осужденный до послѣдней минуты не сознается въ преступленіи, за которое его казнятъ, толпа находитъ въ этомъ поводъ усомниться въ правосудіи. Если онъ кается, она находитъ тутъ поводъ усомниться въ томъ, чтобъ раскаяніе что-нибудь значило. Во всякомъ случаѣ, она видитъ человѣка отверженнаго, котораго другой человѣкъ, по обязанности, совершенно равнодушно зарѣзываетъ такимъ или инымъ способомъ. А какъ часто бываетъ еще, что на эшафотъ ведутъ человѣка раненаго, больнаго, умирающаго, котораго за тѣмъ только и старались поставить на ноги, чтобъ предать палачу. Нерѣдко также бываетъ, что, вслѣдствіе того, что или рука палача дрогнетъ, или орудіе казни измѣнитъ, на эшафотѣ завязывается борьба между палачомъ и его жертвой, заставляющая даже толпу содрогнуться.

Всѣ эти вещи странно возбуждаютъ дикіе инстинкты невѣжественныхъ массъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ это уже понято, и взяты противъ этого мѣры. Въ Парижѣ, напримѣръ, именно вслѣдствіе этого, казнятъ въ самые ранніе утренніе часы, и притомъ, чуть не за городомъ; и у эшафота, дѣйствительно, не бываетъ почти буквально ни одного лишняго человѣка.

Но если смертная казнь дѣло правое, зачѣмъ такъ стѣсняться, зачѣмъ переставать казнить всенародно, середь бѣла дня? Смертная казнь вѣдь учитъ добру народъ, наставляетъ его на путь истинный, такъ надо продолжать торжественно преподавать ему эти кровавые уроки. А если самихъ васъ пугаетъ то, что вы дѣлаете, если сами вы утратили вѣру въ полезность убійственныхъ снарядовъ, то зачѣмъ же не даете вы полного удовлетворенія чувству гуманности?

Именно такіа возраженія слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторымъ правительствомъ, въ особенности же такимъ, которыя казнятъ за запертыми дверьми, въ стѣнахъ тюрьмы, въ виду только тѣхъ очень немногихъ, которыхъ служебныя обязанности таковы, къ несчастію, что они не могутъ не быть при этомъ свидѣтелями. Общественная совѣсть постоянно протестовала противъ такой системы. Она вправѣ смотрѣть подозрительно на кровавыя дѣла, совершающіяся тайкомъ. Сверхъ того, смертная казнь, обставленная такимъ образомъ, теряетъ уже всякій смыслъ. Объяснить ее въ такомъ случаѣ остается только закоренѣлостью нѣкоторыхъ предрасудковъ или не менѣе глубоко вѣдающимися предубѣжденіями незрѣлой философіи, неумѣющей ни оторваться отъ общихъ мѣстъ мистицизма, ни возвыситься до истиннаго пониманія неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ.

Какъ смертная казнь отстаетъ дѣломъ преступнымъ, все-равно, совершается-ли она публично, или тайкомъ, въ стѣнахъ тюрьмы, такъ точно свирѣпыя законы не становятся нисколько менѣе свирѣпыми вслѣдствіе того, что они даруютъ право помилованія. Право миловать дѣйствительно необходимо, потому что въ самомъ совершенномъ законодательствѣ есть еще много недостатковъ, и надо всячески стараться о томъ, чтобъ облегчить возвратъ къ добродѣтели и дать всю возможность вознаграждать за сознаніе. Но этимъ громаднымъ правомъ надо пользоваться не иначе, какъ съ величайшею осмотрительностію, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, сильно подорвать уваженіе къ правосудію. Приговариваемыхъ къ смерти, которыхъ

вообще всегда милосади гораздо чаще, чѣмъ осужденныхъ къ наказаніямъ другого рода, въ настоящее время милуютъ еще чаще; это служитъ довольно сильнымъ аргументомъ въ пользу совершенной отиѣны смертной казни, хотя доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что приговариваютъ къ смерти все-таки еще довольно часто. Но и самое помилованіе не изглаживаетъ дурного впечатлѣнія, производимаго безобразно жестокимъ приговоромъ, объявляемымъ предварительно; чрезмѣрность присужденнаго наказанія, дѣйствительная или даже только кажущаяся, возмущаетъ общественную совѣсть на столько, что никакія смягченія, сдѣланныя при этомъ по секрету, неспособны успокоить ее, особенно сразу. Всякій чувствуетъ, какъ говоритъ Миттермайеръ, что право суда принадлежитъ суду и что долженствующему царить въ немъ правосудію не слѣдуетъ состоять ни подъ какимъ верховнымъ началомъ; сверхъ того, никому не надо внушать, всякій самъ понимаетъ, сколько въ проявленіяхъ права помилованія случайнаго, условій всякаго рода и какъ часто мало такого, что бы ручалооь, что они дѣйствительно вызваны чувствомъ справедливости.

Вотъ вся суть изъ дѣла о смертной казни, окончательное рѣшеніе котораго въ духѣ законности и гуманности стала теперь, благодаря опыту послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, совершенно неизбѣжно. Думаемъ, что и тннуть это дѣло будетъ не совсѣмъ удобно; противники смертной казни, число которыхъ очень замѣтно растетъ, энергически наступаютъ; протестуютъ уже не одни публицисты и философы, а и директоры тюремъ, и адвокаты, и судьи, и люди государственные. Еще въ 1858 году, лордъ-канцлеръ Ирландіи сказалъ на Глазговскомъ конгрессѣ, что «убѣжденіе въ неприкосновенности человѣческой жизни вкореняется все глубже и глубже, и все сильнѣе и сильнѣе чувствуется, что законы, повелѣвшіе казнить смертью, должны быть вмѣнены прежнимъ законодателямъ въ преступленіе.» Въ началѣ нынѣшняго года, губернаторъ Массачузета, Дж. Андрию, оффициально выразилъ, что «смертная казнь не только не необходима, но вредна, вліяніе ея развратительно, она страшно дѣйствуетъ на совѣсть однихъ, на разсудокъ другихъ. Она должна исчезнуть изъ кодексовъ всѣхъ цивилизованныхъ и благоустроенныхъ государствъ». Наконецъ, не менѣе знаменательное заявленіе въ томъ же духѣ было сдѣлано очень недавно Шмерлингомъ, который, на обѣдѣ, данномъ имъ для германскихъ юристовъ,

сѣхавшихся на нынѣшній разъ въ Вѣну, обозрѣвая результаты ихъ конгресса, сказалъ имъ: «отмѣнивши во вчерашнемъ засѣданіи позорныя наказанія, мы доказали, что чувство, одушевляющее всѣхъ насъ, есть чувство гуманности; что мы окончательно отказываемся отъ системы устрашенія; что въ преступникѣ мы все-таки видимъ брата, котораго болѣе или менѣе кроткими мѣрами можно возвратитъ на путь истинный и котораго, по выходѣ изъ пенитенціарной кельи, общество можетъ принять радушно». Шумныя рукоплесканія и крики: «браво! браво!» то и дѣло прерывали эти слова:

ВОПРОСЪ О ПРАВАХЪ ЖЕНЩИНЫ.

(Исторія нравственнаго положенія женщинъ. Сочиненіе Эрнеста Легуве, члена французской академіи. Съ 3-го изданія. Перевелъ Р... Москва, 1862 года).

Въ послѣдніе годы вопросъ о правахъ женщины особенно замѣтно выдвинулся изъ ряду другихъ вопросовъ, занимавшихъ какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ публицистовъ. Извѣстно, какого шума надѣлали во всей Европѣ сочиненія Мишле и Прудона. У насъ этому вопросу посвящали свои труды едва ли не цѣлыя десятки писателей; и вслѣдствіе извѣстной всѣмъ способности русскаго человѣка въ короткое время не только догнать, но и обогнать европейцевъ на пути цивилизаціи, взгляды нашихъ публицистовъ оказались далеко прогрессивнѣе взглядовъ публицистовъ иностранныхъ. Но пессимисты говорятъ, что въ вопросѣ о правахъ женщины больше, нежели гдѣ-нибудь мы были игрушкою и посмѣшищемъ какого-то злаго рока, что такъ называемая женская эманципація понята нами наиболее кривымъ образомъ. И что все хуже, такъ это то, что вопросъ объ эманципаціи не ограничился литературою, а оказалъ очевидное стремленіе со всѣми своими кривыми рѣшеніями перейти прямо въ жизнь.

Въ этомъ нельзя не замѣтить двухъ весьма характеристическихъ способностей нашего современнаго общества. Это, во первыхъ, послѣдовательность, которая много обѣщаетъ для будущаго, каковы бы ни были ея результаты въ настоящемъ; а во вторыхъ, это — недостатокъ критики и слишкомъ большая способность къ увлеченію. И то и другое имѣетъ свой источ-

никъ въ недостаткѣ научнаго образованія и преимущественно въ недостаткѣ какихъ бы то ни было прочныхъ нравственныхъ и социальныхъ основъ въ нашихъ образованныхъ классахъ, которые, какъ извѣстно, отказавшись отъ древнихъ русскихъ воззрѣній, не замѣнили ихъ никакими другими, потому что, въ самомъ дѣлѣ, тѣ нравственныя и социальныя воззрѣнія, которыя наше общество заняло на западѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ, чисто отрицательныхъ, такъ не прочно усвоены имъ, что ежедневно готовы уступить мѣсто какимъ-нибудь другимъ, повинуясь или административному распоряженію, или аргументамъ какой-нибудь журнальной статьи.

Хорошаго тутъ, разумѣется, очень мало. Съ такою системою можно дойти до результатовъ, если не всегда жалкихъ, то всегда смѣшныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если наши постоянно смѣняющіяся воззрѣнія и не будутъ въ состояніи поколебать всѣ разумныя и необходимыя основы народной жизни, все что составляетъ необходимое условіе нашего развитія, то все-таки сами по себѣ они могутъ представить частное явленіе весьма безобразное. И при томъ, увлекая болѣе или менѣе значительную массу общества, они тѣмъ самымъ лишаютъ его нѣкоторой доли силъ, которыя, при другихъ обстоятельствахъ, могли бы содѣйствовать его разумному движенію впередъ, и которыя, при нашихъ дѣйствительныхъ обстоятельствахъ, пропадаютъ безплодно и въ тоже время парализируютъ равное имъ количество другихъ силъ, необходимыхъ для противодѣйствія имъ. Такимъ образомъ въ результатѣ оказывается двойное уменьшеніе общественныхъ силъ и соотвѣтственно этому двойное уменьшеніе результатовъ, производимыхъ этими силами, двойное замедленіе успѣховъ нашей общественной жизни.

Причина такой подвижности нашихъ воззрѣній весьма понятна для человѣка, хоть сколько-нибудь наблюдавшаго движенія нашего прогресса въ послѣдніе годы. Нашъ прогрессъ вербовалъ подъ свое знамя людей, принадлежавшихъ къ разнымъ слоямъ общества и къ разнымъ профессіямъ, — имѣвшихъ весьма разнообразное воззрѣніе и нравственное правило. И особенно странно то, что подъ знаменемъ прогресса оказались такіе люди, которыхъ предъидущіе интересы, по видимому, были совершенно противны какому бы то ни было прогрессу. Тутъ оказались и откупщики, и помѣщики-сатрапы, и чиновники, которые ползкомъ долезли до тепленькаго мѣстечка, и благо-

правные юноши-Молчалины, еще не успевшие вполне сделать свою карьеру, и журналисты, от юности и до седых волос эксплуатировавшие как публику, так и бедных труженников своих сотрудников, и наконец, особенно в большом количестве, герои трактатов, загородных гуляний и т. п. мѣсть. Нельзя сказать, чтобы наши прогрессы всѣх этих людей помирилъ въ себѣ самомъ, нельзя также сказать, чтобы онъ согласилъ ихъ; онъ только ихъ соединилъ, не соглашая и не примиряя. Это немножко странно, но тѣмъ не менѣе это такъ. Всѣмъ извѣстно, что откупщики-прогрессисты продолжали свои операции и даже усиливали ихъ, помѣщики-сатрапы только черезъ вмѣшательство власти начинаютъ отказываться отъ своихъ привычекъ, чиновники-прогрессисты продолжаютъ стремиться къ выгоднымъ мѣстечкамъ, юноши-Молчалины, которые прежде молчали только передъ начальствомъ, продолжаютъ молчать передъ нимъ и теперь, въ тоже время не смѣя отирать рта противъ всего того, что выдаетъ себя за прогрессъ, герои трактатовъ и загородныхъ гуляний продолжаютъ свои наслаждения жизнью съ прибавкою къ нимъ наслажденія дѣланіемъ прогресса и т. д.

Разумѣется, отъ такихъ дѣятелей, какъ бы много ихъ ни было, добра не дождетесь. Это почти вездѣ и оказалось. Но, слава Богу, въ другихъ вопросахъ пока все дѣло ограничивается словами, и можно быть увѣреннымъ, что дальше оно и не пойдетъ. Не то въ вопросѣ о женской эманципации: тутъ отъ словъ совсѣмъ не далеко и до дѣла, и безъ сомнѣнія нашимъ читателямъ самимъ приходилось видѣть факты, подобные тѣмъ, которые видѣли мы. Наконецъ мы имѣемъ нѣкоторые факты, получившіе полную гласность. Все это вопросъ о женской эманципации привело къ тому, что здоровая часть публики стала относиться къ нему какъ будто бы враждебно. Такъ бываетъ всегда и вездѣ: кривое рѣшеніе всякихъ общественныхъ вопросовъ возбуждаетъ реакцію, которая можетъ оказаться враждебною не только этому кривому рѣшенію, но и самой постановкѣ вопроса.

Французскіе публицисты, занимавшіеся тѣмъ же самымъ вопросомъ, хотя не пошли такъ далеко, какъ наши, но, повидимому, дѣло ихъ гораздо прочнѣе. По крайней-мѣрѣ русскому обществу снова приходится за рѣшеніемъ вопроса обращаться къ нимъ, — доказательство того, что ложный прогрессъ служить

дѣйствительнымъ препятствіемъ для успѣха прогресса истиннаго. — Недавно переведена книга Легуве: «Исторія нравственнаго положенія женщины,» и, какъ говорятъ, она пошла очень хорошо. Тѣмъ лучше, она далеко превосходитъ все то, что у насъ было писано по вопросу о женской эманципаціи.

Мы займемся дальше замѣчательнѣйшими статьями нашей журналистики по этому предмету, а теперь познакоимъ читателей съ идеями и тенденціями Легуве. Легуве не просто историкъ, онъ тоже публицистъ. Самая исторія нравственнаго положенія женщинъ, которою онъ занимается, у него не есть цѣль, а только средство для того, чтобы доказать необходимость и возможность женской эманципаціи. Онъ говоритъ, что до сихъ поръ въ исторіи цивилизаціи положеніе женщинъ мало по малу постоянно поднималось, и все указываетъ на то, что оно должно подниматься все выше до тѣхъ поръ, пока положеніе женщинъ сравнивается съ положеніемъ мужчинъ. Въ самомъ дѣлѣ, у древнихъ народовъ: у евреевъ, грековъ и римлянъ женщины если и не считались дѣйствительно вещами, то все-таки на ихъ чловѣческія права обращалось весьма немного вниманія; дѣвицу выдавали замужъ, не спрося на то ея согласія, женщину отдавали въ полную опеку мужу, который распоряжался вполне какъ ея личностью, такъ и ея имуществомъ, да и имущества она имѣла только то, что ей дадутъ изъ милости; о ея правахъ не было и помину. Исключенія были весьма рѣдки. Только впоследствии, къ концу исторіи древняго міра, подъ вліяніемъ частію философіи, частію христіанства, взглядъ на права женщины измѣнился. Но средніе вѣка, подъ вліяніемъ своихъ аристократическихъ идей, внесли и сюда элементъ несправедливости; женщину очень уважали, но это дѣлали не столько для нея, сколько для собственной своей потѣхи: вмѣстѣ съ уваженіемъ ей не давали тѣхъ правъ, которыя ей должны были принадлежать. Новая исторія принесла нѣкоторыя новыя и свѣтлыя идеи и во взглядъ на права женщинъ; но сдѣлала далеко не все; остается сдѣлать и еще многое. И вотъ Легуве посвящаетъ себя вопросу о томъ, что остается еще сдѣлать для того, чтобы отношенія мужчинъ къ женщинамъ въ образованномъ обществѣ были вполне справедливы?

Онъ преслѣдуетъ свою задачу въ особенной системѣ по частямъ, изслѣдуетъ характеръ и подробности реформы, необхо-

димыя для женщины въ различныхъ ея отношеніяхъ, какъ дочери, какъ жены, какъ матери и какъ гражданки.

Женщина какъ дочь, говоритъ онъ, и до сихъ поръ въ своей семьѣ встрѣчаетъ много несправедливостей во всемъ. Всѣ заботы отца и матери сосредоточиваются главнымъ образомъ на сынѣ; на его возлагаются всѣ надежды семьи, о его воспитаніи семья преимущественно заботится, для него не жалуютъ никакихъ издержекъ; а дочь постоянно остается какъ будто въ сторонѣ. Ею даже тяготятся, ее обыкновенно стараются какъ можно поскорѣе сбыть съ рукъ. Правда, французскій гражданскій кодексъ въ наслѣдствѣ опредѣляетъ одинаковое участіе какъ для сына, такъ и для дочери. Но что значитъ это равенство, когда дочь не получаетъ воспитанія, необходимаго для того, чтобы она могла самостоятельно удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ въ обществѣ? Даже если бы она и получала его, то организація общественная прецѣдствовала бы ей утилизовать свои средства.

А тамъ еще слѣдуютъ тѣ камни преткновенія, которыми окружена жизнь дѣвицы; при снисходительности общественнаго мнѣнія къ извѣстнымъ проступкамъ мужчинъ, почти каждый изъ нихъ не только позволяетъ себѣ, но ставитъ иногда въ заслугу, если онъ имѣетъ успѣхи извѣстнаго рода у дѣвицъ. Многіе такими успѣхами хвастаются, называютъ ихъ своими побѣдами. И дѣйствительно, это что-то въ родѣ побѣдъ, послѣ которыхъ одни пользуются правами побѣдителей, а другія переносятъ горькую участь побѣжденныхъ. Въ дѣлахъ такого рода все въ пользу мужчинъ. Не говоря уже о томъ, что они дѣлаютъ здѣсь для себя предметъ хвастовства, тутъ они удовлетворяютъ своими желаніямъ и за свои выгоды и удовольствія не платятъ никакими жертвами; тогда какъ дѣвицы, поддавшись обольщенію, большею частію только по неопытности, несутъ на себѣ всю тяжесть общественнаго презрѣнія и нерѣдко имѣютъ на своихъ рукахъ несчастный плодъ своего увлеченія. Мужчина отъ всего этого свободенъ. Общественное мнѣніе, наименѣе легкомысленное, не клеймитъ его позоромъ; своихъ дѣтей и ихъ мать содержать онъ не обязанъ. Вотъ какъ выражается объ этомъ французскій кодексъ:

Дѣвушка съ пятнадцатилѣтняго возраста отвѣчаетъ одна за свою честь.

Всякое обольщеніе остается безъ наказанія.

Всякое развращеніе остается безъ наказанія.

Всякое обѣщаніе женитьбы ничего не значить.

Незаконныя дѣти остаются на обязанности матери.

Несомнѣнно, что всѣ эти пункты закона содержатъ въ себѣ такія постановленія, которыя дѣйствительно благопріятствуютъ разврату мужчинъ. Несомнѣнно, что всѣ жалобы, выводимыя авторомъ изъ этихъ постановленій, вполне справедливы; равно какъ справедливы и всѣ другія его жалобы. И нѣкоторыя изъ нихъ, дѣйствительно, могли бы быть удовлетворены законодательными мѣрами. Только этого нельзя сказать обо всѣхъ.

Въ дѣлахъ этого рода законъ окажется иногда безсильнымъ больше, нежели гдѣ нибудь. Есть общественныя язвы, которыя могутъ быть уничтожены не путемъ законодательнымъ, а непосредственнымъ дѣйствіемъ самого общества, котораго нравственный уровень для этой цѣли долженъ быть поднятъ до значительной высоты. Когда общество хорошо сознаетъ нравственные принципы и будетъ проводить ихъ въ жизнь со строгостію древнихъ стойковъ, тогда только идея справедливости получитъ свое наибольшее приложеніе въ жизни. Безъ этого самыя строгіе законы всегда будутъ обойдены, а интересы правды и справедливости всегда будутъ завистѣть отъ многихъ случайностей. Мы не разъ касались этого предмета прежде, потому что считаемъ его однимъ изъ такихъ, къ которымъ наше общество относится весьма легкомысленно, да и не одно наше общество, а вмѣстѣ съ нимъ образованные классы въ средѣ всѣхъ европейскихъ народовъ, особенно французскіе образованные классы. Оттого-то успѣхи свободы и цивилизаціи вообще подвержены у французовъ такимъ жалкимъ колебаніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ чего же общество собственнымъ судомъ не наказываетъ обольстителя или развратителя въ то время, какъ законъ отказывается отъ этого? Если бы всякій подобный герой за такія побѣды лишался права на общественное уваженіе, если бы передъ нимъ затворялись двери каждаго дома, если бы отъ него отворачивались его друзья и знакомые, то, конечно, онъ не только не хвастался бы своими побѣдами, но и воздержался бы отъ того, чтобы ихъ одерживать. А между тѣмъ онъ ихъ одерживаетъ и даже ими хвастается, объ нихъ знаютъ не одни его друзья, участники его веселой жизни; путемъ слуховъ они доходятъ въ самыя, по видимому, нравственныя семейства и дѣлаются извѣстными и дамамъ и даже дѣви-

цамъ; и никто строго къ нимъ не относится. Тутъ виновать сколько самъ онъ, столько и общество, котораго нравственныя понятія слишкомъ распущены; и очевидно, это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ обществѣ не будетъ сдѣлана самая строгая реформа нравовъ.

А безъ этого никакіе строгіе законы ни къ чему не поведутъ. Каково можетъ быть дѣйствіе закона, если онъ будетъ осуждать въ то время, какъ общество оправдываетъ? Въ такомъ случаѣ подобные герои къ своимъ лавровымъ вѣнкамъ присоединятъ еще вѣнки мучениковъ, которые тоже имѣютъ свою прелесть. Но пусть этого и не будетъ, пусть общество не будетъ оправдывать тѣхъ, кого осудитъ законъ. Какія средства будетъ имѣть правосудіе для сужденія о дѣлахъ подобнаго рода? Известно, что всѣ они совершаются путемъ не гласнымъ; свидѣтелей въ такихъ случаяхъ найти будетъ нельзя; тутъ всегда будутъ два противоположныя показанія: одна сторона будетъ говорить одно, а другая другое. И очевидно, для людей постороннихъ справедливою будетъ казаться та сторона, которая хитрѣ поведетъ свое дѣло, а, разумеется, тутъ хитрость окажется не на сторонѣ невинности. Мы бы сами желали вмѣстѣ съ Легуве, чтобы «всякая обольщенная дѣвушка была наказана, а всякій обольститель былъ наказанъ вдвое»; мы даже находимъ несправедливымъ въ этомъ случаѣ наказаніе для обольщенной дѣвушки. Справедливость требуетъ, чтобы за преступленіе отвѣчалъ тотъ, кто совершилъ его сознательно, а не тотъ, кто участвовалъ въ немъ безсознательно. Но дѣло въ томъ, что не только вдвое, но и въ половину наказать обольстителя нѣтъ почти никакой возможности. А если правосудіе можетъ сдѣлать это, то пусть, въ добрый часъ. Но намъ кажется все-таки, что французскій законъ въ этомъ случаѣ поступаетъ разумно. Гдѣ онъ чувствуетъ себя безсильнымъ, тамъ лучше не приниматься и за дѣло, и не тратить по напрасу свои силы. А общество должно хорошо знать, что есть много случаевъ, гдѣ дѣйствія однихъ законовъ мало, гдѣ оно должно дѣйствовать непосредственно. — Но потомъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе и на могущія быть злоупотребленія. Дѣйствительно, можно ждать, что дѣвицы, не довольно развитыя въ нравственномъ отношеніи, расчитывая на строгость законовъ, будутъ уступать обольстителямъ гораздо чаще, нежели онѣ сдѣлали бы это при другихъ обстоятельствахъ. И французскій кодексъ, безъ сомнѣнія, былъ

правъ, по крайней-мѣрѣ до нѣкоторой степени, принимая въ основаніе то, что «даровать преступной дѣвушкѣ судебный искъ противъ своего обольстителя значитъ поощрять развратъ.» — Но потомъ слѣдуютъ другіе случаи, которымъ можетъ дать мѣсто законъ, берущійся не за свое дѣло. Не всегда обольстителемъ бываетъ мужчина; иногда эту роль играетъ и женщина. Какія средства будетъ имѣть правосудіе, чтобы разобрать подобное дѣло? Если оно будетъ всегда предполагать вину со стороны мужчины, то всякая камелія, обставивши предварительно себя обстоятельствами, располагающими въ ея пользу, завлечетъ богатаго молодого человѣка, и потомъ начнетъ противъ него искъ, прикинется оскорбленною невинностію (а кто и какъ можетъ доказать ей противное?) и будетъ требовать, чтобы онъ на ней женился или подѣлился съ нею своимъ состояніемъ. Поплатиться за свое легкомысліе состояніемъ, это еще не большая бѣда. Но будто законъ будетъ требовать въ подобныхъ случаяхъ насильственныхъ браковъ, когда въ наше время раздаются голоса въ пользу того, чтобы и браки законные, заключенные съ самымъ чистымъ намѣреніемъ, не считались обязательными послѣ того, какъ одна сторона начинаетъ желать расторженія? — Пусть даже подобный обязательный бракъ будетъ не съ камелією, а съ дѣйствительно обольщенной дѣвушкою; все таки это будетъ бракъ насильственный. Но положимъ, что законъ его допустить, зло въ этомъ случаѣ не будетъ слишкомъ велико. Но какъ правосудіе можетъ сдѣлать различіе между обольщенной дѣвушкою и обольстившею камелією? Очевидно, средствъ тутъ нѣтъ никакихъ. Потому законъ поступаетъ разумно и тогда, когда говоритъ, что всякое обѣщаніе женитьбы ничего не значитъ. Если бы законъ говорилъ противное, то онъ, очевидно, дѣлалъ бы покровительство только камеліямъ, потому что дѣйствительно невинная дѣвушка, даже уступая обольщенію, съ своего обольстителя росписки не возьметъ, а камелія это сдѣлаетъ.

Точно также законъ, говоря, что незаконныя дѣти остаются на обязанности матери, принялъ сторону наиболѣе разумную и единственно возможную для него. Справедливость, конечно, требуетъ, чтобы незаконныя дѣти подобно законнымъ были на попеченіи какъ отца, такъ и матери. Но опять-таки дѣло въ томъ, что законъ требуетъ этого и поддержать свое требованіе не въ состояніи. Въ самомъ-дѣлѣ, кто же и какъ можетъ дока-

затѣ мужчинѣ, что дѣти извѣстной женщины, съ которой онъ несомнѣнно находился въ связи, принадлежать ему? Законъ обывываетъ всякаго мужа заботиться о дѣтяхъ своей жены, потому что эти дѣти считаются принадлежащими ему. Въ этомъ случаѣ законъ основывается на доказательствахъ несомнѣнныхъ. Въ извѣстномъ году, извѣстнаго мѣсяца и числа между этимъ человѣкомъ и его женою заключенъ свадебный контрактъ, который записанъ гдѣ слѣдуетъ; послѣ этого мужъ не дѣлалъ иска на свою жену въ нарушеніи супружеской вѣрности. Очевидно, онъ признаетъ дѣтей своей жены своими дѣтьми, онъ и обязанъ заботиться объ ихъ содержаніи. Но если законъ будетъ требовать отъ него, чтобы онъ содержалъ дѣтей какой-нибудь женщины, которая называетъ его отцомъ своихъ дѣтей, онъ имъ етъ полную возможность утверждать, что эти дѣти не его, не смотря ни на какихъ свидѣтелей, утверждающихъ то, что онъ былъ знакомъ съ этою женщиною въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ. Чѣмъ въ такомъ случаѣ правосудіе будетъ убѣждать его? И что если въ самомъ-дѣлѣ эти дѣти не будутъ его? Законъ долженъ предполагать всякую злонамѣренность съ обѣхъ сторонъ. Вѣдь можетъ быть случай, что какая-нибудь камелія или только полукамелія заведетъ знакомство съ женщиною, будетъ его принимать, даже вступить съ нимъ въ извѣстную связь, и все-таки ея дѣти не будутъ принадлежать этому человѣку, потому что у нея и до сихъ поръ были и теперь есть еще болѣе интимныя знакомства. А между тѣмъ она оставитъ свое знакомство съ этимъ человѣкомъ такими обстоятельствами и такъ искусно, гдѣ слѣдуетъ, не уберется отъ нескромныхъ глазъ свидѣтелей, что, начавши искъ, она будетъ имѣть всѣ шансы на своей сторонѣ, и если законъ будетъ благопріятствовать такимъ случаямъ, то число ихъ весьма увеличится. А это уже не будетъ поощреніемъ добрыхъ нравовъ, не будетъ защитою невинности, а скорѣе будетъ поощреніемъ разврата, имѣющаго промышленный характеръ.

Наконецъ, допустите вы такіе законы, вы совсѣмъ уничтожите протекцію закона честному, благонамѣренному браку. Въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ для чего же бракъ, для чего извѣстное обязательство соединяющихся въ бракъ лицъ?—Для любви, для рожденія дѣтей свадебный контрактъ не нуженъ, тутъ довольно одного дѣйствія природы. Бракъ, какъ гражданское установленіе, имѣетъ цѣлью гарантію супружеской вѣрности и

гарантію содержанія и воспитанія для дѣтей средствами мужа. Если законъ будетъ гарантировать все это и внѣ брака, то бракъ, очевидно, не нуженъ. Но бракъ въ самомъ дѣлѣ нуженъ и очень. И имъ, очевидно, нельзя пожертвовать въ этомъ случаѣ для результатовъ или ничтожныхъ, или протежирующихъ развратъ.

Впрочемъ, положеніе Легуве совершенно вѣрно. Отецъ дѣйствительно долженъ заботиться о своихъ дѣтяхъ—все равно, будутъ ли эти дѣти законныя или незаконныя. Только законъ можетъ покровительствовать въ этомъ случаѣ однимъ законнымъ дѣтямъ. Дѣти незаконныя несчастны уже и тѣмъ, что они незаконныя, и хорошо, если отецъ ихъ имѣетъ въ себѣ на столько человѣческаго чувства, чтобы не бросить ихъ. Но если онъ отъ нихъ откажется, то изъ ста случаевъ въ девяносто девяти законъ тутъ ничѣмъ не можетъ помочь, а въ сотомъ случаѣ законъ, думая помочь несчастнымъ дѣтямъ, думая обязать человѣка фактически отвѣчать за свои дѣла, благодаря искусству какой нибудь камелин, навяжетъ ему чужихъ дѣтей.— Тутъ должно дѣйствовать само общество, а не законъ; пусть оно подвергаетъ нравственному преслѣдованію подобныхъ преступниковъ. Пусть оно извергаетъ ихъ изъ своей среды; тутъ они, подобно Каину, не найдутъ нигдѣ мѣста въ мірѣ. Въ такомъ случаѣ дѣйствительно сократятся преступленія этого рода, равно какъ и всякія другія преступленія, ускользящія отъ дѣйствія закона. Да и тутъ еще надобно прибавить, что такъ какъ всѣ подобныя преступленія имѣютъ свой корень еще въ условіяхъ экономическихъ и даже политическихъ, то въ этомъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ реформы и этихъ условій. Но общество должно хорошо помнить, что ему нечего надѣяться на всемогущество закона, что оно должно потрудиться само надъ своимъ совершенствованіемъ.

Странно, въ самомъ дѣлѣ, рассчитывать на такое всемогущество закона, которое освободило бы насъ отъ какихъ-бы то ни было нравственныхъ усилій. Разнообразіе психологической и гражданской дѣятельности человѣка такъ велико, что законъ не имѣетъ никакой возможности предусмотрѣть всѣ малѣйшія случайности, которымъ оно даетъ мѣсто. И если бы всѣ наши, самыя незначительныя и самыя скрытыя отношенія во всѣхъ подробностяхъ могли быть предусмотрѣны закономъ, то въ нашей жизни не было бы мѣста ни добродѣтели, ни даже сознательному и добро-

вольному проявленію идеи справедливости. Въ такомъ случаѣ общество человеческое потеряло бы свой дѣйствительный характеръ и стало бы походить или на заведенную машину или даже на стадо овецъ, которыхъ пастухъ гонить, куда хочетъ. Въ такомъ случаѣ, еслибъ мы стали избѣгать чего нибудь дурнаго, заслуги тутъ съ нашей стороны не было бы никакой, потому что все это мы дѣлали бы не по сознанию нравственной необходимости и обязанности для насъ извѣстныхъ поступковъ, а только изъ страха наказанія.—Въ томъ-то и бѣда, что какъ въ нашемъ обществѣ, такъ и другихъ народовъ, нравственные принципы еще не глубоко укоренились. Отъ того у насъ такъ много людей безчестныхъ, которыхъ поступки далеко безнравственнѣе поступковъ преступниковъ, осужденныхъ законами, и между тѣмъ эти люди пользуются въ обществѣ уваженіемъ и вниманіемъ, и вся ихъ жизнь представляется въ самомъ привлекательномъ видѣ. А результатъ изъ этого происходитъ тотъ, что безнравственные поступки, всякаго рода злоупотребленія и злодѣянія внѣ сферы закона не только не сокращаются, но размножаются. И это не въ однихъ дѣлахъ, касающихся отношеній между мужчинами и женщинами, а вездѣ вообще. И виноваты въ этомъ не законы, а виновата сама общественная нравственность. Когда общественная нравственность стоитъ на высокой степени, тогда и при малочисленности законовъ, при великомъ ихъ несовершенствѣ, безчестныя дѣла, злоупотребленія и злодѣянія бывають рѣдки среди народа. Какъ ни многочисленны и какъ ни разумны были римскіе законы во время имперіи, но исторія не знаетъ времени болѣе безнравственнаго и беззаконнаго. Между тѣмъ въ то время, когда весь сводъ римскихъ законовъ помѣщался на двѣнадцати таблицахъ, безнравственные поступки и злоупотребленія въ Римѣ были большою рѣдкостью.

Легуве рассказываетъ слѣдующій случай: одинъ господинъ въ продолженіе девятнадцати лѣтъ находился въ связи съ своею кухаркою, имѣлъ отъ нея дѣтей и потомъ, рѣшившись жениться на другой женщинѣ, прогналъ кухарку изъ своего дома и ничѣмъ не обезпечилъ существованія ни ея, ни дѣтей. Законъ въ этомъ случаѣ не могъ ничѣмъ помочь бѣдной женщинѣ съ дѣтьми,—и за это Легуве весьма сильно на него вооружается. Но тутъ слѣдуетъ вооружиться не противъ закона, а противъ общества, которое снисходительно смотритъ на подобныя дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, нашлась же женщина, которая рѣшилась выйти

замужъ за этого господина, нашлись родители, которые рѣшились выдать за него свою дочь, потомъ найдутся добрые знакомые и пріатели, которые будутъ дѣлать съ нимъ время. И всѣ эти люди очень хорошо знаютъ его прошедшее, знаютъ великую несправедливость и безчеловѣчіе, сдѣланное имъ, и все-таки въ нихъ онъ находитъ друзей, находитъ въ нихъ симпатію и уваженіе. Очевидно, всѣ эти люди относятся слишкомъ снисходительно къ его прошедшему. Это снисхожденіе и есть дѣйствительное поощреніе къ разврату и къ оставленію на произволъ судьбы своихъ собственныхъ дѣтей и ихъ матери.

И такъ, вотъ гдѣ должна быть сдѣлана реформа: не въ законахъ, а въ общественномъ сознаніи, въ общественной нравственной практикѣ. Если же само общество не подумаетъ объ этой реформѣ, то никакой законъ ничего не сдѣлаетъ.

Въ общественныхъ слояхъ, которые страдаютъ всего болѣе отъ того зла, противъ котораго вооружается Легуве, есть и другія причины, производящія его. И французскіе публицисты, наиболѣе благонамѣренные, понимаютъ ихъ слишкомъ мало. Легуве рассказываетъ въ одномъ мѣстѣ исторію дѣвицы, обвиненной передъ судомъ въ дѣтоубійствѣ. Она тоже имѣла какое-то мѣсто горничной или кухарки, потеряла мѣсто и въ самое трудное время своей жизни оставалась безъ пристанища. Въ заведеніи для бѣдныхъ родильницъ она не нашла мѣста, потому что всѣ мѣста были заняты; разрѣшилась отъ бремени она гдѣ-то въ хлѣву или въ шалашѣ. Побившись еще нѣсколько дней, она кончила тѣмъ, что убила своего ребенка. Судъ оправдалъ ее.—Этимъ случаемъ Легуве весьма возмущенъ. Но, обвиняя обольстителя, онъ въ тоже время не оправдываетъ и общества. Только странно, что онъ не нашелъ другой вины за обществомъ, кромѣ того, что подобно дома для бѣдныхъ родильницъ имѣютъ недостаточное число кроватей. Счастливы были бы народы, если бы общественное зло могло излечиваться прибавкою кроватей въ такихъ мѣстахъ или другими подобными средствами! Но въ томъ-то и состоитъ все горе, что такія средства мало помогаютъ. Увеличивайте сколько угодно число страннопримныхъ домовъ, пріютовъ, размножайте въ нихъ число кроватей, всегда найдутся люди, которые займутъ ихъ раньше другихъ, а эти другіе останутся безъ мѣста. Если зло лежитъ въ глубинѣ общественной организаціи, то не такими средствами надо лечить его. Когда масса народонаселенія согнана съ почвы и осуждена на трудъ, обезпечивающій ей про-

питаніе, при нормальномъ положеніи дѣлъ, только на одинъ день, тогда и рѣчи не можетъ быть о высшихъ интересахъ нравственности; тогда бракъ становится удѣломъ весьма немногихъ, а остальные осуждаются на такую форму брака, сравнительно съ которымъ бракъ восточныхъ народовъ и даже дикарей покажется великимъ шагомъ впередъ. Если мы прибавимъ сюда то, что и въ высшихъ классахъ, наиболѣе достаточныхъ, бракъ становится все болѣе и болѣе рѣдкостью, благодаря тому, что идеи приличія вездѣ цѣнятся выше идей нравственныхъ и опять-таки благодаря тому, что общественная организація однимъ безъ труда даетъ все, а другимъ и за трудъ не даетъ почти ничего,—то мы очень легко поймемъ, что оболещенія должны повторяться все чаще и чаще, что они происходятъ, такъ сказать, необходимо съ обѣихъ сторонъ. Но реформируйте вы, какъ слѣдуетъ, общественныя отношенія, обезпечьте въ обѣднмъ классамъ возможность добывать себѣ пропитаніе, освободите въ достаточные классы отъ необходимости тянуться вверхъ, не унижайте никакого состоянія, и общественная нравственность сама собою поднимется на высшую ступень.

Если бы во всѣхъ этихъ условіяхъ не лежала причина, влекущая общество къ пренебреженію идеи нравственности, мы, пожалуй бы, согласились съ Легуве, что законодательными мѣрами можно достигнуть какихъ нибудь цѣлей въ правильномъ опредѣленіи отношеній между мужчинами и женщинами; мы прибавили бы сюда, какъ дѣйствительное средство, распространеніе образованія въ низшихъ классахъ и считали бы это дѣло устроеннымъ со всемъ возможнымъ для человѣческаго общества совершенствомъ. Но какъ мы видѣли, законы, реформирующіе подробности въ то время, когда сущность остается въ прежнемъ видѣ, своей цѣли не достигнуть, и образование не принесетъ большихъ плодовъ, если общественная организація будетъ вести женщину къ паденію. Въ самомъ дѣлѣ, парижскія камеліи, такъ называемыя дамы полусвѣта, своимъ образованіемъ, въ особенности его блескомъ, ни сколько не уступаютъ самымъ почтеннымъ матерямъ семейства. Конечно, все-таки это образованіе не серьезное, не глубокое, но оудто въ самомъ дѣлѣ можно рассчитывать дать серьезное и глубокое научное образованіе всей массѣ народа?—Народное образованіе, будучи построено на религіозномъ началѣ, разумно связанномъ съ научными результатами, можетъ имѣть весьма благодѣтельные результаты. Но все-таки

этихъ результатовъ преувеличивать нельзя, большинство все-таки не получить такого направленія и развитія, которое при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ крѣпко удерживало бы его на пути добродѣтели. Въ Англии образованіе бѣдныхъ классовъ въ настоящее время находится въ обстоятельствахъ наиболѣе благоприятныхъ; извѣстно громадное количество англійскихъ школъ для простаго народа, извѣстна англійская религіозность, извѣстна, кромѣ того, строгость англійскихъ воззрѣній на поведеніе женщинъ и въ особенности дѣвицъ. И что же? спасаетъ все это англійскую дѣвицу, принадлежащую къ бѣдному классу народа, отъ паденія?—Послушайте русскихъ туристовъ, возвращающихся изъ за границы, и они расскажутъ вамъ, что въ Англии еще больше падшихъ женщинъ, нежели гдѣ нибудь. Ихъ религіозность и нѣкоторая степень научнаго образованія отъ паденія не спасаютъ ихъ. Единственная особенность, которою онѣ отличаются отъ французскихъ камелій, состоитъ только въ томъ, что онѣ не отличаются такимъ безстыдствомъ. А другая особенность та, что между ними гораздо больше личностей, чувствующихъ всю горечь своего положенія и все-таки продолжающихъ свой образъ жизни, потому что, въ противномъ случаѣ, имъ пришлось бы умереть съ голоду подлѣ дороги.—Значитъ, если бы кто нибудь въ этомъ случаѣ взялся за реформу общественной нравственности, то ему самымъ очевиднымъ образомъ слѣдовало бы подумать о какихъ нибудь другихъ средствахъ. Эти средства заключаются въ обезпеченіи достаточнаго пропитанія низшему классу какимъ бы то ни было образомъ.—Въ одномъ изъ романовъ Э. Сю представлена женщина, которая въ Парижѣ добывала себѣ пропитаніе проституціею, воровствомъ и даже участіемъ въ разбоѣ. Но когда она была сослана въ Алжирію на поселеніе въ земледѣльческую колонію, то въ самомъ непродолжительномъ времени изъ нея вышла образцовая жена и мать семейства. Романы Э. Сю не пользуются большимъ сочувствіемъ, какъ нашихъ, такъ и нѣмецкихъ эстетическихъ критиковъ, но за то они пользуются, и по всей справедливости, сочувствіемъ моралистовъ и экономистовъ, которые занимаютъ дѣломъ, а не довольствуются одною болтовнею. Въ этомъ случаѣ Э. Сю дѣйствительно оказывается выше Легуве, не смотря на всю его блоннамѣрность. Въ то время, когда одинъ намѣренъ лечить общественное зло такими мелочными мѣрами, какъ прибавка нѣсколькихъ кроватей въ благотворительномъ заведеніи, другой

указываетъ одно изъ средствъ, ведущихъ къ дѣйствительному исцѣленію общественныхъ язвъ.

Мы не можемъ слѣдить за всѣми фазисами жизни женщины вмѣстѣ съ Легуве. Онъ находитъ недостатки во всѣхъ ихъ, и большею частію весьма справедливо, и требуетъ мѣстами реформы законовъ, мѣстами реформы общественныхъ взглядовъ. Мы обратимъ вниманіе на его ученіе объ отношеніяхъ между супругами. Прежде всего слѣдуютъ отношенія имущественныя. Нашъ авторъ весьма сильно вооружается противъ французскихъ законовъ по этому предмету. Извѣстно, что во Франціи мужъ есть распорядитель какъ своего собственнаго, такъ и женнаго имѣнія. Противъ этого авторъ вооружается весьма жестоко: онъ видитъ въ этомъ отголосокъ древняго взгляда на несовершеннолѣтіе женщины.

Нельзя не признаться, что имущественныя отношенія между супругами принадлежатъ къ числу наиболѣе важныхъ. Въ наше время супружество почти вполнѣ получило характеръ только одного договора, контракта, не только въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ брачные контракты, но и въ другихъ. Любовь, о которой такъ много говорятъ и пишутъ, по видимому, потому особенно господствуетъ въ романахъ, что ее изгоняютъ изъ дѣйствительной жизни; несмотря на то, что всякій юноша и даже мальчикъ, равно какъ и всякая дѣвица и даже дѣвочка, всѣми силами стараются напустить на себя это чувство и простое волненіе крови титулуютъ громкимъ именемъ любви съ разными громкими эпитетами. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстенъ коммерческій характеръ браковъ, заключаемыхъ какъ у насъ, такъ и за границею. Безъ волненія крови, конечно, не обходится; но, какъ извѣстно, оно весьма скоро проходитъ и послѣ него уже ничего не остается. Остается только самолюбіе во всѣхъ его видахъ и со всѣми атрибутами. Отъ того каждый изъ супруговъ ревниво бережетъ только свои собственные интересы, не обращая никакого вниманія на интересы другаго супруга и даже не отказываясь дѣйствовать во вредъ имъ. И бракъ теряетъ свой гуманный характеръ, получаетъ характеръ простаго *спариванія*, подобнаго *спариванію* животныхъ, и притомъ низшихъ видовъ, которыя по временамъ какъ будто любятъ другъ друга, а по временамъ грызутся между собою изъ-за брошенной кости.

Натурально, при такихъ обстоятельствахъ, какъ ни устроивайте имущественныя отношенія супруговъ, всегда они будутъ плохи.

Въ самомъ дѣлѣ, Легуве жалуется на французскіе законы, касающіеся этого предмета, а мы можемъ пожаловаться еще съ большею основательностію на наши. У французовъ, какъ извѣстно, мужъ есть распорядитель всего вообще имущества супруговъ, какъ того, которое принадлежитъ ему лично, такъ и того, которое принадлежитъ женѣ. Слѣдствіемъ этого бываетъ подь часть то, что дурной мужъ тратитъ свои доходы на грубыя удовольствія въ то время, какъ жена и дѣти нуждаются въ необходимомъ, или онъ проматываетъ все свое состояніе, равно какъ и состояніе своей жены, и впослѣдствіи лишаетъ своихъ дѣтей куса хлѣба.

У насъ тоже самое; всѣмъ намъ не разъ приходилось видѣть, какъ нѣкоторые господа проматываютъ будущій кусокъ хлѣба своихъ дѣтей, не заботясь ни о ихъ воспитаніи, ни о приличномъ содержаніи.

Какъ тутъ помочь бѣдѣ?—Предоставить распоряженіе общими супружескими доходами и капиталами женамъ? Но вѣдь ни что не ручается за то, что и жены будутъ благоразумно распоряжаться супружескимъ имуществомъ. Е. Пеллетанъ рассказываетъ, что во Франціи жены разоряютъ своихъ мужей только на однѣ тряпки или такъ называемыя булавки. У насъ мы видѣли безчисленные примѣры того, что женщины точно такъ же, какъ и мужчины проматываютъ будущій кусокъ хлѣба своихъ дѣтей, готовятъ въ будущемъ нищету, какъ дѣтямъ, такъ и самимъ себѣ. Легуве жалуется, что распоряженіе общимъ супружескимъ достояніемъ, находясь въ рукахъ мужа, ставитъ жену въ такое положеніе, которое очень близко къ рабству,—что въ такомъ случаѣ мужъ имѣетъ возможность дѣлать женѣ постоянныя оскорбленія, можетъ заводитъ любовницъ и даже вводитъ ихъ подь супружескую кровлю въ видѣ экономокъ или гувернантокъ. Мы знаемъ въ нашемъ обществѣ не одинъ примѣръ, что жена, распоряжаясь своимъ имуществомъ, точно также заводитъ себѣ любовниковъ и даже не по одному, а массами, вводитъ ихъ въ свой домъ къ великому соблазну дѣтей; какъ сыновей, такъ и дочерей, уже не маленькихъ; а мужъ въ это время, если онъ имѣетъ состояніе, старается вознаградить себя такими же средствами; если же онъ не имѣетъ состоянія, то онъ нисходитъ на степень старшаго камердинера своей жены, и по необходимости принужденъ смотрѣть сквозь пальцы на ея дебошъ. Въ такихъ случаяхъ, впрочемъ, какъ наши законы, такъ и законы

другихъ государствъ допускаютъ или законный разводъ, или только сепарацию, т. е. простое раздѣленіе супруговъ. Потому очень естественно было бы ожидать, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ оскорбленная сторона потребуеъ или того или другаго. Но будетъ ли это удовлетвореніемъ справедливости? Легуве говорить, что очень часто подобный негодяй мужъ на то только и бьетъ, чтобы добиться этой сепарации, и сепарация, очевидно, только даеъ ему большую свободу, а оскорбленной сторонойъ сдѣлаеъ еще больше оскорбленія.—У насъ тоже право развода во многихъ случаяхъ ко многому не поведетъ. Во первыхъ, всегда очень трудно доказать супружескую невѣрность; а во вторыхъ, разводъ точно также будетъ вполне удовлетворять желанію стороны несправедливой, которая, стало быть, за свое преступленіе получить не наказаніе, а награду.—Такимъ образомъ оказывается, что въ такихъ случаяхъ почти никакіи мѣры бѣдѣ не помогутъ.

Легуве предлагаеъ, впрочемъ очень оригинальное, средство, которое, по его мнѣнію, могло бы исцѣлить зло. Онъ думаеъ, что было бы полезно раздѣлить все вообще супружеское имущество на три части. Первая часть должна быть составлена изъ личнаго имущества мужа; вторая, изъ личнаго имущества жены; третья должна быть выдѣлена по-ровну изъ имущества обоихъ супруговъ. Распоряженіе этими частями супружескаго имущества должно быть гарантировано такъ: первую частью распоряжаеъ мужъ на всей своей доброй волѣ; вторую частью распоряжаеъ тоже мужъ, но только до извѣстнаго времени, и онъ распоряжаеъ ею только потому, что молодая женщина не имѣеъ довольно опытности, чтобы распоряжаться своимъ состояніемъ. Но съ теченіемъ времени она можетъ приобрести эту опытность и въ этомъ случаѣ руководителемъ ея долженъ быть мужъ, который, научивши ее достаточно, черезъ пять лѣтъ долженъ передать женѣ полное управленіе ея собственными дѣлами. «Въ эти пять лѣтъ—говоритъ Легуве—мужъ долженъ научить жену распоряжаться своимъ состояніемъ, но такъ, чтобы она была его ученицею, а не подчиненною, а онъ былъ бы воспитателемъ, а не господиномъ.»—Мысль Легуве относительно третьей части супружескаго имущества отличаеъ особенною оригинальностію, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, и мы заставимъ здѣсь говорить его самого.

«Пусть мужъ, говоритъ онъ, будетъ распорядителемъ этой части; нѣтъ ничего справедливѣе этого, но распорядителемъ,

подверженнымъ контролю , наблюденію и отвѣтственности. И здѣсь, для осуществленія прогресса, стоитъ только вспомнить то, что было и что есть.

«Римская республика и феодализмъ установили: первая подъ именемъ семейнаго суда, второй подъ названіемъ собранія родственниковъ, семейный совѣтъ, обязанный покровительствовать женѣ противъ мужа. Этого учрежденія не достаетъ въ нашемъ кодексѣ. Намъ нуженъ семейный совѣтъ супруговъ. Составленный изъ друзей, родственниковъ и родственницъ, это собраніе, по требованію обоихъ изъ его членовъ и жены, имѣло бы право призвать къ своимъ периламъ мужа, обвиненнаго въ мотовствѣ или неспособности. Если слѣдствіе осуждало его , если, напротивъ , жена представила бы неопровержимыя доказательства способности къ управленію своими собственными дѣлами, то управленіе общиннымъ имуществомъ могло бы быть временно отнято отъ неспособнаго и вручено болѣе достойному».

Прежде, нежели мы выскажемъ наше мнѣніе относительно этого проекта, мы должны замѣтить, что онъ относится къ такимъ супружествамъ, которыя очень далеки отъ совершенства. Если мы возьмемъ супружество въ томъ видѣ, въ какомъ оно должно существовать, то всякая подобная регламентация будетъ въ немъ неумѣстна. «Супружество, по прекрасному выраженію Модестена, есть *juris humani et divini communicatio*», т. е. соединеніе права божескаго и человѣческаго. Дѣйствительно, супружество въ его совершеннѣйшемъ видѣ должно быть выше всѣхъ обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній; тутъ именно должно быть нѣчто выше человѣческое. Общеніе интересовъ должно простирается до самой послѣдней степени. Все, что мы знаемъ въ настоящемъ и прошедшемъ, всякое, наиболѣе тѣсное соединеніе интересовъ, когда-либо или гдѣ-либо бывшее, должно быть осуществлено и по возможности превзойдено въ супружествѣ ; и только въ такомъ случаѣ семейство можетъ быть дѣйствительною школою нравственности для молодыхъ поколѣній, только въ такомъ случаѣ оно исполнитъ свою роль относительно всей народной жизни, послужитъ основой народнаго благосостоянія и свободы , будетъ разсадникомъ патріотизма, приготовить будущихъ гражданъ нравственно крѣпкихъ , способныхъ коллективнымъ образомъ на своихъ плечахъ выносить всякое общественное бѣдствіе и всякую политическую невзгоду. Такимъ образомъ въ вопросѣ о супружескомъ имуществѣ об-

щеніе супружескихъ интересовъ должно превосходить то, которое существуетъ между самыми искренними и романтическими друзьями, между братьями, которые дѣйствительно любятъ другъ друга, какъ самихъ себя,—наконецъ то, которое существовало у первыхъ христіанъ и впослѣдствіи въ разныхъ религіозныхъ и соціальныхъ общинахъ. Мы нисколько не сочувствуемъ тому коммунизму, который нѣкоторые добрые люди хотѣли ввести въ современныя человѣческія общества. Но въ супружествахъ мы желаемъ самага полнаго коммунизма, который, впрочемъ, теперь практикуется въ огромномъ большинствѣ супружествъ, и притомъ такъ, что чѣмъ лучше супружество, тѣмъ полнѣе коммунизмъ, господствующій въ немъ, и чѣмъ хуже супружество, тѣмъ значительнѣе въ немъ раздѣленіе имущества. Въ самомъ дѣлѣ, много-ли у насъ такихъ супружествъ, въ которыхъ бы мужъ и жена имѣли каждый свое состояніе. Если дѣйствительно въ богатыхъ классахъ это случается, то гораздо чаще бываетъ, что все супружеское имущество принадлежитъ одному изъ супруговъ, большею частію мужу. Но не надобно забывать, что огромное большинство супружествъ приходится на долю тѣхъ классовъ, которые, главнымъ образомъ, живутъ своимъ трудомъ. Сюда принадлежатъ почти всѣ чиновники, какъ статскіе, такъ и военные, начиная отъ высшихъ и кончая низшими, разные коммерческіе агенты и затѣмъ всѣ вообще бѣдные классы народонаселенія. И здѣсь всегда существуетъ полное общеніе имущества; обыкновенно средства для пропитанія всей семьи доставляетъ мужъ, и если онъ не негодяй, то все, что онъ зарабатываетъ, идетъ на пользу семьи. А кто распоряжается всѣми доходами такой семьи, живущей трудами мужа? Обыкновенно въ хорошемъ супружествѣ всякое сколько-нибудь важное распоряженіе не исходитъ исключительно ни отъ мужа, ни отъ жены. Конечно, есть издержки, которыя дѣлаетъ мужъ, есть другія издержки, которыя дѣлаетъ жена; но все это такія издержки, о которыхъ супруги заранее согласились одинъ разъ навсегда. Есть такія издержки, относительно которыхъ и мужъ и жена совѣтуются между собою при каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Это и есть наиболѣ разумное и наиболѣ согласное съ понятіемъ совершеннаго супружества распоряженіе общимъ супружескимъ имуществомъ. Впрочемъ, тутъ рѣчь идетъ только объ издержкахъ, о потребленіи; а потребленію должно еще предшествовать приобрѣтеніе. Приобрѣтеніе, какъ мы

уже сказали, главнымъ образомъ достается на долю мужа, особенно въ классахъ недостаточныхъ; но иногда бываетъ, что и жена принимаетъ значительное участіе въ приобрѣтеніи средствъ для жизни семьи; иногда она даетъ какіе-нибудь уроки, исполняетъ какіе-нибудь заказы или беретъ на себя какую-нибудь постоянную работу. Очевидно, въ этомъ случаѣ всякое распоряженіе трудомъ въ подробностяхъ и въ общемъ планѣ принадлежитъ тому изъ супруговъ, который занимается имъ, разумѣется, все таки безъ всякой исключительности, такъ что супружескіе совѣты все-таки имѣютъ мѣсто, особенно относительно общаго плана. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ супружествъ. Вотъ помѣщикъ, который самъ занимается сельскимъ хозяйствомъ. Онъ постоянно занятъ или въ полѣ, или на гумнѣ, или на какомъ-нибудь заводѣ, существующемъ въ его имѣніи. Онъ же продаетъ хлѣбъ и заводскіе продукты; онъ имѣетъ дѣло съ подрядчиками и рабочими и т. п.; все это составляетъ сферу его дѣятельности. А жена въ то же самое время имѣетъ свое хозяйство. Она имѣетъ дѣло съ скотницами и птичницами, заботится, чтобы семейству было обезпечено годовое продовольствіе продуктами скотоводства, фруктами и овощами; она заботится о необходимомъ comfortѣ въ домѣ и т. п. Но не надобно забывать, что главную ея заботу должны составлять дѣти и домъ; всѣ другія занятія для нея обязательны только тогда, когда ей останется время отъ ея заботъ по воспитанію дѣтей и управленію внутреннимъ порядкомъ дома, и притомъ съ такою разницею, что чѣмъ ближе какое-нибудь занятіе имѣетъ отношеніе къ этимъ двумъ обязанностямъ, тѣмъ большую степень обязанности имѣетъ оно для жены. Такимъ образомъ, послѣ воспитанія дѣтей и управленія домомъ идутъ непосредственно заботы о такихъ предметахъ, какъ дѣтское бѣлье, одежда и обувь, или какъ завтракъ, обѣдъ и чай, какъ для дѣтей, такъ и для всей семьи. Потомъ слѣдуютъ наблюденія за кухней, кладовой и т. д. Если у жены послѣ всего этого еще останется много времени, то она наблюдаетъ даже за полевыми и заводскими работами, и все это, разумѣется, относится къ такой женщинѣ, которая, при достаточномъ или очень умѣренномъ состояніи, не играетъ роли средне-вѣковой *chatelaine*, которая не воображаетъ, что она создана только для мечты, которая, кромѣ чтенія романовъ и музыки, кромѣ баловъ и визитовъ, не пренебрегаетъ другими занятіями и даже очень

естественно находить въ нихъ удовольствіе.—Возьмемъ другое супружество, напр. подмосковное крестьянское семейство; мужъ промышляетъ всѣмъ, чѣмъ угодно: лѣтомъ онъ обрабатываетъ свое поле, потомъ онъ ѣдетъ промышлять въ Москвѣ извозомъ; то онъ поступитъ на фабрику въ работники, то наймется въ поденщики. Потомъ онъ обмолотитъ хлѣбъ и продастъ его и т. п. А жена въ то же самое время смотритъ за домашнимъ скотомъ, собираетъ молоко и масло, въ свое время насадитъ свеклы и рѣпы, клубники и земляники, потомъ все это продастъ, соберетъ у себя въ саду смородину и крыжовникъ и тоже продастъ и т. п. Потомъ, когда въ своемъ хозяйствѣ не будетъ работы, она возьметъ съ фабрики бумагу или шелкъ для разматыванія. И весь продуктъ этихъ трудовъ идетъ на общую пользу всей семьи, для ея содержанія, для покупки предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ, или на уплату разныхъ повинностей. Впрочемъ, крестьяне съ какою-то особенною ловкостью и вполнѣ мирнымъ образомъ умѣютъ распределить продукты своихъ трудовъ, такъ что и семейныя потребности удовлетворены и члены семьи получаютъ то, что имъ нужно на ихъ частныя надобности: мужъ купить себѣ сапоги и шляпу, ситцу на красную рубашку или сукна на армякъ, а жена сошьетъ и себѣ и дѣтямъ праздничныя платья, и всѣ остаются довольны въ этомъ отношеніи безъ всякаго вмѣшательства законовъ. А всѣ эти работы предпринимаются по общему соглашенію и въ то же время по собственной охотѣ каждаго. Никакой неподвижности въ распределеніи работъ нѣтъ: что нынче дѣлалъ мужъ, то въ слѣдующемъ году сдѣлаетъ жена, если будетъ имѣть время, и наоборотъ.

Такимъ образомъ въ супружествахъ, наиболѣе простыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе близкихъ къ совершенству, нѣтъ строго опредѣленной границы, обозначающей хозяйственную дѣятельность мужа или жены. Если жена имѣетъ время, то она старается сколько можно больше раздѣлить съ своимъ мужемъ заботы по хозяйству; она принимаетъ участіе и въ приобрѣтеніи средствъ для жизни, и въ распоряженіи этими средствами. И все это обходится безъ особенныхъ вопросовъ о правахъ того или другаго супруга, потому что хорошіе супруги о своихъ правахъ обыкновенно и не думаютъ: всѣ ихъ мысли направлены къ увеличенію общаго семейнаго благосостоянія, къ упроченію будущности дѣтей и къ тому, чтобы облегчить взаимно

другъ другу всякія вообще тягости жизни, какъ нравственныя, такъ и матеріальныя. Таково свойство истинной любви; она не слѣдитъ ревниво за своими правами, а старается взять на себя сколько можно больше обязанностей. Впрочемъ, въ хорошемъ супружествѣ больше, нежели гдѣ-нибудь, права и обязанности взаимно проникаются другъ другомъ, такъ что было бы трудно всё вообще супружескія занятія раздѣлить на эти двѣ категории, отнести ихъ къ правамъ или обязанностямъ. Возьмите что угодно, воспитаніе дѣтей или какое-нибудь занятіе для пріобрѣтенія средствъ къ жизни. И то и другое составляетъ обязанность каждаго изъ супруговъ; но ихъ взаимная любовь, ихъ заботливость о дѣтяхъ дѣлаютъ то, что каждое занятіе составляетъ для нихъ дѣйствительную нравственную потребность и доставляетъ имъ истинное удовольствіе. Вслѣдствіе этого, все то, на что со стороны смотрятъ какъ на обязанность, для самихъ супруговъ составляетъ право, которымъ они очень дорожатъ. И отнимите вы у доброй матери семейства возможность самой заниматься воспитаніемъ дѣтей или трудиться для доставленія имъ средствъ къ жизни, и она будетъ громко протестовать противъ нарушенія своихъ правъ.

Въ хорошемъ супружествѣ иначе и быть не можетъ. Заботы и труды принадлежатъ обоимъ супругамъ, но каждый изъ нихъ трудится не въ свою пользу а въ пользу всей семьи, и при взаимномъ уваженіи и любви невозможно и предположить, чтобы какой-нибудь изъ супруговъ сталъ распоряжаться продуктами своего труда исключительно по своему усмотрѣнію.

Но всякіе вообще законы пишутся не для людей идеальныхъ; не для идеальныхъ людей пишутся и законы о супружествахъ. Они должны предположить между супругами и эгоистовъ и людей легкомысленныхъ; назначеніе ихъ въ томъ и состоитъ, чтобы гарантировать въ такомъ случаѣ интересы другой стороны. Надобно сказать, что въ такомъ случаѣ законы не имѣютъ силы, чтобы гарантировать ихъ исполнѣ; они не могутъ несчастное супружество сдѣлать счастливымъ; они не могутъ пойти противъ природы вещей. Если мужъ пріобрѣтаетъ средства жизни для семейства, и если онъ не на столько нравственный человѣкъ, чтобы сдѣлать свою жену участницею въ распоряженіи этими средствами, то никакой законъ не заставитъ его сдѣлать это. Если законъ отниметъ у него распоряженіе тѣмъ, что онъ пріобрѣтаетъ своимъ трудомъ, то мужъ кончитъ тѣмъ, что со-

всѣмъ перестанеть трудиться, и семья останется безъ всякихъ средствъ къ жизни. Правда, въ такихъ случаяхъ законъ можетъ сдѣлать кое-что. Мужъ, который не хочетъ содержать свою жену и свою семью, можетъ быть обязанъ выдавать имъ извѣстную долю своего заработка. И есть много случаевъ, когда законъ долженъ обратить большое вниманіе на это. Въ западной Европѣ и у насъ случается очень часто, что рабочіе въ концѣ недѣли пропиваютъ двѣ трети своей заработной платы въ то время, когда жена и дѣти остаются безъ куска хлѣба. Западные писатели-моралисты относятся очень строго къ такимъ явленіямъ и требуютъ здѣсь вмѣшательства закона. Въ такихъ случаяхъ, дѣйствительно, принесло бы свою пользу учрежденіе, которое проектируетъ Легуве, именно тѣ семейные совѣты, которые могли бы выслушивать жалобы одной изъ сторонъ, повѣрять ихъ и принимать нужныя мѣры; мѣры эти, разумѣется, какъ рѣшеніе третейскаго суда, должны имѣть силу закона.

Но тѣ несчастныя явленія, которыя имѣютъ мѣсто въ семействахъ, живущихъ трудомъ, далеко не принадлежатъ къ самымъ крайнимъ въ этомъ родѣ. Бѣдная жена, которой мужъ пропиваетъ двѣ трети своихъ заработковъ, конечно, осуждена на лишенія. Но на особенно покойную жизнь въ достаткѣ она никогда и не рассчитывала. Притомъ, если у нея нѣтъ дѣтей, то она своимъ трудомъ прибрѣтетъ что-нибудь; если же у нея есть дѣти, то положеніе ея, конечно, отягчается въ настоящемъ, но за то представляетъ нѣкоторое успокоеніе для будущаго. Въ семействахъ рабочихъ, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Россіи, на дѣтей еще смотрятъ какъ на будущихъ работниковъ, которымъ обезпеченъ трудъ и содержаніе; и дѣйствительно, съ теченіемъ времени возросшія дѣти успокоятъ преклонныя лѣта своей матери.

Но не таково положеніе семейства, которое имѣетъ свои средства къ жизни не отъ труда, а отъ капитала. Если мужъ проматываетъ свое состояніе, то онъ приготовляетъ и женѣ и дѣтямъ самую горькую будущность. Въ подобныхъ случаяхъ дѣло обыкновенно происходитъ такимъ образомъ, что легкомысленный отецъ, проматывая свое состояніе, въ то же время оставляетъ дѣтей безъ воспитанія, соответствующаго общественному положенію семьи. И положеніе дѣтей въ будущемъ будетъ тѣмъ тяжелѣе, что, не имѣя никакого состоянія, они не будутъ имѣть возможности честнымъ трудомъ прибрѣтать себѣ

хоть сколько-нибудь достаточное содержаніе. И семейство упадетъ въ самый худшій изъ воѣхъ родовъ нищеты,—той нищеты, которая знала когда-то лучшее время и уже по этому самому неспособна заниматься работами самыми грубыми, но въ то же время неспособна и ни къ какимъ другимъ работамъ, болѣе деликатнымъ. — Можно себѣ представить положеніе бѣдной матери, которая предвидитъ несчастье еще въ то время, когда оно готовится и не имѣетъ никакой возможности противо-дѣйствовать ему. Такія же самыя слѣдствія могутъ быть и въ томъ случаѣ, когда имѣніе принадлежитъ женѣ. По нашимъ законамъ жена есть такая же полновластная распорядительница своего имѣнія, какъ и мужъ, и кому не случалось видѣть, что жены, пользуясь своими экономическими преимуществами и журуя самыми разнообразными способами, въ то же самое время и этимъ самымъ приготавливаютъ въ будущемъ нищету для своихъ дѣтей *; и мужъ не имѣетъ никакихъ средствъ предотвратить несчастье потому, что имѣніе принадлежитъ не ему. Въ такихъ случаяхъ, дѣйствительно, большую пользу принесли бы семейные совѣты, проектируемые Легуве. Но только они должны касаться не одной изъ трехъ частей, на которыя Легуве дѣлитъ супружеское имущество: ихъ власть должна простира-ться на супружеское имущество все вообще. Въ самомъ дѣлѣ, если согласно съ справедливостью взять у мужа или у жены половину имѣнія и передать заведываніе его другой сторонѣ, то точно также справедливо будетъ отъ расточительнаго и без-правственнаго мужа или отъ такой же жены взять и все имѣ-ніе и дать ему употребленіе, полезное для семьи. Въ совершенномъ супружествѣ не можетъ быть ничего, исключительно принадлежащаго мужу или женѣ, а все принадлежитъ имъ вмѣ-стѣ; и кромѣ того, тутъ являются соучастники имущественныхъ правъ въ дѣтахъ, которыхъ интересы для добраго отца и доброй матери должны, по крайней мѣрѣ, равняться интересамъ собственнымъ. Если мы примемъ такой принципъ, если мы по-ложимъ, что все вообще имущество супруговъ не можетъ принадлежать ни одному изъ нихъ исключительно, то вопросъ о распоряженіи имуществомъ почти совсѣмъ теряетъ свою важность. Въ такомъ случаѣ распорядитель имуществомъ стано-вятся не болѣе какъ агентомъ-надсмотрщикомъ, получающимъ

* Во Франціи такой случай не можетъ имѣть мѣста потому, что тамъ даже личное имѣніе жены находится въ распоряженіи мужа.

приказаніе отъ другого. Въ самомъ дѣлѣ, пусть въ такомъ случаѣ нужъ распоряжается своимъ собственнымъ или женскимъ имуществомъ; если онъ не можетъ ни продать что-нибудь, ни купить безъ согласія своей жены, то, очевидно, онъ не можетъ посредствомъ своей экономической власти тиранствовать надъ женою, не можетъ промотать не только имѣнія жены, но и своего собственного. Если онъ сдѣлаетъ это, то не иначе какъ съ согласія жены, и тогда она будетъ отвѣчать, не крайней мѣрѣ, не за чужое легкомысліе, а за свое собственное. Но можно думать, что въ такомъ случаѣ шансы легкомысленной потери имущества будутъ гораздо слабѣе. А всего важнѣе то, что въ такомъ случаѣ обѣ стороны потеряютъ значительную долю возможности легкомысленно попарать ногами супружескія обязанности; и бракъ какъ въ идеѣ, такъ и въ дѣйствительности возвысится сначала, благодаря только порядку вещей, къ которому потому присоединятся и нравственные воззрѣнія, воспитываемыя этимъ самымъ порядкомъ.

У насъ, какъ и въ западной Европѣ, до сихъ поръ богатый человѣкъ, намѣреваясь жениться, большею частію ищетъ себѣ не жену, а любовницу; точно также и богатая женщина ищетъ не мужа, а любовника. Богатый мужъ платитъ женѣ, а богатая жена платитъ мужу извѣстную сумму, да тѣмъ и ограничивается съ обѣихъ сторонъ *juris humani ac divini communicatio*. Не нужно много доказывать, что подобный бракъ не есть бракъ, а только конкубинатъ. Семья въ такомъ случаѣ не существуетъ. Кому не приходилось знакомиться съ жалкими плодами такихъ браковъ, съ дѣтьми, которыя изъ такихъ семей не вынесли ни одного теплаго воспоминанія, ни одного святаго чувства? А измѣните вы имущественныя отношенія супруговъ, введите сюда самое полное общеніе интересовъ, самый совершенный коммунизмъ, и тогда всѣ вообще, какъ бѣдные, такъ и богатые, въ бракъ будутъ искать для себя мужей и женъ, а не любовниковъ и любовницъ. Тогда богатый человѣкъ будетъ искать въ своей невѣстѣ не однихъ наружныхъ достоинствъ, а и внутреннихъ качествъ; тогда богатая невѣста точно также въ своемъ мужѣ будетъ искать нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для преданнаго друга и благоразумнаго совѣтника, съ которымъ прійдется провести цѣлую жизнь. Тогда будетъ меньше несчастныхъ браковъ и больше людей, получающихъ нравственное воспитаніе. Тогда семья, дѣйствительно, будетъ одною

изъ тѣхъ единицъ, которая своею коллективною крѣпостью сдѣлаются опорой разумной политической жизни, приготовляя будущихъ нравственно крѣпкихъ гражданъ.

Реформа имущественныхъ отношеній между супругами, какъ говоритъ Легуве, дѣйствительно принадлежитъ къ самымъ важнымъ. Полная общность имущества, вытекающая отсюда необходимость полнѣйшаго согласія супруговъ, а въ случаѣ несогласія внимательство семейнаго совѣта, возвыситъ нравственное и политическое значеніе семьи, уменьшитъ количество несчастныхъ браковъ, или по крайней мѣрѣ значительно уменьшитъ степень несчастія въ бракахъ, обезпечитъ судьбу дѣтей, какъ сохраненіемъ имущества, такъ и болѣе внимательнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ.

Есть еще одинъ вопросъ, относящійся къ бракамъ, котораго важности нельзя не признать: это именно вопросъ о разводѣ. Современныя европейскія законодательства разводу не благопріятствуютъ, и, кажется, всего больше не благопріятствуетъ ему наше законодательство. Но за то къ нему съ большимъ сочувствіемъ относятся публицисты, преимущественно наши русскіе. Наши прогрессивныя взгляды здѣсь, какъ и вездѣ, отличаются характеромъ абсолютности, весьма удобной для писателя, но за то не совсѣмъ удобной и для самыхъ вопросовъ, и особенно для общества. Легуве надобно отдать справедливость, что онъ смотритъ на вопросъ довольно прямо, старается обсудить всѣ представляющіяся ему доказательства въ пользу развода и нерасторжимости брака. Въ нерасторжимости брака онъ видитъ необходимое условіе его чистоты и святости. Какъ скоро допускается разводъ, то бракъ дѣйствительно теряетъ свой особенный возвышенный характеръ, и нисходитъ на степень простой ассоціаціи двухъ человѣкъ въ родѣ командитной компаніи, которая существуетъ до тѣхъ поръ, пока это угодно тому или другому компаньону.

Легуве вполне признаетъ всю силу этого доказательства въ пользу нерасторжимости брака, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требуетъ доущеніе развода. Въ силу какихъ же принциповъ? Только на одномъ основаніи, имѣющемъ характеръ временности и случайности, и не смотря на то, весьма достойномъ уваженія. Мы признаемъ, говоритъ Легуве, святость брака, желаемъ, чтобы онъ былъ нерасторжимъ; но, принимая въ основаніе современное несовершенство нравственныхъ воззрѣній и правилъ въ общест-

вѣ, равно какъ всѣ несчастныя послѣдствія нерасторжимости браковъ, мы требуемъ допущенія разводовъ.—Въ самомъ дѣлѣ, откуда происходитъ двоебрачіе, отъ чего и въ богатыхъ и въ бѣдныхъ классахъ какой-нибудь мужъ, кромѣ своей законной жены, имѣетъ еще другую на сторонѣ? — Отъ нерасторжимости браковъ. — Отчего происходитъ масса преступленій въ родѣ преступленія М-мъ Лафаржъ? — Отъ нерасторжимости браковъ.—И явленія эти, особенно двоебрачіе, такъ часты, что публичность не можетъ не обратить на нихъ вниманія. Но эти разсужденія, можетъ быть, не такъ строго необходимы, какъ это кажется Легуве. Можно думать, что двоебрачіе и даже преступленія въ родѣ преступленія М-мъ Лафаржъ, имѣли бы мѣсто и при полной свободѣ разводовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ большаивствѣ случаевъ, двоебрачіе имѣетъ источникомъ только самую грубую чувственность, и нѣтъ никакой причины думать, чтобы жмурующіе супруги всегда рѣшились жениться на тѣхъ женщинахъ, съ которыми они имѣютъ связь помимо супружества. На временную связь, ни къ чему не обязывающую, они соглашались весьма охотно; но поставьте вы ихъ въ необходимость заключить брачное обязательство, и у нихъ явится необычная осторожность. Вѣдь бракъ, безо всякихъ обязательствъ, немилосамъ. И теперь существуютъ подобныя тайныя связи, не только помимо супружества, но и прежде его; значить, такія явленія происходятъ не отъ нерасторжимости брака, а отъ другихъ причинъ. И если признавать нерасторжимость, какъ необходимое условіе святости брака, то можно подорожить ею больше, нежели дорожить ею Легуве, можно не жертвовать его въ пользу такихъ явленій, которыя частію происходятъ отъ причинъ весьма сомнительныхъ, а частію отъ причинъ несомнѣнныхъ, только не заключающихъ въ своемъ числѣ нерасторжимости брака.—Если разсуждать такимъ образомъ, то придется освятить всѣ вообще тайныя связи, какъ бы онѣ эфемерны ни были. А это опять таки приводитъ къ уничтоженію брака. Наконецъ, есть много и другихъ подобныхъ аргументацій, которыя если давать вѣсь, то мы придемъ къ такимъ абсурдамъ, которыя всѣми безъ исключенія осуждаются. Кто, напримѣръ, открыто въ нашемъ обществѣ можетъ выступить защитникомъ полигаміи? А между тѣмъ есть люди, которые, правда, не громко, а все-таки говорятъ, что полигамія есть нормальная форма супружества, что одинъ мужъ долженъ имѣть по крайней мѣрѣ

дѣй жены, что это есть необходимость гигиеническая *, противъ которой идти нельзя, что, наконецъ, въ нашихъ обществахъ эта необходимость очень многихъ приводитъ точно также къ двоебрачію, что только такая форма брака можетъ уничтожить жалкое явленіе нашего времени, безбрачіе почти половины женщинъ въ нашихъ образованныхъ классахъ, что этого явленія нѣтъ и не можетъ быть на востокѣ, что въ нашей цивилизаціи оно вызвало себѣ реакцію въ мормонизмъ, главную массу партизановъ, котораго, какъ извѣстно, составляютъ женщины и т. д. Нельзя не признать, что многіе изъ этихъ аргументовъ имѣютъ дѣйствительную силу, и не смотря на то, мы признаемъ высокое преимущество моногаміи сравнительно съ полигаміею. Точно также никакіе аргументы не должны да и не могутъ поколебать святости брака и его нерасторжимости, если нерасторжимость есть необходимое условіе и слѣдствіе ея.

Если мы дѣйствительно признаемъ внутреннюю святость брака, если мы признаемъ необходимость его какъ гражданскаго учрежденія, уничтоженіе котораго больше всего поколеблетъ всѣ основы общественной жизни, то мы должны признать его нерасторжимость, и можно допустить разводъ только въ весьма немногихъ случаяхъ, именно въ случаѣ неспособности и супружеской невѣрности, т. е. фактическаго уничтоженія брака.

Если допустить законность развода въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ его требуютъ главнымъ образомъ наши отечественные эмансипаторы, то до какихъ результатовъ дойдемъ мы? Говорятъ, что если мужъ и жена потеряли взаимную симпатію, если у нихъ образовались другія симпатіи, то долженъ имѣть мѣсто разводъ и мужъ долженъ жениться на другой женщинѣ, которая ему нравится, а жена должна выйти за другаго мужчину, который нравится ей. Положимъ, одинъ бракъ уничтоженъ и заключены новыя два. Но что же ручается за то, что въ двухъ новыхъ бракахъ симпатія будетъ продолжаться долѣе? Извѣстно, что сердце человеческое, не соглашающее своихъ операций съ операциями головы, совершенно основательно уподобляется мотыльку, перепархивающему съ одного цвѣтка на другой. А если еще въ подобной измѣняемости симпатій видѣть не дѣйствіе сердца, а дѣйствіе простой грубой чувственности, что для огромнаго большинства случаевъ будетъ совершенно справедливо, то дѣйствительно надоб-

* У восточныхъ народовъ дѣйствительно, по ихъ собственному сознанію, главная причина полигаміи есть гигиеническая.

но предположить, что эта изменчивость симпатій не будет имѣть границъ. Но чтобы быть послѣдовательными, мы должны допустить такую же легкость развода и во второмъ бракѣ, заключенномъ послѣ расторженія перваго, а потомъ въ третьемъ, четвертомъ и т. д. Такимъ образомъ мы опять-таки дойдемъ до уничтоженія брака. Впрочемъ, уже самое допущеніе того принципа, что взаимная потеря симпатій между супругами можетъ быть достаточною причиною для развода, само въ себѣ есть уже уничтоженіе брака.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое бракъ по понятіямъ нашей цивилизаціи, и чѣмъ онъ отличается отъ первобытной формы брака, отъ киногаміи, существующей между дикарями? У дикарей до тѣхъ поръ, пока ни обычай, ни общественное соглашеніе не опредѣлили формы брака, дѣло дѣлается такимъ образомъ: каждый мужчина находится въ связи съ такою женщиною, которая ему нравится, и притомъ до тѣхъ поръ, пока ему не станетъ больше нравиться другая женщина. Такіе обычай, какъ видно, не далеко ушли отъ обычаевъ животныхъ, живущихъ стадами. Но съ теченіемъ времени, съ развитіемъ общественныхъ понятій между дикарями, частію обычай, частію общественное соглашеніе опредѣляютъ другую форму брака; принимается за правило, что всякій мужъ долженъ имѣть на своей отвѣтственности первую женщину, съ которою онъ имѣлъ связь, если онъ даже и возьметъ себѣ другую жену. Такимъ образомъ вводится бракъ, какъ гражданское учрежденіе. Сущность его пока заключается только въ томъ, что мужчина не можетъ пустять на всѣ четыре стороны, оставить безъ пристанища, какъ это дѣлалось прежде, ту женщину, съ которою онъ прежде другихъ вступилъ въ связь. Учрежденіе это, кромѣ нравственныхъ причинъ, которыя, впрочемъ, могли быть еще не сознаваемы, имѣло причину утилитарную, и главнымъ образомъ, имѣло въ виду пользу женщины, потому что женщина, отвергнутая своимъ мужемъ послѣ того, какъ ея молодость проходила, могла съ трудомъ найти себѣ другаго мужа, и такимъ образомъ ея жизнь не была обезпечена, она оставалась безъ пріюта и рисковала умереть съ голоду. Но это еще полигамія, а въ полигаміи жизнь женщины тяжела. Первая жена, не отвергнутая своимъ мужемъ, но замѣненная другою, остается въ домѣ чѣмъ-то въ родѣ приживалки, которой изъ милости даютъ кусокъ хлѣба; на востокѣ и вообще въ этомъ періодѣ цивилизаціи немного такихъ нрав-

ственныхъ людей, какъ Шамиль, у котораго, какъ извѣстно, первая жена пользуется большимъ уваженіемъ и остается главною хозяйкою въ домѣ. И вотъ, съ большимъ развитіемъ общественныхъ и нравственныхъ понятій или обычаи или общественное соглашеніе опредѣляетъ другую форму брака, моногамію. Чтобы обезпечить положеніе женщины вполне, всякаго мужа обязываютъ довольствоваться одною женою, позволяютъ ему жениться во второй разъ только въ случаѣ смерти первой жены. Это, конечно, имѣетъ нѣкоторое неудобство для человѣка, который голосъ чувства не можетъ подчинить голосу долга, и особенно для человѣка грубо-чувственного. Но когда европейскіе народы, преимущественно греки и римляне, дѣлали свои гигантскіе шаги въ цивилизаціи, вслѣдствіе которыхъ они такъ далеко оставили за собою всѣ прежніе народы, тогда они хорошо цѣнили голосъ долга вездѣ и во всемъ: въ жизни общественной, въ жизни семейной и даже въ жизни только личной. Отъ этого у римлянъ и былъ возможенъ такой институтъ, какъ *сепсуга тогит*; и этой-то строгости къ себѣ, какъ всего общества, такъ и отдѣльныхъ людей, и Греція и Римъ были обязаны всѣми своими успѣхами. И это повторялось и повторяется вездѣ; нравственная строгость общества есть необходимая основа, на которой прочно держится все вообще народное благосостояніе, и она необходимо заключаетъ въ себѣ всѣ другія условія его.

Эту строгость и современные народы должны поддерживать и еще развивать у самихъ себя во всѣхъ сторонахъ своей жизни, во всѣхъ своихъ общественныхъ и частныхъ отношеніяхъ, и въ бракѣ даже болѣе, нежели гдѣ-нибудь.

Наши предки, какъ извѣстно, мало обращали вниманія на взаимную симпатію молодыхъ людей при заключеніи браковъ. Женихъ не только не зналъ, но и не видалъ своей невѣсты до свадьбы. Въ случаѣ, если отцы и замѣчали, что невѣста не нравится жениху, или женихъ невѣстѣ, обыкновенно говорили: стерпится, слюбится. И дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ стерпывалось и слюбливалось. Въ наше время на это рассчитывать нельзя, и что тамъ ни говори славянофилы, въ этомъ дѣлѣ намъ придется отдать предпочтеніе западной формѣ передъ древне-русскою. Мы желали бы, чтобы въ наше время каждый бракъ, безъ исключенія, основывался на взаимной симпатіи и уваженіи молодыхъ людей. Если гдѣ-нибудь законно под-

чужденіе чловѣка чувству, то, конечно, всего болѣе въ этомъ дѣлѣ. Тутъ его вліяніе вполне гармонируетъ и съ принципами нравственности и съ интересами общественными и съ законами природы. Мы желали бы только, что бы въ подобныхъ случаяхъ молодые люди строго повѣряли свои ощущенія, чтобы, какъ сказано въ одной изъ статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ, они простое волненіе крови не принимали за любовь, и чтобы они на столько совершенствовались самихъ себя, чтобы не могли любить, не уважая другъ друга. Въ такомъ случаѣ любовь эта будетъ прочна и не пройдетъ вмѣстѣ съ такъ называемымъ медовымъ мѣсяцемъ. Но если бы, по несчастію, она прошла, то исполненіе супружескаго долга должно предохранить и мужа и жену отъ всякаго новаго увлеченія. Бракъ, по понятіямъ нашей цивилизаци, тѣмъ и отличается отъ первобытнаго брака дикарей, что мужъ не только не бросаетъ своей жены, въ случаѣ, если она перестанетъ ему нравиться, но и старается воздержаться отъ всякаго новаго увлеченія этого рода, а если онъ не уберегъ себя отъ него, то старается быть не рабомъ его, а господиномъ, старается его перевозмочь. Такъ не очень давно были опубликованы нѣкоторыя извѣстія о жизни одного извѣстнаго русскаго поэта, весьма печально окончившаго свое существованіе. Онъ былъ женатъ и случай свелъ его съ другою женщиною, которою мало по малу онъ увлекся. И нельзя безъ особенной симпатіи смотрѣть на борьбу, которую этотъ истинно-добродѣтельный чловѣкъ велъ съ самимъ собою, стараясь побѣдить свое неосторожное чувство. Къ несчастію, добродѣтельныхъ людей вездѣ очень мало, а толпа слушается перваго бойкаго писаки-прогрессиста, который проповѣдуетъ ей дѣйствительно ни больше ни меньше, какъ дебошъ и развратъ.

Мы думаемъ, что не только должно, но и вполне возможно въ подобныхъ случаяхъ господствовать надъ своими собственными чувствами. Романтическая, роковая любовь существуетъ только въ романахъ, да въ головахъ очень юныхъ молодыхъ людей и такихъ же дѣвицъ, сочиняющихъ себѣ идеалы и заранѣе привязывающихся къ нимъ и потомъ дѣйствительно очень пламенно привязывающихся къ тѣмъ субъектамъ, которые подождутъ подѣ сочиненные идеалы. Но мужчина или женщина, которые одинъ разъ заключили бракъ, вѣроятно уже свободны отъ подобной идеальности, и если они могутъ еще увлекаться, то это увлеченіе въ первое время не можетъ имѣть въ себѣ ни-

того роковаго подобно тому, какое мы знаемъ въ жизни триумфера Антонія, въ трагическомъ событіи въ семействахъ Монтеки и Капулетти и въ жизни Тасса. Это давно извѣстно всѣмъ психологамъ и романистамъ; на этомъ и основана большая часть романовъ и драматическихъ произведеній, которыя большею частію ставятъ свою заслугу въ правильномъ изображеніи развитія страсти. — Любовь многіе называютъ болѣзнію; въ своемъ развитіи она, дѣйствительно, весьма походитъ на болѣзнь. При самомъ началѣ ее можно уничтожить самымъ ничтожнымъ усиліемъ; но если это усиліе не сдѣлано, то впоследствии потребуются усилія гораздо больше, и наконецъ дѣло можетъ дойти до того, что она излѣчивается только ядомъ, кинжаломъ и т. п. средствами. Такой страшной силы любви не признать нельзя. Если намъ мало тѣхъ примѣровъ, которые Шекспиръ извлекъ изъ исторіи, то мы сами можемъ найти ихъ тамъ еще цѣлыя десятки и даже сотни. Но мы не найдемъ тамъ ни одного примѣра роковой любви съ перваго взгляда. Антоній очень хорошо зналъ Клеопатру еще въ то время, когда она была любовницею Цезаря. Но тогда между ними было препятствіе, и безумной любви не было. Для всякаго честнаго супруга такимъ препятствіемъ, могущимъ предохранить его отъ увлеченія, должно быть сознаніе супружескаго долга; и дѣйствительно, супруги, сознающіе свой долгъ, не позволяютъ развиться никакому увлеченію или превозмогутъ его. Поддадутся ему только тѣ, которые развиваютъ въ себѣ преимущественно животныя побужденія, которые вездѣ и всегда имѣютъ только одну цѣль—удовлетвореніе животныхъ потребностей, для которыхъ совсѣмъ не существуютъ понятія объ обязанностяхъ долга и нравственности. Это замѣчаніе всякій можетъ повѣрить опытомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за люди жуирующие супруги? — У насъ въ обществѣ это или помѣщикъ, деревенскій сатрапъ, котораго вся жизнь до женитьбы и послѣ женитьбы есть непрерывное служеніе Венерѣ и Бахусу; или это разбогатѣвшій купецъ, который приобрѣлъ свое богатство, заглушивши въ себѣ всякія человѣческія чувства. Кромѣ животныхъ побужденій онъ тоже никогда не зналъ никакихъ другихъ стимуловъ для своей дѣятельности. Не мудрено, что онъ не найдетъ другаго употребленія своему богатству. Или это наконецъ человѣкъ высшаго полета, который не столько изъ чувственныхъ побужденій, сколько изъ фантомыста, воображаетъ, что на немъ лежитъ обя-

зависность хранить преданія французскихъ придворныхъ временъ Регентства и Людовика XV. Или, наконецъ, это нашъ доморожденный прогрессистъ партизанъ всѣхъ родовъ эманципация, не исключая и эманципация отъ законовъ долга и предписаній совести. Обратитесь въ другія сферы, посмотрите хоть только на однихъ представителей науки, у насъ и вездѣ въ западной Европѣ, на людей, безъ сомнѣнія, всего лучше понимающихъ чело-вѣческое достоинство, знающихъ, что мы будемъ недостойны ни одного права, если вмѣстѣ съ нимъ не примемъ на себя обязанности, и вы увидите тамъ больше, нежели гдѣ-нибудь самыя строгія понятія о супружескомъ долгѣ. Тамъ вы не встрѣтите двоебрачія. — Оттого-то наиболѣе разумные европейскіе законы, писанные подъ вліаніемъ идей выработанныхъ наукою, требуютъ строгаго исполненія супружескаго долга. — Легкомысленно смотрятъ на него только такіе люди, которые свободу понимаютъ, какъ распущенность, или такіе, которые собственную свою чувственность хотятъ прикрыть разными прогрессивными разсужденіями. Легуве смотритъ на бракъ довольно строго; онъ думаетъ, что среди общества, дѣйствительно образованнаго, правильно развитаго въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, разводъ можетъ быть допущенъ только въ весьма немногихъ случаяхъ. Но для современнаго состоянія европейскихъ обществъ онъ дѣлаетъ исключеніе. Онъ допускаетъ разводъ и въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ осуждаютъ его для обществъ болѣе совершенныхъ; онъ говоритъ, что въ этихъ случаяхъ разводъ долженъ быть допущенъ, какъ необходимое и при томъ меньшее зло до тѣхъ поръ, пока европейскія общества не достигнутъ высшаго уровня нравственности. Разумѣется, изъ двухъ золъ надобно выбирать меньшее; только надобно обратить особенное вниманіе на то, поведетъ-ли подобная снисходительность закона къ нравственному совершенствованію общества или приведетъ его еще къ большей распущенности. По видимому, въ результатъ дѣйствительно окажется это послѣднее. Чтобы отдѣльный человѣкъ или цѣлое общество серьезно понимали идею долга, надобно чтобы всегда и вездѣ этотъ долгъ являлся ему какъ нѣчто священное, всегда обязательное, стоящее выше всѣхъ случайныхъ условій. Но очевидно, что снисходительность закона къ нарушителямъ своего долга дастъ объ немъ совсѣмъ другое понятіе, какъ имъ самимъ, такъ и всему обществу. Полное подтвержденіе этихъ мыслей

мы найдемъ въ исторіи. Всегда и вездѣ строгость закона и общественнаго мнѣнія въ взглядѣ на супружескія обязанности имѣли то слѣдствіе, что супружескій долгъ былъ напоминаемъ все строже и строже, супружества отличались чистотою и были дѣйствительно школою гражданскихъ добродѣтелей. А какъ скоро законы дѣлались снисходительнѣе въ этомъ отношеніи, супружескія обязанности нарушались все чаще и чаще, семейство почти разрушалось и уровень общественной нравственности вообще понижался. Особенно ярко это видно въ исторіи послѣдняго времени римской республики и имперіи. Тогда подъ вліяніемъ грековъ образовался въ римскомъ обществѣ нравственный либерализмъ, весьма похожій на тотъ, который имѣетъ столько партизановъ у насъ. Тогда всякого, кто толковалъ о долгѣ и нравственности, называли обскурантистомъ, тогда, какъ извѣстно, были своего рода эманципаторы и эманципированныя женщины, которые подъ именемъ эманципаціи разумѣли развратъ и распутство. И это было одною изъ главныхъ причинъ того, что во время имперіи въ римскомъ обществѣ хорошая семья существовала, какъ исключеніе. Правомъ развода пользовались въ самомъ широкомъ размѣрѣ, и законъ, допустившій его въ принципъ, очевидно не могъ да и не долженъ былъ противодействовать ему на практикѣ. Для закона дѣйствительно все равно, разводится-ли мужъ съ первою женою и женится на второй, или онъ разводится съ 29-ю и женится на 30-й. Извѣстно, что во время императоровъ въ Римѣ дѣйствительно были жены и мужья, которые по столько разъ разводились. Такимъ образомъ снисходительность закона привела общество къ разврату и къ разрушенію семьи. Да иначе и быть не можетъ. Это вполне соответствуетъ понятію о законѣ; законъ въ своей идеѣ уже заключаетъ ограниченіе и требованіе; и непременно нарушеніе его влечетъ за собою наказаніе. Въ этомъ и заключается его воспитывающее вліяніе на общество. И при томъ тутъ существуетъ такое неизмѣнное правило, что тѣмъ общество не развитѣе въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ строже законы. Первобытные законы всѣхъ народовъ отличаются даже жестокостію; съ теченіемъ времени они смягчаются, потому что нравственная чувствительность общества увеличивается. Но это смягченіе закона не есть причина нравственнаго развитія общества, а слѣдствіе его. Было бы странно, если бы какой-нибудь законодатель вздумалъ уничтожить грабительство

и разбой снисхожденіемъ къ разбойникамъ и къ грабителямъ; такая мѣра, конечно, не внушала бы имъ большаго уваженія къ личности и собственности другихъ. Точно также снисходительность къ нарушителямъ супружескаго долга не разовьетъ въ нихъ болѣе строгихъ понятій объ этомъ долгѣ, а приведетъ все общество къ распущенности и къ уничтоженію семьи.

А семьею подорожить стоитъ; это дѣйствительная школа гражданскихъ добродѣтелей, главная основа, которою держится общественная жизнь и почва, безъ которой не можетъ вырасти благосостояніе цѣлаго общества въ будущемъ.

Надобно отдать справедливость Легуве, что онъ довольно вѣрно оцѣниваетъ это значеніе семьи и вообще проектируетъ свою эманципацию, не забывая интересовъ нравственности. Но, подобно большинству французскихъ писателей, имѣя самое доброе намѣреніе, онъ далеко не всегда умѣетъ справиться съ вопросомъ, теряется въ подробностяхъ и не умѣетъ при общемъ выводѣ оцѣнить даже то, что приводилъ онъ самъ при изслѣдованіи частныхъ вопросовъ. Иногда въ общемъ выводѣ онъ слишкомъ много уступаетъ обстоятельствамъ, даетъ имъ перевѣсъ передъ нравственными требованіями, какъ въ вопросѣ о разводѣ. Иногда, побуждаемый болѣе мечтательностію, нежели логикой и серьезнымъ пониманіемъ дѣла, онъ весьма важно и даже съ нѣкоторымъ патетизмомъ пускается въ такіа разсужденія, которыя со стороны его читателей могутъ вызывать только улыбку.

Таковы почти всѣ его разсужденія о правѣ мужа на личность жены. Это право совершенно взаимное; жена имѣетъ такое же право на личность мужа, какъ и мужъ на личность ея. Правда, французскій кодексъ, какъ и всякій другой, даетъ нѣкоторые преимущества мужу; напримѣръ, онъ говоритъ, что жена должна жить тамъ, гдѣ живетъ мужъ, и должна слѣдовать за нимъ, если дѣла заставятъ его перемѣнить мѣстопробываніе. Надобно сказать, что Легуве вполнѣ понимаетъ, что нельзя же пустить семью въ разбродъ, нельзя позволить, чтобы одинъ изъ супруговъ могъ бросить ее и жить гдѣ ему угодно. Онъ допускаетъ и то, что главная руководящая власть въ семьѣ должна принадлежать мужу, и въ то же время возмущается приведенною статьею кодекса. Но какъ же, въ самомъ дѣлѣ, измѣнить эту статью? Если руководящая власть принадлежитъ мужу, если дѣйствительно законъ совершенно согласно съ природою вѣдомству жены отдаетъ домашній очагъ, а вѣдомству мужа — все

мѣшкіи дѣла, то эта статья кодекса не можетъ быть измѣнена ни въ какомъ смыслѣ. Представимъ себѣ такой случай, что мужъ по своимъ дѣламъ долженъ постоянно жить въ Парижѣ, а жена захотѣла бы жить въ Ниццѣ. Кто долженъ уступить? Домашній очагъ можно устроить, гдѣ угодно, а всякія промышленныя занятія привязаны къ одному опредѣленному мѣсту. Человѣкъ, котораго дѣла хорошо идутъ въ Парижѣ, не можетъ рассчитывать, что они такъ же хорошо пойдутъ въ Ниццѣ, Лондонѣ или Вѣнѣ. Если онъ оставитъ Парижъ и переселится въ какой нибудь изъ этихъ городовъ, то дѣла его несомнѣнно пострадаютъ. Такимъ образомъ, если въ этомъ случаѣ уступить жена, то она уступить не мужу, не капризамъ его, а обстоятельствамъ и интересамъ семьи; которой благосостояніе должно быть обезпечено. Положимъ, что дѣла мужа требуютъ непременно, чтобы онъ изъ Парижа переселился въ Марсель. Законъ требуетъ, чтобы жена и дѣти послѣдовали за нимъ туда. А будто Легуве допустить, чтобы мужъ жилъ въ Марсели и занимался дѣлами, а жена жуировала въ Парижѣ? О, нѣтъ, нисколько. Онъ бы возсталъ противъ этого съ большимъ одушевленіемъ, онъ только такъ, мимоходомъ, порицаетъ законъ, который ему понадается, а въ сущности онъ съ нимъ совершенно согласенъ. Или вотъ другое мѣсто, гдѣ онъ весьма патетически нападаетъ на права мужа, именно на право, которое онъ называетъ такъ: «*droit sur le corps même; le mot devoir conjugal, explique ce droit.*»

«Нѣтъ рабства болѣе унижительнаго для женщины, говорить онъ, какъ это. Назвать доказательства любви супружескимъ долгомъ, требовать отъ женщины, какъ знакъ повинovenія, ея самоотреченіе, которое одно можетъ доказать любовь, это сдѣлать бракъ чѣмъ-то животнымъ, всадить въ самое сердце жены первое звѣно ея цѣпи, поставить ее ниже восточной женщины, которая говоритъ: «мой государь удостоилъ меня посѣтить.»

Читатель, конечно, понимаетъ, о какомъ правѣ говорить здѣсь Легуве. Но вѣдь это право тоже взаимное, и притомъ никакой кодексъ не формулируетъ его съ какими нибудь подробностями, оскорбительными для жены. И право это, конечно, уничтожено быть не можетъ. И такъ какъ оно составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ чертъ супружества, то законъ и долженъ упомянуть объ немъ. Чего же хочетъ Легуве? Быть можетъ, онъ хочетъ, чтобы законъ пустился въ

опредѣленіе подробностей, обстоятельствъ пользованія этимъ правомъ для мужа или для жены? Онъ хорошо понимаетъ, что закону въ это дѣло вмѣшиваться нельзя, и его собственное чувство столько деликатно, что онъ, вѣроятно, и не подумалъ объ этомъ. Онъ, просто, въ качествѣ сладкоглаголиваго француза, воспользовался случаемъ, чтобы сказать нѣсколько либеральныхъ и прогрессивныхъ фразъ. Онъ не предлагаетъ и никакого проекта; такъ себѣ, сказалъ нѣсколько фразъ, да и довольно. Но замѣчательно, что у насъ въ литературѣ это мѣсто пріобрѣло себѣ особенное сочувствіе; одинъ литературный органъ, весьма прогрессивный, выписалъ его цѣликомъ съ приличными словами сочувствія. И, къ сожалѣнію, это не единственный примѣръ нашего сочувствія къ прогрессивнымъ фразамъ, не имѣющимъ смысла?

Легуве дальше въ своей книгѣ говоритъ о политической эманципации женщины и объ эманципации вообще. Оставляя этотъ вопросъ теперь, мы займемся имъ впоследствии. О женской эманципации у насъ было писано весьма много, и, къ сожалѣнію, большая часть вопросовъ, относящихся сюда, были рѣшены совершенно криво, безъ всякаго вниманія къ нравственнымъ принципамъ. Можно бы и не обращать вниманія на всю массу прогрессивныхъ статей, которыми такъ богаты были наши журналы за послѣдніе года; но, къ сожалѣнію, жалкія ученія уже стали приносить свои плоды. Вѣроятно, и нашимъ читателямъ, какъ и намъ самимъ, приходилось видѣть это въ жизни. Мы видѣли примѣры разрушеннаго семейнаго счастья, погибавшихъ женщинъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ нашей несчастной прогрессивной литературы.

Вопросъ о женской эманципации, стало быть, получаетъ особенную важность подобно многимъ другимъ вопросамъ, которые затронуты и рѣшены нашимъ прогрессомъ. И теперь больше, нежели когда нибудь, намъ слѣдуетъ осмотрѣться: гдѣ мы и куда мы идемъ? намъ слѣдуетъ заняться серьезною критикою нашего собственнаго прогресса.

Д. ЩЕГЛОВЪ.

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ.

Предпринимаемой правительствомъ судебной реформѣ, точно также какъ и величайшему изъ всѣхъ дѣлъ его—освобожденію крестьянъ, предшествовали сужденія о томъ, созрѣло или не созрѣло русское общество для принятія такого блага? И разумеется, между отвѣтными мнѣніями на этотъ вопросъ были и отрицательныя. Поверхность одержали не эти мнѣнія, а противоположныя имъ, потому что «Основныя положенія преобразованія судебной части» *изданы*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и крѣпкое убѣжденіе, окончательно сложившееся, что Россіи нельзя дольше оставаться безъ правосудія, теперь переходитъ въ увѣренность, что мы наконецъ будемъ имѣть его.—Когда? That is the question, вотъ въ чемъ вопросъ.—Люди, подававшіе или раздѣлявшіе мнѣніе о незрѣлости Россіи, полагаютъ, что еще не такъ-то скоро. «Погодите,—каркаютъ эти вѣроны,—вы видѣли нарушеніе правосудія, — теперь вы будете видѣть каррикатуры на него; закрытые суды васъ возмущали, — открытые суды васъ будутъ смѣшить; вы пресыщены корыстно-беззаконными рѣшеніями,—вы будете пресыщаться безкорыстно-нелѣпными, потому что для отправленія правосудія по новымъ правиламъ у васъ нѣтъ ни одного умѣлаго человѣка; вы восторгаетесь тѣмъ, какъ написано на бумагѣ,—посмотрите прежде на то, какъ будетъ на дѣлѣ».

Это карканье составляетъ часть общественнаго мнѣнія, и въ этомъ качествѣ—оно можетъ вліять и теперь еще на движеніе судебной реформы, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что

окончательное осуществленіе реформы можетъ быть замедлено на неопредѣленное и совершенно излишнее время. Это карканье требуетъ, поэтому, отвѣта.

Чего хотѣлось бы каркающимъ вѣронамъ?—Постепенности.— Для чего?—Чтобы дожидаться зрѣлости Россіи и чтобы въ ней завлелись, въ достаточномъ количествѣ, умѣлые люди, которые были бы способны вдохнуть жизнь въ новый механизмъ, назначаемый правительствомъ для отправленія у насъ правосудія, и которые, чрезъ это самое, могли бы сдѣлать его дѣйствительнымъ.

Требованія выражены ясно и опредѣлительно. И нужно согласиться, что подобныя требованія, выраженные кстати, заключаютъ въ себѣ громадную силу и всегда бы должны рѣшать участь вопросовъ, къ которымъ они примѣняются умѣстнымъ образомъ. Но остается знать: умѣстны-ли они въ настоящемъ случаѣ? То есть: представляетъ-ли судебная реформа, выраженная въ программѣ «Основныхъ положеній», какой-нибудь чрезвычайный скачокъ, вѣчто въ родѣ *salto mortale*?

Для вразумительнаго сужденія объ этомъ предметѣ прежде всего нужно согласиться въ пониманіи *скачка* и въ пониманіи *постепенности*. То, что называется *скачкомъ* въ буквальномъ значеніи слова, извѣстно всякому: скачокъ означаетъ дѣйствіе, посредствомъ котораго пространство, если его нельзя перешагнуть, перепрыгивается. Выходить, скачокъ, самъ по себѣ, не есть что-нибудь неразумное, а напротивъ, бывають случаи, гдѣ онъ представляется совершенно неизбѣжнымъ и ужь по одному этому разумнымъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ исключается всякій выборъ между скачкомъ и развѣреннымъ шагомъ. Люди, говорящіе въ пользу постепенности и развѣреннаго шага, конечно, разумѣютъ *скачокъ* не въ буквальномъ значеніи, потому что это слово имѣетъ еще смыслъ метафорическій. И точно, перенесенный, какъ терминъ, въ логическія правила о построеніи мысли, скачокъ уже не имѣетъ никакого почотнаго смысла: здѣсь онъ означаетъ такое нарушеніе постепенности, при которомъ вы не досчитываетесь одной или нѣсколькихъ промежуточныхъ мыслей между даннымъ положеніемъ и заключеніемъ. Для примѣра я рассуждаю такимъ образомъ: «Судя по нѣкоторымъ признакамъ, я могу думать, что вы принадлежите или къ французской націи, или къ испанской, или къ шведской, или, наконецъ, къ итальянской; но есть другіе признаки, которые поло-

живельно убѣждаютъ меня, что вы не можете быть итальянцемъ; слѣдственно вы французъ.» Мое заключеніе о томъ, что вы французъ, будетъ сдѣлано черезъ скачокъ; потому что мнѣ слѣдовало еще уловить и высказать признаки, которые бы убѣждали меня, что вы не можете такъ же быть ни шведомъ, ни испанцемъ. Я этого не сдѣлалъ, тогда какъ вы именно ожидали, что я это сдѣлаю. Вслѣдствіе такого нарушенія постепенности, мое заключеніе поразило васъ своею неожиданностію и по всей справедливости показалось вамъ неразумнымъ. И точно такъ вы будете поражены всякій разъ, при всякой встрѣчѣ со всякимъ заключеніемъ, которое будетъ составлено съ такою же точно необдуманностію, то есть, съ такимъ же точно нарушеніемъ постепенности. Поэтому *неожиданность*, съ ея неизбѣжной спутницей—неразумностію, мы должны считать самымъ общимъ и самымъ неразлучнымъ признакомъ всякаго скачка и всякаго нарушенія постепенности. Отсюда мы въ правѣ понимать, что люди, упрекающіе «Основныя положенія» въ нарушеніи постепенности, вѣроятно, упрекаютъ ихъ именно тѣмъ, что они составляютъ, по ихъ мнѣнію, неожиданность такого рода.

Но въ какомъ же смыслѣ «Основныя положенія» составляютъ какую бы то ни было неожиданность? Въ томъ-ли, что русское общество не могло ожидать отъ своего правительства такой превосходной, такой полной и радикальной реформы? или въ томъ, что само общество не доросло еще до того, чтобы въ немъ народилась и жили ожиданія такой совершеннѣйшей формы суда? Придавши дѣлу такой откровенный оборотъ, мы легко можемъ убѣдиться, что «Основныя положенія» не составляютъ неожиданности ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи.

Во первыхъ, мы не имѣемъ достаточнаго основанія ни говорить, ни думать, чтобы наше правительство издашіемъ «Основныхъ положеній» превзошло ожиданія общества, то есть, чтобы оно сдѣлало то, чего не возможно было ожидать отъ него. Это правительство освободило крестьянъ; параллельно съ разрѣшеніемъ этого вопроса оно готовилось (и уже приготовилось) къ уничтоженію откупа и занималось преобразованіемъ мѣстнаго управленія, которымъ и до сихъ поръ продолжаетъ еще заниматься. Перспектива ожиданій, возбужденныхъ самою сущностію этихъ переворотовъ (и мы не думаемъ, чтобы слово *переворотъ* было здѣсь неумѣстно) такова, что и судебная реформа,

проектированная «Основными положеніями», конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться крайнимъ предѣломъ, до котораго бы рѣшилось дойти наше правительство, потому что правительство не можетъ направлять событія безъ того — чтобы и они въ свою очередь не вліяли, и притомъ самымъ могущественнымъ образомъ, на его собственное направленіе: это самая обыкновенная истина, преподаваемая намъ исторіей и, безъ сомнѣнія, очень хорошо извѣстная правительству, вызванному на коренныя реформы. Но, рѣшившись однажды быть освободителемъ людей и пожелавши сдѣлать ихъ, посредствомъ уничтоженія откуповъ, нравственными и трезвыми, неужели правительство могло сдѣлать это лишь для того, чтобы вмѣсто одного произвола подчинить ихъ другому, и даже множеству другихъ произволовъ, или для того, чтобы вмѣсто безпробной водки заставить ихъ упиваться трехпобной неправдой? Поэтому очень плохо разсуждаютъ люди, принимающіе судебную реформу за неожиданность; напротивъ, это такая постепенность, которая заставляла ждать себя со дня перваго министерскаго циркуляра объ освобожденіи крестьянъ и которая назадъ тому сто и полтора года лѣтъ была бы несвоевременна для Россіи только по одному тому, что при хорошей формѣ суда не вообразимо крѣпостное право: хорошій судъ есть погибель этого права, это его ауто-дафе; точно такъ и увольненіе отъ крѣпости и вообще правильная свобода, въ свою очередь, не мыслимы при господствѣ произвола и отсутствіи хорошаго суда. Нечего и говорить, что при ложномъ пониманіи значенія постепенности и при бѣльшей доступности внушеніямъ дурныхъ совѣтниковъ, правительство могло бы сдѣлать что-нибудь хуже «Основныхъ положеній»; оно могло бы придумать самыя любопытныя комбинаціи, потративъ на нихъ столько ума и столько труда, сколько не требовали даже «Основныя положенія», не смотра на все ихъ превосходство. Напримѣръ: при теперешнемъ сліянніи всѣхъ сортовъ государственной власти, у насъ могъ предавать суду и подвергать заключенію всякій квартальный и всякій становой приставъ, хотя бы и не всякаго человѣка. Правительство, въ духѣ постепенности, могло бы, пожалуй, перенести это право — на частныхъ приставовъ, исправниковъ и полицмейстеровъ, или между квартальными надзирателями предоставить его только такимъ, которые бы, положимъ, отличались извѣстными качествами ума и характера и пробыли бы извѣстный срокъ на службѣ, который бы

представляя достаточное ручательство ихъ служебной опытности. Или: при настоящемъ порядкѣ у насъ всѣ уголовныя дѣла, безъ всякаго исключенія, поступаютъ на ревизію сената черезъ посредство губернаторовъ, съ ихъ мнѣніями. Правительство, чтобы не вдругъ устранить важнаго административнаго чиновника отъ внимательства въ судебно-уголовное вѣдомство, могло бы избавить губернаторовъ *только отъ непрежльной* обязанности произносить свои приговоры надъ уголовными подсудимыми и предоставить имъ обнаруживать свое внимательство, по ихъ усмотрѣнію, только тамъ, гдѣ этого потребуетъ, положимъ, особенная важность судебного случая. Или: до сихъ поръ производство дѣлъ у насъ составляетъ тайну, отъ начала до конца; почти всякая справка по дѣлу получается участвующимъ въ дѣлѣ лицомъ черезъ подкупъ, и виновники, соблазненные на выдачу справки, по закону — должны быть предаваемы суду, за измѣну канцелярской тайны. Правительство, что бы не вдругъ наложить руку на такой хорошій порядокъ дѣлъ, могло-бы, пожалуй, допустить безпрепятственныя справки, безъ преданія услужливыхъ чиновниковъ суду и съ однимъ только платежомъ имъ денегъ за безвокойство. Или: до сихъ поръ оглашеніе посредствомъ печати судебныхъ рѣшеній и распорядительныхъ дѣйствій у насъ допускается только ограниченное; оглашеніе разсматривается цензурною властію; дѣйствующія лица, судебныя мѣста и начальствующія лица, въ этихъ оглашеніяхъ, обыкновенно обозначаются, вмѣсто собственнаго ихъ имени, посредствомъ знака N N или посредствомъ словъ *одинъ* и *нѣкоторый*. Чтобы не съ разу порѣшить со всѣмъ этимъ, правительство могло бы, конечно, приближаться къ идеалу гласности еще осторожнѣе, чѣмъ предложено въ «Основныхъ положеніяхъ», хотя осторожность «Основныхъ положеній», какъ мы увидимъ ниже, въ этомъ отношеніи велика до излишества. Здѣсь былъ возможенъ, навримѣръ, такой оборотъ: разрѣшеніе оглашеній, вмѣсто цензурной власти, правительство могло бы сдѣлать само, и однажды навсегда, посредствомъ раздѣленія дѣлъ на категоріи—подлежащія гласности и не подлежащія, или подлежащія ей съ извѣстными ограниченіями; въ основаніе такихъ категорій могла бы быть принята какъ важность самыхъ дѣлъ, такъ и важность дѣйствующихъ въ нихъ лицъ; слова *одинъ* и *нѣкоторый*, а такъ же и знакъ N N, въ духъ строжайшей потеренности, могли бы быть замѣнены начальными буквами собственныхъ именъ.

Мы говоримъ , что не было никакой абсолютной невозможности , чтобы программа судебной реформы , вмѣсто «Основныхъ положеній» не была составлена точь-въ-точь въ этомъ духѣ , или около того. Но тогда-то именно и было бы доказано , что правительство не подчиняется требованіямъ постепенности , что оно рѣшилось наумлять насъ неожиданностію , позволивъ себѣ дѣлать скачки , и притомъ огромные.... назадъ. Кстати или не кстати , панегиристы правительства и теперь , вотъ уже вѣскольکو мѣсяцовъ , почему-то находятъ нужнымъ доказывать , что правительство не реагируетъ , во всякомъ случаѣ , теперь они имѣютъ шансы доказывать эту легкую и благодарную истину— съ увѣренностію , что ихъ слушаютъ и что на основаніи ихъ словъ ждуть и надѣются , потому что , говоря откровенно , большинство публики не болѣе подвержено скептицизму и отчаянію , какъ и сами панегиристы. Но неудовлетворительная судебная реформа , съ одними внѣшними передѣлками и микроскопическими улучшеніями , не только отняла бы у панегиристовъ всѣ шансы возбуждать вѣру или поддерживать довѣріе , но была бы національнымъ бѣдствіемъ для Россіи , которая не только хочетъ , но даже не можетъ выдти изъ всей сложности скопившихся для нея кризисовъ— иначе , какъ при доброй волѣ , высокомъ партіи-тизмѣ и энергическихъ усиліяхъ своего правительства. Къ счастью , правительство совершенно вѣрно оцѣнило всю обязательность своихъ отношеній , въ которыхъ оно находится въ переживаемое нами время къ управляемому имъ народу , и не отступило передъ требованіемъ самой прямой и строжайшей постепенности. Если бы «Основные положенія» были увлеченіемъ со стороны правительства , то это , безспорно , было бы прекраснымъ увлеченіемъ ; но они не увлеченіе , а такое дѣло , которое строго обдуманно и еще строже разчитано и взвѣшено , хотя , во всякомъ случаѣ , это— великое дѣло. «Основные положенія» доказываютъ , напротивъ ,— и это къ великому благу нашего отечества ,— что правительство наше можетъ возвышаться надъ увлеченіями. Если бы оно увлекалось , оно бы поступило именно въ духѣ людей , по видимому , ненавидящихъ увлеченіе. Оно бы разсуждало :— такъ какъ теперь никто изъ начинающихъ судебное дѣло не увѣренъ , чтобы оно кончилось при его жизни , то для Россіи будетъ великимъ благодѣяніемъ , если въ ея судебномъ механизмѣ предпринять улучшенія , плодомъ которыхъ , лѣтъ черезъ пятьдесятъ , для всѣхъ начинающихъ дѣла была бы

полная увѣренность, что они непремѣнно доживутъ до окончанія своихъ процессовъ, если не умрутъ прежде этого срока.»—Всѣ увлекающіяся правительства всегда разсуждали такимъ образомъ и многія изъ нихъ сдѣлались печальными примѣрами того, что такой родъ мыслей есть увлеченіе—въ бездну... Этотъ ли родъ поспешности нравится каркающимъ воронамъ?—Если не этотъ, то напрасно они и каркаютъ.

Еще менѣе «Основныя положенія» могутъ представляться намъ неожиданностію, если мы взглянемъ на нихъ со стороны зрѣлости публики. Русское общество со временъ Петра Великаго не было такъ хорошо подготовлено ни къ одному улучшенію, за исключеніемъ развѣ отъѣны пытокъ и виннаго откупа, какъ оно подготовлено къ принятію судебной реформы. Мы говоримъ не о смутномъ желаніи лучшаго суда, которое было всеобщимъ и въ низшихъ массахъ выражалось бунтами, проклятіями и воплемъ, а о ясномъ и отчотливомъ требованіи общества, желавшаго именно такой судебной реформы, которая наконецъ предложена правительствомъ. Въ «Основныхъ положеніяхъ» всякій прочиталъ то, что ему давно знакомо—не только въ общихъ чертахъ, но и въ самыхъ подробностяхъ. «Основныя положенія» такъ даже и читались съ приговоромъ почти къ каждому пункту: наконецъ-то! наконецъ-то!... *Власть судебная отдѣляется отъ исполнительнои, административной и законодательной*... наконецъ-то! произносилъ читающій, дождавшійся конца своему долготерпѣнію... *Приговоръ можетъ быть только или осуждающій или оправдывающій подсудимаго; оставленіе въ подозрѣніи отменяется*... наконецъ-то!... *Для опредѣленія въ уголовныхъ дѣлахъ вины или невинности подсудимыхъ, къ составу суда присоединяются присяжные заседатели*... наконецъ то!... И это *наконецъ-то* не сходило съ языка читающаго до самаго конца «Основныхъ положеній».

— Правда-ли это, и нѣтъ-ли во всемъ этомъ гипербола? Гдѣ русское общество могло пріобрѣсти такое драгоценное знакомство съ тѣмъ, что находится въ «Основныхъ положеніяхъ»?

— Гдѣ? повсюду: въ кофейняхъ, гдѣ оно читаетъ французскія газеты, — у себя дома, гдѣ оно читаетъ русскія газеты и журналы, — въ бесѣдахъ, на каждомъ шагѣ слышимыхъ у насъ чрезвычайными казусами нашего отечественнаго правосудія, — въ глубокихъ печалахъ, причиненныхъ неправдой, — въ университетахъ, наконецъ, — въ личной и непосредствен-

ной наглядности, приобретенной многими достаточными и образованными людьми, разбланными въ обществѣ, которые, во время своихъ путешествій за границу, заглядывали и въ *ассизные суды* и въ засѣданія *королевинной скамьи*. Можно сказать утвердительно, что «Основныя положенія» никому не показались *новостями*, которая бы изумила и къ которой бы слѣдовало хоть кому-нибудь приучать свой слухъ или свое пониманіе. *Суды на словахъ и съ присяжными*: это всѣхъ обрадовало, это произвело всеобщій гулъ удовольствія; но это рѣшительно никого не озадачило и, можетъ быть, ни въ какой глуши не возбуждало распросовъ: что это такое? Конечно, этому быстрому усвоенію реформы много способствуетъ и чрезвычайная простота того судебного механизма, надъ изобрѣтеніемъ котораго трудился гений всего человѣчества и не могъ выдумать ничего проще. Но для насъ все равно, что такое способствуетъ этому; для насъ важенъ фактъ, въ такой сильной степени доказывающій нашу созрѣлость для принятія реформы. Пусть этому факту придадутъ все должное значеніе, когда будутъ разсуждать о порядкѣ осуществленія реформы, о введеніи ея въ практику и о томъ, какой нужно держаться при этомъ постепенности и сколько усадить времени на переходный періодъ отъ стараго порядка дѣлъ къ новому. Вѣдь это дѣйствительно поразительный фактъ, что изъ десяти первыхъ встрѣчныхъ и порядочно одѣтыхъ людей вы не найдете ни одного, который бы не зналъ сущности «Основныхъ положеній», и что изъ такого же числа людей вы найдете, можетъ быть, только одного, который бы сказалъ вамъ что-нибудь основательное... о чемъ, на примѣръ?—объ «основаніяхъ» будущей продажи вина. Такова юная популярность «Основныхъ положеній.» Объ откупахъ знаютъ только, что они отминыются; желаніе этой отмины было подѣ концѣ выражаемо не словами, а почти естественными для русскаго чловека обществами трезвости и другими не менѣ энергическими земленіями народной воли; и все-таки объ откупахъ знаютъ только то, что они отминыются. Объ «Основныхъ положеніяхъ», напротивъ, знаютъ почти все, по крайнрй мѣрѣ все существенное—не только относительно принциповъ, но и относительно самыхъ обрядовъ, которыми обыкновенно сопровождается открытая раздача правосудія—съ рѣчами адвокатовъ, съ присяжными, съ наличными свидѣтелями, при публикѣ. Въ нашемъ обществѣ, по всей вѣроятности, трудно найти чловека, который бы не

ногь вообразить себя въ будущемъ *окружномъ судѣ* съ такою же легкостію, съ какою онъ можетъ сдѣлать это относительно театра и всякаго другого публичнаго собранія, къ которому сдѣлалъ привычку. Въ особенности это можно сказать о тѣхъ людяхъ нашего общества, у которыхъ есть или скоро должны возникнуть дѣла съ сильными прогивниками, имѣющими—или большую власть, или много денегъ, или высокія знакомства; можетъ быть, кто-нибудь изъ такихъ въ эту самую минуту, сочиняя глухо-нѣмую просьбу противъ вопіющей несправды, и закликая ее словами—*дабы повелѣно было*, и зная заранѣе, что не будетъ повелѣно такъ, какъ бы того хотѣлось, съ ожесточеніемъ глядитъ на мертвый листъ и разгарается желаніемъ говорить, говорить, говорить... Чтобы правда была уважена, вѣдь только, подумасшь, и нужно, чтобы она была услышана—высказанная судѣ живымъ голосомъ, при постороннихъ людяхъ, а не прочитана полушопотомъ, концами губъ не рѣдко подкупленнаго челоуѣка.—Погодите же, оскорбленный въ своемъ достоинствѣ челоуѣкъ; отложите вашу глухо-нѣмую жалобу до тѣхъ поръ, пока вы получите возможность говорить... Каркающіе вороны пророчать, будто эта возможность еще не очень близка и будто правительство найдетъ приличнымъ и благоразумнымъ не оказывать особой торопливости въ осуществленіи реформы; но этому трудно вѣрить, и мы скорѣе готовы думать, что каркающіе вороны не знаютъ истинныхъ намѣреній правительства, чѣмъ допустить, чтобы таковы были его намѣренія. Правительства въ своихъ лучшихъ замыслахъ могутъ останавливаться только передъ истинными препятствіями, то есть передъ такими, которыя рѣдко существуютъ для правительствъ съ добрыми замыслами. Въ настоящемъ случаѣ такихъ препятствій могло бы быть только два. Это—всеобщее нерасположеніе къ принятію реформы и крайній недостатокъ въ людяхъ, которые бы своими способностями и умѣньемъ могли содѣйствовать къ ея осуществленію. Но значеніе перваго препятствія намъ уже извѣстно, и къ тому, что мы сей часъ высказали, мы можемъ прибавить лишь то, что у насъ не только общество, но и самый народъ, во всей его массѣ, слѣдуетъ считать до такой степени расположеннымъ къ принятію новыхъ судебныхъ порядковъ, какъ если бы онъ былъ приготовленъ къ тому академическимъ воспитаніемъ; этотъ народъ никогда не былъ приверженцемъ и знаткомъ приказнаго дѣлопроизводства; изъ народа въ этомъ дѣлопроизводствѣ до сихъ

поръ кое-что понимали, можетъ быть, одни только острожники; такъ что въ случаѣ осуществленія новыхъ порядковъ, мы отъ нашего народа можемъ ожидать изумленія одному тому, почему этихъ-то именно порядковъ досихъ поръ и не было, которые одни только и пригодны и совершенно понятны для народа, неумѣющаго ни читать, ни писать. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи не только не существуетъ препятствія, но еще каждый просроченный день равняется лишенію благодѣанія, необусловленному серьезной необходимостью. Остается только недостаткъ умѣнья и способностей, которыя бы правительство могло призвать себѣ на помощь. Этотъ недостатокъ можетъ быть двухъ родовъ: именно, правительство можетъ не имѣть людей, которые бы помогли ему въ его законодательныхъ трудахъ, и людей, которые потомъ были бы хорошими практическими проводниками и исполнителями нововводимыхъ преобразованій. Но о недостаткѣ перваго рода мы не должны даже и говорить; потому что комиссія для составленія отдѣльныхъ проектовъ, вызываемыхъ великою реформою, уже составлена и уже трудится и какъ по своему внутреннему составу, такъ и по внѣшнему раздѣленію труда, представляетъ всѣ ручательства, что ожиданія высшаго правительства съ этой стороны будутъ удовлетворены скоро; на комиссію возложенъ трудъ величайшей общенациональной важности; этимъ трудомъ заинтересована вся Россія; если бы комиссія не имѣла никакого другого стимула, то одного этого было бы достаточно, чтобы ея патріотическія работы шли самымъ успешнымъ образомъ. Что же касается до втораго препятствія, до недостатка пракческаго умѣнья, то здѣсь можно замѣтить слѣдующее: во-первыхъ, этотъ недостатокъ продолжался бы вѣчно, если бы у насъ никогда не была введена проектированная «Основными положеніями» реформа; практическая опытность пріобрѣтается однимъ только упражненіемъ въ практикѣ и никакое самое длинное, даже *вѣчное* ожиданіе не въ состояніи обогатить ни малѣйшей частицей опытности того, кто лишонъ возможности пріобрѣтать опытность отсутствіемъ самыхъ предметовъ, на которыхъ бы слѣдовало практиковаться для полученія опытности; во-вторыхъ, судебная реформа, согласная съ «Основными положеніями», вовсе не требуетъ такого умѣнья, отсутствіе котораго служило бы препятствіемъ къ немедленному осуществленію реформы. Отъ кого потребуется это особое умѣнье, то есть, кому нужно бу-

дѣть имѣть при новыхъ порядкахъ такія новыя качества, которыя бы между нами теперь вовсе не существовали? Подсудимымъ-ли и тяжущимся? Но всякій согласится, что этому разряду лицъ при новыхъ порядкахъ будетъ не труднѣе доказывать свои права и приводить оправданія, а напротивъ, несравненно легче; теперь существуетъ громадный классъ людей, и именно — всѣ безграмотные, которые рѣшительно ничего не могутъ сдѣлать для самихъ себя собственно *сами*, ни въ случаѣ уголовныхъ процессовъ, ни въ случаѣ гражданскихъ; тогда эта невозможность для этого огромнаго класса, относительно уголовныхъ дѣлъ—совсѣмъ уничтожится, а относительно гражданскихъ—сократится на столько, что посторонняя помощь безграмотному человѣку нужна будетъ лишь въ томъ случаѣ, когда его исковой интересъ будетъ превышать *пять сотъ рублей*, то есть,—никогда, или чрезвычайно рѣдко. Можетъ быть, судьямъ нужно будетъ имѣть какія-нибудь особыя качества? Никакихъ, кромѣ честности, которая, однако, въ нихъ предполагается и теперь; отъ нихъ не только не потребуются *прибавки* новыхъ качествъ, но можетъ быть допущена даже *убавка* старыхъ; такъ какъ при теперешнемъ порядкѣ они обо всѣхъ дѣлахъ должны разсуждать и должны ихъ рѣшать сами, а при осуществленіи реформы всѣ дѣла особенной важности будутъ за нихъ рѣшаемы *присяжными*, имъ останется только подводить законы уже къ произнесеннымъ приговорамъ, по крайней мѣрѣ въ уголовныхъ дѣлахъ; въ гражданскихъ—имъ будутъ оказывать самую дѣйствительную помощь — сами истцы и ихъ повѣренные, добрыя усилія которыхъ теперь обыкновенно остаются пренебреженными. Можетъ быть, прокуроры должны будутъ имѣть что-нибудь лишнее? Но эти люди, въ особенности, должны будутъ избавитися отъ многого лишняго, которое отъ нихъ требуется теперь; всѣмъ извѣстно, что въ прокурорахъ въ настоящее время предполагается государственная энциклопедичность; они, при теперешнемъ порядкѣ, просматриваютъ журналы, вѣдѣй, всѣхъ губернскихъ палатъ — уголовной, гражданской, казенной, государственныхъ имуществъ, потомъ — губернскаго правленія, дѣла — дорожно-строительной комисіи, наконецъ — присутствуютъ при дворянскихъ выборахъ, при всѣхъ казенныхъ торгахъ, въ рекрутскихъ присутствіяхъ, при всѣхъ свидѣтельствахъ сумасшедшихъ, и, можетъ быть, во многихъ другихъ мѣстахъ, которыхъ мы не знаемъ, и кромѣ всего этого

имѣютъ еще особенную, очень сложную спеціальность—отирать высшій надзоръ надъ мѣстными тюрьмами и быть естественными попечителями, адвокатами и заступниками—всѣхъ заключенныхъ и даже пересылочныхъ; понятно, что служебное лицо съ такими обязанностями, при новыхъ порядкахъ, будетъ только избавлено почти отъ всего стараго, а не обременено чѣмъ-нибудь новымъ. Повѣренные? но искусство адвокатовъ, представляя громадный интересъ для общества, служить предметомъ только второстепенной важности для правительства; это вопросъ, касающійся частныхъ лицъ, и мы распространимся о немъ немного ниже, гдѣ будетъ высказано, что правительство, желающее, безъ сомнѣнія, учрежденіемъ повѣренныхъ какъ можно болѣе обезопасить интересы частныхъ лицъ, ввело въ это учрежденіе столько старанія, что сдѣлало его равносильнымъ строжайшей опеке. Присяжные? Да; это будутъ совершенно новые люди въ нашихъ судахъ и все, что они принесутъ съ собою въ наши суды, тоже будетъ совершенно новое; безъ этихъ людей нѣтъ реформы, но ея почти тоже не будетъ и съ ними, если нужныя отъ нихъ качества не будутъ обезпечены извѣстною обстановкою. Эти качества—самостоятельность мнѣнія и свобода отъ всякихъ вліяній, кромѣ простого смысла и совѣсти; а эта обстановка—подробное разъясненіе для знающихъ людей, путемъ состязанія, при публикѣ. Смысла, поэтому, отъ нихъ потребуется немного, и если говорить правду, то немного и совѣсти, потому что для публичнаго пристрастія, для всенароднаго преступленія противъ очевидной правды нужна душа окончательно злодѣйская, какой, разумѣется, трудно попасть въ присяжные, и въ особеннотти трудно, чтобы въ какомъ-нибудь данномъ случаѣ все количество присяжныхъ состояло изъ такихъ душъ, хотя, впрочемъ, это могутъ быть души изъ самыхъ обыкновеннѣйшихъ. Нововводимый «Основными положеніями» судебный механизмъ тѣмъ именно и превосходитъ, что онъ можетъ достигать идеально-хорошихъ результатовъ при помощи людей съ посредственными качествами. Гдѣ же эта особенная трудность къ осуществленію реформы? Вотъ почему мы и не вѣримъ каркающимъ вѣронамъ и считаемъ реформу на столько близкою, что человѣку, имѣющему надобность обратиться къ глухонѣмой жалобѣ, совѣтуемъ подождать поры—живого слова.

Рѣшившись сдѣлать на отдѣльные пункты «Основныхъ поло-

жесті нѣсколько замѣчаній, въ числѣ которыхъ, по нашему мнѣнію, есть чрезвычайно важныя, мы нашли не бесполезнымъ предпослать имъ всѣ эти высказанныя нами мысли, потому что не смотря на общую готовность нашу къ принятію реформы, не смотря на наше страстное ожиданіе ея, есть въ обществѣ какая-то замѣтная неопредѣленность мыслей, не лишонная нѣкотораго безпокойства: какъ-то и когда-то все это сдѣлается? Такое настроеніе умовъ и чувствъ—самое обыкновенное явленіе наканунѣ значительныхъ реформъ тамъ, гдѣ еще не сдѣлана привычка къ реформамъ. Но нужно и полезно, чтобы въ общественномъ мнѣніи и настроеніи было какъ можно менѣ колебательности и какъ можно болѣе ясности и рѣшимости. Приступаемъ къ нашимъ замѣчаніямъ.

Мы читаемъ:

Власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной. (Часть I, пунктъ 1). Это самый основной пунктъ «Основныхъ положеній». Мы слѣдуемъ съ этимъ пунктомъ два слѣдующіе.

Во-первыхъ, пятнадцатый. — *Списокъ всѣхъ вообще лицъ, имѣющихъ законныя качества, которыми опредѣляется способность быть мировымъ судьей, составляется по каждому судебному округу отдѣльно и повѣряется губернаторомъ.*

Во-вторыхъ, тридцать-третій. — *Общіе списки всѣхъ вообще лицъ, соединяющихъ въ себѣ внѣшнія качества, которыми опредѣляется, въ силу самаго закона, способность быть присяжнымъ, составляются по каждому округу отдѣльно и представляются губернатору.*

Мы не находимъ, чтобы власть судебная вполнѣ и рѣшительно отдѣлялась отъ всѣхъ другихъ частей государственной власти, потому что губернаторъ есть довольно сильный представитель властей всякаго рода—иныхъ легально, а другихъ по своему положенію. Этотъ важный чиновникъ по своему какъ будто даже и не важному праву—повѣрять выборные списки судей, какъ мировыхъ такъ и присяжныхъ, можетъ сдѣлать нововводимое раздѣленіе властей, по крайней мѣрѣ въ нижнихъ инстанціяхъ, только номинальнымъ. Всѣмъ извѣстно сильное вліяніе губернаторовъ на существующіе теперь дворянскіе выборы. Это вліяніе основано не болѣе, какъ на томъ, что при общей савовитости своего званія губернаторы имѣютъ право, въ отношеніи однихъ должностей—находить выборы правильными иди

неправильными и утверждать или не утверждать ихъ, а въ отноше-
 нии другихъ—только представлять выборныхъ на утвержденіе
 высшаго правительства. Между тѣмъ дворянское сословіе, для того
 чтобы обезопасить себя отъ всякаго косвеннаго вліянія, имѣетъ
 еще, какъ по своему образованію такъ и по своему положенію,
 несравненно болѣе возможностей, чѣмъ всѣ другія сословія, на
 которыя право выборовъ распространяется предстоящею судеб-
 ною реформою. Эта реформа дается обществу, чрезвычайно го-
 товому принять ее, но въ тоже время еще и не начинавшему
 освобождаться отъ тѣхъ своихъ пороковъ, которые развиты въ
 немъ излишествомъ повсюду разсыянной власти. Свойство этихъ
 пороковъ всѣмъ извѣстно, потому что наблюдательные люди раз-
 дѣлили ихъ даже на категоріи. Одни изъ нихъ относятся къ
 порокамъ личнаго характера, а другіе составляютъ слѣдствіе
 недостаточнаго гражданскаго развитія. Если мы возьмемъ одинъ
 только первый разрядъ, въ который входятъ—безкорыстное пре-
 смыкательство, угодничество, подобострастіе, упоеніе прибли-
 женностью къ высокимъ особамъ, то пороки одного только это-
 го разряда могутъ послужить для губернаторовъ орудіями са-
 маго сильнаго вмѣшательства въ дѣло выборовъ, а черезъ нихъ,
 конечно, и во всѣ тѣ дѣйствія, для которыхъ производится вы-
 боры. Проводникъ этого вмѣшательства, для большей учтивости,
 можетъ быть названъ—желаніемъ сдѣлать угодное сильному че-
 ловѣку. Проводникъ, относительно нашего общества, довольно
 сильный. Но мы имѣемъ еще другой разрядъ недостатковъ, со-
 ставленный изъ нашего незнанія нашихъ собственныхъ правъ,
 изъ нашего неумѣнья различать наши и чужія права отъ на-
 шихъ и чужихъ обязанностей, наконецъ, изъ неточнаго пони-
 манія нашихъ отношеній къ учрежденіямъ и служебнымъ лю-
 дямъ. Мы сдѣлали—глубоко укоренившуюся въ насъ—привычку
 видѣть власть тамъ, гдѣ должны бы видѣть услугу, мы привык-
 ли думать, что не учрежденіе для насъ, а мы для учрежденія,
 что не чиновникъ для общества, а общество для чиновника. При
 такомъ смутномъ пониманіи нашемъ такихъ существенныхъ
 предметовъ, право губернаторовъ—повѣрять выборные списки
 для большинства избирателей очень естественно можетъ пока-
 заться правомъ—руководить выборами. А такъ какъ есть очень
 много вѣроятій, что избирателямъ именно такъ и покажется, то
 указанія и внушенія губернаторовъ при выборахъ,—конечно, не
 совершенно прямыя, — дѣлаются неустрашимыми, и они будутъ

идти силу.—Но еще захочет ли губернаторъ виѣшнваться? для чего ему? — Можно думать, что непременно захочетъ, и вотъ для чего: во-первыхъ, лишняя частичка вліянія еще никому не падоѣдала; власть вообще имѣетъ обаяніе, всегда и вездѣ, а тамъ, гдѣ она не знала точныхъ для себя предѣловъ, гдѣ она входила во все и гдѣ ее хотятъ, какъ власть нашихъ губернаторовъ, ввести въ настоящее русло, тамъ она еще непременно должна бороться съ ограниченіями и долго еще будетъ захватывать береговъ, даже не изъ строптивости передъ высшею властію, а просто по привычкѣ. Во-вторыхъ, между избираемыми лицами, безъ сомнѣнія, явятся и такія, которыя будутъ добиваться мѣстъ, и такія, которыя захотятъ отъ нихъ отдѣлаться; губернаторъ, въ свою очередь, можетъ пожелать, почему бы то ни было (а предлоговъ для такого желанія можно предположить очень много), какъ тѣмъ, такъ и другимъ оказать добрую услугу; а какъ скоро онъ будетъ въ состояніи оказывать эту услугу, то непременно и пожелаетъ оказывать ее при всякомъ случаѣ. Такимъ образомъ разсчитывать на добровольное невмѣшательство губернаторовъ въ выборы нѣтъ никакого основанія; а понятно, что вліяніе оказанное на выборъ въ должность должно отразиться и на самомъ управленіи должности. Это вредъ прямой и непосредственный, но онъ еще не весь тутъ. Судебная реформа, кромѣ ея прямого назначенія, драгоценна для Россіи еще—какъ орудіе гражданскаго воспитанія; съ учрежденіемъ независимаго суда русскій человѣкъ, какъ бы ни была скромна его доля, наконецъ почувствуетъ, и это въ первый разъ, что онъ существо небезпомощное, что онъ не зависитъ ни отъ чьей милости, что есть убѣжище, гдѣ онъ можетъ считаться правами со всѣми сильными и богатыми міра и гдѣ не обочтутъ его ни однимъ правомъ, ни одною справедливостію, такъ какъ въ это убѣжище не должно проникать ни одно постороннее вліяніе: власть, которая тамъ, не отъ міра сего. Но возможность вліянія губернаторовъ дѣлаетъ эти соображенія похожими на мечту. Намъ скажутъ, что повѣрка списковъ будетъ чисто виѣшнею, простымъ писарскимъ дѣломъ, просматриваніемъ формулярныхъ списковъ и паспортовъ—не былъ ли кто подъ судомъ. На это мы отвѣтимъ, во-первыхъ, что тѣмъ менѣе нужды поручать эту повѣрку губернаторамъ, а во-вторыхъ, объ этой повѣркѣ, по высказанному нами причинамъ, слѣдуетъ судить не по тому только, что она значитъ, а и по тому, чѣмъ она можетъ ка-

заться.—Кому же повѣрять списки кандидатов?—Передъ выборами никому; довольно того, чтобы всякій претендентъ былъ рѣшительно увѣренъ, что неправильный выборъ ни въ какомъ случаѣ утверждёнъ не будетъ; самая же правильность выбора можетъ быть опредѣляема—для мировыхъ судей тѣмъ самымъ департаментомъ сената, который утверждаетъ въ эти должности (п. 15), а для присяжныхъ тою комиссией, о которой упоминается подъ 35-ю цифрою «Основныхъ положеній» (Ч. I).

Подъ это же замѣчаніе о нерѣшительномъ раздѣленіи властей, но только безъ всякаго уже толкованія, такъ какъ дѣло само по себѣ ясно, мы подводимъ и то, что говорится въ пунктѣ 123-мъ *второй части* «Основныхъ положеній».

Пунктъ 16. *Каждому изъ почетныхъ мировыхъ судей предоставляется право разбора всѣхъ тѣхъ дѣлъ, кои предоставлены разбору мировыхъ судей вообще, когда обѣ стороны обратятся къ суду почетнаго мирового судьи.*

По видимому это совершенно ясно и будто вполне опредѣлительно: почетные мировые судьи отправляютъ обязанности участковыхъ мировыхъ судей *во всѣхъ тѣхъ случаяхъ*, когда къ нимъ обращаются обѣ стороны. Когда такого случая нѣтъ, почетный мировой судья остается въ покоѣ. Проектъ закона, сколько можно предполагать, имѣетъ цѣлю—предупредить возможность столкновенія между двумя родами мировыхъ судей, почетными и участковыми. Но недостаточность проектированнаго закона состоитъ въ томъ, что почетному мировому судьи *предоставляется право*, а не *вмѣняется въ обязанность*—входить въ разбирательство дѣлъ, съ которыми къ нему могутъ обращаться. Въ самомъ дѣлѣ, опредѣляя случаи, въ которыхъ почетный мировой судья имѣетъ право входить въ разбирательство судебныхъ случаевъ, проектъ закона не говоритъ: *обязанъ* почетный мировой судья это дѣлать, или только *можетъ*, если захочетъ? Это недоумѣніе требуетъ самаго точнаго разрѣшенія уже по одному тому, что оно—недоумѣніе, вызванное изложеніемъ закона. Если разбирательство дѣлъ для почетнаго судьи обязательно, то его уклоненіе отъ разбирательства будетъ преступленіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «отказа въ правосудіи»; если же мысль проектированнаго закона дѣйствительно такова, что разбирать или не разбирать дѣло предоставляется доброй волей почетнаго судьи, то почетный судья представляется намъ лицомъ съ страшною, какой-то феодальной привилегіей. Отсюда

въ практикѣ возможна неприятность двудличнаго характера: съ одной стороны, почетные мировые судьи, безъ вѣдома для самихъ себя, очень часто могутъ совершать преступленіе «отказа въ правосудіи», а съ другой, тяжущіеся то и дѣло могутъ подвергаться невольному униженію *отказа*, за которое они въ правѣ требовать удовлетворенія по суду.

Слѣдующій пунктъ (17) подходитъ подъ это же самое замѣчаніе:

Почетный мировой судья можетъ заниматься и другими предметами въдомства участка мирового судьи, кои будутъ по-ложительно определены закономъ.

Здѣсь опять тоже самое *можетъ*. Между тѣмъ нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы точность или неточность слова могла имѣть такую важность, какъ въ изложеніи закона, потому что ни въ какомъ другомъ случаѣ человѣкъ не можетъ отъ этого такъ много терять или выигрывать. Но почетный мировой судья не получаетъ ни жалованья, ни на разѣзды, ни на канцелярскія издержки, ни на какіе другіе расходы, неизбѣжныя при раздѣчѣ правосудія. Можетъ быть, по мысли проекта закона, непремѣнная обязательность для такого бесплатнаго судьи дѣйствительно признается неудобною. Въ такомъ случаѣ это лишнее колесо въ судебномъ механизмѣ. Оно можетъ только служить причиною самыхъ непредвидѣнныхъ столкновеній, которыя, однако, слѣдуетъ предвидѣть. Примѣръ англійскихъ мировыхъ судей, вообще не получающихъ жалованья и вознаграждаемыхъ только тѣмъ, что они считаются гостями тѣхъ мѣстностей, въ которыя призываются дѣлами правосудія, для насъ не примѣръ. Въ Англіи это не единственная путаница; но подобнымъ путаницамъ тамъ не помнать начала, давность обратила ихъ въ нормальныя вещи и при нихъ, какъ извѣстно, Англія достигла даже своей высокой цивилизаціи, которой намъ слѣдуетъ еще достигать. Намъ лучше бы обходиться безъ путаницы. Съ другой стороны, дѣла всякаго рода могутъ идти хорошо только тамъ, гдѣ каждый служащій человѣкъ со всею отчетливостію знаетъ, что онъ *обязанъ* дѣлать и гдѣ и другіе знаютъ объ этомъ не менѣе хорошо, чѣмъ онъ самъ. О почетномъ судѣ этого нельзя сказать, да нельзя сказать, чтобы и другіе хорошо знали его обязанности, когда онъ можетъ дѣлать или не дѣлать что нибудь только по доброй волѣ.

Пунктъ 62. — *Каждое окончательное рѣшеніе, состоявшееся*

публично, можетъ быть напечатано, или самимъ судьей, или частными лицами, и обсуждаемо сими послѣдними въ юридическомъ обсужденіи.

«Юридическіе журналы», мы полагаемъ, захвачены въ этомъ проектѣ закона не какъ исключеніе или привилегія, а какъ случайность. Цѣль постановленія, дозволяющаго печатное обсужденіе рѣшеній, можетъ быть только одна—гласность; а при настоящемъ развитіи нашей литературы, юридическіе журналы всего менѣе могутъ способствовать къ достиженію этой цѣли. Юридическіе журналы у насъ слѣдуетъ еще основать, потому что ихъ нѣтъ. Тѣ, которые были основаны,—падали; а что касается до тѣхъ, которые могутъ быть основаны, то, во первыхъ, еще не извѣстно, будутъ ли они *дѣйствительно* основаны, а во вторыхъ, еще менѣе извѣстно, на сколько они будутъ *дѣйствительными* орудіями гласности, если даже и будутъ основаны. Есть весьма много и весьма уважительныхъ поводовъ думать, что гласность этихъ будущихъ органовъ, по крайней мѣрѣ на первое время, едва ли многимъ будетъ отличаться отъ нѣмой молчаливости четырехъ стѣнъ, съ закупоренными окнами. Наши бодячіе, такъ называемые учено-литературные и политическіе журналы, по своему энциклопедическому характеру, представляютъ самую опасную конкуренцію для всякаго рода чисто-спеціальныхъ изданій, если они не листки, а книги. Публика съ давнихъ поръ, съ самаго основанія нашихъ журналовъ, привыкла находить въ нихъ все, чѣмъ можетъ быть заинтересована, а главное, она привыкла такъ думать. Пока наши журналы не измѣнятъ своему теперешнему характеру—громоздкой газеты въ переплетѣ, характеру, которому измѣнять имъ нѣтъ никакой нужды и выгоды, можно разчитывать навѣрное, что и публика не будетъ находить нужнымъ или выгоднымъ, даже и впередъ, измѣнять теперешнимъ журналамъ. Съ другой стороны, если вновь основанные юридическіе журналы и будутъ имѣть на столько успѣха, чтобы расходиться въ количествѣ экземпляровъ, достаточномъ для ихъ скромнаго существованія, то во всякомъ случаѣ, ихъ будутъ получать или исключительно люди судебной корпорации, или съ небольшою прибавкою изъ разряда людей, называемыхъ серьезными: это не гласность. Гласность то, что продиктуетъ, всюду безъ различія занятій, званій, половъ и возрастовъ. Гласность—это популярная газета, каковы именно и есть наши теперешніе журналы, въ гиперболическомъ видѣ.

Но за юридическими журналами, есть неудобство, еще болѣе значительное. Этими журналами будутъ дирижировать ученые юристы, ихъ сотрудники будутъ люди изъ того же цѣха. Мы цѣлимъ много уваженія къ этимъ людямъ и безъ такихъ людей, мы думаемъ, намъ почти нѣтъ спасенія. Но мы знаемъ, что цѣховые юристы вездѣ и во всѣ времена, за исключеніемъ одного, были почти такіе же односторонніе люди, какъ бывають только медики и художники; безчисленными примѣрами можно доказать, что они не измѣнились и въ наше время. Привилегія на судебную гласность въ рукахъ такихъ людей рѣшительно не способна принести всей возможной выгоды обществу, а что эта гласность не будетъ имѣть просвѣщающаго свойства и будетъ довольствоваться однимъ оглашающимъ, это можно сказать на вѣрное. Мы заранѣе предвидимъ эти предзаданныя точки зрѣнія, которыя будутъ служить небольшими пьедестальчиками для маленькихъ взглядовъ, эти тѣсные заколдованные кружки, гдѣ легальные помыслы будутъ биться, опутанные сѣтями положительныхъ статей. Наконецъ, нѣтъ ни одного логическаго основанія, почему оглашеніе и обсужденіе рѣшеній допускается—не въ брошюрахъ, не въ газетахъ, не въ губернскихъ вѣдомостяхъ, не въ журналахъ уже существующихъ, а только въ имѣющихъ существовать—юридическихъ? Между тѣмъ мы привели только малую часть основаній, по которымъ считаемъ неудобной эту привилегію. Мы не упомянули ни о томъ, что она противна даже самымъ стѣснительнымъ законамъ о печати, ни о томъ, что она находится въ явномъ противорѣчій съ нашими литературными обычаями, ни о томъ, что въ послѣднемъ выводѣ мы принуждены будемъ считать приговоры и сужденія юридическихъ журналовъ безконтрольными оракулами, такъ какъ не соглашаться съ ихъ сужденіями на счетъ даннаго рѣшенія, значитъ обсуживать самое рѣшеніе, а этого проактъ закона, въ его теперешнемъ изложеніи, не позволяетъ ни одному изданію, кромѣ юридическихъ.

Этому замѣчанію мы придаемъ большую важность. Но замѣчанію на слѣдующій пунктъ мы придаемъ столько важности, сколько у насъ далеко нѣтъ таланта, чтобы ее выразить.

Пунктъ 16. *Къ числу присяжныхъ повѣренныхъ могутъ приписываться только лица: неопороченныя судомъ и не моложе 25 лѣтъ, имѣющія притомъ аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи съ успѣхомъ*

курса ученія, или о выдержаніи экзамена въ юридическіхъ наукахъ, если они, сверхъ того, прослужили по судебному вѣдомству не меньше пяти лѣтъ, или занимались, въ теченіе этого времени, судебною практикою подѣ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ.

А надобно замѣтить, что по другому пункту «Основныхъ положеній» (78) повѣренные только и могутъ быть изъ однихъ присяжныхъ:—*Тяжущіеся сохраняютъ право являться въ судѣ лично, не обязываясь избирать присяжныхъ повѣренныхъ, но въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣтъ жителство достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ, тяжущіеся могутъ выдавать довѣренности по тяжбынымъ ихъ дѣламъ, въ судахъ того города, только лицамъ, принадлежащимъ къ числу сихъ повѣренныхъ.* Почему? зачѣмъ тяжущіеся берутся подѣ такую опеку? Противѣ учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ вообще мы, разумѣется, говорить не будемъ, какъ вообще не будемъ говорить противѣ людей, работающихъ подѣ выѣвской; но протѣявъ того, чтобы выѣвски выдавались только людямъ съ извѣстными наружными значками, какъ напримѣръ съ бородавкой на лицѣ, мы обязаны поднять голосъ. Всѣ эти оговорки, которыми такъ крѣпко замыкается вступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ и которыми вовсе исключается право занятія адвокатурою безѣ патента на это ремесло, всѣ они простые наружные значки. Прежде всего, мы даже не вполне отчетливо разбираемъ ихъ, потому что въ приведенномъ сейчасъ проектѣ закона есть неясность такого рода, которая можетъ составить или лишнюю задвижку, или лишнюю дверцу, для проникновенія въ сословіе. Чистый формуляръ, 25 лѣтъ и пятилѣтняя судебная практика это понятно. Но желающіе быть присяжными повѣренными должны имѣть еще *аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи съ успѣхомъ курса ученія, или о выдержаніи экзамена въ юридическіхъ наукахъ, если они сверхъ того и пр.* Два здѣсь условія, или одно? То есть: оговѣтствуется ли проектъ закона вообще университетскимъ аттестатомъ, или только аттестатомъ, полученнымъ на юридическомъ факультетѣ? Мы будемъ разумѣть, хотя это будетъ совершенно произвольно, что вообще университетскій аттестатъ, «объ окончаніи съ успѣхомъ курса ученія» даетъ право на присяжную адвокатуру. Но допустивъ даже эту широкую уступку,—кажется, не согласную съ проектомъ закона,—мы все еще въ проек-

тированномъ сословіи нашихъ адвокатовъ видимъ касту, которая, не смотря на все ея сходство съ ея французскимъ первообразомъ, для того чтобы утвердиться въ Россіи, должна выдерживать слѣдующія возраженія противъ ея старовѣрской нетерпимости.

Во первыхъ, проектомъ закона о присяжныхъ повѣренныхъ заграждается всякій доступъ на поприще адвокатуры самоучкамъ: черезъ это адвокатура лишается, можетъ быть, самыхъ образцовыхъ дарованій. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какъ человѣчество вообще много обязано самоучкамъ, какъ часто оно получало отъ нихъ инициативу въ минуты самыхъ рѣшительныхъ переломовъ, и какъ много оно узнало и приняло отъ нихъ новыхъ истинъ и полезныхъ открытій; здѣсь нѣтъ особенной нужды напирать и на то популярное мнѣніе, что еслибы не самоучки, то мы скоро могли бы утратить всякое понятіе объ оригинальности: все это извѣстно до избытка, до того, что нѣтъ школьника, который бы не зналъ, напримеръ, что Кузьма Мишинъ самоучкой *вытравилъ дѣло Россіи*, живши своими противниками анархію и неприятельское войско, и который бы не назвалъ притомъ еще десятка именъ знаменитыхъ самоучекъ. Но здѣсь совершенно у мѣста обратить вниманіе почти на общія жалобы объ упадкѣ человѣческаго слова. Эти жалобы раздаются почти повсюду. «Талантъ говорить,—замѣчаетъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ публицистовъ нашего времени,—становится рѣже и рѣже. Публичныхъ говорунновъ въ Парижѣ и особенно въ Англии бездна. Адвокаты, члены парламента, продавцы пилюль и дешовыхъ карандашей, наемные свѣтскіе и духовные ораторы въ паркахъ, всѣ они имѣютъ удивительную способность проповѣдывать, но говорить умѣютъ не многіе». Въ нашей журнальной литературѣ, по крайней мѣрѣ пятая часть всего печатнаго состоитъ изъ *фразъ противъ фразы*. Это общепризнаваемое зло прежде всего, конечно, заключается въ однообразіи образованія. Спасеніе отъ этого зла можетъ, между прочимъ; происходить отъ той разницы, которую могутъ вносить въ общественную дѣятельность даровитые самоучки съ умами, не пострадавшими отъ предзаданныхъ воззрѣній, и съ словами, не исцарапанными школьнымъ жаргономъ. Русская адвокатура, въ этомъ отношеніи, заранѣе осуждена на бесплодіе и рутину.

Во вторыхъ, проектъ закона о повѣренныхъ построены, очевидно, на невѣрномъ основаніи; онъ цѣль повѣренныхъ сдѣлалъ

учреждение от государства, а между тѣмъ все, чѣмъ они могутъ быть—это *корпорацией въ обществѣ*; онъ смѣшалъ нововводимое имъ учрежденіе съ самымъ учрежденіемъ суда, а это—очень странное смѣшеніе. Относительно суда: государство обязано дать мнѣ судью, чтобы разобрать меня съ моимъ ближнимъ, потому что мнѣ не воевать съ нимъ. Относительно повѣренныхъ: государство обязано предоставить мнѣ правенить ихъ, потому что оно обязано не стѣснять меня на судъ ничѣмъ, ни даже своимъ повѣреннымъ. И только; даде этого обязанности государственной или общественной власти не простираются. Если они зайдутъ за эту черту, то перейдутъ въ нарушеніе частныхъ правъ. И въ настоящемъ случаѣ, они дѣйствительно переходятъ, потому что свободный выборъ повѣреннаго—это неоспоримое право тяжущагося, это одна изъ величайшихъ надеждъ его на полное правосудіе и вмѣстѣ единственное ручательство, что дѣло его будетъ защищено наилучшимъ образомъ. Если даже не наилучшимъ, то по крайней мѣрѣ такимъ, который наиболѣе ему нравится, потому что онъ человѣкъ совершеннолѣтній и свободенъ нить на столько прихоти, чтобы на судѣ высказывались его мнѣнія и его доказательства, а не присяжнаго повѣреннаго, который обращенъ въ чиновника и потому можетъ исполнять свое дѣло, какъ самъ знаетъ. Это опаса, и притомъ одна изъ самыхъ несправедливыхъ.

Въ третьихъ, присяжныхъ повѣренныхъ запрещается даже отводить, по крайней мѣрѣ — нигдѣ не дозволяется, а это равносильно запрещенію: гдѣ они есть, тамъ они должны быть важными адвокатами. Вы можете не имѣть въ нихъ никакого довѣрія; ихъ аттестаты могутъ служить недостаточными доказательствами ихъ знаній; они могутъ быть личными вашими врагами; они могутъ сдѣлать противъ васъ ставку; потому что имъ это можетъ быть выгодно и потому что они монополисты на право вашей защиты и имъ удобнѣе это сдѣлать, — вы все-таки вбавимъ поручить защиту вашего добраго имени или вашего совѣстію одному изъ нихъ, это ваша рѣчь; они не отводятся; и имъ замѣняете даже по вашей просьбѣ, а о вашемъ добромъ произойдетъ уже тѣмъ болѣе нѣтъ никакого сомнѣнія; какъ скоро вы—человѣкъ, житель города, гдѣ много жительства дослѣдуете или слѣдуетъ. Вы являете противъ короннаго судьи, — вы можете, отвѣстнаго; вамъ не внушаютъ онъ; въ некоторыхъ изъ присяжныхъ судей, — вы можете управ-

ять и ихъ ни вы видите, что присяжные вступили въ соглашеніе—проиграть вамъ дѣло,—и вы должны этому подорваться; вы глубоко убѣждены, что для эмигранта вашего дѣла или сдася васъ отъ безславія вамъ достаточно обратиться къ такому-то дарованію безъ диплома,—и вы не смѣете этого сдѣлать. Вы уже не ошона, а обещаніе повѣренныхъ отъ трудолюбія и смѣлыи сказать, отъ добросовѣстности и честности.

Въ четвертыхъ, кто опредѣляетъ: достаточное ли количество присяжныхъ повѣренныхъ въ известномъ городѣ, или недостаточное? Или можетъ быть дѣйствительно недостаточное количество, а между тѣмъ они изъ жористи могутъ настаивать передъ тяжущимся, что ихъ вполне достаточно для того, чтобы волунать дѣло со всего города, не уступая постороннему ходатайству ни одного дѣла. Это самъ по себѣ будетъ уже любопытный споръ, но кто будетъ рѣшителемъ спора? Судья? Тогда повѣренные могутъ быть одолжаемы судьями и въ свою очередь, по чувству взаимнаго одолженія, могутъ захотѣть угождать судьямъ: это первый и величайшій мотивъ для стачки.

Въ пятыхъ, что дѣлать съ тяжущимся, если онъ рѣшительно захочетъ ярмти въ судъ отъ своихъ повѣренныхъ? Штрафовать его деньгами? Наказывать тюрьмой? Отказывать въ правосудіи? Участь производимыхъ или невозможныхъ законовъ известна: ихъ не исполняютъ. Тяжущихся придется наказывать. Мѣры наказанія должны быть опредѣлены заранее и съ тощастію, потому что цѣль «Основныхъ положеній»—правосудіе.

Въ шестыхъ, присяжные повѣренные, съ ихъ монопольнымъ правомъ адвокатуры, увеличиваютъ стоимость правосудія. Они получаютъ свою плату съ подсудимыхъ и тяжущихся по таксъ (п. 82), если не заключать съ ними особаго условія,—разумеется, о выщемъ вознагражденіи. Какъ бы такса ни была енисходительна къ тяжущемуся, онъ всегда въ правѣ роптать и думать, что при свободной конкуренціи онъ могъ бы найти адвоката дешевле. Это уже очень большое зло, которое притомъ неустранимо даже въ случаѣ примѣрнаго безкорметія со стороны присяжныхъ повѣренныхъ, то есть, въ случаѣ, если они всегда будутъ довольствоваться таксою. Но монопольное право еще никогда не бывало такимъ скромнымъ; можетъ случиться то, что въ сравненіи съ крипаніями повѣренныхъ самая взятка уничтожаемаго аудиторіатва заставитъ помнить себя добромъ и съ умиленіемъ. Мы надеемся, что этого не будетъ; но мы

насъ довольно того, что это *можетъ быть*. Общество не должно полагаться на скромность монополистовъ; его желанія въ этомъ случаѣ могутъ ограничиться только тѣмъ, чтобы вовсе не было монополіи.

Въ седьмыхъ, могутъ быть случаи, гдѣ человекъ, даже съ дипломомъ и со всеми наружными значками на званіе публичнаго защитника чужихъ дѣлъ, пожелаетъ выступить на поприще адвокатуры одинъ только разъ, защитить одно только дѣло во всю свою жизнь; такое желаніе можетъ прийти ему по особой симпатіи къ судебному случаю и вытекающимъ изъ него общественнымъ вопросамъ. Проектъ закона о повѣренныхъ требуетъ, чтобы этотъ человекъ записался въ число присяжныхъ. Безъ этого онъ не можетъ держать публичнаго слова. Онъ можетъ не захотѣть записаться и отступить передъ этою обязанностію, во первыхъ, самъ, и не по прихоти, а по самымъ уважительнымъ причинамъ, которыхъ можетъ найтись очень много; а потомъ, его могутъ не принять въ число своею повѣренными, которые всегда могутъ и даже невремѣнно будутъ дѣлать это, или подъ предлогомъ полнаго комплекта, или изъ зависти къ дарованью и изъ боязни померкнуть, а всего чаще изъ корыстныхъ побужденій. Предполагаемый нами человекъ, очевидно, не явится защитникомъ симпатичнаго для него дѣла. Между тѣмъ этого дѣла никто не могъ такъ такъ хорошо защищать, какъ онъ, съ этимъ дѣломъ связаны такіе общественные вопросы, или оно объясняется изъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ никто глубже его не понимаетъ и никто не принимаетъ такъ близко къ сердцу; этотъ день судебного засѣданія могъ бы быть для него днемъ общественной службы за всю жизнь, а для самого общества величайшей находкой, открытіемъ, или толчкомъ. Проектъ закона о повѣренныхъ лишаетъ общество всѣхъ случайностей такого рода:—Намъ скажутъ, что это случайность рѣдкая.—Мы отвѣтимъ, что такіе потери тяжело подвергаться даже и изрѣдка. Но намъ стоитъ только понизить уровень случайности: пусть предполагаемый защитникъ дѣла не будетъ человекомъ, способнымъ принести одною своею рѣчью общественную пользу, а только такимъ, который бы хотѣлъ защитить дѣло по призванію, по особой симпатіи къ нему,—мы будемъ имѣть огромное количество дѣлъ, которые бы могли быть защищены наилучшимъ образомъ адвокатами, пожелавшими сдѣлаться ими только на одинъ случай. Потери каждаго такого слу-

чая есть все-таки чрезвычайно большая потеря, потому что подобные случаи могли бы возвышать общественный духъ, раздвигать горизонтъ общественной мысли и спасать отъ рутины и обыденности одну изъ благороднѣйшихъ профессій.

Въ осьмьмыхъ, если мы не ошибаемся въ толкованіи проекта закона, объясняя его въ томъ смыслѣ, что академическій аттестатъ вообще, съ какого угодно факультета, даетъ право на присяжную адвокатуру, — разумѣется, съ согласія присяжныхъ адвокатовъ, фактически раздавателей этого права, — то проектъ закона невѣренъ самому себѣ: онъ долженъ свести тогда всѣ свои ограниченія только на 25 лѣтъ возраста и на 5 лѣтъ судебной практики, потому что даже самое успѣшное окончаніе курса ученія на факультетѣ окаменѣло-восточныхъ языковъ рѣшительно ни въ какой мѣрѣ не служитъ приготовленіемъ къ занятію адвокатурой.

Въ девятыхъ, самые 25 лѣтъ составляютъ ограниченіе чисто произвольное, которое выведено изъ того, что на званіе адвоката сдѣланъ неправильный взглядъ: это званіе, какъ мы уже замѣтили, принято за общественную или государственную должность, а оно вовсе не должность; можетъ сдѣлаться должностію, можетъ быть, даже сдѣлается, но только не должно. Мы понимаемъ, почему членъ парламента не долженъ быть очень молодымъ: его дѣятельность общенациональная; тутъ всякое увлеченіе, свойственное молодости или неопытности, можетъ имѣть послѣдствія очень большихъ размѣровъ. Мы также нисколько бы не были удивлены, если бы наше правительство вдругъ перестало, или никогда не начинало, давать мѣста губернскихъ стряпчихъ юношамъ того возраста, въ который другіе юноши только еще входятъ въ разумъ и начинаютъ получать серьезное образованіе. Но если мы видимъ безбородаго юношу главнымъ конторщикомъ миллионера, распорядителемъ всѣхъ дѣлъ его, давателемъ и принимающимъ векселей, скупателемъ бумагъ на биржѣ, мы противъ этого не можемъ, не смѣемъ и не найдемся представить ни одного возраженія. Этого юношу никто не навязывалъ миллионеру; онъ выбралъ его самъ; онъ имѣлъ на это полное, неопровержимое право, онъ принимаетъ на себя всѣ послѣдствія его промаховъ. Повѣренный или адвокатъ совершенно дождественное лицо съ этимъ прикащикомъ миллионера и не имѣетъ ни малѣйшаго, даже приблизительнаго сходства ни съ членомъ парламента, ни съ губернскимъ стряпчимъ, услугу которыхъ общественная или госу-

Имущественная власть некрѣпимо навязываетъ, а не предоставляетъ выбору частныхъ лицъ. Мы съ особенною силою настаиваемъ на этомъ правѣ частного лица—выбирать себѣ адвокатомъ кого угодно. Почему именно въ распорядители моей фабрики, если она есть у меня, я могу взять—кого захочу, въ распорядители биржевыми, милостивыми дѣлами—тоже, а въ распорядители моихъ городовъ маловажнѣйшимъ, или несравненно важнѣйшимъ процессомъ я непремѣнно обязанъ взять присяжнаго ходока? Гдѣ удовлетворительный отвѣтъ на это? Мы уже сказали, что мы не противъ присяжныхъ повѣренныхъ—вообще; пусть они существуютъ на всѣхъ случаяхъ; напримеръ, на предложеніе услугъ людямъ, не могущимъ найти адвоката, по самому роду своихъ дѣлъ, или предлагающимъ работу съ клеймомъ работъ безъ клейма, или желающихъ въ незнакомый городъ; пусть они отягнутся даже съ своими примѣтами—возраста, диплома и практики, пусть они будутъ даже чиновниками, каковы они и есть, но пусть они не будутъ такими чиновниками, услуги которыхъ непремѣнно обязательны. Это зло, это отнятіе неотъемлемой свободы у частныхъ лицъ, это даже большія опасности. *Безслынные* судьи,—это величайшее благодѣяніе, доставляемое русскому обществу: Основными Положеніями», эта лучшая и единственная гарантія правосудія, какую только можно придумать, не могутъ быть ни действительнымъ благодѣяніемъ, ни вѣрною гарантіей, какъ скоро будутъ *непремынные* повѣренные. Тутъ можетъ образоваться круговая порука. Можетъ и не образоваться, но мы не должны зависетьъ отъ случайности.

Въ десятихъ, самые пять лѣтъ судебной практики или пребыванія ученикомъ у присяжнаго повѣреннаго есть ограниченіе стѣснительное и напрасное. Если наша адвокатура будетъ орденомъ, то магистры ордена непремѣнно явятся деспотами въ отношеніи своихъ учениковъ; они не будутъ давать имъ вѣстатовъ и согласія на вступленіе въ члены ордена до тѣхъ поръ, пока будутъ находить въ этомъ выгоду. Точно такъ же они будутъ скуны на свое согласіе и въ отношеніи лицъ, выслужившихъ право на адвокатство пятилѣтней судебной практикой; они непремѣнно учредятъ штаты; отыщутъ во всякомъ судебномъ округѣ мѣстныя потребности на адвокатскія услуги,—и все это сдѣлаютъ къ своей выгодѣ;—словомъ, за предлогами къ отказу отъ принятія въ свой орденъ лицъ, могущихъ повредить ихъ личнымъ выгодамъ, у нихъ, какъ мож-

не надѣяться, дѣло никогда не станеть. Если же адвокатура не должна быть закодированнымъ орденомъ, — канъ и действительнѣе не должна, — тогда рѣшительно напрасны все ограниченія, и въ томъ числѣ и пятилѣтняя судебная практика или пребываніе въ адвокатскихъ ученикахъ: тогда оцѣнка вѣсѣ качества, нужныхъ адвокату, должна быть отдана на-полный произволъ и прозорливость того, кому нужно обратиться къ адвокату. Съ другой стороны, судебная практика и пребываніе въ адвокатскихъ ученикахъ — не единственные школы, въ которыхъ очень достойнымъ образомъ можно приготовиться къ тому, чтобы составить самую опасную конкуренцію присяжному повѣренному, хотя бы онъ выполнялъ притомъ вдвое болѣе условій, чѣмъ сколько требуется проектомъ закона о повѣренныхъ. Если, напримѣръ, Монтескьё, Робертъ Оуэнъ, большая часть освѣтителей заатлантической республики и цѣлая фаланга другихъ гитатовъ слова и дѣла представили міру удивительные образцы умѣнья и оытности, съ которыми они защищали величайшіе общечеловѣческіе или національные интересы, не прослуживши ни одного дня по судебной части, не бывши учениками ни у какого адвоката и очень часто не имѣвши никакихъ дипломовъ, то судите, поэтому, какъ неисповѣданны и вмѣстѣ обчисленные пути, которыми пріобрѣтаются качества, нужныя адвокатамъ, и можно-ли опредѣлять ихъ такъ категорически, какъ это сдѣлано въ проектѣ закона? Впрочемъ, главное возраженіе противъ проекта закона, — это его притязаніе на свободу частныхъ лицъ въ ихъ самыхъ неприкосновенныхъ интересахъ.

Въ-одиннадцатыхъ, самое ограниченіе, состоящее въ *опороченности* по суду, должно быть введено въ точныя границы. Если нашей адвокатурѣ суждено быть монополіей, тогда нечего разсуждать; привилегированная корпорація можетъ выдумывать какія угодно преграды для людей, желающихъ пріобщиться къ ея выгодамъ, — и чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ для нея лучше. Но съ точки зрѣнія на адвокатуру, какъ на свободную профессию, какою она и должна быть, обороченность по суду, какъ препятствіе быть адвокатомъ, требуетъ точнѣйшаго опредѣленія. До сихъ поръ у насъ считались, — и въ иныхъ случаяхъ считались даже по закону, — опороченными по суду — все бывшіе подъ судомъ, хотя бы и оправданные. По крайней мѣрѣ такихъ съ трудомъ принимали или даже вовсе не принимали на мѣста, имъ отказывали въ пенсіи, или прекращали ее, если она уже выдавалась; еще болѣе опорочен-

ными считались всё оставленные въ подозрѣніи—даже по самымъ ничтожнымъ проступкамъ, за которые, въ случаѣ ихъ достовѣрности, наказаніе могло бы ограничиться, на примѣръ, трехдневнымъ арестомъ или выговоромъ. Теперь, всё эти люди, кажется, не должны бы считаться опороченными, а между прочимъ, они могутъ и даже непремѣнно будутъ считаться такими, если не будутъ очищены положительною статьею закона. Въ нашемъ кодексѣ лишеніе права адвокатуры существуетъ какъ специальный судебный приговоръ противъ злоупотребителей частнаго довѣрія по дѣламъ адвокатства. Было бы желательно, чтобы при точнѣйшемъ опредѣленіи опороченности по суду, какъ препятствія быть адвокатомъ, опорочивающими приговорами были признаны именно эти—съ добавленіемъ, разумѣется, приговоровъ, вообще предающихъ безславію.

Въ двѣнадцатыхъ, не имѣя за себя ни одного положительнаго основанія, проектъ закона не имѣетъ ни одного и отрицательнаго: никакое предполагаемое зло, которое бы устранялось учрежденіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ казеннаго ордена, не оправдываетъ этого монопольнаго учрежденія. Положимъ, что оно вводится какъ антидотъ противъ наводненія адвокатуры людьми—безъ дарованій и безъ отличнаго знанія положительныхъ законовъ и судебныхъ обрядовъ. Но по поводу дарованій мы уже высказались, что замкнутое учрежденіе никогда не будетъ въ состояніи предупредить столько бездарности, сколько оно устранить дарованій, и это вполне истинно относительно всякой замкнутости; а потомъ, при открытомъ судѣ, никакая мѣра не способна представить такого сильнаго антидота противъ бездарности, какой представить собою самая публичность; при ея средствахъ мы можемъ имѣть противоядіе тройной силы: во-первыхъ, соревнованіе адвокатовъ, какъ людей свободной профессіи, и ихъ желаніе возвыситься до извѣстности насчетъ всѣхъ другихъ противниковъ; во-вторыхъ, естественная боязнь публичности при отсутствіи средствъ показать себя и при полной увѣренности—заслужить презрѣніе, и въ-третьихъ, своекорыстіе тяжущихся, которые будутъ стараться выбирать адвокатами тѣхъ, которые имъ кажутся всѣхъ лучше. То, что у насъ дѣлается теперь и что, повидимому, опровергаетъ слова наши, въ сущности не служитъ ни малѣйшимъ возраженіемъ противъ насъ. Теперь у насъ дѣла не ведутся, а обдѣлываются, и обдѣлываются именно на такихъ основаніяхъ,

которыя одни только и приличны настоящему порядку вещей. Хорошіе адвокаты теперь приглашаются рѣдко,—это точно; оттого, между прочимъ, у насъ и нѣтъ почти вовсе адвокатовъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но странно не это, а то, что хорошіе адвокаты приглашаются даже и теперь, хотя и рѣдко. Они и дороги и бесполезны, а плохіе и дешевы и обладаютъ не рѣдко всѣми дорогими качествами. Дѣла обдѣлываются не ими; для этого есть болѣе вѣрныя средства, состоящія изъ личныхъ объясненій имѣющаго дѣло съ рѣшающимъ его; если эти объясненія удовлетворительны, то пусть просьбы тяжущагося будутъ написаны безъ одной искры ума, таланта, или знанія, это нисколько не повредитъ ихъ успѣху; если же въ личныхъ переговорахъ перевѣситъ противная сторона, то тяжущемуся не въ состояніи помочь никакой умъ и никакое знаніе или дарованіе. Станный былъ бы, поѣтому, человѣкъ тяжущійся, еслибы онъ искалъ въ адвокатѣ, при теперешнемъ порядкѣ, чего-нибудь другого, кромѣ разсылнаго для справокъ по дѣлу. Но такъ какъ теперешній порядокъ близокъ къ концу, и такъ какъ люди всегда будутъ поступать такъ, какъ имъ выгодноѣ, то ссылка на то, что у насъ дѣлается теперь, въ отношеніи выбора адвокатовъ, не только не опровергаетъ насъ, а напротивъ, она именно то и доказываетъ, что мы стараемся утвердить. Теперь выгоднѣй всего имѣть плохихъ адвокатовъ; это сокращаетъ судебныя издержки: тяжущіеся такъ и выбираютъ плохихъ. При будущемъ судоустройствѣ несравненно выгодноѣ будетъ имѣть адвокатовъ хорошихъ; это лучшее обезпеченіе успѣха: тяжущіеся такъ и будутъ выбирать самыхъ лучшихъ. Это вѣрнѣй всего другого можетъ ручаться, что арена адвокатуры не будетъ наводнена бездарностію, если только она не будетъ заперта для дарованій—навѣрнѣно. Что же касается до отличнаго знанія положительныхъ законовъ и судебныхъ обрядовъ, то въ Россіи это даже не возраженіе. Это могло бы имѣть силу, и притомъ громадную, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ дѣйствительно нужно знать, — и знать еще отлично,—цѣлую бездну обрядовъ, да лѣтъ за тысячу—обычаевъ, да сотъ за шесть лѣтъ—парламентскихъ указовъ, устрашающихъ самую мысль о приведеніи ихъ въ кодексъ, да на все это—гору комментаріевъ. Наше будущее судоустройство отличается поразительной простотой; соединенные съ нимъ обряды, какъ по ихъ новизнѣ, такъ и по легкости или трудности усвоенія ихъ, будутъ почти одинаковы для всѣхъ, отъ пер-

вѣйшаго юриста до послѣдняго разсмыслнаго по дѣламъ. Наши гражданскіе и уголовныя законы, переплетенные въ кодексы, съ ихъ раздѣленіемъ на книги, отдѣлы, главы и статьи, могутъ быть достаточно усвоены въ продолженіе одного мѣсяца; въ полгода они могутъ быть затвержены наизусть со всею относящеюся до нихъ литературою. Этого мало. Наши гражданскіе и уголовныя законы, вслѣдствіе судебной реформы, должны подвергнуться значительному измѣненію. Въ томъ измѣненномъ видѣ, въ которомъ они явятся, ихъ теперь не знаетъ никто, — одинаковымъ образомъ. Когда они явятся, ихъ могутъ тогда узнать всѣ, — одинаковымъ образомъ. Шансы для ихъ изученія — всѣмъ равны.

— Намъ скажутъ, что нужно знать еще многое. — Мы уже на это отвѣчали: почему предполагается, что это многое доступно знанію только людей съ примѣтами, описанными въ проектѣ закона? Пути знанія, повторяемъ мы, неисповѣдны. Кромѣ этого, по тому самому, что нужно знать еще многое, помимо спеціальнаго знанія законовъ, адвокатами и не должны быть *исключительно* люди спеціальной судебной опытности, спеціального односторонняго образованія и такого же направленія ума. Хорошій юристъ можетъ не понимать самыхъ первыхъ основаній торговли шерстью или шетиной — ни теоретически, ни практически; онъ можетъ ничего не разобрать въ торговой счетоводной книгѣ, заключающей, между прочимъ, всѣ доказательства въ пользу той или другой стороны. Онъ можетъ не понимать многого множества другихъ вещей, самыхъ обыкновенныхъ для другого человѣка. Но мы можемъ отвѣчать еще вотъ что: проектъ закона, чтобы оставаться вѣрнымъ духу этого возраженія, долженъ запретить и самому тяжущемуся являться въ судъ и объясняться тамъ самолично. Если онъ не можетъ замѣнить себя человѣкомъ, которому онъ вѣритъ, какъ самому себѣ, и который знаетъ его дѣла лучше его самого, потому что расиорядается ими почти съ безусловнымъ довѣріемъ съ его стороны, и если всѣ возраженія, по которымъ онъ не можетъ замѣнить себя на судѣ такимъ человѣкомъ, не относятся къ присяжному повѣренному, который для него совершенно лишній, имѣютъ какую нибудь дѣйствительную силу то онъ долженъ быть лишонъ права являться въ судъ и самолично; проектъ закона можетъ запретить ему даже знать и опредѣлять — есть у него судебное дѣло или нѣтъ, предоставивъ это повѣ-

решимъ присяжнымъ, потому что для опредѣленія одного этого пункта нужно знать много другихъ вещей.

Намъ могутъ возразить наконецъ: «Учрежденіе обязательныхъ повѣренныхъ, если оно останется *навсегда*, есть дѣйствительно зло, во многихъ отношеніяхъ; но, по крайней мѣрѣ, *на первое время* судебной реформы отъ него ожидается очень большая польза. Если присяжные повѣренные—замкнутый орденъ, то это орденъ благодѣтельныхъ геніевъ; если они являются строгими опекунами тяжущихся, то это для нихъ же собственной пользы. При нашей общей непривычкѣ къ законности, при вѣроятности того факта, что наши судьи,—пока они не поймутъ вполнѣ своего прекраснаго положенія, — на первый разъ, вмѣсто того, чтобы въ слѣдствіе своей *безсмѣнности* почтеть себя окончательно и рѣшительно *обязанными* къ правосудію, скорѣе почтутъ себя *свободными* на всякую неправду, — при такомъ положеніи дѣла такіе люди, какъ присяжные повѣренные, могутъ служить единственными регуляторами новаго судебного механизма. Ихъ назначеніе въ томъ, чтобы быть стражами судейской совѣсти.»

Но мы можемъ, въ отвѣтъ на это, спросить: кто же будетъ стражемъ ихъ собственной совѣсти? Имъ дается деспотическое мнѣніе на самыя неприкосновенныя интересы частныхъ лицъ, и это дѣлается въ томъ предположеніи, что ихъ совѣсть будетъ неупоклонна. А развѣ есть какія-нибудь безусловныя доказательства, что она будетъ именно такова? Корпорация присяжныхъ повѣренныхъ, если она будетъ устроена по проекту закона, дѣйствительно имѣетъ всѣ условія къ тому, чтобы сътыю своего мнѣнія одѣпить всю Россію. Но мы предполагаемъ, что она сдѣлаетъ это для того, чтобы ее эксплуатировать, мы въ правѣ видѣть въ этой корпорацин новую откупную систему вмѣсто той, которая уничтожается; вмѣсто того, чтобы быть стражемъ судейской совѣсти, она можетъ сдѣлаться ея сообщницей. Мы въ правѣ полагать даже, что люди, которые имѣютъ право на монополию адвокатства, устроеннаго по проекту закона, и теперь уже не дремлютъ и дѣлаютъ все — для того, чтобы она состоялась. Если эти люди завладѣютъ еще, какъ и слѣдуетъ ожидать, и юридическими журналами, то мы были бы слишкомъ большіе оптимисты, еслибы стали ожидать большаго добра отъ сліянія двухъ такихъ монополій въ одной такой корпорацин.

Въ тринадцатыхъ... Но если нашимъ доказательствамъ суж-

дено имѣть какую-нибудь силу, то довольно и этихъ, которые уже приведены. Намъ остается только указать на то, какъ мало высказанныя нами мысли принимались въ соображеніе при составленіи проекта закона. Въ 5-мъ пунктѣ «мнѣнія» государственнаго совѣта, отъ 29 сентября, по этому предмету сказано: *Какъ государственнѣй совѣтъ призналъ необходимымъ учредить присяжныхъ повѣренныхъ прежде введенія въ дѣйствіе уставовъ судопроизводства, то означенной комисіи (особой, по составленію проектовъ реформы) поручить немедленно заняться обработкою полнаго проекта о силѣ повѣренныхъ и проектъ этотъ, по разсмотрѣніи оного главноуправляющимъ вторымъ отдѣленіемъ и министромъ юстиціи, внести, чрезъ государственнаго секретаря, на разсмотрѣніе соединенныхъ департаментовъ.*

Мы будемъ ждать съ надеждою, что соединенные департаменты государственнаго совѣта оцѣнятъ всѣ стороны замкнутаго учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ, какъ хорошія, такъ и дурныя. Если тутъ можетъ значить что-нибудь мнѣніе частнаго человѣка, то мы позволяемъ себѣ формулировать его такимъ образомъ: 1) присяжные повѣренные при судахъ совершенно необходимы, во многихъ отношеніяхъ; 2) они должны быть людьми, выполняющими извѣстныя условія образованія и поведенія; 3) ихъ услуги ни въ какомъ случаѣ не должны быть обязательными и неизбѣжными; 4) людьми не способными къ вольной адвокатурѣ могутъ быть признаваемы только лица, обезславленные судебными приговорами.

Но все это требуетъ не особаго устава, а только пяти-шести статей въ уставѣ.

ЗАРНИТЬ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Преобразованіе военно-учебныхъ заведеній.—Приказъ главнаго начальника ихъ.—Главныя основанія реформы.—Найдется-ли достаточное количество воспитанниковъ для юнкерскихъ школъ.—Нужно ли приготовленіе къ военной дисциплинѣ съ ранняго возраста.—Литература о корпусахъ.—Распредѣленіе кадетскаго дня.—Стройни къ чаю, обѣду и проч.—Пригонки.—Сколько часовъ остается для учебныхъ занятій.—Причины недостатковъ дисциплины между офицерами.—Недостатокъ специальныхъ занятій офицеровъ.—Вліяніе корпуса на умственное образованіе.—Переходныя мѣры.—Множество приготовляющихся реформъ.—Толки о судебной реформѣ.—Обозрѣніе ея хода.—Скоро-ли можно ожидать окончательныхъ проектовъ?—Размноженіе газетъ и танцклассовъ.—Споръ г. Павлова и гг. Каткова и Леонтьева о независимости газетъ.

Главная новостъ прошедшаго мѣсяца и новостъ огромной важности,—это приказъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, Великаго Кнзя Михаила Николаевича, объ учрежденіи комитета о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній.

«Со времени вступленія моего,—говорится въ приказѣ,—въ управленіе военно-учебными заведеніями и по мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ успѣхами какъ воспитательной и учебной части, такъ и спеціально военнаго образованія въ этихъ заведеніяхъ, я усматривалъ необходимость нѣкоторыхъ важныхъ переиъ въ ихъ устройствѣ.

«Подтвержденіе указанной выше мысли встрѣтилъ я и во мнѣніяхъ, которыя, по этому вопросу, доставлены были, по моему предложенію, нѣкоторыми лицами высшаго государственнаго управленія, равно какъ и многими служащими по военно-учебнымъ заведеніямъ».

Общественное мнѣніе, съ своей стороны, точно также подтверждало необходимость преобразования военноучебныхъ заведеній. Родители и опекуны уже нѣсколько лѣтъ стали заботиться, чтобы ихъ дѣти получили болѣе прочное развитіе, чѣмъ то, которое обыкновенно давалъ корпусъ. Лучшіе воспитанники корпусовъ часто оставляли ихъ даже въ специальныхъ классахъ, за годъ, за два до выпуска, и переходили въ университетъ, въ техническія школы. Въ печати нельзя указать ни одного одобрительнаго отзыва о прежнемъ устройствѣ военно-учебныхъ заведеній. Но здѣсь замѣлительно еще такое обстоятельство, что самыя рѣшительныя приговоры надъ нашими военными училищами слышались отъ самихъ воспитателей этихъ училищъ и даже отъ самихъ главныхъ начальниковъ, напр. бывшихъ директоровъ корпусовъ. Именно съ этой-то стороны и предлагались самыя коренныя мѣры преобразования.

Еще недавно, лѣтъ пять тому назадъ, нѣкоторыя чисто-спеціальныя училища, напр. институты инженеровъ горныхъ и путей сообщенія, строительное училище, были устроены совершенно по образцу чисто военно-учебныхъ заведеній. Они отличались отъ корпусовъ единственно программами проходимыхъ въ нихъ наукъ. Всѣ эти спеціальныя заведенія теперь уже преобразованы, и всматриваясь въ черты сдѣланныхъ преобразованій, легко замѣтить, что они заключались далеко не въ одномъ только устраненіи крайняго развитія военной стороны ихъ устройства, столь мало необходимой для специалистовъ инженеровъ, архитекторовъ... Если бы устройство военно-учебныхъ заведеній было удовлетворительно, то въ специальныхъ училищахъ должно бы оказываться достаточно и исключить чисто военный элементъ, а не принимать мѣры къ коренной перестройкѣ. Однакожь оказалось совершенно противное, — съ каждымъ днемъ уяснялась необходимость кореннаго преобразования. Морской корпусъ, въ которомъ многія стороны военнаго образованія необходимы, также потерпѣлъ полную перестройку, радикальное измѣненіе. Это даетъ право сказать, что недостатки военно-учебныхъ заведеній въ тѣхъ училищахъ, которыя переходили на нихъ по своему устройству, уже давно обнаружилась на опытѣ и что само правительство уже заявилъ ихъ косвеннымъ образомъ.

Съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ выписываемъ мы слѣдую-

щее мѣсто приказа, дающее надежду, что военно-учебныя заведенія въ преобразованіи ихъ теперешняго устройства далеко оставлять за собой реформы даже многихъ, чюто специальныхъ школъ.

«Сводными указанія всѣхъ мнѣній приводятъ, въ главныхъ чертахъ, къ тому заключенію, что въ военно-учебныхъ заведеніяхъ существенно полезно было бы:

1) Сдѣлать значительныя упрощенія въ учебномъ курсѣ воспитанниковъ;

2) Отдѣлить общіе классы отъ специальныхъ и устройство этихъ послѣднихъ преобразовать такимъ образомъ, чтобы молодые люди, приготавливающие къ военному поприщу, были точно поставлены въ условія военнаго воспитанія и дѣйствительной военной службы;

3) Общіе классы устроить на иныхъ началахъ, и

4) Изыскать способы къ уменьшенію расходовъ по военно-учебнымъ заведеніямъ вообще и сбереженія, могущія вслѣдствіе этого открыться, обратить на восполненіе средствъ военнаго министерства и министерства народнаго просвѣщенія.

«Обсужденіе тѣхъ измѣненій, которыя необходимо было произвести собственно въ учебномъ курсѣ военно-учебныхъ заведеній, приведено уже, по большей части учебныхъ предметовъ, къ окончанію, и признанныя полезными перемены, удостоившіяся Высочайшаго одобренія, приняты къ исполненію съ текущаго 1862—1863 г.

«Находя за тѣмъ своевременнымъ приступитъ къ дальнѣйшему обсужденію вопроса о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній, я имѣлъ счастье всеподданнѣе испросить соизволенія Его Императорскаго Величества учредить съ этою цѣлю, подъ моимъ предсѣдательствомъ, особый комитетъ, въ составѣ котораго находились бы и члены по назначенію военнаго министра и министра народнаго просвѣщенія».

Упрощеніе курса, новый пересмотръ программъ, какъ видно изъ самаго приказа, будетъ занимать незначительное мѣсто въ задуманномъ преобразованіи. По многимъ предметамъ пересмотръ программъ уже конченъ и введенъ въ дѣйствіе, но это не помѣшало тотчасъ послѣ принятія и опубликованія новыхъ программъ приступитъ къ образованію особаго комитета для обсужденія необходимой реформы. Цѣль и смыслъ преобразованія будутъ заключаться въ трехъ послѣднихъ основаніяхъ, ука-

занныхъ въ приказѣ 12 октября, т. е. въ отдѣленіи общихъ классовъ отъ спеціальныхъ и въ устройствѣ первыхъ на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ послѣдніе. Спеціальные же классы будутъ преобразованы такъ, чтобъ *молодые люди*, готовящіеся въ военную службу, были точнѣе поставлены въ условія военного воспитанія и дѣйствительной военной службы. Указанія приказа сдѣланы въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что развитіе перваго основанія, т. е. отдѣленія общихъ классовъ съ устройствомъ ихъ на иныхъ основаніяхъ, могло бы привести къ передачѣ этихъ общихъ классовъ министерству народнаго просвѣщенія, которое, устроивъ на сумму, выходящую теперь на содержаніе этихъ классовъ, нѣсколько университетовъ, или же соответствующее число гимназій и прогимназій, будетъ давать образованіе тѣмъ молодымъ людямъ, которые впоследствии поступать въ спеціальныя военныя школы. Развитіе основаній, указанныхъ для спеціальныхъ классовъ, можетъ повести къ образованію юнкерскихъ школъ, гдѣ молодые люди, уже получившіе первоначальное воспитаніе, пріобрѣтали бы военныя свѣдѣнія и направленіе.

При такомъ разрѣшеніи вопроса достигалась бы выгода, что въ военную службу шли бы люди, имѣющіе къ ней призваніе или влеченіе. Это было бы не только выгодно для достоинства будущихъ офицеровъ, но избавило бы казну отъ значительной доли издержекъ, которыя уходятъ на воспитанниковъ, либо все не кончающихъ курса въ корпусѣ или кончающихъ, но въ низшихъ классахъ, т. е. не достигая цѣли заведенія. Теперь очень часто дѣти 7—8 лѣтъ предназначаются на военную службу и не рѣдко, сидя въ одномъ и томъ же классѣ нѣсколько лѣтъ, кое-какъ добираются до спеціальныхъ, откуда либо выходятъ за неспособностью къ военной службѣ, или выпускаются, почти ничего не унося изъ заведенія, въ гарнизонъ. Почти въ каждомъ классѣ можно встрѣтить кадета, либо мечтающаго только о живописи, либо объ ученыхъ занятіяхъ, либо любителя какого-либо ремесла. Для общества или для самихъ этихъ лицъ было бы выгоднѣе, еслибы они прямо избрали поприще живописи, ученыхъ занятій или промышленности. Между тѣмъ теперь казна должна тратить деньги на безуспѣшное приготовленіе этихъ, неспособныхъ къ военной службѣ, молодыхъ людей, и издержки на каждаго выпущеннаго на службу воспитанника доходятъ до 9800 руб. сер.

Въ прежнее время имѣло значительную силу обыкновеніе счи-

татъ военный мундиръ способнымъ для занятія всякаго рода должностей. Это давало возможность многимъ воспитанникамъ корпусовъ, не расположеннымъ къ военной службѣ, избирать и часто блистательно избирать другія поприща. Нынѣ все специализируется и переходъ съ военной службы на иныя занятія ставится труднѣе. Это опять говоритъ въ пользу юнкерскихъ школъ, куда будутъ поступать молодые люди, чувствующіе призваніе или расположеніе къ военной карьерѣ.

Намъ достовѣрно неизвѣстно то число офицеровъ, которое необходимо для ежегоднаго укомплектованія войска. Говорятъ, что его можно считать около 1500, а въ будущемъ даже менѣе, вслѣдствіе замѣны многихъ военныхъ командъ вольнонаемными служителями. Съ передачею общихъ классовъ министерству народнаго просвѣщенія можно, бы устроить юнкерскія школы съ 3 т. учащихся, съ двухъ годовымъ курсомъ, такъ, чтобы каждый годъ выпускалось 1500 офицеровъ.

Многіе, соглашаясь съ такимъ предположеніемъ, опасаются, что, можетъ быть, не найдется достаточнаго числа желающихъ для поступленія въ юнкерскія школы и затѣмъ въ арміи можетъ почувствоваться недостатокъ въ офицерахъ. Говорятъ, будто необходимо обезпечить себя вѣрнѣе, и имѣть достаточное число кандидатовъ въ юномъ возрастѣ. Въ возрастѣ же, необходимомъ для поступленія въ юнкерскую школу, многіе уже могутъ найти себѣ занятіе и работу.

На это прежде всего можно отвѣчать числами. До сихъ поръ корпуса доставляли только около трети числа офицеровъ, необходимаго для ежегоднаго укомплектованія. Большею частію войско пополнялось офицерами, вовсе не приготовленными для военной службы въ раннемъ возрастѣ и избиравшими военную службу совсѣмъ не по тѣмъ причинамъ, которыя способствовали поступленію въ корпуса. Наконецъ, лучше имѣть нѣсколько меньшее число офицеровъ, но за то служащихъ по призванію.

Во-вторыхъ, число желающихъ поступить въ военную службу должно увеличиться съ сокращеніемъ теперешняго огромнаго числа чиновниковъ.

Въ-третьихъ, въ юнкерскія школы пойдутъ тѣ лица, которымъ поздно поступать въ корпусъ и тяжело добывать эполеты полковою службой.

Въ-четвертыхъ, можно позволить лицамъ разныхъ званій, во лучившимъ хорошее образованіе, поступать въ военныя школы, а такихъ лицъ найдется довольно. Теперь дорога въ офицеры для нихъ слишкомъ трудна.

Наконецъ, существуетъ множество мѣръ для привлеченія въ офицерскую службу.

Правда, русскій народъ не воинствененъ, но прошедшая исторія нашего отечества уже достаточно привлекла дворянство къ военной карьерѣ.

Намъ удавалось слышать еще одно мнѣніе противъ преобразованія теперешнихъ военно-учебныхъ заведеній. Говорятъ, что къ военной дисциплинѣ нужно приучать съ самаго ранняго возраста. Но тысячи тысячъ нашихъ солдатъ доказали противное. На это возражаютъ, что они не были развитые люди.

Здѣсь мы попросимъ позволенія нѣсколько распространиться. Помѣщеніе въ военный строй съ самаго ранняго возраста едва-ли полезно для развитія сознательной, военной дисциплины.

Быть нашихъ корпусовъ до сихъ поръ не былъ описанъ и не былъ обсужденъ въ литературѣ. Правда, у насъ появлялись цѣлые романы изъ кадетской жизни, какъ напр. «Трое» г. Волгонскаго, «Свое и Наносное» г. Федорова и пр., но всѣ описанія этихъ романовъ почти столько же относятся къ корпусу, сколько къ любому закрытому учебному заведенію, и даже столько же, какъ гимназіямъ, пансіонамъ и проч. Тутъ передаются вамъ, то ощущенія экзаменовъ, то психологическіе процессы юности, но эти ощущенія, и эти процессы вовсе не составляютъ характерической черты именно корпуснаго быта. — Въ гимназій, въ пансіонѣ экзамены производятъ же волненія, продѣлки и т. п. Тоже самое можно сказать и относительно описаній ученической товарищеской жизни, шалостей надъ учителями и т. д. Оттѣнки, получаемые всѣмъ этимъ именно въ корпусѣ, до сихъ поръ еще не удавалось уловить, а тѣмъ болѣе передать общій характеръ корпусной жизни.

Общій характеръ корпуснаго воспитанія между тѣмъ рѣзко отличался отъ строя другихъ учебныхъ заведеній. Достаточно представить простое распределеніе дневныхъ занятій кадетъ, чтобы дать понятіе объ этой разницѣ. Посмотримъ, напримеръ, какъ проводили день воспитанники корпусовъ, гдѣ классы бывали утренніе и вечерніе.

Вставъ по барабану за $\frac{1}{4}$ до 7 часовъ, кадеты, разбуженные

кромя того дежурнымъ унтеръ-офицеромъ, щадившемъ впрочемъ старшіе классы, т. е. своихъ товарищей, бѣгутъ въ умывальную. Надо торопиться занять мѣсто, иначе пришлось бы ждать очереди у крана, уже занятаго иногда двумя-тремя кадетами. Кромѣ того, младшіе классы не смѣютъ просить у кадета старшаго класса: «пусти послѣ тебя», хотя сами считали за честь уступить мѣсто старшему. Изъ трехъ четвертей часа до чая или обитна оставалось немного, или почти ничего. Передъ чаемъ происходила еще слѣдующая церемонія. Каждое отдѣленіе роты должно было построиться въ шеренгу, — раздавался крикъ: «стройся по отдѣленіямъ.» Унтеръ-офицеръ (воспитанникъ изъ старшихъ классовъ), завѣдующій отдѣленіемъ, обходилъ свою шеренгу, внимательно осматривая, пришиты-ли всѣ пуговицы на старой курткѣ, надѣвавшейся утромъ, вѣтъ-ли патентъ, не разорваны-ли швы... «На лѣво-кругомъ», командовалъ унтеръ-офицеръ, и осматривалъ затѣмъ затылки и спины. Потомъ командовалось опять на лѣво-кругомъ, отдѣленіе строилось по два въ рядъ и велось унтеръ-офицеромъ въ общую сборную. Оказавшіеся же съ слабо держащеюся пуговицей, съ подпоровшимся швомъ, когда помилованные, когда наказанные, бѣжали къ портнымъ, которые каждое утро являлись изъ швальни съ иглами, нитками, крючками, пуговицами...

— Я послѣ тебя. За тобой никто не стоитъ? спрашивалъ прибѣжавшій у začínяемаго портнымъ.

— Развѣ ты не видишь?—всѣ пять. Вѣдь тутъ же стоять."

— А я думалъ, что это ушли изъ строя.

Между тѣмъ всѣ отдѣленія строились въ большой сборной спальнѣ въ двѣ шеренги. Выходилъ фельдфебель, командовалъ: «Становись! — ровняйся! — смирно!» — осматривалъ первую шеренгу съ лица, высылалъ и наказывалъ неисправныхъ, переходилъ ко второй и первая оборачивалась въ это время на лѣво-кругомъ, лицомъ къ обходящему. Пройдя вторую шеренгу, фельдфебель оборачивалъ ее и осматривалъ съ тылу, переходилъ къ первой шеренги и осматривалъ ее съ тылу.

Затѣмъ фельдфебель шелъ и докладывалъ приходшему къ чаю ротному командиру, что все готово. Опять команда: «Становись, — ровняйся, — смирно!»

Ротный командиръ обходилъ обѣ шеренги точно также, осматривалъ съ фасу и съ тылу, слалъ «зашиваться» и наказывалъ виновныхъ.

«Къ молитвѣ», командовалъ дежурный офицеръ. Два-три воспитанника сами взяли на себя обязанность читать молитву. — Въ другихъ корпусахъ молитва пѣлась хоромъ.

— «Вольно», командовалъ офицеръ, и обѣ шеренги усаживались на табуреты у скамеекъ. Вотъ въ одномъ мѣстѣ сошлось двое или трое, пошелъ разговоръ; кто-то изъ нихъ присѣлъ на кровать...

Потомъ раздаются крики, то унтеръ-офицера, то фельдфебеля, то дежурнаго офицера, то ротнаго командира:

— Такой-то долой съ кровати... Будете безъ чаю... Господа, не расходиться.

Раздается призывный барабанъ къ чаю. Дежурный офицеръ командуетъ: «Смирно-о, на пра-во!—шагомъ маршь!»

Рота идетъ къ чаю. Въ коридорѣ передъ столовой ее останавливаетъ грудь ротнаго командира: «Стой! доходите задніе ряды! Что рассыпались на лѣстницѣ.»—«Дошли,—маршь!»

Въ столовой слѣдуетъ размѣщеніе по столамъ. Фельдфебель повѣряетъ роту, отбираетъ у наказанныхъ, у того булку, у другого и чай. «Готово», говоритъ обошедшій фельдфебель. Наконецъ всѣ роты готовы, старшій изъ присутствовавшихъ офицеровъ махнулъ каской или фуражкой, барабанъ ударилъ палками,—сѣли. Ротный командиръ обходитъ свою жадно пьющую чай, кушающую булку, роту. «Вамъ надо подстричься», говоритъ одному. «Придите послѣ въ спальню галстуки пригонять, и вы также, и вы,—все второе отдѣленіе», говоритъ онъ другимъ.

Изъ столовой выходятъ строемъ, по парно, но дойдя до класснаго коридора, шумно разбѣгаются по классамъ. Уже 8 часовъ, а до мачала перваго урока остается 55 минутъ. Это время можно заниматься уроками,—куда хочешь, туда дѣнь.

Впрочемъ, многіе призваны къ пригонкѣ, то галстуховъ, то куртокъ, то штановъ, то сапоговъ. Къ счастью, бѣлье шили не по мѣркѣ.

Въ утренній подготовительный часъ иные сидятъ за тетрадями, другіе вѣшли прогуляться по классному коридору. Дежурный офицеръ загоняетъ ихъ въ классъ, — они уходятъ и мѣшаютъ тамъ занимающимся. Но вотъ, въ одномъ изъ отдѣленій класса поднялся шумъ, офицеръ бѣжитъ унимать,—вдругъ главный начальникъ, директоръ или помощникъ его, идетъ по коридору. Офицеръ бросается произвести нѣсколько наказаній между

шумящими и бѣжитъ рапортовать начальнику : «все обстоит благополучно». — Начальникъ, въ свою очередь, не милуетъ виновныхъ и назначаетъ дополнительнаго наблюдателя за порядкомъ изъ кадетъ старшихъ классовъ.

За 5 минутъ до десяти раздается звонокъ къ первому уроку. Спустя около $\frac{1}{4}$ часа, является учитель и начинается лекція. Между тѣмъ начальство ходитъ по коридору, и черезъ стеклянныя двери классовъ осматриваетъ слушающихъ лекцію, — многое приходится ему видѣть. Тутъ слытъ кто-нибудь подъ лавкой, тутъ играетъ въ шашки съ сосѣдомъ, укрывъ ихъ въ классномъ ящикѣ, — начальство стучитъ въ стекло, и виновные чуютъ и исправляются. Въ важныхъ случаяхъ помощникъ инспектора входитъ въ классъ и положить наказаніе виновному. Впрочемъ, со старшими классами обходятся деликатнѣе, къ нимъ меньше заглядываютъ.

Черезъ часъ и 25 минутъ послѣ начала лекціи раздается звонокъ и дается 10 минутъ на отдыхъ. Это перемѣна. Кадеты высыпаютъ изъ классовъ вынуть воды, пройти по коридору. нѣсколько человекъ присѣло за записки.

Къ одному изъ нихъ пристають:

— Пойдемъ, не спросятъ.

— Нѣтъ, спросятъ. Всѣхъ ужъ спрашивалъ, а я еще ничего не прочелъ.

— Прочтешь послѣ 12-ти.

— А какъ пригонка?

— Не будетъ. Ну, пойдемъ!

На второй лекціи часто приходило самое главное начальство. Войдетъ въ классы, всѣ встанутъ, — поздравывается съ учителемъ, учениками, — послѣдніе гаркнутъ : здравья желаю, ваше прр—ство, начальство скажетъ два три слова учителю и уйдетъ. Всѣ садутъ и лекція возобновляется.

Въ 12 часовъ, послѣ лекцій, дежурный офицеръ выгоняетъ строниться въ коридоръ, опять раздаются крики : «Становись!» — «Ровняйся!» — «Смирно!» Начальство опять обойдетъ шеренги, поздравываются, — и всѣ опять гаркнутъ : «здравье желаю, ваше прр—ство.»

«Командуйте», говоритъ начальство дежурному офицеру.

Раздается команда; «На лѣ-во! — шагомъ маршъ!» Кадеты идутъ въ спальню, впереди дежурный офицеръ, сзади ротный.

Тамъ они становятся по кроватамъ, т. е. каждый противъ

своей кровати. Ротный командиръ обходитъ спальни, осматривать кадетъ только съ лица, приказываетъ стричься, зашить куртку и пр. Сзади командира несутъ корзину съ булками, сопровождаемую унтеръ-офицеромъ или фельдфебелемъ, дабы двухъ булокъ однимъ взято не было. Каждый ухватываетъ изъ корзины, на всемъ ходу ея, булку, и мигомъ укусываетъ ее. Въ нѣкихъ корпусахъ вмѣсто булки даютъ кусокъ хлѣба.

Послѣ завтрака идутъ назначенія слѣдующихъ 1½ часовъ, кому на ученье, кому на гимнастику, кому учить неумѣющихъ, кому на пригонку платья, касокъ, саноговъ и проч. По всѣмъ спальнямъ строятся маленькіе взводки и унтеръ-офицеры отводятъ ихъ на ученье, въ гимнастическій залъ и пр. «Пѣвчизъ спѣваться», кричитъ регентъ хора. Иногда идутъ на ученье всей ротой.

Хотя воспитанники, кажется, не слишкомъ богаты влѣтѣмъ, но между тѣмъ всякія пригонки случаются безпрестанно и продолжаются часа по полтора, особенно для послѣднихъ по росту, или по алфавиту, чѣмъ опредѣляется очередь. Иной мундиръ воспитанникъ пригоняетъ разъ по пяти и кончитъ тѣмъ, что передаетъ его на пригонку товарищу, и тотъ иногда передаетъ еще одному и пр.

— Ну, сегодня, кажется, ничего не будетъ, успѣю приготовиться къ завтраму, чувствую, что спросить, говорить иной.

Послѣ булокъ, раздается приказъ всѣмъ стрѣчься; ровнять будутъ, т. е. мѣрить ростъ и по немъ назначать мѣсто въ дортуарѣ.

— Вотъ тебѣ разъ, ну, завтра отъ ученья отырошусь, скажу, рука болитъ. Успѣю, оизъ первые вечерніе часы.

Завтра на кроватяхъ лежатъ шинели, и раздается команда: «раздѣваться, докторъ смотрѣть будетъ!»

И дрогнуть буквально въ одной шинели.

Рѣдко, когда отъ 12 до 1¼ часа отпустятъ въ классъ заниматься или ничего не дѣлать. Передъ парадомъ почти никогда: все ученья, репетиціи и пр.

Въ половинѣ втораго воспитанники сходятся со всѣхъ учений и уроковъ въ спальни. Они обязаны остричься, умыться, причесться и переменить старую куртку на новую. Иногда пригнана захватить часть и этого времени.

Къ часу вновь приходятъ портные съ пуговицами, крючками, костяжками. Теперь чинятъ новую куртку. Впрочемъ, . сами

новья, вышедшего дня пригнаны кадетамъ и сложены въ цейгаузъ. Пришли также служители со щетками, и воздѣ идетъ щетка платью.

Въ часъ раздается команда: «стройся по отдѣленіямъ.» Отдѣленія строятся, унтеръ-офицеръ осматриваетъ спереди и приказываетъ: «покажите руки». Шеренга вытягиваетъ впередъ руки, унтеръ-офицеръ осматриваетъ чистоту ихъ и ногти. Слѣдуютъ наказанія. «На лѣво-кругомъ», и осмотрѣ идетъ со стороны каблуковъ.

«Вольно». Кадеты не расходятся, но перестаютъ стоять вытянувшись, разговариваютъ, положить другъ другу руки на плечо...

— Строитесь къ обѣду! командуетъ фельдфебель.

— Смирно! кричитъ отдѣленію унтеръ-офицеръ. Стало смирно. «Въ двѣ шеренги строемъ!»—Стала.—«На лѣво-кругомъ,— маршъ!»

Идутъ въ сборную спальню и тамъ становятся въ шеренги. «Становись!»—«Ровняйся!»—«Смирно!» кричитъ фельдфебель, и обходитъ роту такъ же какъ утромъ, осматривая ее съ обѣихъ сторонъ.

— У васъ это что? спрашиваетъ онъ у какого-то кадета.

— Что?

— Пуговица на бумажкѣ: безъ отпуска!

— Не успѣлъ, отвѣчаетъ виновный и бѣжить зашиваться. Случается, что онъ въ самомъ дѣлѣ не могъ дожидаться очереди у портнаго и рѣшился вставить пуговицу въ петлю, заложивъ въ ушко пуговицы сильно скрученную бумажку, какъ перекладную. Попался, бѣдный!

Вслѣдъ за унтеръ-офицеромъ идутъ солдаты и чистятъ кадетъ щетками.

— «Готово», докладываетъ фельдфебель ротному командиру и тотъ снова обходитъ построенныя шеренги. Солдаты еще усерднѣе принимаются чистить щетками.

Воспитанники чрезвычайно не любятъ этихъ «строевъ передъ чаемъ и предъ обѣдомъ», но въ строю должны быть все, кромѣ самаго старшаго, привилегированнаго класса и кромѣ «зашивающихся». Иные нарочно оторвутъ пуговицу и идутъ «зашиваться» или просто подойдутъ къ портному, отстегнутъ что-нибудь и показываютъ видъ, что ждутъ очереди. Такимъ образомъ нѣкоторые на время спасаютъ свои длинные волосы

или укрываютъ отъ глазъ начальства полученный «шаръ», свистки, шрамъ, и проч.

При этихъ строяхъ или построѣнкахъ ротный командиръ объявляетъ приказаніе, дѣлаетъ внушенія, выговоры. Чуть въ другихъ спальняхъ слышали такую рѣчь, всѣ «удравшіе,» скрывающіеся, зашивающіеся, а равно привилегированные, свидѣемые любопытствомъ, бѣгутъ слушать, заслоня себя дверью или стѣною отъ глазъ командира.

— «Стоять вольно», скажетъ ротный командиръ, и рота разсаживается на табуретки.

— «Смирно-о!» командуетъ черезъ нѣсколько минутъ дежурный офицеръ. — «На прѣ-во! — шагомъ маршъ!»

Строй выходитъ изъ спальни, останавливается въ корридорѣ, подождя къ дверямъ.

Въ 2¹/₂ часа, — барабанъ къ обѣду. «Смирно-о!.. Шагомъ маршъ!» кричитъ дежурный офицеръ и надѣвъ каску ведетъ въ столовую.

Въ корридорѣ передъ столовой на поворотѣ его стоитъ главное начальство. «Стой!» командуютъ дойдя до него. Оставшіе ряды догоняютъ. «Маршъ!» и рота идетъ мимо начальства. Ротный командиръ слѣдуетъ за ней.

Въ столовой опять идетъ размѣщеніе по столамъ. При обѣдѣ обыкновенно присутствуетъ все неучебное, а воспитательное начальство. Бьетъ барабанъ къ молитвѣ, пропоютъ ее всѣмъ хоромъ, опять стукнетъ барабанъ, — садутъ. Начальство обходитъ столы; воспитанники, когда начальникъ идетъ близко, обязаны провожать его глазами... Приказываютъ стричься, обличаютъ несправности въ одеждѣ...

Обѣдъ конченъ, старшему начальнику доложили; онъ махнулъ рукой, — бьетъ барабанъ. — Кадеты приготавливаются; обдергиваютъ себѣ куртки; еще разъ бьетъ барабанъ, — встали и поютъ молитву.

Послѣ нея проходятъ мимо главнаго начальника. Уже три часа. До четырехъ безъ четверти кадеты находятся въ спальнѣ.

Придя въ нее, прежде всего станутъ по кроватямъ. Ротный командиръ обойдетъ и осмотритъ стойку, поправитъ стоящихъ дурно...

Черезъ четверть часа опять команда: становиться по кроватямъ, — директоръ идетъ «или же почетный гость пріѣхалъ». — Подержать у кроватей и распусать: «Расходитесь!» — Это

значитъ либо въ самомъ-дѣлѣ никого нѣтъ, либо была репетиція стоянья по кроватямъ.

За десять минутъ до выхода изъ спаленъ новая команда: Переодѣваться! т. е. вновь надѣваютъ старыя куртки. Въ классы сходять съ нѣскольکو разъ уже упомянутыми нами формально-стани.

Послѣобѣденныя $\frac{1}{4}$ часа трудно считать за время для занятій. Не говоря уже о томъ, что книга сразу послѣ обѣда не всегда идетъ въ руки, кромѣ того много идетъ времени на стойки по кроватямъ, пригонки; а иногда заставляютъ всѣхъ опѣваться хоромъ на молитвы въ столовой и проч.

Съ 4 до 7 идутъ лекція съ переѣною въ 10 минутъ. Въ сени выводятъ изъ классовъ и чистятъ ихъ. Младшіе классы отправляются на $\frac{1}{2}$ часа въ рекреационную залу, гдѣ сдѣланы столы для занятій; старшіе классы возвращаются въ классныя комнаты и могутъ заниматься вплоть до ужина. Впрочемъ два разъ въ недѣлю ихъ оторвутъ отъ книгъ не болѣе какъ на часъ, разъ для танцкласса, разъ на фехтовальный урокъ.

Интересны танцы и па, выдѣлываемыя шеренгами. Окончивъ танцы всѣ, идутъ мимо него, парами, кланяются и за тѣмъ ихъ распускаютъ.

Младшіе классы возвращаются въ $\frac{1}{2}$ 8 для занятій въ классныя комнаты. За тишиною въ этихъ классахъ смотритъ не только дежурный офицеръ, но и дежурный унтеръ-офицеръ.

Въ половинѣ девятаго — барабанъ къ ужину, построение въ корридорѣ и за тѣмъ «смирно, — марш!» въ столовую. Вечеромъ начальство бываетъ рѣже въ ней и ужины всегда шумнѣе.

Около 9-ти часовъ кадетъ приводятъ отъ ужина въ сборную спальню. Тутъ читаютъ молитву и за тѣмъ указы по корпусу и по ротѣ. По окончаніи этого идутъ форменнымъ маршемъ до дверей и здѣсь разбѣгаются. Спящіе же въ той спальнѣ стоятъ нѣсколько во фронтѣ и потомъ имъ скажутъ «разойтись!» Барабанъ бьетъ зорю и черезъ 10 минутъ послѣ роспуска всѣ должны быть въ постеляхъ. Ротный командиръ обходитъ и свидѣтельствуеть это.

Усталые ложатся воспитанники въ кровать. Между тѣмъ во весь день младшіе едва ли имѣли часа 2 на занятіе, а старшіе около $3\frac{1}{2}$. Надо же класть что-нибудь на отдыхъ, на необходимое освѣженіе отъ занятій, на рѣзвость молодого возраста.

Тяжесть вмѣшательства военнаго строя во всѣ самыя нич-

тожныя мелочи и при томъ вмѣстительства. Ни на минуту не оставляющаго кадета, усиливается еще не всегда удовлетворительнымъ составомъ «воспитателей», т. е. дожурникъ офицеровъ, ротныхъ командировъ и проч. Служба корпуснаго офицера достаточно обременительна и потому, несмотря на усиленный окладъ, на нее трудно промѣнять успѣшную военную карьеру. Люди съ нѣкоторымъ состояніемъ тоже избѣгаютъ этой службы. Самый способный и усердный воспитатель, брошенный въ строй корпусной жизни, легко запутывается въ сѣтяхъ непрерывной и мелочной опеки надъ воспитанниками.

Кадетамъ низшихъ классовъ, къ которымъ военная дисциплина прилагалась въ самомъ полномъ объемѣ, трудно было понять смыслъ этихъ безпрестанныхъ, мелочныхъ требованій. Подданному пріучались они считать ихъ стѣсненіемъ, происходящимъ отъ доброй воли ближайшихъ начальниковъ. Надуванье воспитателей не только не считалось чѣмъ-либо дурнымъ, но, напротивъ, шло за удачу, за геройство, приносило почетъ въ средѣ товарищей.

Нынѣшнимъ лѣтомъ въ «Военномъ Сборникѣ» была напечатана статья, въ которой приводилось мнѣніе, будто въ нашихъ войскахъ въ сущности вовсе не существуетъ военной дисциплины. Возражая на это мнѣніе, авторъ статьи признаетъ, что у насъ формальная сторона дисциплины значительно заслоняетъ внутреннюю. Съ виду глубоководительный къ начальникамъ офицеръ имѣетъ какую-то привычку отзываться о нихъ за-глаза иногда въ неприличныхъ выраженіяхъ, * именно привычку, потому что тотъ же офицеръ собственно говоря вовсе не дурно о мнѣніи о начальникѣ. Правительство, какъ извѣстно, сильно работаетъ объ искорененіи этихъ недостатковъ, впрочемъ существующихъ далеко не въ огромномъ объемѣ. Приложеніе военного строя, къ самому малому возрасту кадета, немогущему имѣть о немъ какое-либо ясное понятіе, эта яркая черта корпуснаго быта, — ведетъ къ усиленію и къ поддержанію недостатковъ дисциплины въ войскахъ.

Въ интересѣ этой дисциплины надо желать, чтобы кадеты знакомились съ военнымъ строемъ въ болѣе сознательномъ возрастѣ. Это обстоятельство говоритъ прямо въ пользу юнкерскихъ школъ.

* См. Военный Сборникъ № 8, 1862 г.

Изъ разсказаннаго нами распредѣленія кадетскаго дня видѣтъ чрезвычайный недостатокъ времени для занятій собственно учебныхъ, но еще важнѣе то обстоятельство, что корпусная атмосфера слишкомъ мало возбуждаетъ любознательность, слишкомъ мало развиваетъ расположеніе и привычку къ умственному труду. Приложеніе военнаго строя къ самымъ молодымъ годамъ воспитанника поглощаетъ не одно время, но и все вниманіе кадета. Малѣйшее уклоненіе отъ ничтожныхъ мелочей, напр. неформенный взглядъ въ строю, составляетъ, при теперешнемъ порядкѣ, проступокъ противъ дисциплины. Было очень ошибочно думать, что военный строй легко попятенъ для мальчика; напротивъ, маленькій кадетъ долженъ напричь почти все свое вниманіе, всѣ свои усилія, чтобы не погрѣшить противъ какой-либо мелочи дисциплины, а въ ней всякая мелочь важна. Это военное положеніе, объявленное надъ душою мальчика, перевѣшиваетъ все остальное корпусной жизни и поцѣмному главнымъ занятіемъ кадета дѣлается забота о томъ, какъ бы уйти отъ наказанія со стороны военныхъ воспитателей и въ то же время украдкой пожить хоть минуту внѣ опеки. Тотъ же взглядъ воспитанникъ переносилъ на учебныя занятія. Кто не знаетъ, что большинство занималось до тѣхъ поръ, пока учитель не спроситъ, а потомъ оставляло предметъ до грозы новой репетиціи. Передъ экзаменами наступала лихорадочная дѣятельность, — цѣлыя ночи не спались напролетъ. Тяжелымъ, усыпляющимъ гнетомъ ложится корпусный строй на душу воспитанника. Нѣкоторыя мѣста «Мертваго Дома» напоминаютъ бывшимъ кадетамъ ихъ корпусную жизнь. Въ такой обстановкѣ ранняго возраста мудрено развитіе любознательности и умственнаго труда.

Та же статья «Военнаго Сборника» свидѣтельствуетъ, что наши офицеры мало занимаются своею специальностію, — даже въ полковыхъ бібліотекахъ военная литература заброшена на послѣдній планъ и нѣкоторыя отдѣльныя части гвардіи вовсе не выписываютъ военныхъ журналовъ. Офицеры предпочитаютъ легкое чтеніе: журналы, романы, газеты... Въ этомъ много виновата корпусная жизнь; она не только даетъ скудные свѣдѣнія, но даже усыпляетъ способность къ умственному труду. Между офицерами, особенно въ послѣднее время, стали часто встрѣчаться господа, одержимые *безмысленнымъ* радикализмомъ, этою новою душевною болѣзнію, еще такъ мало изслѣдованною.

Не вѣрующимъ въ неблагопріятное дѣйствіе корпусной жизни на умственное развитіе воспитанниковъ, мы укажемъ на отзывъ князя Гѣрчакова, засвидѣтельствовавшего, что въ крымскую войну лучшими и распорядительнѣйшими офицерами оказались офицеры, получившіе университетское образованіе, затѣмъ окончившіе курсъ въ гимназіяхъ, и только третье мѣсто могли занять воспитанники корпусовъ.

Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ ограничиться легкимъ обзорѣнїемъ порядка кадетскаго дня и простымъ указаніемъ на нѣкоторые недостатки военно-учебныхъ заведеній...

Комитетъ о преобразованіи корпусовъ дѣятельно приступилъ къ своимъ занятіямъ. Результатъ его первыхъ засѣданій съ точностію еще неизвѣстенъ. Газеты сообщаютъ впрочемъ, что подробное разсмотрѣніе вопроса привело комитетъ къ убѣжденію въ необходимости мѣръ, имѣющихъ переходное значеніе.

Реформы. До насъ доходятъ свѣдѣнія, впрочемъ, очень краткія и неясныя о работахъ множества комиссій, учрежденныхъ для законодательной разработки различныхъ, чрезвычайно важныхъ вопросовъ государственнаго управленія. На дняхъ мы получили наконецъ извѣстія о занятіяхъ комиссіи по пересмотру горнаго устава.

Одинъ изъ машинныхъ заводчиковъ, г. Полетика, извѣстный своимъ участіемъ въ старинномъ диспутѣ г. Перозіо, напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» небольшую замѣтку о предпринятой реформѣ горнаго устава. Онъ указывалъ на то, что занятія комиссіи по этому преобразованію начались еще въ 1852 г., и что съ тѣхъ поръ даже ничего неизвѣстно объ ея работахъ. «Восточная война успѣла вспыхнуть, потрясти міръ и кончиться; создалась единая Італія или почти создалась; поднять и рѣшить крестьянскій вопросъ, распались Соединенные Штаты, Россія получаетъ судъ, какихъ не знала за все свое существованіе,—одинъ только горный уставъ ни съ мѣста, ни шагу впередъ.» Между тѣмъ необходимость преобразованія нашего горнаго дѣла сдѣлалась до того настоятельною, что за недостаткомъ ея наступаетъ кризисъ. Отмѣна обязательнаго труда крѣпостныхъ, на которомъ было построено все хозяйство горныхъ заводовъ, не оставило въ нихъ устройствъ камня на камень. Посессионные заводчики, при новыхъ отношеніяхъ, не знаютъ даже самихъ основъ своего существованія.

Два члена комисіи о реформѣ горнаго устава, гг. А. Антиповъ и М. Михайловъ, впрочемъ, заобѣдающе въ комисіи только съ іюня 1862 года, тотчасъ отвѣчали г. Полетикъ въ «Современномъ Словѣ». Вотъ сущность этого отвѣта. Съ 1852 по 1854 г., комисіи обсуждала вопросъ о ввозѣ иностраннаго желѣза и пришла къ убѣжденію о нуждѣ въ пересмотрѣ горнаго устава. Черезъ три года въ маѣ 1857 г. государственный совѣтъ утвердилъ представленіе министра финансовъ о пересмотрѣ устава. Въ 1858 г. комисіи поручено собраніе свѣдѣній и составленіе предположеній по крестьянскому вопросу на горныхъ заводахъ. Работы комисіи заключаются въ дополнительныхъ правилахъ о людяхъ частныхъ горныхъ заводовъ и особомъ положеніи 8 марта 1861 г., о людяхъ казенныхъ и кабинетскихъ заводовъ. Затѣмъ комисіи составила разныя дополнительныя распоряженія по крестьянскому дѣлу горныхъ заводовъ, проектъ главныхъ основаній для найма рабочихъ и правила о работахъ, дающихъ льготу отъ рекрутства.

Наковецъ въ срединѣ текущаго года комисіи приступила къ своему главному назначенію: къ составленію основаній новаго горнаго законодательства. Большая часть самыхъ запутанныхъ вопросовъ уже разработана, и на дняхъ будетъ окончательно обсуживаться общимъ собраніемъ комисіи. Главныя начала, принятыя комисіей, заключаются въ слѣдующемъ: 1) Предоставленіе горной промышленности полной экономической свободы, безъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ и покровительствъ. 2) Ограниченіе вліянія горной администраціи на частный горный промыселъ однимъ только общимъ надзоромъ за безопасностію рабочихъ при производствѣ горныхъ работъ, собираніемъ горныхъ податей и составленіемъ горностатистическихъ свѣдѣній. 3) Облегченіе и уравненіе частной горной промышленности, въ разиірѣ платимыхъ ею горныхъ податей и 4) уничтоженіе исключительности и монополіи въ горномъ промыслѣ, въ особенности проявляющихся, между прочимъ, въ основаніяхъ посессионнаго права, не соотвѣтствующаго современнымъ потребностямъ и общественнымъ интересамъ.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія,—говорятъ гг. Антиповъ и Михайловъ,—что выработанный проектъ горнаго устава будетъ представленъ на общественное обсужденіе!» Давай-то Богъ!

Въ газетахъ напечатанъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній о представленіи свѣдѣній объ

имѣющихся въ городахъ зданіяхъ для устройства исправительныхъ заведеній и тюремъ. Затребованныя уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ свѣдѣнія еще не представлены. Этотъ циркуляръ мы прочли съ великимъ удовольствіемъ, какъ напоминаніе о приближающемся разрѣшеніи вопроса объ отмініи телесныхъ наказаній.

Многія комисіи о реформахъ нынѣшнимъ лѣтомъ почти не прерывали своихъ засѣданій, и теперь оканчиваютъ порученныя имъ работы, но свѣдѣнія о послѣднихъ очень скудны.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія окончилъ пересмотръ университетскаго устава. Права университетскаго совѣта и число кафедръ значительно увеличены, особенно последнее. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ штатовъ, проектъ новаго устава университетовъ переходитъ теперь на разсмотрѣніе высшихъ инстанцій. За тѣмъ комитетъ приступаетъ къ уставу народныхъ училищъ. Проектъ устава общеобразовательныхъ и народныхъ училищъ былъ разосланъ на разсмотрѣніе многихъ мѣстъ и лицъ; замѣчанія, доставленные отъ этихъ лицъ, отпечатаны въ шести томахъ.

Комиссія для пересмотра устава о книгопечатаніи уже составила его. Говорятъ, что онъ выработанъ будто бы очень практически, собираясь съ условіями нашей общественной жизни.

Гг. Андреевскій и Вороновъ участвуютъ въ комитетѣ по образованію военно-учебныхъ заведеній.

По словамъ «Современной Лѣтописи», въ скоромъ времени ожидается законъ о распространеніи на всѣ сословія, кромѣ духовныхъ лицъ и нижнихъ чиновъ, права давать и принимать векселя. Вѣроятно, землевладѣльцы воспользуются открывающеюся возможностью пользоваться учетомъ въ конторахъ государственнаго банка.

Также близокъ къ окончательному утвержденію новый законъ о патентномъ сборѣ и о правѣ торговли. Онъ облегчитъ торговые обороты и сниметъ съ мѣщанъ тяжесть подушной подати, замѣняя ее отчасти налогомъ на мѣщанъ-работниковъ, отчасти небольшою податью съ городскихъ строній.

Во многихъ городахъ происходитъ обсужденіе проекта городского устройства. Въ Харьковѣ уже составлены основанія новаго порядка, на началахъ совершенной самостоятельности и гласности управленія. Въ газетахъ уже поднимаются частію

запросы по хозяйству янских городов. Такъ, напечатана жадоба на старорусскихъ купцовъ, завлаждающихъ значительною частію поженъ по Ильменю, подаренныхъ Старой Русь Екатериною II. Эти купцы изловчились облачивать всѣ подати городскихми дождями, такъ что торгуютъ безо всякаго налога. Они раздѣлили жонин, — по размѣру капиталовъ:

Комитетъ о духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, подъ предсѣдательствомъ херсонскаго архіепископа Дмитрія, также окончилъ свои труды. Курсъ семинарій, можетъ быть, приблизится къ гимназическому, и право поступления, можетъ быть, будетъ предоставлено лицамъ не изъ одного духовнаго вѣдомства. Такими, по крайней мѣрѣ, надежды «Современной Лѣтописи». Духовныя училища содержатся на свѣчной сборъ, и теперь, разумеется, возникъ вопросъ о пересмотрѣ устройства этого сбора.

Комисіи о паспортахъ и о податяхъ усиливаютъ свои занятія послѣ опредѣленія главныхъ началъ уѣздныхъ и земскихъ учреждений.

Весною нынѣшняго—года всѣмъ газетамъ дозволено печатаніе газетныхъ объявленій, хотя въ Сводѣ Законовъ никогда не запрещалось это печатаніе, а, напротивъ, прямо и безспорно разрешалось. Въ нынѣшнемъ же году нѣсколькимъ частнымъ лицамъ дозволено издавать ежедневныя газеты, и будущій годъ будетъ памятенъ въ исторіи литературы развитіемъ газетнаго дѣла.

Въ одномъ Петербургѣ будутъ выходить въ 1863 году двѣнадцать ежедневныхъ газетъ: 1) *Сѣверная Почта*, изд. мин. внутр. дѣлъ, подъ ред. И. А. Гончарова (утр. газета). 2) *Русскій Инвалидъ*, изд. воен. мин., подъ ред. полк. Романовскаго и проф. А. Бекетова (вечер. газета). 3) *Биржевыя Вѣдомости*, органъ депар. податей и сборовъ, ред.-изд. Трубниковъ. 4) *Полтавскія Вѣдомости*, подъ ред. г. Ротчева, получаютъ фельетонъ, литературныя статьи и пр. 5) *С.-Петербургскія Вѣдомости*, собственность Академіи наукъ, переданныя подъ ред. В. Корша. 6) *Сѣверная Пчела*, ред.-изд. г. Усовъ. 7) *Современное Слово*, ред.-изд. г. Писаревскій. 8) *Народное Богатство*, ред.-изд. г. Балабинъ. 9) *Сынъ Отечества*, ред.-изд. г. Старчевскій. 10) *Голосъ*, ред.-изд. г. Краевскій. 11) *Очерки*, ред.-изд. г. Очкинъ, съ постояннымъ участіемъ г. Антоновича и г. Елѣсева и 12) *Посредникъ*, ред. изд. г. Усовъ.

Москва опять отстала отъ Петербурга: въ ней будутъ только

дѣя ежедневныя газеты: 1) *Московскія Вѣдомости*, собственность Московскаго университета, переданныя г.г. Каткову и Леонтьеву и 2) *Наше Время*, ред.-изд. г. Павловъ.

Видите, какое богатство, какое могущественное развитіе съ одного маху! Кажется, весь Петербургъ въ будущемъ году будетъ сидѣть за чтеніемъ многообразныхъ обсужденій современныхъ вопросовъ. Но не печальтесь, чтобы онъ принялъ слишкомъ серьезную физиономію, — напротивъ, эти занятія нисколько не исключать веселости. Доказательство на лицо: танцклассы растутъ въ Петербургѣ, какъ грибы. И еслибъ вы знали, какое беззаветное веселье на этихъ танцклассахъ. Какъ тамъ пьютъ, ѣдятъ, любезничаютъ, какъ танцуютъ, — являются даже знаменитости вечернихъ танцевъ: г. Фокинъ и пр. А что выдѣлываютъ эти знаменитости? Пройтись шляпой по макушкамъ публики, ничего не значить; полиція не въ силахъ устоять противу обхватывающей ее струи веселья, — она уже давно стала гуманнѣе. Иной полицейскій даже не выдержитъ: «веселитесь, молодые люди, веселитесь, молодости всего больше пристало веселье!»

Люди же солидные получаютъ съ будущаго года возможность дѣльно знакомиться съ ходомъ современныхъ вопросовъ.

Но, впрочемъ, насъ беретъ нѣкоторое раздумье. Откуда всѣ эти газеты возьмутъ достаточное число читателей? Могутъ-ли онѣ долго просуществовать платою подписчиковъ за объявленія? Но имена почтенныхъ издателей ручаются, что матеріальная часть газеты вполне обезпечена, и что ихъ существованіе упрощено. Въ самомъ дѣлѣ, что-жъ тутъ удивительнаго: — существуетъ же у насъ теперь такое множество танцклассовъ, а неужели газеты меньше полезны, чѣмъ эти заведенія?

Размноженіе ежедневныхъ газетъ, кромѣ любопытнаго совпаденія съ развитіемъ танцклассовъ, замѣчательно еще тѣмъ, что газеты, еще имѣющія родиться, уже мечутъ громы и молніи другъ въ друга. Г. Коршъ объяснился съ г. Краевскимъ, г. Громека съ кѣмъ-то таинственно называемымъ: «батюшкою Очерковъ», г. Павловъ съ г. Катковымъ и проч.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Греческія дѣла.—Слухи о здоровьѣ султана.—Римскій вопросъ.—Толки о заговорѣ въ Парижѣ.—Мексиканская экспедиція.—Кризисъ въ Гессенъ-Касселѣ.—Амнистія политическихъ преступниковъ въ Венгріи.—Положеніе дѣлъ въ Пруссіи.—Война въ Америкѣ и выборы.—Убійства въ Японіи.—Инсургенты въ Китаѣ.

Еще недавно газеты извѣщали насъ, что хотя западныя провинціи греческаго королевства возстали противу правительства, но есть надежда на усмиреніе этого возстанія, потому что Аены и вся восточная Греція пребываютъ совершенно спокойными, противъ мятежниковъ высылаются войска и вообще министерствомъ принимаются дѣятельныя мѣры къ успокоенію страны.

Страна однако же не успокоилась. Вся Греція возстала, какъ одинъ человѣкъ, и открыто заявила свою антипатію къ царствующей, или, лучше сказать, царствовавшей династіи. Король Оттонъ съ семействомъ оставилъ Грецію и образовавшееся временное правительство занимается вопросомъ объ образѣ правленія, которое слѣдуетъ дать государству. Изъ различныхъ извѣстій, сообщенныхъ прессой, видно, что большинство желаетъ удержать конституцію; кандидатомъ на королевскій престолъ имѣютъ главнымъ образомъ въ виду англійскаго принца Альберта. Впрочемъ, едва ли послѣдуетъ какой-нибудь результатъ отъ этого избранія. Ни прежніе договоры, ни основныя положенія правительственнаго устройства Греціи не дозволяютъ осуществиться подобному избранію.

Кризисъ въ Греціи совершился мирно, разумѣется мирно на столько, на сколько вообще кризисы такого рода, съ которыми сопряжены рѣшительныя перемѣны въ государственномъ организмиѣ, могутъ совершаться. Во многихъ мѣстахъ произошли безпорядки, но они были вскорѣ подавлены милиціею и войскомъ. Главное затрудненіе оказывается въ отношеніи «днани-совъ»: казна пуста, коммерческія дѣла страдаютъ и всѣ торго-

вые люди находятся на постоянномъ *qui vive!* Распространенныя первоначально иностранными газетами извѣстія объ убійствахъ, пожарахъ, грабежахъ и другихъ ужасахъ, сопровождавшихъ будто бы революцію, оказались ложными. Газеты, по обыкновенію, не могли себѣ представить государственнаго переворота безъ пролитія потоковъ крови и уличныхъ схватокъ.

Перевороту суждено было разыгратъ въ Афинахъ. Часть офицеровъ артиллеріи и другихъ родовъ войскъ раздѣляла общія убѣжденія о необходимости революціи. Положено было воспользоваться отсутствіемъ короля и королевы для начатія дѣйствій. 22 октября, въ 8 часовъ вечера, офицеры и главные заговорщики собрались въ артиллерійскія казармы. Студенты разсѣялись по разнымъ частямъ города. Въ девять, раздались первые выстрѣлы. На площадь передъ дворцомъ были выведены вѣскольکو ротъ пѣхоты и отрядъ жандармовъ. Сначала военный министръ, прибывшій на мѣсто схватки, искуснымъ маневромъ заставилъ артиллерію инсургентовъ удалиться въ казармы, но тогда она двинулась вновь, когда толпы народа стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ и саперы, не слушая команды, присоединились къ народу, министръ понялъ, что дѣло короля проиграно и велѣлъ перестать стрѣлять. Оставшіяся до сихъ поръ вѣрными бывшія на площади роты съ криками «да здравствуетъ революція!» присоединились къ инсургентамъ. Затѣмъ явился президентъ временнаго правительства Буларисъ и прочелъ декретъ о лишеніи баварской династіи правъ на престолъ. Временное правительство составилось изъ Булариса, Квариса и Руфоса.

По распоряженію новаго правительства отрядъ войскъ занялъ дворецъ. Въ присутствіи коменданта дворца, къ дверямъ всѣхъ королевскихъ комнатъ были приложены печати.

Такимъ образомъ революція кончилась въ теченіе нѣсколькихъ часовъ: убито три человека, ранено двадцать. Король получилъ извѣстіе о случившемся отъ французскаго адмирала на корветѣ «Амалия». Прощаясь съ офицерами корвета, и король и королева плакали.

Переворотъ подготавливался медленно. Одно министерство за другимъ выходило въ отставку, не удовлетворенна справедливыми требованіями націи. Если допускались какія либо реформы, то онѣ выполнялись вяло и неохотно; въ сношеніяхъ съ иностранными державами не доставало твердости; правительство вообще славилось апатичнымъ и вялымъ духомъ лишь тамъ дѣятельность, гдѣ шла рѣчь о вѣщихъ-небуду, ретроградныхъ мѣрахъ. Оно шло спущенное и само не знало, какихъ принциповъ держаться. Цельность такъ сказать, министріи ясно смѣлѣдствують о степеніи недовѣрія къ вѣдѣнней и внутренней политикѣ баварской династіи. Вѣрнее державы, убѣжденіи о поддѣненіи принципа невидѣша-

тельства во внутреннія дѣла Греціи, предоставивъ ей самой озаботиться устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Временное собраніе положило вызвать депутатовъ для составленія представительной палаты не только изъ самой Греціи, но и отовсюду, гдѣ живутъ греки, а греческихъ колоній раскинуто по бѣлу свѣту не мало, такъ что у него число депутатовъ будетъ очень велико.

Извѣстія о положеніи англійскаго министерства относительно избранія принца Альфреда самыя разнорѣчающія. Мы уже замѣтили, что если избраніе и состоится, то врядъ ли все-таки принцъ останется королемъ. Въ послѣднее время французская полуофициальная газета «la France» разнесла слухъ, что принцъ принцемъ Альфредомъ греческаго престола есть дѣло рѣшенное и что англійское правительство согласно на посылку депутатовъ отъ Ионическихъ острововъ въ аѳинскій парламентъ съ тѣмъ, чтобы эти острова оставались подъ протекторатомъ Англии. Новый король сохранить свою религію, но принесетъ клятву, что онъ будетъ признавать грековосточную религію—религію государственною. Право наследства, принадлежащее принцу Альфреду на герцогство Саксенъ-Кобургское, перейдетъ къ меньшему его брату, Артуру.

По словамъ другихъ газетъ, положеніе великихъ державъ относительно избранія короля слѣдующее: Англія твердо рѣшилась придерживаться принципа невмѣшательства, заботиться главнымъ образомъ о цѣлости турецкой имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать признавать трактатъ о наследственности греческой короны для баварскаго дома ненарушеннымъ. Франція одобрила политику англійскаго кабинета, но нашла, что оговорка, сдѣланная въ пользу баварской династіи, при настоящихъ обстоятельствахъ, не имѣетъ значенія. Россія сослалась на точную силу трактата, по которому отстраняются отъ кандидатуры царственныя особы, принадлежащія къ династіямъ трехъ великихъ державъ и по которому престолъ Греціи долженъ принадлежать лишь лицу, исповѣдующему православную вѣру. Австрія преимущественно озабочена тѣмъ, чтобы въ греческіе короли не былъ избранъ итальянскій принцъ. Что касается до членовъ баварской династіи, то она оказалась какъ-то равнодушною къ своимъ правамъ на греческій престолъ и только одинъ король Людвигъ взялся отстаивать эти права.

Греческое временное правительство начало было переговоры о признаніи своей законности съ французскими министрами иностранныхъ дѣлъ, но послѣдній отвѣчалъ, что въ этомъ вопросѣ инициатива не должна принадлежать одной Франціи.

Событія, совершившіяся въ Греціи естественно, не могутъ не безпокоить ее добрую соседку, Турцію. Она придвигаетъ войска

свои къ границамъ, а между тѣмъ дѣятельно продолжаетъ проводить въ Черногоріи военную дорогу и строить блокгаузы. Черногорцы самымъ непривѣтливымъ взглядомъ смотрятъ на эти постройки. О здоровьѣ самого султана ходятъ въ публикѣ самыя зловѣщія слухи; но недавно оффиціальная газета объявила, что слухи эти лишены всякаго основанія, а въ «Patrie» говорится, что подобныя слухи чисто выдумка досужаго спекулятора, желавшаго воспользоваться пониженіемъ фондовъ на биржѣ. Тѣмъ не менѣе публика, рѣдко видя падишаха, не совсѣмъ спокойна.

Римскій вопросъ остается все тѣмъ же вѣчнымъ вопросомъ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Друэнъ-де-Люизъ, и кабинетъ Ратацци пересылаются депешами, пишутъ циркуляры и всѣ ожидаютъ, что-то будетъ отъ предстоящихъ собраній палаты.

Въ одной изъ своихъ депешъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Дурандо, изясняетъ, что Франція въ продолженіе четырнадцати лѣтъ ничего не выиграла въ Римѣ и должна была вынести полное убѣжденіе, что съ папскимъ правительствомъ ничего нельзя сдѣлать; рядомъ же съ упрямствомъ этого правительства, правительство итальянское заявило свои примирительныя тенденціи. Энергія, выказанная имъ въ дѣлѣ подавленія противозаконной попытки Гарибальди, даетъ ему право надѣяться, что Франція наконецъ опредѣлительно выскажется относительно справедливыхъ требованій Италіи.

Г. Друэнъ-де-Люизъ упорно отстаиваетъ въ своихъ депешахъ высказанныя уже имъ прежде идеи, осуществленіе которыхъ весьма мало можетъ удовлетворить *справедливымъ* требованіямъ Италіи, и ссылается на интересы Франціи и ея традиціональную политику. Справедливо, замѣчаетъ «Independance Belge», что г. французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, поленизируя съ итальянскимъ кабинетомъ о римскомъ вопросѣ, упускаетъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство: не слѣдовало ли бы спросить самихъ римлянъ о томъ, не желаютъ ли они сами распорядиться своею судьбою?

Засѣданія палаты будутъ, вѣроятно, весьма бурныя. Депутатъ Буонкомпанья, написавшій рѣзкую брошюру противъ политики Ратацци, намѣревается предложить ему не менѣе рѣзкіе запросы и въ самой палатѣ. Вообще по послѣднимъ слухамъ кабинету Ратацци угрожаетъ сильная опасность. Въ случаѣ неблагоприятнаго для министерства вотированія со стороны парламента, Ратацци или придется распустить палату, или самому оставить свой постъ. На первое едва ли онъ рѣшится, и потому въ послѣднее время снова стали поговаривать въ политическихъ салонахъ, что въ министерство вступить Рикасоли.

Осадное положеніе снято въ южныхъ провинціяхъ, но разбой

все еще продолжаютя. Король Викторъ Эммануиль недавно возвратился изъ своего путешествія по верхней Италиі. Его вездѣ встрѣчали съ восторгомъ:

Гарibaldi оставилъ Спецію, гдѣ находился въ послѣднее время. Онъ отправился въ Цизу. Здоровье его, хотя и медленно, но поправляется.

Клерикалы-Монсиньоры отличаются по прежнему. Недавно епископъ въ Велетри изгналъ изъ своей епархіи всѣхъ евреевъ. Эти послѣдніе обратились съ жалобою къ Ротшильду, прося его заступничества у французскаго правительства, которое и на этотъ разъ, какъ видно, узнаеть всю тщету дѣлаемыхъ имъ замѣчаній и представленій папскому правительству. Но если высшее духовенство заявляетъ себя дикими средне-вѣковыми выходками, то низшее поступаетъ совершенно иначе. Нѣсколько тысячъ священниковъ подали папѣ адресъ, въ которомъ умоляютъ его отказаться отъ свѣтской власти для примиренія Италиі съ церковью.

Парижъ въ послѣднее время былъ взволнованъ толками объ открытомъ заговорѣ, имѣвшемъ, между прочимъ, цѣлю покушеніе на жизнь императора. По оффиціальнымъ газетамъ извѣстія эти ложны; однако же произведено нѣсколько арестовъ въ латинскомъ кварталѣ и сент-антуанскомъ предмѣстьи.

Мексиканская экспедиція тянется по прежнему: происходятъ отдѣльныя схватки, но рѣшительнаго сраженія еще не было. Теперь, съ прибытіемъ генерала Форе и новыхъ свѣжихъ силъ, можно ожидать, что дѣло подвинется впередъ.

Новый главнокомандующій издалъ прокламацію, въ которой говорить, что Франція не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны. Прокламація эта произвела наилучшее впечатлѣніе на жителей. Въ настоящее время Форе отправился съ своимъ штабомъ въ Оризабу.

Въ «Монитерѣ» напечатанъ рапортъ военнаго министра Рандона въ подробный отчетъ о ходѣ дѣлъ въ Мексикѣ, начиная съ перваго вступленія войскъ въ Оризабу и кончая прибытіемъ авангарда Форе.

Въ рапортѣ своемъ Рандонъ объяснилъ, что многочисленныя подкрѣпленія, прибывшія въ Мексику, совершенно измѣняютъ характеръ военныхъ операцій и что мексиканскій вопросъ вступаетъ въ новый фазисъ.

«Довѣріе вашего величества, — такъ заканчивается рапортъ, — не было обмануто. Солдаты мексиканской экспедиціи явились твердыми, покорными дисциплинѣ, преданными среди лишеній и мужественными въ бою.»

Въ Германіи умы отъ событій въ Пруссіи отвлечены совершившимся кризисомъ въ Гессенъ-Касселѣ. Дѣло Гессенъ-Кас-

сельской конституціи стало снова вопросомъ. Давши, подъ вліяніемъ Пруссіи, конституцію своей странѣ, курфюрстъ никакъ не хочетъ, чтобы конституція эта существовала на практикѣ. Онъ, очевидно, считаетъ конституцію забавною игрушкою, которою можно вертѣть по произволу. Палаты не могли сладить съ правительствомъ съ самаго открытія сессіи и ни одного вопроса не было обсуждено ими серьезно. Депутаты Эткеръ и Гарнье лишь пожелали предложить запросы правительству относительно бюджета, законовъ объ охотѣ и ссудныхъ учрежденіяхъ, какъ правительственный комиссаръ объявилъ, что положеніе министерства сдѣлалось сомнительнымъ, а потому и запросовъ дѣлать не нужно, ибо отвѣтовъ на нихъ положительныхъ послѣдовать не можетъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ палаты распущены на неопредѣленное время.

Между тѣмъ какъ курфюрстъ гессенъ-кассельскій, увлекаемый преданіями своей политики, вслѣдствіе старается стать въ разрѣзъ съ справедливыми требованіями народа, императоръ австрійскій придерживается примирительныхъ началъ относительно Венгріи. Недавно обнародована полнѣйшая амністія лицамъ, осужденнымъ военными судами за политическія преступленія.

Въ «Дунайской газетѣ» помѣщена статья, приглашающая венгерцевъ высказать опредѣлительно тѣ уступки, которыя они намѣрены сдѣлать правительству. «Въ замѣнъ этихъ уступокъ,—говорится въ статьѣ,—Австрія, съ своей стороны, сдѣлаетъ *всевозможное* для Венгріи».

Тѣмъ не менѣе «Дунайская газета» съ жаромъ защищаетъ февральскую конституцію, а эта-то конституція и составляетъ главный камень преткновенія въ венгерскомъ вопросѣ.

Въ Пруссіи дѣла идутъ по прежнему. Государство управляется безъ палаты; президентъ прусскаго совѣта министровъ, Бисмаркъ, съѣздивъ въ Парижъ повидаться съ г. Друэнъ-де-Люзомъ; къ королю являюся различныя депутаціи.

Депутаціи изъ саксонскаго округа король сказалъ слѣдующее: «Я буду держаться проекта о преобразованіи арміи. Меня во многомъ не понимали и мои слова были часто дурно истолковываемы. Я поклялся сохранять конституцію, переданную мнѣ моимъ братомъ, и я ее буду чтить, въ смыслѣ ноябрьской программы моихъ дѣйствій».

«Но, управляясь конституціоннымъ порядкомъ, слѣдуетъ также заботиться и о благѣ страны. Вотъ обязанность прусскаго монарха. Представители націи должны содѣйствовать правительству, а не парализировать его дѣйствія».

Г. Бисмаркъ, въ своемъ циркулярѣ, разосланномъ къ дипломатическимъ агентамъ Пруссіи при иностранныхъ дворахъ, одоб-

раетъ образъ дѣйствій г. Друэна-де-Люиза въ дѣлѣ Италіи. При этомъ онъ ссылается на депеши, изъ которыхъ видно, что прусскій кабинетъ всегда былъ противъ уничтоженія свѣтской власти папы.

Съ чиновниками, вотиновавшими въ палатѣ съ большинствомъ, прусское министерство поступаетъ безъ особой перемовіи. Нѣкоторыхъ оно подѣ разными предлогами вытѣсняетъ изъ службы, а другихъ переводитъ изъ одного мѣста въ другое. Последнюю штуку хотять сыграть съ почтеннымъ Боккумомъ-Дольсомъ, бывшимъ президентомъ комиссіи о бюджетѣ. Онъ предназначается, въ видахъ пользы службы, къ переводу изъ Кобленца въ Гумбиненъ на край королевства.

Война въ Америкѣ идетъ съ неустанною энергіею. Федералисты придумали новый операціонный планъ. Они хотять овладѣть Ричмондомъ и пробраться къ морскимъ портамъ, находящимся въ рукахъ сепаратистовъ. Города Гальвестонъ въ Техасѣ, Мобиль, Пензакола, Чарльстоунъ будутъ атакованы флотиліею и десантными войсками.

Планъ виѣшательства европейскихъ державъ въ дѣла Америки не удался. Инициатива этого плана принадлежитъ Франціи. Справедливо, замѣчаетъ *Independance*, что перерывъ военныхъ дѣйствій послужилъ бы прямо ко вреду федеральныхъ штатовъ. Сепаратисты, нуждающіеся въ отдыхѣ болѣе сѣверянъ, во время перемирія, собрались бы съ силами и борьба закипѣла бы еще упорнѣе, чѣмъ прежде и сдѣлалась бы еще продолжительнѣе.

Результаты выборовъ клонятся не въ пользу республиканской партіи. Демократы одерживаютъ верхъ. Журналы рассчитываютъ на это событіе, какъ на шагъ къ примиренію, потому что демократы признаютъ возможность совмѣстнаго существованія союза и невольничества; но не нужно забывать, что демократическая партія главнымъ образомъ только недовольна дѣйствіями лицъ, находящихся въ главѣ управленія и нисколько не расположена къ миру, питая глубокое ожесточеніе къ южанамъ.

По случаю появленія американскаго крейсера въ водахъ острова Кубы, испанское правительство отправило пять судовъ въ Гавану, для подкрѣпленія стоящей тамъ эскадры, но, кажется, дѣло уладится миролюбиво. Вашингтонскій кабинетъ изъявилъ согласіе вступить въ переговоры.

Въ свою очередь американцы заявляютъ претензію къ англійскому правительству за то, что оно допустило на ливерпульскихъ докахъ постройку корабля «Алабама», заказаннаго крейсеромъ сепаратистомъ. По поводу этого было большое собраніе нью-іоркскихъ гражданъ въ коммерческой палатѣ, и самыя энергическія рѣчи были изъ устъ ораторовъ противъ коварнаго Альбіона.

Въ Японіи убійства не прекращаются. Недавно одна англійская леди съ тремя молодыми людьми прогуливалась верхомъ. На нихъ напала толпа челоуѣкъ въ триста; одинъ изъ мужчинъ, мистеръ Ричардсонъ, былъ убитъ; остальнымъ съ нимъ бывшимъ лицамъ удалось убѣжать.

Китайскіе инсургенты собрали большой отрядъ близъ города Нангпо и рѣшились употребить всѣ силы, чтобы имъ овладѣть.

ЗАМѢТКИ О РУССКОМЪ ТЕАТРѢ.

I.

Только очень и очень недавно серьезно взглянули на русскій театръ, какъ на нѣчто, требующее большихъ, коренныхъ преобразованій; шагомъ къ этимъ преобразованіямъ мы считаемъ раздвоеніе петербургской русской труппы и назначеніе спектаклей на Марининскомъ театрѣ, изъ котораго, какъ кажется, силится создать что-то похожее на парижскую *Comédie française*. Но при этомъ, обративъ вниманіе на составъ спектаклей въ Марининскомъ театрѣ, обогативъ его такимъ произведеніемъ, какова послѣдняя комедія трудолюбиваго и плодовитаго русскіихъ драматическихъ дѣлъ мастера г-нъ Дяченко, совершенно позабыли о несчастномъ, грязномъ Александринскомъ театрѣ, изъ котораго, замѣтимъ мимоходомъ, также бесплодно силится создать народный театръ. Увеличивъ число спектаклей, какъ кажется, успокоились. Въ Марининскомъ ставить новыя комедіи — это, видите, для избранной публики, а коли ты желаешь быть избранной, такъ и плати дороже, за то и наслажденіе повыше сортомъ. Въ Александринскомъ возобновляютъ Велларія, Угодно, Парашу Сибирячку, Жизнь игрока и тому подобную, отжившую свой вѣкъ, вѣтъны. Ставятъ конное представленіе «Новгородцы въ Ревелѣ», представленіе, въ которомъ актеры отодвигаются на второй планъ, уступая первенство лошадямъ, которыя и занимаютъ главные роли, а второстепенныя выпадаютъ на долю воинственному Григорьеву, голосистому Леонидову. «Новгородцы» дѣлаютъ сборъ, публика рукоплещетъ, актеры получаютъ свою поспектакельную плату и всё, значитъ, довольны. Нечего ставить порядочныхъ

пьесъ на Александринскомъ театрѣ, думаютъ распорядители, народъ у насъ, вѣдь, такой глупый, не развитый — онъ можетъ довольствоваться всякою дрянью.

Итакъ положеніе Александрійскаго театра ухудшилось, она превратилась не въ народный театръ, а въ какое-то грязное, шумное сборище, смѣющееся во время драмы, зѣвующее въ водевилѣ, поминутно чихающее, сморкающееся или неистово рукоплещущее всякой бездарности. Ну, а въ Маринскомъ театрѣ что дѣлается? Играютъ тамъ Островскаго, Грибоедова, Гоголя?

— Нѣтъ. Произведенія Островскаго даются очень рѣдко, да и обставлены они чортъ знаетъ какъ. Возьмемъ для примѣра хоть комедію его: *Во чужомъ нѣру похмѣлье*. Что за обстановка! какими судьбами типичная роль старика Иванова, учителя, роль исполняемая въ Москвѣ г. Шумскимъ, дана одному изъ самыхъ бездарнѣйшихъ актеровъ, г. Веронову (онъ же и режиссеръ), который совершенно губитъ ее. Отчего роль его дочери исполняетъ какая-то г-жа Леонидова, иногда почти въ другія пѣсньки не включающаяся на сценѣ? А роль Захарича, подъячаго, которую прежде недурно игралъ г. Зубровъ, исполняетъ теперь одна изъ многочисленныхъ бездарностей петербургской русской труппы, г. Сапуговъ. Отчего все это? Неужели нельзя было обставить пьесу Островскаго тщательнѣе? Что же касается до другихъ пьесъ Островскаго, то только одна *Гроза* появляется время отъ времени на афишѣ; но и въ той, со смертію безцѣннаго Мартынова, мы уже звука истиннаго не слышимъ. Крики, вопли, кривляканья со стороны всей выполняющей братія. Никогда незнающій ролей г. Григорьевъ, напристрѣ, передѣлываетъ купца Дикаго въ какого-то отставнаго уже теперь офицера, мѣсто которому въ швейцарской, а не на русской сценѣ. Другія пѣсы Островскаго почти не даются, а въ которыхъ и совѣтъ не допущены къ представленію комитетомъ, состоящемъ при театрѣ для просмотра пьесъ. Комитетъ этотъ, цѣль котораго не допускать на сцену хлама — не одобряетъ комедію Островскаго «Женитба Бальзамина», а въ то же время пропускаетъ Жоржа де-Лагарда, драму, выдерживающую только одно представленіе, не смотря на всю относительность, на все благодушіе и невыскаательность нашей всероссійской публики, Комитетъ бракуетъ произведеніе Островскаго, который далъ жизнь театру, обновилъ его, указалъ

вуть другимъ, и тотъ же комитетъ приходитъ въ восторгъ отъ комедій Дьяченко, въ чемъ и самъ сознается. *

Такимъ образомъ комитетъ этотъ, при видимо уже шаткихъ понятіяхъ о драматическомъ искусствѣ, удивляетъ насъ еще и съ другой стороны.

Зачѣмъ онъ существуетъ? Для какой цѣли?

Если дирекція такъ плоха, что не знаетъ толку въ пьесахъ, такъ ее надобно перемѣнить; а если она понимаетъ, такъ зачѣмъ же комитетъ?

Начальникъ репертуара всегда можетъ и даже долженъ призвать къ себѣ на помощь свою труппу: при выборѣ пьесъ можетъ случиться, что пьеса и не весьма капитальнаго достоинства, но въ ней какая нибудь роль пришлось по душѣ и по средствамъ какому-нибудь актеру или актрисѣ, она выбирается, ставится и весьма часто имѣетъ огромный успѣхъ.

Поэтому театры петербургскій и московскій должны каждый у себя отдѣльно производить выборъ.

Мы знаемъ многихъ авторовъ, которые съ большимъ-бы удовольствіемъ поставили свои пьесы, разсчитывая на даровитость московской труппы; и не даютъ ихъ потому только, что онѣ должны попасть также и на терзаніе петербургскихъ бездарностей.

Перейдемъ къ Грибоѣдову. *Горе отъ ума* — дается рѣдко. Нѣтъ сноснаго Фамусова. Г. Григорьевъ, исполняющій эту роль, читаетъ мѣстами недурно, но не играетъ; нѣтъ Чацкаго: г. Нильскій, еще очень молодой человекъ, игралъ въ эту зиму раза три Чацкаго, поработалъ надъ ролью, но вышелъ далеко не Чацкимъ; нѣтъ Молчалина, нѣтъ Софьи Павловны, нѣтъ Скалозуба!!! Вотъ видите, какое плачевное положеніе Грибоѣдовской комедіи на русской сценѣ! Остается Репетиловъ (г. Сосницкій) и Загорѣцкій (г. Каратыгинъ). Они только и играютъ мастерски.

Ревизоръ Гоголя идетъ на нашей сценѣ еще хуже, чѣмъ *Горе отъ ума*. За исключеніемъ ветерана русской сцены, И. И. Сосницкаго (въ роль городничаго), остальные актеры изъ рукъ вонъ плохи. Дѣлается больно за русскую драматическую литературу, жаль за отсутствіе вкуса и вниманія у гг. распорядителей, глядя, какъ всѣ эти гг. Ро-

* См. статью Театрала въ Спб. вѣд. 1862 г. ноябрь.

зенитремы, Руинни, Соновскіе и тому подобныя актеры, являющіеся въ другихъ пьесахъ въ роляхъ лакеевъ, разыгрываютъ въ безсмертномъ твореніи Гоголя: Тяпкиныхъ Ляпкиныхъ, Хлестаковыхъ, Осиповъ, Земляники!!! Въ Женитьбѣ—Подколесни играетъ г. Шемаевъ. Больше мы ничего не скажемъ. Читатель, хоть нѣсколько знакомый съ нашей труппой, хорошо пойметъ, что Шемаевъ также удачно можетъ играть Подколесныхъ, какъ Бурдинъ Гамлета. А отчего не даются пьесы съ несомнѣнными, крупными литературными достоинствами нашихъ лучшихъ писателей? Отчего мы не видимъ ни Ипохондрика Писемскаго, ни Холостяка, Нахлѣбника, Провинціалки, Гдѣ тонко тамъ и рвется, Тургенева? Неужели гг. распорядители, руководящіе вкусомъ публики, думаютъ, что не Первый и не послѣдній Дьячки выше Ипохондрика, выше Холостяка и Нахлѣбника? Отвѣчайте, ради бога отвѣчайте! Объяснитесь, а не то мы подумаемъ, что вы рѣшительно ничего не понимаете. И такъ русская публика въ одномъ театрѣ восхищается Новгородцами въ Ревелѣ, Велизаріемъ и Жизнью игрока, — въ другомъ комедіями Дьячки.

Скажемъ здѣсь и о нашей публикѣ. Масса—всегда останется массой, легко увлекающейся, легко принимающей мишуру за настоящее золото. Ей нужно мишурное удовольствіе — и она спокойна. Она не идетъ далѣе мимолетнаго, скоропреходящаго впечатлѣнія. Громкая тирада на сценѣ, съ жаромъ, хотя бы и неестественнымъ, произнесенная актеромъ приводитъ ее въ восторгъ, она разражается рукоплесканіями. Но проходитъ время, а съ нимъ и впечатлѣніе, и то что она еще недавно хвалила, то, отъ чего она чуть еще не вчера приходила въ восторгъ, кажется ей и натянутымъ, и пустымъ, и пошлымъ. Она сознаетъ свое увлеченіе, сама же улыбается надъ собой и переходитъ къ другому впечатлѣнію, къ другому восторгу, въ которомъ то же со временемъ разочаруется. Публика, какъ масса, живетъ подъ впечатлѣніемъ мишуры: зародился вопросъ о казнокрадствѣ, стала Щедринъ бичевать мелкихъ взяточниковъ, и сцена подняла вопросъ, гр. Соллогубъ поставилъ *Чиновника*, шэсу, фальшивую по идеѣ. Публика пришла въ восторгъ, мѣста въ театрѣ покупали съ бою! Пустая пошлая фраза Надимова: «пора на Руси вырвать взятки съ корнемъ», — возбуждала взрывъ рукоплесканій, публика неистовствовала, а между тѣмъ взятки не вырывались съ корнемъ, зло существовало, а публика уже начинала мечтать, что вотъ сейчасъ послѣ словъ Надимова взяточниче-

ство, это историческое явленіе въ Россіи, исчезнетъ, чиновники станутъ честными... А между тѣмъ многіе изъ смотрѣвшихъ шоу, изъ приходившихъ въ восторгъ отъ нее, и до представленія и послѣ представленія спокойно брали взятки.

Еще полнѣе вдался въ эту тѣму г. Львовъ въ своей комедіи: *Святъ не безъ добрыхъ людей*. Піеса его имѣла громадный успѣхъ, она выдержала тридцать представленій въ короткое время, выдержала бы и еще столько же, если бы вдругъ послѣ тридцатаго представленія не сошла бы со сцены, неизвестно почему, впрочемъ, какъ говорятъ, по причинамъ, совершенно независящимъ отъ дирекціи театровъ.

Явился наконецъ *Идеальный стипендіо*, все того же Львовъ (комедія «Предубѣжденіе»). Вопросъ взяточничества метнулъ въ другую сторону, публика снова стала неистовствовать. Ей показалось страннымъ видѣть честнаго чиновника, она обрадовалась, что хоть на сценѣ видить чиновника, не берущаго взятку. И піеса имѣла успѣхъ.

А спросите теперь, кто станетъ восхищаться Фроловыми, Волковыми и Надимовыми (герои комедій)?

Публика сознала, что мишуру приняла за золото, что она жила подъ вліяніемъ времени, когда языки впервые расправились отъ долгой неподвижности, когда то, что говорилось шепотомъ, стало говорить громко, когда недостатки нашего общества, язвы,—не надо было скрывать, когда, наконецъ, сознали, что, скрывая язвы, онѣ больше и больше гниютъ, что нужно ихъ лечить, а безъ медика не обойдешься. И публика обрадовалась какъ ребенокъ, котораго долго держали на хлѣбѣ и на водѣ, и которому дадутъ наконецъ кусокъ мяса, хотя бы и не совсѣмъ свѣжаго. Все-таки мясо, а не хлѣбъ и вода. Что публика охладѣла къ вопросу о взяткахъ, что она считаетъ этотъ вопросъ будто рѣшеннымъ, думая, что взяточниковъ болѣе нѣтъ на Руси, что гг. Львовъ и Соллогубъ уничтожили этотъ порокъ—это ясно по той холодности, съ какой была принята недавно поставленная на сцену, но, впрочемъ, написанная въ самый разгаръ вопроса о взяткахъ комедія А. Потѣхина: *Мишура*. Пойдемъ далѣе; въ обществѣ сталъ какъ-то глухо раздаваться вопросъ о брактѣ. Г. Авдѣевъ выступилъ съ *Подводнымъ камнемъ*. Сцена тотчасъ же воспользовалась этимъ, и вотъ г. Чернышевъ пишетъ комедію: *Испорченная жизнь*, копія, спивокъ съ Подводнаго камня. Піеса, не смотря на всѣ свои не-

дростатки. опять-таки шибко; громадный успѣхъ. Публика опять приходила въ восторгъ. Наконецъ въ последнее время Тургеневъ напечаталъ свой романъ: *Отцы и дѣти*. Романъ возбудилъ говоръ. Онъ породилъ кличку *нигилистъ*, человекъ отвергающій все. Въ обществѣ появились нигилисты, одни находили въ этомъ словѣ что-то бранное, другіе, напротивъ—хвалебное; сцена и тутъ воспользовалась, и въ самое недавнее время поставила комедію Э. Н. Устрялова: *Слово и дѣло*, въ которой Тургеневскій Базарокъ принялъ образъ Вертаева. Но довольно. Изъ этихъ фактовъ мы можемъ вывести одно: сцена большею частью живетъ остатками отъ литературы, она подогрѣваетъ, приправляетъ вчерашнее кушанье и выдаетъ его за свѣжее, только-что сейчасъ испеченное. Съ другой стороны, публика принимаетъ остатки за свѣжую провизію, и, кушая винигреть изъ всякой дичи, воображаетъ, что она питается фазанами.

II.

Нарѣдко приходится слышать толки о бѣдности нашей драматической литературы. Толки эти стали такъ часто повторяться, что превратились въ набитую фразу. Однако, нельзя не согласиться съ этимъ. Піесъ действительно мало. Сцена наша до сихъ поръ, большею частью, наполнялась переводными драмами, водевилями Павла Федорова, оригинальными безобразными произведениями, въ родѣ «Житейской школы», Петра Григорьева и нарѣдко, какъ рѣдкое дерево среди степей, мелькнетъ какое-нибудь отрадное явленіе. Только въ самое последнее время стали все чаще и чаще являться на сценѣ оригинальныя произведенія, правда, иногда съ большими недостатками, но все-таки лучше многихъ переводныхъ драмъ и пустыхъ водевилей Федорова, чавадующихъ и до сихъ поръ нашу сцену. Увеличеніе числа піесъ можно доказать фактами: возьмемъ репертуаръ прошлаго года. Въ прошлый театралный сезонъ были поставлены слѣдующія большія оригинальныя піесы: *Нахлебникъ*, Тургенева, *Свои собаки грызутся чужая не приставай*, Островскаго, *Одноворецъ*, П. Бобарыкина, *Ребенокъ, его-же*, Испорченная жвань, И. Чернышева, *Забитый, г. Иванова*, *Жертва за жертву*, г. Дьяченки, *Кара Божья, его-же*, *Институтка, его-же*, *Легкая надбавка, г. Цогоскаго*. Итого, выродолженіе одного сезона десяти оригинальныхъ піесъ, роскошь, которой не запомнитъ руская сцена. Это, со стороны количества. О качествахъ некото-

рихъ безъ нихъ умолчимъ. Кира Болжа, Индигутка, Дьяченко, Збитый, Ивановъ, Ребенокъ, Бобарыкина, не имѣли никакого успеха. Однѣ за отсутствіемъ положительно всякихъ достоинствъ, вѣзбидующихъ одними только недостатками, полнымъ отсутствіемъ таланта въ ихъ авторахъ (такъ напр. піеса г. Дьяченки и драмы г. Иванова); другія (Ребенокъ, Бобарыкина) по тѣмъ кому исполненію, которое нетерпимо ни на какой самой плохой провинціальной сценѣ, но тому повѣщанію, педантизму, реди и отсутствію всякаго ансамбля, которыя способны уронить всякую піесу и которыя уронили драму Бобарыкина. Настоящій сезонъ, еще на половинѣ, поставилъ уже три оригинальныя комедіи: *Мишура*, А. Потѣхина, *Не первый и не последний*, Дьяченки и, наконецъ, *Слово и дѣло*, Ѳ. Устрялова. Затѣмъ ставятся: Бояринъ Матвѣевъ, Ободовскаго, Мастерово, Прохорова, Зачастую, Чернышова. Итого, шесть оригинальныхъ піесъ.

Итакъ, оригинальныхъ піесъ стало появляться больше; мы не хотимъ сказать этимъ, что этого достаточно. Мы только сожалѣемъ, что среди всѣхъ этихъ піесъ не являются сценическія произведенія, печатаемыя въ журналахъ, произведенія, которыя могли бы украсить сцену. Такъ, мы не видимъ комедій Островскаго: *Доходное мѣсто* и *Воспитанница*; драмы Писемскаго: *Горькая судьбина*, одну изъ комедій А. Потѣхина и другихъ.

Въ постановкѣ этихъ піесъ мы не винимъ гг. распорядителей, зная, что *дѣло сіе не изъ рукъ*. Піесы эти просто не одобрены театральною ценсурой.

Что за раздѣленіе ценсуры — общей и театральной! Развѣ нужна особая театральная цензура! Развѣ піеса, развѣ пропущенная въ печати, слѣдовательно не заключающая въ себѣ ничего противнаго положеніямъ ценсурнаго устава, не можетъ быть представлена на сценѣ, если только удовлетворяетъ сценическимъ условіямъ! Театральная цензура мѣсто безапелляціонное, сегодня она запрещаетъ піесу, а черезъ нѣсколько времени пропускаетъ ее же (такъ напр. піеса А. Потѣхина — *Мишура*). Итакъ, одна изъ коренныхъ реформъ въ нашемъ театрѣ есть должнѣйшее преобразование ценсуры, подчинивъ представляемыя на сценѣ піесы общей ценсурѣ. Публика съумѣетъ отличить добро отъ зла, безнравственность отъ нравственности, видя пороки на сценѣ она не поддастся имъ. Театръ есть школа, публика учится, исправляется. Мы хорошо помнимъ, какъ одинъ мастеровой, глядя на піесу А. Потѣхина: *Чужое добро въ прахъ*.

лейдетъ (въ ней игралъ покойный Мартыновъ), горько зарыдалъ, когда сынъ подымаетъ топоръ на отца и на другой же день сознался, что и онъ хотѣлъ сдѣлать то же. Раскаяніе подоспѣло во-время, мастеровой, увлеченный товарищемъ, не совершилъ преступленія. Случай этотъ говоритъ самъ за себя и показываетъ, на сколько ошибочно то мнѣніе, будто, представляя на сценѣ житейскую грязь, т. е. жизнь, такъ какъ она есть—можно вовлечь кого-либо въ эту тину.

Послѣ этого какое же значеніе дается театру? Неужели одна забава для празднаго человѣка, дающая возможность подремать и провести нѣсколько часовъ въ ярко освѣщенной залѣ? Если желаете забавы, минутнаго чувственнаго удовольствія, бесполезной траты времени—отправляйтесь въ балетъ, тамъ вы не найдете пищи для ума, за то найдете много пищи для глазъ и чувственности. Не оскверняйте же драматическое искусство, ставя его на одну доску съ балетомъ, конными представленіями и ломаніемъ уличныхъ гаэровъ. Бросьте мысль, что публику надо держать какъ ребенка, говоря ему: ты *ядечка*, вотъ эту картинку я тебѣ дамъ, а этой не покажу. Нехорошее чуть нарисовано. Ребенокъ навѣрно заинтересуется этой картиной съ нехорошо нарисованнымъ и какъ-нибудь да доберется-таки до нее.

III.

Было время, когда петербургская русская труппа находилась въ блистательномъ положеніи, это — время сестеръ Самойловыхъ, Мартынова, Брянскаго, Каратыгина, Сосницкаго, Сосницкой, Гусевой, Самойлова, Максимова 1-го и другихъ. Время это прошло, одни умерли, другіе сошли со сцены, третьи состарѣлись, четвертые замечались о своемъ талантѣ, стали небрежно играть, плохо учить роли. И всѣ эти артисты тогдашняго времени принуждены были губить свои дарованія, играя плохія переводныя пѣсы или оригинальныя, въ родѣ произведеній гг. Кукольника, Полеваго и Ободовскаго. Мартыновъ — смѣшилъ публику въ водевиляхъ, и не было пѣсень, въ которыхъ онъ могъ бы выказать во всемъ блескѣ весь свой громадный, могучій, потрясающій душу талантъ. Только въ послѣднее время, почти передъ смертью, довелось наконецъ попасть на истинную дорогу—не забавлять публику Пикниками въ Токсовѣ, Черными днями на Черной рѣчкѣ, а потрясать силою своего дра-

нтическаго таланта. Холостякъ, Чужое добро въ прокъ нейдеть, Не въ деньгахъ счастье, Инокондрикъ, Отецъ семейства, Гроза и др., вотъ роли, на которыя созданъ былъ нашъ знаменитый артистъ, такъ рано окончившій свое блистательное, воприще.

Тенерь наша труппа въ плачевномъ состояннн: нѣтъ комика, нѣтъ трагика, нѣтъ перваго любовника, нѣтъ артиста de genre, многого и многихъ нѣтъ. Нельзя создавать актеровъ. Таланты родятся. Нельзя сказать: ты будешь первый комикъ и замѣнишь незамѣнимаго Мартынова, потому только, что удачно сыгралъ Подхалюзина, потому что въ тебѣ есть кой-какое дарованіе. Нельзя сказать другому: ты будешь первымъ любовникомъ, потому что молодъ, пріятной наружности; третьему: ты будешь трагикомъ, потому что великъ ростомъ и голосъ у теба громкій! и т. д. и т. д. Такъ формируютъ полки, опредѣляя солдатъ по росту, такъ въ былое время назначали инструментъ музыканту въ полкахъ, сформировавъ съ устройствомъ губъ. Но такъ нельзя составлять труппы. Нужны года, нужна строгая, серьезная подготовка, нужны хорошіе учителя декламации, а не такіе, которые за верхъ совершенства считаютъ натамнутую, не натуральную, поевдо-классическую французскую декламацию, нужны, наконецъ, руководители, знающіе дѣло, искренно преданные ему, а не всякій голодный обродъ, омотрищій на театрѣ, какъ на средство увеличить свое состояннн, зашибить копѣйку.

Труппа у насъ громадная, а между тѣмъ режиссеръ, вѣроятно, часто бываетъ въ страшномъ затрудненнн, назначая въ одинъ и тотъ же вечеръ спектакли и въ Марининскомъ и въ Александревскомъ театрахъ? Порядочныхъ актеровъ у насъ немного, все остальное—никуда негодная бездарность. Оттого пьесы ставятся кое-какъ, исполняются кое-какъ, безъ малѣйшаго ансамбля. Публика не взыскательна, она рукоплещеть хорошенькому личику бездарной актрисы, восхищается однообразною до тошноты игрою комика, восхищается всѣми, всѣмъ, награждая аплодисментами и хвалами все и всѣхъ.

А на самомъ дѣлѣ, какъ исполняется большая часть пьесъ? Двѣ три роли берутъ на себя артисты по титулу первые, но въ сущности съ весьма умѣренными дарованіями. Отъ нихъ вы только и слышите вѣчные крики, вѣчную аффектацію, ни на волосъ правды, искренности, товлоты чувства—все заучено; подготовлено по зараннѣ определенной

нѣрѣ, безъ строгаго обдумыванія роля. Актеры играютъ, но не создаютъ. Стараются, но ничего не выводятъ. И такъ, исполняются только двѣ, три роли, исполняются актерами, которые считаются на нашей бѣдной сценѣ звѣздами первой величины. Что же дѣлается съ другими ролями, такъ называемыми второстепенными? И говорить не хочется!! При одномъ воспоминашн дѣлается сожѣстно за еволичную русскую сцену, за столичную русскую труппу! Чтобы хоть нѣсколько улучшить составъ петербургской русской драматической труппы, надобно дать ходъ начинающимъ, пусть пробуютъ свои силы, авось и найдутся таланты. Повѣрьте, тогда не будетъ недостатка въ пьесахъ. Давайте актеровъ—будутъ и пьесы. Одно безъ другаго немнѣлимо. Теперь молодымъ, начинающимъ актерамъ нѣтъ ходу. Старые берутся за все, ради поспѣвательной платы. Поспѣвательная плата это одно изъ тѣхъ золъ, которое необходимо должно быть уничтожено.

Намъ могутъ сказать, что тогда даровитые артисты облыбятся, станутъ рѣдко играть, и публикѣ останется одно—ходить въ театръ, какъ въ училище на экзамень, смотреть, какъ пробующіе свои силы актеры робко выступаютъ на сцену. Объясните же тогда вашимъ даровитымъ артистамъ, такъ плохо рекомендующимъ свою любовь къ искусству, условіями играть не менѣе извѣстнаго чина разъ въ продолженіе сезона, введите эти условія въ контракты, требуйте ихъ исполненія, а въ случаѣ неисполненія заыскивайте.

Перейдемъ теперь къ положенію драматическаго писателя, ставящаго свою пьесу на петербургской русской сценѣ.

Вы написали пьесу, хотите ставить ее на сцену. Съ этимъ словомъ *ставить на сцену*, рождается тотчасъ же тысяча хлопотъ, тысяча неприятностей. Вы слышали, что пьесу надо перематывать въ комитетъ; но гдѣ онъ, изъ кого, состоитъ? О своихъ дѣйствіяхъ онъ не извѣщаетъ въ газетамъ, составъ его неопредѣленъ. Слѣдствіе, если у васъ есть знакомый актеръ, который возьмется хлопотать о пьесѣ. Не то онъ промучитъ долго, очень долго, прежде чѣмъ произложитъ нѣсколько драматическихъ произведеній вренуться са. Наконецъ, прочли и одобрили. Пьеса переходитъ къ цензору. Тутъ снова начинаются хлопоты, просьбы, посланья, и подѣлъ вѣстухи, завѣщаній, которые вы дѣлаете цензору, трата такимъ образомъ время, вы добиваетесь наконецъ того, что цензоръ удаляетъ время и для вашего труда. Оцензурѣ театраль-

нобманъ сказавъ нѣсколько словъ. Съ торжествующимъ видомъ онъ предлагалъ роли. Вамъ хочется обставить пьесу? получше. Желаніе понятное. Начинаются утрясыванія, наконецъ кое-какъ удалось уломать хоть г. Самойлова. Онъ согласился взять на себя главную роль. Роли розданы, вы на нѣкоторое время успокоились. Но идѣтъ уже скоро то число, въ которое пьеса должна быть представлена. Вы спрашиваете, когда же начнутся репетиціи! времени вѣдь осталось немного. Режиссеръ смиренно отвѣчаетъ вамъ, что онъ испросить г. начальника репертуарной части, и при васъ же начинаетъ писать рапортъ. Вся обязанность режиссера русской сцены, при настоящемъ положеніи театра, заключается въ писаніи рапортовъ и наборѣ штрафовъ съ опоздавшихъ на репетицію актеровъ.

Репетиціи назначены. Актеры не знаютъ ролей. Читаютъ кое-какъ; герой комедіи вовсе не понялъ роли, передѣлалъ ее на свой ладъ, говорить своими словами; сдѣлайте ему замѣчаніе, онъ не станетъ вовсе играть, откажется чуть ли не наканунѣ спектакля или совершенно погубить роль (такъ напр. г. Самойловъ поступилъ съ Однодворцемъ Бобарыкина). Генеральная репетиція походитъ на первую, актеры все смотрятъ на суфлерскую будку. Репетицій было мало. Каково же положеніе автора!

Бѣда, если пьеса ваша требуетъ какой-либо мотивовки. Наши театры, опера, балетъ и французскій ставятъ пьесы съ необыкновеннымъ измѣществомъ и роскошью, не то бываеетъ на русской сценѣ.

На постановку пьесъ денегъ не даютъ: предоставлено обходиться наличными средствами, а извѣстно, какія это наличныя средства русской сцены! Грязныя декорации, вѣтошь вмѣсто костюмовъ, объ исторической вѣрности и помину нѣтъ. И все это сходить, публика молчитъ, будто все это такъ и должно быть, да вдобавокъ еще рукоплещетъ!

А неужели нельзя устранить все это, неужели нельзя обратить вниманія на русскій театръ и сдѣлать его достойнымъ русской столицы!

Къ тому же авторъ получаетъ такое небольшое вознагражденіе за свой трудъ, что это самое отбиваетъ всякую охоту работать для сцены.

Пора, пора наконецъ подумать и о своей національной сценѣ, пора обратить на нее должное вниманіе, измѣнить администрацію, подумать о составѣ труппы.

Мы не делаемъ никакихъ выводовъ изъ всего сказаннаго нами, читатель и самъ, прочитавъ наши бѣглыя записки, хорошо пойметъ, въ какомъ бѣдномъ положеніи русская сцена и чего надо.

М. Федоровъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЪДНИКЪ

въ 1863 году.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЪДНИКЪ издается при казанской духовной академіи, по распоряженію святѣйшаго Синода, съ 1855 года. Въ первые три года (1855, 1856, 1857) онъ выходилъ въ числѣ четырехъ книжекъ отъ 15 до 23 печатныхъ листовъ въ каждой, а съ 1858 года выходитъ ежемѣсячно — по двѣнадцати книжекъ въ годъ, отъ 10 до 13 печатныхъ листовъ въ каждой.

По первоначальной, утвержденной св. Синодомъ, программѣ ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСЪДНИКА, въ немъ должны быть возищаемы:

1. Статьи догматическія, основанныя на священномъ Писаніи, по разумѣнію св. отцевъ Церкви, съ постояннымъ опроверженіемъ заблужденій, какія окажутся по отношенію къ тому или другому ученію въ разныхъ сектахъ, существующихъ въ Россіи.
2. Истолкованіе разныхъ текстовъ св. Писанія на основаніи истолкованія ихъ св. соборами и св. отцами Церкви, — текстовъ, преимущественно заключающихъ въ себѣ какое либо православное ученіе, но должно понимаемыхъ неправомыслищими; равно и такихъ должно понимаемыхъ текстовъ, на которыхъ не правосмыслиціе основываютъ свои заблужденія.
3. Статьи, излагающія и проясняющія разныя древнія историческія событія, служащія основаніемъ чего либо содержаща-

го православною Церковію, или ложно употребляемыми заблуждающими для доказательства будто бы истины своих ложных мнѣній; также краткія, но вѣрные свѣдѣнія о разныхъ ересяхъ стараго и новаго времени, существующихъ или подновляемыхъ въ нашемъ отечествѣ въ наше время, съ основательнымъ опроверженіемъ тѣхъ ересей; и кромѣ того изъясненіе соборныхъ правилъ, употребляемыхъ заблуждающими въ защищеніе разныхъ своихъ заблужденій.

Во всѣхъ означенныхъ трехъ отдѣленіяхъ должны быть помѣщаемы приличные статьи изъ твореній св. отцевъ Церкви, смотря по предмету, въ старославянскомъ или въ церковнославянскомъ переводахъ; также статьи изъ старославянскихъ церковныхъ сочиненій писателей православной Церкви, жившихъ до XVII вѣка.

4. Надлежащій разборъ разныхъ, по временамъ тайно являющихся между заблуждающими, сочиненій.

5. Статьи, долженствующія служить для христіанъ правиломъ жизни, въ изложеніи ясномъ и удобопонятномъ для всякаго простолюдина.

6. Объявленія о новыхъ сочиненіяхъ, касающихся разныхъ сектъ, входящихъ въ наше отечествѣ, съ надлежащимъ о нихъ отзывомъ.

7. Разныя статьи, не входящія подъ означенныя отдѣлы, впрочемъ близкія къ нимъ по содержанію.

Редакція ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА, стараясь исполнить данную программу, напечатала въ этомъ журналѣ, въ теченіе осьми лѣтъ его изданія, болѣе или менѣе замѣчательныя статьи почти по всѣмъ означеннымъ отдѣламъ программы, а по нѣкоторымъ даже обширныя новѣйшія изслѣдованія, и кромѣ того цѣлыя творенія древнихъ писателей, или въ переводахъ на русскій языкъ, или въ церковнославянскихъ оригиналахъ.—Такъ, во *первыхъ*, можно указать на слѣдующія статьи: въ 1855 году: «День святой жизни, или отвѣтъ на вопросъ: какъ намъ жить свято?»—«О книгахъ, на которыхъ отступившіе отъ православной Церкви основываютъ свои несправедливыя изслѣдванія». — О книгѣ: большой катихизисъ». — Объясненіе евангелія Матфея 5, 17—48. — (въ 1856 г.). Объясненіе евангелія Матфея 6, 1—35. — (въ 1857 году). «Жизнь преподобнаго Максима исповѣдника». — (въ 1858 году). «Происхожденіе раскольническаго ученія объ амтихристѣ». — «Душа Кандашевца, епископа ерменскаго»

сий, — «Историческія свѣдѣнія о молдавской церкви». — «Арсе-
ній Грекъ при патріархѣ Никонѣ». — «Казанская чудотворная
икона Божіей Матери». — «Нѣчто о современныхъ отношеніяхъ
римской церкви къ православной». — (въ 1859 году): «Библіоте-
ка соловецкаго монастыря». — «Почитаніе среды и пятницы въ
древнемъ русскомъ народѣ». — «Взглядъ на христіанскій харак-
теръ славянскихъ племенъ». — «Изъ исторіи русскаго раскола:
дѣло Фадоръ, его сочиненія и ученіе». — «Просвѣтитель пре-
подобнаго Іосифа волоцкаго». — «Свѣдѣнія о древнихъ перево-
дахъ св. отцевъ на славяно-русскій языкъ». — «Различныя пути
обращенія изъ язычества къ христіанству въ первые вѣка». —
(въ 1860 году): «Дѣятельность пастырей церкви IV вѣка по
отношенію къ общественной жизни». — «Объ источникахъ свѣ-
дѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи». — «Взглядъ
русскихъ раскольниковъ на римскую церковь (отца Гагарина-
ну)». — «Русская Церковь въ сѣверномъ поморьи (въ XV—XVII
вв.)». — «Англиканская церковь». — «Взглядъ на мнѣнія новѣй-
шихъ рационалистовъ о существѣ религіи». — «Древнія пустыни
и пустынножители на сѣверовостокѣ Россіи». — «Домострой Силь-
вестра». — «Древнія русскія пасхаліи на осьмую тысячу лѣтъ отъ
сотворенія міра». — (въ 1861 году): «Отношенія англиканской
церкви къ римской и православной». — «Смѣсь христіанства съ
язычествомъ и ересями въ древне-русскихъ народныхъ сказані-
яхъ о мірѣ». — «Взглядъ на философію Гегеля». — «Оксфордская
школа, или такъ называемый пюезизмъ въ Англіи». — «О само-
убійствѣ раскольниковъ». — «Объ Арсеніи Мадіевнѣ»,
какъ обличителѣ раскола. — (въ 1862 году): «Киприанъ, всерос-
сійскій митрополитъ и великій князь Дмитрій Іоанновичъ Дон-
ской». — «Наука и откровеніе.» — «Списываніе книгъ въ дре-
внія времена Россіи.» — «Нѣчто объ улучшеніи быта духовен-
ства.» — «Возможна ли нравственность безъ догматовъ вѣры.» —
«Состояніе русскаго духовенства въ XVIII столѣтіи.» — «Духъ
евангельской заповѣди о прошеніи обидъ», — и другія. Сюда же
можно отнести нѣкоторыя проповѣди: — «Современныя наши
грѣхи. Слово въ день тезоименитства Его Величества благоче-
стивѣйшаго Императора Александра Николаевича, архіеписко-
па Григорія» (1855 г.). — «Слово синодальнаго члена Григорія,
митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, къ казанской
царствѣ». — Бесѣда въ недѣлю пятую по пасхѣ о Самарянцахъ
(1857 г.). — «Послѣдніе дни страстной седмицы и первый день

пасхи—образы послѣднихъ дней міра и будущаго вѣка.»—«Судъ Божій и судъ человѣческій» (1858 г.), и др.—*Во вторыхъ*, изъ числа обширныхъ новѣйшихъ *исследованій* можно указать на слѣдующія:—«О причинахъ раздѣленія главныхъ раскольниковскихъ сектъ (воповщины и безвповщины) на многіе мелкіе толки» (1858 г.).—«Историческія свѣдѣнія объ Иргизскихъ мнимо старообрядческихъ монастыряхъ, до обращенія ихъ къ единовѣрью».—«О причинахъ происхожденія и распространенія раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства, во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія».—«Употребленіе книги Псалтырь въ древнемъ быту русскаго народа» (1857 г.).—«О способахъ духовнаго просвѣщенія древней Россіи, вѣ училищъ».—«Обращеніе Иргизскихъ старообрядческихъ монастырей къ единовѣрью».—Князь Константинъ (Василій) Острожскій.—«Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи».—«Начало уніи въ югозападной Россіи.»—«Аввакумъ, его мнѣнія и секта—Аввакумовщина».—«О чтеніи книгъ (о почитаніи книжномъ) въ древнія времена Россіи» (1858 г.).—«Раскольники за Кавказомъ».—«Взглядъ древнихъ русскихъ летописцевъ на событія міра» (1859 г.).—«Обзоръ русскихъ летописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ».—«Стоглавный соборъ» (1860 г.).—Три статьи «о сектѣ людей Божіихъ» (1858, 1859, 1860 гг.).—«Опытъ изъясненія ветхозавѣтныхъ книгъ св. Писанія. Изъ записокъ на книгу Исходъ.»—«Матеріалы для исторіи русско церковной полемики противъ лютеранства, въ первой половинѣ XVII столѣтія» (1861 г.).—«Исправленіе богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Филаретѣ» (1862 г.).—«Семнадцать статей по общему церковному законовѣдѣнію (1857—1860 гг.). — Три статьи по русскому церковному праву (1862 г.).—*Во третьихъ*, цѣлыя *творенія* изданы въ ПРАВОСЛАВНОМЪ СОБЕСѢДНИКѢ слѣдующія:—а) *въ переводахъ*: 1) «Посланія св. Игнатія Богоносца» (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ. 1855 г.).—2) «Благовѣстникъ, или толкованіе блаженнаго Теофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія — Матвея и Марка» (съ предисловіемъ; два тома, въ первомъ 527 стр., во второмъ 258 стр. 1855—1857 г.).—3) «Святаго отца нашего Григорія Двоеслова, собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души» (съ предисловіемъ; одинъ томъ въ 375 стр. 1858 г.).—4) «Дѣянія вселенскихъ соборовъ»—первыхъ трехъ (два

томъ; въ первомъ 912 стр., во второмъ до 600 стр. 1858—1862 г.);—6) *въ орималахъ*: 5) «Посланіе блаженнаго Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго» (съ предварительными замѣчаніями. 1855 г.).—6) «Просвѣтитель или обличеніе ереси жидовствующихъ. Твореніе преподобнаго отца нашего Юсіа, игумена волоцкаго» (съ обширнымъ предисловіемъ; одинъ томъ въ 606 стр. 1855—1856 гг.).—7) «Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа туровскаго» (съ предисловіемъ, 1857 г.).—8) «Сочиненія преподобнаго Максима Грека» (съ предисловіемъ; три тома: въ первомъ 552, во второмъ 460, въ третьемъ до 300 стр. 1859—1862 гг.).—9) «Столбъ» (съ предисловіемъ; до 460 стр. 1862 г.). Сюда же можно отнести особенно расширенный редакціею отдѣлъ «памятниковъ древне-русской духовной письменности»; этихъ памятниковъ съ 1858 по 1862 годъ издано болѣе *шестидесяти*, съ предисловіями къ каждому. При этомъ можно замѣтить, что изданіе «памятниковъ» въ ПРАВОСЛАВНОМЪ СОБЕСѢДНИКѢ вызвало, въ последнее время, подражанія въ другихъ журналахъ.—Указанныя статьи и творенія не обнимаютъ всего содержанія вышедшихъ въ свѣтъ книжекъ ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА: такъ, здѣсь не упомянуть обширный отдѣлъ правоучительныхъ статей и статьи разнаго содержанія.

Въ слѣдующемъ 1863 году ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ будетъ издаваться по той же программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученomъ направленіи, какъ издавался доселѣ. Онъ будетъ выходить по прежнему, съ 1-го Января *ежемѣсячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ.—Въ составъ его будутъ входить: 1) предпринятый при казанской академіи переводъ — «Дѣяній (актовъ) вселенскихъ соборовъ.» въ полномъ ихъ составѣ, и именно — «Дѣянія *четвертаго* вселенскаго собора» (которыя составятъ третій томъ этого изданія);—2) Сочиненіе инокъ Зиновія, ученика Максима Грека, подъ заглавіемъ: «*Истинны показаніе или обличеніе на ересь нову*» (которое составитъ одинъ довольно большой томъ); 3) статьи догматическаго, нравственнаго, церковно-историческаго содержанія, и другія болѣе или менѣе подходящія къ программѣ,—4) кромѣ того, будутъ помѣщаемы замѣчательнѣйшія изъ духовныхъ сочиненій древнихъ русскихъ писателей, доселѣ

Содержится въ рукописяхъ, или хотя уже издавными, но которые редакція можетъ найти въ новооткрытыхъ и лучшихъ спискахъ. Изъ двѣнадцати книжекъ годоваго изданія ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА, по окончаніи года, составитса, — кромѣ «Дѣній вселенскихъ соборовъ» и сочиненія Зиновія (имѣющаго особый счетъ томовъ и страницъ), — три тома оригинальныхъ статей съ приложеніемъ «памятниковъ древне-русской духовной письменности»: въ каждомъ томѣ будетъ отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1863 годъ, изъ двѣнадцати книжекъ, въ Казани съ доставкою на дома и съ пересылкою во все мѣста Имперіи.

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается въ Казани, въ редакціи Православнаго Собесѣдника, при духовной академіи.

Въ той же редакціи продолжается подписка на ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ за прошлые годы, по слѣдующимъ цѣнамъ — и съ пересылкою:

за 1855 годъ (4 книги)	4	руб.	сер.
— 1856 — —	4	—	—
— 1857 — —	4	—	—
— 1858 — (12 книгъ)	7	—	—
— 1859 — —	7	—	—
— 1860 — —	7	—	—
— 1861 — —	7	—	—
— 1862 — —	7	—	—

Редакція наша возможнымъ, для облегченія своихъ подписчиковъ, понизить цѣну на ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ за 1855, 1856 и 1857 годы, какъ показано выше (до 4 руб. вмѣсто 5 руб.).—Въ тѣхъ же видахъ, редакція тѣмъ изъ подписчиковъ, которые выплнутъ прямо изъ нея вдругъ не менѣе 10 экземпляровъ ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА, — за одинъ ли годъ, или за разные, — будетъ дѣлать уступку противъ объявленной цѣны по 1 руб. съ каждаго экземпляра всѣхъ годовъ.

ВЪ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

1) О причинахъ раздѣленія главныхъ раскольническихъ сектъ (поповщины и безпоповщины) на многіе мелкіе толки. Въ 8-ю въ бумажѣ. Цѣна 1 р. сер. и съ пересылкою.

2) Св. Евангеліе, на татарскомъ языкѣ. Въ 4 ю, въ бумаж-
кѣ. Цѣна 2 рубля сер., на пересылку прилагается за 5 фунтовъ.

3) Чинъ божественной литургіи св. Іоанна Златоустаго, на
татарскомъ языкѣ. Въ 8-ю, въ кожѣ. Цѣна 70 коп. сер.

4) Часословъ на татарскомъ языкѣ. Въ 8-ю, въ кожѣ. Цѣна
90 коп. сер.

5) Грамматика монгольско-калмыцкаго языка. Соч. бакалавра
казанской духовной академіи *А. Бобровникова*. Въ 8-ю, въ
корешкѣ. Цѣна для духовно-учебныхъ заведеній 60 коп., а для
прочихъ мѣстъ и лицъ 80 к. сер.

6) Краткій русско-калмыцкій словарь, составленный священ-
никомъ *Смирновымъ*. Въ 12-ю, въ корешкѣ. Цѣна для духовно-
учебныхъ заведеній 20 коп., а для прочихъ мѣстъ и лицъ 24
коп.; на пересылку прилагается за 1 фунтъ.

Гг. иногородные благоволятъ принимать свои требованія, съ
приложеніемъ денегъ, на первую книгу—въ редакцію **ПРАВО-**
СЛАВНАГО СОВЕСЪДНИКА, а на послѣднія пять—въ правленіе
казанской духовной академіи--въ Казани.

Контора редакціи въ С. Петербургѣ находится при нижнемъ
магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ
Демидова, откуда можно получать **ПРАВОСЛАВНЫЙ СОВЕ-**
СЪДНИКЪ за всѣ годы по вышепоказаннымъ цѣнамъ.

ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

**ДУХОВНОЕ, ПРАВСТВЕННОЕ, ИСТОРИЧЕСКОЕ, ЭСТЕ-
СТВО-ОПИСАТЕЛЬНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНІЕ,**

*будеть издаваться на слѣдующій 1863 годъ по прежней про-
граммѣ и съ тѣмъ же направленіемъ, котораго редація посто-
янно держалась въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. Цѣлью его
будеть, какъ и до сихъ поръ неизмѣнно было, — содѣйствовать
умственному, нравственному и эстетическому развитію юно-
шества, соотвѣтственно современнымъ требованіямъ.*

Въ журналѣ для дѣтей, по прежнему, будутъ помѣщаются
статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, такъ чтобы онъ могъ слу-
жить пособіемъ при семейномъ и общественномъ воспитаніи,
поясненіемъ и дополненіемъ уроковъ, которые неизменно должны
быть сжаты и ограничиваться только общими очертаніями пред-
метовъ.

Назначая свое изданіе преимущественно для юношескаго воз-
раста, редація будетъ помѣщать, отъ времени до времени, и
статьи для маленькихъ дѣтей — требованіе, которое много разъ
выражали ей воспитатели и воспитательницы.

Впрочемъ, въ томъ и въ другомъ случаѣ редація Журнала
для дѣтей всегда имѣла и будетъ имѣть въ виду не потѣшать,
а образовывать своихъ читателей и читательницъ: наука и на
первыхъ ступеняхъ своего развитія есть великое и святое дѣло;
ею нельзя забавляться, для этого есть игрушки и куклы.

При журналѣ для дѣтей будутъ, и на слѣдующій 1863 годъ,
подобно нынѣшнему, прилагаемы отдѣльно хромолитографирован-
ныя картинки, а въ самомъ текстѣ политипажные рисунки.

Подписка на журналъ для дѣтей принимается:

*Въ конторѣ журнала для дѣтей, при книжномъ магазинѣ
В. П. Печаткина, на невскомъ проспектѣ, противъ гостиннаго
двора, въ домѣ Армянской церкви, въ С.-Петербургѣ.*

Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки на домъ — 5 руб. сер.

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ — 6 — — —

Съ пересылкою въ другіе города — — — — 6 — 50 коп.

Редакторъ Журнала для дѣтей *М. Чистяковъ.*

МЪЩАНСКАЯ ЖЕНИТЬБА.

(Окончаніе.)

IX.

Бракъ съ послѣдствіями.

Наконецъ насталъ и день свадьбы. Наканунѣ еще въ обоихъ домахъ начались страшныя хлопоты и суета. Въ свадебный день по-утру женихъ самъ обошелъ всѣхъ своихъ родственниковъ и пригласилъ ихъ на свадебный столъ; а потомъ уже отправилась сватья просить дорогихъ гостей «къ новобрачному князю хлѣба кушать».

Когда женихъ готовъ уже былъ отправиться къ вѣнцу, Пелагея Петровна торопливо сбѣгала въ хлѣвъъ, взяла тамъ нарочно приготовленнаго для этой цѣли большаго живаго гуся, охорошила его, вымыла изъ подъ рукомойника водой съ мыломъ, навязала ему на шею и подъ папоротки, бантами, розовыхъ лентъ и отправила съ однимъ своимъ родственникомъ къ сватушку Николаю Афанасьевичу, какъ требовалъ этого обычай.

Это обозначало, «что мы, дескать, съ своей стороны готовы». Гусь въ настоящемъ случаѣ исправлялъ должность вѣстоваго.

Родственникъ взялъ разряженнаго гуся подъ мышку, прихватилъ его одной рукой за шею и пошелъ съ нѣкоторою торжественностію къ сватушку Николаю Афанасьевичу.

— Гуса несутъ! гуса! возгласили любопытные слобожане,

которые давнымъ давно переталкивались уже на базарѣ съ тою цѣлю, чтобы посмотрѣть, какъ понесутъ гуся.

Ношатый нарочно сдѣлалъ лишній крюкъ, чтобы только пронести гуся самой людной улицей, а особенно базаромъ. Онъ шелъ съ нѣкоторою величавостію, какъ будто бы сей-часъ только получилъ первый чинъ.

Любознательные мѣщане огромной толпой хлынули на средину улицы и, образовавъ изъ себя для прохода нѣчто въ родѣ коридора, съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ смотрѣли, какъ мимо ихъ пронесли гуся.

Бабы-мѣщанки чуть стеколь у себя не перебили: всѣ бросились въ окошки, чтобы полюбоваться, какъ везутъ гуся. Одна мѣщанка такъ и заревѣла, когда объявили ей, что гуся уже пронесли и она не видала.

— Эки дѣла какія! экой грѣхъ какой—не видала! заголосила она плачевнымъ голосомъ:—такъ бы и разорвался, такъ бы и разорвался!.. И мѣщанка отъ досады и нетерпѣнія отхлопнула окошко и по крайней мѣрѣ поглядѣла хоть въ ту сторону, куда пронесли гуся.

— Бѣгите, ребятишки, вонъ гуся пронесли! передала она, какъ будто для облегченія себя, только что выбѣжавшимъ на улицу ребятишкамъ.

Рябятишки въ одинъ духъ бросились въ догонку гусеносу, догнали его и проводили уже до самаго дома, забѣгая впередъ и заглядывая ношатому въ лицо съ величайшимъ любопытствомъ.

Какъ скоро ношатый вошелъ съ гусемъ въ горницу, тотчасъ освободилъ его изъ рукъ и пустилъ по горницѣ погулять.

Освободившись изъ рукъ, нарядный гусь гордо пошелъ по полу, загагайкалъ во все горло и тутъ же сдѣлалъ что-то такое, на что всѣ гости обратили свое вниманіе.

— Экъ—раздуло бы тебя горой! произнесла при этомъ работница, наблюдавшая за гусемъ и какъ видно недовольная его поведеніемъ:—экъ какъ нажрался!... И работница обошлась съ гусемъ какъ знала.

Съ гуся сняли ленты и на мѣсто ихъ навязали другія,—другаго уже цвѣта. Когда невѣста совсѣмъ приготовилась къ вѣнцу, то этого же самаго гуся отправили къ свахонькѣ Пелагее Петровнѣ, только съ другимъ ношатымъ. Точно съ такимъ же любопытствомъ слобожане и слобожанки встрѣтили и проводили и этого гусеноса.

Когда гусь кончилъ свой парадный визитъ, тогда связали съ него ленты и, безъ всякой уже церемоніи, загнали въ хлѣвъ.— «Чортъ знаетъ, зачѣмъ это меня таскали?!» подумалъ про себя гусь.

Послѣ этого, Николай Ивановичъ, ни мало не медля, отправился въ церковь, а черезъ четверть часа пріѣхала и невѣста съ своимъ поѣздомъ, въ числѣ котораго былъ Катенькинъ дѣдушко Кузьма, съ материнной стороны,—старикъ чрезвычайно добрый и простой. Катенька выросла у него на глазахъ, онъ любилъ ее, какъ свое родное дѣтище, и до сихъ поръ не могъ ею налюбоваться. Трудно было рѣшить, кто больше любилъ и баловалъ Катеньку: дѣдушка ли Кузьма, или Николай Афанасьевичъ? по этому случаю дѣдушка Кузьма не утерпѣлъ, чтобы не посмотрѣть на Катенькино вѣнчанье.

Начался брачный обрядъ. Народу было тьма тьмушая! такъ что Паруша и Ориша продраться не могли до невѣсты и по этому не могли уже лично удостовѣриться, что веселы-ли стоятъ женихъ и невѣста.

Женихъ и невѣста, по-видимому, робѣли, а тѣмъ болѣе, когда сознавали, что на нихъ устремлены теперь тысячи любопытствующихъ глазъ, наблюдающихъ за всѣми ихъ движеніями.

Невѣста подъ вѣнцомъ была еще красивѣе, еще привлекательнѣе! Обвѣшенная жемчугомъ, въ свѣтломъ брачномъ вѣнцѣ съ блестящими стразами и финифтяными украшеніями, она стояла какъ царица. Народъ на невѣсту не могъ и налюбоваться: въ одно слово говорили, что невѣста красавица—наливное яблочко. Самыя рьяныя слобожанки, которыя для того только и въ церковь пришли, чтобы отыскать на невѣстѣ какой-нибудь изъянъ и поднять ее на зубки, и тѣ не могли на ней найти никакой захулы! Только и замѣтили одно, что какъ будто невѣста высокононько подняла брови, да покосилась у нея немножко на груди булавочка, а больше не замѣтили ничего.

Въ глухомъ народномъ говорѣ только и слышны были одни слова: «Этакое сокровище! Этакое яблоко!..»

— Знаемъ мы это яблоко! проговорила, какъ будто про себя, Ориша, отжатая народомъ въ самый задній уголъ:—чтобы не сдѣлалась калиной!—присовокупила она въ какомъ-то загадочномъ смыслѣ.

— Пойдемъ-ка, матка Ориша, домой! послышался, неожиданно изъ-за народу Парушинъ голосъ:—чего здѣсь не видать-то?

жоховны-то, что-ли, матушка не видала?... Эка невидаль-та какая!...

— Плевать я на твою-ту жоховну хотѣла! перебила ее Орша... И обѣ сестрички, осѣнныя какой-то ангельской улыбочкой, сгорбась, потряслись домой.

По окончаніи вѣнчальнаго обряда, женихъ и невѣста, будучи въ вѣнцахъ, приложились къ мѣстнымъ иконамъ, потомъ взошли на амвонъ, оборотились лицомъ къ народу и оба вмѣстѣ довольно торжественно поклонились народу на всѣ стороны.

— Здорово, матушка ты моя! радость ты моя? произнесъ въ восторгѣ чувствъ и совершенно неожиданно дѣдушко Кузьма, который во все время брака съ умиленіемъ и слезами любовался на свою дорогую внучку и никакъ уже не выдержалъ ея величаваго и торжественнаго поклона. И у дѣдушки Кузьмы отъ живѣйшаго участія и сочувствія чужой радости закапали слезы.

Кончился вѣнчальный обрядъ. Вся свадебная процессія шла пѣшкомъ, вплоть до самаго женихова дому. Впереди шли пѣвчіе и пѣли: «О тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь»... за ними шли: священникъ и дьяконъ, а за ними, въ вѣнцахъ, — женихъ съ невѣстой, которые въ рукахъ своихъ держали вѣнчальныя свѣчи. Священникъ часто оборачивался и осѣнялъ новобрачныхъ крестомъ — новобрачные всякій разъ при этомъ крестились.

Отецъ крестный вмѣсто родителя, а Пелагея Петровна, какъ мать, встрѣтили новобрачныхъ на крыльцѣ съ образомъ, да съ хлѣбомъ и съ солью. Приложившись къ образу и поцѣловать отца и мать, новобрачные вошли въ горницу, гдѣ священникъ прочиталъ приличную молитву и снялъ съ нихъ вѣнцы. Тѣмъ и закончился весь вѣнчальный обрядъ.

Не будемъ описывать свадебнаго стола: онъ былъ точь въ точь такой же, какъ и на сговорѣ. Дары были съ жениховой уже стороны. Впрочемъ, столъ этотъ шелъ весьма скоро, для того, чтобы дать покой молодымъ.

Послѣ стола невѣста отправилась въ особую комнату, взяла въ руки поднось съ рюмкой, и, стоя на одномъ мѣстѣ, просида всѣхъ гостей виномъ, привезеннымъ отъ сватушка Николая Афанасьевича. Гости подходили по одиночкѣ, вынимали вино и клали на поднось деньги, у кого что случилось, по состоянію и смотря по тому, какіе получили себѣ подарки: кто

малъ двугривенный, кто пятіалтынный, а кто и пятакъ серебра.

При такихъ случаяхъ, монета обыкновенно завертывается въ бумажку, и въ такомъ видѣ кладется на поднось. Пользуясь этимъ, нѣкоторые безсовѣстные гости кладутъ иногда и по копѣйкѣ.

Наконецъ гости разъѣхались, и молодыхъ, съ особеннымъ триумфомъ и пѣснями, проводили въ спальню.

Чтобы на первый разъ не стѣснять невѣсту своимъ присутствіемъ, когда она будетъ ложиться въ постель, Николай Ивановичъ вышелъ изъ спальни вонъ. Признаться сказать, онъ и самъ немножко стѣснялся ея присутствіемъ.

Приподнявъ крючокъ, которымъ заверта была дверь, молодой супругъ вышелъ вонъ. Крючокъ случайно остановился на точкѣ равновѣсія; а потому, когда Николай Ивановичъ затворилъ дверь, то, отъ сотрасенія, приподнятый крючокъ опять упалъ на свое мѣсто и по-прежнему заперъ дверь. Катенька, занятая своимъ дѣломъ, конечно, не обратила на это никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что ударъ крючка почти былъ не слышенъ.

Оставшись одна, Катенька поспѣшила раздѣться, легла въ постель и, какъ утомленная свадебными церемоніями, въ одну минуту заснула крѣпкимъ сномъ.

Выждавъ достаточное время, молодой возвратился; торкнулся въ комнату—заперта. Не дѣлая напрасныхъ усилій и избѣгая большаго шума (потому что по всѣмъ чуланамъ спали гости), Николай Ивановичъ осторожно постучался въ дверь—не отпираютъ. Онъ постучался въ другой разъ немножко посильнѣе—не отпираютъ.

«Покорно благодарю, подумалъ про себя Николай Ивановичъ: — «заперлась да не отпираетъ. Видно она, глушенькая, боится меня, право».

Что дѣлать? какъ поступить?... стучаться сильнѣе, или начать сквозь дверь переговоры?—гости услышатъ, поднимутъ гвалтъ. Думалъ—думалъ Николай Ивановичъ, да и надумалъ войти тихонько на дворъ, приставить снаружи къ окошку лѣстницу и переговорить съ Катенькой посредствомъ дыры, провернутой на оконномъ косячкѣ для болта. Такъ Николай Ивановичъ и сдѣлалъ. Приладивъ свою губу къ сказанной дырѣ, самымъ искуснымъ манеромъ, Николай Ивановичъ заговорилъ жалобнымъ голосомъ:

— Катенька, отопри!

Отвѣта не было.

— Не бось меня! вѣдь—я ничего, ей Богу—ничего! отопри, пожалуйста!

Отвѣта тоже не было, потому что Катенька въ это время спала какъ убитая. Да и хорошо, что она не слыхала его голоса, который, выходя изъ дыры, Богъ знаетъ на что и походилъ. Что бы она подумала, если бы услышала этотъ голосъ съ просонья. Пожалуй, подумала бы, что къ Николаю Ивановичу ломается черти и просятъ у него работы. Да другога-то и подумать было нельзя, потому что человѣка-то было не видно.

— Я, Катенька, не трону тебя, ей Богу, не трону! только пусти! продолжалъ упрасивать ее Николай Ивановичъ, предполагая, что Катенька его слышитъ, да только боятся ему отпереть. Но Катенька не слыхала.

Послѣ всего этого, Николай Ивановичъ приложилъ къ отверстію свое ухо, прислушался—въ комнатѣ не шелознетъ, только чуть-чуть наноситъ тихое и спокойное дыханіе спящей Кати.

Не желая тревожить молодую свою жену, Николай Ивановичъ рѣшился оставить супругу въ покоѣ, а самъ отправился въ другую комнату, пріютился къ кому-то изъ гостей подъ бочокъ и тоже успокоился сномъ праведника, какъ будто такъ и надо.

На другой день, рано утромъ, когда еще, какъ говорится, и черти на кулачки не дрались, Матрена Семеновна была ужъ на ногахъ и шмыгала по всѣмъ комнатамъ, съ дѣломъ и безъ дѣла, замѣняя собою хозяйку. Увидѣвши Николая Ивановича въ посторонней комнатѣ, Матрена Семеновна въ недоумѣніи всплеснула только руками и, не говоря ни слова, выбѣжала вонъ. Мгновенно, какъ нѣкогда Пинетти, который выбѣгалъ, говорятъ, въ одну и ту же минуту изъ всѣхъ петербургскихъ заставъ, Матрена Семеновна оповѣстила объ этомъ всѣхъ гостей и сваконекъ.

Сваконьки такъ и ахнули и въ одно слово заключили, что Николай Ивановичъ къ супружеской жизни вовсе неспособенъ.

Наконецъ вѣсть дошла и до Пелагеи Петровны, которая въ это время еще спала. Пораженная такимъ извѣстіемъ, она отъ изумленія не могла уже ничего и вымолвить.

— Что-нибудь да не даромъ, Пелагеюшка! замѣтила съ особенною ужимкою Матрена Семеновна.

И вотъ всѣ свахоньки, одѣтыя на скорую руку: кто въ простыню, кто въ одѣяло, кто въ коверъ, общимъ сонмомъ, подъ главнымъ предводительствомъ Пелагеи Петровны, ввалили въ комнату, гдѣ покоился Николай Ивановичъ.

— Что это ты, Николай? спросила угрюмо Пелагея Петровна, толкая его въ бокъ.

Николай Ивановичъ, пробудившись и увидѣвъ разнокалиберную толпу растрепанныхъ свахонекъ, такъ и остолбенѣлъ.

— Что это такое?! проговорилъ онъ съ изумленіемъ, торопливо привскочивъ съ постели и, по-видимому, готовясь защищаться.

— Да что ты это, съ ума что-ли сошелъ? присовокупила Пелагея Петровна.

— Да что это такое? твердилъ свое Николай Ивановичъ, не понимая причины такой странной костюмировки свахонекъ.

— Да что ты здѣсь дѣлаешь? спросила наконецъ съ сердцемъ Пелагея Петровна.

— Извѣстно что — спалъ, отвѣтилъ хладнокровно и немножко уже сурово Николай Ивановичъ, которому стала уясняться причина такого заботливаго и обязательнаго посѣщенія досуужихъ свахонекъ.

— Какъ, Господи помилуй, спалъ? да что же ты отъ жены-то ушелъ?

— Что мнѣ уйти-то?... я не ушелъ, ломилъ еще суровѣе Николай Ивановичъ, въ той надеждѣ, что теперь, дескать, я въ чести — молодой: теперь, де, ничего мнѣ не сдѣлаешь.

— Дверь, вонъ, проклятая заперлась, пояснялъ онъ какъ будто нехотя; а она тамъ видно заснула, что-ли, такъ я ужъ будить-то и не захотѣлъ.

Свахоньки всѣ до одной перемигнулись.

— Какъ, матушки мои, заперлась! да ты бы постучался, продолжала допрашивать Пелагея Петровна.

— Да я стучался—не отперла, видно не слыхала.

Тутъ всѣ долгохвостыя свахоньки выбѣжали вонъ, подбѣжали къ спальнѣ и каждая попробовала отворить дверь. Дверь дѣйствительно не отворялась. Начали стучаться: кто въ дверь, кто въ стекла и все-таки насилу достучались. Катенька едва-едва пробудилась: она, какъ беззаботное дитя, спала въ это время самымъ сладкимъ и крѣпкимъ сномъ.

Увидѣвши себя одну одиначоньку въ чужой комнатѣ, она

на силу сообразила, гдѣ она и что съ ней? а на-счетъ Николая Ивановича она даже и не хватилась. Съ величайшею робостію отворила Катенька дверь, въ которую тутъ же въ семеры руки пропихнули Николая Ивановича, захлопнули дверь и заперли снаружи задвижкой.

Катеньку, по-видимому, нисколько не смутило это происшествіе: она приписывала его къ числу обычныхъ обрядовъ и церемоній, которыхъ она хорошенько не знала, да не узнала бы и теперь, если бы не растолковалъ ей этого Николай Ивановичъ.

Х.

ПОСЛѢ БРАКА.

На другой день свадьбы, свахонька Пелагея Петровна сострепала сладкій короваецъ самаго изящнѣйшаго приготовленія, и отправила его въ подарокъ свахонькѣ Прасковѣ Ивановнѣ. Короваяецъ этотъ былъ несравненно слобнѣе и узорчатѣе того коровайца, которымъ подарили на сговорѣ Пелагею Петровну. Это былъ отвѣтный короваецъ. Значеніе его заключалось въ томъ, «что мы, дескать, свахонька Прасковья Ивановна, вотъ чѣмъ будемъ дочку-то вашу покармливать». Конечно, объясненій этихъ, на самомъ дѣлѣ, не бываетъ, но уже каждая свахонька знаетъ, для чего что дѣлается.

Въ тотъ же день, у жениха были гости по случаю того, что для молодыхъ была истоплена баня и въ этой банѣ всѣмъ гостямъ нужно было перепариться. Молодые парились дѣйствительно, потому что этого невозможно было ни обойти, ни обѣхать; но гостей парили уже только въ шутку. Шутка эта сопровождалась извѣстнаго рода церемоніями и триумфомъ, за которые нѣкоторые свахоньки поплатились дорогою.

Послѣ того какъ молодые уже выпарились, рьяные распорядители церемоній отыскали самаго безобразнаго вида дровни, положили на нихъ корыто, а для разнообразія ставили иногда вмѣсто корыта плетюху (чѣмъ смѣшнѣе и безобразнѣе тѣмъ лучше), и въ этомъ экипажѣ начали возить поочередно каждого гостя и гостью въ баню париться. Для этого хватали гостя или гостью (иногда и не слишкомъ церемонно) въ трой руки, волей и неволей сажали въ плетюху, или въ корыто и, прямо изъ комнаты, въ ручную, везли въ баню. Поѣздка эта сопро-

вождалась самым неистовым крикомъ и брякомъ въ сковороды, въ тазы и во все, что только может издавать пронзительный звукъ. Привезя въ баню, сватушка или свахонька черезъ силу втаскивали на пологъ и, для шутки, парили вѣниками; потомъ опять стаскивали съ полога и съ тѣмъ же триумфомъ отвозили обратно въ комнату, изъ которой вывели. Тутъ уже не справлялись, цѣлы-ли послѣ этой поѣздки остались ребра у сватушка или у свахоньки, а заботились только о томъ, чтобы непременно свозить каждаго свата и сваху въ баню попариться. Былъ ли кто расположенъ къ этой поѣздкѣ? позволяли, наконецъ, кому здоровье выдержать такую пытку? этого въ расчетъ не принималось. «Садись! а не хочешь посадить силой». Случалось, что иная малосильная свахонька такъ и заливалась въ истонный голосъ, а ее все-таки везуть, не обращая вниманія на ея болѣзненные вопли.

Какъ на грѣхъ, время было тогда холодное и сырое, и потому нѣкоторыхъ рьяныхъ свахонекъ до того прохватило, что на другой день онѣ слегли въ постель, а нѣкоторыя даже отдали душу Богу.

— Не узнаю, вотъ, кому когда смертный-отъ часъ написанъ! все во власти Божіей находится! замѣчали глубокомысленно оставшіяся въ живыхъ свахоньки, съ глубокимъ сожалѣніемъ провожая новопреставленныхъ свахонекъ въ могилу.

По окончаніи всѣхъ церемоній, Николай Ивановичъ благодарилъ своего тестя за воспитаніе своей молодой жены, за что и обязанъ былъ поклониться ему въ ноги.

Послѣ этого, новая роденька, состоящая изъ свахонекъ, тетюшекъ да сношекъ по женскому колѣну, выбравъ удобное время, подхватили *молодую* (Катеньку) подъ руки и насильно утащили ее въ особую комнату; тамъ обступили они ее кругомъ и завели съ ней родственную и дружескую бесѣду по секрету; потому что невѣстина родня, въ первое время послѣ брака, всегда имѣетъ право говорить съ молодой по секрету и дѣлать ей различныя полезныя, родственныя наставленія касательно брачной жизни.

— Что это, матушка, у васъ надѣлалось? спросила Катеньку двоюродная ея тетюшка Зоя Ивановна.

— Да ничего, отвѣтила простодушно Катя.

— Какъ ничего? Ты, матушка, отъ насъ не скрывайся,

вѣдь мы тебѣ родные, худова тебѣ не пожелаемъ.... Здоровь-ли онъ у тебя?

Очевидно, что дѣло касалось Николая Ивановича.

— Кажется, здоровъ, отвѣтила Катя: а другое дѣло не знаю, онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ.

— Нездоровъ, матушка, помани ты мое слово, что нездоровъ! По глазамъ видно, что нездоровъ! только чужой вѣкъ заѣлъ! Настрадаешься ты съ нимъ, мое дитяtko! Помани ты мое слово, что настрадаешься! Вѣкъ пережить, Катеринушка, не поле перейти! Какъ разлежится, да расхворается, такъ что съ хворымъ—ту экимъ ты дѣлать-то стапешь? подумай-ка ты... Вели, петь, сходить ему къ Гришкѣ Багру! Онъ, матушка, отъ всякихъ болѣзней лечить. Вели, петь, ему полечиться! послушайся ты меня! Вѣдь ужъ я тебѣ, дружечикъ, худова не пожелаю.

— Да какъ же, тетушка, я ему стану говорить-то про это? Отъ чего онъ станетъ лечиться-то, если онъ здоровъ! Какъ бы я знала, что онъ нездоровъ, такъ—такъ, а то, вѣдь, онъ мнѣ про это не говоритъ.

— Какой ужъ тутъ здоровъ?.. видимое дѣло.... Отчего ты думаешь онъ отъ тебя ушолъ? какъ ты думаешь, отчего?

— Да такъ, ни отчего.... Онъ вышелъ, а крючокъ-отъ опустился, только и есть. Мы вонъ и послѣ-то ужъ сколько разъ пробовали — все самъ запирается....

— Ей, петь, Катенька, помянешь мое слово! сто разъ помянешь, да не во время! перебила ее Зоя Ивановна: все это онъ тебѣ только штуки одиѣ подвелъ, да на крючокъ-отъ и сваливаетъ.

— Зоя-та Ивановна правду говоритъ, что штуки подвелъ, вступилась на перебой свахонька Макрида Ивановна: штуки таки и есть... спросила-ли ты, матушка, его, любить-ли онъ тебя.

— Да какъ же я про это его спрашивать-то буду, тетушка Макрида? отозвалась Катя: вѣдь про это, кажется, не спрашиваютъ. Онъ, вонъ, меня про это не спрашивалъ. А если я его стану любить, такъ ужъ, я думаю, и онъ меня полюбитъ.

— Ей, петь, Катенька! помянешь мое слово! онъ тебя не любить! послѣ можетъ вспомнишь мои-то словеса!

— Такъ что же мнѣ дѣлать-то, тетушка Макрида? произнесла Катенька печально: ужъ если онъ меня не любить, такъ

ужь видно моя судьба такая. Да почему же ты, тетушка, знаешь, что онъ меня не любитъ.

— А потому, что я постарше тебя живу, да поопытнѣе тебя, такъ и знаю. Много ужь я, Катеринушка, всего на свѣтъ-то видала, такъ ужь меня, родимая, не проведешь!...

— Еще теперь, тетушка, не за что ему и любить-то меня: еще онъ меня хорошенько и не знаетъ. А вотъ я стану ему угождать, да дѣлать, что ему нравится, такъ онъ меня и полюбитъ....

— Молодо еще да зелено, Катеринушка! молодо-зелено! перебила ее Макрида Ивановна: ничего еще не смыслишь, дружечикъ, такъ-ту и говоришь, а поживешь, такъ и не то заговоришь!... Ты, прямъ, станешь ему угождать... Полно, матушка моя! онъ на тебя сядетъ, да поѣдетъ да и ножки свѣситъ! Помани ты мое слово!... Ужь я бы, кажется, не хуже была другихъ прочихъ, а и то злодѣй-отъ мой, пьяница-то, не тѣмъ его Богъ помани.... царство ему небесное!... и глядѣть на меня не хотѣлъ; вѣдь десять лѣтъ я съ нимъ, съ жидомъ, билась, точно смолу пахтала, на силу-то на своемъ-ту поставила.... «Чортъ, говоритъ, съ тобой, видно, говоритъ, не сапогъ—съ ноги не снимешь» «А-а! молъ, не на ту, молъ, напалъ, голубчикъ!» Послѣ-то ужь и ничего, жиш, слава Богу, не хуже другихъ; какъ бы не умеръ, такъ видно бы и еще пожили... Такъ вотъ что, Катеринушка. А какъ поразсказать-то тебѣ....

— Твоя рѣчь впереди! съ нетерпѣніемъ перебила ее свахонька Соломонида Пудовна: о дѣлѣ-то надобно поговорить, Макрида Ивановна: что ты, матушка Катенька, спросила-ли его, много-ли у него денегъ-ту? чтобы вамъ съ кошелемъ не находиться, матушка!

— Да что ужь объ этомъ, свахонька, теперь спрашивать-то, отвѣтила Катя: ужь чѣмъ видно Богъ благословилъ, тѣмъ и будемъ жить.

— На Бога-то, матушка, надѣйся, а сама-то не плошися, пословица-то говорится. Вѣдь ты не изъ кое-какова дому-ту взята, не подкошельница какая-нибудь; неужто, matka, нищеплету какому кориться станешь? подумай-ка ты! вѣдь ужь я тебѣ худова не пожелаю.... А что я знаю, такъ у него денегъ вѣтъ, помани ты мое слово! Скоро можетъ съ матченной-ту запоютъ: «Горе-бѣда, гольтепа несказанная»! ха! ха! ха!

Острота эта разсмѣшила и прочихъ свахонекъ, кромѣ Кати, ко-

торая стояла въ горькомъ раздумѣ, какъ приговоренная къ смерти.

— Какъ-нибудь проживемъ, свахонька, проговорила печально Катя, — не всё же въ богатствѣ живутъ, двоимъ-ту намъ немного надобно.

— Какъ двоимъ? а матченка-та?... а сестренка-та?... да еще погоди, матушка, вотъ какъ дѣтки пойдутъ, такъ расходець-оть будетъ вдвое.

— О дѣткахъ-ту еще, матушка Соломонида Пудовна, старуха на двое оказала, подхватила Зоя Ивановна: либо пойдутъ, либо и нѣтъ. Не до дѣтокъ ужь, матушка! хоть бы голову-ту Богъ далъ сносить по добру-ту по здорову, такъ и то ужь хорошо! Чего ужь говорить-то, надобно говорить правду, здѣсь постороннихъ нѣтъ, все свои родные; а Катеньки-то опасаться нечего: вѣдь для ея же пользы это и говорится.... Вѣдь ужь чуть живъ, чуть живъ! въ чемъ только и душа-то держится! Запущать, матушка Катенька, ненадобно этакую болѣзнь. Завтра же бы сходилъ къ Гришки-то Багру, поклонялся бы да попросилъ бы его, дѣлать-то ужь нечего, можетъ быть и помогъ бы.

— Да чѣмъ же онъ болѣзнь-то, тетушка? полюбопытствовала Катя.

Зоя Ивановна наименовала такую болѣзнь, что этакой болѣзней отродясь никто и не слыхивалъ.

— Да ужь, Катеринушка, ты, матушка, поговори ему какъ Зоя-то Ивановна учить, вступилась за Зою Ивановну Макрида Ивановна: Она ужь, матушка эти дѣла всё произошла, такъ знаетъ.... Да испытай-ка ты, Катенька, его, любить-ли онъ тебя?

— Да какъ же я, тетушка, испытывать-то его стану? я не знаю, какъ испытываютъ.

— А вотъ какъ, матушка, какъ ляжешь уже съ нимъ на постельку-ту, такъ и отворотись отъ него, слова съ нимъ не говори: тогда и посмотри, приворотить ли онъ тебя? Помяни ты мое слово, что не приворотить! а ужь если и приворотить, акъ это изъ хитрости: побоятся, знаешь, на первое-то время оказать-то себя. А ты, матушка, на это не гляди: выбери время, да и отворотись, да и посмотри, что изъ него будетъ. И, вонъ, своего-то жиды, не тѣмъ его Богъ помяни, сколько времени испытывала! все, знаешь, отворачивалась отъ него, да не гово-

рила; такъ что же бы вы думали? цѣлый годъ, сударыня, не оказывалъ своей-ту злобы! все знаешь, скрывался. Ужь черезъ годъ только оказалъ себя. «Чортъ, говоритъ, съ тобой, отворачивайся! да съ тѣхъ поръ все врознь со мной и спалъ. Такъ вотъ они какіе, Катеринушка! сколько они не хитры! А ты еще, матушка, молодо зелено! ничего, родимая, не знаешь.

— Гдѣ ей знать, свахонька, подхватила Соломонида Пудовна; вѣдь она еще нужды-то никакой не видала, жила все подъ родительскимъ крылышкомъ; ну, а теперь, можетъ быть, Богъ приведетъ и нуждицу узнать. Какъ въ одной-то рукѣ макъ, а въ другой-ту такъ, такъ немного, матушка, навеселишься да нарадуешься.... А ты, матушка Катеринушка, не поддавайся имъ больно-то, чтобы они ва тебя не сѣли да не поѣхали. «Окажи, молъ, капиталъ, такъ и покорюсь!»! Что онъ тебѣ на это скажетъ? ты намъ приди, да я скажи, ничего, матушка, отъ насъ не утайвай! вѣдь, мы тебѣ не чужіе, не съ боку припека, худова тебѣ не пожелаемъ....

Такъ свахоньки и тетушки сбивали юное довѣрчивое сердце Пелагея Петровна между тѣмъ уже отыскивала свахонекъ.

— Что-то, матушки мои, куда вы это задѣвались? заговорила она, увидѣвъ свахонекъ; закусьте ужъ, матки, пора, милости просимъ, сударыни, чѣмъ Богъ послалъ.

— Съ невѣстушкой-то молоденькой все разговаривали, матушка, отвѣтила за всѣхъ свахонька Соломонида Пудовна: учили, да наставляли какъ жить-то. Не привыкла еще, матушка, скучаетъ видѣно, немножко; чего, молъ, матушка, скучать-то, не кое-молъ куды выдана, слава Богу; свахонька-та, молъ, Пелагея Петровна, «не хухлы мухлы, не худы рудни», есть, молъ, кого почестъ да уважить; а и муженекъ-отъ, молъ, слава Богу, можно съ этакой доброй головушкой вѣкъ коротать.... Старшихъ-ту, молъ, матушка, люби да почитай, а наипаче, молъ, всего почитай свекровушку, да муженька; и пойдетъ, молъ, у васъ все какъ по маслицу, по скоромненькому, сочла нужнымъ добавить искусная свахонька.

Пелагея Петровна весьма понравились такія основательныя наставленія свахоньки.

Катенька хоть не буквально, но все-таки держалась немножко совѣтовъ свахонекъ. Она, видимо, стала скрываться отъ Николая Ивановича, секретничать отъ него. Проговорить иногда наединѣ съ какой-нибудь свахонькой цѣлый вечеръ, а послѣ съ

Николаемъ Ивановичемъ не скажетъ ни одного слова. Тотъ спрашиваетъ иногда, о чемъ онѣ такъ долго говорили, а она отвѣчаетъ, что ни о чемъ. Случалось, что когда Николай Ивановичъ нечаянно входилъ къ нимъ въ комнату, онѣ вдругъ прекращали разговоръ или заводили такую рѣчь, по которой тотчасъ можно было догадаться, что она сей-часъ только придумана, по случаю его прихода.

Однажды Катенька, настроенная свахонькой Соломонидой Пудовной, рѣшилась-таки спросить Николая Ивановича, сколько у него денегъ?

— Для чего тебѣ это знать? спросилъ угрюмо Николай Ивановичъ, видимо недовольный сдѣланнымъ ему вопросомъ: что не спрашивала меня объ этомъ раньше, когда я былъ у васъ на рукобитѣ! теперь ужь поздно!

— Все же ты долженъ и теперь сказать мнѣ, сколько у тебя денегъ-ту, вѣдь я тоже не изъ кое-какова дому-ту взята, пояснила Катенька почти безсознательно, выразивъ здѣсь изъ слова въ слово свахонькины рѣчи.

— Ни одной копейки! отвѣчалъ огорченный Николай Ивановичъ:—въ долгу какъ въ шелку! прибавилъ онъ въ досадѣ.— Ужь если хочешь любить меня, такъ люби не за деньги, а за деньги-то я найду и другую, подумалъ онъ про себя.— Это тебѣ все твоя роденька — сволочь, наговорила! по шеѣ бы ихъ, проклятыхъ, надобно изъ дому-ту гонять! продолжалъ, разгорячившись, Николай Ивановичъ вслухъ.

— Что же роденька-та моя тебѣ сдѣлала? проговорила Катя, видимо огорчившись на такой отзывъ о ея роденькѣ.

— А то и сдѣлала, что къ чорту ихъ всѣхъ надобно послать, отвѣтилъ въ горячкѣ и безъ всякаго объясненія Николай Ивановичъ.

Катенька замолчала и, по-видимому, готова была прослезиться, а можетъ быть одна и поплакала.

Николай Ивановичъ сдѣлалъ большой промахъ, отзвываясь такимъ образомъ о Катенькиной роднѣ.

Надобно замѣтить, что у Николая Ивановича съ нѣкотораго времени сталъ образовываться довольно крутой и вспыльчивый характеръ. Это, кажется, онъ получилъ въ наслѣдство отъ родителей. Правда, въ характерѣ его не было ничего злаго или злонамѣреннаго: онъ дѣйствовалъ всегда съ благонамѣренною цѣлю и притомъ съ личнымъ въ этомъ убѣждені-

емъ, но все-таки не для каждаго были ясны эти убѣжденія, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ не старался ихъ хорошенько разъяснить, а только ломилъ, съ плеча, по своему, предполагая, что кому будетъ нужно, такъ тотъ и самъ пойметъ, для чего онъ такъ ломитъ. Не приобрѣтя надлежащей опытности, онъ не принаровился еще тогда ни къ жизненному такту, ни къ правильной оцѣнкѣ людскихъ способностей. Ему и въ голову тогда не приходило, что люди не всё одинаково-способны къ пониманію предметовъ, и что при взглядѣ на извѣстные обстоятельства, не у всѣхъ слагаются одинаковыя убѣжденія. Онъ думалъ, что если извѣстный предметъ для него самого ясенъ, то, значить, ясенъ и для всѣхъ. Отзывъ о непониманіи предмета онъ приписывалъ только къ лѣни, къ нехотѣнью понимать, или просто къ злоупотребленію. По этому случаю, обругавъ Катенькину родню, онъ думалъ, что если Катенька захочетъ, то пойметъ, за что онъ ихъ обругалъ и кого именно обругалъ; а если не понимаетъ, значить, не хочетъ понять, а если не хочетъ—значить, не любитъ его, потому что не хочетъ для него потрудиться. Вотъ какой логики держался тогда Николай Ивановичъ.

Въ свою очередь и Катенька ощущала то же самое. Слова Николая Ивановича о его капиталѣ она приняла за чистую монету и убѣдилась изъ этого, что онъ нищій; изъ суроваго отзыва о ея роднѣ, которая, по ея понятіямъ, не сдѣлала ему никакого вреда, она вывела заключеніе, что онъ и ее не любитъ; но за всѣмъ тѣмъ, онъ не сходилъ у нея съ ума, и она тосковала, когда его не было дома. Если Катенька становилась когда на колѣни и начинала усердно молиться Богу, то, значить, молилась за него.

— Правду говорила тетушка Зоя, что у него нѣтъ денегъ: такъ оно и оказалось, разсуждала про себя Катя. — Да деньги-то бы Богъ съ ними, а вотъ бѣда, что онъ, кажется, меня не любитъ. Ужь не даромъ же про это говорила тетушка-то Макрида, видно она знала это.

И Катенька, чтобы удостовѣриться въ этомъ положительно, рѣшилась испытать Николая Ивановича. Она, противъ воли сжавъ сердце, перестала къ нему ласкаться и начала всегда отворачиваться. Николай Ивановичъ замѣтилъ было ей объ этомъ раза два, и какъ будто всколзъ, да больше и говорить не сталъ.

— Насильно, видно, милъ не будешь, подумалъ онъ про себя, и предался самымъ тяжелымъ и мучительнымъ думамъ.

Умѣя любить глубоко и искренно, Николай Ивановичъ требовалъ, чтобы и ему отвѣчали тѣмъ же. Онъ хотѣлъ, чтобы его любили безусловно, беззавѣтно не вслѣдствіе какихъ-нибудь доказательствъ или убѣжденій, а вслѣдствіе одной искренней, сердечной привязанности, предъ которой чтобы ни наружная красота, ни богатство не имѣли никакого значенія; чтобы при случайной уtratѣ того и другаго не было въ любви никакой перемены. Николай Ивановичъ требовалъ этого на томъ основаніи, что самъ чувствовалъ себя способнымъ къ такой любви и дружбѣ. «Чтобы съ Катей ни сдѣлалось, рассуждалъ онъ, будь она преступница — разбойница, опозоренная закономъ и обществомъ, я и тогда не измѣню ей ни въ любви, ни въ дружбѣ, самъ за нее лягу подъ кнутъ! пойду съ ней на ка-торгу! только бы она меня любила.

По этому случаю, Николай Ивановичъ не хотѣлъ добиваться любви ни ласкою, ни ухаживаніемъ: это ужъ не любовь, рассуждалъ онъ; если возбуждается она съ помощію искусства, т. е. особенною ласкою и ухаживаніемъ, а какое-то натянутое состояніе души. Такая любовь, которая требуетъ искусственной поддержки, непрочна; это господская любовь, а не наша. Нѣжностей да ухаживанья всегда не наберешься, да они, по моему, къ мужицѣ и не очень идутъ; мужчина долженъ болѣе доказывать любовь свою дѣломъ и неусыпнымъ попеченіемъ о спокойствіи любимаго предмета. Другое дѣло женщина, она, дѣйствительно, любовь свою должна выражать всегда нѣжностію и ласкою, къ ней это идетъ, да у нее такая ужъ и натура. А Катенька вотъ не ласкова со мной; значить, она меня не любить.

Такъ думалъ и рассуждалъ Николай Ивановичъ, и тайная тоска и грусть, какъ червь, начала точить его сердце.

По сосѣдству съ Николаемъ Ивановичемъ жилъ секретарь, у котораго была молоденькая и хорошенькая жена. Секретарь былъ давно знакомъ съ Николаемъ Ивановичемъ: онъ часто приглашалъ его къ себѣ для различныхъ починокъ мебели, установки и поправки часовъ. Онъ не чуждался также и знакомствомъ съ Николаемъ Ивановичемъ, и потому часто приглашалъ его къ себѣ на дружескую бесѣду. Бывало, Николай Ивановичъ выдетъ на дворъ, секретарь и кричитъ уже ему сквозь

заборъ: «Бобровъ заходи ко мнѣ чай пить! Что давно не бывалъ»? и Николай Ивановичъ отправлялся къ нему пить чай. Случалось, что секретарь присылалъ за Николаемъ Ивановичемъ свою работницу, которая обыкновенно выражалась, «что баринъ проситъ его пожаловать къ себѣ чаю кушать», однако на дѣлѣ иногда выходило, просилъ его не баринъ, а барыня, т. е. секретарша.

Секретарша сначала интересовалась Николаемъ Ивановичемъ собственно за его угловатость и нецеремонность въ обращеніи; а потомъ, когда стала хорошенько вслушиваться въ его сужденія, и оцѣнила его взглядъ на предметы, тогда заинтересовалась имъ иначе. О чемъ бы секретарша ни начинала съ нимъ говорить, Николай Ивановичъ находился ей отвѣчать. Хоть отвѣты его выходили иногда немножко топорной работы, но за то всегда имѣли серьезный смыслъ и значеніе. Секретаршѣ, какъ женщины довольно умной и нѣсколько даже поначитанной, начинало это нравиться, и она внутренно отдавала Николаю Ивановичу предпочтеніе предъ всѣми ухаживающими за ней чиновниками, которыхъ она знала.

Секретарша весьма правилась и Николаю Ивановичу: онъ любилъ съ нею говорить и слушать ея изворотливыя рѣчи, такъ ясно характеризующія хитрую, ловкую даму и способную водить мужа за носъ.

Правда, Катенька не выходила у него изъ головы и въ то время, когда онъ находился въ сообществѣ съ секретаршей; но все-таки проводилъ съ ней время не скучно. Бывало, когда найдеть на Николая Ивановича тоска, онъ подъ предлогомъ «къ секретарю» отправится къ секретаршѣ, посидитъ съ ней, побѣсѣдуетъ и на душѣ у него сдѣлается легче.

Пелагея Петровна ни мало не препятствовала этому знакомству, потому что секретарь въ слободѣ считался за первое лицо, а съ такими лицами Пелагея Петровна любила поддерживать знакомство.

Не менѣе, если не болѣе того, страдала душою и Катенька. Она видѣла, что Николай Ивановичъ сдѣлался къ ней холодець и невнимателець, нисколько не подозрѣвая того, что причина его холодности заключается въ ней же самой. Она видѣла, что онъ часто ходилъ къ секретарю; но тоскующее ея сердце тотчасъ подсказало ей, что онъ ходилъ не къ секретарю, а къ секретаршѣ, и незнакомое ей доселѣ чувство мучительной ревности закралось въ ея душу.

— Не даромъ говорила тѣтушка Макрида, что онъ меня не любить, думала Катя—такъ оно и вышло: онъ любить не меня, а секретаршу.

Одинъ Богъ знаетъ, сколько Катенька пролила въ уединеніи горькихъ слезъ, оплакивая свою несчастную судьбу. — «Лучше бы я была нищая, только бы онъ меня любилъ», разсуждала Катя: — «съ нимъ бы я всегда была счастлива».

Мучимая безотрадною тоскою, Катенька нѣсколько разъ покушалась было излить предъ Николаемъ Ивановичемъ свои чувства и грусть, и высказать ему всѣ свои подозрѣнія на счетъ секретарши; но тѣтушки и свахоньки не велѣли ей объ этомъ и думать.

— И въ помышленіи ты этого не имѣй! говорили ей тѣтушки:—петь не могли ему кориться! погубишь ты себя! помни ты наше слово, что погубишь!

И напуганная этимъ Катенька оставалась въ прежнемъ, горькомъ положеніи: по-прежнему плакала, по-прежнему тосковала.

Случалось, что Николай Ивановичъ, возвратившись отъ секретарши, замѣчалъ иногда у Катеньки заплаканные глаза, но давалъ видъ, что какъ будто онъ этого не замѣчаетъ; не сказывала также и Катенька, о чемъ она безъ него плакала.

Молодые люди, приучивъ себя почти насильственно къ такому мучительному образу жизни, не имѣли уже и силъ отъэтого освободиться. Характеры ихъ грубѣли и приобрѣтали какую-то дикую и упорную настойчивость. Катенька начала чахнуть.

Однажды на нее нашла такая страшная тоска и грусть, что она не знала куда и дѣваться. Хотѣла было броситься къ своимъ тѣтушкамъ; но въ это время онѣ ей почему-то опротивѣли и представились какими-то адскими фуриями. У Кати невольнымъ образомъ стало проявляться тогда какое-то смутное сознаніе, что какъ будто бы онѣ причиной такой ея мучительной жизни. — «Да и что же онѣ мнѣ? разсуждала Катенька,—вѣдь Богъ не съ ними благословилъ меня жить, а съ мужемъ. Почему я съ ними откровенна, а ему до сихъ не ввѣряла ни одной своей тайной мысли? Не за это-ли онъ меня, мой батюшка, и не любить?». И Катенька, осѣненная такою отрадною мыслию, сей-часъ же готова была броситься къ свосму мужу и излить предъ нимъ все, что давно тяготитъ ея душу; но Николай Ивановичъ сидѣлъ тогда у секретарши. Катенька не знала, какъ его и

дождаться: въ это время часы и минуты казались ей годами. Послать за нимъ она не смѣла Пелагею Петровну, да и не знала, какой найти къ этому предлогъ.

Николай Ивановичъ возвратился домой часовъ въ десять вечера и прямо отправился въ свѣтелку, гдѣ была Катя.

Заслышавъ шаги Николая Ивацовича, Катенька быстро вскочила съ своего мѣста, встрѣтила его еще въ стѣняхъ, повисла ему на шею и крѣпко поцѣловала.

— Что ты сего-дня больно ласкова? спросилъ ее полущутливо Николай Ивановичъ, и въ душѣ его промелькнуло какое-то отрадное чувство.

— Другъ ты мой! возлюбленный ты мой! мнѣ безъ тебя скучно! произнесла Катенька со слезами.

Николай Ивановичъ для чего-то скрѣпился и помолчалъ. Внезапная эта перемѣна какъ будто поразила его: онъ не зналъ, что объ этомъ и подумать. Притомъ же, какъ на грѣхъ, сегодняшній вечеръ секретарша сдѣлала на него какое-то особенное впечатлѣніе, такъ что онъ до самаго этого момента думалъ только объ ней.

— Тебѣ, видно, дружечикъ, не хочется со мной говорить-те? спросила его Катя съ невыразимою грустію и съ любовью во взорахъ:— Скажи, радость ты моя, за что ты меня не любишь?

— Ты лучше скажи, за что ты меня не любишь? проговорилъ Николай Ивановичъ, стараясь поддержать прежнее хладнокровіе.

— Нѣтъ, батюшка мой, я въ тебѣ души не слышу! произнесла Катя. Безъ тебя я какъ въ аду мучусь; пожалѣй ты меня, другъ ты мой сердечный! Утри ты мои горькія слезы! Я вся изчахну, если ты меня оставишь!.. и Катенька, захлебнувшись въ рыданіяхъ, поверглась на грудь Николая Ивацовича.

Николай Ивановичъ, молча обнялъ Катю и чуть не задушилъ ее въ своемъ поцѣлуѣ.

— Сокровище ты мое! проговорилъ онъ глухо, и, не выдержавъ душевной тревоги, залился слезами.

Въ это время исчезла у него въ воображеніи и секретарша съ своими фразами, которыя показались ему тогда до того ничтожными и пустыми, что, по его мнѣнію, всѣ онѣ не стоили одного Катенькина слова.

Долго пробыли они въ такомъ положеніи, ни тотъ ни другой не хотѣли другъ отъ дружки оторваться, потому что каж-

дый чувствовалъ, что ему слишкомъ хорошо. Въ эти минуты они жили самою усладительною жизнію и какъ будто отдыхали отъ тѣхъ мучительныхъ страданій, которыя они, во неопытности своей, сами себѣ устроили и такъ долго переносили.

— Неужели ты, Катя, такъ меня любишь? спросилъ ее, нѣсколько успокоившись, Николай Ивановичъ.

— Люблю, дружечикъ мой, больше себя люблю, отвѣтила Катя.

— Такъ отчего же ты со мной такая все неласковая была?

— Въ этомъ, батюшка, я виновата передъ тобой, я при-
нуждала себя къ этому, послушалась тѣтушки Макриды....

Тутъ Катя разсказала все подробно, какъ учили ее тѣтушки.

Какъ гора съ плечъ свалилась у Николая Ивановича. Онъ воскресъ душою, и въ эти минуты чувствовалъ себя первымъ счастливцемъ въ мірѣ.

XI.

Свѣкровь.

Черезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ воскресный день, Пелагея Петровна должна была вывести свою сношку къ обѣднѣ. Слободскія бабы знали это навѣрняка и потому отъ тѣсноты въ церкви не было продору. Всѣ слобожанки поголовно были у обѣдни съ тою собственно цѣлю, чтобы посмотреть, въ чемъ свекровушка будетъ выводить молодую, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтить, на какое именно мѣстечко свекровушка ее поставитъ.

Пелагея Петровна насилу могла сообразить, гдѣ поставить въ церкви свою сношку.

— «Это мѣсто Анны Петровны, это — Аграфены Ивановны, разсуждала Пелагея Петровна, соображая мѣста: — это Домны Кузминичины... наконецъ Пелагея Петровна выбрала для своей сношки мѣстечко между Аграфеной Ивановной и Домной Кузминичиной, около одной замѣтной на полу щелки, указавъ ее, конечно, для памяти и своей сношкѣ, съ тѣмъ замѣчаніемъ, чтобы она всегда только бы на это мѣстечко и становилась.

Такъ какъ не всѣ слобожанки могли видѣть, гдѣ Пелагея Петровна поставила свою сношку, то послѣ этого бабьимъ толкамъ не было конца.

— Гдѣ, сударыня, сношку-то свою поставила Пелагея-то Петровна? спрашивала одна другую.

— Да этакъ-ту бы, сударыня, стоитъ Анна Петровна, отвѣчала та, къ кому относился вопросъ, указывая примѣрно на мѣста: — а этакъ-ту бы Аграфена Ивановна, такъ-ту бы вотъ Домна Кузминична, а здѣсь бы вотъ и сношка-та.

Для тупыхъ въ соображеніяхъ услуживая сподожанки дѣлали даже на полу рисунки углемъ, и самымъ малядибѣйшимъ образомъ изображали, какъ поставлена въ церкамъ сношка Пелагеи Петровны въ отношеніи къ другимъ известнымъ уже личностямъ.

Въ первые мѣсяцы, даже во весь первый годъ послѣ свадьбы, Пелагея Петровна хотъ и покрикивала у нечки во время стряпни, то на Машу, то на работницу; но съ молодыми была ласкова. Въ это время имъ было не житье, а масляница. Каждое утро вели для нихъ то алады, то блины, то пряженцы и кормили какъ на убой. Только и есть, что томилло ихъ тогда собственное горе, а когда они объяснились, такъ жизнь ихъ сдѣлалась какъ въ раю.

Послѣдовавшая между ними перемѣна была, кажется, замѣтна и для домашнихъ. Бывало, Николай Ивановичъ просидитъ цѣлый вечеръ и не промолвитъ съ Катенькой ни одного слова, только «да да», «нѣтъ» и больше ничего; а теперь никто и не видалъ ихъ, чтобы они о чемъ-нибудь съ собою втихомолку не разговаривали. Уйдетъ-ли Николай Ивановичъ изъ дому, Катенька, какъ говорится, изъ устъ его не вынесетъ: «Чтой-то долго нейдетъ Николай Ивановичъ! скоро-ли придетъ Николай Ивановичъ?...» Двадцать разъ поглядитъ она въ окошко, двадцать разъ выбѣжитъ на улицу. А и Николай Ивановичъ, только что придетъ домой, и не положить еще на мѣсто шапки, какъ ужъ спрашиваетъ: «гдѣ Катя?» Та иногда безъ него, отъ скуки, соберется сходить къ своимъ (къ отцу), и Николай Ивановичъ, узнавши объ этомъ, тотчасъ отправится туда же, и домой уже возвращаются они вмѣстѣ.

Правилась-ли Пелагея Петровна такая ихъ дружба и любовь, неизвѣстно; но только съ пѣкотораго времени и съ сыномъ и со сношкой прежнія свои отношенія она совершенно измѣнила и стала покрикивать не только на сына, но и на сношку.

— Нуко, бѣлоручка, принимайся за дѣльцо-то, нечего барыней-ту сидѣть-то, говорила она Катѣ, заставляя ее что-нибудь работать: — не велико дворянство-то... У меня вонъ дочь-то стоитъ тебя, да и то сложивши-то ручки не сидитъ.

Катя безотговорочно принималась за то дѣло, которое ее заставляли дѣлать.

Дѣйствуя такимъ образомъ, Пелагея Петровна, можетъ быть, придерживалась общаго мѣщанскаго обычая, по которому каждая свекровь требуетъ отъ своей снохи безграничнаго себѣ почета и уваженія и кромѣ того, неизвѣстно на какомъ основаніи, считаетъ себя вправѣ наносить снохѣ своей оскорбленія, какія только ей вздумается. Она, напримѣръ, постоянно укоряетъ сноху за какіе-нибудь недостатки въ приданомъ, хотя въ этомъ сноха нисколько не виновата, а виноваты-ли нѣтъ-ли ея родители; укоряетъ также ея родословной, если только есть въ числѣ ея родственниковъ порочный человекъ; не останавливается также страмить при ней и ея родителей, лишь бы только найти къ этому предлогъ. Какъ скоро приведутъ въ домъ сноху, то мать тотчасъ измѣняетъ уже свои отношенія къ сыну, и наоборотъ, сынъ измѣняетъ свои отношенія къ матери: между тѣмъ и другимъ начинается вражда. Если сынъ окажетъ женѣ своей лишнюю ласку — мать отъ этого раздражается, почему эта ласка оказана не ей. Если сынъ купитъ для жены какую-нибудь обновку — мать приходитъ въ бѣшенство, а тѣмъ болѣе, если сынъ дастъ промаха и въ то же время не купитъ для матери лучшей обновки; тогда строгая мать за такіе поступки непокорнаго сына, не мудрено, что предастъ и проклятію. Строгая мать находитъ себѣ большое удовольствіе постоянно попрекать своего сына какими-нибудь недостатками его жены. Если почтительный сынъ во всемъ съ ней соглашается и оба вмѣстѣ начнутъ ратовать противъ бѣдной жены, если изъ угожденія благочестивой матери, онъ начнетъ кормить свою жену оплеухами, то онъ не лишается материнскаго благословенія и любви; но если онъ дерзнетъ защищать свою жену, а тѣмъ болѣе рѣшится предложить своей маменьки оставить ихъ въ покоѣ и не ввязываться въ ихъ супружескія отношенія, — тогда онъ непременно долженъ готовиться къ проклятію. И эта самая свекровь или мужнина мать, дѣйствующая такимъ образомъ въ разрывъ семейному счастью, считаетъ себя въ правѣ требовать отъ обоихъ лицъ, т. е. отъ сына и отъ снохи, самага униженнаго почета.

Слабые и безхарактерные мужья такъ и дѣлаютъ. Если иные и не бьютъ своихъ женъ, для угожденія старшимъ, то, по крайней мѣрѣ, ставятъ въ ничто, если жена его безвинно,

иногда до души оснарябляемая свекровью или золовкой, въ родѣ Наруши или Ориши, день и ночь заливается горькими слезами!—«Отъ старшихъ можно и потерпѣть», говоритъ онъ въ утѣшеніе своей женѣ, какъ будто бы всѣ младшіе обречены судьбою въ жертву старшихъ! какъ будто бы старшіе для того прежде и произошли на свѣтъ, что бы мучить младшихъ! Свекровь въ мѣщанскомъ или деревенскомъ домѣ есть лицо деспотическое, дѣйствующее самопроизвольно и не терпящее никакихъ противорѣчій. Безъ позволенія свекрови сноха не смѣетъ ни выйти на улицу, ни одѣться по своему вкусу: на все должно испрашивать у свекрови благословенія.

Но если гдѣ есть золовка, тамъ семейнаго раздору еще больше. Въ описываемую мною эпоху трудно было въ мѣщанскомъ домѣ найти такой примѣръ, что бы между снохою и свекровью или золовкою не было постоянной вражды. По этому случаю, если сваха сватается къ невѣстѣ, то выставляетъ иногда за самое счастливое для невѣсты условіе, что у жениха нѣтъ въ домѣ сестеръ, т. е. будущихъ ея золовокъ. И родители выдавали свою дочь несравненно охотнѣе въ тотъ домъ, въ которомъ не было золовокъ. Золовки наводили на всѣхъ какой-то наническій страхъ.

Золовка требуетъ отъ снохи почти такого же себѣ почета и уваженія, какъ и свекровь. Золовка, неизвѣстно почему, считаетъ себя въ домѣ, въ отношеніи къ снохѣ, старшимъ лицомъ. Обязанностию своею она считаетъ: постоянно внушать снохѣ и братцу, что бы они первымъ долгомъ почитали «старшихъ», разумѣя, конечно, подъ именемъ старшихъ себя. На ея же попеченіи лежитъ: укорять сноху за недостатки приданнаго, адовито отзывать на счетъ ея родственниковъ, подсмѣиваться надъ снохой, если она одѣнется не впопадъ, выставлять брату сношинны недостатки. Золовка входитъ также и въ семейныя дѣла. Она постоянно внушаетъ братцу, что бы онъ не промѣнялъ «старшихъ» на свою жену, что бы не давалъ ей воли надъ собой и чтобы держалъ ее подъ ногтемъ; а колыми паче, чтобы безъ позволенія «старшихъ» не покупалъ ей никакихъ обновъ. За эти-то собственно заботы и попеченія она и требуетъ отъ снохи себѣ почета и уваженія.

Само собою разумѣется, что, при такихъ условіяхъ, между снохою и свекровью или золовкою возникаетъ непримиримая вражда. Конечно, если сноха имѣетъ уступчивый и мирный ха-

ракторъ, то вражда эта въ наружу не выходитъ, но если слоха имѣетъ злой и неуступчивый характеръ, то вражда эта развивается иногда до ужасныхъ размѣровъ.

Въ прежнее время сноха, или золовка (смотря потому, кто былъ злѣе и кто считалъ себя болѣе обиженнымъ), въ случаѣ неудачи или невозможности излѣить непосредственно свою злость на враждебное ей лицо, начинала бѣситься. Въ такомъ случаѣ бросалась она на полъ, ломалась, неистово кричала и повидимому приходила въ изступленіе. Въ это время она представляла изъ себя лицо, мучимое нечистымъ духомъ. А такъ какъ въ простонародіи есть суевѣріе, что нечистый духъ не самъ входитъ въ человѣка, а кто-нибудь его туда сажаетъ, по злобѣ, то, пользуясь этимъ убѣжденіемъ простаго народа, искусственно бѣснующаяся сноха, или золовка, во время своего видимаго изступленія и бѣшенства, обыкновенно объясняла или, какъ говорятъ, выкликала, кто именно посадилъ въ нее этого бѣсенка. Если бѣсилась сноха, то выкликала, что бѣса въ нее посадила золовка, или свекровь; а если дуло горой золовку, то она выкликала, что ее испортила сноха.

Выликанье приписывается не самой бѣснующейся, а дѣйствию находящагося въ ней и говорящаго ея языкомъ нечистаго духа.

Простой крикъ мнимо-бѣснующейся принимался только за огласку, за повѣстку, за окликъ народу, все равно какъ въ старину прокликать кличъ и оповѣстить народъ о чемъ-нибудь необыкновенномъ. По этому случаю неистовый крикъ бѣснующейся дѣйствительно именуется кличъ или *кликаньемъ*, а сама бѣснующаяся *кликучей*. Кликуча кличетъ для того, что какъ будто бы сзываетъ къ себѣ народъ, чтобы передать ему свои страданія и указать на виновное лицо посредствомъ уже выликанья.

Если кликуша начинала кликать, то обступали ее любопытствующія бабы, заботливо спрашивая другъ друга, что не слыхалъ-ли кто, на кого кликуша выкликаетъ.

— На Окульку, матушка, отвѣчала какая-нибудь баба:—это сношенка, видно, вѣдьма! вотъ она какова, не знали! смотри-ко какъ дѣвку-то погубила, муку-то какую ей даетъ!

И всѣ бабы начинаютъ, конечно, жалѣть кликушу и проклинать злорадную ея сношку; чрезъ это самое и достигалась дѣль кликуши.

Послѣ этого злую сношку начинали гнать съ блага свѣта и догоняли иногда до того, что и та закличетъ.

Кликуши обыкновенно кличутъ въ церквахъ во время службы и именно во время пѣнія херувимской пѣсни. Въ прежнее время кликушъ этихъ было такое обиліе, что не обходилась безъ нихъ никакая праздничная служба. Теперь ихъ стало несравненно меньше.

Катя во всемъ уступала Пелагеѣ Петровнѣ и только развѣ тутъ ей и противорѣчила, когда не могла выполнить ея приказаній, а на оскорбительные, ея намеки почти не обращала никакого вниманія. Такая безусловная покорность безъ противорѣчій, Пелагею Петровну, повидимому, начинала немножко бѣсить: тутъ, по ея мнѣнію, не слишкомъ рѣзко обнаруживалась ея власть надъ Катей: она, на примѣръ, прикажетъ, — Катя безотговорочно исполнить, да и исполнить еще такъ, что какъ будто бы ей самой этого хотѣлось; ну, ничего тутъ и не вышло, власти-то, какъ будто, и не выказывалось. Между тѣмъ Пелагея Петровна не столько, кажется, любила безусловную покорность, сколько — оставаться побѣдительницею всѣхъ противорѣчій, т. е. любила всякое дѣло брать съ бою. «Хоть тебѣ, дескать, это и не нравится, но если я приказываю, такъ должна сдѣлать».

По праву золовухи, Маша тоже однажды вступилась было въ какія-то семейныя дѣла Николая Ивановича и коснулась какихъ-то Катенькиныхъ недостатковъ; но Николай Ивановичъ, войдя въ азартъ, чуть только не отподчивалъ ее за это ощепкомъ.

— У меня, братъ, на старшинство-то ты не надѣйся! прозвищесь онъ довольно вспылчиво: Скажу тебѣ, Марья, на отрѣзъ, что если ты опять когда нибудь вступишься въ наши дѣла и коснешься Кати, такъ не останется у тебя во рту ни одного зуба, а про косу нечего и говорить, косу какъ бритвой обрею! говорю тебѣ прямо; въ первый и послѣдній разъ!

Съ тѣхъ поръ Маша дѣйствительно не вступалась въ семейныя дѣла и присмирѣла какъ курочка, тѣмъ болѣе, что Николай Ивановичъ о чемъ-то ей тогда еще напомнилъ.

Съ Пелагеей Петровной Николай Ивановичъ обходился не слишкомъ бойко. Во первыхъ, умаливала его Катя, чтобы онъ ни въ чемъ ей не противорѣчилъ; а во вторыхъ, онъ самъ побаивался ее, потому что она, по праву матери, угрожала его отпороть на земской. «Отпореть, не что возьмешь», думалъ Николай Ивановичъ.

И правда, до этого времени Пелагея Петровна не омишляла снѣрпно обращаться съ молодыми супругами; но востаново утробной и напуганной видъ ея и порывистые пріемы вою рекомендовали, что готовится гроза.

Однажды Николай Ивановичъ, выходя куда-то изъ дому на несъ день, подошелъ къ Катѣ, взявъ ее за руку и крѣпко подѣловалъ. Пелагея Петровна это видѣла: она покосилась не-шного на Николая Ивановича, какъ будто хотѣла ему что-то сказать; однако не оказала ничего. Николай Ивановичъ вышелъ вонъ, Катя встала его проводить; Пелагея Петровна и на это покосилась, и тоже ничего не сказала, а только какъ будто чешного измѣнилась въ лицѣ.

Послѣ ухода Николая Ивановича, Пелагея Петровна не про-молвила съ Катей ни одного слова, даже не отвѣчала ей и на вопросы. Въ это время она какъ будто оглохла и ошѣбла.

Когда Николай Ивановичъ возвратился домой и вошелъ въ комнату, Катенька въ это время сидѣла на лавкѣ и что-то шила, а Пелагея Петровна тутъ же занималась по хозяйству. Какъ скоро Катенька завидѣла Николая Ивановича еще въ дверяхъ, кивнула ему своей головкой и встрѣтила его своимъ ласковымъ и пріятнымъ взоромъ.

Николай Ивановичъ, раздѣвшись, хотѣлъ было сѣсть возлѣ Кати; но Пелагея Петровна съ суровымъ видомъ оттолкнула его врозь.

— Ступай прочь! произнесла она отрывисто.

Николай Ивановичъ, полагая, что это мѣсто хочетъ занять его мать, сѣлъ немножко подалеже; но когда увидѣлъ, что Пелагея Петровна занимается совсѣмъ другимъ дѣломъ, опять было придвинулся къ Катѣ.

— Ступай, говорить, прочь! крикнула Пелагея Петровна еще суровѣе, оттолкнувши Николая Ивановича въ другой разъ, и опять стала, молча, заниматься своимъ дѣломъ.

Николай Ивановичъ пересѣлъ на другую лавку и тихонько мигнулъ Катѣ, чтобы она къ нему пересѣла. Катя, захвативши шитье, привстала было съ лавки съ видимымъ намѣреніемъ пересѣсть къ Николаю Ивановичу; но Пелагея Петровна съ такою же суровостію остановила ее на прежнемъ мѣстѣ.

— Куда идешь? сиди здѣсь! произнесла она повелительно.

— Я вонъ туда пересяду, проговорила Катя кротко, указывая на мѣсто возлѣ Николая Ивановича.

Пелагея Петровна не отвѣтила ничего, а принялась занн-
маться своимъ дѣломъ, только, по видимому, дѣло въ рукахъ
не спорилось.

Катенька, покосившись на Пелагею Петровну, опять начала
было тихонько подниматься съ мѣста; но та опять остановила ее.

— Говорять тебѣ, сиди здѣсь! вскричала Пелагея Петровна
задыхающимся уже голосомъ и какая-то зеленая блѣдность
стала выступать на ее лицѣ.

— Да что это такое? вступился было Николай Ивановичъ.

— Молчать! перебила его Пелагея Петровна.

— Отчего же уль жинъ, батюшки, не пересѣсть-те? выго-
ворила въ свою очередь Катя съ величайшею грустью и чуть
не со слезами: неужели намъ уль и вмѣстѣ-то не сидѣть?

— Молчать, говорить! крикнула Пелагея Петровна: что это,
милушки мои! али уль мать-ту да свекровь-ту въ дому вы-
жить хотите? нѣтъ еще, голубушка, погоди маленько! я въ до-
мѣ-то хозяйка-та, а не ты! когда вотъ свой-отъ домъ съ жуч-
кѣ-то наживель, тогда и распоражайтесь.

— Да кто же васъ, маменька, изъ дому-то выгоняетъ?
отвѣтила Катя, опасаясь, чтобы молчаніемъ своимъ дѣйстви-
тельно не подать повода подумать, что они ее выгоняютъ; но
Пелагея Петровна не дала ей и выговорить ни одного слова.

— Говорять тебѣ, молчать! закричала она на перебой Ка-
тъ. Раненько еще зашочила, щона ременная!... раненько на-
чала рожокъ-отъ на свекровь-ту рости! сломлю еще оба
рога.

Тутъ опять было вступился за Катю Николай Ивановичъ и
началъ было добиваться причины такого озлобленія; но Пела-
гея Петровна разсвирѣпѣла какъ звѣрь.

— Замолчишь-ли ты, подлець? закричала она, задыхаясь
отъ злости: ребра воѣ твои переломая, подлець! Вы ужь видно
думаете, что я теперь не мать стала? нѣтъ еще, подлець, ма-
теринская власть съ меня не снята! На земскую, подлеца, своду!
всю шкуру до пять сдеру!...

Катенька, не слышавши въ родительскомъ домѣ подобныхъ
выраженій и угрозъ, задрожала какъ листъ и, заплакавъ, вы-
шла вонъ, а за ней послѣдшилъ выйти и Николай Ивановичъ.

— Что, оканянный! али съ матерью-ту ужь противно стало
сидѣть-то? закричала Пелагея Петровна велѣдъ Николаю Ива-
новичу: Али сволочь-ту завель, тамъ и говорить-ту съ ма-

терью-ту не хочешь? ы! ы! подлецы! мозговъ твоихъ наемсал!

Покричавъ такимъ образомъ вслѣдъ Николаю Ивановичу, Пелагея Петровна все-таки осталась въ избѣ, а за нимъ не побѣжала. Съ невыносимой досады она тутъ же начала всхлипывать, и приунывши сѣла на такое мѣсто, гдѣ нельзя было мимо ея пройти, чтобы не задѣть ея платья. Какъ хищный голодный звѣрь сторожить свою добычу, такъ точно Пелагея Петровна сторожила, что не пройдетъ ли кто мимо и не задѣнетъ-ли ея платья.

Разсвирѣпѣвшая до нельзя, Пелагея Петровна желала бы, кажется, въ это время разорвать по клоку всѣхъ своихъ дѣтокъ, именно за то, что не за что ей было на нихъ злиться.

Послѣ каждой подобной сцены, Пелагея Петровна ясно сознавала, что она поступила жестоко и безъ всякой причины, или по крайней мѣрѣ гнѣвъ свой выразила не въ той степени, какъ бы этого требовала справедливость. Въ эти минуты она нѣкоторымъ образомъ сама считала себя бычкомъ для своего семейства, и это невольное сознание мучило ее страшнымъ образомъ. По этому случаю вмѣсто того, чтобы постараться хоть неможно смягчить свой злобный характеръ, она всѣми силами старалась отыскать предлогъ къ своему оправданію. Для этого она, такъ сказать, насилвала факты, увеличивала въ своихъ глазахъ обвиненія тѣхъ, кого она старалась обвинить; но внутренній голосъ все-таки говорилъ ей, что для оправданія ея этого недостаточно.

— Что это такое у васъ здѣсь было? спросилъ Николай Ивановичъ Катю, когда они вышли въ другую комнату.

— Ничего, батюшка, не было, отвѣтила Катя: не знаю, съ чего она такъ и разсердилась.

— Неужели вы до меня ничего не говорили?

— Совершенно ничего.

— Звѣрь! произнесъ про себя Николай Ивановичъ:—въ ней не то, что материнскаго, но и человѣческаго-то чувства нѣтъ. Только и хороша она во время большихъ несчастій, а въ остальное время негодится ни куда. Хоть-бы Богъ еще насъ какими-нибудь несчастьемъ наказалъ. Прижечь развѣ все?

— Полно, батюшка, не говори ты этого; не сердись ты на нее, родимой! пожалуста, не сердись! Что ужъ дѣлать-то? вѣдь, она тебѣ все-таки мать.

— Да вѣдь, Катенька, я не ангелъ; сколько ужъ лѣтъ я отъ

нее это терплю! всякое терпѣніе лопнетъ. Добро хоть бы она тебя-то еще не бранила, а то она, вонъ, и на тебя-то ужь стала напущать. Что она кричитъ, да хвастается, что домъ-отъ ее: домъ-отъ не ее, а мой! ее-то нѣтъ здѣсь ни одной копейки. Она только можетъ требовать отъ меня одного содержанія, и больше ничего. Я ее и безъ того содержу и почитаю; чего же еще она отъ меня хочетъ? Чтобы тебя бить, что-ли?.. нѣтъ, ужь это надо отдумать!

— Не бить, батюшка, а вотъ еще только потерпѣть отъ нее, замѣтила Катя шутивымъ тономъ:—какъ потерпишь, такъ за это тебя Богъ не оставитъ. Вѣдь ужь она не напрасно же на насъ нападаетъ, напрасно-то бы Богъ не допустилъ ее до этого. Видно, мы, родимой, чѣмъ-нибудь предъ Богомъ-ту грѣшны, такъ онъ насъ этимъ и наказываетъ.

— Такъ она палачомъ, что-ли, у Бога-то вызвалась быть?... Славная обязанность! Вѣдь Богъ-отъ, Катенька, человѣка-то наказываетъ только чрезъ злыхъ и негодныхъ людей, а хорошаго человѣка для этого не употребляетъ.

— Ужъ въ этомъ, батюшка, она сама за себя отвѣтъ Богу отдастъ, насъ съ тобой не спросятъ. Ужъ если мы стоимъ этого наказанія, такъ видно бы не черезъ нее, такъ черезъ другаго, а все-таки получили бы его. Такъ ужь лучше отъ своей потерпѣть, чѣмъ отъ чужова человѣка. Неужто отъ чужова-то человѣка ты бы лучше перенесъ? подумай-ко ты.

— Чужому-ту бы я за это самъ взрыльника далъ, отвѣтилъ, не подумавши, Николай Ивановичъ.

— А Богъ-отъ бы за это еще больше наказалъ бы тебя, возразила Катя:—такъ и присмирѣлъ бы, хвостъ-отъ бы и поджалъ, прибавила она шутивымъ тономъ.

Николай Ивановичъ разсмѣялся и внутренне сознался, что его ученныя сужденія противъ простой Катиной мудрости никуда негодятся. Въ сужденіяхъ его не было той примирительной теплоты и снисходительности къ людскимъ недостаткамъ, коими отличались простыя сужденія Кати.

— Мнѣ тебя жаль, Катя! за что она на тебя нападаетъ, заговорилъ онъ снова.

— Обо мнѣ, батюшка, ты не заботься, я перенесу,—отвѣтила Катя:—вѣдь она мнѣ не чужая. Она, родимой, и сама-то ужь, я думаю, не рада своему-ту характеру; и ей, дружечикъ, нашего-то не легче. Мы вотъ уйдемъ да поговоримъ другъ съ

дружкой, такъ у насъ и горе вса пройдетъ; а ей вѣдь отъ своего-то характера дѣваться ужь некуда; она, я думаю, день и ночь мучится. Ее, вѣдь, это дьяволъ на зло-во наущаетъ. Намъ вотъ и отъ человѣка кажется тяжело переносить-то, а ей съ дьяволомъ-ту какво бороться-то? Надобно, родимой, и ее пожалѣть. А ты, батюшка, молись за нее каждый день; можетъ быть, ее Богъ и смиритъ. Она вотъ мнѣ не родная, да я все за нее молюсь — Богъ съ ней!

— Да и я все молился, а теперь ужь, працо, что-то и не хочется, сердце не спокойно. Можетъ быть и грѣшу, а все-таки теперь молиться за нее не могу. Вѣдь, Катенька, а терпица отъ нее, это съ тѣхъ поръ, какъ себя запомню. Если, какъ ты говоришь, ее дьяволъ на это наущаетъ, такъ для чего она дьяволу-ту поддается. Вѣдь она видитъ что дурно, что хорошо.

— Вѣдь и ты, батюшка, вотъ, дьяволу-ту поддаешься. Мы вотъ оба вмѣстѣ брань-ту отъ нее выслушали, ты вонъ какъ разстроился и осердился, а я, вотъ ничего, не разсердилась.

— Хорошо у тебя характеръ такой уступчивой, такъ тебѣ и легко; а я перенести этого не могу.

— Ужъ ты на характеръ-отъ, дружечикъ мой, не ссыдайся, характеръ можно переломить. Если ты теперь на характеръ-отъ свой ссылаешься, такъ ужь и ее не вини: и у нее такой характеръ.

Николай Ивановичъ чувствовалъ себя побитымъ на всѣхъ пунктахъ.

— Такъ какъ же, Катенька, быть-то? вѣдь досадно больно, какъ безъ вины-то бранять, началъ опять Николай Ивановичъ совершенно смягченнымъ уже тономъ, обнимая Катю и крѣпко ее цѣлуя.

— Неужто, другъ мой, ты такой малодушной, что и этого не перенесешь? отвѣтила Катя: — Пусть ее бранится, а ты думай, что бранять не тебя, а хоть Василису, прибавила она смѣючись:—Я все такъ думаю. Мнѣ, когда она бранится, такъ еще ничего, а вотъ какъ ты разстроишься или разсердишься на меня, такъ это несравненно для меня прискорбнѣе.

— Ты, Катя, у меня настоящій философъ! произнесъ дослѣ этого Николай Ивановичъ, любясь Катей.

— А что это за философъ? спросила Катя съ любопытствомъ.

— Это наука такая есть — философія, отвѣтилъ уклончиво

Николай Ивановичъ: — Кто ее знаетъ, такъ тѣхъ называютъ филосогами.

— Ты мнѣ объ этомъ расскажи, дружечикъ, хорошенько; поучи ты меня хоть немножко; вѣдь я, батюшка, ничему не училась — ничего не знаю.

— Послѣ ужъ когда-нибудь цоговорю объ этомъ, заключилъ Николай Ивановичъ.

Такъ Катенька въ семействѣ своемъ была ангеломъ примирителемъ. Пелагея Петровна иногда разругаетъ въ пухъ и прахъ, а она отпривится къ обѣднѣ и принесетъ ей заздравную просфору. Посмотришь, послѣ этого и Пелагея Петровна немножко присмирѣетъ.

ХІІІ.

Пропала.

Во все это время Маша вела себя чрезвычайно смирно и не только не отговаривалась отъ какой-нибудь работы, но даже навязывалась на нее сама и старалась не допускать Катеньку ни до какой работы.— «Ужь я таковская», часто говорила она съ глубокимъ смиреніемъ. Пелагея Петровна она не осмѣливалась сказать никогда поперекъ слова. Безъ отвѣта и съ покорностію она исполняла всѣ ея приказанія, замѣчая, между тѣмъ, «что хоть это для нее и трудненько и не хочется дѣлать, да ужъ когда приказываетъ маменька, такъ, видно, надобно дѣлать, а то и порядка не найдешь. Какъ гдѣ старшіе-то въ домѣ то есть, добавляла Маша къ своимъ замѣчаніямъ, «такъ живешь точно подъ правымъ крылышкомъ»... По этому случаю, Маша замѣчательнымъ своимъ повиновеніемъ и уваженіемъ къ старшимъ всегда служила для Кати примѣромъ.

Такимъ же примѣромъ служила она и въ отношеніи экономіи, потому что часто замѣчала она съ особенною заботливостію, «что какимъ бы образомъ расходцы по дому немножко поумерщитъ», тогда какъ Катенька на домашніе расходы, очевидно, не обращала никакого вниманія.

Но что такое? Въ домѣ Пелагеи Петровны внезапно одѣлась страшная перемена. Пелагея Петровна, разстроенная и озабоченная какимъ-то особеннымъ обстоятельствомъ, совалась во всѣ чуланы и закоулки, сноху свою называла съ имени и съ отчества, Никодая Ивановича—то Никодей, то Николаюшкомъ.

Николай Ивановичъ съ Катей, не менѣе того разстроенные и озабоченные, тоже бѣгали по всѣмъ мѣстамъ. Аханьямъ и всплескиваньямъ рукъ не было конца. Пелагея Петровна бѣгла на подволоку, въ баню, въ огородъ, лазила во всѣ заулки. Въ одномъ глухомъ заулкѣ нашла она нѣсколько пустыхъ бутылокъ и разбитыхъ штофовъ, и больше ничего.

У Пелагеи Петровны сдѣлалась пропажа. У нее пропало изъ чулана все ея старинное платье, какъ-то : дарядороваѣ епанечка, самолучшій ея штофный сарафанъ, какаватная юбка, грезетовая юбка и проч., пропало также начисто все Машинно приданое; да сверхъ того не оказалось въ домѣ и самой Маши.

Пропажа эта случилась ночью. Наканунѣ все было по добру по здорову: Маша была на лицо и отправилась, по обыкновенію, спать въ чуланъ; Пелагея Петровна легла, какъ и всегда, въ избѣ съ работницей, а Николай Ивановичъ съ Катей въ задней горницѣ; но утромъ не оказалось ни Маши, ни ея приданого. Правда, Пелагея Петровна на счетъ Машинаго приданого и своего платья не могла сказать положительно, что цѣло-ли оно было наканунѣ, потому что то и другое, для предостереженія отъ пожара, заботливая Маша давно склала все въ сундуки, которые были постоянно заперты, а ключи отъ нихъ въ послѣднее время хранились иногда и у Маши. Но было ли что наканунѣ въ этихъ сундукахъ?—неизвѣстно. Старинное платье Пелагеи Петровны почти никогда ей не требовалось, стало быть не было надобности ходить и въ сундукъ, а въ свой сундукъ Маша всегда ходила сама. Можетъ быть, и теперь Пелагея Петровна не хватилась бы своего платья, но сундукъ оказался открытымъ.

Пораженная такимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, Пелагея Петровна не знала что и дѣлать. Она обратилась было съ допросами къ работницѣ; по та изклялась и избожилась, что ничего не знаетъ. Что дѣлать и что начать?

Покуда Пелагея Петровна находилась въ такомъ горькомъ раздумѣ, прибѣжала къ ней опротивью Матрена Семеновна.

— Что, Петровнушка, здорово-ли у васъ въ домѣ-то? едва проговорила она запыхавшись.

— Нѣтъ, матушка, а что? съ нетерпѣніемъ спросила ее Пелагея Петровна.

— Да сейчасъ навозникъ Трошка къ намъ прѣхалъ, да и сказываетъ: «Ровно бы, говоритъ, Петровнину дочку встрѣтилъ,

идеть, говорить, съ какимъ-то мужикомъ къ Вознесенью, да таково, говорить, прытко ѣдутъ да оглядываются. Въ рукахъ-то, говорить, у нее такой большой узелъ съ чѣмъ-то. Не самокруткой ли, говорить, собралась за мужъ выйти.» Такъ, Петровнушка, и говорить... Неужто, matka, Маши-то въ правду нѣтъ?

— Въ правду, матушка, отвѣтила съ прискорбіемъ Пелагея Петровна.

— Такъ поѣзжай, матушка, скорѣе, захватывай! видно, другъ, собралась самокруточкой *. Тамъ, матушка, давно, говорить, у пономаря живетъ никакой чужестранной, и чортъ его знаетъ чей! такъ не онъ ли, родимая, увезъ?

Пелагея Петровна скоро на скоро послала Николая Ивановича за лошадьми, и въ чемъ была, въ томъ и отправилась къ Вознесенью.

До Вознесенья всего на всего было только 10 верстъ. Пелагея Петровна заплатила ямщику тройные прогоны, чтобы только гналъ онъ туда на одинъ духъ. Такъ ямщикъ и сдѣлалъ.

Первымъ дѣломъ Пелагея Петровна бросилась къ священнику и допросила его, что не вѣнчалъ-ли онъ кого нибудь сегодня.

Священникъ какъ-то замаялся и едва едва могъ отвѣтить, что не вѣнчалъ; «да безъ вѣдѣнія приходскаго священника и не намѣренъ былъ и вѣнчать», добавилъ онъ безъ всякаго объ этомъ вопроса, какъ бы оправдываясь, что онъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ.

— Гдѣ же она теперь? спросила Пелагея Петровна въ той увѣренности, что священникъ знаетъ уже, о комъ его спрашиваютъ.

— Это невѣста-то? да они оба у пономаря остановились, отвѣтилъ не обинуясь священникъ.

Пелагея Петровна опрометью бросилась къ пономарю. Тотъ сначала началъ было отзывать, что у него никого нѣтъ; но Пелагея Петровна съ такимъ строгимъ и угрожающимъ видомъ потребовала у него отъ задней горницы ключей, что тотъ задрожалъ, торопливо отыскалъ ключи у себя въ карманѣ и съ нѣкоторою робостію подалъ ихъ Пелагеѣ Петровнѣ, оговари-

* Самокруточкой значить: сама собой, уходомъ, безъ дозволенія родителей. Въ прежнее время самокруточные свадьбы были не рѣдки.

ваясь, между тѣмъ, что онъ пустилъ ихъ къ себѣ не для какихъ нибудь худыхъ дѣлъ, а только постоять на квартирѣ.

— Отпирай! произнесла сурово Пелагея Петровна, совершенно не слушая никакихъ объясненій.

Пономарь еще съ большею робостію и торопливостію отперъ горницу и, отворивши ее, почтительно пригласилъ Пелагею Петровну войти.

Молча и не торопясь вошла Пелагея Петровна въ комнату. На блѣдномъ и совершенно измѣнившемся ея лицѣ выражалось тогда какое-то убійственное спокойствіе, отъ котораго пошатнуться назадъ.

Увидѣвши Пелагею Петровну, совершенно растерявшаяся Маша такъ и остолбенѣла и какъ прикованная осталась на мѣстѣ.

Въ комнатѣ былъ беспорядокъ: по всѣмъ мѣстамъ разбросаны были различныя принадлежности женскаго туалета.

Въ одномъ углу лежалъ большой узелъ съ платьемъ, а возлѣ него стоялъ средней величины кованный сундукъ.

У одной стѣны передъ зеркаломъ стояла Маша, а возлѣ ея на скамейкѣ сидѣлъ мужчина лѣтъ подъ сорокъ, съ густою окладистою бородою и весьма выразительною физиономіею. На немъ былъ надѣтъ синий суконный чапанъ, плисовые шаровары и козловые сапоги со скрипомъ.

Маша была одѣта въ хорошее шелковое платье, которое было чрезвычайно измято и, повидимому, надѣто кое-какъ. Во всемъ ея костюмѣ, хотя довольно нарядномъ, обнаруживалось крайнее небреженіе, доказывающее какую-то поспѣшность и торопливость при одѣваньи. Волосы ея были полуразбиты, полупричесаны. Лицо ея тоже измѣнилось. Съ какою-то полубользенною улыбкою оно ясно выражало робкое и тревожно-безпокойное состояніе души. Руки ея дрожали, да и во всемъ тѣлѣ замѣтно было какое-то лихорадочное сотрясеніе.

Маша совсѣмъ приготовила себя къ браку, и если бы Пелагея Петровна промедлила полчаса, то можно бы было ее поздравить съ новобрачными.

Мрачно, но съ какимъ-то мертвеннымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ Пелагея Петровна обвела глазами всю комнату и остановила свой испытующій взглядъ на мужчинѣ. Черты его лица поразили ее. Мужчина былъ совершенно не здѣшній; во въ чертахъ его лица она припоминала что-то знакомое.

— Вы, маменька, меня должно быть не узнали, проговорил онъ вкрадчивымъ голосомъ, повидимому немножко растерявшись.

— А-а! голубчикъ, произнесла Пелагея Петровна съ иронически-язвительной улыбкой.

Въ мужчинѣ она узнала отца Пафнутія.

Мнимый отецъ Пафнутій, или вѣрнѣе Несторъ Ивановъ, считалъ за полезное именовать Пелагею Петровну маменькой.

— Не поздравить ли ужъ васъ съ законнымъ бракомъ, сударыня? едва проговорила Пелагея Петровна какимъ-то необычнымъ и дрожащимъ голосомъ, въ которомъ выражалась и ядовитая иронія, и удерживаемая злоба и виѣтъ съ тѣмъ внушительнее душевное расстройство.

— Еще брака не было, маменька сударыня, пояснилъ за Машу Несторъ Ивановъ: намѣрены попросить вашего благословенія! присовокупилъ онъ, обращаясь къ Машѣ.

Какъ будто очнувшись отъ этихъ словъ, Маша машинально бросилась Пелагеѣ Петровнѣ въ ноги и въ рыданіяхъ и слезахъ стала просить у нее прощенія и благословенія.

— Чтожъ? благословите ужъ, маменька, наст! присталъ въ свою очередь Несторъ Ивановъ, стараясь, повидимому, выразиться какъ можно вычурнѣе и изящнѣе: вы, можетъ быть, маменька, сомнѣніе имѣете на счетъ моей любви къ Машѣ, или уваженія? на счетъ этого, смѣю вамъ доложить, не имѣйте никакого сомнѣнія, мы любить намѣрены со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ.

Но Пелагея Петровна ни на вычурныя слова жениха, ни на Машины слезы не обращала никакого вниманія. Съ убійственнымъ хладнокровіемъ она оттолкнула Машу прочь и потребовала, чтобы она сейчасъ же собрала все, что унесла изъ дому и отправлялась бы съ ней.

— Гдѣ, распутная воровка, у тебя ворованныя-то вещи? давай ихъ сюда всѣ! проговорила она дрожащимъ голосомъ.

Маша, какъ автоматъ, собрала всѣ вещи въ два большихъ узла и предложила ихъ Пелагеѣ Петровнѣ.

Пелагея Петровна машинально осмотрѣла вещи и замѣтила, что многого еще нѣтъ; но Маша отозвалась, что больше у нее нѣтъ уже ничего.

— Пропито, видно? спросила Пелагея Петровна.

Маша не отвѣтила ни слова, потому что вещи дѣйствительно были пропиты.

— У тебя, что-ли, плутецъ? спросила сурово Пелагея Петровна Нестора Иванова.

— Никакъ нѣтъ-съ, маменька, отозвался вѣжливо Несторъ Ивановъ.

Пелагея Петровна презрительно отъ него отвернулась и приказала своему ямщику уложить узлы въ телѣгу.

— Стало быть, нѣтъ вашего намѣренія отдать за меня свою дочку? заговорилъ опять Несторъ Ивановъ, видя, что все Машино приданое уложили опять въ телѣгу. Послѣ этова какъ вамъ будетъ угодно.... Прощенія просимъ, сударыня Пелагея Петровна! И Несторъ Ивановъ, помолившись Богу и раскланявшись съ Пелагеей Петровной, вышелъ вонъ.

Черезъ часъ Несторъ Ивановъ былъ уже за десять верстъ и гналъ во весь духъ по большой дорогѣ.

— Пойдемъ, гостейка дорогая, благодари хозяина за хлѣбъ за соль, съ большимъ усиліемъ, но спокойно выговорила Пелагея Петровна, удерживая на лицѣ своемъ ядовитую ироническую улыбку, и, взявъ Машу за косу, повела вонъ.

Безпрекословно, но съ болѣзненнымъ выраженіемъ на лицѣ, пошла Маша за матерью.

— Садись! произнесла Пелагея Петровна повелительно, когда подвела Машу къ телѣгѣ.

Маша сѣла, а за нею влѣзла въ телѣгу и Пелагея Петровна.

— Чтобы ты, бѣгляночка, и здѣсь отъ матери-то не убѣжала.... выразилась съ злою насмѣшкою Пелагея Петровна; съ этимъ словомъ она опять схватила Машу за косу и молча, но довольно порывистыми приѣмами, крѣпко привязала ее за бильцо.

— Пошолъ! произнесла она хладнокровно.

Ямщикъ тронулъ лошадей, телѣга запрыгала и несчастная Маша начала колотиться головою о бильцо.

Чтобы облегчить болѣзненные удары, Маша принуждена была держать свою голову на вѣсу; но все-таки сильно подергивало ее за косу, а иногда и колотило.

— Матушка, маменька! прости ты меня, ради Христа! почти завопила страдающая Маша, когда начало ее колотить и подергивать. Согрѣшила я, грѣшница, передъ тобой! Будь ты ко мнѣ милостива, матушка! прости ты меня, Христа ради!

Пелагея Петровна на всѣ эти моленія не отвѣчала ни слова.

Слышала ли она эти страдательные вопли своей дочери, или уже собственная раздирающая душу скорбь оцѣпенила ее чувственные органы? — неизвестно; но только ни словомъ, ни дѣломъ не выразила она никакого сочувствія и состраданія къ несчастной Маше. Она сидѣла какъ истуканъ, не имѣющій ни слуха, ни голоса. На лицѣ ея выражалась какая-то мертвенная неподвижность и рѣшимость. Во всю дорогу не промолвила она ни одного слова и не выпронила ни одной слезинки, не смотря на то, что Маша во всю дорогу вымаливала у нее себѣ прощенье, омывая свой проступокъ, можно сказать, кровавыми слезами искренняго раскаянія.

Ямщикъ съ черствымъ сердцемъ, повидимому, весьма покойно смотрѣлъ на всю эту сцену. Въмѣсто того, чтобы принять хотя маленькое участіе въ печальной судьбѣ несчастной Маши, онъ на дорогѣ припомнилъ извѣстную пѣсню о пропажѣ купеческой дочери, и, оборотясь къ Пелагеѣ Петровнѣ, проговорилъ:

— Видно, тетюшка Пелагея, «пропадала его дочь, во глухую во полночь?» И у васъ, видно, этотъ же грѣхъ случился?

Пелагея Петровна, конечно, не отвѣтила на эту глупую выходку ямщика. Ямщикъ тоже не погнался за отвѣтомъ, а, хлестнувъ безсознательно лошадей, забунчалъ беззаботно себѣ подъ носъ продолженіе этой пѣсни.

«Какъ нашлась эта пропажа

«У сосѣда на дворѣ» и проч.

Наконецъ ямщикъ въѣхалъ въ слободу. Люди, дома и предметы какъ бы очнулись Пелагею Петровну и вывели ее изъ безчувственнаго апатическаго состоянія.

— На земскую! проговорила она ямщику.

Ямщикъ поворотилъ на земскую, т. е. къ дому становаго пристава (тогда были уже становые пристава.)

Пелагея Петровна, отвязавъ Машу, взяла ее хоть не за косу, а все таки и не за руку, а за платье и повела къ становому. Когда Пелагея Петровна вошла въ комнату къ становому, тотъ занимался въ это время какимъ-то письмоводствомъ и, повидимому, не очень былъ доволенъ ея посѣщеніемъ.

— Что тебѣ надобно? спросилъ становой, почти не поднимая головы.

— Да вотъ, батюшка, дочкѣ наставленьце дать пришла, проговорила Пелагея Петровна усиленнымъ и прерывающимся голосомъ.

Въ это время Пелагея Петровна каждое слово выражала съ величайшимъ трудомъ и усиліемъ. У нее, дѣйствительно, вся ввуртренность находилась тогда въ какомъ-то оцѣпеломъ состояніи.

— Какое наставленьице, спросилъ становой недовольнымъ тономъ: высѣчь, что-ли?

— Высѣчь, отвѣтила глухо Пелагея Петровна.

— Такъ и говори, что высѣчь.... Эй! Коверзневъ! закричалъ становой, не поднимая головы.

— Чего изволите? отвѣтилъ Коверзневъ изъ прихожей.

— Розогъ!

— Слушаю, ваше благородіе!

— Ступай туда, тамъ отпорютъ, проговорилъ становой равнодушно.

Пелагея Петровна молча вышла вонъ, взявши Машу за платье.

Въ сѣняхъ подхватили Машу десятскіе и повели въ особую комнату.

— Прости ты меня, матушка, маменька! ради-то Царя небеснаго! снова принялась Маша умаливать Пелагею Петровну, бросившись ей въ ноги, когда все уже было приготовлено. Рабой тебѣ буду служить, матушка, по гробъ своей жизни. Умилосердись ты надо мной, несчастной! Все оставлю, матушка, ничего ты за мной больше не увидишь!

— Подержите ее! проговорила Пелагея Петровна десятскимъ, не обращая никакого вниманія на моленіе Маши.

Десятскіе принялись держать и Пелагея Петровна сама обошлась съ несчастной Маншей какъ знала.

Маша сначала молила ее о помилованіи самымъ раздирающимъ голосомъ, а потомъ ожесточилась и стала поносить ее укорительными и ругательными словами, а потомъ совсѣмъ затихла.

Пелагея Петровна отстала тогда, когда изнемогла. По окончаніи своего дѣла, она, зашыкавшись, сѣла на стулъ.

Маша какъ бы очнулась и болѣзненно престонала. Потомъ тихо подвела голову и съ какимъ-то отвращеніемъ посмотрѣла на виновницу своего бытія.

— Допивала-бы кровь-ту, кровопійца! проговорила она слабымъ болѣзненнымъ голосомъ. За что ты меня тираннишь, да позоришь? Ты сама меня до этого довела, кровопійца!... Чому

ты меня выучила?... только воровать да обманывать! какъ ты меня ни опозорила, а все-таки я твоя дочь!...

Отъ безсилія Маша не могла больше говорить. Пелагея Петровна хотѣла было опять приняться, но ужь не могла. Собравши всѣ свои злобныя и мстительныя силы, Пелагея Петровна провизнесла дрожащимъ голосомъ, но съ нѣкоторою торжественностію:

— Ты мнѣ не дочь, а я тебѣ не мать! будь, ты отъ меня проклята!... и съ этихъ поръ не приближайся къ моему дому!

Выговоривши эти роковыя и убійственныя слова, Пелагея Петровна, какъ угорѣлая, встала съ своего мѣста и, шатаясь, медленно побрела домой; а Маша осталась на земской.

Что чувствовала, тогда Пелагея Петровна, опредѣлить трудно, но только замѣтно было, что она тогда почти потеряла сознание. Съ какимъ-то тупымъ и безжизненнымъ выраженіемъ лица она бродила по улицамъ, натыкалась на проходящихъ и едва могла отыскать свой домъ.

Пелагея Петровна, не промолвивъ ни съ кѣмъ ни одного слова, машинально отправилась въ горницу и почти въ безпамятствѣ бросилась на постелю какъ попало. На всѣ дѣланные ей вопросы она отвѣчала только одними глухими стонами, но слезъ у нея не было.

Послѣ ухода Пелагеи Петровны съ земской, десятскіе помогли Машѣ встать. Обезсилѣвъ душевно и тѣлесно, Маша едва едва держалась на ногахъ. Роковыя слова проклетія поразили ея какъ громомъ и окончательно убили послѣднія нравственныя силы.

— Отведите меня куда нибудь, ради Христа! стала умолять Маша десятскихъ слабымъ и болѣзненнымъ голосомъ.

— Да куда тебя отвести-то, домой, что-ли? отвѣтилъ одинъ десятскій, нюхая табакъ.

— Нѣтъ, батюшки мои, домой ужь мнѣ теперь идти нельзя. Не возьметъ ли меня кто нибудь къ себѣ пожить, Христа ради! покуда я хоть немножко поправлюсь! Пожалуйте вы меня, несчастную! отведите къ кому нибудь, Христа ради!

Какъ ни грубы были черствыя сердца десятскихъ, однако и между ними нашелся—таки одинъ добрый человекъ, который пожалѣлъ несчастную Машу; онъ отвелъ ее къ какой-то знакомой ему женщинѣ, которая, по правдѣ сказать, хоть и не отличалась особенною нравственностію, но за то была весьма сострадательна

къ несчастнымъ и преимущественно къ тѣмъ, которыхъ застигло несчастье на безнравственномъ пути и которыхъ всѣ гнушаются.

Узнавши о всѣхъ обстоятельствахъ, постигшихъ несчастную Машу, добрая женщина приняла въ ней живѣйшее участіе и успокоила ее какъ могла, потому что сама не рѣдко нуждалась въ дневномъ пропитаніи.

Маша была больна цѣлый мѣсяцъ не отъ однихъ только побоевъ, но и отъ сильнаго душевнаго расстройства. Роковыя слова проклятія потрясли въ основаніи всю ея внутренность и снова извратили ея образъ мыслей.

Здѣсь Маша узнала самую тяжелую нужду, потому что не рѣдко приходилось ей питаться милостыней, поданной Христа ради.

Какъ бы то ни было, но черезъ мѣсяцъ Маша опять поправилась и стала выходить. Впрочемъ, днемъ она никуда не выходила, потому что совѣстилась слобожанъ, да и не въ чей было выходить: у нее не было почти никакого платья.

Узнавши о несчастной судьбѣ Маши и о мѣстѣ ея пребыванія, Катенька крайне о ней сожалѣла и сдѣлала ей посильное вспомошествованіе подѣ глубокимъ, впрочемъ, секретомъ.

Какъ только Маша поправилась, то къ хозяйкѣ ея начали заходить для ночевки кой-какіе запоздалые пьянчужки, а иногда заходили и молодые ребята, которымъ удавалось ночью уйти украдкой изъ дому. Такъ раза два-три забѣгалъ туда босикомъ и въ какой-то фуфайкѣ Андрей Трифоновичъ Картузовъ.

Послѣ этого обстоятельства Маша стала какъ будто немножко поправляться: у нее завелись кой-какія платьица и она уже милостыней не питалась. Но все-таки жизнь ея была грустна и печальна! все-таки не рѣдко находили на нее такіа тяжелыя минуты, когда не милъ ей становилса свѣтъ Божій! когда готова она была броситься въ Волгу, чтобы утопить въ ней грусть тоску свою!

Такъ прожила Маша около года, а потомъ вдругъ пропала безъ вѣсти. Что сдѣлалось съ Машей? куда она задѣвалась? и жива ли, наконецъ, осталась? — неизвѣстно, потому что о несчастной ея судьбѣ никто не заботился.

XIV

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ.

Теперь нужно сказать нѣсколько словъ объ отцѣ Пафнутіѣ, послѣ того, какъ мы въ первый разъ съ нимъ разстались.

Оставивъ Гаврилову слободу, онъ отправился верстъ за 200, чтобы не донеслись туда какіе нибудь слухи объ его житьѣ бытѣ въ Гавриловой слободѣ, и сталъ бродить по деревнямъ. Въ деревняхъ, конечно, жить ему было протѣе и свободнѣе, но за то не такъ-то доходно и меньше было удовольствія, чѣмъ въ Гавриловой слободѣ или въ какомъ нибудь городѣ. Въ деревняхъ, особенно въ лѣтнюю пору, всѣ поголовно, бабы и мужики, постоянно находятся на работѣ, дома остается только старій да малый. Стало быть, человѣку усталому и измученному работой не до странника. Накормить его накормятъ, чѣмъ Богъ послалъ, и ночлегъ дадутъ, а больше-то ужъ ничего и не получишь. А и пища у деревенскаго мужика не слишкомъ лакома: въ иныхъ деревняхъ сами-то ѣдятъ чуть не одну мякину, такъ ужъ тутъ не до странника. Конечно, не вездѣ такая бѣдность: есть и богатые мужики, даже богатые деревни; но у богатаго мужика тоже не обрыбишься. Богатые мужики скупы и менѣе пріятливы. Мужикъ рѣдко богатѣетъ отъ земледѣлія: онъ богатѣетъ или отъ торговли или отъ промышленныхъ занятій на чужой сторонѣ; а такіе мужики утрачиваетъ уже первобытную свою простоту и патриархальность. Онъ дѣлается уже тогда или купцомъ скрагой, или усваиваетъ себѣ отвратительную, вычурную и въ тоже время самую наглую развязность фабричнаго, у котораго нѣтъ, кажется, ничего святаго; или, наконецъ, поддѣлывается подъ тактъ какого нибудь барина. У всѣхъ подобныхъ людей отцу Пафнутію трудно было поживиться. По этому случаю, побродивши по деревнямъ, онъ рѣшился, наконецъ, отправиться въ матушку Москву бѣлокаменную, нашу старинную кормилицу да помилу. Онъ слышалъ, что въ Москвѣ бродячаго народу много, и всѣ они, по милости Божіей, живутъ тамъ припѣваючи, даже лучше тѣхъ, которые посильнымъ своимъ трудомъ стараются принести какую нибудь общественную пользу. Тамъ стоитъ только какому нибудь шарлатану надѣть на себя черненькую раску, подпоясаться широкимъ ремнемъ, на голову надѣть что

нибудь въ родѣ скуфыи и смѣло можно идти въ Замоскворѣчье. Привѣтливныя купчихи и мѣщанки примуть такого человѣка съ распростертыми объятіями и дадутъ ему самый надежный пріютъ. «Люди, дескать, за святостью-ту въ Кіевъ ходятъ да на Аѳонскую гору, а здѣсь, де, святость-то сама на домъ пришла. Чего еще лучше?»

Такъ мнимый отецъ Пафнутій и сдѣлалъ: пришелъ въ Москву, поселился въ Замоскворѣчьи и зажилъ тамъ, какъ говорится, припѣваючи. Поживетъ, на примѣръ, въ одномъ домѣ, да перейдетъ въ другой, потомъ въ третій и т. д. Такъ бы онъ и прожилъ хорошохонько, такъ вѣтъ, смирно-то не живется, больно неугомоненъ, началъ пророчествовать да предсказывать будущее. Сначала онъ, правда, только пошутилъ: сказалъ одной купчихѣ, которая его приглашала къ себѣ, и сказалъ-то просто на махъ, что онъ придетъ къ ней на свадьбу, а оно такъ и случилось: у купчихи была дочь невѣста, которую она въ первый же мясоѣдъ и выдала. Съ этого случая и пошло ходить, что отецъ Пафнутій предсказываетъ будущее. Къ тому же случилось тутъ еще одно обстоятельство. Однажды его пригласили къ какому-то богатому купцу, у котораго былъ огромный каменный домъ. Только что сватоша вошелъ въ комнаты богатаго купца и скромно раскланялся съ хозяевами, то, смиренія ради, пожелалъ употребить тутъ извѣстную пословицу: «залетѣла ворона въ высокіе хоромы», разумѣя, конечно, подъ именемъ вороны себя.

Около этого времени къ купцу дѣйствительно залетѣла въ сѣни ворона и перебила у нихъ всѣ стекла. Происшествіе это смутило хозяевъ страшнымъ образомъ. Всѣ думали, что ворона залетѣла къ нимъ не къ добру. По этому случаю суеверные хозяева, какъ только услышали отъ отца Пафнутія слово «ворона», отъ изумленія такъ и ахнули и всѣ въ одно слово заключили, что отецъ Пафнутій настоящій прорицатель, потому что узнать ему о воронѣ было не отъ кого, даже не успѣли еще объ этомъ узнать и всѣ домашніе.

— Ужь къ добру ли, батюшка, это? не случится ли чего нибудь? спросила его съ робостію хозяйка, въ той увѣренности, что сватоша знаетъ воронье дѣло со всею подробностію.

— Богъ милостивъ, ничего не случится, отвѣтилъ на махъ отецъ Пафнутій.

Послѣ этого отъ московскихъ бабъ отцу Пафнутію не было

и отбою: навалили къ нему за предсказаніями со всёкъ концовъ. Онъ вралъ всёмъ съ плеча, что только придетъ ему въ голову, и всё выходило ладно.

Наконецъ слава объ немъ дошла до полиціи, потянули доброго молодца въ часть и потребовали письменнаго вида. Письменнаго вида не оказалось. Хоть для сель и деревень и былъ у него письменный видъ, собственнаго изобрѣтенія; но въ Москвѣ онъ его показать не рѣшился, а заблагоразсудилъ лучше объявить себя непомящимъ родства. Его посадили въ острогъ, съ тѣмъ чтобы по сдѣланіи надлежащихъ справокъ, его сослать въ Сибирь на поселенье. Въ острогѣ онъ узналъ отъ какихъ-то арестантовъ, что его презлѣющая барыня *побывала* и что вмѣстѣ послѣ ея досталось, по наслѣдству, ея племянникамъ, господамъ весьма честнымъ и добрымъ, и что ихъ крестьянамъ стало теперь не житье, а масляница. По этому случаю Несторъ Ивановъ, чѣмъ идти въ Сибирь на поселенье, да принимать такую страду, рѣшился открыть начальству сущую правду, что онъ дворовый человѣкъ. Сдѣлали справку—оказалось вѣрно; и Нестора Иванова отправили по принадлежности. Господа дѣйствительно оказались отличные люди. Чтобы не нажить въ Несторѣ Ивановѣ себѣ врага, они не подвергли его за побѣгъ никакому наказанію. Впрочемъ, считая его за бесполезнаго и не слишкомъ надежнаго человѣка, они предложили ему выкупиться на волю. Несторъ Ивановъ согласился, и господа, получивъ съ него умѣренный выкупъ, дали ему вольную.

Получивъ вольную, Несторъ Ивановъ опять пошелъ шататься по разнымъ мѣстамъ. Къ честному труду и занятіямъ онъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ, да и не зналъ за что и приняться. Странничать да бродить по селамъ да по деревнямъ ему ужь что то надоѣло, въ Москву въ странническомъ нарядѣ явиться уже не посмѣлъ, а безъ этого наряда тамъ выиграть нечего. Тутъ Нестору Иванову пришла въ голову мысль жениться. Но на комъ жениться? взять кое-какую изъ бѣднаго семейства, Несторъ Ивановъ не хотѣлъ, да и не было ему расчета: порядочной невѣсты, съ хорошимъ приданымъ зналъ, что не дадутъ, потому что его не знаютъ, а и узнаютъ, такъ польститься не на что. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ его хорошо узнали, онъ оставилъ послѣ себя порядочные озадки, такъ что нельзя уже ему было послѣ этого показаться и на

глаза. Думалъ, думалъ Несторъ Ивановъ, наконецъ и надумалъ: познакомиться на короткой ногѣ съ какой нибудь дѣвицей, угорворить ее, да и жениться на ней уведомъ, т. е. безъ согласія родителей. Собственно говоря, Несторъ Ивановъ не столько хлопоталъ о супружескомъ счастьи, сколько о приданомъ, да о томъ, чтобы жена была взята мало мальски изъ порядочнаго дому, какая бы она ни была. Замашка-то у него была совершенно господская: «что, говоритъ, поживется, а не понравится, или будетъ лишняя, такъ можно, говоритъ, и бросить.»

Для осуществленія своихъ намѣреній Несторъ Ивановъ заблагодарасудилъ отправиться въ Гаврилову слободу, потому что гавриловскія дѣвки видно ему понравились. А такъ какъ прямо онъ показаться туда боялся, чтобы за прежніе его грѣшки не вздумалось кому нибудь отвозить ему бока, то и путешествовалъ онъ туда по ночамъ, а настоящее свое пристанище нѣлъ въ сторонѣ — у вознесенскаго пономаря.

Конечно, съ тѣхъ поръ, какъ онъ удалился изъ слободы, обстоятельства много перемѣнились: прежніе его почитатели не хотѣли объ немъ и слушать; но все-таки нашлось дома два три съ запоздалыми невѣстами, которые не отказали ему въ прежнемъ привѣтѣ. Несторъ Ивановъ искалъ только случая, хоть куда бы нибудь на первый разъ втереться, «а тамъ ужъ сами другъ дружку опутаютъ», думалъ Несторъ Ивановъ. Такъ оно и случилось. Знакомки его стали сбивать съ толку своихъ знакомыхъ, а тѣ своихъ, и пошло опять чуть не по старому, съ тою только разницею, что все содержалось теперь въ глубокомъ секретѣ.

Этимъ путемъ, и съ помощію услужливыхъ работницъ да приживалокъ, Несторъ Ивановъ добрался и до Маци.

Хоть слободскія дѣвки теперь и не считали Нестора Иванова за совершенно святаго, но по крайней мѣрѣ считали за бѣлаго, который хоронится отъ людей; а съ такимъ челоуѣкомъ вести тайное знакомство все-таки не такъ совѣстно. «Кто знаетъ, можетъ онъ святость-ту свою и не оказываетъ».

Несторъ Ивановъ обиняками да шуточками сталъ дѣлать коекому намеки на счетъ замужства уходомъ, не за него, а хоть за кого - де нибудь: про себя онъ не говорилъ; но получалъ на это отвѣты самые не удовлетворительные. Замужство уходомъ никому не нравилось. «Если-де женихъ будетъ хорошъ, такъ можно будетъ выдти за него и не уходомъ, а если плохъ,

такъ имъ-де не худо жить и въ родительскомъ домѣ. Одна только Маша и высказала свое мнѣніе, что она готова выйти замужъ хоть за чорта, только бы выдали.

— Чѣмъ за чорта, такъ лучше за меня поди, сообщилъ на прямикъ Несторъ Ивановъ.

Маша, разувѣтся, согласилась; только выразила свое сомнѣніе, что не выдадутъ. Несторъ Ивановъ предложилъ, что можно сдѣлать дѣло самокруткой; Маша и на это согласилась. Тѣмъ на первый разъ у нихъ дѣло и порѣшилось. Стали выжидать удобнаго къ тому случая. — А между тѣмъ приспѣлъ великій постъ, по этому нужно было, по необходимости, отложить это дѣло до слѣдующаго мясоѣда.

Около половины поста Несторъ Ивановъ передалъ Машѣ одно необходимое условіе, что безъ всего приданаго, какое у нее есть, онъ ее не возьметъ. Маша, подумавши немного, согласилась и на это, и въ удостовѣреніе подарила на первый разъ Нестору Иванову какой-то платокъ хорошей цѣны.

Такъ дѣло тянулось еще довольно долго, приданое по маленьку передавалось Нестору Иванову; но Маша все еще медлила, даже думала было отказать, да ужь слишкомъ далеко зашла.

И вотъ однажды Несторъ Ивановъ сообщилъ Машѣ на отрѣзъ, что если она будетъ еще тянуть, да если не захватить всего, что у нихъ есть въ домѣ поцѣннѣе, то онъ самъ отъ нее откажется и въ благодарность за все, вымажетъ у нихъ ворота, написавъ на нихъ ея имя.

Несторъ Ивановъ немножко ошибся въ расчетѣ: онъ думалъ, что Маша привезетъ съ собою и Богъ знаетъ что.

Оробѣвшая Маша объявила, что она къ завтрашней ночи непременно приготовится и чтобы онъ пріѣзжалъ за ней на лошади.

Получивъ это рѣшительное извѣстіе, Несторъ Ивановъ обдѣлалъ дѣло. Онъ хлопоталъ о бракѣ болѣе потому, что боялся нѣкоторымъ образомъ преслѣдованія, что если увезти Машу такъ, не обвинявшись, то ихъ могутъ поймать и тогда его будутъ судить какъ вора. А если онъ успѣетъ съ Машей обвиняться, то хоть бы и поймали, такъ ужь ничего не сдѣлаютъ, потому что я, де, ѣду съ женой, а это, де, она вынесла въ приданое. Притомъ же въ приданое никто не можетъ и вступить, кромѣ ея матери, которая послѣ вѣчанія будетъ уже ему тѣща, а из-

вѣстно, что всѣ тещи зятевой своихъ любить больше, нежели сыновой.

Такъ думалъ Несторъ Ивановъ, и на основаніи этихъ думъ на другой день, въ глухую полночь, прѣхалъ въ Гаврилову слободу за Машей. Лошадь онъ остановилъ, немного не доѣзжая до дому у пустаго забора, а самъ заулкомъ пролѣвъ на дворъ. Маша ожидала уже его на условномъ мѣстѣ съ послѣднимъ узломъ приданого.

— Все ли здѣсь? спросилъ ее осторожно Несторъ Ивановъ.

— Все, отвѣтила Маша.

— Изъ дому-ту все ли захватила?

— Все! все!

— То-то, смотри, чтобы все и было!

Послѣ этого Маша опять за чѣмъ-то возвратилась къ себѣ, а между тѣмъ Несторъ Ивановъ понесъ къ лошади узелъ.

Отворивши тихонько дверь въ горницу, Маша съ невыразимою скорбію въ душѣ и со слезами сдѣлала иконамъ три земныхъ поклона, Потомъ вышла на дворъ и отдала такой же поклонъ на избныя окошки, гдѣ спала ея родительница. «Прости меня, маменька-матушка, и благослови!» прошептала Маша, заливаясь слезами и отдавая земной поклонъ своей матери.

Проникнутая безотрадною грустію, Маша на силу поднялась съ земли, обвела прощальнымъ взоромъ домъ и дворъ, потомъ осторожно отворила ворота и съ невыразимою тоскою въ душѣ вышла изъ родительскаго дома.

Несторъ Ивановъ съ нѣтерпѣніемъ уже дождался ее на улицѣ. Онъ схватилъ Машу въ оханку, посадилъ въ телѣгу и помчался къ Вознесенью.

Остальное читателямъ уже извѣстно.

XV.

СЛѢДСТВІЕ И АРЕСТЪ.

Николай Ивановичъ опять дѣлалъ путину. Кладъ имъ была снята отъ Вьюнина.

Пасмурный осенній день наводилъ на душу человека какое-то уныніе и тоску. Небо покрыло всю природу, какъ свицовымъ однообразнымъ шатромъ. Въ воздухѣ была какая-то тонкая, туманоподобная изморось, застилающая даже и слыш-

комъ отдаленные предметы. Видимо дождя хоть и не было, но за что ни возмись, все было мокро; лицо постоянно нужно было вытирать платкомъ. Кое-гдѣ тянулись по Волгѣ бичевою запоздалыя осеннія барки. Бурлаки въ коротенькихъ кафтаняхъ, какъ видно, не съ большою охотою шли по грязному и скользкому бичевнику. Унылая осенняя природа не располагала даже и къ ходовымъ пѣснямъ. Изъ одной артели затагнули было для ободренія себя человекъ пять-шесть известную безконечную пѣсню:

«Держи ту же—пойдетъ слабже,

«Давай ближе—вода тише, и т. д.

но прочіе артельщики не подхватили, по этому случаю пересталъ и запѣвало.

Въ это унылое время вверхъ по теченію Волги гребла въ два весла легкая лодка, посреди которой, на подстилкѣ изъ сверченныхъ мочальныхъ снастей, лежалъ, скорчась на рогожкѣ, Николай Ивановичъ. Въ защиту отъ измороси и отъ начинающагося средка мелкаго дождика, онъ тоже покрылъ себя рогожей. Около Николая Ивановича, а также на кормѣ и на носу лодки лежали короваи печенаго хлѣба.

Какъ скоро лодка равнялась съ какой нибудь артелью бурлаковъ, идущихъ бичевою, тотчасъ съ лодки дѣлали артели привѣтственный окликъ: — «Богъ въ помощь, *коренная шитка съ товарищами*» *.

— Богъ спасетъ! отвѣчала на это вся артель.

Тѣмъ дѣло и кончалось, лодка гребла мимо, а бурлаки по прежнему тянули бичеву.

Николай Ивановичъ съѣзжалъ съ барки въ одно селеніе для закупки харчей: нужно было купить гороху, говядины и хлѣба; но Николай Ивановичъ по необходимости ограничился однимъ только хлѣбомъ: на прочія харчи не достало у него денегъ. Онъ надѣялся было, что не дадутъ ли ему этого въ долгъ; но надежды его не оправдались.

Въ головѣ и въ душѣ Николая Ивановича не лучше было окружающей его природы: мысли его также были мрачны и туманны. Онъ разсматривалъ тогда жизненные свои обстоятельства, обстановку и ту среду, въ которой жилъ, которую онъ началъ понемногу понимать и оцѣнивать и которая пугала его

* Коренная шитка называется самый передній бурлакъ изъ всей артели, которая лямками тянетъ бичеву.

своею безчувственностію и дикимъ, невѣжественнымъ взглядомъ на предметы. На каждомъ шагу встрѣчалъ онъ рѣзкое противорѣчіе своимъ убѣжденіямъ, вездѣ сталъ замѣчать одинъ только обманъ и зложелательство, прикрываемыя благовидною личною, а иногда и безъ всякой прикрышки. Опытъ жизни началъ убѣждать его въ самой горькой истинѣ, что въ той средѣ, въ которой судьба заставила его вращаться, безчестному человѣку жить несравненно выгоднѣе. Такой человѣкъ можетъ вѣрно рассчитывать и на особенный себѣ почетъ и на общественное уваженіе, даже, нѣкоторымъ образомъ—на сочувствіе. Николай Ивановичъ зналъ, напримѣръ, одного человѣка, котораго назадъ тому нѣсколько времени всѣ единодушно презирали и гнушались за отвратительную черноту его развратной жизни, за его грубое и невѣжественное обхожденіе, за его замѣчательное тупоуміе и проч. и проч., а теперь, когда этотъ человѣкъ ознаменовалъ себя болѣе замѣчательнымъ, безчестнымъ дѣломъ, когда удалось ему ограбить другого человѣка, завести у себя подъ рукою отдѣленіе монетнаго двора и огласить внезапно появившійся у него капиталъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы ему капиталъ этотъ *свинья на рыль принесла*— все общество обратилось къ нему съ самымъ умилымъ лицомъ; всѣ стали въ глаза отдавать ему почетъ и уваженіе, стали считать себя за честь, если онъ своей грязной лапой пожметъ чью нибудь руку. Какъ грубый невѣжда, онъ сдѣлался еще отвратительнѣе, повелъ жизнь еще развратнѣе, безчестныя поступки сталъ дѣлать уже не стѣсняясь—открыто. Всѣ это знали и видѣли, и ни у кого не поворачивался языкъ назвать его, за глаза, именемъ, всѣ называли его плутомъ и мошенникомъ, и все таки избрали его градскимъ главою. Напротивъ, бѣдный человѣкъ, честнымъ трудомъ добывающій себѣ скудный кусокъ хлѣба, сколько бы онъ честенъ и благороденъ ни былъ, остается въ вѣчномъ униженіи, и въ самой крайней своей нуждѣ не можетъ уже рассчитывать ни на чье сочувствіе.

Николай Ивановичъ все это видѣлъ и сознавалъ ясно, а частію испыталъ и самъ.

Не менѣе того тяготила Николая Ивановича и его домашняя—семейная жизнь. Безграничный деспотизмъ и жестокость матери начали его пугать: «Пожалуй, и со мной сдѣлаетъ тоже, что и съ Машей», думалъ Николай Ивановичъ.

Но теперь болѣе всего заботили его настоящіи печальныя

обстоятельства. Ему непременно нужны деньги, а взять ихъ было негдѣ.

Чтобы выпутаться изъ этихъ обстоятельствъ, онъ рѣшился на отчаянный поступокъ: продать изъ барки пшеницы на столько, чтобы поправить свои нужды, а хозяину представить за это, какъ онъ хочетъ, во первыхъ $\frac{2}{3}$ рядной цѣны за поставку, а во вторыхъ, все свое движимое имущество, котораго на это достанетъ.

По контракту, Николай Ивановичъ имѣлъ только право продать часть кладн на удовлетвореніе бурлацкихъ нуждъ, т. е. на продовольствіе ихъ во время пути, а для исправленія своихъ домашнихъ нуждъ права не имѣлъ. Здѣсь уже онъ рѣшался на авось. «Если сойdetъ съ рукъ, такъ сойdetъ, думалъ Николай Ивановичъ — а не сойdetъ, такъ пусть дѣлаютъ со мной что хотятъ, пусть хоть въ Сибирь ссылаютъ; а другаго исхода дѣлу нѣтъ.» Хозяинъ отказался отъ всякаго вспомошествованія, не смотря на то, что за собой оставилъ двѣ трети рядной цѣны; другіе въ долгъ не даютъ; мать требуетъ денегъ, бурлаки требуютъ харчей, въ противномъ случаѣ хотятъ разбѣжаться, и они правы, потому что въ харчахъ остановитъ нельзя. «Такъ чортъ знаетъ что и дѣлать-то теперь? продолжалъ разсуждать Николай Ивановичъ, теперь вотъ съ честностью-то и выпутайся изъ этого дѣла. А все проклятыя суденышки, да барочки до этого довели». Тутъ Николаю Ивановичу окончательно опротивѣла волжская промышленность, ей только и приписывалъ онъ свои тяжелыя обстоятельства. «Если дома меня оставить — продолжалъ разсуждать Николай Ивановичъ — такъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ у насъ судовъ: хозяинъ, вѣроятно, заберетъ себѣ и судно и барку. Деньгъ тоже лишнихъ не будетъ, стало быть вновь покупать будетъ не на что. Конечно, плохо жить и безъ денегъ, да ужъ все же лучше, какъ разориться. Матушка отъ несчастія, вѣроятно, присмирѣетъ, а обвинять меня въ этомъ не можетъ, потому что сама видитъ, что я не зря бросилъ капиталъ, а не жалѣя уже себя хлопоталъ все о приобрѣтеніи денегъ».

Покуда Николай Ивановичъ, лежа въ лодкѣ, разсуждалъ такимъ образомъ, лодка между тѣмъ подъѣхала къ своей баркѣ: Какъ скоро бурлаки увидѣли, что хозяинъ не купилъ для нихъ ни гороху, ни говядины, всѣ закричали на него благимъ матомъ, начали ругаться и потребовали паспортовъ, тѣмъ болѣе, что

встрѣтилось тутъ новое обстоятельство, барка на перекатѣ не проходила, нужно было ее распаузить.

— Шелепомъ бы тебя съ Волги-то прогнать, промышленника! кричали бурлаки.

Николай Ивановичъ въ оправданіе свое сообщилъ бурлакамъ чистосердечно, что у него нѣтъ денегъ.

— Такъ что же ты безъ денегъ промышлять-то суешься, такой сякой! неистово кричали бурлаки: ужь коли денегъ своихъ нѣтъ, такъ что же ты у хозяина-то не бралъ? помнился-ли съ чѣмъ въ путину-ту отправлялся?

— Да хозяинъ-отъ, мошенникъ, обманулъ, обѣщался дать, а потомъ отказалъ.

— Такъ что ему, мошеннику, въ зубы-то глядѣть-то, пшеницу продавай! пшеницы-то намъ на харчи-то достанетъ; раскатай всю, да и шабашъ, а барку-то на небеса пустилъ! прибавляли бурлаки шуточнымъ тономъ, намекая этимъ на то, что барку послѣ можно сжечь. Мало-ли этакъ-то дѣлають. Сидорка, вонъ, Трепало отъ этого въ люди вышелъ!

— Всего, ребята, не переймешь, что люди-то дѣлають, отвѣтилъ Николай Ивановичъ;—а я вотъ хоть не всю, а немного-то дѣйствительно надобно продать, дѣлать-то нечего.

— Немного нечего приниматься, нечего и рукъ марать. — замѣтили бурлаки положительнымъ тономъ:— семь, бѣдъ—одни отвѣтъ.

— Ну, ужь тамъ увидимъ, что продается, сказалъ Николай Ивановичъ для успокоенія бурлаковъ: только вотъ покупателей, я думаю, здѣсь не найдешь?

— Здѣсь только цыкни, мужики здѣсь богатые, живо прикатятъ! сообщили положительно лоцманъ и водоливъ, повидимому, весьма довольные такимъ намѣреніемъ Николая Ивановича: — пожалуй, мы сходимъ, такъ сейчасъ же придутъ покупатели.

— Пожалуй, и мы сходимъ! вызвались изъ артели человѣкъ съ десять.

— Сходите! произнесъ угрюмо Николай Ивановичъ.

Водоливъ и нѣсколько человѣкъ бурлаковъ опростетью побѣжали за покупателями.

Николай Ивановичъ сошелъ въ казенку. Грустное чувство овладѣло имъ. «Ужь подлинно, что вѣкъ пережить, не поле перейти! думалъ онъ про себя. Чего-то въ своей жизни не

переживешь! чего не почувствуешь! чего не переделаешь!.. Вотъ хоть бы теперь рѣшился я продать чужой пшеницы, со стороны ужъ всякій скажетъ, что это мошенническая штука, и мошенникъ-отъ первый это и скажетъ, потому что подобныя штуки большею частію только одни мошенники и дѣлаютъ. А если вникнуть въ сущность дѣла, такъ съ моей стороны мошенничества тутъ немного, даже дѣлаю это себѣ не столько въ пользу, сколько во вредъ—въ убытокъ. Теперь я долженъ по необходимости продавать пшеницу за безцѣнокъ, а ужъ извѣстно, что хозяинъ поставитъ за нее самую высокую цѣну. Я продамъ, напримѣръ, на ту сумму, которая теперь за нимъ и чего стоитъ барка, а ужъ вѣрно въ то число прихватитъ и расшиву; а пожалуй, присвтается и къ дому; впрочемъ, нужно, чтобы домъ остался, нужно, значить, продать лучше по меньше. Ужъ разоримся такъ разоримся! а домъ все таки нужно оставить».

Къ вечеру явились покупатели, а къ полуночи Николай Ивановичъ закончилъ продажу.

Лоцманъ и водоливъ и всѣ бурлаки, такъ и изумились, что Николай Ивановичъ остановился, по ихъ мнѣнію, на половинѣ дороги.

— Что ты, хозяинъ! мало! еще надобно продавать! настаивали лоцманъ и водоливъ.

— Довольно! теперь исправимся, отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Да исправимся-то знамо что исправимся, да чего тутъ взять-то? самъ посуди! Вѣдь тоже вотъ, мы хлопотали, да и ребята-то вонъ тоже хлопотали... намекнулъ лоцманъ.

— Вы на то порядились, что хлопотать, отвѣтилъ немножко съ досадою Николай Ивановичъ.

— Такъ какъ же, Николай Ивановичъ? этакъ-то, вѣдь, небольшое ладно, что ты пшеницу-то чужую по плесамъ началъ продавать, заговорила вся артель совершенно другимъ уже тономъ; мы за тебя, братъ, отвѣчать не станемъ, прямо тебѣ говоримъ, мы сейчасъ же объ этомъ объявимъ начальству, что такъ, молъ, и такъ.

— Объявленіемъ-то меня, ребята, не страшайте, я самъ объ этомъ объявлю, отвѣтилъ съ твердостью Николай Ивановичъ: я, вѣдь, продалъ это не украдкой, а скажу объ этомъ хозяину, пожалуй, и вы скажете, я этого не боюсь.

Лощманъ и водоливъ только руками развели, и заключили изъ этого, что либо хозяинъ у нихъ вовсе сошелъ съ ума, либо ужь дѣйствительно такого олуха надобно прогнать съ Волги шелепомъ. «Чортъ знаетъ что и дѣлаетъ!» произнесъ про себя лощманъ, въ недоумѣніи всплеснувши руками.

Послѣ этого бурлаки, потолковавши кое-что между собой, какъ будто нѣхотя принялись работать.

Лощманъ и водоливъ страшно пригорюнились и часто между собою о чемъ-то перешептывались.

На другой день утромъ лощманъ и водоливъ, принявъ на себя заботливый видъ, сообщили Николаю Ивановичу, что они на счетъ распродажи пшеницы болно ужь сомнѣваются, что нужно непременно подать объ этомъ объявленіе, а иначе они не тронутся и съ мѣста. Здѣсь—хозяинъ надобно говорить дѣло, какъ бы не наотвѣчаться и намъ. Какъ начальство само объ этомъ узнаетъ, такъ тогда ужь поздно будетъ объявлять. Теперь надобно тебѣ объявить, въ городъ надо съѣздить, дѣлать-то нѣчего, себя-то очистишь, да и мы-то будемъ покойны.

Николай Ивановичъ и самъ разсудилъ, что, дѣйствительно, нужно подать объ этомъ объявленіе, и потому, ни мало не медля, съѣхалъ на берегъ и отправился въ городъ, который находился въ 50 верстахъ.

По прибытіи въ городъ, онъ подалъ въ земскій судъ объявленіе въ такомъ смыслѣ, «что по случаю мелководія, онъ встрѣтилъ крайнюю нужду въ деньгахъ, какъ для покупки или найма паузка, такъ равно и для продовольствія рабочихъ, и потому, за неимѣніемъ денегъ, онъ, по силѣ контракта, проситъ разрѣшенія продать для этого часть клади, и тѣмъ дать возможность къ своевременному доставленію поставки до предназначеннаго мѣста».

Земскій судъ сначала было заартачился, но Николай Ивановичъ, при помощи нѣсколькихъ рублей серебромъ, убѣдилъ всѣхъ членовъ ясно и положительно, что препятствовать въ этомъ нельзя. Убѣжденный доводами Николая Ивановича, земскій судъ согласился и выдалъ ему дозволеніе: «продать клади столько, сколько потребуетъ этого дѣйствительная необходимость».

Получивъ такое дозволеніе изъ земскаго суда, Николай Ивановичъ сдѣлался много спокойнѣе. Послѣ продажи пшеницы мысли его совсѣмъ перестроились. Онъ началъ тревожиться,

чтобы за этотъ поступокъ и въ самомъ дѣлѣ не сослали его въ Сибирь. Хоть ссылки онъ и теперь не боялся, но боялся за Катю, что она не перенесетъ этого удара и не выдержитъ дороги въ Сибирь, хоть на это она и согласилась.

Но болѣе всего безпокоило Николая Ивановича наказаніе, что какъ бы не отдули еще его плетьюми. Этого ему прежде не приходило и въ голову: совершенно упустилъ изъ виду. Хоть и не считалъ онъ себя преступникомъ, потому что проданную пшеницу обезпечивалъ своимъ капиталомъ; но все-таки сознавалъ, что на посторонній взглядъ поступокъ его не можетъ назваться похвальнымъ и законнымъ. Теперь, когда получалъ разрѣшеніе на продажу пшеницы, онъ сдѣлался покойнѣе.

Въ это время подулъ довольно сильный низовый вѣтеръ. Николай Ивановичъ хотѣлъ было подождать своей барки въ городѣ, думалъ, что она не подбѣжитъ-ли вѣтромъ; но послѣ опять раздумалъ, поопасился, что какъ бы его не стали, съ дуру, дожидаться бурлаки на одномъ мѣстѣ. А потому сѣлъ онъ въ легкую лодку и отправился на встрѣчу барки.

Судя по разстоянію и по попутному вѣтру, Николай Ивановичъ давно уже посматривалъ своей барки, но ее не показывалось. Наконецъ, проѣхавъ еще версть пятокъ, онъ посмотрѣлъ впередъ, да такъ и осовѣлъ. Барка его ткнулась въ береговую каменную гряду и затонула по порыска.

— Что вы это надѣлали, мошенники! закричалъ Николай Ивановичъ, взлѣзая на барку.

— Что станешь дѣлать! произнесъ лоцманъ съ глубокимъ сожалѣніемъ и, повидимому, чрезвычайно разстроенный настоящимъ несчастіемъ: вѣтромъ бѣжали, Николай Ивановичъ, да никакъ правезъ не взялъ, хоть спроси вотъ всей артели.

— Никакъ не справили, Николай Ивановичъ! сила не взяла да и только! заорала чуть не вся артель.

— А оно, знаешь, подхватило изъ оболочка да этакъ, знаешь, и тово.... добавилъ одинъ бурлакъ.

— Вихорѣкъ, знаешь, вкатился въ парусъ-отъ, правезъ-отъ, значить, и не взялъ, пояснилъ третій.

— Легче-бы руки на себя наложить! произнесъ, въ свою очередь, лоцманъ, всплеснувши отъ огорченія руками.

— Ну, ужъ руки-то теперь накладывать на себя некогда, замѣтилъ торопливо Николай Ивановичъ: дѣло-то надобно дѣлать: пшеницу-то надобно таскать на берегъ.

— Мы отъ дѣла не отказываемся, Николай Ивановичъ! вскричали съ готовностію всѣ бурлаки: мы работать готовы, только заставляй!... И бурлаки съ величайшимъ усердіемъ принялись работать.

Николай Ивановичъ первымъ дѣломъ поспѣшилъ отправить къ хозяину клади эстафету и распорядился о выгрузкѣ затопшаго хлѣба.

Сначала разослали на берегу парусъ, топсель и сколько было рогожъ и стали таскать на нихъ изъ барки мокрую пшеницу. Сверху пудовъ 300 захватили еще сухой.

Въ это время набѣжало изъ деревень народу человекъ двѣсти. По просьбѣ Николая Ивановича всѣ принялись пособлять бурлакамъ таскать пшеницу.

По выгрузкѣ затопшей пшеницы, Николай Ивановичъ снова поспѣшилъ въ городъ для подачи объявленія о встрѣтившемся несчастіи.

Въ нижнемъ земскомъ судѣ, повидимому, рады были этому объявленію: тотчасъ нарядили слѣдственную комиссію, въ составѣ которой пожелалъ быть самъ капитанъ-исправникъ и сверхъ того: засѣдатель, членъ магистрата и приличное число канцелярскихъ служителей.

По прибытіи на мѣсто, слѣдственная комиссія сочла нужнымъ, въ видахъ сбереженія хозяйскаго интереса, распорядиться о немедленной распродажѣ всей пшеницы, которая была вытаскана на берегъ, и которую, по случаю пасмурныхъ дней, дѣйствительно, трудно было высушить, а нѣкоторую даже и невозможно, потому что слишкомъ уже размокла.

За дешевою пшеницею со всѣхъ сторонъ съѣхалось народу многое множество. Для скорости пшеница распродавалась не вѣсомъ и не мѣрою, а кучами—глазомѣрно. Комиссія сама назначила за кучи цѣну, сама получала деньги и сама себя контролировала. Николаю Ивановича до этого уже не допускали.

Пшеницу распродали въ однѣ сутки, и на другой день не осталось на берегу ни одного зерна. Слѣдственная комиссія, по дорогѣ, распродала уже и сухую пшеницу.

Тутъ Николаю Ивановичу невольнымъ образомъ пришли на память знаменитыя слова своего родителя, относящіяся до чиновнаго люда: «Вы, господа, молю, поядающее вся».

Носились слухи, будто бы нижній земскій судъ выручилъ за эту пшеницу всего до 10,000 рублей; но изъ постановленія

слѣдственной комисіи ясно было видно, что всего выручено только 4,896 руб. 39½ коп. Стало быть, слухи были ложны.

Послѣ этого произведено было слѣдствіе, по которому оказалось, что барка Николая Ивановича, нагруженная пшеницею купца Вьюнова, такого-то числа бѣжала весьма сильнымъ вѣтромъ и волею Божіею набѣжала на камни, отъ чего и затонула. Самого же хозяина при этомъ не было.

Обстоятельство это подтвердили единогласно все бурлаки, спрошенные подъ присягою, и сверхъ того, нѣсколько человекъ постороннихъ, которые видѣли, какъ барка бѣжала вѣтромъ.

Сдѣлавши бурлакамъ надлежащіе допросы, слѣдственная комисія успѣшила выдать имъ паспорта и дать свободу. Бурлаки не стали ждать ни одной минуты, а опроретью отправились по домамъ.

На третій день послѣ прибытія слѣдственной комисіи, прискакалъ и хозяинъ, и засталъ еще комисію на мѣстѣ слѣдствія.

Узнавъ на скорую руку о настоящемъ положеніи дѣла и не имѣя никакихъ душевныхъ качествъ кромѣ малодушія, злости и скряжничества, Вьюновъ первымъ дѣломъ заревѣлъ какъ баранъ, и, не вынеся душевной своей скорби, началъ со злости вырывать по щепоткѣ и безъ того уже весьма скудные остатки своихъ волосъ.

Образумившись немного, Вьюновъ напустился на Николая Ивановича.

— Что ты, мошенникъ, надѣлалъ со мной! началъ Вьюновъ неустово:—погубилъ ты меня, разбойникъ этакой! Куда добро-то мое дѣвалъ, мошенникъ!... Ой, батюшки! о! о! о! ой!... Въ Сибирь, разбойника, сошлю! въ каторгу!... слышишь? въ каторгу!... о!-о-ой!... и Вьюновъ въ досадѣ опять выдернулъ маленькую щепоточку волосъ.

— За что же ты меня ругаешь? отозвался Николай Ивановичъ; развѣ я здѣсь получалъ какую-нибудь выгоду? я самъ отъ этого разорился.

— Надъ тобой бы дѣлалось, надъ мошенникомъ! Чтобы тебѣ въ аду-то мѣста не было, разбойнику!... Вѣдь у меня здѣсь, разбойникъ, погибло на двадцать тысячъ! о-о-ой! батюшки!... о-о-ой!

— Не все еще погибло, возразилъ Николай Ивановичъ: моихъ денегъ за тобой 800 рублей, барка вотъ съ припасами тебѣ же пойдетъ, деньги вырученныя получишь...

— Не учи меня, разбойникъ! самъ не хуже тебя все знаю, перебилъ его. Вьюновъ: вѣдь ты всю пшеницу у меня распродалъ, мошенникъ! да и барку-то потопилъ нарочно.

— Что я продалъ самъ, за то отвѣчаю, а барка потонула безъ меня, ты этимъ меня не кори. А затопшую пшеницу продало начальство. За что же ты меня ругаешь?

— Молчи ужь, разбойникъ, не раздражай меня! закричал Вьюновъ, и отъ невыносимой досады заткнулъ свои уши пальцами, для того, чтобы не слышать словъ Николая Ивановича.

Обругавъ по своему усмотрѣнiю поставщика, Вьюновъ бросился на земскую полицiю, нагрубилъ всѣмъ членамъ и въ озартѣ обозвалъ ихъ грабителями.

Оскорбленная этимъ комиссiя пришла въ страшное неистовство, сдѣлала объ этомъ постановленiе и представила на обсужденiе судебного мѣста.

Съ тѣхъ поръ члены земскаго суда сдѣлались заклятыми врагами Вьюнова и, конечно, старались сдѣлать ему наперекоръ.

По прибытiи въ городъ, комиссiя передала слѣдственное дѣло на обсужденiе городского магистрата, а вырученныя за пшеницу деньги постановлено было выдать по принадлежности купцу Вьюнову. Всей вырученной суммы, по вновь произведенной свѣркѣ, оказалось не 4,896 руб. 39½ коп., а 3,896 руб. 39½ коп., стало быть цифра 4 вмѣсто 3 поставлена была по ошибкѣ писца. Это уже ясно какъ день!

Послѣ этого, оставалось бы, кажется, Вьюнову благодарить только нижнiй земскiй судъ, что онъ такъ заботливо соблюдалъ всѣ его интересы: пшеницу продалъ своевременно и по самымъ высокимъ цѣнамъ; вырученныя деньги сохранилъ въ цѣлости до послѣдней полукопѣйки и предназначилъ къ выдачѣ ему: такъ нѣтъ, купецъ Вьюновъ и тѣмъ остался недоволенъ, заподозрилъ въ чемъ-то нижнiй земскiй судъ и подалъ прошенiе губернатору о строжайшемъ переслѣдованiи дѣла и о какихъ-то злоупотребленiяхъ со стороны земскаго суда.

Губернаторъ распорядился произвести самое строжайшее слѣдствие, нарядилъ новую комиссiю, въ составъ коей командировалъ одного изъ самыхъ свирѣпѣйшихъ чиновниковъ особыхъ порученiй, человека исполнительнаго, строгаго и совершенно уже неподкупнаго.

Сверхъ того, въ комиссiю находились: городничiй, водяной смотритель, стряпчiй, ратманъ и канцелярiя. Впрочемъ, стряпчiй

былъ только для счету, потому что постоянно находился въ безчувственномъ состояніи. Главнымъ президентомъ былъ хоть городничій, но дѣлами орудовалъ чиповникъ особыхъ порученій. Комисіи велѣно открыть всѣ обстоятельства дѣла до малѣйшей подробности.

Строгіе слѣдователи первымъ дѣломъ распорядились взять Николая Ивановича подѣ караулъ, слѣдали ему строжайшій допросъ: сколько онъ продалъ пшеницы, на какую сумму, кому именно продалъ и проч.

Николай Ивановичъ показалъ все какъ было: объяснилъ, сколько продалъ пшеницы, въ какихъ деревняхъ, а кому именно? не знаетъ, но обѣщался тѣхъ людей узнать въ лицо.

Комисіа отправилась на мѣсто происшествія, захвативъ съ собой, конечно, и Николая Ивановича.

Дорогой строгіе слѣдопроизводители разъ пять принимались внушать Николаю Ивановичу, что они имѣютъ полное право и увечь его въ Сибирь, и оставить дома.

Къ вечеру, по прїездѣ уже на мѣсто, кавалеръ водянаго смотрителя перевелъ эти внушенія на общепонятный русскій языкъ, что господъ нужно поблагодарить хоть, покрайней мѣрѣ, 50-ю рублями.

— Нѣтъ, братъ кавалеръ, самъ теперъ нуждаюсь, отвѣтилъ Николай Ивановичъ: доложи своимъ господамъ, какъ возвратился въ городъ, такъ поблагодарю, сколько могу, а теперъ, братъ, со мной нѣтъ.

Нужно замѣтить, что Николай Ивановичъ всѣ лишнія деньги отослалъ домой къ Пелагеѣ Петровнѣ.

— Не жалѣй! произнесъ кавалеръ довольно грознымъ тономъ: эй петъ не жалѣй? пожалѣешь—худо будетъ! Мы съ баринномъ все дѣло можемъ перевернуть, мы и не такія дѣла-то обдѣлывали. А не то знаешь, что дѣлаемъ?... вонъ куда улетишь!... И кавалеръ указалъ на страшную даль.

— Ты думаешь, мы даромъ будемъ хлопотать, а? продолжалъ кавалеръ: даромъ, что-ли, думаешь?

Сдѣлавши такой вопросъ, кавалеръ принялъ на себя самую грозную и величавую осанку и сталъ быстро прохаживаться по избѣ, не сводя грозныхъ глазъ съ Николая Ивановича.

— Я, вонъ, сегодня на мѣстѣ не посидѣлъ, началъ опять кавалеръ, остановившись предъ Николаемъ Ивановичемъ и сердито ставя брови: это, я думаю, чего нибудь да стоитъ? я вѣдь

не мѣщаниншко какой-нибудь! изъ за чего я хлопочу-то? изъ за чего мы съ барининомъ-то здѣсь проѣдаемся, а?

— Богъ дастъ, заплачу, кавалеръ, вотъ какъ въ городъ пріѣду; а теперъ вотъ тебѣ на хлопоты... И Николай Ивановичъ, чтобы отвязаться отъ кавалера, сунулъ ему въ руки цѣлковой.

— Смотри, чтобы заплатить! чтобы было вѣрно! я, братъ, фальши не люблю; мы можемъ подождать и до города, только, слушай, чтобы было вѣрно! ты, братъ, у насъ и въ городѣ не уйдешь. Я такъ доложу и барину; а ужъ какъ я доложу, такъ и будетъ: что баринъ, что я, все равно.

Слѣдопроизводители пріѣхали въ тѣ деревни, гдѣ Николай Ивановичъ продавалъ пшеницу, сбили поголовно всѣхъ мужиковъ и сдѣлали имъ очныя ставки съ Николаемъ Ивановичемъ. Изъ числа ихъ Николай Ивановичъ узналъ только двухъ чловѣкъ, которые покупали у него пшеницу.

— А-а! мошенники! вотъ они гдѣ, разбойники! закричалъ неистово чиновникъ особыхъ порученій, схвативши мужиковъ за бороды: я васъ, мошенниковъ! всѣхъ въ Сибирь упрячу! и продавца, и покупателей одной цѣпью скую! въ острогѣ уморю! меня ужъ не подкупите, разбойники! Я не чиновникъ земскаго суда!... Много-ли вы пшеницы-то купили? говорите!

— Никакъ цѣтъ, отвѣтили оробѣвшіе мужики: мы знать ничего не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ.

— А-а! разбойники! запирайтесь? постоитъ, мошенники! скажете все!... Попа сюда! давайте сюда поскорѣе попа! вскричалъ слѣдопроизводитель.

Пришелъ священникъ и привелъ кого слѣдуетъ къ присягѣ.

Для чего именно строгій слѣдопроизводитель пустилъ предварительно такую грозу? — неизвѣстно; но только всѣ мужики пришли въ такой трепетъ и ужасъ, что рѣшились, во что бы то ни стало, не говорить слѣдопроизводителю никакой правды, а стоять на одномъ, что «знать не знаю — вѣдать не вѣдаю».

— Крестъ-отъ цѣловать-то, вѣдь, не грѣхъ, замѣтили мужики на счетъ присяги.

— Меня, я думаю, двадцать разъ къ присягѣ-то гоняли, подтвердилъ одинъ мужикъ:— какъ бы все правду-то говорить, такъ ужъ давно бы быть въ Сибири.

Принялись дѣлать формальные допросы. Письмоводитель, какъ слѣдуетъ, началъ отбирать показанія, а строгіе слѣдопроизво-

дителя тѣмъ временемъ отправились закусывать и съ усталости выпить водки.

«18. . . года сентября. . . дня. Крестьянинъ деревни Куверлева, Иванъ Сидоровъ, въ присутствіи такихъ-то слѣдопроизводителей былъ спрашиванъ и показалъ: Иваномъ меня зовутъ, Сидоровъ сынъ, у исповѣди и св. причастія бываю, грамотѣ не знаю, въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ, никакой раскольнической секты не придерживаюсь. Мѣщанина Николая Боброва никогда не видалъ, пшеницы у него не покупалъ и покупалъ-ли кто другой — не знаю и ни у кого объ этомъ не слыхалъ. Въ чемъ и показую самую сущую правду» и проч.

Изъ слова въ слово показали и всѣ другіе крестьяне, которыхъ опрошено было человекъ до-ста.

Отобравши всѣ показанія, грозные производители перешли въ тѣ деревни, противъ которыхъ потонула барка.

Слѣдствіе началось точно также. Слѣдопроизводители съ пылающимъ гнѣвомъ стали допрашивать мужиковъ; мужики всѣ единогласно показали, что «когда барка бѣжала вѣтромъ — не видали, и бѣжала-ли она—этого они не знаютъ, да и самой барки не видали, изъ барки пшеницы на берегъ не таскали, мокрой пшеницы ни у кого не покупали и продавалась-ли такова, того не знаютъ»....

Такимъ образомъ по произведеніи строжайшаго переслѣдованія оказалось, что не только пшеницы никто не покупалъ, но и барка какъ-будто никогда не тонувала и все обстоитъ благополучно.

Между тѣмъ Николай Ивановичъ развѣдалъ, что когда онъ ѣздилъ въ городъ подавать объявленіе, то лоцманъ и водоливъ заодно съ бурлаками тихонько продавали пшеницу и барку потопили, можетъ быть, умысленно.

— «Ну, ужь чья душа въ грѣхѣ, та и въ отвѣтѣ», подумалъ про себя Николай Ивановичъ, махнувши на все рукою.

Сформировавъ слѣдственное дѣло самымъ изящнымъ манеромъ, подшивъ для ясности и полноты дѣла всѣ приказы сотскимъ и десятскимъ, строгіе слѣдопроизводители съ гордостью возвратились въ городъ.

Въ дѣлѣ по перемѣтѣ оказалось 712 листовъ.

Узнавъ о сдержаніи новаго слѣдствія, Вьюновъ начисто уже опциналъ свою голову, такъ что новое огорченіе нельзя ужь

было ему порядочно и выразить. Скрежетать зубами онъ то же не могъ, потому что и зубовъ было немного.

Новое слѣдственное дѣло препроводили къ общему обсужденію городского магистрата; а Николая Ивановича, неизвѣстно для чего, отдали подъ присмотръ городской полиціи до окончанія дѣла.

Избѣгая лишнихъ хлопотъ, полиція лишила его всякой свободы и заключила на сѣзжій домъ, ни мало не заботясь о томъ, чѣмъ онъ будетъ себя продовольствовать.

Первый день своего заключенія Николай Ивановичъ провелъ рѣшительно безъ куска хлѣба, потому что негдѣ было взять его. На другой день голодъ заставилъ его обратиться съ просьбою къ сторожу, чтобы онъ потрудился достать ему калачей.

— А гдѣ мнѣ ихъ взять-то? — отвѣтилъ грубо сторожъ: — Еще калачей захотѣлъ! а не жрешь хлѣбъ да воду? вишь какой барищъ.

— Ты, служивой, только купи мнѣ да принеси сюда, а я ужь денегъ-то дамъ,—объяснялъ Николай Ивановичъ, разговаривая со сторожемъ сквозь маленькое окошко, продѣланное на двери.

— Что я за мальчикъ ходить-то про тебя! — рыкнулъ свирѣпо сторожъ: — у меня служба — некогда.

— Да, вѣдь, мнѣ не умирать же здѣсь, проговорилъ съ огорченіемъ Николай Ивановичъ.

— А хоть и околѣешь, такъ мнѣ не велика нужда-то. Колѣй! чортъ съ тобой! произнесъ сторожъ, спокойно нюхая табакъ.

Если бы Николай Ивановичъ былъ тогда на свободѣ, то не мудрено, что для сторожа слова эти были бы послѣдними.

Оголодавшій до-нельзя и раздосадованный такимъ безчеловѣчнымъ съ нимъ обращеніемъ, Николай Ивановичъ готовъ былъ тогда положить сторожа на мѣстѣ; но желѣзная задвижка и крѣпкая дверь остановили его порывы.

Отъ злости и досады Николай Ивановичъ не могъ говорить, а потому отошелъ отъ двери и прислонился къ стѣнѣ, чтобы немножко успокоиться. Въ комнатѣ не было ни лавокъ, ни стульевъ, на полу валялись какіе-то два пьяныхъ арестанта, которыхъ посадили туда ночью для отрезвленія.

Постоявъ съ полчаса у стѣны и томимый голодомъ, Николай Ивановичъ опять подошелъ къ двери и, скрѣпя себя, снова сталъ упрашивать сторожа сходить за калачами.

— Сходи, пожалуйста, служивой! я тебѣ заплачу за это сколько угодно!

— Знаемъ мы васъ — заплачу, — отвѣтилъ сторожъ: — сколько заплатишь-то? .

— Да вотъ купи мнѣ 10 калачей, а то тамъ возьми изъ сдачи-то сколько тебѣ нужно, — сказалъ Николай Ивановичъ, подавая сторожу цѣлковый.

— Ну, давай сюда, дѣлать нечего, схожу, проговорилъ сторожъ лѣниво.

По какому-то особенному случаю полиція оплошала и не озботилась отобрать у Николая Ивановича деньги. А то, изъ видовъ сбереженія частной собственности, она у подобныхъ арестантовъ всегда обирала деньги. Ужь тамъ возвращала-ли, нѣтъ-ли, это ее дѣло, а обобрать-то обирала.

— Что это у тебя за деньги? отобрать бы надобно ихъ, — проворчалъ про себя сторожъ, и съ этими словами отправился за калачами.

Николай Ивановичъ дожидался сторожа цѣлый часъ, и едва едва дождался: голодъ мучилъ его страшнымъ образомъ.

Сторожъ возвратился уже пьяный и принесъ Николаю Ивановичу 9 измятыхъ и истасканныхъ калачей, которые продавались по 2 коп серебромъ.

— На вотъ, братъ, не жалуйся на меня! проговорилъ кое-какъ сторожъ, подавая Николаю Ивановичу калачи: — одинъ только калачикъ взялъ себѣ на закуску. Сегодня крошки во рту не бывало... службу, значить, знаемъ.

— А сдача-то гдѣ же кавалеръ? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Какая тебѣ сдача? что за сдача? я дамъ тебѣ такую сдачу, что опять не попросишь!... Еще сдачи захотѣлъ.... съ этими словами сторожъ полѣзъ къ себѣ па печку.

Въ это время находящіеся виѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ пьяные арестанты немножко уже проспались и бродили по комнатамъ. Отвратительныя и отталкивающія ихъ физиономіи ясно доказывали, что они вполне достойны подобнаго помѣщенія. Оба они были въ худыхъ и засаленныхъ нанковыхъ спибиркахъ и опоясаны кушаками. Повидимому, они занимались однимъ и тѣмъ же ремесломъ.

Когда Николай Ивановичъ отошелъ отъ двери, не получивъ

отъ сторожа сдачу, оба арестанта захохотали надъ нимъ самымъ наглымъ образомъ.

— Что, братъ-товарищъ, много-ли сдачи-то получилъ? ха! ха! ха!...

Николай Ивановичъ не обратилъ на эту выходку никакого вниманія.

— Давай-ко, братъ-товарищъ, разнюхаемъ съ горя табаку, — заговорилъ опять одинъ изъ арестантовъ съ красновато-бугристымъ носомъ, подходя къ Николаю Ивановичу и поднеся ему табаку изъ берестеной табакерки.

— Не нюхаю, — отозвался отрывисто Николай Ивановичъ.

— Ну, сыта собака, коли съна не ѣсть, сказалъ арестантъ, и въ видѣ особенной остроты бросилъ Николаю Ивановичу въ глаза щепотку табаку.

Другой арестантъ захохоталъ на эту выходку во все горло.

Николай Ивановичъ съ горькимъ чувствомъ отвернулся и не сказалъ ни слова, опасаясь озлобить такихъ людей, которые, повидимому, готовы были на всякую дерзость, и, какъ видно, могли въ этомъ мѣстѣ распоряжаться какъ дома.

Черезъ нѣсколько часовъ пришли на съѣзжую квартальный и нѣсколько полицейскихъ чиновниковъ.

Одинъ изъ чиновниковъ довольно начальственнымъ тономъ послалъ сторожа за водкой, даже за недостаткомъ нѣсколькихъ копѣекъ на полштофа приказалъ сторожу доложить своихъ. Сторожъ безпрекословно повиновался.

Другой чиновникъ, повидимому солиднѣе еще перваго, сталъ въ окошко разсматривать арестантовъ.

— А, Горловъ! ты опять здѣсь, табашная поздра? воскликнулъ чиновникъ, увидѣвши арестанта, который подчивалъ Николая Ивановича табакомъ.

— Что дѣлать, ваше благородіе, отвѣчалъ улыбаясь Горловъ: — захмѣлѣлъ вчера съ немножко.

— А это Ванька? продолжалъ любопытствовать чиновникъ, смотря на другаго арестанта: — такъ и есть Ванька! Ахъ вы мошенники этакіе! отпороть бы васъ, мошенниковъ, прибавилъ чиновникъ шутливымъ тономъ.

— Вся ваша власть, ваше благородіе, отвѣтили арестанты съ видомъ покорности. Прикажете выпустить, ваше благородіе.

— За что они посажены? спросилъ чиновникъ, обращаясь къ квартальному.

— Разодрались вчерась на стояломъ дворѣ, да въ карманъ было къ кому-то залѣзли—отвѣтилъ хладнокровно квартальный.

— Все это напрасно на насъ, ваше благородіе, отозвался Горловъ съ двусмысленной наглою улыбкой: — прикажите выпустить, ваше благородіе.

— А штофъ вина купишь? спросилъ шутиливо чиновникъ.

— Хоть полведра, ваше благородіе! подхватили арестанты: — У насъ за этимъ, сами знаете, дѣло никогда не встанетъ.

— Экіе мошенники! экіе разбойники! произносилъ съ усмѣшкою чиновникъ: — выпустите ихъ, мошенниковъ, сообщилъ онъ шепотомъ свой совѣтъ квартальному.

Квартальный согласился, и арестанты были выпущены.

— А это по дѣлу? спросилъ чиновникъ, указывая на Николая Ивановича и принявъ на себя довольно строгій видъ.

— По дѣлу, отвѣчалъ квартальный.

Николай Ивановичъ тоже рѣшился-было попросить о свободѣ; но его не стали и слушать. Онъ передалъ-было что-то на счетъ сторожа и на счетъ его содержанія; но ему приказали замолчать; а въ противномъ случаѣ за грубости противъ начальства угрожали связать ему назадъ руки.

Николай Ивановичъ замолчалъ.

Часа два на съѣзжей продолжалась попойка, въ которой участвовали и освобожденные арестанты.

Въ маленькихъ мѣстечкахъ и глухихъ городахъ подобныя временныя помѣщенія для арестованныхъ бывають ужасны. Сторожа и десятскіе также соотвѣтствуютъ помѣщенію. Большею частію служатъ тутъ люди грубые и безчеловѣчные. Сердобольный человѣкъ служить туда не пойдетъ, да и не исполнитъ своей обязанности, какая съ него требуется. Бѣдственное положеніе и горькія слезы несчастныхъ жертвъ, случайно и часто безъ всякой вины попавшихъ въ руки полиціи, ихъ нисколько не тревожатъ. По примѣру своихъ старшихъ, всегда свирѣпо выражающихъ свою власть надъ младшими, сторожа и десятскіе также грубо и свирѣпо обращаются съ своими заключенными, которые находятся въ полномъ и безотвѣтномъ ихъ распоряженіи. Жаловаться нѣкому: большое начальство туда не заглядываетъ, а малое почти само находится во власти сторожей и десятскихъ, потому что при содѣйствіи этихъ людей пріобрѣтаетъ себѣ хлѣбъ насущный.

Такъ, въ описываемую мною эпоху, часто люди правые и че-

стные попадались случайно во власть полиціи и подвергались мучительному томленію въ холодной лачугѣ, постоянно съ разбитыми стеклами, валяясь на грязномъ полу, потому что нѣтъ въ лачугѣ ни скамей, ни стульевъ!

Войдя въ подобную комнату, можно подумать, что тутъ содержатся самые отчаянные преступники—ничуть не бывало. Проидеть поздненько на улицѣ простой человѣкъ, не догадается уступить дорогу какой нибудь полицейской власти—его забираютъ на съѣзжій дворъ. Затѣялось какое нибудь слѣдственное дѣло, въ которомъ участвуетъ бѣдный и беззащитный человѣкъ, незамѣшанный ни въ какомъ предосудительномъ поступкѣ—его отправляютъ подъ присмотръ полиціи, сажаютъ его на съѣзжій дворъ и отдаютъ во власть сторожей. Тамъ терпитъ онъ и холодъ, и голодъ и, конечно, портится нравственно.

Николай Ивановичъ прислѣлъ въ уголокъ своей грязной лачуги и предался самымъ горькимъ размышленіямъ. «За что меня такъ тиранятъ? — думалъ онъ — судомъ-ли определено мнѣ такое наказаніе? или меня считаютъ вреднымъ и опаснымъ человѣкомъ для общества? Такъ съ чего же они взяли, что я опасный человѣкъ? Дѣйствительно—то вредныхъ людей они, вотъ, освободили, а меня оставили... Неужели начальство подобное заключеніе считаетъ ни во что? О! какъ оно въ этомъ ошибается! Одинъ день подобной мучительной жизни въ такой отвратительной лачугѣ, въ которой нельзя ни прислѣсть, ни прилечь, въ сообществѣ съ пьяными мошенниками, подъ начальствомъ пьянаго сторожа грубіяна... одинъ день отниметь, кажется, полвѣка! Неужели они этого не понимаютъ? Здѣсь могутъ заглухнуть въ человѣкѣ всѣ благородныя чувства, здѣсь онъ можетъ совершенно огрубѣть, оскотиниться, ожесточиться, даже сдѣлаться преступникомъ. Неужели это имъ непонятно? вѣдь они, кажется, люди образованные!»...

Николай Ивановичъ не умѣлъ еще хорошенько различать тогда людей. Всякое начальственное лицо онъ считалъ за человѣка образованнаго. Кончившій курсъ въ гимназіи, въ семинаріи, а тѣмъ болѣе въ какомъ нибудь корпусѣ представлялся въ его глазахъ ученѣйшимъ человѣкомъ, понимающимъ общественную жизнь и ея нужды. Онъ не зналъ, въ какой степени получается въ этихъ мѣстахъ образованіе, не зналъ, наконецъ, и того, что могутъ дѣлать злоупотребленіе и образованные люди. При томъ же между образованнымъ только и истинно просвѣщеннымъ че-

любікомъ онъ не полагалъ никакого различія, да и не изъ чего было узнать ему это. Въ эту тяжелую эпоху времени не только просвѣщеніе, но и образованіе въ тѣ края не проникало. Народъ, утопающій въ невѣжествѣ, не сознавалъ потребности ни въ томъ, ни въ другомъ. Правда, являлись изрѣдка и въ эти края, какъ феномены, довольно образованныя иногда личности, но чѣмъ онѣ могли заявить предъ народомъ преимущества своего образованія предъ невѣжествомъ? Въ чемъ могла проявиться ихъ образованная дѣятельность, когда онѣ сами обязаны были находиться подъ рукою и безусловно подчиняться извѣстной формѣ? да и достаточно-ли, наконецъ, одного образованія, чтобы произвести благотѣльное впечатлѣніе на невѣжественную массу и заставить ее сознать свои общественные недуги? Едва-ли!

Всего этого Николай Ивановичъ не зналъ, потому что не зналъ настоящихъ жизненныхъ условій, не зналъ, чего отъ тогдашней администраціи можно было требовать и чему должно безусловно покориться.

Черезъ нѣсколько времени еще пихнули въ его комнату двухъ пьяныхъ мужиковъ, которые побурлили немножко, барахтались, потомъ растянулись на полу и заснули крѣпкимъ сномъ.

«Хоть бы и мнѣ напиться», подумалъ Николай Ивановичъ, — «можетъ быть и я бы заснулъ, или можетъ быть не такъ бы было грустно; да ужъ больно вино-то, проклятое, не нравится».

Часу въ десятомъ вечера въ сторожкѣ послышался женскій голосъ, который, какъ видно, упрасивалъ о чемъ-то пьянаго сторожа.

— Нельзя! вскричалъ сторожъ:—говорять тебѣ, что нельзя! значить и нельзя!

Женщина еще что-то проговорила сторожу; но тотъ, разсвирѣпѣвъ, выгналъ ее вонъ.

Николай Ивановичъ въ это время немножко было вздремнулъ, но послѣднія слова женщины заставила его очнуться. Въ голосъ ея онъ узналъ свою Катю.

XVI.

Адъ.

У Николая Ивановича сердце облилось кровью, когда услышалъ онъ, что его милаго друга вытолкали и не допустили съ нимъ свидѣться кто же не допустилъ? пьяный сторожъ! Отъ

скопленія злобныхъ чувствъ онъ такъ и задрожалъ, торопливо вскочилъ съ своего мѣста и подбѣжалъ къ двери.

— Эй, сторожъ! вскричалъ онъ въ дверное окошко.

— Что ты тутъ кричишь! что тебѣ надо? отозвался сторожъ сурово.

— Кто это сейчасъ приходилъ?

— А что тебѣ за дѣло! сиди, коли сидишь! а не то, я приду, такъ тотчасъ уйму!

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, грубиянишь, мерзавецъ! вспылнлъ Николай Ивановичъ, выходя изъ себя: это моя жена приходила, какъ ты смѣлъ не пустить ее ко мнѣ?!

— Плевать я на твою-то жену хотѣлъ! опять придетъ, такъ еще по шеѣ прогоню отсюда. Не въ урочные часы не ходи!...

— Дотронись только до нее, такъ и шкуры-то на тебѣ не останется! выразился довольно желчно Николай Ивановичъ: здѣсь не пустопись, разбойничать-то не велятъ здѣсь, братъ, есть тоже начальство; погоди немножко, я съ тобой сдѣлаюсь!

Николай Ивановичъ говорилъ это почти безсознательно, но въ самомъ дѣлѣ, совершенно не зналъ, какъ съ нимъ сдѣлаться. Лишенный всякой свободы и возможности писать, куда бы то ни было, онъ рѣшительно не могъ ничего и сдѣлать.

— Я тебѣ дамъ, начальство! бурлилъ сторожъ, лежа на печи, только встать не хочется, у меня узналъ бы ты начальство! Вашему брату руки велятъ вязать, вотъ что! а то начальствоиъ меня сталъ стращать... здѣсь я начальство! вотъ что... начальство!... я дамъ тебѣ начальство!...

— Что же ты нейдешь руки-то мнѣ вязать? вызывалъ его озлобленный до нельзя Николай Ивановичъ. Онъ до того взволновался, что въ порывахъ своей горячности имѣлъ твердое на мѣреніе, если сторожъ отворить дверь, выхватить дверную задвижку и разможить ему всю голову; но, къ счастью обоихъ, сторожъ вязаніе рукъ почему-то отложилъ до утра.

— Погоди вотъ до утра, я съ тобой сдѣлаюсь, угрожалъ съ печи сторожъ: отъ меня не уйдешь!

— Нѣтъ, не удастся тебѣ ничего со мной сдѣлать. Десяти тысячъ не пожалѣю, а ужъ сдѣлаюсь съ вами, съ мошенниками! угрожалъ въ свое утѣшеніе Николай Ивановичъ. У меня пройдешь сквозь зеленую рощу!... этимъ намекалъ онъ, что сторожа прогонять сквозь строй.

Однако, какъ онъ ни горячился, чѣмъ не угрожать, а все

такъ остался на заперти, а сторожъ спокойно лежалъ на печкѣ, разъясная между тѣмъ законъ, что послѣ «зори» въ караульницѣ мѣста никто ходить не смѣетъ.

Надобно замѣтить, что десять-ли тысячъ, зеленая-ли роща, но на сторожа что-то подѣйствовало: онъ, новидимому, присмирѣлъ, а только и есть, что ворчалъ себѣ подъ носъ, что «онъ знаетъ службу, и что послѣ зори не ходять».

Сознавъ, наконецъ, всю бесполезность подобныхъ угрозъ и пустой горячности, Николай Ивановичъ прекратилъ со сторожемъ всѣ переговоры. Съ горькимъ взволнованнымъ чувствомъ отошелъ онъ отъ двери и, какъ угорѣлый, бросился въ грязный уголъ своей лачуги.

Тутъ на Николая Ивановича напала такая смертельная тоска, какой не ощущалъ онъ во всю свою жизнь.

Мысли его главнымъ образомъ сосредоточены были тогда на одной Катѣ. «Лучше бы Богъ прибралъ ее ужь къ себѣ», думалъ онъ, «одинъ я легче бы перенесъ свое горе... Катенька, другъ мой сердечный! гдѣ ты теперь?... что съ тобой дѣлается?! укрѣпи ее Господи!...» И Николай Ивановичъ, со слезами, сталъ мысленно молиться о своей Катѣ.

Въ комнатѣ была совершенная темнота. Пьяные собесѣдники Николая Ивановича стали пошевеливаться. Одинъ изъ нихъ, какъ слышно уже было, пощупалъ около себя полъ и сталъ, должно быть, соображать, гдѣ онъ находится. Послѣ минутнаго соображенія, онъ началъ тяжело вздыхать и творить молитву.

Ощупавъ около себя своего товарища и узнавъ его по пыхтению и по осязанію, онъ проговорилъ жалобнымъ образомъ:

— Ванька! вѣдь мы, братъ, въ аду сидимъ!

— Какъ же это? отозвался угрюмо Ванька, тоже приподнявъ съ своего мѣста.

— Околѣли, братъ, видно, поясняя мужикъ съ самыми тяжелыми вздохами. Вотъ до чего допились, океанные грѣшники! что мы надѣлали?

— До чего допились то? много, что-ли, выпили? возразилъ въ свое оправданіе Ванька, который, какъ видно, характеромъ былъ немножко потверже. Не пивали, что-ли, по столыку-то?.. Ужъ это такъ, видно, какъ-нибудь — право!... Эко, братецъ, какъ оно вышло... право.

— Не говори, братъ, этого, произнесъ первый мужикъ са-

мымъ жалобнымъ голосомъ : погибли наши головушки!... Что Дунька-то безъ меня дѣлать-то станетъ?

— Вотъ еще про Дуньку вздумалъ, замѣтилъ угрюмо Ванька. Что Дунькѣ-то тамъ сдѣлается? Сюда же попадетъ, лучше что-ли Дунька-то твоя людей!

— Ой! батюшки! что съ нами и будетъ! голосилъ первый мужикъ, не слушая Ванькиныхъ разсужденій. Куда это насъ посадили, грѣшниковъ!... И мужикъ со вздохами и съ молитвою поползъ по полу и началъ ошупью осматривать свое адское жилище.

— Кто еще тутъ!? произнесъ жалобно мужикъ, наткнувшись на Николая Ивановича и съ нѣкоторою боязнью ошупывая его рукою.

— Что вы тутъ барабошитесь, отозвался Николай Ивановичъ, котораго настоящая сцена немножко развеселила и разогнала его мрачныя думы.

— Послушай-ко, любезный, гдѣ это мы? въ аду, что-ли? спросилъ, чуть выговаривая, первый мужикъ.

— Въ аду, братъ, въ аду, отвѣтилъ для шутки Николай Ивановичъ.

— Чего ужъ тутъ спрашивать-то, видимое дѣло-то, гдѣ сидимъ, замѣтилъ Ванька самымъ рѣшительнымъ тономъ.

Мужикъ жалобно заохалъ; Ванька тоже пыхтѣлъ и покрикивалъ какимъ-то недовольнымъ тономъ.

— Послушай, любезный, началъ опять первый мужикъ, обращая робкую и несмѣлую рѣчь свою къ Николаю Ивановичу: что же здѣсь чертей-то нѣтъ?

— Стосковался, что-ли, ты безъ чертей-то? замѣтилъ Ванька недовольнымъ тономъ.

— Нѣтъ, я только спрашиваю, проговорилъ мужикъ, что если, молъ, они здѣсь.

— Есть, братъ, есть, сказалъ Николай Ивановичъ: одинъ чортъ и теперъ здѣсь сидитъ.

— А гдѣ же онъ, родимой, сидитъ? спросилъ боязливо и уже шепотомъ любопытный мужикъ.

— Да рядомъ, вотъ, въ другой каморкѣ; приставленъ караулить насъ.

— Чай, вѣдь, пріятель, они больно ужъ злы? продолжалъ развѣдывать робкій мужичокъ.

— Чего ужъ у чорта-то взять-то , замѣтилъ въ свою очередь, Ванька: чортъ—чортъ и есть.

— Нѣтъ, какъ съ нимъ ласково-то обходишься, такъ — ничего, продолжалъ шутить Николай Ивановичъ , заинтересовавшись крайнимъ простодушіемъ мужиковъ. Поговори съ нимъ, коли хочешь, онъ любить, какъ съ нимъ говорятъ.

— Да вѣдь, какъ бы, родимой, не прогнѣвать, замѣтилъ съ робостію мужикъ, объ чемъ съ нимъ говорить-то станешь?

— Объ чемъ хочешь, говори—ничего. Скажи хоть, кто ты, да откуда, все ужъ лучше. Какъ, вотъ, поджигать-то стануть, такъ онъ знакомому-то огня-то и поменьше подложить.

— Неужто, батюшка, и поджигать еще насъ стануть? спросилъ боязливо мужикъ.

— Стануть, братъ , стануть , отвѣтилъ Николай Ивановичъ, какъ будто печальнымъ тономъ: разъ въ недѣлю поджигаютъ; меня, вотъ, ужъ много разъ поджигали. Я какъ познакомился со здѣшнимъ-то чортомъ, да поговорилъ съ нимъ , такъ и полегче стало.

— Гдѣ же бы, милый человѣкъ, поговорить-то съ нимъ?

— Да вотъ, я тебѣ укажу... И Николай Ивановичъ всталъ, взялъ оцупью мужика и подвелъ его къ дверному окошечку.

Мужикъ, съ страшнаго похмѣлья и съ боязни дрожалъ всѣмъ тѣломъ и едва-едва держался на ногахъ , и то уже ухватившись рукою за окошечко.

Долго собирался онъ съ духомъ и не рѣшался говорить. Наконецъ, какъ видно, собралъ ужъ всѣ свои душевныя силы, сунулъ свою бороду въ окошко , понигунулся и съ робостію произнесъ:

— Послушай-ко, любезный! не знаю, какъ тебя назвать...

— Такъ чортомъ и зови ! подсказывалъ тихонько Николай Ивановичъ, онъ это любитъ.

— Послушай, чортушко, повторилъ мужикъ, смягчая чортово наименованіе.

— Я тебѣ дамъ, «чортушко!» отозвался съ печи сторожъ.— Не заставьте меня встать, я васъ такъ присмирю! что вы тутъ?

— Ничего, пріятель—ничего! мы такъ только промежь собой говоримъ,—чуть выговорилъ сробѣвшій мужикъ, торопливо отскочивъ отъ двери.

— Чего тутъ съ нимъ, съ такимъ сакимъ, говорить-то,— пробормоталъ про себя Ванька—что у него взять-то.

Мужикъ съ робостію прикорнулъ на полъ и затихъ совершенно, какъ будто въ мохъ палъ, только и слышны были одни тяжелые, но нѣсколько сдерживаемые вздохи и осторожный шепотъ молитвы.

Ванька тоже, какъ видно, сдерживалъ свое пыхтеніе.

Николай Ивановичъ захохоталъ Ему, наконецъ, жаль стало мужиковъ, которые отъ крайней своей простоты скорбѣли душою не менѣе, чѣмъ онъ самъ. И потому, чтобы избавить ихъ отъ напрасныхъ и преждевременныхъ адскихъ мученій, онъ объяснилъ имъ настоящее ихъ положеніе, что они сидятъ не въ аду, а только еще на сѣзжей.

Ванька тотчасъ созналъ свою ошибку; но перваго мужика на силу могли разувѣрить: въ аду сидятъ да и только! Когда же, наконецъ, убѣдился и онъ, такъ отъ радости чуть не заплакалъ, и тутъ же положилъ зарокъ до безчувствія не напиваться. Это былъ тотъ самый простенькой мужичокъ изъ-за Волги, который рассказывалъ о чудесахъ о. Пафнутія.

Хоть положеніе мужиковъ въ сущности нисколько не измѣнилось: они были въ томъ же аду; но на душѣ у нихъ стало легче, только, какъ видно, сильно трещали головы съ похмѣлья. Какъ бы то ни было, но черезъ часъ они опять успокоились. Простенькой мужичокъ предложилъ себя Николаю Ивановичу на мѣсто изголовья. Николай Ивановичъ не отказался отъ этого предложенія, прилегъ къ нему и положилъ на него свою голову. Мужики заснули скоро; но Николай Ивановичъ долго еще думалъ; однако все-таки къ утру заснулъ и онъ.

II. ЗАРУБИИИЪ.

ДЛЯ БѢДНЫХЪ.

(Изъ В. Гюго.)

На шумныхъ пиршествахъ, зимою, богачи,
Когда средь вашихъ залъ гремитъ оркестръ въ ночи
И сотни люстръ и лампъ васъ обливаютъ свѣтомъ
И блещутъ золото, кристаллъ и зеркала,
И ночь становится, какъ день, для васъ свѣтла,
И щеки юныхъ дѣвъ горятъ румянымъ свѣтомъ; —
Когда танцуетъ все и бой ночныхъ часовъ,
Мѣшаясь съ разговоромъ веселыхъ голосовъ,
Не отрываетъ васъ отъ вашихъ наслажденій:
Вамъ приходила-ль мысль, что, можетъ быть, въ тотъ часъ
Какой-нибудь бѣднякъ глядитъ въ окно на васъ
И ваши видитъ онъ мелькающія тѣни?

Вы думали-ль, что онъ на холоду издрогъ?
Что онъ раздѣтъ, розутъ, — что весь онъ изнемогъ,
Что цѣлый день не ѣлъ и думаетъ: «О, сколько
Здѣсь благъ для одного ниспослано судьбой!
Счастливыцы! пуговкой съ наряда ихъ одной
Надолго-бъ измѣнить я могъ свой жребій горькій».

И сравниваетъ онъ потомъ вашъ пиръ въ мечтахъ
Съ своей лачугою, гдѣ безъ огня очагъ
И дѣти безъ куска; гдѣ на женѣ отрепья,
И на соломѣ мать лежащая въ углу, —
Готовая сойти ужъ въ гробовую иглу.
И смотритъ съ завистью на васъ онъ изъ подлобья...

Да, Богъ не уравнилъ всѣ жребіи людей:
Одни—весь вѣкъ несутъ тяжелый грузъ скорбей —
Другіе празднуютъ;—но избранныхъ немного.
Законъ непостижимъ и кажется суровъ:
Однимъ онъ тысячи различныхъ шлетъ даровъ—
Другихъ всю жизнь ведетъ тернистою дорогой.

И эта мысль свинцомъ на душу бѣдняка
Ложится и гнететь; но вы, чья жизнь сладка,—
Не ждите, чтобъ просилъ у васъ онъ подающа
И, руку протянувъ, далъ волю течь слезамъ!
Нѣтъ, милостыня та угодна небесамъ,
Которую даютъ любовь и состраданье.

Да, состраданіе—тѣхъ любящая мать,
Которыхъ вѣкъ судьба готова угнетать,

Какъ злая мачиха. Да, состраданіе сѣло
Собой пожертвуетъ и ихъ найдетъ вездѣ,
И скажетъ имъ, какъ Богъ распятый на крестѣ:
Примите!—вотъ они:—вотъ кровь моя и тѣло.

Счастливицы! пусть оно, что только есть у васъ
Вамъ драгоценнаго, вашъ бархатъ, вашъ атласъ —
Брильянты, золото,—всѣ эти украшенья,
Всю эту суету срываетъ съ вашихъ женъ,
Беретъ изъ рукъ дѣтей, чтобъ только накормленъ
Былъ умирающій бѣднякъ отъ истощенья.

Вѣдь состраданіе святой молитвы дочь.
Когда, не отходя отъ вашихъ оконъ прочь,
Напрасно цѣлый день старикъ стоитъ убогій,
Колѣно преклонивъ, жль сирота съ сумой
Сбираетъ крошки тамъ голодный и больной.
О, отвращенъ тогда отъ васъ ликъ свѣтлый Бога!

Давайте-жь!—чтобъ и Онъ, который все дастъ,
Излилъ щедроты всѣ на васъ и весь вашъ родъ —
Чтобъ силу далъ сынамъ и дочерямъ цвѣтъ розы;
Чтобъ приносили плодъ свой, пашня вамъ и садъ;
Чтобъ ночью ангелы, когда всѣ люди спятъ,
Вамъ навѣвали сны отрадныя и грезы.

Давайте! Вѣдь не вѣкъ быть въ этомъ мѣрѣ вамъ;
За милостыню Богъ заплатитъ щедро тамъ; —
Онъ за нее пошлетъ нетлѣнное богатство.
Давайте!.. Чтобъ всегда у васъ перелъ крыльцомъ
Бѣднякъ измученный съ веселымъ былъ лицомъ
И находилъ пріютъ, радушіе и братство.

Давайте! чтобъ любилъ васъ Богъ; чтобъ даже злой
При вашемъ имени былъ умиленъ душой;
Чтобъ бѣдные о немъ исполнилися слухомъ.
Давайте!—для того, чтобъ въ вашъ послѣдній часъ
Былъ Тотъ на небесахъ заступникомъ за васъ,
Который на землѣ былъ первый нмщій духомъ.

И. ГРЕВОВЪ.

СИДѢЛЕЦЪ.

(Изъ записокъ следователя сороковыхъ годовъ).

РАЗСКАЗЪ VII.

I.

П О О В Ъ Т У .

Строилъ купецъ домъ послѣ пожара; кругомъ торчатъ обгорѣлые столбы, кирпичныя трубы, обвалившіяся печи, груды всякаго хлама; кой-гдѣ наваживаютъ кирпичъ, громоздятъ лѣсъ, а большая часть пожараща смотритъ пустыремъ.

Раньше всѣхъ началъ строиться купецъ; мужикъ сильный, что ли, былъ и ахъ не молвилъ: «Божья воля на то», говоритъ, значить набожный человекъ былъ, а постройку завелъ ужъ не такую, какъ прежде была изъ пристроекъ, да надстроекъ; при закладкѣ молебень съ водосватиемъ отслужилъ и на лѣсахъ кресты осьмиконечные водрузили; низъ вывелъ кирпичный въ девять сажень по улицѣ; верхъ срубилъ изъ такой звонкой сосны, такой сосны, что топоры звенѣли и ломались,—ядренный, вѣковѣчный лѣсъ, изъ-красна съ лоскомъ!

Ужъ подвели подъ крышу и на землѣ стропила готовили.

А самъ купецъ въ бѣлой рубашкѣ поверхъ шароваръ, въ башмакахъ на босу ногу, ключи за поясомъ, на головѣ круглая

шляпа—стоитъ фертонъ и съ другой стороны улицы радуется на постройку и подзадориваетъ плотниковъ.

Тѣ себѣ не торопясь дѣлають, а дѣлають хорошо,—знають водка будетъ.

Возлѣ купца стоитъ высокій господинъ со сверткомъ въ рукѣ и настойчиво говоритъ:

— Нельзя еще крыть, Панфилъ Прокопычъ, не выходить по плану, надо еще три вѣнца надрубить!

— Ужь и три вѣнца? больно высоки хоромы-то будутъ, холодно вато будетъ.

— Ну, сверхъ потолка—на чердакъ пустите...

— Голубятню, штоль, я строю?

— Да, вѣдь, говорятъ вамъ, на планѣ утверждено шесть аршинъ вырубки, хуже будетъ... какъ послѣ...

— Что послѣ?.. ты, штоли, г. анхитектуръ мѣрить полѣзешь... али другой какой?—ну, штожь, полезай... ко мнѣ-же слезите, въ мѣру выдетъ...

— Да хоть на чужой дворъ окошекъ-то не прорубайте.

— А какъ же, по твоему, покойцы-то безъ оконъ оставятъ? экой шутникъ какой.

— Я вовсе не шучу, а ужъ девятое окно надо, какъ хотите.

— Ну, евто ничего, потѣшимъ тебя, фальшивый налшникъ приколотимъ.

— Да нѣтъ—все надо по плану, я вамъ далъ размѣръ.

— Ну, тамъ пусть у тебя на планѣ размѣръ и будетъ, а я домъ не про вась, а про себя строю: что пригодно, то и дѣлаю, вотъ тебѣ и вся недолга.

— Да, вѣдь, послѣ полиція...

— Что полиція? ломать, что ли, придетъ? пушай—удоблетворимъ и полицію, а ты, во што, любезный: коли недоволенъ—скажи, на томъ не стоимъ.... Зачѣмъ придираешься, что тамъ планты!

— Я вовсе не придираюсь, горячась продолжалъ архитекторъ, я требую по порядку, по закону, я остановлю работы.

— Экой прыткой! поди ты!—полно, баринъ, лясы-то разводить—не впервой... дѣло дѣлаемъ, доволенъ останешься, а то планты! Ты вотъ что лучше скажи, началъ онъ тихо: у меня по улицѣ-то узенько, всего 24 сажонки, еще безъ аршина, а евта земля-то рядомъ, кажись, ничья, проулокъ былъ, город-

ския, должно быть... нельзя ли вѣкъ на ней анбарушки поставивать? а? а мы бы вотъ какое спасибо сказали, удобствіе было бы, ты вотъ евто въ плантахъ посмотри.

— Да, это надо посмотръть... мягче отвѣчалъ архитекторъ, хорошо, погляжу...

— Ну, да!.. такъ поди, погляди въ свои планы-то! и онъ его дружелюбно поворотилъ за плечо; завтра прѣзжай, перетолкуемъ, а тутъ-то не мѣшай; что тамъ твои планы...

— Ну, ну... хорошо, завтра заѣду...

— Стой, стой ребята! закричалъ Прокопычъ плотникамъ, которые прилаживали верхній уголь строилъ... нѣтъ, это не гоже, покруче валяй, конькомъ, чтобъ снѣгъ на тесу не стоялъ; мы тамъ на верху рѣзной гребешекъ поставимъ, знаешь?

— Слушаемъ, Панфилъ Прокопычъ, отвѣтилъ десятникъ, разиѣря что-то щепочкой. Какъ ваша милость прикажетъ, такъ и слѣваемъ.

Архитекторъ покачалъ головой, хотѣлъ что-то сказать, но купецъ такъ на него насмѣшливо поглядѣлъ, что тотъ сѣлъ на дрожки да и уѣхалъ.

У Панфила Прокопыча, по прозванью Окладнова, на лицѣ какъ будто бы было написано: мудри, братъ, тамъ на казенныхъ постройкахъ, а мы сами выстроимся, а то, вишь, планты!

Домъ строился почти на концѣ Главной улицы города Песочнаго; должно быть, что главная улица, по всему видно... травой по срединѣ не заросла, песокъ размолотъ колесами, ямы, лужи, ухабы и два пестрыхъ столба съ шлахбаумомъ, да сгнившая будка на концѣ, застава значить, столбовая дорога, вотъ и верста криво торчитъ противъ дома Окладнова.

Отъ этихъ столбовъ начинаются песчаные, тощіе выгоны, ческончаемая широкая дорога, запертая съ обѣихъ сторонъ валиками съ двумя рядами тощихъ березъ, дорога временъ Александровскихъ; ну, кажется, чего шире этой дороги, баталіонъ развернутымъ фронтомъ пройдетъ, а за валомъ поля и луга заѣжены вавилонами; ни канавки, ни колья, ничто не спасаетъ.

Оно и не безъ причины: песокъ сыпучій, отъ того и березки тощи, отъ того и заѣздовъ много, выбираютъ гдѣ полегче, не по ступицу; вишь какъ разгорѣлся песокъ, хотъ яйца пеки, а сверху жжетъ стоячее июльское солнце, тишь страшная, мелкій песокъ такъ и подымается, крутится, душать; галки—и тѣ

распустили крылья и рты разинули отъ жару... а тутъ по дорогѣ идутъ люди, да еще съ тяжелою ношею.

Впереди грузно шагаетъ рослый мужчина въ лаптяхъ, въ синихъ китайчатыхъ штанахъ поверхъ грязной рубашки, жилетка на распахку, потъ съ грязью ползетъ по лицу, картузь слезъ на затылокъ, козырекъ вздернулся къверху, за плечами на полотенцѣ черезъ плечо огромный мѣшокъ, въ рукахъ другой.

За нимъ семенитъ тощая старушка съ клюкой и котомкой, ворчать себѣ подъ носъ и что-то пережевываетъ.

Сзади, едва вытаскивая изъ песку ноги, въ башмакахъ и чулкахъ, идетъ молодая женщина и тащитъ за руку ребенка лѣтъ четырехъ, въ бѣлой длинной рубашкѣ и башмакахъ, съ платочкомъ на головѣ.

Всѣ они пробираются подъ обманчивой тѣнью березокъ; молча доплелись до построекъ Окладнаго и усѣлись на бревна. Мужчина съ злостью скинулъ ношу, толкнулъ ее ногой, сбросилъ картузь, вынулъ берестовую съ фольгой тавлинку и съ наслажденіемъ втянулъ въ себя двѣ щепотки табаку; молодая женщина прилегла на бревна и прижала къ себѣ ребенка—тотъ все молочка пить просить.

Плотники пошабалили, солнышко спустилось за горку краснымъ шаромъ, по воздуху пробѣгалъ какой-то зловѣщій шелесть и дальній гулъ, лѣсъ закурился, торопливо бѣжали задравъ хвосты коровы съ пастбища, толкаясь и хрюкая въ прыжку трусили свиньи; только безпутныя козы и овцы разбегались по пожарищу лизать известку.

— Гроза заходить! ну, разохлись, вставай, пойдемъ, а то и ночлегу не найдешь! грубо сказалъ прохожій и сталъ взваливать на спину ношу.

Кряхтя, болѣзненно поднялись женщины; измаялись, сердешныя, ноги горять, всѣ суставы больно, а тутъ еще ребенокъ заснулъ, надо его на рукахъ тащить.

Давно приглядывался къ нимъ Прокопычъ, собирая въ груды крупныя щепки и пошелъ сзади.

Поровнялся и спросилъ:

— Что, знать, издадалече, добрые люди?

— Издадалече! не оглядываясь глухо отвѣчалъ усталый прохожій, во рту перегорѣло.

— То-то такъ и умаялись; а куда путь?

- За Москву.
- Почевать здѣсь будете?
- А то гдѣ-жь?
- Стоялые-то дворы погорѣли, трахтъ большой, пожалуй и не пустять, а пустять такъ сдеруть.
- Заплатимъ—пустять.
- Ну, чай, мощна-то не туга, поштенный?
- Да тебѣ-то што? поглядывая на него, грубо отвѣчалъ прохожій, ступай, братъ, своей дорогой.
- А вотъ што — у меня пустая горенка есть... для странниковъ.
- А ты что положишь?
- Ничево! эко ты, не стоялый дворъ, ничево не положимъ.
- Чево-жь ради?
- Ради душеспасенья... и накормимъ.
- И накормишь? съ неудоумѣнемъ смотря на него спросилъ прохожій... съ нашимъ-съ удовольствіемъ; а далеко ваша милость живетъ, г. купецъ, снимая картузь добавилъ онъ.

Окладной былъ уже въ тонкомъ синемъ сюртукѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ.

- Эвона—красная-то крыша—направо! недалече.
- Идти, штоль? спросилъ своихъ прохожій.
- А то нѣтъ, што-ли, коли добрый человекъ зазываетъ, отвѣчала старуха.

Пошли! Ворота на заперѣ; зеленый, съ желтой обдѣлкой, на перекладинѣ подъ крышечкой мѣдный крестъ. Дворникъ впустилъ ихъ въ калитку и, по приказу хозяина, отвелъ въ особую избу на задворкахъ.

- Отдохните здѣсь, пока стряпуха поѣсть собереть.
- А постой, дружище, у кого мы здѣсь?
- У хозяина.
- Экой, братецъ, чай имя, прозвище есть, безъ имени овца баранъ, надо-жь знать кого благодарить.

— Панфилъ Прокопычъ, по купечеству, отвѣтилъ дворникъ и уходя проворчалъ: благодарить, вишь вошли и лба не перекрестили, бродяги! благодарить!!!

Такая чистая изба, скамьи широкія, кадушка съ водой, лаванъ съ умывальникомъ, у кадушки жестяной ковшикъ на пѣпочкѣ; какъ рады были путники разуться, освѣжиться; и въ ротъ и въ носъ наблѣ...; молодуха прежде дитю умыла, свѣ-

жую рубашечку надѣла, а онъ все: мама, дай молочка, пить хочется!

— А воды не хочешь? грубо крикнулъ мужчина.

Эдакъ, какъ бы сказать, черезъ часть времени, вошла высокая, дѣтъ 30 женщина, въ темномъ сарафанѣ, бѣлой выкъ сибѣгъ рубашкѣ, на головѣ повязанъ черный платочекъ; волосъ не видать; такая бѣлолицая, глаза сѣрые большіе, только бѣдна что-то. За нею баба непропека въ паневѣ и кичкѣ внесла посуду и стала накрывать столъ.

— Добро пожаловать, честные господа! милости просимъ откушать! помолясь на образа, съ поклономъ сказала гостямъ хозяйка и стала сама подавать имъ кушанье, угощать, упрасивать съ поклонами, такъ радушно, что гостямъ стало какъ — то неловко; вопросы вертѣлись на языкѣ, а заговорить не смѣли.

Когда они наѣлись и поблагодарили, она сама повела разговоръ и присѣла къ столу.

Благодарите Господа Бога, а за насъ, грѣшныхъ, молитву совершите! — Вы што, добрые люди, отколева?

— Мы-то? отвѣчала старуха, издаече... Симошенскіе, села Князева, можетъ изволите знать, матушка?

— Не слыхивали, нече хвастать; по той причинѣ, изъ городу свою не выѣзжали; а идете — то далеко, по обѣщанью какому?

— Какое обѣщанье! неволя гонить, пустили лиходѣи по міру, сударыня моя! вотъ оно што, идемъ, не знаемъ куда.

— Ну, што вздоръ-то городить! какъ-то зло перебилъ путникъ; барскіе были, дѣды и отцы заслужили, награду дали — вольную, на всѣ четыре сторонушки; къ роднымъ пробираемся, авось не выгонять!

— Договаривай — со двора въ шею выгнали, нече таить — то, безъ рубашки выгнали!

— Какъ же это выгнали? спросила хозяйка, за што же евто? може вы сами, голубчики, провинились противъ господъ.

Молодая путница вздохнула тяжко и пригнулась къ ребенку. Мужчина злобно посмотрѣлъ на нихъ и всѣ промолчали.

— Вы, штожь? въ супружествѣ, што ли?

— Жена! отрывисто отвѣтилъ путникъ.

— А старушка?

— Моя мать.

— Стало, дѣтище-то ваше?

— Наше! сквозь зубы выпустилъ онъ отвѣтъ.

— Какое благовидное, прелести просто; да что я не разберу: мальчикъ или дѣвочка?

— Сынокъ, грустно отвѣчала мать.

— Сынокъ?.. какъ-то странно повторила хозяйка, славный, пригожий мальчикъ, обликъ - то совсѣмъ ангельскій, а какъ его звать-то?

— Митя! улыбаясь отвѣтила мать; какъ же не улыбнуться, сына похвалили.

— Сынокъ! во што! поди-ка ко мнѣ, Митя, я тебѣ рубашечку сошью.

Митя такъ добродушно, съ улыбочкой подошелъ къ ней и хоть и кобенился, а на ласки отвѣчалъ дѣтскими ласками.

У матери ревность заговорила и что - то смутное, тяжелое пробѣжало по душѣ.

— Сынокъ! повторила опять какъ-то странно хозяйка, славный сынокъ!.. она тяжело вздохнула, распрощалась и ушла.

— Это кто - жь, матушка? успѣшила спросить бабу старуха.

— Хозяйка, Наумовна Мавра, нашего-то сожительница; а то ктожъ!

— Чтожъ это она сама приплыль людямъ прислуживаетъ?

— А вотъ, матушка, што я тебѣ скажу, такіе люди благочестивые; Богъ дѣтми ихъ не порадовалъ, такъ она на себя и наложила странникамъ прислуживать, авось Богъ благословить.

— Такъ они, голубчики, бездѣтныя?!

— Бездѣтныя, матушка, десятый годокъ вмѣстѣ снать, а бездѣтныя, нетути, да и все, такъ и наложила на себя.

— Чтожъ это такъ, али испортилъ кто ее?

— Кой чортъ испортилъ, вишь словно мертвая, кровинки нѣтъ въ лицѣ, точно хлыстовка, набивая табакомъ носъ порѣшилъ прохожий.

— Што ты, за хлѣбъ за соль, сквернословилъ - то? вишь ужъ и хлыстовка; вѣстимо, дѣло испортили, возразила баба, убирая со стола! какъ отъ вѣнца бхали заклятье такое положили, оборотень подвернулся, знаютъ кто и оборотень-то былъ.... Ѳомка кузнецъ; его послѣ съ осины сняли и осинный колъ въ спину вколотили, чтобъ не ходилъ... у, у, у, злой человекъ былъ, съ нимъ знался!

Она, между тѣмъ, все собрала, стерла со стола, подмахнула вѣшникомъ, помолилась.

— Ну, прощайте, родненькіе, спите на здоровье, чай умялись, ноженьки-то оттоптали.

— Спасибо, голубушка, прощай матушка!

— Да на дворъ ночью не выходите, собаки злощія спущены! добавила она уходя.

Видно не всѣмъ странникамъ довѣрали.

Кажется, она и дверь задвижкой приперла, да усталые путники не замѣтили, больно утомились; поскорѣе на боковую, а тутъ мальчишка разрюмился; ну, да тятенкѣ съ бабкой что за дѣло, заснули; пусть измученная мать одна не спитъ.

Къ утруму и ее одолѣлъ тяжелый сонъ, а еще дольше не спали хозяева, хоть и скоро улеглись; долго толковали, шептались... Началось съ того, что Наумовна все ухаживала за сожителемъ своимъ, сама толокно ему съ лукомъ и квасомъ готовила, онъ любилъ, а она славно готовляла; двѣ мягкія перины находила для него теплыми; до того ухаживала, что Прокопычъ, улыбаясь и разирая грудь, подмигнувъ и спросилъ: что ты такъ лабзишься, Наумовна, знать чего мибудь попросить хочешь? ась? угадалъ, шельдь?

— Нѣтъ, Прокопычъ, всѣмъ много отъ васъ довольны, никакой напасти невидимъ, дай Богъ вѣкъ такъ вѣковать; одно горе—племена нѣтъ, подъ старость сиротами будемъ, некому будетъ и глаза закрыть и въ родительскую субботу поминуть; вотъ душу что мучить; для чего хоромы-то, и жить-то для ково?... горькая жизнь бездѣтная... пусто; въ свой мамонъ живешь.

— Ну, ужъ въ этомъ я не властень, коли Богъ не благословляетъ; стало недостойны! отвѣчалъ Прокопычъ, утопая въ пуховикѣ, и самъ тяжело вздохнулъ.

— Ужъ я-ли не молюсь! я-ли обѣтовъ не кладу...

— Видно мало! али мы не пара, знать!

— Вотъ што слышала я, голубчикъ мой (и она его нѣжно поцѣловала), говорятъ и юродивая Маша пѣла, надо пришлого мальчишка въ пріемъши взять, такъ онъ за собой кровныхъ дѣтей и приведетъ!

— Такъ ли, полно? а ничево! отчего - жь сироту не призрѣтъ, дѣло божеское, все за отца и мать чтить будетъ.

— Оно не то, все не своя плоть и кровь, а счастье можетъ принести.

— Я не прочь, а видно на примѣтъ есть? ась, такъ что-ли, лизунья, ась?..

— Голубчикъ мой! видѣлъ какой у этихъ прохожихъ младенецъ, какъ есть ангелъ и мальчишъ!

— Такъ штожь?

— Они бѣдные, горемыки, може и отдадутъ... нерѣшительно отвѣчала она.

— Да что они за люди? что-то онъ не полюбился мнѣ...

— Чтожь до нихъ за дѣло, только бы отдали, да навсегда отказались...

— Хорошо, коли на деньги пойдутъ, отчего-жь, можно! мальчикъ ничево, ласковый и мнѣ приглянулся.

И долго они шептались, и долго не спали; имъ ужь чудилось, что около нихъ лепечуть родныя малютки и одинъ прильнулъ къ материнской груди; однако заснули и захрапѣли.

Встало утро послѣ грозы, такое свѣжее, отрадное! ужь солнышко высоко взобралось, плотники полдничаютъ, а путники еще спятъ, стряпуха раза три къ нимъ заглядывала.

Первая проснулась старуха, закашлялась, да видить, что святъ и притаялась, еще старья кости поцѣжить; проснулась потомъ невѣстка, пошевелинуться не можетъ, всѣ суставчики ноютъ, а ноги распухли, даже волдыри вздулись на подошвѣ, ни обуться, ни встать нельзя, заплакала, сердешная, какъ мѣти будетъ.

Наконецъ муженекъ сильно всхранилъ и открылъ глаза.

— Ишь, нѣжонки проклятыя, проспала! нѣтъ, чтобъ человека разбудить... ну, што валяетесь, вставайте!.. а самъ не вставалъ и не всталъ бы, да стряпуха самоваръ ведерный принесла и сказала, что сейчасъ хозяйка придетъ.

Однако онъ приличіе зналъ, штаны сверхъ сапоговъ надѣлъ, сюртукъ напялилъ, даже умылся и волосы пятерней расчесалъ.

— Чтожь не встаешь, съ прибавленьемъ крикнулъ онъ на жену, такъ что ребенокъ заплакалъ.

— Что орешь-то, песь поганый, ребенка испугалъ...

— Ноги оттоптала!

— Вотъ оно! барышня, ковры тебѣ по дорогѣ-то разослать, што-ль, ну, не жеманься, пока не отвозилъ.

— Полноте даяться-то въ чуломъ-то демѣ, постыдитесь, хозяйка, вонъ, идетъ!

Точно, вошла хозяйка еще ласковѣе, еще пріятливѣе чѣмъ вчера, сама прорѣзала у больной пузыри, натерла саломъ ноги, велѣла лежать.

— Не гоношитель, милая, отдохните, не выгонимъ, а ты дай ко мнѣ мальчика-то, я его умою и одѣну...

Митя прижался было къ матери, да Наумовна показала ему красную рубашечку и сапожки, онъ къ ней и ручонки протянулъ.

Когда это она успѣла смастерить и рубашечку и все прочее; мать только улыбалась, какъ она холила ея Митю, а потомъ раздѣлась въ благодареньяхъ!

— Ну, батюшка, ты поди-ка къ Панфилу Прокопычу... онъ въ горенкѣ одинъ... чай попиваетъ, а мы, бабы, здѣсь промежъ себя угостимся.

— А! какъ спали, почевали, дорогой гость, садись-ка, попо-тѣемъ, распаримъ косточки-то.

— Много благодарны, сударь, много чести.

— Какая честь, ничево, садись; а тово... водочки со снато?... а?

— Отчего-жь, съ нашимъ удовольствіемъ.

Молча выпили они нѣсколько чашекъ; Прокопычъ все подливалъ ему въ чай французской и гость раскраснѣлся, какъ инокъ пвѣтъ.

— А какъ твое имя, отчество, дорогой гость!

— Михайлъ Андреевъ, сударь, прозвище Натугинъ.

— А ты изъ какихъ?

— Изъ дворовыхъ были, графскіе.

— Наши? Шереметевскіе? остановись тянуть чай, спросилъ хозяинъ.

— Развѣ только и графовъ, что вашъ Шереметевъ.

— Оно обычай такой у насъ, коли графскіе, такъ, значить, Шереметевскіе, отчины-то у него вездѣ...

— Нѣтъ-съ-та; мы его сіятельства графа Степана Матвѣича Баулина; это старикъ былъ, а молодова Матвѣй Степановичъ зовутъ, тоже графъ. да тѣхъ же шой, а пожикже влей, нуды далеко до отца. Натугинъ вздохнулъ и рукой махнулъ.

— Што такъ?

— Въ кого такой уродился; старушка икъ, матушка Алена Сергѣевна, добръющая барыня была, красивая, говорятъ, а старикъ-то настоящій графъ былъ.

— А этого, штожь, убожествомъ Богъ разыскалъ, что-ли?

— Какое убожество — такой видной, блѣбрысыи только, а косая сажень въ плечахъ, какись хватить—расшибеть, ну, да драться не охочъ, и не ругнетъ николи, какой ужъ барыня! .

— Во што? такъ какъ же...

— Да видите ли, сударь, старикъ былъ графъ, по графски и жьлъ: музыка была своя обученая, пѣвчѣе — я тенора пѣлъ, ну, кѣтеръ; охота псовая, одной прислуги человекѣи триста было, по барски изволили жить; гости со двора не съѣзжали, хлѣбосольство, значить, а ужъ держали себя по графски, нече сказать, бывало исправникъ у притолки стой: что прикажетъ, то и дѣлай, никто и състь не смѣеть—коли рукой, али головой не кивнетъ; важный графъ былъ, да ужъ и намъ жизнь была, припѣваючи жили, всего въ волю...

— Большаго чину былъ, значить?

— Брегадеръ былъ...

— А сынъ-то чтожь?

— А сынъ што, въ Питерѣ жьлъ и носу не показывалъ, въ гвардіи былъ офицеромъ всего, а Антипъ кучеръ раасказывалъ, что не то, что самъ, а и кучера и лакеи въ бархатѣ и бобрахъ; во дворецъ ѣздилъ, да вретъ, чай, не таковскимъ смотреть, смиренъ больно.—Изволите видѣть, какъ убрались старикъ, переѣхалъ къ намъ въ Князево, говорить въ Питерѣ жьтъ нечѣиъ: отъ четырехъ тысячъ крестьянѣи - то жьтъ нечѣиъ, слышите? а какъ же старикъ-то жьлъ?

— Признательно сказать диковинка! Чегожь онъ хотѣлъ!

— А вотъ чево, аспидъ, скаредъ такой! какъ прѣхалъ - то, новые порядки сталъ вводить! отма грабили, объѣдали, говорить, а меня не будутъ; ну, мы сначала посмѣялись, точно учеть бурмистра и дворецкаго; пустоозвонъ, слова одни, да скоро и плакать пришлось; хоть и не то, чтобы совсѣмъ худо, да порядки другіе. Говорить, на што мѣи такаа права, дормойдовъ? псарей, кѣтеры по боку, гостямъ ворота заперъ, а дворовыхъ ково въ крестьянство—дворы, обзаводешь даль; старикамъ одинокимъ особую богадѣльню, пристроилъ, а то кому вольную, кому лобъ, всѣхъ, почестъ до единаго, размытарилъ... эдакая собака, хлѣбъ на вѣсь отпущать велѣлъ.

*

— Оно ничево, оно уицо—на што одному столько блудоливовъ; такъ, значить, и вы подъ ударъ попали?

— Нѣтъ-съ та, мы-то остались, я холостой былъ, въ подкамердинны повалъ, а Аннушку, она актрисой была, позвалъ развѣ съ собою и вотъ какъ полюбилъ въ шелки одѣлъ; сынишка-то, подмигивая добавилъ Натугинъ, смѣкаетесь...

— Гмъ! во оно куды поѣхало... такъ какъ же?

— Да какъ... Анютка только злая дѣвка, а смышленная, изъ подтишка въ руки прибрала, вѣтъ домоуъ ворочать стала. думала не то что полубарыней, а и графиней быть, да не выгѣрѣло, пересолила.—И онъ захохоталъ.

— Эко диво, подумаешь.

— Какое диво! больно вѣтъ озлобила, все собою да собою, а другинъ все поперегъ, иныхъ со свѣту сживать стала, да на Федорыча паноролось, бурминстра... осилилъ.—Вотъ што вышло: баринъ уѣхалъ въ Питеръ, денегъ накопилъ въ три - то года; ну, ждемъ; зима прошла; дѣло къ масляной; призываетъ меня Федорычъ: ну, говорить, счастье тебѣ выходитъ, господинъ Натугинъ, проздравляемъ, раскошлявайся.

— Что такое непонятное говорите, Иванъ Федорычъ.— А во што, баринъ тебѣ невѣсту жалуетъ, повѣнчать велитъ.—А какую такую?—Угадай!—Гдѣ-жь угадать, что мы за отгадчики, говорите какъ есть.—Угадай, твердить.—Ну, думалъ, думалъ, да на смѣхъ и говорю: Анну Михайловну, развѣ?— Молодецъ! угадалъ, се и есть!— Не повѣрилось, захохоталъ, а самъ думаю, куда бы ладно,— оно бы въ дворецкіе можно повасть, баринъ свой человекъ будетъ; только умѣй держаться... да у нее и коко съ сокомъ есть, сундуки-то набиты.— Ну, не показалъ радости, а говорю, объ этомъ подумать надо!— Нече думать, сердито закричалъ Федорычъ, ноне и подъ вѣнецъ, поди выбрей рыло - то, выбери барское платье какое хочешь и въ церковь, все готово!— Да какъ же это, родныхъ бы надо... да коли она-то заартачится?— Я тебя благословлю: вотъ-те и родные, а она, небось, не заартачится, на то барскій приказъ, значить мнѣ воля дана— ну, ступай, пришлю за тобой,— барскую колымагу запрягаютъ!

— Экое дѣло какое— и повѣнчали?

— Еще бы нѣтъ, въ церковь-то ее, почестъ, принесли, а не заартачилась, обвѣнчали.

— А опосля?

— Што опосля, ничево—жена! Бывало, ругнешь, плачешь или огрызается, а пообеешь—зубы стиснуть, да и молчать; однако, на первых порахъ ходу не дасть: уварыгалась, а потомъ столковались, благодарственное письмо отписали баряну, ничево, жилось; уваженье имѣли, всякіе другіе забѣгать стали. Вотъ прошла и святая, а баринъ не ѣдетъ, только оброки вытребовалъ и велѣлъ домъ какъ можно чище прибратъ; въ трехъ комнатахъ мебель выкинуть, стѣны бумажками обклеить, привезли и бумажки и мебель новую и мастеровъ, ну, не то, что старая, вальяжная; такъ себѣ дрянъ; зеркала только большущія да занавѣски, нече сказать, дорогія: красный и желтый штофъ—вотъ мастера-то вѣсть и принесли, что молодой графъ обженлся, у министра племянницу взялъ!—Повѣсили мы носъ съ Аннушкой; только она потомъ и говорить: ничево, надо посмотреть, что за барыня, прислужиться.... а то, може, и по старому будетъ, ты только не дури! Зачѣмъ же? мы свое дѣло знаемъ!

— Да неужшто тово... она барыню отбить?..

— Хотѣла! а штожь барыня! дрянъ передъ ней, плакса, мозглая, капризная; гроша мѣднаго противъ Аннушки не стоитъ. И хорошо было вошло... въ старшія горничныя выбрали, до мску-то нѣтъ; баринъ-то и не улыбнется... а ничево старое не поминать; съ годъ прошло, разобрало Аннушку, захотѣла на своемъ поставить, да и оборвалась; а все старуха вышивата, подбила поддать баринъ, чтобъ опротивѣла. Безсознательно болталъ Натугинъ, водочка свое взяла.

— И!! грѣхъ какой!

— Да, вѣдь, ничево, не убійственно, такъ только.... чтобъ опротивѣла.. да знать больно дали много... чуть не окажурилась, ничево, выдержала, ха, ха, ха!

— Такъ штожь узнали, што ли?

— Узнали, черти, баринъ пришелъ, блѣдный, дрожитъ; Федоровъ, говорить, подводу, чтобъ духу ихъ не было сейчасъ, въ городъ, въ острогъ. За штожь меня-то, думаю... мое дѣло сторона; а Федоровъ тому и радъ, давно зубы грызъ на Аннушку; меня связали, положили всѣхъ въ телѣгу и повезли, да! и повезли въ чемъ были!—Онъ замолчалъ.

— Такъ вы, сердешные, за свои дѣла и острогу попробовали?.. али и еще чево?

— Нѣтъ, одумался, верховой догналъ; не хочу, говорить, страмиться; прислалъ отпускную, да велѣлъ сказать, чтобъ на

глаза не попадались, чтобъ живые умерли... ну, чтожь водъ-лаешь, вотъ и плетемся, чтобъ его, изверга роду человѣческаго, черти взяли, чтобъ ему ни дна, ни покрышки; корми четыре брюха, Натугинъ, да... понатужился... изволите видѣть.

— Ну, а добро-то, коко-то съ сокомъ?

— Ограбили; это, говорить, барское, ворованое, какое у холопа добро... вотъ вамъ все ваше—узель дали, да 25 рублей, это ужъ жидефоръ Федорычъ потѣшился, гдѣ барину входить...

— Ты штожь ремесло какое знаешь?

— Пѣтъ, шить знаю!

— Чтожь замышляешь?

— Да вотъ сперва къ роднымъ за Мосиву отдохнуть, а тамъ буду въ управляющіе куда хлопотать.

— Ужъ въ управляющіе, мудреное это дѣло.

— Мудреное?—вы скажите чѣмъ мудреное? мы разныя должности произошли: пѣвчимъ были, за столомъ служили, и прочая, всякіе порядки знаемъ... да!... вы скажите чѣмъ мудреное-то?

— Ну, ладно; а вотъ што;—выходить мальчикъ не твой?

— Какъ не мой, мой!—вотъ погляди въ вольную записанъ, мой!

— Ну, да, то есть, не родной, не кровный, а я вотъ што... мальчикъ-то обуза...

— Еще бы... у матери руки отымаешь, еще когда-то вырастить, а тутъ корми... по мнѣ хоть бы...

— Ну, на чтожь! А знаешь, что я тебѣ скажу, Андреичъ... ты оставь-на его намъ, мы его вырастимъ, а хорошъ будетъ, за сына примемъ...

— На кой онъ чортъ вамъ?—по мнѣ, пожалуй, возьмите, что мнѣ стоять-то за него... да вы шутите — али нѣтъ? вставая и нуча глаза спрашивалъ Натугинъ...

— Какія шутки! взаправду отдай, а я тебѣ подмогу...

— Ну, ходитъ! съ полы въ полу и зашьемъ, а? зашьемъ?!

— Зашьемъ, да надо знать, что Анна Михайловна скажетъ.

— А што она скажетъ? што?—моя воля... отецъ... прихлопну!—(и онъ показавъ кулакъ) вотъ онъ! идемъ!..

Да идти онъ не могъ, ноги подкашивались, языкъ не слушался и понесъ какую-то дичь, такъ что Окладной отплюнулся, перекрестился и укладъ его новымъ стаканомъ спать.

Иначе или разговоры въ избушкѣ странниковъ; наврасно окольными дорогами Наумовна вызывала Аннушку предложить ей сына; наврасно старуха, понявши желаніе купчихи, истопталась въ убѣжденіяхъ, какое благополучіе ждетъ ребенка; наврасно укорала невѣстку въ своихъ невзгодахъ; говорила, что она злодѣйка своему сыну будетъ, что она отнимаетъ у него счастье, чтобъ она возрилась, какая судьба впереди бѣдному Митюшкѣ; ничто не дѣйствовало: лучше умру, твердила она, а съ нимъ не разстанусь, заѣли вы жизнь мою, черезъ ваши злоухищренія, насердками злые люди погубили меня, окрутили съ пьяницей, съ разбойникомъ, озлили барина, да хотите меня на послѣдяхъ докончить, послѣдней радости, послѣдней капли крови лишить; лучше пусть съ голоду умретъ, а не разстанусь, буду могилку оплакивать, да не знать, что онъ живъ и нѣтъ его у меня, что свое родное дѣтище въ чужія руки бросила, отъ крови отеклась. Нѣтъ, Митя, не бойся, имъ ты чужой, а моя плоть и кровь, жизни рѣшусь, а тебя не отдамъ, голубчикъ, сиротка!—И она, заливаясь слезами, цѣловала сына; итъ, что придумали!

Потеряла надежду Наумовна, завистливо посмотрѣла на Митю и грустная пошла переговорить съ мужемъ, а старуха принялась доѣзжать невѣстку, и не приберешь всего ехиднаго, жестокаго, злаго, что она причитывала; хорошо, что Аннушка не прислушивалась, да и говорила старуха такъ, что не разберешь, только видно было, что злилась, вся дрожала, отплевывалась, кулачишки показывала, не вставая съ мѣста; подъ конецъ голосъ совсѣмъ пропалъ, только губами шевелила и потомъ приткнулась къ стѣнѣ да и заснула.

А Митя и не понималъ, о чемъ мама плачетъ, слышалъ свое ния, да спрашивалъ, гдѣ его *большая лосадка* и скоро ли они домой придутъ! Бѣдный! нѣтъ у тебя дому; это только можетъ быть начало кочевой, невзгодной жизни; а какая ему нѣга была, какъ свѣтло вставало солнышко жизни!

— Мама, пряничка хочу! мама, бѣгать хочу! твердилъ онъ, а мать отпустить его боялась и дать было нечево.

— Сиди смирно, Митя, бука унесетъ, съѣсть тебя.

— А кто это бука?—нужь что ли, али добрый купецъ, али черная мысль разлуки, одолевшая бѣдную мать?

Андрейчъ проспался и къ вечеру вывалился на дворъ освѣжиться; онъ смутно помнилъ что-то, а что такое хорошенько не зналъ; встрѣтилъ хозяина, а спросить боится—не вловится бы, можетъ съ пьяныхъ глазъ почудилось, изъ-за чего вдругъ купецъ пришлого мальчишку усыновлять будетъ, а оно бы хорошо съ плечъ долой, да и помощь сдѣлаеть: деньги лучше сына.

Однако подошла и хозяйка и повела тотъ же разговоръ: видно твердо рѣшилась; нѣтъ, думаетъ Натугинъ, не ошибся, такое счастье выходитъ, только бы не отперлись, прахъ ихъ побери, а имъ говорить:

— Оно, конечно, господа купцы, ваше добросердіе такое, да какъ же намъ роднаго сына - то, такъ сказать, пожертвовать! совѣстно передъ людьми.

— Оно, вѣдь, не родной тебѣ сынъ, самъ же ты говорилъ... до брака былъ...

— То есть все едино... оно... такъ сказать, можетъ и кровный, какъ знать у дѣвки чей сынъ... а я его люблю, право слово люблю, жалостно бросить-то; совѣмъ бросить, почестъ сказать все едино въ землю зарыть... оно не то...

— Эхъ, Андрейчъ, да ты не ломайся, твоя жизнь трудовая, горькая, гдѣ тебѣ съ нимъ нянчаться, а насъ Богъ благословилъ, достатки есть, вотъ те Христось и мать святая Богородица свидѣтели—крестъ поцѣлуемъ; все едино, что кровный сынъ будетъ у насъ, все счастье какъ своему дѣтищу представимъ.

— Да оно такъ, да все какъ же это, да и Михайловна упрется.

— Ты-то не ломайся, а мы тебѣ во што сдѣлаемъ: подводу съ лошадыю совѣмъ дадимъ и провизіи на дорогу дадимъ и каждый годъ помогать будемъ, только ужь ему - то не скажывайтесь, чтобъ онъ меня за мать считалъ, напѣвала Наумовна.

— Да не дури, съ сердцемъ сказалъ Окладной, человекъ ты разумный, а денегъ хочешь—дадимъ.

— Да чтожь я Иуда Христордавецъ, што ли, что ребенка продавать, Господи! мы также чувствіе имѣемъ, мы не то, что вы думаете.

— Эхъ, голова, кто тебѣ говорить такое; не за дитяню, а ради пособія денсгъ дадимъ, на расторговку, вотъ што! на кровь торгуемъ, пойми...

— Развѣ што такъ! да мнѣ штожь, ваша милость, у васъ ему лучше будетъ, не придется сухія корки глотать, а мать што, какъ сама балованная и его негодящимъ сдѣлаеть.

— Такъ ты уговори ее.

— А что ее уговаривать-то?.. пойдете, сказалъ онъ рѣшительно... и пошелъ въ избу къ жепѣ.

Окладные съ какимъ-то страхомъ послѣднили за нимъ, дане дворника и стряпуху кивнули.

Когда они вошли, Аннушка обувалась, мальчишка игралъ на полу обломаннымъ конькомъ.

Молча подошелъ къ нему Михайло, взялъ его на руки и подалъ Наумовнѣ...

— На-те, тащите къ себѣ.

Какъ львица вспрыгнула Аннушка къ своему ребенку, и боль забыла, да на дорогѣ стоялъ Андрейчъ: жилистыми руками хватилъ ее за плечи и отпихнулъ назадъ, на скамью; она опустилась и упала на колѣни.

— Нѣтъ, нѣтъ—не хочу... извергъ безчувственный... не твой сынъ... мой... не хочу...

— Проклятое отродье, я-те уйму... и онъ сталъ вынимать изъ метлы ручку.

— Ну, бей... убей... лучше будетъ... въ каторгу пойдешь, проклятый, бей—одинъ копецъ!—Ей и точно хотѣлось, чтобъ онъ ее пришибъ.

Эта сцена явно давила душу добрымъ хозяевамъ; Наумовна со слезами на глазахъ поцѣловала Митю и опустила его на полъ, онъ побѣжалъ къ матери; занесенная палка остановилась въ воздухѣ—все же младенецъ.

— Я-те припомню... бей!.. убью, а въ каторгу не пойду, на потѣху тебѣ не будетъ.

— Богъ съ вами, не хотимъ раздоровъ, не надо вашего сына, видно не судьба, пойдѣмъ Прокопычъ.

— Постой, нельзя, смирить надо, а то; пожалуй, что прозойдетъ нехорошее... Послушай - ка, Андрейчъ, подь - ка съ нами.

Онъ взялъ его за руку и увелъ; Аннушка стояла истуканомъ.

—
Еще прошла ночь; не спала бѣдная мать опять: думала, раздумывала, что будетъ впереди; а что? вѣчныя ссоры, попреки,

подростетъ мальчикъ, — побой, нужда, горе; что будетъ?.. я чудилось ей, что его бьетъ походя мужъ, отдавъ въ савожники, и тамъ его бьютъ, учится мальчикъ воровать, его стькутъ; забили, разумъ выбили; озлобили и пошелъ въ развратъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже... вотъ попалъ въ полицію, высѣкли, стыдъ и совѣсть потерялъ, въ острогъ засадили! — Цыганскій потъ ее прошибъ, волосы дыбомъ встали, что хорошаго ждать отъ отца пьяницы, безпутнаго, бездушнаго холопа; а купцы люди хорошіе, богатые, обучать, человекѣмъ сдѣлають, да! любовь къ сыну пересилила эгоизмъ; утромъ она такъ молилась, какъ давно или можетъ никогда не молилась; одѣла своего Митю, все старое въ узелокъ на память связала и глубоко засунула въ кошокъ, даже обломанную лошадку; шатаясь взяла его за рученку и повела къ Наумовнѣ.

— Возьмите его, матушка, призрите сироту! — поклонилась въ ноги Аннушка, видно ужъ моя такая горькая участь, за мои грѣхи, а ужъ его осчастливьте, мальчикъ-то золотой, душевной барокой крови, благородненькой; передумала я.

— Богъ тебя вразумилъ, Аннушка, за роднаго сына будетъ держать; если своими Богъ благословить и то отличать не будемъ.

— Охъ, матушка, какъ тяжело отъ дѣтища отречься, одинъ у меня какъ есть. Можно-ли видать-то его будетъ? неужели ужъ совсѣмъ распрощаться?

— Зачѣмъ же? привыкнетъ къ намъ, приходите—только сыномъ не зовите...

— Не выдержишь...

— А мы ему скажемъ, это твоя кормилка мама...

— Кормилка, да это правда, я его выкормила, какъ помѣшанная говорила бѣдная мать.

Дня черезъ два подвода на доброй лошаdkѣ выѣзжала со двора Окладнова, только что пѣтухи пропѣли!

Телѣга была наполнена разными припасами и добромъ, на узлахъ сидѣла старуха; Аннушка уткнулась въ подушку головой и рыдать не могла; Михайла съ похмѣлья подгонялъ свою лошаdkу.

Прокопычъ и дворникъ стояли у воротъ, пока подвода не скрылась за мостомъ.

Дня черезъ три Окладновъ подалъ объявленіе въ полицію, что неизвестные люди, переходившіе черезъ городъ, шавли у него

полегъ и повинули младенца мужскаго пола, ирещенаго Дмитріемъ, котораго, буде родители не отыщутся, онъ беретъ къ себѣ на воспитаніе и будетъ просить о припискѣ къ семейству.

Всѣ городъ и суды знали, какъ было дѣло, да кому до этого надобность: сродственниковъ и наследниковъ у Окладнаго не было.

II.

Воспитали или выкормили?

Прошло послѣ этого годовъ съ десять, а пресловутому городу Песочному и отмѣтить ихъ было нечѣмъ: десять лѣтъ, словно по льду скользнули—безъ слѣда—надъ этимъ болотомъ, наполненнымъ головастиками въ мундирахъ, лягушками въ чепцахъ и разными пресмыкающимися. Хоть бы что нибудь приключилось, а то ни непріятельскаго нашествія, ни губернаторской ревизіи, ни смерти властей, ни пожаровъ—ничего такого не было, чтобы взбаломутило застой обыденной жизни, возбудило новую эру—для этого невозмутимо-равнодушнаго къ міру задняго уголка вселенной; виновать—разъ заметѣла какъ-то (не бойтесь, не саранча) кочующая модистка и привезла новую прошлогоднюю моду; на картинкѣ вѣроть былъ страшно открытъ... а мысль лифа безконечно длиненъ; это возбудило страшное волненіе, всѣ барыни закричали, что это отвратительно, неблагопристойно... что это совѣстно надѣтъ, однако всѣ сшили такія платья, что лифъ открывался до... а мысль достигалъ до... тѣмъ и кончилось!

И такъ, десять лѣтъ, какъ десять дней, не коснулись своихъ крыломъ, пребывающаго въ блаженномъ забытіи—Песочнаго населенія, только развѣ, что нѣкоторые расплозились какъ-то, что другіе сморщились, какъ грибы, да и того ихъ привычный глазъ не замѣчалъ.

Ужъ не это ли зовутъ счастьемъ? не это ли для многихъ блаженство? пожалуй! только жизнь эта или сытка и прозябаніе?

Также незамѣтно прошли эти бесполезныя десять лѣтъ и для Прокопыча съ Наумовной; однако у нихъ была своя эпоха и своя собственная эра; это: появленіе въ домѣ пріемнаго Миши и новоселье. Да и то скоро вошло въ обыденную колею,

домъ достроился, жизнь уладилась, Митя привыкъ и рѣдко вспоминалъ маму Анну; плавно катилось колесо ихъ жизни.

Однако своихъ дѣтей у Наумовны все не было; чтожь оставалось дѣлать? привязаться къ чужому малюткѣ, коли душа алкала любви; между тѣмъ она начала прибавлять полотнища въ шубки и лицо приходило въ положеніе полнаго мѣсяца, только блѣднаго, а Прокопычъ ни на волосъ не измѣнился; правда, борода стала погуще, а волосы на головѣ порѣже — да и только.

Экая пустота: изъ десяти лѣтъ и страницы разказу не забралось!

За то не такова жизнь Аннушки! Много перенесла она невзгодъ, и все порывалась повидаться съ сыномъ, да Окладновы не допускали; Наумовна ревниво боялась, что Митя узнастъ мать и разлюбитъ ее, а она привыкла, чтобъ онъ постоянно былъ при ней, даже не давала Прокопычу въ лавку его брать, неравно избалуется ребенокъ, всякихъ гадостей насмотрится; съ мальчишками вовсе запрещала возиться, развѣ у себя на глазахъ; добрая, хорошая была женщина Наумовна, такія благочестивыя честныя правила внушала мальчику, сама грамотѣ не знала, а съ губъ научила его всѣмъ молитвамъ; да и опрятный, чистенькій такой былъ Митя; всѣ имъ любовались—кромѣ родной матери, она его не видала и онъ о ней не зналъ; что-то смутное было въ его памяти: большіе покои, густой садъ, деревянный конекъ, —какая-то бранчивая женщина, то поцѣлуи, то колотушки, да все что-то такъ неясно, смутно!

А между тѣмъ мать до дна допивала горькую чашу — мученій—и роптала на жестокость судьбы; такъ ли полно? судьба ли виновата? не сама ли Аннушка? да ктожь замѣчаетъ свой норовъ.

Она прислала сначала письмо Наумовнѣ:

«Вселюбезнѣйшая сударыня М. Н.

«Пожалуйте насъ, матушка, въ три недѣльки едва добрались мы до пустой деревнишки, гдѣ жилъ дядя моего мучителя; измаялись, натерѣлись всего: и холоду, и голоду, и всякой обиды; что не кабакъ то стоянка, что не трактиръ—то ночлегъ; всѣ ваши щедрыя милости, сударыня, размытарилъ до тла—и нищими дошли до дяди, а тотъ и на дворъ не пустилъ».

Дѣйствительно, дѣло вышло вотъ какое.

— Да, вы, говорить, что за люди! словно цыгане, или бродяги какіе....

— Свою кровь не узналъ, грубо отвѣчалъ Андрейчъ; охъ Софронъ Кирѣичъ, племянника не узналъ Михайлу-то, Андрея брата забылъ! Правду говорятъ—мужикъ скотина!

— Ида-съ! точно былъ у насъ братикъ Андрей; только что-то изъ памяти вышло, продолжалъ онъ почесываясь, словно и не было; много годовъ-то ушло, какъ его взяли во дворъ; помнись - то помню, виѣстъ раковъ ловили — какъ же, такъ штожь?

— Да вотъ што: ты насъ на дворъ-то вступи, да поужинать дай, присташи не разбойники какіе! по чувствію расскажем!

— Да больно тѣсно у меня, семья-то большая, вотъ въ избѣ теленокъ еще, корова ономясь отелилась... оно, признательно сказать, и хлѣбушка-то у насъ нѣтъ; вотъ вы лучше—въ крайнюю избу пошли бѣ, тамъ всякихъ людей Антропычъ на ночлегъ пуцаеть и шинкуеть втихомолку.

— Да мы не на ночлегъ.... мы пожить къ родному.... пришли...

Разинулъ ротъ Кирѣичъ, въ уиъ не возьметъ, какъ это къ нему жить просятся, когда и самому-то ѣсть нечего; однако на просьбы старухи—сердце разступилось, пустилъ; кряхтя и охая, купилъ даже косушку винца, началось дружелюбіе—выслушалъ все Кирѣичъ, а приютить все-таки отказался; ну, за это поругались Андрейчъ съ Кирѣичемъ; крупно поругались, много обидныхъ словъ отсчитали—да вѣдь брань на вороту не виснетъ;—утромъ выпили вмѣстѣ да и разстались; побрелъ Андрейчъ съ матерью и женой не вѣсть куда и не вѣсть злчльмъ.

Черезъ годъ Аннушка еще письмо прислала съ Асней; писала — «что старуха съ горя и истомы сложила свои косточки гдѣ-то на перепутьи, мужъ изъ кабаковъ не выходитъ, съ темными людьми связался, ее бьетъ; пришлось къ мѣсту, хоть въ прачки да пошла бы, не пуцаеть, только и персбивается, что мидостинной да кусокъ хлѣба гдѣ заработаетъ, нельзя-ли помочь, ради Мити!»

Потомъ долго не было извѣстій; вдругъ еще пришло письмо, но успокойнѣе; «она избавилась отъ окаяннаго мучителя, его посадили въ острогъ и вырвется развѣ на каторгу; она живетъ въ горничныхъ и хоть работа трудная, семья большая, всѣхъ обшати, обмыгъ надо, одѣтъ и прибрать, да побой и стыда

набавилась, мерзостей не виднётся, не слышится — и то отрада, слезно умоляет Наумовну взять ее къ себѣ въ прислугу». Наумовна денегъ выслала, а взять на отрѣзъ отказала. Прошло еще два года; пишетъ Аннушка, что злодѣй изъ острога некою не даетъ, давай ему денегъ; грозить—опутать и самое засадить, а изъ чего ей давать? заработаетъ шесть рублей въ мѣсяцъ, а на до рубашенку и платьишко себѣ шить.

«Подумала, подумала, благодѣтельница Мавра Наумовна, пишетъ кто-то отъ имени Аннушки, и порѣшила—тайно уйти въ Москву, а то страмота преужаснѣйшая, какъ узнаютъ о мужѣ, гонять въ шею; мужъ, говорятъ, острожной, можетъ и ты такая же; ступай съ Богомъ, матушка! Тамои страмоты набралась, что не въ терпекъ стало; ушла въ Москву, авось не найдеть; унь есть-ли здѣсь не устроюсь—хоть убейте, умру у вашего порога — а къ вамъ приволокись, хоть передъ смертью Митю сыномъ назову; чай великонскъ и уму-разуму обученъ. Помогите, матушка, пока мѣста не нашла, не будетъ-ли милости, пришлите на зайчью шубенку, закамчивала она, а то смерла совѣтъ—и показаться совѣстно, просто нищая».

Наумовна послала ей на зайчью шубку и на кое-что другое—только чтобъ она не приходила и сына не взбаламутила.

Проковычу все это письмо очень не по сердцу было.

— Ничего путнаго не будетъ, не отвязишься отъ нее; лучше-бъ она провалилась и не писала!.. походилъ онъ по комнатѣ, почесалъ спину, зѣвнулъ и добавилъ: ну, ее къ черту!

— Ахъ, Прокопычъ, грѣхъ какой!.. все же душа христіанская..

— Ну, ее, дрянъ выходитъ, холопское отродье, подлое, а вотъ што... я умою раскинулъ: выходитъ, я и не замѣтывъ, а мальчуганъ-то подросъ, чай девять годковъ—штоль?

— Да вотъ отъ Спасова дня—должно быть—десятый шель—а што тебѣ?

— Да вотъ што; вонъ у Феклиста Филатьева у Рожнова-то, и у другихъ прочихъ—дѣтей-то—грамотѣ нонѣ обучаютъ...

— Во еще, младенца мучить, на што ему ева грамота, прожили мы, слава-те Господи, и безъ всякой грамоты.

— Ну, мы-то прожили—а ему-то, пожалуй, передъ другими зазорно будетъ; оно не то штобъ... а все—грамота—невредная штука, и сказать-то хорошо! хоть на себя посмотришь: подвеску, или отписку дать—въ городническое плати; прошеніе какое али что тамъ ни на есть написать, безъ дѣловъ не прожи-

вѣшь, всякіе Обидчики есть — плати вдвое; да и какова Чорта — эти крючки тамъ наваракуютъ — самъ не знаешь, ставь три креста да опосля и отвѣчай... дѣло, кажись, и правое, по совѣсти, какъ есть, правое, а не бумагамъ выведуть не правое — плати; оно и разорительно выходитъ, признательно сѣзать, а отъ чего?.. грамотѣ не знаешь; знай грамотѣ, не падули-бъ, да ужь и жалобу-то наваялъ бы самъ, знаешь, какую, — забористую, въ обиду бы не дался; ну, поклоны, дѣло другое, безъ того нельзя! говорилъ, въ видѣ разсужденій, Прокопычъ, ходя по комнатамъ. —
Ида! грамота дѣло важное и по торговлѣ аккуратство выходитъ!
Ида! такъ... да оно полно мальчишкѣ за подоломъ-то твоимъ ходить — вора и къ дѣлу приучать... подрость.

— Что ты это затѣваша-то, шолоумной, что ты младенца — загубить, штоли, задумалъ?..

— Чѣмъ это? грамотой-то? ты ужь вотъ што: достаточно соской-то выклатъ, выкормила и баста, мое дѣло теперь; не зла, добра хочу, не стряпухой ему быть, а купцомъ! понимаешь?

— Да какъ же это... я его и видѣть не буду? да съ кѣмъ онъ будетъ-то; всякимъ не потребствамъ и пакостямъ его научать.

— Ну, пристегни его къ подолу! — эхъ, Наумовна... въ клѣткѣ не удержишь, не птица, вырвется, хуже-бъ не было... а я во што .. пусть лучше людей узнаеть, всякое дурное отличать выучится, въ школу отдамъ... оно, ничего, расходу немного, книжонки тамъ какія штоли, у Афеи купимъ, а смотрительшѣ на пяты: аглацкаго ситцу отхватимъ, такъ и ладно будетъ! Не будутъ Рожновы пальцемъ показывать.

— А што — развѣ?

— Ну, про то мы знаемъ.

— Это имъ завидно, ихъ Ванькѣ-то двѣнадцатый годокъ всего, а по кабакамъ шляется, вотъ твоя школа-то... нѣтъ, ужь отдай лучше на выучку сосѣду Митрофаньчу, дьячку: человекъ благочестивый, церковный, всякія премудрости прополъ...

— Больно хмѣлемъ запибаеть.

— А въ школѣ-то? — снто учителя-то не запибають, штоли? а что-жь у всѣхъ носы-то красные?

— А што... и то, пожалуй, лучше будетъ.

— Вѣстимо лучше: тутъ подъ глазами, и поѣсть домой при-бѣжить.

— Тебѣ только бы намсть ему набивать, эхъ, Наумовна, не-ладно и любишь-то ты!

Какъ не артачилась Наумовна, какъ не оттягивала—то тѣмъ, те другимъ. да сила свое взяла: Прокопычъ отступать не любилъ и пришлось надѣть на Митю холщевую сумку съ книжками, да отвести къ Митрофанычу: онъ за выучку всего двадцать пять рублевъ уговорился.

Повела на первый разъ къ Митрофанычу своего баловня Митю сама Наумовна; чуть не въ ноги поклонилась; тайкомъ отъ мужа — пирогъ съ капустой снесла и на выпивку положила; только ты. батюшка Митрофанычъ, младенца-то не неволь, онъ у меня такой шпетной, нѣжненькой—хворенькой — грубаго слова не слыхивалъ, просто ангелъ непорочный; ужъ ты не обиждай.

— А мы што за ругатели, христіанство знаемъ, обиждать не станемъ: не пройдетъ году — псалтыри самъ читать будетъ, а тамъ и до Читеи-минен достигнемъ, всякой премудрости научимъ, не бойтесь, пусть со мной на клиросѣ поеть.

— Ну, ладно, батюшка, ужъ тамъ какъ знаешь, только ты мальчишку уму разуму то учи. чтобъ честный человекъ былъ, да насъ, отца, мать, любилъ.

— Сказано — ладно, и басто! что толковать, не мѣшай ужъ, Наумовна, мы свое дѣло знаемъ, вотъ помолясь, силы подкрѣпимъ, а тамъ и за дѣло... ну...

И онъ принялся оплетать горячій пирогъ, запивая его водкой; Наумовна ушла, Митя съ какимъ-то страхомъ стоялъ у двери и глядѣлъ на своего учителя, какъ тотъ прожорливо глоталъ пирогъ и хлѣбалъ водку!

— Ну, садись—щенокъ! а гдѣ указка?

— Вотъ-съ... книжка, робко отвѣчалъ мальчикъ

— Азбука, осель, пришелъ учиться, а не знаетъ, что это не книжка—а азбука!—гдѣ указка, а?... нѣтъ? ну, на (и подаль ему палочку съ рагулькой, а самъ принялся порты чинить); держи вотъ-такъ указку... ну... хорошо, читай азы!

— Я не умѣю-съ! дяденька.

— Научимъ: говори за мной: азъ!... вотъ: азъ.

— Азъ!

— Буки, вѣди... не туда тычешь, вотъ вѣди-то, ну, глаголь, добро.

— Буки, вѣди... бессознательно повторялъ мальчикъ, не понимая, что это за звѣри, и что выдетъ изъ этихъ каракулей.

— Ну, тверди, а мнѣ, тово... надо... и Митрофанычъ вышелъ. Всталъ въ тупикъ Митя безъ него—только и помнить азъ да буки, а тамъ нашлось какое-то зело, живети.

— Што, выучилъ? спросилъ воротясь учитель и, не дожидаясь отвѣта, пошолъ что-то женѣ сказать.

— Ну! читай-же, лѣнтяй... что замолчалъ.

— Азъ, буки, буки...

— Вѣди, глаголь, добро! добавилъ Митрофанычъ, давая подзатыльникъ Митѣ...

— Добро! сквозь слезы повторилъ Митя.

— Есть, живете, земля, зело.

Митя молчалъ, учитель рванулъ его за ухо.

— Начинай сначала... и повторялось тоже! Ну, на первый разъ довольно—завтра приходи, ты мальчикъ славный—къ завтраму десять буквъ задомбишь, такъ я те рѣпу дамъ.

— Да я, дяденька—какъ ихъ звать-то не знаю.

— А вотъ будешь, будешь знать, и онъ его оттрепалъ за волосы!

Прибѣжалъ Митя домой расплаканный, растрепанный, пожаловался, что Митрофанычъ ни за-что ни про что дерется. Взбѣсилась Наумовна; чуть не кончилось этимъ ученье—да Прокопычъ вразумилъ: безъ того и науки никакой нѣтъ, чтобъ не били: за битаго двухъ не битыхъ даютъ!

Поплакала Наумовна надъ участіемъ своего любимца; въ душѣ проклинала науку, а послушаться Прокопыча не посмѣла!

Сталъ ходить Митя къ Митрофанычу, получать тукманки и прочіе вразумительные уроки, ходилъ чуть не каждый день, а до яницы въ цѣлый годъ не добрались!

— Да что, дяденька, скажите, что-же изъ этихъ азовъ выдетъ-то?.. спросилъ какъ-то мальчикъ. Взбѣсилъ Митрофанычъ: какъ смѣешь это спрашивать, какъ смѣешь въ наукѣ впередъ забѣгать—да выдетъ — што ты дуракъ; фу! разбѣсилъ, каналья; на—десять копѣекъ, сбѣгай скорѣй, принеси косушку водки...

Ошалѣлъ, Митя, ему было внушено, что кабакъ позорное мѣсто, двери въ адъ... а его въ кабакъ посылаютъ...

— Я не смѣю, дяденька, вѣдь это въ кабакъ надо...

— Что...о...о...? вскричалъ Митрофанычъ, и разразился такими ругательствами, какихъ хотя и приходилось слышать Митѣ, да смыслу онъ ихъ не понималъ!

— Вотъ какъ я те дерку задамъ, да напишу тебѣ на.... аз-

буку, такъ ты будешь меня знать! и онъ началъ изъ метлы выдергивать прутья; Митя, видя, что дѣло не ладно выходитъ, юркнулъ въ дверь и разсказалъ матери Наумовнѣ все, что говорилъ Митрофаньичъ.

Та отплевывалась, крестилась и рѣшительно сказала, что въ эдакому сквернослову и богохульнику—въ развратъ, на погубель души, невинное дѣтище посылать ни за что не станеть, хотъ убей ее.

— А коли такъ, плевать хотѣлъ на Митрофаньича, обойдеси и безъ него; вотъ я его съ собой въ лавку буду брать; Митька прикащикъ будешь—слышь!

— Слушаю, тятенька!

— Сюртучекъ сошью, картузь куплю, вотъ и все.—

А вышло не все; познакомился Митя въ рядахъ съ другимъ мальчикомъ, немного постарше его; въ Песочномъ, разумеется, только и торгъ, что въ базарный день, а то хотъ запирай лавку, нечего дѣлать; хозяева и прикащики орѣшки пощолкиваютъ да въ шашки играютъ, а мальчики промежь себя забавятся въ свайку, въ орлянку; развѣ увидятъ нежданнаго покупателя, ну, тогда всѣ бросятся, окружатъ его какъ собачонки, зазываютъ; ему нужно топоръ, али легтю, а оны предлагаютъ чаю, сахару, краснаго товару; иной и не устоитъ противъ соблазна, накупитъ того, чего ему вовсе не нужно было,—другой обругаетъ и уйдетъ.

При этомъ бездѣльи сошелся Митя съ однимъ мальчикомъ, сыномъ богатаго бакалейнаго лавочника Парамонова; тотъ грамотѣ зналъ, и Митя съ удивленіемъ спрашивалъ его, какъ это онъ могъ выучиться такъ бойко читать? Какъ съумѣлъ — тотъ объяснилъ ему, что буквы звуки и слова звуки—только сложные, а по буквамъ все прочесть можно, что другіе писали; что это объяснить трудно, а такъ выходитъ, только Митя скоро самъ сталъ разбирать книжки, и это ему очень полюбилось; да съ этимъ далеко не уйдешь и не ушелъ бы далеко самоучка Митя, да вотъ какая оказія случилась.

Ужъ Прокопычъ, а не Наумовна, получилъ отъ Аннушки еще письмо, ужъ не на обвертошной бумагѣ, а на почтовой, и писано оно было хотъ и странно и безграмотно, а складнѣе, и съ претензіями на фигурный слогъ; да что-то не такъ униженно, какъ прежде написано, какъ-то съ фанаберіей; видно положеніе Аннушки измѣнилось!

Письмо начиналось съ того, что она получила вдовій паспортъ и живетъ экономной или пнянкой у оставнаго маіора Александра Осипыча Христофорова, управляющаго имѣніями князя Преторскаго; своей судьбой пока довольна, а печалится о судьбѣ Мити; благодарить Окладныхъ за ихъ милостивое пошеченіе, но удивляется, какъ они его въ наукѣ до сихъ поръ не провели, что онъ ей ни разу самъ не написалъ, хотя она ихъ просила увѣдомить, что это значить; и оканчивала угрозой, что она не хочетъ, чтобъ ея сынъ дуракомъ-мужикомъ остался, что онъ все-таки крови благородной, графской и нельзя ему оставаться въ мужицкомъ невѣжествѣ и что если они не позаботятся объ этомъ, значить слова не сдержатъ, а ей руки развязываютъ; маіоръ Христофоровъ говорить, его въ гимназію отдать надо, тогда и въ люди выйдетъ. А она, какъ мать родная, о своемъ дѣтницѣ стараніе прилагать должна.

Озадачило это письмо не только Наумовну, а и Прокопыча.

— Ишь ты какую пѣсню поеть! куда махнула, подлая.

— Охъ, чужое дѣтище не свое, не наша кровь и плоть; взаправду ты говорилъ, оперится—не удержишь... смотри, какъ Анютка-то, подлая, носъ задвираетъ, вѣрно разкирѣла, што-ли, и не просить ничего... ужъ это плохо... охъ!... охъ!...

— Да почему она знаетъ... все такое, что Митька грамотѣ не наученъ?

— Анъ наученъ, ономясь принесъ книжку и вслухъ читалъ; не знаю, непонятно что-то, книжка не церковная, а хороша должно быть.

— Ишь ты, это Парамоновъ Сашка его научилъ... дѣло!... да что говорить: мальчуганъ смышленный, надоть въ школу погнать... онъ тамъ скоро...

— Ну, тебя съ школой-то, штобъ ребенокъ всякимъ паостямъ, развратностямъ научился... я его такъ берегла — точно дѣвочка скромненькій... ничево-то дурнаго не знаетъ.

Оно не совсѣмъ такъ было; уши не заткнуты, глаза не завязаны — со всякими мальчишками и дѣвчонками случалось возиться, даже купаться виѣстѣ, такъ какая тутъ ужъ скромность; впрочемъ, Митя былъ лучше другихъ: все грязное, грубое почему-то ему было противно; его даже гордяшкой-барчонкомъ дразнили мальчишки.—Только намѣренія своего все не исполнялъ Прокопычъ, тянулъ какъ-то, больно въ лавкѣ ловокъ былъ Митька; а матери отписалъ, что его слово—свято и что

Митя славно учится: солгалъ Прокопычъ—Наумовна упросила. Разъ какъ-то зашелъ къ нему Иванъ Семенычъ, стряпчій, чайку напиться, а Иванъ Семенычъ передъ этимъ получилъ тяжкое оскорбленіе отъ зрителя училища, г. Дологовѣчнаго, тотъ его орловскаго рысака безногой клячей обозвалъ, да еще публично.

Вотъ разговорились они, то есть стряпчій съ Прокопычомъ, да какъ-то и навели слово на училище.

Стряпчій, какъ человѣкъ въ своемъ родѣ ученый, за науку стоитъ, а училище хаетъ.

— Какъ же это, думаетъ Прокопычъ, вмѣстѣ-то сплести: наука хороша, а училище дурно! какъ-же тутъ быть-то?

— А вотъ какъ, говоритъ стряпчій, онъ того и ждалъ, ему только надо было кредитъ зрителя подорвать! ужъ онъ это къ Окладному не къ первому подъ бокъ подкатился съ этимъ. А вотъ какъ: гадальщицу Нифодору Матвѣеву знаешь?

— Это подхалюзницу-то? попрошайку-то? какъ не знать—знаемъ!...

— А это знаешь, что у нея сынъ есть?

— Это что у васъ писаремъ, направо въ коморкѣ сидитъ, такой жимолостный, длинноволосый? знаемъ—это видали! дрянъ, должно быть, человѣкъ; говорю ономнись ему, какъ бы, любезнѣйшій; а онъ и говорить: я вовсе не любезнѣйшій вашъ, я васъ не знаю, что вамъ надо? а я: да вотъ такъ и такъ, копійку бы добыть, да и кладу ему цѣлый четвертакъ, а онъ какъ вскочить, да закричать на меня; съ чего бы, думаю, его прорвало, вѣрно напущено! такой озарной онъ у васъ.

— Хе, хе, хе—это не то! молодо-зелено; не обтерся, онъ, вѣдь, московскій студентъ: фанаберія, честность, знаете, взятка обидѣла, хе, хе, хе... ничего, обломается, нужда научить качачи ѣсть, а голова у! какая; одно слово—студентъ!

— Это что-жь, чинъ, што-ли, такой?

— Да пожалуй что чинъ, за ученость дають, а ужъ бѣдность!! голъ просто, изъ сапогъ пальцы глядятъ, а прочее даже неприлично...

— Такъ што-жь онъ ломается-то? мы бы подмогли, коли хорошій парень...

— И думать нечего—не возьметъ, а парень примѣрный; а вы вотъ что: онъ наукъ-то въ десять разъ больше знаетъ, нежели вашъ нечесанный зритель-то со всеми учителями вмѣстѣ,

такъ вотъ што: вы его наймите Митю на дому учить; ну, дайте по четвертаку за урокъ, и пойдетъ хорошо; — ты ужь не поспешишь, Прокопычъ, на праздникъ наночки на сюртукъ подарить... это-то онъ возьметъ... скажетъ—заработалъ...

— Почему-жь, это ничего, можно; оно на дому-то лучше, говорить Наумовна, баловаться паренекъ не будетъ, а студентъ-то, тово... не... какой ни на есть?

— Ни, ни, хорошій, говорю, скажешь мнѣ спасибо за совѣтъ; а на диванъ ситчику аглицкаго пришли все-таки за это.

— Еще ученика отбилъ у Долговѣчнаго, припрыгивая на дрожкахъ и щелкая пальцами, чуть не въ голосъ кричалъ стряпчій, а студенту еще рублишекъ пять на голые зубы, да не объ немъ рѣчь, а ужь Долговѣчнаго дождь.

Студентъ Ворожейкинъ, сынъ городской попрошайки, ворожей, жилъ у своей нищей матери въ чуланчикѣ; оно очень хорошо: ни блохъ, ни клоповъ, ни всѣхъ прочихъ насѣкомыхъ, тревожащихъ сонъ—лѣтомъ не обрѣталось, да хорошо что лѣтомъ-то нѣтъ снѣгу, вѣтра, морозовъ, а вотъ какъ зима придетъ, что будетъ тогда?

Не разъ брало отчаянье Ворожейкина! Дѣтства своего онъ почти не помнилъ, но крѣпко было на умѣ, что какой-то благодѣтель отдалъ его въ Москвѣ въ гимназію, что онъ 7 лѣтъ переходилъ изъ класса въ классъ и съ 4 курса пришлось голодать и мерзнуть; благодѣтель умеръ; пришлось искать копѣчныхъ уроковъ или переписывать разную чепуху, чтобъ не умереть съ голоду; ясно помнилъ онъ то отрадное время, когда перешолъ въ университетъ, но и тутъ тоже бессонныя ночи, трудъ до утомленья и все, чтобъ не умереть съ голоду; слушай лекціи, записывай, повторяй, да подумай и о шахъ; размышляй, а какъ тутъ размышлять, когда и холодно и голодно.

Улыбнулось и ему счастье, взяли его на казенный счетъ въ университетъ, тутъ-то онъ и предался весь наукѣ... ну, думаетъ, вотъ получу аттестатъ... и тогда начнется другая жизнь! Цѣной труда, здоровья, физическаго изнуренья онъ купилъ аттестатъ и полетѣлъ... на родину,—на своихъ ва двоихъ! А что его ожидало тамъ въ пресловутомъ болотѣ—виновать, городъ Песочномъ?—Тоже нужда, нищета въ кривобокой хатѣ у матери ворожей съ прибавкомъ нравственныхъ униженій! Едва, едва далъ ему подачку стряпчій, записавъ писцомъ на семь рублей ассигнацій жалованья.

— Къ чему-жь я трудился, тратилъ Божій даръ—умъ? думалъ Ворожейкинъ; на что же мнѣ этотъ лоскутокъ бумаги — аттестатъ... ниѣ нечего ѣсть, нечего дѣлать, гдѣ-жь приложеніе науки къ жизни? Я даже не могу удалить мать отъ ея постыднаго ремесла!—жить-ли ужь, полно? не лучше-ли камешъ на шею да въ воду—пока не задушила безотрадная будущность? Нѣтъ, мысль о самоубійствѣ величайшая подлость! — это хуже чѣмъ бѣжать съ поля битвы, отступить отъ поединка, продать совѣсть? Это трусость. Нѣтъ, борьба до конца... терпи, работай... и будь чистъ передъ совѣстью! Буду работать, возьму свое! такъ думалъ Ворожейкинъ... и такому-то учителю попался Митя.

Какъ знать, откуда блеснетъ свѣтлый лучъ сквозь мрачныя тучи жизни! ну, кто бы думалъ, что этотъ лучъ выглянетъ изъ-за сивныя стряпчаго, когда тотъ загорѣлся мстью къ какому-то Долговѣчному за обиду рысака! Этотъ случай доставилъ Ворожейкину чуть-ли не десятокъ уроковъ, и въ мѣсячонѣ итогъ чуть не полсотни рублей ассигн. въ мѣсяцъ! Да! вотъ что значить оскорбить стряпчаго, или его рысака, на эти 50 рублѣй потерялъ убытку Долговѣчный со своимъ штатомъ, а покалуй и болѣе; училище опустѣло—а за это его смѣнили.

Какъ же онъ жаловался на несправедливость начальства; да не объ немъ рѣчь, ну, его къ чорту! А вотъ Митю черезъ годъ узнать нельзя было. Сначала при урокахъ присутствовала сама Наумосна; придетъ къ мужу и говорить:

— Смотрить-ко, больно онъ съ Митей ласковъ, не научилъ бы его чему злому, все такое непонятное толкуеть! ужь въ разумъ не возьму, какос-то цифирье пишутъ, высчитываютъ, на чтобы, кажишь—я говорю студенту-то, вотъ Прокопычъ на счетахъ какъ выкидываетъ бойко, а онъ говорить: на счетахъ скинулъ я провало, а что написалъ перомъ, не вырубишь топоромъ—

— А что... вѣдь студентъ-то дѣло говорить, ты не мѣшай.

— Да не што я мѣшаю; вяду себѣ, да и все, ну, разбереть эввота, уйду.

А Митю эввота не разбирала, полюбилъ Ворожейкинъ этого мальчика и добросовѣстно передавалъ ему не однѣ заученныя формулы, а свои мысли, свои чувства, а эти мысли, эти чувства были почерпнуты изъ того-же колодеза мудрости и истины, откуда ихъ черпалъ и нашъ Бѣлинскій! Добрыя сѣмена задали на добрую почву... но плодовъ быть еще не могло! Да-

кончить развитія Ворожейкинъ не успѣлъ... Митя все-таки остался недоучка, хотя слылъ въ рядахъ чѣмъ-то въ родѣ песочнаго генія!

Наумовна и Прокопычъ не нарадовались,—только имъ казалось, что иногда у Мити будто умъ за разумъ заходитъ; непонятно какъ-то говорилъ онъ, самъ Прокопычъ не совсѣмъ понималъ эти рѣчи, боясь, не рехнулся-бы мальчикъ, не заучился-бы; на пролетъ ночи сидитъ, да пишетъ—а утромъ блѣдный, и желтый явится въ лавку—и все думаетъ, да говоритъ: совѣсть требуетъ, чтобъ я исполнилъ свой долгъ! честь мнѣ это предписываетъ!

— Ну, думалъ Прокопычъ, провались ты совсѣмъ; чего еще? парень и такъ ты честный и аккуратный. Ты, Митя, не дури, ты грамотѣ во какъ изучился—что твой и студентъ, да; не всякія книжонки читай; много белиберды тамъ пишутъ; вредныя есть, тово, батюшка говорилъ — а ты вотъ лавкой управляй!

— Да я, тятенька, отъ дѣла не прочь, долгъ и честь — мнѣ предписываютъ — а книжкѣ-то и то совсѣмъ нѣтъ: у Елены Петровны, у супруги стряпчаго, выпросилъ Ворожейкинъ на мѣднѣ, такая славная исторія: господинъ-съ сочинитель Нарезновъ описали бурсаковъ.

— Это звѣрекъ такой барсукъ?

— Нѣтъ-съ, что вы, не барсукъ, а бурсакъ—это въ украинѣ семинарія, школа для церковничкихъ дѣтей; такъ жизнь ихъ описана; а то прочелъ я Марѳу Посадницу; вотъ, тятенька, женщина-то была, Новгородомъ управляла, противъ Царя Ивана Грознаго воевала!

— Эва! это бунтовщица, значитъ, развѣ можно противъ царя воевать? Царь отъ Бога поставленъ; ишь ты какую пакость вычитываешь... я у те всѣ книжонки эти сожгу, слышь у меня... тово... вишь...

— Да это...

— Цыцъ, на гугу... брось, говорю, на висѣлицу попадешь—вонъ про поповичей читай, пожалуй... ничево... чай забавно?

— Слушаюсь, тятенька, не буду! а самъ въ лавкѣ засѣлъ читать Ивана Выжигина; такъ занятно показалось, что и обѣдать домой не ходилъ.

Наумовна душевно сокрушалась, что онъ такой щедущный, ѣсть мало!

Такъ-то прошло двѣнадцать лѣтъ; Окладные ихъ и не зашѣти-

ли, да никто, кажется, ихъ не замѣтилъ въ Песочномъ; а на тринадцатомъ (что ни говори, а скверное число тринадцать), такъ на тринадцатомъ году отъ начала разсказа, пошла невзгода на городъ и особенно на Окладнова, — онъ былъ ратманомъ; ни трусу, ни наводненія не было, а налетѣлъ ревизоръ, да почти всѣ городскія власти упекъ подь судъ; попался и Окладновъ — на шибніе запретъ положили, а купцу это петля.

Это бы еще ничего, да бѣда бѣду родить, никогда одна не бываетъ.

Къ харчевнѣ, съ надписью «гостинница для пріѣзжающихъ» — подѣхала кибитка кожаная, такая вальяжная, своя должно быть; изъ нее вылѣзла толстая барыня и тощая дѣвка; пріѣхала на легкѣ, всего двѣ пирины, четыре подушки, сундукъ подь облучкомъ, да съ дюжину коробковъ и узелковъ; все это перетаскали въ номеръ. Барыня спросила самоваръ и за что-то дала пощечину дѣвкѣ; лошадей не требовала! это возбудило любопытство и подозрѣніе: зачѣмъ это такая барыня заѣхала въ Песочный и лошадей не требуетъ! Побѣжали повѣстить городничаго, тотъ переодѣтаго будочника прислалъ, а будочникъ, хоть и въ фризовой шинели, а такъ и выглядывалъ не то будочникомъ, не то кабашнымъ ерникомъ.

Вотъ какъ принесъ половой самоваръ, чашки и прочее, барыня и говорить:

— Ты здѣшній, голубчикъ?

— А то какой же-съ, извѣстно, здѣшній, коли здѣсь живемъ...

— Такъ, такъ... ты въ городѣ-то всѣхъ знаешь?

— Какъ не знать, знаемъ-съ; по той причинѣ, къ намъ всякіе люди ходятъ и господа жалуютъ, на бильяртѣ позабавиться и наливочки выпить... у насъ малиновка и всякія другія настойки есть... очень жалуютъ.

— А хорошія наливки, домашнія, что-ли?

— Какъ-съ можно, домашнія-съ, это корчемство значить.

— Такъ кабашныя? съ гримасой замѣтила барыня.

— Никакъ нѣтъ-съ, прямо въ питейной конторѣ беремъ.

— А дай-ка попробоватъ...

— Сейчасъ-съ (побѣжалъ и принесъ).

— Да, недурно, умѣючи налито... а что, голубчикъ, купечество ходитъ къ вамъ?

— По малости, развѣ торгъ какой, а то дома-съ угощаются, сами по себѣ.

— Тутъ есть у васъ Панфилъ Прокопычъ?..

— Окладновъ? какъ не быть, есть.

— Онъ бываетъ здѣсь?

— Не таковскій человекъ, строгій купецъ, развѣ когда по торговому дѣлу съ кѣмъ придетъ, три пары закажетъ, а то нѣтъ-съ, не податливый...

— А что, у него дѣти есть?

— Нѣту-съ, т. е. приемышъ Митя есть... барченкомъ дразнить... такъ это не родной, а такъ только за сына держать, Христа ради.

Лицо барыни разцвѣло и прояснилось отъ наливки или отъ чего другаго.

— А онъ ходитъ сюда, этотъ барченокъ?

— Кто-съ, Митька-то? куды-съ, узнаетъ отецъ, дерку задасть, такой завзятый старикъ, все по стрункѣ... только...

— Что только?

— Парень-то дурковать, книжекъ зачитался...

— Что ты?

— Точно такъ-съ, до смерти зачитался, кровинки не осталось,

— А что, мой милый, на тебѣ двугривенничекъ, приведи ко мнѣ этого мальчика.

— Ужъ, право, не знаю-съ, не пойдетъ.

— Обмани какъ-нибудь, скажи, чтобъ товару миѣ изъ лавки принесъ, что ни на есть лучшаго, дескать, барыня покупать станетъ.

— Слушаемъ-съ!

— Да ты не говори никому.

— Зачѣмъ же-съ, мы свое дѣло знаемъ, будьте-съ покойны.

Барыня задумалась и ошибкой въ чашку, вмѣсто чая, налила наливки.

Половой, для точнаго исполненія ея порученія, пересказалъ все буфетчику, буфетчикъ хозяину, а хозяинъ...

— Стой малый, говоритъ, что такая за барыня, кто ее знаетъ; ишь ты... нѣтъ, ты мальцу не говори, а поди, упреди Панфила Прокопыча... какъ есть все Расскажи.

Въ образной у Наумовны шипѣлъ и фыркалъ самоваръ, прародитель паровой машины; паръ летѣлъ до потолка и мокрыми каплями выступалъ на челѣ ея сожителя; о ней и говорить не-

чего, она давно была вся мокрая; Мити не было, онъ еще не заперъ лавки.

Постучались въ калитку, загремѣла нѣтъ, залазала жучка какъ то необыкновенно съ завываньемъ.

— Митя! проговорилъ грустно Прокопычъ; его давила память о томъ часѣ, когда безграмотнаго выбрали въ ратманы, а онъ еще порадовался: была почеть!

— Нѣтъ; не онъ! возразила Наумовна, ишь ты, какъ пестъ-то залазая, не къ добру, неладное что-нибудь. . кто бы такой?

Звякнуло кольцо, заскрипѣла калитка, послышался голосъ дворника и какой-то чужой голосъ.

Нетерпѣливо, молча ждали они, пока дворникъ взобрался на лѣстницу и пріотворилъ дверь:

— Панфилъ Прокопычъ, а Панфилъ Прокопычъ!

— Ну, што, кто тамъ?

— Отъ харчевника половой прибѣгъ, оченно нужно, говорить.

— Ну, збви, что тамъ тавос?

Вошелъ половой.

— Андрей Филимонычъ съ поклономъ къ вашей милости при-слали, началъ, кланаясь и закинувъ пестрый фартукъ на плечо, половой, приказали извѣстить вашу милость, Панфилъ Прокопычъ, что остановилась-де у насъ какая-то барыня, изволятъ товаровъ требовать.

— Вотъ што! ну, ты бы въ лавку къ Дмитрію забѣгъ.

— Да оно во што, какъ-то особенно она спрашивала; говорить, вотъ тебѣ двугривенный, а чтобъ товару принесъ Митрій Панфялычъ...

— Што? почему она знаетъ? здѣшня поиѣщца какая, што ли?

— Кто-жь ее знаетъ... не здѣшняя...

— Она! сквозь зубы проговорила Наумовна, и холодный потъ выступилъ на ея лицѣ. Она! простонала Наумовна, за нимъ пріѣхала.

— Да постой, дура, экъ заныла! Такъ, паренъ, ты расскажи путемъ, какъ было! А у самого что-то неладно на душѣ стало.

Съ подробностями и вставками своихъ заключеній рассказалъ половой весь разговоръ, описалъ барыню до нитки, и какъ идливку со вкусомъ пробовала.

— Гм! вотъ оно што, нда, неладно, замысль какой есть! Онъ кривнулъ дворника.

— Бѣги въ лавку, зови Митрія скорѣе сюда, чтобъ прино

шалъ, нужно, дескать! а ты, парень, ей ничего, скажи, товарищъ принесутъ, дескать, да прислушайся, я те на рубашку александрійки подарю.

— Помилюйте, душевно рады-съ, вы машенскіе, прощенья просимъ-съ.

— Батюшка, завопила Наумовна, когда онъ ушелъ, Панѣдъ Прокопычъ, защити, не погуби; душеньку она вытянетъ, въ гробъ живую положить, коли Митюшку отыметъ, только имъ и живу, батюшка! злодѣйка, душегубка, обманщица, не убилъ же ее этотъ дьяница, не поразилъ ее громъ Господній—зачѣмъ она прѣехала-то! зарѣзать, погубить, батюшки!

— Да ну те, уймись; Митя идетъ, при немъ-то не надоть; эка, глупая баба, мнѣ не жаль, что-ль, ну, пошла, водицы испей.

Наумовна, всхлипывая, пошла къ ведру, испила водицы, а какъ вошелъ Митя, бросилась ему на шею съ завываньями и чуть не задушила; тотъ понять не могъ, что съ ней сдѣлалось; онъ тоже любилъ эту добрую женщину,—какъ мать; смущало его душу это непонятное для него отчаяніе. Прокопычъ взялъ у него ключи отъ лавки и пошелъ.

— Маменька, что съ вами, успокойтесь, али еще горе? ну, скажите... Богъ не безъ милости, не надрывайтесь такъ, маменька!

— Маменька! взглянувъ, повторила Наумовна, голубчикъ мой, Митя, ты вѣдь любишь меня, ты не бросишь, не уйдешь?

— Что вы это, маменька, вы себя не помните, обижаете.

— Да нѣтъ, ты поди, спрячься, я тебя запру; ты не вѣрь ей, подлой, она вреть, ты мой сынъ, а не ея.

— Сядьте, маменька, кто спорить, что я не вашъ сынъ, какія вы рѣчи непонятныя говорите...

— Да, да, это я такъ, Митя! ты не знаешь, не понимаешь; умру, умру безъ тебя!

— Да что такое?

— Ничего, ничего, пойдѣмъ, пойдѣмъ, я тебя спрячу... голубчикъ, не выходи! не вѣрь ей, не вѣрь, поклянись, что ты ей не вѣришь, вреть она!

— Кто она?

— Она!.. нѣтъ, это я такъ, краснуха у меня въ головѣ, а ты пойдѣмъ, я тебя спрячу, не найдетъ... ты не слушай, что я говорю, пойдѣмъ, мой ненаглядный, мое дѣтище родное, жизнь моя...

Между тѣмъ, Прокопычъ на лошади поѣхалъ въ городъ, на-кчалъ какихъ ни попало товаровъ и отправился въ гостиницу, прямо въ номеръ къ барынѣ; хоть у самого на душѣ и кошки сиребуть, а виду не показываетъ, какъ будто ничего.

— Изволили спрашивать-съ товарцу? ахъ, мое почтеніе, это вы-съ, Анна Михайловна.

— Кажись, што я, батюшка, что-жъ мудренаго, али столб-някъ напалъ?

— Съ чего же такого, очень рады, старые знакомые.

— Старые, да на новый ладъ. А што-жъ вы мнѣ не скажете, здоровъ-ли мой Митя?

— Это какой же такой вашъ?

— Какъ? вспыхнувъ, вскрикнула Аннушка и вскочила, какъ кошка, а чей же, твой, што-ли?.. и руки растопырила.

— Позвольте-съ, видно рѣчи такія пойдуть, что здѣсь въ трактирѣ не резонно значить...

— Да нечево тутъ не резонно... мнѣ чево тутъ... я къ сыну пріѣхала—и все тутъ...

— Какъ же оно того, вы запомнили, што-ли?

— Что такое? что съ отчаянія единственнаго сына своего въ питомцы отдала—это-то запомнила?

— Какъ есть запомнили!—Онъ подошелъ, отворилъ дверь, крикнулъ на половыхъ, торчавшихъ за дверью, и заперъ на задвижку; молча подошелъ къ столу и сѣлъ.

— Налей-ка, Михайловна, чайку, поговоримъ по дѣлу...

— Ужъ, конечно, не на вѣтеръ пріѣхала... пей, батюшка, коли въ глотку пойдетъ, а вотъ и наливочка! такъ-то, Прокопычъ!

— Нда, такъ или не такъ, увидимъ; ги, вы што-жъ это, барыней, значить, стали? фортуна вышла, што-ли, какая?

— Я думаю, всякому свое, не совсѣмъ мы простые; не всѣ мужики, русопяты; пѣнять по достоинству; не все и терпѣть, слава Богу, старое забыто...

— Ну, дай Богъ вамъ всякаго счастья, а зачѣмъ же другяхъ обижать?

— Чѣмъ это? что пріѣхала сына повидать, не чужаго какого, своего родного; что-жъ, батюшка, приведите мнѣ его?

— Если у тебя, Аннушка, спѣсь памяти не отшибла, кажись, уговоръ не такой былъ...

— Не Аннушка, а Анна Михайловна; да что-жъ, въ самокъ-дѣлѣ—продала я вамъ что-ли Митю? терпѣла не мало, сердце

обливалось кровью, надо и утѣху имѣть; еще что вы изъ него сдѣлали? покажите-ко, да?

— Да вѣдь уговоръ былъ... мы свое слово сдержали, усыновили, въ свою семью записали, выростили, на ноги поставили.

— Спасибо за все это—да видѣть его хочу, а не покажешь, судомъ дойду.

— А что-жь судомъ, сударыня, знать страмоты тебѣ мало было; да и чтожь судомъ, изволь докажемъ, и сынъ-то незаконный, и сама бросила, отеклась, столько лѣтъ—знать не хотѣла, что тебѣ деньги что-ли опять понадобились? говори.

— Ахъ ты, мужикъ, борода нечесанная, какъ ты смѣешь мнѣ говорить такъ? коли такъ, сына отберу... подавай.

— Ну, евто дудки, коли на то пошло, свидѣтелей представимъ, а ходу не дадимъ. Прощенья просимъ; да ужь вы въ наши ворота не суйтесь... собакъ спустимъ, а тамъ посмотримъ... что судъ-то скажетъ. Ишь какая птица прилетѣла, все просудимъ—а ме поддадимся, такъ-то; ты, видно, матушка, Окладнова не знаешь, хлѣбъ соль, благодѣйствія забыла.

— Что-жь ты расходился—грубишь мнѣ, знаешь-ли кто я?—я капитанша.

— Ой-ли, капитанша? эка штука, какъ испужались; тѣмъ стыднѣе будетъ—какъ въ наготу обличать капитаншу, мы знаемъ, что знаемъ! ты, того, не фордыбачь—а коли не хочешь, тово, такъ убирайся отсель по добру по здоровью, письма-то твои за образомъ засунуты, такъ-то; стращать насъ нечего, наше дѣло святое—такъ и будетъ!

И посчитались она больно крупно.

Онъ взявъ товаръ, вышелъ не поклонясь и поѣхалъ домой, а на сердце пуще кошки скребуть; какъ-бы не было — сынъ-то не ихній, а ее, и въ ее рѣчахъ болѣе правды есть; а противъ правды спорить—дѣло нелегкое; ну, да не въ обиду-же даваться, думаетъ Прокопычъ, постоямъ за свое, вишь капитанша, дрянъ эдакая! какова тамъ капитана надула! поди-ты, бродяга, а какъ расходилась! съ этими мыслями и домой дошелъ

III.

Тяжба.

Молча вошелъ домой Окладновъ, сѣлъ за столъ, подперъ голову обѣими руками и задумался, да такъ задумался, что и не

замѣтилъ какъ Наумовна подошла и остановилась противъ него въ томительномъ ожиданіи; вопросы вертѣлись у нее на языкѣ, а выговорить страшно было. ну, какъ вызовешь горькую вѣсть.

— Гдѣ онъ? наконецъ спросилъ Прокопычъ.

— Тамо, въ своей коморкѣ сидитъ, а што... она?

— Она!..

— Требуется?

— Требуется, тягаться судомъ хочеть!

— Батюшки, мои свѣты, завопила опять Наумовна, отыметъ, окаянная, убьетъ, послѣднюю утѣху оторветъ изъ подъ сердца, что-жь я буду дѣлать-то, какъ мнѣ жить-то безъ него...

— Да, не ори; ты держи языкъ-то за зубами, слышь! отыметъ либо нѣтъ, потягаемся! пшь, говорить, капитанша стала.

— Бродяга-то, холопка-то... капитанша, да какая это она капитанша?..

— Такая, видно какого капитана облапошила, пройдоха!!

— Пропала моя головушка! и Наумовна начала причитывать, какъ точно ея Митя былъ покойникъ; голосъ ея переходилъ въ визгливые возгласы и долеталъ до Мити; онъ слышалъ, а догадаться не могъ, что за причина, напрасно ломалъ только голову; спросить и думать не смѣлъ, въ страхѣ родительскомъ впроцень, своей воли не имѣлъ.

— Тяжба што, тяжба плевое дѣло, то не бѣда што на деньги пошла, продолжалъ Прокопычъ; неужто насъ промѣняютъ?— а вотъ ты подумай Наумовна, какъ-бы тово, его съ пути не сбили.

— Ужь съ глазъ не спущу, крестомъ дверь отмечу противъ злаго челоуѣка, съ уголька водицей спрысну. поїду сама къ Ворожейкиной..

— Ну... что тутъ путать Ворожейкину, продажная душа; знай сама про себя. тебѣ говорятъ, подождемъ, пусть начынаеть.

На другой день, пышно и пестро разодѣтая барыня уже вошла въ городническое правленіе и сунула сторожу гривенникъ, чтобъ доложилъ о ней господину городничему.

Человѣкъ десять болѣе или менѣе оборванныхъ писцовъ и два будочника съ любопытствомъ и подобострастіемъ на нее посмотривали, набивали носы табакомъ и обтряхали о фризовыя желтыя шинели; одинъ жевалъ лукъ, другой пожиралъ жирный растягай съ лотка стараго небритаго солдата, сидѣвшего въ углу на кипѣ дѣлъ. Не надо забывать, что это было около 30-ти

лѣтъ назадъ; теперь не то, а и тогда напелся тимоѣ галантейный подъячій, что предложилъ ей единственный цѣлый стулъ, да она не сѣла, юбки изомнешь или платье выпачкаешь.

Въ присутствіи она подала кругомъ исписанный листъ горбовой бумаги.

Секретарь не любопытствовалъ, онъ зналъ въ чемъ дѣло. Анна Михайловна, по своей опытности, ужъ предупредила его, угостила какъ слѣдуетъ въ своемъ номерѣ.

Городничій читалъ, читалъ и въ туникъ всталъ! Приходилось ему на обыскахъ отбирать краденныя вещи, лошадей описывать и опечатывать разную движимость и недвижимость по разнымъ искамъ и спорамъ; а живыхъ людей опечатывать не приходилось; однако прочелъ. Хорошо-съ, говорить, разсмотримъ, сдѣлаемъ по закону; а самъ думаетъ: есть-ли законъ на такой казусъ? у Окладныхъ подкидывшъ усыновленъ, значить форменно сынъ, и въ купеческихъ спискахъ такъ значится, а тутъ мать явилась, говорить отберите да отдайте мнѣ сына! чортъ знаетъ, что за оказія! все-же мать!

— Такъ какъ-же, г. городничій, когда-же мы отберемъ его? я мучаюсь вѣтернѣшемъ, я мать, посудите сами, сколько лѣтъ единственнаго сына видѣть злодѣи не даютъ, истомилась, измучилась я, чахотка разрывается.

Городничій окинулъ косымъ взглядомъ ся окружность, понагнулъ голову и промычалъ. Барыня продолжала:

— Вы сами посудите, за 500 верстъ притащилась, я хоть и дворянка, я капитанша, но женщина не богатая (секретарь улыбнулся и почесался за ухомъ), проживаться мнѣ здѣсь разоренье, а только ради сердечныхъ чувствій къ единственному сыну, чтобъ спасти его отъ гибели—сердце материнское не что другое прочее, не вытерпѣло—ужъ вы его со мной сегодня отпустите.

И другое прошеніе въ конвертѣ было сунуто подъ бумаги поближе къ предсѣдательскимъ кресламъ—чуть не подъ зеркало.

— Да нельзя же такъ скоро, журналъ надо, стряпчаго; оно вотъ што, вы у стряпчаго-то не были, чай? подите пока къ нему, а мы тутъ вашу просьбу поразберемъ... оно вотъ што, сударыня, нельзя же съ бухъ-то баракту-то! Поймите, а къ стряпчему надо.

— А когда жѣ?

— Да хоть дня черезъ два пожалуйте.

— Да вѣдь они его спрячуть.

— Ну, почему они узнають... все же безъ законнаго порядка нельзя, сударыня, наше дѣло такое, сдѣлай не такъ... ну, и влопался, затылокъ намьлять, а дѣло щекотливое.

— Такъ ужь я въ надеждѣ?

— Да, да, вы только къ стряпчему ступайте.

Она вышла.

Городничій какъ-то дико посмотрѣлъ на писмоводителя, писмоводитель, будто не замѣчая, зарылся въ бумагахъ.

— Федюхинъ! это что за чертовщина?

— Не знаемъ, позвольте прочитать!

Федюхинъ началъ читать, а городничій вытащилъ вторую просьбу, распечаталъ, поморщился, однако опустилъ въ карманъ.

— Ну, што?

— Оно просьба съ законами.

— Ну-ка, покажи законы-то? экая штука.

— Оно точно затруднительной вопросъ, слѣдствіе нужно, справки метрическія.

— Вотъ оно-то и есть, справки — да! между тѣмъ сообразимъ, обдумаемъ, дѣло-то казусное, человѣка живаго отбирать... добро бы крѣпостнаго, а то вольнаго.

— По праву родительскому, а то ничево-сь.

— Ну, нѣтъ, братъ, тово-сь! Окладной человѣкъ свой, а ты вотъ что, сбѣгай-ка къ нему, понимаешь...

— Слушаю-сь, будьте покойны, устроимъ, можетъ она на мировую сойдетъ, полагаательно не изъ-за сына хлопочеть: баба-то бывала, что ей сынъ!..

Однако Федюхинъ самъ не пошелъ, чтобъ не дать на себя подозрѣнья, въ городническомъ остался, а пошенталъ что-то испу Мордочкину, тотъ потянулъ табаку, отщелкалъ пальцами и принялся проворно строчить копію, положилъ ее за пазуху и вышелъ изъ полиціи въ то время, какъ Аннушка опять входила, любезничая со стряпчимъ.

Мордочкинъ задами прошелъ къ Прокопычу. Вотъ оно, получалъ тотъ, знать сыръ боръ загорѣлся, красивное сѣмя дѣзеть.

— Съ нашимъ почтеньемъ-сь, кланяясь чуть не въ поясъ, началъ Мордочкинъ, къ вамъ, Панфилъ Прокоповичъ съ нашимъ неуклоннымъ усердствіемъ.

— Ладно, знаемъ; што тамъ, говори.

— По секрету надо-сь.

— Развѣ у стѣнъ уши есть? чево боишься, валай, никово нѣтъ.

— Вотъ-съ такъ и такъ-съ.

— Гм! прочесть надо-бы... ты приволокъ што-ли!

— Какъ можно-съ, подъ великимъ секретомъ.

— Да ну-те совсѣмъ, не пой вздору-то, не томи, говори... не съ пустыми руками пришелъ.

— Копійцу-съ для васъ отмахалъ, спина заболѣла, такъ спѣшилъ, единственно, чтобъ упредить васъ, Панфилъ Прокопычъ.

— Такъ читай, что ты тамъ навалякалъ.

Мордочкинъ хватилъ водки и началъ читать, ударяя на самыя забористыя фразы.

— Такъ чѣмъ же порѣшили?

— Отберуть!

— Отберуть?! какъ-же это такъ, не спросясь меня-то?

— Обыскомъ отберуть.

— Брешишь ты, окаянный, врываясь закричала Наумовна; она за дверями все слушала, не отберуть, не дамъ.

Мордочкинъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ на нее.

— А вотъ увидите-съ, Мавра Наумовна, пожалуй и сейчасъ привалаятъ.

— Господи, што-жъ тутъ дѣлать-то.

— Постой, баба, тутъ дѣло... а она голосить, пошла вонъ, съ сердцемъ отвѣчалъ Прокопычъ, это рѣдко съ нимъ случалось.

— Такъ какъ-же? спросилъ онъ Мордочкина.

— Да такъ и такъ, всѣхъ обѣгала, у стряпчого была, ну, все какъ слѣдуетъ сдѣлала... оно не хорошо-съ, Панфилъ Прокопычъ!

— Ну, ты ужъ не страшай, видали не такихъ, ишь залетная птица... одначе... Г. Мордочкинъ отвѣтецъ заготовьте... только, братъ, сперва наваляй, а впередъ денегъ не дамъ, запешь!

— А что жъ писать-то?

— А вотъ што пиши: бродяга, дескать, дворовая жена была; а сынъ не ихній вовсе, отецъ самъ объявилъ, они женаты-то всего 12 али 13 лѣтъ, а мальцу, самъ знаешь, годовъ есть осьмнадцать, понимаешь?

— Такъ-съ, такъ, а главнаго-то вы и не поймали, гдѣ доказательства-то у нея, метрика-то гдѣ? ничево нѣтъ, просьба голословная.

— Именно голословная: значитъ, ябеда, славно! валай! и онъ

широкой десницей ударилъ его дружески по плечу, такъ что тотъ присѣлъ.

— Стало вывести, что Митрій вовсе не сынъ ея?

— Должно быть такъ, валай! весело закончилъ Прокопычъ.

Не смотря на всѣ мольбы, слезы, вопли и истерики Анны Михайловны, городничій уперся и отложилъ разрѣшеніе просьбы до завтра; а между тѣмъ въ тотъ же вечеръ Окладновъ по-выдался и съ нимъ и съ письмоводителемъ, и съ стряпчимъ.

На третій день состоялся журналъ: «предъявить просьбу капитанши Христофоровой купцу Окладнову и требовать купеческаго сына Дмитрія Панфилова въ правленіе для отобранія отъ него сказки».

Дмитрій ничего объ этомъ не зналъ и въ судъ не явился: его держали въ заперти; Прокопычъ за него далъ подвиску, что находится по купеческимъ дѣламъ въ отлучкѣ, и когда возвратится неизвѣстно, а на мѣсто Мити, послѣ трехъ повѣстокъ, явилось объясненіе Окладнова, доказывавшаго, какъ пять пальцевъ, что Христофорова лжетъ отъ начала до конца, и Митя никогда ея сыномъ не былъ! Вотъ какую забористую просьбу настроилъ Мордочкинъ, три листа исписалъ, и послѣ такого подвига за пилъ.

Однако не сидѣла въ бездѣйствіи и Анна Михайловна; она поняла, что борьба не легкая, на всякія ухищренія пустилась, хотѣлось ей гдѣ нибудь поймать Митю и броситься на шею, сказать, что она его мать, а Окладновы его злодѣи, отъ материнской груди оторвали; приходила и въ лавку Окладнова, громко спрашивала своего сына Митю, по цѣлымъ часамъ ходила мимо ихъ дому и глядѣла въ окошки, даже ночью бродила около строеній и во задворкамъ; всѣ сосѣди знали это, а все не поймала своего Митю; домъ былъ что твоя неприступная крѣпость.

Видя такую неудачу и волокиты въ полицію, она пошла другою дорогою и отыскала Ворожейкину; та ее втерла къ уѣзднымъ барынямъ и тѣ начали слезно плакать надъ участію бѣдной матери; надо было посмотреть, какъ распиналась передъ ними Анна Михайловна, чистую трагедію разыгрывала; тѣ начали уже упрекать мужей въ безчувственности и рѣшать дѣло по своему.

Ворожейкина начала было часто похаживать къ Окладнымъ... Наумовна поддавалась бы ей, да Прокопычъ не дремалъ; поняла, что это подводъ: въ одинъ прекрасный день захлопнулъ подъ

ность калитку и на отрѣзъ ей сказалъ, чтобъ она не шлялась, а то собакъ спустить.

Не легко было и положеніе Окладныхъ, горько было ожидать разлуки съ Митей; они его точно любили какъ сына, особенно у Наумовны это была единственная сердечная привязанность; нельзя было и Митю все въ заперти держать, ужъ онъ и то истомился, да какъ не береги, а все дойдетъ, какъ ни на есть кто нибудь да проболтается, думая Окладновъ; экой каналья этотъ Мордочкинъ, какъ запилъ, постой, велю женѣ, чтобъ его заперла; авось прочахнетъ.

Въ это время Аннушкѣ только что объявили отзывъ Окладнова и требовали къ подкрѣпленію доказательствъ.

— Развѣ не представимъ? гордо отвѣчала Аннушка, развѣ дамъ посмѣяться этому бородачу; и точно: черезъ три дня она отвѣчала, что доказательства по полученіи представить, и просила собрать нужныя справки, указывая мѣсто и число рожденія Мити, когда и гдѣ ее вѣнчали съ первымъ мужемъ и Христофоровымъ; отзывъ былъ разсудительный, дѣльный, еслибъ не вырывались возгласы материнской любви къ сыну—съ приищью не лестныхъ прибаутокъ для Окладныхъ.

Дѣло завязалось на неопредѣленное время, а она вытѣзжать изъ Песочнаго и не думала, даже наняла помѣсячно квартиру.

Окладновъ рѣшилъ, что лучше самимъ объявять тайну Митѣ, да не зная какъ приступить, чтобъ не сдурить чего нибудь; по русской натурѣ все собирался, со дня на день откладывая, однако разъ какъ-то совсѣмъ собрался съ духомъ. Пили чай; Митя такой растерянный сидѣлъ, слова не промолвить; Прокопычъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на него, да и говорить:

— А что, Митя, что я тебѣ хочу сказать.

Митя сдѣлался весь вниманье, Наумовна остолбенѣла.

— Что такое, тятенька?

— Да вотъ што... оно... знаешь што... вотъ... ты-бы чайку-то съ хлѣбцемъ поѣлъ, а то больно исхудаетъ!.. тѣмъ и кончить.

Можно было ежеминутно ждать развязки; Митя покорно исполняетъ волю и приказанья отца, сидитъ безвыходно дома, да все-таки можетъ узнать тайну. Что тогда будетъ? какъ онъ приметъ эту вѣсть? кого выбереть? Родную-ли, хотя и незнакомую ему, мать, или чужихъ благодѣтелей, воспитателей? Чѣмъ онъ захочетъ быть: приемышемъ-ли купца, или вольноотпущен-

нымъ, безъименнымъ выродкомъ графа? Да и пойметъ-ли онъ эти два положенія, а главное, что подскажетъ ему сердце? ему 18 лѣтъ!

Могла-бы быть сейчасъ развязка, да на бѣду проспался и пересталъ пить Мордочкинъ, и у него родилась великая гениальная мысль выжить Аннушку изъ города; эта мысль вылилась въ слѣдующей просьбѣ:

«Съ нѣкотораго времени неизвѣстная женщина, именующая себя капитаншей Анною Михайловой Христофоровой, безъ всякаго законнаго повода проживаетъ въ городѣ и разными злоухищреніями выказываетъ зловредные замыслы на честь и состояніе мое, просителя; кромѣ извѣстныхъ полиціи вельми изощренныхъ кляузами прошеній, сія неизвѣстная женщина явно умышляетъ сдѣлать какое-либо злодѣйство, очевидно съ темными людьми либо разбойниками, ибо не только живущими въ домѣ моемъ, но и сосѣдями и другими обывателями замѣчено, что она ежедневно въ ночное время тайно высматриваетъ по задворкамъ, украдкой ходитъ вокругъ моего дома, амбаровъ съ товарами и прилучаетъ къ себѣ собакъ, изъ чего несомнѣнно и очевидно, она имѣетъ какой-либо злой умыселъ, произвести ограбленіе или, чего Боже упаси, поджогъ, почему для огражденія моей личности и безопасности всѣхъ городскихъ обывателей и присутственныхъ мѣстъ объявляю о семъ полиціи для произведенія слѣдствія и разбирательства, что она за женщина, и почему проживаетъ безъ вида, для чего прошу на основаніи законовъ взять ее подъ стражу и изъ города, какъ празднишатающуюся, выгнать».

Прочитавши это объявленіе, въ полиціи всѣ рты разинули; вѣдь, дѣйствительно, промахъ сдѣлали, виду не спросили. — Оно, положимъ, въ то время, такъ далеко ушедшее назадъ, на счетъ паспортовъ особенныхъ строгостей не было; живя себѣ, только въ полицію не попадайся, а тутъ такое казусное дѣло: удостовѣриться въ званіи просительницы забыли и жить допустили такъ долго.

Быстро разнеслось это по городу; но мнѣнія раздѣлились: всѣ чувствительныя сердца, преимущественно городскія дамы, начитавшіяся романовъ Жанлисъ съ братіей, подняли къ верху руки и закричали: это ужасъ, это варварство! Окладной просто лютый звѣрь! вѣдь она сына отыскиваетъ, всѣ знаютъ! на что тутъ паспортъ!

Всѣ трусливые находили мѣру высылки рациональною и благоразумною, и пачали складывать въ узлы имущество; они не называли по имени Аннушку, а украсили прозвищемъ поджигательницы. На сторонѣ этого мнѣнія была и полиція, сдѣлавъ себѣ вопросъ: какъ это никто не догадался спросить у нее паспорта, да еще и просьбу прпняли? ну, а какъ она бродяга, самозванка? Выслать, непременно выслать и дѣло замять,—а то хлопотъ бы не нажить. И по объявленію Окладнова состоялась резолюція: «произвести дознаніе и потребовать отъ именующей себя капитаншей Христофоровой доказательство о званіи». — Впрочемъ, объ арестованіи и высылкѣ изъ предосторожности не сказали ни слова.

Кому же къ ней отправиться? кому встать лицомъ къ лицу съ этимъ вопросомъ! барыня-то бойка, а ну какъ въ самомъ дѣлѣ капитанша?

Цѣлый день прошелъ въ переговорахъ, одинъ сваливалъ на другаго и участь пала на безгласнаго квартальнаго Доримедонта Пыльникова заманить ее безъ скандалу въ полицію.

Пыльниковъ хватилъ стакацъ водки для возбужденія храбрости и краснорѣчія, и пошелъ къ Аннѣ Михайловнѣ.

У Анны Михайловны въ это время сидѣла Ворожейкина, карты и бобы раскиданы были передъ нею, она гадала на кофеѣ и по мрачному кривлянью лица видно было, что кофе говоритъ что-то неладное.

— Что, матушка, сударыня! таинственно што-то; звѣрь лютый съ змѣйной головой, хвостъ себѣ ... кусаетъ, кольцо выходитъ, али смерть. Горы—это горе; рѣка—рѣчи, а вотъ черная полоска... это дальній путь! Да вы, матушка, Анна Михайловна, не печальтесь, вотъ свѣтлая сторона, куды хороша, успѣхъ, сударыня, успѣхи, отдадутъ сына, вотъ посмотрите.... вдите!

Анна Михайловна тупо смотрѣла и ничего не видала, кромѣ чашки испачканной кофейной гущей.

Въ эту-то минуту отворилась дверь и вошелъ очень развязно Пыльниковъ и расшаркивался съ улыбкой.

Христофорова вопросительно поглядѣла.

— Что, батюшка, вамъ надо?

— Я-съ изъ полиціи, вы всеконечно изволите знать-съ (незваніемъ законовъ никто отговариваться не можетъ), изволите знать-съ, что у всякой особы, то есть, у всякаго человѣка

долженъ быть узаконенный видъ?

— Какой такой видъ?

— То есть, паспортъ, билетъ... на прожитіе, свидѣтельство какое-нибудь, что онъ за человекъ есть.

— Да что я, батюшка, мѣщанка или крѣпостная што-ли? я, батюшка, офицерша, дворянка... на што мнѣ паспортъ? съ достоинствомъ отвѣтила она.

— Такъ-съ, совершенно справедливо, позвольте удостовѣриться, только взглянуть-съ, на ваши бумаги.

— Какое же еще удостовѣреніе? какія бумаги? я вамъ объявлю, что я капитанша, и все; вотъ и моя крѣпостная дѣвка тоже скажетъ... Аришка!!

— Прекрасно-съ, точно такъ-съ? значить, у васъ письменнаго виду никакого не имѣется?

— Разумѣется, говорю, на что мнѣ онъ?

— Нельзя же, полиціи нужно-съ имѣть-съ, а то сомнѣнія могутъ возымѣть, есть такіе люди, дурные люди, что, пожалуй, и не повѣрятъ, подумаютъ, не чужое-ли имя, званіе.

— А мнѣ что за дѣло до этихъ людей, меня, кажется, всѣ знаютъ.

— Конечно-съ, это дѣйствительно, личность ваша извѣстна, а все видъ объявить необходимо.

— Да что ты, батюшка, какъ банный листъ, присталь...

— Безъ этого нельзя-съ, законъ-съ, предписаніе начальства.

— Это кто начальство? городничій-то?

— Всеконечно, старшее лицо, особа.

— Скажи ему, что онъ сума сошелъ.

— Какъ же я смѣю-съ, уже лучше вы бы сами изволили объясниться съ сего высокоблагородіемъ.

— Хорошо, скажите, завтра приду.

— Нонче нужно бы, да и бумаги изволили бы взять какія есть.

— Успѣется.

— Оно точно-съ, успѣется, да коли бумагъ не предъявите, можетъ...

— Что можетъ?

— Можетъ непріятность маленькая случиться, усумниться могутъ, задержать могутъ.

— Какъ задержать? меня? капитаншу? это незаконіе, разбой, это все въ угоду мошенника Окладнова, онъ купилъ васъ всѣхъ, да я васъ всѣхъ съ мѣста поспихаю, да я къ губернатору, къ

министру поѣду... да я... и она покраснѣла какъ ракъ и разразилась въ такихъ ругательствахъ и жестахъ, что Пыльниковъ, оберегая свою личность, отскочилъ къ дверямъ.

Анна Михайловна, забывъ о присутствіи чужаго мужчины, торопливо начала совершать свой туалетъ, Пыльниковъ сдѣлалъ вслюю рожу, отвернулся и сталъ разсматривать наутину въ углу, а отъ дверей не отошелъ.

Городъ Песочной проснулся на минуту отъ своей спячки, заметно было движеніе, начались споры, толки объ Аннѣ Михайловнѣ; всѣ остальные сплетни прекратились, даже движеніе дѣлъ въ судахъ приостановилось.

И Ворожейкинъ не безъ любопытства, не безъ участія слѣдилъ за этимъ дѣломъ, но держалъ себя въ сторонѣ, онъ тоже любилъ своего ученика; недавній московскій студентъ тридцатыхъ годовъ, романтикъ, идеалистъ, онъ уже попалъ въ болото жизни, хотя грязь и тина еще не спутали его совершенно, не запачкали его существа; но ужъ много розовыхъ идей — опустыли листья, многія благородныя чувства начали черствѣть и темнѣть подъ тлетворнымъ дыханіемъ болотныхъ испареній мелочной жизни!

Однако дѣло Христофоровой возмутило его. послѣдній фазисъ поразилъ его! Окладной ему сдѣлался противень; это подлость! говорилъ онъ. Въ немъ зашевелился благородный порывъ выпататься въ это дѣло, воспротивиться этой рѣзнѣ на бумагѣ, онъ зналъ исторію происхожденія Мити... Но вотъ что его останавливало: точно-ли Аннушка, эта грубая, неразвитая натура, грязная, падшая женщина, дѣйствуетъ по благородному чувству материнской любви? нѣтъ-ли у нее какихъ-нибудь сальныхъ расчетовъ? ему не вѣрилось, чтобъ въ падшемъ человѣкѣ могло быть проявленіе хоть одного высокаго, нѣжнаго, глубокаго или безкорыстнаго чувства. До такой степени онъ ужъ извѣрился въ это короткое время. Ему казалось невозможнымъ, чтобъ эта женщина, не колеблясь бросившаяся по первому призыву въ объятія барина, эта женщина, радовавшаяся рожденію ребенка, чтобъ упрочить свою безнравственную власть, эта женщина, вышедшая за-мужъ за камердинера и не оставившая надежды сохранить свое положеніе, поставившая на карту будущность своего сына; не она-ли, подавленная женитьбой барина, поблострастно приняла обязанность рабы при своей соперницѣ, развѣ не имѣла она злобную цѣль расторгнуть супруговъ, и при

неудачѣ низкаго кокетства, не она-ли прибѣгнула къ чарамъ, къ колдовству, близкому къ убійству, только чтобъ воротить прошедшее; эта женщина, опозоренная, изгнанная съ ненавистнымъ мужемъ, пресмыкавшаяся съ нимъ въ кабакахъ, свидѣтельница, если не участница, его преступленій, можетъ быть, злодѣаній, могла-ли эта женщина уберечь святое чувство матери къ сыну? А съ другой стороны, Ворожейкинъ видѣлъ въ ней рабу, крѣпостную дѣвку, безмолвно повинующуюся скотскимъ страстямъ и безграничной волѣ барина, дѣвку, привязанную къ нему рожденіемъ ребенка, его волею, отданную за-мужъ за мерзавца, въ видахъ удаленія и прикрытія двойнѣй преступной связи, *едвойнѣ*, потому что это было нравственное насиліе. Развѣ она не могла любить этого барина, и еще болѣе любить его сына, своего ребенка? тогда не дѣлается-ли понятнымъ ея стремленіе. Воротить прошедшее какими бы не было средствами для сына, а могла-ли она, необразованная, грубая крестьянка, выбирать эти средства, да и были-ли для нее другія средства? А этотъ поступокъ: когда она, убѣжденная въ своей гибели, отвергнутая, изгнанная со срамомъ, съ упрекомъ на совѣсти почти убійства, въ полной зависимости отъ грубаго, злаго пьяницы—отрываетъ отъ груди свое дѣтище, лишаетъ себя единственной отрады для блага этого дѣтища, оставляетъ его на чужихъ рукахъ, отрекается отъ него, развѣ это не геройскій подвигъ? — Какъ же въ такой женщинѣ, какъ бы низко она не упала въ прочихъ нравственныхъ условіяхъ жизни, не допустить сохраненія святаго, высокаго чувства матери! Она хочетъ воротить къ себѣ сына, она, по своимъ понятіямъ, желаетъ видѣть его въ другомъ положеніи—чиновникомъ, офицеромъ, а не купцомъ; если это и ошибка, то ошибка понятная; не виноваты-ли сами Окладновы? Зачѣмъ они не давали ей видѣться съ сыномъ, зачѣмъ они требовали вѣковаго отреченія! вѣдь Митя зналъ, что онъ пріемышъ; можетъ быть... тогда, утаивши свои чувства, наслаждаясь ласками своего сына, видя его счастливое положеніе, она не начала бы процесса! И за это такъ преслѣдовать безъ того оскорбленную женщину! нѣтъ, это ужасно, долгъ честнаго человѣка — защищать ее! Надо извѣдать обѣ стороны, сдѣлать сближеніе! нравственное чувство христіанскаго долга этого требуетъ! всѣ эти мелкія душенки, формалисты, юристы, такъ же какъ и разчувственные сердца смотрятъ односторонне! По моему, обѣ стороны правы и обѣ виноваты; тѣмъ труднѣе разрѣ-

шить споръ, а надо разрѣшить, попытаюсь! Такъ убѣждалъ себя Ворожейкинъ и пошелъ къ Прокопычу.

• Въ правленіи Аннушка городничаго не застала; увидавъ ее въ окошко, онъ, чтобъ имѣть время обдумать этотъ новый казусъ, сивренно удалился въ заднія двери, но увы, пришлось воротиться. Капитанша подняла такой бунтъ, что уйму не было.

— Помилуйте, сударыня, что вы чудите?

— Помилуйте, меня капитаншу, дворянку, у которой свои крѣпостныя, берутъ въ полицію.

— Васъ никто не бралъ, сударыня, мягко замѣтилъ Пыльниковъ, вы сами изволили пойти.

— Врете вы, всё вы мошенники, злодѣи, напали на бѣдную беззащитную женщину.

Городничаго задѣло за живое.

— Тихе, голубушка молчать, крикнулъ онъ такъ, что стекла забренчали, здѣсь зеркало, ругаться не извольте, а не то въ сибирку.

— Кого это, меня-то? капитаншу-то?

— А почему мы знаемъ, что вы капитанша, есть видъ?

— Никакъ нѣтъ-съ! отвѣчалъ Пыльниковъ.

— Чѣмъ же вы докажете, что вы капитанша?

— Да чего вы отъ меня хотите?

— Удостоверитесь, кто вы, откуда, зачѣмъ, гдѣ вашъ мужъ?

— Такъ бы и сказали, мнѣ таится нечего, а то видъ...

— Такъ Фидюкинъ отберите по формѣ показанія, вотъ вы ему все расскажете... онъ запишетъ, а шумѣть не годится, мы возьмемъ справочки, подтвердится и отпустимъ; выходя изъ дверей, онъ добавилъ: а пока задержать при полиціи.

Аннушка зарыдала.

Ворожейкинъ нашелъ Прокопыча дома, онъ одинъ въ анбарахъ перебиралъ товаръ.

— Здравствуйте Панфилъ Прокопычъ, Богъ въ помощь.

— Спасибо, здравствуйте, что скажете?

— Да вотъ повидать васъ, у васъ... неприятныя хлопоты завязались!

— Али еще што? рѣжь до конца, что еще?

— Ничево, я не по дѣлу, я такъ пришелъ.

— А коли такъ, тѣмъ лучше, милости просимъ, ступай пока къ Митѣ, только о томъ, о дѣлѣ-то, ни гугу.

— А развѣ онъ не знаетъ?

— Какъ можно!...: что ты, смотри не проболтайся, а я вотъ сейчасъ покончу, приду, покалякаемъ пожалуй, я съ тобой люблю поболтать, хоть и несешь околесную, а ладно выходить.

Мити тутъ не было, Ворожейкинъ одинъ шагаль по комнатѣ, дожидаясь Прокопыча и обдумывая, какъ бы рѣчь повѣсти умнѣе.

Пришелъ усталый Прокопычъ; вынулъ изъ поставца водку, самъ выпилъ и Ворожейкину поднесъ.

Сѣли полдничать.

— А я вотъ все думалъ... на счетъ вашего дѣла-то, Панфилъ Прокопычъ.

— А что?

— Да погляжу я, совѣтчики-то у васъ не хороши, однѣ кляузы заводятъ.

— Ну, ужъ это погоди, молоко на губахъ не обсохло, лучше тебя знаютъ, оно позабористѣе-то, важнѣе выходить.

— Не въ словахъ дѣло... почтеннѣйшій хозяинъ, а въ дѣлѣ; вѣдь... она въ правѣ, сынъ-то ее.

— Чего— въ правѣ — требовать-то? отрелася, да въ правѣ нѣтъ, братъ, шалишь!

— Да все-же сынъ...

— А мы докажемъ, что не сынъ.

— Помилуйте, Панфилъ Прокопычъ, неужели вамъ весело будетъ тянуть эту тяжбу, и самимъ быть все въ страхѣ, да наконецъ и расходы... чѣмъ кончится.

— Что-жь по твоему, съ руками отлаться?

— Вы постоите, вы не перебивайте, худой миръ лучше доброй ссоры, можетъ ей хотѣлось только повидать его, обнять, вѣдь все же мать?

— Отрелася такъ не мать, уговоръ такой былъ.

— Да тогда что же ей было дѣлать-то?

— Такъ и не лѣзь на горло? что она капитанша стала, плевать на нее хотѣлъ, вотъ что... вишь прилетѣла страховъ задавать, не таковскіе, не поддадимся...

— Ну, а вы о Митѣ-то подумали-ли? каково ему будетъ, какъ узнаетъ, что онъ не вашъ сынъ, а что родную мать въ полицію засадили, изъ городу выолоали, опозорили, оскорбили за то, что она хотѣла его видѣть...

— Увести, отнять, ты вотъ что говори; что ему дурно что-

ли? обиженъ чѣмъ, что-ли? Капиталь-ли, дома-ли, лавки-ли, что наше все его будетъ... что-же ей? что ее капитанъ-то сдѣлаетъ изъ него! а? ты скажи лучше: насъ-то съ Наумовной и не жалъ? всѣ заботы, сердечныя болѣсти, хинью пойдуть, одни останемся... изъ чего же мы бились-то, господинъ студентъ... ты вотъ и разсуди по учености... Какъ оно выходить?

— А вотъ какъ по моему: надо бы Митѣ тайну открыть, я знаю его лучше васъ, онъ мальчикъ благородныхъ чувствъ, цѣнитъ васъ и любить какъ родныхъ, онъ еще больше будетъ любить васъ; право, такъ; а ее можно убѣдить, что отнять его у васъ безчестно и будетъ для него зломъ, что если любить она его, можетъ видаться съ нимъ, переписываться, но должна оставить его у васъ...

— Поди-ко, уломай ихъ съ Наумовной, моя-то и слышать не хочеть, да и та на задоръ лезеть; пусть ее попробуетъ сибирки—ничего, смириѣе будетъ.

— Какъ знать, не подольетъ-ли это масла подъ огонь! отсюда-то уѣдетъ, а изъ губерніи вы ее не выгоните, это что у нее паспорту нѣтъ, это вздоръ, достанетъ.

— Ну, штожь въ губерніи?

— А то: что судомъ могутъ отобрать его.

— Ну, это дудки... выпьемъ-ка еще...

— Охоты нѣтъ, Панфилъ Прокопычъ, дурное дѣло душу мутить, вы хоть сердитесь, хоть нѣтъ, а не хорошо.

— Спасибо за совѣтъ, а мы своимъ умомъ жить привыкли, это цвѣточки, а послѣ увидить ягодки, насъ не задѣвай, въ обиду не дадимся, еще потѣшимся... ха, ха, ха.

— Прощайте, холодно отвѣтилъ Ворожейкинъ и всталъ, не знаю какими глазами вы будете смотрѣть на Митю, когда онъ узнаеть, что вы его держали въ обманѣ, что вы разлучили съ родною матерью, что вы оскорбили, бросили въ тюрьму, выгнали его мать, не знаю устоитъ-ли его любовь къ вамъ! Прощайте я съ добрымъ желаніемъ пришелъ къ вамъ, а ухожу съ растерзаннымъ сердцемъ! я объ васъ лучше думалъ.

Во всю эту тираду развалился на локоть Прокопычъ слушалъ съ какою-то улыбкой и не поклонился уходящему Ворожейкину, но и не слыхалъ чья-то поспѣшныя шаги за дверью и сдержанное рыданье. Ему въ этихъ словахъ Ворожейкина слышалась какая-то правда, которую онъ не могъ понять или не

хотѣлъ понять; едва захопнулась дверь, какъ онъ выпрямился, взглянулъ на образъ и долго сидѣлъ неподвижно.

— Тѣфу ты гадость какая въ головѣ, и что я заслушался этого шелопаю; чепуху несеть! А вѣдь Митька-то въ самомъ дѣлѣ рано-ли поздно-ли узнаеть! Ну, да пойду съ отцомъ протопопомъ потолкую, что онъ по христіански скажетъ.

И умно сдѣлавъ Прокопычъ, да поздно, съ этого начать бы надо было.

Мити уже не было дома, онъ уже бѣжалъ въ полицію, Ворожейкинъ едва могъ догнать его, а народъ началъ кричать держите его, воръ бѣжить, Ворожейкинъ кричалъ нѣтъ, нѣтъ, это не воръ, крикъ страшный, всѣ кричали и пустились въ догонку, остановились только разиня рты, у дверей полиціи, какъ же это воръ, самъ въ полицію ворвался?

Въ дверяхъ присутствія, растрепанный, раскраснѣвшійся Митя остановился; у окошка сидѣла заплаканная женщина.

— Митя, сынъ мой, вскричала она при первомъ взглядѣ.

— Маменька!

Не существуетъ того пера, которое могло бы описать такую сцену; не только Ворожейкинъ, даже городской и писаря, въ фризовыхъ шинеляхъ, прослезились.

У письмоводителя крикнуло въ рукѣ перо надъ злоухищреннымъ допросомъ.

Сначала всѣ бросились было смотрѣть на нихъ, но потомъ молча удалились и оставили ихъ однихъ; толки завязались ужъ на крыльцѣ. Мордочкинъ, подобравъ полы, околицей пустился къ Окладнову.

Окладновъ принесъ объявленіе, что Митю сманили обманомъ, припуталъ Ворожейкина, его мать, требовалъ арестовать ихъ и Митю ему возвратить.

Опять городничій въ тупикъ всталъ, и пошелъ совѣтоваться къ стряпчсму.

— Чтожь это, ваше высѣкоблагородіе, какъ вашей чести угодно, это разбойство выходитъ... послѣ этого жить нельзя, коли такія обиды терпѣть, ужъ пусть бы по суду отобрали, видно такъ быть должно, а то обманъ какъ есть, говорилъ Окладновъ.

— Никакого обману не было, Панфилъ Прокопычъ, вольно вамъ было обманывать Митю, не сказать ему... я говорилъ, что знаетъ же, отвѣтилъ Ворожейкинъ.

— Ктожь какъ не ты же, почтенный, выдалъ.

— Нѣтъ, тятенька, робко вмѣшался Митя, я ваши разговоры слышалъ самъ, я давно догадывался, мнѣ помнилось, что когда-то мы шли долго, долго... я маленькій былъ, со мной шла мама Аннушка... потомъ, что я остался у васъ, а куда дѣлась мама, не зналъ, я понялъ изъ вашихъ разговоровъ, что она здѣсь, и бросился ее отыскивать.

— Такъ это ты съ умыслу, г. Ворожейкинъ, кричалъ-то?

— А что г. Окладновъ, Митя не сынъ мой? сверкая глазами спросила Аннушка.

— Ну, евто увидимъ, что еще бумаги скажутъ, а ты, негодай. маршъ домой.

— Я приду, тятенька, вотъ только съ маменькой наговорюсь.

— Нѣтъ, ужъ извините, не пущу, вы его опять на цѣпь посадите.

— Не спорь, мама, я вѣдь и ихъ люблю...

— Любишь, а вонъ Наумовна-то въ постель свалилась, водянка къ глоткѣ подступила, отдыхнетъ, либо нѣтъ.

— Мама, пойдѣмъ къ Наумовнѣ.

— Чтобъ я къ ней пошла? ты съ ума спятилъ что-ли?

— Ну, какъ хочешь, а я пойду, оно нечестно мнѣ не пойти, когда она чрезъ меня страждетъ.

— Такъ-то ты любишь мать?

Онъ бросился обнимать ее, однако пошелъ съ Окладновымъ, Ворожейкинъ поручился, что онъ вернется и самъ остался съ Аннушкой.

Наумовна дѣйствительно была опасна, у нее давно стала развиваться водяная и толщина ея была болѣзненная, а тревоги послѣднихъ недѣль раздражили желчь и усилили болѣзнь.

Она сидѣла въ подушкахъ и громко дышала, двѣ знахарки растирали ей ноги припарками, лили въ ротъ какое-то снадобье, да лучше снадобья помогло, когда прибѣжалъ Митя!

— Ненаглядный ты мой, сокровище мое, я ужъ не чаяла и видѣть тебя, Митя мой! и она протянула ему руки.

Онъ ее ласкалъ, успокоивалъ какъ могъ, клялся, что, не смотря на открытую тайну, будетъ ее любить по прежнему, никогда не покинетъ!

— Не подлець я какой, чтобы забылъ всѣ твои ласки и любовь; нельзя и родную мать не любить, она вѣдь подъ сердцемъ

носила, грудью кормила, а тебя не любить и грѣшно, ты ишь таже мать.

Это успокоило Наумовну и она заснула; онъ побѣжалъ въ полицію.

Тамъ Ворожейкинъ истощалъ всѣ аргументы своего красно-рѣчія, чтобъ расхолодить озлобленіе Аннушки и вколотить ей въ голову резоны; куды тебѣ, и слышетъ не хочетъ. Окладновъ хотъ спорилъ, а эта затвердила одно: «хочу имѣть сына при себѣ и поставлю на свосей».

— Да скажите на милость, что дурнаго сдѣлали Окладновъ? они сдержали слово, какъ умѣли выростили, по своему положенію, воспитали его хорошо, прочуть ему все въ наслѣдство, а у нихъ видимо тысячь на сто, за чтожь вы на нихъ такъ гнѣваетесь?

— Какъ на што, да тогда какъ мы у нихъ ночевали, къ горлу приступили съ ножемъ, отняли его.

— Да вѣдь съ доброй цѣлью.

— Вы думаете по чувствуію, изъ колдовства, хлыстовкѣ своихъ дѣтей имѣть хотѣлось, вотъ што.

— Ну, а послѣ они держали его, какъ сына, я это близко знаю, я его училъ.

— Да, батюшка, мы не такъ бы выучили.

— Не понимаю ваше ослѣпленіе, не понимаю вашей любви, чего вы хотите для него?

— Не хочу, чтобъ графскій сынъ аршинникомъ былъ. Мой Андрей (Осипычъ) въ гимназію его отдасть, въ чиновники, али въ офицеры выведетъ.

— Чѣмъ-же званье чиновника лучше званья купца, я самъ дворянинъ и чиновникъ, и студентъ, а Митѣ готовъ былъ позавидовать—конечно, не тсперь! Что вы съ нимъ дѣлаете, какая же это любовь у васъ? Изъ того, чтобъ имѣть его при себѣ, вы лишаете его обезпеченнаго состоянія! Право, грѣшно, не сбивайте его съ дороги, хуже будетъ, погубите, а онъ такой славный; право, вѣдь это эгоизмъ, вы не его, а себя любите, когда только о себѣ думаете, чтобъ у вашего подола сидѣлъ; не спору, чувство хорошо, а деньги лучше, что и честь, когда нечего ѣсть! Вы женщина практическая и такъ увлекаетесь.

— Ну, чтожь! такъ люблю, хотъ мертвый, да чтобъ со мной былъ.

— А какъ послѣ упрекнетъ васъ, какъ возненавидитъ?

— Заврался, батюшка, сынъ будетъ мать упрекать, да еще возненавидитъ!

— Да вѣдь въ немъ чувство долга, а не привязанность, а чувство долга можетъ разбиться въ прахъ.

— Вздоръ, батюшка, сыновняя любовь въ крови... ни, ни, ни, и не говори, не дамъ дворянской крови въ анбарѣ сгнить, увезу его, жить безъ него не могу.

— Да поѣдетъ-ли еще онъ, надо спросить.

— Какъ? что? вскричала Аннушка, и вскочила какъ львица.

— Съ вами не сговоришь, а мои слова когда нибудь и вспомните; я самъ его люблю и изъ желанія ему добра говорю, а впрочемъ какъ знаете, мое дѣло сторона.

Митя пришелъ растрепанный, печальный.

— Мама Наумовна очень больна, будетъ-ли жива.

— Развѣ у тебя двѣ матери?

— Дѣв. твердо отвѣчалъ Митя, ты родила, а та выкормила.

— Да такъ-ли она любить тебя, какъ я, неблагодарный, смотри, что сраму изъ за тебя понабралась.

— А Наумовна умираетъ!

— Господи! вотъ награда! ступай къ своей Наумовнѣ, ступай, уѣду, никогда не увидишь.

— Зачѣмъ-же? я могу любить Наумовну и любить родную мать; я люблю Понфила Проко... да! а кто-жъ мой родной-то отецъ, ктожъ я такой?

Аннушка молчала.

— Что-же ты не говоришь?.. я хочу знать, кто мой отецъ, гдѣ онъ?

— Не спрашивай... на что тебѣ знать, я твоя мать, капитанша Христофорова.

— Стало быть и я Христофоровъ?

— Нѣтъ, у тебя нѣтъ фамили, закрывая руками лицо отвѣчала Аннушка.

— Что такое, Ворожейкинъ? объясни мнѣ, я не понимаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сама! Митя, вскрикнула она, не проклинай меня, я такъ люблю тебя, я столько мукъ приняла за тебя, не презирай меня; погоди, дай собраться съ духомъ, я все расскажу тебѣ, погоди.

Какая-то незнакомая, непонятная тоска сдавила его грудь, онъ поднялъ мать, поцѣловалъ ее, и молча сѣлъ на стулъ.

Ворожейкинъ удалился.

Аннушку на ночь изъ полиціи отпустили домой; всю ночь они не спали. Митя слушалъ, Аннушка всю ночь говорила, говорила безъ умолку и не могла высказаться.

Газетъ въ Песочномъ не печаталось, о гласности и понятія не имѣли; а рассказы о современныхъ событіяхъ разнеслись по городу точно было оттиснуто число экземпляровъ, равное числу жителей.

Знали все съ малѣйшими подробностями, и даже знали то, чего и знать было нельзя, чего и не было. Ворожейкинъ выступилъ какимъ-то великодушнымъ рыцаремъ, защитникомъ невинности, а Митя жертвой темныхъ интригъ; это пустила въ ходъ благородная дѣвица Нимфодора Варфолоимѣвна Щипалкина, дальняя родственница городничихи, ненашедшая своего идеала и переступившая за Рубиконъ, гдѣ ужъ идеалы не осуществляютъ, эту мысль она отыскала въ сводѣ романическихъ знаній, почерпнутыхъ изъ глубины романовъ таинственныхъ и чувствительныхъ.

Она подбила городничиху, и каково было удивленіе Ворожейкина, когда за нимъ прибѣжалъ полицейскій съ приказомъ явиться къ городничему на вечеръ. Ворожейкинъ учитель, писецъ, бѣдняга въ такое высокое общество не допускался; засуетился бѣдный Ворожейкинъ, ослушаться нельзя, начальство осерчаетъ, да и случай приподняться; только вотъ бѣда: что надѣтъ? надо фракъ, а фрака нѣтъ; да и еще кой чего. Онъ прямо къ стряпчему, хорошій человекъ былъ стряпчій, далъ свое платье, правда оно болталось на Ворожейкинѣ, какъ на метлѣ, особенно невыразимые были очень длинны, да онъ не робкаго десятка былъ, явился къ городничихѣ и нашелъ тамъ арсопагъ властей и знаменитостей Песочнаго.

Сначала ничего; приняли ласково, хотя и съ высоты своего величія, и не отдѣлили отъ прочихъ и чаемъ не обошли.

Ворожейкину сначала и не въ домекъ, зачѣмъ его позвали; только за чаемъ городничиха завела разговоръ о Митѣ и сторонкой подобралась къ Ворожейкину съ вопросомъ: что тамъ дѣлается?

Ворожейкинъ скромно высказалъ то, что зналъ и что знали всѣ; но этимъ не удовольствовались.

— Скрываетъ, есть тайна, я это вижу! я ужъ на это опытна, я столько читала, прищурясь отпустила Щипалкина.

Напрасно Ворожейкинъ клялся, что больше ничего и знать нельзя, что никакой тайны нѣтъ; отъ него съ неудовольствіемъ, съ досадою стали отворачиваться; жена стряпчаго даже погрозила, а Щипалкина все поджигала пожаръ: расскажи да расскажи, что за причина, что Аннушка такъ упорно требуетъ Митю, и чей именно сынъ Митя, и все тамъ такое таинственное?

Ворожейкинъ высказалъ свое мнѣнье, что ему самому очень странно кажется, что эта женщина, распинаясь въ любви къ сыну, дѣлаетъ ему зло, лишаетъ его положенія, званія, состоянія, что она просто если не сумасбродная дура, такъ прямо сумасшедшая.

— Вотъ оно! вскрикнула Щипалкина, проговорились. теперь ясно, что она дѣйствуетъ не по своей волѣ; я все поняла, а вы все знаете.

— Какъ это, да почему-же? закричали всѣ.

— Нѣтъ, это чужая тайна, я должна сохранить ее въ глубинѣ сердца, не такъ-ли мосьбъ Ворожейкинъ!

— Совершенно справедливо!

— Да и вы великодушно поступаете, сохраняя довѣренную вамъ тайну.

— Да мнѣ никто никакой тайны не довѣрялъ.

— Неврада, неправда, вы все знаете, вы не хотите уважить нашей просьбы.

— Клянусь вамъ, сударыня, что ничего не знаю.

— Да, да, подхватили другія, вы не умѣете держать себя въ обществѣ, васъ удостоили чести приглашенія, а вы говорить не хотите, это ужъ ни на что не похоже.

— Такъ вотъ зачѣмъ меня позвали! вотъ чего всѣмъ хочется! подумалъ Ворожейкинъ; хорошо, я ихъ потѣшу.

— Я могу только кое что догадываться изъ полусловъ, изъ намековъ г-жи Христофоровой, началъ онъ таинственно, по собственному соображенію, а тайнъ она мнѣ, право, не довѣряла; вы точно угадали, Нимфодора Варфоломѣевна, Аннушка дѣйствуетъ не по своей волѣ и жертвовать счастіемъ сына изъ самодурства не стала бы—безъ непреодолимой силы.

— Такъ что жъ такое? говорите, говорите же, не мучайте, мы не выдадимъ, умереть въ этой комнатѣ.

— Да я полагаю, началъ таинственно Ворожейкинъ, что отъ нее требуетъ этого родной отецъ Мити; очевидно, въ немъ проснулось отцовское сердце и онъ велѣлъ отыскать своего сына;

разумѣется, для такого знатнаго, богатаго господина очень было прискорбно, что юноша, въ жилахъ котораго течеть такая высокоблагородная кровь, вмѣсто сабли умѣетъ владѣть только аршиномъ.

— Да, да, это очень вѣрное заключеніе.

— Такъ вотъ онъ вѣрно призвалъ Аннушку, и говорить: я хочу—эти господа всегда говорятъ: я хочу,—возьми сына, и его выведу въ люди, онъ будетъ богаче, чѣмъ въ купцахъ... я силенъ... и прочее... Вотъ и все-съ; а она ослушаться не смѣетъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ это интересно, несчастная Аннушка.

— Чѣмъ-же она несчастная?

— Да какъ съ ней поступили, Андрей Осипычъ, Богъ вамъ судья.

— Чтожь я-то? спросилъ городничій.

— А вотъ что, сердито отвѣтила жена. ты вѣчно наглупишь, вотъ какъ этотъ вельможа узнаеть, онъ тебѣ и дасть подзатыльникъ.

Городничій поблѣднѣлъ.

Разговоръ расплылся, соображенія перекрещивались, предположенія росли, и въ Митѣ видѣли чуть-ли не сына владѣтельнаго принца, закинутого въ Песочной умышленно, чтобъ лишеть престола!

Щипалкина ахала, щурила глаза и нѣжно, очень нѣжно, ухаживала за Ворожейкинымъ.

— Что эта дура ко мнѣ привязалась, не попасть-бы въ ея идеалы. Лучше убираться! И отзываясь работой, Ворожейкинъ отблагодарилъ хозяйку, поцѣловавъ ея руку, обошелъ всѣхъ дамъ по старшинству. всѣхъ мужчинъ и удалился.

Ареопажъ утвердилъ, что Митя рѣшительно знатное лицо, жертва семейныхъ интригъ, а Ворожейкина слѣдуетъ провозвести въ писмоводителя стряпчего, онъ такой милый, интересный молодой человекъ.

Потокъ общественнаго мнѣнія поворотилъ противъ Окладныхъ и готовился поглотить ихъ, сбить ихъ съ лица зѣмли.

Утромъ Митя ходилъ навѣстить Наумову; она не вставала съ постели и была очень слаба. Наумовна не говорила много, не сыпала словами, какъ Аннушка, а только держала его за руку и не спускала съ него глазъ.

Когда онъ шелъ къ Аннушкѣ, ему повался Ворожейкинъ.

- Заметь кто я? спросилъ Митя.
- Кто?
- Сынъ любви! и онъ захохоталъ; мой отецъ графъ Баулинъ; слышишь? Графъ!
- Чтоже тебѣ изъ этого?
- Какъ? это интересно, сынъ любви, романъ выходитъ, и онъ опять захохоталъ.
- Чтожъ ты думаешь дѣлать?
- Утопиться или застрѣлиться...
- Пошлость, глупость, оставайся у Окладновыхъ.
- Чужое имя носить? да какъ же это остаться-то? всякій будетъ пальцемъ показывать!
- Это розказни, ты пріемишь, всѣ знаютъ, кому какое дѣло... спрашивать, кто отецъ?
- Зачѣмъ она мнѣ открыла это! зачѣмъ пріѣзжала она! Пожалѣй, братъ, Ворожейкинъ, меня.
- Жалѣю что ты глупишь... не изъ чего бѣсноваться.
- Нѣтъ, все пропало, братъ...
- Трусъ, ребенокъ, пропало... ничего не пропало, все пойдетъ по старому.
- Какъ тутъ по старому... по закону надо къ матери... уйду въ солдаты, порѣшу споръ и вся недолга.
- А Наумовна умретъ, а Аннушка съ ума сойдетъ, да безъ бумагъ тебѣ и нельзя въ солдаты.
- Такъ что-же мнѣ дѣлать-то?
- Мать упросить, чтобъ она прекратила тяжбу и сей-часъ уѣхала; обѣщать, что зимой ты пріѣдешь къ ней погостить; у Окладновыхъ остаться; ты ей обязанъ жизнью, а имъ всѣмъ, чѣмъ можно жить; такъ будетъ честно и благородно, да послушай, братъ, Митя, у матери ты будешь бѣдный вольноотпущенный; учиться въ гимназiи и университетѣ поздно, состоянiя, какъ видно, у нее нѣтъ, а тутъ ты все-таки купеческій сынокъ, да еще 2-й гильдiи, по фамили Окладновъ, наследникъ хорошаго капитала. Брось въ сторону чувственныя химеры, да мечтательное самолюбіе, здоровѣе будетъ, братъ! вѣрь мнѣ, и я когда-то съ подобными химерами порывался за облака, а вотъ вандаюсь въ болотѣ, такъ-то.
- Да какъ ихъ-то уговорить? зачѣмъ они мать запутали, это ужъ нечестно.
- Да, это не хорошо; ну, да осуждать нельзя, озлобились, а

другіе этимъ воспользовались, подождли; кто-же прочь стричь овечекъ, ужъ, братъ, на томъ свѣтъ стоитъ, извини, а кто не умѣетъ стричь другихъ, того дуракомъ зовутъ—честь имѣю рекомендоваться, я принадлежу къ этой почтенной категоріи!

Цѣлый день Митя проходилъ по улицамъ и не рѣшался войти ни къ матери, ни къ Окладновымъ.

Къ ночи ему попался дворникъ: его послали наконецъ за докторомъ, Наумовнѣ стало еще хуже; онъ побѣжалъ къ ней!

У калитки стояло нѣсколько сосѣдокъ, одна говорила:

— Ужъ что те говори, а это не спросту, не даромъ эта залетная капитанша съ Ворожейкиной дружбу сплела, видно одного поля ягодки; какъ это Наумовна была все такая здоровая, а тутъ въ клубокъ свернулась.

— Ну, это не говори, давно задыхалась.

— Отъ здоровья, отъ толщины задыхалась.

— И знахарокъ и лекарокъ звала отъ здоровья? а можжевеловку пила отъ здоровья?

— Ну, да все-же на ногахъ была, а тутъ, ни съ того, ни съ другого, свалилась, горой раздуло, поддали, голубушки, право поддали.

— И изъ-за чего? ишь этого... не раздѣлили, ужъ и стоило надрывать, нече сказать.

— А что, дышетъ еще? спросила вновь подошедшая.

— Куды, чай, коли дохтура позвали, вѣстимо конецъ пришелъ.

— Ахъ, сердешная Наумовна, а добрая была баба: чего не попросишь на бѣдность, капустки, али чего другого—отказу нѣтъ.

— Добрая, добрая.

— Тс, подкидышь и деть, глядь-ко, какъ его перевернуло.

Въ калиткѣ Митя столкнулся съ лекаремъ.

— Что? есть какая надежда?

— Еще-бы послѣ смерти позвали, а теперь будутъ кричать, что я уморилъ, надо было раньше.

— Стало быть... скоро?

— Ничего сдѣлать нельзя, вольно было пить всякую дрянь, эти знахарки ее и уморили, вотъ я ихъ подъ судъ отдамъ.

Митя, понурия голову, вошелъ на дворъ и сѣлъ на крыльцо, а лекарь уѣхалъ.

— Слышали, косатки, неправду я говорила, что поддали, вонъ и дохтуръ говорить уморили.

— Да, да, ахъ! ахъ! что творится на бѣломъ-то свѣтѣ, лучше и не живи.

И они пошли рассказывать, что Наумовну отравили.

— А что, спрашивала кривая Афимья горбатую Лукерью, чай Окладной-то будетъ послѣ покойницы нищую братью одѣлать?

— Ужь и покойницы!!

— И! косатка, не встанеть, все едино.

— Ужь вѣрно будетъ, не скаредный человекъ, захочеть, чтобъ добромъ помянули, поминки справить.

— Лицомъ въ грязь не ударить, матка.

— То-то не прозѣвать бы.

— Ты другимъ-то не болтай, про себя береги, а то нахлынуть, Ворожейкина и то рыло суетъ.

— Такъ не вернуться-ли?

— А што и то вернуться.

— Да у меня хлѣбъ въ печи.

— Ну, сбѣгай, вынь, да чулокъ захвати.

Пыхтя и отдуваясь пробѣжалъ мимо ихъ дворникъ Окладнова.

— Куда, Парамонычъ?

— За батюшкой, кончается.

— Ну, ихъ, хлѣбы-то, Афимья, пойдемъ омывать, постель наша будетъ, ну, и еще кой-что перепадетъ, а хлѣбы кто другой вынетъ.

И онѣ воротились.

—

Черезъ три дня съ утра распахнулись настежь росписныя ворота Окладнова, пестрая толпа равнодушно наполнила дворъ, на лѣстницу входили и сходили любопытные и шептались въ полголоса; у дверей торчали два шеста, перевитые бѣлымъ и чернымъ, въ сѣняхъ дубовая крыша гроба съ крестомъ изъ золотого галуна, а въ первой комнатѣ въ гробѣ подъ парчевымъ покровомъ тѣло доброй Мавры Наумовны.

Народу много, толкотня, а будто пусто, чего-то нѣтъ, хозяйки нѣтъ.

Отслужили литію, подняли гробъ и съ обычнымъ пѣніемъ понесли въ церковь; народу было тьма тьмушная, весь городъ, даже власти присоединились къ процессіи.

Прокопычъ, нечесанной, растрепанный, угрюмо шелъ въ головахъ гроба, не обращая ни на что вниманія; Митя разливаясь въ слезахъ, какія-то женщины рыдали и причитывали вслухъ.

Опустили гробъ въ могилу, застучала земля въ крышу, поклонились въ послѣдній разъ и воротились въ домъ на поминки; въ комнатахъ были званые, на дворѣ столы для незваныхъ.

Съ какимъ-то порывистымъ задоромъ Прокопычъ молча выпивалъ рюмку за рюмкой, безъ разбору что подносили и чуть-ли не въ первый разъ опьянѣлъ до безумства. Митя убѣждалъ къ матери, та сидѣла дома и гадала въ карты.

— Ну, что, спрятали твою Наумовну? какъ-то насмѣшливо спросила она.

Митю подернуло отъ холода этихъ словъ, онъ бросился на диванъ ничкомъ и сильно зарыдалъ.

Прошло еще нѣсколько времени. Въ девятый день Прокопычъ на весь городъ справилъ поминки и опять напился.

Аннушка получила отъ мужа свидѣтельство, но онъ писалъ ей, чтобъ она бросила все и пріѣзжала домой.

Долго Митя упрашивалъ мать оставить его у Окладнова.

— Мама! вѣдь это низко, подло бросить благодѣтеля, онъ въ горѣ, онъ, гляди-ка, и дѣлами не можетъ заняться.

— Экъ тебя танетъ въ ряды-то! благородному-ли мальчику торговать дегтемъ.

— Нѣтъ-съ, извините, краснымъ товаромъ да и какой-же я благородный.

— Тебѣ мать говорить, какъ смѣешь отвѣчать!

— А что мнѣ толку-то...

— А что толку-то аршинникомъ быть, да развѣ не видишь, твой Прокопычъ отшатнулся отъ тебя, и не смотритъ, на что ты ему.

Это правда была, Прокопычъ сдѣлался какъ будто равнодушенъ къ Митѣ, даже, казалось, убѣгалъ его, ходитъ по комнатамъ одинъ, придетъ въ спальню Наумовны, тамъ до шести недѣль ничего не трогалъ, поглядитъ, поглядитъ да и зарыдастъ; пойдетъ къ поставцу и хватить водки.

Какъ и не грустить Прокопычу, больше двадцати лѣтъ жили душа въ душу; если не любовь, такъ одна привычка чего сто-

тъ, многого не достаетъ безъ нее Прокопычу, половины его не достаетъ.

Чтожъ удвительнаго, что не разъ онъ проклиналъ день, когда зазвалъ Аннушку на ночлегъ, «вотъ, говорить, чѣмъ за добро заплатили»—онъ ей приписывалъ раннюю смерть жены.

А Митя изъ кожи лѣзъ, чтобъ угодить ему, чтобъ его успокоить и даже осмѣлился прятать водку.

Прокопычъ поглядитъ, поглядитъ на него, вздохнетъ всѣми легкими, да и отойдетъ прочь, а встрѣтилъ разъ на улицѣ Аннушку, обругалъ ее на чѣмъ свѣтъ согонть.

Не могли удержать Аннушку, чтобъ она не подала снова жалобы на обиду и оскорбленіе ея чести.

А вслѣдъ затѣмъ явилось у городничаго такое прошеніе Окладнова.

«18... года, іюля 4 дня, по чувству христіанскому укрылъ я отъ бури, напоилъ, накормилъ и всякимъ добромъ одарилъ неизвестныхъ бродягъ, назвавшихъ себя вольноотпущенною дѣвкою Анною Михайловой, съ мужемъ, свекровью и незаконнорожденнымъ сыномъ, слезно упросили они взять на воспитаніе сего ея мальчика, и объявили ему имя Дмитрій; по настоянію блаженной памяти жены моей Мавры Наумовны приняла мы сего мальчика, яко подкидыша, въ домъ, и къ своему семейству приписали, поелику бездѣтные въ супружествѣ прибывали; выкормили и выростили, къ купеческому дѣлу прилучили, грамотѣ и другимъ наукамъ выучили, многіе хлопоты и траты для сего имѣли, а нынѣ означенная дворовая женка Михайлова, называя себя капитаншей Христофоровой, съ разными обидными изреченіями требуетъ: чтобъ мы ей сына возвратили, нахальствомъ своимъ и неблагообразными дѣйствіями, а можетъ быть какимъ злорадствомъ и колдовствомъ, сожительницу мою, рѣченную Мавру Наумовну, въ гробъ свела и меня полжизни и состоянія лишаетъ, а потому, не видя никакой надежды въ предбудущемъ, кромѣ протерей и убытковъ, мытарствъ и всякихъ тревоженій и опасаясь за собственную жизнь, ради пріобрѣтенія послѣ меня наслѣдства, прошу означеннаго незаконнорожденнаго сына дворовой дѣвки Анны Михайловой по имени Дмитрія, а моего пріемыша изъ семейныхъ списковъ моихъ исключить, моимъ именемъ называться воспретить и возвратитъ именующейся матерью его, вышереченной Аннѣ Михайловой; а какъ я въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ, содержавъ на свой счетъ сына, напрасно

забытчился на харчи, одежду и прочее и теперь чрез злоухащренія именуемойся капитаншей А. М. Христофоровой, причинила мнѣ разореніе, такъ сказать грабительски ввела въ большія траты, наипаче тяжкія обиды нанесла, то о взысканіи съ нея оныхъ проторей и убытковъ съ представленіемъ щетовъ и доказательствъ взойду съ особымъ прошеніемъ».

IV.

И С Т О М А.

— Ты зачѣмъ пришелъ? грубо спросилъ Митю Окладной.

— Проститесь-съ, поблагодарить за всѣ ваши милости.

— Спасибо, отблагодарили, съ матушкой-то Наумовну въ гробъ уложили, меня по судамъ затаскали.

— Я, вѣдь, въ этомъ не причиненъ, Панфилъ Прокопычъ, слезно продолжалъ Митя, за чтожъ на меня-то гнѣвается.

— А что мнѣ гнѣваться, ступай себѣ съ Богомъ, очень рады, что такая полоса вышла.

— Да какъ же изъ дому изгоняете.. со стромомъ.

— Какой-же стромъ? я-ли выгоняю? Мамснька ваша тово желаетъ, вишь катавасію какую натворила. она тебя обучить людей обижать, въ офицерство выведетъ, ваше благородіе будешь, чево-жь еще?

— Господи, вѣдь я васъ за отца чту.

— Какой я тебѣ отецъ? Да ты прощаться пришелъ, ну, и прощай, а меня-то въ покоѣ оставьте, ну, васъ совсѣмъ.

— Прощайте! все я вашихъ милостей не забуду.

— Не забывай, пожалуй, мы сами вашихъ милостей не забудемъ! (онъ всталъ) ты тамъ свой хламъ-то забери! и онъ поворотно ушелъ и захлопнулъ дверь.

Точно что оторвалось отъ сердца Мити, больно, такъ больно ему было оставлять этотъ принютъ мирной жизни, гдѣ всякая бездѣлица напоминала счастливое время, материнскія заботы Наумовны... Онъ объжалъ весь домъ, прощался со всякимъ стуломъ, жарко молился передъ образами! Надо было уйти навсегда, и онъ ушелъ, ничего не взявъ.

Ужъ на другой день Прокопычъ съ дворникомъ прислалъ ему небогатія вещи; дворникъ отозвалъ Митю въ сторону: хозяинъ велѣлъ сказать тебѣ: живи честно, богобоязливо; вотъ сто рублей прислалъ, только матери не показывай, это на черныи день, а къ нему больше не ходи.

Горько заплакалъ Митя, порвалась послѣдняя связь душевнаго родства.

— Вотъ что вы надѣлали, говорилъ Ворожейкинъ Аннѣ Михайловнѣ.

— А что такое, батюшка?

— Окладновъ Митю прогналъ, наслѣдства лишилъ.

— Какъ-же, увидалъ, что со мной бороться не подь силу; что было прогонять, коли я требовала?

— Испортили вы его жизнь.

— Чѣмъ это? что мать изъ чужихъ людей къ себѣ взяла? что хочетъ его на приличную ногу поставить, человѣкомъ слѣ-
лать, дворяниномъ?

— Ну, тутъ мы съ вами далеко разойдемся, не стоитъ, дѣло кончено, только не погубите его, состоянья лишили ужь.

— У насъ на него и своего довольно! не нужно чужаго, а вотъ поставила на своемъ, утерла носъ этому мужику.

— Богъ съ вами! вздыхая закончилъ Ворожейкинъ, прощай братъ Митя!

И новыя прощанья, и новая утрата, новыя слезы.

И поѣхалъ Митя съ матерью въ село Красную слободку, князя Всеволода Петровича Ардатовскаго

Тащились они долго, приѣхали была темная ночь. Замелькали избы, мостъ, какія-то строенія, разобрать ничего нельзя, напрасно Митя таращилъ глаза, кой-гдѣ тускло вверху оконъ свѣтились огонки, знать отъ лампадокъ, это былъ канунъ Покрова. Кибитку встрѣтили заливаясь ласимъ собаки, кто-то мимоходомъ спросилъ кто это? «Управительша», отвѣчала съ козелъ Аришка, она на облучкѣ сидѣла. Кибитка подъѣхала къ крылечку и остановилась. вѣрно ящикъ зналъ, прямо подвезъ, или можетъ Аришка указала, внутри домика тоже свѣтилъ сивозъ ставни огонекъ, а достучались не скоро, ночь была холодная, поднялся вѣтеръ, такъ насквозь и продуваетъ, Аннушка злилась.

— Кого тамъ не легкая принесла, раздалось за дверями, ишь ломятся, чтобъ вамъ пусто было.

Засовъ застучалъ, дверь отворилась, заслоня рукою отъ вѣтра сальную свѣчку—высунулась засупанная, растрепанная дѣвка въ паневѣ и въ ту же минуту раздалась звонкая пощечина.

— Вотъ кто.

— Ахъ, барыня, это вы? отвѣтила дѣвка, поспѣшая растворить двери и освѣтить, другихъ объясненій не было.

Митя вошелъ за матерью! ему было какъ-то не ловко, боязно; кругомъ темнота, какъ-то все мрачно, черно, грязно, и эта пощечина такъ и звенитъ въ ухахъ.

— Баринъ почиваетъ?

— Давно изволили лечь-съ, должно быть започивали.

— Ну, что ротъ-то разинула, дурища. снимай капоть-то, што-ли! Аринушка постели поскорѣ въ балконной хоть на диванѣ, для молодого барина, да ну, поворачивайся. И подзатыльникъ поворотилъ Аринушку.

Та что-то проворчала, однако пошла.

Изъ дальней комнаты послышалось харканье и крикъ.

— Эй! кто тамъ? что за возня?

Аннушка побѣжала на крикъ.

Митя остался одинъ, передъ нимъ со свѣчкой стояла Акулька, разинувъ ротъ и почесывая бокъ; онъ безсознательно глядѣлъ на нее и думалъ: что я тутъ буду дѣлать?

Акулина смотрѣла, смотрѣла да и говорить:

— Да гдѣжь, косатикъ, молодой-то баринъ?

— Какого тебѣ барина?

— Да вотъ баяли управительша сына привезеть.

— Я ея сынъ.

— Ишь ты, шутникъ какой, и она засмѣялась въ руку, развѣ барченки такіе бываютъ?

Митя внутренно соглашался съ нею; что это, думалъ онъ, маменькѣ такая блажь въ голову пришла, барченкомъ меня величать, вонъ мужичку и ту не обманешь.

— Убирайся вонъ! раздалось опять изъ заднихъ комнатъ, спать хочу!

Аннушка вышла, явно расконфуженная и накинулась на дѣвокъ, да задѣла и Митю.

— А ты что, батюшка, у прѣтолки-то вытянулся, аршинъ што-ли проглотилъ, ты кажется у матери дома.

— Съ дороги разломало, маменька.

— Да ты чайку не хочешь-ли? Аринушка, какъ бы самоварчикъ.

— Нѣтъ, маменька, поздно, я ужъ спать лягу.

— Ну, ступай... Господь съ тобой.

А Митѣ хотѣлось поскорѣе одному остаться, что-то все подъ сердце подкатывалось и слезы навертывались.

Легъ, а не спится, диванъ что-ли жесткой, или въ комнатѣ жарко, или въ самомъ дѣлѣ дорогой растрясло, а только не спится.

Чувствуетъ онъ, что-то не такъ, какъ-то мертво вокругъ, словно все чужое, точно чѣмъ связанъ, а растолковать себѣ не можетъ, почему у Прокопыча ему такъ было вальготно, такъ покойно, свѣтло на душѣ; и проходитъ въ его памяти прошедшее и дьячокъ учитель, и заступница Наумовна, и ея заботы, чтобъ голодень не былъ. Богу помолился, въ баню сходилъ; стоитъ предъ нимъ съ своею лавочною наукою твердый въ словѣ, честной на сдѣлкѣ, торговецъ Прокопычъ, а тутъ цѣлый радъ отрадныхъ бесѣдъ съ Ворожейкинымъ, потомъ эта тяжба изъ-за него. Да такъ въ разныхъ мысляхъ и ночь прошла, ужъ къ утру Митя заснулъ было, да Акулина ставни открыла, будить пришла, а сама все чему-то посмѣивается.

— Да тебя какъ, баринъ, зовуть-то?

— Дмитріемъ...

— Ну, а по отцу-то?

Митя вспыхнулъ, у него не было отца.

— Шарфенычъ! отвѣчалъ онъ.

— Такъ надѣвайте одежду-то, я умыться подамъ, татенька давно чай пьетъ.

Митя взглянулъ въ окно, небо подернулось тучами, вѣтеръ обрывалъ желтые листья и сыпалъ ихъ на дорожки, нѣсколько бабъ огребали листь и въ корзинахъ куда-то относили.

Легкая работа, праздничная.

— Анна Михайловна выскочила на встрѣчу и повела Митю; поставя Митю посреди комнаты, какимъ то птичьимъ голосомъ пропѣла:

— Вотъ онъ, мой Митя!

Въ большихъ креслахъ, обшитыхъ черной кожей—сидѣлъ ея мужъ, высокій, коренастый старикъ. Онъ въ одной рукѣ держалъ длинный чубукъ, а другою безпрестанно задиралъ къ верху щетиные сѣдые усы.

Капитанъ смѣрилъ глазами своего пасынка.

— Здравствуй, молодець, здравствуй! и протянулъ ему руку, Митя не догадался, что надо поцѣловать, онъ привыкъ Наумов-

ну цѣловать въ губы и прижимать къ сердцу; рука опустилась на колѣно, усы зашевелились, Аннушка поблѣднѣла.

— Чтожь ты не цѣлуешь ручку у папаша?

— Не надо, какой я папаша! грубо отвѣтилъ капитанъ, развѣ лавочки знаютъ порядки! сидѣлецъ настоящій, матушка! Что ты мнѣ расписывала: красавецъ, молодець! лавочникъ, шавель, и стоять не умѣешь! въ палки тебя надо, подь ружье, болванъ! верхомъ умѣешь ѣздить?

— Никакъ нѣтъ-сь, не ѣзжали-сь! робко отвѣтилъ Митя, потряхивая волосами.

— Такъ и есть! а какъ пріѣдетъ его сіятельство Всеволодъ Петровичъ, да прикажетъ съ нимъ на охоту ѣхать? а? что? да ты стрѣлялъ-ли когда?

— Никакъ нѣтъ-сь! мы и пистолы въ рукахъ не держали!

— Тьфу, дрянъ, дурень и поговорка-то гостинодворская, за стойку тебя, въ кабакъ! кого ты это мнѣ матушка привезла?

И высокая широкоплечая фигура поднялась съ креселъ, обдернула чекмень, на зачѣсѣи мѣху, подтянула ремень, крикнула и молча, прямо какъ статуя, вышла вонъ.

— Опростоволочился, Митя, что ты надѣлалъ, какъ же это ручку не поцѣловалъ?

— Да я, маменька...

— Цыцъ, слушать, что я говорю, совсѣмъ-то тебя переучивать надо и подлинно сидѣлецъ. Ну, да это ничего, ты не робѣй, только слушайся меня, онъ вѣдь это такъ только грубъ, солдатчина, а предобрый человекъ, изъ него все можно сдѣлать, ты только меня слушайся. Видишь-ли: ты никогда съ нимъ не спорь, терпѣть не можешь, разозлится, хоть и хвастать будетъ, смѣяться и ты смѣйся; почаще ласкай, ручку цалуй; говори, что любишь какъ отца.

— Да я не могу, маменька, за чтожь мнѣ его любить-то? что обругалъ на первыхъ порахъ!

— Что ты еще выдумалъ; любить не можешь, ну, не люби, а показывай видъ, что любишь; обхожденье надо знать, я тебѣ дворянскимъ манерамъ научу, я знаю какъ надо.

И начала она напѣвать, какъ надо хитрить, чтобъ угодить вотчиму, какъ надо держать себя и подличать передъ княземъ, и начала, и начала напѣвать разныя разности.

— Да чтожь это, думалъ Митя, чему меня учить мать? обманывать, притворятся, да этакъ мы и покупщиковъ въ лавкѣ не

надували! Правда, хвалишь товаръ, да вѣдь то товаръ, а не человѣкъ! да вѣдь тамъ барыши, тѣмъ и живетъ торговля, чтобъ подороже спустить. Ежели бь онъ сказалъ это вслухъ, мать-бы ему отбитила: а жизнь не торговля, не продажа? не взаимный обмѣнъ фальшивой монеты и гнилаго товара?

— Ахъ, батюшки, вдругъ вскричала управительша, экая я дура пѣтая, только теперь догадалась, то-то слушаю, что онъ его обзываетъ сидѣльцемъ, лавочникомъ, а въ голову и не взяла, какъ онъ одѣтъ-то! Митя, какъ ты одѣтъ-то? настоящій лавочникъ, сюртукъ до полу, остриженъ въ скобку.

— Да чтожъ я такое?

— Тсъ! молчи, што ты? твоя мать капитанша, въ тебѣ и провъ-то дворянская, по дворянски надо. Акулька, Аннушка, закричала она.

Дѣвки вбѣжали.

— Ты поди-ка, бѣги скорѣе къ Филькѣ портному, зови сейчасъ сюда, барыня де требуетъ, а ты позови этого, что изъ Москвы-то прислали, парикмахера съ ножницами, скорѣе! Митя, другъ мой, уйди туда, не показывайся, ахъ я дурица!

— Для чего вы хотите меня стричь, я ужъ привыкъ такъ ходить.

— Мало какія у тебя мужицкія привычки... надо отвыкать, чтожъ такъ сидѣльцемъ и ходить? ты забываешь, что твоя мать капитанша.

— Да я то...

— Молчать! и она топнула ногой, вишь спорщикъ какой, я хуже тебя что-ли знаю, какъ дѣлать-то!

Митя замолчалъ, но вздохнулъ тяжело.

Пришлось разставаться съ родной одеждой. Злодѣй Филька шилъ ему какой-то кургузой, обдернутой сюртукъ, на горло запутали трехъаршинный шарфъ, все-такъ жметъ, рѣжетъ не ловко, смѣшно! Хорошо еще, что парикмахеръ оказался въ трезвомъ состояніи и имѣлъ больше вкуса, чѣмъ сама Анна Михайловна! Онъ увѣрилъ ее, что длинныя волосы въ модѣ, а надо только иначе зачесать и подвить, и точно, очень къ лицу завилъ Митю.

Капитана по цѣлымъ днямъ нѣтъ дома: съ утра уйдетъ на гумно, или въ анбары, или въ конюшни, а то сидитъ въ конторѣ, счета сводить, когда ему заниматься Митей. Анна Михайловна тоже занята, у ней свое бабье хозяйство, да и о чемъ

ей съ Митей говорить, въ маслѣ да яичахъ онъ толку не знаетъ, тальнами да сухими грибами онъ не торговалъ.

Пойдетъ Митя ходить, погода холодная, мрачная, моросить тонкій дождь, обойдетъ около барскаго дома, громадный, какой-то мертвый домъ; окна забѣлены иѣломъ; штукатурка обвалилась, рамы почернѣли; балконы подгнили, обвисли, какосто разрушеніе, какая-то печать мертвенности, и великолѣпный садъ ошпиала осень; а тамъ безконечные ряды пустыхъ оранжерей, разныхъ построекъ, конныхъ, скотныхъ, птичьихъ, исковыхъ дворовъ и все опустѣлыхъ, почти въ развалинахъ! Кой-гдѣ высунется любопытная старуха, али повстрѣчается босая дѣвка и оглядитъ его съ ногъ до головы.

Пойдетъ-ли по селу, оборванные, бѣдные мужики кланяются управительскому сыну; грязь по колѣна, избы черныя, низенькія, народъ убитый и не съ кѣмъ слова сказать! Всякаго одурь возьметъ.

Только съ нимъ и заговариваетъ, посмѣиваясь въ кулакъ, одна Акулька, да чтожь съ ней и говорить-то?

Увидала какъ-то Михайловна, что онъ съ кучеровымъ сыномъ гуляетъ, обругала обоихъ, неприлично, говорить, а Акулькѣ пощечинъ надавала, какъ она смѣетъ безъ уваженія съ ея сыномъ обходиться. Точно пощечинами уваженье внушаешь; боялись всѣ и ненавидѣли Андрея Осипыча, терпѣть не могли драчливой Анны Михайловны, грабителя капитана, какъ они его звали. Могли-ли они полюбить Митю?

Часто долетали до него прозвища: холопское отродье, сидѣлецъ и еще хуже.

Ни отъ кого ни привѣта, ни отвѣта! Горькая жизнь!

— Подморозило, пойдемъ со иной нонче на охоту, въ шалаши на тетеревей, будешь помогать.

И пошелъ Митя съ Андреемъ Осиповичемъ на охоту.

Ночью вробрались въ шалапъ, ждали разсвѣту.

— Андрей Осипычъ! вонъ тетеревъ.

— Дуракъ, это чучелы, молчи.

Не понравилась Митѣ охота, сидѣть съ ночи въ шалапѣ и ждать, пока глупой тетеревъ сядетъ любезничать съ чучелой.

Взялъ было онъ Митю на гумно, повѣрять умолотъ, ничего! Митя было принялся, да замѣтилъ Андрей Осипычъ, что одна пара дурно отбиваетъ, велѣлъ разложить Оомку, да Сидорку и тутъ же отодралъ; Митя бросилъ считать и ушелъ домой.

Обругалъ его Андрей Оспиычъ и порѣшилъ, что онъ никауда не годящій.

И въ самомъ дѣлѣ по понятіямъ капитановъ Христофоровыхъ, что это за человѣкъ, такой тихій, нѣжный, чувствительный, безъ энергіи, ни драться, ни ругаться не умѣеть, дрянъ человѣкъ, въ лавочники развѣ только, и то не годится, можетъ придтись на кулачки подраться.

— Что, матушка, мы съ нимъ будемъ дѣлать, говорилъ онъ Михайловнѣ, куда его употребить, ни на что не способенъ: те-терева подстрѣленного боится въ руки взять.

— Чего тебѣ хочется-то? не всѣмъ быть такимъ азарнымъ, какъ ты.

— Что это похвалила, али ругнула?

— Ты вотъ не видалъ, какъ онъ пишетъ, на-ка посмотри, мнѣ обреки какъ записалъ и какъ четко, ужъ не умѣю читать, а видно хорошо.

— Развѣ только! такъ засадить его въ контору.

— Недоученъ онъ, ты куда это хотѣлъ его отдать-то, какъ ево, навирсить, што-ли?

— Ну, куда ему, болвану, только чай писать и умѣеть.

— Выучится и наукамъ.

— Оно, пожалуй, съ глазъ долой, мнѣ мерзостно и глядѣть на него, лавочникъ, сидѣлецъ. Митрій! эй! поди сюда. Хочешь учиться, или къ мѣсту?

— Очень бы желалъ, безъ дѣла помираю.

— Ну, когда въ Москву поѣду возму.

— Слышишь, Митя, благодари, а ты пока чѣмъ изъ угла въ уголъ шлаться хоть бы книжки читалъ.

— Гдѣ-жъ взять-то, маменька, я бы радъ.

— Да тамъ въ барскомъ домѣ въ шкапахъ цѣлая комната.

— А я то! возьми-ка ключи, перетри ихъ, заплесневѣли, перепиши названья, ну и почитать можешь, я тебѣ ключи дамъ.

Вотъ обрадовался Митя, онъ еще въ домѣ не былъ, двери заколочены.

Покарайней-мѣрѣ какое ни на есть занятіе будетъ; а то безъ дѣла встопился, тоска загрызла.

На другой же день, только что разсвѣло, отколотилъ Митя двери, вошелъ, его пронизало студенюю сыростью!

Парадные сѣни въ колоннахъ полуциркулемъ, съ бюстами ка-кихъ-то, должно быть почтенныхъ мужей.

Изъ подъ грязи и пыли видно, что лѣстница мраморная; онъ робко пошелъ по комнатамъ, и стало страшно одному въ этихъ огромныхъ залахъ въ два свѣта, въ безконечныхъ гостинныхъ, будуарахъ, салонахъ. Громко раздавались его шаги, пахло гнилью и мышами! Когда-то яркая позолота почернѣла около полинялаго штофа, паркетъ скоробило, зеркала потускнѣли, науки работали во всѣхъ углахъ и развѣсили свои драпировки.

Ничего подобнаго не видывалъ Митя, глаза разбѣгались, онъ ошущивалъ этихъ свидѣтелей прежней роскоши барства, ему стало тяжело, одиночество обозначилось еще рѣзче.

— Сколько же тутъ людей должно быть жило! думалъ Митя, тутъ всѣхъ Песочныхъ господъ свезти и хоть въ гулячки играть; настоящіе сараи, только разною рухлядью уставлены... а должно быть хорошо здѣсь было, весело было, есть-же такіе счастливые люди!

Онъ задумался; въ комнатахъ раздались шаги, Митя вздрогнулъ, издали шелъ старикъ кучеръ съ сыномъ!

— Господи, какъ все постарѣло; давно не былъ здѣсь, а что здѣсь было-то, богатель какая, сколько поту, крови-то это стоило, эхъ, ма! хинью пошло. Можно съ вашей милостью походить... старину вспомнить?

— Отчего-же, можно?

— Да вѣдь намъ запрещено, знать думаютъ, не станцили-бы што...

— Вотъ еще, развѣ такіе!

— Видно такіи считаютъ...

— Вотъ я маленькимъ былъ, казачкомъ на посылакахъ бѣгалъ, какъ стараго барина изъ Питера на покой прислали: здѣсь хоромы-то были старые деревянные, неуклюжіе такіе; осерчалъ баринъ, управляющій свой былъ, высѣкъ и сослалъ; какъ ты, бестія, не позаботился что барину и вріѣхать не куда, а! будто управляющій могъ домъ построить! Ну-съ, сударь мой, закипѣло дѣло, начали кирпичъ мять, да обжигать; замучили на работѣ эту вотчину, согнали работниковъ изъ другихъ отчинъ, архитектура тальянца выписали, загоняли всѣхъ коней, въ полводахъ въ Москву, да въ Москву, то за тѣмъ, то за другимъ, а какъ начали изъ Питера муфобель разную, да те, то другое перевозить и совсѣмъ мужичковъ порѣшили, обезлошадилъ, самихъ сморили, пять или шесть лѣтъ все строились, сударь, вонъ сколько настроили и на чтобы кажись, баринъ ональной,

никогда къ нему и не заглядывать, а дворни-то, дворни-то что было!

— Неужто онъ одинъ здѣсь жилъ?

— Ну, гдѣ одному жить, сыночекъ былъ. разные дядьки да французскіе учителя; одинъ французъ за то и на жалованьи былъ, что съ старикомъ на бильярдѣ игралъ.

— А гдѣ же у нихъ библіотека? покажи, пожалуйста.

— Это книжки-то, што-ли, а вонъ тамъ ва опочивальней.

Прошли нѣсколько комнатъ, съ трудомъ отворили дверь.

Мрачная комната, по срединѣ столъ, съ глобусами, кругомъ черныя шкапы, съ бронзовыми бляхами, какія-то непонятныя надписи и все переплеты, переплеты.

Митя ахнулъ и ротъ разинулъ.

Кучеръ началъ вертѣть глобусы.

— Ишь-ты это, говорили: земля, а это солнце и звѣзды; ишь ты врали-то какъ; какъ-же учителя твердили, барченокъ говорилъ слышь солнце стоять, а земля ходитъ, точно мы слѣпые, не видятъ, разсуждалъ кучеръ, а Митя лазилъ по шкапамъ.

Вынетъ, анъ переплеты пустые безъ книги.

— Что-же, онъ думаетъ, уворовали, што-ли? а то все не русскія, старыя какія-то, не разберешь.

— Что-жь это, Антонъ, переплеты то пустые? гдѣ-жь книжки-то?

— Евто нарочно Мишутку обучили переплеты дѣлать, чтобы полки не стояли пустыя:

— Вотъ што, такъ книгъ-то немного.

— Да и на што онѣ, прахъ ихъ возьми

— Да развѣ баринъ-то не читалъ?

— Вотъ барское дѣло нашли книжки читать, да когда ему было; молодая барыня, матушка то младшяго князя, Гликерія Андреевна, онѣ еще здравствуютъ, любила читать, у нее свой и шкавъ.

— Гдѣ это?

— А вотъ пойдете!

На этомъ шкапу была надпись: *Мои учительи.*

А въ шкапу пѣлые ряды изчитанныхъ романовъ того времени: сочиненія г. Жанъизъ, Эвелина, Удельскія таинства, Дитя при роды, Малекъ Адель, Крестоносцы, Аѳенгозъ, Сестра Анна. . . все переводныя; гдѣ-жь тогда русскихъ-то и взять-то бы-

ло? стали появляться Выжигины, Юрій Милославскіе, Новики... да эту русскую дрянъ не стоило читать, развѣ Карамзина, по обязанности, пробѣжать, особенно бѣдную Лизу, или Олѣгуша, чтобъ пометать съ Татьяной.

Забралъ, что попало Митя и потащилъ домой.

Читалъ онъ безъ разбора, часто ночи захватывалъ, Михайловна бранила, что даромъ свѣчи жжеть, еще пожаръ надѣлаетъ, а Митя все читалъ, и чѣмъ больше читалъ эту дребедень, тѣмъ больше отрѣшался отъ вещественной жизни, тѣмъ больше утопалъ въ мечтахъ несбыточнаго; идеи путались. Онъ все прѣвнѣялъ къ себѣ, вездѣ искалъ себя, найдетъ что-нибудь будто схожее съ своимъ положеніемъ и начнетъ строить воздушные замки.

— Вѣдь вотъ-же какое счастье ему вышло! такой же былъ какой и я, а въ пажы произвели, въ рыцари произвели, и какая принцесса душка влюбилась! и какия сладкія свиданья у нихъ были; а вотъ у этого тоже не было отца, а нашелся отецъ, отчего же со мною не случится всего этого!

А мечты прервала Акулька съ своимъ хихиканьемъ: пожалуйста къ маменькѣ.

Митя идетъ къ матери, а та попросилъа со власти кричить:

— Ты что это Батрачка, на сѣбѣ што-ли дерюгу-то вѣсто холста принесла?

— Матушка барынька, болѣзная ты моя, лень не успѣлъ убрать—перележался.

— Еще отвѣчать смѣетъ, молчать, негодяйка! и мѣра не выходитъ, поларшина обивѣрила.

— Можетъ статься и обивѣрилась, али какъ бѣшла сѣбѣ.

— Мошеница, воровка Черномазая; принеси другой, а этотъ за штрафъ оставлю.

— Родимая, гдѣ-же ввять-то, за рубахи дѣвчонкамъ нѣтъ, тальки тоже еще нарядены.

— Цыцъ, молчать, выдери! и раздавался звонъ пощечины и слышались рыданія.

Митя съ облаковъ падалъ въ грязь. А върнется къ себѣ, опять за книжки, читаетъ рыцарскіе романы и раздумываетъ. Вотъ во всѣхъ книжкахъ пишутъ, что добродѣтель вознаграждается, терпитъ, терпитъ честной человѣкъ, а подѣ конецъ хорошо выходитъ; во всѣхъ книжкахъ это выводятъ; стало быть ественнымъ хорошо. И онъ началъ воображать себя рыцаремъ чести

и благородства; а за дверями опять раздавались крики и брань. То яйца мелки, то тальки толсты, то въ сушеныхъ грибахъ кореньевъ много, его зовутъ записывать сборы, да послѣ переписывать и все съ убавкой. часть идетъ въ господскіе анбары, а часть въ собственную кладовую Анны Михайловны. Разъ Христофоровъ взялъ его съ собой въ городъ, запродалъ хлѣбъ за одну цѣну, взялъ халтуру съ купца, да убавилъ въ отчетахъ и цѣну и количество.

Вотъ она честность-то на дѣлѣ какая, бѣдный Митя, экой разладъ, подумаешь, въ жизни!

— Нѣтъ говорилъ себѣ Митя, все эти пустяки пишутъ, сказки выходятъ просто, а жизнь-то, жизнь-то въ сущности что такое? болото, грязь. Правду говорилъ Ворожейкинъ, гдѣ ты другъ Ворожейкинъ? Однако и онъ говорилъ про долгъ, про честь, а я ему вѣрю! что это за тоска одолеваетъ, все одинъ да одинъ; это съ ума сойдешь, поговорить не съ кѣмъ; посоветоваться. Мать только яйца да тальки считаетъ, вотчимъ слова въ ладъ не скажетъ, да и съ другими только у него и разговоры про походы, да умолоты. а мнѣ все бросаетъ въ глаза: мальчишка лавошникъ, сидѣлецъ, да што-жь тутъ постыднаго? Развѣ сидѣлецъ не человѣкъ, не можетъ быть хорошимъ, честнымъ человѣкомъ? Вонъ Окладновъ и другіе, и даже покупатели меня любили, хвалили, и тутъ дуракомъ сталъ, на, поди! Сидѣлецъ, такъ и пустите въ сидѣльцы, я не просился отъ дѣла, не лѣзъ въ хоромы! Ужасная пустота на душѣ, что же будетъ? умру съ тоски, въ одиночествѣ. Хорошая Наумовна, умерла ты, сердешная, и отъ тебя Прокопыча оторвали, а такъ и тянетъ къ вамъ, не уйти-ли! Нѣтъ, это безчестно... И сложилось у него свое понятіе о чести, отвратительны казались ему продѣлки матушки, а еще больше вотчима, онъ даже позволилъ себѣ разъ ему замѣтить, что не честно пол-дохода въ карманъ себѣ класть, когда довѣрье сдѣлано.

А вышло вотъ изъ чего: пріѣхалъ съ пристани кувецъ.

— Ваше благородіе! у васъ есть на продажу хлѣбъ.

— Есть, какъ не быть.

— А пригѣромъ сказать много-ли?

— Да чего надо-то?

— Чего, пшеницы у васъ нѣтъ: извѣстно ржи и овса.

— Тысячи двѣ можемъ отпустить.

— А какъ цѣны будутъ?

- Ваши цѣны какъ, а мы свои скажемъ.
- Нѣтъ, вы скажите.
- Восемь и четыре пятьдесятъ.
- Съ доставкой?
- Въ Заводи.
- Гм! многовѣко... А мы бы все забрали...
- А гороху и ячменю не надо?
- Пожалуй, заберемъ и ево; а вы вотъ што, покажите добротенъ-ли хлѣбъ-то, наша поставка казенная, вѣсь—надо. овесъ овинный?
- Первый сортъ, 530 тянетъ.
- Можеть статья, кола не лжете, баринъ.
- Посмотри.
- Посмотримъ.

Походилъ купецъ съ управляющимъ, осмотрѣлъ амбары, сторговался, хлопнулъ по рукамъ, пошли, заперлись въ контору и дѣло порѣшили, тысячное дѣло, годовой доходъ.

Начали мужички подвозить розвальни и хлѣбъ насыпать, да и говорить:

- Когда насъ Господь отъ етова кровопійцы освободить!
 - Ишь ты Фроловъ изъ Заводей 8 сулятъ, всего бы сорокъ версть перевозу, три дня и дома, а то, проклятой, Зубоскалову продалъ, шутка-ли на пристань возить, вѣдь триста будетъ.
 - Болѣ, съ залишкомъ, какъ есть въ двадцать дѣнь не обернешь, проклятой.
 - Да что онъ дорого далъ, што-ли?
 - Эка, двадцать макинулъ...
 - И двадцать? да это мы бы своихъ лучше додали...
 - А ему-то въ карманъ не считали? чай не двадцать попало, колотырнику...
 - Хоть-бы отписать барину.
 - А что баринъ? про што онъ знаетъ, все едино ему—мужичокъ везетъ... близко-ли далеко-ли. все едино.
 - Когда это, Господи, отъ такой каторги забавить!
- Да и говорили-то всѣ въ одинъ голосъ, да и ругали-же управляющаго, индо Митѣ душу перевернуло...
- Впутался Митя въ разговоръ да и услышалъ про отчима-то чего и слышать бы не желалъ.

Слыхалъ онъ, что прикащики обещываютъ хозяина нажи-

ваются, да все больше на счетъ покупателей, а это... какъ же кровь-то изъ мужиковъ пить? да и бухнулъ это капитану.

Тотъ сперва глаза вытаращилъ, какъ это мальчишка такъ говорить! пыхтѣлъ, пыхтѣлъ, ерошилъ, ерошилъ усы, да и крикнулъ:

— Кто это говорилъ? какая каналья? я его отдеру.

— Да я ихъ по именамъ не знаю.

— Не знаешь, с. с., такъ я тебя отдеру! Розогъ! гаркнулъ онъ!

Какъ нѣкогда отъ дьячка Митрофаныча Митя юркнулъ въ дверь и бросился къ матери.

Та окрысилась, произошла ссора, ругательства, слезы... такой крупный разговоръ, что по всему селу разнесся.

Митя заперся въ своей комнатѣ и рыдалъ! Онъ написалъ Окладнову, умолялъ взять его въ приказники. Окладной не отвѣчалъ.

Андрей Осипычъ рѣшилъ, что онъ человѣкъ опасный, можетъ бунтъ сдѣлать, его погубить, а по этому вонъ его, въ Москву, въ лавочки, въ сидѣльцы, во чтобы не было, только подале! больно прытокъ, его раскусилъ.

А Митя думалъ:

— Это что за жизнь, мертвая, униженная, ничтожная, нельзя же все читать да мечтать; юныя силы прясется царужу, кровь бьетъ ключомъ, чего-то хочется, что то ждется! Въ жизнь, въ самый водоворотъ жизни хотѣлось бы окунуться и вынырнуть! Надо попробовать жизни, во всѣхъ романахъ такъ описано, а печатному какъ не вѣрить! А могъ ли онъ понимать жизнь? Правда, Окладновъ выучилъ его лавошной торговлѣ, онъ былъ ловкій, честный сидѣлецъ, могъ быть со временемъ и хорошимъ хозяиномъ, да его вы, ваи и поставили въ какую-то непонятную для него среду; безъ выхода, безъ свѣта, точно лѣвй въ лѣсу обошелъ, броди на угадъ, пока пѣтухи не пропоютъ. Цѣтъ! надо покончить съ этой жизнью!

Рѣшено: Митю о Рождествѣ Андрей Осипычъ отвезетъ въ Москву.

Много рыдала Михайловна и шила Митѣ рубашки, а Рождество ни приходило, чѣмъ ближе, тѣмъ длиннѣе казались дни и ночи, уикъ Михайловна уклала въ сундукъ приданое своего Мити, напихала туда и пужнаго и немужнаго, иголокъ и нитокъ

туда положила, сама носковъ навязала, а Рождество не приходило.

А Митя все томится, какъ-будто что давить его, и родилась у него мысль, что онъ жертва чести, что онъ хотѣлъ за мужиковъ заступиться и пострадать, и выросла мысль о чести съ гору.

Какъ не долго кажется время, а идетъ; оглянись, кажется пролетѣло такъ скоро.

Вотъ и Рождество!

— Завтра! объявилъ Христофоровъ.

— Завтра, радостно повторилъ Митя, завтра новая жизнь, свобода, надежды самобытности, золотыя мечты новой жизни, честнаго труда, радостныхъ встрѣчъ любви, однимъ словомъ жизни; другой жизни золотыя мечты баюкали его до утра.

Онъ какъ-то посвѣдно простился съ Михайловной: такъ ему хотѣлось вырваться изъ заколдованнаго круга, а та ревѣла какъ бѣлуга и совала ему колобки. Они поѣхали.

V.

Въ омутъ.

Ѣдетъ Митя въ Москву! Кругомъ широкое раздолье, снѣжная гладь до краевъ неба, змѣей извилась полоса безконечной дороги, а какъ-то легко на душѣ! Воздухъ такой рѣзкій, щиплетъ щѣки, да дышать свободно, не душитъ, какъ этотъ обручъ подневольной жизни. — Онъ Ѣдетъ на новый трудъ нравственной свободы; это ужъ не мечты воображенія, не горячка кудесника. — Это вещественныя, осязаемыя мечты самобытности! Митя самъ надъ собой смѣется, что это ему лѣзло въ голову: рыбари, дворяне, чиновники, принцессы, — на что это, онъ сидѣлецъ, прикащикъ пока, но все же что-нибудь, какое-нибудь — а. — Одного жаждетъ его душа — любви; хочется на себѣ испытать, что это такое за любовь, про которую такъ много пишутъ. — Правда, любила его нѣжно Наумовна, да она умерла; любилъ и Прокопычъ, да измѣнилъ; любилъ товарищи-сидѣльцы, Ворожейкинъ, да они далеко; любить его по своему и мать, да какъ-то странно любить, любовь-то ея похожа на вериги; давить, уничтожаетъ силы, мысли, волю! — Не такой любви хотѣлось Митѣ, ему, вѣдь, 19 лѣтъ; кровь кипитъ избыткомъ силъ, ищетъ любви сердечной, упительной, безграничной; утонуть бы въ ней,

забыться бы хотѣлось; а развѣ любовь всѣхъ Окладныхъ такова? она развѣ только утопить въ пуховикахъ, напоить сушеной малиной до поту—нѣтъ! не этой любви жаждалъ Митя; одно слово, ему 20-й годъ,—усъ пробился, бородака подернулась пушкомъ, такой свѣжій, красивый молодець, взглядъ такой открытій, вся душа на лицѣ?

Ѣдетъ Митя въ Москву; въ синей, неопредѣленной дали утопаетъ дорога, а на краю лежитъ свѣтлое небо—не его-ли это будущность? Мелькаютъ городки въ родѣ Песочнаго, выглядываютъ изъ-подъ сугробовъ снѣга села и деревни, рябятъ въ глазахъ верстовые столбы, а ему одно: далеко-ли цѣль? Ямщики на зло, какъ нарочно, ѣдутъ тише, или подѣ Москвой лошади хуже, или такъ кажется Митѣ?

А какъ не широки стали мечты Митя: лавка или фабричка, теплый собственный дамашній бытъ, другъ, помощница—любящая жена—только и всего! Митѣ это казалось все такъ легко нажать, пустяки все сравнительно съ принцессами и рыцарями.

Ѣдетъ Митя въ Москву, мерзнетъ дорогой, набиваетъ трубку Андрею Осипычу, укрываетъ его волчьимъ одѣяломъ, пьетъ чай изъ позеленѣвшихъ самоваровъ, и доѣхалъ Митя до Москвы, не то чтобы скоро, а какъ-то незамѣтно; нечѣмъ было дорогу отмѣтить, ничего не случилось особеннаго, да и мысли все въ сторону отшибались.

При яркомъ зимнемъ солнцѣ подѣхалъ Митя къ Москвѣ: давно полкруга звѣздочекъ замелькало вдали; вотъ съ двухъ концовъ стали обрисовываться облитые золотомъ кресты, яркіе куполы; надъ бѣлыми стѣнами бѣлокаменной заперстрѣли яркозеленыя, красныя, бѣлыя крыши.

— А про што это Москву-то бѣлокаменной прозвали? спрашивалъ одинъ любознательный пріѣзжій калашника-земляка.

— А какъ же про што? вся какъ ни на есть изъ мячковского бѣлаго камня построена, ишь какъ бѣлѣтся, да и калачи съ сайками какіе бѣлые, гляди-ко! Купи, землякъ, горяченькіе!

Вотъ и застава; улица заперлась порожняками; проѣзду нѣтъ; торговали мужички на рынкахъ, свое продавали, а у заставы пьютъ, да покупаютъ—свое проживаютъ.

Подошелъ худой, рябоватый солдатикъ съ бляхой на груди и, молча, началъ тыкать желѣзнымъ щупомъ во что ни попало; напрасно ругалъ его капитанъ, онъ хладнокровно продолжалъ тыкать—водки искалъ, — корчемная стража посреди проѣзжей

улицы. А другой подошелъ военный въ киверѣ, требуетъ: кто и откуда ѣдетъ, зоветь въ кордегардію записываться. Далъ капитанъ свою подорожную и для пропуска получилъ клочокъ бѣлой бумажки.

Кабы ѣхалъ мой пріятель. Сапа Ипполитовъ, непремѣнно откололъ бы штучку.

Разъ мы ѣхали съ нимъ на своихъ; онъ пересѣлъ на облучокъ; у заставы соскочилъ какъ денщикъ (онъ былъ въ дубленѣ) и записалъ пьяный заставный писарь, что пріѣхалъ изъ Гибралтара отставной флигель-адъютантъ, флота полковникъ, баронъ фонъ-Габенихтсъ-Бонценталь. То-то горячку спорили въ комендантской.

А въ другой разъ, зная, что за нами слѣдомъ ѣдетъ исправникъ Чекуменовъ, записался его именемъ. Настоящаго исправника писарь считъ самозванцемъ и отослалъ въ комендантскую съ казаконъ.

Ну, да капитанъ Христофоровъ не такой человекъ былъ, всякія власти уважалъ, дурачить ни, ни! въѣхали по формѣ, даже адресъ далъ, гдѣ остановится: Тверской части, 4 квартала, въ домѣ Комнати. Въѣхала и заковыляла кибитка по городскимъ выбоинамъ и ухабъ мѣ. поползла по слою навоза и грязи; долго ковыляла она, вертись по закоулкамъ; должно быть ихъ пьяный мужикъ прокладывалъ, шатаясь изъ стороны въ сторону; наконецъ кибитка сползла въ какую-то узенькую, грязненькую улицу, обставленную низенькими, дикенькими домиками.

Вѣдь не одни люди, а цѣлыя страны, города, улицы, дома носятъ особый отпечатокъ, заклеимены общественнымъ мнѣніемъ; на этой улицѣ лежала кака-то печать отверженія, даже и кабакъ какъ-то разбойничьски подперся заборомъ, а домики точно подмигивали и зазывали къ себѣ.

Къ одному изъ такихъ-то домиковъ, у которыхъ если не ворота, такъ калитка отперта день и ночь, подползла капитанская кибитка, юркнула въ ворота и остановилась у задняго крыльца.

У самаго крыльца кухарка выливала изъ лохани помой.

— Фу! притащились наконецъ! эй, баба! ты Петра Федорыча кухарка, што-ли?

— Ихняя, такъ што-жь?

— Дома Петръ Федорычъ?

— Хоть бы и дома, такъ вамъ на што?

— Дура, пошла, скажи: Андрей Осипычъ, дескать, пріѣхали.

— Можно, отчего не сказать, скажу! а сама продолжала вытряхивать лохань.

Изъ дверей выглянула сгорбленная фигурка въ засаленномъ татарскомъ халатѣ и черной ермолкѣ, съ большой пенковой трубкой въ рукахъ; это самъ Петръ Федорычъ.

— Здорово, товарищъ, крикнулъ напѣ капитанъ, не узналъ, што-ли, можно остановиться?

— А, Андрей Осипычъ! это вы? какими судьбами?

— Въ Питеръ ѣду, вылѣзать, што-ли?

— Всеконечно, всеконечно; у васъ лошади-то не свои?

— Тѣфу (печатать продолженные слова нельзя), что ты, вы, да вы, братецъ, мы больше не товарищи, што-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ; какъ можно, это я по привычкѣ... вылѣзай, вылѣзай, выбирайся!

И товарищи-сослуживцы крѣпко обнялись.

Петръ Федорычъ Цвѣточкинъ, бывший ротный командиръ, пройдя всѣ тяжкія въ отставкѣ, сдѣлался стряпчимъ по купечеству. Бросилъ командирскія привычки и своимъ вкрадчивымъ, птичьимъ голосомъ забралъ такое довѣріе, что ему всякія дѣла поручали на слово. Другому стряпчему надо довѣренность въ палатѣ писать, и хлопотно, и убыточно, а Петру Федорычу передадутъ по бланку и спокойны—не обманетъ, обдѣляетъ какъ нельзя лучше; съ обѣихъ сторонъ процентики возьметъ, да обдѣляетъ, а купцу что процентики? извѣстно, какъ пишутся счеты и векселя, всегда съ запасомъ на случай пожданья, да расхоловь, такъ что не взять, да взять.

Отъ этого хоть у Петра Федорыча квартирка и не мудрая, четыре комнатки, свои грешевые, мебель отъ Сухаревой, да въ шкапу серебро, а въ шкатулкѣ денежки, на черный день.

Холостой человекъ Петръ Федорычъ, и жениться не думаетъ; ему ужъ за 50, жаветь въ одиночествѣ, одна кухарка, здоровенная баба, въ прислугѣ; онъ и Андрея Осипыча ругалъ, когда тотъ на Аннѣ Михайловнѣ женился.

— А это что за молодець съ тобой? спросилъ Цвѣточкинъ въ кабинетѣ...

— Это сынъ моей жены; я привезъ его тебѣ?

— Миѣ на что? съ испугомъ спросилъ хозяинъ. Такъ вотъ какъ, она тебѣ и сына привела! гм!

— У тебя купцовъ много, ты его пристрой къ мѣсту, слы-

ишишь, мальчикъ честный, старательный!... и онъ началъ разсказывать всю исторію Мити.

А Митя въ это время помогаль ямщику вытаскивать изъ кибитки поклажу; дворникъ подлѣ стоялъ, а не помогаль; равнодушно курилъ трубку, да на прїѣзжихъ глазѣлъ; изъ чего помогать-то, Цвѣточкинъ извѣстный скаредъ.

И не одинъ онъ глазѣлъ; на другое крыльцо высыпали какія-то барышни, разряженныя такъ, какъ въ Песочномъ никто не наряжался, да такія веселыя, лезучуть какъ четотки, хохочуть какъ русалки; впереди перевѣсилась черезъ перилы прехорошенькая, припышненькая блондиночка въ букляхъ. Вышла какая-то толстая, должно быть тетенька, и прогнала их

— Саша! это кто такіе прїѣхали?

— А почему знаю! грубо отвѣчалъ ей Саша, высокій господинъ, размашистой натуры съ длинными волосами, въ студенческомъ сюртукѣ съ красными воротничкомъ.

— А ты поди да разспроси извозчика! а сама ушла.

— Александръ Михайловичъ, душка, узнайте, кто это.

— А тебѣ на что, Юлька? Лакейшка что-ли въ глаза бросился?

— Ужъ и лакейшка, спросите, вотъ онъ ушелъ!

— Пожалуй, спросимъ. Эй! прїятель! крикнулъ онъ ямщику.

— Какой я те прїятель!

— Отвѣчай, скотина, кого ты это привезъ?

— Сѣдоковъ, а то кого же?

— Да кто онъ такіе?

— А ктожь ихъ знаетъ, сѣдоки! и началъ опрaвлять збрую.

Лошадки-то сильно заморились, укодила ихъ городская дорога; всѣ были въ мылѣ, коренная поматывала головой и брикала колокольцами, а пристяжныя повѣсили головы и хватали грязный снѣгъ.

— Ну, что-жь, баринъ, спросилъ ямщикъ, входя на крыльцо, отпускайте што-ли.

Митя вынесъ прогоны; ямщикъ счелъ, снялъ шапку и почесался.

— А что-жь на водку-то? Кажись хорошо везъ, воцъ какъ кони-то укачались.

— Да тутъ есть и на водку.

— Гдѣ-жь тутъ? восемь-то копѣекъ?

Дворникъ захохоталъ.

— Только дадено, брать!

— Эхъ вы, а еще господа, пошелъ да пошелъ, видно только на посулахъ-то; не восемь копѣекъ стоитъ ѣзда-то, совѣтъ коней-то заморилъ! Ну, что-ли, сердешныя! трогай! горько крикнулъ онъ, ударивъ коренную; поворотилъ тройку и съѣхалъ долой со двора.

На крыльцѣ никого не было кромѣ Юліи; она разсматривала Митю, а Митя стоялъ какъ вкопанный: его волновало смутное желаніе наглядѣться на нее! кончилось тѣмъ, что она захохотала и убѣжала, а Митя все еще стоялъ и смотрѣлъ на пустое мѣсто: ему все мерещилось это живое, веселое личико, эти булки, это... многое мерещилось Митѣ.

— Гдѣ ты провалился, Митрій! гаркнулъ изъ комнаты нашъ капитанъ.

— Ты въ Питерь-то зачѣмъ же? спрашивалъ Петръ Федорычъ у Андрея Осипыча.

— Графъ выписалъ.

— Сорвалось что-ли, клаузы какіе?

— Нѣтъ, личные переговоры нужны; велѣлъ лѣсъ продать да контрактъ не пищутъ, имѣнье-то заложено, а дѣло важное.

— Эка, можно обойти, домашнее условье, для себя де рубишь.

— Купецъ-де ломается, говорю дѣло большое.

— А ты при чемъ?

— Не безъ того, мое монѣ и останется, то-то и ѣду.

— Эхъ, подумаешь, когда мы съ тобой за умъ то взялись... деньги-то наживать, а прежде, помнишь?

— А что прежде? лучше было, хоть жизнь была; ято деньги? деньги прахъ! то-ли дѣло бывало послѣдняя копѣйка ребромъ, голова съ попойки трещить, а солдатиковъ вотъ какъ учишь, а вечеромъ опять и пуншъ. и банкъ и... Славная, чортъ возьми, жизнь была...

— Не хочется-ли вернуться? Хе, хе, хе.

— Гдѣ ужъ вернуться, просвистали, а кутнуть же прочь, пожалуй, за себя во всемъ постовимъ.

— Ну, брать... много съ тѣхъ шоръ воды утекло, годовъ то, чай, десятка три прошло.

— Ну, нѣтъ, а и то, пожалуй; да что года дчитать, это ты

сгорбился, да осовѣлъ, а я, гляди это что! и онъ выпятилъ грудь и постучалъ въ нее, грудь, дѣйствительно, была богатырская.

— Въ то-то время не отставали и мы, поминишь, у Соньки отъ четырехъ отбился.

— Ну, братъ, не хвастай, своими боками развѣ.

— Нѣтъ, ужъ всё знали, а поблѣднѣлъ я што-ли, какъ Федюкинъ пистолетъ ко лбу приставилъ?

— Ну, чтожь, не заряженный-то!

— А какъ я съ Феропонтовыми раздѣлся? не бось, мало кутиль? На гаубтвахтѣ весь караулъ перепонилъ...

— Да ужъ ты не хвастай, замашка-то у тебя всегда была одна, деньгу наколачивать, процентничать; бывало спустишь до нитки, казначей не дастъ, къ кому? къ другу Петру Федорычу, а при трети и ходитъ Петръ Федорычъ, и напѣваетъ: а что, дружки, когда должки? Ха, ха, ха.

— И што вспомнилъ, ха, ха, ха, да, славное было времячко.

— Славно, припѣваючи жилось, день да ночь, сутки прочь!

— А ты еще обузу взялъ, женился, да еще съ прибавкомъ съ сыномъ.

— Ну, какая обуза, пужна же хозяйка, не мнѣ же черное бѣлье считать; нѣтъ, не въ убытокъ: баба экономная, не транжирка, ну изъ лѣтъ выпла, а бывалая баба.

— А вотъ съ маъчишкой-то наглупила, зачѣмъ отъ купца взяла?

— На задоръ вышло, самодуринъ хватилъ, хотѣлъ трезвону задать, да думаю, что толку, не вернешь, а вотъ лучше свезу его къ Петру Федорычу, онъ его упрячетъ и приписку сдѣластъ.

— Хорошо, а безъ расходовъ нельзя.

— Чтожь ты и съ меня хочешь содрать, за постой не возмешь-ли? на-ка.

— Да не горячись, это не то, а вѣдь гербовую бумагу, пошлины разныя.

— Да ну те къ чорту, дадимъ, не въ первой.

— Развѣ пока переписывать заставить, чтобъ не даромъ жилъ у меня, писанья много.

— Ну, заставь... знаемъ тебя... не съ вчерашняго дня, а вѣдь лихо жили въ походахъ-то, капитанъ?

— Лихо... да.

— А помнишь...

И пошли цѣпляться одинъ за другимъ походные анекдоты, въ озартъ взошли сослуживцы, и ругались и обнимались, а хвастались не хуже прежняго; такъ разыгралась кровь, точно 30 лѣтъ и не было.

— Пойдемъ, говорить, къ сосѣдкамъ, тряхнемъ старицей.

— Пойдемъ... и пошли; зачѣмъ только пошли, и сами не зная, образумились ужь у дверей.

— Какого чорта тамъ дѣлать? именно какого чорта! не вернуться-ли? вернемся, лучше! Вернемся, жженку сдѣлаемъ!

— Сдѣлаемъ жженку! и герои вернулись назадъ, а жженки не сдѣлали, пушпикъ тянули, хлопотъ меньше и дешевле.

Христофоровъ на другой день уѣхалъ и оставилъ Митю у Петра Федорыча, тотъ его писать засадилъ; Митя хорошо писалъ.

Пшетъ Митя просьбы да записки непонятныя, а самого такъ и тянетъ на крылечко; авось выдетъ, поговорить бы съ ней, а выдетъ Юлія, онъ стоитъ, точно языкъ проглотилъ.

— Вы здѣсь жить будете! наконецъ спросила она.

— Точно такъ-съ, не знаю-съ.

— Это вашъ папчыка съ стриженными усами?

— Да-съ; нѣтъ-съ.

— Какой онъ смѣшной, да и вы сами смѣшныя!

Захотела и убѣжала; а у Мити сердце такъ и ёкнуло, стоять онъ и морозъ не пробираетъ.

Петру Федорычу, тоже по какому-то дѣлу, понадобилось съѣздить на нѣсколько дней въ другую губернію.

Онъ и говорить Митѣ:

— Митрій! миѣ, братецъ, очень нужно съѣздить, ты вѣтъ перепишешь эту просьбу, отнеси, вотъ тебѣ и адресъ, извольте, дескать, подписать да подать сами, Петръ Федорычъ приказали...

— Хорошо-съ.

— А вотъ тебѣ четыреста рублей денегъ, за ними придетъ Антипъ Переваловъ, купецъ, ему ждать нельзя, а я веровно запоздаю тамъ, ты отдай, да чтобы расписку эту подисалъ, а расчетъ какъ придетъ.

— Очень хорошо-сь! Митя деньги счель, это понравилось Цвѣточкнну.

— Ты, пожалуйста, за Дарьей-то, за кухарной-то смотри. Баба хорошая да гостей назоветь, кто ихъ знаетъ, какіе, чтобы не обокрали.

— Да мнѣ чтожь, дома буду сидѣть, только вотъ Андрею Осипычу закупки надо сдѣлать.

— И сдѣлай, ты къ Максимову поди, онъ выберетъ.

— Выбирать что-сь, плевое дѣло; мы сами по торговлѣ знаемъ, наилучшій товаръ перваго сорта выберемъ, только мѣстность неизвѣстная, гдѣ купить не знаемъ-сь.

— Вотъ Максимовъ и скажетъ.

— Слушаемъ-сь.

Утхалъ и Петръ Федорычъ; остался Митя одинъ; попишетъ, попишетъ да на крыльцк выбѣжить, а изъ дому ни шагу; хуже лѣсу Москва для новаго человѣка, того и гляди, что въ этихъ кривыхъ и темныхъ переулкахъ лѣшій обойдетъ, заблудившись, да въ такую трущобу попадешь, что и цѣль не выдешь.

Остался одинъ Митя: Дарью считать нечего, здоровая баба и больше ничего, хоть и столичная жительница, а какъ есть крестьянская баба и сарафаны-то все носить китайчатые синіе.

Скучно Митѣ, писать надоѣло, ночь вьюжная, темная, шагасть одинъ по комнатѣ, мечтасть, какъ бы было хорошо лавку открыть—да Юлію въ жены взять, имя-то онъ ее узналъ.

А къ Дарьѣ зайдетъ дворникъ да и бесѣдуетъ до ночи, она чулокъ вяжетъ, а онъ обопрется локтями о колѣно, да и сосетъ носогрейку.

— Такъ какъ же оно выходить-то?

— А какъ выходить-то, мой-то знать у него подъ началомъ былъ.

— А онъ-то?

— Онъ то? управитель, богачъ должно быть, всѣмъ имѣнемъ, слышь, ворочасть; и! Сергѣичъ; вѣдь тотъ-же баринъ...

— Не слышно зачѣмъ въ Питеръ-то?

— Слышь, дѣсь сводить, деньги везетъ.

— Ну, а на щотъ тово, парня-то этово?

— Парня-то ничего... въ кабалу должно быть.

— А онъ стало сынъ и есть?

— Не разберешь ихъ, должно статься, что и сынъ какой; все Митя, да Митя... и денегъ сколько выдалъ.

— Какъ же сына да въ кабалу? брешешь ты?

— Ну, къ мѣсту што-ли? все едино.

— А больше ничево?

— Какъ есть ничево.

— Ги!.. какое дѣло...

— Дарья Матвѣевна? крикнулъ входя господинъ съ длинными волосами, такъ что она вздрогнула.

— Эхъ-те прорвало, что надоть? горло-то дерешь.

— Хотимъ яшницу выпустить, дай сковородку, прпрнесу назадъ.

— Ишь ты, хозяйская.

— Разобью што-ли? новую куплю!

— Живутъ тоже—сковородки нѣтъ, по людямъ побираются.

— Да ты дай сперва, а послѣ рассуждай, кто-жь это у васъ тамъ ходить-то?

— Кому ходить, не домовою; гость ходить.

— Онъ одинъ! и не дожидаясь отвѣта онъ вошелъ къ Митѣ.

— Извините! слышу вы одни, вѣрно скучаете, дай, думаю, зайду, все виѣстъ веселѣе. Честь имѣю: Александръ Карлычъ Шрамъ, бывшій студентъ, а теперь по волюности дворянства—не у дѣлъ, жуирую, кучу... надо перебѣзвиться, а послѣ и за дѣло.

Слово студентъ напомнило Митѣ Ворожейкина; онъ думалъ, что всѣ студенты такіе же; усадилъ гостя и трубку предложилъ.

— Вы-съ Ворожейкина студента тоже знаете?

— Какъ же, какъ же, знаю, педантъ страшный, выскочка, а ничего, малый добрый, да кудажъ, жизни не понималъ, товарищества не было, мы его затворникомъ звали; посудите сами, можно-ли въ молодости силы убивать и не насладиться жизнью.

— Это сораваедливо! вздохнувши отвѣчалъ Митя.

— А сами-то вы? все въ заперти! послушай, душа, я вижу, малый ты славный, а сидишь на пррвнннн, значить жизни не испыталъ.

— Оно конечно, гдѣ-жь я я могъ испытать, сначала у хозяина жилъ, потомъ въ деревнѣ, только кой-какія книжки читали.

— Что книжки, чешуха, врутъ книжки чего и не бываетъ,

надо самому испытать, окунуться такъ сказать въ жизнь, эдакъ, чтобъ трепетанье было... а точно Митя, ты позволишь тебя просто Митей звать, ты мнѣ очень нравишься!

Окунуться въ жизнь! да Митя этого и добивался, только не зналъ, какъ и гдѣ, не зналъ и того, что можно окунувшись попасть въ омутъ.

— Знаешь, Митя, что, продолжалъ Шрапъ, что одному-то кинуть, я тебя познакомлю съ премиленькими, страхъ всеело, вмѣстѣ въ театръ или маскарадъ поѣдемъ.

— Какъ же это ѣхать-то, я не знаю, не бывали никогда, не рассердились-бы?

— Ха, ха, ха, вотъ малодушіе-то, да кто узнаеть? да и што ты, спеленуть што-ли? Дарья кашкой съ вальца кормить? ха, ха, ха.

— Нѣтъ, да все же...

— Очень просто, одѣнься и пойдешь; Юлію увидишь, дѣвка славная (онъ подмигнулъ). Слушай, я тебѣ все удовольствіе доставлю, и выпьемъ и на бильярдѣ съиграемъ.

— Я не пью-съ, самодовольно отвѣчалъ Митя.

— Ну, и не пей, такъ можно! рѣшайся, пойдешь, мы хотимъ сами яишницу заправить... ради забавы.

— Да все...

— Глупо, братецъ, мальчишка что-ли ты?

— Да нѣтъ я на щоть тово.

— Чево! видно ты не пробовалъ подъ бархатными взглядами красавиць, эдакъ въ ресторани, распить бутылочку шампанскаго или въ театрѣ? я тебѣ скажу, все чувства упоены, просто высшее наслажденье, вотъ поэзія, вотъ жизнь, да ты любилъ ли когда, или лучше: тебя любил-ли какая?

— Нѣтъ-съ, гдѣ же? по той причинѣ, мы люди маленькіе, больше въ лавкѣ, гдѣ же съ барышнями знаться.

— А я тебя познакомлю, ты просто ребенокъ, душа моя, покажи, вырѣзались-ли зубы то! ха, ха, ха! эдакой молодець, нѣтъ! рѣшено, я берусь тебя воспитать; я, братъ, по этой части ходокъ... знаешь што? выпьемъ-ка брудершафтъ?

— Что это такое?

— И этого не знаешь? о наивность, запьемъ вѣчную дружбу. давай бутылку шампанскаго.

— У насъ нѣтъ; развѣ послать, только оно дорого.

— За дружбу восемь рублей дорого? ха, ха, ха полно смѣ

шно, ну, хорошо, я куплю... это ни на что не похоже... гдѣ-жъ бумажникъ? эхъ-ма, дома забылъ...

— Да оно, пожалуй, я пошлю-съ.

— Нѣтъ, знаешь, лучше мы тамъ, у тетеньки; Комнати, хозяйка, мнѣ тетка, торжественнѣе знаешь, публично... и Юлія тамъ... идемъ.

И пошелъ Митя съ выгнатымъ студентомъ рука объ руку, въ гости къ сосѣдкамъ; и представилъ его студентъ трагикомически, барышни фыркали, одна Юлія заступилась за него.

И выпилъ Митя брудершафтъ, выпилъ и за здоровье Юліи и такое было въ немъ уопительное, новое чувство, особенно, когда его подбили нанять извозчиковъ и ѣхать въ маскарадъ, посадили съ нимъ Юлію, такое было чувство сладкое, обаятельное, что Митя все забылъ, только бы жить съ Юліей.

Да и Шрамъ опомнится не давалъ, такой изобрѣтательный; ничего не видитъ, не понимаетъ Митя, сорить деньги, только чтобъ потѣшить, угодить Юлію, да ручку поцѣловать и только, она ужъ разъ проѣхала ему пѣсенку: «Ахъ, какъ глупъ Петруша мой, и проч. И того не понялъ, плавать въ чаду и счастливъ, дни идутъ за днями, а съ ними утекаютъ и деньги! Если зайдетъ днемъ домой и то не на долго, если и почуветъ дома, развѣ подъ руки приведетъ его Шрамъ и уложить, а утромъ ждетъ какъ проснется, чтобъ не дать очнуться, опомниться! А Митя и не чувствуетъ, что за вертѣлся въ водоворотъ грязной жизни; что и вырваться нельзя, все за ней, за Юліей! Вотъ оно наслажденіе страсти, этого-ли хотѣлось ему?

Кухарка чулокъ вяжетъ, а дворникъ развалился на лавкѣ назничъ, руки подъ голову, заснулъ...

— Твово-то нѣту, што-ли?

— Нѣту-ти!

— Ишь рыскаетъ! поди ты, сначала какъ глаза-то отвесть, какимъ тихенькимъ прикинулся.

— А выходить тово, гуляка! гмъ!

— Его все сманиваетъ этотъ длинногривый-то прощальыга... а то гдѣ ему, простъ больно!

— Нда, загулялъ...

— А выходить ты баба дура.

— Давно изъ дурь-то вышла, а што?

— А не выпла. У хозяина кто въ отвѣтъ-то — не ты, што-ль?

— Кто-жь, какъ не я.

— Такъ зачѣмъ ты долгогриваго-то пуцаешь въ комнаты?

— Какъ же пуцать-то? изъ-за-чего?

— А вотъ изъ-за-чего, жуликъ онъ, беспаспортный, бродяга, вотъ какъ стащить что, или подведеть, обокрадетъ, ты и хлопай глазами-то.

— Да что-жь я подбляю, кажись я ужъ ни яды изъ котломъ-то.

— А ты смотрила, что они тамъ въ комнатахъ чудесять?

— Да ничего, съ нимъ Митка, чтожь?

— Вотъ она и штука, Митка пьяный нечего не увидить, а тотъ, пожалуй, и шпрворить.

— Что ужъ ты, Сергѣичъ, ужъ и рѣлится на чужое посягнуть.

— Да посмотреть чужое, и твоей-то молодець что-то много денегъ сорить; послалъ онъ меня, ономясь, хруктовъ на десять рублей купить, пять рублей на водку выкинулъ, своихъ-то, чай, денегъ откуда взять.

— Такъ чьи же?

— Чужихъ не жалко...

— И, Сергѣичъ, не такой варень!

— Ну, тебѣ говорятъ, смотри въ оба, а тамъ какъ знаешь, придется я же тебя въ полицію отведу.

— Знаешь, и то поглядимъ тамъ, цѣло ли все, кумъ, одной-то боязно, напужалъ ты меня...

— Отчего же, пожалуй, поглядимъ.

Взошли она, подошла къ шкапу, будто запертъ, ткнула: дверка и распахнулась; не успѣла свѣчка освѣтить шкапъ, какъ Дарья ахнула и шандаль выпалъ изъ рукъ.

— Батюшки свѣты, гдѣ-жь это все серебро-то?

Къ разсвѣту воротился Митя.

Дарья взошла за нимъ.

— Дарьюшка! какъ я счастливъ, она меня любитъ, она моя! и какъ она меня любитъ, да ты не понимаешь, ты простая женщина, просто блаженство, это цѣлая жизнь... умирать не надо... а! какъ я счастливъ... кажется, силъ не хватить на это счастье; Дарьюшка, дай я тебя поцѣлую!

И онъ бросился обвинять Дарью.

— Экъ, пострѣлъ какой, отважись.

Митя прыгаль по комнатѣ и хлопаль въ ладоши.

— А вотъ што, баринъ.

— Ну, что, ну, что, голубушка, Дарьюшка, я такъ счастливъ.

— Экой безобразной какой, не души... а вотъ что скажи...

— Ну, ну говори... что?

— Гдѣ серебро?

— Какое серебро?

— А што въ шкапу было, замокъ-то сломанъ.

У Мити опустились руки, мечта о счастьи отлетѣла; холодъ пробѣжалъ по спинѣ, онъ пошелъ, посмотрѣлъ въ шкапъ, ударилъ себя по лбу.

— Я и забылъ!

— Петръ Федорычъ пріѣдетъ, хватится.

— Ну, что-жь оно у меня спрятано...

— Баринъ, а баринъ!

— Ну, что? съ сердцемъ крикнулъ Митя.

— Гдѣ же серебро-то хозяйское? скажутъ, я украла.

Митя молча ходилъ по комнатѣ, онъ не могъ собрать мыслей, дворникъ высунулся изъ-за дверей.

Рубанка стала мокра у Мити, на лицѣ показались крупныя капли поту.

Дворникъ подвинулся впередъ.

— Вы того-съ, баринъ, началъ онъ, серебро-то на мѣсто поставьте, а то не хорошо будетъ.

— Разумѣется, я знаю... оно цѣло... оно у одного господина, какъ бишь его? да, Шрамъ знаетъ.

— Ну, это дѣло плоховато, баринъ, коли только Шрамъ знаетъ... развѣ можно чужое добро отдавать кому, да замки ломать... все единственно... покража.

— Кража! повторилъ Митя, и у него волосы стали дыбомъ, хвѣлъ слетѣлъ, сердце оледенѣло.

— А то что-жь? честное дѣло штоль, ужъ гдѣ чай найти, коли забельшили.

— Нѣтъ, нѣтъ цѣло... я выкуплю!

— Такъ ужъ не зѣвайте, а то Петръ Федорычъ нагрянеть... да что баринъ ты, али не баринъ, а ты мое слово выслушай: съ простоты што-ли съ какою шевелью ты связался-то? вѣдь

этотъ Сашка въ острогѣ сидѣлъ, жуликъ, и теперь за судомъ, а эти всѣ мамзельки-то, тѣфу, грошевыя, а ты ихъ по кіатранъ возишь, да нельсинами кормишь... вѣдь што онѣ...

— Что?...

— Да вѣдь што!... видно славно окрутили, облапошили, свое-то куда не шло, а чужое серебро—то обрати, худо будетъ, а то и Дарья въ отвѣтъ, простота ты, деревенская, не знаешь, штоль.

И дворникъ объяснилъ Митѣ, чего онъ не понималъ. Митя съ неба упалъ на стулъ.

— Вся цѣна-то имъ полтинникъ, ты ужъ только серебро-то. серебро... твердилъ дворникъ, покачивая головой.

Дарья всю ночь не спала, ахала и плакала.

Дворникъ давно ушелъ, а Митѣ все слышится кража, серебро, обманъ, нечестно... шатаясь, ужъ не отъ жилю, пошелъ онъ въ кабинетъ, тамъ все въ беспорядкѣ; безсознательно отворилъ онъ шкафъ, потрогалъ замокъ, обшарилъ полки, нечего шарить-то—пусто.

Онъ только смутно помнилъ о залогѣ или продажѣ серебра, а когда, какъ, гдѣ—не помнилъ.

— Надо выкупить! онъ вынулъ свой бумажникъ, всего одна синенькая, отперъ ящикъ, гдѣ лежали деньги Перевалова, одна не подписанная росписка, а денегъ вотчина, что далъ на покупки, тоже нѣтъ! улетѣли!

Онъ простоналъ и упалъ въ кресло.

— Одна надежда, Саша выручить! а то... такъ просидѣлъ всю ночь; ну, а если Шрамъ не выручить? какъ же быть-то? вѣдь деньги чужія и серебро... чужое... дворникъ правду говорить... тоже кража! я укралъ, я воръ! повторялъ онъ, а передъ глазами, какъ русалка, плаваетъ Юлія, съ своими жгучими поцѣлуями, бархатными ласками, только что-то насмѣшливое, злое... въ лицѣ ея... Шрамъ крѣпко держитъ за плечи, глаза сверкають, когти впилнсь въ грудь, хохочетъ, душитъ его, очнется Митя, отмахнется, а отбиться отъ мыслей не можетъ: сбродъ какой-то въ голову лѣзетъ, не могутъ выясниться мысли, все кто-то твердитъ: украсть, воръ! на силу онъ свѣту дождался.

Страшная ночь, не дай Богъ такой ночи; предвкусіе ада, мученье совѣсти!

Утромъ вошелъ къ нему по обычаю Шрамъ, поглядѣлъ на Митю и свиснулъ себѣ подъ носъ.

Дарья пришла съ вѣшникомъ убирать.

— Ты ужь всталъ?

— Я и не ложился.

— Что такое?

— Шрамъ! мы гдѣ серебро-то заложили? кому?... сколько взяли?

— Я что-то не помню, ты вѣдь возилъ.

— Нельзя-же, Петръ Федорычъ прїѣдетъ, спросить.

— А развѣ это не твое серебро было?

— Точно ты не зналъ...

— Какъ же ты это чужое, эхъ, братъ, ужь это не хорошо...

— Надо выкупить.

— Разумѣется, надо; и онъ заложилъ руки въ карманы и поглядывалъ по верхамъ.

— Да у меня денегъ нѣтъ, я и то чужихъ понстратилъ...

— Гм. глупо! какъ же чужія деньги... скверно.

— Ты же... все.

— А я что? и онъ захохоталъ.

— Ты пойми, коли другъ, вѣдь я погибъ, достань денегъ, ради Бога спаси...

— Ребенокъ, ха, ха, ха!

— Такъ какъ же, не дашь?

— Откуда я возьму,

— Вѣдь это совѣстно, образумься, ты же, она же...

— Ты, братъ, не просиался; видно не въ мѣру хватилъ, до чертиковъ, прощай! и онъ, посвистывая, проворно вышелъ; Митя схватилъ себя за волосы.

— Я погибъ!

Подступила Дарья.

— Штожь это будетъ-то, я-то безиричинно за что погибну, за што я-то въ воровки попаду.

— Не бойся, Дарья! грустно проговорилъ Митя, не будешь въ отвѣтъ! судьба знать такая, я *отъ любви родился, для любви жилъ, отъ любви и умру.*

— Што-такое не ладно говоришь-то, баринъ! ты серебро-то положи на мѣсто, а то меня-то притянуть, а развѣ я украла?

— Не ты! нѣтъ, ты не будешь отвѣчать.

— Да какъ не буду! Петръ Федорычъ со свѣту сживетъ...

въ часть отдасть, въ острогѣ за васъ насидишься, шшь радость, большая воровкой прослыть.

— Кого въ часть? въ острогѣ... кого?

— Вѣстимо кого, кто укралъ.

— Да не украдено, я выкуплю, не бойся, ступай.

— Хоть ужь меня-то выгороди, батюшка.

— Выгорожу, клянусь тебѣ, не бойся!

И онъ заперся въ кабинетѣ.

— Промоталъ чужое! да вѣдь меня обворовали, а кто этому повѣрить?... а этотъ Сашка, эта Юлька, востоналъ онъ, все изъ-за денегъ! все обманъ: и дружба, и любовь ихъ, да такъ, такъ! поздно! какъ теперь глаза показать, вотчимъ не простить, просто расшибеть, мать проклянетъ... скажутъ: подлецъ, воръ, негодяй, не сынъ... А узнаетъ Окладновъ! о стыдъ какой, а Цветочкинъ? онъ въ часть, въ сибирку, въ острогѣ, а тамъ пол-головы обрѣютъ, въ цѣпяхъ поведутъ по улицамъ съ разбойниками, съ убійцами объ руку... а можетъ отчистъ и выкупить? хоть и выкупить, что изъ этого? позоръ, вѣчный упрекъ, срамъ, этого не выкупить, силъ не хватитъ пережить это... воръ! ха, ха, ха, плети, Сибирь, что-ли? Нѣтъ, такъ нельзя.

Онъ схватилъ перо и началъ писать, скоро такъ скоро писалъ, а все не успѣвалъ за мыслями, мысли все забѣгали впередъ и что онъ писалъ!

Всю свою жизнь, свѣтлую жизнь, простую жизнь у Окладновыхъ и послѣднюю драму въ лицахъ, всѣ дѣйствующіе названы ихъ именами.

Что не сцена, то обманъ, то подлость!

Тутъ описано, какъ Сашка Шрамъ, бездушный, хитрый обманщикъ выманиваетъ деньги, вовлекаетъ въ траты его, простодушнаго!

Какъ и Юлія... сладострастьемъ любви станитъ вѣдь собой на колѣни и опутываетъ его розовыми цвѣтами.

Какъ и тетенька и кузины умасливали его позабавить ихъ ради Юліи.

И какъ не хватило денегъ, какъ Сашка уговаривалъ отвезти къ ростовщичку заложить серебро, обольщая блаженствомъ, увѣряя, что онъ отыграетъ все на билъярдѣ, а онъ все былъ не въ ударѣ, просто продавалъ его.

И ничего-то Митя не видитъ, утопаетъ въ незвѣданномъ прежде блаженствѣ любви, подъ гудомъ маскарада, подъ обая-

тельную музыку балета, видитъ Юлію, фею сильфидой, а въшла злая русалка, защекокала его съ хохотомъ.

Туманъ навели на меня, пишеть онъ.

А какъ я очнулся! тутъ у него не достало выраженій, перо остановилось.

Онъ одаурачень, обворованъ, осрамленъ, онъ воръ; арестантъ, преступникъ... идетъ въ Сибирь... Юдія его провожаетъ... мать...

Нѣтъ, не такъ, это вздоръ, никто его не проводитъ, всѣ отступятся, погябъ человекъ.

Митя вышелъ къ Дарьѣ и подалъ послѣднюю синюю бумажку.

— Голубушка, зѣтъ захотѣлось, сходи, куди мнѣ мкры получше въ Охотномъ ряду, да калачъ, да водки возьми... голова трещить.

— А серебро-то какъ жѣ? вѣдь того гляди Петръ Федорычъ какъ снѣтъ на голову, что будетъ-то?

— Ничего не будетъ, не бойся... выкуплю...

Дарья покачала головой и побѣжала, а мимоходомъ шепнула дворнику: голубчикъ, Сергѣичъ, припри дверь-то. Это было лишнее, Митя самъ ее изнутри заперъ.

«Матушка, писалъ онъ опять, ты меня убила, ты не поняла моего назначенія, ты испортила мою жизнь, а добра желала твоему сыну. Я оскорбилъ тебя, я обезчестилъ себя, я былъ въ увлеченіи, я не понималъ, что дѣлаю, я истратилъ чужія деньги, продалъ чужое серебро! опомнился поздно, нѣтъ возврата мнѣ, о! зачѣмъ ты вырвала меня изъ моей жизни. Меня, неопытнаго сидяльца, бросила въ другой кругъ! нѣтъ, нѣтъ, не упрекаю, не обвиняю никого, самъ причиной! Прости меня!..»

Быстро написалъ онъ Христофорову и Цвѣточкину, описалъ все какъ было; оправдалъ, выкупилъ Дарью, всѣ письма положилъ на столѣ, на виду.

На стѣнѣ висѣло ружье, пороховница, въ оба ствола онъ засыпалъ пороху, нашель кусочки свинцу, спустилъ, попалась дробь, всыпалъ дробь, сжевалъ пуговицу зубами и туда же забилъ.

Ружье длинно, собачку не достанешь! онъ привязалъ ружье къ тяжелому стволу; свилъ фитиль, приладилъ его къ затравкамъ и зажегъ.

А самъ оперся на дуло грудью и сѣлъ писать.

Фитиль горить, а онъ пишеть.

«Позоръ не перенести; безъ чести нѣтъ жизни! что теперь впереди? все переживется. да не терзанья совѣсти! я воръ! чести нѣтъ, жизни нѣтъ! какъ все это случилось, я не понимаю, а я воръ!

Фитиль горитъ, а онъ пишетъ:

«Адскія «уріи! лживый другъ Сашка, русалка Юлія, всѣ адскіе духи, чтожь вы не хохочете? что вы не радуетесь? разорвите грудь мою, тащите скорѣй въ адъ! Адъ радуйся... я воръ, я самоубійца!.. душа иди въ адъ!

«Матушка, я оскорбилъ тебя! Наумовна молись, молитесь всѣ; нѣтъ! не замолите, я достоянье ада!»

А фитиль догораетъ, Дарья бѣжитъ по улицѣ съ калачомъ и якрой...

«О! какія мученія, какія страданія, мозгъ горитъ, сердце ждалось, рвется на части. Шрамъ, Юлія! вы мои убійцы, проклинаю васъ, да падетъ на васъ моя кр...»

Перо скрипнуло, фитиль догорѣлъ, дрогнулъ старый домикъ, зазвенѣли стекла.

Одинъ зарядъ остался въ груди, другой ударилъ въ окно!

Остановились въ недоумѣнія прохожіе, встрепенулись и ахнули въ квартирѣ Комнати. дворникъ бросился въ дверь—заперта, бросился къ окну... взглянулъ и побѣжалъ за полиціей.

На дворъ вѣзжалъ Андрей Осипычъ!

Предсмертная исповѣдь въ рукахъ полиціи, трупъ въ анатомическомъ театрѣ.

Серебро отыскано, Шрамъ убѣжалъ, Юлія, Комнати, ея племянники всѣ разосланы въ дальніе города.

Да что же изъ этого—Митя самоубійца!...

СЛУЖЕБНЫЯ СТОЛКНОВЕНІЯ

И

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

(Разсказъ уѣзднаго стряпчаго.)

ОТЪ АВТОРА.

Живя нѣсколько времени въ провинціи, я познакомился съ уѣзднымъ стряпчимъ. Это былъ человекъ, хорошо знающій юридическую практику, и мнѣ, какъ изучавшему право, было очень полезно его знакомство. Онъ разсказывалъ мнѣ исторію своей службы и передалъ много случаевъ изъ судебной практики; въ однихъ онъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ, и другіе зналъ хорошо, какъ уроженецъ тамошняго края. Разсказы его такъ заинтересовали меня, что я рѣшился ихъ напечатать.

Мнѣ было 24 года, когда я опредѣлился въ уѣздные стряпчіе маленькаго городка Г—ва, находящагося въ одной изъ отдаленныхъ губерній сѣверо-восточнаго края Россіи. Въ этомъ городѣ я родился и поѣхалъ туда на службу по совѣту врачей, чтобы поправить мое разстроенное здоровье, и оно было такъ уже плохо, что нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ подозрѣвали во мнѣ чахотку. Я постоянно кашлялъ и не могъ подниматься на высокую лѣстницу, чтобы не отдохнуть на каждой площадкѣ. Трудящеская жизнь въ Петербургѣ и милый петербургскій климатъ иссушили меня до такой степени, что я походилъ на мумію, а голосъ мой сталъ дребезжать, какъ надорванная струна. Свѣжій, хотя и суровый климатъ моей родины, да охота, которую люблю я страстно, скоро поправили мое здоровье. Я

пересталъ кашлять и задыхаться, не сталъ чувствовать боли въ груди и года въ два поправился совершенно.

Городъ Г—въ расположенъ на лѣвомъ берегу небольшой, но и не очень маленькой рѣки Ч—цы, славящейся вкусомъ своей рыбы и здоровыми свойствами воды. Во время существовавшей почти повсемѣстно холеры, нѣкоторые именно только этия свойствамъ приписывали, что въ Г—вѣ было только два холерныхъ случая, да и то послѣдовавшіе отъ собственной неосторожности заболѣвшихъ, между тѣмъ какъ въ 4-хъ только верстахъ отъ города, въ селеніи, состоящемъ не больше какъ изъ 100 душъ, недѣли въ три, умерло болѣе тридцати человѣкъ.

Несмотря на ровную и хорошую мѣстность городъ Г—въ расположенъ очень дурно. Всѣ улицы сходятся въ немъ радиусами къ главной площади и отъ этого всѣ угловые дома имѣютъ острые или тупые углы; а такъ-какъ въ Г—вѣ всѣ дома преимущественно деревянные, то во многихъ изъ нихъ внутреннее расположеніе комнатъ кажется довольно страннымъ. Говорятъ, что такому плану городъ обязады скуности первобытныхъ обитателей. Землеѣръ, пріѣхавшій планировать городъ (Г—въ сдѣлался городомъ съ 1789 года), просилъ съ гражданъ за то, чтобы составить хорошій планъ—сначала 25 рублей, потомъ, когда они ему въ томъ отказали, фунтъ чаю и наконецъ штофъ водки, но, не получивъ даже и этого нектара, сказалъ:

— Ну, такъ хорошо же, я составлю этимъ скаредамъ такой планъ, какой будетъ памятецъ всему ихъ потомству.

И въ самомъ дѣлѣ, всякій, кому только приходится строить новый домъ, да въ особенности на углу, посылаетъ проклятіе и составителю плана и первымъ гражданамъ Г—ва. Я самъ слышалъ также проклятіе. Идешь, бывало, по улицѣ да видишь, что воздвигается новое жилище, не утерпишь, чтобъ не подойти къ хозяину и не спросить:

— Что, батюшка, новый домикъ строите?

— Да, ваше благородіе, отвѣчаетъ онъ со вздохомъ, начали, да съ планомъ-то не можемъ сообразить. Вишь, какая выходитъ фигура—тутъ онъ показываетъ на планъ; ни единой горенки нѣтъ прямой: здѣсь вотъ передній уголъ кляномъ сходителъ, а тамъ тупеемъ какимъ-то выходитъ... Тьфу! Жили же, подумаешь, люди, штофъ водки пожалѣли землеѣру; дерсу-то этого, прости меня Господи. Да припосъ бы ему, окоянному, цѣлое ведро: на, молъ, голубчикъ, хлѣбай на здоровье! Видь

и вино-то было тогда дешевое, не то что теперь. Нынче вонъ баню вздумаешь поставить, такъ и тутъ нужно оттащить городничему голову сахару. Эдакой былъ народъ; не даромъ видно и слава-то о немъ идетъ, что разбоями занимался.

Въ самомъ дѣлѣ, о первыхъ обитателяхъ города сохранилось очень дурная слава. Объ одномъ изъ вѣржнихъ купцовъ разсказывали, что онъ разбогатѣлъ отъ разбоевъ, а о другомъ, что онъ задушилъ заводчика, у котораго былъ приказчикомъ, да и прибралъ его деньги къ своимъ рукамъ, а чтобъ скрыть слѣды своего преступленія, зажегъ домъ, въ которомъ этотъ заводчикъ оставился. По слѣдствію выведено было, что заводчикъ сгорѣлъ, между тѣмъ какъ до сихъ еще поръ носятъ слухи, что трупъ его спущенъ былъ въ заводскій прудъ, а вмѣсто трупы несчастной жертвы схоронены обгорѣлыя кости собаки. Приказчикъ былъ изъ бѣдныхъ туземныхъ крестьянъ, но вскорѣ же послѣ катастрофы сдѣлался богачемъ и записался въ г—ое кувечество. Нажитое имъ такъ богатство не пошло однакоже впрокъ: когда домъ этого купца сталъ приходиться въ упадокъ, г—вцы стали говорить:

— Это курочкины перья разлетаются. Коршунъ заклевалъ ее, а изъ перьевъ свилъ себѣ гнѣздо, да вѣтеръ развѣялъ его.

О г—мъ уѣздѣ тоже носились страшные разсказы. Не дальше какъ лѣтъ 50 назадъ, путники, доѣхавшіе до города (черезъ городъ проходитъ трактъ) благополучно, съ той или другой стороны, служили благодарственные молебны, что Богъ сохранилъ ихъ въ пути. Жители уѣзда, преимущественно инородцы, нападали на проѣзжающихъ шайками; въ нѣкоторыя селенія опасно было заѣзжать на ночлегъ. Больше всего погибали торговцы, московскіе и ярославскіе, привозившіе свои товары въ этотъ отдаленный край, съ надеждою получить большіе барыни. Нѣкоторые изъ нихъ и дѣйствительно обогащались, сбывая товаръ по баснословной цѣнѣ. Въ тогдашнее время во всей губерніи было очень мало купцовъ, производившихъ торгъ мануфактурными и мелочными товарами, и для отважныхъ промышленниковъ было выгодно здѣсь торговать. За то многіе изъ нихъ поплатились жизнію за свою отвагу. Такъ, въ 1820-хъ годахъ исчезли двое торговцевъ; но товарищи, уговорившіеся съѣхаться съ ними въ Г—вѣ, къ извѣстному сроку, ихъ здѣсь не нашли, и такъ какъ имъ положительно было извѣстно, что они пріѣхали въ этотъ городъ, то стали ихъ розыскивать. Исправни-

комъ въ то время былъ человекъ добросовѣстный и сильно заботился о прекращеніи разбоевъ. По розыскамъ его открылось, что слѣды двухъ потерявшихся торговцевъ исчезли въ одномъ селеніи, о которомъ давно уже носились очень дурные слухи. Онъ принялъ всѣ мѣры къ открытію преступленія, но вѣрно бы не открылъ ничего, еслибъ довольно странный случай не обнаружилъ страшнаго злодѣйства.

Въ то время не было еще принято составлять временныя отдѣленія, и въ селеніе, гдѣ пропали слѣды торговцевъ, выѣхалъ весь судъ. Судъ стоялъ здѣсь уже болѣе мѣсяца, но не могъ открыть ничего. Были одни только подозрѣнія и улики, но не подкрѣпленные фактами. А между тѣмъ какъ производились розыски и распросы, одинъ изъ приказныхъ суда приволокнулся за молодой дѣвушкой, инородкой. Приказный владѣлъ хорошо туземнымъ языкомъ и вскорѣ волокитство его увѣчалось полнымъ успѣхомъ. Но такъ, какъ кромѣ чувственнаго побужденія, у него не было къ дѣвушкѣ особенной привязанности, то онъ составилъ себѣ цѣль: нельзя-ли чрезъ дѣвушку открыть преступленіе. Онъ усилилъ свои нѣжности, а какъ женщины всегда бываютъ болтливы, въ особенности съ тѣмъ мужчиной, который имъ болѣе нравится, то приказный достигъ и послѣдней своей цѣли. Въ одну ночь дѣвушка открыла ему тайну.

Въ одномъ полѣ, засѣянномъ овсомъ, подъ растущею нивою, отрытъ былъ погребъ, съ деревяннымъ обрубомъ, въ погребѣ найдено болѣе десяти негнившихъ еще труповъ и много человѣческихъ костей. Это была общая могила всѣхъ погибшихъ жертвъ. Послѣ открылось, что вся деревня участвовала въ злодѣйствахъ и полученная чрезъ злодѣйства добыча дѣлилась поровну; тотъ только домъ, въ которомъ совершилось злодѣйство, получалъ большую часть. Конечно, безъ дѣвушки открыть погребъ было бы невозможно, и кто знаетъ, сколько бы еще впоследствии погибло жертвъ; но открытіе злодѣйства и страхъ послѣдовавшаго за нимъ наказанія сильно подѣйствовалъ на туземцевъ. Убійство и грабежъ, хотя и не прекратились совершенно, но все-таки ихъ стало гораздо меньше. Все селеніе, за исключеніемъ только стариковъ и малолѣтнихъ дѣтей, выслано было въ Сибирь. Наказаніе происходило три дня: болѣе сорока человекъ наказано кнутомъ.

Въ блаженное старое время г-скій уѣздъ славился, какъ Эльдорадо для наживы чиновниковъ; бывали примѣры, что зем-

скіе исправники, прослуживъ здѣсь пять-шесть лѣтъ, увозили тысячь по сту, правда по ассигнаціонному курсу, но въ прежнее время и ассигнаціонный рубль, по дешевизнѣ всѣхъ жизненныхъ припасовъ, былъ гораздо дороже нынѣшняго. Я помню самъ, какъ пара рябчиковъ продавалась въ Г-вѣ по три коп. сереб., а теперь въ иные годы они продаются и по тридцати коп. за пару. Пудъ говядины стоилъ тридцать коп., а большой индюкъ пятнадцать коп., поросенокъ пять и десять коп.

Злоупотребленія чиновниковъ, и въ особенности частные поборы по губерніи, обратили наконецъ на себя вниманіе правительства. Была назначена строгая ревизія, до сихъ поръ еще памятная старымъ чиновникамъ; но, къ несчастію, какъ случается это и всегда, строгость наказанія обрушилась только на мелкихъ воришекъ; крупные вышли изъ воды чуть не сухими. Но и это не исправило губерніи; зло такъ глубоко въѣлось въ ея почву и такъ заразило климатъ чиновной сферы, что послѣ, съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, здѣсь стали наживаться окружные начальники, да волостные писаря. Многіе изъ писарей, поступившіе въ эту должность изъ бѣднѣйшихъ крестьянъ, такъ нажились и разбогатѣли, что капиталы свои начали считать десятками тысячь. Иные изъ нихъ вышли въ купцы, а иные предпочли остаться скромными писарями и обирать міръ, можетъ быть на основаніи пословицы: *«съ міру по ниткѣ — голому рубашка»*, съ тою только разницею, что эти голяки одѣлись и разжирѣли, а большая часть мірянъ сдѣлалась голою. Несправедливость, встрѣчаемая крестьянами на каждомъ почти шагу, испортила и ихъ. Видя мерзости и плутни начальства, они и сами стали плутовать и обманывать. Это повсемѣстное плутовство породило множество жалобъ, число которыхъ въ одинъ только годъ возросло иногда до 50 тысячь. Дѣла копились, копились и обратились наконецъ въ страшный омутъ, изъ котораго, конечно, имъ трудно и выплывать. Но зато усилился трудъ пишущей братіи, да увеличился расходъ на бумагу и чернила. А была-ли отъ этого какая-нибудь польза?.. Какже; для тѣхъ, кто умѣлъ пользоваться временемъ и случаемъ была и польза, и еще какая! Напримѣръ, одинъ изъ окружныхъ начальниковъ, въ короткое время своей полечительности о благосостояніи крестьянъ, такъ улучшилъ свое собственное благосостояніе, что купилъ очень хорошее имѣніе, да и

зажилъ себѣ привѣваючи, а прежде былъ совершенно бѣдень. Другой изъ такихъ же бѣдняковъ, по гласу Божию, или иначе по слухамъ народа, положилъ въ кредитныя установленія до 100,000 руб., а полъ уѣзда почти обратилъ въ нищенство, да вопиалъ еще гласомъ велиемъ, что его несправедливо выгнали изъ службы. Третій изъ помощниковъ, исправляющій должность окружнаго начальника только временно, нажилъ тысячъ до тридцати. Онъ пустилъ въ ходъ свою собственную систему, и зная, какъ наживаются писаря, сталъ мѣнить ихъ безпрестанно, получая за опредѣленіе отъ 50 до 100 руб. Такъ, въ одинъ годъ онъ переимѣнилъ до 20 волостныхъ (эти платили дороже) и до 100 сельскихъ писарей. Были даже такіе примѣры, что иной писарь, не принявшій еще дѣлъ отъ своего предѣстника, былъ ужъ замѣняемъ другимъ. Впрочемъ, часть опредѣленія и увольненія находилось въ завѣдываніи жены этого господина. А тутъ еще подоспѣли наборы, и жатва была въ полномъ смыслѣ обильная; жаль только что изъ рукъ ножающаго скоро вырвали серпъ. Хорошо было тогда и управляющему палатою. До сихъ поръ еще въ губерніи помнятъ его изысканныя обѣды, какими можно было бы удовлетворить и самого Лукулла, этого историческаго обжору. Лукуллъ палаты (названный однимъ шутникомъ акулою), изъ подраженія древнимъ сладкоѣдамъ, какъ тѣ откармливали муренъ, употреблялъ всевозможныя способы для откармливанія птицъ и телятъ. Напримѣръ; индѣекъ кормили у него грецкими орѣхами, а цыплятъ фишашками. Телятамъ-же давалась пища изъ молока съ бѣлымъ хлѣбомъ. И кто бы могъ думать, что гдѣ-то, въ отдаленномъ захолустѣ Россіи, могла существовать такая роскошь? а она существовала. И все, что я рассказываю теперь, не выдумки, а факты.

Въ этотъ-то благодатный и благословенный край пріѣхалъ я на службу. Странно какъ-то, послѣ столичной жизни, было мнѣ видѣть себя въ маленькомъ уѣздномъ городѣ и носить форму. Когда еще вѣзжалъ я въ губернской городъ, то мнѣ казалось, что я вѣзжаю въ могилу, гдѣ мнѣ суждено быть съѣдену червями. Правда, что черви и нападали на меня, но я пренебрегалъ ихъ нападеніями, да и теперь вспоминаю о нихъ какъ о мерзкихъ насѣкомыхъ, а все-таки было время, когда они безпокоили и раздражали меня.

Въ губернскомъ городѣ со мной не случилось однакожь ни-

какихъ особенныхъ приключеній, только губернаторъ, впрочемъ хорешій и честный человекъ, раскричался было на меня за мои длинные волосы, но мой отвѣтъ расположилъ его въ мою пользу, и до тѣхъ поръ, пока служилъ онъ въ губерніи, я пользовался и его расположеніемъ и полною довѣренностью, до тѣхъ поръ и черви не смѣли меня коснуться, но уѣхалъ онъ и обстоятельства измѣнились.

— Неужели, ваше пр-во, сказалъ я тогда губернатору—мои длинные волосы мѣшаютъ мнѣ служить честно? Повѣрьте, что гораздо лучше носить длинные волосы, нежели имѣть длинные руки.

— Да, это правда — отвѣчалъ губернаторъ, посмотрѣлъ на меня пристально, протянулъ мнѣ даже свою руку и пригласилъ къ себѣ обѣдать. Но я отказался отъ этой чести, какъ больной человекъ; я былъ очень утомленъ продолжительностью осеннего и дурного пути. Меня удивило только то, что, когда поѣхалъ я съ визитами къ прочимъ губернскимъ властямъ, нѣкоторые изъ нихъ уже знали исторію о волосахъ и спрашивали меня о ней. Всѣ эти власти обходились, однакъ, со мною важно и гордо; и чѣмъ ниже была власть, тѣмъ она больше надувалась, чтобы придать себѣ болѣе величія. Послѣ губернатора я лучше всего былъ принятъ у прокурора и у предсѣдателя уголовной палаты. Предсѣдатель былъ молодой человекъ, изъ правовѣдовъ, и зналъ хорошо дѣло. Но онъ не долго пробылъ въ губерніи и скоро уѣхалъ, получивъ высшее назначеніе.

Окончивъ служебные визиты—я сдѣлалъ ихъ впрочемъ не много—я заѣхалъ къ одному изъ старыхъ знакомыхъ моего отца. Старичокъ зналъ меня, когда еще учился я въ гимназій; онъ зналъ также исторію моей поѣздки въ Петербургъ и былъ очень удивленъ, увидѣвъ передъ собою худого и блѣднаго молодого человека.

— Никогда бы не узналъ васъ—говорилъ онъ, пожимая мои руки—чай какъ матушка-то ваша обрадуется, когда вы придете въ Г—въ? А умыкалъ же васъ Петербургъ. Охъ, вы, искатель приключеній! поѣхалъ на службу по золотопромышленности, а воротился убаднымъ стряпчимъ. Скажите, чѣмъ вы съ золотомъ-то кончили?

— Да тѣмъ и кончилъ—отвѣчалъ я—что остался безъ денегъ и вступилъ на службу. Довѣритель мой оборвался.

— Слышалъ, слышалъ: зажилъ ужъ очень широко. Ну, да

ничего, ищите теперь золота въ Г—вѣ. Въ окружны бы вамъ поступить, тамъ богатые бы розсыпи нашли, а страичимъ мѣсто ужъ не то, что было прежде; можно, впрочемъ, и тутъ что-нибудь сколотить. Главное—не ссорьтесь, да не пишите протестовъ и будете имѣть хлѣбъ, а иначе и на мѣстѣ долго не усидите.

— Неужели же—спросилъ я—вы совѣтуете мнѣ смотрѣть сквозъ пальцы и на злоупотребленія?

— Ну, какія тамъ злоупотребленія?... охъ вы, молодой человекъ! вольнодумствомъ заразились въ Петербургѣ; неужто вы думаете, что всѣ однимъ жалованьемъ живутъ? да покажите мнѣ такого святаго—такъ я ему свѣчку поставлю. Вотъ и отецъ вашъ былъ такой же чудакъ: нѣмые карманы набивали, а онъ о какой-то все чести трактовалъ, да и оставилъ васъ съ матушкой безъ ничего; а занималъ-то такія должности, гдѣ бы ай, ай, сколько можно было нажать. Смотрите, вы такъ не сдѣлайте.

Я улыбнулся.

— Что улыбаются — говорилъ старичокъ—неправду развѣ говорю? Но я надѣюсь, что вы будете умнѣе вашего отца и вывезете что-нибудь изъ Г—ва.

Старичокъ угадалъ. Оставивъ службу, я вывезъ изъ Г—ва долги, съ которыми и до сихъ поръ еще не могу сладить.

По прїѣздѣ моемъ въ Г—въ, я прежде всего послалъ бумаги всѣмъ мѣстамъ и лицамъ уѣзднаго управленія о вступленіи моемъ въ должность, потомъ объѣхалъ всѣ присутственныя мѣста и тогда ужъ началъ дѣлать визиты. Это нѣкоторымъ господамъ показалось довольно страннымъ и одна барыня, при первомъ же визитѣ, сдѣлала мнѣ замѣчаніе о моемъ незнаніи свѣтскихъ приличій.

На первыхъ же порахъ мы поссорились съ инвалиднымъ начальникомъ. Не знаю ужъ почему, прежніе страичіе, въ предупрежденіе побѣговъ, дозволяли всѣхъ арестантовъ заковывать въ кандалы. Когда я написалъ къ городничему отношеніе—какихъ именно арестантовъ должно содержать въ оковахъ и выставилъ статью законовъ, онъ послалъ за инвалиднымъ начальникомъ и оба они хотѣли было воспротивиться моему распоряженію, однакожъ расковали арестантовъ на другой же день. Этимъ распоряженіемъ я заслужилъ отъ арестантовъ уваженіе. Нужно умѣть обращаться и съ этими несчастными

людьми; излишняя строгость только ожесточаетъ ихъ; я видѣлъ даже много примѣровъ, что арестантъ, посаженный за какую-нибудь вину въ отдѣльную камору или карцеръ, выходилъ отсюда еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ, и ужь па зло дѣлалъ потомъ какой-нибудь отчаянный поступокъ. Вотъ почему я и не могу согласиться, чтобы похваленая система одиночнаго содержанія. принятая въ нѣкоторыхъ заграничныхъ тюрьмахъ, была хороша и полезна. Она можетъ самаго кроткаго арестанта довести до звѣрскаго состоянія и убить въ немъ всѣ человѣческія чувства. По моему мнѣнію, цѣль тюремнаго заключенія должна состоять въ томъ, чтобы изъ звѣря сдѣлать человѣка. Я видѣлъ самыхъ отчаянныхъ арестантовъ, па которыхъ не дѣйствовали ни тѣлесное наказаніе, ни заключеніе ихъ въ карцеръ, тогда какъ кротостью и участіемъ, принимаемымъ въ ихъ судьбѣ, они исправлялись и оставляли свои демонстраціи. Каковъ бы ни былъ человѣкъ, а въ душѣ его есть всегда склонность къ добру, нужно только поудержать эти склонности.

Разъ одинъ изъ бродягъ, называвшійся Иваномъ Безроднымъ, при поступленіи его въ г—ую тюрьму, казался такимъ дерзкимъ и буйнымъ, что въ первое же посѣщеніе мною тюрьмы надѣлалъ мнѣ дерзостей; но я, не горячась и не досадуя на это, сталъ говорить съ нимъ какъ съ человѣкомъ, кротко сказалъ ему, какія послѣдствія влечетъ за собою подобное поведеніе и удовольствовался па эготъ разъ только тѣмъ, что просилъ его впередъ этого не дѣлать. При второмъ моемъ посѣщеніи тюрьмы, онъ ужь былъ очень вѣжливъ со мною и просилъ прощеніе за свой прежній поступокъ. А когда стали высылать его въ Сибирь, сказалъ:

— Прощайте, ваше б—діе! Благодарю васъ за теплую и хорошую квартиру. Въ жизни моей я перебивалъ въ восьми тюрьмахъ, но нигдѣ не сидѣлъ такъ покойно какъ здѣсь. Вездѣ считали меня разбойникомъ, а вы видите сами, какой я разбойникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ пробылъ въ г—ской тюрьмѣ болѣе полугода и во все это время былъ очень кротокъ, уговаривалъ даже другихъ арестантовъ отъ разныхъ поступковъ. На арестантовъ онъ имѣлъ сильное вліяніе: они выбрали его даже въ свои старосты. Онъ не любилъ только тюремнаго смотрителя и ненавидѣлъ инвалиднаго начальника: перваго за то, что эготъ туговалъ иногда въ свой карманъ отъ денегъ, положенныхъ

на арестантскую пищу, а втораго, за жестокое обращеніе съ командой. Я замѣчалъ, что въ то время, когда инвалидный начальникъ входилъ въ ту камору, въ которой содержался Иванъ Безродный—этотъ дрожалъ весь и лицо его принимало непріятное выраженіе. Инвалидный начальникъ зналъ эту ненависть, но при всей свирѣпости своего характера обращался съ Ивановъ кротко.

Удивляла меня также и эта неестественная кротость инвалиднаго начальника, потому что въ жизни моей я не встрѣчалъ еще человѣка, у котораго было бы такое злое и черствое сердце, какъ у него.

Разъ на послѣдней недѣлѣ великаго поста я пошелъ навѣстить арестантовъ и, войдя на тюремный дворъ, увидѣлъ молодаго унтеръ-офицера, стоящаго подъ ружьями и съ полнымъ ранцомъ песку за спиною. Несчастный стоялъ, прислонясь плечомъ къ караульной будкѣ и кровь чуть не ручьемъ лилась у него изъ гортани. Я ужаснулся, увидѣвъ эту пытку. Въ это же самое время случилась смѣна и я подошелъ къ унтеръ-офицеру, чтобы узнать о причинѣ такого ужаснаго наказанія. Изъ боязни получить еще большее наказаніе, онъ скрылъ отъ меня эту причину и я узналъ уже отъ другихъ солдатъ, что начальникъ команды придрался къ нему за какую-то бездѣлицу и собственно за то, что жена унтеръ-офицера, будучи беременною, не пошла мыть бѣлья, по требованію инвалиднаго начальницы.

Наказаніе назначено было на цѣлыхъ двѣ недѣли и по двѣ смѣны въ сутки, т. е. по четыре часа; день же, въ который увидѣлъ я это, былъ только шестой; мученику солдату оставалось еще восемь дней выносить истязаніе.

Я тотчасъ же побѣжалъ къ инвалидному начальнику, но не засталъ его дома: онъ говѣлъ, на другой день готовился причащаться и слушалъ обѣдню. Послѣ обѣдни я зашелъ къ нему снова и сталъ просить, чтобъ онъ простилъ унтеръ-офицера. Я сказалъ ему также, что у мученика льется кровь изъ горла.

— А вы думаете, что кровь и вправду идетъ у него изъ горла?—спросилъ меня инвалидный начальникъ.

— Судя по лицу его и по тѣмъ отраданіямъ, какія видѣлъ—отвѣчалъ я—кажется сомнѣваться нельзя.

— Подлецъ, зубы расковырялъ, да и хотѣлъ васъ разжалобить.

— Во первыхъ — возразилъ я на это — онъ не зналъ, когда я выйду на тюремный дворъ, во вторыхъ, я могъ и не обротить на него моего вниманія, а въ третьихъ, когда я спрашивалъ его о причинѣ наказанія, онъ мнѣ отвѣчалъ только — за вину.

— Разбойникъ! я еще мало наказалъ его; на мѣсяцъ его надо поставить.

— А если онъ и этого не вынесетъ, тогда что?

— Тогда мы похоронимъ его, отвѣчалъ хладнокровно инвалидный начальникъ.

Меня это взорвало.

— И вы человѣкъ, готовящійся идти къ принатію св. таинъ, позволяете себѣ говорить такія слова? Берегитесь, чтобы вино, которое вы будете принимать вмѣсто крови Спасителя, не обратилось для васъ въ кровь вашей жертвы. Но какъ вамъ угодно, впрочемъ, а я сей часъ же посылаю эстафету: я не потерплю, чтобы въ глазахъ моихъ мучили человѣка такъ звѣрски.

Инвалидный начальникъ зналъ, что я шутить не люблю и далъ мнѣ слово, что завтра же онъ освободитъ унтеръ-офицера; но мнѣ было мало этого общанія.

— Нѣтъ, сказалъ я ему — дайте мнѣ теперъ же записку, я самъ отнесу ее въ тюрьму.

— Какъ, для такого канальи вы хотите безпокоиться сами?

— Мнѣ по пути; вѣдь я еще не входилъ къ арестантамъ.

Инвалидный начальникъ сѣлъ къ столу и написалъ записку къ караульному унтеръ-офицеру; но все-таки не могъ утерпѣть, чтобы не прибавить слѣдующія слова:

«Да скажи ему, что я бы ни за что въ мірѣ не простилъ его, и если дѣлаю это, то по просьбѣ г. страпцаго».

Не могу и до сихъ поръ забыть, съ какою радостью бѣжалъ я въ тюрьму, получивъ эту записку.

Какъ страпцему, мнѣ доводилось очень часто вступаться за притѣсняемыхъ людей; чрезъ это я хотя и пріобрѣлъ общую любовь всего уѣзда и города, но нажилъ себѣ много враговъ между чиновною братіей. Вступившись однажды за одиннадцать человѣкъ раскольниковъ, несправедливо посаженныхъ въ тюрьму, я навлекъ на себя неудовольствіе одной духовной особы и гнѣвъ совѣтника губернскаго правленія, производившаго о раскольникахъ слѣдствіе. Они сердились не за то, что я выставилъ статью, по которой раскольники не подлежали тюремному заключенію, но больше за то, что мнѣ удалось уговорить расколь-

никовъ обратиться въ православіе, въ чемъ при всѣхъ ихъ усиліяхъ они успѣть не могли. Духовное лицо такъ было этимъ недоволено, что сдѣлало даже доносъ, правда не на меня лично, но на человѣка ко мнѣ очень близкаго. И вотъ за то, что при другихъ обстоятельствахъ могло бы считаться отличіемъ и, пожалуй, удостоилось бы награды, а заслужилъ гнѣвъ даже и отъ начальника губерніи (начальникомъ губерніи тогда былъ уже другой). Впослѣдствіи, когда высшее начальство, согласно моему представленію, велѣло выпустить изъ тюрьмы тѣхъ одиннадцать арестантовъ, губернатору стало стыдно, что онъ сердился на меня несправедливо; онъ старался загладить свою ошибку, но это было уже поздно. Совѣтникъ же все продолжалъ мнѣ мстить, правда довольно жалко, бомбардируя меня разными бумагами и не рѣдко такими странными, что, читая ихъ, мнѣ приходило въ голову: какъ могъ онъ, не краснѣя, подписывать такія бумаги. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ начинались словами: указъ его императорскаго величества.

Будучи безсиленъ повредить мнѣ по службѣ, онъ пустился ужъ и на сплетни и сталъ сочинять обо мнѣ разныя исторіи; наконецъ, видя, что и это не дѣйствуетъ, пустилъ въ ходъ бумагу, доказывающую явную несправедливость губернскаго правленія. Въ томъ же городѣ, гдѣ былъ я стряпчимъ, служилъ въ уѣздномъ судѣ мой братъ, человѣкъ хотя и молодой, но способный и усердный. Черезъ усердіе свое онъ потерялъ даже званіе. По представленію суда братъ мой былъ допущенъ къ исправленію должности секретаря. Губернское правленіе само даже писало, чтобы судъ, какъ о достойномъ чиновникѣ, представилъ о немъ къ утвержденію въ должности, но потомъ, когда совѣтникъ принялъ уже всѣ мѣры къ тому, чтобы мнѣ чѣмъ-нибудь отмстить, вдругъ получается указъ о назначеніи новаго секретаря, на томъ основаніи, что стряпчему и секретарю суда въ одномъ городѣ служить несовмѣстно, и какъ бы вы думали, кто былъ назначенъ вмѣсто моего брата?.. Племянникъ судьи. Этому вѣрно было совмѣстнѣ; потому-то онъ и промоталъ послѣ казенныя деньги. Такимъ образомъ братъ мой, не получивъ другаго назначенія, остался безъ службы, а просто сказать былъ вышинутъ изъ нея.

Все это до того, наконецъ, меня раздражило, что служба стала мнѣ казаться противною, и я оставилъ ее, чтобы заняться частными дѣлами.

Расскажу теперь нѣсколько случаевъ изъ моей судебной практики.

Верстахъ въ сорока отъ города, въ деревнѣ, населенной ино-родцами, зарѣзаны были трое татаръ. Они пріѣхали сюда нѣ-нять свои товары на ленъ, кожи и сало, и, пробывъ здѣсь съ утра до поздняго вечера, остались ночевать.

Сынъ крестьянина Ушакова, у котораго расположились та-тары на ночлегъ, замѣтилъ, что кромѣ товару у нихъ есть и деньги, и пошелъ къ одному изъ сосѣдей посоветоваться, нель-зя-ли какъ-нибудь татаръ обокрасть; но этотъ сосѣдъ замѣтилъ ему, что этого сдѣлать нельзя, потому что татары будутъ жа-ловаться, а лучше всего ихъ убить, отвезти куда-нибудь по-дальше въ лѣсъ и тогда уже можно будетъ воспользоваться и деньгами и товаромъ. «Но такъ какъ, говорилъ этотъ сосѣдъ, намъ однимъ съ тремя справиться будетъ трудно, то нужно кого-нибудь пригласить.»

Пошли они еще къ одному крестьянину и здѣсь уже угово-рились окончательно совершить убійство. Всѣхъ убійцъ со-бралось четверо. Ночью, когда уже татары спали, убійцы во-шли въ избу и каждый изъ нихъ направился къ своей жертвѣ; но одинъ изъ татаръ, услышавъ шорохъ, проснулся и закри-чалъ. Въ это время другимъ двумъ татарамъ нанесены были удары, но третій человекъ, довольно сильный, началъ съ убій-цами бороться; ему нанесено было нѣсколько ударовъ, но какъ все это происходило при борьбѣ и второпяхъ, то каждый ударъ былъ не столько силенъ, чтобы могъ положить татарина на мѣстѣ. Татаринъ вырвался и выбѣжалъ въ сѣни; здѣсь ему еще былъ нанесенъ ударъ, но онъ вырвался и отсюда побѣ-жалъ на дворъ и закричалъ, призывая на помощь. Здѣсь онъ еще нѣсколько времени боролся съ убійцами, но, не имѣя при себѣ оружія, не могъ спасти свою жизнь и былъ убитъ.

Такое показаніе далъ тотъ самый сынъ Ушакова, который ходилъ советоваться къ сосѣду о томъ, какъ бы обокрасть та-таръ. Онъ сознался на первомъ же допросѣ. Показаніе его подтвердилось и признаками, сопровождавшими преступленіе. На-примѣръ: видны были слѣды крови на полатахъ, на лавкѣ, на полу, въ избѣ и въ сѣняхъ, на крыльцѣ и у притоки сѣнныхъ дверей.

Кромѣ этого домашніе того крестьянина, у котораго проис-ходилъ окончательный уговоръ на убійство, сознались, что дѣй-

ствительно всё тѣ преступники, на которыхъ указывалъ Ушаковъ, какъ на сообщниковъ своихъ, уговорились татаръ убить и всё четверо пошли въ домъ Ушакова.

Крестьянинъ, живущій напротивъ этого дома, показалъ, что ночью, когда всё уже спали, онъ услышалъ какой-то крикъ и вышелъ на улицу, и такъ какъ крикъ раздавался на дворѣ у Ушакова, то онъ подходилъ къ воротамъ дома, чтобы узнать о причинѣ крика; но едва онъ отворилъ ворота, какъ одинъ изъ убійцъ (онъ называлъ его по имени и фамилиі; жаль, что я забылъ всё эти имена и фамиліи, кромѣ одного сознавашагося преступника, Алексѣя Ушакова) показалъ ему топоръ и велѣлъ убраться прочь, пока онъ еще живъ. Испугавшимся этого, онъ тотчасъ же убѣжалъ и не знаетъ уже, что происходило на дворѣ Ушаковыхъ. Домашніе крестьянина подтвердили это показаніе и показали, что и они слышали крикъ и хозяинъ ихъ действительно выходилъ изъ дому, чтобы узнать о причинѣ этого крика.

Но ни крестьянинъ, угрожавшій топоромъ, ни другіе сообщники убійства не сознались въ преступленіи; только двое изъ нихъ показали, что они узнали объ убійствѣ на другой день утромъ. Они будто бы случайно зашли въ домъ Ушаковыхъ и замѣтивъ, что бабы скоблятъ полъ и лавку и вообще какое-то особенное замѣшательство и безпокойство во всемъ семействѣ, заподозрили, что тутъ случилось что-то дурное и стали спрашивать о татарахъ. Тогда-то Ушаковы сознались, что татары убиты и просили ихъ объ этомъ молчать, обѣщаясь раздѣлить добычу. Они на это согласились и послѣ помогали Ушаковымъ отвезти татаръ въ лѣсъ и спрятать товаръ.

Все это, конечно, было найдено, за исключеніемъ только денегъ, которыхъ, по показанію Алексѣя Ушакова, было будто бы не такъ много, какъ ему это сначала показалось.

Кажется, вѣдь, не смотря на упорство въ сознаниі, дѣло это довольно ясно. Убійство совершенно; преступникъ сознался, объяснивъ всё подробности происшествія; домашніе того крестьянина, у котораго былъ уговоръ на преступленіе, подтвердили показаніе сознавашагося. Другіе сказали, что слышали крикъ и проч. Наконецъ, судя по крови въ избѣ, на крыльцѣ и въ сѣнахъ, одному не было физической возможности убить трехъ человекъ, хотя и сонныхъ, тѣмъ болѣе, когда оказавшаяся вездѣ кровь доказываетъ борьбу, да и у того татарина, который

по показанію Алексѣя Ушакова, долго сопротивлялся, оказалось много знаковъ, нанесенныхъ тупыми и острыми орудіями. Здѣсь уже противъ сообщниковъ не только были признаніи и улики, но даже и доказательства; не доставило одного лишь ихъ признанія. Самое даже признаніе ихъ въ томъ, что они знали о совершенномъ преступленіи и согласились скрыть его, при другихъ доказательствахъ и уликахъ—есть уже улика, почти равносильная доказательству.

Уѣздный судъ, при разсмотрѣніи дѣла, обвинялъ всѣхъ четверыхъ преступниковъ, а уголовная палата отмѣнила это рѣшеніе и признала преступникомъ одного только Алексѣя Ушакова, какъ сознавашагося въ убійствѣ—прочіе присуждены только къ наказанію розгами и оставлены въ жительствѣ. Когда съ членами земской полиціи производилъ я слѣдствіе, къ намъ являлся одинъ ходатай, изъ писарей, и предлагалъ 1500 р. сер., чтобы только всю вину преступленія мы обратили на одного Алексѣя Ушакова, какъ уже на сознавашагося въ убійствѣ: Ходатай этотъ былъ выгнанъ и ему приказано было убраться и изъ селенія. Послѣ, когда уже преступника наказали, этотъ же ходатай говорилъ: вотъ дураки, отказались взять 1500 р., а мы кончили дѣло на пяти стахъ.

За то сколько шуму надѣлало это происшествіе и въ городѣ и въ тюрьмѣ. Почти всѣ арестанты говорили: «вотъ наши судьи, дай денегъ и будешь правъ».

Меня возмутило это до такой степени, что я написалъ прокурору письмо и выразился въ немъ такъ: мнѣ стыдно служить, когда я подумаю, что тамъ, гдѣ преступленіе очевидно и гдѣ принимаешь всѣ мѣры къ тому, чтобы открыть это преступленіе, палата освобождаетъ преступниковъ.

И спустя уже, кажется, недѣли три послѣ пропуска рѣшеніемъ палаты, прокуроръ далъ протестъ. Конечно, этотъ протестъ такъ и остался однимъ лишь протестомъ.

Почти въ тоже самое время въ Г—въ пріѣзжало одно лицо и посѣтило тюрьму. Здѣсь одинъ изъ бродягъ, жалуясь на продолжительность своего дѣла, сказалъ этому лицу такъ:

«Вотъ убійца, да душегубовъ скоро освобождаютъ, а нашъ братъ сиди да сиди».

Лицо, посѣщавшее тюрьму, захотѣло знать, о какихъ убійцахъ говорить арестанты. При арестантахъ я не сталъ ему этого объяснять, а объяснилъ уже послѣ.

Онъ только пожалъ плечами, слушая мой разсказъ и спросилъ меня, нельзя ли что-нибудь сдѣлать.

— Теперь ужь поздно—отвѣчалъ я ему, рѣшеніе исполнено.

Когда хоронили татаръ, я посоветовалъ родственникамъ ихъ схоронить убитыхъ на большой дорогѣ, противъ того селенія, гдѣ было совершено убійство. На могилѣ посадили три дерева и огородили ихъ полисадникомъ. Деревца разрослись, и теперь каждый почти проѣзжающій, увидѣвъ эту могилу, спрашиваетъ о ней у ямщика.

— Здѣсь похоронены трое татаръ, убитые вотъ въ этой деревнѣ—отвѣчаетъ ямщикъ, показывая рукою на селеніе. Почти каждый изъ окрестныхъ жителей знаетъ исторію убійства.

Другой случай.

Въ одной деревнѣ, отстоящей отъ города верстъ на 40, пропалъ крестьянинъ. Стали его искать и нашли въ прудѣ; на головѣ у него оказался шрамъ. Приѣхалъ становой приставъ, произвелъ слѣдствіе и представилъ дѣло въ земскій судъ. Между тѣмъ до земскаго исправника дошли слухи, что крестьянинъ убитъ, а по слѣдствію становаго пристава оказалось, что онъ утонулъ во время ловли рыбы; шрамъ же, оказавшійся у него на головѣ, произведенъ будто бы багромъ, которымъ утонувшаго искали въ прудѣ. Такъ какъ подозрѣнія въ насильственной смерти этого крестьянина ни отъ кого не было, то становой приставъ и не заблагоразсудилъ пригласить лекаря, чтобъ сдѣлать трупу медицинское изслѣдованіе.

Исправникъ хотѣлъ удостовѣриться въ справедливости слуховъ и самъ поѣхалъ для изслѣдованія, пригласивъ и лекаря.

По свидѣтельству лекаря оказалось, что на головѣ трупа не шрамъ, а проломъ, произведенный острымъ орудіемъ.

Исправникъ сталъ добираться до истинной причины смерти крестьянина, но открылъ одно лишь темное подозрѣніе, ничѣмъ не подкрѣпленное. Крестьянинъ той же деревни, гдѣ случилось происшествіе, показалъ ему, что въ тотъ день, какъ у одного изъ жителей этой деревни была помочь, онъ, ходивши въ лѣсъ, видѣлъ какъ по берегу пруда шелъ тотъ крестьянинъ, котораго нашли послѣ въ прудѣ. Почти вслѣдъ за нимъ онъ видѣлъ также двухъ шедшихъ туда однопоросенцевъ, у одного изъ которыхъ былъ съ собою топоръ. Потомъ, какъ показывалъ тотъ же доказчикъ, тѣ крестьяне явились на помочь пировать уже вечеромъ и оба мокрые.

Напрасно исправникъ употреблялъ всё свои шѣры, чтобы заставить ихъ сознаться въ убійствѣ: они говорили одно, что ничего не знаютъ. Показаніе же доказчика нѣкоторыми изъ людей, бывшихъ на пирушкѣ, подтверждалось. Дѣйствительно, тѣ двое крестьянъ явились на пирушку уже вечеромъ и, какъ значилось въ показаніяхъ, *будто бы нѣсколько мокрые.*

Не добившись такъ ничего, исправникъ взялъ тѣхъ двухъ подозрѣваемыхъ крестьянъ подъ караулъ, отнесся въ судъ о составленіи временнаго отдѣленія, а самъ, какъ это онъ дѣлывалъ иногда, поѣхалъ по другимъ дѣламъ. Получивъ приглашеніе, я пошелъ къ непремѣнному засѣдателю, который долженъ былъ въ составѣ временнаго отдѣленія заступить мѣсто исправника. Мнѣ хотѣлось видѣть дѣло.

Пересматривая это дѣло, я нашелъ довольно страннымъ, что крестьянинъ, доказывающій на двухъ своихъ односельцевъ, дѣлалъ такое заключеніе, что въ смерти крестьянина, найденнаго въ прудѣ, онъ имѣетъ на нихъ прямое подозрѣніе, но почему именно, этого не объяснялъ. Въ дѣлѣ значилось также, что доказчикъ самъ явился къ исправнику, чтобъ дать свое показаніе.

Стали мы разговаривать объ этомъ съ непремѣннымъ засѣдателемъ и предположили обратить особенное вниманіе на самаго доказчика.

Непремѣнный засѣдатель въ тотъ же день и уѣхалъ на мѣсто происшествія, а я остался, чтобы отправить почту. Пріѣзжаю я во временное отдѣленіе черезъ сутки и непремѣнный засѣдатель встрѣчаетъ меня извѣстіемъ, что преступникомъ оказался доказчикъ.

— Какъ такъ? спрашиваю я его.

— Да вотъ какъ, отвѣчалъ мнѣ засѣдатель. Вчера утромъ, когда потребовалъ я доказчика для предварительныхъ распросовъ и сталъ вывѣдывать отъ него, почему имѣетъ онъ подозрѣніе на тѣхъ двухъ крестьянъ, которыхъ исправникъ взялъ подъ арестъ, доказчикъ сталъ пугаться въ словахъ. Дай, думаю я, сдѣлаю у него обыскъ, хотя спустя уже почти мѣсяцъ послѣ происшествія это было в поздно. И что жъ бы вы думали: въ числѣ бѣлья, которое въ тотъ же день сбиралась нить сестра доказчика, нашелъ окровавленную рубашку. Спрашиваю: отчего на ней кровь? Онъ сначала сказалъ не знаю, а потомъ, подумавши, отвѣчалъ, что рѣзалъ назадъ тому нѣ-

сколько времени курицу, а домашніе его говорили, что онъ рѣзалъ барана. Вижу разнорѣчіе, стараюсь добиться истины и приглашаю священника, чтобъ сдѣлать этому крестьянину увѣщаніе. Пріѣзжаетъ священникъ, вводятъ подсудимаго въ казю; смотримъ, онъ весь дрожитъ и блѣденъ какъ полотно. Начинаемъ его усовѣщивать; нѣтъ, все себѣ говоритъ: рѣзалъ курицу, да видѣлъ у пруда тѣхъ двухъ крестьянъ. Такъ бѣдѣсь мы съ нимъ около часу. Между тѣмъ, какъ спрашивали мы его, собралась страшная гроза; громъ сильно подѣйствовалъ на подсудимаго, при каждомъ ударѣ онъ вздрагивалъ и утиралъ себѣ лба потъ.

— Чего жь ты боишься?—сталъ говорить ему священникъ — чья совѣсть чиста, того громъ не испугаетъ, но у кого на душѣ есть тяжолый грѣхъ, тому все страшно. Сознайся!

— Нѣтъ, отвѣчаетъ подсудимый.

Но въ то же самое время, какъ только сказалъ онъ нѣтъ, громъ гранулъ съ такою силою, что задребезжали окна. Подсудимый тяжело вздохнулъ и схватилъ за грудь.

— Что съ тобой? спросилъ его священникъ.

— Ничего, батюшка, а только я не...

Раздается второй ударъ грома и еще сильнѣе прежняго.

— Видишь, продолжаетъ священникъ, Богъ не велитъ говорить неправду, ты хотѣлъ сказать не виноватъ и не могъ этого сказать.

Вдругъ подсудимый падаетъ на колѣни и сознается, что онъ убилъ крестьянина

— Какъ ты его убилъ?

— Да я ужь давно искалъ случая его убить, подкараулилъ наконецъ въ то время, какъ онъ пошелъ смотрѣть свои морды, набѣжалъ на него сзади и ударилъ его топоромъ по голове. Онъ упалъ; я подтащилъ его къ пруду и спустилъ туда.

— За что жь ты его убилъ?

— А вотъ за что я имѣлъ любовную связь съ его женой, такъ какъ она была замужняя, то мужъ былъ главнымъ препятствіемъ къ тому, что бы мнѣ владѣть ею, какъ женою. Только убивши мужа, я могъ на ней жениться; она сама уговаривала меня къ этому убійству.

— А женщина?—спросилъ я

— Она говоритъ, что все это выдумка. Правда, но слышавъ ее, преступникъ много разъ надоѣдалъ ей съ своей любовью, но каждый разъ она отвѣчала ему: убирайся ты къ черту, уродъ; развѣ я могу промѣнять на тебя моего мужа.

Какъ видитъ читатель, въ исторію убійства вошло еще новое обстоятельство, т. е. участіе въ убійствѣ жены убитаго. Это обстоятельство такъ заинтересовало меня, что я тотчасъ же велѣлъ привести преступника и обвиняемую имъ женщину.

Преступникъ былъ молодой человекъ, лѣтъ 24-хъ, небольшого роста, невзрачный, даже некрасивый собою и при томъ сухорукий. Пальцы одной руки у него были сведены. Меня очень удивило, что при своей почти тщедушной комплекціи и одной рукою онъ могъ нанести смертельный ударъ; но вѣрно, какъ говоритъ пословица: на грѣхъ мастера нѣтъ.

Обвиняемая была женщина довольно красивая собою и, смотря на нее и на преступника, трудно было предположить и совѣстно даже подумать, чтобы она могла соблазниться такимъ мужчиной, каковъ былъ преступникъ. Но какъ бы то ни было, намъ предстояло открыть истину.

Сначала мы допросили преступника.

Онъ клялся и божился, что цѣлый годъ пользовался благоклонностью обвиняемой имъ женщины, но представлялъ самыя пустыя доказательства своей связи. Напримѣръ, показывая кольцо, которое было у него на рукѣ, онъ говорилъ, что это подарокъ женщины, а потомъ сталъ утверждать, что нѣсколько разъ, когда мужъ ее уѣзжалъ куда-нибудь на долго, онъ не только постоянно былъ у нея, но даже ходилъ съ нею вмѣстѣ мыться въ баню.

Я обратилъ особое вниманіе на это обстоятельство и въ головѣ моей мелькнула мысль, нельзя ли тутъ уличить какъ-нибудь преступника во лжи. Въ умѣ моемъ родилось какое-то непонятное убѣжденіе, что преступникъ лжетъ. Въ отвѣтахъ его я замѣчалъ сбивчивость и много вводныхъ предложеній, вовсе къ дѣлу не относящихся. Напротивъ, отвѣты женщинамъ были легки и ни одинъ изъ нихъ не забѣгалъ въ сторону, какъ это было у преступника. Кромѣ того и самая наружность ея, выражающая чувство оскорбленной женщины и слѣды глубокаго горя, внушали къ ней невольное участіе.

— Послушай, спросилъ я ее, назвавши по имени, которое

теперь забылъ, Игнатій (ими преступника) утверждать, что мы-
вался съ тобою въ банѣ, скажи откровенно, правда ли это?

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ... видитъ Богъ, что это неправда.

— Чѣмъ же ты докажешь эту неправду?

— Чѣмъ я могу доказать?—Мое дѣло женское, отъ стыда да
отъ гора я ужъ и умъ потеряла.

Мнѣ хотѣлось новости женщину на ту мысль, которая была
у меня въ головѣ; но женщина не понимала меня.

— Нѣтъ ли у тебя на тѣлѣ знаковъ или родимыхъ пятенъ?—
спросила я ее.

— Ахъ! да, вотъ что его спутаетъ, сказала женщина; экой
злой человѣкъ! и мужа моего убилъ, да и меня хочетъ загу-
бить, такъ спросите его, что онъ видѣлъ у меня на тѣлѣ. Мнѣ
ужъ хоть и стыдно, а надо уличить злодѣя, что онъ лжетъ.

Привели преступника.

— Вотъ что, Игнатій, сказалъ я ему,—ты говоришь, что мы-
вался съ женою убитаго въ банѣ; скажи, въ какое время это
случилось, утромъ, днемъ, вечеромъ или ночью?

— Да всяко бывало: въ иной разъ днемъ, а въ иной и
вечеромъ.

— Какъ же это она не стыдлася ходить съ тобою въ баню
во время дня?

— Кого ей было стыдиться... она вѣдь одна оставалась дома:
мужъ уѣзжалъ, а домашнихъ не было

— Положимъ, такъ, но сосѣди могли замѣтить.

— Когда тутъ сосѣдямъ замѣчать; есть работа, такъ не ста-
нешь по сторонамъ глядѣть.

— Правда. Ну, конечно, бывая съ нею въ банѣ нѣсколько
разъ и даже днемъ, ты видѣлъ ее всю?

Преступникъ задумался.

— Да ты не стыдись говорить—оказалъ я ему—былъ у васъ
грѣхъ, что его таятъ. Надо и ее уличить; она, вонъ, говоритъ,
что ты клевету взводишь на нее.

Лицо преступника приняло выраженіе какой-то злобной
радости.

— Да ужъ заирайся, не заирайся она, а вмѣстѣ варилъ кашу,
такъ и расхлебывать вмѣстѣ будемъ.

— Она утверждаетъ, что ты и тѣла - то ея никогда не ви-
далъ.

— Вретъ она, мельма! всю видалъ, ей-Богу.

— Какова же она тѣломъ, смугла или блѣда?

— Нѣтъ, блѣлое у ней тѣло, блѣлое.

— И знаковъ нѣтъ на тѣлѣ никакихъ?

— Ничего нѣтъ, вся чиста, безъ всякихъ изъяновъ.

— Подумай хорошенъко, нѣтъ ли? можетъ-быть ты забылъ.

— Что же тутъ думать, коли я помню—отвѣчалъ съ самоуверенностью преступникъ.

Но когда на очной ставкѣ женщина показала свое тѣло, онъ плюнулъ и вскричалъ:

— Тѣфу ты, вѣдьма, и тутъ не удалось.

Послѣ этого онъ сознался, что убилъ мужа ея изъ злобы, за то, что она, когда онъ къ ней приставалъ съ своею нѣжностью, говорила ему: «развѣ я дура, чтобы промѣнить моего мужа на такого урода, какъ ты».

— Потомъ ужъ—прибавилъ преступникъ—мнѣ и ее хотѣлось погубить... крѣпко разозлила она меня.

— А зачѣмъ ты клеветалъ на двухъ крестьянъ? опросили ны преступника.

— Хотѣлъ отъ себя подозрѣніе отвести, да сама судьба попутала. Вотъ хоть бы и рубашка... три недѣли была спрятана, а тутъ вотъ вдругъ вздумалось отдать ее вымыть.

Пусть какъ угодно разсуждаютъ объ этомъ случаѣ философы, а въ немъ въ самомъ дѣлѣ есть что-то странное.

Разскажу теперь случай довольно страннаго самоубійства. Можетъ быть это самоубійство и не было бы открыто и самое происшествіе осталось бы неразгаданнымъ, еслибъ я опоздалъ пріѣхать на мѣсто. Открытіе этого самоубійства можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ, какъ важно для судебного слѣдователя знать всю обстановку, всю даже жизнь тѣхъ людей, о которыхъ производитъ онъ слѣдствіе.

Вотъ какъ это случилось.

Однажды, въ концѣ августа, ко мнѣ собрались гости. По случаю домашняго праздника я пригласилъ ихъ обѣдать. Въ провинціи обѣдаютъ рано, а часа въ три мы вышли изъ-за стола и удалились въ кабинетъ покурить и потолковать. Гости были только мужчины и всего пять человѣкъ.

Вдругъ меня вызываетъ мой слуга и говорить, что пришелъ ко мнѣ мѣщанинъ объявить о какомъ-то очень важномъ происшествіи.

Я вышелъ къ этому мѣщанину.

— Наговицына убили — сказалъ онъ мнѣ — но до смерти, да плохъ, горло прострѣлили ему.

— Какого Наговицына? спросилъ я у мѣщанина, потому что какъ въ городѣ, такъ и въ уездѣ Наговицыныхъ было нѣсколько.

— Николая Панфилова. Сей-часъ съ мельницы отъ нихъ прїѣзжалъ за священникомъ работникъ. Отъ него-то и узналъ я объ этомъ. Онъ говоритъ, что когда Николай Панфиловичъ ѣхалъ на мельницу изъ города, на него напали двое какихъ-то людей, выстрѣлили въ него изъ ружья и ограбили его. Полторы-де тысячи съ нимъ было денегъ.

Я тотчасъ же велѣлъ заложить лошадей и пошелъ извиниться передъ гостями. Двое изъ нихъ попросились ѣхать вмѣстѣ со мною, а прочіе разошлись.

Черезъ полчаса мы были уже на мельницѣ. До этой мельницы не будетъ и четырехъ верстъ отъ города. Дорога къ ней идетъ большимъ проѣзжимъ трактомъ и не больше трехъ четвертей версты тянется проселкомъ. Мѣстность была мнѣ извѣстна очень хорошо и я и спутники мои были очень удивлены, что въ такомъ близкомъ разстояніи отъ города, на дорогѣ, гдѣ почти постоянно бываетъ проѣздъ и среди бѣлаго дня могло случиться разбойническое нападеніе.

Наговицына я зналъ хорошо, часто бывалъ у него на мельницѣ на охотѣ и потому все даже семейство его было мнѣ извѣстно. У него были только дѣдъ, слабый старикъ, бабка, женщина умная и съ капиталомъ, правда незначительнымъ, да мать. Мельница, на которой жили они, находилась въ оброчномъ содержаніи бабки. Эта-то бабка и была полною хозяйкою. Наговицыну было не болѣе девятнадцати лѣтъ. Онъ занимался торговлею хлѣба на деньги своей бабушки. За полгода до этого происшествія онъ заходилъ иногда и ко мнѣ, но съ тѣхъ поръ, плата данъ своимъ юношескимъ увлеченіямъ, началъ кутить и цематывать, и я сталъ говорить ему, что чрезъ такое поведеніе онъ потеряетъ довѣріе своей бабушки и она не будетъ давать ему денегъ, а безъ денегъ ему не на что будетъ и торговать. Съ этого времени онъ пересталъ ко мнѣ ходить вовсе.

Войдя въ комнату, я увидѣлъ такую картину, которая меня поразила и заставила задуматься.

Наговицынъ, въ одномъ только нижнемъ бѣльѣ, сидѣлъ на диванѣ, поддерживаемый съ одной стороны своей матерью, а съ другой, бывшей тогда на мельницѣ городской женщиной. Го-

лова его опущена была на грудь и слышно было хрипѣніе.

Когда мы вошли, на насъ никто почти не обратилъ вниманія, и я остановился у дверей, потому что въ то самое время, какъ переступилъ я черезъ порогъ, къ раненому подошла его бабушка и хотѣла его обнять, но онъ оттолкнулъ ее ногою, приподнялъ голову и лицо его приняло выраженіе человѣка, мучащагося болью и гнѣвомъ. Это поразило меня и я смотрѣлъ, что будетъ дальше.

— Милой ты мой, голубчикъ ты мой—говорила старуха, стараясь приласкаться къ своему внуку, но каждый разъ онъ отталкивалъ ее отъ себя и метался во всѣ стороны; раненный въ шею, онъ не могъ дышать свободно, воздухъ выходилъ въ рану съ хрипѣніемъ и даже со свистомъ.

Старуха замѣтила меня.

— Ахъ бѣда-то, бѣда-то какая у насъ случилась! — сказала она, подходя ко мнѣ и потомъ, обратившись къ раненому, прибавила: Николенька, г. стряпчій пріѣхалъ.

Молодой человѣкъ поднялъ голову и взглянулъ на меня.

— Что это съ вами, Николай Панфилычъ?—спросилъ я, подойдя къ нему.

Онъ зажалъ рукою рану и отвѣчалъ слабымъ и хриплымъ голосомъ.

— Охъ, убили меня... убили.

— Кто же васъ убилъ?

— Не знаю, какіе-то неизвѣстные люди.

— Въ которомъ мѣстѣ одѣлали они на васъ нападеніе?

— Тутъ у мостика, чай знаете.

Отъ мостика, о которомъ говорилъ раненый, было не болѣе 150 сажень до мельницы.

— Какъ же они напали на васъ? Вѣдь вы ѣхали?

— Нѣтъ, я шелъ пѣшкомъ.

— За чѣмъ вы встали съ тележки?

— Такъ... я хотѣлъ пройтись.

— Въ такую погоду?

Погода была ненастная: только съ часъ времени какъ пересталъ идти дождь, а онъ шелъ почти съ утра.

На вопросъ о погодѣ раненый не отвѣчалъ ничего.

— Были съ вами деньги?—спросилъ я его.

— Какъ же... полторы тысячи... я получилъ ихъ сегодня въ городѣ.

— И васъ ограбили?

— Все отняли... даже часы оборвали, но я сжалъ ихъ въ рукѣ и они остались при мнѣ.

Часы съ оборваною цѣпочкою лежали на столѣ.

— Какъ же напали на васъ, спереди, сзади или съ боку?

— Нѣтъ, спереди. Когда я сталъ подходить къ мостику изъ за лѣска... знаете этотъ лѣсокъ... выскочили двое какихъ-то людей и одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ меня изъ ружья.... я упалъ и меня ограбили. Послѣ я черезъ силу дошелъ до мельницы.

— Неужели вы не могли разсмотрѣть злодѣевъ.

— Нѣтъ, не разсмотрѣлъ... это случилось такъ внезапно и скоро.

— Не замѣтили ли, по крайней мѣрѣ, въ какой были они одеждѣ?

— Не помню.

— Городскіе или крестьяне?

— Не знаю... не помню и этого.

Пріѣхалъ священникъ и сталъ напутствовать раненаго. Мы вышли. Я велѣлъ позвать работника, который ѣздилъ съ молодымъ человѣкомъ въ городъ. Это былъ паренъ лѣтъ четырнадцати.

— Пойдемъ, мой другъ — сказалъ я ему — покажи намъ то мѣсто, гдѣ всталъ съ тележки Николай Панфиловичъ.

Мы дошли до этого мѣста.

Лѣсокъ, о которомъ говорилъ раненый, былъ не у самой дороги, а саженьхъ въ пятнадцати отъ нее. И такъ какъ шелъ Наговицынъ, нападеніе, сдѣланное на него съ правой стороны и самый даже выстрѣлъ долженъ бы ранить его въ правую сторону шеи, а у него рана была на лѣвой.

Потомъ, высматривая мѣстность, я замѣтилъ слѣды, оставшіеся на мокрой травѣ. Слѣды эти шли къ стогу сѣна, стоявшему саженьхъ въ 20 отъ дороги. Одна изъ жердей, огораживающихъ стогъ, была сброшена, а на другихъ жердяхъ видны были слѣды грязи, оставленные человѣкомъ, передѣзавшимъ... какъ вперед такъ и обратно.

— Господа! — сказалъ я моимъ слутникамъ — молодой человѣкъ застрѣлился самъ.

— Что вы, что вы! съ чего ему стрѣляться?

— А съ того, что, вѣроятно, бабушка стала требовать отъ

него отчету въ деньгахъ, которыя даны ему были на торговые обороты. Вѣроятно также онъ промоталъ эти деньги и вздумалъ сочинить исторію, что на него напали неизвѣстные люди и ограбили его; а чтобъ сдѣлать эту исторію болѣе вѣроятною, хотѣлъ ранить себя легко, но вмѣсто легкой раны нанесъ себѣ смертельную: въ себя не легко стрѣлать. Но пойдемте, мы это сейчасъ узнаемъ.

Дорогою я спросилъ мальчика, было ли съ ними ружье, и онъ отвѣчалъ, что было. Наговицынъ, по словамъ работника, въ тотъ же день получилъ его изъ починки отъ слесаря.

— А когда—спрашивалъ я работника—хозяинъ твой всталъ съ телѣжки не бралъ ли онъ ружья?

— Да, онъ взялъ его изъ телѣжки.

— Ну, вотъ видите—сказалъ я моимъ спутникамъ—подозрѣніе мое оправдывается.

— Покажите мнѣ то ружье, которое сынъ вашъ привезъ изъ города—сказалъ я матери Наговицына, когда мы воротились на мельницу.

— Охъ, батюшко, да съ нимъ не было никакого ружья — отвѣчала мнѣ эта женщина.

— Полноте грѣшить—замѣтилъ я ей—я знаю, что оно было.

— Кто же вамъ это сказалъ?

— Вашъ работникъ, который возилъ въ городъ вашего сына.

— Ахъ, вретъ онъ, негодный.

— Подумайте, зачѣмъ ему врать; но я удивляюсь, почему вы это скрываете. Въ городѣ на той квартирѣ, гдѣ останавливался вашъ сынъ, я узнаю же все, и кромѣ того спрошу и слесаря, у котораго ружье было въ починкѣ. Вамъ будетъ стыдно тогда.

Мать Наговицына вздохнула и пошла за ружьемъ. Она принесла мнѣ ихъ три, но всѣ они были сухи—и видно, что взяты изъ сухой комнаты, гдѣ висѣли долго.

— Тутъ нѣтъ того ружья, которое было съ вашимъ сыномъ; на этихъ видна даже пыль, а ружье, привезенное въ ненастную погоду, не могло запылиться, да не могло и высохнуть скоро, а еслибъ и высохло—на немъ остались бы слѣды свѣжей ржавчины.

— Больше нѣтъ у насъ ружей—отвѣчали мнѣ на это.

— Послушайте — сказалъ я съ кротостью — я не понимаю причины, по которой вы не хотите показать ружья. Неужели

вы хотите вынудить меня къ обыску вашего дома и въ такі минуты, когда сынъ вашъ находится въ такомъ положеніи.

Ружье было принесено. Это была двустволка тульской работы. Стволы и замки были еще сыры и холодны.

Я засунулъ палецъ въ одинъ стволъ и вынулъ его сухимъ и незамарайнымъ. Въ другомъ стволѣ палецъ мой уже замарался тою чернотю, какая остается всегда отъ выстрѣловъ. По чернотѣ этой можно было также судить давно или не давно произведенъ былъ выстрѣлъ. Каждый охотникъ знаетъ это очень хорошо.

— Сынъ вашъ — сказалъ я матери Наговицына — самъ въ себя выстрѣлилъ. и не понимаю только, зачѣмъ вы это скрываете.

— Ахъ, что вы... зачѣмъ онъ будетъ палагать на себя руки? Нѣтъ, нѣтъ: злодѣи, разбойники погубили его.

И говоря это, женщина зарыдала. Я пожалъ плечами и пошелъ къ ея сыну. Онъ лежалъ и не могъ уже болѣе говорить; у постели его сидѣлъ докторъ, только что пріѣхавшій изъ города.

— Скажите, докторъ—сказалъ я ему—есть ли надежда, что Николай Панфиловичъ будетъ живъ. Я васъ спрашиваю нарочно при немъ, потому что вижу, какъ опасно его положеніе, но спрашиваю больше потому, что Николай Панфиловичъ увѣряетъ, будто на него напали убійцы, между тѣмъ какъ мнѣ положительно извѣстно, что этого не было.

Наговицынъ взглянулъ на меня и показалъ рукою, чтобъ изъ комнаты вышла его бабушка.

— Ваша правда—отвѣчалъ мнѣ докторъ—Николай Панфиловичъ и самъ чувствуетъ, что ему очень тяжело, онъ сію минуту говорилъ мнѣ объ этомъ и съ величайшимъ усиленіемъ.

— Ради Бога—сказалъ я, обращаясь къ Наговицыну—откройте намъ истину. Дай Богъ, конечно, чтобы вы выздоровѣли, но что если вамъ суждено умереть... подумайте, сколько невинныхъ заставите вы заподозрить въ вашей смерти. Повторю вамъ, что мнѣ извѣстно все. Съ полчаса назадъ вы увѣрили меня, что нападеніе сдѣлано на васъ съ правой стороны, а рана у васъ на лѣвой. По самой даже рубашкѣ, которая загоралась, и по вашей ранѣ я вижу, что выстрѣлъ сдѣланъ въ упоръ и снизу вверхъ. Скажу вамъ еще, что я былъ у стога, гдѣ случилось происшествіе и видѣлъ даже роковое ружье, изъ котораго былъ выстрѣлъ (страдалецъ судорожно вздрогнулъ).

Не уносите тайны въ могилу, не заставляйте насъ разыскивать небывалыхъ убійць. Вы недавно исповѣдались, довершите же вашу исповѣдь полнымъ раскаяніемъ.

Молодой человѣкъ на минуту задумался и потомъ показалъ рукою, что хочетъ писать.

Ему подали бумагу и карандашъ. Онъ написалъ: «есть ли надежда?» и отдалъ бумагу доктору.

— Вы хотите знать истину?—спросилъ его докторъ—хотите, чтобъ я сказалъ вамъ откровенно?

— Да, да... проговорилъ съ усиленіемъ раненый?..

— Одинъ Богъ можетъ васъ спасти, а я не надѣюсь.

Наговицынъ протянулъ руку къ бумагѣ, но когда докторъ подаль ему ее, онъ изорвалъ листокъ въ клочки, смялъ ихъ въ рукѣ, бросилъ на полъ и вскричалъ: «не скажу».

Въ глазахъ моихъ разыгрывалась какая-то страшная драма: умирающій и еще очень молодой человѣкъ, по какой-то непонятной причинѣ не хотѣлъ сознаться, что самъ посягнулъ на свою жизнь. Онъ умеръ въ эту же ночь.

При производствѣ слѣдствія истина была открыта, хотя домашніе Наговицына, при всѣхъ уже доказательныхъ фактахъ самоубійства, долго ушорствовали въ сознаніи и продолжали утвѣрять, что молодой человѣкъ убитъ и ограбленъ. Подъ тѣмъ стогомъ сѣна, о которомъ я уже упоминалъ, найдены были: обрывокъ отъ золотой цѣпочки Наговицына, съ крючкомъ, другою конецъ оставался у часовъ и подвертка съ ноги *. Тамъ же, какъ послѣ показали всѣ его домашніе, взято было и ружье. Какъ видно, выстрѣлъ произведенъ былъ босой ногой. Этотъ выстрѣлъ слышали на мельницѣ. Ранивъ себя, Наговицынъ самъ однакоже пришелъ домой. Причина, по которой домашніе старались скрыть настоящую исторію смерти, была та, что онъ, какъ самоубійца, долженъ былъ лишиться христіанскаго погребенія. Трупъ его впрочемъ довольно долго оставался не погребеннымъ по обряду нашей церкви. Священники встрѣтили почему-то затрудненіе похоронить Наговицына безъ разрѣшенія архіерея, хотя мы и писали къ нимъ о преданіи тѣла землѣ по церковному чиноположенію. Меня до сихъ поръ удивляетъ это затрудненіе. Положимъ, что Наговицынъ и самоубійца, но прежде еще смерти своей онъ былъ напутствованъ; неужели ис-

* Въмѣсто чулокъ Наговицынъ носилъ полотняные подвертки.

повѣдь не изгладила его поступка? Тѣ полторы тысячи рублей серебромъ, о которыхъ упоминалъ я выше, дѣйствительно были промотаны. Старуха мѣсяца два требовала въ нихъ отчета отъ внука и онъ все увѣрялъ ее, что деньги эти были у него въ товарѣ, а товаръ проданъ въ долгъ. Въ тотъ день какъ случилась катастрофа, Наговицынъ сказалъ бабушкѣ, брезжавшей ему безпрестанно о деньгахъ, что вотъ онъ ѣдетъ въ городъ за получениемъ денегъ. Здѣсь Наговицынъ искалъ занять пятьсотъ рублей, чтобы хоть на время успокоить старуху, но не нашелъ и придумалъ исторію о грабежѣ, рѣшившись даже, чтобы сдѣлать ее болѣе вѣроятною, себя ранить.

Это страшное дѣло возбудило еще вопросъ: можетъ ли священникъ, для обнаруженія истины, открыть то, что сказалъ ему на исповѣди умирающій относительно себя. Членъ земской полиціи, производившій со мною слѣдствіе, утверждалъ, что священникъ можетъ это открыть, потому что Наговицынъ уже померъ и тайна о причинѣ его смерти должна быть обнаружена: во первыхъ: она необходима для ясности въ дѣлѣ, а во вторыхъ. нужно и для убѣжденія родственниковъ покойнаго въ сознаніи. Послано было отношеніе къ священнику, но онъ отвѣчалъ, что и за смертію Наговицына не имѣетъ права обнаруживать сказаннаго на исповѣди. И священникъ былъ правъ. Привожу въ доказательство этого примѣръ.

Двое братьевъ поссорились между собою и одинъ изъ нихъ, будучи вооруженъ, въ запальчивости и раздраженіи нанесъ другому смертельную рану. Это видѣлъ свидѣтель происшествія и объявилъ суду. Раненый былъ еще живъ, но умирая не хотѣлъ сдѣлать своего брата несчастнымъ и простилъ ему все. Судъ спрашиваетъ раненаго, дѣйствительно ли убійцею былъ его братъ? «Кто это говоритъ?» спрашиваетъ раненый. «Свидѣтель, который видѣлъ», отвѣчаютъ ему. «Неправда, я самъ посягнулъ на свою жизнь», возражаетъ на это раненый.

Положимъ даже, что это случилось бы не между братьями, а между людьми посторонними. Было ли бы въ этомъ случаѣ обнаруженіе исповѣди умирающаго доказательнымъ фактомъ къ обвиненію преступника? Конечно, нѣтъ; потому что по закону собственное сознаніе есть лучшее свидѣтельство. Обвиняемый не сознался въ нанесеніи раны, а раненый показалъ, что онъ самъ посягнулъ на свою жизнь. И какой видъ имѣло бы тогда самое показаніе священника, еслибъ (положимъ) онъ и пока-

заявъ, что умирающій говорилъ ему на исповѣди, кто его убійца. Исповѣдь есть дѣло совѣсти, а совѣсть судить нельзя. И въ юридическомъ отношеніи она не можетъ быть принята за доказательный фактъ. Еслибъ она и принята была за доказательство, то это повлекло бы къ неправоудію, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ бы пострадать человѣкъ, совершенно невинный. На примѣръ А, человѣку мстительнаго характера, вздумалось убить своего брата Б. Онъ беретъ пистолеть и идетъ исполнить свое намѣреніе; но, не умѣя обращаться съ оружіемъ, держитъ его съ взведеннымъ куркомъ. Курокъ зацѣпляется за одежду А и выстрѣлъ ранитъ его смертельно. А такъ зовъ, что и востороннимъ и священнику на исповѣди говоритъ, что на жизнь его посягнулъ Б, а Б. не виноватъ ни душой ни тѣломъ. По нашимъ законамъ самая даже присяга, какъ дѣло совѣсти, дается съ большою осмотрительностію. Вотъ какая статья была въ XV т. изд. 1842 года. «Но если судъ усмотритъ, что подсудимый преступленіе клятвы учинить намѣренъ, а совершеннаго доказательства не имѣетъ, дабы его въ томъ обличить, то дѣло предавать волѣ Божіей, пока оно само-собою объяснится.»

Разскажу еще одинъ случай довольно страннаго и даже невѣроятнаго самоубійства, правда нечаяннаго, но невольно заставляющаго сомнѣваться въ этой нечаянности, хотя на фактахъ, выведенныхъ въ слѣдствіи, судъ и основалъ свое рѣшеніе. Въ томъ же Г-мъ уѣздѣ сотскій донесъ становому приставу, что крестьянинъ одной деревни, собираясь на охоту, сталъ разряжать давно заряженное свое ружье и застрѣлился.

По показанію родственниковъ застрѣливаго дѣло было такъ:

Будучи не въ состояніи разрядить своего ружья и собственно потому, что заряженное въ ненастную погоду оно не стало давать выстрѣла и порохъ вспыхивалъ только на полкѣ (ружье было съ кремнемъ), крестьянинъ вынулъ стволъ изъ ложи и положилъ казенную часть его въ горнъ, для того, чтобы зарядъ *выгорѣлъ*. Потомъ, видя, что стволъ уже накалился, крестьянинъ вынулъ его изъ горна и сталъ продувать. Но въ эту-то самую минуту ружье выстрѣлило ему прямо въ ротъ и убило до смерти.

Кто не согласится, что эта безобразная недѣльность есть исторія, придуманная становымъ для того, чтобы скрыть истину. По всей вѣроятности, крестьянинъ или убить (носились слухи, что онъ

застрѣленъ спящимъ), или посягнулъ на самоубійство. Въ первомъ случаѣ къ сокрытію преступленія со стороны родственниковъ покойнаго могла быть какая нибудь особенная причина, на примѣръ деньги, данныя имъ убійцей. Въ крестьянскомъ быту иногда случаются такіе казусы. Мнѣ рассказывали, что одинъ волостной голова засѣкъ крестьянина до смерти и родственники этого крестьянина рѣшились взять деньги и скрыть истину. «Все вѣдь равно—говорили они—мертвого-то не воскресишь, а денегъ-то не получишь.»

Въ другомъ случаѣ родственникамъ застрѣливавшагося не хотѣлось, чтобы онъ, какъ самоубійца, лишенъ былъ христіанскаго погребенія, и они просили становаго устроить эти похороны.

Конечно, я рассказываю это не съ тѣмъ, чтобы выставить поступокъ родственниковъ предосудительнымъ, но разбираю только странность обстоятельствъ, выведенныхъ въ слѣдствіи. Родственниковъ и въ случаѣ преступленія одного изъ членовъ семьи нельзя обвинять за сокрытіе виновнаго. По самымъ даже законамъ лицо, скрывающее преступленіе изъ родственной пріязни къ виновному, не подвергается наказанію, если только само оно не участвовало въ преступленіи.

Заключая статью мою, мнѣ остается только сказать, что придетъ время, когда мы съ горечью оглянемся на прошедшее и со стыдомъ будемъ вспоминать о безобразіи нашего стараго, отживающаго свой вѣкъ судебного порядка. И есть же люди, которымъ нравится этотъ порядокъ. Люди эти говорятъ, что при неразвитости нашихъ будущихъ присяжныхъ засѣдателей въ гласныхъ судахъ будетъ гораздо больше грѣха и ошибокъ, нежели въ прежнихъ нашихъ судахъ. Ошибки могутъ быть, но не грѣхи, не злоупотребленія. А для того, чтобы присяжные засѣдатели ближе ознакомились съ своей обязанностію, нужно только издать для руководства ихъ уставъ или правила, которымъ должны они слѣдовать. Правила эти должны быть розданы каждому изъ засѣдателей.

А. Никитинъ.

СЕРБСКАЯ СКАЗКА.

Между народными сербскими сказками существует преданіе о судьбѣ; смѣемъ думать, что трудно найти что нибудь подобное между легендами другихъ народовъ.

Герой сказки — трудолюбивый и работающій молодець; работалъ онъ за двухъ: за себя и за брата, съ которымъ вмѣстѣ жилъ, и работалъ съ такимъ успѣхомъ, что ихъ хозяйство, состоявшее изъ лошадей, воловъ, свиней, овецъ и пчелъ, процвѣтало какъ нельзя лучше. Другой же братъ, напротивъ, вполне предавался праздной жизни, помогая только проживать общее достояніе и никогда пальцемъ не пошевелилъ, чтобы позаботиться о приращеніи его.

Такъ проходили годы; трудолюбивый братъ сталъ раздумывать да рассчитывать, что нѣтъ никакой справедливости въ такомъ распредѣленіи: онъ трудится какъ волъ надъ всякою работою, а его братъ только барится да проживаетъ половину доходовъ. Обдумавъ хорошенько, онъ предложилъ брату раздѣлиться по-ровну. Такое предложеніе не пришлось по вкусу лѣниваго брата; сталъ онъ представлять свои резоны, что если братъ и трудится одинъ за двухъ, за то онъ же одинъ всѣмъ управляетъ, никому не давая отчета, такъ что, по одной ужъ этой причинѣ, слѣдовало бы ему оставаться довольнымъ. Убѣжденіе довольно основательное, но оно оказалось совершенно бесполезнымъ: трудолюбивый братъ поставилъ на своемъ, взялъ половину имѣнія и оставилъ общій ихъ домъ.

Горько было лѣнивцу лишиться своего полезнаго помощника, однако это не исцѣлило его отъ празднолюбія. Весь трудъ прежде лежалъ на его братѣ, теперь онъ раздѣлилъ его по чу-

жимъ рукавъ , нанялъ для коровъ пастуха , для лошадей конюха , для овецъ овчара, для пчелъ пчеловода, а самъ продолжалъ барствовать по прежнему.

Трудолюбивый братъ тоже по прежнему трудился и если бы сказка вела къ обыкновенной морали, жить бы ему да поживать и много добра наживать, а лѣнивому брату слѣдовало бы быть обкраденнымъ наемниками, и кончить бы ему нищимъ.

Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе , и на перекоръ всѣмъ сербскимъ Гагартамъ, лѣнность получила награду, а трудолюбіе осталось безъ сапоговъ. Потерявъ все, что у него было, трудолюбивый братъ вздумалъ посѣтить лѣниваго брата и посмотреть какъ-то ему живется на свѣтѣ. Путь его лежалъ черезъ лугъ, гдѣ паслось прекраснѣйшее стадо овецъ подъ присмотромъ красавицы дѣвицы, которая прядла золотыя нитки. Подошелъ онъ къ ней и спросилъ: кто она и чье это стадо? На что получилъ въ отвѣтъ, что она счастье его брата, и что эти стада тоже принадлежатъ его брату.

— Да гдѣ же мое-то счастье? спросилъ оборванный пѣшеходъ.

— Очень далеко, отвѣчала красавица и исчезла.

Бѣднякъ не имѣлъ причины сомнѣваться въ вѣрности ея показанія.

А между тѣмъ онъ все шелъ да шелъ и дошелъ наконецъ до дому своего брата. Надо сказать, что братъ его былъ такъ же добръ, какъ и лѣнивъ, и потому принялъ его съ распростертыми объятіями, въ продолженіе нѣсколькихъ дней праздновалъ его прибытіе и не отпустилъ его въ путь безъ новыхъ сапоговъ на ногахъ и безъ денегъ въ карманѣ.

Возвратился бѣднякъ домой и въ справедливомъ огорченіи на свой жребій сталъ думать, что на свѣтѣ бываютъ престранныя вещи и что близость счастья такъ пріятна, что и ему не худо бы поискать своего собственнаго счастья. Не долго раздумывая, онъ вскинулъ на плечи сумку съ краюхой хлѣба, взялъ въ руку палку и пошелъ съ твердою рѣшимостью отыскать гдѣ бы то ни было свое далекое и еще невѣдомое счастье. Все же что нибудь да значило узнать, что и у него есть свое счастье, какъ бы далеко оно ни было.

И пошелъ онъ куда глаза глядятъ, шолъ шолъ да и зашолъ въ дремучій лѣсъ и въ самой его чащѣ увидалъ старую каргу, которая крѣпко спала. Чтобы разбудить ее, онъ-такимъ порядкомъ

стукнулъ ее по спинѣ дубинкою, однако и это первобыточное средство только послѣ многихъ опытовъ оказало свое дѣйствіе. На силу открыла глаза старая колдунья и брѣзгливо проговорила ему, что не будить бы ее слѣдовало ему. а считать за великую благодать, что она спитъ. Не вздремни она немножко, не бывать бы на его ногахъ новымъ сапогамъ.

— Да что же ты за такая важная особа, что одне открытіе или закрытіе твоихъ глазъ рѣшаетъ—быть или не быть сапогамъ на моихъ ногахъ? спросилъ удивленный путникъ.

— Я твое счастье, отвѣчала старая вѣдьма.

— Ты! закричалъ добрый молодецъ, и въ голосъ его зазвучала досада: онъ началъ подозрѣвать, что и за безпокойство странствія онъ такъ же плохо будетъ вознагражденъ, какъ и за прочіе труды своей жизни: —а попрошу я тебя сказать, кто указалъ тебѣ быть моимъ счастьемъ?

— Судьба, отвѣчала старуха.

— Прекрасно, — ну, а гдѣ же эта Судьба находится?

— Ищи, былъ невѣжливый и неудовлетворительный отвѣтъ, и съ этимъ словомъ старая карга исчезла.

Послѣ этого вдругъ измѣнилась цѣль у бѣдняка, котораго мы теперь будемъ называть странникомъ. Онъ нашолъ свое счастье, нечего сказать; преплохое счастье—теперь надо попытаться отыскать и Судьбу. И вотъ пошелъ онъ опять куда глаза глядятъ; идетъ, идетъ, и приходитъ въ деревню; а какъ пришолъ онъ въ деревню, такъ прямо въ глаза ему бросился прекрасный домъ, въ которомъ горѣли такіе огни, что онъ подумалъ— не свадьбу ли тутъ играютъ, или не готовятся ли къ какому другому пиршеству? Вошолъ онъ въ домъ, а въ домѣ все такъ убрано и разукрашено. Огромный котелъ виситъ надъ огнемъ, а въ котлѣ варится ужинъ. Самъ хозяинъ сидитъ въ углу и, увидѣвъ незваного гостя, ласково поздоровался съ нимъ, проситъ садиться и рассказать, зачѣмъ онъ пожаловалъ къ нему?

Странникъ безъ утайки рассказалъ ему всю свою исторію и потомъ спросилъ въ свою очередь хозяина, по какому торжественному случаю готовится у него такой пиръ? Глубоко вздохнулъ хозяинъ и отвѣчалъ:

— Братъ по несчастію, по всему вижу, что и ты терпишь со мною одну участь—такой пиръ составляетъ ежедневный ужинъ для одного моего семейства. Богатства у меня много, и

семья моя не многочисленна, но до того ужасна общая обжорливость, что кажется въ каждомъ изъ членовъ моего семейства сидитъ драконъ, который все пожираетъ и никогда сытъ не бываетъ. Переночуй-ка сегодня у меня и увидишь своими глазами, что за стаю голодныхъ волковъ содержу я въ своемъ домѣ.

Странникъ принялъ приглашеніе и когда вся семья сѣла за ужинъ, онъ былъ пораженъ картиною жадности, представшею его глазамъ. Не только громадный котелъ былъ опорожненъ въ нѣсколько минутъ, но еще казалось, что обжоры готовы были вырывать другъ у друга куски изо рта. Когда послѣдній кусокъ мяса былъ съѣденъ, старшая дочь, которая хозяйничала у отца, бросила обглоданныя кости за печь. Не успѣли кости стукнуть объ полъ, какъ выползли изъ темнаго угла какія-то два старья, грязныя, жалкія существа и принялись грызть эти кости съ такимъ же остервененіемъ, съ какимъ дѣти ѣли мясо.

— Скажи, пожалуйста, кто это грызетъ кости тамъ за печью? спросилъ Странникъ у хозяина.

Съ тяжкимъ вздохомъ отвѣчалъ хозяинъ:

— Это отецъ мой и мать моя; они стары и дряхлы; но земля ихъ не прибираетъ и смерть будто забыла ихъ. До того крѣпко держатся они за землю, что даже сила времени на нихъ не дѣйствуетъ.

На другой день Странникъ сталъ прощаться съ хозяиномъ, а тотъ со слезами на глазахъ говоритъ ему:

— Братъ по несчастью, ты видишь всю крайность моего злополучія. У меня малые дѣти, обжорливость которыхъ я ничѣмъ не могу насытить, и старые родители, на которыхъ и смерти нѣтъ. Ты сказалъ, что идешь отыскивать Судьбу, такъ если тебѣ удастся отыскать ее, будь такъ добръ, спроси у нее, за что она такъ жестоко наказываетъ меня.

Странникъ обѣщался исполнить его просьбу, если только его повски будутъ имѣть успѣхъ. Такъ они и разстались.

Странникъ шолъ цѣлый день—пока дошолъ до другой деревни, гдѣ также радушно былъ принятъ другимъ хозяиномъ, который пригласилъ его переночевать у себя и рассказать ему цѣль своего странствованія, что онъ и исполнилъ.

Второй хозяинъ тоже пожаловался на свою участь: стада его никакъ не плодятся, при чемъ онъ слезно просилъ своего гостя спросить у Судьбы, что за причины его злополучія?

Странникъ обѣщаль и ему при случаѣ разузнать о томъ. Такъ они и разстались.

Опять цѣлый день пропутешествовалъ странникъ, пока дошолъ до рѣки, которая благосклонно перенесла его на своихъ волнахъ и высадила его на другой берегъ; а когда узнала, что онъ отыскиваетъ Судьбу, то на прощаньи просила его спросить у Судьбы, отчего рыба не водится въ ея водахъ?

Долго такимъ образомъ странствовалъ нашъ Странникъ и опять зашолъ въ дремучій лѣсъ; тутъ онъ въ самой чащѣ нашолъ почтеннаго отшельника и сталъ просить у него наставленія, какъ бы ему поскорѣе достигнуть предмета своихъ стремленій и поисковъ?

Встарину, почтеннымъ отшельникамъ, кажется, все на свѣтѣ было извѣстно, хотя они далеко не выказывали наружу своихъ познаній при пустыхъ распросахъ. Лѣсной отшельникъ не уступалъ своей братіи, однако на этотъ разъ не замедлилъ отвѣтомъ и объяснилъ страннику, что дворецъ Судьбы находится по ту сторону близлежащихъ горъ, при чомъ далъ ему совѣтъ удерживаться отъ пустыхъ разговоровъ, и когда онъ вступитъ въ тотъ дворецъ—крѣпко держать языкъ за зубами, пока сама Судьба не заговоритъ съ нимъ, при чомъ точно и внимательно подражать всему тому, что она будетъ дѣлать.

Скоро перешолъ Странникъ черезъ горы и вступилъ въ желанный дворецъ именно въ ту минуту, когда Судьба садилась за ужинъ. Великолѣпное зрѣлище представилось его глазамъ! Никогда парадныя комнаты въ императорскомъ дворцѣ не имѣли такого роскошнаго убранства, какъ та зала, въ которую вошолъ Странникъ! Никогда еще не видалъ онъ такой многочисленной блистательной свиты, какая прислуживала Судьбѣ, хоть она сидѣла одна одиноконька, пока не присоединился къ ней незванный гость

Строго придерживаясь наставленія достойнаго отшельника, Странникъ усердно принялся за ѣду, стараясь подражать приѣму хозяйки.

Судьба отужинала и легла спать, за нею точно тоже сдѣлалъ и Странникъ; но въ самую глухую полночь, они оба были пробуждены страшнымъ гуломъ, который прошолъ по всему дворцу, и грому-подобный голосъ провѣщаль слѣдующія слова:

— О судьба, судьба! ты спишь, а какъ много людей роди-

лось въ этотъ день! надѣли же каждаго изъ нихъ своими щедротами.

Судьба встала съ торжественнымъ видомъ, открыла шкатулку, полную золотыхъ монетъ и стала размышлять по полу золоте, изрекая такое благословеніе:

— Да проведутъ всѣ рожденные нынѣ люди все время своего земнаго поприща такъ, какъ я провела шестидесятидневный день!

На слѣдующее утро вдругъ дворецъ исчезъ, а на мѣсто дворца очутился богато; убранный домъ знатнаго дворянина; все въ домѣ показывало довольство и удобство. День прошолъ въ тишинѣ и молчаніи. Судьба съ своимъ гостемъ опять поужинали и улеглись спать; но въ глухую полночь снова были пробуждены тѣмъ же гуломъ и голодомъ, протрещавшимъ тѣ же слова:

— О судьба, судьба! Ты спишь, а какъ много родилось людей въ этотъ день! надѣли же ихъ своими щедротами!

Судьба встала, открыла шкатулку, но на этотъ разъ вынула оттуда горсть серебряныхъ монетъ, перемѣшанныхъ съ золотомъ и изрекла точно такое же благословеніе, какъ и въ прошлую ночь.

Нѣсколько дней повторилась одна и таже исторія, только съ каждымъ днемъ дождь становился все меньше и меньше до тѣхъ поръ, пока Судьба съ своимъ гостемъ очутились въ прескверной лачужкѣ. О прежнемъ избыткѣ и помину не было. Судьба взялась за заступъ и цѣлый день копала землю, Странникъ взялъ другой заступъ и усердно помогалъ ей въ работахъ. Ужинъ состоялъ изъ краюхи хлѣба, половину котораго Судьба предложила гостю и когда ночью голосъ по обыкновенію воззвалъ къ Судьбѣ, чтобъ она одѣлила своими щедротами рожденныхъ въ тотъ день, она разбросала по полу нѣсколько мѣдныхъ грошей, пожелавъ всѣмъ рожденнымъ въ тотъ день провести всю жизнь, какъ она провела въ тотъ день.

На другое утро опять явился великолѣпный дворецъ и тогда Судьба заговорила наконецъ съ своимъ гостемъ и спросила, за чѣмъ онъ пожаловалъ къ ней.

Странникъ безъ утайки разсказалъ ей всю свою исторію и за тѣмъ прибавилъ, что желалъ бы узнать, что за причина его такого плохаго счастья.

На этотъ вопросъ привѣтливо, но торжественно Судьба изрекла слѣдующія слова:

— Безъ сомнѣнія, ты замѣтилъ всѣ событія, происходившія

въ короткое время твоего пребыванія здѣсь; конечно, обратилъ ты вниманіе и на то, что каждое утро происходитъ перемѣна въ образѣ моей жизни. Какъ проходитъ день для меня, точно такъ должны проводить всю свою жизнь рожденные въ тотъ день. Братъ твой родился въ одинъ изъ тѣхъ дней, которые я проводила въ роскоши, оттого ему все и удается; ты же родился въ тотъ день, когда я жила въ лачужкѣ, потому-то все тебѣ худо, не смотря на все твое трудолюбіе и воздержаніе.

— Стало быть, дѣло мое безнадежно и помочь мнѣ ничѣмъ нельзя? спросилъ Странникъ сильно закручинившись.

— Ты можешь въ нѣкоторой степени улучшить свой жребій, возразила Судьба, — если только послѣдуешь моему совѣту. У твоего брата есть дочь, которая родилась въ такой же счастливый день, какъ и ея отецъ. Женись на ней и если твое состояніе будетъ процвѣтать, не говори, что оно твое, а что все это принадлежитъ дочери твоего брата. Въ такомъ только случаѣ ты будешь во всемъ преуспѣвать, не смотря на свое плохое счастье.

Странникъ поблагодарилъ Судьбу за наставленія и объясненія, которыми она не поскупилась надѣлать его; потомъ съ глубокимъ смиреніемъ предложилъ ей вопросы, которые поручилъ ему передать знакомые, встрѣченные имъ на дорогѣ.

У Судьбы готовъ былъ отвѣтъ на все. Человѣкъ, у котораго дѣти были одержимы обжорливостью, а родителей земля не прибирала, несъ на себѣ такое наказаніе за то, что былъ непочтительнъ къ своимъ старымъ родителямъ. Еслибъ онъ, вмѣсто того, чтобъ бросать имъ обглоданныя кости за печь, посадилъ бы ихъ на первыя мѣста за столъ и угощалъ бы ихъ лучшимъ стаканомъ вина и первою рюмкою водки, тогда бы жизнь его дряхлыхъ родителей была сокращена и жадность его дѣтей уменьшилась. Другой ворчунъ, который жалуется, что у него скотъ не плодится, несетъ такое наказаніе за свое скражничество: даже въ торжественный день своего святого патрона онъ приноситъ въ жертву что ни на есть худшую скотину. Что касается до рѣки, то рыба въ ней не водится оттого, что ни одинъ еще человѣкъ не утонулъ въ ея водахъ. При этомъ Судьба подала благоразумный совѣтъ Страннику, говоря, чтобы послѣднее наставленіе онъ поберегъ бы про себя до тѣхъ поръ, пока рѣка перенесетъ его на другой берегъ, а то, пожалуй, очень мо-

жетъ случиться, что рѣка попробуетъ вознаградить своей недостаткомъ на счетъ своего наставника.

Съ такимъ запасомъ свѣдѣній для себя и для своихъ друзей, Странникъ повернулъ домой. Скоро дошолъ онъ до рѣки, но крѣпко остерегался передать ей специфическое средство для распложенія рыбы, до тѣхъ поръ пока она не высадила его на противоположный берегъ, да и то отбѣжалъ еще на довольно большое пространство, и только тогда уже прокричалъ свое наставленіе во все горло, чтобъ она могла услышать его.

Послѣдствія доказали, что Странникъ поступилъ очень благо-разумно, послушавъ совѣта Судьбы, потому что лишь только рѣка услышала, что утопленникъ необходимъ для оплодотворенія ея водъ, какъ тотчасъ же вздулась, зашумѣла и вышла изъ своихъ береговъ—не одобровать бы нашему Страннику, еслибъ онъ не улепетывалъ отъ нее во все лопатки.

За три дня до праздника скудно чествуемаго святаго патрона, Странникъ пришолъ въ домъ скупого ханжи, который смиренно выслушалъ отъ него наставленіе и пригласилъ его погостить у себя, чтобы быть свидѣтелемъ истины. По случаю торжества выбрана была лучшая скотина и принесена на жертву, а такъ какъ непосредственно послѣ того оказалось большое улучшеніе въ положеніи стада, то исправленный скряга подарилъ пять отличныхъ воловъ своему наставнику.

Странникъ простился съ нимъ и отправился въ путь. Скоро достигъ онъ до дому непочтительнаго сына. Раскаившійся грѣшникъ послушался совѣта Судьбы, который былъ ему сообщенъ Странникомъ. Въ ту же минуту вызвалъ онъ изъ темнаго угла своихъ дряхлыхъ родителей, обмылъ, обчистилъ и вычесалъ ихъ, посадилъ на первыя мѣста за столъ и почтительно поподчивалъ ихъ лучшимъ стаканомъ вина и первую рюмкою водки.

Щедро была вознаграждена добродѣтель почтительнаго сына: въ ту же минуту младшіе члены его семейства потеряли свою обжорливость, а старики на другой же день спокойно умерли. Два вола были подарены Страннику за его душеспасительный совѣтъ. Когда вернулся онъ на родину, видъ отличныхъ воловъ не мало возбуждалъ общихъ восторговъ. Но когда у него спрашивали, кому принадлежатъ эти семь воловъ? Онъ всегда имѣлъ осторожность отвѣчать:

— Не мнѣ, а дочери моего брата.

Безъ малѣйшаго колебанія, лѣнивый, но добрый братъ отдалъ

за него дочь свою. После свадьбы, трудолюбивый братъ сдѣлался счастливымъ и богатымъ человекомъ, но никогда не забывалъ говорить всѣмъ и каждому, что окружающее его богатство не ему принадлежитъ, а есть собственность его жены. Однако случилось однажды, когда урожай былъ необыкновенно хорошъ, какой-то прохожій спросилъ у него: чьи это превосходныя поля? Чувство гордости овладѣло имъ и онъ имѣлъ неосторожность отвѣчать:

— Мой!

Вдругъ откуда ни возмись огонь вокругъ его хлѣба, угрожая все уничтожить. Увидѣвъ бѣду, повѣренный Судьбы поспѣшилъ поправить свою ошибку и что есть силы закричалъ вслѣдъ прохожему:

— Эй, пріятель, постой! погоди немножко, я ошибся: поле-то не мнѣ принадлежитъ, а дочери моего брата!

Огонь прекратился и ошибка никогда уже не повторялась.

Внимательный читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что въ этой истинно замѣчательной сказкѣ развиты двѣ теоріи, неудобосогласуемая. Сообразно съ первою теоріею, человекъ подвергается приговору судьбы, не смотря на свои личныя достоинства и сообразно лишь дню его рожденія. Въ то же время надо обратить вниманіе и на то, что эта судьба не возвышается на степень предопредѣляющаго божества кальвинистовъ или непреклоннаго рока древнихъ грековъ, ставившихъ ее выше всѣхъ боговъ. Сербская судьба, опредѣляющая превратности человеческой жизни, сама далеко не непреклонна и подвергается измѣненіямъ, независимымъ отъ нея. Она одѣляетъ людей добромъ и зломъ, смотря потому, что приходится испытывать ей самой; она не имѣетъ даже права выбирать любимцевъ или жертвъ, и хотя ея дары распределяются между людьми по днямъ рожденія ихъ, но выборъ этого дня отъ нея не зависитъ. Чтобы пополнить эту теорію, мы должны предположить, что судьба сама зависитъ отъ другаго высшаго существа, Рока, представляемаго, вѣроятно, громовымъ голосомъ, — Рока, который распределяетъ дни рожденія людей, сообразно различнымъ занятіямъ своего второстепеннаго агента — Судьбы; иначе этотъ агентъ былъ бы олицетвореніемъ случая, а не Судьбой.

Что касается до превращеній, которымъ подвергается Судьба, — они слѣдуютъ, повидимому, за правильнымъ планетнымъ движеніемъ. После нѣкотораго числа дней дворецъ превращается

въ лачужку, постепенно переходя чрезъ извѣстные промежуточные состоянія; потомъ, по совершеніи этого пониженія, лачужка прямо обращается во дворець, но безъ всякихъ промежуточныхъ состояній, и снова происходитъ постепенное пониженіе и такъ далѣе.

Чрезвычайно тонко сербы олицетворяли также не только общее распредѣленіе добра и зла между людьми, но и отдѣльные жребіи, выпадающіе на долю каждаго человѣка: прекрасная молодая дѣвушка и безобразная старая карга, обѣ представляютъ счастье братьевъ счастливаго и несчастнаго.

Между тѣмъ, какъ ученіе о судьбѣ ведено такимъ поучительнымъ образомъ въ главномъ происшествіи повѣсти, два эпизода въ ней представляютъ совершенно противоположную мораль, а именно: люди бывають награждены или наказаны за свои собственные поступки. Никакое трудолюбіе не помогаетъ старшему брату, такъ что улучшить свое положеніе ему удастся только посредствомъ женитьбы на счастливой дѣвушкѣ; тогда какъ человѣкъ непочтительный къ родителямъ или другой, не почитающій своего святаго патрона, избавляется отъ своихъ бѣдствій, лишь только исправляютъ свое поведеніе.

Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ противорѣчій примѣръ почти инстинктивнаго отвращенія, которое выказываютъ чистые и простые умы къ ученію фаталиста, прикрывается ли онъ глубокомысліемъ философа или святостью богослова.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!

РОМАНЪ.

Книга вторая.

XXXIII.

Какъ сказалась любовь Софьи Николавны? Въ первые дни, она была точно въ туманѣ. Ее поразила страсть мальчика, этого Бори, котораго она думала смирить тихими ласками сестры. Потому чувство такъ сильно и быстро овладѣло ею, что ей некогда было думать, нельзя было больше сдерживать Бориса. На нее обаятельно, неотразимо дѣйствовала его молодость, свѣжесть, глубокая искренность всѣхъ проявленій юношеской страсти. Нельзя ей было не отдаться этому потоку. Въ ней также играли молодья силы, жажда любви горѣла и въ ней. Замужество оставило ей какое-то неудовлетворительное порываніе, отношенія къ покойному мужу были слишкомъ исключительны; они заключали въ себѣ много самоотверженія и свѣтлой дружбы; но любви не было въ нихъ. Чувство Софьи Николавны къ Борису было не одна *жалость*, не одно умиленіе надъ *бѣднымъ мальчикомъ*, не награда только за его душевную борьбу и горечь; а свой, самобытный, горячій порывъ. Поэзія юности заражительна. Пужно было не имѣть ни капли крови въ жилахъ, ни одного нерва, способнаго принять впечатлѣніе, заморозить въ себѣ молодость и заставить стучать сердце по своему приказу, чтобъ остаться спокойной, твердой, холодной около свѣжаго, нетронутаго, только что распустившагося сердца, въ которомъ любовь ключомъ бьетъ и охватываетъ вась своей первобытной правдой и простотой.

А онъ отдался ей весь, безъ раздѣленія, какъ любовникъ, какъ братъ, какъ сынъ, съ покорностію и съ глубокимъ чувствомъ счастья, какое было бы только въ семнадцать лѣтъ. Онъ самъ не сознавалъ, какая прелесть была въ его чувствѣ, какъ сильно онъ овладѣлъ сердцемъ Софьи Николавны. Въ первые дни она жила однимъ желаніемъ, чтобы Борисъ забылъ всю горечь своей борьбы и былъ безконечно счастливъ.

Тонъ ихъ измѣнился. Полное равенство чувствовалось между ними. Она не давала ему совѣтовъ, ни однимъ словомъ не выказывала своего превосходства въ чемъ-либо, какъ-то сократилась; но стала еще свѣтлѣе, еще примирительнѣе въ своихъ взглядахъ. Она гнала всякую темную мысль, малѣйшій упрекъ, малѣйшій вопросъ, который бы могъ нарушить ихъ тихій міръ. И Борисъ такъ привыкъ къ этому, что, дѣйствительно, ничто тревожное не поднималось на его душѣ. Онъ былъ съ ней свободенъ, какъ птица; ласки его были не сдержанны, смѣхъ, разговоръ, все это въ немъ преобразилось. Онъ сталъ мужчиной, героемъ, а думалъ, что онъ по прежнему юноша: преклоняющійся, рабскій, благоговѣющій предъ своей теткѣ.

Положеніе ихъ въ домѣ, около Маши, среди людей какъ-то не тяготило ихъ. Въ первое время, имъ ни разу и въ голову не пришло скрываться. Стѣсняло Бориса то, что онъ говоритъ Софѣ Николавнѣ *вы*; онъ началъ вслухъ говорить ей ты и совсѣмъ пересталъ звать ее тетя. Маша послѣдовала его примѣру, и это сравнялось, никому не бросилось въ глаза. Въ теченіе дня, онъ подойдетъ, приласкаетъ Софью Николавну, она его, и оба при этомъ и не думаютъ, что они злоупотребляютъ своей родственной связью, играютъ комедію... Слишкомъ много было въ нихъ молодости и жажды счастья, чтобы любовь съ перваго же дня принесла съ собою угрызенія совѣсти, тревогу, постоянную маскировку... Они были какъ дѣти, и въ сущности никого не обманывали, ни себя, ни другихъ.

Жизнь пошла тѣмъ же равнымъ путемъ, съ тою разницею, что Борису еще невыносимѣе стало высказывать шесть часовъ въ гимназій. Онъ думалъ даже вытти до окончанія курса; но Софья Николавна упростила его не дѣлать этого. Горшковъ и Абласовъ ходили давать уроки; Маша, по прежнему, занимала всѣхъ; ихъ собственно она не стѣсняла. Замѣчали-ли товарищи Бориса чтонибудь, трудно было связать; да и вредъ-ли. Конечно, свѣжему человѣку не трудно было увидать, какой огонь зажигался, когда ихъ взгляды встрѣчались; но молодость невнимательна, и не любитъ подозрѣвать... Одно замѣтили Горшковъ и Абласовъ, что Борисъ сталъ необыкновенно равенъ, мягокъ, веселъ; но они могли приписать это влиянію Софьи Николавны вообще, не давая никакого, другаго смысла.

Федоръ Петровичъ, когда пріѣзжалъ, заставлялъ всегда семей-

ную картину, всѣхъ въ диванной, за чаемъ, или съ книжкой... Врядъ-ли ему что и западало на умъ. Только Мироновна какъ-то странно посматривала на парочку, когда эта парочка ходила по залу, послѣ обѣда въ сумеркахъ.

Съ той минуты, какъ Софья Николаевна отдалась Борису, она перестала быть для него прежней *тетей*; но не потому, что онъ смотрѣлъ на нее, какъ побѣдитель; а потому, что она преобразилась въ страстную, молодую, наивную женщину, такую же молодую, какъ онъ. Они переживали съ нимъ одну и ту же эпоху жизни, иного и быть не могло. Но тутъ только Борисъ почувствовалъ, какъ холодно, неполно, тревожно было все то, что онъ испытывалъ прежде; только теперь съ мыслью о Софьѣ Николаевнѣ соединялось для него какое-то неизмѣримое и никогда не умирающее счастье... Называя ее дорогой моей, радость моя, зная, какъ она ему дорога и какую радостью зачинается каждый день, который для всѣхъ вокругъ него проводилъ такъ дозвонно, такъ кисло и безцвѣтно.

Анна тѣшилась имъ, забыла всѣхъ; дышала на него, какъ на свое безцвѣтное дитя, призванное къ наслажденію и свѣтлой будущности...

XXXIV.

Насталъ великій постъ. Уныло загудѣли колокола. Ранняя оттепель загрязнила улицы. Дни стояли пасмурные, скучные. Все пряталось по домамъ, притихла и безъ того не шумная жизнь губернскаго города.

У Телепневыхъ, изстари, велось говѣть на Страстной недѣлѣ. Борисъ не замѣтилъ, какъ пронеслись шесть недѣль поста. Ему было такъ легко, такъ полна была тайной прелести его юношеская жизнь, что въ иныя минуты онъ рѣшительно забывалъ, какъ живутъ остальные люди вокругъ него, въ домахъ и на улицахъ, движется-ли время къ Свѣтлому празднику или идетъ назадъ къ осени, кончаютъ его товарищи курсъ или только перейдутъ въ слѣдующій классъ.

Въ пятницу на шестой недѣлѣ, Мироновна, встрѣтившись съ Борисомъ наверху сказала ему внушительно:

— Вотъ долговязый.... Верное воскресенье послѣ завтра.... чай служба будетъ.

— Гдѣ? спросилъ онъ.

— Какъ гдѣ? у насъ, чай знаешь... Этихъ порядковъ-то не слѣдуетъ мѣнять. Надо инъ батюшкѣ дать знать... вотъ и говѣнье начнется... въ которомъ часу и какъ приходъ-то большой, не у однихъ у насъ на дому служба бываетъ, ты скажи Софьѣ-то Николаевнѣ.

— Хорошо, хорошо, отвѣтилъ Борисъ и пошелъ къ теткѣ.

*

— Мы будемъ говѣть? спросилъ онъ.

Этотъ вопросъ точно удивилъ ее.

— Тебѣ развѣ не хочется? проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, милый, я хотѣла говѣть на четвертой недѣлѣ: я поджидала тебя.

— У насъ всегда служба на дому бывала.

— И прекрасно .. это и для Маши будетъ удобно.

— Миѣ все не вѣрится, сказалъ Борисъ, что постъ прошел... и страстная недѣля черезъ два дня....

— И надо во всемъ каяться, съ тихой улыбкой промолвила Софья Николаевна.... Тебѣ страшно, Боря?

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ и смѣло взглянулъ на нее....

Послѣ всенощной на вербное воскресенье, которую отслужилъ отецъ Павелъ, старый духовникъ ихъ дома, старикъ съ византийскимъ окладомъ лица; въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ, въ восемь часовъ утра, въ залѣ раздался однообразный, то возвышающійся то упадающійся звукъ. Его производилъ древній дячокъ Сергѣичъ. Онъ выработалъ себѣ такую дикцію, такую быстроту и связность въ произнесеніи словъ, что не было никакой возможности слѣдить за нимъ. И вездѣ былъ онъ неизмѣненъ: и въ домовой службѣ, и на клиросѣ, и въ чтеніи псалтиря у богатыхъ и бѣдныхъ покойниковъ. Самыя тяжелыя минуты жизни Бориса связаны были съ монотоннымъ, спутаннымъ чтеніемъ дячка Сергѣича. Стоило ему посмотреть на его фигуру, и услышать звукъ его голоса, чтобъ предъ нимъ прошли картины смерти, похороны дѣдушки, матери и отца. Но самъ Сергѣичъ не смотрѣлъ сумрачно; на лицѣ его жила всегдашняя, какая-то плутовато-добродушная улыбка.

Одѣваясь у себя въ спальнѣ, Борисъ слышалъ чтеніе дячка и вспомнилъ былые годы, когда, наверху, Мироновна будила его, торопила всегда молиться, и онъ съ сонными глазами сходилъ съ лѣстницы и глядѣлъ на Сергѣича, который помѣщался всегда у окна противъ дверей въ коридорѣ и потряхивая своими сѣдыми кудрями каталъ безъ малѣйшихъ паузъ. Вдоль правой стѣны, въ дверяхъ изъ передней и коридора стояли лакеи и горничныя съ постными лицами; старухи усердно и истово крестились и клали частые земные поклоны, молодыя дѣвки молились по модному. У дверей въ гостиную, за стуломъ помѣщалась бабушка, отецъ стоялъ всегда въ гостиной, такъ что его не было видно. Борисъ, бывало, прижмется въ уголь, у двери; а подлѣ него станетъ Маша и все молится на колѣняхъ. А теперь дворня уже не было. Сошла Мироновна да Аннушка, да еще двѣ старухи; а изъ передней выглядывала только фигура Якова. Софья Николаевна и Борисъ стояли рядомъ, недалеко отъ дверей въ гостиную; Маша въ уголкѣ опустила въ олѣни и шептала свои молитвы. Она говѣла въ первый разъ.

Въ залѣ было свѣжо и темновато. Отецъ Павелъ въ старинной фиолетовой ризѣ, осаписто занималъ мѣсто передъ столомъ, уставленнымъ образами. Онъ медленно нагибался, кладя на себя крестъ, и сѣдая его голова, съ небольшою лысиною, оставалась совсѣмъ неподвижною.

Когда онъ прерывалъ чтеніе дьячка словами великопостной молитвы, онъ произносилъ ее плавно, старческииъ; но еще звучнымъ голосомъ, съ какой-то особой торжественно - грустной интонаціей и становился на колѣни, почти не производя шума.

Борисъ повторялъ за священникомъ и, взглядывая украдкой на Софью Николавну, клалъ земныя поклоны.

А ея лицо было безмятежно, спокойно, безъ всякаго постнаго выраженія. Она молилась, но безъ сокрушенія, съ какой-то, неподходящей къ страстной недѣлѣ радостью....

И такъ прошло три дня. Каждое утро и каждое послѣ обѣда являлись «свещенники» (по выраженію старыхъ дворовыхъ). Въ одиннадцатомъ часу Телешевы ѣздили въ церковь, къ обѣднѣ; потомъ вмѣстѣ читали евангеліе и проповѣди Іоанна Златоуста. Вечеръ проходилъ въ тихихъ общихъ разговорахъ. Маша предлагала разные *духовные* вопросы. У ней было большее расположеніе къ духовнымъ бесѣдамъ. Всѣ эти дни она притихла. какая-то дѣтская важность видна была въ ея чистыхъ, прекрасныхъ глазкахъ. Ея наполняло чувство *ювьнья*, и, минуками, лицо ея точно хотѣло сказать: что это тетя и Боря какіе веселые, вѣдь они говѣютъ, такъ какъ и я?...

Въ страстную среду, въ гостиной приготовили столъ съ образами. Тутъ *батюшка* долженъ былъ исповѣдовать. Послѣ обѣда Софья Николавна и Борисъ ушли въ диванную, а Маша побѣжала по всему дому просить прощенія у людей. Съ Мироновной у нихъ вышелъ такой умилительный разговоръ, что обѣ заплакали. Яковъ даже просіялъ, когда Маша подбѣжала къ нему, и сложивши ручки на груди, проговорила:

— Ты меня, пожалуйста прости Яковъ, въ чемъ я предъ тобой согрѣшила.

— Матушка, вскрикнулъ хмурый Яковъ, и кинулся цѣловать ея руку.

Она руку отдернула.

— Нѣтъ, ты, пожалуйста прости меня, кротко повторила она.

— Богъ васъ проститъ, барышня. Добрая барышня, прибавилъ онъ, смотря въ слѣдъ удаляющейся Маши.

— Когда она взшла въ диванную, Софья Николавна и Борисъ сидѣли у окна и смотрѣли на улицу.

— Тетя, милая, заговорила Маша, бросаясь къ Софьѣ Николавнѣ... я предъ тобой да предъ Борей всего больше грѣшна...

— Въ чемъ-же? спросилъ Борисъ, привлекая его къ себѣ.

— Какъ въ чемъ?... Съ вами я всегда была виѣсть, мнѣ самой теперь не вспомнить всего..., а много я грѣшила... видъ грѣхи-то вольные и невольные бываютъ.

— Прощаю, прощаю тебя, голубушка моя, промолвила Софья Николаевна, цалуя ее.

— И ты прощаешь, Боря? быстро спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, никакъ не прощаю, отвѣтилъ онъ смѣясь, посадилъ ее на колѣни и началъ играть ей доконами.

— А ужъ у меня вы не просите прощенья, говорила Маша, обращаясь къ нимъ обоимъ — я маленькая: противъ меня никто грѣшить не можетъ.

— Отчего-же это? спросилъ улыбаясь Борисъ.

— Да такъ, вы меня учите, любите меня, все для меня дѣлаете и игрушки и книги мнѣ дарите... какъ же вы согрѣшите противъ меня.

Борисъ и Софья Николаевна расхохотались, а Маша сохранила свою серьезную, кроткую физиономію.

— Вотъ я говѣю въ первый разъ, продолжала она; а мнѣ совсѣмъ не страшно... я много грѣшила... да я батюшку не боюсь; онъ добрый...

— Зачѣмъ-же его бояться, сказалъ Борисъ.

— Прежде меня пугали, Боря... что онъ заставитъ себя по комнатамъ возить... да это такъ... пустыя слова... надо Богу каяться... а батюшка ничего самъ не можетъ сдѣлать.

Въ дверяхъ показалась Мироновна.

— Священники пришли, проговорила она.

Всѣ трое отправились въ залъ. Сергѣичъ читалъ немножко повнитіе. Отецъ Павелъ служилъ особенно-тихо. Кончилась вечерня. Онъ снялъ ризу, остался въ эпитрахили, и съ небольшимъ поклономъ пошелъ въ гостиную. Сергѣичъ началъ читать «правило.»

Ближе къ двери въ гостиную стояла Софья Николаевна. Она пристально глядѣла въ уголокъ, на средній образъ, стоявшій на столѣ. Трудно было прочесть что-нибудь на ея лицѣ. Лицо казалось спокойнымъ; только она не много поблѣднѣла и глаза разгорѣлись.

Борисъ не смотрѣлъ на нее. Онъ потушился и опустилъ голову. Запустивши правую руку за жилетъ онъ стоялъ неподвижно, не слушая и Сергѣича; перенесенный въ міръ своего дѣтства. Его также пугали, какъ и Машу, что батюшка сядетъ въ кресла и заставитъ себя возить по гостиной. И какъ тогда жутко было подходить къ двери, отворивъ ее приближаться къ священнику. Торжественнымъ страхомъ наполнялась дѣтская душа, и губы дрожали, и колѣна тряслись...

— Пожалуйте, тихо проговорилъ отецъ Павелъ, показываясь изъ за двери.

Софья Николаевна чуть-чуть дрогнула и, перекрестившись, скорыми шагами пошла къ двери; а онъ все глядѣлъ ей въ слѣдъ. Лицо его горѣло. Мгновенно вспыхнуло въ немъ чувство грѣха, ему стыдно стало всѣхъ, кто стоялъ тутъ, и Маша и Мироновны и Сергѣича; онъ закрылъ даже глаза. Но это продолжалось нѣсколько секундъ.

Когда Софья Николаевна вышла изъ гостиной минутъ черезъ пять, онъ прошедши мимо ея, увѣренно затворилъ за собою дверь.

Какъ онъ въ свой чередъ показался въ залу, Софья Николаевна встрѣтила его какимъ-то недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Хорошо тебѣ, прощентала она?

Онъ въ отвѣтъ поцѣловалъ у нея руку.

Маша еще разъ просила у нихъ прощенья, и тихо-тихо отвѣрила дверь въ гостиную. Вернулась она оттуда вся въ слезахъ, и бросилась цѣловать Бориса.

— Деньги-то-и забыла отдать, вдругъ вскрикнула она.... Можно пойти опять, Боря?

— Отдай голубчикъ..

И она отправилась еще разъ въ гостиную; а Борисъ съ Софьей Николаевной не могли удержаться отъ улыбки.

На другой день всѣ трое пріобщались; а вечеромъ было у нихъ чтеніе двѣнадцати евангелій и Маша бѣгала послѣ каждаго евангелія и зажигала всѣмъ свѣчи...

XXXV.

По улицамъ не проходило ни одного пѣшехода. — Двѣнадцатый часъ ночи сковалъ городъ сномъ. Только кое-гдѣ запоздалые дрожки подпрыгивали по жесткой, подмерзшей мостовой. Апрельская весенняя свѣжесть сѣвилась легкимъ морозцомъ.

Въ дикомъ домѣ было темно и тихо. Изрѣдка кто-нибудь пройдетъ по залѣ со свѣчей, да въ дѣвичьей хлопнуть тяжелой дверью. Наверху свѣтъ былъ только въ комнатѣ Софьи Николаевны.

Она сидѣла на диванѣ, свернувшись въ комочекъ. Борисъ помялся на полу, положилъ руки на диванъ и смотрѣлъ на нее пристально. Свѣтъ отъ свѣчи падалъ съ туалета и оставлялъ всю фигуру Бориса въ тѣни. Тѣнь ложилась и на нижнюю часть лица Софьи Николаевны. Глаза ея не смотрѣли на Бориса; они были опущены; одна рука падала съ дивана, другой Софья Николаевна подпирала щеку.

Въ комнатѣ замѣтно было приготовленіе къ чему-то. На туалетѣ чепчикъ, на большомъ турецкомъ диванѣ бѣлое платье и мантія. Самый полусвѣтъ намекалъ на какое-то бдѣніе, на необычное ожиданіе чего-то.

Они говорили. Разговоръ былъ въ полголоса.

— Какъ ты проводилъ прежде эту ночь? спросила Софья Николавна.

— Ложился всегда спать, отвѣчалъ Борисъ, придвигаясь къ дивану, Мироновна меня будила. Я надѣвалъ мундиръ, сходилъ внизъ, бабушка въ задъ—вся въ бѣломъ. Посадить въ карету и повезуть. А какъ помоложе былъ, я никогда всей заутрени не выставлялъ...

— А что?

— Дурно сдѣлается, отъ жару, отъ свѣчъ. Меня, бывало, выведутъ въ предѣлъ, гдѣ купель стоитъ.

— Вотъ ты какой слабенькій былъ, проговорила Софья Николавна и подняла лѣвую руку, какъ-будто желая дотронуться до головы Бориса.

— Слабенькій, тихо повторилъ онъ.

— А теперь?

— Ну, теперь въ обморокъ не упаду.

— Знаешь что, Борисъ, начала она, послѣ маленькой паузы. Мнѣ эта ночь напомнила мое дѣтство; моихъ стариковъ... хорошо они молились... Они и сегодня, я думаю, вспоминаютъ меня... и мнѣ... Она остановилась.

— Что же тебѣ? быстро спросилъ Борисъ.

— Стыдно, Боря. Софья Николавна положила ему руку на плечо. Онъ промолчалъ.

— Вотъ мы въ церковь собираемся, продолжала она, будемъ стоять, свѣчку въ рукахъ держать, слушать такую радостную пѣснь... кругомъ торжество и примиреніе, а я боюсь, что въ сердцѣ его не будетъ.

— Почему же нѣтъ?

Софья Николавна обвила его шею руками.

— Потому, мальчикъ ты мой безцѣнный, что я люблю тебя... Когда предо мною Богъ, когда все вызываетъ въ душѣ вѣру, молитву... сердце мнѣ сжимаетъ ѣдкое чувство... На меня, на меня на грѣшную ты тратишь свою молодость, я точно украла твою чистоту... и нечѣмъ мнѣ искупить этого...

Борисъ молчалъ.

— Я счастлива, а ты?—Въ инныя минуты я не смѣю за тебя молиться... Вѣдь я взяла у тебя все лучшее, мучила, раздувала страсть въ ребенкѣ... и что же я дамъ въ замѣну?...

Слезы слышались въ голосѣ, Софья Николавна говорила отрывисто, точно будто каждое слово съ силой вырывалось изъ груди. Она подняла голову, посмотрѣла на Бориса и потомъ тотчасъ же опустила глаза.

— И если когда-нибудь ты охладѣешь ко мнѣ... ни одной минуты не скривай этого... обо мнѣ не думай, не смущайся, у тебя цѣлая жизнь впереди, лови ее, а меня забудь... Тебѣ нельзя идти со мною всю жизнь рука объ руку... ты будешь цѣ-

ств, я увядать... и потомъ, если ты меня заклеймишь упрекомъ, если ты даже скажешь, что я испортила, погубила твою жизнь— я роптать не стану... я заслужила это.

Софья Николавна промзнесла послѣднія слова громче, тверже, но грустно, почти болѣзненно-горько.

Борисъ схватилъ ея руку и началъ горячо цѣловать.

— Голубушка моя, радость моя, шепталъ онъ, что это съ тобой! Что за мысли!.. Какого же мнѣ счастья? Да и кто же можетъ быть счастливей меня?.. Я каждый день, каждый мигъ благодарю Бога за то...

— Нѣтъ, не благодарн за меня, прервала его Софья Николавна. Я тѣшусь тобой... вотъ почему я великая грѣшница...

Борисъ съ какимъ-то удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Зачѣмъ такъ говорить? повторялъ онъ. Это не твои чувства, радость моя. Откуда онъ у тебя?..

Его поразило настроеніе Софьи Николавны. Онъ силится высказаться, спросить ее, отчего у ней нѣтъ въ эту минуту ея свѣтлаго взгляда. съ которымъ онъ такъ сжился.

— Зачѣмъ я такъ говорю? Я не знаю, Борисъ... Это у меня накопило и сказалоь именно теперь, именно въ эту ночь, передъ свѣтлымъ праздникомъ.— Я всегда весела, на все ясно смотрю, со всѣмъ примиряюсь... а тутъ вдругъ другой голосъ.. строгій, горькій, но онъ явился же...

— Ты меня не хочешь-ли бросить? вдругъ сказала Борисъ и съ дѣтской живостью опустилъ голову на ея колѣни. Какъ же я безъ тебя-то буду жить?..

— Бросить! вскричала она и взяла его обѣими руками за голову. Нѣтъ, нѣтъ! прекрасный мой мальчикъ. Жить для тебя хочу! Только прости меня, грѣшную, гадкую!..

— Не прощу, если хоть слово грустное скажешь...

Но лицо Софьи Николавны просвѣтлѣло. Она съ увлеченіемъ цѣловала его глаза, волосы, губы.

Ударилъ колоколъ и загудѣлъ. — Борисъ и Софья Николавна отскочили другъ отъ друга и перекрестились. Нѣсколько секундъ они какъ-то странно озирались кругомъ и молчали.

XXXVI.

Первая прервала молчаніе Софья Николавна.

— Надо будить Машу, проговорила она.

Борисъ всталъ, поцѣловалъ ее въ лобъ и еще разъ, нагнувшись, поглядѣлъ ей въ глаза.

— Больше ничего не скажешь такого? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, дитя мое, нѣтъ. Позови Аннушку.

— Ты вся въ бѣломъ будешь?

— Да, какъ бабушка... иди же, мы этакъ опоздаемъ.

Борисъ выпелъ.

Оставшись одна, Софья Николаевна закрыла лицо руками, потомъ быстро приподнялась, ушла въ альковъ, тамъ упала на колѣни передъ кроватью и оставалась такъ до прихода Аннушки.

Аннушка ее окликнула. Когда Софья Николаевна вышла изъ алькова, лицо ея было свѣтло, даже радостно; и она начала одѣваться молча, точно съ какой-то торжественностью.

Борисъ разбудилъ Миронову и Машу и пошелъ къ себѣ внизъ одѣваться. Наканунѣ ему принесли новое партикулярное платье. Онъ хотѣлъ-было заказать себѣ и фракъ, но удержался. Съ нѣ котораго времени онъ сталъ больше заниматься своимъ туалетомъ; хотя и прежде былъ всегда опрятенъ и порядоченъ и давно, чуть-ли не съ третьяго класса, дома и въ гостяхъ не носилъ гимназической формы.

Яковъ, сонный и хмурый, подалъ ему очень узкіе свѣтлые сапоги, бѣлый жилетъ и модный, по тому времени, однобортный пиджакъ съ бархатнымъ чернымъ воротничкомъ. Платье сидѣло на немъ ловко, обливало его стройную фигуру. Борисъ пополнилъ за послѣдніе три-четыре мѣсяца; лицо стало немного длиннѣе, цвѣтъ лица пересталъ бросаться въ глаза своей свѣжестью, но сдѣлался ровнѣе; усы пробивались очень сильно, а бороду Борисъ началъ брить со смерти отца. Движенія его приобрѣли большую увѣренность; съ перваго взгляда онъ смотрѣлъ *баринкомъ*, хозяиномъ дома, и прокралось это незаметно для него самого. Никто бы не сказалъ, взойшедши въ кабинетъ въ ту минуту, когда Яковъ подавалъ ему новый пиджакъ, что это гимназистъ, семнадцатилѣтній мальчикъ, который полгода тому назадъ не могъ въ домѣ безъ спросу распорядиться Савраской или приказать освѣтить гостиную лампой.

Минуть черезъ двадцать въ залу влетѣла сверху Маша, въ бѣломъ платьѣцѣ, съ длинными локонами, въ шитыхъ панталончикахъ, пышная, прозрачная, шумя своими юбками, съ блестящими глазами и свѣтлымъ личикомъ, на которомъ виднѣлись еще слѣды жаркой подушки, оставленной не въ урочное время.

Маша никого не нашла въ залѣ, заглянула въ бильярдную и постучалась въ спальню брата.

— Можно войти, Борисъ? крикнула она.

— Войди, отозвался Борисъ.

Онъ былъ уже совсѣмъ одѣтъ, причесанъ и немножко поддушенъ. Яковъ подавалъ ему влатокъ, перчатки и новую партикулярную фуражку.

— Боренька, какъ ты разфрантился! заговорила Маша, осматривая его со всѣхъ сторонъ. Поужайся-ка, покажись-ка въ свѣту... какой галстухъ... а жилетна бѣлѣ моего платья... ты совсѣмъ большой, Боря, точно поитищитъ какой. Маша не прибавила другаго сравненія.

— Помѣщикъ, повторилъ Борисъ и разсмѣялся.

— Право, точно помѣщикъ... А пора ужъ ѣхать, Боря, давно ужъ благовѣстять... тѣсно, я думаю, какъ въ церкви.

— Сейчасъ, голубчикъ, отвѣтилъ Борисъ и нагнулся къ своей сестренкѣ. Ну-ка, покажись и ты мнѣ... платье новос?

— Новое, Боря... тетя подарила... Ахъ, вскричала дѣвочка, ахъ какая я гадная... Боренька, милый мой, прости меня.

И она бросилась цѣловать его.

— За что, что такое? говорилъ Борисъ, отвѣчая на ея ласки.

— Я и не поблагодарила тебя; и она вдругъ вытянула изъ-под своего морсажа большой золотой крестъ, на золотой же тончайшей цѣпочкѣ.

— Это кто мнѣ подарилъ? вскричала она. А я и забыла поблагодарить; ахъ, какая я гадкая!

Маша даже огорчилась.

— Это я ужъ на тебя заглядѣлась, добавила дѣвочка, точно счастливицисъ за оправданіе; а мнѣ твой подарокъ дороже всѣхъ будетъ.

И она опять бросилась къ брату.

— Ну, пойдѣмъ, ѣдѣмъ, сказала она, беря его за руку. Тетя совсѣмъ готова... Какая она хорошенькая, Боря. Никогда я ее такой не видала... Во всемъ свѣтѣ только два хорошенькихъ и есть: ты да она.

Она нашла Софью Николавну въ залѣ. Дѣйствительно, Маша была права. Софья Николавна, въ легкомъ бѣломъ платьѣ и длинной мантіи, съ небольшою наколкой на головѣ, казалась молодой, чуть не семнадцатилѣтней дѣвушкой; румянецъ игралъ на щекахъ, волосы съ особенною роскошью падали на лобъ и щеки; вся ея фигура въ бѣломъ казалась еще стройнѣе, еще изящнѣе. Именю такой должна она была явиться на Свѣтлый праздникъ.

Борисъ не удержался, чтобъ не взять ее за руку. Она взглянула на него мягко, ласково, но съ какимъ-то особымъ оттѣнкомъ, который подходилъ къ характеру этой ночи.

— Тетя, закричала Маша, вы точно невѣста! Мнѣ хочется съ вами христосоваться...

— А спать тебѣ не хочется? спросила ее, смѣясь, Софья Николавна.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу Богу молиться; поѣдѣмте.

Борисъ подалъ салонъ Софѣ Николавнѣ и, въ то время, какъ Маша проходила въ переднюю, поцѣловалъ ее въ шею и щеку: радость моя!

XXXVII.

Приходская церковь Николая Чудотворца горѣла шкаликами. Вся колокольная была залита свѣтомъ. Звѣзды и разныя фигуры

размѣщены были между окнами; а на колоннахъ, поддерживающихъ карнизъ портика, висѣли треугольнички. Надъ папертью картина на прозрачной бумагѣ изображала Воскресеніе Христова. Экипажей было много; народъ входилъ густою вереницей; нищія въ два ряда обступили паперть.

Борись съ трудомъ протискался, очищая дорогу для Софьи Николавны и Маши. Приходъ былъ богатый, дворянскій; народу набралось полна церковь. Семейство Телепневыхъ всегда становилось направо отъ входа, противъ праваго предѣла, во имя великомученицы Варвары, гдѣ въ Свѣтлый праздникъ и служили, обыкновенно, заутреню; а раннюю обѣдню переходили служить въ холодную церковь, отдѣленную отъ теплой большою аркою, сквозь которую видѣть былъ богатый иконостасъ, освѣщенный сотнею свѣчъ въ паникадилахъ. На лѣвомъ предѣлѣ весь полъ былъ установленъ пасхами и куличами, на большихъ блюдахъ и тарелкахъ. Тонкія свѣчки были прилѣплены къ каждому блюду, и свѣтъ ихъ, сливаясь съ освѣщеніемъ отъ паникадилъ, производилъ какой-то особенный, красноватый отливъ.

Служба только что началась. Въ церкви было очень душно. Запахъ ладана и воску наполнялъ церковь: но лица сіяли, смотрѣли празднично, молились мало; но точно чего-то всё ожидали.... Бѣлыя платья женщинъ сплошною стѣною обступали амвонъ и клиросы.

Телепневы помѣстились въ углу за печкою и ограждены были отъ толчковъ и давки. Только что они стали на мѣсто, народъ хлынулъ къ выходу: пошли ходомъ вокругъ церкви. Настала тишина, прерываемая то тамъ, то сямъ кашлемъ, шопотомъ, шарканьемъ. На минуту всё какъ-будто совсѣмъ притихло... послышалось пѣніе на паперти; потомъ ближе и ближе, и радостно ворвался наконецъ и загудѣлъ по церкви гимнъ!

— Христось Воскресе! раздался голосъ священника. Вовстину Воскресе, отвѣтили дружнымъ гуломъ сотни голосовъ, и пошло всеобщее пѣлованье.

Почти въ одинъ мигъ Борись и Софья Николавна обратились лицомъ къ другъ другу и похристосовались. Она пожала ему руку и тихо проговорила: мнѣ хорошо.

Борись долго держалъ ее за руку. Со свѣчей, въ своемъ блѣдомъ нарядѣ, въ этомъ мірѣ свѣта и торжественныхъ звуковъ, она была чудно хороша. И онъ почувствовалъ, какъ что-то мягкое, не страстное, но глубоко-умиляющее входило ему въ сердце и точно еще больше сливало всю его жизнь съ жизнью любимой женщины. Но не однимъ земнымъ чувствомъ былъ онъ полонъ; въ эту минуту, онъ сливался съ нимъ въ порывъ къ чему то, что было выше и прекраснѣе ихъ любви и жизни, съ ея радостями и угрызениями! онъ преклонялся предъ той лю-

бовью, которая проститъ ему все: и молодость, и первую страсть, и всякую немощь духа и плоти.

А съ кавроса долетали свѣтлые звуки: и друи друи обь-
жемъ, радостно пѣли молодые голоса, *рцемъ братіе и нена-
видящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ!*

По нѣскольку разъ Маша принималась христосоваться съ тет-
кой и братомъ. Но она не ограничилась ими одними. Со всѣми,
кто стоялъ около, она съ какой-то наивной торжественностью
перецѣловалась, акуратно по три раза.

Кончилась заутреня. Въ теплой церкви стало попросторнѣе.
Толпа подвигалась въ холодную. Поднялся гулъ, всѣ говорили,
переходили съ мѣста на мѣсто, христосовались. Пріѣхали мужья
губернскихъ дамъ изъ собора въ мундирахъ и бѣлыхъ галсту-
хахъ, съ праздничными физиономіями, зажужжали поздравленія, за-
болтали французскій языкъ,

— Здѣсь долженъ быть Абласовъ, сказалъ Борисъ, осматри-
ваясь кругомъ.

— Я его видѣла, подхватила Маша, онъ тамъ впереди стоитъ,
у лѣваго клироса... Достань его, Боря, я хочу съ нимъ хри-
стосоваться, я ему яичко приготовила.

— Придѣтъ самъ, онъ знаетъ наше мѣсто.

— Ты его пригласилъ къ намъ? спросила Софья Николавна.

— Какже, онъ это знаетъ, отвѣтилъ Борисъ.

Абласовъ стоялъ впереди и также высматривалъ Телепневыхъ.
Онъ жилъ въ другомъ приходѣ, но пришелъ сюда. Борисъ при-
глашалъ его разговѣться съ ними вмѣстѣ. Въ самой гимназій
церкви не было; по воскресеньямъ гимназистовъ водили въ стар-
рый соборъ, стоявшій на площади, а по праздникамъ имъ доз-
волялось ходить въ приходскія церкви. Абласовъ наконецъ уви-
далъ Бориса и сталъ пробираться. Первая похристосовалась съ
нимъ Маша.

— Вотъ вамъ и яичко; а вы-то мнѣ что дарите? спрашивала
она своего учителя, держа его за пуговицу мундира.

— Простите, Машепька, ничего не дамъ... проговорилъ онъ
своимъ спокойнымъ голосомъ, и немного покраснѣлъ.

Онъ поцѣловалъ Бориса. Софья Николавна протянула ему руку.
Они не начали говорить. Имъ даже неловко было отъ всеобщей
болтовни. Борисъ предложилъ перемѣнить мѣсто, стать поближе
къ холодной церкви, чтобы слушать службу.

На лѣвомъ предѣлѣ былъ еще большой шумъ. Уставлялись
пасхи и кудичи. Одинъ изъ дьячковъ распорядился и смирялъ
возникающіе споры между служителями обоого пола, которые
все прибывали, неся блюда, завязанныя въ бѣлыхъ и цвѣтныхъ
салфеткахъ.

— Какъ хорошо! вскричала Маша, проходя мимо пасохъ, съ
зажженными свѣчками.

Борисъ и Софья Николаевна взглянула на эту картину и промолчали.

— Какія-то слова, проговорилъ съ полуулыбкой Абласовъ.

Софья Николаевна вскинула на него глазами. Онъ немнѣжно потупился, и пропустивши ее впередъ, сталъ за колонну.

XXXVIII.

Борисъ прислушивался къ службѣ. Началось чтеніе евангелія! Сначала гудѣлъ густой, но подорванный голосъ дьякона. Каждое слово обрывалось и слетала точно съ какой-то высоты. Потомъ раздавался нѣсколько дребезжащій, но пріятный тенористый голосъ отца Павла. Онъ читалъ по русски. Младшій священникъ повторялъ жиденькииъ фальцетомъ по латини и кто-то еще хрипло и нетвердо выговаривалъ по гречески.

И вспомнились Борису рассказы Мароновны, какъ въ соборѣ евангеліе читаютъ на двѣнадцати языкахъ. Онъ вотъ и въ эту минуту не зналъ доподлинно, правда это или нѣтъ, хоть и былъ уже большой, и могъ бы, еслибъ захотѣлъ, попасть и въ соборъ на свѣтлую заутреню.

Передъ Борисомъ стояли Софья Николаевна и Маша и тихо молились. Онъ взглянулъ на нихъ, на свои живыя привязанности и невольно опустился на колѣна.

Обѣдя отошла. Церковь начинала пустѣть. Телешевы двинулись къ двери. Абласовъ шелъ отъ нихъ поодаль.

— Христосъ Воскресе, Боря, крикнулъ вдругъ кто-то позади Бориса. Онъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ Горшковъ съ сіяющей фizioноміей, прибомаженный, въ пестромъ галстухѣ и коричневой визиткѣ. Горшковъ расцѣловалъ его громко, а потомъ полѣзъ къ Абласову. Съ шумомъ раскланялся онъ съ Софьей Николаевной и Машей, и по очереди перепцѣловалъ у нихъ руки.

— Ты какъ здѣсь? почти въ одинъ голосъ спросили Борисъ и Абласовъ.

— Мамочка притащила, громко отвѣчалъ Горшковъ, трихнувъ при этомъ, вихромъ своимъ.

— А ваша шапка здѣсь? спросила Софья Николаевна, пододвинувшись къ нимъ.

Маша услышала ее вопросъ.

— Гдѣ ваша мамаша, Валерьянъ Михайлычъ, покажите мнѣ, пожалуйста, проговорили она, беря Горшкова за руку.

Въ эту минуту, мать его, Анна Ивановна, подошла къ группѣ. Она была также въ бѣломъ батистовомъ платьѣ, бѣлой шали съ турецкими цвѣтами по каймамъ и въ большомъ, нѣсколько старомодномъ, воротничкѣ, обшитомъ мелкимъ кружевомъ. Анна Ивановна кротко улыбалась. Липо ея точно помолодѣло; глаза были такіе свѣтлые; бѣлокурые волосы, гладко лежавшіе на вискахъ, придавали ей необыкновенно опрятный видъ.

— Здравствуйтѣ, Борисъ Николаичъ, плавно проговорила она, слегка наклоняясь впередъ; со мной можно и похристосоваться. Они облобызались. Послѣ того, Анна Ивановна взглянула мелькомъ на Софью Николавну и Машу. Борисъ, обратившись къ нимъ, также весело сказалъ:

— Тетенька, Анна Ивановна Горшкова.

Софья Николавна дружески протянула ей руку.

— Какъ я рада съ вами встрѣтиться, Анна Ивановна, проговорила она; мы такъ любимъ вашего сына, право, какъ роднаго. Горшковъ подскочилъ къ нимъ..

— Вотъ, Софья Николавна, моя мамочка. Я объ ней вамъ говорилъ. Имѣетъ слабость меня баловать.... А васъ всѣхъ она прекрасно знаетъ; она знаетъ, что вы меня не меньше ея балуете.

Анна Ивановна взглянула такъ на своего Валерьяну, что во взглядѣ ея можно было прочесть: «полно ты тараторить егоза.

— Благодарю васъ, отвѣтила она Софьѣ Николавнѣ съ ясной улыбкой... Я такъ рада, когда вотъ мой-то болтунъ бываетъ у васъ. .

— А какъ это вы къ намъ въ приходъ попали, Анна Ивановна? спросилъ Борисъ.

— По старой памяти, Борисъ Николаичъ, по старой памяти. Прежде мы здѣсь, у Николы, жили.. еще при Михайлѣ Семеновичѣ, вся моя молодость прошла въ этой церкви. Вотъ, я вчера и говорю Валерьянѣ: отстоямъ мы свѣтлую заутреню у Николая Чудотворца .. Здѣсь и говѣть изволили? обратилась она къ Софьѣ Николавнѣ.

— Какже... Здѣсь прекрасный священникъ.

— Отецъ Павелъ... старенецъ сталъ; вотъ вѣдь ихъ обоимъ крестилъ. Она указала головой на Бориса и Горшкова; да и васъ также, обратилась она къ Машѣ, которая, немножко въ сторонкѣ, любопытно высматривала ее... Я сейчасъ бы увидела, Борисъ Николаичъ, что это ваша сестрица .. что за красавица, проговорила она въ полголоса. Христось Воскресе! сказала она съ улыбкою Машѣ, и та, радостно, бросилась цѣловать ее.

— Я Валерьяна Николавна люблю очень, говорила дѣвочка, не выпуская изъ своихъ рукъ руки Анны Ивановны; онъ меня такъ славно учитъ, добрый такой.

— Милая вы моя, отвѣтила ей Анна Ивановна, не отрывая отъ нея глазъ. Какъ она похожа на маменьку, обратилась она къ Софьѣ Николавнѣ. Вотъ здѣсь, въ этой церкви ее видала не одинъ разъ. И въ свѣтлую заутреню приводилось стоять вмѣстѣ.... Въ бѣломъ-то платьѣ... бывало, какъ ангелъ накой.. Все прошло... Ну, Богъ не оставилъ... вы имъ вторая мать, заключила Анна Ивановна и дружески, съ какой то неотразимой искренностью, поглядѣла на Софью Николавну.

Борисъ немножко помутился, и въ глазахъ его тетки промелькнуло что-то, чего, впрочемъ, никто не замѣтилъ, кромѣ, можетъ быть, Абласова, который, въ сторонкѣ, какъ-то особенно смотрѣлъ на Софью Николавну.

— Не смѣю васъ удерживать, проговорила Анна Ивановна, домой вамъ пора. Весело будетъ съ молодежью разгавливаться, вотъ и мы съ Валерьяшей разговѣмся въ одинокой бесѣдѣ. Пойдемъ, обратилась она къ сыну.

Софья Ивановна подала ей руку.

— Посѣтите насъ когда-нибудь, сказала она ей пріятливо.

— Благодарю васъ, отвѣтила Анна Ивановна, съ радостной улыбкой... я вѣдь нынче никуда... а очень-бы хотѣлось воспользоваться вашимъ приглашеніемъ...

— Приходите яйца катать, крикнула Маша Горшкову.

ХХХХІ.

Телепневы отправились домой съ Абласовымъ. Его посадили на козлы. Федоръ Петровичъ ждалъ ихъ и встрѣтилъ въ залѣ. Онъ поочередно со всѣми перецѣловался, а Машѣ поднесъ большое фарфоровое яйцо. Она получила много подарковъ. Софья Николавна и Борисъ выпесли ей цѣлый возъ игрушекъ и всякихъ сахарныхъ яицъ. Она половину ихъ сейчасъ раздѣлила, и непремѣнно требовала, чтобы Абласовъ тутъ же началъ катать съ ней яйца...

Столъ былъ накрытъ въ гостиной, которая точно удивлена была, что повала опять въ почетъ. Пасхи, куличи, окорокъ, масло и красныя яйца, все это блестяло и пестрѣло при свѣчахъ. За отдѣльнымъ столикомъ Мироновна въ нарядномъ платьѣ разливала чай.

— Отчего вы не пріѣхали въ нашу церковь? говорила Софья Николавна, подавая Лапину кусокъ кулича.

— Не люблю, я, сударыня, вашего прихода...

— Отъ чего это?

— Ужь больно люденъ, народу набьется, барынь всякихъ...

— Ахъ, какъ вы любезны, перебила она его со смѣхомъ.

— Извините, я не къ тому; а не люблю толкотни... У меня приходъ тихій... купцы... все это починитѣ...

— А какая радостная служба въ свѣтлую заутреню, проговорила Софья Николавна, послѣ маленькой паузы; не правда ли, Федоръ Петровичъ?

— Да-съ, именно радостная.

— Миѣ кажется, отозвался Абласовъ, оно только такъ кажется оттого, что мы готовимся къ празднику; а въ сущности-то все равно...

Софья Николавна быстро взглянула на него...

— Ахъ, какой вы, Абласовъ, вѣчно спорите... Да какже не радостная служба?.. Когда поютъ такіе примирительные, свѣтлыя гимны?..

— Да это все, какъ себя человѣкъ настроилъ, возразилъ Абласовъ. Вотъ вѣдь возьмите вы самое это разговѣнье... Какъ бы вы себя не подготавливали къ празднику, такъ, чтобы значили всѣ эти куличи и пасхи? зачѣмъ бы ихъ ѣсть ночью, ни съ того ни съ сего, когда вовсе и не хочется ѣсть... А настроилъ себя, и ѣдимъ: кусокъ творогу особенное значеніе получаетъ, яцца крутыя... вѣдь совершенно смыслу не имѣтъ... .

— Какъ смыслу не имѣтъ? спросила Софья Николаевна.

— То есть, я хочу сказать само-то по себѣ... Вѣдь, согласитесь, что мы не станемъ ѣсть въ обыкновенное время крутыхъ ящъ?

— Все это прекрасно, возразила она; положимъ, здѣсь играетъ роль настроеніе, а тамъ само торжество воодушевляетъ насъ!

— Не знаю-сь, тихо промолвилъ Абласовъ, и чуть замѣтно улыбнулся.

Софья Николаевна были неспрiятны замѣчанія Абласова. Они не подходили ко всему тому празднику. Борису также стало неловко; онъ хотѣлъ даже шепнуть товарищу, чтобы тотъ немножко примолчалъ.

Федоръ Петровичъ долго смотрѣлъ на Абласова, прихлебывая изъ чашки; потомъ повернулся къ нему бокомъ и началъ называть себя тартинку.

— Хорошо вы разсуждаете, вдругъ заговорилъ онъ, вы юноша умный... и дѣлаете это не для блезіру; а потому, что таково ваше мнѣніе, вѣрно; но позвольте мнѣ вотъ что вамъ сказать: если вы полагаете, что все зависитъ отъ настроенія, такъ значитъ настроеніе-то въ насъ очень сильно... Оно для насъ все скрашиваетъ. . Вѣдь хоть бы и въ эту минуту. Такъ за сѣмъ-же намъ разбирать-то все по ниточкѣ? Тогда лучше совѣмъ ни въ церковь не ходить, ни разгавливаться!

Абласовъ промолчалъ, и немножко покраснѣлъ. Онъ почувствовалъ, что его разсужденія были неумѣстны. Маша вывела его изъ неловкаго положенія и увлекла за собой въ залу.

— Охъ ужъ вы, юноши, промолвилъ Лапинъ, махнувъ рукой... Взглядъ на все такой язвительный имѣтъ, прибавилъ онъ и разсѣялся.

— Молодо-зелено, сказала Софья Николаевна; что есть лучшаго въ жизни того не берутъ...

— Именно, подтвердилъ Федоръ Петровичъ.

— А ты, Боря, спросила она съ улыбкой, — ты не мудрствуя берешь то, что хорошо?

— Да, голубушка, отвѣтилъ онъ, зарумянившись и поцѣловалъ ее руку.

Часу въ шестомъ всѣ разошлись; но Борисъ отиравался еще на розговѣнныя дворовыхъ, которое совершалось, съ незапамятныхъ временъ, въ бильярдной. Онъ каждому поднесъ по стакану вина и перецѣловался по три раза. Странно ему было занимать мѣсто дѣдушки и отца и настоящимъ баринномъ угощать свою дворню.

Яковъ выпилъ на порядкахъ; но раздѣлъ Бориса съ особенной старательностью.—Совсѣмъ уже разсвѣло, какъ все улеглось въ домѣ, и Машѣ сніался раскрашенные яички, съ розовыми херувимами... Только Мироновна хлопотала еще въ чайной, и заглянула разокъ какъ спитъ Маша. Такъ встрѣтили свѣтлый праздникъ въ дикомъ домѣ.

XI.

Широко, какъ море, разлилась Волга. Низменный, луговой берегъ совсѣмъ потонулъ, и только красная крыша мельницы, на одной изъ островковъ, виднѣлась, какъ одинокая точка. Съ набережной открывался чудный видъ на весь разливъ рѣки. Отъ угольной башни Кремля, стоявшей надъ крутымъ обрывомъ, слѣва уходила длинная полоса воды и сливалась съ розовымъ небомъ, на которомъ догорали лучи вѣсеняго, нежаркаго солнца; справа виднѣлась часть высокаго берега. На мысу, упиравшемъ въ рѣку, вверхъ по горкѣ расположенъ былъ живописный монастырь. Зелень только что пробивалась, листья еще не распустились; но издали башенки и главы монастырскихъ церквей точно выглядывали изъ-за чащи деревь. Чѣмъ-то чисто русскимъ отзывалась вся эта картина шири и раздолья, небогатая красками, но полная какой-то привольной и вмѣстѣ строгой красоты. Внизу, надъ набережной, берегъ былъ заставленъ пристанями, баржами, пароходами. Свистѣлъ паръ, и, точно робѣя, проходили мимо неуклюжя бѣляны разшивы и холоводныя машины, чужа будто, что не долго имъ гулять вверхъ и внизъ по Волгѣ и будить ея тихіе берега безконечной и жалкой пѣсню своихъ стѣрыхъ бурлаковъ.

День былъ славный. Солнце не жарило; а точно любовалось разцвѣтающей жизнью. Въ воздухѣ стало что-то мягкое; чуть слышныя вѣтерокъ приносилъ съ рѣки живительную свѣжесть: пыль еще не поднималась на улицахъ; яркая зелень дерна, покрывавшаго откосъ набережной, смягчала видъ рѣки.

Былъ часъ седьмой. По набережной двигались гуляющіе. Больше все шли отъ Кремля къ саду, расположенному на скатѣ крутаго нагорнаго берега. День былъ праздничный, воскресенье; послѣдній день святой недѣли. Всѣ высыпали погулять и посмотреть на разливъ, а съ Фоминой опять засѣсть и не отзываться на призывъ природы, которая, для жителей губернскихъ гу-

родовъ, существуетъ вѣдь только въ видѣ губернаторскихъ садовъ, бульваровъ и набережныхъ гуляній.

У башни, на самомъ юру, стояла небольшая группа, Телеп, невы, Горшковъ и Абласовъ. Всѣ смотрѣли въ даль, на разливш. на заходящее солнце, на синевато-розовый отблескъ воды.. Софья Николавна, опираясь на руку Бориса, вся наклонилась впередъ, и, казалось, сдѣлай она еще шагъ—земля непременно обвалится и унесетъ внизъ. На ней была темная шляпка и сѣрый бурнусъ, который падалъ прямыми, красивыми складками, съ ея высокой стройной фигуры. Борисъ былъ въ статскомъ платьѣ, модномъ пальто безъ талии и сѣрой, пуховой шляпѣ. Маша, взявши его за руку, тоже вытянулась и заглядѣлась на воду, заслоняя себя, немножко, зонтикомъ. Ея длинные, роскошные локоны падали на плечики изъ подъ соломенной шляпки съ большими полями. — Горшковъ перегнулся и смотрѣлъ изъ-за Бориса, сдѣлавши изъ руки зонтикъ. На его добродушномъ румяномъ лицѣ, отражено было впечатлѣніе прекраснаго вида рѣки. Онъ прищуривалъ правый глазъ и немного подергивался, часто перемѣняя положеніе своего тѣла. Абласовъ стоялъ позади всѣхъ, и смотрѣлъ совсѣмъ въ другую сторону, внизъ, на берегъ. Взглядъ его блуждалъ отъ одной пароходной трубы къ другой. Видно было, что онъ съ большимъ равнодушіемъ относится ко всей этой картинѣ; а можетъ быть не чувствуетъ въ ней никакой красоты. Оба были въ гимназическихъ сюртукахъ.

— Какъ здѣсь хорошо! вырвалось у Софьи Николавны. Посмотри, Борисъ, на эту даль. И она указала зонтикомъ на полосу воды, сливающуюся съ далекимъ горизонтомъ.

— Прекрасно!.. Здѣсь всегда славный видъ... вотъ на монастырь также, когда берегъ покроется зеленью.

— А вѣдь монахи-то, вмѣшался Горшковъ, были видно художественный народъ... Посмотрите, какія чудныя мѣста выбирали .. всегда гдѣ-нибудь на берегу... въ поэтической мѣстности, въ лѣсу на пригоркѣ...

— А я, такъ думаю, отозвался тихимъ голосомъ Абласовъ, селились тамъ, гдѣ повыгоднѣе; здѣсь вотъ мѣсто бойкое, суходождство, подъ городомъ...

— Ну, а въ лѣсахъ-то? быстро спросилъ Горшковъ.

— Ну, въ лѣсахъ... угодня... десятинъ тысячь по сту къ монастырямъ приписывали, чай знаешь... монахамъ извѣстно было получше въ глуши... лихой человекъ не зайдетъ... ну, и таинственность, чудеса, прибавилъ онъ съ усмѣшкою.

— Вѣтъ, ты не художникъ, вскричалъ Горшковъ, у тебя, братъ, какой-то сухой, мертвящій взглядъ.

Софья Николавна обернулась къ Абласову. Она слышала его замѣчанія.

— Вы, сказала она, немножко вспыхнувъ, отвергаете то, что люди, собравшіеся съ цѣлью уединиться отъ міра, выбирали такую мѣстность, которая бы настраивала къ молитвѣ...

— Можетъ быть это было въ первые вѣка христіанства, отъвѣчалъ съ тихой усмѣшкой Абласовъ; а у насъ, на святой Руси... я, право, не знаю зачѣмъ соединились и соединяются на тихое житье.

— Ну, это другое дѣло, проговорила Софья Николавна и стала опять смотрѣть на синѣющую даль разлива.

— Только пѣсни не достаетъ.. сказалъ Борисъ, и окинулъ взглядомъ всю бойкую картину волжской жизни... Свистъ слышенъ, а голосу нѣтъ... Прежде бывало, особенно подъ вечеръ, такъ и разливаются бурлацкія пѣсни...

— Горшковъ, начала Софья Николавна, изучаете-ли вы здѣшнія пѣсни? Вотъ вамъ богатый матеріалъ.

— Какъ-же-съ, Софья Николавна, я вотъ съ весны все по Волгѣ катаюсь, пою съ рыбаками, и бурлацкія пѣсни подслушиваю. Больше всего люблю разбойничьи. Сила какая, что за богатство звуковъ.. да и голина какая-то особенная.

— Какая же спросилъ Борисъ.

— Греческая, братъ, у грековъ такая была.

— Мнѣ, начала опять Софья Николавна, здѣсь все ново... я въ первый разъ въ жизни на большой рѣкѣ. Сюда надо ходить чаще. Мнѣ хотѣлось бы послушать, какъ поютъ эти бурлаки.

— Не веселыя пѣсни, замѣтилъ Абласовъ; я, можетъ быть, профанъ... но, право, что же въ нихъ поэтическаго? Тянется, тянется, безъ начала, безъ конца... вѣдь это они поютъ, да и нельзя не нить... они какъ скоты какіе запряжены въ ямьку... А со стороны-то, разумѣется, хорошо восхищаться. Абласовъ выговорилъ это съ нѣкоторой желчью.

— Такъ по твоему значить, прервалъ его Горшковъ, круто повернувшись на одной ногѣ, что въ нашихъ пѣсняхъ ничего нѣтъ, ни поэзіи, ни музыки?

Софья Николавна и Борисъ пристально взглянули на Абласова.

— Я этого не говорю, отвѣтилъ онъ Горшкову спокойно, я не говорю вообще о пѣсняхъ: мало-ли хорошихъ пѣсенъ.

— Во саду-ли, въ огородѣ! вставилъ Горшковъ.

— Я не знаю... ужъ это твое дѣло разбирать, ты на то-ком-позиторъ... я о бурлацкихъ собственно... Это и насъ заставъ камни ворочать и мы начнемъ понукать себя... Меня за душу тянетъ, когда слышу ихъ. И восхищаться тутъ, право, нечѣмъ.

— Зачѣмъ же вы такъ жестко на это смотрите? проговорила Софья Николавна.

— На что-съ? спросилъ изъ подлѣбья Абласовъ.

— Да вотъ на эти пѣсни... на этихъ бурлаковъ...

Абласовъ немного покраснѣлъ и сдѣлалъ движеніе головой.

— Оттого-то я такъ и говорю, началъ онъ, что въ заунывной пѣснѣ вся ихъ жалкая жизнь.. Что за поэзія, когда вы видите, какъ они волочатъ барку, шагъ за шагомъ, хуже лошадей или воловъ какихъ... Меня это не восхищаетъ: мнѣ тяжело дѣлается... а впрочемъ, оно, можетъ быть, и очень хорошо съ музыкальной точки.

Всѣ вдругъ притихли. Софья Николавна опустила голову. Борисъ свѣтлымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Абласова.

— Это ты дѣло говоришь, сказалъ онъ ему; разумѣется, красиваго ничего нѣтъ, а все-таки поэзія.

— Можетъ быть, скромно повторилъ Абласовъ.

— Мыслитель! глубокая душа! вскричалъ со смѣхомъ Горшковъ и ударилъ Абласова по плечу.

— Послушайте, Абласовъ, проговорила Софья Николавна, поднимая голову. Въ васъ нѣтъ поэзіи; но за то и прозы нѣтъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Совершенная правда! подхватилъ Горшковъ.

— Боря, Бори, крикнула Маша, хватая брата за руку. Смотри, пароходъ идетъ, какъ скоро, какъ скоро и какой маленькій.

Всѣ стали смотрѣть на пароходъ, который бѣжалъ, судорожно выпуская маленькіе клубы дыму и пару.

— Тетя, просила Маша, пойдѣмъ по набережной, посмотримъ, куда пароходъ пристанетъ.

— Пойдѣмъ, дружокъ, сказала Софья Николавна и, бросивши еще разъ взглядъ на рѣку, прибавила:—такъ бы и не сошелъ съ этого мѣста.

Всѣ двинулись. Впереди шла маленькими шагами Маша, выходящая, съ перевалочкой, своими изящными ножками въ свѣтлыхъ ботинкахъ. За ней Борисъ, подъ руку съ Софьей Николавной. Съ боку, по мостовой, шелъ Горшковъ, а нѣсколько поодаль Абласовъ. Маша все глядѣла внизъ черезъ перила, куда пристанетъ пароходъ, и дѣлала замѣчанія о томъ, что красивѣе: красная труба на пароходѣ или черная. Она разбирала названіе пароходовъ и каждый разъ очень радовалась, когда имя было какое-нибудь знакомое.

— А что это такое Золина? вдругъ спросила она, обернувшись къ теткѣ.

— Это такая башня была, отвѣтилъ ей Горшковъ; былъ богъ Зога, вѣтрами управлялъ, а это его жена.

Борисъ разсмѣялся.

— Ну это, кажется, твоя собственная мифологія, Валерьянъ, сказалъ онъ Горшкову.

— Есть немножко, замѣтилъ сзади Абласовъ.

Горшковъ разразился хохотомъ и вдругъ остановился.

— Посмотри-ка, Боря, заговорилъ онъ, узнаешь, кто къ намъ на встрѣчу шествуетъ, каковъ видъ у сего юноши?..

— Кто это? спросила Софья Николаевна у Бориса.

Онъ посмотрѣлъ впередъ и ему, прежде всего, бросился въ глаза долговизая и нескладная фигура Петеньки Телянина. Петенька выступалъ въ своемъ неизмѣнномъ полуфракѣ и желтомъ жилетѣ. На затылкѣ надѣта была какая-то кожанная круглая фуражка; въ рукахъ держалъ онъ тросточку и помахивалъ ею. Подлѣ него шла Нада, въ пестромъ бурнусикѣ и круглой шляпѣ. Сзади ихъ тащилась миссъ Бернфордъ въ безобразной, ободранной шляпкѣ, имѣвшей видъ манора. Шествіе завершалъ Васька, въ сѣрыхъ штиблетахъ и картузѣ съ серебрянымъ галуномъ.

— Кто это, Боря? повторила вопросъ Маша.

— Это Телянины.

— Каковъ мой Петя! вскричалъ Горшковъ.

— Такъ это Нада? спросила, улыбаясь, Софья Николаевна.

— Да, это она, отвѣчалъ Борисъ и ласково взглянулъ на тетку.

— Она очень мила, проговорила Софья Николаевна; ваша ученица премиленькая, повторила она, обращаясь къ Горшкову.

— Какъ же, помилуйте, она просто лутикъ.

— Что такое?

— Лутикъ!.. Прелесть просто! завершилъ Горшковъ, издавъ улыбаясь Надѣ.

Онъ началъ какъ-то подпрыгивать и, опередивши остальныхъ, подлетѣлъ къ своей ученицѣ.

Софья Николаевна и Борисъ остановились, чтобъ пропустить Телянинныхъ. Борисъ освободилъ свою руку и поклонился Надѣ, когда прошли мимо. Нада взглянула на него очень приветливо, потомъ бросила быстрый взглядъ на Софью Николаевну и, кивнувши головой Борису, громко сказала:

— Здравствуйте, Борисъ Николаичъ.

— Теленевъ, какъ позиваесть! крикнулъ Петенька и осклабилъ свои клыки.

Борису стало немножко совѣстно. Во взглядѣ Нади онъ прочелъ упрекъ; по крайней мѣрѣ ему такъ показалось. Онъ чувствовалъ, что надо что-нибудь сказать ей. Уже больше двухъ мѣсяцевъ онъ и глазъ не казалъ къ Теляниннымъ.

— Идите, я васъ догону, проговорилъ онъ, обращаясь къ Софьѣ Николаевнѣ и Абласову, и почти бѣгомъ догналъ Телянинныхъ. Они стояли на мѣстѣ. Горшковъ кричалъ и размахивалъ руками. Нада смѣялась, Петенька скалялъ зубы; англичанка морщилась и чмокала.

— Поздравляю васъ съ праздникомъ, Nadine, сказалъ онъ весело, подавая ей руку.

Нада слегка зарумянилась.

— И васъ также. Я думала, что вы къ намъ хоть на Святой недѣлѣ будете, а вы насъ совсѣмъ забыли, произнесла она крот-

ко; мы васъ ждали яйца катать... Намъ развѣ Горшковъ не говорилъ?

— Говорилъ я, закричалъ Горшковъ, да его, презрѣннаго раба, ничѣмъ изъ дому не выкуришь. Точно онъ тамъ у себя, въ дикомъ аббатствѣ, земной рай обрѣлъ.

Петенька оскалилъ зубы, а Борисъ какъ-будто смутился.

— Я много виноватъ передъ вами, проговорилъ онъ, это правда, меня трудно вытащить.

— Вамъ такъ весело съ тетушкой, сказала Надя, смотря въ ту сторону, куда шла Софья Николавна. Какая ваша тетушка хорошенькая, прибавила она, почти со вздохомъ.

Борисъ промолчалъ.

— Come, let us go, прошамкала англичанка.

— Заѣзжайте же, Борисъ Николаичъ, говорила Надя, протягивая ему руку.

— Непремѣнно, повторялъ Борисъ.

— Обманеть, обманеть, рабъ коварный, кричалъ Горшковъ; а я сегодня къ вамъ заверну, барышня.

Они поклонились еще разъ удаляющейся Надѣ и стали догонять своихъ.

— Совѣмъ ты похерилъ ее, бѣдную? спросилъ Горшковъ, толкнувъ Бориса въ спину кулакомъ.

Тотъ только усмѣхнулся.

— Эхъ ты, неблагодарный ээіопъ!

Они догнали Софью Николавну уже въ саду. Она сидѣла на скамейкѣ и смотрѣла на рѣку. Абласовъ и Маша стояли на краю дорожки, надъ обрывомъ.

— Такъ вамъ моя ученица нравится? спросилъ Горшковъ Софью Николавну.

— Очень, очень, я отъ нея въ восхищеньи!..

Борисъ подсѣлъ на скамейку.

— Извинялся? шепнула ему Софья Николавна.

— Извинялся...

— И, вѣдь, обманешь, не поѣдешь?

— Обману, отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Стыдно.

— Нѣтъ, не стыдно...

И еслибъ это не было въ саду и при чужихъ, Борисъ непременно разгѣловалъ бы глаза, которые смотрѣли на него съ любовью и радостью:

Минутъ черезъ десять все общество возвращалось изъ саду домой, опять по набережной, въ томъ же порядкѣ. Подходили къ башнѣ. Борисъ и Софья Николавна глядѣли больше на рѣку, изрѣдка отвѣчая на возгласы и замѣчанія Горшкова. Абласовъ молчалъ.

— Боря, берегись, вскрикнулъ вдругъ Горшковъ и даже схватилъ его за руку. Егорка катить!

— Ну, такъ что-жь? спросилъ Борисъ.

— Да вѣдь ты не въ формѣ... Полѣзай, братъ, черезъ перила... и въ Волгу!

— Это инспекторъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ проговорила Софья Николавна.

— Ну, да что-жь за бѣда такая, нетерпѣливо замѣтилъ Борисъ и сморщилъ лобъ. Краски на лицѣ не выступило.

Дѣйствительно, на встрѣчу имъ, переваливаясь съ боку на бокъ, шествовалъ Егоръ Пантелѣичъ, въ шляпѣ и красноватой, камлотовой шинели.

Бориса немощко покоробило. Мелькнула мысль: а вдругъ, какъ онъ меня тутъ же, *при ней*, оборветъ за партикулярное платье? Неловко было. Онъ не хотѣлъ взглянуть на Софью Николавну, но чувствовалъ, что она на него смотритъ. «Вѣдь не съ насмѣшкой же?» спрашивалъ онъ себя, и потомъ вдругъ ему стало все равно, хоть бы не только Егорка, самъ Юнка уналь съ неба и принялся кричать на него. — Борисъ обратился лицомъ къ Софѣ Николавнѣ, и, въ одной улыбкѣ, они насмѣялись надъ всѣмъ, что не принадлежало ихъ міру.

А Егоръ Пантелѣичъ былъ уже въ двухъ шагахъ. Завидѣвши гимназистовъ, онъ укутался въ шинель и замедлилъ шагъ свой.

Горшковъ съ комической развязностью поклонился ему. Борисъ приподнял свою сѣрую шляпу, на которую педагогъ пустилъ испытующій взглядъ, и тотчасъ же, придавъ своей рябой физиономіи игривоѣдкое выраженіе, стиснулъ губы и какимъ-то начальническимъ шопотомъ изрекъ:

— Здравствуйте, господа.

Онъ долженъ былъ сойти съ тротуара, не желая толкнуть даму. Отойдя нѣсколько шаговъ, Егоръ Пантелѣичъ обернулся и не могъ оторваться отъ сѣрой Борисовой шляпы. Она видимо его поразила.

— Пронеслась гроза, сказалъ тихо Абласовъ.

— Ну, Боря, заговорилъ Горшковъ, губы стиснулъ съ улыбкой Талибрана. Завтра будетъ тебѣ гонка?

— Какой смѣшной вашъ инспекторъ! промолвила Софья Николавна.

— А ты что приунылъ. Борисъ? вскричалъ Горшковъ, ничего братъ, завтра за то весело будетъ въ классѣ.

— Очень, отвѣтилъ Борисъ.

— Этотъ рябой господинъ васъ также безъ обѣда оставилъ? спросила Маша обращаясь къ Борису.

— Да, голубчикъ...

— Сія встрѣча, началъ Горшковъ, многозначительна... особенно здѣсь на берегу Волги... Она напоминаетъ намъ, какъ мы

бѣтали, бывало, изъ класса сюда на рѣку; укатимъ на боръ, воблы купимъ... Помнишь, какъ ты было чуть не утонулъ, Борисъ?

— Неужели? спросила Софья Николавна.

— Помню, отозвался Борисъ. Я плавать не умѣлъ, да и зашелъ на средину рѣки, а плыла доска изъ разшивъ съ гвоздями, я на гвоздь-то и наскочилъ... упалъ... спасибо вытащили..

— А кто вытащилъ?

— Сибириковъ... умеръ онъ въ прошломъ году.

— Какъ это ужасно однако, тихо промолвила Софья Николавна и замолкла.

Вплоть до дому общество шло молча. Встрѣчали съ Егоромъ Пантелѣвичемъ или другое что, но разговоръ не клеился.

XLI.

На другой день надо было ѣхать въ гимназію. Она въ последнее время страшно пріѣлась Борису. Правда, онъ очень мало объ ней думалъ, онъ жилъ совершенно въ иномъ мѣрѣ; но все-таки дѣйствительность брала свое. На носу висѣлъ экзаменъ. Всѣ его ждали, а Борисъ больше всѣхъ. Съ экзаменомъ кончалась его школьная жизнь, и въ ней ничего не было кромѣ переливанья изъ пустаго въ порожнее, глупаго сидѣнья на лавкахъ, повторенія скучныхъ задовъ, по тѣмъ же книжкамъ и *вытискаемъ*.

Послѣ двухнедѣльной вакаціи, ученики рано собрались, точно обрадовались какому-то празднику. Для многихъ гимназія, на самомъ дѣлѣ, была веселымъ мѣстомъ, сравнительно съ тѣмъ, что ихъ окружало дома. Здѣсь они были въ обществѣ, могли пошутить, посмѣяться, пошкольничать, устроить возню и драку. Сборная комната была почти полна еще въ половинѣ девятаго. Егоръ Пантелѣвичъ въ свѣтломъ пикейномъ жилетѣ, «*на мѣнѣ положеніи*», расхаживалъ между партами, чинилъ судъ и расправу.

— Скверный Воскресенскій, кричалъ онъ взъерошенному гимназисту, въ оборванномъ сюртукѣ, скверный Воскресенскій, сынъ столь-же сквернаго секретаришки... иди сюда, вотъ сюда, впередъ!...

Воскресенскій, покачивая головой и ухмыляясь, вышелъ почти на средину класса.

— И ухмыляется! ухмыляется въ добавокъ!.. Посѣдѣвъ отъ мерзостей и дебошврства!.. Какъ ты прбводилъ святую недѣлю? а?

— Никакъ-съ, отвѣчалъ Воскресенскій съ шутовской рожей. Вся сборная засмѣялась.

— Никакъ?.. Стой-же здѣсь столбомъ до звонка!.. Кто въ орлянку игралъ подъ егорьевской башней?.. Кто дрался съ се-

минаристами при выходѣ изъ церкви Варвары Великомученицы?..

— Не я-сь, промышчалъ Воскресенскій!..

— Замолчи, скверный секретаришка! Воробьевскій!.. явись сюда: чтожь деньги за слушаніе лекцій, а?

Выѣхалъ впередъ крошечный гимназистъ съ огромнѣйшей сплюснутой вдоль головой, въ какихъ-то невозможныхъ панталонахъ по щиколку.

— Маменька принесуть-сь, пропищалъ онъ; мнѣ въ руки денегъ не даютъ-сь.

— Маменьки твоей я не хочу знать; вотъ она бы лучше штаны заштопала! Будешь исключенъ и обратишься въ невѣжество! завтра, чтобъ были деньги.

— Маменька принесуть-сь, пропищалъ опять гимназистъ и исчезъ между партами.

На Егора Пантелѣича начинало находить жолчное настроеніе.

— Трусовъ! крикнулъ онъ.

Съ одной изъ заднихъ партъ поднялся сутуловатый, черноватый гимназистъ, съ купеческимъ лицомъ.

— У твоего отца есть пароходъ?

— Есть-сь, отвѣчалъ уныло Трусовъ. точно ему ужасно было жалко, что у его отца есть пароходъ.

— Кильдіаровъ! крикнулъ Егоръ Пантелѣичъ и улыбнулся.

Всталъ толстый гимназистъ, съ угрями, взъерошенный, съ приподнятымъ вверхъ правымъ плечомъ и какой-то масляной и женской улыбкой.

— Трусовъ, провозгласилъ опять Егоръ Пантелѣичъ... посади Кильдіарова на пароходъ и свези ты его внизъ по Волгѣ, въ Казань; онъ собирается въ студенты!

Кильдіаровъ тупо усмѣхнулся; а вся сборная громко захотала.

— Да, въ студенты его!.. А то вотъ мы ждемъ ревизора... Такое пугало показать нельзя... Который ты годъ сидишь въ первомъ классѣ?

— Седьмой-сь, отвѣтилъ Кильдіаровъ и чуть не прыгнулъ.

— Ну, кончалъ курсъ! Садись, братъ, на пароходъ! Трусовъ, свези его даромъ, по долгу дружбы свези даромъ.

И Егоръ Пантелѣичъ, очень довольный эффектомъ сцены, уходилъ по сборной.

Вдругъ онъ остановился, вынулъ платокъ, растопыривъ ноги, расправилъ платокъ въ видѣ наруса, и рябая его физиономія заиграла. Онъ видимо собрался чихнуть; но точно нарочно сдерживалъ этотъ актъ, предвкушая наслажденіе, сопровождающее его. Всѣ ученики знали, что произойдетъ чиханіе и приготовились отвѣчать громкимъ шарканьемъ. Наконецъ, передернувъ носъ и ротъ на разные фасоны, инспекторъ разразился громчайшимъ

трескучиѣ звукомъ. Замаркала сотня ногъ. Егоръ Пантелѣвичъ спускательно раскланялся и начальнически прошепталъ:

— Благодарствуйте!

Послѣ чиха, его лицо надолго удерживало благородно-довольное выраженіе. Но на этотъ разъ, онъ тотчасъ же нахмурился, и круто повернулся на одномъ мѣстѣ. Онъ вспомнилъ что-то и скорыми шагами пошелъ изъ сборной. Всѣ ученики прочли на его челѣ, что онъ отправился кого нибудь распевать.

Только что онъ скрылся, поднялся крикъ, болтовня. Воекресенскій, подбѣжавъ къ доскѣ, однимъ взмахомъ изобразилъ на ней мѣломъ неправильный кругъ; а потомъ истыкалъ его точками. Всѣ захохотали. Это живой портретъ Егора Пантелѣвича.

А между тѣмъ, Егоръ Пантелѣвичъ направлялся, по коридору, въ седьмой классъ. Тамъ тоже было шумное вѣче. Кричалъ, разувѣтся, Горшковъ. Онъ вотѣшалъ братію рассказомъ о томъ, какъ два семинариста купила на общій счетъ колбасу и ухитрились половчѣе мадуть одинъ другаго...

— Вотъ, братцы, рассказывалъ онъ, когда Егоръ Пантелѣвичъ былъ уже около двери, одинъ-то Вертоградскій и говорить Виноградскому: ты принеси-ка водочки да уксусу захвати, а я, говоритъ, тѣмъ временемъ облуплю колбасу и на кусочки ее нарежу. А Виноградскій былъ парень тоже не промахъ.

— Чтожь Виноградскій? спросилъ громогласно Егоръ Пантелѣвичъ, становясь посреди класса.

Горшковъ спустился съ парты, на которой сидѣлъ, и бойко отвѣчалъ:

— А онъ самъ хотѣлъ облупить колбасу, Егоръ Пантелѣвичъ.

— На мѣсто садитесь, оборвалъ его инспекторъ! Все скоморошествомъ занимаетесь! публику тѣшите!

Потомъ, поднявшись къ первой партѣ, онъ стиснулъ губы и устремилъ молніеносный взглядъ на Бориса.

— Чтожь вы, наконецъ? Вы думаете, что вы гениальный сочинитель, такъ вамъ все даромъ съ рукъ сойдетъ? проговорилъ онъ чувствительнымъ тономъ.

Отступивъ два шага назадъ, онъ широко развилъ руками и поднялъ голову.

— Добро-бы, закричалъ онъ, простую шляпу надѣлъ; а то пастушескую!

Мечковскій прыснулъ и спрятался подъ лавку.

— Да встаньте же, съ вами вѣдь говорятъ, крикнулъ Егоръ Пантелѣвичъ, и ткнулъ пальцемъ по направленію, гдѣ сидѣлъ Борисъ

Борисъ приподнялся.

— Такъ вы ничего моднѣе не нашли? продолжалъ пузатый

педагогъ, размахивая руками: пастушескую шляпу? (это слово такъ его привлекало, что онъ не могъ съ нимъ разстаться). А какъ вы смѣете показываться, на публичныхъ гуляньяхъ, въ неформенномъ платьѣ.

— Всѣ ходять, отвѣчалъ Борисъ.

— А кто позволилъ? Есть ли на это позволеніе? И, отступивши еще два шага, Егоръ Пантелѣичъ опять заговорилъ. Мало того, что онъ себѣ пальто-сакъ заказалъ балахономъ; нѣтъ, онъ не унялся; онъ въ пастушеской шляпѣ явился, чтобъ вездѣ на него любовались!

На этотъ разъ уже не одинъ Мечковскій, а нѣсколько человѣкъ разомъ громко прыснули, и Борисъ, какъ ему ни была противна эта глупая сцена, не могъ воздержаться отъ улыбки.

— А, онъ еще смѣется! Не видать вамъ университета, какъ своего носа! Я доведу до свѣдѣнія Іона Петровича про всѣ ваши дебоширства! Мы вамъ покажемъ, какъ по набережной въ пастушескихъ шляпахъ разгуливать.

И долго бы кричалъ Егоръ Пантелѣичъ, на потѣху всему классу, еслибъ его не прервалъ звонокъ.

— Говорилъ я тебѣ, Борисъ, со смѣхомъ сказалъ Горшковъ! по уходѣ инспектора. Будетъ тебѣ гонка за шляпу! и прибавилъ же слово! этакая рябая тумба.

— Пастушеская, повторилъ Абласовъ съ странной своей улыбкой.

— Пастушеская шляпа! крикнулъ Мечковскій, надѣлъ на голову старый изодранный портфель и прошелъ по классу, подперши себѣ руки фертонъ.

— Дуракъ, проговорилъ съ гримасой Борисъ, и махнулъ рукой.

Ему была противна вся эта возня, и глупые возгласы инспектора и школьныя выходки Мечковского, а главное мысль о томъ, что онъ все-таки еще гимназистъ и его могутъ *распекать за шляпу*.

XII.

Былъ теплый, яркій майскій вечеръ. Все уже зеленѣло. Шахло ландышемъ. Цвѣла черемуха и сирень. За городомъ дышалось вольно.

Улица, гдѣ стоялъ домъ Телепневыхъ, вела къ заставѣ. Два огромныхъ оврага отдѣляли край города отъ большаго поля. Вдали виднѣлась бѣлая, кирпичная ограда кладбища. Маленькая, четырехугольная церковь съ одной главой выглядывала изъ-за деревьевъ. Лучи солнца падали на ея зеленую крышу. .. Весь пейзажикъ смотрѣлъ просто и нарядно.

Изъ глубины оврага, по крутой тропинкѣ, поднимались Борисъ и Софья Николавна; она въ своемъ строитъ бурнусъ, онъ въ

настущеской плятѣ. Поднявшись, они пошли полемъ къ кладбищу. Отъ сквозной калитки до церкви положены были доски. Звонко отдавались ихъ шаги по доскамъ, среди невозмутимой тишины кладбища. Вотъ они повернули на лѣво, стали пробираться между могилами. Шагахъ въ пятидесяти отъ церкви, высокая, чугунная рѣшетка отдѣляла довольно большой четырехугольникъ. Тамъ стояло два памятника: одинъ чугунный, массивный, въ видѣ какой-то урны, другой бѣлый мраморный, съ золотымъ крестомъ на верху. Подлѣ мраморнаго памятника возвышалась свѣжая насыпь съ деревяннымъ чернымъ крестомъ. Это была могила Борисова отца. Они остановились у рѣшетки, подъ самымъ крестомъ, стали на колѣни и долго молились...

Первая поднялась Софья Николаевна.

Она облокотилась о рѣшетку и долго-долго смотрѣла на Бориса. Наконецъ онъ всталъ, приблизился къ ней и взялъ ее за обѣ руки.

— Тутъ вся исторія нашего дома, проговорилъ онъ, указывая рукой на памятники... Тяжело было имъ... намъ лучше...

— Боря, милый мой, здѣсь лежатъ твои родители... они смотрятъ на насъ. Имъ, я думаю, хочется сказать: живите, любите другъ друга, но не бросайте Машу; помните, что она васъ соединила и вы должны замѣнить ей отца и мать...

— Ахъ, моя радость, перебилъ ее Борисъ, ты такъ говоришь; точно Маша у насъ въ забросѣ...

— Нѣтъ, Боря, мы ее любимъ, но мы себя любимъ больше ее. И она поникла головой!...

— Развѣ это дурно? тихо спросилъ онъ.

— Не знаю... Я вотъ здѣсь, передъ Богомъ скажу, что я люблю тебя больше всѣхъ... Меня до сихъ поръ ничего не тревожило: я была невозмутима...

— А теперь? робко спросилъ Борисъ.

— Съ нѣкотораго времени я начала чувствовать свою вину... Я не должна бы тебѣ это говорить; но я ничего отъ тебя скрыть не могу... И знаешь, это не угрызение совѣсти; мнѣ просто жалко тебя, милый мой... Она взяла его за руку. . Я ужасно счастлива; но я самой себѣ дѣлаюсь противна, когда чувствую, что ты долженъ принадлежать только мнѣ, что безъ тебя я не соглашусь прожить одного дня... Этотъ эгоизмъ овладѣваетъ мной сильнѣй и сильнѣй...

— Это любовь, проговорилъ онъ.

— Вотъ видишь, даже здѣсь, у могилы... я говорю только о себѣ... и что я говорю?... Все у меня такія грѣшныя, мятежныя страсти... За то я не долго проживу, вдругъ сказала она...

— Какъ? вырвалось у Бориса.

— Я всегда въ это вѣрила... Да и къ чему долгая жизнь?... Мнѣ такъ хорошо съ тобой... лучше того, какъ мы проживемъ,

вотъ еще мѣсяца два—не будетъ никогда. За что-же мнѣ надо ожидать долгихъ счастлиемъ?... Довольно съ меня...

— А Маша?

— Маша... вотъ тебѣ доказательство, что я не люблю ее такъ, какъ отецъ твой просилъ...

— Полно, радость моя, вскричалъ Борисъ, лаская ее... что ты на себя наговариваешь.... Куда мы безъ тебя дѣнемся.... А вотъ приведемъ послѣ завтра сюда Машу и Мироновну... И намъ будетъ хорошо...

Они еще разъ помолвились. На возвратномъ пути Софья Николаевна повеселѣла. Борисъ, съ удивленіемъ сталъ замѣчать, что у ней все чаще и чаще стало появляться грустное настроеніе. Правда, оно продолжалось всегда мѣсяцъ или минутъ, и потому Софья Николаевна опять все забывала, становилась такъ-же молодой и радостной, какъ въ первые дни любви. Ему было неловко и тяжело въ такія минуты, онъ точно слушалъ другую женщину, точно чувалъ какое-то приближающееся страданіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ себѣ живую силу и не отпадался тревогъ, а напротивъ, смирчалъ и успокаивалъ Софью Николаевну. Такой избытокъ счастья и упованій переполнялъ сердце Бориса, что онъ одной лаской, однимъ словомъ, вырвавшимся изъ груди, восстанавливалъ гармонию. И ему это даже было пріятно; онъ чувствовалъ, что Софья Николаевна нуждается, въ нѣныя минуты, въ такомъ обновленіи, въ такой поддержкѣ.

Вечеръ былъ такъ хорошъ, что съ кладбища они не пошли прямо домой, а обогнули весь городъ. Вернувшись домой, имъ захотѣлось доставить удовольствіе Машѣ, и всѣ трое еще разъ отправились гулять на бульваръ около стѣнъ кремля. Маша была въ полномъ восхищеніи.

ХІІІ.

Переѣздъ въ Липки назначенъ былъ черезъ два дня, въ субботу. Маша всего больше была рада деревнѣ. Она цѣлый день возилась съ Мироновной; по мѣсяцъ или минутъ разъ перекладывала свои платья, воротнички, книги, тетрадки. Ее очень интересовало то, въ какомъ экипажѣ поѣдетъ она. Въ каретѣ ей ужасно не хотѣлось. Борисъ позволилъ ей ѣхать въ фазетонѣ.

Въ субботу, послѣ обѣда, отправились Телепневы въ двухъ экипажахъ: впередъ Борисъ съ Софьей Николаевной, въ двухместной маленькой каретѣ, сзади Маша съ Мироновной въ коляскѣ. Утромъ отправлены были люди съ кухней, мебелью, сундуками на подводахъ....

Дорога шла сперва полями, мимо маленькаго подгороднаго хутора. За этимъ хуторомъ начинался изволокъ, не очень крутой, такъ-названный справа и слева орѣшникомъ. Лошади бойко бѣжали;

шли почти не было; утромъ шло дождить. Борисъ и Софья Николаевна глядѣли по сторонамъ въ открытыя окна, оглядывались назадъ на Машу, махали ей платкомъ и радостно улыбались. Имъ было очень легко. Не хотѣлось говорить; а на душѣ чувствовали они полноту, силу, наслаждение своей молодостью, любовью, воздухомъ, запахомъ полей, всѣмъ, всѣмъ...

Поглядать — поглядать въ окно, опустятся въ глубь кареты, встлнутъ другъ къ другу прямо въ глаза и улыбнутся...

— Милый, спишетъ она, и поцѣлуетъ его...

А потомъ опять впивали въ себя воздухъ, смотрѣли на зеленые кусты и рѣшѣники и одинокія елки... и сладко молчали.

Вѣхали въ лѣсъ; дорога пошла дурная: колени, выбоины, корни ежеминутно качали карету изъ стороны въ сторону. Они велѣли остановиться и вышли. Карета поѣхала впередъ шагомъ. Маша выскочила изъ коляски и подбѣжала къ нимъ. Она была въ полномъ восхищеніи. Мирожовна, въ шелковомъ головномъ платкѣ и темномъ шерстяномъ салопѣ, съ какимъ-то узелкомъ въ рукахъ, тихонько шла позади. Маша побѣжала по кустамъ, увлекая за собой брата и тетку. Они перекликались, рвали ландыши и желтые позвонки, срывали вѣтки, Борисъ бѣгалъ въ запуски съ Машей, ловилъ ее, пугалъ... Больше молучаса шли они такимъ путемъ по лѣсу вдоль дороги. Борису припомнились былыя времена, когда, при жизни дѣдушки, совершалось путешествіе въ деревню. Посадять, бывало, его, противъ бабушки, душно ему въ каретѣ, полинялый сафьянъ разгорится на солнцѣ, запахъ отъ него такой неприятный; въ лѣсу хочется выпрыгнуть, не пускаютъ... сиди и гляди, какъ мелькаютъ передъ глазами веселые кустики и яркіе полевые цвѣтки. А дворня отправлялась цѣлой ордой, чуть-ли не на десяти телегахъ. На одной всегда помѣщали письменный столъ, изъ кабинета дѣдушки, и торчала своими четырьмя ногами вверхъ. На куханной телегѣ засѣдалъ пузатый Михаилъ Ивановъ, съ жирнымъ, поварскимъ лицомъ. Горничныя въ затрапезныхъ платьяхъ, взобравшись на возы, хихикали оттуда на остроты кого-нибудь изъ лакеевъ. Дворецкій шелъ всегда пѣшкомъ. Ему поручалось нести въ садочекъ часы изъ кабинета.

И все это прошло... Борису уже казалось, что онъ никогда не былъ мальчикомъ; что онъ давно баринъ, что давнымъ давно никто не смѣетъ посадить его въ желтую карету...

Тотчасъ за лѣсомъ открывалась деревня. Карета вѣхала въ околицу, или лучше сказать, въ ворота съ барскими затѣями, съ двумя большими столбами, на верху которыхъ красовались по деревянному шару. Порядокъ былъ расположенъ въ одну линію. Избы новыя, съ высокими крышами и балкончиками. Почти предъ каждой избой колодезь съ длиннѣйшей жердью.

Домъ въ Линкахъ былъ двухэтажный, высокій, съ четырьмя балконами и бельведеромъ.

На крыльцѣ Бориса и Софью Николаовну встрѣтила Аннушка. Они выскочили, взяли подъ руки Машу и побѣжали по комнатамъ. Сперва осмотрѣли нижній этажъ, нѣсколько темноватый, съ деревянной желтой мебелью, обитою какими-то замысловатымъ ситцемъ, съ охотничьими сценами... Потомъ взбѣжали на верхъ. Большая бѣлая зала, съ хорами уставлена была высокими миртами, лимонами и олеандрами. Свѣту было много, съ двухъ сторонъ по балкону. Особый запахъ свѣжести и пустоты стоялъ по всѣмъ комнатамъ. Софья Николаовна рѣшила, что наверху прохладно и хорошо гулять; но жить уютнѣе внизу.

Осмотрѣвши домъ, всѣ трое спустились по терасѣ въ цветникъ, разбитый въ видѣ арфы. Передъ терасой—большой деревянный кругъ, съ клумбой посрединѣ, открывалъ видъ на высокія красныя качели съ флагами и ярко-зеленымъ кресломъ. Вдоль дорожки, шедшей вокругъ дерна, зеленѣли кусты жимолостей, розъ; лиловый и бѣлый цвѣтъ сирени мѣшался съ синебрызвымъ отливомъ дрожащихъ листьевъ тополя.

Маша побѣжала по дорожкамъ къ качелямъ, вѣзла на сидѣнье и начала сама раскачивать. Софья Николаовна и Борисъ остались одни, и, какъ дѣти, пустились также бѣжать, внизъ, по липовой алеѣ, къ сквозной калиткѣ, откуда открывался далекій видъ съ горы. Садъ былъ расположенъ на крутой, выпуклой горѣ. Вдали по лѣвую руку, видѣлось большое село съ красной церковью; подъ горой вилась рѣка, съ жиденькимъ мостикомъ и бѣлой купальней. Справа, спускалась внизъ долина съ яркимъ лугомъ и кудрявыми дубками по окраинамъ. Еще подалеже зеленѣлъ темный, сосновый боръ, и уходилъ въ глубь горизонта. Въ воздухѣ было невозмутимо-покойно. Простой, не эффектной красотой дышала вокругъ сельская картина: но на нее можно было засмотрѣться...

Долго долго бродили они по садкамъ. Ихъ было цѣлыхъ три. Большой фруктовый садъ привыкалъ, къ старинному саду, какіе нынче уже выводятся и вырубаются. Четыре длинныхъ аллея изъ клена, березы и липы составляли огромный четырехугольный, почти заросшій всякой дичью. На углу одной изъ этихъ темныхъ аллей, широкая дерновая скамья приглашала подъ тѣнь черемухи и густой рябины, съ извилистыми переплетенными стволами.

Часу до десятаго засидѣлись они на этой скамьѣ, въ тихихъ разговорахъ, въ воспоминаніяхъ былаго, вдыхая въ себя привольную жизнь, полную красоты, здоровья, природы и горячей безотвѣтной любви съ ея вѣчными радостями!...

И вдругъ, при первомъ яркомъ лучѣ восходящаго свѣтлаго мѣсяца, въ кустахъ черемухи, загремѣлъ соловей, можетъ быть,

къ первый еще разъ... Тю, тю!... разнеслась по глубокимъ аллеямъ молчаливаго сада и раскатисто, стремительно, страстно поплылась пѣснь чудной птицы...

Внизу, разговоръ смолкъ, слышались только тѣмъ ласки, прерываемыя молодыми, жгучими поцѣлуями.

XLIV.

На другой день рано проснулись обитатели Липкинскаго дома. Они собрались къ обѣднѣ, въ село Худяково. Сѣли въ большую линейку, взяли съ собой Аннушку, Мироновну, по дорогѣ подсадили двухъ мальчиковъ и трехъ крестьянскихъ дѣвочекъ, въ пѣтрыхъ сарафанахъ, пестрыхъ передникахъ, подвязанныхъ подъ мышки и свѣтлыхъ головныхъ платкахъ съ распущенными концами.

Худяково, довольно большое казенное село, лежало на пригоркѣ. Почти вся дорога шла косогоромъ, и Маша боялась упасть съ линейки. Дѣвочки хихикали; а мальчики прыгивали и бѣжали, придерживаясь за крылья линейки. Обѣдня шла по деревенски, безъ дякона; дьячки и два-три молодыхъ парня пѣли ужасно отрывисто.

Телепневы, вернувшись отъ обѣдни, позавтракали на открытомъ воздухѣ. Часу во второмъ Борисъ ходилъ купаться. Обѣдалъ рано, въ два часа Телепневы ждали Федора Петровича. Онъ общался непремѣнно пріѣхать, но не сказалъ, въ какое именно время.

День былъ славный, яркій и прохладный. Послѣ обѣда, въ бесѣдкѣ изъ дикаго плюща, на диванчикѣ, сидѣла Софья Николавна; а въ ногахъ ея помѣстился Борисъ. Онъ положилъ голову на ея колѣна и зажмурилъ глаза. Въ свѣтломъ пальто, съ отложными воротничками, безъ фуражки, въ непринужденной, ласковой позѣ, онъ былъ очень милъ. Волосы его разсыпались и красиво падали на лѣвую щеку; тонкія черты казались еще изящнѣе въ радостной, живой зелени. Она была въ бѣломъ платьѣ, сшитомъ, какъ блуза, безъ шляпки, съ прозрачной козынькой на черныхъ локонахъ...

— Какъ же ты безъ меня будешь жить въ городѣ? весело говорила она, расправляя его волосы...

— Ну, и буду. . не умру...

— Такъ ты и оставайся... со своимъ Яковомъ; а сюда не смѣй глазъ показывать...

— Ну, и не покажусь, не умру. повторилъ онъ полусоннымъ, дѣтскимъ голосомъ...

— А на недѣлѣ пріѣдешь?

— Нѣтъ, не пріѣду, отвѣтилъ Борисъ, и вдругъ поднялся, схватилъ ея руку и началъ цѣловать каждый палецъ...

— Ты безъ меня, смотри, не излѣнись Бори... съ кѣмъ ты станешь читать, ты совсѣмъ разучился читать одинъ...

— Разучился, повторилъ онъ тѣмъ же дѣтскимъ голосомъ.

— Да не дурачься, глупый... экзаменъ твой черезъ двѣ недѣли... Смотри, не лѣнись; сюда прѣѣзжать можешь два раза въ недѣлю... Она остановилась и взглянула на него... Больше нельзя, милый... ты этакъ курса не кончишь... Вѣдь я хочу, чтобъ ты поступилъ безъ экзамена; слышишь: я хочу... И она стала его гладить по головѣ...

— Чтожь, ты хочешь, чтобъ я промѣнялъ на тебя вафлю... влюбился въ него и думалъ только о гимназiи?..

— Думай обо мнѣ здѣсь, слышишь, здѣсь... когда ты воздѣ меня, а больше никогда...

— Радость моя, мнѣ ужъ очень опротивѣла гимназiя... Ну, что я сажу тамъ каждый день, по шести часовъ... Развѣ ты не умѣе, не выше всей этой школьной премудрости?..

— А я тебѣ все-таки атестата не могу дать... Мало мы съ тобой читали... теперь, напоследокъ, ты можешь подумать объ учебныхъ книжкахъ, школьникомъ сдѣлайся, прибавила она съ улыбкой... Ну, притворись... ты вѣдь большой баринъ... ты только донграи роль гимназиста.

Оба громко разсмѣялись. Веселая, сіяющая природа глядѣла на нихъ прiвѣтливимъ взоромъ. Они говорили объ ученыхъ, о книжкахъ, о гимназiи; и въ глазахъ была любовь и радость, въ звукахъ опять любовь и радость, въ каждомъ мимолетномъ движенiи нѣга и любовь...

— Гдѣ Маша? спросила вдругъ Софiя Николавна.

— Ушла съ Мироновной и Аннушкой въ рощу искать земляники, которой нѣтъ...

— Гадкiя мы съ тобой, Боря, проговорила Софiя Николавна, и немного затуманилась.

— А что?

— Совсѣмъ ее забываемъ — вотъ она одна; а мы только для себя живемъ... развѣ это хорошо?

— Нѣтъ, не хорошо, моя радость, да вѣдь ты съ ней пѣлуу иеждѣю будешь; а я на одинъ денекъ...

— И надо тобой наслаждаться... Ахъ ты, негодный этакой... Она сорвала вѣтку и ударила его по лицу.

— Она маленькая, ей и безъ тебя весело.

— Да, права. Боря, ей весело... а когда ты меня бросишь... я останусь съ Машей... та будетъ моя утѣха, всю любовь ей отдамъ, которую ты укралъ, глупый.

— Ну, а когда я тебя брошу?

— Не знаю...

— Скоро, завтра же признаюсь въ любви Егору Пантелѣичу... Она поцѣловала его въ лобъ... Борисъ сѣлъ на скамейку; об-

цалъ ее и началъ цѣловать въ бѣлую, прозрачную шейку... Вдругъ она встрепенулась и отвела его руки. Онъ обомлѣлъ. Въ дверяхъ бесѣдки стоялъ Лапинъ, немного бочкомъ, но смотрѣлъ на нихъ не прямо, а куда-то въ зеленъ. Софья Николаевна приподнялась и врицла въ себя. Она верело подала ему руку и попеняла за то, что не прѣехалъ обѣдать. Борисъ все сидѣлъ на скамейкѣ и машинально поправлялъ волосы. Щеки его горѣли; онъ чувствовалъ большую неловкость и даже дрожь въ колѣнахъ.

— Здравствуйте, баринъ, сказалъ ему громко Лапинъ, что вы разсѣлись тутъ, вы мнѣ совсѣмъ не рады?

Борисъ вскочилъ и началъ жать руку Федора Петровича; но рѣшительно не нашель, что ему сказать.

— Вы обѣдали? спросила Лапина Софья Николаевна.

— Вотъ еще, развѣ вы забыли, что я съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, обѣдаю въ 12 часовъ.

— Ну, такъ вы теперь опять голодны, я веди вамъ дать куска молока... приходите на терассу.

И она удалилась скорыми шагами.

Борисъ, остался вдвоемъ съ Федоромъ Петровичемъ, но не могъ, въ первую минуту совладать съ своими смущеніемъ. Ему хотѣлось выдти изъ бесѣдки; но Лапинъ загораживалъ дорогу, и какъ-то странно прищуривая правый глазъ, смотрѣлъ на него. Взгляды ихъ встрѣтились. Борисъ почувствовалъ, какъ краска разлилась по всему лицу его, покрыла даже носъ и уши.

Вдругъ, Федоръ Петровичъ педалъ ему еще разъ свою широкую ладонь, врисѣлъ на скамейку и его посадилъ.

— Посмотрю я на васъ, началъ онъ, добродушнымъ, но серьезнымъ тономъ, вы юноша хорошій, неспорочный.

Борисъ смотрѣлъ на него во все глаза и не зналъ, что отвѣтить.

— Вы успокойтесь, продолжалъ Лапинъ тѣмъ же тономъ, если я и увидалъ это... меня не бойтесь... Я вамъ не дядья, не гувернеръ... подошелъ немножко не впадать — извините меня.

Борису очень хотѣлось сказать, что онъ не боится я, конечно, не считаетъ своего опекуна гувернеромъ; но онъ промолчалъ.

— Я не хочу задѣвать васъ, продолжалъ Лапинъ. Только послушайте меня старика: коли можете удержать свое чувство, не вводите вы ее, Софью-то Николаевну, въ лишній грѣхъ... У ней обязанности есть къ Машенькѣ. Вы хоть и мальчикъ, юноша; но я вамъ это говорю потому, что вы все-таки мужчина, а мужчина всегда виноватъ... я такъ разсуждаю.

— Вы, Федоръ Петровичъ, думаете, началъ было Борисъ; но Лапинъ остановилъ его взглядомъ.

— Не оправдывайтесь передо мной, вы ни въ чемъ не виноваты... я не дядька вашъ... Вы смущены, значить, въ васъ есть хорошее, молодое... маски на себя не умѣете еще надѣть... Да вы поймите, что я вамъ говорю. Не запрещаю я вамъ любить.. этого заказать нельзя... только не забывайте, что на вашихъ рукахъ сестра, не отдавайтесь такъ, очертя голову, не помня ни Бога, ни отца покойнаго, никого на свѣтъ... Этакая любовь васъ высушитъ, вѣрьте мнѣ. Да и женщину-то такая необузданная любовь испортитъ. Я опять повторяю: вы вѣдь мужчина и должны это помнить...

Борисъ взглянулъ на доброе и серьезное лицо Федора Петровича, и на душѣ его шевельнулось что-то очень хорошее.

— Благодарю васъ, тихо проговорилъ онъ, вы честный, благородный человѣкъ, вы мой лучший другъ...

— Другъ-то я вашъ другъ, это истинно, ну, такъ вы такъ и поступайте... меня не бойтесь, и позвольте иногда вамъ правду-матку отрѣзать.

Федоръ Петровичъ помолчалъ. Улыбка освѣтила его сжатые губы.

— А впрочемъ, сказалъ онъ, пользуйтесь тѣмъ, что есть лучшаго въ жизни... благодарите Бога, что силы ваши. молодость ваша въ рукахъ такой прекрасной женщины... я вамъ воть правоученія читаю, а вы въ правѣ надо мной смѣяться... Два раза молодость не приходитъ... Я по глазамъ вашимъ вижу, что вы счастливы. А вотъ бѣда-то настоящая, когда человѣкъ въ три погибелн согнетъ отъ глупой, злополучной любви, на которую онъ все потратитъ; а въ концѣ-то концовъ — кукишъ ему покажутъ...

Федоръ Петровичъ чуть слышно вздохнулъ и проговорилъ:

— Пойдите ѣсть кислое молоко; да вы ужъ полноте стѣсняться...

Борису стало совѣстно своего малодушія. Онъ вострепенулса, жожалъ Ланину руку и довольно бодро пошелъ съ нимъ къ терассѣ. Доброе слово Федора Петровича отогнало отъ него тяжелую, назойливую мысль, что тайна его открыта. Онъ чувствовалъ въ немъ вѣрнаго друга, ему сдѣлалось совѣсімъ легко. Только послѣднія слова и вздохъ Ланина заставили его задуматься. «Видно онъ любилъ несчастно»? спрашивалъ онъ себя, «вотъ отъ того-то онъ такой добрый».

Они нашли на терассѣ Софью Николавну за круглымъ столомъ, на которомъ стоялъ горшокъ съ простоквашей. Ланинъ началъ ѣсть и похваливать. Разговоръ оживился; не чувствовалось никакой натянутости. Софья Николавна была очень любезна; повела опекуна по саду, показывала ему лучшія мѣста, гдѣ можно посидѣть, почитать и помечтать. Борисъ ходилъ также

съ ними. Потомъ прибѣжала Маша и объявила съ сокрушеннымъ сердцемъ, что земляники во всей роцѣ не оказалось...

За чаемъ на терасѣ былъ опять большой хозяйственный разговоръ. Ѳеодоръ Петровичъ, съ обычной своей заботливостью, спрашивалъ, все ли есть въ деревнѣ, не нужно-ли чего привезти изъ города или что покрасить, починить, передѣлать... Все было въ порядкѣ, Софья Николавна успокоивала его, и чтобы угостить его вполне, повела наверхъ, въ залу, и провѣла ему любимыя его романсы. Ѳеодоръ Петровичъ сидѣлъ у окна, и тихо улыбался. Стемнѣлось, былъ уже часъ девятый. Борисъ стоялъ у фортепянь, и въ антрактахъ между пѣніемъ успѣлъ рассказать Софѣ Николавнѣ содержаніе своего разговора съ Лавнымъ.

— Прости меня, Боря, проштала она, я гадкая...

— А вѣдь онъ славный? сказалъ Борисъ.

— Да, добрый, хорошій человекъ... но какъ онъ смѣетъ такъ подкрадываться... я вотъ заставлю его влюбиться въ меня.. и согну его въ три погибели.

Они тихо засмѣялись, послѣ чего Софья Николавна опять запѣла.

— Спасибо, спасибо, барышня, говорилъ Ѳеодоръ Петровичъ, прощаясь съ ней. Миѣ пора и ѣхать... А вы, баринъ, не со мной-ли? завтра вѣдь въ классы пора.

Борисъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на тетку.

— Поѣзжай, Борисъ, отвѣчала она, и посмотрѣла на него. Онъ понялъ этотъ взглядъ и собрался ѣхать.

Маша начала его удерживать; но онъ ее утѣшилъ тѣмъ, что непременно пріѣдетъ въ среду.

Дорогой, сидя съ Лавнымъ, въ дрожжкахъ, онъ много думалъ о прожитомъ днѣ. Ночь была чудная, свѣтлая и благоуханная. Они оба молчали, только Лавный дѣлалъ односложныя замѣчанія лошади и кучеру.

XLV.

Прошли еще двѣ недѣли. Гимназическое начальство вывѣсило въ корридорѣ росписаніе выпускныхъ экзаменовъ. — Мальчуганы первыхъ классовъ всего больше заглядывались на это роковое росписаніе. Все, что связано было съ судьбой седьмаго класса, занимало ихъ до лихорадки.

На приготовленіе къ первому экзамену дали три дня. Борисъ бродя въ пустомъ домѣ, какъ тѣнь, только и думалъ о Лавнѣ, какъ. Онъ не чувствовалъ никакого смущенія отъ предстоящихъ испытаній. Не то, чтобы въ немъ была такая увѣренность, а онъ просто не жилъ своими школьными заботами. Горшковъ и Аблазовъ ходили къ нему готовиться каждыя по

свобода. Три раза въ недѣлю онъ отправлялся въ Липки и каждый разъ возвращался въ городъ раннимъ утромъ.

Первый экзаменъ былъ изъ закона Божія. Онъ совершался всегда съ некоторымъ торжествомъ. Приглашали архіерея и ректора семинаріи; большой столъ въ седьмомъ классѣ покрывался краснымъ сукномъ. Физиономія Егора Пантелѣича принимала благочестивое выраженіе; Ionka украшался Анной и порожала всѣхъ знаніемъ текстовъ. — Законоучитель, веселый протоіерей, Василій Ивановичъ, надѣвалъ зеленую рясу съ разводами, кудри свои расчесывалъ тщательно и съ тревогой въ лицѣ похаживалъ около парты. Ученики любили его за добродушіе. Онъ ничего обыкновенно не спрашивалъ и только въ концѣ года начиналъ умолять, чтобы не выдали его предъ начальствомъ. Программу составляли сами ученики и выкидывали болѣе половины билетонъ. Въ этомъ году всѣ учителя, кромѣ Карякова, оказались также милостивы, какъ *батюшки*. Трудные билеты были выброшены...

Законъ Божій сошелъ благополучно. Борисъ отвѣчалъ архіерею изъ всѣхъ исторій и катихизиса. Съдой, худощавый старикъ все поддакивалъ ему и остался чрезвычайно доволенъ. Ionka злобно смотрѣлъ на Бориса, но оборвать его было неизвестно. А тѣмъ временемъ *сафля* пробиралъ Горшкова изъ катихизиса. Горшковъ пугался и на счетъ текстовъ оказывалъ плохъ. Егоръ Пантелѣичъ, самодоволиво ухмыляясь, понукалъ бѣднаго Горшкова, который только выхлѣлъ.

— Ну-съ, говорилъ инспекторъ, сжимая губы, какъ же этотъ текстъ: *спра вать*.

— Вѣра есть, повторялъ заикаясь Горшковъ.

— Ну - съ, вѣра есть... вы въ зубъ толкнуть не умѣете ни одного текста.

Съ полчася экзаменовался Горшковъ, но добился-таки того, что Егорка поставилъ ему четыре. Онъ удовлетворилъ инспектора знаніями церковной исторіи, причемъ перевиралъ 'страшно года, но педагогъ въ хронологіи не былъ силенъ.

Послѣ закона Божія дали два дня отдохнуть. Борисъ уѣзжалъ въ Липки и вернулся оттуда вечеромъ, наканунѣ экзамена предмета Ардаліона Захарыча. Въ математическихъ наукахъ начальство было вообще плохо; а потому представлялась возможность врать, не боясь быть обрѣзаннымъ. Ionka совался только въ физику, причемъ обыкновенно спрашивалъ.

— Вотъ, объясните-ка феноменъ, отчего у меня наливки въ бутылкахъ, какъ на окна поставишь, высыхаютъ?

— А изъ математической географіи задавалъ вопросъ: что такое истинный горизонтъ? Егоръ Пантелѣичъ совѣлъ спутывался: не все-таки лѣзъ въ экваторы. Ему нисли ушасную

дичь, а онъ только повторять! ну-съ, извольте доказать эту теорему?

Борнеу достался изъ математической географіи билетъ о златомъ чялгѣ. Юнка выслушала всю статью съ недоумѣніемъ и раздражался къ словамъ; но и на этотъ разъ не обрывала Борнеа, чего тотъ ожидалъ ежеминутно.

Послѣ математики явилась географія, которую слѣдовало повторять въ теченіе послѣдняго года. Но она была въ совершенномъ забросѣ у семиклассниковъ. Разъ въ недѣлю являлся къ нимъ, учитель географіи, по прозванію Ерощика, забытая, чахоточная безъ голоса личность. Его убѣдили, что повторять географію — вздоръ; а потому весь классъ проходилъ въ болтовствѣ; Ерощика же, засунувъ руки въ карманы, ходилъ взадъ и впередъ и качалъ головою изъ стороны въ сторону, какъ медвѣдь. Результатъ вышелъ тотъ, что никто географіи не зналъ.

Борисъ вытянулъ изъ политической географіи: Пруссію. Въ списокѣ, по старымъ годамъ ему стояло пять. Началъ онъ отвѣчать Пруссію, экспромтомъ, что приходило на память; Юнка, остановилъ его, спросилъ какой-то заливъ; онъ совралъ. Юнкѣ только это и надо было.

— Депутаціи вы составлять мастерь, загнусавилъ онъ, въ сѣмъ-нальто щоголять, въ геніи мѣтъ; а географіи не знаете!.. Мерзости только отъ васъ и слышались, голубчикъ мой!.. Вотъ онъ геніевъ-то... онъ залива не знаетъ; за то по набережнымъ шляется!.. Въ поведеніи ноль поставлю, атестата не дамъ! Ну, отвѣчайте.

Въ какой-то рейнской провинціи Борисъ забылъ городъ. Юнка опять загремѣлъ!

— Куда, въ какой университетъ, по какому факультету собираешься? спросилъ онъ грубѣйшимъ тономъ, переменяя вдругъ вы на ты.

Борисъ весь вскинулся.

— По словесному факультету... отвѣталъ онъ отрывисто. Его душилъ оскорбительный тонъ директора.

— Да, поступишь ты, видалъ какъ лягушкой скачуть... Дамъ я тебѣ знать, что такое въ геніи мѣтить!.. увидишь ты университетъ... фигу не хочешь-ли. Пошолъ на мѣсто; двойку тебѣ влѣплю.

Борисъ задрожалъ. Рябая физиономія Егора Цантелѣича злобно улыбалась. Всѣ ученики были возмущены этой сценой. Горшковъ и Абласовъ покраснѣли и переглянулись. Имъ было ужасно больно за Бориса.

Директоръ замаралъ пять въ списокѣ и поставилъ огромное *два*.

— Позвольте мнѣ взять другой билетъ, проговорилъ Борисъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Какъ бы не такъ, на мѣсто садись.

Ерошка не взглянулъ даже на Бориса. Онъ трусилъ директора, да и вообще не любилъ седьмого класса. Стыдно было Борису идти отъ стола къ партамъ. Противъ его воли, имъ овладѣло чувство униженія. Онъ созналъ, какъ безпомощенъ былъ онъ въ эту минуту, какъ насмѣялись надъ его претензіями быть большимъ человѣкомъ. Онъ тотчасъ же ушелъ изъ класса и уѣхалъ въ Липки. Дорогой онъ передумывалъ: рассказать ему объ экзаменѣ Софѣ Николаевнѣ, или не рассказывать? «Нѣтъ, она встревожится, рѣшилъ Борисъ, и объявилъ теткѣ и Манѣ, что все прошло хорошо.

Черезъ два дня нужно было являться на экзаменъ словесности. На словесность Борисъ надѣялся. Въ деревнѣ онъ пробѣжалъ теорію прозы и поэзіи, просмотрѣлъ записки Ергачева изъ исторіи литературы, и въ день экзамена, утромъ, часовъ въ пять, по холоду отправился въ городъ, прямо на квартиру Абласова. Долго стучался онъ, такъ что хотѣлъ даже уйти.

— Кто тутъ? спросилъ наконецъ сонный голосъ Абласова.

— Я, Телепневъ, отопри, Николай.

— Что это ты съ пѣтухами? проговорилъ Абласовъ, отпиралъ дверь. Здорово, дружище, откуда?

— Да прямо изъ деревни... Я къ тебѣ забрался почитать кое-что изъ реторики, одному-то вретить...

Они расположились на кровати. Солнце красноватымъ свѣтомъ освѣщало маленькую, желтенькую комнату. На улицѣ слышенъ былъ рогъ пастуха. Не хотѣлось читать, глаза слипались, утренній холодокъ пробѣжалъ по тѣлу легкой дрожью.

— Послушай, Телепневъ, сказалъ Абласовъ, облокотиваясь на подушку, вѣдь это свиство съ тобой сдѣлалъ Ionка... онъ тебѣ аттестать замагаетъ.

— Ну, и чортъ съ нимъ.

— Ты готовился-ли къ словесности? И онъ посмотрѣлъ на Бориса, изъ подлбья, съ тихой улыбкой.

— Читалъ...

— Немного, чай! въ деревнѣ плохое приготовленіе.

— Разумѣется.

— Ты, Телепневъ, на меня не сердись? а я тебѣ вотъ что скажу: тебя тянетъ туда, въ Липки, ты очень ужъ ее любишь. И онъ остановился. Борисъ быстро на него взглянулъ и зарумянился.

— Я, вѣдь, не изъ любовитства, началъ опять Абласовъ... Вижу я, дружище, какъ ты ее любишь; ну, и она тебя также, и будьте счастливы; да ты хоть на это-то время пріудержись... ну, что же за радость... аттестать испортятъ, вѣдь эти скоты все способны... безъ экзамена нельзя поступить...

— Да я въ Москву, братъ, нѣ все равно... придется дер-
жать.

— Тебѣ медаль слѣдуетъ, зачѣмъ же не пользоваться.... Да
вѣдъ это и досадно.

— Къ чему ты это ведешь, мудрецъ?

— Да къ тому, что не вѣди ты въ деревню, позубрить на-
до; оно хоть и глупо, а дѣлать-то нечего. Вотъ, я и за сегод-
няшній экзаменъ боюсь.

— Хорошо, хорошо, заговорилъ Борисъ, успокойтесь, дѣдуш-
ка Абласовъ, буду примѣрный мальчикъ; извольте читать объ
источникахъ изобрѣтенія.

— Ты меня не считай такимъ сухаремъ, началъ опять Абла-
совъ и взявъ его за руку; я, братъ, радъ за тебя, ты меня по-
нимаешь.... житье тебѣ хороше.... счастявещъ ты.... я хочу,
чтобъ ты и курсъ-то кончилъ счастливо.

Борисъ взглянулъ на доброе, умное лицо Абласова и сильно
пожалъ ему руку. Ему было не непріятно, что Абласовъ до-
тронулся до его тайны; онъ видѣлъ, что хорошее, товарище-
ское чувство влекло Абласова къ нему.

Начали читать. Пошли фигуры и тропы и безчисленные при-
мѣры достолюбезнаго Кошанскаго... Борисъ слушалъ—слушалъ,
и черезъ полчаса заснулъ сладкимъ сномъ...

— Теленевъ, ты спишь! разбудилъ его Абласовъ.

— Нѣтъ, а что? спросилъ Борисъ, раскрывая глаза.

— Какъ что? пора на экзаменъ идти! Ты, братъ, всего Ко-
шанскаго прогулялъ. А что видѣлъ во снѣ?

— Славный видѣлъ сонъ, отвѣтилъ Борисъ и сладко зѣвнулъ.

— Неисправимъ, проговорилъ Абласовъ, и началъ одѣваться.

XLVI.

Ужасныя щеки Іона Петровича лоснились; красный носъ сі-
ялъ. Директоръ былъ въ своей сферѣ. Старый словесникъ съ
наслажденіемъ ожидалъ случая выказать свои познанія... Хму-
рый Ергачевъ сидѣлъ подлѣ него и, по обыкновенію, ковырялъ
въ носу. Онъ не ладилъ съ директоромъ, и ни одинъ экзаменъ
изъ его предмета не проходилъ безъ исторіи.

Когда Борисъ вышелъ къ столу, директоръ, скорчивъ рожу
и протянувши руку къ билетамъ, прогнусавилъ отрывисто:

— Берите билетъ сразу, не шевырайте...

Надо было отвѣтить изъ четырехъ предметовъ, и прежде всего
изъ реторики. Борису досталась цѣлая дюжина фигуръ. Онъ ихъ
сказалъ твердо; но только директоръ съумѣлъ таки его поддѣть...

— Примѣръ не тотъ, отрѣзалъ онъ.

— Примѣръ годится, проговорилъ Борисъ.

— Не тотъ... что вы умничаете. Я Кошанскаго-то знаю

какъ отче нашъ. Подайте книгу: на страницѣ 98-й, десятая строка снизу... читайте примѣръ... на строку не ошибусь... вы учились-то не по вашему, фантазировать-то намъ не позволяли, прибавилъ онъ и взглянулъ искоса на Ергачева.

Егоръ Пантелъичъ съ умаленіемъ обратилъ взоръ къ директору. Ергачевъ усмѣхнулся въ галстухъ, Борисъ тоже не могъ удержаться отъ улыбки.

Теорія прозы прошла благополучно. Надъ пишущей собираюсь гроза.

Борисъ отвѣтилъ на билетъ; но Іонъ Петровичъ отиалъ не удовольствовался.

— Ну, загнусаивилъ онъ, скажите, какой вотъ это размѣръ: ту-ту, ту-ту, тамъ-тамъ, тамъ-тамъ, тамъ-тамъ ту-ту! а?

Онъ всегда такъ оканчивалъ изъ стихосложенія.

— Это ямбъ, отвѣтилъ Борисъ.

— Ну, а вотъ на этотъ размѣръ скажите стихи: та-та, та-та, та-та, та-та.

— «Блещутъ волны Флегетона», началъ Борисъ.

— Такъ, а вотъ на этотъ: тамъ-тиямъ-тамъ-та-та, тамъ-тиямъ-тамъ-та-та.

— Не приложно, отвѣтилъ Борисъ.

— Хорошо словесникъ, вскричалъ Іонка и началъ читать:

Юная роза
Лишь развернула
Алой шишюкъ!

Ужь этого не знаетъ!

— А вотъ на этотъ: бумъ бумъ-бимъ, бумъ-бумъ, бумъ-бумъ-бумъ...

— Не знаю, отвѣтилъ рѣзко Борисъ.

— Ну, скажите на анапестъ, или на дактиль? А на дактиль не можете, такъ на амфибрахій приберите.

И такимъ образомъ производилъ онъ пишущескую гимнастику минутъ двадцать. Подъ конецъ досада равобрала Бориса, онъ совсѣмъ пересталъ отвѣчать на всѣ: бумъ бумъ, тямъ тямъ, а та-та директора... Іонка влился.

— Ну, а это какой размѣръ, вскричалъ онъ:

Се Росса Флагаа вразъ,
Се тотъ, кто какъ и онъ?

— Ямбъ, проговорилъ сквозь зубы Борисъ.. и есльбъ Іонка еще продолжалъ пишущескую гимнастику. онъ непремѣнно сказалъ бы ему какую-нибудь дерзость.

Экзамень довершился исторіей литературы. Билетъ о Жуковскомъ не возбудилъ никакихъ спреній... Надо было ставить отиѣтки.

— Слѣдуетъ уменьшить, прогнусаивилъ Іонка, смотря искоса на Ергачева.

— Отчего? лживо спросилъ Ергачевъ.

— Вы сами видѣли, въ пятнѣхъ не тверды. примѣровъ не знаетъ.

— Этакъ спрашивать нельзя, онъ не обязанъ знать стѣла; какіе вы потребуете, я доволенъ и уменьшать отиѣтку не согласенъ...

— А я недоволенъ, закричалъ Ionка и угри его покраснѣли.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ спокойно Ергачевъ... Я имѣю право экзаменовать, а не вы... Садитесь, господинъ Телепневъ, обратился онъ къ Борису, очень хорошо-съ...

Ionка закурилъ губы...

— Вѣдь это ему не повредитъ... Изъ пятники только будетъ четыре, проговорилъ онъ было мягкимъ тономъ.

— Да и этого не слѣдуетъ, отвѣтилъ Ергачевъ. Онъ самый способный ученикъ, а не зубрило...

Сіяющая физіономія Горшкова встрѣтила Бориса, когда онъ подходилъ къ партѣ.

— Крѣпнись, Боря, шепнулъ онъ... Грибъ съѣлъ!

Абласовъ также взглянулъ съ участіемъ на Бориса. Они скоро отъэкзаменовались и всѣ трое вышли. Абласовъ и Горшковъ отправились въ сборную за шинелями, а Борисъ поджидалъ ихъ въ коридоръ. Вдругъ отворилась стеклянная дверь седьмого класса и предстали предъ нимъ угристыя щеки директора.

— Телепневъ, тихо крикнулъ онъ, подзывая его рукой.

Борисъ приблизился. Директоръ пошелъ по направленію къ актовой залѣ.

— У васъ въ деревнѣ, началъ онъ, оранжерей есть?

— Есть, отвѣчалъ глухо Борисъ.

— Ну, такъ вы тово... кактусы у васъ были всегда бѣлые и красные... Миѣ горшечка четыре...

Борисъ взглянулъ на Ionку во всѣ глаза; тотъ и ухомъ не повелъ.

— Пришлите на подводѣ... хорошенькихъ... фуксій также горшечка два... А изъ географіи перэкзаменовку назначу.

И не дожидаясь отвѣта, директоръ отправился къ себѣ чрезъ залу.—Въ это время подошли къ Борису товарищи. Онъ имъ передалъ слова Ionки. Горшковъ расхохотался на весь коридоръ. Абласовъ покачалъ головой.

— Но это гадость! вырвалась у Бориса.

— Ахъ онъ животный, закричалъ Горшковъ во весь духъ! Крапивы ему да репейнику пошли!.. да куриной слѣпоты на придачу!

— Нужно послать, сказалъ со вздохомъ Абласовъ.

— Да вѣдь это взятка? вскричалъ Борисъ.

— Не ты ее навизывалъ, началъ Абласовъ убеждающимъ

тономъ. Тебѣ не портить же атестата. Онъ такая скотина, что, пожалуй, вовсе безъ атестата выпустить.

— Животное, подтвердилъ Горпиковъ, фуксій захотѣлъ, кактусовъ!..

— Что за подлость, повторишь Борисъ, спускаясь съ лѣстницы, и дорогой все думалъ о томъ, въ какое гнусное положеніе ставить его школьная жизнь. Былъ часъ второй. Онъ вѣлѣлъ закладывать коляску и поѣхалъ въ деревню.

Маша выбѣжала къ нему на встрѣчу и сейчасъ же повела въ цвѣтникъ.

— Я тебѣ тетю покажу, говорила она со смѣхомъ, ты ее такъ никогда не видалъ.

Они сошли съ терасы. Подъ кустомъ сирени, Софья Николавна варила варенье. Она сидѣла на стулѣ, передъ жаровней, и мѣшала ложкой въ мѣдномъ тазикѣ.

— Ахъ, Боря, вскрикнула она и приподнялась, чтобъ поцѣловать его.

— Что это ты дѣлаешь? спросилъ Борисъ.

— Варю для тебя землянику.

— Милая... въ такую жару, дыму накухаешься, голова у тебя заболитъ... и все это для меня! И онъ началъ цѣловать ея руки.

— Пѣночекъ не хочешь-ли, Боря? вскричала Маша, поднося ему блюдечко.

— Погоди, дружокъ, послѣ обѣда, тогда мнѣ и вареньица дадутъ.

— Ну, такъ я велю столъ накрывать, ты голоденъ, говорила Маша, держа его за обѣ руки. Экзаменъ хорошо выдержалъ?

— Хорошо, голубчикъ.

— Я сейчасъ вернусь, и Мама побѣжала въ домъ.

— Сядь-ко вотъ тутъ, въ тѣнь, сказала Софья Николавна, лаская Бориса. Опять прискакалъ. А кто просить? Вѣдь прямо съ экзамена?

— Да, моя радость, прямо... Знаешь, какое дѣло случилось? Право, даже совѣстно рассказывать тебѣ.

Въ немъ происходила борьба. Не хотѣлось ему передавать сцену съ Ионкой; но тяжело было и скрывать что либо отъ Софьи Николавны. Потолковавши съ минуту, онъ таки все рассказалъ.

— Такъ онъ кактусовъ просить? проговорила она съ улыбкой.

— Ну, да, и фуксій... да гадко это такъ, ничего я ему не пошлю... за меня никогда взятковъ не давали.

— Постой, постой, прервала она, какую пересказашковку онъ тебѣ назначилъ... Развѣ ты не выдержалъ изъ чего-нибудь?...

Борись вдругъ покраснѣлъ. Пруссія... мелькнула у него предъ глазами.

— Ты скрылъ отъ меня, Боря?... Случилось что-нибудь!.. Какъ тебѣ не грѣхъ! И слезы показались у Софьи Николаевны.

Борись опять все рассказалъ ей.

— Вотъ видишь. начала она, закрывая лицо руками, видишь, какая я гадкая. я всему причиной... Ты забываешь обо всемъ, каждый день ѣдешь.... чтобы быть со мной... И вотъ ты не кончишь курса... Боря, ради Бога, не дѣлай этого, брось меня на все это время, вѣдь ты меня очень, очень огорчилъ... Я себѣ оправданія не найду!

Онъ началъ ее успокоивать. Она опять его прервала.

— Напротивъ, нужно отправить, цѣлый возъ и сегодня-же.

— Радость моя, вѣдь это будетъ взятка...

— Да, взятка, глупый; но кто ее вызвалъ... Я? я и должна быть наказана... сама повезу, если ты еще слово скажешь... Мнѣ горько, обидно за тебя... но ты не виноватъ; это не на твою совѣсть ляжетъ, а на мою.

Она схватила его за руку.

— Пойдемъ сейчасъ-же въ оранжерею, сказала она, увлекая его за собой. Борись повиновался.

Изъ цвѣтника дорожка вела въ особое отдѣленіе сада, гдѣ помѣщался грунтовой сарай, теплица и оранжерея, въ дверяхъ которой ихъ встрѣтила сухопарая, рыжая фигурка, въ длиннѣйшемъ навковомъ сюртукѣ. Это былъ главный садовникъ Панфилъ, большой плутъ и святоша. Онъ имѣлъ обыкновеніе продавать въ городъ цвѣты, фрукты и овощи, а деньги класть себѣ въ карманъ. За то цѣлый день читалъ духовныя книги.

— Покажи, гдѣ у тебя кактусы, сказала ему Софья Николаевна, и начала ходить по оранжерее, высматривая цвѣты. Этотъ къ директору, указала она на огромный красный кактусъ, и улыбнулась Борису, да ты не смѣйся, пожалуйста, вотъ и этотъ, и этотъ... Она насчитала горшковъ десять, и потомъ принялась такимъ-же образомъ за фуксін.

— Да это цѣлый возъ, проговорилъ смѣясь Борись.

— Не твое дѣло... Онъ пережѣнить на какую-нибудь гадость, сказала она Борису по-французски, укаывая глазами на садовника.

— Панфилъ, обратилась она къ садовнику, ты всѣ эти горшки увяжи; они пойдутъ послѣ обѣда въ городъ. Я сама приду посмотреть, какъ ихъ будутъ укладывать...

И долго Софья Николаевна не могла успокоиться. Ее мучила мысль, что изъ-за нея Борись лишится хорошаго аттестата. Онъ на силу немножко ее успокоилъ; но она требовала, чтобы онъ оправдился въ городъ тотчасъ послѣ обѣда, и не

являлся-бы прежде, нежели выдержитъ изъ всѣхъ главныхъ предметовъ.

За обѣдомъ, Маша угощала брата земляничной со сливокми, рассказывала ему, какая у ней славноя роза и два малюнькитъ зайца, какъ она ихъ кормитъ салатомъ; а въ садѣ, гдѣ младра, боятся ходить, потому что тамъ змѣй много.

Только что кончился обѣдъ, коляска была уже подана.

— Что-же ты меня гонишь? проищала Борисъ надобно, ищла руку у Софьи Николаевны.

— Поѣзжай, поѣзжай и носу показывать не смѣй безъ аттестата...

— Прощай, Боря, залепетала Маша, обвиняя его, тебѣ вранду говорить, учись хорошемякю.

Борисъ не могъ не разомѣяться, и нехотя сѣсть въ коляску, Обѣ онѣ стояли на крыльцѣ и кламались ему.

— Кактусы сейчасъ войдутъ въ городъ, крикнула Софья Николаевна.

«Проклятая гимназія», выругался онъ внутренно; но на губахъ его явилась радостная улыбка. Онъ чувствовалъ, сколько любви окружало его; какъ это чудная женщина жила малѣйшими его интересами.. И какъ ему захотѣлось выскочить изъ коляски и броситься къ ногамъ ея.

XLVII.

Кактусы произвели надлежащее дѣйствіе. Латинскій языкъ, котораго всѣ трусили, потому что никто у Шульмана ничего не дѣлалъ, прошелъ такъ гладко, что Борису стало даже скверно. Ему то и дѣло представлялись фуксія и кактусы, какъ очисгительныя жертвы его незнанія. Ионъ Петровичъ, съ довольною фзюноміей вызвалъ его; но самъ спрашивать не сталъ, а поручилъ Ергачеву, принимавшему всегда участіе въ латинскихъ экзаменахъ. Борисъ выбралъ одну изъ рѣчей Цицерона, полегче, и сталъ переводить, зная, что Ергачевъ дурной атмѣткъ не поставитъ.

Но многими было не такъ легко, какъ ему. Человѣкъ шесть допаяюъ въ лапы Егора Пантелѣича, Онъ торжествовалъ. Загнувъ большой палецъ правой руки и выпятивъ свое пузо, инспекторъ душилъ несчастныхъ семиклассниковъ безпрерывными вопросами. Горшковъ чуть чуть не схватилъ у него двойки.

— Вы піанисть, провозглашалъ Егоръ Пантелѣичъ... вы виртуозъ, а невѣжественны, какъ школьникъ приходскаго училища. Гдѣ вамъ Горация переводить... вы и съ баснями не совладаете. Ну, переводите мнѣ хоть басню, ято въ первомъ классѣ я васъ заставлялъ учить наизусть... Ну-съ, слушайте: Сапегитъ герограститъ... Что такое сапегитъ? Какое начало этого слова?

— Салсер — ракъ, отвѣтилъ Горшковъ съ гримасой, потряхивая своими вихрями.

— Ну-съ, а retrogractum, что это?

— Retrogractum, это отъ retrogractio...

— Ха ха ха, retrogractio, да что-жь это такое retrogractio?., хорошь! хорошь цѣлисть; ну, а moneo?

— Отъ moneo.

— А moneo что значить?

— Moneo, отвѣчалъ Горшковъ, съ увѣренностью, значить бранить.

— Бранить! , и Егоръ Пантелѣичъ заледя хохотомъ.

Несчастный Горшковъ получилъ тройку. Послѣ латинскаго языка Борисъ порывался въ деревню; но просьба Софьи Николаовны его удержала. Онъ писалъ ей длинное письмо, въ которомъ, во-первыхъ, просилъ позволенія явиться въ Липки, во-вторыхъ, поздравлялъ ее съ благополучнымъ окончаніемъ латинскаго экзамена; а конецъ письма былъ наполненъ изліяніями, какія тысячу разъ говорилъ онъ своей неагладной тетѣ.

Дней пять дано было на исторію. Борисъ, зная, что Каряковъ его не любитъ и на экзаменѣ, ни въ какомъ случаѣ, не поддержитъ, подзубрилъ-таки три толстыя книги Смагадова и миниатюрную внижку Устрялова. Ionka находился все еще подъ вліяніемъ кантусовъ. Онъ снисходительно слушалъ Бориса, не дѣлая никакиа замѣчаній. Только изъ новой исторіи, когда Борисъ разсказывалъ революцію 89 года и упоминалъ о герцогахъ орлеанскомъ, Ionka, обратившись къ Карякову, спросилъ:

— А какой это герцогъ орлеанскій?

— Это тотъ, котораго звали enghimé, проговорилъ ежевымъ акцентомъ Каряковъ, погруженный въ свои воротнички.

Перезаменовка назначена была Борису на другой день. Ему было очень гадко, когда онъ явился одинъ въ пустой классъ, и началъ отвѣчать Ionkѣ опять ту же Пруссію. Онъ участвовалъ съ директоромъ въ обманѣ, въ сдѣлкѣ, основанной на взяточничествѣ. Эта мысль мѣшала ему говорить, и такъ душно у него было на сердцѣ когда Ionka переправилъ въ спискѣ двойку на прежнюю гятерку.

Вечеромъ, въ Липкахъ, Борисъ передалъ все свои ощущенія Софѣ Николаовнѣ, и на этотъ разъ уже она начала его успокаивать. За то, что онъ явился, она его не бранила. Главныя предметы были сданы и съ отличными отвѣтками; оставались только пустяки, невинные французскій и нѣмецкій языки...

Изъ нѣмецкаго директоръ всегда экзаменовалъ, и даже заявлялъ нѣкоторую претензію на знаніе грамматическаго разбора. Егоръ Пантелѣичъ велъ себя слѣдующимъ образомъ. Съ незапамятныхъ временъ выучилъ онъ нѣсколько вѣршеній въ не-

реводѣ на нѣмецкій языкъ, и задавалъ ихъ каждый разъ. Ему можно было плести чепуху, какую угодно; онъ ничего не понималъ и ни однимъ звукомъ не выражалъ своего мнѣнія; но не ставилъ порядочной отпѣтки до тѣхъ поръ, пока экзаменующійся не переведетъ ему одного изъ изрѣченій.

На этотъ разъ достался ему лупоглазый Скворцовъ, крайне слабый въ языкѣ германцевъ.

— Ну, изрекъ Егоръ Пантелѣичъ, переведите мнѣ слѣдующую фразу: не все то золото, что блеститъ.

— Словъ не знаю, промычалъ Скворцовъ.

— Я самъ скажу слова: не—*ништъ*, все—*аллесь*, золото—*гольдъ* — что *дассъ*, то — *вассъ*, блеститъ *блитцтъ*; какъ же будетъ вся фраза?

И типетно дожидался Егоръ Пантелѣичъ. Скворцовъ никакимъ образомъ не могъ сообразить, какъ выйдетъ все изрѣченіе на нѣмецкомъ языкѣ.

На французскій экзаменъ директоръ обыкновенно не явился. онъ поручалъ свое предсѣдательское мѣсто Егору Пантелѣичу, который по французски, какъ говорится, ни уха ни рыла не смыслялъ. — Онъ сидѣлъ величественно на креслѣ и вызывалъ учениковъ. Тѣмъ и ограничивалась его роль. Учитель, плотно стриженный съ просѣдью французъ, по всѣмъ признакамъ бывшій почадный подмастерье, вертѣлся на своемъ стулѣ и громко поправлялъ ошибки переводившихъ ему изъ большой христоматіи Ноэля. Сочиненія, какія полагаются, по закону, писать на экзаменѣ, были заранѣе приготовлены и лежали у каждаго въ столѣ.

Когда Борисъ, отвѣтивъ, шелъ на мѣсто, французъ сказалъ ему:

— Transcrivez votre thème.

Егоръ Пантелѣичъ понялъ фразу и внушительно проговорилъ:

— Ну-съ, на заданную вамъ сей-часъ тему извольте писать сочиненіе.

Мечковскій, услыхавъ это, прыснулъ. а Борисъ, улыбувшись, сталъ переписывать свое сочиненіе: о причинахъ крестовыхъ походовъ.

Свободно вздохнули седьмиклассники, когда всѣ предметы были сданы. Изъ двадцати пяти человѣкъ, никто не остался: человѣкъ десять получили право поступить въ университетъ, безъ экзамена. — Оставалось только выправить аттестаты.

Борисъ съ радостнымъ чувствомъ отправился въ Липки, зная, что никто больше не заставитъ его думать о гимназій и учебныхъ книгахъ. Онъ могъ угѣшить Софью Николавну и тѣмъ, что получитъ прекрасный аттестатъ и медаль. Горшковъ и

Абласовъ ѣхалъ съ нимъ отпраздновать окончаніе курса. На другой день Абласовъ собирался въ свой уѣздный городокъ, а Горшковъ думалъ провести лѣто у Телятниковъ.

XLVIII.

Шумно влетѣли наши юноши въ залу липкинскаго дома. Большою радостію для Софьи Николавны было все, что она услыхала отъ Бориса и его товарищей о результатѣ экзаменовъ. Маша прыгала и обнимала своего Бориса, а потомъ побѣжала къ Мироновѣ и начала ей въ подробности рассказывать изъ какихъ наукъ Боря экзаменовался и какую медаль ему за это дадутъ.

День провели на воздухѣ. Гостямъ показывали домъ и сады; ѣздили въ ливнейкѣ, ходили въ лѣсъ, очень много ѣли; а вечеромъ предались музыкѣ. Софья Николавна пѣла безъ устали; Горшковъ импровизировалъ. Онъ былъ въ такомъ ударѣ, что клавиши звучали, какъ очарованныя подъ его пальцами... Абласовъ тоже расходился. За ужиномъ онъ вступилъ въ большой разговоръ съ Софьей Николавной. Они всегда спорили, Абласовъ не раздѣлялъ ея свѣтлаго, идеальнаго взгляда на жизнь. Въ немъ чувствовался ранній реализмъ.

— Неужели мы кончили нашу школьную жизнь? спрашивала Софья Николавна. Я говорю пашу, потому что и я считаю себя гимназистомъ.

— Да-съ, кончили, отвѣтилъ Абласовъ со вздохомъ. Оно очень хорошо; а очень радоваться нечему... впереди много всякихъ терній... да вѣдь и въ университетѣ, какъ послушаешь, такое же почти школьничество... А нашему брату придется выбирать хлѣбную дорогу.

— Что вы это какъ разсуждаете, Абласовъ, сказала Софья Николавна.

— Да какже-съ... я по медицинскому пойду, призванія нѣтъ, а пойду... да и какъ можно теперь сказать: вотъ, молъ, какое у меня призваніе... Бѣдному человѣку о такихъ тонкостяхъ и думать нечего.

— Вы куда же собираетесь, въ Казань?

— Да-съ, въ Казань.

— Отчего же не въ Москву?

— Безъ экзамена во-первыхъ, во-вторыхъ, ближе, да и въ казенные скорѣе попадешь. Я, вѣдь, на это долженъ рассчитывать.

— А вы, Горшковъ?

— Не знаю еще, Софья Николавна, куда потянетъ. Я въ вольные слушатели хочу, такъ мнѣ экзаменъ ничего... Въ Москву, дальше какъ-то. .

— Полноте, пойдёте съ нами... какже вамъ можно зарываться въ губернский городъ? для васъ главное не университетъ, а общество. поощреніе.

— Въ самомъ дѣлѣ, братцы, заговорилъ Борисъ, обращаясь къ товарищамъ, какже это мы въ разныя стороны разбредемся, этого я не могу допустить! Надо вмѣстѣ идти.

— Нечего, братъ, дѣлать, противъ рожна нельзя идти, поговорить съ улыбкой Абласовъ.

— Мы это устроимъ, перебилъ его Борисъ... всё очутимся въ Москвѣ, и славно заживемъ

— Заживемъ! крикнулъ Горшковъ

И начали они строить планы, какъ пойдеть ихъ студенческая жизнь. Одинъ Абласовъ не увлекался и говорилъ, что все тоже будетъ, только потруднѣе. Еще цѣлый день уробыли Горшковъ и Абласовъ въ Липкахъ и отправились ночью, простившись на три недѣли. Черезъ три недѣли всё должны были опять соединиться и рѣшить, куда ѣхать, въ Казань или въ Москву.

— Поклонитесь Надѣ, Борисъ? шепнулъ Горшковъ, выходя на крыльцо.

— Поклонись.

— Больше ничего не сказать?

— Ничего.

— Эфіопъ ты... такъ и загубилъ ее... Ну, погоди, я въ деревнѣ поселюсь... покорю ея сердце, а тебѣ кукишъ покажемъ.

Горшковъ, въ своей простотѣ, не замѣчалъ ничего, что произошло между Борисомъ и Софьей Николавной. Абласовъ же видѣлъ все, но не проронилъ объ этомъ ни одного слова, кромѣ того, что мы слышали въ разговорѣ его съ Борисомъ.

Обитатели Липковъ остались одни. Борисъ и Софья Николавна чувствовали себя такъ легко и радостно, точно настала новый, свѣтлый переходъ ихъ молодой жизни. Первый день они занимались до обѣда Машей, и потомъ пошли гулять.

За горой, влѣво отъ деревни, шла долина съ мелкимъ лѣскомъ и холмиками, покрытыми прекраснымъ лугомъ... Между двумя такими холмами, въ ущельи, протекалъ ручей студеной, чистой воды. Простая колода стояла подъ желобомъ, откуда лилась свѣтлая струя, разбрасывая брызги. Часу въ шестомъ вечера, Софья Николавна, облокотясь объ эту колоду, подставила ладонь подъ струю воды и громко смѣялась. Борисъ брызгалъ на нее и не давалъ ей напиться... Они играли, какъ дѣти.

— Полно, Боря, вскрикнула она, разсержусь.

— Сердись, а я все-таки не дамъ.

— Ну, такъ я напьюсь прямо. И она нагнулась, подставила свой ротъ подъ струю воды и начала глотать.

Борисъ зашелъ съ боку, взялъ ее за талью и потянулъ назадъ.

— Ай, крикнула она, все лицо забрыгага!..., Глупый!... и плаче.

Онъ бросился обнимать ее, и привлекъ опять къ ручью.

— Ну, посмотришь въ воду, моя радость, посмотришь... вотъ тебѣ зеркало.... вѣдь это ангелъ смотритъ съ неба.... Прелесть ты моя!

Она смѣялась въ отвѣтъ на его ласки, и долго они тутъ ба-рахтались у ручья, потомъ взобрались на пригорокъ и сѣли подъ дубокъ.

— Ты что думаешь, говорила она, здѣсь въ деревнѣ я съ тобой все цѣловаться буду?... Такъ цѣлые дни нѣжничать? Нѣтъ, мой милый... я тебя засажу за книжки. Нужды нѣтъ, что ты съ серебряной медалью... Мы съ тобой почти два мѣсяца ничего не читали... какъ это можно? Этакъ совсѣмъ облѣнишься.

— Да вѣдь, голубушка, всего-то три недѣльки намъ пожить здѣсь.

— Все равно.... ты въ студенты готовишься.... какже тебѣ можно время терять... Тамъ тебя не про Софью Николавну спросятъ. Я хочу, чтобъ ты былъ самый развитый студентъ. Цѣ-лый день у насъ наполнится работой. И Маней надо больше заняться.

Онъ не слушалъ, и думалъ про себя: все-таки ты меня лю-бишь и приласкаешь меня, и вотъ, сюда, къ ручью, мы прибѣ-жимъ не одинъ разъ.

Поговорили они о товарищахъ.

— Абласовъ гордъ, я вижу, сказала Софья Николавна, но я его люблю, надо его въ Москву. Помогай ему, Борисъ; отъ тебя онъ можетъ все принять.

— Я объ этомъ только и думалъ, голубушка. Миѣ грѣхъ не подѣлиться съ ними.

Софья Николавна никогда не спрашивала Бориса о томъ, замѣчаютъ-ли что его товарищи. Онъ не утаилъ отъ нея сны своей съ Лапшинымъ и нѣсколькихъ словъ Абласова; но въ этотъ вечеръ имъ не приходили тревожныя мысли. Они не хотѣли знать, догадывается-ли кто объ ихъ любви или нѣтъ, они просто были счастливы. И Софья Николавна была чи-стосердечна, какъ младенецъ. Угрызенія совѣсти, вопросы, борьба въ этотъ день для нея не существовали... Она, какъ въ первое время своей любви, относилась къ Борису съ страстной привязанностью и заботой старшей сестры или матери. Она за-бывала о себѣ; она любовалась *счастливымъ мальчикомъ*, но въ тоже время думала: какъ бы ему было лучше, какъ бы его поддер-жать, направить, развить и утѣшить.

Тихо возвращались они къ дому, по крутой дорогѣ, между двумя полосами ржи, уже начинавшей вереливать серебристыми

*

волнами. Они шли рука въ руку, молодые, смѣлые, смѣющіеся.

На встрѣчу повалась нѣтъ крестьянка съ мужикомъ, босая, но съ башмаками въ рукахъ. Они ей поклонились. Баба остановилась, отвѣсила нѣтъ низкій поклонъ и проговорила:

— Здравствуйте, дружки.

Это слово разсмѣшило ихъ.

— Изъ какой деревни, матушка? спросилъ ее Борисъ.

— Изъ Вревилова, кормилецъ, весело отвѣчала баба, въ городъ ходила... а вы липкинскіе?

— Да, липкинскіе, сказала Софья Николаевна.

— Ишь ты... эка парочка... пригожи больно оба... молодые знать... баринъ съ барыней, вотъ и милуетесь... любо на васъ глядѣть-то... Ну, прощайте.

— Прощай, голубушка, крикнули они ей... и опять разсмѣялись.

Дорогой они долго болтали объ этой встрѣчѣ.

— Баринъ молодой, повторила Софья Николаевна, вотъ мы на кого похожи!

— Это и Маша говорить и Мироновна.

А Мироновна, дѣйствительно, не разъ дѣлала шутливыя замѣчанія на счетъ Бориса и Софьи Николаевны. Вечеромъ Борисъ столкнулся съ ней на дворѣ, у дѣвичьяго крыльца. Старушка мало его видѣла, особливо въ послѣднее время. Ея природная сдержанность не позволяла ей высказывать всего, что таялось на душѣ. А она многое подмѣчала.

— Ну, что, нянюшка, весело сказалъ ей Борисъ. какъ ты, я тебя съ экзаменами-то совсѣмъ забылъ.

— Ничего, брожу, кончилъ, слышь, науку-тѣ?

— Какже; теперь вотъ въ деревнѣ поживу.

— Отдохни, отдохни .. только смотри, долговязый, не больно ужъ закруживайся... о Машенькѣ не забывай.

Борисъ понялъ, что хотѣла сказать Мироновна, и немного покраснѣлъ... Она больше не стала его смущать.

— Ступай къ нимъ... а мнѣ, вотъ, съ поваромъ надо въ чуланъ. Отдохни, отдохни, заключала старушка и потрепала его по плечу.

Борисъ пошелъ отъ нея съ поникшей головой. На терасѣ онъ нашелъ Машу и крѣпко обнялъ ее. «Неужели всѣ боятся, что я ее брошу? подумалъ онъ. Развѣ наши общія заботы не охраняютъ ее! Или мы уже очень отдались своей страсти! Вонъ и тетя говоритъ, что мы забываемъ ее, бѣдную дѣвочку. И Борисъ, перенесся къ тому недавнему времени, когда эта Маша была его другомъ, существомъ, для котораго онъ жилъ такъ чисто, такъ самоотверженно. Правда, тогда у него было много горя, много мелочной борьбы; но онъ зналъ наслажденіе тихой, цѣломудренной любви, выше были его побужденія, свѣтлѣе по-

рыбы. Теперь... но развѣ мнѣ хуже теперь? спросилъ онъ, развѣ я охладѣлъ ко всему, что не *она*?

И въ отвѣтъ на эти мысли, онъ началъ ласкать Машу. Маша говорила ему про то, что ей хорошо въ деревнѣ, какъ въ раю. Ее занимало все: и дѣсь, и горы, и цвѣты, и коза, и садовникъ Панфиль и скотница Лукерья, и звѣзды и красныя качели. Слушая ее, Борисъ думалъ: вотъ она какъ счастлива, дорогое мое дитя! А съ какихъ поръ? Съ тетей, съ ней пришло это счастье, эта всеобщая радость. Онъ поднялъ глаза, воздѣ стояла Софья Николаевна, и какъ мать, съ тихою нѣжностью глядѣла на нихъ. Все, все ей отдамъ, шевельнулось въ сердцѣ Бориса, и онъ прильнулъ губами къ ея прозрачной рукѣ.

XLV.

Недѣля пролетѣла, какъ одинъ день. Софья Николаевна хотѣла строго слѣдовать своей программѣ: раздѣлить утро и вечеръ на клѣточки; но все ей какъ-то не удавалось. Правда, они много читали съ Борисомъ; но много и гуляли. Положенные часы часто нарушались. Вечера обыкновенно проводили на воздухѣ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, часу въ десятомъ, сидѣли они на своей любимой дерновой скамейкѣ, подъ черемухой. Они говорили о томъ, когда надо будетъ собираться въ путь.

— Ты не получала еще отвѣта отъ своихъ стариковъ? спросилъ Борисъ.

— Нѣтъ, милый; завтра приходитъ почта. Они намъ наймутъ славную квартиру.

— Да не пересслить-ли ихъ къ себѣ; такъ всѣ бы вмѣстѣ в жили.

— Нѣтъ, Боря; это ихъ стѣснять, они пускай себѣ живутъ особо. Я каждый день буду съ ними видѣться.

— Какую же мы жизнь создадимъ въ Москвѣ? проговорилъ онъ, ласкаясь къ ней, хорошую?

— Конечно, не плохую. У тебя университетъ, наука, товарищи, и потомъ дома чтеніе, музыка, театръ, мало-ли жизни. Только ты не начинай кутить, Боря.

— Ну, а если начну?

— Я съ горя умру; а, впрочемъ, нѣтъ; вѣдь это скоро пройдетъ, ты не изъ такихъ. Я хотѣла бы также, чтобъ ты выѣзжалъ, Боря. Ты такой у меня нарядный.

— Зачѣмъ это я стану выѣзжать? Съ барышнями болтать! Экое веселье!

— Нельзя же тебѣ сидѣть со мной цѣлый день... смотри на людей, знакомься съ ними, узнавай жизнь; дѣлай хоть побѣды, я не рассержусь.

И она разсмѣялась.

— А ты что будешь дѣлать?

— Ахъ, какой противный фатъ, вскричала она, думаетъ, что я безъ него умру. Развѣ у меня мало дѣла? А Маша? Я ей буду гораздо больше заниматься, чѣмъ тобой!

— И занимайся, радость моя, проговорилъ Борисъ, опускаясь передъ ней на колѣни. Ты ужь слишкомъ любишь Боря: все для него, а у другихъ отнимаешь.

— А вотъ и Маша, вотъ и Маша, вскричала Софья Николавна.

Борисъ приподнялся и увидѣлъ, что въ темнотѣ аллег былось платьице Маши. Она подбѣжала къ нимъ и сѣла теткѣ на колѣни.

— Я васъ искала, лепетала она; а вы вотъ куда забились. Здѣсь славно.

— А что это у тебя голова мокрая? спросила Софья Николавна.

— Ахъ, я вѣдь купалась.

— Кто позволилъ? сказалъ Борисъ, нахмуривъ брови. Безъ спросу убѣжала, простудилась ты, Маша!

— Нѣтъ, въ водѣ такъ славно, ты не сердись, Боря, вѣдь то, тетя, вонъ, сама поздно купается, да и ты также.

— Вотъ и поймали насъ, проговорила, смѣясь, Софья Николавна; только въ другой разъ ты скажи, когда захочешь купаться, сегодня свѣжо. Пойдите-ка въ комнаты.

На другой день Борису надо было ѣхать въ городъ узнать на счетъ аттестата. Онъ отправился послѣ утренняго чая. День былъ славный; на душѣ у него жило спокойствіе и надежды, въ головѣ молодые планы. Онъ ѣхалъ въ своемъ покойномъ фазтонѣ и думалъ, какъ хорошо ему будетъ въ Москвѣ, среди разнообразныхъ трудовъ и удовольствій, съ мей, безъ горя и нужды, въ жизни полной здоровья, силъ и энергій... Никогда не сознавалъ онъ себя такимъ довольнымъ и невозмутимымъ.

Въ гимназіи онъ побывалъ у Ергачева, простился съ нимъ, потолковалъ объ университетѣ и зашелъ въ канцелярію. Отъ письмоводителя узналъ онъ, что аттестаты не будутъ готовы раньше конца августа; но что можно ему выдать свидѣтельство, которое замѣнитъ аттестатъ. Борисъ попросилъ письмоводителя такое свидѣтельство ему написать и вручилъ ему пятирублевую ассигнацію, за что письмоводитель согнулъ въ три погребели и обѣщался доставить свидѣтельство «самолічно»; тутъ же поздравилъ Бориса съ предстоящимъ полученіемъ серебряной медали, даже прибавилъ, ухмыляясь, что по вѣсьмъ бы правдамъ слѣдовало ему золотую; а Абласову-де непрялично, такъ какъ онъ изъ мѣщанскаго званія.

Изъ гимназіи Борисъ завернулъ къ нѣкоторымъ товарищамъ; засталъ Мечковскаго, играющаго на дворѣ въ свайку съ мальчишками; отъ него прошелъ къ братьямъ Бисаровымъ, отличав-

шавшия рыболовствомъ и голубиной охотой. Юноши были здоровые, коренастые, суровые въ своихъ нравахъ. Одинъ желалъ идти въ землемѣры, а другой тайлъ наклонность къ военной службѣ. Они теперь предавались со страстію рыбной ловлѣ и увлекли Бориса погулять на рѣку. Тамъ всё трое сѣли въ лодку, перѣехали Волгу, отправились въ село Борь, купили кадачей и квасу и пѣли бурлацкія пѣсни. Послѣ троекратнаго купанья вернулись они на городской берегъ, и Борисъ возвращался въ гору пѣшкомъ. Былъ уже часъ шестой. Онъ немножко попенялъ себѣ, что такъ зажился въ городѣ, и какъ ни усталъ, а скорыми шагами шелъ къ дикому дому.

Только что онъ вступилъ въ пустую залу, къ нему кинулась одна изъ старухъ, оставленныхъ на лѣто въ городѣ.

— Боренька, Борисъ Николаичъ, а мы съ ногъ сбились, вась искавши.

— Что случилось?

— Изъ деревни прискакалъ Андриушка... еще въ два часа это было... Федоръ Петровичъ уѣхали съ докторомъ.

Лихорадка забила Бориса.

— Кто заболѣлъ? спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Да не разслыхала я хорошенько, барыня, либо барышня; а больно схватило...

— Лошадей! крикнулъ Борисъ и бросился на дворъ.

— Готовы, давно готовы... шамкала старуха, слѣдуя за нимъ.

Съ страшной тревогой скакалъ Борисъ по дорогѣ въ Дипки. Онъ не хотѣлъ разспрашивать у кучера, кто заболѣлъ. Онъ не могъ себя успокоивать; въ головѣ ходилъ каной-то туманъ; все путалось, въ глазахъ рябило; то и дѣло бросало его въ жаръ; онъ снялъ фуражку, развязалъ галстухъ и все озирался какими-то безумными глазами. Лѣсъ показался ему безконечнымъ. Подъѣзжая къ деревнѣ, онъ почувствовалъ вдругъ такую невыносимую тоску, что готовъ былъ выскочить изъ коляски и пуститься бѣжать къ дому.

Въ залѣ, куда онъ вбѣжалъ въ пальто и фуражкѣ, на шею къ нему бросилась Софья Николаевна, вся въ слезахъ. Онъ обомлѣлъ отъ радости и зарыдалъ. Ему не вѣрилось, что онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, онъ не могъ слова выговорить и такъ былъ потрясенъ, что почти упалъ на ступь.

— Мама больна? быстро проговорилъ онъ, немножко оправившись.

— Боря, милый... она задыхается... она умираетъ... И слезы заглушили ея слова.

Онъ вскочилъ и бросился черезъ гостиную въ комнату Мама, отдаленную отъ спальни Софьи Николаевны перегородкой. Около кровати сидѣли Эдуардъ Иванычъ и Мироновна. Облокотясь о коммодъ, стоялъ Федоръ Петровичъ. Борисъ подбѣжалъ къ Ма-

шиной кроваткѣ и, какъ вкопанный, остановился на мѣстѣ. Дѣвочка, вся блѣдная, съ синеватыми кругами вокругъ глазъ, лежала навзничъ и тяжело, порывисто дышала. Какая-то судорожная дрожь пробѣгала по ея нѣжной, дѣтской груди. Горло ея было увязано. Острый свистъ слышался, когда она, съ усилиемъ, съ судорогами въ лицѣ, хватаясь за горло, выдыхала въ себя воздухъ. Она взглянула на Бориса, протанула-было руку; но сейчасъ же схватилась за борть кровати и вся судорожно поднялась, съ хрипѣніемъ въ горлѣ. Что-то ужасное, безпомощное, раздирающее было въ выраженіи ея потухнувшихъ глазъ.

Борисъ не могъ вынести больше трехъ минутъ; онъ бросился вонъ и упалъ въ гостиной на диванъ. Съ нимъ сдѣлался обморокъ. Когда онъ очнулся, около него сидѣла Софья Николаевна; а Лапинъ стоялъ и тыкалъ ему что-то въ носъ.

— Что она? было его первое слово. Пошлите еще за докторами, спасите ее, просилъ онъ, хватая за руки Федора Петровича. У того тоже были слезы на глазахъ.

— Послалъ, отвѣтилъ Лапинъ, успокойтесь... все сдѣлаемъ.

— Прилягъ, Боря, милый, говорила Софья Николаевна, укладывая его; не тревожься, ради Бога.

— Не успокойвай меня, прервалъ онъ ее, взглянувъ прямо въ лицо. Ты сама дрожишь... Что у ней, у ней крупъ?

— Но мы захватили, Боря, ей полегче...

— А какъ онъ ее задушитъ?

— Да зачѣмъ же бѣду-то накликать, что это у васъ, батюшка, за малодушіе, почти съ сердцемъ сказалъ Лапинъ.

Борисъ точно устыдился своего малодушія, довольно бодро всталъ и пошелъ опять въ комнату Машы. Софья Николаевна крикнулась; но видно было, что она вся потрясена. Она глотала свои слезы и разрывалась между Машей и Борисомъ.

Эдуардъ Ивановичъ сказалъ Борису, что отчаяваться нечего; но припадки очень сильны. Вчерашнее купанье было причиной такой простуды. И какъ горько отозвалась въ сердцѣ Бориса мысль, что онъ и Софья Николаевна не берегли Машу, не смотрѣли за ней, нѣжничали въ то время, какъ она рисковала своимъ здоровьемъ.

Черезъ два часа привезли изъ города двухъ докторовъ и фельдшера; ставили пиявки, давали рвотное, употребили всевозможныя средства; но Машѣ лучше не было.

Софья Николаевна и Мироновна слѣдили за каждымъ ея движеніемъ. Борисъ сидѣлъ за перегородкой. Его не пускали къ кровати. Видъ Машы слишкомъ на него дѣйствовалъ. Въ ночь хрипѣніе немного стало легче. Два доктора послѣ консилиума отправились въ городъ. Эдуардъ Ивановичъ остался съ Лапинымъ ночевать. Борисъ не хотѣлъ ложиться; но Софья Николаевна его уговорила. Только что онъ началъ забываться, до слуха его до-

летѣли шаги внизу. Онъ спустился по лѣстницѣ, безъ сюртука; въ гостиной было темно, заря только что занималась. Въ спальнѣ Софьи Николаовны слышалось истерическое рыданіе. Борисъ едва не упалъ на мѣстѣ. Въ этомъ рыданіи онъ почувствовалъ смерть сестры. Въ туманѣ, не видя и не замѣчая никого, подбѣжалъ онъ къ кроваткѣ Маши, схватилъ ее, приподнялъ и началъ осыпать поцѣлуями. Въ рукахъ его лежало холоднѣющее тѣло.

XL.

На маленькомъ столѣ, на бѣлой газетовой подушкѣ, окруженная цвѣтами, съ распущенными кудрями по плечамъ, лежала Маша въ верхней залѣ липинскаго дома. Смерти не было въ выраженіи ея младенческаго лица. Оно было свѣтло, прозрачно, прекрасно, какъ то утро, которое благоухало и блистало вокругъ ея ложа. Бѣдная дѣвочка! она умерла посреди такой молодой, кипучей жизни, точно не захотѣла она смѣшивать свой дѣтскій, чистый, непорочный міръ съ міромъ ихъ грѣшныхъ наслажденій.

Весь домъ былъ погруженъ въ уныніе. Борисъ и Софья Николаовна цѣлый день стояли у гроба Маши и горячо молились. Они почти ничего не говорили другъ другу. Имъ было слишкомъ тяжело. Они даже пробовали утѣшать Мироновну.

Старушка сидѣла въ залѣ и горько плакала.

— Въ одинъ денекъ, моя голубушка, повторяла она, безъ святаго причастія отошла... Господи Иисусе!..

Въ тотъ день, когда отпѣвали тѣло Маши, Борисъ впалъ въ какое-то безчувственное состояніе. Онъ сидѣлъ на терассѣ и смотрѣлъ вдаль. Софья Николаовна держала его за руку.

— Неужели это наказаніе? вдругъ прошепталъ онъ, устремляя на нее блуждающій взглядъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ! вскричала она и, рыдая, бросилась обнимать его.

Ее терзали угрызенія. У ней не было живаго мѣста въ сердцѣ; на языкѣ не было ни одного примирительнаго слова. Она, какъ преступница, сознавшая свою вину, просила только пощады у Бога, у совѣсти и молила только о томъ, чтобъ не загубить ей жизнь мальчика, отдавагоса ей всей душой.

— Ты мнѣ осталась, сказалъ Борисъ, и мгновенный блескъ заигралъ въ его глазахъ.

Эти слова какъ ножомъ рѣзнули Софью Николаовну. И сладко и раздирательно было ихъ слышать въ эту минуту. Они звучали и отрадой и какимъ-то святотатствомъ передъ гробомъ чистаго младенца, которому оба они должны были посвятить свою жизнь!

— Живи, живи, мой милый, дорогой, шептала она; брось меня, я принесла смерть, я погублю тебя...

— Что ты, Соня, вдруг сказалашь онъ громко, поднимая голову. Я одинъ... мы одни... Богъ у насъ отнял Машу; но неужели Онъ хочетъ, чтобъ мы разстались?.. Только не живи-ми!.. Онъ убьетъ меня, сквернаго... Я первый обманулъ тебя... въ меня закралось... Онъ не докончилъ и закрылъ лицо руками.—Но пока я живъ, заговорилъ онъ опять, кто же отниметъ тебя?.. Маша тамъ, на небѣ... она чиста, какъ ангелъ; она молится за насъ... Пойдемъ къ ней...

И они пошли молча, тихими шагами, и еще разъ склонились передъ гробомъ, откуда Маша прощала имъ все и заливала своею чистую, прекрасную любовь въ ихъ мятежныя сердца.

Послѣ отпѣванья, гробъ повезли въ городъ, чтобъ положить Машу вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. Федоръ Петровичъ, разстроенный, нервный, хлопоталъ за всѣхъ и раза по три въ день ѣздилъ въ городъ. Онъ боялся отечъ за Софью Николаевну. На свѣжія силы Бориса онъ больше надѣялся. Эдуардъ Ивановичъ первый подалъ мысль, что нужно имъ переѣхать совсѣмъ въ городъ, на что они сейчасъ же согласились. Имъ самимъ незвысимо было оставаться въ домѣ, гдѣ умерла и лежала въ гробу Маша. Но и въ дикомъ большомъ домѣ имъ было немногимъ легче. Они мѣста себѣ не находили и черезъ недѣлю собирались въ Москву. Каждый день, вмѣстѣ съ Мироновной, ѣздили они на кладбище и молились у свѣжей могилы. Всѣ платья, шляпки, игрушки и книги Машины собраны были въ ея комнатѣ и разложены, какъ дорогіе остатки. По нѣскольку разъ приходили они въ эту комнатку и цѣловали все, что носила Маша и держала когда-либо въ рукахъ. И не оставляло ихъ жгучее чувство, что Маша умерла отъ ихъ нерадѣнія. Теперь только, въ этомъ холодномъ, пустомъ домѣ томительно чувствовали они, сколько жизни, прелести, поэзіи унесъ съ собою дорогой ребенокъ, какъ пусто и холодно безъ него, какъ ихъ собственное существованіе становится узкимъ, эгоистичнымъ безъ этой живой цѣлы, безъ этой дѣвочки, которую умирающій отецъ поручилъ имъ съ такимъ горячимъ упованіемъ. Тяжело страдали они!

II.

Въ городѣ начиналась большая ярмарка. За рѣкой, гдѣ построены были лавки, кипѣла жизнь и въ воздухѣ стоялъ шумъ и трескъ. Торговый и черный людъ толпился на мосту и по рядамъ. Рѣка запружена была судами. Длиныя вереницы возовъ съ товарами тянулись по всѣмъ направленіямъ.

Разъ, подъ вечеръ, Борисъ поѣхалъ съ Софьей Николаевной

прокатиться. Они спустились съ горы на ярмарку. Обѣхавъ ряды, велѣли они кучеру остановиться у собора и вошли туда. Служили всенощную. Имъ было немножко полегче. Софья Николавна оживилась, замѣтивъ, что Борисъ смотритъ на нее не болѣзненнымъ, блуждающимъ взглядомъ, а съ тихой улыбкой. Назадъ ѣхали они почти шагомъ и вели разговоръ о томъ, какъ возмуть съ собой въ Москву Мироновну и станутъ ухаживать за ней, потомъ стали разбирать Федора Петровича и вычислять всѣ его добродѣтели..

— Не взять-ли и его въ Москву? спросилъ Борисъ.

— Не поѣдетъ, отвѣтила Софья Николавна, и разсѣялась.

Отъѣздъ ихъ былъ назначенъ черезъ три дня. Эдуардъ Ивановичъ утромъ завернулъ къ нимъ и между прочимъ сказалъ, что въ городѣ холера, и довольно сильно забираетъ. Софья Николавна этого не слыхала, но Борисъ подумалъ, что скорѣй-бы уѣхать, сказалъ даже Федору Петровичу; но тотъ объявилъ, что дорожная карета еще не готова, а въ дилижансѣ онъ ихъ не пуститъ.

Вернувшись съ прогулки, Софья Николавна читала Борису, потомъ положила книгу и начала его какъ-то особенно горячо ласкать.

— Отчего это, Боря, говорила она, чудится мнѣ, что для насъ уже невозможна та жизнь, о которой мечтали такъ недавно въ Липкахъ?..

— Не знаю, отвѣчалъ тихо Борисъ.

— И страхъ какой-то нападаетъ на меня, Боря... точно будто мы съ тобой живемъ теперь до сроку... а вотъ скоро - скоро настанетъ день—и все кончено.

И все въ такомъ тонѣ говорила она; а потомъ перешла къ шумной веселости, смѣялась, рассказывала ему разныя исторіи изъ своего дѣтства, дѣлала планы на будущее лѣто: какъ они поѣдутъ за границу и возмуть непременно Мироновну и какъ Боря будетъ современнымъ извѣстнымъ писателемъ, а она беззубой старухой, станетъ читать его повѣсти и восхищаться...

Прощаясь, она крѣпко прижалась къ нему, потомъ перекрестила и нѣсколько разъ прошептала:

— Живи и будь счастливъ, слышишь, ну, Господь съ тобой.

Онъ долго не могъ уйти отъ нея. Такъ трогательна была она; такъ отраднo было ему, въ эти минуты, дѣлится съ ней свое горе и надѣяться на сладкое примиреніе.

Ночью его разбудили. Софья Николавна заболѣла. У ней открылась холера. Черезъ два дня ея не стало. Борисъ былъ какъ безумный. Онъ ничего не понималъ, что вокругъ него дѣлается. Что-то жгучее, тяжелое, какъ камень, стояло у него въ груди; голова горѣла и точно хотѣла лопнуть. Предъ глазами носился

образъ Софьи Николаовны, слышались ему слова ея, и все это утопало въ какомъ-то хаосѣ страданій, невыносимой тоски. Слезь не было.

Его не пускали къ умирающей. Среди предсмертныхъ мукъ, она звала его къ себѣ, просила беречь, спасти отъ смерти, если онъ заболѣетъ такъ же, какъ она. Федоръ Петровичъ и докторъ, оба плакали глядя на нее. Мироновна слегла. Она утѣшена была тѣмъ, что Софья Николаовна причастилась. Какъ полонъ былъ взглядъ умирающей горячей мольбы объ искупленіи... и какъ трогательно просила она хоть на одинъ мигъ взглянуть на своего Бориса.

Тутъ, въ когтяхъ смерти, сказалось еще разъ ея страстная, глубокая, всеобъемлющая любовь къ милому мальчику, который такъ всецѣло отдалъ ей свою душу...

Эдуардъ Ивановичъ боялся за состояніе Бориса. и не напрасно. За день до похоронъ, съ нимъ сдѣлалась нервная горячка. Въ дикомъ, большомъ домѣ лежалъ онъ безъ сознанія, одинъ, обитатель этого убѣжища тишины и смерти. Онъ былъ очень плохъ. Лашинъ совсѣмъ переселился въ дикій домъ. Мироновна опять поднялась, чтобъ ходить за своимъ питомцемъ. Воротились Горшковъ и Абласовъ, и поочередно сидѣли у кровати больного. Горшковъ, какъ въ первый разъ пришелъ, такъ и зарыдалъ... Мать его, Анна Ивановна, захотѣла непремѣнно ходить за Борисомъ, и также совсѣмъ поселилась въ домѣ Телепневыхъ. У всѣхъ была одна мысль, одна забота, спасти это молодое существо отъ смерти, которая такъ безжалостно вырвала его лучшія привязанности...

И не вѣрилось юношамъ, сидѣвшимъ у кровати больного товарища, что дѣйствительно въ этомъ самомъ домѣ начиналась веселая, молодая жизнь... Софья Николаовна промелькнула, какъ свѣтлая звѣзда и ихъ озарила немножко, а Бориса только затѣмъ осчастливила, чтобъ оставить его на перепутьи, съ тоской, безъ цѣли и помощи, бросить его опять въ такую жизнь, которая была-бы еще тяжелѣе, чѣмъ его отрочество и юность до смерти отца...

И еслибъ бабенка, Пелагея Сергѣевна, явилась вдругъ, какое чувство заговорило-бы въ ней? Стала-ли бы она радоваться смерти ненавистой ей женщины, стала-ли бы радоваться страданіямъ своего внука, которому она пророчила, на прощаньи, «*слѣти прелестницы*». Пророчество ея почти сбывалось, и сама она точно невидимо ходила по пустымъ комнатамъ дикаго дома и призывала смерть на новую, безвинную жертву.

Жутко было всѣмъ, кто ходилъ за Борисомъ; а его спасала горячка отъ сознанія своей молодой, но непримиримой муки...

III.

Въ послѣднихъ числахъ августа, въ самый полдень, вара сърыхъ свускала подъ гору, на ярмарочный мостъ, небольшую коляску, на плоскихъ рессорахъ. На козлахъ, возлѣ кучера, въ гимназической шинели и бѣлой фуражкѣ, сидѣлъ Абласовъ. Въ коляскѣ помѣщались Горниковъ, какъ-то бочкомъ, въ коричневомъ пальто, и Борисъ, закутанный въ теплую шинель. Его трудно было узнать. Глаза впали, щеки опустелись, волосы были плотно острижены. Усталый взглядъ его почти неподвижно былъ устремленъ на одну точку. Все, что мимо шло и ѣхало не развлекало его. Коляска обошла нѣсколько рядовъ. Много криковъ слышалось съ разныхъ сторонъ, громъ желѣза сѣмпи-вался съ скрипомъ воевъ; пыль, стукъ, суетня! Купцы въ сибиркахъ, татары, персіяне, казаки съ нагайками все это пестрѣло въ глазахъ.

— Много жизни! сказалъ Горшковъ Борису...

— Да, глухо отвѣтилъ тотъ; но меня это утомляетъ; мнѣ этотъ шумъ противенъ... пошелъ скорѣе, Феоданъ! крикнулъ онъ кучеру...

А чтобы было у меня, на душѣ, думалъ онъ, пока сѣрые катили коляску по пыльнымъ рядамъ, еслибъ тутъ, около меня, сидѣла она, моя радость... Какъ бы хорошо мнѣ все казалось... а теперь... И невольная слеза скатилась по молодому, исхудалому лицу.

— Баринъ, подай копѣечку, запищала вдругъ босоногій мальчишка, догоняя коляску.

— Стой, крикнулъ Борисъ и началъ доставать кошелекъ.

— Сколько ихъ здѣсь шляется... промышленность открыли, проговорилъ съ козель Абласовъ.

Борисъ взглянулъ на него съ укоризною, и, подумалъ, подавая нищему гривенникъ: она любила подавать бѣднымъ... и Маша тоже.

Проѣхали ряды; потянулись заборы, склады и сарай. Не разъ дорогу загораживали возы съ товаромъ. Татарскіе поденщики то и дѣло сновали въ своихъ безконечныхъ рубашкахъ и сѣрыхъ колпакахъ. У пристани коляска остановилась.

Бориса встрѣтилъ Ланинъ, Мироновна и Яковъ.

— Билетъ вамъ взять, проговорилъ Феодоръ Петровичъ, въ первомъ классѣ... Каюта славная, я ходилъ... Ну, на счетъ людей и лошадей не беспокойтесь; все это, батюшка, будетъ у васъ черезъ недѣлю.

— Благодарю васъ, Феодоръ Петровичъ, сказалъ Борисъ, пожимая ему руку, вы добры какъ ангель...

— Ну, полноте, прервалъ его Лапинъ и чуть-чуть не проследился; вотъ со старухой-то проститесь...

Борисъ обнялъ Мироновну.

— Отъ чего ты не ѣдешь со мной, няня? говорилъ снѣ ей зволнованнымъ голосомъ... Тебѣ вѣдь скучно будетъ...

— Нѣтъ, голубчикъ, отвѣчала она тихо, утирая платкомъ слезу съ своего старческаго лица, я здѣсь жила, здѣсь и умру... Мое мѣсто тамъ, на могилкахъ... И она показала рукой на городъ... Христось съ тобой... Миѣ хорошо будетъ... зимой на побывку приѣдешь... вотъ и увидимся...

— Молись за нихъ, прошепталъ Борисъ и, удерживая рыданія, еще разъ поцѣловалъ Мироновну. Прощай, прощай... Жди меня!

Раздался свистокъ. Пассажиры взошли на палубу. Было довольно много народу. Какая-то толстая барыня съ очень протытымъ лицомъ сѣдѣла подъ зонтикомъ и безпрестанно обращалась къ двумъ мальчикамъ въ бархатныхъ фуражкахъ, должно быть сыновьямъ ея, на французскомъ языкѣ:

— N'arrgchez pas, кричала она имъ, когда они подходили къ борту...

Нѣсколько купцовъ, лѣсной офицеръ и какой-то толстый помѣщикъ въ славянофильскомъ нарядѣ стояли кучой и разсуждали о томъ, какъ пойдетъ пароходъ.

А пароходъ «Лума» шипѣлъ и выпускалъ паръ. Раздался второй свистокъ. Капитанъ, дюжій штурманъ, съ бородой и въ гуттаперчевомъ пальто закричалъ машинисту: впередъ... Колеса зашумѣли... Канаты были опущены... пароходъ двинулся. Борисъ стоялъ у борта и перекидывался словами съ Лапнымъ и няней. Они махали ему платками и въ десятый разъ кричали: прощайте! прощайте, голубчикъ!

Пароходъ повернулъ, прибавилъ ходу, обогнулъ мысъ и вошелъ внизъ по рѣкѣ, пыхтя и взбивая пѣну на тихой водѣ. Высоко на горѣ красовался городъ, съ кремлемъ, башнями и колокольнями. Яркими лучами окрашены были и облака и вода и бѣлыя стѣны кремля, и пестрая вереница домовъ вдоль набережной...

— Посмотри, какъ хорошо?... Боря, проснись!... крикнулъ Горшковъ.

Но Борисъ не поднялъ головы. Этотъ отъѣздъ, этотъ пароходъ, это начало новой жизни, погрузило его въ надрывающую сердце думу... «Боже, говорилъ онъ, какое ужасное наказаніе!... Почему-же я не умеръ! За чѣмъ онѣ обѣ погибли за меня?... И куда я ѣду?... Чтѣ сулитъ миѣ эта жизнь!... Тоску и одиночество!.. За одинъ мигъ радости!»

Дико, съ какой-то злобой осмотрѣлся онъ и закрылъ глаза... Онъ хотѣлъ плакать и не могъ...

— Одинъ, совсѣмъ одинъ! шепталъ онъ, судорожно вздрагивая...

▲ солнце играло въ пѣнистой ряби парохода, раздавались веселые голоса, зеленые берега улыбались и все тянули в даль, на новыя мѣста.

Д. Григоровка, 1862 г.

ПЕТРЪ БОБОРЫНИЧЪ.

ПОСЛѢДНЕЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. ШЕНЬЕ.

Я Н Ъ В Ъ І V .

Au pied de l'échafaud j'essale encore ma lyre.
A. Chenier.

Послѣдній солнца лучъ привѣтъ свой въ часъ исхода
Шлетъ погасающему дню.
Такъ у кровавыхъ здѣсь ступеней эшафота
Я лиру пробую мою.
Быть можетъ мой чередъ;—и стрѣлка часовая
Въ кругу разиѣренномъ своемъ
До часу не дойдетъ, обычный путь свершая,
Какъ я засну могильнымъ сномъ,
И тѣма меня на вѣкъ обвинитъ гробовая.
Быть можетъ, въ этотъ самый мигъ,
Какъ звучной риемою, стихъ звучный замыкая,
Я новый замышляю стихъ:
Посланникъ изверговъ, бичъ смерти и позора
Разбудитъ именовъ моихъ
Молчанье мертвое во мракъ корридора...

.

Н. ГРЕНОВЪ.

МЕМОАРЫ КАНЛЕРА.

Леонъ Ламбель и Леспинасъ.—Обокраденный ночью часовщикъ. — Госпожа З***, Эрнестъ и Леонъ.—Похищеніе ребенка.

I.

Леонъ Ламбель и Леспинасъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1849 года было сдѣлано довольно замѣчательное воровство у дѣвицы Н***, артистки историческаго театра. Отважные воры, воспользовавшись обычнымъ ея отсутствіемъ, пробрались съ помощію поддѣльныхъ ключей въ ея квартиру, находящуюся въ четвертомъ этажѣ, въ домѣ, гдѣ была кофейня Алле, на углу Сентонжъ и бульвара Тампль; потомъ, опорожнивъ шкапы, переломавъ мебель, скрылись, унеся съ собою двѣ драгоцѣнности.

Извѣщенный о сдѣланной покражѣ, я прибылъ на мѣсто, гдѣ собралъ показанія о предшествующемъ этому обстоятельству. Я узналъ, между прочимъ, что въ одной изъ комнатъ ограбленной квартиры найдена была маленькая лопатка изъ окисленнаго серебра, у которой не доставало половины ноги и казалась бывшая брелокомъ у часовъ щеголя-вора. Тщательно разсмотрѣвъ я валоны и, не колеблясь ни минуты, объявлялъ присутствующимъ, что, по моимъ соображеніямъ, только два человѣка въ Парижѣ, Леонъ Ламбель и Леспинасъ, оба отчаяннѣйшіе мошенники, способны сдѣлать подобное воровство и съ такою наглостію и дерзостію.

Одинъ господинъ, занимающійся литературой, изъ любопытства пришедшій съ артистами театра узнать подробности этого воровства, посмотрѣвъ на меня удивленными глазами.

— Какъ, возразилъ онъ мнѣ, по однимъ лишь признакамъ сдѣланнаго воровства вы узнаете виновныхъ? Право, это чрезвычайно удивля-

тельно. И если вы будете въ состояніи мнѣ доказать, что это именно тѣ самые люди обокрали дѣвицу Н***, я обещаю вамъ написать хорошею статью въ одномъ изъ журналовъ о вашей необыкновенной смѣлности и ловкости.

— О! отвѣтилъ я ему, это не стоитъ труда, благодарю васъ. Но во всякомъ случаѣ я вамъ докажу, что знаю воровъ, и въ непродолжительномъ времени, надѣюсь, не останется никакого сомнѣнія въ виновности моихъ двухъ мошенниковъ.

Съ этого дня, Леонъ Ламбель и Леспинасъ сдѣлались предметами самыхъ неусыпныхъ и тщательныхъ поисковъ. Къ несчастію, я долженъ былъ преодолѣть довольно важныя затрудненія къ ихъ открытію, хотя одинъ изъ моихъ агентовъ, по имени Салліе, и я знали Ламбеля, такъ какъ намъ приходилось уже разъ задерживать его на бульварѣ; но все же я не смѣлъ болѣе противъ этихъ двухъ личностей никакихъ даныхъ, никакихъ положительныхъ уликъ, ничего, кромѣ собственнаго убѣжденія, а этого, конечно, не было достаточно, чтобы и другіе раздѣляли его со мною. Мнѣ нужны были кромѣ этого аргументы. чтобы доказать мое обвиненіе, укрѣпить мое предположеніе и тогда идти прямо къ предположенной мною цѣли.

По этому случаю призвалъ я въ мой кабинетъ своихъ подсыльныхъ.

— Кто изъ васъ, спросилъ я ихъ, былъ въ острогѣ Врестъ и знаетъ Леона Ламбеля и Леспинаса, особенно перваго?

— Я .. я... я... милостивый государь!

— Данно ли ты его видѣлъ? спросилъ я перваго.

— Съ годъ тому назадъ.

— А ты?

— О! вѣрно уже есть шесть мѣсяцовъ.

— Ну, а ты? спросилъ я третьяго.

— Я видѣлъ его мѣсяца два тому назадъ; я его встрѣтилъ въ предмѣстьѣ Тамплъ и выпилъ съ нимъ бутылку вина у виноторговца, на углу улицы Мерикуръ.

— Онъ былъ съ кѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ, одинъ.

— Какъ онъ былъ одѣтъ?

— О! какъ всегда отлично! на немъ былъ сюртукъ и панталоны черные, сапоги лаковые!

— Но не было ли съ нимъ золотыхъ вещей — брильянтовъ, часовъ?

— Да, были часы! И вотъ моя возлюбленная, по имени Пюссель, еще сказала ему: Тебѣ бы слѣдовало подарить мнѣ эту лошаду, что висятъ на кониѣ часовой цѣпочки у тебя.— Тотъ, кто спрашиваетъ ее, не хотѣлъ бы, чтобы она была у тебя, отвѣчалъ Ламбель.

— Послушайте-ка, какой вздоръ говоритъ этотъ дерзкій! сказала она въ свою очередь, а вѣдь лошада-то все-таки чудо какъ хороша, не смотря на то, что нога у нея сломана!

— Какъ, у нея была сломана нога!

— Да, сломана! я хотѣлъ вамъ сказать, что половины не доставало.

— Такъ ты хорошо замѣтилъ этотъ бредокъ?

— Еще бы, конечно.

— А гдѣ находится Пюссель въ настоящее время?

— Она въ заточеніи на шесть мѣсяцовъ въ тюрьмѣ С. Лазарь?

— А! хорошо... благодарствуйте! Теперь, сказала я, обращаясь ко всѣмъ, вы можете уйти, а ежели кто изъ васъ встрѣтитъ Ламбеда или Леспинаса, старайтесь завести съ ними ссору, подеритесь съ ними такъ, чтобы васъ взяли и какъ мошенниковъ представили-бы сюда. Я беру на себя освободить васъ тотчасъ же и дамъ вамъ сто франковъ награды. Ступайте....

И мои подсылные оставили меня, рѣшившись лучше быть истерзанными въ куски, нежели упустить такую великолѣпную награду. Немедленно послѣ ихъ ухода, я взялъ кабриолетъ и отправился въ тюрьму С. Лазарь, гдѣ приказалъ привести ко мнѣ дѣвицу Пюссель.

Безъ всякихъ околичностей я ей предложилъ слѣдующіе вопросы:

— На сколько времени ты осуждена?

— На шесть мѣсяцовъ.

— Ну, если ты будешь откровенна и скажешь всю правду о томъ, что я тебя спрошу, завтра же я тебя выпущу отсюда.

— Говорите, говорите скорѣй.

— Давно ли ты видѣла Леона Ламбеда?

— Мѣсяца два тому назадъ. Я была съ своимъ возлюбленнымъ; мы встрѣтили его въ предмѣстьи Тампль, гдѣ взяли бутылку вина у виноторговца, а заплатилъ за это онъ.

— Не было ли на немъ золотыхъ вещей?

— Да, на немъ были кольца, цѣпочка и часы, въ числѣ брелокъ была лошадка, какъ будто посеребренная, у которой не доставало ногъ. Я хотѣла, чтобы онъ мнѣ подарилъ ее, но онъ отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ.

— Хорошо! узнаешь-ли ты это?... И я ей показалъ брелокъ, найденный у дѣвицы Н.***

— Постойте! Ну, это и есть брелокъ Ламбеда. я тотчасъ узнала эту бездѣлушку.

Мои допросы на этомъ и кончились. На другой день, какъ я уже объявлялъ, Пюссель была освобождена.

Должно сознаться, что я былъ чрезвычайно доволенъ, видя, что мои убѣжденія подтверждались двумя показаніями, убѣжденія, на которыя до тѣхъ поръ можно было смотрѣть не болѣе, какъ на предположеніе.

Въ теченіе этого времени г. Пелуаль трактирщикъ, живущій у заставы Италія № 3-й, явился объявить мнѣ, что два человѣка, которымъ онъ подавалъ завтракать въ залѣ, находящейся въ первомъ этажѣ его заведенія, забрались въ его собственную квартиру и слѣлали грабежъ а на сумму 6,710 франковъ. изъ которыхъ 4,200 банковыми билетами и 2,510 фр. деньгами; кромѣ этого бокаль, часы и пистолетъ. Я спросилъ его примѣты этихъ двухъ человѣкъ, и по его описанію тотчасъ узналъ въ нихъ Леона Ламбеда и Леспинаса. Распросивъ всѣ обстоятельства этого воровства, я отправилъ купца

домой, сказавъ, что онъ будетъ вызванъ такъ же, какъ и его ключникъ, чтобы дать имъ очную ставку съ ворами, лишь только тѣ будутъ задержаны.

Мнѣ пришлось испытать еще новыя неудачи: уже нѣсколько дней я совершенно потерялъ слѣды этихъ мошенниковъ и какъ рудокопъ, у котораго внезапно погасаетъ лампа въ подземной галлерей, я подвигался ощупью и какъ бы колеблясь; но Ламбель и его товарищи сами открыли намъ глаза и показали свое убѣжище.

Новое воровство, сдѣланное ими у г. Грегуара, хлѣбнаго торговца въ улицѣ С. Лазарь № 111, дало мнѣ возможность легче явти къ цѣли моихъ поисковъ.

Леонъ Ламбель сначала былъ встрѣченъ въ долинѣ Монсо чело-вѣкомъ, не принадлежащимъ къ полиціи; потомъ тщательный надзоръ и розыски четырехъ ловкихъ агентовъ увѣнчались открытіемъ, что эти два мошенника съ своими маложницами жили въ небольшомъ уединенномъ домикѣ у заставы Монсо. Я поручилъ наблюдать за ними около ихъ жилища, а войти въ домъ днемъ, чтобы приступить къ арестованію этихъ двухъ воровъ. Около двухъ часовъ утра дверь въ аллею отворялась безъ шума: Леонъ Ламбель и Леспинасъ вышли на крыльцо; но прежде нежели агенты успѣли на нихъ броситься, тѣ, вооружившись пистолетами и штыками и воспользовавшись темнотою ночи, скрываются въ бѣгствѣ; агентъ, оставшійся въ концѣ улицы, узнаетъ воровъ, бѣжитъ къ нимъ на встрѣчу и предлагаетъ сдаться; но эти послѣдніе, показавъ ему пистолеты, проговорили: Да, мы дѣйствительно тѣ самыя, которыхъ ты ищешь, но вотъ чѣмъ мы тебѣ отвѣтимъ!.... Ни мало не робѣя отъ этой угрозы, агентъ вооружается въ свою очередь и продолжаетъ ихъ преслѣдовать. Но несчастію, въ этомъ отдаленномъ кварталѣ темнота ночи способствуетъ мошенникамъ, и они, воспользовавшись мракомъ, наконецъ совершенно скрываются.

Въ то время, какъ эта суета происходила въ концѣ улицы, женщина выходила изъ того же дому и была задержана моими агентами; это была Марія Ф***, любовница Леспинаса. Въ корзинѣ, которую она несла, нашли связку ключей, числомъ двадцать четыре, отвертку, небольшіе тиски и другіе инструменты, пригодные для воровъ, потомъ три тигра, еще горячіе, и слитокъ една остывающаго золота, сплавленнаго изъ вещей, украденныхъ у дѣвчпы Н*. и хлѣбнаго торговца Грегуара. Марія Ф.* была представлена въ ассизный судъ и была приговорена къ десятилѣтней тяжкой работѣ.

Въ слѣдующемъ мѣѣ мѣсяцѣ я узналъ, что Леспинасъ, безуспѣшно отыскиваемый до тѣхъ поръ, удалился въ предмѣстьѣ Рувъ въ улицу Курсель. По этому рано утромъ я отрядилъ двухъ агентовъ и бригадира, чтобы его арестовать. По инструкціи, данной мною, они прямо пришли къ комнатѣ, занимаемой Леспинасомъ и постучали въ дверь; но не получили отвѣта. Тогда одинъ изъ агентовъ, нагнувшись посмотрѣть въ скважину замка, увидѣлъ, что воръ шарилъ въ карманахъ пальто. Въ одну секунду дверь была выломана

агентами; Леспинасъ схваченъ и пальто вырвано изъ его рукъ; въ карманахъ пальто найдены два заряженные пистолета. На вопросъ, какое употребленіе онъ хотѣлъ изъ нихъ сдѣлать, мопенникъ отвѣчалъ, что еслибъ ему дали время, онъ разможиль бы голову первому вошедшему агенту. Найдено было къ его комнатѣ двѣнадцать новыхъ поддѣльныхъ ключей для отпора калитокъ и довольно значительная сумма денегъ.

Здѣсь мнѣ, кажется, нужно сказать нѣсколько словъ о грозномъ сообщничествѣ, составленномъ изъ Леспинаса и Леона Ламбеля.

Леспинасъ былъ высокаго росту, съ геркулесовскою силой и съ дикою необузданностію нрава, съ инстинктами необлагороженной натуры; это былъ характеръ жестокій, страшный, нисколько не смягченный просвѣщеніемъ. Выходя не иначе, какъ вооруженный, онъ всегда былъ готовъ сдѣлать воровство, убійство и потомъ скрыться. На сколько Леспинасъ былъ типомъ грубаго невѣжества, алчности, соединенной съ самой холодной жестокостію, на столько Леонъ Ламбель, молодой, наружности пріятной и красивой, прекрасно сложенный, съ манерами вкрадчивыми, услужливыи пріятливыи, представлялъ образецъ образованнаго мопенника, нора - щеголя, работа не иначе, какъ въ желтыхъ перчаткахъ и лаковыхъ саноггахъ. Съ такими многочисленными преимуществами Ламбель легко втирался въ лучшее дома, во всякіе слои общества, онъ забиралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія съ тактомъ, который устранялъ всякія подозрѣнія и, на досугъ обсудивъ свой планъ дѣйствій, приступалъ къ дѣлу, убѣдившись уже въ совершенной безопасности. Однимъ словомъ, въ союзѣ этихъ двухъ существъ, испорченныхъ и неустрашимыхъ, Ламбель былъ душою, его голова мыслящая, рѣшительная приготовляла дѣла, а Леспинасъ мощною ловкою рукою приводилъ въ исполненіе.

— Леспинасъ былъ приведенъ ко мнѣ въ кабинетъ тотчасъ по арестованіи. Я началъ говорить съ нимъ о воровствѣ у дѣвицы Н*

— Не могу заператься, отвѣтилъ онъ мнѣ, потому что вы нашли въ моей квартирѣ различныя вещи, свидѣтельствующія объ этомъ воровствѣ.

— Хорошо, но у васъ есть еще другое дѣло?

— Какое?

— А 6,710 Франковъ, которые вы украли въ квартирѣ трактирщика у заставы Италія.

— Не понимаю, о чемъ вы это говорите.

— Какъ! вы притворяетесь, что не знаете объ этой покражѣ?

— Совершенно не знаю.

— А! тогда другое дѣло: это мы увидимъ впоследствии.

— Впоследствии, равно какъ и теперь, я вамъ отвѣчу тоже самое.

— Пусть такъ; не будемъ болѣе говорить объ этомъ! но ежели вы мнѣ скажете, что вы сдѣлали съ турецкою шалью дѣвицы Н* и гдѣ я могу ее отыскать, я обещаю вамъ нѣкоторое облегченіе въ тюрьмѣ.

— А, вотъ что! Неужели вы рассчитываете на меня, что я могу чтонибудь скажу. Ну, такъ благодарствуйте, придется вамъ долго ждать, я не голодаю и вовсе не желаю ѣсть (т. е. доносить).

На слѣдующій день, рассчитывая на единственную сердечную привязанность Леспинаса къ двумъ сестрамъ, женщинамъ, исполнѣ заслуживающимъ уваженія, я приказалъ привести ихъ ко мнѣ въ кабинетъ, чтобы онѣ мнѣ способствовали уговорить ихъ брата дать показанія, потомъ я приказалъ привести его изъ заключенія. Такъ какъ я и надѣялся, появленіе этихъ двухъ личностей произвело въ душѣ арестанта самое трогательное умиленіе; залившись слезами, какъ ребенокъ, онъ бросился въ ихъ объятія; но лишь только онѣ намякнули ему о показаніи, свѣрѣпость взяла верхъ, онъ снова сталъ для всѣхъ Леспинасомъ каторжникомъ, недоверчивымъ, буйнымъ и дерзкимъ. Напрасно сестры и я употребляли всевозможныя средства узнать, гдѣ шаль драматической актрисы, онъ предугадывалъ всѣ наши хитрости, отвергъ всѣ наши просьбы, устоялъ противъ всѣхъ внушеній.

Впослѣдствіи я узналъ, что онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ потому, что шаль была у любовницы Леона Ламбела.

Продолжая розыски, я послалъ за Пелуалемъ виноторговцемъ и его главнымъ прикащикомъ. Объявилъ ему объ арестованіи одного изъ воровъ, которыхъ онъ былъ жертвою, показалъ ему два пистолета, взятые у Леспинаса; онъ тотчасъ взялся за одинъ изъ нихъ и сказалъ: «Вотъ мой!»

— Теперь, объявилъ я ему, вамъ и вашему прикащику надо дать очную ставку съ воровъ. Леспинасъ былъ приведенъ и узналъ сейчасъ же. При такомъ рода положительныхъ уликахъ прикащика, который имъ прислуживалъ за завтракомъ, и совершенное признаніе пистолета г-на Пелуала за его собственный, каторжникъ уже болѣе не заперся въ участіи этого воровства, сдѣланнаго въ сообществѣ съ Леономъ Ламбелемъ.

Во время производства этого дѣла, наконецъ, успѣли послѣ нѣсколько мѣсячныхъ розысковъ задержать женщину, выдающую себя, подъ именемъ Ноель, вдовою Бернарда, обвиненную въ воровствѣ 1,400 франковъ, сдѣланномъ со взломомъ у доктора медицины Гера-Дювидье въ улицѣ Ришелье № 41, у котораго она находилась въ услуженіи, и въ другомъ воровствѣ въ улицѣ Тревизъ № 37, у г-на С. Альбинъ, гдѣ она нанмалась подъ другимъ именемъ.

Эта воровка была приведена ко мнѣ въ кабинетъ; на лицѣ ея была утѣренность, безстрастіе, служація мнѣ еще болѣе большимъ доказательствомъ ея развратности.

— Это вы сдѣлали воровство въ улицѣ Тревизъ! сказалъ я ей.

— Какое воровство, милостивый государь?

— Воровство, въ которомъ ваша бывшая госпожа С. Альбинъ, была жертвою.

— Клянусь вамъ, что я не знаю этой дамы и не понимаю, что вы хотите сказать.

— Запретельство ваше ни къ чему не ведетъ, и этимъ вы не отдѣляетесь; уже одинъ визъ нашъ обнаруживаетъ закоренѣлость въ преступленіяхъ.

— Напрасно, милостивый государь, вы страшно заблуждаетесь на счетъ меня.

— А, вотъ какъ! вы говорите, что зоветесь Ноэль, вдовой Бернарда ну, а я прозакладываю, что угодно, что это ложное имя, а не ваше.

— Какъ же вы хотите, чтобы я называлась?

— Не знаю! но, конечно, не трудно будетъ узнать. Я отправлю васъ сначала въ С. Лазарь, и если тамъ васъ не узнаютъ, пошлю васъ въ клермонскую тюрьму, тамъ уже вѣрно васъ узнаютъ.

— Ну, если ужъ на то пошло, я вижу, что ничего не выиграю, запираясь долѣе; я избавлю васъ отъ лишнихъ хлопотъ. Меня зовутъ Паллери; нѣсколько разъ уже я попадалась и была осуждена, а именно въ 1839 году меня присудили къ десятилѣтней тяжкой работѣ и подъ строжайшимъ надзоромъ. Между прочимъ я обокрала г-жу С. Альбинъ и господина Гери-Дювиадъ, но я была не одна. Вотъ какимъ образомъ были сдѣланы эти покражи. Разъ вечеромъ, при выходѣ изъ театра Амбигю, попался на встрѣчу мнѣ Ламбель, котораго я знала каторжникомъ и воровъ по ремеслу. Мы толковали, и сознаюсь, я пошла почевать съ нимъ.

Я обвѣстила ому содѣйствовать въ значительномъ воровствѣ у г. Гери доктора, у котораго я находилась въ услуженіи, и спустя нѣсколько дней, воспользовавшись отсутствіемъ господина, я ввела Ламбеля въ его квартиру.

Леспинасъ, пріятель Ламбеля сторожилъ на улицѣ, а когда все кончилось, мы скрылись съ Ламбелемъ. Спустя нѣсколько дней я отправилась къ комиссіонеру въ улицѣ Фоссе-Монмартръ, который меня помѣстилъ къ госпожѣ С. Альбинъ. Я предупредила и подвола Ламбеля и дѣло обдѣлано было, какъ у г. Гери, и тутъ обокрагъ, я снова скрылась съ своимъ любезнымъ. Вотъ вамъ, милостивый государь, вся суцая правда. Но этимъ фактамъ, 21 ноября 1850 года ассизный судъ приговорилъ Леспинаса и дѣвушку Паллери, уже за не однократное воровство, каждаго на двадцатилѣтнюю каторжную работу.

Что же дѣлалъ Леонъ Ламбель въ продолженіе этого времени? Вступивъ въ сообщничество, послѣ арестованія Леспинаса, съ его младшимъ братомъ Юліемъ, также отчаяннымъ мотовникомъ, они оставили Парижъ, чтобы скрыться отъ преслѣдованія полиціи. Оба прибыли въ Нантъ, забрались ночью черезъ отверстіе какого-то подвала къ господину Шовель, золотыхъ дѣлъ мастеру, гдѣ они почти до чиста опустошили магазинъ и унесли вещей на тридцать тысячъ франковъ.

Послѣ такого отличнаго воровства наши два вора высокаго полета тотчасъ оставили городъ и прибыли въ Туринъ, гдѣ сдѣлали новый грабежъ на сумму восемьдесятъ тысячъ франковъ. Видно, что они не занимались по мелочамъ.

Въ мартѣ 1854 года, начальникъ полиціи въ Женевѣ былъ извѣщенъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ этого города, что какіе-то два француза, выдающіе себя за путешественниковъ заказали ему серебряныя вещицы называемыя *bastringues*.

Это требуетъ поясненія.

Вещица эта есть маленькій серебряный «угларъ» для употребленія *господь* воровъ. Этотъ инструментикъ очень узкаго объема, заключаетъ въ себѣ крошечныя пилочки, сдѣланныя изъ часовыхъ пружинъ для распилки желѣза, накладные усы и еще кой какіе необходимые предметы для того, чтобы облегчить и способствовать успѣшному бѣгству.

Начальникъ Женевской полиціи поставилъ караулъ у мастерской золотыхъ дѣлъ мастера и когда два неизвѣстныхъ человека пришли за полученіемъ заказа, ихъ схватили и за тѣмъ стали отыскивать удостовѣреніе въ ихъ личностяхъ.

Узнавъ объ этомъ арестованіи и предполагая, что Леонъ Ламбаль легко могъ быть одинъ изъ нихъ, французская полиція нашла необходимымъ послать одного изъ своихъ агентовъ для разузнанія. Инспекторъ Саллаіе, одинъ лишь, кромѣ меня, знаніемъ бывшаго каторжника, какъ было выше сказано, былъ назначенъ исполнить это порученіе; результатомъ же этого было то, что ловкій мошенникъ былъ привезенъ въ Парижъ августа 29 того же года и ассизный судъ приговорилъ на двадцать лѣтъ, тяжкой работы главнаго вора обокравшаго дѣвцу Н. ***.

Въ то время, какъ этотъ знаменитый мошенникъ былъ преданъ правосудію, четыре ничтожныя личности, носящія лишь названіе артистовъ, сдѣлали покражу такъ ловко, что могутъ сравниться лишь съ евреями. Хотя они ничего не имѣли по этому дѣлу съ правосудіемъ, но я считаю себя обязаннымъ рассказать подробности этого гнуснаго, дерзкаго предпріятія, чтобы предостеречь доверчивыхъ людей не знакомиться безъ разбора и не узнавши хорошо людей, не смотря на то, что они покажутся въ хорошей обстановкѣ.

Мужъ и жена Р., * бывшіе купцы покончили дѣла съ достаточнымъ капиталомъ и жили въ хорошенькомъ загородномъ домикѣ въ окрестностяхъ Парижа. По какому-то случаю они познакомились съ актрисою одного изъ бульварныхъ театровъ. Какъ-то разъ новая пріятельница пригласила ихъ обѣдать вмѣстѣ съ другою актрисою и двумя актерами невысокаго полета. Обѣдъ былъ веселый, разговоръ одушевленный. За десертомъ пропѣли веселую пѣсню и всѣ были такъ воодушевлены, что пресидѣли всю ночь за столомъ и разошлись въ пять часовъ утра. Одинъ изъ актеровъ предложилъ свои услуги проводить Р. до дому, такъ какъ квартира ихъ была хотя не далеко, но въ глухомъ мѣстѣ и всѣ были на веселѣ; и такъ-то наши знакомцы по парно подъ руку отправились въ путь. Прибывъ домой, госпожа Р. приняла гостей съ ловкостью свѣтской дамы; въ жилищѣ также все гармонировало съ вышней обстановкой, но всею имѣньемъ былъ комфортъ и даже рос-

кошь. Дамы разговорились о нарядах; хозяйка, по свойственному женщинам тщеславию, похвастала своими бриллиантовыми вещами. Актрисы восхищались отбѣлкой и чистотой воды въ камняхъ, мужчины оцѣнивали, и, такъ передавая бриллианты изъ рукъ въ руки, положили ихъ наконецъ на этажерку, стоявшую въ гостиной. Было выпито нѣсколько рюмокъ ликеру и наконецъ всѣ разошлись, чтобы отдохнуть.

По уходѣ гостей, госпожа Р., женщина акуратная, прежде всего беретъ футляръ съ этажерки, чтобы убрать; но прежде, нежели спрятала свое сокровище, она еще разъ пожелала взглянуть... О несчастіе! пронзительный крикъ раздается по всему дому.

Мужъ почти уже готовый лечь, бросается къ ней поспѣшно.

Глади! говоритъ ему жена, голосомъ полного отчаянія: на три тысячи франковъ бриллиантовъ исчезло изъ футлара!!

Само собой разумѣется, сонъ не пошелъ имъ на умъ.

Въ восемь часовъ утра, лишь только я пришелъ въ дѣловой кабинетъ свой, человекъ мой доложилъ, что уже давно какой-то господинъ съ дамой меня ожидаютъ, это были супруги Р. Дама рассказала мнѣ со слезами на глазахъ печальное происшествіе, подробности котораго я описалъ, и заключила словами—я васъ прошу лишь объ одномъ: прикажите отдать мнѣ мои бриллианты!

— Это не такъ легко, какъ намъ кажется, отвѣгилъ я? Во-первыхъ, это почти вѣрно, что бриллианты ваши теперь уже не у воровъ, потому что, опасаясь розысковъ, они, вѣроятно, уже ихъ скрыли въ вѣрное и безопасное мѣсто. И кромѣ того, я ничего не могу предпринять, прежде нежели вы подадите объявленіе о покражѣ вашему комиссару полиціи.

Мужъ и жена посмотрѣли другъ на друга вопросительно, какъ бы совѣтуясь взглядомъ; и послѣ этого сказали мнѣ, что они имѣли надежду, что я помогу имъ отыскать похищенные вещи, безъ того, чтобы имъ имѣть дѣло съ полиціей. На мой отрицательный отвѣтъ они объявили, что лучше согласны потерять вещи, такъ нагло похищенные, нежели предстать самимъ передъ судомъ, хотя какъ истцы, и всѣ мои настоянія, чтобы они подали просьбу, были напрасны.

II.

Обокраденный ночью часовщикъ.

Самое обыкновенное дѣйствіе имѣетъ всегда причину. Чтобы отыскать ее, надо не впускать безъ вниманія малѣйшихъ подробностей, предшествующихъ обстоятельству, нужно строго анализировать побудительныя причины, вѣроятія послѣдствій, чтобы выводы, ясно обсуженные, привели къ непреложной истинѣ. По этой системѣ и на практикѣ я достигалъ самыхъ успѣшныхъ результатовъ и множество негодяевъ предалъ въ руки правосудія, между прочимъ въ слѣдующемъ дѣлѣ.

Въ одну ночь было сдѣлано ловкое воровство въ магазинѣ часов-

шина г. С.*** въ улицѣ С. Дени. Воры, забравшись въ корридоръ дома, пробрались въ лавку черезъ дверь, выходящую въ корридоръ. Они захватили множество золотыхъ и серебряныхъ часовъ, разбитыхъ для выставки на желѣзныхъ прутьяхъ, потомъ ушли, оставивъ ломъ, которымъ выламывали дверь, и огарокъ, обернутый въ лоскутокъ бумаги въ полъ-ладони величиной.

Господинъ С.*** лишь поутру увидѣлъ, что былъ обокраденъ, а въ десять часовъ я былъ повѣщенъ объ этой смѣлой покражѣ. Я тотчасъ же прибылъ, съ однимъ изъ своихъ агентовъ, въ этотъ часовой магазинъ, чтобы собрать нѣкоторые свѣдѣнія для открытія слѣда воровъ, но не было никакихъ признаковъ, никто ихъ не видалъ и кромѣ двухъ предметовъ, о которыхъ я сейчасъ сказалъ, въ лавкѣ ничего болѣе не осталось для облегченія розысковъ. Не имѣя никакихъ свѣдѣній, я рѣшился повѣдаться съ комиссаромъ полиціи квартала С. Дени, которому было поручено составить письменный актъ, чтобы узнать, не имѣетъ ли онъ болѣе точныхъ данныхъ; но этотъ чиновникъ сказалъ мнѣ, что дѣлать было нечего въ настоящую минуту, а все что можно лучшаго придумать, такъ это оставаться покойнымъ, утверждая, что всѣ поиски поведутъ только къ потерѣ времени и бесполезному утомленію. Потомъ разговоръ перемѣнился; толкуя о томъ и о другомъ, я взялъ машинально лоскутокъ бумаги не шире трехъ пальцевъ, въ которой былъ обернуть огарокъ. Вдругъ, какъ бы лучъ солнца блеснулъ мнѣ въ глаза, я прочелъ едва понятныя и стертія жирными пятнами отъ пальцевъ эти три слова: *Два фунта масла* написанныя самымъ неяснымъ почеркомъ и чернилами чрезвычайно блѣдными, которые еще болѣе дѣлали эти слова неразборчивыми.

— Чортъ возьми! вскричалъ я, вотъ важный случай: надо добраться, кто писалъ эти три слова, можетъ быть по этому не открою-ли я и воровъ.

— Любезнѣйшій мой, отвѣчалъ смѣясь комиссаръ, а слышалъ, какъ строить воздушные замки, но не одинъ изъ нихъ мнѣ не казался на столько несбыточнымъ и скажу даже на столько невозможнымъ, какъ вашъ!

— Можетъ быть! можетъ быть! Кто поручится, что я въ этомъ не успѣю? Но для этого надо, чтобы вы мнѣ одолжили этотъ лоскутокъ бумаги.

— Съ удовольствіемъ; но предупреждаю васъ, что въ четыре часа я заканчиваю рапортъ и все это дѣло передаю въ прокуратуру.

— Очень хорошо, я поспѣшу.

— Ступайте съ Богомъ, желаю вамъ успѣха!

Я отправился съ маленькимъ лоскуткомъ бумаги въ сопровожденіи агента.

Взявъ кабриолетъ, я объѣхалъ безуспѣшно всѣхъ продавцовъ масла въ рынкахъ предмѣстій: С. Жерменскомъ, С. Оноре, С. Жозефъ

и проч. Разочарованный возвращался я уже въ контору комиссара полиціи, какъ вдругъ, проѣзжая улицу Обри-де-Буше, замѣтилъ еще продавца масла въ этой улицѣ. Я завернулъ къ нему и, подавъ бумажку, обратился съ тѣмъ же незамѣннымъ вопросомъ. Повертѣвъ доскутокъ, купецъ отвѣтилъ: «Это моя рука, но только я не знаю, для кого я это написалъ, это этикетъ, который былъ наклеенъ на маслѣ, проданномъ кому нибудь изъ проходящихъ или кому изъ постоянныхъ моихъ покупателей. При этомъ отвѣтѣ я свалился съ седьмага неба на землю и уѣхалъ.

Изъ двухъ одно, подумалъ я: или воровство было сдѣлано въ началѣ ночи, т. е. около часу или позже. Но позже часу ночи улица С. Дени полна тѣлѣжками, ѣдущими на рынокъ и мастеровыми, отправляющимися на работы. Сдѣловательно, воровство было сдѣлано *около часу по полуночи*. Если такъ, то воры, чтобы не навлечь подозрѣнія постояльцевъ того дома, въ которомъ сами квартировали, вѣроятно не возвращались ночевать; они, по мысли соображеніямъ, провели ночь въ одномъ изъ питейныхъ домовъ, въ какой нибудь каморкѣ и это объясняетъ ясно, что, отправляясь въ предмѣстье Тамиль для воровства, они купили свѣчу въ этомъ предмѣстьѣ. Разбирая такимъ образомъ обстоятельство, предшествующія воровству, я входилъ въ улицу предмѣстья Тамиль, гдѣ, переходя изъ одной мелочной лавки въ другую, спрашивалъ cadaго изъ лавочниковъ, не узнаютъ ли они мой доскутокъ бумаги. Это былъ свѣтильникъ Діогена, отыскивающаго чело-вѣка; наконецъ я вошелъ въ № 62-й около Куртильскихъ казармъ и къ моему великому удовольствію, допрашиваемый далъ мнѣ такого рода отвѣтъ: дѣйствительно, милостивый государь, вчера вечеромъ, около половины двѣнадцатаго, я продалъ копѣечную свѣчу, завернутую въ бумажку, что вы мнѣ показываете, двумъ молодымъ людямъ, живущимъ въ сосѣднемъ домѣ.

— А чѣмъ они промышляютъ?

— О! милостивый государь! они кротки какъ агнята! Оба въ настоящее время безъ мѣста. Занимаются же контрбандою кружевъ, но смиры какъ красныя дѣвушки, никого не выдаютъ, не цѣщаютъ никакихъ дурныхъ мѣстъ, никогда никакой попойки, ни малѣйшей ссоры...

Я поблагодарилъ лавочника за данную мнѣ справку, сказавъ ему, что у меня дѣло, не касающееся этихъ молодыхъ людей, и вышелъ. Но такъ какъ я боялся, чтобы онъ не предупредилъ воровъ или не встревожилъ бы ихъ своей болтовней, я послалъ своего агента за товарищемъ. Впродолженіе этого времени я спрашивалъ сосѣдей объ этихъ мошенникахъ. По возвращеніи агентовъ я поставилъ ихъ на караулъ съ приказаніемъ задержать воровъ въ случаѣ, если бы они захотѣли выдти; а на другой день въ четыре часа утра я явился къ нимъ и захватилъ ихъ въ постель. Ничего подозрительнаго не было въ ихъ комнатѣ: я далъ знать комиссару, сдѣлали повальный обыскъ, который ни къ чему не привелъ; я начиналъ бояться, не того, что ошибся, а того, что уже опоздалъ и часы уже спроваже-

мы. Въ комнатѣ было большое окно, выходящее на дворъ дома; я открылъ его для освѣженія воздуха. Во дворѣ я увидѣлъ вывѣску слесаря. Чортъ возми! очень можетъ быть, что этотъ самый слесарь дѣлалъ ломъ, не зная для какого употребленія; и взявъ принесенный инструментъ, я сошелъ въ слесарню и спросилъ хозяина, не изъ его ли мастерской эта вещь?

— Нѣтъ, м. г., но я дѣйствительно насаживалъ на рукоятку для одного изъ молодыхъ людей, у которыхъ вы теперь. Онъ мнѣ сказалъ, что это ему служить для поднятія товарныхъ тюковъ. Не оставалось никакаго сомнѣнія, что мы нанали на воровъ. По этому я послѣдшил снова подняться и снова начали еще тщательнѣйшій обыскъ. Тюки были распораны, соломенный матрацъ вытрясенъ, стѣны испробованы шупомъ, половницы подняты, каминъ и стѣнной шкапъ осмотрѣны; не осталось ни одного уголка не ошареннаго. Мы отчаявались, не находя ничего. Наконецъ, послѣ бесполезнаго почти часоваго поиска мы рѣшились удалиться. Но на другой день новый повальный обыскъ былъ сдѣланъ въ ихъ комнатѣ. Осматривая потолокъ, увидали, что надъ кроватью было едва замѣтное пятно на бѣломъ потолкѣ; взлѣзли на кровать, отъ удара кулакомъ по этому мѣсту сдѣлалось отверстіе, откуда посыпались на одеяло грудой часы золотые, серебряные, анкерные, цилиндровые украденные у г. С.*** Наши два вора, чтобы скрыть эти вещи, пробили дыру въ потолокъ, потомъ залѣпили ее толстой бумагой и закрасили бѣлками, и это мѣсто было темнѣе только потому, что еще не совершенно высохло.

Спустя нѣсколько времени этихъ мошенниковъ представили въ ассизный судъ и они были приговорены къ десятилѣтней тяжкой работѣ.

А что послужило къ открытію этого дѣла? Лоскутокъ бумаги, на который не обратили сначала ни малѣйшаго вниманія.

III.

Госпожа З***, Эрнестъ и Леонъ.

Бываютъ женщины, обладающія самую счастливою наружностью; онѣ не очень высоки и не малы, не совсѣмъ брюнетки и не совершенно блондинки, но какъ бы соединяютъ въ себѣ граціозность одной, очарованіе другой, и т. д.

Однажды дама, которую не колебался я причисляю къ этой категоріи, явилась въ мой кабинетъ и просила непродолжительной аудіенціи. Это было восхитительное созданіе; она мнѣ казалась красивѣйшая изъ женщинъ, которыхъ когда либо случалось мнѣ видѣть!

— Въ чемъ я могу быть вамъ полезна, милостивая государыня.

При этихъ словахъ, моя прелестная посьтительница смѣшалась; но вскорѣ оправясь, она мнѣ отвѣтила:

— Милостивый государь, обстоятельства, которыя заставляютъ меня обратиться къ вамъ, требуютъ полнаго довѣрія. И такъ я вамъ разскажу всю чистую правду.

— Меня зовутъ З***. Мужъ мой нѣгоціантъ, всѣми уважаемый и вполне заслуживающій общее уваженіе, и я должна вамъ сказать, всегда окружалъ меня самыми предупредительными ласками и вниманіемъ. По несчастію, отъ его пламенной любви и доброты вытекаютъ всѣ мои несчастія, горе и, надо сознаться, ошибки. Въ прошломъ году, желая мнѣ доставить самое большое удовольствіе, онъ отправилъ меня, на три мѣсяца, въ лучшее время года, въ имѣніе къ моей матери, находящееся въ окрестностяхъ Х. Въ смежномъ имѣніи съ имѣніемъ моей матери жила почтенная дама, очень богатая, изъ лучшей фамиліи Франціи. Въ единственный сынъ, офицеръ кавалерійскаго полка, пріѣхалъ къ ней на два мѣсяца въ отпускъ. Молодой, красивый, ловкій во всѣхъ движеніяхъ, увлекательный въ разговорѣ, слѣдствіе отличнаго воспитанія, Эрнестъ (имя молодаго челоуѣка) имѣлъ всѣ необходимыя качества къ тому, чтобы понравиться, и наши семейства каждый день были вмѣстѣ. Я не замедлила увидѣть исключительное и постоянное его вниманіе ко мнѣ. Хотя я не слыхала отъ него ни слова о чувствахъ, за то глаза его, полные огня, все мнѣ открыли. Между тѣмъ я, признаюсь, по вѣтренности сдѣлала изъ любви его себѣ игрушку. Потому изъ кокетства я всегда старалась возбудить его ревность, лишь только къ этому представлялся случай. Одно обстоятельство доведо эту ревность до крайности. Къ именинамъ моей матери, мужъ мой оставилъ коммерческія дѣла свои и, какъ школьникъ на вакацію пріѣхалъ, на три дня счастливо и весело провести эти дни со мной. Въ то время какъ онъ пріѣхалъ, Эрнестъ съ матерью были у насъ, представленіе было сдѣлано. Мужъ мой поблагодарилъ ихъ, за то что они частымъ посѣщеніемъ дѣлаютъ мнѣ препровожденіе времени въ деревнѣ пріятнымъ.

Въ продолженіе времени, пока были сказаны эти слова, я внимательно наблюдала за Эрнестомъ: онъ перемѣнился въ лицѣ до того, что мать его замѣтя въ немъ страшную блѣдность спросила: здороу ли онъ? Нѣтъ, матушка, отвѣтилъ онъ, меня страшно вбезпокоитъ нагрѣвъ, я попрошу дамъ и господина З*** позволить мнѣ удалиться.

Именины моей матери прошли очень скучно. Эрнестъ не явился, и когда я спросила о его здоровья, мнѣ отвѣтили, что ему лучше, но что все-таки онъ не можетъ оставить комнаты. Эта внезапная блѣдность мнѣ показалась странною, я предугадывала причину. Эрнестъ не показывался всѣ три дня, пока мой мужъ пробылъ въ деревнѣ. Дѣла мужа вызывали его въ столицу, и онъ уѣхалъ. Въ тотъ же вечеръ Эрнестъ съ матерью явился къ намъ съ приглашеніемъ пріѣхать, на слѣдующій день, обѣдать.

Послѣ обѣда устроили прогулку въ лѣсъ, который отстоялъ отъ дому на десять минутъ ходьбы, и по обыкновенію Эрнестъ предло-

жила мнѣ свою руку. Матери наши шли за нами, но медленно, какъ ходить подъ старость, разговаривая о томъ и о другомъ. Вскорѣ мы ихъ порядочно таки опередили. Тогда Эрнестъ въ первый разъ заговорилъ мнѣ о своей любви; онъ мнѣ сознался, что болѣзнь его была ничто иное, какъ ревность, которая въ немъ кипѣла при видѣ моего мужа. Испуганная, я обернулась, какъ бы позвать мать на помощь, но мы были уже далеко, очень далеко.

Тутъ я потеряла и рассудокъ и волю. Когда я пришла въ себя, я уже не принадлежала сама себѣ. Наша связь продолжалась. Къ несчастью, совершенно справедливо говорятъ: Что только первый шагъ труденъ. Эрнестъ отправился въ полкъ, я возвратилась въ Парижъ. Но къ первому проступку я присоединила и другой, и завела съ нимъ постоянную переписку, съ помощію одной подруги, которая способствовала нашей связи.

Въ началѣ этого года Эрнестъ взялъ мѣсячный отпускъ и на этотъ разъ пріѣхалъ провести его въ Парижѣ. По милости пріятельницы, о которой я сейчасъ говорила, наши свиданія возобновились; къ несчастью, онъ познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, очень щеголеватымъ и съ весьма изысканными манерами, съ которыми онъ скорѣ сдружился. Однажды послѣ обѣда, гдѣ они порядочно подпили шампанскаго, Эрнестъ разсказалъ ему не только исторію нашей любви, но даже нѣкоторыя подробности, которыя должны бы были быть тайной для всѣхъ.

Эрнестъ снова отправился въ полкъ. По отъѣздѣ его, я замѣтила, что въ какое бы время я не выходила изъ дому, съ служанкою ли или одна, за мною слѣдилъ какой-то молодой человѣкъ. Однажды, когда мужа моего не было дома, какой-то человѣкъ пришелъ съ нимъ поговорить.

— Господина З. нѣтъ дома, сказалъ человѣкъ.

— Это право очень жаль. но не знаете-ли вы, скоро онъ возвратится?

— Не думаю, чтобы возвратился раньше обѣда.

— Это тѣмъ болѣе неприятно. Еслибы можно было видѣть госпожу З., я по крайней мѣрѣ могъ-бы ей передать главныя обстоятельства дѣла, которое надо сообщить ей мужу.

Я была одна въ гостинной, онъ вошелъ.

Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла, что мнѣ кланяется тотъ самый молодой человѣкъ, который на улицѣ постоянно слѣдилъ за мною. Я встала въ большомъ смущеніи.

— Что вамъ угодно? спросила я.

— Милостивая государыня, началъ онъ мнѣ ббзъ предисловія, цѣль моего визита не должна васъ пугать: я васъ люблю до безумія, образъ вашъ днемъ и ночью у меня на сердцѣ, я не могу жить, не обладая вами!

Я хотѣла поввонить, чтобы выпроводить этого дерваго, но онъ схватилъ меня за руку и проговорилъ глухимъ голосомъ: Да, вы будете принадлежать, какъ принадлежали Эрнесту.

При этомъ имена кровь прилила мнѣ къ сердцу. Съ ужасомъ смотря на этого человѣка, я чувствовала, что силы меня оставляютъ и вся дрожа я опустилась на софу, стоящую позади меня. Онъ молча глядѣлъ, демонская улыбка показалась на его лицѣ и видя, какъ одно слово подѣйствовало на меня, онъ снова продолжалъ:

— Мнѣ все извѣстно, сударыня; прогулка въ рощѣ въ деревнѣ вашей матушки, ваши ежедневныя свиданія у одной изъ подругъ вашихъ, живущей въ такой-то улицѣ, и еще нѣкоторыя подробности, которыя одному лишь мужу вашему должны быть извѣстны; но будьте спокойны, вамъ нечего бояться, ежели вы согласитесь сдѣлать меня счастливымъ, отвѣчая на мою страсть.

Отвѣчать на его страсти! онъ приводилъ меня въ ужасы! Я стыдилась любви этого негодая. Онъ подмѣтилъ, вѣроятно, какое-нибудь движеніе отвращенія, потому что продолжалъ снова:

— А! вы желаете борьбы? Хорошо, пусть такъ; начнемъ войну. Я вамъ отвратителенъ, не такъ ли? Вы, вѣроятно, находите, что я не стою Эрнеста? Ну, такъ въ глазахъ вашего мужа и передъ свѣтомъ я васъ выдамъ за свою любовницу. У меня достаточно доказательствъ, чтобы васъ обличить, а вотъ вещичка, сказала онъ схвативъ довольно дорогой браслетъ подаренный мнѣ мужемъ въ именины и лежавшій тутъ на столикѣ, — этотъ браслетъ, на которомъ портретъ вашъ, какъ залогъ вашей любви ко мнѣ, будетъ подтверженіемъ моихъ словъ.

Потомъ, низко раскланявшись, онъ вышелъ.

Вотъ въ какомъ затруднительномъ, отчаянномъ положеніи я нахожусь. м. г. Если вы не можете меня вывести изъ него, я напишу письмо къ мужу со всѣми подробностями, откроюсь въ моихъ проступкахъ, а потомъ самоубійство...

— О! это уже слишкомъ, сударыня, ваше положеніе еще не такъ безвыходно, какъ вамъ кажется; молодой человѣкъ, являвшійся къ вамъ другъ г. Эрнеста?

— Да.

— И вы его называли?

— Леонъ Б***, по крайней мѣрѣ этичъ именемъ называлъ его Эрнестъ.

— Очень хорошо, сударыня, успокойтесь и пожалуйста ко мнѣ черезъ два дня; въ продолженіе этого времени этотъ господинъ ничего не успѣетъ противъ васъ, а я, можетъ быть, буду на столько счастлива, что успѣю чѣмъ нибудь вамъ быть полезнымъ.

Когда дама удалась, я старался собраться съ мыслями. Молодой человѣкъ по имени Леонъ Б***, посѣщающій лучшее общество, былъ мнѣ извѣстенъ какъ отважный плутъ; онъ отправлялся каждый годъ въ Германію на воды, чтобы пустить въ ходъ свое искусство, такъ какъ туда собиралась вся знать и богачи со всѣхъ концовъ Европы. Я при-

казалъ собрать справки и, не сомнѣваясь въ этой личности, послалъ пригласить его немедленно явиться ко мнѣ въ кабинетъ.

Два часа спустя человекъ доложилъ мнѣ о его приходѣ.

— Какъ, м. г. сказалъ я ему, принявъ самый строгій видъ, вы не довольны. тѣмъ что живете на чужой счетъ. вамъ нужно еще низкимъ образомъ запятнать репутацію женщины? Вы видите, я все знаю; хотите ли, чтобы я сорвалъ съ васъ маску, которую вы носите передъ всѣми и отдалъ васъ подъ постоянный присмотръ полиціи? Немедленно отправляйтесь вы къ госпожѣ З***, отдайте ей браслетъ, который вы у нее украли, да, именно украли, сударь, и извинитесь въ вашемъ низкомъ и нагломъ обращеніи съ нею. Ступайте, и если вы когда нибудь займетесь о чемъ бы то ни было, касающемся всего этого, предупреждаю васъ, я безпощадно обличу васъ предъ всѣми.

На другой день, госпожа З*** пріѣзжала благодарить меня отъ всей души за все, что я для нее сдѣлалъ. Страшныя послѣдствія, которыхъ она такъ счастливо избѣжала, произвели совершенную перемѣну въ ея впечатлительной натурѣ, и съ того времени, сознавая ошибку и свой долгъ, она загладила примѣрнымъ поведеніемъ прошлой проступокъ.

IV.

ПОХОДЦЕНІЕ РЕВЕНКА.

Въ наше время все ломаютъ, всѣмъ пренебрегаютъ, хвастаютъ и разглагольствуютъ выше мѣры. «Цѣль оправдываетъ средства.» Вотъ правило для слабыхъ, равно какъ и для сильныхъ. Для большинства, таланты, слава, подвиги — пустыя слова, употребляемыя промышленниками; чувствительность, любовь къ ближнему, дружбу, пускаютъ въ ростъ, какъ всѣ дурныя страсти и выходятъ разращеніе нравовъ. Единственнымъ движеніемъ души ускользнувшимъ отъ корыстныхъ расчетовъ, была материнская любовь, выказывающаяся такъ часто съ высокимъ самоотверженіемъ. Много лѣтъ правосудію не представлялось случая наказывать подобныхъ слѣдующему преступниковъ, какъ вдругъ островитянинъ съ береговъ Темзы пріѣхалъ во Францію показать, до какой степени онъ хотѣлъ пустить въ ходъ свои спекуляціи.

Назывался онъ Вильямсъ; это былъ молодой человекъ красивой наружности съ пріятными манерами; никакое общество не было ему чуждо; зиму проводилъ онъ въ гостинныхъ предмѣстій С. Жерменскихъ или Шосе д'Антенъ, а лѣто въ Баденъ-Баденѣ, въ Гамбургѣ или въ Спа; обыкновенно отъ одного удовольствія переходилъ онъ къ другому, съ праздника на праздникъ и игралъ въ свѣтѣ роль довольно богатаго джентльмена. Между тѣмъ у него не было ни земель, ни замка, ни капитала; имя его нигдѣ неизвѣстно по торговымъ дѣламъ; онъ не имѣлъ ни какихъ фондовъ въ предпріятіяхъ, ни завода, ни фабрикъ;

это был просто плутъ, но плутъ ловкій, хорошаго тону, который каждый годъ, благодаря крапленнымъ картамъ, собиралъ, во время курса вода, порядочное количество червонцевъ, дававшее ему въ слѣдующемъ сезонѣ возможность завести княжескую роскошь.

Въ высшемъ обществѣ, гдѣ Вильямсъ обыкновенно вращался, онъ замѣтилъ графиню Д***, богатую помѣщицу, принадлежащую къ знатной голландской фамилии, которая въ недавнемъ времени потеряла мужа. У этой дамы была маленькая дочь, граціозный ребенокъ пяти лѣтъ, на которой была сосредоточена вся любовь разбитой души; въ ребенкѣ этомъ заключалось все счастье матери.

Вильямсъ, рассчитывая на эту безграничную привязанность, подумалъ: Если мнѣ удастся разлучить съ ней ребенка, мать пожертвуетъ всѣмъ, чтобы ей возвратили дочь и тогда мое состояніе сдѣлано.» И съ этого времени пустилъ въ ходъ все, чтобы привести въ исполненіе задуманный планъ.

Желая воспользоваться всѣми малѣйшими обстоятельствами, могущими ему помочь въ исполненіи предположеннаго намѣренія, онъ началъ съ того, что сталъ ухаживать за горничной госпожи Д*** и благодаря личнымъ качествамъ и подаркамъ, дѣланными ей, онъ скорѣ получилъ полное довѣріе этой дѣвушки. Онъ узналъ, что служанка эта каждый понедѣльникъ, въ десять часовъ утра, отводитъ въ пансіонъ дочь своей госпожи по такимъ-то и такимъ улицамъ. Англичанинъ напѣ рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы завладѣть ребенкомъ и въ назначенный день онъ съ девяти часовъ утра приказавъ заложить кабріолетъ, поставилъ его въ удобное мѣсто для похищенія, на которое рассчитывалъ. Въ положенный часъ встрѣтивъ, какъ бы случайно, чувствительную субретку и сдѣлавъ видъ, что желаетъ воспользоваться нечаянной встрѣчей, онъ предложилъ фіакръ, чтобы доѣхать до пансіона; предложеніе было принято. И вотъ онъ въ экипажѣ съ ребенкомъ и нянькой; но, отъѣхавъ полсотни шаговъ, онъ увидѣлъ кондитерскую, далъ нѣсколько денегъ горничной, прося ее купить пирожковъ ребенку и себѣ. Дѣвушка вошла въ кондитерскую, а фіакръ укатилъ во весь духъ: посредствомъ различныхъ изворотовъ, онъ скорѣ сдѣлалъ выѣ всякаго преслѣдованія. Выходя изъ кондитерской, доверчивая горничная напрасно искала кабріолета, ребенка и своего любезнаго: все исчезло. Пораженная сначала, не находя причины, побудившей англичанина уѣхать такъ поспѣшно, она возвратилась вся въ слезахъ къ госпожѣ своей рассказать, какъ она была неожиданно разлучена съ ребенкомъ. При такой непредвидѣнной новости, мать поспѣшно бросилась въ пансіонъ и по найдя тамъ дочери, она поняла, что съ дурнымъ замысломъ дочь ея была похищена. Тогда, обуреваемая самымъ страшнымъ отчаяніемъ, она явилась ко мнѣ въ кабинетъ, прося меня отыскать ей оя возлюбленное дитя. Я немедленно пустилъ въ розыски двухъ агентовъ; но всѣ поиски не были увѣнчаны ни малѣйшимъ успѣхомъ, и восемь дней спустя, несчастная мать пріѣхала мнѣ

объявить, что дочь ея была въ Англіи; она получила изъ Лондона письмо отъ Вильямса, въ которомъ онъ извѣщалъ, что дочь ея совершенно здорова и что онъ готовъ ей ее возвратить, ежели она ему заплатитъ большую сумму денегъ. Письмо его заканчивалось слѣдующими словами:

«Адресуйте вашъ отвѣтъ М*** адвокату.»

Уполномоченный префектомъ полиціи, я отправилъ въ Лондонъ одного изъ расторопнѣйшихъ агентовъ, который съ помощію англійскихъ полицменовъ долженъ былъ розыскать адресъ Вильямса; но ни инспекторъ французской полиціи, ни англійскіе полицмены не могли узнать адреса, и опять таки несчастная мать увѣдомила меня, что ее горничная получила письмо изъ Лондона и вѣроятно отъ Вильямса; но, не смотря на допросы, горничная не дала ей никакихъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ.

Я попросилъ госпожу Л*** подождать въ другой комнатѣ нѣсколько минутъ, а самъ немедленно приказалъ привести ко мнѣ сантиментальную служанку и сказалъ ей отрывисто:

— Вы получили письмо отъ Вильямса, не запрайтесь, я это очень хорошо знаю! Я навелъ справки объ этомъ на почтѣ.

— Если такъ, милостивый государь, я не могу не признаться, волѣ письмо, и пусть будетъ, что будетъ.

Между прочимъ дерзкій мошенникъ просилъ ее увѣдомлять о поискахъ, предпринимаемыхъ ея госпожею, и писать къ нему по прилагаемому адресу, рѣшившись не иначе возвратить ребенка, какъ за огромный выкупъ.

— Знаете-ли вы, что по этому письму я могу васъ выставить, какъ сообщницу въ этомъ дѣлѣ и немедленно задержать: ваша сговоренія съ похитителемъ, то обстоятельство, что ребенокъ было исключительно подъ вашимъ надзоромъ во время похищенія, это письмо, въ которомъ виновный съ вами обращается, какъ съ сообщницею, повѣривъ вамъ свои предложенія, свои желанія и наводитъ черезъ васъ справки— все это служить къ вашему обвиненію; и ни что васъ не оправдаетъ, развѣ только немедленное и совершенное повинное тому, что я вамъ сейчасъ скажу.

— А! говорите М. Г. говорите! вскричала несчастная, которая въ началѣ внезапнаго обвиненія залилась слезами.

— Сей часъ-же садитесь писать, у меня на глазахъ, вашему возлюбленному, что ваша госпожа въ отчаяніи отъ похищенія ребенка и что она готова на всевозможныя жертвы, требуемыя отъ нея, лишь бы дитя было возвращено ей; потомъ вы ему предложите настаивать въ своемъ требованіи, прибавляя, что будете ему сообщать обо всемъ, что будетъ происходить около васъ.

Когда письмо было окончено и адресъ надписанъ, я тотчасъ от-

правиль его на почту, потомъ отпустилъ горничную и ея госпожу, объявивъ этой послѣдней, чтобъ она присматривала за царвой, и лишь только остался одинъ, я написалъ своему агенту, сообщивъ адресъ Вильямса.

По полученіи моего письма, агентъ; въ сопровожденіи англійскихъ полицменовъ, прибылъ на квартиру похитителя. Вго не было дома, дверь была выломлена и ребенокъ унесенъ агентомъ, который немедленно отправился въ Парижъ и на другой день прибылъ на мѣсто, въ десять часовъ вечера.

Увѣренный въ радости, которую испытаетъ мать, увидѣвъ снова свою дочь, я, не смотря на позанее время, отправился къ госпожѣ Л., которая только что улеглась въ постель. Горничная ея вошла въ спальню и объявила, что главный слѣдователь находится въ гостиной съ ея дочерью.

— Дочь моя, дочь моя! воскликнула она. А! впустите, впустите ихъ сейчасъ ко мнѣ. И не обращая вниманіе на мое присутствіе, не замѣчая беспорядка костюма, въ которомъ она была, соскочила съ постели, схватила или, лучше сказать, выхватила у меня своего ребенка и, покрывая ее поцѣлуями, слезами, липлаась чувствъ.

Двѣ недѣли спустя, госпожа Л. снова явилась ко мнѣ, но на этотъ разъ она пришла просить моей помощи и защиты собственно для себя.

— Вчера, сказала она, мнѣ показалось сквозь занавѣски, что я видѣла англичанина Вильямса, прогуливающагося возлѣ моего дома; сегодня же по утру я совершенно убѣдилась, что его узнала: онъ былъ съ какимъ-то другимъ человѣкомъ. Я боюсь, М. Г., не хочетъ-ли онъ снова украсть моего ребенка.

— Будьте покойны, сударыня. Я вамъ дамъ одного изъ моихъ агентовъ, обязанность котораго будетъ состоять въ томъ, что когда вы будете выѣзжать съ вашей дочерью, онъ будетъ сопутствовать вамъ вездѣ: поѣдите-ли за городъ или въ городѣ съ визитами, а ночью будетъ ночевать у васъ въ прихожей. Будьте увѣрены, что съ этимъ охранителемъ вамъ нечего опасаться этого негодая.

Англичанинъ, слѣдившій за всѣми выѣздами графини, замѣтилъ скоро, что агентъ находится постоянно при ней, не отлучаясь ни днемъ, ни ночью. Не смотря на эти предостереженія, онъ-таки успѣлъ передать графинѣ Л. письмо, въ которомъ угрожалъ, что и въ другой разъ увезетъ ея дочь, если она не согласится придти одна съ извѣстной суммой денегъ на мѣсто, назначенное имъ,— прибавляя, что она должна всего бояться отъ его мести, ежели третье лицо будетъ извѣщено объ этомъ.

Прибыли на мѣсто, имъ назначенное; это былъ уединенный домъ, на маленькомъ островкѣ, около Парижа, гдѣ нашъ искатель приключеній былъ единственнымъ жильцомъ; окна выходили на Сену, те-

*

вущую у самого дома. Подобное же место, выбранное такимъ человекомъ, служило достаточнымъ доказательствомъ о замыслахъ его въ отношеніи къ графинѣ Л.

Отважный плутъ былъ арестованъ и приговоренъ къ заключенію въ темницу и къ изгнанію изъ Франціи по окончаніи заключенія.

ПИСЬМА ИЗЪ ЛѢСНОЙ ПОЛОСЫ.

V.

ЛѢСНОЕ ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Оятъ принадлежитъ къ числу мѣстностей, живущихъ преимущественно однимъ изъ самыхъ древнихъ видовъ земледѣлія, — распашкою лѣса. Теперь этотъ способъ хозяйства почти совсѣмъ запрещенъ закономъ, преслѣдуется помѣщиками, презирается наукою.

Государственные крестьяне недавно получили опредѣленный надѣлъ земли вокругъ ихъ деревень, уже давно выпаханной, и затѣмъ распашка лѣсу въ отмежеванной казенной дачѣ составляетъ уголовное преступленіе. Положеніе 19 февраля 1861 года, какъ ни много признаетъ оно существующія условія хозяйства, отвергаетъ лѣсное земледѣліе и принимаетъ только одну очень слабую мѣру для расчета съ нимъ. Именно, крестьянамъ оставляются ихъ лѣсныя пашни еще на три года, а за тѣмъ, по разибрамъ надѣла, лѣсное земледѣліе должно сократиться очень значительно, а въ иныхъ мѣстностяхъ и совсѣмъ уничтожиться. Наука считаетъ этотъ видъ землепашества варварствомъ и слова «пахать лѣсъ» способны привести въ совершенное негодование всякаго образованнаго сельскаго хозяина, толкующаго о выгоднѣйшей постройкѣ хлѣбныхъ растений. Дѣйствительно, странно видѣть, какъ бревенныя, почти корабельныя деревья, толщиной въ нѣсколько обхватовъ, идутъ на удобреніе, на матеріалъ для хлѣбныхъ злаковъ. Даже храбрая печать наша упоминаетъ о лѣсномъ земледѣліи болѣею частію мимоходомъ, какъ

о любопытномъ уродствѣ, почти на ряду съ дикими повѣрьями. Но до сихъ поръ лѣсное земледѣліе стойко выдерживасть всѣ невгоды, благодаря тѣмъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе которыхъ чиновники не очень заботятся объ исполненіи закона, а помѣщики не всегда могутъ защитить свою собственность. По причинамъ еще болѣе серьезнымъ посявы на сукахъ процвѣтаютъ далеко не въ видѣ исключеній, но какъ основа быта для огромнаго пространства Россіи, которое мы назовемъ *лѣсною земледѣльческою полосой*. Сюда относятся: ябургскій, гдовскій и новолодожскій уѣзды С.-Петербургской губерніи, вся Олонецкая, тихвинскій, бѣлозерскій, валдайскій уѣзды Новгородской, многіе уѣзды Вологодской и пр. Лѣсная земледѣльческая полоса почти совпадаетъ съ размѣщеніемъ нашихъ главныхъ лѣсовъ. Эту полосу вы, конечно, не найдете въ числѣ хозяйственныхъ полосъ, на которыя раздѣлена Россія Положеніемъ 19 февраля 1861 года. По разнымъ причинамъ оно не могло имѣть ее въ виду. Между прочимъ, граница лѣсныхъ мѣстностей не только не совпадаетъ съ какими бы то ни было административными дѣленіями, но часто совсѣмъ неуловима. Въ одномъ и томъ же уѣздѣ не рѣдко встрѣчаются лѣсныя мѣстности на ряду съ совершеннымъ безлѣсьемъ, но, кромѣ того, лѣсъ на берегу сплавной рѣки имѣетъ совершенно другое значеніе для лѣснаго земледѣлія, чѣмъ лѣсъ верстахъ въ 15—20 отъ нея.

Лѣсные крестьяне живутъ своимъ стариннымъ способомъ земледѣлія часто очень зажиточно и отстаиваютъ его всякими способами. Ничѣмъ нельзя такъ глубоко затронуть лѣсной народъ, какъ коснувшись его посявовъ на сукахъ. Священникъ одной изъ оятскихъ волостей государственныхъ крестьянъ не советуетъ пріѣзжать безъ конвоя тому чиновнику, который пріѣдетъ для рѣшительнаго искорененія распахокъ въ отмежеванныхъ казенныхъ дачахъ.

— «И безъ того ужъ крупно поговаривали, когда пріѣзжалъ чиновникъ съ Петрозаводска, да, къ счастью, надули его», разсказывалъ намъ этотъ священникъ.

Но смотря на неоспоримое варварство лѣснаго земледѣлія, на близкое, мѣстами уже обнаружившееся истребленіе лѣса, надо признаться, что хозяйство на сукахъ вызывается многими мѣстными условіями, и подъ его влияніемъ, въ свою очередь, слугаются такія важныя особенности быта, которыя далеко нельзя упустить изъ виду, глядя на одну почеркомъ пера, закрещающую распахиваніе

лѣсу. Задача законодателя должна состоять въ облегченіи перехода къ другому способу хозяйства и въ вызовѣ этого перехода, безъ чего наши лѣса все-таки будутъ окончательно истреблены.

Одинъ изъ здѣшнихъ жителей, толкуя со мною о слабости исполненіи теперешнихъ мѣръ противъ распашекъ лѣсу, говорилъ:

— Будь я на мѣстѣ правительства, я бы такъ двинулъ это дѣло...

И мой собесѣдникъ показалъ крѣпко сжатымъ кулакомъ, какъ бы онъ двинулъ.

Подобнымъ образомъ, какъ ни часто употреблялся онъ, очевидно, ничего нельзя сдѣлать съ системою хозяйства, лежащею въ основѣ быта огромныхъ мѣстностей.

Все это заставляетъ признать лѣсное земледѣліе, какъ важный фактъ, существующій въ громадномъ объемѣ, и притомъ старательно изучить его условія и обстоятельства, хотя бы въ виду только скорого и прочнаго уничтоженія многодревняго, варварскаго хозяйства, или, лучше сказать, для облегченія перехода къ другому хозяйству съ возможно меньшими пожертвованіями для заинтересованныхъ сторонъ.

Я имѣлъ случай нѣсколько познакомиться съ лѣснымъ земледѣліемъ на Ояти, но такъ какъ условія его почти вездѣ весьма сходны между собою, то мой рассказъ будетъ болѣе или менѣе относиться ко всей лѣсной полосѣ.

Къ счастью для нашихъ лѣсовъ, что они сплошь всѣмъ своимъ пространствомъ не годятся подъ распашку, и этому обстоятельству мы обязаны тѣмъ, что мѣстами лѣса значительно сохранились. Лѣсной народъ сортируетъ свои лѣса на *лядины*, т. е. мѣста, годныя подъ посѣвы на сукахъ, и на *корбы*, гдѣ посѣвъ невыгоденъ и неудобенъ. Лядина,—это всякое нѣсколько возвышенное и довольно сухое мѣсто въ лѣсу, обыкновенно уже не разъ подвергавшееся пашнѣ, и потому на лядинахъ теперь рѣдко встрѣтите большія деревья. Корбы,—это логи и низменные мѣста, гдѣ сырость мѣшаетъ росту хлѣбовъ, а при здѣшнихъ морозахъ на всякомъ значительно сыромъ мѣстѣ хлѣбъ мерзнетъ. На корбахъ до сихъ поръ сохранились старые, дремучіе лѣса. Такъ какъ всякое нѣсколько возвышенное и сухое мѣсто въ лѣсу пригодно для посѣва на сукахъ, то можно себя представлять, какъ губятся здѣшніе лѣса. Теперь съ увеличені-

емъ народонаселенія они представляютъ уже развалины прежняго лѣснаго богатства, а кромѣ него здѣшнія мѣстности ничего не имѣютъ.

Породы деревъ, растущихъ на лядинѣ, ее положеніе относительно солнечныхъ лучей, степень ея влажности имѣютъ огромное вліяніе на урожай хлѣба.

— Богатый, да семейный крестьянинъ, рассказывали здѣшніе бобыли, придетъ на удобное мѣсто. срубить маленько прутяку и лѣтъ на десять мѣсто за нимъ. Онъ не рубить, да и ты не руби...

Приготовляясь сдѣлать въ лѣсу новую распашку, крестьянинъ ищетъ прежде всего удобный участокъ ольховой рощи. Подъ ольхой лучше растетъ хлѣбъ; земля рыхлѣе и распашка легче. Березовая роща мало чѣмъ уступитъ ольховой, и за тѣмъ уже слѣдуютъ участки мѣшаннаго лѣса. Лядина, поросшая сплошнымъ ельнякомъ, даетъ хлѣбъ нѣсколько хуже и къ тому же ельнякъ слишкомъ частъ, такъ что рубка его трудна. Сосновый боръ, съ своею песчаной землею, занимаетъ послѣднее мѣсто въ лѣсномъ земледѣліи. Крестьяне стараются избѣгать его, покуда возможно. Впрочемъ, эта классификація лѣсныхъ породъ, относительно вліянія ихъ на хлѣбородіе, часто нарушается разными случайностями. Матерая земля, подъ старымъ лѣсомъ, нетронутымъ на памяти живущихъ поколѣній, даетъ самый лучший урожай и распашка ея незатруднительна; только большія деревья валить трудно. Подъ ячмень, рѣпу и пр. крестьяне ищутъ участки крупнаго лѣсу; подъ рожь и овесъ—средняго, а ленъ сѣютъ на листовномъ молоднякѣ, т. е. на лядинѣ, на которой, послѣ брошенной распашки, успѣлъ подняться молодой листовный лѣсокъ.

Въ маѣ, когда сочный молодой листъ уже совсѣмъ развернется, крестьянинъ сваливаетъ деревья на участкѣ лѣса, въ смотрѣнномъ подъ пашню. Большія деревья срубаютъ топоромъ, а мелкія и кустарники косоруютъ. Косоръ,—это тяжелый, толстый, большой ножъ, въ формѣ крюка. Нагнувъ небольшія деревья или пукъ кустовыхъ прутьевъ, ударить по изгибу косоромъ,—и они срублены. Косорованіе лежитъ на обязанности бабъ. Деревья на лядинѣ стараются валить такимъ образомъ, чтобы они не падали одно на другое, а лежали ровнымъ слоемъ.

— «Какъ поработаешь дня два топоромъ, согнувши спину, по-

тоиъ все изъ рукъ валится», говорятъ крестьяне. «Бабы съ корсоромъ тоже измучаются довольно».

Огромныя деревья, которыя слишкомъ трудно срубить, умерщвляютъ на норню, и высохшіе остовы ихъ остаются на лѣсной пашнѣ.

Лѣтомъ и зиму до будущей весны поваленныя деревья оставляютъ сохнуть. Они могутъ пролежать на землѣ года два безъ вреда для посѣва.

Услышавъ, что вскорѣ произойдетъ отдѣленіе господскихъ земель отъ крестьянскихъ, здѣшніе помѣщичьи крестьяне этою зимою навалили себѣ огромное количество суковъ въ ярокъ, на будущее время. Но крестьяне ошиблись въ расчетѣ. Впрочемъ, объ этомъ далѣе.

На будущую весну, послѣ свалки деревъ на лядинѣ, крестьяне ждутъ ясныхъ сухихъ дней съ порядочнымъ вѣтромъ и въ такой день зажигаютъ свои суки, предварительно обкосовавъ вѣтви большихъ деревъ.

Огонь, пущенный въ нѣсколькихъ мѣстахъ отъ того края суковъ, съ котораго тянетъ вѣтеръ, бѣжитъ по густой грудѣ сухихъ листьевъ и вѣтвей, такъ стремительно, что человекъ не успѣетъ бѣжать за его потокомъ. Въ нѣсколько минутъ зажженные суки пылаютъ сплошнымъ костромъ. Столбъ пламени встаетъ сажень на пять выше вершинъ деревьевъ, поднимается оглушительный гулъ и трескъ; воздухъ крутитъ кругомъ клубомъ, мечетъ и гнетъ изъ стороны въ сторону деревья, стоящія вокругъ нивы, выворачиваетъ вверхъ ихъ вѣтви.

— «Страсть такая,—не приведи Богъ», рассказываютъ самыя бойкіе парни.

Перепуганныя бабы, на которыхъ лежитъ обязанность жечь суки, кричатъ во весь голосъ: «приди вѣтеръ! сильнѣй дуй!», бѣгаютъ кругомъ съ срѣзанными молодыми елями въ рукахъ и тушатъ загорающіяся по сторонамъ деревья.

Проѣзжающій по дорогѣ въ лѣсу, гдѣ далъ и небо почти закрыты, прежде чѣмъ увидитъ дымъ отъ сжигаемыхъ суковъ, уже слышитъ пронзительные крики бабъ, призывающихъ вѣтеръ, «тулло-туллени» по-чудски.

Суровые, спокойныя лѣсныя виды при дружно-зажженныхъ сукахъ получаютъ нѣсколько фантастическій оттѣнокъ. Среди всѣхъ, вблизи зеленѣющихъ, вдали синѣющихъ всѣми отковами, полосъ лѣснаго моря подымаются клубящіяся столбы бѣлаго ды-

на, а на ближнихъ судахъ вырываются космы высокаго пламени. Крики бабъ, трескъ и гулъ пожара нарушаютъ торжественную тишину лѣсной пустыни.

Срѣзанными елками немного нагасишь, и вотъ огонь побѣжитъ въ сторону, начать загораться и ломъ на землѣ и большія деревья, особенно въ сухую весну. Сжиганіе суковъ часто кончается лѣснымъ пожаромъ. Нередко вы слышите, что съ огнемъ не совладалъ такой-то одинокій крестьянинъ и прохватилъ пожаромъ полверстушки, а правду сказать, и на версту будетъ. Въ И—цахъ погибъ отъ суковъ десятиверстный превосходный боръ. Къ счастью, въ здѣшней мѣстности много мокрыхъ мѣстъ и болотъ, останавливающихъ огонь. Большею частію обгоритъ рядовъ пять-шесть деревъ вокругъ суковъ, да еще опалитъ нѣсколько рядовъ въ сторону вѣтра.

Въ полчаса, много въ часъ гряда сухихъ листьевъ и сучьевъ сгорятъ сплошнымъ костромъ; огонь значительно спадетъ, но онъ остается еще долго по стволамъ большихъ деревъ. Если суки близко деревни, то горящія бревна тушатъ и свозятъ на дрова, но когда суки далеко въ лѣсу, то бревна складываютъ въ груды, чтобы скорѣе и лучше горѣли. Это называется *прятать палы*. Разуиѣтся, что и на сукахъ, близкихъ къ дому, почему бы то ни было лишніе и ненужные стволы деревъ, напр. слишкомъ тонкіе, или еловыя, если у крестьянина уже есть довольно березовыхъ дровъ, также прячутъ, т. е. складываютъ въ груды и сжигаютъ.

Но когда пропустятъ вѣтеръ, когда весна дождлива, то сжиганіе суковъ заставляетъ долго мучиться надъ нимъ. Тогда, разложивъ наконецъ огонь небольшимъ костромъ, нужно двигать его чуть не по каждому поваленному дереву, а вѣдкій дымъ все время проѣдаетъ и закрываетъ глаза.

Я не стану пускаться здѣсь въ анализъ той роли, которую играетъ въ плодородіи нивы какъ лѣсъ, сжигаемый на удобрѣніе, такъ и земля, отдохнувшая водъ деревьями, послѣ оставленія пашни. Это повело бы къ слишкомъ специальнымъ соображеніямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лѣсной полосы, имѣющихъ большія полевыя запашки, при недостаткѣ другого лучшаго удобрения, свозятъ на поля сучья и небольшія деревья и жгутъ ихъ. Впрочемъ, собственно на Ояти этого не дѣлаютъ. Черная, засыпанная углемъ земля выжженныхъ суковъ, *палы*, какъ называютъ ее здѣсь, туго палается оранью, — это самое

тешная работа въ быту лѣснаго народа. Соха безпрестанно за-
двѣаетъ за корни срубленныхъ деревьевъ, отскакиваетъ иногда ар-
шина на два, — ее опять нужно притянуть на прежнее мѣсто и
вновь углубить ниже сѣти верхнихъ корней. Оттого здѣшнія
сохи слишкомъ прямы, мало зацѣпляютъ землю и неудобны въ
вѣляхъ. Оять крестьянину приходится обыкновенно въ жаркій
лѣтній день, когда лошади бьются отъ оводовъ, и крестьянницъ
боятся за соху, и безъ того скачущую по полямъ нивы.

— «Мало, что весь измучаешься, да и вымараешься совѣтъ
на нивницѣ. Чего платя-тѣ изойдетъ отъ тамошняго угля», раз-
сказывали крестьяне.

На ораніе и боронованіе новой расчистки подь одну мѣрку
нужно среднимъ числомъ отъ 3 до 4 дней. Въ послѣдующіе
годы эта работа идетъ несравненно легче и скорѣе. Въ очень
рѣдкихъ случаяхъ на матерыхъ мѣстахъ подь старымъ лѣсомъ
распашка легка, но такихъ мѣстъ немного. Въ прежнія време-
на случались нови, на которыхъ сѣяли прямо на палъ, подь
борону.

На вновь разработанной нивѣ сѣютъ озимый хлѣбъ или рѣпу,
ленъ и пр. Такимъ образомъ, дѣлая расчистку въ лѣсу, крестья-
нницъ получаетъ озимые хлѣба на третій годъ послѣ срубивъ де-
ревъ, а рѣпу, ленъ и пр.—на второй.

Послѣ озимаго посѣва слѣдуетъ яровой, а за тѣмъ земля от-
дыхаетъ годъ передъ новымъ посѣвомъ ржи. Если вторая рожь
на нивѣ уже плоха, то крестьянинъ беретъ еще одинъ или два
овса и оставляетъ распашку. Большею частію берутъ съ лѣсной
пашни пять-шесть хлѣбовъ и за тѣмъ земля встощается. Нона-
даютъ иногда и такія худыя ядины, которыя приходится бро-
сить послѣ двухъ хлѣбовъ.

Распашка лѣсу позволяетъ нѣкоторымъ крестьянамъ держать
скотъ въ небольшомъ числѣ и даже бѣдняки, вовсе не имѣю-
щіе ни коровы, ни лошади, могутъ существовать лѣснымъ зем-
ледѣіемъ. Они разрабатываютъ только суки, нанимая лошадь
для оранія, боронованія и пр. Бѣдный крестьянинъ старается
взять какъ можно больше хлѣба съ небольшой запашки, и по-
тому все идетъ на новъ, бросая нивы послѣ второго хлѣба.

Посѣвъ на сукахъ дѣлается гораздо рѣже чѣмъ въ поляхъ,
иначе на плодородной нови колосья взойдутъ слишкомъ густо.
На нивахъ изъ одного зерна выходитъ до 12 колосьевъ. На де-

сятинѣ полевой земли засѣвается до 8 мѣрокъ (четверинѣ) ржи, а на десятинѣ нивы до 6 и много-что 7 мѣрокъ.

Въ лѣсу, на нивахъ хлѣбъ мерзнетъ чаще чѣмъ въ поляхъ. Ниву почти всегда обступаютъ стѣна густаго и даже дремучаго лѣса и отъ него постоянно ложится тѣнь на края распахки.

Хлѣбъ, посѣянный въ лѣсу, травятъ звѣри и птицы, — и любятъ преимущественно овсяныя нивы. Правда, не часто, но все таки бываетъ, что съ посѣяннаго въ лѣсу овса крестьянинъ въ самый урожайный годъ не соберетъ даже сѣмяни, не получить и соломы. Половина рѣпы на нивѣ пропадаетъ почти постоянно. Въ лѣсу крестьянину трудно укараулить свой хлѣбъ, тѣмъ болѣе, что самыя убыточныя, звѣриныя потравы дѣлаются ночью.

Линь только начнетъ наливаться овесъ, въ вечеру, когда солнце уже садится, на овсяную ниву бѣгутъ зайцы и съ кривь словно косятъ ее, или, еще хуже, приходитъ медвѣдъ, захватить лапами колосья, сосеть ихъ, ползеть дальше, захватывая другія... вдавливая кругомъ колосья въ землю, такъ что ихъ и рукой трудною однять. Онъ не столько съѣстъ, сколько вымять до чиста. Очень часто, проѣзжая мимо нивы, видящ дорожки, вымятыя медвѣдемъ. Случается, что медвѣдъ такъ вытопчетъ ниву, что и жать нечего. Съ утреннею зарею онъ свалится въ нижнюю корбу и вечеромъ придетъ опять на тоже мѣсто. Онъ не измѣняетъ ему, пока его не выпугаютъ оттуда.

«Микша, къ тебѣ на ниву тамъ у ручья-то медвѣдъ повадился. Проходилъ я сего-дня мимо, — смотрю: экъ его работаетъ!» сообщать хозяину, и испуганный Микша спѣшитъ передъ закатомъ на ниву и оретъ тамъ во всю мочь. Медвѣдъ испугается криковъ, отвалитъ куда-нибудь подальше, и не смѣетъ придти ночью. Нѣсколько вечеровъ Микша повторяетъ свои усердные крики. Но прогнать медвѣда можно только съ не очень удаленной нивы. У нѣкоторыхъ государственныхъ крестьянъ заваши въ лѣсу находятся въ верстахъ двадцати отъ деревни, — какъ укараулить эти нивы?

— «Ко мнѣ въ рѣпу зайцы повадился на «пакость», рассказывалъ намъ крестьянинъ. Ой, жидъ, не съѣстъ рѣпы, а высорить да обкусить. Пойду пугать ихъ вечеромъ.»

Въ созрѣвшіе хлѣба сваливаются глухари, тетеры, куропатки и проч. — обстоятельство, чрезвычайно пріятное для охотника, но никакъ не для земледѣльца.

Жатье нивы также труднѣе жатвы въ полѣ. Серпя соскакиваетъ съ корней, выдающихся изъ земли, съ небольшихъ незабитныхъ между колосьями пней и рѣжетъ руки. Если же «божія милость» перепутаетъ колосья вѣтромъ или раннимъ снѣгомъ, то рѣзцамъ и жинцамъ приходится достаточно поохать и повозиться съ серпомъ.

Когда хлѣбъ совершенно созрѣлъ, солома достаточно пожелтѣла, его убираютъ въ бабки, — семь сноповъ ржаная, четыре овсяная. Для постановки каждой бабки лѣсной народъ срубить молодую сосенку или ель. Если же солома еще зелена, а время приходитъ позднее, то снопы кладутъ сушиться въ зароды. Зародъ, — это два столба, въ которые заложено множество длинныхъ, тонкихъ перекладинъ. Между перекладинами засовываютъ ряды сноповъ. Такимъ образомъ съ одной стороны зарода вы увидите стѣну комлей хлѣба, а съ другой колосевъ.

Иногда вмѣсто столбовъ зарода занимаютъ два большія красивые дерева, и тогда изъ зарода составляется недурная картинка. Двадцать сноповъ называются *суслономъ*; десять *суслововъ*, — *риачью*. Обыкновенно рига строится такъ, чтобъ вмѣстѣла 200 сноповъ. Мы еще встрѣтимся съ этими хозяйственными мѣрами.

Изъ бабокъ и изъ зародовъ снопы складываютъ: ржаные въ стоги, а овсяные и ячменные въ скирды. Снопы ржи складываютъ кругомъ, колосьями въ середину, и такимъ образомъ рядъ на рядъ, вверху колосья короче, составляется стогъ, съ нѣскольکو заостренною верхушкой, закрываемою соломой. Скирдъ, — это двѣ стѣны сноповъ, колосьями въ средину, съ поддержкою столбиками и съ крышей изъ соломы.

Въ бабахъ и въ зародахъ идетъ птичья поправа хлѣба. Тутъ всего болѣе достается ячменю. Къ нему имѣютъ особое пристрастіе бѣличья птица и сиво-воронка; они не столько клюютъ хлѣбъ, сколько скусываютъ колосья, и подъ зародомъ является цѣлая горка послѣднихъ, срѣзанныхъ точно ножомъ.

Въ стогахъ и въ скирдахъ, остающихся въ лѣсу чуть не всю зиму, поселяются колоніи мышей, и горностан, охотясь за ними, испещряютъ кругомъ снѣгъ своими запутанными слѣдами. Крестьянинъ зимою, пріѣхавшій къ стогу или скирдѣ за хлѣбомъ, выпугиваетъ съ нихъ то нѣсколько бѣляковъ, то цѣлое стадо бѣлокъ... Дождь и снѣгъ милосерднѣе: они портятъ только верхній рядъ сноповъ и много если два.

Впрочемъ, какъ ни значительна поправа птицъ и звѣрей, хлѣбъ во всѣхъ его видахъ, и въ поствѣ, и въ снопахъ, и въ стогахъ, еще больше страдаетъ отъ поправки скотомъ. При теснѣ решнемъ разбирательствѣ даже на злостную поправу, также трудно искать управы, какъ на медвѣдя, или мошнина (глухой тетеревъ). Новый законъ, относительно поправки, на земляхъ помѣщичьихъ и временнообязанныхъ крестьянъ, не успѣлъ еще притвориться. Здѣшніе поправки составляютъ также громадное зло, такъ препятствуютъ развитію сельскаго хозяйства, что о нихъ надо говорить особо. Скажемъ только, что лѣсной народъ не всегда держитъ пастуховъ при своихъ стадахъ.

Но, не смотря на всевозможныя затраты хлѣба, урожай на нивахъ доходитъ обыкновенно до 12 и 15. Надо замѣтить, что *ливой* лѣсной народъ называетъ исключительно свои распахки лѣсу. Поле,—это уваженная пашня вокругъ деревень, а *поляна*, также уваживаемая пашня, но лежащая отдѣльнымъ кускомъ въ лѣсу, не подалеку отъ деревни. Большую часть поляна дѣлается изъ оскудѣвшей нивы, на которой оказалась очень удобная земля. На поляхъ и на полянкахъ обыкновенный урожай около 7—8, но бываетъ и 10 и 4. Разумѣется, что плодородіе поля зависитъ отъ количества удобрения, и съ тѣмъ вмѣстѣ негдѣ не равно въ различныхъ деревняхъ. На мировой сѣздѣ одинъ изъ посредниковъ, участокъ котораго лежитъ западнѣ всѣхъ другихъ, говорилъ, что средній урожай на поляхъ нужно считать 4 и 5, но крестьяне возражали противъ этого. Дѣйствительно, гораздо вѣроятнѣе положить, что на Ояти урожай чѣсто бываетъ 7 и 8. Я слышалъ о такомъ урожаѣ отъ крестьянъ многихъ деревень.

Во всякомъ случаѣ изъ этихъ цифръ ясно, что нива даетъ хлѣба пѣлыми двумя третями, а иногда вдвое болѣе, чѣмъ поля и поляны. Случаются такія нивы, на которыхъ урожай доходитъ до 22, но, впрочемъ, онѣ рѣдки.

Нельзя не признать, что такая равенность урожая принадлежитъ къ числу причинъ, поддерживающихъ лѣсное земледѣліе.

Но положимъ, что нашъ расчетъ не вѣренъ, или, лучше сказать, что онъ относится къ небольшому числу вѣстностей: Положимъ, что урожай на поляхъ и на нивахъ одинаковъ. И въ этомъ случаѣ, распахка лѣсу удобнѣе для здѣшняго народа.

Конечно, начальная расчистка суковъ несравненно труднѣе распахки полевой земли, хотя здѣсь на поляхъ тротать, т е:

три раза орутъ и столько жѣ разъ боронуютъ. Всѣ такія работы по тяжести дѣйствительно нельзя сравнить. Даже при второмъ и третьемъ хлѣбѣ, распашка нивы несравненно труднѣе полевой. Но, во первыхъ, здѣшній крестьянинъ привыкъ къ тяжести работъ и не обращаетъ на нее большаго вниманія, особенно въ собственномъ дѣлѣ и въ виду значительной прибыли. Съ другой стороны, и это самое главное, на лѣсную пашню не нужно возить навозъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ надобности держать много скота, можно больше продавать сѣна, а прибылой скотъ спустить осенью за хорошія деньги скотникамъ, безпрестанно снующимъ въ сентябрѣ по здѣшней мѣстности. Но если и оставить дома все сѣно, то при распашкахъ въ лѣсу можно лучше удабривать поля. Во всякомъ случаѣ, лѣсное земледѣліе дозволяетъ имѣть большой посѣвъ. Оно требуетъ только труда и можетъ обойтись безъ капитала, необходимаго на покупку и на содержаніе скота. Мы уже говорили, что посѣвы на сукахъ даютъ возможность богатымъ крестьянамъ имѣть огромныя распашки, а бѣднымъ, даже немѣющимъ никакого скота, кромѣ кошки, тѣмъ бобылямъ, указывая на которыхъ крестьяне говорятъ: «онъ весь тутъ», — не идти въ работники и заниматься земледѣліемъ отъ самого себя. «Откуда взять денегъ на скотъ, капиталу нѣтъ», скажетъ вамъ большинство крестьянъ, если вы заведете съ ними рѣчь о переходѣ къ полевому хозяйству.

Но положимъ, что деньги на покупку скота нашлись бы, то надобно еще, чтобы мѣстность дала достаточное количество сѣна для прокорма значительнаго числа головъ.

Съ этимъ вопросомъ, очевидно, тѣсно связана судьба лѣснаго земледѣлія.

Излишекъ работы въ лѣсной запашкѣ противъ полевой, хотя мало заставляеть раздумывать лѣснаго крестьянина, но онъ такъ хорошо цѣнитъ свое время, что не можетъ не замѣчать этого излишка. Если работу, идущую на десятину нивы, положить на поля, то было бы отработано гораздо большее пространство, считая даже время на провозъ удобренія. Кромѣ того всѣ другія работы идутъ въ поляхъ скорѣе.

Лѣсныя пашни разбросаны по всему лѣсу часто далеко отъ деревни, и съ каждымъ годочъ онѣ удаляются отъ нея. На одинъ проходъ къ нивамъ крестьянинъ теряетъ много времени. Часто пашни такъ далеки, что цѣлыя семьи, запасшись хлѣбомъ,

уходить въ лёсъ на всю недѣлю. Возвратившись вечеромъ въ субботу, они на утро понедѣльника опять откочевываютъ на дальнія пивы. Тутъ все-таки терзается много рабочаго времени. Провозъ хлѣба съ дальнихъ пашень по здѣшнимъ непроходимымъ дорогамъ также не мало времени займетъ. Всѣ эти потери значительно сокращаются при полевои хозяйствѣ.

Лѣсную пашню за оскѣкомъ нужно городить отъ скота, и все-таки трудно укараулить ее отъ погравы. Это неудобство также значительно устраняется при полевои хозяйствѣ.

Говоря о лѣсномъ земледѣліи, мы ни разу не упоминали о цѣнности лѣса, сжигаемаго на суки. Но до сихъ поръ эта цѣнность для крестьянъ была равна почти нулю. На помѣщичьихъ земляхъ, особенно въ неразмежеванныхъ дачахъ, крестьяне жгли суки по всему лѣсу. Правда, что многіе помѣщики не позволяли лѣсную запарку въ мѣстахъ, поросшихъ большими строевыми деревьями, но за тѣмъ разработка пивъ была свободна. Купцу, взявшему помѣщичью лѣсную дачу на срубъ, очень невыгодно спориться съ мѣстными крестьянами, и за ними оставалось пользование суками и въ дачахъ, заарендованныхъ лѣсопромышленниками. Государственные крестьяне, разумѣется, не платятъ за свои суки, а если при этомъ и бываютъ нѣкоторые особые расходы, то все-таки сравнительно съ цѣностію сжигаемаго лѣса, — ничтожныя.

Впрочемъ, въ самое послѣднее время, послѣ отмежеванія большихъ казенныхъ дачъ, распашка на сукахъ стала соединяться съ опасностію и убытками.

Я какъ-то встрѣтилъ на лѣсной тропинкѣ пятерыхъ крестьянъ, уныло и молча тащившихся гуськомъ другъ за другомъ. Шедшій впереди остановилъ меня, вынулъ изъ котомки какую-то бумагу и просилъ прочесть ее.

— «Я сотскій», говорилъ онъ между тѣмъ, «веду крещеныхъ въ земскій судъ, въ Лодейное поле. Это, должно быть, по дѣлу о сукахъ требуютъ. Три года идетъ дѣло; стало, теверъ рѣшеніе вышло».

— Судъ, сказалъ другой крестьянинъ, такое мѣсто, что никакая бумажка не пропадетъ, — черезъ сколько лѣтъ ни на есть, а скажется.

— И у васъ въ К-цахъ тоже будетъ, прибавилъ съдой старикъ... Тоже чиновникъ съ Петрозаводска надетъ. Такія ужъ времена пришли.

Въ бумагѣ, поданной сотскимъ, былъ приказъ становаго о высылкѣ такихъ-то и такихъ-то крестьянъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ засадили въ Лодейномъ полѣ въ тюрьму.

— Мы хотимъ, толковали крестьяне, къ самому царю идти съ просьбой, что намъ жить нечѣмъ будетъ, безъ суковъ. Вотъ въ Ладвѣ просили, такъ позволили.

Ладва, — это одинъ изъ самыхъ лѣсныхъ и малонаселенныхъ приходоу, лежащій далеко отъ всякаго пути.

Губернскій чиновникъ, прѣзжавшій для искорененія суковъ въ казенныхъ дачахъ, хотѣлъ было заарестовать хлѣбъ на нивахъ. Въ Кар-скомъ приходѣ прослышали это и ночью, собравъ окрестныхъ крестьянъ, свезли стоги съ замѣченныхъ чиновникомъ мѣстъ. Въ нынѣшнемъ году въ этотъ же приходъ наѣзжалъ судебный слѣдователь и крестьяне сознались въ порубкѣ суковъ.

Но въ большей части случаевъ и до сихъ поръ крестьяне не чувствуютъ цѣнности сжигаемаго лѣса, тогда какъ удобреніе полей стоитъ имъ дорого.

При здѣшней сильной лѣсной растительности на брошенной нивѣ года черезъ два подымаются уже небольшіе заросли, но чтобы оставленное мѣсто вновь годилось на суки, т. е. чтобы на немъ подросъ порядочный лѣсокъ, нужно около двадцати лѣтъ. Распрашивая крестьянъ въ всего чаще услышите, что они приходятъ на старыя нивы лѣтъ черезъ двадцать и въ рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, на ленъ, черезъ 15 годовъ. Впрочемъ, не рѣдко выдаются такіе участки лѣсу, на которыхъ послѣ распашки даже въ сорокъ лѣтъ не успѣетъ подняться порядочный лѣсокъ.

Мѣстами, съ развитіемъ населенія, распашка лѣсу идетъ такъ сильно что крестьяне едва могутъ выждать двадцатилѣтній срокъ, нужный для возстановленія плодородія на брошенной пашнѣ. Въ большихъ казенныхъ дачахъ, напримѣръ въ Винницкой, лѣсныя пашни разбросаны уже верстъ на двадцать отъ деревень, да и тамъ скоро всѣ удобныя мѣста будутъ выпажаны и тогда либо уменьшатся запашки, либо часть населенія принуждена будетъ выселяться на новыя лѣса. Недостатокъ удобныхъ лѣсныхъ пашень уже чувствуется въ иныхъ дачахъ, напримѣръ, въ Каргинской. вмѣстѣ съ тѣмъ придетъ новая бѣда, — недостатокъ хорошаго строеваго лѣса. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ уже теперь надо ѣхать за толстыми бревнами довольно далеко

и крестьяне предпочитают брать дѣсь хоть тоише да поближе. Мы уже говорили, что въ новыя избы въ Теничахъ поражаютъ тонкостію бревенъ на ряду съ старыми избами сколоченными изъ громадныхъ деревъ.

Населеніе Лодейновольскаго уѣзда въ послѣднее время начало увеличиваться въ размѣрахъ, хотя небольшихъ по цифрѣ, но довольно значительныхъ для дѣснаго земледѣлія. Въ здѣшнихъ волостяхъ государственныхъ крестьянъ стали присылать на воспитаніе воспитанниковъ ветербургскаго воспитательнаго дома. Судьба особенно щедро благословляла дѣтми этихъ поселенцевъ и въ иныхъ деревняхъ коренные крестьяне, старожилы, поглядываютъ съ нѣкоторымъ безвокойствомъ на молодую толпу, бѣгающую по деревнѣ и уже взявшую надъ ними перевѣсъ числомъ. Въ будущемъ, съ устраненіемъ разныхъ стѣсненій народной жизни, здѣшнее поселеніе станетъ возрастать еще значительно. Что касается до помѣщичьихъ крестьянъ то уничтоженіе крѣпостнаго права повлечетъ, несравненно скорѣйшее увеличеніе населенія.

Здѣшнія помѣщичьи вотчины большею частію маленькія, а извѣстно, что мелкота вотчинъ чрезвычайно останавливала умноженіе населенія. Въ небольшой вотчинѣ подростіе крестьяне не всегда находили себѣ достаточное число неvěсть, а взять жену со стороны изъвольныхъ, или изъ другой вотчины было достаточно трудно. Вольные крестьянки рѣдко соглашались идти въ барщину, да и семья не пускала ихъ. Изъ одной вотчины въ другую неvěсты переходили или въ обмѣнъ, или за деньги. Богатые крестьяне очень часто покупали себѣ женъ, но бѣдные часто ждали неvěсты нѣлую жизнь. Во многихъ здѣшнихъ деревняхъ можно найти такихъ насильныхъ холостяковъ. Часто только на третьемъ десяткѣ крестьянину наконецъ удавалось кое-какъ прискать себѣ жену. Большинство помѣщиковъ не имѣло средствъ на покупку неvěсть для своихъ крестьянъ, а многіе помѣщики, забросившіе свои деревни, не имѣли понятія объ этихъ оригинальныхъ брачныхъ затрудненіяхъ. Браки же по приказанію помѣщика часто вели даже къ сокращенію населенія.

Теперь съ дарованіемъ бывшимъ крѣпостнымъ полной свободы брака, они могутъ искать неvěсть гдѣ угодно, какія поправятся и когда вздумаетъ. Населеніе изъ помѣщичьихъ крестьянъ будетъ возрастать теперь несравненно быстрѣе прежняго, а

вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ приближаться неизбежный конецъ лѣснаго земледѣлія.

Сдѣлаемъ теперь небольшой сводъ сообщенныхъ нами данныхъ, по ихъ отношенію собственно къ крестьянамъ.

1) Выгоды лѣснаго земледѣлія заключаются:

- a) въ болѣемъ урожаѣ на лѣсныхъ нивахъ.
- b) въ даровомъ или весьма малостоющемъ для крестьянина удобреніи (срубаемый лѣсъ). Это обстоятельство даетъ возможность имѣть меньшій оборотный капиталъ, т. е. меньшее число головъ, нужнаго для пашни скота; а съ тѣмъ вмѣстѣ и меньшіе сѣнокосы.
- c) въ значительной независимости размѣровъ лѣсной запашки отъ количества сѣнокосовъ, не всегда обильныхъ во многихъ мѣстностяхъ.

2) Невыгоды лѣснаго земледѣлія заключаются:

- a) въ болѣе трудной и медленной работы по распашкѣ, жатвѣ и проч.; въ потерѣ времени на проходъ къ лѣтнымъ пашнямъ, постоянно удаляющимся отъ деревень.
- b) въ болѣе частомъ истребленіи хлѣба морозомъ.
- c) въ трудности убережъ нивъ отъ разныхъ потравъ и въ необходимости ставить по нимъ болѣе ограды, чѣмъ на поляхъ.
- d) въ опасностяхъ отъ различныхъ запрещеній и постановленій закона.
- e) въ истощеніи самыхъ средствъ лѣснаго земледѣлія при нѣсколько значительномъ увеличеніи населенія или, другими словами, въ необходимости имѣть при этой системѣ хозяйства гораздо больше земли, чѣмъ при полевой запашкѣ и
- f) въ чрезвычайномъ истребленіи лѣса, которое тяжело отзовется наконецъ и въ крестьянскомъ быту.

3) Населеніе лодейнопольскаго уголка лѣсной полосы возрастаетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ приближается конецъ лѣснаго земледѣлія.

Недавно, неудобства лѣснаго земледѣлія, требующаго огромнаго количества земель чувствовались сильнѣе у крестьянъ государственныхъ чѣмъ у помѣщичьихъ. Надѣлъ по 15 десятинъ на душу, произведенный въ сороковыхъ годахъ, хотя въ началѣ исполнялся, но потомъ государственные крестьяне стали постепенно выходить изъ него въ отмежеванныя казенныя дачи. Крѣпостные крестьяне, до послѣдняго времени, производили распашку лѣсу, болѣею частію, по всей помѣщичьей дачѣ, гдѣ приходилось иногда отъ

30 до 50 десятинъ на душу. Теперь, Положеніемъ 19 февраля 1861 г., высшій размѣръ надѣла назначенъ въ 7 десятинъ, но по добровольнымъ соглашеніямъ надѣлъ можетъ увеличенъ до какой угодно степени или уменьшено до $\frac{1}{2}$. Лѣсныя пашни, оставлены крестьянамъ безвозмездно на три года, со дня объявленія Положенія.

Такимъ образомъ переходъ къ полевому хозяйству долженъ начаться прежде всего въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Въ одной изъ мѣстныхъ сказокъ о Данилѣ Безсчастномъ разсказывается, какъ этотъ злополучный крестьянинъ пошелъ продавать случайно попавшую ему драгоценность какому-то богатому старому купцу. Тотъ давалъ Данилѣ на выборъ или большую сумму денегъ или доброе слово, которое могло бы пригодиться въ важную минуту жизни. Данила выбралъ доброе слово.

Вѣроятно, здѣшняя мѣстность также промѣняла бы большія деньги на доброе слово о дальнѣйшихъ судьбахъ здѣшняго хозяйства. Въ какой степени 7 десятинный надѣлъ вызываетъ переходъ къ полевымъ запашкамъ? Какія мѣры могутъ помочь такой перемѣнѣ? и пр. Всѣ эти вопросы при теперешнихъ обстоятельствахъ становятся на очередь и ждутъ рѣшенія, «добраго слова».

Возвращаюсь теперь къ прерванному разсказу.

VI.

ВЪ ЗАБЫТОЙ ДЕРЕВНѢ.

Я уже говорилъ выше, что крестьяне моего спутника обыкновенно пріѣзжали въ Петербургъ въ грязныхъ оборванныхъ балахонахъ и вѣчно плакались на скудность своей земли, на угнетающую бѣдность ихъ житья-бытья. Когда въ Лодейномъ полѣ я замолвилъ, съ голоса крестьянъ, что-то подобное о К-цахъ, Илья Васильевъ только головой покачалъ и усмѣхнулся. Дѣйствительно, чѣмъ ближе подѣзжали мы къ деревнямъ моего спутника, тѣмъ благопріятнѣе становились отзывы мѣстныхъ крестьянъ о житьѣ К-цкихъ обитателей. Нашъ проводникъ изъ сосѣдней съ К-цами деревни, расхваливалъ положеніе крестьянъ моего спутника съ завистью, доходившею до озлобленія.

— Дивнѣ было имъ жить, говорилъ онъ. Оброку почитай что не знали, а мы вотъ бьемся да платимъ 30 руб. сер. съ тягла.

В-цахъ тоже платятъ 18 р. съ тягла и гроша нѣтъ недош-

ки... А за вашими, кажись, есть-таки не мало, продолжалъ онъ усмѣхнувшись и обратившись къ помѣщику... Вотъ теперь забѣгаютъ какъ потребуете... Земля у нихъ что ни есть лучшая кругомъ; правда, можетъ въ П-цахъ еще лучше родится хлѣбъ, да онъ тамъ часто мерзнетъ, а въ К-цахъ никогда того не бываетъ.

— Что же крестьяне тамошніе порядочно живутъ, спрашивалъ я.

— Есть всякихъ, отвѣчалъ проводникъ. Да и то сказать, въ подрядъ тамъ только одна семья ѣздить,—все на печи лежать.

Эти злобные отзывы, разумѣется, были не безъ пріятности для самолюбія помѣщика и онъ уже съ удовольствіемъ сталъ ждать приближенія къ собственной землѣ.

Вотъ переѣхали мы рѣчку и проводникъ объявилъ моему спутнику: «ваша земля пошла». Дорога тотчасъ же стала еще хуже, и не успѣли мы проѣхать съ версту, какъ стали попадаться на каждомъ шагу огромныя срубленныя деревья, точно въ лѣсу приготовлялась большая лѣсная заготовка.

— Ишь ты какъ работаютъ, проговорилъ нашъ проводникъ, указывая на особенно большія бревна. Да и то сказать, эта воля, эхъ, ты волюшка! На избу лѣсу не бери, — вотъ те и воля; дровъ не руби, — хороша воля! Старшинѣ да старостѣ жалованье плати, да еще сказываютъ и скотъ не пускай по всему лѣсу, а только на землѣ, что нарежутъ. Что-жь это за воля?

Я сталъ увѣрять крестьянина, что лѣсные участки полагаются имъ въ надѣлъ.

— Не знаемъ, что будетъ, отвѣчалъ онъ. Эхъ, ты воля голодная!.. Богъ вѣдаетъ, можетъ и не будетъ такой. Намъ-то, П-скимъ, оброку, сказываютъ, меньше станетъ, — спасибо Господу Богу да Царю батюшкѣ, мы вѣдь 30 р. с. съ тягла несемъ; за то и земли-то станетъ меньше. На семи десятинахъ не разгуляешься. Все-жь намъ, что Бога гнѣвить, все лучше будетъ, а К-имъ не въ примѣръ стало хуже. Сперва жили они на печи; ничего не знали, а теперь въ правленіе тянутъ, — верстъ пятьдесятъ туда да назадъ оттуда шлепай. И оброкъ посредникъ-то безпримѣнно стребуетъ...

— Ну, все-жь тамошніе крестьяне не жалуются, а не бось, рады волѣ, возражалъ я.

— Еще какъ жалуются-то, отвѣчалъ проводникъ

Наконецъ открылась передъ нами затопленная грязью одна изъ К-ихъ деревень и мы ускорили шагъ, какъ это всегда, почти невольно, дѣлаешь, подѣзжая къ цѣли пути.

Передъ самую деревню нельзя было не замѣтить множество новыхъ срубовъ на избы, гумна и проч. Вообще въ настоящемъ году помѣщичью деревню можно тотчасъ отличить по виду отъ казенной. Освобожденные крестьяне рѣшились на прощанье съ своими барами запастись строевымъ лѣсомъ съ тѣхъ участковъ, которые, повидимому, должны отойти къ помѣщику. По этой-то причинѣ господская деревня состоитъ теперь чуть-ли не на половину изъ новыхъ построекъ.

Мы пріѣхали въ К-цы въ праздникъ; когда весь народъ сидитъ въ деревнѣ. Заслышавъ о прибытіи помѣщика, крестьяне забѣгали изъ избъ въ избу. Скоро и мужики и бабы и старъ и младъ высыпали на улицу поглазѣть на барина. Большинство стояло въ какомъ-то тупомъ изумленіи и испугѣ; только старики и хозяева дерзнули подойти къ барину и поздороваться и поклониться ему въ ноги. Многие прямо начинали съ благодарности за прошлое и просили не оставить впродъ.

Не смотря на то, что помѣщикъ прислалъ особаго чловѣка для постановки избы на его пріѣздъ, оказалось, что избу еще только начали. Намъ пришлось поселиться на чистой половинѣ у какого-либо крестьянина и такимъ образомъ провести лѣто буквально въ средѣ крестьянства. Къ счастью, у К-ихъ крестьянъ было достаточно чистыхъ избъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ деревню прибѣжалъ сельскій староста, выбранный крестьянами и жившій въ другомъ поселкѣ. Сей почтенный мужъ, увидѣвъ барина, бухнулся въ ноги и заплакалъ, «отъ радости,» какъ онъ объяснялъ въ то же время. Староста Никифоръ просилъ помѣщика остановиться у него и тотъ согласился.

Мы отправились вмѣстѣ съ Никифоромъ въ деревню, гдѣ жилъ онъ. Снявъ шапку, этотъ главный сельскій начальникъ пропустилъ насъ впередъ по дорогѣ и пошелъ сзади, какъ-то особенно униженно изгибаясь. Мы никакъ не могли уговорить его, чтобы онъ накрылъ свою старую голову.

Дорогою староста завелъ рѣчь о старомъ житьѣ, о волѣ и старался вывѣдать намѣренія помѣщика на будущее.

— Что грѣха таить, — много благодарны мы вамъ, батюшка Иванъ Ивановичъ, говорилъ староста помѣщику. Жили мы за

вами, какъ у Христа за пазухой и никто не смѣлъ тронуть насъ. Много благодарны.

Этотъ же самый Никифоръ Андреевъ въ былыя времена, вѣзшая къ барину въ Петербургъ, много жаловался на горькую жизнь въ К-цахъ.

— Теперь Богъ дастъ еще лучше будете жить, промолвилъ помѣщикъ.

— Нѣтъ, батюшка Иванъ Ивановичъ, старые годы прошли. И не ждали мы этой воли, — какъ съ неба упала. И никто не спрашивалъ насъ объ ней.

— Неужели ужь и не ждали воли? спросилъ я старосту.

— Толковать то, толковали. Съ тѣхъ поръ какъ помню себя все говорили: вотъ будетъ воля черезъ годъ. черезъ два, наконецъ бросили толковать. а она тутъ-то и есть, словно снѣгъ на голову.»

— Ты какъ будто не радъ воли?

— Эхъ, батюшка, давно старики сказывали, что эта воля доведетъ до неволи.

— Да вѣдь такъ не вышло?

— Вышло земли меньше, платежу больше.

— Полно, такъ-ли.

— Вѣрно, батюшка.

— Ну, хоть и такъ,—за то стали вольные и все что есть у тебя никто ужь не отниметь, а сперва вѣдь и кафтанъ на плечахъ былъ не свой.

— Мы, батюшка, отъ своего помѣщика обидѣ не терпѣли, отвѣчалъ мнѣ староста съ упрямомъ.

— Вы могли перейти къ худому барину и тогда вспомнили бы о волѣ, возражалъ я.

— Такъ-то оно такъ, только прошли старые годы. Вотъ теперь правленіе завели и кажинный приказъ ты долженъ исполнить. Ничего, тебя не спросятъ, кромѣ того, что сложили. Теперь пошли платежи на правленіе. Начальству годъ отъ году больше: и становой, и исправникъ и посредникъ и слѣдователь какой-то. Сказываютъ, что впередъ еще больше будетъ.

— Теперь жениться можно, на комъ хочешь, отвѣчалъ я старостѣ, чтобы прекратить разговоръ.

— На счетъ женитьбы точно лучше стало; много мы малялись по невѣстамъ, а все старые-то годы ушли. Теперь, знай да работай, не заснешь, отвѣчалъ Никифоръ Васильевъ.

Приведа насъ въ свою чистую избу, староста усадилъ барина въ красный уголъ и побѣжалъ за угощеніемъ.

Въ почетномъ углу, по бокамъ образъ, красовалось два большіе портрета государя, портретъ императрицы и нѣскольکو картинокъ, изображавшихъ разводъ, со свитой, черкеса и проч.

Прибѣжавъ вскорѣ съ крынками молока, староста засталъ насъ въ разсматриваніи его картинъ.

— У тебя здѣсь, кажется, четыре портрета царя, сказалъ я Никифору. Вотъ этотъ портретъ больше всего похожъ.

Никифоръ Васильевъ сталъ вмѣстѣ съ нами разсматривать изображенія государя и въ тоже время съ великимъ одушевленіемъ расхваливалъ императора. Нѣсколько разъ потомъ я былъ свидѣтелемъ огромной популярности государя и великаго князя Константина Николаевича. Крестьяне, не довольные рѣшеніемъ дѣла, идутъ въ Питеръ и подають тамъ просьбы государю и в. к. Константину Николаевичу. Одинъ изъ — ир — ихъ хозяевъ, проигравъ тяжбу съ мѣстнымъ богатымъ купцомъ, три раза «ходилъ къ царю» подавать просьбу. Ему приказали наконецъ обратиться по инстанціямъ и потребовали подписки, что впредъ не будетъ беззаконъ государя. Крестьянинъ отказался дать подписку, говоря: «дѣлайте со мной, что хотите», и при насъ въ четвертый разъ пошелъ къ царю. Я слышалъ здѣсь на мировомъ сѣздѣ, какъ крестьянинъ, недовольный рѣшеніемъ, шавоинилъ посредникамъ, что онъ уже ходилъ однажды къ В. К. Константину и шавоинилъ шавоинитцу.

— Какъ же ты жалуешься на волю? спросилъ я Никифора, въ отвѣтъ на его похвалы Государю.

— Да, вѣдь, батюшкѣ Царю надо на всѣхъ угодить, чтобъ всякому было хорошо, а земли намъ, точно, мало, отвѣчалъ онъ.

— Да такъ-ли? въ правду, мало-ли?

— Ужь сказать по душѣ, самую правду?

— Говори, пожалуйста.

— Мало земли, батюшка, и сказываютъ, нашъ братъ въ томъ причиненъ. Года три назадъ толковали про эту волю и ѣздили чиновники, писали, сколько у кого земли. Такъ крещенье-то думали, что коли земли скажутъ много, а платежа сдѣлаютъ больше. Ну, и сказали самую малость.

Дѣйствительно, здѣшніе помещики не живутъ въ своихъ дѣ-

ревныхъ, и я слышалъ, что свидѣнія для губернскаго комитета собирались чиновниками. Депутатомъ отъ Олонецкой губерніи, въ редакціонныхъ комиссіяхъ былъ г. Зоммеръ, — помѣщикъ Новоладожскаго уѣзда Петербургской губерніи. Теперь онъ тамъ посредникомъ.

— Такъ семь десятинъ мало? спрашивалъ помѣщикъ.

— Слышали мы, что семь десятинъ будутъ наръзать, а какъ это десятина, не знаемъ. Велика-ль она, води вѣдай. Не обидьте, батюшка, и староста поклонился низко.

— У сосѣдей вашихъ есть-ли уставныя грамоты?

— Не слышать, батюшка, все по старому. Сказываютъ въ Г—цахъ, далеко отсюда, сдѣлали грамоту, только крестьяне не подписываютъ ее.

— Отчего-жь такъ?

— А не могли знать.

— Ну, скажи по правдѣ, не новаго-ли указа ждете?

— Всяко толкуютъ теперь, не знаешь, кому вѣрять.

Такимъ образомъ читатель видитъ, что предстояла порядочная работа для составленія уставной грамоты, тѣмъ болѣе, что помѣщикъ былъ совершенно незнакомъ съ истинными условіями хозяйства и потому не могъ знать, какую величину надѣла сдѣловало предложить крестьянамъ. Но крайней мѣрѣ, онъ зналъ, что вопросъ о размѣрахъ надѣла, хотя объ немъ совершенно молчатъ наша литература, можетъ быть, самый важный въ крестьянскомъ дѣлѣ. Это легко видѣть изъ двухъ-трехъ соображеній. При достаточномъ надѣлѣ крестьяне дѣлаются самостоятельными земледѣльцами, а въ противномъ случаѣ, смотря по количеству земли, могутъ испуститься чуть не до бобыля. Во Франціи, при тамошнихъ дробленіи земель, есть же землевладѣльцы пролетаріи. Я говорю эти сужденія о надѣлѣ совершенно теоретически, нисколько не принимая ихъ къ размѣрамъ надѣла, принятаго Положеніемъ для обезпеченія быта и исправнаго управленія повинностей крестьянъ.

Мой спутникъ, хотя бы изъ одного самолюбія, хотя бы ради будущихъ хорошихъ отношеній съ крестьянами, хотѣлъ сдѣлать для нихъ даже такія уступки, которыя Положеніемъ не могло поставить обязательными для помѣщиковъ. Впрочемъ, давая предположеніе добровольныхъ соглашеній, Положеніе открыло для помѣщиковъ возможность всевозможныхъ уступокъ для крестьянъ.

Мырило послѣднее призывавшій помѣщикъ къ вѣбѣ старосты,

тотчасъ отклонилъ отъ себя всякое вмѣшательство въ дѣла крестьянъ, хотя со всѣхъ сторонъ посыпались разныя жалобы и просьбы, а въ самый день пріѣзда староста даже пришелъ спросить: позволить-ли баринъ крестьянамъ выходить завтра на работу. Отстранивши всякое вмѣшательство въ дѣла міра, теперь признаннаго закономъ, помѣщикъ предался собиранію разныхъ нужныхъ свѣдѣній. Для этого оставалось еще достаточно времени, потому что, не смотря на всѣ старанія, не предвидѣлось еще скорого пріисканія земледѣльца.

Нельзя сказать, чтобы «забытыя деревни» представляли очень отрадное зрѣлище, и чтобы вообще все, что пришлось узнать о бытѣ крестьянства, очень радовало и привлекало.

Крестьяне, пришедшіе въ первое же воскресенье на поклонъ къ помѣщику, тотчасъ наговорили бездну жалобъ и другъ на друга, и на барскаго старосту, и на своего сельскаго. Оказалось, что прежде при крѣпостномъ правѣ староста сдавалъ въ рекруты бѣдныхъ, получая выкупъ отъ богатыхъ, что ни одна свадьба не проходила безъ его притѣсненій и домогательствъ, что передѣлъ земель производился неправильно, что оброкъ и подушныя собирались барскимъ старостою больше, чѣмъ слѣдовало, что помѣщичья усадьба, со всѣмъ ея хозяйствомъ, ограблена и потомъ сожжена, что разныя земли отдавались въ аренду, даже теперь сданы, но арендная плата утаена.

На сельскаго старосту жаловались за пристрастія, за захватъ земель и пр. Тотъ, въ свою очередь, увѣрялъ, что крестьяне безчинствуютъ, не слушаютъ его, обманываютъ и т. д.

— Ничего не подѣлаешь, говорилъ онъ. Руками не ходи, обиднымъ словомъ не назови, всякій тебя гонить, а начальство спрашиваетъ. Ужь трое старость по три рубля штрафу платил. Она, черти, жалуются на меня, а сами положили мнѣ жалованье и не платятъ. Спросишь у нихъ деньги на сходѣ, а они молчатъ, возьмутъ шапки да уйдутъ. Я ужь буду просить посредника, чтобъ впередъ безъ жалованья служить. Пусть за меня повинности платятъ и чтобъ лошадь всегда у крыльца стояла, какъ у другихъ водится.

Промежъ себя, какъ оказалось, крестьяне совершенно перессорились. Каждый помянулъ что-нибудь за другимъ, кто драку, кто потраву, всегда приходящую къ потасовкѣ, либо хозяина виноватаго скота, либо самой скотины... Бѣдные жаловались на притѣсненія миродовъ, а богатые на лѣнь бѣдниковъ. При этомъ

тотчасъ же выдали помѣщику разныя плутни другъ друга и еще жалѣли, что время баръ прошло, что теперь не воротящъ потеряннаго и почти читали лекцію крѣпостнаго права.

— Тимофѣй разбогатѣлъ отъ вашей усадѣбы, рассказывали помѣщику. Да теперь, что по пусту говорить, а прежде взяла бы отъ него во дворъ сперва дочь, онъ въ ней души не чаеъ, потомъ сына, и Тимошка все бы отдалъ, только чтобы дочери да сына не брали.

Крѣпостное право, если не было здѣсь на столько сильно, чтобы забить крестьянъ, то все же оно успѣло достаточно развратить ихъ. Разумѣется, и здѣсь, какъ во всемъ, есть много исключеній, но нельзя не согласиться, что еще не малое время крѣпостное право оставило свои пагубныя слѣды.

Кромѣ того, пришлось убѣдиться, что въ забытыхъ деревняхъ благосостояніе заработано далеко не всеми крестьянами, а у нѣкоторыхъ нѣтъ даже ни коровы, ни лошади. Видѣть такую бѣдность на ряду съ значительнымъ довольствомъ и даже состояніемъ другихъ семей, было особенно неприятно.

Здѣшніе крестьяне платили оброкъ меньшіи, чѣмъ подати государственныхъ крестьянъ, владѣли лучшею землею въ околodкѣ, имѣли въ своемъ распоряженіи огромный лѣсной островъ и жили далеко хуже сосѣдей. Въ самомъ дѣлѣ, страшное обстоятельство! но, указывая на деревни Подборье, Варвиничи, Кукасъ и пр., гдѣ былъ значительный оброкъ, я могу утверждать, что крестьяне, платившіе меньше, напр., государственные, живутъ, вообще говоря, хуже, чѣмъ обремененные налогами. Не произошло-ли это оттого, что деревни, обложенныя большими платежами, должны были взяться за промыслы, и такъ въ богатомъ теперь Подборьѣ появилось горшечное производство, въ Варвиничахъ разнаго рода торговля, въ Кукасѣ, средоточіе занятія лѣсными подрядами и пр. Для здѣшней же мѣстности гораздо болѣе свойственны промыслы, чѣмъ земледѣліе.

Во всякомъ случаѣ, помѣщику К—цъ было досадно видѣть, что всѣ льготы, которыми пользовались его крестьяне, мало пошли имъ въ прокъ. Не разъ удавалось слышать, какъ сосѣдніе мужики смѣялись надъ судьбою К—цъ. Они рассказывали, что прежде, когда не было льготъ, К—цкіе крестьяне умѣли ходить на заработки и промыслы, а потомъ бросили и завалились на пѣчъ выполнять идеалъ Ояти.

Надѣмся, что судьба насъ помилуетъ, и что никто не заклю-

чить изъ нашихъ словъ, чтобы слѣдовало развивать благосостояніе крестьянъ усиленными поборами. Старые годы прошли и съ тѣмъ вмѣстѣ исчезаетъ прежнее тяготѣніе къ состоянію раба, вызванное такими страшными обстоятельствами, и стародавняя русская лѣнь начинаетъ падать и возбуждать смѣхъ. Прежніе порядки пройдутъ сами собой, безо всякихъ операций. Освобожденіе крѣпостныхъ и ожидаемое преобразование устройства государственныхъ крестьянъ, обезпечивъ за работникомъ земли его имущество, поднявъ его достоинство, всего скорѣе изгладятъ слѣды разныхъ родовъ и видовъ прежней крѣпостной зависимости.

Не смотря на неоспоримую лѣнь, доказываемую напр. совершеннымъ и всѣмъ извѣстнымъ неучастіемъ иныхъ деревень въ лѣсныхъ заготовкахъ по сосѣдству, крестьяне слишкомъ хорошо дѣляютъ матеріальное благосостояніе, и можно сказать, что оно часто почти перевѣшиваетъ все прочее въ ихъ расчетахъ.

Отчего, спросите вы, такая-то дѣвушка не идетъ за-мужъ? «Дома работница нужна, а вотъ какъ сына женить и ее отдать, отвѣтятъ вамъ. Отецъ-то все ее ребенкомъ называетъ, а дѣвкѣ ужъ двадцать-пять лѣтъ. Крѣпкій старикъ, его не проймешь. Да, говорятъ, загуляла, такъ теперь отдадутъ». Отчего Иванъ не женится? «И безъ того въ семьѣ дѣвокъ много, отвѣчаютъ вамъ. Вотъ Федора такъ хотять женить, у нихъ работницы все нѣтъ».

— Отчего Марья въ дѣвкахъ осталась, Петръ холостъ?

— Да какая Марья работница, кто ее возьметъ? А Петръ убогій, за него ни одна дѣвка не пойдетъ.

Подобные отвѣты мнѣ случалось слышать безпрестанно. Даже на самую смерть одного изъ членовъ своихъ, рабочая семья смотритъ прежде всего, какъ на экономическую потерю. Мнѣ пришлось удостовѣриться въ этомъ достаточно потрясающимъ образомъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ помѣщика крестьяне пришли просить его, чтобы онъ навѣстилъ ихъ избы, («не оставялъ-ль почесать»). Я отправился вмѣстѣ съ помѣщикомъ обходить избы, а судьба оказалась намъ странное мученіе. Быва козлина уснѣвалъ ввостъ барина въ избы, какъ вся семья, собравшая въ ней для паралича случаи, одинъ за другимъ падала въ ноги помѣщику, и жотонъ шла поцѣловаться съ нимъ, по русскому обычаю, во три разъ. Между тѣмъ столъ уже былъ накрытъ скатертью и на ней раз-

ложены ложки. Послѣ поклона хозяйка тотчасъ бѣжала за кушаньемъ, а хозяинъ просилъ садиться и рѣзалъ хлѣбъ. Не смотря на всевозможные отказы, слѣдовало отвѣдать въ каждой избѣ: яичницу, молока, калитокъ, рыбняка, сушеныхъ ягодъ, киселя, овсяныхъ блиновъ и пр. и пр., а у богатыхъ кромѣ того пить чай и отмаливаться отъ водки. Отказъ отъ водки хозяинъ принималъ точно обиду, и нельзя было не отвѣдать всякаго яствія. Послѣ трехъ-четырехъ избъ, обходъ сдѣлался пыткой; мы пробовали удрать, но крестьяне, еще не посященные, просто вопили и оскорблялись. «Чѣмъ же мы обидѣли васъ, батюшка? чѣмъ мы хуже другихъ?» говорили они съ упрекомъ.

При такомъ-то обходѣ, войдя въ одну избу, я страшно перепугался. Со скамьи, со стономъ и кашлемъ поднялся больной дряхлый старикъ, съ страшною печалью близкой смерти на лицѣ, съ сильно опухшими ногами. Умиравшій повалился въ ноги помѣщика, и тотъ буквально долженъ былъ поднять его: старикъ не могъ встать.

— Больно плохо, батюшка баринъ, еле дышитъ, поясняла семья.

Мудрено было сѣсть за угощеніе въ двухъ шагахъ отъ умирающаго, но онъ усердно просилъ: «почестить его, отвѣдать, что Богъ послалъ». Старикъ съ страшными усиліями и хрипотою проговорилъ эти слова.

Къ этой ужасной сценѣ крѣпостнаго быта прибавились еще причитанья семьи. Она жаловалась, что со смертью старика убудутъ рабочія руки, что болѣзнь его, за немѣніемъ дѣтей, задерживаетъ одного изъ парней и вычисляла свои убытки.

И это говорилъ молодой парень, самый честный и прямой въ деревнѣ, святая душа.. Умиравшій слушалъ его расчеты, поддакнулъ имъ, но онъ не услышалъ ни одного слова сожалѣнія.

Я сперва не вѣрилъ своему впечатлѣнію, но потомъ нѣсколько разъ убѣдился изъ разговоровъ, что дѣйствительно рабочій людь смотритъ на смерть, *во-первыхъ*, какъ на экономическую потерю. Это, можетъ быть, отчасти объясняется, между прочимъ, тѣмъ страшнымъ деспотизмомъ большака, который давить семью и разъединяетъ ее членовъ. Нерѣдко самый добрый и гостеприимный или рахманный, какъ говорятъ здѣсь, отецъ семейства за пустое считаетъ сѣздить сына коломъ по головѣ. Впрочемъ, теперь отцы жалуется на дѣтей и вспоминаютъ старые годы.

«Тогда бывало, говорятъ они, каждый день спросишь у матушки, на какую работу идти, а теперь сыновья на споръ пошли; суди съ ними, какъ работы вести».

Въ крестьянскихъ семьяхъ имущество нераздѣльное, общее и имъ всегда распоряжается большакъ, впрочемъ, большею частью по совѣтамъ съ женой и съ старшими членами семьи. Такъ, напр., сыновья, не раздѣлившись послѣ отца, даютъ управленіе домохъ либо дядѣ, либо болѣе толковому брату, и онъ уже требуетъ, чтобы его слушали, какъ большака. Впрочемъ, деньги, заработанныя на случайныхъ промыслахъ, а не постояннымъ хозяйствомъ, напримѣръ, охотою, поступаютъ въ отдѣльную собственность членовъ семьи, но это всегда небольшія, карманные деньги, идущія на мелкія покупки.

Въ послѣднее время, крестьянскія хозяйства стали сильно страдать отъ частыхъ раздѣловъ семей. Крестьяне въ одинъ голосъ обвиняютъ въ этомъ несчастіи своихъ бабъ; «кто обнимаетъ, тотъ и отнимаетъ» говорятъ они. Здѣсь при раздѣлахъ имущество дѣлится по ровну между всѣми наличными работниками семьи, при чемъ отецъ имѣетъ такую же часть, какъ и каждый изъ взрослыхъ сыновей. При значительномъ количествѣ малолѣтнихъ дѣлаются отступленія отъ такого дѣлежа въ пользу отца, у котораго остаются ребятишки. Впрочемъ, большакъ всегда сумѣетъ схоронить часть денегъ отъ передѣла. Изъ этого обычая выходитъ, что женатый сынъ, съ малыми ребятами, которыхъ надо кормить семьѣ, всегда охотнѣе отпускается, чѣмъ членъ семейства, имѣющій мало недоростковъ. При раздѣлахъ наблюдается, чтобы изба, гдѣ жилъ отецъ, перешла младшему сыну, а связь старшему. Если много сыновей, то старшимъ либо ставятъ избы, либо даютъ при передѣлѣ деньги на постройку.

При теверешнемъ богатствѣ земли все благосостояніе семьи зависитъ отъ числа рабочихъ рукъ. Малолѣтныя всегда живутъ бѣднѣе и безпрестанно вы слышите, что вотъ такой-то былъ богатъ, пока братья были живы, а теперь совѣмъ обнищалъ послѣ нѣкоторыхъ невгодъ. Раздѣлы семей должны чрезвычайно уменьшить общее благосостояніе крестьянства, но задержать ихъ невозможно.

Я говорилъ выше, что пріѣхавшій со мною помѣщикъ рѣшился совершенно не виѣшиваться въ дѣла своихъ бывшихъ крестьянъ, хотя они безпрестанно просили его виѣшательства. Только

разъ помѣщикъ по просьбѣ всего міра измѣнилъ своему невѣжеству, по поводу возвращенія бѣдному мальчику избы его отпа, захваченной большою и богатою семьею. Мнѣ, какъ поклоннику крестьянства, какъ человѣку, пользовавшемуся гостеприимствомъ здѣшнихъ крестьянъ, непріятно сказать, въ чемъ именно состояло вмѣшательство помѣщика. Онъ долженъ былъ просить посредника, — настоять, чтобы міръ хотя чѣмъ-нибудь рѣшилъ это дѣло. Крестьяне боялись произнести рѣшеніе противъ богатой семьи, хотя сильно желали его. Въ присутствіи посредника сходъ почти единогласно отнялъ избу у захватившихъ ее. Я сказалъ почти единогласно, потому что недовольные (это были родственники и кумовья виноватыхъ), какъ всегда бываетъ, поспорили и потомъ замолчали, увидѣвъ, что большинство тянетъ въ другую сторону. Счета голосовъ, разумѣется, какъ всегда, не было. Предоставляю рѣшить читателю, было-ли постановленіе схода единогласно или слѣдуетъ считать несогласными съ рѣшеніемъ большинства всѣхъ, кто при окончаніи спора угрюмо и недовольно молчалъ.

Какія же отношенія установились между крестьянами и пріѣхавшимъ помѣщикомъ?—Большое недовѣріе къ нему и, если судить съ нашей точки зрѣнія, даже грубыя оскорбленія на ряду съ разными услугами и даже ласками со стороны многихъ.

Староста почти каждый вечеръ приходилъ бесѣдовать съ нами и не было конца его пронырствамъ и подходамъ. Другіе крестьяне вели ту же хитрую политику.

Помѣщикъ рѣшился простить крестьянамъ ихъ огромную недоимку, но послѣ его обѣщанія они нѣсколько разъ просили объ ней и путали дѣло. Платившіе оброкъ исправно объявили себя обиженными и указывали на одного крестьянина, какъ на подговорщика къ неплатежу. Пришлось обѣщать, что съ него будетъ востребована хотя часть недоимки. Другіе ворчали на одного мироѣда, бывшаго прежде старостой и утаившаго много добра изъ магазиновъ и заведеній усадьбы. «Намъ обидно, что ему и наше добро пошло и два года онъ насъ на себя работать гонялъ,» говорили они. Не смотря на справедливость такихъ претензій, вскорѣ пришлось убѣдиться, что подъ ними скрываются личные счеты крестьянъ.

Помѣщикъ сталъ платить за все по цѣнамъ, назначеннымъ сходомъ. Міръ заломилъ цѣны громадныя, надъ которыми сами крестьяне смѣялись. Одинъ разъ намъ довелось слышать,

съ какимъ убійственнымъ хохотомъ подговаривали они одного изъ сосѣднихъ мужиковъ заломить за принесенную имъ птуну цѣну по неслыхантѣе.

Довелось узнать, что крестьяне рѣшились просить валежника, намѣреваясь поводить лѣсу побольше и потомъ вывезти новыя бревна, какъ бы старыя, какъ буреломъ.

Когда заходила рѣчь о будущихъ отношеніяхъ, то крестьяне большею частію уклонились отъ разговора, и ясно показывали, что не вѣрятъ словамъ помѣщика, особенно о новой волѣ.

Какъ ни неприятно глубокое недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ, тѣмъ не менѣе оно совершенно понятно. Не говоря уже о разности взглядовъ, наклонностей и всей жизни, не говоря о воспоминаніи прошлаго, крестьяне относительно теперешней минуты искренно никакъ не могутъ представить себѣ, чтобы помѣщики, терпящіе значительные убытки отъ воли, были довольны ею и потому подозреваютъ баръ въ разныхъ козняхъ противу освобожденія. Точно также крестьяне не могутъ видеть выгоды для помѣщика разныхъ пожертвованій и предвидать въ нихъ что-то не чистое, которое, при чувствуемомъ имъ недостаткѣ свѣдѣній и развитія, озлобляетъ крестьянъ даже болѣе, чѣмъ замашки прежняго произвола. Замѣчательно, что одинъ здѣшній мѣлопомѣстный крѣпостникъ, прямо оказавшій имъ при крестьянахъ, что вѣроятно я всегда буду на сторонѣ своихъ, а не за крестьянъ, пользуется большимъ довѣріемъ, чѣмъ либеральные, болѣе развитые бары, желающіе сдѣлать всякія уступки своимъ крестьянамъ. Съ разсчетомъ простаго крѣпостника имъ понятнѣе вести дѣло, чѣмъ съ невиданными прежде, часто неловкими и странными для крестьянъ филантропическими замашками. И то сказать, какъ часто обжигалось крестьянство на подобный же овечьей шкурѣ и при слѣдствіяхъ и въ торгавлѣ между собою.

Очень часто въ либеральномъ помѣщикѣ крестьяне видятъ именно волка въ овечьей шкурѣ. Они не могутъ понять, какимъ образомъ уважаемый ими прежде Багровъ могъ явиться вдругъ чуть-ли не въ образѣ пеликана, кормящаго своею грудью. Что-то не такъ, думаютъ они.

Къ тому же многіе господа весьма неблагоразумно поддерживаютъ подобное мнѣніе о помѣщикахъ.

VIII.

ДѢЛА О ПОТРАВАХЪ.

Указъ «о итрахъ къ охраненію земельныхъ угодій отъ по-
травъ и другихъ поврежденій» и прочелъ въ деревнѣ, въ сре-
динѣ юля, когда хлѣбъ сталъ наливатьсѣ и поправки или *по-*
лости, какъ говорятъ здѣсь, случались почти ежедневно и вол-
новали крестьянскій людъ. Толки о разныхъ случаяхъ поправки
даже пересилили на время самыя слухи о жигаряхъ.

Полная беззащитность хозяина отъ всякаго, самаго злонамѣ-
реннаго побоя хлѣба и травы, невозможность найти управу да-
же на прямой захватъ земли, составляли одно изъ самыхъ воюю-
щихъ неустройствъ здѣшней мѣстности и представляли не-
преодолимую преграду для развитія земледѣлія. Въ послѣднее
время почти никто не шелъ искать за поправу, но вовсе не
изъ братской любви, будто бы заставляющей русскаго человѣка
уклоняться отъ суда, а просто по сознанію совершенной бесполез-
ности всякихъ хлопотъ. Судъ у чиновниковъ, какъ говорятъ
крестьяне, «шелъ на деньги», а поправки рѣдко бывали столько
дѣльны, чтобы вознагражденіе за нихъ могло окутить ту сумму,
которая была нужна, чтобы поднять становаго съ мѣста для
поѣздки на дознаніе. Дѣла о поправкахъ, не переходя въ судъ, рѣ-
шались драками и ссорами заинтересованныхъ сторонъ. Попра-
вы часто были зародышами вражды нѣкоторыхъ семействъ,
ожесточенной ненависти, передаваемой изъ поколѣній въ поколѣніе.
Относительно поправки мы можемъ прямо сказать, что отсутствіе
суда вело вовсе не къ развитію братской любви, а къ крова-
вымъ расправамъ и къ непримиримой враждѣ сосѣдей.

Я разскажу здѣсь одинъ случай изъ нѣсколькихъ десятковъ
подобныхъ же приключеній, о которыхъ мнѣ доводилось слышать.
Крестьянинъ Григорій Александровъ какъ-то не укараулил сво-
ихъ лошадей и онѣ поправили овесъ его сосѣда Егора Никифо-
рова. У Григорья было нѣсколько взрослыхъ сыновей и это
семейство не только не стѣснялось относительно другихъ семей,
гдѣ сыновья были еще малы, но даже производило разныя безчлн-
ства въ деревнѣ, напр. отымало избы у малолѣтнихъ. Свидѣтелей
противъ нихъ часто не находилось, всѣ старались уклоняться, боясь
многовзрослой семьи Григорья, и притѣсненія ея оставались
безнаказанны. Между тѣмъ ко времени поправки овса въ семьѣ

Егора подросло двое взрослыхъ парней. И вотъ они вѣсть съ отцомъ подкараулили въ лѣсу Григорья и по здѣшнему обычаю проломили ему коломъ голову. Григорья привезли замертво и съ тѣхъ поръ онъ постоянно хвораеть. Разумѣется, онъ глубоко за- таилъ въ себѣ вражду. Черезъ нѣсколько времени въ деревнѣ случилась бѣда, — бѣглый солдатъ, проживавшій здѣсь уже нѣ- сколько лѣтъ, упалъ пьяный съ крыльца и убится. Разумѣется, это грозило наѣздомъ слѣдствія и открытіемъ пристанодер- жательства, очень частаго здѣсь еще недавно. Крестьяне рѣ- шились потихоньку схоронить убишагося и молчать; но Гри- горій донесъ начальству. Становой, впрочемъ, отобралъ у Гри- горія показаніе, при постороннихъ свидѣтеляхъ-крестьянахъ, ко- торые, разумѣется, тотчасъ дали знать въ деревню, гдѣ случи- лась бѣда. Отдѣленіе не нашло въ могилѣ ничего. Крестьяне спря- тали мертваго въ лѣсу. Григорій узналъ мѣсто, куда снова за- капали покойника и опять донесъ и опять отдѣленіе ничего не нашло. Трупъ уже былъ брошенъ въ рѣчку. Одинъ изъ со- сѣднихъ крестьянъ, проѣзжая мимо рѣки, увидалъ ноги мертваго въ водѣ, сталъ болтать, но его угомонили рублемъ серебра и на- конецъ сожгли трупъ въ кострѣ. Крестьяне, укрывавшіе бѣглаго, перепугались странно, боялись, что всей деревней пойдутъ въ Сибирь, и понятно, какъ они возненавидѣли съ тѣхъ поръ Гри- горьеву семью. Теперь и мѣръ и сельскій староста допекаютъ ее при каждомъ случаѣ и стараются отнять отъ нея старья хищенія. Григорьева семья съ своей стороны пакостить міру сколько воз- можно и даже рубить бревна не на помѣщичьей, а на крестьян- ской землѣ. Мелкихъ ссоръ между ними нѣсть числа.

Вотъ къ какой братской любви вело послабленіе суда, будто- бы столько родное сердцу русскаго человѣка.

Настоящіе, невоображаемые крестьяне на самомъ дѣлѣ не мо- гутъ не пожаловаться на прежнее отсутствіе расправы по по- травамъ. Нѣкоторые зажиточные мужики отказываются отъ са- мыхъ лакомыхъ имъ кусочковъ земли, опасаясь «пакости» сосѣ- дей. Они обѣщали нѣкоторымъ помѣщикамъ и въ томъ числѣ моему спутнику, взять нѣкоторые участки въ аренду или, еще лучше, купить, когда явится дѣйствительная защита отъ потра- вы. Теперь они ссылаются на то, что самъ мировой посредникъ не можетъ защитить своихъ луговъ отъ сосѣднихъ государ- ственныхъ крестьянъ, безпрестанно спускающихъ на нихъ свой скотъ. Съ какимъ одушевленіемъ, съ какимъ задоромъ разска-

зываютъ намъ крестьяне о нѣкоторыхъ случаяхъ потравъ и разбирательства по нимъ. Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ.

— Когда я былъ старостой, говорилъ намъ сѣдой, умный старикъ, — призвала меня барыня и приказываетъ ѣхать въ П-цы, отобрать тамъ теленка у Микши и отдать его Григорью. — «Микша, молъ, убилъ на своей нивѣ Григорьева теленка, такъ праведно ли я рѣшила?» спрашиваетъ меня барыня. — Воля ваша, говорю ей. — «Такъ стало я не такъ разсудила?» опять спрашиваетъ. — Молчу, а она ну пристасть, — «говори, праведный ли я судія?» — Матушка, барыня, сказалъ я, былъ у меня купецъ знакомый. онъ старичокъ часто говаривалъ: надо, чтобъ волки были цѣлы и овцы сыты. — «Что-жь ты говоришь, спрашиваетъ опять, — не поняла, значить. Я ей и сказалъ: да разсуди, барыня, можетъ нива Микшина стоить двѣсти рублей, а теленокъ всего полтора. Можетъ, Григорій-то ужъ давно надоѣлъ Микшѣ тѣмъ, что скотъ спускаетъ. Надо дѣло разобрать, а потомъ рѣшить, хотъ Микшу и дуй, чтобъ не самоправствовалъ...»

До сихъ поръ въ здѣшней мѣстности не было еще примѣненія новыхъ правилъ о потравахъ, но большинство крестьянъ не вѣрило нашимъ словамъ, что можетъ будетъ сколько либо праведный судъ по потравамъ. — «Не бывать этому, баринъ, все на деньги пойдетъ», говорили намъ. «Ну, кто пойдетъ въ свидѣтели со стороны?» — Староста потребуетъ свидѣтелей, отвѣчалъ я. — «Со стороны-то всякій старосту къ чорту пошлетъ, а коли съ той же деревни свидѣтель, такъ на что онъ? И къ сотскому сосѣди не пойдутъ.» — Мировой посредникъ пріѣдетъ, осмотритъ траву и рѣшитъ споръ, продолжалъ я.

— «Поѣдетъ мировой посредникъ сотню верстъ для потравы! Да этого статься не можетъ».

Крестьяне вообще также не довѣряютъ надеждамъ на хороший судъ, какъ и расположенію баръ къ «волѣ». Устройство суда, возбуждающаго уваженіе, должно произвести цѣлый переворотъ въ правахъ.

Укажемъ здѣсь на нѣкоторыя мѣстныя народныя воззрѣнія на потравы, которыя, разумѣется, не могли войти въ указъ о сохраненіи земельныхъ угодій, но которыя могутъ быть приняты въ соображеніе будущими мировыми судьями. По всегдѣшной сравнительной малоцѣнности, дѣла о потравахъ будутъ подлежать мировому разбирательству.

Здѣшніе крестьяне думаютъ, что не столько хозяинъ скота

долженъ караулить свой скотъ отъ погравы, сколько хозяинъ пашни или сѣнокоса обязанъ беречь свою землю отъ скота, т. е. хорошо огораживать ее. Въ указѣ о предохраненіи поземельныхъ угодій проведенъ, напротивъ, взглядъ, что хозяинъ пашни, хотя бы онъ вовсе не ограждалъ ея, имѣетъ право захватить забредшій на нее скотъ.

Здѣшнее воззрѣніе сложилось подъ вліяніемъ особыхъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Чтобы объяснить ихъ, надо сказать нѣсколько словъ объ оригинальныхъ лѣсныхъ пастбищахъ.

Въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, какъ и въ большинствѣ мѣстностей лѣсной полосы, самое слово выгонъ неизвѣстно; хотя въ уставныхъ грамотахъ пишется, что крестьянамъ оставляется ихъ прежній выгонъ, но пастбище скота въ лѣсу (т. е. настоящій здѣшній выгонъ) крестьяне обязаны имѣть на отведенномъ имъ надѣлѣ, а не по всему лѣсу, какъ было прежде. Понятно, что чѣмъ яснѣе растолкуетъ посредникъ статью о выгонѣ, тѣмъ труднѣе ему объяснить статью о пастбищахъ.

Скотъ, какъ мы сказали, пасется въ лѣсу, и, при здѣшнемъ недостаткѣ рабочихъ рукъ, часто безъ пастуха. Лѣтомъ для пастбища огораживаютъ вокругъ деревни достаточное пространство остью, который не пускаетъ скотъ съ одной стороны на поля, а съ другой, дальше въ лѣсъ. Дороги, проходящія черезъ остью, загораживаются особыми воротами, о которыхъ мы уже говорили. Всѣ пашни, находящіяся въ остью, обносятся изгородью и такимъ образомъ скотъ гуляетъ себѣ на свободѣ между заборами. самъ вечеромъ приходитъ домой, спасаясь отъ оводовъ, а утромъ самъ уходитъ въ лѣсъ на кормъ.

На поляхъ, оставленныхъ подъ паръ, не кормятъ скотину, вслѣдствіе здѣшнихъ раннихъ посѣвовъ. Озимые хлѣба заставляются въ концѣ іюля; отдыхающее поле нужно поднять еще до сѣнокоса; это не даетъ времени подняться на пару достаточной травѣ.

Какъ только посѣютъ хлѣбъ, скотина идетъ на заборы и погравы случаются безпрестанно. Съ началомъ жатвы, староста началъ усиленно лепоротать въ правленіяхъ разныя дѣла о «пакоста», доносилъ то о побитіи провинившейся коровы, то объ исколеченныхъ ногахъ заблудшей лошади. Хозяинъ, потерпѣвшій пограву, наверстываетъ ее хотя на бокахъ виновной скотины.

Староста какъ-то явился просить меня писать жалобу въ правленіе на Захара, поломавшего ребра его коровы.

— У Захара за остькомъ есть сѣнной зародъ, рассказывалъ староста. Возлѣ самой дороги стоитъ зародъ и негороженъ. Коровы съ нашей деревни поѣли сѣно, и не одна моя, а всѣ коровы съ деревни. Чтожь Захарка мою заразилъ коломъ. Теперь грозитъ: коли ты староста, не найдешь мнѣ управы съ вашей деревни, я еще не то твоему скоту подѣлаю. Завтра я соберу сходъ, чѣмъ порѣшати, а я согласенъ дать Захару сѣна, сколько слѣдуетъ на мою часть.

На другой день, утромъ, въ избѣ старосты заголдѣлъ на всю деревню сходъ съ домохозяевъ. Читатель, можетъ быть, знаетъ, что Положеніе точно опредѣляетъ составъ признаваемого имъ схода и что собравшійся на этотъ разъ сходъ изъ хозяевъ одной деревни не могъ имѣть законной силы даже въ дѣлѣ, касающемся только его. Крестьяне вообще плохо понимаютъ организацию мирскихъ сходоу и часто составляютъ свой «миръ» по прежнему.

Собравшійся сходъ рѣшилъ, чтобы Захару сѣна не давать. Споръ тотчасъ першелъ въ разсмотрѣніе удовлетворительности изгородей. Захаръ отвѣчалъ, что кугачъ деревни плохъ и что мудро, какъ скотъ не поѣлъ всѣхъ зародоу за остькомъ. Сходъ же толковалъ, что кугачъ хорошъ, но зародъ Захара близко дороги, и потому его слѣдовало городить. Захаръ справедливо возражалъ, что за остькомъ, ни пашни, ни сѣна на лѣто не городятъ, но сходъ настоялъ на своемъ несправедливомъ рѣшеніи. Тогда обиженный объявилъ, что онъ слѣдуетъ всѣмъ обидчикамъ большую потраву и больше того старостѣ.

Крестьяне же грозили Захару, что на будущій годъ поставятъ остькъ дальше, чтобы захватить зародъ Захара внутрь его и тогда ужъ поневолѣ придется городить. Они напоминали, что уже укротили подобнымъ же образомъ Никифора, теперь находившагося въ числѣ ихъ-же хозяевъ провинившейся деревни, и что «спроси Никифора, онъ тебѣ скажетъ, много-ль сѣна собираетъ теперь.»

Черезъ нѣсколько дней Захаръ искалечилъ лошадь обидѣвшей его деревни, и еще грозилъ жаловаться посреднику на «воровское» перенесеніе остька, если оно будетъ исполнено.

Вотъ еще другой случай такого перехода дѣла о потравѣ въ разбирательство изгородей.

И-іе мужики захватили въ своемъ хлѣбѣ Я-ое стадо, произведшее какую-то чудовищную потраву, и черезъ нѣсколько времени отпустили все стадо безо всякаго вознагражденія. Я спрашивалъ у крестьянъ, отъ чего же И-іе крестьяне не жаловались посреднику.

— Доведеть-ли доводить такое дѣло до начальства? отвѣчали мнѣ. Да И-іе прослышали, что по закону въ изгородѣ надо двѣнадцать вѣнцовъ, а у нихъ и двѣ трети того нѣтъ. Такъ еще просили Я-ихъ, возьмите стадо да не жалуйтесь.

Осенью, когда хлѣбъ убранъ и всѣ стоги, скирды, зароды и проч. огорожены, отворяютъ кугачь и пускаютъ скоть по всему лѣсу. Тогда уже ни какія жалобы на потраву, по обычаю крестьянъ, не должны имѣть мѣста; каждый обязанъ наблюдать не за своимъ скотомъ, а за прочностью изгородей.

— Дойдетъ-ли, говорили намъ крестьяне, важннную скотину укараулить. Скотина сама идетъ въ пакость;—скотина,—скотина и есть.

Повторю еще разъ, что здѣсь потравы безчисленны, не смотря ни на какія изгороды, и что дѣла о пакости составляютъ одну изъ главныхъ причинъ, почему умный волостной старшина справедливо замѣтилъ, что здѣшніе крестьяне, — не одной матери дѣтки или, другими словами, почему въ большей части случаевъ такъ мало единодушія въ крестьянскомъ людѣ, если взять его въ значительномъ объемѣ.

Не зная всѣхъ мѣстныхъ подробностей, мы не беремся судить, въ какой степени необходима обязательность изгородей вокругъ выменъ. Замѣтимъ только, что депутаты, вызванные въ редакціонныя комиссіи, жаловались на непомѣрное истребленіе лѣсовъ этими изгородами (см. напр. мнѣніе одного Вологодскаго депутата).

Этотъ вопросъ можетъ быть поднятъ и обсуженъ на сѣздахъ мировыхъ судей, даже при участіи постороннихъ лицъ, если сѣзды судей будутъ походить на сѣзды теперешнихъ посредниковъ, положившіе зародыши самоуправленія. Сумѣемъ же посредники поднять нѣсколько довольно важныхъ мѣстныхъ вопросовъ, хотя бы подъ видомъ иссрививаемыхъ толкованій закона и напр. на здѣшнемъ сѣздѣ я имѣлъ честь слышать *подлаіііе* вопроса объ отравленіи дорожной повинности временнообязанными крестьянами. При теперешнихъ измѣненіяхъ и при независимой выработкѣ ихъ въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ почти не

оказывается закона для сколько либо удобнаго отправления натуральной повинности по дорогамъ. Законъ признавать сперва за единицу, съ которою имѣлъ дѣло, помещицъе ишнѣе, а теперь временнообязанные крестьяне размѣщены на общества, что совершенно иначе, чѣмъ прежде. Вообще съѣзды мировыхъ судей могутъ служить хорошими органами самоуправленія; если нить будетъ дано настоящее развитіе.

Посредники должны въ скоромъ времени опредѣлять такую различныя поправки. Не найдутъ-ли они полезнымъ сдѣлать въ ней различіе для пашень открытыхъ сравнительно съ угороженными?

IX.

СОСТАВЛЕНІЕ И ВВОДЪ УСТАВНОЙ ГРАМОТЫ.

Мѣстный мировой посредникъ, разспрашивая моего спутника объ его предположеніяхъ на счетъ уставной грамоты, предсказывалъ невозможность какого либо соглашенія съ крестьянами, особенно съ избалованными своимъ прежнимъ положеніемъ, и совѣтовалъ даже не хлопотать о соглашеніи, а составить грамоту отъ себя безъ участія крестьянъ. Дѣйствительно, во всемъ уѣздѣ не было еще ни одного примѣра добровольнаго соглашенія на надѣлъ. Самъ посредникъ предлагалъ своимъ крестьянамъ вдвое больше земли, чѣмъ бы слѣдовало имъ по Положенію (ишнѣе посредника лежитъ въ лѣсной части Новолодожскаго уѣзда); вечеромъ семь или восемь толковалъ со стариками и получилъ въ отвѣтъ, что «пусть лучше ужъ будетъ по закону».

— Ну, не пеняйте же на меня, коли обсчитаетесь, а я прикажу наръзать вамъ по закону, сказалъ наконецъ посредникъ.

— «Пенять не будемъ, батюшка», отвѣчали крестьяне. «Тамъ ужъ что будетъ, а теперь всѣ ладятъ по закону и къ грамотѣ, рукъ давать не хотятъ».

Но, предлагая составить грамоту безъ участія крестьянъ, посредникъ совѣтовалъ предоставить имъ гораздо больше земли, чѣмъ слѣдовало бы по закону, такъ какъ семи-десятинный надѣлъ долженъ чрезвычайно стѣснить лѣсное земледѣліе.

Пока мой спутникъ прискивалъ себѣ землемѣра и толковалъ съ крестьянами о будущемъ составленіи уставной грамоты, онъ долженъ былъ убѣдиться, что благоразуміе заставляетъ даже не дѣлать теперь никакихъ попытокъ къ соглашенію, разу-

иѣтся оффициально, на полномъ сходѣ, а не въ разговорѣ съ отдельными лицами, изъ которыхъ и выяснялось настроеніе крестьянъ.— Такое рѣшеніе вызывалось слишкомъ достаточнымъ числомъ причинъ.

Съ каждымъ днемъ приходилось болѣе и болѣе убѣждаться въ непероборности глубокаго недовѣрія крестьянъ. К-іе крестьяне безпрестанно толковали, что такіе-то и такіе-то сосѣди отказались отъ подписи уставной грамоты и что въ К-цахъ не подпишутъ грамоты ни въ какомъ случаѣ. Разумѣется, притня этого лежала въ ожиданіи новой воли, новаго указа, который будто бы будетъ въ скоромъ времени и распространится только на тѣхъ крестьянъ, которые не закрѣпили себя извѣстными поземельными отношеніями къ помѣщику, — подписью уставной грамоты. Читатель очень ошибется, если выведетъ изъ нашихъ словъ, будто крестьяне совершенно убѣждены въ выходѣ новаго указа, въ объявленіи новыхъ льготъ. Совсѣмъ напротивъ. Крестьяне всегда выражаются въ такомъ родѣ: «толкуютъ-де, что будетъ новая воля; а кто же ее знаетъ, будетъ-ли? Мало чего не толкуютъ?». Впрочемъ, этого совершенно достаточно, чтобы крестьяне не подписывали грамотъ. Рабочій людъ такъ много дорожитъ основами своего матеріальнаго положенія, такъ остороженъ въ дѣлахъ относительно его, что даже самая слабая надежда заставитъ его быть противу закрѣпленія себя какимъ либо невозвратнымъ рѣшеніемъ. Къ тому же русскій человѣкъ уже изъ одной привычки поломаться, поторговаться слишкомъ не любитъ взятыя прямо за какое либо рѣшеніе, а тѣмъ болѣе относительно стороны, большую силу и умственное развитіе которой онъ такъ живо чувствуетъ. «Мы люди темные,» твердятъ крестьяне въ отвѣтъ на разныя предложенія, «такъ какъ вы говорите было бь ладно, а можетъ оно иначе выйдеть.» Такими словами сказывается не одно недовѣріе крестьянъ, но и сознаніе своего недостаточнаго развитія.

Уклоненіе отъ подписи грамоты во всякомъ случаѣ отсрочиваетъ рѣшеніе и даетъ надежду на будущее. «Если и не выйдеть новой воли, думаютъ они, то тогда успѣемъ еще перетолковать съ помѣщиками».

— Ну, а какъ не будетъ новой воли, что вы сдѣлаете? спрашивалъ я одного изъ крестьянъ сосѣднихъ деревень, который помѣщика предлагала по двѣ лишнія десятины на душу

и которые отказались отъ прибавки, просили не давать ея, чтобы все оставалось по закону.

— Тогда, отвѣчалъ крестьянинъ, вздохнувъ и почесывая затылокъ,—тогда поидемъ къ барынѣ, поклонимся въ ноги, станемъ просить, чтобы дала.

— А если тогда барыня уже откажетъ?

— Нѣтъ, дастъ, барыня добрая.

По всей вѣроятности, обманувшись въ ожиданіи новой воли, крестьяне пойдутъ къ помѣщицѣ, поклонятся ей въ ноги, — но они явятся передъ барыней далеко не такими беззащитными молебщиками, какъ можно думать на основаніи этихъ возмущительныхъ, но еще глубоко укорененныхъ земныхъ поклоновъ. Дѣло въ томъ, что по мѣстнымъ обстоятельствамъ помѣщики должны ладить съ крестьянами во чтобы-то ни стало, — иначе нѣтъ средствъ сохранить отъ истребленія или сильной потраты помѣщичьи лѣса, главную цѣнность здѣшнихъ мѣстн. а послѣ наръзки крестьянамъ почти единственную.

Съ каждымъ днемъ, какъ прямыя толки съ крестьянами о дѣлѣ, такъ и всѣ мелочныя подробности настоящей минуты убѣждали въ бесполезности предлагать крестьянамъ какую нибудь добровольную сдѣлку. Было бы почти недостойно напрашиваться впередъ на вѣрный отказъ и даже просто вредно. Предложенія помѣщика непремѣнно возбудили бы еще новыя подозрѣнія крестьянъ, тѣмъ болѣе, что по малому знакомству съ мѣстными обстоятельствами мой спутникъ легко могъ ошибаться въ цифрѣ надѣла, которая показалась бы ему достаточною.

Оставивъ намѣреніе дѣлать крестьянамъ какія либо предложенія, помѣщикъ избралъ другой путь и старался вызвать на переговоры самихъ крестьянъ. Нѣсколько разъ говорилъ онъ, что готовъ дать земли больше чѣмъ слѣдуетъ по Положенію, но въ отвѣтъ на такое начало рѣчи о дѣлѣ, крестьянинъ, до тѣхъ поръ бойко разговаривавшій, тотчасъ смолкалъ и торопился уйти. На сходахъ крестьяне принимали какую-то оффиціальную визію и, проговоривъ помѣщику «ваша воля,» за тѣмъ уже упорно молчали. Съ каждымъ днемъ точно также терялась надежда вызвать самихъ крестьянъ на предложенія. Очевидно, что въ ожиданіи новой воли они не хотѣли даже заводить рѣчи объ окончательной развязкѣ вѣжныхъ отношеній.

Судьба, какъ нарочно, поставила моего спутника въ самыя неблагопріятныя условія для соглашенія съ крестьянами. Ни въ

какомъ имѣніи добровольная сдѣлка съ ними такъ не трудна, какъ тамъ, гдѣ повинности крестьянъ были слишкомъ высоки, а земля было предоставлено въ волю. Это вполне понятно. Крестьяне, благоденствовавшіе прежде, пока не чувствуютъ никакихъ выгодъ отъ новаго положенія и не видятъ особой благодати ни въ какихъ уступкахъ. Часто же положеніе такихъ крестьянъ сдѣлалось нѣсколько хуже, и они теперь еще не успокоились и не хотятъ взвѣшивать предложеній помѣщика. Въ большей части случаевъ, разумѣется, не считая крайнихъ исключеній, крестьянское дѣло идетъ лучше въ тѣхъ имѣніяхъ и тѣхъ мѣстностяхъ, которыя прежде были нѣсколько обременены и теперь заразъ почувствовали облегченіе. У добрыхъ, либеральныхъ помѣщиковъ дѣло идетъ гораздо хуже.

Впрочемъ, есть еще одна выгода на сторонѣ тѣхъ, которые прежде дѣятельно занимались своими имѣніями и не упускали случая извлечь выгоду изъ крѣпостныхъ рабочихъ рукъ. Эти господа хорошо знаютъ свои имѣнія, часто достаточно знакомы съ крестьянами, и потому, не смотря на свои крѣпостныя замашки, лучше умѣютъ ладить съ ними. Съ своей стороны, они гораздо понятнѣе для народа, и ему удобнѣе вести съ ними дѣло, чѣмъ съ хитростію малозвѣстнаго, малопонятнаго либерала. Оказывается, что и здѣсь спеціальныя свѣдѣнія даютъ огромный перевѣсъ.

Эти обстоятельства, относительно моего спутника, расположились самымъ невыгоднымъ для него образомъ. Спеціальныхъ и мѣстныхъ свѣдѣній онъ не имѣлъ и крестьяне его пользовались прежде самыми широкими льготами. Но мѣрѣ того, какъ изъ окружающаго хода дѣлъ выяснялось значеніе этихъ условій, терялась надежда на соглашеніе съ крестьянами.

Между тѣмъ день ото дня выяснялось также, что семи-десятинный надѣлъ будетъ только отсрочкою окончательной развязки отношеній.

Изъ письма о лѣсномъ земледѣліи читатель знаетъ уже главнѣйшія условія здѣшняго лѣдиннаго или подсѣчнаго хозяйства, на ряду съ которыми часть земли обрабатывается по трехпольной системѣ. Въ большинствѣ деревень, какъ государственныя, такъ и помѣщичьихъ, на каждую ревизскую душу приходится около 1 дес. пашни, нѣсколько менѣе 1 дес. сѣнокосу и весьма незначительное число сажень подъ усадьбу (здѣсь деревни обиты въ кучу). Всей земля усадебной, огородной, полевой и сѣ-

волосяной можно считать на душу около 2 дес. и въ некоторыхъ вѣзняхъ около 2½ дес. Остальная часть семи-десятинаго надѣла должна состоять исключительно изъ лѣсу. На дрова и хозяйственныя потребности, напр. колья, достаточно будетъ отчислить около ¼ десят., потому что среди крестьянскаго надѣла найдется достаточное количество неудобныхъ земель, напр. болотъ, поросшихъ лѣсомъ, и, кромѣ того, значительную часть дровъ крестьяне могутъ получать съ суковъ. Такимъ образомъ, на лѣсное земледѣіе остается изъ семи-десятинаго надѣла отъ 4 до 4½ десятины.

Легко было убѣдиться, что при этомъ лѣсное переложное хозяйство будетъ сильно стѣснено.

Полагая, что съ каждой ядины можно взять 5 хлѣбовъ и зѣтъ она должна оставаться 20 лѣтъ въ залежѣ, по самому простому расчету выходитъ, что при 4½ десятинахъ лѣснаго участка ежегодный поствъ будетъ около 1 дес., а при 4 дес. 1920 саж., т. е. ¼ дес. или отъ 7 до 5 мѣрокъ.

Въ какой мѣрѣ это будетъ меньше теперешнихъ запасекъ — узнать невозможно. Крестьяне, все еще боясь поборовъ, тщательно скрываютъ свои средства и размѣръ своего хозяйства. Остается обратиться къ другимъ даннымъ.

Поищемъ ихъ въ докладахъ хозяйственнаго отдѣленія редакціонныхъ комиссій о размѣрахъ надѣла. Возьмемъ 15-й докладъ, когда отдѣленія были щедрѣе. Въ немъ выражается мнѣніе, что какъ степное залежное, такъ и лѣсное переложное хозяйство пока неизбежны въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и что слѣдуетъ сохранить ихъ. Для залежнаго хозяйства сдѣланъ особый расчетъ надѣла, но для лѣснаго его нѣтъ.

Полагая, что средній надѣлъ крестьянъ при трехпольной системѣ доходитъ до 6 десятины на тягло, отдѣленіе рассчитываетъ, что для залежнаго хозяйства нужно около 36 десят. на тягло или 18 дес. на душу. Но такъ какъ залежное хозяйство нигдѣ не существуетъ въ чистомъ видѣ, но вездѣ часть земли обрабатывается по трехпольной системѣ, требующей меньше земли, то отдѣленіе, смотря по плодородію почвы и по размѣрамъ прежняго помѣщичьяго надѣленія крестьянъ землю, назначило для степныхъ мѣстностей высшій размѣръ надѣла отъ 6½ до 12 десятины.

Если принять тотъ же расчетъ, то для чистаго лѣснаго хо-

зяйства нужно при ежегодномъ посѣвѣ по 3 дес. на душу, около 30 дес. на тягло или 15 на душу.

Но въ здѣшней мѣстности лѣсное земледѣіе идетъ рядомъ съ трехпольнымъ хозяйствомъ. Какую часть хлѣба изъ урожая со всѣхъ нивъ и полей даютъ собственно нивы, — нельзя было узнать. Если принять въ расчетъ здѣшніе огромные надѣлы, то, слѣдуя манерѣ хозяйствен. отд. редак. комиссій, надо уменьшить надѣлъ, нужный для чистаго лѣснаго хозяйства, на $\frac{1}{2}$ (подобно тому, какъ при залежномъ изъ 18 дес. получилось 12), и тогда достаточный надѣлъ на душу опредѣлится въ 10 дес.

Всѣ эти расчеты только показываютъ, что слѣдовало предложить болѣе 7 дес. надѣла, но сколько именно — они также не говорятъ. При лѣсномъ земледѣіи рѣдко весь лѣсъ сплошь годится для посѣва, и потому въ надѣлѣ безпрестанно будутъ встрѣчаться земли, неудобныя для суковъ, но очень богатая лѣсомъ или легко обрабатываемыя въ покосы. Оттого при лѣсномъ земледѣіи нужно болѣе земли, чѣмъ при залежномъ.

Кромѣ того, для опредѣленія надѣла нужно рассчитать, въ какой степени и въ какой мѣрѣ было бы благоразумнѣе обратиться пожертвованія на переходъ къ трехпольной системѣ, чѣмъ на поддержаніе стараго хозяйства.

Условія перехода къ трехпольной системѣ представлялись хотя смутно, но въ слѣдующемъ видѣ.

Отъ распашки новы переходятъ обыкновенно къ сжиганію связокъ вѣтвей на поляхъ и послѣ двухъ или трехъ хлѣбовъ поля остаются въ залежѣ на три года. Такой переходъ существуетъ теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гдовскаго уѣзда, но, очевидно, онъ слишкомъ временный, чтобы основывать на немъ какіе-либо расчеты. Въ здѣшней мѣстности такое хозяйство пока вовсе неизвѣстно.

Для перехода прямо къ трехпольной системѣ представляется много неудобствъ. Значительное число крестьянъ не имѣетъ капитала для покупки большаго числа головъ скота, а существующіе сѣнокосы будутъ недостаточны для содержанія его. Уже теперь вся солома съ огромныхъ пашень выходитъ на прокормъ коровъ зимою, а сѣна, идущаго только лошадямъ и овцамъ, часто не хватаетъ до весны.

Здѣшніе пожни, т. е. сѣнокосы по берегамъ лѣсныхъ рѣчекъ, весьма незначительны, но мокрая мѣстность даетъ возможность дѣлать въ лѣсу значительныя расчѣтки для покосовъ.

Большую частію это брошенные нивы, поросшія густою травой и расчищенныя отъ пней, зарослей и пр.

При преобладаніи лѣснаго земледѣлія, развивающагося особенно въ послѣднее время, когда помѣщики перестали жить въ деревняхъ, крестьяне мало заботились о своихъ сѣнокосахъ и даже запустили многіе изъ нихъ. Бѣдный крестьянинъ, переставши держать скотъ, большую частію бросалъ свою пожню и по ней черезъ нѣсколько лѣтъ уже подымался лѣсокъ.

Теперешніе крестьянскіе сѣнокосы, весьма не значительныя, менѣе 1 дес. на душу, конечно, могутъ быть увеличены. Такъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ государственныхъ крестьянъ, стѣсненныхъ малоземеліемъ, стали не только дѣлать расчистки, но осушать болота и пр.

Но въ какой мѣрѣ могутъ быть увеличены сѣнокосы? Какія мѣста годятся для этого? Все это нельзя было узнать иначе, какъ отъ самихъ крестьянъ, а они упорно молчали, и даже нарочно скрывали запущенныя пожни, чтобы вѣрнѣе возбудить участіе къ своему стѣсненному положенію и къ трудности перехода на трехпольную систему.

При совершенной неизвѣстности данныхъ, при затруднительности опредѣленія надѣла, помѣщику было бы всего спокойнѣе обратиться къ нарѣзкѣ по закону, если она ованчивала дѣло. Къ сожалѣнію, всякое обстоятельство доказывало, что это не такъ, но все-таки для настоящей минуты оставалось только ввести грамоту на основаніи Положенія.

Въ этой отсрочкѣ окончательной развязки заключалась только та выгода, что въ будущемъ помѣщикъ могъ надѣяться имѣть въ своихъ глазахъ примѣры сосѣдей, быть болѣе знакомымъ съ мѣстностію и ждать болѣе трезвости взгляда отъ крестьянъ. Собственно, всѣ обстоятельства надѣла слѣдовало бы обсудить собранію помѣщиковъ и прійти къ какому-либо единодушному образу дѣйствій.

Какая-то несчастная звѣзда рѣшилась преслѣдовать моего спутника въ дѣлѣ составленія уставной грамоты. Долго отыскивалъ онъ землемѣра, предлагая высокую цѣну. Одинъ господинъ согласился ѣхать для нарѣзки, но его напрасно прождали. Наконецъ удалось получить землемѣра, командированнаго губернаторомъ въ мѣстный мировой участокъ. При пріѣздѣ его въ деревню, оказалось, что изъ всѣхъ землемѣровъ только одинъ знакомъ К—имъ крестьянамъ и пользуется глубокимъ недоверіемъ

лѣтъ. Это былъ именно прѣказшій. Онъ уже именованъ разъ межевалъ здѣшнія общія дачи и возбудилъ противъ себя много жалобъ, какъ отъ крестьянъ, такъ и отъ помѣщиковъ. Впрочемъ, размежеваніе дачъ, опредѣляющее надѣлъ крестьянъ извѣстными границами и во всякомъ случаѣ дающее помѣщику возможность продавать лѣсъ, невыгодно для крестьянъ, и они всѣми силами стараются затруднить размежеваніе. Многіе помѣщики при крѣпостномъ правѣ давали своимъ старостамъ довѣренность на размежевку, которая вслѣдствіе этой причины сильно запутывалась.

Прѣказшій землеѣръ тотчасъ приступилъ къ работѣ, и началась отрѣзка земли крестьянамъ. Можно было ожидать, что они, по крайней мѣрѣ, будутъ интересоваться опредѣленіемъ изъ будущаго состоянія, но вышло совершенно напротивъ. Крестьяне по прежнему уходили на работу, молча смотрѣли на проведеніе межи, не рѣшалась ни на какую опредѣленную просьбу, хотя сильно толковали о недостаточности надѣла. Впрочемъ, одинъ разъ они нѣсколько струсили. Землеѣръ обошелъ поля, а крестьяне, не знающіе размѣра десятины, воображали, что тутъ и весь надѣлъ. Но межа пошла далѣе въ лѣсъ, — и она успокоилась.

При окончательномъ расчетѣ сдѣланной нарѣзки оказалось, что она вышла не по семи, а по восьми десятинъ на душу. Помѣщикъ хотѣлъ отрѣзать излишнія десятины, зная совершенную бесполезность уступокъ въ настоящую минуту, но посредникъ не совѣтовалъ этого, тѣмъ болѣе, что отрѣзка задержала бы землеѣра. Вскорѣ оказалось, что помѣщикъ былъ правъ. Когда посредникъ читалъ уполномоченнымъ отъ крестьянъ уставную грамоту, онъ нарочно налегъ на ту статью, которою крестьянамъ предоставлялась лишняя десятина на душу. Крестьяне промолчали. Посредникъ еще разъ прочелъ то же самое мѣсто, крестьяне молчатъ по прежнему. «Ну, молодцы же вы, говоритъ посредникъ, а я думалъ, что вы хоть головою вынете барину». Молчаніе не нарушается, и посредникъ сталъ читать дальше. По окончаніи чтенія онъ снова укорилъ крестьянъ, и тѣ поблагодарили помѣщика за прежнее время, но о нарѣзкѣ ни слова.

Посредникъ объявилъ уполномоченнымъ, что грамота будетъ утверждаться на сѣздѣ такого-то числа и что крестьяне могутъ заявить при этомъ все свои возраженія, если теперь еще

не могут обдумать и высказывать ихъ. Уполномоченные подробно разспросили о днѣ съѣзда, но на съѣздѣ никто изъ крестьянъ не пришелъ.

Между тѣмъ нѣкоторыя статьи уставной грамоты произвели впечатлѣніе на крестьянъ, и начались мало-по-малу все больше и больше оживленные толки. Въ особенности многіе были недовольны введеніемъ круговой поруки, о которой они не имѣли понятія, и еще болѣе, въ особенности богатые, беззаконились о предстоящемъ передѣлѣ земель.

Общинное землевладѣніе существуетъ здѣсь въ слѣдующемъ видѣ. Поля вокругъ деревень, обрабатываемыя сѣздавна, а также сѣнокосы по рѣчкамъ идутъ въ передѣлъ всего общества. Въ нихъ каждый крестьянинъ имѣетъ свою часть, сообразно количеству платимыхъ имъ податей. Дряхлые старики до послѣдняго истощенія силъ держатся земли и уплачиваютъ казенныя подати, чтобы «міръ не проклиналъ ихъ душу».

Всѣ лесныя пашни, всѣ поляны, всѣ расчистки для покоса составляютъ наследственное владѣніе той семьи, которая обработала ихъ, и иногда переходятъ къ другой семьѣ, безъ всякаго вмѣшательства міра, по простой куплѣ и продажѣ.

— Какъ же теперь-то будетъ? спрашивали крестьяне и помѣщика и посредника и меня.

— Какъ рѣшите сами же на міру, отвѣчали имъ.

— Ну, батюшка, будетъ хлопотъ намъ! Эдакъ, кажись, въ вѣкъ не разобратъся.

— Что такъ?

— Да какже? Я развѣ отдамъ свою землю въ передѣлъ? Другой все на печи съ бабой валялся, а я самъ расчищалъ полянки и пожни, своими руками работалъ, своимъ потомъ поливалъ.

— Но вѣдь у васъ были же передѣлы, и ты отдавалъ же свою землю, если у тебя убывали души?

— Коли человекъ народится, работникомъ станетъ, какъ ему земля не дать? Мы ему всегда изъ полей нарѣжемъ. Поля отъ отцовъ къ намъ идутъ; не мы ихъ дѣлали, а то теперь лаятъ все дѣлать, и поля и полянки и расчистки въ лѣсу. Это ужъ обидно. Я добромъ и не отдамъ своей расчистки. Коли другой-то машетъ братъ на печи лежалъ да позалустилъ свои земли, пусть беретъ порожнюю, сколько хощь дадимъ, пусть самъ дѣлаетъ расчистку или полянку.

— Такъ порѣшите такъ, чтобы всякій владѣль земли во прежнему?

— Нѣтъ, будетъ у насъ хлопотъ! Другіе толкуютъ, что на каждую душу дано по семи десятинъ и равной платежъ положенъ, такъ говорятъ, чтобы всѣмъ было по ровну и пашни и сѣнокосу, и полянокъ и лѣсу.

— Тогда разложите и платежъ свой по тому, сколько у него земли?

— Эдакъ до втораго пришествія не кончишь. Чего спорить-то будетъ? Видно ужъ до начальства пойдетъ, безъ того не кончить.

Такъ говорятъ богатые крестьяне, а бѣдные, въ свою очередь, жалуются на такіа затрудненія:

— Богатые-то ладятъ, чтобы землю оставить по старому и платежъ положить по землѣ, только намъ это будетъ обидно. Богатые-то давно забрали себѣ, что ни на есть лучшіе куски, такъ съ чего жъ мнѣ маяться-то да платить за худую землю. У меня поле-то глина, а у него полянка-то благодать. Я лучше все свое поле ему отдамъ, а онъ пусть дастъ полосу въ полянкѣ.

Состоятельные крестьяне, разушѣтся, оспариваютъ мнѣніе бѣдныхъ объ ихъ землѣ, и грозятся инымъ вовсе не дать сѣнокоса или пашни.

— Ты, братъ, говорятъ они, запустилъ свою пашню, мы се тебѣ и навалимъ, а плати на ровень, намъ съ чего за тебя тинуть.

Бѣдные опять жалуются, что большія семьи уже давно не отдаютъ нѣкоторыхъ полосъ въ передѣлъ, не слушаютъ міра, — и словомъ, пока нѣтъ конца спорамъ. Всѣ приготавливаютъ различныя жалобы начальству.

Надо сказать, что здѣсь крестьянское управленіе идетъ весьма худо. Всѣ дѣла, всѣ разбирательства пошли на деньги, и я даже имѣлъ въ рукахъ нѣсколько документовъ, доказывающихъ извѣстность крестьянскихъ властей. Крестьяне стараются обойти судъ своего брата, и безпрестанно приносятъ жалобы посреднику, который отсылаетъ ихъ въ волостной судъ. «Я пока не вмѣшиваюсь въ ихъ дѣла, говоритъ посредникъ, и жду, что бы имъ наконецъ самимъ надоѣсть неурядица и они взялись за умъ». Но до сихъ поръ посредникъ не можетъ уговорить крестьянъ отъ страсти кляузничать непременно на бумагѣ. Прежній

бумажный судъ сильно пріучилъ вѣрить въ какую-то особенную силу письменныхъ каракулъ.

Разговаривая о будущихъ хлопотахъ по передѣлу земель, одинъ изъ богатыхъ крестьянъ таинственно спрашивалъ меня о томъ, пойдетъ ли судъ посредника на деньги, или на правду. Хорошо зная посредника, я могъ ручаться за его безпристрастіе и ссылаясь на собственные слова крестьянъ, что они не смѣютъ приступать къ нему съ чѣмъ либо подобнымъ.

— Дай-то Богъ, отвѣчалъ крестьянинъ, а то свой-то брагъ хуже всякаго барина. Взаправду, ужъ лучше барскій судъ. Эти суды наши, такія же, какъ мы правдухи, прости Господи. Такъ и наровить сорвать съ тебя.

Дѣйствительно, я знаю нѣсколько самыхъ несправедливыхъ рѣшеній суда, но, вѣроятно, это измѣнится. При выборѣ нынѣшнихъ волостныхъ судей народъ не понималъ еще ихъ значенія. Онъ выбиралъ не лучшихъ крестьянъ, а просто членовъ большихъ семей, которымъ было бы легче тянуть это новое тягло.

Надежда на лучшее въ крестьянскомъ управленіи заключается здѣсь въ нѣсколькихъ очень толковыхъ приговорахъ волостнаго суда по раскладкѣ повинностей на управленіе. Волостной старшина просилъ напр. сперва по 30 к. сер. съ души на развѣды, потомъ по 25, 20 и т. д. Крестьяне дали ему 4 к. на проѣздъ до ближней деревни, а оттуда согласились выставить подводы.

Впрочемъ, недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ распространяться о крестьянскомъ управленіи, о пониманіи крестьянами міра, далеко не такъ, какъ мы видимъ въ Положеніи. Возвращаясь къ уставной грамотѣ.

Когда въ окрестныхъ имѣніяхъ стали извѣстны условія К—ой уставной грамоты, то сосѣдніе крестьяне начали высказывать такія жалобы:

— Скажите, батюшка, отчего это К—имъ все счастье идетъ. У насъ земля хуже, надѣлъ меньше, а мы будемъ платить 8 р. с. съ души, а у вашихъ земля больше, она гораздо лучше, а они платятъ только половину нашего. Есть-ли тутъ какая справедливость? Мы вѣкъ горевали съ 30 р. оброка съ тягла, а К—іе почитай ничего не платили и намъ опять хуже, чѣмъ имъ.

Я старался растолковать, что по Положенію оброкъ не мо-

ждать быть возмещенъ сравнительно съ прежнимъ требованіемъ помѣщика и высшій размѣръ надѣла для всѣхъ имѣній одинаковъ.

— Вамъ С—имъ стало теперь легче, убѣждалъ я, у васъ оброкъ уменьшится, а у К—ихъ будетъ тотъ же.

— Теперь вѣдь плата за землю, возражали мнѣ, отчего жъ за худую землю мы станемъ платить больше?

Вводя уставной грамоты въ К—цахъ прошелъ при томъ же гробовомъ молчаніи крестьянъ, какъ и составленіе и повѣрка ея. Выслушавъ грамоту, крестьяне тотчасъ обратились къ посреднику съ разными кляузами другъ на друга и потомъ спросили еще о передѣлѣ земли.

Окончивъ дѣло съ грамотой, помѣщикъ собирался уѣхать, но нѣкоторыя обстоятельства задержали его. Крестьяне въ это время постарались дать ему знать, что намѣрены владѣть землею по прежнему и за зиму сдѣлать потрату лѣса на постройки или на что-то другое. Одинъ изъ крестьянъ замолвилъ даже помѣщику, что у нихъ въ деревнѣ есть такой «безчувственный» Илья Петровъ, который въ случаѣ разлада за землю положить огонь въ лѣсъ и валежникъ.

— «Если сухое время будетъ, такъ вспыхнетъ какъ порошъ ни вѣсть сколько лѣсу прохватить», говорилъ этотъ крестьянинъ. «Такой ужъ безчувственный этотъ Илья».

Но помѣщикъ гораздо прежде зналъ, что самая необходимость, не говоря уже о другомъ, заставить его ладить съ крестьянами. Хотя понятно, но грустно, что въ настоящее время соглашенія съ крестьянами невозможны, особенно въ имѣніяхъ, благоденствовавшихъ и теперь еще не чувствующихъ всѣхъ выгодъ воли.

Было бы крайне желательно, чтобы будущія соглашенія съ крестьянами и грядущія уступки сдѣлались по дружному согласію помѣщиковъ, столь вызываемому ихъ интересами. Это предотвратило бы разныя недоразумѣнія и упрочило дѣло.

С. Н. Челышевъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1863 году.

Трехлѣтнее изданіе «Книжнаго Вѣстника» убѣдило насъ, что онъ сдѣлался необходимою для образованныхъ людей, вполнѣ ознакомившихся въ цѣлю и направленіемъ журнала. Въ настоящее время, когда выходитъ такъ много книгъ и журналовъ, подобный органъ необходимъ. Онъ заявляетъ о всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгахъ и брошюрахъ, и вообще о замѣчательныхъ явленіяхъ въ литературѣ и книжной торговлѣ; сообщаетъ краткій, точный и безпристрастный отзывъ не только о русскихъ, но и иностранныхъ книгахъ; передаетъ вѣрный смыслъ, духъ и направленіе журнальныхъ статей, обращающихъ на себя, въ какомъ нибудь отношеніи, особое вниманіе. Такимъ образомъ «Книжный Вѣстникъ» избавляетъ отъ труда слѣдить за всѣми журналами и объявленіями о книгахъ, и даетъ возможность читать статьи и приобретать книги только дѣйствительно замѣчательныя.

Участвовать, преимущественно, въ составленіи *рецензій* о книгахъ и въ *выборѣ замѣчательныхъ журнальныхъ статей*, съ изложеніемъ сущности ихъ, надѣемся, будутъ тѣ же лица, которыя приняли это на себя и въ настоящемъ году; а именно: *Д. В. Аверкіевъ, В. П. Безобразовъ, Ю. М. Богусевичъ, А. П. Витляковъ, Г. Н. Геллади, Я. О. Ивановскій, Н. С.*

Льсковъ, О. В. Мильчевскій, В. И. Межсовъ, П. А. Муловъ, А. П. Пятковскій, А. К. Руммель, Ю. И. Симашко, П. Г. Славинскій, С. П. Славутинскій, Ф. Г. Толь, О. Н. Шиль, I. Т. и В. Шикины, П. К. Щебальскій и другіе. Наши постоянныя усилія будутъ клониться къ тому, чтобы довести журналъ до той степени значенія и полноты, которой желаютъ сочувствующіе нашему изданію.

Покорнѣйше просимъ гг. издателей, въ видахъ обоюдной пользы, присылать свои изданія *немедленно* по выходѣ въ редакцію, чтобы дѣлать объ нихъ своевременныя заявленія. Мы съ своей стороны, кромѣ заявленія, готовы выполнять все справедливныя требованія. Вообще редакція предлагаетъ посредничество между покупателями, книгопродавцами и издателями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, въ *С-Петербурѣ*, при Книжной торговлѣ *Сеньковскаго* и К^о, а также въ Почтамтахъ и у всехъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Цѣна въ годъ за 24 нумера: **2 руб. 50 в.**, съ пересылкою **3 р.**; въ полгода **1 р. 40 в.**, съ пер. **1 р. 75 в.** Выписывающіе отъ насъ **книгъ** единовременно на сумму **25 р.** получаютъ «Книжный Вѣстникъ» **беспвозмездно**; подписавшіеся на «Книжный Вѣстникъ» до 1 марта 1863 г. получаютъ въ видѣ приложенія, **каталогъ** русскіихъ книгамъ.

Редакторъ **Н. Сеньковскій.**

НАШИ ПОНЯТІЯ И ЗАКОНЫ ОБЪ ОСКОРБЛЕНІИ ЧЕСТИ

■

ОБЪ УДОВЛЕТВОРЕНІИ.

Чѣмъ цивилизованнѣе народъ, тѣмъ выше у него понятіе о чести, тѣмъ строже и наказаніе за оскорбленія. Человѣкъ образованный чувствительнѣе къ обидѣ, нежели простолюдинъ, ему труднѣе и переноситъ оскорбленіе. Такъ у насъ на Руси жалкій, забитый классъ мелкаго чиновничества не считаетъ за оскорбленіе, если его ругаетъ начальникъ, не смотря иногда и на то, что эти ругательства бываютъ не только оскорбительны, но даже невыносимы. Напротивъ, для человѣка образованнаго гораздо больнѣе вынести одно лишь грубое слово отъ своего начальника, нежели отъ человѣка посторонняго, къ которому отъ не обязанъ уваженіемъ. Въ этомъ отношеніи у насъ хотя и есть весьма справедливый законъ, что *«когда обида была соединена съ злоупотребленіемъ власти, или тѣхъ правъ на уваженіе, которыми обидѣвшій пользуется по своему званію или положенію въ обществѣ»*, то опредѣленное за обиду наказаніе можетъ быть одною степенію возвышено, но сила этого закона ослабляется тою неограниченной властью, какую начальникъ всегда имѣетъ надъ подчиненнымъ. И намъ кажется, что пословица: *«брань на вороту не виснетъ»*, вышла у насъ если и не отъ чиновниковъ, то отъ людей подначальныхъ. А такихъ людей у насъ очень много и въ частномъ быту. Кому, напримеръ, неизвѣстно, сколько ругательствъ и побоевъ переносятъ у насъ отъ своихъ хозяевъ приказчики, работники, бурлаки и прислуга.

Простой русской народъ, въ особенности та его часть, которая находилась въ крѣпостномъ состояніи, считала себя какъ бы рожденною для того, чтобы быть униженною и битою. Едва-ли не въ силу этого убѣжденія у нашего простонародья и сложилась поговорка, что «за одною битаю двухъ небитыхъ даютъ».

Въ старинныхъ дѣловыхъ актахъ сохранилось о крѣпостныхъ такое позорное слово, о какомъ въ наше время тяжело даже и вспоминать. Въ этихъ актахъ, чтобы означить званіе крѣпостнаго, писалось: «изъ подлыхъ». Нося такое званіе, могъ-ли этотъ несчастный народъ сознавать свое достоинство, могъ-ли чувствовать и оскорбленіе?... Конечно, нѣтъ. Въ наше только время, и преимущественно съ тѣхъ поръ, какъ объявлено освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, народъ нашъ сталъ сознавать, что и онъ имѣетъ свое значеніе. Теперь уже не всякій крестьянинъ позволить какому-нибудь *высокоблагородію* обругать себя ни за что, ни про что, а тѣмъ болѣе ударить въ лицо. А прежде всякій почти *баринъ* могъ бить русскаго мужичка безнаказанно. Помѣщикъ колотилъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, сколько душъ было угодно, сѣкъ, тиранилъ, безчестилъ даже жонъ, дочерей, и на это негдѣ было искать защиты. Чиповники (въ особенности исправники и становые), при всякомъ удобномъ случаѣ, поставляли себя въ обязанность внушать страхъ и почтеніе къ начальству не иначе, какъ самую грубою площадною бранью или зуботычинами и потасовкой.

Мы слышали вотъ какой рассказъ объ одномъ городничемъ.

Когда этотъ строгій блюститель благочинія призывалъ къ себѣ какого-нибудь мѣщанина, на котораго хотѣлъ излить свой начальнической гнѣвъ, то вслѣдъ за мѣщаниномъ въ кабинетъ городничяго входилъ полицейскій солдатъ огромнѣйшаго роста и страшный силачъ. Сначала городничій спрашивалъ мѣщанина, а потомъ затягивалъ пѣсню. Ихъ было у него двѣ, и каждая имѣла свое значеніе. Когда онъ пѣлъ:

Разстилалася травонька, разстилалася...

то полицейскій хваталъ мѣщанина за волосы и таскалъ его во всему кабинету. А когда запѣвалъ:

Ты поди, моя коровушка, домой,

Ты поди, моя, недоенная...

полицейскій за волосы же оборачивалъ мѣщанина на лѣво-кругомъ и выпроваживалъ изъ кабинета подзатыльниками и щипками.

Не болѣе какъ шесть лѣтъ назадъ, мы въ одномъ уѣздномъ городѣ сами видѣли городничаго съ нагайкой. Онъ среди бѣлаго дня, на улицѣ, дулъ ею двухъ мужичковъ за то, что они не сняли передъ нимъ шапокъ. Къ прискорбію, это былъ молодой человѣкъ и любимецъ губернской власти. И эти-то самые люди, безнаказанно оскорбляющіе свое званіе и простой народъ, производятъ слѣдствія объ оскорбленіяхъ.

Мы помнимъ также, какъ чувствительно были обижены нѣкоторые изъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, когда полученъ былъ циркуляръ о томъ, что тотъ изъ чиновниковъ этого министерства, который дозволитъ себѣ ударить крестьянина, будетъ немедленно удаленъ отъ должности.

— Помилуйте, говорили они въ пылу своего негодованія — хотятъ, чтобы на нашихъ мужиковъ, на тѣхъ скотовъ въ человѣческомъ образѣ, дѣйствовали слова, тогда какъ безъ дубины и кулака съ ними ничего не сдѣлаешь.

И кулаки, хотя уже не такъ явно, какъ прежде, все еще продолжали дѣйствовать. Въ настоящее время они уже утратили свою силу.

Но мы удалились немного отъ главнаго предмета нашей статьи. Обратимся теперь къ оскорбленіямъ чести.

Съ какого именно времени человѣческіе законы установили наказаніе за оскорбленіе — неизвѣстно: исторія не оставила объ этомъ никакихъ фактовъ; но нѣтъ, однакожъ, сомнѣній, что понятія о чести были тѣсно связаны съ жизнію и древнихъ образованныхъ народовъ. Такъ, у римлянъ былъ законъ, опредѣляющій за оскорбленіе денежную пеню. Это денежное вознагражденіе за безчестіе сохранилось въ законахъ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ до сихъ поръ. И по нашимъ законамъ, безчестіе можетъ быть оплачено деньгами, если на это будетъ согласіе обиженнаго. Вообще надобно замѣтить, что наши законы объ оскорбленіяхъ основаны по преимуществу на правѣ византійскомъ, и вся сила ихъ заключается въ принципѣ христіанскомъ, примиряющемъ, т. е. въ испрашиваніи у обиженнаго прощенія. Оскорбитель, получившій отъ обиженнаго прощеніе, избавляется отъ наказанія. Да и самая дѣла объ оскорбленіяхъ начинаются у насъ не иначе, какъ по жалобамъ оскорбленныхъ.

Нѣмецкій юридическій писатель Эрдманнъ, въ статьѣ своей «*Injurien*», разобралъ всѣ роды оскорбленій, по духу герман-

манскихъ законовъ. Онъ объясняетъ подробно, и иногда очень любопытно, что должно считать оскорбленіемъ и чего не слѣдуетъ принимать за оскорбленіе.

Не переписывая буквально всей его статьи, мы сочли однакожь не лишнимъ передать нашимъ читателямъ главную сущность ея. Вотъ какъ разсуждаетъ г. Эрманиъ объ оскорбленіяхъ.

«Плюха не всегда можетъ быть оплачена пятью талерами: это зависитъ отъ того, кто даетъ ее и кто получаетъ.»

«Оскорбленіе можетъ быть нанесено не только словами и дѣйствіемъ, но даже и намеками.»

«Честь есть звѣно, связывающее человѣка съ обществомъ и самое высокое достояніе человѣчества, поэтому—то каждый дорожитъ своею честью, и до тѣхъ поръ, пока не уронитъ ее самъ, никто не имѣетъ права оскорблять ее. Даже преступникъ не лишается чести совершенно.»

«Тотъ, кто затрогиваетъ чью-нибудь честь, оскорбляетъ и унижаетъ человѣка, долженъ быть наказанъ за это.»

«Трудно иногда разрѣшить, въ чемъ состоитъ оскорбленіе: то, что одному кажется оскорбленіемъ, для другаго не составляетъ оскорбленія.»

«Для того, чтобы яснѣе опредѣлить оскорбленіе, нужно прежде всего опредѣлить, было-ли оно намѣренное и обращать вниманіе на всѣ обстоятельства, даже на личность, обыкновенія и привычки. Такъ, напримѣръ: ходить въ шляпѣ по улицѣ и никому не кланяться—есть грубость, но войти въ шляпѣ въ салонъ, будетъ уже обида.»

«Если уличнаго мальчишку ругаютъ за то, что онъ портитъ зданіе—это не есть обида; но сказать тоже самое человѣку приличному, будетъ оскорбленіемъ.»

(Это сравненіе немножко странно: приличные люди не портятъ зданій).

«Нельзя считать обидою, когда отецъ бранитъ сына, учитель ученика, а хозяинъ называетъ служанку дуροю, за то, что она не ловко обслужить.»

«Въ республикѣ назвать республиканца роялистомъ, а въ монархіи роялиста республиканцемъ—будетъ оскорбленіе.»

«Слова работникъ и подмастерье, замѣнившія прежнія—рабъ и слуга, нельзя употреблять въ обществѣ.»

«Когда кто-нибудь даетъ плюху, то трудно отговориться, что она дана была безъ намѣренія.»

«Не считается обидою, если иностранецъ, не зная значенія слова, употребитъ его въ обществѣ. Напримѣръ, когда онъ скажетъ на балѣ: «могу-ли я просить *семью* танцовать», вмѣсто могу-ли я просить *счастія* танцовать. На родномъ его языкѣ слово *свннѣя* значитъ счастье.»

«Обидою можетъ быть иронія, даже намекъ, если они сдѣланы съ намѣреніемъ. «За дѣло былъ наказанъ одинъ, когда онъ кому-то сказалъ: «какой вы геній!» а потомъ, когда въ досадѣ за наказаніе, выразился: «какой онъ геній!» то снова получилъ наказаніе.»

«Иногда можно обидѣть тѣмъ, что вовсе не считается обиднымъ: напримѣръ—дать поцѣлуй съ отвращеніемъ.»

«Говорить о другомъ, не облекая своихъ словъ въ обидныя выраженія, не можетъ быть обидою. Напримѣръ: одинъ нанимаетъ себѣ слугу, а знакомый его знаетъ, что нанимающійся былъ наказанъ за дурныя поступки, то онъ можетъ предупредить объ этомъ нанимающаго. Но показывать на того человѣка пальцами въ обществѣ и говорить о немъ, будетъ уже обидой.»

«Когда заимодавецъ проситъ у кого-нибудь возвращенія долга, то этимъ онъ нисколько не обиждаетъ должника; но если онъ напоминаетъ ему о долгѣ при постороннихъ, то оскорбляетъ его съ намѣреніемъ, потому что тутъ есть цѣль не только получить деньги, но и унизить должника.»

«Не имѣть денегъ не есть безчестіе, но если кто-нибудь продаетъ вещь, а отъ нея отказываются, то онъ оскорбляетъ, когда говоритъ: о, да у него денегъ нѣтъ, онъ бѣденъ!»

«Когда говорятъ: «если вы найдете вещь и не возвратите ее—вы воръ»—это не есть обида. Но если сказать кредитору: «когда вы не хотите дать отсрочки своему бѣдному должнику, то вы подлець.» Это будетъ уже оскорбленіе.»

«Не слѣдуетъ считать за обиду того, что принимается на себя условно; напримѣръ—многіе говорятъ: пусть буду я осель, если....»

«Кромѣ обыкновенной, свойственной всякому, чести, есть еще честь, принадлежащая званію. Такъ, если говорятъ объ офицерѣ, что онъ во время сраженія просидѣлъ въ ямѣ — то этимъ наносятъ ему двойное оскорбленіе, потому что, кромѣ трусости,

его обвиняють и въ нарушеніи своего долга. Но сказать это же самое о человѣкѣ партикулярномъ—вовсе не безчестіе.»

«Нѣтъ надобности, чтобы тотъ, кого хотятъ обидѣть, понималъ оскорбленіе. Обидѣть можно и ребенка, даже малолѣтняго.»

«Покойника нельзя оскорбить, потому что онъ не можетъ чувствовать оскорбленія, но нанесенное покойнику оскорбленіе падаетъ на его потомство.»

«Иногда можетъ быть оскорблено цѣлое общество, сословіе, корпорація, и каждому члену ихъ предоставляется право вступаться за оскорбленіе товарища. Но при повтореніи дурныхъ слуховъ, распространитель ихъ не подвергается отвѣтственности, если укажетъ, отъ кого слышалъ, или докажетъ, что, повторяя слухъ, онъ былъ убѣжденъ въ его справедливости.»

«Требовать наказанія за оскорбленія могутъ только лица, ближайшія къ обиженному: отецъ—за несовершеннолѣтнихъ дѣтей; опекунъ—за дѣтей, состоящихъ у него въ опекѣ, мужъ—за жену; начальникъ—за подчиненнаго. По нѣкоторымъ законамъ слѣдствіе можетъ быть назначено при пасквильяхъ и публичномъ злословіи и при дѣйствительной обидѣ родства, въ восходящей линіи.»

«Наказаніе за обиды бываетъ денежное или временной арестъ, продолжительный или короткій, легкій или тяжелый, смотря по роду безчестія. По римскому праву обиженный могъ частію получить за оскорбленіе денежное вознагражденіе. Испрашиваніе у обиженнаго прощенія въ судъ, возстановленіе чести его всенародно—по новымъ законамъ отвергается; они принимаютъ одно лишь наказаніе, которое и считается удовлетвореніемъ за обиду *. Когда же судъ признаетъ вину оскорбителя, то обиженному выдается съ этого опредѣленія копія. Сверхъ того, удовлетвореніемъ обиды считается публикація; она производится на счетъ виновнаго.»

«Законы саксонскіе, прусскіе и баварскіе, при большей части обидъ, признавали мщеніе. Напримѣръ: еслибы давшій плѣху получилъ ее обратно, то не имѣетъ уже права жаловаться, потому что первый нанесъ оскорбленіе; ему только облегчается наказаніе.»

* По нашимъ законамъ, наказаніе отмѣняется вовсе, если обиженный примирится съ оскорбителемъ (XV т., кн. 1, ст. 169 и того же тома, кн. 2, ст. 41.)

Теперь въ подробномъ, но, по возможности, сжато м обзорѣ мы изложимъ тѣ статьи нашихъ русскихъ законовъ, которыми опредѣляется наказаніе за личныя оскорбленія.

Вотъ эти законы:

Кто нанесетъ другому личную обиду, болѣе или менѣе тяжкую, ударить съ намѣреніемъ, замахнется, погрозитъ рукою или орудіемъ, или дозволитъ себѣ другое неприличное, оскорбительное дѣйствіе, тотъ, смотря по важности вины, подвергается аресту отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ, и сверхъ того обязанъ испросить у обиженнаго прощеніе, а если онъ пожелаетъ, то заплатить ему и безчестіе. Эта же обида, соединенная съ злоупотребленіемъ власти или тѣхъ правъ на уваженіе, которыми обидѣвшій пользуется по своему званію или положенію въ обществѣ, возвышаетъ наказаніе на одну степень. Но если виновный будетъ упорно отказываться отъ испрошенія у оскорбленнаго прощенія, то ему дѣлается за это строгій выговоръ въ присутствіи суда и онъ оставляется въ тюрьмѣ или подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока не испроситъ у обиженнаго прощенія (XV т. кн. I ст. 2086). А когда личная обида ударомъ или оскорбительнымъ дѣйствіемъ нанесена съ обдуманымъ заранѣе оскорбленіемъ, то виновный, сверхъ испрошенія прощенія и платы за безчестіе, по требованію обиженнаго, подвергается заключенію въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. А если при этомъ и съ умысломъ же нанесены были, хотя и не подвергающіе жизнь обиженнаго опасности, тяжкіе побои, то виновный, смотря по обстоятельствамъ, увеличивающимъ или уменьшающимъ вину, подвергается: или заключенію въ смирительномъ домѣ отъ одного года до двухъ лѣтъ, съ потерю нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ *, или къ заключенію въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года (XV т. кн. I ст. 2087). Если же обида ударомъ или дѣйствіемъ нанесена въ церкви, во дворцѣ, публичномъ мѣстѣ или многолюдномъ собраніи, и оскорбленное лицо, по своему состоянію, званію, дѣтамъ или отношеніямъ къ виновному, имѣло право на особенное отъ него уваженіе, или оскорбленіе нанесено лицу

* Потеря нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ ограничивается: для дворянъ — запрещеніемъ вступать въ государственную или общественную службу, участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ какія-либо должности, даже въ опекуны, по назначенію дворянской опеки.

женскаго пола, съ нарушеніемъ правилъ благопристойности и оскорбленіемъ въ обиженной нравственнаго чувства стыдливости, то наказаніе одною степенью возвышается (ст. 2088).

Личное оскорбленіе дѣйствіемъ отца, матери или инаго родственника, по прямой восходящей линіи, влечетъ за собою лишеніе всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылку въ Сибирь (Томскую или Тобольскую губ.), и кто не изъять отъ наказаній тѣлесныхъ, наказаніе розгами отъ 50 до 60 ударовъ и работы въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, отъ одного года до двухъ лѣтъ. Оскорбленіе же отца, матери, дѣда и бабушки словами, подвергаетъ виновнаго заключенію въ смирительномъ домѣ, отъ шести мѣсяцевъ до одного года (ст. 2089 и 2093) *.

За удары и другія оскорбительныя дѣйствія при ссорѣ и дракѣ въ кабакахъ, трактирахъ, корчмахъ, на ярмаркахъ и рынкахъ полагается денежное взысканіе отъ одного до десяти рублей серебромъ. За личное же оскорбленіе въ этихъ мѣстахъ словами одинъ лишь денежный штрафъ отъ пятидесяти копѣекъ до одного рубля (ст. 2090 и 2094).

Обида ругательствомъ или оскорбительными словами чьей-нибудь жены и другихъ членовъ семейства, хотя бы умершихъ, въ письмѣ, подписанномъ, или безыменномъ, подметномъ, а также словесная или письменная укоризна въ дѣлѣ противозаконномъ или безчестномъ, или упрекъ обиженнаго тѣмъ, что ему нанесена обида—обязываетъ виновнаго испросить у оскорбленнаго прощеніе, и если онъ пожелаетъ, то заплатить ему безчестіе. Эта же обида, нанесенная съ обдуманномъ намѣреніемъ въ церкви, во дворцѣ и проч., какъ было сказано это выше, кромѣ испрошенія прощенія и платы за безчестіе, подвергаетъ еще виновнаго къ заключенію въ смирительномъ домѣ, отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, смотря по важности вины (ст. 2091 и 2092).

* Для священнослужителей—потерю духовнаго сана навсегда. Для церковнослужителей—исключеніемъ изъ духовнаго званія. Для почетныхъ гражданъ и купцовъ—запрещеніемъ участвовать въ городскихъ выборахъ и быть избираемымъ въ почетныя или соединенныя съ властью должности. Для людей всѣхъ прочихъ состояній — такъ потерю права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ почетныя или соединенныя съ властью должности (той же 1 кн. ст. 54.)

Кромѣ этихъ приведенныхъ нами статей, у насъ есть еще статьи законовъ о ссорахъ и обидахъ въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Сущность этихъ статей заключается въ томъ, что не только начальство, но и частныя лица обязаны мирить спорящихся и не допускать ихъ до поединковъ. Если же постороннія лица сами не успѣютъ въ этомъ примиреніи, то должны предложить ссорящимся избрать посредниковъ. Эти посредники, кромѣ того, что обязаны разбирать самую ссору, должны еще стараться склонить ссорящихся къ примиренію и удерживать ихъ отъ поединковъ. А если ни та, ни другая сторона посредниковъ не послушаетъ, то служащіе изъ нихъ обязаны объявить объ этомъ своему начальству, а неслужащіе полиціи. Начальство обязано ссорящихся развести и отдать ихъ подъ присмотръ, который продолжается до тѣхъ поръ, пока они не помирятся. Ссорящіеся не должны отказываться отъ участія посредниковъ и обязаны давать имъ отвѣты и объясненія; въ противномъ случаѣ, они считаются ослушниками закона. Обязанность посредниковъ имѣютъ право принимать и гражданскія начальства. Тотъ изъ ссорящихся, кто не явится по вызову начальства или скроется отъ присмотра, почитается ослушникомъ закона. Взысканія за простую обиду, въ видѣ вознагражденія за безчестіе, опредѣляются судомъ гражданскимъ, а за тяжкую—уголовнымъ. Только маловажныя обиды, нанесенныя лицамъ, принадлежащимъ къ званію сельскихъ обывателей, имѣетъ право разбирать полиція и назначать удовлетвореніе. Она обязана также прекращать всѣ ссоры, брань, драки и примирять и разнимать ссорящихся (XIV т., гл. 2 и 3, ст. 353, 354 и проч.)

Здѣсь мы должны замѣтить, что наша русская полиція никогда почти не заботится о примиреніи ссорящихся. Иногда она и на самыя драки смотритъ хладнокровно, а иногда забираетъ ссорящихся при началѣ перебранки, тогда какъ по закону право забирать предоставляется ей въ такомъ только случаѣ, когда ссорящіеся ея не слушаютъ и не разойдутся, или не будетъ возможности ихъ разнять. Но развѣ можетъ простой городской или неграмотный полицейскій солдатъ знать то, о чемъ онъ, можетъ быть, никогда и не слыхалъ. Англійскій полицменъ потому и безукоризненъ въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей, что у него есть правила, по которымъ онъ дѣйствуетъ, а у насъ часто и въ городничіе поступаютъ люди, безъ малѣй-

шаго даже понятія о законахъ. А это очень часто ведетъ лишь къ тому, что они дѣлаютъ больше вреда, допускаютъ себѣ произвольныя дѣйствія, наконецъ сами попадаютъ подъ слѣдствіе нерѣдко по нѣсколькимъ дѣламъ, и потомъ удаляются отъ должности за неспособностью. Народъ же, видя въ городничемъ чиновника, непонимающаго своей обязанности, сначала теряетъ уваженіе къ нему, а потомъ уже думаетъ, что и всѣ наши власти несправедливы. Напримѣръ, мы знаемъ два такихъ случая, что въ судебныя слѣдователи опредѣленъ былъ агрономъ, а въ судьи столоначальникъ палаты государственныхъ имуществъ. Послѣдній изъ нихъ, какъ намъ извѣстно, не былъ даже благонадежнымъ столоначальникомъ и вышелъ изъ палаты по волѣ начальства, за накопленіе дѣлъ. И такой человекъ долженъ рѣшать участь нѣсколькихъ тысячъ народа. А мы знаемъ также одного стараго, практическаго судью, котораго 2087 ст. ставила въ тушикъ. Вотъ какъ было дѣло: одного отставнаго унтеръ-офицера ударилъ публично и съ умысломъ крестьянинъ. По жалобѣ унтеръ-офицера произведено было слѣдствіе, и дѣло представлено въ уѣздный судъ. Унтеръ-офицеръ сжалился надъ крестьяниномъ и подалъ прошеніе о прекращеніи дѣла миромъ, сославшись на 41 ст., кн. 2, XV т.

Приводимъ буквальные слова этой статьи:

«По преступленіямъ и проступкамъ, которые, на основаніи законовъ, не иначе могутъ подлежать вѣдѣнію и разсмотрѣнію суда, какъ вслѣдствіе жалобы обиженнымъ или оскорбленнымъ чрезъ то противозаконное дѣяніе лицомъ приносимой, не запрещается истцу и по принесеніи жалобы мириться съ отвѣтчикомъ въ искѣ. Въ дѣлахъ сего рода примиреніе истца съ отвѣтчикомъ прекращаетъ дѣло, если жалоба о примиреніи принесена прежде исполненія приговора и когда съ оскорбленнымъ не соединено другое преступленіе.

Сіе правило не распространяется однако-жь на случаи означенныя въ статьяхъ 440, 2076, 2083, 2085, 2105, 2106, 2118—2120.»

Въ дѣлѣ объ оскорбленіи унтеръ-офицера не было случаевъ, означенныхъ въ этихъ статьяхъ, но судья пришелъ въ недоумѣніе отъ слѣдующихъ словъ 2087 ст.: «то виновный въ семъ, (т. е. въ ударѣ съ умысломъ), сверхъ испрошенія прощенія и платы за безчестіе, по требованію обиженнаго, подвергается заключенію въ тюрьмѣ.» Онъ утверждалъ, что крестьянинъ, не

смотря даже на прощенье, все-таки долженъ быть заключенъ въ тюрьму, потому что въ статьѣ сказано: «*сверхъ испрошенія прощенія.*»

Разсмотримъ теперь разницу между нашими и германскими законами объ оскорбленіяхъ. Разница эта незначительна. По нашимъ законамъ, какъ говорили мы и выше, допускается примиреніе, а въ германскихъ законахъ испрашиваніе прощенія у оскорбленнаго не принято. Кроме того, у насъ дѣла объ оскорбленіяхъ начинаются не иначе, какъ по жалобамъ самого обиженнаго, а у нѣмцевъ каждый членъ корпораціи имѣетъ право вступить за своего товарища, даже пачальникъ за подчиненнаго.

У насъ за слово геній навѣрное никто бы не вступился, да и судъ не могъ бы отнести этой ироніи къ обидѣ, между тѣмъ какъ, по словамъ г. Эрмманна, виновный въ такой довольно странной обидѣ наказанъ былъ дважды. Въ законахъ каждой страны всегда, болѣе или менѣе, проглядываетъ духъ и даже характеръ самого народа, и наказаніе за генія служитъ яснымъ доказательствомъ нѣмецкой щепетильности о своей чести и слишкомъ уже мелочной чувствительности къ оскорбленіямъ. При такихъ понятіяхъ о чести нѣмецъ крошечнаго роста можетъ придаться или обидѣться за то, что его назовутъ Геркулесомъ. По нашему мнѣнію, законъ долженъ разсматривать дѣйствительное оскорбленіе или обиду. Обижаться же и искать удовлетворенія за всякую бездѣлицу значить имѣть мало уваженія и къ самому себѣ.

Нельзя однакожь не отдать должной справедливости прусскимъ, саксонскимъ и баварскимъ законамъ, по которымъ допустившій себѣ первое оскорбленіе, или ударившій кого-нибудь и получившій плюху обратно, все-таки наказывается, съ облегченіемъ только наказанія. Это въ самомъ дѣлѣ хорошій законъ.

Есть люди, которые ищутъ только случая, чтобы какъ нибудь оскорбить или вызвать на оскорбленіе. У насъ на Руси такихъ людей расплодилось много и къ обузданію ихъ былъ бы очень кстати законъ, принятый въ Пруссіи, Баваріи и Саксоніи. Идетъ, наиримѣръ, такой г-нъ по улицѣ или является на публичное гулянье, съ виду онъ кажется порядочнымъ, одѣтъ прилично, даже франтомъ, но, проходя, непремѣнно старается толкнуть локтемъ или задѣть плечомъ не только мужчину, но даже и даму, идущую иногда съ своимъ мужемъ. Конечно, какъ бы не былъ

кротокъ человѣкъ и сколько бы онъ не сдерживался, но иногда у него невольно вырвется выраженіе: невѣжа или скотъ. Скотъ останавливается и начинаетъ уже ругаться. Конечно, всякій старается держаться подалеже отъ подобныхъ господъ, но они, какъ бѣшенныя животныя, сами бросаются на всѣхъ и каждого. Но бѣшенныя и дикія животныя, по закону, содержатся на цѣпи, а для бѣшеныхъ животныхъ въ пальто и плащахъ нѣтъ даже и надежной веревки, которая бы удерживала ихъ ярость.

По нашимъ законамъ, тотъ, кто за обиду нанесетъ оскорбившему такую же обиду, теряетъ право иска.

А вотъ, что касается до права, предоставленнаго германскими законами, вступаться за оскорбленіе чести своего товарища каждому члену корпораціи, то, по нашему мнѣнію, право это казуистическое и влечетъ за собою путаницу, потому что, по тѣмъ же германскимъ законамъ, распространитель дурныхъ слуховъ не подвергается отвѣтственности, если можетъ указать, отъ кого вышелъ слухъ, или докажетъ, что говорить по убѣжденію въ истинѣ этого слуха.

Наши законы признаютъ одно лишь личное оскорбленіе и предоставляютъ право жалобы только самому обиженному. И это совершенно справедливо. Общество или корпорація никогда не могутъ быть обижены въ лицѣ одного, даже двухъ и трехъ членовъ, если это не личное оскорбленіе. Когда я не могу принять оскорбленія лично на себя, то не могу и жаловаться на оскорбленіе, потому что не всегда можно ручаться за честь даже родного брата, не только товарища. Въ глазахъ моихъ товарищъ можетъ казаться честнымъ человѣкомъ, а съ людьми посторонними поступать низко и подло. Или до 1-го ноября за товарищемъ моимъ нѣтъ ни одного безчестнаго поступка, а 2-го ноября онъ можетъ быть и воромъ и мошенникомъ. Вступаясь за честь его, не раздѣляю-ли я нѣкоторымъ образомъ не только падающее на него безчестіе, но даже и самое преступленіе, потому что вступаясь за честь, въ самомъ дѣлѣ, замаранную? Намъ кажется, что каждый членъ корпораціи долженъ болѣе заботиться о томъ, чтобы никто изъ товарищей не ронялъ чести своего общества; услышавъ же о товарищѣ дурной слухъ, узнать, не въ самомъ-ли дѣлѣ этотъ товарищъ дурной человѣкъ. Каждая корпорація только тогда вернѣ и надежнѣе можетъ предохранить себя отъ безчестія, если

не будетъ терпѣть въ средѣ своей товарищей подлыхъ и безчестныхъ.

У насъ, русскихъ, есть же привычка вступаться за честь товарища только по званію или по мундиру. Это также странно и нелѣпо, какъ вступаться честному Петру за безчестнаго Петра и только потому, что оба они Петры.

Но обратимся къ другимъ вопросамъ объ оскорбленіяхъ.

Иногда при рѣшеніи дѣлъ объ оскорбленіяхъ судьи наши не обращаютъ вниманія, была ли обида намѣренная или вынужденная. При вынужденной обидѣ, кажется, не лишній былъ бы законъ подвергать наказанію и того, кто старался вызвать на оскорбленіе. У насъ хотя и есть законъ, который разсматриваетъ, не было ли повода къ обидѣ и со стороны обиженнаго, но этотъ законъ относится къ нападенію съ насиліемъ (XV т. кн. 1 ст. 2109). Въ законѣ этомъ говорится, что въ случаѣ нападенія въ пьянствѣ или ссорѣ, или когда къ нападенію данъ поводъ самимъ обиженнымъ, виновный подвергается лишь аресту отъ одного до трехъ дней. По статьѣ 2110 кратковременному же аресту, отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, подвергается и тотъ, кто ворвется или вломится въ чужой домъ, съ намѣреніемъ оскорбить или потревожить. Ворвавшійся же безъ намѣренія, въ пьянствѣ, приговаривается къ аресту отъ одной недѣли до трехъ. Но когда ворвавшійся въ домъ нанесетъ хозяину или жильцамъ личное оскорбленіе, то, смотря по обстоятельствамъ вины, присуждается къ заключенію въ смирительномъ домѣ отъ одного года до двухъ лѣтъ, съ потерей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или безъ потери этихъ правъ отъ шести мѣсяцевъ до одного года. Сверхъ того, обязанъ испросить прощеніе и заплатить безчестіе, если этого пожелаютъ обиженные (ст. 2111). За угрозу нанести тяжкую личную обиду виновный подвергается аресту отъ трехъ до семи дней, а при повтореніи этой угрозы—отъ семи дней до трехъ недѣль (ст. 2115). Такая же угроза начальнику, господину или такому лицу, которымъ виновный былъ облагодѣтельствованъ, возвышаетъ наказаніе на одну степень, а за угрозу отцу, матери, дѣду или бабушкѣ наказаніе возвышается уже на три степени (ст. 2116).

Самый строгій изъ нашихъ законовъ объ оскорбленіяхъ относится къ подчиненному, который осмѣлится нанести своему начальнику оскорбленіе дѣйствіемъ, поднять на него руку или орудіе. Смотра по обстоятельствамъ вины и званію оскорблен

наго лица, виновный подвергается за это: лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ губерніи Томскую или Тобольскую, съ заключеніемъ отъ одного года до двухъ лѣтъ, а неизятый отъ наказаній тѣлесныхъ—наказанію розгами отъ 50 до 70 ударовъ и къ отдачѣ въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства отъ одного года до четырехъ лѣтъ, или же—потерѣ всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, а неизятый отъ наказаній тѣлесныхъ наказанію плетью, черезъ палачей, въ мѣрѣ опредѣленной 22 статьею уложенія для первой или второй степени наказанія этого рода. По первой степени этой статьи наказаніе назначается отъ 20 до 30 ударовъ, а по второй отъ 10-ти до 20 (XV т. кн. 1 ст. 440). Подчиненный же, вызвавшій своего начальника на поединокъ, подвергается или заключенію въ крѣпости отъ шести мѣсяцевъ до одного года, или же лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ смиренномъ домѣ отъ одного года до двухъ лѣтъ. Но когда вызовъ начальника былъ послѣдствіемъ дѣла, касающагося службы, или мщеніемъ за взысканіе по настоящей или прежней службѣ, то содержаніе виновнаго въ крѣпости продолжается отъ двухъ до шести лѣтъ (Тамъ же, ст. 441). За грубое же или неприличное съ начальникомъ обхожденіе, произнесеніе въ присутствіи его, или и безъ него, но публично, оскорбительныхъ словъ, или прямое его оскорбленіе бранью виновный, смотря по важности обстоятельствъ самой вины и званію оскорбленнаго, приговаривается: или къ испрошенію у него публичнаго прощенія, или строгому выговору, со внесеніемъ въ послужной списокъ, или же къ аресту отъ одной недѣли до трехъ. А когда онъ оскорбитъ начальника словами въ присутственномъ мѣстѣ, то судъ, по степени вины и своему усмотрѣнію, можетъ подвергнуть его заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, или въ смиренномъ домѣ отъ шести мѣсяцевъ до одного года, или заключенію въ крѣпости отъ одного года до двухъ лѣтъ (Тамъ же ст. 439).

Итакъ, всѣ наши законы за неважныя личныя оскорбленія подвергаютъ виновныхъ аресту, испрашиванію прощенія и взысканію за безчестіе. По 1363 ст. той же 1-й кн. XV т. испрашиванію прощенія подвергается и цензоръ, если пропустить сочиненіе, заключающее въ себѣ что-либо неприличное или ос-

корбительное для чести какого-нибудь лица, но въ такомъ, однакожъ, случаѣ, если будетъ доказано, что это имъ сдѣлано было съ намѣреніемъ, изъ личности или по другимъ видамъ.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что какъ ни гуманна примиряющая сила закона объ испрашиваніи прощенія, но, какъ наказаніе, она, во-первыхъ, не всегда можетъ быть мѣрою, удовлетворяющею обиженнаго, а во-вторыхъ, не на всякаго виновнаго можетъ дѣйствовать, какъ исправительное наказаніе. Есть люди, которые ни во что не считаютъ кратковременный арестъ, лишь бы только имъ дать кому-нибудь плюху публично или обругать человѣка почтеннаго при постороннихъ. Самое испрашиваніе прощенія они обращаютъ въ комедію, потому что оно бываетъ вынужденное, но весьма рѣдко чистосердечное. Нельзя также не согласиться, что и оскорбленный прощаетъ не отъ чистаго сердца. Человѣкъ такъ уже созданъ, что за всякую противъ себя вину всегда ищетъ болѣе строгаго наказанія виновному. На этомъ основанъ даже самый законъ, что «никто не можетъ быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ». А когда оскорблена честь, трудно допустить, чтобы для человѣка, мало-мальски сознающаго свое достоинство, было не только легко простить нанесенное ему оскорбленіе, но и стать въ судѣ лицомъ къ лицу съ своимъ оскорбителемъ. Тотъ же, въ комъ преобладаетъ чувство христіанскаго всепрощенія, и самъ не будетъ просить о взысканіи съ виновнаго по суду. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, по большей части, одинъ просить вынужденно прощенія, а другой вынужденно прощаетъ.

Да вотъ примѣръ, какъ иногда дѣйствуетъ прощеніе на виновнаго.

Одинъ купеческій сынокъ, промотавшійся и распутный, публично обругалъ честнаго, почтеннаго и пожилаго купца, а когда этотъ сказалъ ему, что будетъ на него жаловаться, повѣса поднесъ къ лицу его кукишъ, ткнулъ имъ старика въ носъ и вскричалъ:—жалуйся же, скотина, за-одно буду отвѣчать. За это онъ высидѣлъ подъ арестомъ два мѣсяца. Потомъ, когда привели его въ судъ, для того чтобы онъ испросилъ у обиженнаго прощенія, купчикъ, исполнивъ весь обрядъ по формѣ *, стапавился передъ обиженнымъ купцомъ на колѣни, извинялся,

* Испрошеніе прощенія должно быть форменное и въ тѣхъ выраженіяхъ, какія предписываются судомъ (XV т. кн. 1-я ст. 62).

какъ человекъ искренно раскаивающійся, и показывалъ даже видъ, что тронуть былъ до слезъ. Но когда обрядъ кончился и примирившіеся вышли въ канцелярію, повѣса обратился къ купцу съ насмѣшкой: «Вы простили меня, какъ истинный христіанинъ—сказалъ онъ ему—но и я просилъ у васъ прощенія, какъ кающійся грѣшникъ. Я еще не совсѣмъ погибшій человекъ и готовъ встать на колѣни даже предъ свиньей, еслибъ оскорбилъ ее».

Къ людямъ, потерявшимъ стыдъ и совѣсть и нарушающимъ не только правила благопристойности, но и общественнаго приличія, и самый законъ долженъ быть строгъ. Вотъ почему принятая въ нѣмецкихъ законахъ публикація объ оскорбителяхъ есть болѣе удовлетворительное вознагражденіе за безчестіе. Эта публичная гласность есть болѣе надежная узда для всѣхъ дерзкихъ людей: она будетъ сдерживать не только человекъ партикулярнаго, но и всякое оффиціальное лицо, злоупотребляющее своею властью.

Оплачиваніе безчестія деньгами, не принятое въ новыхъ нѣмецкихъ законахъ (по отношенію къ чести), тоже не заслуживаетъ особеннаго одобренія. Трудно допустить, чтобы человекъ имѣлъ какое-нибудь понятіе о чести, когда онъ за нанесенное ему оскорбленіе, а тѣмъ болѣе за плюху, сталъ бы искать денежнаго удовлетворенія. Тотъ же, кто ищетъ этого удовлетворенія, унижаетъ человѣческое достоинство и вполне заслуживаетъ того, чтобы его били.

Намъ рассказывали объ одномъ выгнанномъ изъ службы чиновникѣ, который за свою фізіономію получилъ въ разное время до 600 р. сереб. Онъ самъ старался о томъ, чтобы получить плюху, и былъ очень доволенъ, если ему удавалось ее получить. Онъ искалъ тогда удовлетворенія за безчестіе, но предпочиталъ оканчивать дѣло миромъ, дѣлая уступку изъ определенной закономъ платы за безчестіе.

Есть опять люди, у которыхъ честь составляетъ девизъ какого-то рыцарства. Для нихъ унижительно искать за обиду по суду и единственное удовлетвореніе своей оскорбленной чести они полагаютъ въ дуэли.

Разсмотримъ безпристрастно, что такое дуэль. Въ нравственномъ отношеніи это та же драка на кулачкахъ, облагороженная только химерическимъ понятіемъ о чести. До сихъ еще поръ дуэль сохранила свои феодальныя права, не осмысленныя разум-

ныи понятіями о человѣческой чести вообще. Такъ дворянинъ считаетъ себѣ за стыдъ драться на дуэли съ плебеємъ; аристократъ — съ человѣкомъ, принадлежащимъ къ среднему классу общества, между тѣмъ какъ всякій членъ общества равно дорожитъ своею честью. Законы дуэли тоже не имѣютъ смысла. Всегда-ли противники, становясь на барьеръ, обладаютъ одинаковымъ искусствомъ драться на шпагахъ или стрѣлять изъ пистолета? Конечно, нѣтъ; и потому-то болѣе искусный изъ нихъ всегда почти остается побѣдителемъ. Бывали примѣры, что иногда человѣкъ и плохо стрѣляющій изъ пистолета попадалъ своему противнику прямо въ лобъ, но примѣры эти рѣдки. Выходить, что жизнь того и другого противника зависитъ или отъ случая, или отъ искусства. Гдѣ же тутъ справедливость дуэли? и въ чемъ удовлетвореніе за безчестіе? Въ томъ развѣ, что оскорбленный можетъ остаться и побѣжденнымъ?!

Возьмемъ другую сторону дуэли. Въ последнее время *благороднѣйшимъ* оружіемъ считается пистолетъ. По дуэльнымъ законамъ право перваго выстрѣла предоставляется вызванному (иногда и оскорбленному, но это рѣдко), между тѣмъ какъ всегда почти вызывающій бываетъ лицомъ оскорбленнымъ; на какомъ же законѣ здравомыслія онъ долженъ подставлять свой лобъ подъ пулю того, кто его оскорбилъ? Иногда люди, болѣе или менѣе хладнокровные, назначаютъ разстояніе въ 10, 15 и 20 шаговъ, но иногда, при одинаковой ярости противниковъ, это разстояніе ограничивается платкомъ и стрѣльбою по командѣ. Здѣсь жизнь и смерть зависятъ отъ момента, отъ осычки и, наконецъ, отъ безсовѣстности одного изъ противниковъ. Бываютъ также примѣры, что противники падаютъ оба. И эту-то сумасбродную бойню называютъ благороднымъ расчетомъ. Попробуй же кто-нибудь отказаться отъ дуэли, и въ глазахъ *порядочнаго* круга онъ будетъ и трусомъ, и подлецомъ, и... однимъ словомъ, человѣкомъ, заслуживающимъ презрѣніе.

Беремъ примѣръ.

М. ѣдетъ съ своею женой на пароходѣ. Н. извѣстному рыцарю женскихъ сердецъ, человѣку, впрочемъ, принадлежащему къ высшему кругу, съ-пьяна или съ амуробѣсіа, представилось, что дама, сидящая съ М., не жена его, а что-то въ родѣ камелин. Онъ переходитъ съ своего мѣста, садится съ ней рядомъ, заглядываетъ ей дерзко въ глаза, начинаетъ говорить. Та отворачивается отъ него съ презрѣніемъ. Въ досадѣ на свою неу-

дачу, а главное не желая осрамиться передъ публикой, онъ дозволяетъ себѣ дерзкую и гнусную выходку. М. называетъ его негодаемъ и получаетъ вызовъ. М. въ жизни своей никогда не бралъ въ руки пистолета, не знаетъ даже, какъ онъ заряжается, не имѣетъ никакого понятія о фехтовальномъ искусствѣ, но между тѣмъ онъ человѣкъ честный, благородный, уважаемый обществомъ. Кромѣ того, онъ чувствуетъ себя совершенно правымъ, назвавши Н. негодаемъ, какъ человѣка, заслуживающаго презрѣніе. Наконецъ и по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ онъ считаетъ себя не въ правѣ располагать своею жизнью, которая принадлежитъ его семейству, матери, женѣ, дѣтямъ. Онъ знаетъ также, что вся эта семья живетъ только имъ, его благородными трудами. Безчестенъ-ли онъ, отказавшись отъ дуэли? А вѣдь найдутся люди, которые готовы приписать М. и трусость, и низость, и всѣ качества подлеца, тогда какъ онъ же считаетъ себя за безчестіе драться съ подлецомъ.

У насъ недавно еще стали выходить изъ моды бреттеры. Люди эти составляли себѣ какую-то геройскую славу тѣмъ, что, выучившись ловко владѣть шпагою и метко стрѣлять изъ пистолета, искали только случая, чтобъ съ кѣмъ-нибудь подраться. Они оскорбляли съ намѣреніемъ, чтобы получить вызовъ, и на основаніи вѣчныхъ законовъ дуэли пользовались правомъ перваго выстрѣла. Съ хладнокровіемъ разбойника наводили они пистолетъ, и счастливъ былъ противникъ, если падалъ только раненымъ, но по большей части его увозили съ барьера уже мертвымъ. Выстрѣлъ бреттера былъ такъ же безпощаденъ, какъ и топоръ палача. Потомъ они возвращались домой и праздновали побѣду въ кругу своихъ товарищей. Товарищи поздравляли убійцу, пили въ честь его тосты. Всѣ человѣческія чувства, даже голосъ совѣсти, заглушались въ этихъ разбойничьихъ ваханаліяхъ виномъ. Общество же не только не считало бреттеровъ людьми безчестными и вредными, но нерѣдко отзывалось о нихъ съ особеннымъ уваженіемъ. Юноши благоговѣли передъ ними, дамы видѣли въ нихъ олицетворенныхъ героевъ времени рыцарства, дѣвцы бредили ими во снѣ и наяву, даже многіе отцы семейства не гнушались ихъ знакомствомъ. Такимъ образомъ подлый убійца, въ глазахъ поклонниковъ дуэлей, становился кумиромъ. Правда, и въ наше даже время подобныя герои заслуживаютъ иногда удивленіе и уваженіе, но въ мнѣніи извѣстнаго только сорта людей, а въ мнѣніи большинства они

всегда останутся гнусными, отвратительными убійцами. Во всѣхъ законодательствахъ Европы дуэль считается не только противною нравственнымъ понятіямъ о чести, но преступленіемъ и вездѣ преслѣдуется строго.

Наконецъ, что́ это за благородный героизмъ — подставлять свой лобъ подъ пулю кого бы то ни было?—Если какой-нибудь повѣса не дорожитъ своей головой и ни во что не ставитъ ее, то для человѣка разсудительнаго нѣтъ никакого основанія ставить свою голову вѣ одну цѣну съ грязнымъ горшкомъ. Да и разбить этотъ горшокъ не будетъ составлять ни геройства, ни заслуги. Жизнь каждому дорога, въ особенности человѣку, имѣющему семейство, и трудно обвинять тѣхъ людей, которые, будучи даже тяжело оскорбленны, отказываются отъ дуэли. Времена рыцарства прошли, рыцари исчезли; если же по временамъ и появляются герои, то это подражатели Донъ-Кихота.

А. НИКИТИНЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

0

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЗАСЛУГАХЪ Г. КАТКОВА.

(Матеріалы для прагматической исторіи русской журналистики за послѣдніе годы).

Недавно г. Катковъ жаловался, что наша молодежь мало способна къ дѣлу, что нѣсколько поколѣній ея, отъ которыхъ общество не дожидается никакого полезнаго для себя труда, будутъ великимъ бѣдствіемъ для страны. Мы сами не одинъ разъ высказывали наше сожалѣніе о томъ, что наше молодое поколѣніе въ своемъ развитіи не избѣгло нѣкоторыхъ подводныхъ камней, усвоило себѣ нѣкоторые теоретическіе взгляды, весьма не заслуживающіе ни сочувствія, ни уваженія. Но мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы думать, будто вся наша молодежь и притомъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ совсѣмъ неспособна къ дѣлу. Напротивъ, мы знаемъ на опытъ, что большинство нашего молодаго поколѣнія вноситъ въ свою общественную дѣятельность такіе нравственные элементы, которые дѣлаютъ ее плодотворною. Если оно страдаетъ какими нибудь недостатками, то эти недостатки общіе всякой вообще молодежи, именно неопытность, неосторожность и иногда слишкомъ большой жаръ въ дѣятельности, не соотвѣтствующій ни средствамъ, ни обстоятельствамъ. Но этотъ недостатокъ, очевидно, есть только временный; между тѣмъ какъ тѣ нравственные качества, которыя молодежь приноситъ въ сферу своей дѣятельности, имѣютъ ха-

рактерь прочности и постоянства. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признать того факта, что нынѣшняя молодежь въ большинствѣ своихъ членовъ имѣетъ одну существенную разницу отъ молодежи предъидущихъ десятилѣтій. Мы помнимъ хорошо, какъ въ прежнее время молодой человѣкъ, окончивая свое образованіе и поступая на ту или другую службу, имѣлъ въ головѣ только одно,—свою собственную карьеру; объ ней объ одной онъ говорилъ, объ ней исключительно думалъ, и больше его не занимало ничто. Теперь не то; теперь не только на словахъ, но и въ глубинѣ души молодой человѣкъ, принимая на себя тотъ или другой родъ общественной дѣятельности, меньше думаетъ о карьерѣ, нежели о дѣлѣ,—одушевленъ искреннимъ желаніемъ принести пользу обществу. Наше молодое поколѣніе имѣетъ совсѣмъ другую основу для своей дѣятельности; оно успѣло проникнуться идеями гуманности и справедливости, оно слышало и приняло въ кругъ своихъ убѣжденій то, что личный интересъ есть такая цѣль въ жизни, исключительное служеніе которой недостойно существа нравственнаго, что, кромѣ того, слѣдуетъ посвящать свои силы на служеніе пользамъ общественнымъ, что подѣ часъ нужно пожертвовать интересу общественному интересомъ собственнымъ и т. д. И что всего лучше, что подаетъ всего больше надежды для будущаго, такъ это то, что въ значительной массѣ случаевъ подобныя убѣжденія далеко не остаются только въ состояніи модныхъ фразъ, а стремятся перейти въ жизнь и переходить. И вотъ, если случай приведетъ васъ быть свидѣтелями того или другаго рода общественной дѣятельности нашего молодаго поколѣнія, вы будете изумлены явленіями, для прежнихъ временъ почти совершенно невозможными; вы увидите массу молодыхъ людей, недостаточныхъ и скудно обезпеченныхъ своею службою или вообще своими занятіями, которые, имѣя полную возможность обставить свою жизнь всѣми удобствами, все-таки остаются въ бѣдности, честно дѣлаютъ свое дѣло, ни за что въ мірѣ не согласятся покрыть своей душой и даже не знаютъ, что такое частная благодарность въ то время, когда они исполняютъ свою обязанность. Такое явленіе послѣдняго времени, правда, по временамъ имѣвшее мѣсто и прежде, но только какъ рѣдкое исключеніе, а теперь поступившее въ разрядъ явленій весьма обыкновенныхъ, конечно, составляетъ весьма большой шагъ впередъ; и нельзя сказать, чтобы люди, способные къ подобной дѣятель-

ности, были великимъ бѣдствіемъ для страны. Напротивъ, дай Богъ, чтобы такихъ людей было побольше; ихъ соединенныя усилія всего вѣрнѣе подвинуть страну на пути ея усовершенствованія и достиженія высшихъ ступеней матеріальнаго благосостоянія. Въ этомъ и заключается заслуга послѣдняго времени, и здѣсь мы не можемъ не отдать справедливости тѣмъ людямъ, которыхъ мы часто осуждали въ тѣхъ случаяхъ, когда считали ихъ неправыми. Мы не можемъ не согласиться, что эти люди очень вѣрно угадали одну изъ потребностей нашего общества, которому до сихъ поръ обстоятельства препятствовали познакомиться хорошо съ нѣкоторыми идеями, давно вошедшими въ жизнь въ западной Европѣ. По видимому, изъ всѣхъ этихъ людей, наиболѣе одушевленныхъ въ развитіи гуманныхъ идей, былъ г. Чернышевскій, который и прежде другихъ началъ проводить ихъ въ литературѣ послѣдняго времени и котораго мы такъ часто осуждали за его экономическія и философскія идеи.

Есть, однако, и другой недостатокъ у нашего молодаго поколѣнія, по счастью далеко не общій для всей массы его. Это именно разныя теоретическія и практическія идеи или даже вѣрнѣе только фразы, принятые нѣкоторою частью нашей молодежи и, повидимому, уже совершившія свой полный кругъ въ секретныхъ листкахъ, которыхъ отличительный характеръ состоитъ въ крайнемъ невѣжествѣ и ограниченности.

Дѣйствительно, нельзя безъ глубокаго сожалѣнія относиться къ этому недостатку нашего молодаго поколѣнія; если бы его не было, мы имѣли бы гораздо больше здоровыхъ общественныхъ дѣятелей, которые намъ теперь нужнѣе, нежели когда нибудь. И какимъ путемъ прошли въ наше молодое поколѣніе нелѣпыя ученія,—объ этомъ судить теперь довольно трудно; это надобно предоставить времени.

Недавно было высказано очень оригинальное мнѣніе, будто движеніе, увлекшее значительную часть нашей молодежи, было сообщено ей ни кѣмъ другимъ, какъ г. Катковымъ вмѣстѣ съ г. Павловымъ. Въ этомъ мнѣніи мы находимъ большую долю справедливости. Известно, что г. Катковъ только въ послѣдніе годы своей издательской дѣятельности ограничилъ себя копированіемъ англійскихъ учрежденій и восхваленіемъ ихъ. А въ первые годы онъ относился ко всѣмъ вообще вопросамъ, выходя изъ основаній болѣе широкихъ. Это замѣчено уже давно

въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» по поводу полемики г. Каткова съ г. Туръ. Тогда же замѣчено, что и все вообще колѣнопреклоненіе г. Каткова передъ Англією произошло только послѣ того, какъ г. Катковъ познакомился съ книгою Гнейста, т. е. совершенно случайнымъ образомъ, такъ что если бы г. Каткову не пришлось прочитать Гнейста, то и характеръ «Русскаго Вѣстника» за послѣдніе годы былъ бы другой или, вѣрнѣе сказать, былъ бы прежній.

Но если г. Катковъ дѣйствительно виноватъ въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ другими далъ толчокъ движенію, то эта вина не такъ велика. Ни до какихъ абсурдовъ изъ рода тѣхъ, которые столько компрометировали въ послѣднее время наше юношество, самъ г. Катковъ не дошелъ; онъ излагалъ только общія основанія, которыя хотя и не согласны со взглядами «Русскаго Вѣстника» за послѣдніе годы, но все-таки еще нисколько не обусловливали развитія какихъ нибудь абсурдовъ. Правда, логическіе выводы изъ нихъ не могли имѣть ничего общаго съ идеями «Русскаго Вѣстника» за послѣдніе годы; но въ самомъ дѣлѣ это было заслугою г. Каткова, а не преступленіемъ. Его вина заключается въ другомъ.

Г. Катковъ въ послѣднее время высказалъ, что мы переживаемъ теперь трудную эпоху нашей общественной жизни, и что это самое возлагаетъ на каждого честнаго писателя обязанность быть какъ можно осторожнѣе въ своихъ сочиненіяхъ, говорить только то, что онъ понимаетъ вполнѣ ясно и отчетливо. Вполнѣ принимаемъ это правило, хотя и глубоко убѣждены въ томъ, что самъ г. Катковъ ни въ первое, ни въ послѣднее время своей издательской дѣятельности не соблюдалъ его. Но этого одного далеко недостаточно; и въ трудную эпоху общественной жизни, и во всякое время на каждомъ честномъ писателѣ лежитъ святая обязанность энергически противодействовать развитію такихъ ученій, которыя заключаютъ въ себѣ элементы безправственные и вредные для общественнаго развитія. Эта обязанность даже выше той, о которой говорить г. Катковъ; потому что, даже только слѣдуя необходимости и собственной выгодѣ, никто не станетъ говорить о томъ, что онъ смутно понимаетъ. Если это дѣлается, то только ненамѣренно, потому что очень многіе воображаютъ, что они ясно понимаютъ дѣло въ то время, какъ они понимаютъ его очень смутно. А противодействовать развитію вредныхъ ученій го-

раздо труднѣе, потому что въ этомъ дѣлѣ приходится имѣть дѣло иногда съ очень тонкою діалектикою противниковъ; а иногда за каждую подобную попытку противъ васъ начнутся свистъ и гамъ литературныхъ скомороховъ. Бѣда отъ этого, конечно, небольшая; но на мало образованную часть публики подобныя приѣмы имѣютъ большое вліяніе: она не разбираетъ да и разобрать не можетъ кто правъ кто виноватъ; она способна замѣчать только одно, кто больше свищетъ и гаерствуетъ. И конечно, какъ бы вы философски не разсуждали, всегда нужно имѣть нѣкоторую нравственную силу для того, чтобы пренебречь вполне этимъ гаерствомъ, такъ какъ нужно нѣкоторое нравственное усиліе для того, чтобы оставаться вполне спокойнымъ въ томъ случаѣ, если бы гдѣ нибудь въ публичномъ мѣстѣ кто нибудь позволялъ себѣ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ дразнить васъ языкомъ или дергать за полы.

Противодѣйствіе развитію вредныхъ ученій, не смотря на свои неприятели, во всякомъ случаѣ составляетъ обязанность каждаго честнаго писателя, особенно въ трудную эпоху народнои жизни. Г. Катковъ вполне и очень торжественно призналъ такой характеръ за нашимъ временемъ, потому очень естественно спросить, каковы были его усилія для противодѣйствія развитію тѣхъ нечестностей, которыя онъ теперь оплакиваетъ, и даже было-ли съ его стороны сдѣлано для этой цѣли что-нибудь? — Такой вопросъ тѣмъ болѣе уместенъ, что время журнальной дѣятельности г. Каткова вполне совпадаетъ съ нашею тревожною эпохою; началось оно въ то самое время, когда на все общество пахнуло новымъ свѣжимъ духомъ, когда въ администраціи произошли перемѣны, обѣщавшія много для будущаго, когда само общество начало вполне сознавать необходимость и скорое приближеніе разнаго рода реформъ, и когда русское печатное слово вдругъ получило гораздо большій просторъ, когда прямо заговорили о томъ, о чемъ прежде и не заикались. Такимъ образомъ г. Катковъ имѣлъ полную возможность стать въ литературѣ господниомъ положеніи, могъ развивать и опровергать все что угодно и что было нужно. Что же онъ сдѣлалъ? — Каковы были его положительныя и отрицательныя средства для развитія здоровыхъ идей въ нашей читающей публикѣ?

Мы не будемъ распространяться о положительной сторонѣ журнальной дѣятельности г. Каткова, не станемъ говорить о

томъ, что такое развивалъ и проводилъ въ публику самъ онъ? это было бы слишкомъ долго. Впрочемъ, вопросъ весьма любопытенъ и вполнѣдствіи мы постараемся посвятить ему нѣсколько времени. Теперь займемся только вопросомъ о томъ, каковы были усилія г. Каткова для того, чтобы препятствовать развитію и распространенію вредныхъ понятій въ нашемъ обществѣ.

Такихъ усилій со стороны г. Каткова мы не знаемъ совсѣмъ. Ко мнѣніямъ противниковъ, несогласнымъ съ его мнѣніями, онъ относился совершенно оригинальнымъ образомъ. Большею частію объ нихъ онъ молчалъ; только по временамъ высказывалъ къ нимъ свое презрѣніе, авторовъ ихъ называлъ то мальчишками, то воришками, да тѣмъ и ограничивался. Впрочемъ, заявлялъ не разъ, что онъ не считаетъ достойными подобныхъ воришекъ того, чтобы затѣвать съ ними полемику. Дальше мы постараемся повѣрить искренность этой методы со стороны г. Каткова фактами, а теперь повторимъ только то, что мы высказали гораздо прежде, — что въ этомъ случаѣ литературныя отношенія совсѣмъ не похожи на тѣ, которыя бывають въ обществѣ. Въ обществѣ, дѣйствительно, всего лучше совсѣмъ не связываться съ человѣкомъ, достойнымъ презрѣнія; но въ литературѣ, сколько бы вы ни презирали автора, вы не имѣете права оставлять безъ возраженія его статьи, если содержаніе ихъ и направленіе по вашему мнѣнію грозить опасностью для общественнаго развитія. Подобныхъ авторовъ мы всего лучше можемъ сравнить съ людьми, которые вздумали бы копать на улицѣ ямы и наполнять ихъ бочками съ порохомъ. Какъ бы вы ни презирали этихъ людей, но мы всегда обязаны предупредить ихъ и избавить отъ опасности массы народа, живущаго или только проходящаго и проезжающаго въ этихъ мѣстахъ. Авторы вредныхъ сочиненій, какъ извѣстно, опасны не менѣе такихъ людей, и потому презирать ихъ сочиненія тоже не приходится. Это г. Катковъ, конечно, зналъ; кромѣ того, онъ понималъ тревожный характеръ нашей эпохи. Потому для всякаго безпристрастнаго человѣка его образъ дѣйствій покажется очень страннымъ, нуждающимся въ подробномъ и основательномъ объясненіи. Мы постараемся объяснить его какъ сумѣемъ.

Всѣ замѣчали, что г. Катковъ ко всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ, занимавшимъ наше общество въ послѣдніе годы, или относился очень мало, или совсѣмъ ничего ни говорилъ объ нихъ.

Но было нѣсколько случаевъ, когда онъ одушевлялся, и одушевлялся въ весьма высокой степени. Постараемся припомнить всё эти случаи.

Первый примѣръ одушевленія показалъ г. Катковъ въ своемъ спорѣ съ г. Крыловымъ. Въ этомъ спорѣ, какъ известно, большинство читающей публики было на сторонѣ г. Каткова, потому что въ то время на него смотрѣли, какъ на представителя партіи, имѣвшей своимъ девизомъ движеніе впередъ, тогда какъ г. Крыловъ выступилъ защитникомъ стараго и порицателемъ новаго. Онъ хотѣлъ показать въ краткомъ очеркѣ Римской исторіи законность историческаго метода при изслѣдованіи старины. Въ своемъ очеркѣ онъ сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ, впрочемъ неизмѣняющихъ сущности дѣла. И за эти-то ошибки ухватился «Русскій Вѣстникъ»; онъ доказалъ какъ дважды два, что ценсоровъ въ Римѣ было не пять, а только два, и что Пантеонъ сначала былъ не Пантеономъ, а только одною изъ залъ въ баняхъ, и т. п. — Всѣ эти возраженія, будучи совершенно справедливы, не имѣли однако никакой силы противъ сущности статьи г. Крылова. Въ самомъ-дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы сказать, что въ Римѣ было два консула, пять ценсоровъ и десять трибуновъ, онъ могъ сказать два консула пять ценсоровъ и десять трибуновъ, и смыслъ остался бы тотъ же самый. Равнымъ образомъ, вмѣсто вещественнаго Пантеона, который не могъ вмѣщать въ себя статуи всѣхъ римскихъ боговъ того времени, онъ могъ бы говорить о Пантеонѣ невещественномъ, который могъ вмѣстить ихъ сколько угодно, и смыслъ статьи остался бы тотъ же самый. Такимъ образомъ, полемика «Русскаго Вѣстника» серьезною полемикою изъ-за вопроса не была; это было указаніе промаховъ г. Крылова, ни сколько неотносящееся къ дѣлу. И г. Крылову можно было въ двухъ строкахъ отвѣчать на всю статью «Русскаго Вѣстника», признать свои ошибки, и въ то же время стоять за сущность статьи. Этого онъ не сдѣлалъ. И какъ же распотѣшился надъ нимъ за это «Русскій Вѣстникъ»? Какъ торжественно редакция «Русскаго Вѣстника» и въ лицѣ самого г. Каткова, и въ лицѣ г. Леонтьева, и неоднократно въ лицѣ Байбороды, и въ лицѣ Ярослава, и въ лицѣ г. Чельшевскаго — упирала г. Крылову на его ошибки, сколько разъ были упомянуты эти несчастные пять ценсоровъ, этотъ Пантеонъ, построенный Агриппою для того, чтобы вмѣщать всѣхъ римскихъ боговъ!—Сколько было упрековъ г. Крылову

въ невѣжествѣ и въ недобросовѣстности, и какъ ловко редакция «Русскаго Вѣстника» вызывала г. Крылова на полемику! Вообще одушевленіе, показанное въ этомъ случаѣ «Русскимъ Вѣстникомъ» не принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ.

Послѣ этого оживленная полемика въ «Русскомъ Вѣстникѣ» на нѣкоторое время прекратилась; десятокъ статей, направленныхъ противъ г. Крылова и пяти ценсоровъ, по видимому, истощилъ редакцію «Русскаго Вѣстника». Ея одушевленіе возобновилось только тогда, когда г. Тургеневъ напечаталъ въ «Современникѣ» свою повѣсть «Фаустъ.» Дѣло въ томъ, что г. Катковъ, приступая къ изданію «Русскаго Вѣстника», по видимому, имѣлъ желаніе кромѣ своихъ собственныхъ идей развивать и распространять въ публикѣ еще тѣ, которыя находились въ головѣ г. Тургенева. Для этого онъ и просилъ у г. Тургенева повѣсть для помѣщенія ея въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Г. Тургеневъ обѣщаль ему повѣсть подъ названіемъ «Призраки.» Когда «Фаустъ» былъ напечатанъ въ «Современникѣ», то г. Каткову почудилось, что это та самая повѣсть, которая была обѣщана въ «Русскій Вѣстникъ». И вотъ онъ безъ дальнихъ справокъ началъ жаловаться публикѣ, что г. Тургеневъ обманулъ его. Сталъ доказывать въ очень долгой и оживленной аргументаціи, что г. Тургеневъ поступилъ безчестно (Считаемъ долгомъ прибавить, что г. Тургеневъ отъ этого обвиненія оправдывался и оправдался вполне, и г. Катковъ извинился передъ нимъ такъ же публично, какъ публично было сдѣлано оскорбленіе).

Послѣ этого одушевленіе г. Каткова опять прекратилось на время до новаго случая. Когда случай представился, то г. Катковъ затѣялъ полемику съ нашею уважаемою писательницею г-жею Е. Туръ. Онъ началъ доказывать, что ея статья о г-жѣ Свѣчиной (напечатанная въ «Русскомъ Вѣстникѣ») никуда не годится, что онъ отнесся къ ней весьма снисходительно, назвавши ее только одностороннею, что г-жа Е. Туръ не поняла характера г-жи Свѣчиной и не умѣла оцѣнить ея достоинства, равно какъ и ея литературныя произведенія. Все это развивалось и доказывалось и съ большою полнотою и съ большою энергіею. Да и нельзя было иначе. Еще приступая къ полемикѣ, г. Катковъ объявилъ, что онъ будетъ безжалостенъ, что онъ выведетъ все на чистоту и т. д. Это бы все ничего: тутъ кромѣ одушевленія еще ничего нѣтъ, а одушевленіе по истинѣ было больше. Г. Катковъ преслѣдовалъ г-жу Е. Туръ даже

дальше полемики о г-жѣ Свѣтцовой. Когда г-жа Е. Туръ напечатала свое объявленіе объ изданіи «Русской Рѣчи», то г. Катковъ и тутъ не оставилъ ее въ покоѣ, и между прочимъ уведомлялъ публику, что объявленіе г-жи Туръ написано, вѣроятно, не ею самою. Но и это еще ничего. Сюда относится одинъ фактъ, котораго мы, по причинѣ его не деликатности и грубости, не можемъ даже и упомянуть, который замѣченъ всѣми писавшими по этому предмету, и хотя былъ опровергаемъ г. Катковымъ, но опровергаемъ голословно, а фактически былъ подтвержденъ въ той же самой статьѣ, которая содержала опроверженіе его.

Полемика съ г-жею Е. Туръ послужила поводомъ г. Каткову къ полемикѣ съ нѣкоторыми другими литературными органами. Надобно отдать справедливость, что въ этомъ случаѣ почти вся литература заявила себя противъ не деликатности г. Каткова. И г. Катковъ не оставилъ безъ отвѣта ни одного изъ своихъ противниковъ; въ такихъ случаяхъ онъ очень не уступчивъ. И одному изъ противниковъ онъ отвѣтилъ тѣмъ, что будто бы тотъ зачиталъ у него какую-то книгу, Гнейста или Молинали, хорошо не знаемъ,—вообще одну изъ тѣхъ, которыя служатъ законоположительными книгами для «Русскаго Вѣстника». — На другую замѣтку, напечатанную въ «Русскомъ Инвалидѣ» и осуждающую тотъ же самый поступокъ г. Каткова, онъ отвѣчалъ тѣмъ, что извѣстилъ публику, какъ редакторъ «Русскаго Инвалида» прислалъ статью для помѣщенія ея въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и какъ редакция «Русскаго Вѣстника» отказалась ее печатать. Не помнимъ, сколько статей было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» по поводу статьи г-жи Е. Туръ. Очевидно, редакция «Русскаго Вѣстника» этотъ вопросъ считала очень важнымъ, и конечно какъ число статей, такъ и приемы редакціи, въ высшей степени характеристическіе и одушевленные, соответствовали этой важности. Впрочемъ, приемы редакціи «Русскаго Вѣстника» въ полемикѣ одинаковы не только въ такихъ важныхъ спорахъ, какъ споры ея съ г. Крыловымъ или съ г-жею Е. Туръ, но и во всѣхъ вообще.

Нѣсколько раньше спора съ Е. Туръ, редакция «Русскаго Вѣстника» имѣла маленькое объясненіе съ «Русскою Бесѣдою». Личныя качества бывшихъ редакторовъ «Русской Бесѣды» хорошо извѣстны русской публикѣ; заподозрить ихъ въ недобросовѣстности дѣйствительно очень трудно; но г. Катковъ ухитрился сдѣлать и это. Доказательствъ въ такихъ случаяхъ приводитъ онъ не

имѣть въ обыкновеніи. Онъ даже, повидимому, и не хорошо представляетъ себѣ необходимость ихъ въ подобныхъ случаяхъ, ему лишь бы только упрекнуть, и дѣло считается въ шляпѣ.

Послѣ побѣды, одержанной г. Катковымъ надъ г-жею Е. Туръ, слѣдовала его кампанія противъ г. Чернышевскаго. До этого времени редакція «Русскаго Вѣстника» объявлять настоящую войну г. Чернышевскому не рѣшалась; она дразнила его понемногу, щипала и дергала за фалды вездѣ, гдѣ приходилось. Напечатала противъ него пустынькую статью г. Цвѣта, но все это на г. Чернышевскаго не дѣйствовало. Наконецъ, редакція «Русскаго Вѣстника» перепечатала изъ «Трудовъ кievской духовной академіи» большую статью г. Юркевича, направленную противъ философіи г. Чернышевскаго. Тогда онъ рѣшился отвѣчать. Статью г. Юркевича онъ обошелъ молчаніемъ, а на мелкія придирки «Русскаго Вѣстника» отвѣчалъ и весьма энергически и весьма дѣльно, разумѣется не щадя редакцію «Русскаго Вѣстника». Этого уже г. Катковъ не стерпѣлъ; онъ написалъ весьма пространную статью, въ которой старался снова взять верхъ надъ г. Чернышевскимъ. Главнымъ аргументомъ все-таки и здѣсь была статья г. Юркевича. Г. Катковъ нѣсколько разъ повторяетъ, что его противнику слѣдуетъ прочитать статью г. Юркевича, трунить надъ тѣмъ, что г. Чернышевскій совершенно растерялся и началъ сочинять небылицы (будто онъ не читалъ статьи г. Юркевича) и т. п. Г. Катковъ въ своемъ гнѣвѣ неумолимъ; онъ не ограничился одною статьею противъ г. Чернышевскаго, а вслѣдъ за нею написалъ другую, такую же большую, въ которой главнымъ образомъ доказывалъ то, что г. Чернышевскій *не имѣетъ никакого обращенія*, что онъ не деликатно отнесся къ своимъ противникамъ изъ «Отечественныхъ Записокъ».

Въ одно время съ этою полемикою г. Катковъ велъ другую, — противъ г. Достоевскаго. Въ то время наша журналистика сдѣлала апофеозу г-жи Толмачевой за чтеніе «Египетскихъ ночей»; это было отголоскомъ вопроса о женской эманципации, который былъ поднятъ гораздо раньше и рѣшенъ весьма плохо, такъ что, согласно съ рѣшеніемъ его, чтеніе г-жи Толмачевой, дѣйствительно, представляло подвигъ. Но г. Катковъ все молчалъ, держалъ себя въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока г. Достоевскій не задѣлъ его. Тогда г. Катковъ выступилъ съ своимъ рѣшеніемъ вопроса о женской эманципации въ извѣстномъ смыслѣ. Тутъ г. Катковъ былъ правъ; но, во-первыхъ,

зачѣмъ же онъ дожидался, чтобъ его затронули; зачѣмъ онъ не собрался раньше писать о вопросѣ, которымъ интересовалась вся литература и публика? Во-вторыхъ, зачѣмъ онъ къ вопросу объ эманципации привязалъ личности и брань, зачѣмъ дѣло не обошлось безъ «эманципаторовъ съ грязными руками» и т. п. И кто сказалъ ему, что эти эманципаторы были съ грязными руками? Но вотъ что было дальше. «Время» не унималось; оно продолжало эманципацию въ своемъ смыслѣ, а на ругательства отвѣчала тоже весьма патетически: патетизизъ, какъ извѣстно, составляетъ особенность «Времени». Тогда г. Катковъ сочинилъ планъ атаки болѣе убійственный. «Время», слушааясь болѣе своего собственнаго, весьма оригинальнаго, чувства, чѣмъ общечеловѣческаго чувства нравственнаго, стало доказывать, что разбойники, которые за двугривенный убиваютъ своихъ спутниковъ, представляютъ чуть-ли не идеаль челоуѣка, что люди, которые обманываютъ своихъ друзей, надуваютъ жидовъ и своихъ любовницъ: весьма достойны любви. Этого г. Катковъ какъ будто только и ждалъ; съ яростію хищной птицы бросился онъ на г. Достоевскаго, назвалъ его Хлестаковымъ, ягодою одного поля вмѣстѣ съ г. Аскоченскимъ и т. п. Безъ сомнѣнія, «Время» проповѣдывало большой вздоръ; но вѣдь это было вполне послѣдовательно; принципы, изъ которыхъ сдѣланъ былъ этотъ выводъ, были высказаны имъ гораздо раньше. И не одинъ разъ «Время» высказывало подобныя оригинальныя нравственныя сентенціи. Наконецъ не въ одномъ «Времени» можно найти подобныя абсурды. Отъ чего же г. Катковъ замѣчаетъ ихъ только тогда, когда затронуть его самого? Мы первые стали бы ему аплодировать, если бы онъ замѣчалъ и преслѣдовалъ все что есть нелѣпаго въ русской журналистикѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что этого онъ-то и не дѣлаетъ; а если изрѣдка и займетса этимъ, то совершенно случайно, вслѣдствіе побужденій, которыя отгадать очень не трудно.

Недавно онъ не сошелся въ чемъ-то съ г. Чичеринимъ; и между ними началась полемика. Странное дѣло! опять г. Каткову понадобилось зачѣмъ-то перейти къ личностямъ и сообщить читающей публикѣ, что г. Чичеринъ искалъ сотрудничества въ его журналѣ, да г. Катковъ его не принялъ.

Если мы попробуемъ искать руководящую идею во всѣхъ этихъ случаяхъ полемики г. Каткова, то придемъ къ выводу, который не вызоветъ съ нашей стороны сочувствія къ нему. Въ

самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что въ одушевленіи у него недостатка не было, но только тогда, когда были затронуты личные интересы самого г. Каткова или интересы его журнала. Прежде всего это видно въ полемикѣ г. Каткова съ г. Крыловымъ: г. Крыловъ отнесся безъ всякой симпатіи къ кружку «Русскаго Вѣстника», и тогда явился длинный рядъ полемическихъ статей, неизмѣвшихъ никакой цѣли, кромѣ того, чтобы унижить г. Крылова. — Г. Тургеневъ не далъ своей повѣсти въ журналъ г. Каткова, и тогда напечатана обвинительная статья противъ г. Тургенева, не имѣвшей ни какой другой цѣли, кромѣ того, чтобы унижить его. — Г-жа Е. Туръ была недовольна не деликатностью г. Каткова, тогда напечатана была статья, неизмѣвшая никакой другой цѣли, кромѣ того, чтобы доказать, что не деликатность г. Каткова была основательна, и что г-жа Е. Туръ не заслуживала даже и того положенія, въ которое поставилъ ее г. Катковъ. Нашлось нѣсколько человѣкъ, которые протестовали противъ грубости г. Каткова; тогда онъ обвинилъ ихъ чуть не въ преступленіяхъ, по крайней мѣрѣ въ очевидной неблагонамѣренности. — Посмѣялся г. Чернышевскій надъ мелочными придирками «Русскаго Вѣстника»; тогда г. Катковъ пишетъ противъ него статьи, въ которыхъ дразнить его г. Юркевичемъ и доказываетъ публикѣ, что г. Чернышевскій не умѣетъ себя держать какъ прилично порядочному человѣку. — Затрогиваетъ г. Достоевскій г. Каткова; и г. Катковъ называетъ его эманципаторомъ съ грязными руками и ягодою одного поля съ г. Аскоченскимъ. — Затрогиваетъ его г. Чичеринъ, и г. Катковъ унижаетъ его публикаціею о безуспѣшномъ искапіи сотрудничества въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Какими побужденіями руководился во всѣхъ этихъ случаяхъ г. Катковъ? Что его занимало, развитіе здравыхъ идей въ читающей публикѣ, или интересъ его журнала и личное самолюбіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть сомнителенъ. На первомъ планѣ тутъ, очевидно, то самолюбіе, то расчеты на успѣхъ журнала. Общественные вопросы или совсѣмъ забываются, или приносятся въ жертву для этихъ двухъ цѣлей; не важные вопросы раздуваются (вопросъ о характерѣ и качествахъ г-жи Свѣчиной), а важные превращаются въ ничтожные. Особенно любопытно отношеніе г. Каткова къ вопросу о женской эманципаціи; онъ только потому и получилъ значеніе въ глазахъ г. Каткова, что г. Каткову нужно было написать статью

противъ г. Достоевскаго. Потому онъ снова получаетъ важность, когда г. Каткову нужно было писать противъ полемическихъ красотъ г. Чернышевскаго.

Будто такой образъ журнальной дѣятельности можно назвать служеніемъ обществу? — И не лучше-ли было бы, если бы г. Катковъ, оставляя въ сторонѣ личные интересы и личную полемику (*), занялся полемикою мнѣній, указаніемъ и опроверженіемъ того, что было и что есть въ русской журналистикѣ легкомысленнаго, нелѣпаго и вреднаго?—Тогда онъ имѣлъ бы право на дѣйствительную признательность со стороны лучшей части нашего общества, а не со стороны тѣхъ людей, которые прогрессъ понимаютъ, какъ собственную свою выгоду. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго въ журнальной дѣятельности г. Каткова не было. Правда, онъ не разъ возвѣщалъ публикѣ, какъ онъ да г. Леонтьевъ начнутъ ловить литературныхъ ворюшекъ, во всѣ вопросы внесутъ свѣтъ и истину, что нужно—докажутъ, что нужно—опровергнутъ; но дѣло такъ обѣщаніями и кончилось. Побѣдилъ одинъ разъ г. Леонтьевъ г. Крылова на поприщѣ латинскихъ склоненій, самъ г. Катковъ преодолѣлъ г. Достоевскаго на поприщѣ нравственной философіи, да тѣмъ подвиги ихъ и кончились.

Если въ самомъ дѣлѣ г. Катковъ дорожилъ серьезнымъ характеромъ нашего прогресса и разумнымъ развитіемъ нашего юношества, то отчего журналъ его оставался глухъ и не отзывался на важнѣйшіе нравственные, философскіе и общественные вопросы, которые были подняты въ послѣднее время? — Впрочемъ, тутъ надобно сдѣлать маленькую оговорку. Самъ г. Катковъ ставитъ даже свою заслугу въ томъ, что именно онъ-то и откликался на всѣ вопросы. Но какъ понималъ онъ это дѣло, какъ сумѣлъ онъ оцѣнить относительную важность вопросовъ?—Правда, онъ говорилъ свое слово весьма во многихъ случаяхъ; напримѣръ, начинается-ли рѣчь о сельскомъ управленіи, и г. Катковъ уже толкуетъ о томъ, какъ выбирать сель-

(*) Мы пропустили еще два случая весьма оживленной полемики со стороны г. Каткова: 1) Когда онъ возсталъ противъ монополіи по поводу того, что г. Краевскій позано напечаталъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» публикацію объ изданіи «Русскаго Вѣстника»; 2) когда онъ въ послѣднее время защищалъ монополію по поводу того, что г. Павловъ возсталъ противъ его исключительнаго права печатать въ Москвѣ казенныя объявленія.

скихъ старшинъ, сколько ихъ выбирать и т. п. Начнется-ли рѣчь о путяхъ сообщеній,—и г. Катковъ уже толкуетъ о томъ, гдѣ провести дорогу, гдѣ прокопать каналъ, какъ ихъ проводить и т. п. Начнется-ли рѣчь объ акціонерныхъ компаніяхъ,—и г. Катковъ строитъ свои проекты о томъ, гдѣ устроить газовый заводъ, гдѣ учредить пароходное сообщеніе и т. д. Начнется-ли рѣчь о постройкѣ какого-нибудь памятника,—и г. Катковъ разсуждаетъ о томъ, кому и какъ его строить. Начнется-ли рѣчь о всемірной выставкѣ,—и г. Катковъ толкуетъ, гдѣ и какъ размѣстить произведенія Россіи и т. д. Бывало, что г. Катковъ и самъ затрогивалъ разные вопросы; такихъ вопросовъ, затронутыхъ имъ, даже не мало. И нельзя не отдать справедливости г. Каткову, вопросы очень важные; напримѣръ, вопросъ о государственномъ коннозаводствѣ въ Россіи и т. п. Впрочемъ, не этою только прозою ограничился г. Катковъ: онъ пускался и въ чистую безкорыстную науку, напримѣръ интересовался современными трудами по части нумизматики; г. Лонгиновъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ наполнялъ «Русскій Вѣстникъ» библиографическими изысканіями; г. Ржевскій развивалъ свои оригинальные политико-экономическіе принципы въ родѣ того, что, напримѣръ, лучшее средство для искорененія пролетаріата заключается въ томъ, чтобы богатые классы имѣли много денегъ *, а кромѣ г. Ржевскаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ» было много и другихъ экономистовъ, напримѣръ г. Василій-Зачный и даже самъ Густавъ де-Молинали, а вслѣдъ за Густавомъ де-Молинали и г. Катковъ съ г. Леонтьевымъ тоже пустились въ политическую экономію. И надобно сказать по правдѣ, сдѣлали выводы сколько ученые, столько и оригинальные. Г. Леонтьевъ доказалъ, что русскому мужику земля не нужна, подобно тому какъ она была не нужна римскому плебею. И такимъ образомъ, однимъ взмахомъ пера, рѣшилъ два важнѣйшіе вопроса: одинъ современный, другой изъ древней исторіи. Результатъ, добытый г. Катковымъ, еще оригинальнѣе; онъ сочинилъ свою собственную теорію общиннаго пользованія землею, весьма несогласную и съ тѣмъ, что существуетъ у насъ, и что существовало на западѣ. И сдѣлалъ это г. Катковъ, по его собственнымъ словамъ, для того, чтобы Россія имѣла учрежденіе совершенно оригинальное, не похожее на то, что

* «Русскій Вѣстникъ» 1860 г. № IX.

существовало у другихъ народовъ. Мы были бы не прощъ въ этомъ случаѣ сравнить г. Каткова съ Ликургомъ; только, къ сожалѣнію, Ликургъ объ оригинальности не думалъ; и вообще во всей всемірной исторіи, начиная отъ древнѣйшихъ временъ и до 1862 года, мы не знаемъ ни одного законодателя или публициста, который бы, стараясь ввести какія-нибудь учрежденія, руководился въ своихъ планахъ желаніемъ быть оригинальнѣмъ. Кажется, впрочемъ, что у авторовъ «Молодой Россіи» можно найти подобную же оригинальность. Только итъ да г. Каткову суждено быть этимъ чудомъ, неслыханнымъ въ исторіи. И можно представить себѣ, каковы были бы результаты, еслибы за г. Катковымъ потянулись и другіе, еслибы наши законодатели и публицисты въ своихъ политическихъ соображеніяхъ стремились къ оригинальности. Тогда до насъ было бы далеко не только китайцамъ, но и утопійцамъ и икарійцамъ, океанійцамъ и т. п. Пріемъ, употребленный г. Катковымъ, дѣйствительно таковъ, что онъ пріемхонько доведеть до «Молодой Россіи» и подобныхъ ей политическихъ проектовъ.

Но даже и такія произведенія, такое философствованіе со стороны гг. Каткова и Леонтьева составляло всегда большую рѣдкость, а теперь и совсѣмъ прекратилось. Теперь г. Катковъ главнымъ образомъ занятъ вопросами въ родѣ того, какъ разставить на лондонской выставкѣ произведенія Россіи, пишетъ о театрѣ, о пѣвцахъ и пѣвицахъ, о русской художественной выставкѣ и по временамъ продолжаетъ толковать объ устройствѣ дорогъ, каналовъ, пароходныхъ пристаней, гостинныхъ дворовъ, и т. п. Безспорно, все это вещи хорошія, только есть много вещей, которыя гораздо лучше и которыя болѣе достойны философа и публициста высшаго полета. Вѣдь эти хорошія вещи останутся такъ же бѣдны результатами, какъ бѣдны онѣ были до сихъ поръ, если вы сведете это дѣло только на подобное измѣненіе внѣшнихъ подробностей. Если вы не сдѣлаете ничего для того, чтобы приготовить дѣятелей для всѣхъ этихъ родовъ дѣятельности, и если вы не обозначите полезность всѣхъ этихъ мелкихъ перемѣнъ введеніемъ въ общественную жизнь новыхъ нравственныхъ началъ, которыя нереализовали бы вредныя дѣйствія началъ, отжившихъ свой вѣкъ. А для этого-то г. Катковымъ ни теперь, ни прежде не было ничего сдѣлано; онъ предоставилъ развитіе основныхъ теорій нравственныхъ, философскихъ и экономическихъ другихъ, и

теперь плачетъ о его результатахъ, находятъ, что нѣсколько поколѣній съ извращенными понятіями будутъ бѣдствіемъ для страны.

Да отчего же, спросили бы мы у г. Каткова, у всѣхъ этихъ поколѣній будутъ извращенныя понятія? Не онъ-ли вмѣстѣ съ г. Леонтьевымъ посвящалъ свои труды и свою ученость на развитіе этихъ поколѣній въ наиболѣе дѣятельную эпоху нашей умственной жизни? Не ошибается-ли г. Катковъ? Вѣдь этимъ поколѣніемъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» хорошо объяснено много предметовъ очень важныхъ. Такъ, имъ сообщена идея оригинальной сельской общины, имъ доказана ненужность для нашего крестьянина земля, имъ объяснены дѣйствительныя средства противъ пролетаріата, потомъ имъ указано истинное число римскихъ цензоровъ, имъ указано, какія забытыя произведенія русской литературы принадлежать какимъ авторамъ, на что годится пумизматика, и что она въ послѣднее время сдѣлала, наконецъ съ особенною любовью имъ объяснено значеніе Сикстинской Мадонны. Они знаютъ хорошо, что *Rимъ въ недавнее время имѣлъ счастье открыть* новую статую Венеры *, знаютъ, какая разница между Брюловымъ и Ивановымъ, и кто изъ нихъ выше; знаютъ, въ какомъ состояніи находятся мастерскія русскихъ художниковъ въ Римѣ; знаютъ въ какихъ городахъ Италіи и Германіи есть художественныя коллекціи, каковы бывають за границею художественныя выставки и т. п.; они знаютъ даже, какова картина г. Моллера «Іоаннъ Богословъ», каковъ характеръ музыки Шопена, и каковъ драматическій талантъ у Ристори. Мы не можемъ перечислить здѣсь и десятой доли всѣхъ этихъ пріятныхъ и полезныхъ вещей, объясняемыхъ г. Катковымъ русскому юношеству. Но читатели знаютъ, что ихъ, дѣйствительно, было въ сто разъ больше, что г. Катковъ всѣмъ этимъ занимался систематически и съ любовью. Такъ отъ чего же, кажется, быть извращеннымъ понятіемъ у нашего юношества? И стоитъ-ли объ этомъ очень много плакать? — Правда, извращенныя понятія среди нашего юношества, къ сожалѣнію, совсѣмъ не рѣдкость; но, какъ мы уже снзали, вмѣстѣ съ тѣмъ наше юношество приобрѣло много и добрыхъ качествъ. И несомнѣнно, что въ будущемъ эти добрыя качества не останутся безъ благотворныхъ результа-

* «Русскій Вѣстникъ» 1806 г. № IX.

товъ; извращенныя понятія отпадутъ сами собою, какъ вслѣдствіе болѣе серьезнаго научнаго образованія, такъ и вслѣдствіе того образованія, которое даетъ жизнь. Но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что извращенныя понятія нашей молодежи въ настоящее время частію отнимаютъ у насъ нѣсколькихъ полезныхъ общественныхъ дѣятелей, частію продать движимію нашихъ реформъ, заставляя многихъ опасаться, что реформы или поведутъ за собою подобное же извращеніе понятій или дадутъ возможность этимъ извращеннымъ понятіямъ перейти изъ сферы мыслей въ жизнь. Нельзя не согласиться также и съ тѣмъ, что г. Катковъ имѣлъ полную возможность противодействовать извращенію понятій среди нашего юношества; вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, время развитія нынѣшняго молодого поколѣнія вполне совпадаетъ со временемъ журнальной дѣятельности г. Каткова. Такъ отчего же, въ самомъ дѣлѣ, онъ молчалъ въ свое время, отчего онъ презиралъ «малыхъ сихъ»? Дѣло объясняется очень просто: будучи весьма нехладнокровнымъ къ интересамъ собственнаго журнала, равно какъ и къ интересамъ собственной своей личности, и, выражаясь языкомъ г. Каткова, будучи въ такомъ случаѣ готовъ полѣзть на ножи, г. Катковъ, вслѣдствіе непреложныхъ психологическихъ законовъ, не могъ въ своемъ сердцѣ отбѣлить слишкомъ много мѣста для подобныхъ вопросовъ. Теперь увлекся ими только вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ; безъ этого продолжалъ бы толковать о размѣщеніи русскихъ произведеній на лондонской выставкѣ, о томъ, въ какомъ губернскомъ городѣ почививается мостовая, въ какомъ нужно построить новую пароконную пристань или гостинный дворъ и т. п.

Къ этому объясненію надобно прибавить еще другое. Вслѣдствіе того или другаго, вслѣдствіе высшихъ политическихъ соображеній или личнаго раздраженія, по временамъ г. Катковъ начинался и прежде о ненормальномъ направленіи нашего юношества, а главнымъ образомъ литературы, но именно только начинался, да кромѣ того возвѣщалъ, какъ это онъ съ г. Деодтьевымъ начнутъ ловить разнаго рода литературныхъ ворюшекъ. Читающая публика, надобно признаться, съ большимъ интересомъ ожидала этой журнальной охоты, въ которой г. Катковъ и Деодтьевъ должны были играть роль добѣжачилъ. Только вышло дѣло очень страшное. Древняя поговорка о томъ, чтобы «не хвалиться вѣдучи на рать», оправдалась вполне, и

приключеніе съ снѣнцемъ, обѣщавшемуся зажечь море, повторилось въ русской литературѣ. Литературныхъ ворышекъ не было изловлено ни одного, ни г. Катковымъ, ни г. Леонтьевымъ. Въ самомъ дѣлѣ, кого считали они литературными ворышками? Нечего скрывать, и мы скажемъ это, не боясь оскорбить, г. Чернышевскаго, что, главнымъ образомъ, всѣ эти похвалы были направлены противъ него, онъ былъ у нихъ бѣльмомъ на глазу, его-то и нужно было изловить гг. Каткову и Леонтьеву*.

И они точно его ловили, только не своими, а исключительно чужими руками. Не нравились имъ экономическія теоріи г. Чернышевскаго. Кажется, чего бы проще. Оставить бы всѣ преждевременныя похвалы, оставить мелочнымъ придирами, а разобратъ получше, со строгой научной точки зрѣнія, сочиненія г. Чернышевскаго, показать недостаточность его теорій и выводовъ, и публика увидѣла бы его несостоятельность, и всѣ перестали бы вѣрить ему. Но ничего этого не было; соединенная редакція «Русскаго Вѣстника» такъ и осталась на одиѣхъ похвалбахъ, да на томъ, что называется литературными щипками. Слава Богу, что хоть въ Саратовѣ между соотечественниками г. Чернышевскаго нашелся богатырь, который явился на подмогу редакціи и обнаружилъ несостоятельность экономическихъ теорій г. Чернышевскаго. Вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ, гг. Катковъ и Леонтьевъ сочли статью г. Цвѣта за дѣйствительное опроверженіе сочиненій г. Чернышевскаго; только, въ самомъ дѣлѣ, въ ней и намека не было на серьезную научную критику. Но каково бы ни было это опроверженіе, все-таки оно написано не въ редакціи; это уже городъ Саратовъ раздѣлился и возсталъ на себя. Этимъ и кончился весь походъ «Русскаго Вѣстника» противъ экономическихъ теорій г. Чернышевскаго. Затѣмъ оставалась еще его философія; ужъ тутъ, конечно, редакція «Русскаго Вѣстника» могла поймать его, и даже взять въ плѣнъ. Вѣдь г. Катковъ когда-то написалъ исторію древней греческой философіи, изучалъ философію за границею и самъ былъ профессоромъ по этой части; ужъ тутъ, кажется, гдѣ бы г. Чернышевскому выпутаться изъ бѣды? кажется, ужъ г. Катковъ могъ бы порядочно раскритиковать его, могъ не оставить ни одного живаго мѣста во всей его системѣ. И, однако, не

* Мы никакъ не позволимъ себѣ сказать, чтобы гг. Катковъ и Леонтьевъ рассчитывали вмѣстѣ съ тѣмъ изловить и 6000 абонентовъ «Современника», о которыхъ онъ публиковалъ.

расширяли; союзниковъ ни изъ Саратова, ни изъ какого-нибудь другаго города не явилось, а напечаталъ г. Юркевичъ совершенно независимо свой разборъ въ дальнемъ губернскомъ городѣ. Г. Катковъ какъ будто ждалъ этого и самъ пока еще снисходительно относился къ философіи г. Чернышевскаго, еще не рѣшался сразить его; послѣ же выхода въ свѣтъ статьи г. Юркевича, онъ ограничился тѣмъ, что перепечаталъ ее въ «Русскомъ Вѣстникѣ», съ прибавленіемъ отъ себя вступленія въ нѣсколькихъ строкахъ; въ этомъ и заключалась его доля.

Отчего же и г. Катковъ и г. Леонтьевъ ограничились такою страдательною ролью въ томъ дѣлѣ, въ которомъ они надавали обѣщаній, отчего г. Леонтьевъ, нашъ Нибуръ и нашъ Адамъ Смитъ, не опровергалъ самъ экономическихъ теорій г. Чернышевскаго, а предоставилъ это дѣло г. Цвѣту, и мало знающему и плохо понимающему политическую экономію, — отчего г. Катковъ, нашъ Гегель не опровергалъ философскихъ теорій г. Чернышевскаго, а предоставилъ это ученому профессору кievской духовной академіи? Дѣло слишкомъ просто: для похвалы ничего особеннаго не нужно, а для основательной критики, говорятъ, требуется немножко научныхъ познаній, да кромѣ того, нѣкоторыя интеллектуальныя способности. А изъ дѣла оказывается, что г. Леонтьевъ, не смотря на безошибочное знаніе латинской этимологіи, не смотря на точное познаніе количества римскихъ цензоровъ, не смотря на очень вѣрныя компіляціи изъ англійскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ въ своихъ статьяхъ, касающихся жизни классическихъ народовъ, — въ политической экономіи очень не силенъ; а г. Катковъ, не смотря на свою исторію древней греческой философіи, не смотря на свои филологическія познанія въ русскомъ языкѣ, не смотря на способность переводить Шекспира и вообще не смотря на свои поэтическія и стихотворныя способности, — оказывается философомъ не столько сильнымъ, сколько снисходительнымъ. Такъ удивительно-ли, что при такихъ обстоятельствахъ гораздо сподручнѣе толковать о раздѣленіи произведеній Россіи на лондонской выставкѣ, о томъ, что дѣлается въ губернскихъ городахъ, нежели пускаться въ глубину философіи или политической экономіи.

Журнальную дѣятельность г. Каткова нѣкоторые считаютъ слишкомъ важною и серьезною, и главнымъ образомъ потому, что будто бы г. Катковъ представляетъ такое свѣтло учено-

отъ, котораго каждое слово дышетъ истинною и глубиною мысли. Мы падѣмся, если обстоятельства позволятъ, сдѣлать со временемъ усиленную оцѣнку учености и ученыхъ трудовъ г. Каткова. А теперь обратимъ вниманіе нашихъ читателей только на то, какъ его ученость и, главнымъ образомъ, его философское образованіе выразились въ его журнальной дѣятельности.

Читающей публикѣ извѣстно, что философская дѣятельность г. Каткова ограничивалась только тѣми мелкими статейками, которыя онъ обыкновенно помѣщалъ въ концѣ «Русскаго Вѣстника», подъ именемъ замѣтокъ и подъ разными другими, очень хитрыми названіями, напр. «кое-что о нашемъ прогрессѣ», «старые боги и новые боги» и т. п. Мы помнимъ, что читающая публика интересовалась этими статьями, все ожидая, не изловятъ-ли наконецъ въ нихъ гг. Катковъ и Леонтьевъ какнхъ-нибудь литературныхъ ворюшекъ. Каковы же въ самомъ дѣлѣ были эти статьи, много-ли было въ нихъ философіи? Философіи то въ нихъ не оказывалось; г. Катковъ очень искусно сравнивалъ въ нихъ г. Чернышевскаго съ московскимъ Иваномъ Яковлевичемъ, находилъ, что его сочиненія ничто иное, какъ тѣ кололацы, которыми Иванъ Яковлевичъ угощалъ московскую публику.

«Кололацы! Кололацы!» писалъ онъ. А развѣ много изъ того, что преподается и печатается (т. е. въ «Современникѣ») не кололацы? Развѣ философскія статьи, которыя помѣщаются иногда въ нашихъ журналахъ (т. е. опять-таки въ «Современникѣ»), не кололацы?

Мы сами убѣждены, что тамъ, дѣйствительно, было много этихъ кололацъ; только мы думаемъ, что намъ на слово въ этомъ публика не повѣритъ. Не вѣрила она, какъ оказалось, и г. Каткову; и это было совершенно рационально съ ея стороны. Ему слѣдовало опровергать мнѣніе своихъ противниковъ, а не просто сравнивать ихъ съ изрѣченіями Ивана Яковлевича. А опроверженій то и не было со стороны г. Каткова. Въ самомъ дѣлѣ, перечитайте снова всѣ эти замѣтки, всѣ эти статьи о прогрессѣ, о новыхъ богахъ и т. п., и вы найдете тамъ только филиппики, болѣе сердитыя, нежели сильныя, только литературныя щипки, на которые бываетъ способно безсміе, раздраженное чужими успѣхами.

«Чѣмъ страдаетъ, писалъ г. Катковъ *, наша литература и наша умственная жизнь, наше общественное мнѣніе? У насъ образовался навѣкъ ничего не доводить до полной ясности, до опредѣлительности, до точности. У насъ въ общественномъ оборотѣ ходятъ только *хвостики мыслей, полуусвоенные факты, недоговоренныя слова*. Всякая попытка сказать что-нибудь кончается фразой, бесплодно шевелиущею умъ. Все у насъ улетучивается въ туманъ намека, символа, иносказанія, все подталкивается къ неясности, къ негочности, къ неопредѣленности. Всему неясному дается премія. Темное слово пользуется привилегіей передъ яснымъ. При всякомъ вопросѣ *мысль наша останавливается на полушутку и сворачиваетъ на жалкій лепетъ, почти безъ содержанія*. Разныя дурныя инстинкты сторожатъ этотъ заворотъ и употребляютъ его въ свою пользу. Нелѣпность и бессмыслица употребляются для произведенія разныхъ эффектовъ; *онѣ украшаются замысловатыми прибитками, снабжаются закорючками мрачнаго свойства, какими-то намеками на что-то*. Плутводство и фиглярство сзываютъ толпу праздныхъ умовъ, праздныхъ по неволѣ, потому что все относитъ и отталкиваетъ ихъ отъ дѣла. Умы, не привыкшіе ни къ чему ясному и положительному, по неволѣ получаютъ склонность ко всему зыбкому въ своихъ очеркахъ, ко всему, лишенному опредѣленнаго содержанія, дозволяющему думать, что угодно. Шарлатанство и плутводство развиваются и плодятся, заглушая собою всякіе начатки мысли и знанія. Потому-то намъ все и ни почемъ; потому-то мы недѣльными и днями переживаемъ цѣлыя системы, которыя выработывались жизнію цѣлыхъ народовъ и многихъ вѣковъ. Въ сущности мы ничего не переживаемъ; до жизни у насъ ничего не доходитъ; мы ничего дѣйствительно не касаемся; мы только носимся въ этой *стижѣ пустословія*, составляющей наше единственное умственное достояніе».

Въ другихъ мѣстахъ полемики г. Каткова, въ отдѣльных фразахъ и по частямъ повторяется то, что здѣсь соединено въ одну большую тираду: г. Катковъ гремитъ то противъ пустозвонства, то противъ шарлатанства, то противъ пустословія, то противъ мыслей, имѣющихъ только одни хвостики. Даже самый кругъ полемическихъ выраженій г. Каткова весьма не

* «Русск. Вѣстн.» 1861 г. № XI.

обширенъ; впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ, повидимому, совершенствуется; напр. сначала онъ вооружался только противъ хвостиковъ мысли, теперь онъ прибавилъ сюда и головки, такъ что теперь онъ вооружается вмѣстѣ и противъ хвостиковъ и противъ головокъ мысли и притомъ недоделанной. Вообще полемическія способности г. Каткова нѣсколько поразившись, въ философіи онъ, повидимому, не остановился на одной точкѣ, а постоянно совершенствовался; по крайней мѣрѣ, его цѣрвня полемико-философскія сочиненія далеко уступаютъ послѣдующимъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ полемико-философскихъ сочиненій онъ дошелъ уже до слѣдующей философской высоты: «Всѣ эти капризы избалованной, изнѣженной, изломанной мысли, которая сама не знаетъ, чего хочетъ, весь этотъ фосфоръ, вся эта трескотня остротъ и фразъ, весь этотъ сумбуръ, вся эта сатурналія полумыслей, полуобразовъ, все это броженіе головокъ и хвостиковъ недоделанной мысли, все это мозгобѣсіе было, пожалуй, хорошо въ досуужемъ феллетонѣ и т. д.»

Не правда-ли, въ этихъ немногихъ строкахъ виднѣнъ уже большой прогрессъ со стороны г. Каткова; кромѣ хвостиковъ, кромѣ головокъ недоделанной мысли тутъ уже является и мозгобѣсіе, и фосфоръ, и трескотня, и сумбуръ, и сатурналія, и притомъ не мыслей и образовъ, а только полумыслей и полуобразовъ.

Но если къ этой, будто бы философской, полемикѣ отнести серьезно, то неужели здѣсь можно найти что-нибудь кромѣ фосфора и трескотни остротъ и фразъ и т. п. качествъ? И будто можно рассчитывать, что подобная полемика произведетъ какое-нибудь полезное дѣйствіе? И какъ нашъ литературный Немиродъ, собираясь ловить литературныхъ ворюшекъ, не сообразилъ того, что первобытныя средства охоты въ наше время уже не годятся, что головки и хвостики недоделанной мысли ничего не докажутъ, что для полемики требуется критика, а не наборъ фразъ, соединенныхъ съ бранью?

И пусть г. Катковъ провѣритъ результатъ своей философской дѣятельности на опытѣ. Уже не первый годъ онъ угощаетъ читающую публику своими полемическими статьями, и многихъ-ли онъ обратилъ на путь истины, многіе ли отказались отъ абсурдъ, позаимствованныхъ ими въ томъ или въ другомъ мѣстѣ. Увы! И самыя абсурды и число партизановъ росло все больше и больше, такъ что теперь многимъ приходится рассчитывать за нихъ уже не передъ судомъ читающей публики. А г. Кат-

ковъ имѣлъ полную возможность очистить взгляды нашего молодого поколѣнія, направить его къ здоровой и полезной дѣятельности, еслибы только онъ этого хотѣлъ, еслибы его серьезно занимало общественное дѣло, а не самолюбіе и личный интересъ, и прибавимъ еще, еслибы самъ онъ имѣлъ дѣйствительное философское образованіе, еслибы его мышленіе проникало въ глубину вещей, а не останавливалось на ихъ поверхности, не ограничивалось игрою фразъ и трескучихъ выраженій.

Впрочемъ, бесполезность литературной дѣятельности г. Каткова имѣетъ свою причину не въ томъ только, что онъ обращалъ мало вниманія на уясненіе различныхъ вопросовъ изъ области философіи, политической экономіи и нравственности. Онъ и самъ криво рѣшалъ многіе важнѣйшіе вопросы, представлявшіеся въ послѣднее время. Отъ этого произошелъ результатъ, вредный двойнѣ. Одни приняли отъ него кривое рѣшеніе вопроса за слово науки, а другіе, по чувству гуманности отказываясь принимать за слово науки рѣшеніе г. Каткова, обратились за рѣшеніемъ вопроса въ другія мѣста и вмѣстѣ съ истинною позанимствовались оттуда и нелѣпостями.

Какъ ни мало одобряемъ мы теоретическія увлеченія нашего юношества, но мы все-таки рады тому, что оно увлеклось не на сторону ученій г. Каткова. Этого, конечно, и быть не могло, потому что и характеръ ученій г. Каткова и характеръ его журнальной дѣятельности таковы, что они не могутъ привлекать къ себѣ людей, развитыхъ хоть сколько-нибудь гуманно и имѣющихъ хоть какое-нибудь, даже превратное понятіе о своихъ гражданскихъ обязанностяхъ. Ученія г. Каткова, — не основываясь на началахъ науки истинной и серьезной, а выходя изъ науки поверхностной, только имѣющей слишкомъ большія претензіи и очевидно стремящейся дать свою санкцію весьма важнымъ общественнымъ недостаткамъ къ выгодѣ людей, которымъ и безъ того выгодно жить на свѣтѣ, — грозилъ дѣйствительною опасностію для нашего развитія, какъ общественнаго, такъ и индивидуальнаго.

«Русскій Вѣстникъ» первыхъ годовъ и «Русскій Вѣстникъ» теперешній, съ его «Современною Лѣтописью», не одно и то же. Быть можетъ, г. Катковъ въ то время развивалъ одну часть своихъ убѣжденій, а теперь развиваетъ другую, или, быть можетъ, онъ понизилъ свои убѣжденія, — этого навѣрно сказать мы не можемъ. Быть можетъ, наконецъ, все дѣло состоитъ

только въ томъ, что сначала г. Катковъ былъ тоже отрицателемъ, занимался только критикою существующаго, а потомъ сталъ созидать и въ своемъ твореніи допустилъ тѣ же недостатки, которые онъ прежде отвергалъ и осуждалъ въ твореніи другихъ и въ твореніи времени. Быть можетъ, наконецъ, г. Катковъ, не угнавшись за другими нашими литературными органами въ дѣлѣ прогресса и побуждаемый хоть даже бессознательно крайнимъ развитіемъ въ самомъ себѣ индивидуализма, не понялъ своего положенія, не нашелъ другаго исхода для своего самолюбія, какъ вооружиться на все, что проповѣдывали люди, опередившіе его, не давая себѣ труда или не имѣя довольно силъ, чтобы разбирать эти ученія критически, и осуждая разомъ все, даже и то, что утверждалъ прежде самъ онъ. Мы говоримъ, что не можемъ положительно опредѣлить причину измѣненія въ направленіи г. Каткова.

Но не мы одни замѣчаемъ, что переиѣна эта есть. Въ самомъ дѣлѣ, прежде г. Катковъ относился гораздо построже ко всякому злоупотребленію; прежде онъ былъ не прочь сказать свое слово противъ сильныхъ міра въ защиту классовъ, неблагопріятно поставленныхъ въ обществѣ. Прежде г. Катковъ энергически возставалъ противъ статскаго совѣтника Бланка и противъ князя Черкаскаго, а теперь хотя г. Катковъ и не говоритъ, что крестьянъ напрасно освободили и что мужика подъячь не мѣшаетъ и посѣчь; но это уже, какъ будто, благодаря непослѣдовательности. Общій духъ его писаній таковъ, что онъ какъ будто прямо говоритъ, что нашъ народъ еще не дозрѣлъ до освобожденія отъ крѣпостнаго состоянія и отъ розги *. Мужичонъ всегда у него оказывается всегда и во всемъ виноваты, даже виноваты и тѣ, которые гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ вздумаютъ защитить его и его интересы. Объ этомъ заявили уже не петербургскіе прогрессисты, а московскіе. И мы позволимъ себѣ порадовать г. Каткова слѣдующимъ извѣстіемъ: нѣкоторые господа, приписанные къ учрежденіямъ, къ которымъ г. Катковъ относился всегда особенно симпатически, и которые того стоятъ въ самомъ дѣлѣ, исходя изъ взглядовъ, развиваемыхъ г. Катковымъ, дѣйствуютъ гораздо съ большею послѣдовательностію, нежели онъ самъ. Они находятъ, что нечего дѣйствовать на нашего мужика убѣжденіемъ, а гораздо практич-

* Теперь г. Бланкъ уже въ числѣ сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника».

нѣе убѣждать его другимъ способомъ, и потому, подобно римскимъ консуламъ, они исправляютъ свою обязанность, предшествуемые своего рода лекторами *.

Прежде самъ г. Катковъ находилъ, что освобожденному мужичку будетъ плохо безъ земли. Онъ даже сочинилъ свою оригинальную теорію, чтобы обезпечить прочнымъ образомъ за мужичкомъ пользованіе землею; теперь ужь «Русскій Вѣстникъ» утверждаетъ, что мужичку надобно побольше работать, да только не на свой счетъ, а на чужой, что ему земля совсѣмъ и не нужна (а кому нужна она?). И все это проповѣдывалось съ такого высокаго пьедестала науки, какъ-будто бы и въ самомъ дѣлѣ, наконецъ, наше любезное отечество послѣ Ньютоновъ и Платоновъ произвело Гегелей, Гнейстовъ и Нибуровъ въ редакціи «Русскаго Вѣстника» въ какомъ-то московскомъ переулкѣ. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ и оказывается волюнъ правъ покойный Хомяковъ, не смотря на всю страшность его положенія, принятаго въ смыслъ слишкомъ общемъ. Дѣйствительно, опасна не наука, а нѣмецкое суевѣріе въ неуроложность науки, когда проповѣдуютъ ее фельетонные болтуны, въ родѣ Густава де-Молинару. И хороши же наши Гегели и Нибуры, не находящіе другихъ провозвѣстниковъ науки и принимающіе за науку то, чего, кромѣ нихъ, да французскихъ полуграмотныхъ буржуа, никто не принимаетъ.

Г. Катковъ и г. Леонтьевъ съ великою яростію вооружаются противъ петербургскихъ прогрессистовъ, затвердившихъ безъ всякаго смысла десятокъ прогрессивныхъ фразъ и, на основаніи ихъ, желающихъ перестроить весь общественный организмъ. Не таковы-ли же и сами они, съ ихъ реорганизаторскими идеями на основаніи научныхъ взглядовъ Молинару?—Не таковы-ли они и во всѣхъ своихъ другихъ проектахъ общественной организаціи? Г. Каткова очень часто обвиняютъ за англоманію. Обвиненіе далеко не несправедливое: англоманія, равно какъ галломанія, или какая-нибудь другая манія, рѣшительно непоятна въ человѣкѣ серьезномъ и основательномъ, и особенно если онъ къ тому же ученый. Она показываетъ, что человѣкъ своимъ умомъ не работаетъ, а безъ разбору и толку дѣлаетъ заимствованія изъ какой-нибудь страны.—Въ самомъ дѣлѣ, что ареновѣдусь намъ г. Катковъ на основаніи своей англоманіи? —

* Какъ извѣстно, въ самое послѣднее время это подтвердилось въ газетахъ самымъ положительнымъ образомъ.

Много вещей очень пріятныхъ , напримеръ , имущественной дешъ , который г. Катковъ предлагаетъ какъ основу для нашихъ политическихъ комбинацій. Сопоставимъ-ли г. Катковъ великую разницу нашего общества и англійскаго въ этомъ отношеніи? Мы имѣли случай замѣтить прежде, что въ Англій промышленности, образованіе капиталовъ давно уже идутъ честною дорогою, что тамъ лучшія силы страны обращены въ производительной дѣятельности, и онѣ же вознаграждены достаточно. А у насъ-то что? Начинайте съ откупщиковъ и до деревенскихъ мірошдѣвъ, проходите всѣ ступени компанейскихъ директорствъ и агентствъ, купцовъ , торгующихъ съ Китаемъ и съ другими странами, чиновниковъ, покупающихъ домики и деревеньки, — много-ли во всѣхъ этихъ сферахъ найдете вы капиталовъ, назитыхъ дѣйствительно честно? Берите слѣдующія поколѣнія — дѣтей и внуковъ, пользующихся капиталами, оставленными ихъ родителями; тутъ вы увидите купеческихъ сынковъ, жуирующихъ извѣстнымъ образомъ, землевладѣльцевъ, устраивающихъ изъ своихъ домовъ что-то въ родѣ сараевъ, и т. п.; и сравните ихъ образованіе, политическую способность всѣхъ этихъ людей надѣленныхъ съ людьми обдѣленными. Кто изъ нихъ способенъ честно служить странѣ, чиновникъ-ли нажившійся, или чиновникъ, не нажившійся, — деревенскій мірошдѣ, вышедшій въ купцы, или простой безхитростный деревенскій мужичокъ, трудолюбиво и честно проводящій свою жизнь; — откупщикъ-милліонеръ, отравлявшій народъ водкою и пивомъ, или скромный коммерческій агентъ, не имѣющій собственнаго состоянія, прикащикъ изъ магазина и ремесленникъ, едва добывающій себѣ и своей семьѣ кое-какое содержаніе? — Вашъ имущественный цензъ дастъ новое средство подобнымъ людямъ увеличивать свои капиталы, только безъ увеличенія всей вообще массы народнаго богатства, а съ уменьшеніемъ ея въ другихъ слояхъ общества. Г. Катковъ всего этого не разбираетъ; онъ взялъ себѣ за образецъ народъ, который походитъ на насъ едва-ли не меньше всѣхъ другихъ народовъ, и рабски копируетъ всѣ его учрежденія, находя, вѣроятно, что намъ уже такъ и не суждено никогда въ устройствѣ нашей жизни руководствоваться нашими собственными потребностями и нашимъ характеромъ *. Въ ви-

* А еще жалуется г. Катковъ на нашихъ прогрессистовъ, что они въ недѣлю переживаютъ то, что другіе народы приобретаютъ вѣками, что они отрѣшились отъ всего существующаго у насъ. — Не одного-ли поля ягода онъ съ этими прогрессистами?

ду этихъ-то цѣлей онъ и пустился подражать Гнейсту, забивши одну маленькую разницу, именно, что организація, исторія, экономическій бытъ и образованіе англійскаго дворянства не имѣютъ ничего общаго съ нашимъ. Г. Каткову, разумѣется, и до этого дѣла нѣтъ; напротивъ, рабское копированіе ему очень на руку, избавляя его отъ необходимости серьезно изучать и обсуждать наши нравственныя потребности, особенности русскаго народа въ исторіи и въ настоящее время. подобно тому, какъ рабское копированіе французскихъ мнимыхъ экономистовъ освобождаетъ его отъ необходимости серьезно изучать политическую экономію и экономическія потребности русскаго народа. Дѣло, которымъ ограничилъ себя г. Катковъ, въ сущности не представляетъ никакой трудности; и лично для г. Каткова оно составляетъ весьма привлекательную смѣсь полезнаго съ приятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Катковъ очень ловко обставилъ свой журналъ: съ одной стороны Гнейстъ съ его идеями, съ другой Моливари, съ третьей г. Юркевичъ, потомъ, какъ и вездѣ, обыкновенные журнальные сотрудники, имѣющіе во главѣ г. Дюшьева, тоже очень ловко соединившаго въ своей особѣ достоинства Грота, Нибура и Момсена съ достоинствами Дюканжа или Этьена; а самъ г. Катковъ оставилъ себѣ трудную обязанность быть центромъ всѣхъ этихъ знаменитостей, быть представителемъ серьезнѣйшей изъ партій и только по временамъ раздражаться филиппикомъ противъ сатурналіи, полумислей и полуобразовъ, противъ головокъ и хвостиковъ недодѣланной мысли и т. п., да иногда похвастаться будущими своими успѣхами въ изловленіи литературныхъ ворюшекъ, предоставляя однако самое дѣло г. Юркевичу или кому другому. Положеніе г. Каткова оказывается, такимъ образомъ, однимъ изъ самыхъ завидныхъ, чему соответствуетъ и серьезный тонъ его рѣчи, когда его кто-нибудь задѣнетъ. Г. Катковъ очень хорошо и цѣнить это серьезное направленіе своей рѣчи и не разъ упрекалъ другихъ за то, что они готовы хоть въ присядку пуститься. Не въ самомъ-то дѣлѣ есть и кромѣ него серьезные люди въ литературѣ, которые ему серьезностію рѣчи, пожалуй, и не уступятъ, наиримѣръ А. А. Краевскій, ветеранъ русской журналистики и будущій издатель «Голоса».

Но если оставить въ сторонѣ эту наружную серьезность, то, говоря по справедливости, въ своихъ идеяхъ политическихъ, экономическихъ и другихъ, г. Катковъ нисколько не ушелъ отъ

нашихъ петербургскихъ прогрессистовъ, надъ которыми самъ онъ весьма не рѣдко подшучиваетъ. Дѣйствительно, у нашихъ прогрессистовъ есть закодированный кружочекъ фразъ, изъ котораго они никакъ не могутъ выбиться. Наши прогрессисты не обращаютъ вниманія ни на исторію, ни на серьезную науку и намѣрены перестроить наше общество сообразно тѣмъ фразамъ, которыя имъ удалось прочесть и на которыхъ они основывались; также поступаетъ и г. Катковъ. Наши прогрессисты пашутъ больше на основаніи безотчетнаго вдохновенія; и г. Катковъ, какъ оказывается, въ своей дѣятельности публициста руководствуется тѣми же началами, которыми онъ прежде руководствовался въ своей дѣятельности поэтической. Въдѣ, настоящее-то призваніе г. Каткова и есть поэзія, ей онъ и занимался въ цвѣтущія лѣта своей жизни и только нашъ прогрессъ въ послѣднее время сдѣлалъ изъ него публициста. Въ самомъ дѣлѣ, весьма интереснымъ представляется слѣдующій вопросъ: сознавалъ ли съ полною ясностію, съ полнымъ разумнымъ убѣжденіемъ г. Катковъ все то, что онъ проповѣдывалъ, сознавалъ-ли онъ съ полною ясностію, съ полнымъ разумнымъ убѣжденіемъ результаты для русской жизни тѣхъ заимствованій, которыя онъ намѣренъ сдѣлать у Англіи? Мы не намѣрены здѣсь, на основаніи собственныхъ словъ г. Каткова, подвергать сомнѣнію его честность, мы хотимъ только сказать, что дѣйствительно г. Катковъ имѣетъ чрезвычайно много общаго съ нашими прогрессистами, и уже до сихъ поръ въ собственной дѣятельности г. Каткова, или, можетъ быть, его главнаго сотрудника, г. Леонтьева, оказываются результаты неяснаго и перазумнаго пониманія ихъ англійскихъ заимствованій. Нужно сказать, что г. Тургеневъ своими нигилистами, съ одной стороны, далъ «Русскому Вѣстнику» что-то въ родѣ торжества среди нашего журнальнаго міра, которое продолжается еще и до сихъ поръ (г. Катковъ думаетъ, что если ужь одерживать побѣду, такъ слѣдуетъ ее на славу и отпраздновать); съ другой, задалъ имъ не малую работу хорошо понять, въ чемъ заключается сущность этого торжества и потомъ еще умѣть воспользоваться имъ. И вотъ цѣлый годъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» тянутся разсужденія о нигилизмѣ. Еще недавно, самъ г. Катковъ написалъ статью «О нашемъ нигилизмѣ». Мы не будемъ распространяться о нигилизмѣ этой самой статьи, обратимъ вниманіе только на одно, что авторъ, за недостаткомъ другихъ

аргументовъ, намѣренъ сразить нигилизмъ такимъ образомъ: нигилизмъ, говорятъ онъ, дѣло совсѣмъ не дворянское; онъ приличенъ только семинаристамъ; и напрасно г. Тургеневъ сдѣлалъ своего Базарова сыномъ доктора и внукомъ дьячка; его слѣдовало просто представить сыномъ дьячка. Какъ ни глубокомысленны эти соображенія, но они напоминаютъ намъ не столько Гнейста, сколько г-жу Простакову *, нать Митрофанушки, которая аргументировала подобнымъ же образомъ, находя, что географія не есть дворянское дѣло. А нать все приходитъ на умъ г. Чернышевскій съ его отношеніями къ «Русскому Вѣстнику». Бѣдный, г. Чернышевскій! Какъ же долго его помять! Какою громадною тяжестью его литературные усилія легли на плечахъ издателя «Русскаго Вѣстника»!

Въ той же самой статьѣ о нигилизмѣ г. Катковъ пускается въ болѣе пространныя объясненія отношеній между нигилистами и духовнымъ сословіемъ, и онъ доходитъ до результатовъ, можетъ быть и подобныхъ тѣмъ, которые выработалъ Гнейстъ, но которые, впрочемъ, у насъ въ Россіи далеко не новость, потому что уже весьма давно школьники, принадлежащіе къ разнымъ школамъ, пользовались ими въ своихъ перебранкахъ. Мысль г. Каткова весьма походитъ на ту, которая существовала въ старину у древнихъ евреевъ. «Изъ Назарета Галилейскаго, говаривали они, что можетъ выйти добраго»? Отъ семинариста чего же ждать путнаго?—говоритъ г. Катковъ. Мы бы вполне согласились съ г. Катковымъ въ этомъ случаѣ, если бы въ самомъ «Русскомъ Вѣстникѣ» мы не читали перепечатку изъ «Трудовъ Кіевской Духовной Академіи». А теперь, кажется, мысль г. Каткова надобно поправить или опредѣлить нѣсколько точнѣе. Ему бы, кажется, слѣдовало сказать, что не можетъ быть ничего путнаго у тѣхъ семинаристовъ, которыхъ сочиненія лично не могъ опровергать г. Катковъ; но могутъ быть весьма путными такіе семинаристы, которыхъ сочиненія помогли г. Каткову выпутаться изъ бѣды,

* Въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Вѣстника» повторилось то же самое, еще рельефнѣе. Статья имѣетъ въ виду критиковать одно изъ гравничное изданіе и начинается упоминаніемъ объ отцѣ и дѣдѣ издателя; дѣдъ издателя, говоритъ авторъ, былъ священникомъ (это для объясненія нигилизма издателя), а отецъ служилъ въ одномъ изъ такихъ мѣстъ, которыя въ прежнее время пользовались репутаціею взяточничества (это для чего?). Опять старина. «Не изъ Воровынскихъ ли ты?» говаривали наши предки, или «твой отецъ ли тамъ шти хлѣбалъ» и т. п.

избавили его отъ необходимости выйти изъ области журнальных щипковъ и напечатать у себя въ журналѣ философскую критику. Мы не говоримъ о деликатности, а о строгой справедливости и о строгой философской опредѣленности. Если, въ самомъ дѣлѣ, только одна часть семинаристовъ никуда не годится, а безъ другой никуда не годится и «Русскій Вѣстникъ», то это такъ надобно и сказать. Въ противномъ случаѣ, пожалуй, люди мало разсуждающіе не будутъ вѣрить даже и сотрудникамъ «Русскаго Вѣстника»; пожалуй, они перестанутъ слушать кого бы то ни было «изъ той волнующейся среды, которая приливаетъ къ нашему привилегированному сословію, группируется на его окраинахъ и просачивается въ него съ разныхъ сторонъ». И они будутъ совершенно правы; нечего, въ самомъ дѣлѣ, питаться ядомъ изъ такихъ сочиненій, которыя имъ напоены уже въ самомъ своемъ источникѣ. И будетъ гораздо лучше, если они будутъ искать источника болѣе чистаго, а для этого не мѣшало бы, чтобы г. Катковъ постарался попрямяе указать, разумѣется предварительно разобравши, источники, изъ которыхъ протекаетъ общественная дѣятельность тѣхъ или другихъ дѣятелей, равно какъ и самые дѣятели. А пачать всю эту операцію г. Катковъ долженъ отрѣченіемъ отъ своего литературнаго похода противъ г. Безобразова, когда-то отказавшагося принять грамоту на званіе петербургскаго гражданина; потому что г. Безобразовъ поступалъ въ то время, исходя совершенно изъ тѣхъ же самыхъ принциповъ, изъ которыхъ исходитъ теперь г. Катковъ; онъ дорожилъ чистотою своего источника и никакъ не хотѣлъ, чтобъ его причисляли къ «той волнующейся средѣ, которая приливаетъ къ нашему привилегированному сословію, группируется на его окраинахъ и просачивается въ него съ разныхъ сторонъ».

По нашему мнѣнію, г. Каткову даже мало того, чтобы отречься отъ своего древняго литературнаго похода; онъ долженъ еще воздать г. Безобразову должную честь какъ учителю, котораго онъ прежде не хотѣлъ слушать, но котораго теперь понималъ хорошо и развиваетъ его идеи во всѣхъ возможныхъ случаяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что не въ одной только статьѣ о нигилизмѣ г. Катковъ придерживается своихъ аристократическихкихъ возрѣній; въ последнее время онъ вообще сталъ аристократомъ. Идеи г. Безобразова въ его убѣжденіяхъ взяли верхъ надъ собственными его прежними убѣжденіями.

Мы, съ своей стороны, считаемъ себя обязанными воздать должную честь г. Безобразову и вслѣдствіе другихъ соображеній. По нашему мнѣнію, заслуга его состоитъ не въ томъ только, что онъ предупредилъ г. Каткова въ развитіи извѣстныхъ идей, а также и въ томъ, что онъ въ свое время хорошо понялъ истинное значеніе нашего либерализма; онъ видѣлъ, что этотъ либерализмъ въ большей массѣ случаевъ есть или только дѣло увлеченія или дѣло расчета; начиная съ 1856 года у насъ было выгодно казаться либераломъ всѣмъ и каждому; а въ особенности журналистамъ. Ну, а теперь другое дѣло; теперь вскій волкъ не боясь можетъ сбросить овечью шкуру. Особенно это легко въ журналистикѣ; теперь уже довольно прямо нѣкоторые классы общества, особенно нужные для журналистовъ, возвращаются ко взглядамъ прежняго времени, падая не удовлетворительными новые. Показать имъ удовлетворительность новыхъ взглядовъ, отдѣлить въ нихъ посредствомъ серьезной критики добро отъ зла, истину отъ вздора, искренность отъ фанфаронства было бы довольно трудно, и не у всякаго найдется для этого довольно средствъ или энергій. Но за то у всякаго, безъ сомнѣнія, найдется довольно искусства, чтобы незаметно для массы измѣнить направленіе и по прежнему плыть не противъ потока, а по одному направленію съ нимъ; это и спокойнѣе и легчѣ и безопаснѣе и вообще выгоднѣе.

Мы сказали, что дѣятельность г. Каткова мы вообще считаемъ бесполезною особенно въ послѣднее время. Кажется, этого еще очень мало; нельзя не видѣть, что она даже не останется безъ вредныхъ результатовъ; — идеи г-жи Простаковой, г. Безобразова и г. Бланка ¹, будучи соединены вмѣстѣ, добраго плода не принесутъ; потому что онѣ уже у насъ господствовали въ продолженіе полутора ста лѣтъ и, какъ извѣстно, самъ г. Катковъ въ первое время находилъ ихъ несостоятельными. Мы, однако, помиримся бы съ этими идеями, если бы рядомъ съ ними г. Катковъ далъ намъ что-нибудь другое, если бы онъ въ своемъ изданіи серьезно разрабатывалъ хоть какіе-нибудь научные вопросы, даже не особенно плодотворные для развитія здоровыхъ идей въ обществѣ. Г. Катковъ дѣйст-

(¹) Главнымъ образомъ идеи г. Бланка развиты въ извѣстной своею ученостью рѣчи г. Леонтьева. Съ тѣхъ поръ духъ ихъ слышится въ каждой экономической или сельско-хозяйственной статьѣ «Русскаго Вѣстника».

вительно сообразно силамъ редакціи занимался такими вопросами; тутъ мы помнимъ нѣсколько статей изъ естественной исторіи, напримѣръ что-то о геологическомъ составѣ Кавказа, о валунахъ и т. п. Было довольно статей историческихъ, напримѣръ о Карлѣ V, объ Екатеринѣ Медичи; объ осадѣ Нарвы, объ Ансельмѣ Кентрбѣрійскомъ и т. п.

Большинство статей даже имѣло отношеніе къ современнымъ вопросамъ; таковы всѣ экономическія статьи Молилари, г. Ржевскаго и другихъ. Надобно отдать справедливость г. Каткову—онъ былъ довольно послѣдователенъ; кромѣ статей Молилари и подобныхъ имъ, онъ не помѣщалъ ничего; онъ былъ вѣренъ всегда и во всемъ своему учителю; идеи Молилари въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ служили почвою, на которой «Русскій Вѣстникъ» строилъ свои экономическія комбинаціи. На основаніи ихъ «Русскій Вѣстникъ» ясно и звучно твердилъ своею читающей публикѣ ненадобность какой бы то ни было экономической регламентаціи и повторялъ на всѣ лады: *laissez faire, laissez passer*. А оканчивается все это вотъ чѣмъ: въ прошломъ году въ *le Nord* нѣкто г. Волковъ помѣстилъ свои соображенія о томъ, *отъ чего Россія имѣетъ весьма невыгодный балансъ въ своей ввѣщенной торговлѣ, и какъ помочь этому злу*. И Боже мой, какъ осмѣялъ тогда его «Русскій Вѣстникъ»! «Что, писалъ онъ, заговорили опять о балансѣ?— да вѣдь наука давно показала, что о балансѣ думать и говорить нечего и т. д.» Въ этомъ году «Русскій Вѣстникъ» напечаталъ одну довольно замѣчательную статью объ экономическихъ потребностяхъ Россіи. Статья действительно содержитъ въ себѣ нѣсколько дѣльныхъ мыслей, чего прежде въ подобныхъ статьяхъ «Русскаго Вѣстника» не бывало; только, по видимому, она искажена редакціею «Русскаго Вѣстника», потому что въ ней многое не договорено и кое что не ладитъ съ цѣлымъ. Впрочемъ, быть можетъ, авторъ этой статьи, г. У., человекъ, по видимому, наблюдательный и судящій очень здраво самъ по себѣ, воспитанъ на экономическихъ теоріяхъ «Русскаго Вѣстника»; оттого дѣло у него и не клеится, не смотря на его личныя способности: теорія «Русскаго Вѣстника» въ этомъ случаѣ напоминаетъ деготь, который, побывавши въ бочкѣ, оставилъ въ ней свой слѣдъ на всегда, и бочку испортилъ совсѣмъ, такъ что какого чистаго напитка въ нее не налейте, всегда онъ пахнетъ дегтемъ, и къ употребленію негодится. Но все таки статья г. У. имѣетъ свои

достоинства, и «Русскій Вѣстникъ» призналъ полезнымъ познакомиться съ нею свою публику. Между тѣмъ, она разсуждаетъ о томъ, *отчего Россія имѣетъ весьма невыгодный балансъ во влывшей торговлѣ и какъ помочь этому злу*. Такимъ образомъ, наконецъ самъ «Русскій Вѣстникъ» заговорилъ о балансѣ, забывши то, чему онъ учился у Молнарри. Это, разумѣется, не дурно; лучше поздно, чѣмъ никогда. Но что же подумать о томъ, что «Русскій Вѣстникъ» постарался заглушить этотъ самый вопросъ годъ тому назадъ? Полезное-ли дѣло сдѣлалъ онъ тогда? И если мы вспомнимъ, что кромѣ этого вопроса были десятки другихъ, которые онъ рѣшилъ такъ же криво, какъ вопросъ о балансѣ, то полезное-ли дѣло дѣлалъ онъ подобными экономическими статьями?

Вотъ на что слѣдуетъ обратить «Русскому Вѣстнику» вниманіе, а не продолжать щипать тѣхъ людей, которые хотя и ошибались, но все-таки имѣютъ на своей сторонѣ заслугу распространенія гуманныхъ идей и возбужденія общественной мысли, и при недостаткѣ умственной способности и научныхъ познаній не обращать къ такимъ аргументамъ, что вы-де семинаристы, такъ вамъ не слѣдуетъ и рта развѣвать, особенно когда безъ помощи семинаристовъ самого-то г. Каткова достаетъ только на щипки, да на брань, да на такую науку, отъ которой онъ къ концу концовъ, волею или неволею, сознательно или безсознательно отказывается. Конечно, для г. Каткова было бы лучше, если бы семинаристамъ было совсѣмъ запрещено писать, а если кто изъ нихъ напишетъ какую-нибудь статью, то чтобы приносилъ г. Каткову для предварительнаго просмотра и для помѣщенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Г. Каткову, конечно, было бы пріятно, если бы вслѣдствіе этого закона, начиная съ 1856 года, «Современникъ» выходилъ безъ статей г. Чернышевскаго, Добролюбова и другихъ семинаристовъ. Въ такомъ случаѣ, вѣроятно, «Современникъ» не имѣлъ бы 6,500 подписчиковъ, а имѣлъ бы ихъ «Русскій Вѣстникъ».

Позволимъ себѣ обозначить слѣдующій фактъ, который и безъ насъ замѣтили многіе. Въ послѣднее время г. Катковъ не пользуется сочувствіемъ со стороны литературы; въ литературѣ съ нимъ остался едва ли не одинъ г. Леонтьевъ, такъ что предсказаніе г. Чернышевскаго исполняется вполнѣ. По поводу исторіи съ г-жею Туръ, г. Чернышевскій предсказывалъ г. Каткову, что, поступая извѣстнымъ образомъ, имѣя въ виду

свое личное самолюбіе, а не общественное дѣло, г. Катковъ рискуеть остаться въ «Русскомъ Вѣстникѣ» съ однимъ только г. Ржевскимъ. Теперь даже и г. Ржевскій измѣнилъ ему и перешолъ въ «Сѣверную Почту». Между литературными органами мы не знаемъ ни одного, который-бы сочувственно относился къ г. Каткову.¹ А большинство литературы всегда представляетъ большинство общественнаго мнѣнія (мы желали бы, чтобы на это обратили вниманіе тѣ, кому это знать надлежитъ).

Мы объ этомъ совсѣмъ не жалѣемъ; журнальная дѣятельность г. Каткова приняла такое направленіе, что, какъ мы старались показать, она или остается безполезной, или даже должна принести несомнѣнный вредъ. Нельзя обращаться съ наукою легкомысленнѣе того, какъ обращается съ нею г. Катковъ, и нельзя болѣе рабски копировать иноземныя учрежденія, равно какъ и нельзя вносить въ журнальную дѣятельность болѣе самолюбія и личныхъ побужденій. Мы и до сихъ поръ не мало страдали отъ всего этого; и до сихъ поръ съ наукою у насъ обращались легкомысленно, и до сихъ поръ наши литературныя дѣятели слишкомъ много водились личными интересами, и до сихъ поръ мы дѣлали слишкомъ много, ненужныхъ и неосмысленныхъ заимствованій, отъ которыхъ намъ не дешево стоить отдѣлаться.

Теперь мы вправѣ имѣть другія требованія, мы вправѣ желать главнымъ образомъ того, чтобы наши литературные органы руководствовались не личными интересами, а какими-нибудь побужденіями, болѣе достойными уваженія. Въ такомъ только случаѣ общественное дѣло пойдетъ лучше и никому не придется плакать о томъ, что «нѣсколько поколѣній, неспособныхъ къ дѣятельности, составятъ великое бѣдствіе для страны».

М. К.

¹ Даже г. Павловъ, до сихъ поръ пребывавшій съ нимъ въ согласіи, въ послѣднее время разошелся съ нимъ изъ-за вопроса о правѣ печатанія казенныхъ объявленій.

ОЧЕРКИ СИБИРИ

✓
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИХЪ.

VI.

Администрація.

Сибирь необходима не отдѣльными пере-
мѣнами, а общія преобразованія; невозможно управлять ею по тѣмъ же правиламъ, какъ и другими губерніями; корень зла лежитъ не въ однихъ людяхъ, а въ самихъ установленіяхъ.

Гр. Сперанскій.

Сибирь представляетъ огромную территорію, съ огромными производительными силами, съ дѣятельнымъ и умнымъ населеніемъ, — словомъ, всѣ данныя къ развитію въ той странѣ богатой промышленной и гражданской жизни. Но это развитіе идетъ и особенно шло прежде весьма туго. Кромѣ разныхъ узаконеній, препятствующихъ развитію и указанныхъ нами въ предъидущей статьѣ, для него стѣснительно и было административное устройство Сибири.

Исторія сибирской администраціи — это длинная повѣсть о страданіяхъ края. Сибирь не знала крѣпостнаго права, но она знала административное безправіе. Читая сибирскіе лѣтописи и акты, — ужасаешься этихъ страшныхъ правителей, образы которыхъ живо встаютъ передъ тобой во всемъ ихъ ужасѣ. Прислушиваясь къ народнымъ сказаніямъ о прежнихъ администра-

¹ См. «Библиот. для Чтенія» 1862 г. кн. X.

торахъ, понимаешь, сколько должна была перетерпѣть бѣдная Сибирь подъ правленіемъ воеводъ и губернаторовъ! Долго не забудеть ихъ Сибирь.

Оглагая до другаго времени историческое обозрѣніе правительственныхъ распоряженій и сибирскихъ законовъ, въ настоящемъ очеркѣ мы коснемся только административной дѣятельности сибирскаго чиновничества.

Съ принятіемъ Сибири подъ московскую державу, въ нее были посланы воеводы и разныя служилые люди. Административное устройство Сибири имѣло тѣ же основанія и характеръ, какъ и устройства другихъ областей московскаго царства. Посланному въ Сибирь воеводѣ давался царскій наказъ, въ которомъ онъ уполномочивался «дѣлать смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ будетъ пригоже и какъ его Богъ вразумитъ». ¹ Прежде всего воевода долженъ былъ «искати великому государю во всемъ прибыли, чтобъ ему учинити въ государевой казнѣ вѣчную прибыль.» Кромѣ того въ наказѣ предписывалось новому воеводѣ принять отъ стараго городъ, войско, оружіе, казну. Все это онъ долженъ былъ повѣрить по книгамъ и донести въ Москву. Предписывалось еще чинить судъ и расправу по всей справедливости, а «воровъ отъ воровства унимати и наказанья имъ чинити». ² Какія же мѣры были приняты противъ самовластиа и несправедливостей воеводъ? — Никакихъ, кромѣ того, что воеводу обыкновенно думали застрашать и удержать отъ злоупотребленій подобными фразами наказа: «а будетъ онъ учнетъ дѣлать всякія великаго государя дѣла съ нерадѣньемъ, не противъ сего великаго государя наказу и грамотъ, и ему отъ великаго государя за то быть въ опалѣ.» И только!.. А между тѣмъ власть воеводы была чрезвычайно обширна: онъ завѣдывалъ постройкою городовъ и селъ, сборомъ ясака и пошлинъ, судейскими дѣлами, продовольствіемъ народа, онъ командовалъ войскомъ. Даже частная жизнь и поведеніе человѣка подлежали воеводскому надзору. Такъ, въ наказѣ, данномъ Поляркову якутскимъ воеводой Головиннымъ, предписывается: «отъ зерна и отъ всякаго дурна служилыхъ людей унимать накрѣпко... До того беречь накрѣпко, чтобъ служилые люди бабъ никто не держалъ, а отъ блуда унимать

¹ Доп. къ Акт. Ист. т. VIII, стр. 262.

² Ibid. стр. 260 и 262.

накрѣпко... Служилымъ людямъ не дозволяется имѣть у себя хмѣльные напитки и только «къ праздникамъ годовымъ и къ именинамъ давать пивца, сварить и бражки, по невелику». ¹— Съ такою обширною властью, съ даннымъ отъ царя правомъ «дѣлать все по своему высмотру, какъ ихъ Богъ вразумитъ,»— воеводы, ѣхавшіе въ Сибирь съ единственною цѣлю—нажить-ся, для достиженія этой цѣли дѣлали все, что хотѣли: били, грабили, воровали, разбойничали, вѣшали и жизнь даровали! Подвѣдомственные имъ служилые люди шли по стопамъ своихъ начальниковъ и наживались соразмѣрно съ своей властью и должностью.

Воеводами въ Сибирь посылались большею частью люди изъ знатныхъ фамилій. Ихъ знатность имѣла бы вліяніе на Сибирь только въ томъ случаѣ, если-бы они оставались здѣсь и дѣлались помѣщиками. Но отъ этого судьба избавила Сибирь: по истеченіи срока службы, воеводы выѣзжали въ европейскую Россію или затѣмъ, чтобы разсчитаться съ Сибирскимъ Приказомъ за свои грѣшки, или затѣмъ, чтобы насладиться плодами трудовъ своихъ. Вотъ *сибирскіе дворяне* и *дѣти боярскіе*, занимавшіе второстепенныя должности, представляютъ что-то похожее на зарождавшееся, но почти при самомъ рожденіи погибшее *дворянство сибирское*. Дѣти боярскіе пришли изъ европейской Россіи въ числѣ служилыхъ людей, а потомъ уже въ Сибири многіе *верстаны* въ это званіе по царскимъ указамъ или властью воеводъ и позднѣ губернаторовъ. Званія дѣтей боярскихъ и дворянъ сибирскихъ были наследственныя и давались «за многотрудныя службы, голодное терпѣнье, осадное сидѣнье,» а иногда за службы отца. Дѣти боярскіе и сибирскіе дворяне получали особенное жалованье, рублей 5—25, по нѣскольку четвертей хлѣба и крушъ, по нѣскольку пудовъ соли, кромѣ того имъ давались сѣнокосныя земли, бывшія наследственными. Указомъ сената 1727 года «съ дворянъ и дѣтей боярскихъ сибирской губерніи, съ дѣтей ихъ, кои будутъ комплектованы на мѣсто умершихъ, податей подушныхъ брать не велѣно». Нѣкоторые изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ пріобрѣтали себѣ вотчины, и въ Сибири появилось сословіе помѣщиковъ вотчинниковъ. Въ числѣ ихъ было много казаковъ, купцовъ, ямщиковъ, приказныхъ, духовныхъ. Они жили въ своихъ имѣ-

¹ Чтенія въ Об. Ист. и Др. 1861 г. кн. I.

нихъ, купленныхъ ими у азіатцовъ и ими воздѣлывали землю. Люди вліятельные успѣвали записывать въ свои крѣпостные бродягъ и ссыльныхъ. Противъ этого вооружался еще Феодоръ Алексѣевичъ въ грамотѣ своей туринскому воеводѣ Погожеву.¹ Екатерина II также старалась прекратить эти злоупотребленія, но они существовали до Александра I-го². Еще раньше, въ 1737 г., дѣти боярскіе обращены почти всѣ въ военную службу и Военской Коммиссіей поставлены наравнѣ съ сибирскими казаками.³ Такъ кончилось зарождавшееся дворянство сибирское.

Дворяне и дѣти боярскіе были помощниками воеводъ; подъ ихъ наблюденіемъ строились города и остроги, они приводили туземцовъ «подъ высокую руку государеву,» они собирали ясакъ, съ ними посылались изъ Сибири въ Москву «всякая государева казна,» а въ Сибирь они доставляли царскія грамоты, хлебные запасы, оружіе, боевые снаряды, церковную утварь. Но такъ какъ ихъ было не очень много, то исполненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ обязанностей возлагалось часто на простыхъ служилыхъ людей—казаковъ и стрѣльцовъ. Иностранцы также поступали на русскую службу или по принужденію или въ надеждѣ наградъ. Они были проводниками, толмачами, шпионами. Последніе употреблялись воеводами для развѣдки о замыслахъ иностранцахъ, объ ихъ волненіяхъ и покушеніяхъ противъ русскихъ поселеній. Вотъ интересная челобитная одного изъ этихъ шпионовъ Михаилу Феодоровичу. Онъ проситъ о наградѣ, выставляя слѣдующія свои заслуги: «во 106 году отложились нарымскаго уѣзду князцы и ясаулы и ясачные люди, тебѣ государю хотѣли измѣнить, и я холопъ твой, увѣдавъ тебѣ ихъ измѣну, побѣжалъ въ Сургутъ и извѣстилъ воеводу князя Барятинскаго, и по моему извѣту тѣхъ измѣнниковъ 10 человекъ повѣсили. И послѣ того былъ я посланъ въ Кетской островъ, и кетскаго уѣзда ясачные люди хотѣли тебѣ государю измѣнить, и я холопъ твой, увѣдавъ тое ихъ измѣну, извѣстилъ воеводѣ Поснику Бѣльскому, и за то они лутчіе люди биты кнутаомъ; и т. д.

Правительство не обезпечивало служилаго сословія жалованьемъ и продовольствіемъ; правда, и то и другое имъ были наз-

¹ Д. къ А. И. т. III, стр. 228.

² Гагемейстера, Статистич. Обзорѣніе Сибири т. II, ст. 77.

³ Этнографич. Сборникъ, вып. V, *Смьсь*, стр. 17.

⁴ Сибирская исторія Миллера, ч. I, стр. 250.

начены, но доставлялись неисправно, а часто и совсѣмъ не доставлялись. Въ сибирскихъ актахъ постоянно встрѣчаемъ жалобы служилыхъ людей на неимѣніе ни денегъ, ни хлѣба. Естественно, что они сами должны были заботиться о своемъ обезпеченіи, были принуждены грабить туземцовъ. И служилые люди не боялись правительству указывать на это, какъ на единственное средство къ своему существованію. Вотъ напр. красноярскіе служилые люди, представляя правительству свое бѣдственное положеніе, жалуются, что «въ проѣзжіа и ни въ какія службы ихъ не посылають и кормиться имъ нечѣмъ»¹.

Все служилое сословіе, отъ воеводы до послѣдняго казака, ѣхало въ Сибирь въ надеждѣ разбогатѣть, и вся его дѣятельность вертѣлась около этой мысли, всѣ злодѣянія воеводскаго управленія были ничто иное, какъ хищничество на разные манеры, начиная часто съ разбоя и кончая мелкимъ взяточничествомъ. Якутскій воевода Бармешлевъ «чинилъ якутамъ надолги, и обиды и тѣсноты великія, ималъ насильствомъ у нихъ соболи, и скоть и кони добрые. Онъ прибавилъ на туземцовъ ясаку для своей бездѣльной корысти, и оттого они въ конецъ разорились. Удудавъ съ своими ушники съ дѣтьми боярскими, самъ воровалъ и ворами потакалъ, городъ разорилъ и государству денежную всякую казну тѣми своими ушниками за себя перевелъ»². Семень Бартеуевъ и Матвѣй Ржевскій, ѣдучи по Оби въ Томскъ, «ясашныхъ людей пытками пытали и поминки съ нихъ великіе имали и ихъ грабили, лисицы, и собаки, и рыбы, и жиръ, чѣмъ они сыты бываютъ, имали насильствомъ»³. Мамагейскій воевода Кокоревъ поилъ виномъ приходившихъ съ ясакомъ самоѣдовъ; несчастные дикари пропивались до пага, соболи и бобры переходили къ воеводѣ, а ясакъ уплачивался оленьими кожами; который торговый или промышленный человѣкъ не приходилъ къ воеводѣ, къ женѣ его или къ сыну съ большимъ приносомъ, такого воевода кидалъ въ тюрьму вмѣстѣ съ его собаками, а потомъ бралъ выкупъ и съ его и съ собакъ. Когда воеводы бывали пиры на торговыхъ и промышленныхъ людей, и если кто приносилъ мало, тому приносъ бросали въ лицо и до воротъ провожали въ шею. Люди воеводины брали на гостиномъ дворѣ товары безъ платы. Къ сыну

¹ Дополн. къ А. И т. VIII, № 44.

² Ibid. №№ 56 и 69.

Сиб. Исторія Миллера, ч. I, стр. 326.

воеводы промышленники ходили вино пить, по гривенъ чарка; когда они, напившись, уходили со двора, то люди воеводины обирали съ нихъ кресты, перстни, пояса, а съ нныхъ снимали все платье. Кромѣ того, Кокоревъ затѣвалъ торговымъ людямъ напрасныя посылки: велить выбрать нарочныхъ людей 20 или 30 и скажетъ службу на тундру, откуда имъ не возвратится, и тѣ люди, одолживъ свои головы послѣдними долгами, отъ него откунаются деньгами. ¹ Енисейскій воевода Голохвастовъ «для своихъ пожитковъ отдавалъ помѣсячно на откупъ зернь и корчму и безмужныхъ женъ на блудъ и оттого бралъ себѣ откупъ рублевъ по сту и больше; и тѣмъ блуднымъ женамъ велѣлъ наговаривать на проѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, для взятки; а которыхъ служилыхъ и посадскихъ людей оставшихъ въ домахъ жены, во время отъезда мужей, воевода, свѣдавъ ихъ пожитки, женъ ихъ бралъ въ застѣнокъ ночью, и пыталъ, и спрашивалъ серебряныхъ денегъ. ² Часто воеводы и служилые люди превращались въ истыхъ разбойниковъ. Такъ Иркутскій воевода Лаврентій Ракитинъ напалъ за Байкаломъ на ѣхавшаго съ караванною казною купца Гусятникова и отнялъ у него золото, серебро и дорогія китайскія вещи ³. Дѣти боярскіе и служилые люди «грабили съ туземцевъ соболи и лисцы, лошади и коровы, и платья санаяки, и торбосы, и ихъ туземцовъ били батогами и увѣчили напрасно ⁴. Въ 1681 году якутскаго острога пятидесятникъ Данила Михайловъ послалъ на ясачныхъ тунгусовъ толмача Копылова и съ нимъ тридцать служилыхъ людей. Копыловъ разгромилъ и пограбилъ тунгусовъ, женъ и дѣтей отполона взялъ и просилъ за нихъ выкупъ большова ⁵. Это еще милостиво, а то обыкновенно подобныхъ плѣнниковъ служилые люди обращали въ свое холопство и торговали ими. Такъ въ 1596 году во время похода на башкирцевъ уфимскаго уѣзда взято было много плѣнниковъ, нѣкоторые изъ нихъ казнены, а большая часть распродана въ холопство по сибирскимъ городамъ ⁶. Якутскій воевода Барнешлевъ отнималъ у яку-

¹ Исторія Россіи Соловьева, т. IX, стр. 401—402.

² Акты Историч. т. IV, № 183.

³ Иркутская Лѣтопись подъ 1717 г.

⁴ Доп. къ А. И. VIII, стр. 269.

⁵ Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1861 г. кн. I.

⁶ Сиб. Ист. Миллера, ч. II, стр. 6.

товъ женъ и продавалъ ихъ другимъ якутамъ; «у якутовъ и у русскихъ женъ и дѣтей во дворъ къ себѣ въ холопство ималъ, а крѣпости на тѣхъ людей писалъ на имя всякихъ чиновъ людей. Онъ же велѣлъ сковать и привезти въ Якутскъ съ Чечуйскаго волоку сына боярскаго Ивана Крыжановскаго, хотя у него вымучити кабалу въ 300 рубльяхъ ¹. Кромѣ того, служилые люди сплошь да рядомъ отбирали у русскихъ и инородцевъ женъ, дочерей, работницъ, родственницъ, дѣлали ихъ своими наложницами или только на время «имали ихъ къ себѣ на постели для блуднаго воровства». Въ случаѣ сопротивленія—воеводы пускали въ дѣло «кнутъ и огонь».

Можно-ли ожидать правосудія отъ этихъ «правителей»? Разумѣется никакого! кто давалъ больше, тотъ былъ правъ, кто не давалъ, или давалъ мало, — тому кнутъ, батоги, пытки, а пожалуй и казнь!.. Служилые люди до того любили судебныя разбирательства, что сами побуждали туземцовъ начинать тяжбы. Такъ якутскій толмачъ Максимъ Мухоплевъ, бывший «у государева ясачнаго сбору и у всякихъ судебныхъ и сыскныхъ дѣлъ», ссорилъ между собою якутовъ, велѣлъ имъ жаловаться другъ на друга, потомъ посылалъ своихъ посыльщиковъ и деньщиковъ мирить ихъ, «половину иску имать на себя, а досталь исцу и деньщику взять» ². Расправу воеводы чинили по «своему высмотру» и совершенно неприложимому къ жизни сибиряковъ, особенно туземцевъ, Уложенію. Такъ шамановъ за ихъ шаманскіе фокусы и кудесничества наказывали часто какъ за волшебство, по уложенію. Смертная казнь на разныя манеры также часто производилась сибирскими воеводами, особенно надъ инородцами. Послушайте, какъ наивно мангазейскій воевода Савеловъ доноситъ о казни самоѣдовъ: «я дву челоувѣкъ велѣлъ четвертовать, руки и ноги и головы отсѣчь и на колья втыкать, а третьему челоувѣку велѣлъ уши обрѣзать и отпустить его къ родникамъ его. *А не казня, я тѣхъ воровъ въ Маназель держать не смѣлъ, потому что хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ и кормить ихъ нечѣмъ*» ³.

Развѣзды воеводъ и служилыхъ людей были чрезвычайно тягостны для жителей тѣхъ мѣстъ, по которымъ они проѣзжали. «Воеводы, дѣти боярскіе, стрѣльцы и казаки, вдуци въ Сибирь

¹ Доп. къ А. И. т. VIII № 69.

² Ibid.

³ Ibid. № 44.

или изъ нея, возилъ съ собой много мяса, сушня, масла, сала, холстовъ; все это клали на подводы, казаки и стрѣльцы «нмалн насильствомъ подводы, мимо подорожныхъ, да себѣ правили съ ящниковъ денегъ и кормовъ и насильство всякое чинили; не платили прогонъ, а нмалн подводы насильно.» ¹

Воеводы, пока жили въ Сибири, не боялись никого и ничего. Жалобы, при отдаленности Москвы и при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, доходили не скоро и не всѣ; а придетъ царскій указъ, ограничивающій дѣйствія воеводы, невыгодный для него, — онъ вѣдь можетъ и не исполнять его или скрыть! Такъ воевода князь Вяземскій вопреки указу «дворовъ и пашенъ и сѣнныхъ покосовъ охотникамъ не далъ, а посыльщика ихъ, съ которыми они царскую грамоту послали, убилъ и изувчилъ.» ² Такъ мангазейскій воевода Кокоревъ подиѣвилъ царскій указъ, подлинный скрылъ, а ложный обнародовалъ. — Сознаніе своей силы, гордость и наглая надменность были очень знакомы воеводамъ, даже ихъ женамъ. Только все это выражалось въ смѣшной, нелѣпой формѣ. Такъ «Кокоревъ ходилъ въ церковь наряднымъ воровскимъ обычаемъ, носили передъ нимъ мечъ оберучный, какъ передъ Разстригою, а люди его всѣ передъ нимъ съ пищалами, саблями и со всякимъ оружіемъ, какъ передъ курфюрстомъ нѣмецкимъ ходятъ, чины у него были учреждены большіе: холопей своихъ звалъ — ннаго дворецкимъ, другаго казначеемъ, нныхъ стольниками. Когда онъ ходилъ въ баню, то передъ баню приходили къ нему здороваться складчики его и совѣтчики и попы и на нихъ смотря, боясь его безмѣрнаго страха, всякихъ чиновъ люди ходятъ передъ баню челомъ ему ударить. Воеводша принимала такое же поклоненіе отъ всѣхъ женщинъ; о ней поупъ Сосна говаривалъ людямъ: «кто хочетъ бѣды избыть, тотъ шелъ бы ко всемірной заступницѣ, которая что захочетъ, то и сдѣлаетъ.» ³

Распоряжаясь неограниченно въ своемъ воеводствѣ, одинъ воевода смотрѣлъ на другаго, какъ на своего соперника, который могъ повредить его интересамъ. Служилые всякихъ чиновъ люди ратовали за интересы своего воеводы, потому что онѣ были отчасти ихъ собственными интересами. Такимъ образомъ, сибирскія воеводства были чѣмъ-то въ родѣ удѣльныхъ княжествъ,

¹ Акты Арх. Эксп. т. II, № 71.

² Ibid т. II, № 78.

³ Соловьевъ, т. IX, стр. 402—403.

правителів которыхъ находились между собою въ постоянной враждѣ. Нужно полагать, что бывали и рукопашныя столкновѣнія между разными воеводами и ихъ подчиненными. Хотя объ этихъ столкновѣніяхъ почти вовсе не упоминается въ извѣстныхъ намъ историческихъ документахъ, но существованіе ихъ заставляетъ предполагать частыя и сильныя ссоры воеводъ и служилыхъ людей разныхъ воеводствъ между собою и такіе напр. факты, что мангазейскіе воеводы, Кокоревъ и Палицынъ, долго ссорились и наконецъ вступили между собою въ открытую войну: Палицынъ, сидѣвшій въ посадѣ, съ своими служилыми людьми пошелъ на приступъ къ городу, въ которомъ сидѣлъ Кокоревъ. Послѣдній отразилъ приступъ Палицына и открылъ стрѣльбу по посадѣ. Ссоры воеводъ чаще всего возникали изъ за сбора ясака. Въ этихъ ссорахъ принимали дѣятельное участіе ясачные сборщики. Такъ какъ подчиненность извѣстнаго туземнаго племени или рода извѣстному городу обозначалась и поддерживалась построеніемъ на землѣ этого племени слободы, острога, зимовья, то воеводы строго наблюдали, чтобы одинъ не заводилъ поселеній на земляхъ другаго. Такъ въ 1650 г. между воеводами енисейскимъ и красноярскимъ возникла ссора изъ за того, что оба въ одно время заводили селенія тамъ, гдѣ земли ихъ граничили между собою. Въ подобныхъ ссорахъ воеводы заводили тяжбы, которыя продолжались иногда по нѣскольку десятковъ лѣтъ, при нѣсколькихъ одинъ за другимъ слѣдовавшихъ воеводахъ. Кромѣ того, они копали другъ другу ямы и всѣми средствами старались остановить распространеніе владѣній своихъ сосѣдей-воеводъ. Такъ, въ 1618 г. Албычевъ и Рукинъ, посланные для заложенія острога на Енисей, остановились на Кети и для безопасности укрѣпили свой станъ. Весной ихъ осадили тунгусы. При самомъ началѣ осады были посланы нарочные въ кетскій острогъ и Тобольскъ съ просьбою о помощи. Кетскій воевода не только не послалъ вспоможенія, но и посланныхъ въ Тобольскъ людей удержалъ у себя. Онъ рассчитывалъ, что если Албычевъ и Рукинъ, не получивъ вспоможенія, отступятъ или будутъ убиты, то ему останутся всѣ волости кетскаго острога; а ему было вѣрно уже приенисейскіи волости уступить подъ новый Енисейскій острогъ. *

Таковы были сибирскіе воеводы. Петръ I, уничтоживъ воеводское управленіе, наполнилъ всѣ губерніи, а въ томъ числѣ и

¹ Миллеръ, ч. II, стр. 209.

Сибирь, многочисленными *чинами*—губернаторами, вице-губернаторами, оберъ комендантами, комендантами, фискалами, земскими комиссарами, ландрихтерами, берггешворенами и т. д. съ увеличеніемъ числа чиновниковъ, съ введеніемъ новыхъ узаконеній о ревизіи, подушной подати, рекрутскихъ наборахъ. Злоупотребленія властей и страданія народа увеличились. Отдаленная Сибирь съ тѣхъ поръ стала ареной неслыханныхъ злоупотребленій и страдала гораздо болѣе, чѣмъ при воеводахъ. Мы постараемся подробнѣе разсмотрѣть административную дѣятельность сибирскихъ властей съ реформы Петра. Страшные поборы, взяточничество разоряли страну. «Крестьянамъ, писалъ де-Геннинъ Петру I, крестьянамъ бѣднымъ разореніе отъ судей, и въ городахъ отъ земскихъ управителей, и въ слободахъ зѣло тягостно и безъ охраненія, а купечеству уже и весьма разорилось, такъ что едва посадскаго капиталиста сыскать можно, и хотя всѣмъ извѣстенъ экземпль, учиненный кн. Гагарину (*т. е. казнь ею*), однако здѣсь въ Сибири не унимаются бездѣльники, и именно: отъ земскихъ комиссаровъ, лишніе сборы собираются и народу обиды чинятся» (*Татищевъ и ево ер., Попова*). Брала всѣ, начиная съ губернатора и кончая канцеляристами. Губернаторъ Жолобовъ, казненный въ 1736 г., «злостропными вымыслами изъ великихъ себѣ взятокъ» составилъ огромное состояніе, бралъ всѣмъ: золотомъ, серебромъ, бархатомъ, мѣхами, китайкой, мукой и проч. (*П. С. З. № 7009*). Особенно тягостны были для жителей разъѣзды губернаторовъ по губерніи для обзора ея и собиранія оброка. Не даромъ же напр. объѣзды охотскаго коменданта Козлова-Угренна по своей области долго вспоминались въ Камчаткѣ подъ именемъ *собачей оспы* («*кв Ир. лѣт. поясненіе*»). Въ Камчаткѣ, какъ извѣстно, ѣздить на собакахъ, запряженныхъ въ *нарты*, небольшія санки. Козловъ же ѣздилъ въ возкѣ съ двумя своими любовницами. Подъ возокъ требовалось множество собакъ, а такъ какъ онъ не могъ свободно проходить по узенькимъ тропинкамъ, слывающимъ въ Камчаткѣ подъ именемъ дорогъ, то на пути Козлова обыкновенно вырубали лѣсъ и прочищали дорогу. Иногда губернаторы просто разбойничали, такъ напр. Нѣмцовъ имѣлъ связи съ атаманомъ разбойниковъ Гендюхинымъ и покровительствовалъ ему. Онъ же учредилъ въ Иркутскѣ такъ называемую *мухую команду*, которая разъѣзжала по городу и производила разныя буйства и грабежи (*Ирк. лѣт. подв 1776 г.*).

Кромѣ губернаторовъ брали и грабили всѣ, кто только могъ, грабили всѣхъ поголовно. Иркутскій ревизоръ Крыловъ вымучилъ съ иркутскихъ гражданъ одними деньгами 155,000 р. (*И. л. подв 1758 г.*). Приближенные чиновники, любимцы и любимцы губернаторовъ отличались особенною алчностью и наглостью. Напр. секретарь Селифантова, Бѣлявскій, писалъ въ нѣкоторымъ чиновникамъ такіа записки: «государь мой! покорно васъ прошу на прилагаемыя при семъ (якобы) деньги купить для меня и прислать какъ можно поспѣшнѣе хорошую кунью или рысью шубу». Правитель же канцеляріи Селифантова Бакулинъ хозяйничалъ въ губерніи какъ дома, раздѣлил всю Сибирь на частныя комиссарства; комиссары были поставлены въ полную зависимость отъ генералъ-губернатора, и Селифантовъ съ Бакулинымъ безъ всякихъ околичностей назначали сумму за опредѣленіе въ должность комиссара, смѣняя тѣхъ, которые платили мало. Даже прекрасный полъ и тотъ подвизался на поприщѣ взяточничества; при Трескинѣ свирѣпствовала по этой части его жена, Агнеса Фелоровна, при Селифантовѣ, его метресса мадамъ Байе (*из ирк. лѣтом. поясн.*). Особенно страдали отъ алчности земской полиціи крестьяне и инородцы. На послѣднихъ сплошь да рядомъ налагали тройной ясакъ, порабощали ихъ женъ и дѣтей за незначительные долги и т. п. Камчадалы и другіе инородцы доводимы были до такой крайности, что продавали русскимъ своихъ ребятъ, по рублю и по полтиннѣ (*Словцова ист. Сибири ч. I*) Щербатовъ въ своей «статистикѣ въ разсужденіи Россіи» говоритъ, что депутаты отъ сибирскихъ инородцевъ, бывшіе въ комиссіи для составленія уложенія «на безчеловѣчіе и мздоимство поповъ жаловались, которые подъ именемъ проповѣдниковъ, грабятъ и мучить ихъ ѣздятъ. Тѣ, которые примутъ христіанскій законъ, еще болѣе подвергнутся мучительству и мздоимству поповскому. Они ѣзда по юртамъ, примѣчаютъ все у сихъ малозученныхъ христіанъ, и если хотя малое что противу правилъ и преданій христіанскаго закона примѣтять, то не токмо жестоко на тѣлѣ наказуютъ, но и разоряютъ ихъ, колико можно» (*Чт. Об. И. к Др. 1859 г. кн. III*).

Такимъ образомъ всякій, кто имѣлъ какое нибудь оффиціальное чиновное значеніе, или только близкое отношеніе къ чело-вѣку чиновному, пользовался случаемъ набить карманъ.

Видѣтъ съ вѣточничествомъ царствовали въ Сибири произволъ и разнаго рода насилія. Администраторы часто изъ личныхъ интригъ, изъ каприза преслѣдовали умныхъ и честныхъ людей, доводили ихъ до совершеннаго разоренія, до помѣшательства, до смерти. Такъ, въ бытность свою въ Сибири, Пестель встрѣтился на одномъ обѣдѣ съ Куткинымъ, начальникомъ тобольскаго провіантскаго депо. Между ними завязался споръ, и Куткинъ одержалъ верхъ. Озлобленный на него Пестель исходатайствовалъ распространеніе своей власти на провіантскую часть, и подъ предлогомъ мнимыхъ злоупотребленій арестовалъ Куткина и отдалъ его подъ судъ. Девять лѣтъ Куткинъ переносилъ жестокости Пестеля, и умеръ, не дождавшись рѣшенія своего дѣла. Не смотря на то, что Пестель и послѣ смерти Куткина все еще продолжалъ дѣло, сенатъ нашелъ покойнаго виновнымъ только въ передачѣ одному чиновнику лишнихъ прогоновъ 275 руб. Между тѣмъ домъ и полотняная фабрика Куткина въ Tobольскѣ были разорены секвестромъ, наложеннымъ на нихъ Пестелемъ *на случай могущихъ открыться свысканій*; жена и дочери Куткина лишены были всякихъ сношеній съ нимъ и доведены до крайней нищеты (*Корфа, Жизнь Сперанскаго, т. II*). Если съ такой дьявольской злобою преслѣдовались люди за то только, что не уступили въ спорѣ гордому начальнику, то понятно, чему подвергались тѣ, которые оказывали какую нибудь реакцію незаконнымъ дѣйствіямъ администраторовъ, или рѣшались не слѣдовать ихъ приказаніямъ: имъ грозила тюрьма, ссылка, смерть. Такъ Пестель смѣнилъ двухъ губернаторовъ, Хвостова и Корнилова, людей порядочныхъ, но не хотѣвшихъ строго держаться дикихъ предписаній своего генералъ-губернатора. Съ дьявольскою настойчивостію велъ Пестель это дѣло по всевозможнымъ инстанціямъ, отъ земскаго суда и до государственнаго совѣта, и отъ ссылки спасло Корнилова и Хвостова только ихъ чиновное значеніе (*Жизнь Сперан. т. II*). Менѣе значительныхъ людей, по малѣйшему неудовольствію на нихъ, администраторы ссылали на основаніи того пункта инструкціи, данной Селифанову, которымъ генералъ-губернаторъ уполномочивается «тѣхъ, которые, имѣя безпокойный характеръ, вліяніемъ своимъ на общество могутъ препятствовать благимъ мѣрамъ правительства, ссылатъ въ отдаленнѣйшія мѣста.» Конечно, и безъ этой инструкціи администраторы могли бы ссылатъ, но она еще болѣе уси-

ливали ихъ произволь. О произвольныхъ ссылкахъ и заключеніяхъ мы имѣемъ больше всего свѣдѣній изъ вѣдомъ Трескина и Пестеля. Последний, по словамъ министра юстиціи Дмитріева, совершенно произвольно, безъ всякаго суда, сослалъ за Байкалъ, служащихъ въ одной губерніи отправлялъ за три тысячи верстъ въ другую и отдавалъ подъ судъ тамошней уголовной палаты. Эти ссылки и заключенія были иногда совершенно безъ всякаго повода, по одной фантазіи администраторовъ. Такъ Пестель служившаго вмѣстѣ съ Куткинымъ подполковника Денисьевского заключилъ, *для предупрежденія всякихъ между ними сношеній*, на гаубтвахту, гдѣ онъ и содержался 11 лѣтъ, до прибытія Сперанскаго. И какъ были находчивы администраторы въ изображеніи разныхъ способовъ преслѣдованія. Такъ напр. Трескинъ выслалъ, за что то изъ Иркутской губерніи совѣтника Корсакова, и требовалъ, чтобы всѣ сибирскіе губернаторы не позволяли ему жить на одномъ мѣстѣ болѣе нѣсколькихъ дней. Утвердивъ это распоряженіе Трескина, Пестель прибавилъ, чтобы Корсакова не выпускали за предѣлы Сибири. Несчастный Корсаковъ долженъ былъ бы цѣлую жизнь, съ семействомъ, кружить по всей Сибири, если бы томскій губернаторъ не ослѣбился позволить ему остаться въ Томскѣ (*Жизнь Сперанскаго, т. II*). Чиновника Пѣтухова Пестель довелъ своими гоненіями до того, что освобожденный высочайшимъ указомъ изъ ссылки, онъ сошелъ съ ума и занялся подробнымъ исчисленіемъ пространства и вместительности новаго ковчега, представивъ этотъ громадный трудъ съ планомъ государю, «яко данъ вѣрноподданнической признательности за избавленіе отъ Пестеля» (*къ Иркут. лѣт. поясненію*).

Само собою разумѣется, что при такихъ дѣйствіяхъ правителей, въ судахъ нечего было искать и тѣни правды. «Судебные комиссары, говоритъ де-Геннинъ, по слободамъ дѣлаютъ великія пакости и неправды. И хотя челобитныя и донесенія на нихъ отъ бѣдныхъ людей есть, но никакого розыску и рѣшенія не чинится, и на кого бьютъ челомъ, тѣ по волѣ ходятъ, и знатно, что такимъ ворами, потачка отъ надворныхъ судей, также о учиненныхъ обидахъ отъ солдатъ разсмотрѣнія и резолюцій не чинится, и такихъ бездѣльниковъ не арестуютъ, отчего и большія пакости дѣлаются. А камергеры своимъ под-

чиненнымъ, также надворные судьи и магистратъ своимъ подчиненнымъ потакаютъ» (*Татищевъ и его время*).

Какъ о характеристической чертѣ бывшихъ сибирскихъ администраторовъ нужно упомянуть о томъ, что они деспотически удовлетворяли свои плотскіе инстинкты на счетъ сибирячекъ. Много сохранилось въ преданіяхъ В. Сибири рассказовъ о разныхъ ихъ похожденияхъ кончавшихся часто весьма трагически для предмета ихъ страсти. Г. Скарятинъ въ одномъ изъ нумеровъ «Одесскаго Вѣстника» за 1860 г. говоритъ, что это бывало даже во время, предшествовавшее управленію Муравьева. Но, какъ панегиристъ навезенныхъ изъ Россіи чиновниковъ, г. Скарятинъ приписывалъ это *только* сибирскимъ чиновникамъ: должно быть онъ мало знаетъ и сибиряковъ и пріѣзжихъ чиновниковъ, иначе онъ не сказалъ бы этого.

Много бы еще можно сказать о подобныхъ дѣйствіяхъ сибирскихъ администраторовъ, объ ихъ частной жизни, объ интригахъ, кончавшихся часто убійствами и т. п., но статья наша уже и безъ того растянулась и намъ еще нужно сказать о важной характеристической чертѣ многихъ администраторовъ, объ ихъ стремленіяхъ къ реформамъ, нововведеніямъ и результатамъ ихъ.

Разныя реформы, административныя и другія нововведенія должны вытекать изъ потребностей страны, должны соразмѣряться съ ея силами и средствами. Но администраторы Сибири поставлены въ такое положеніе, что могутъ двигать силы страны къ исполненію *своихъ* плановъ, часто подрывающихъ благосостояніе народа. Кроме того, и при благой цѣли, при всемъ желаніи добра странѣ, неограниченный правитель ея можетъ употребить для достиженія этой цѣли средства слишкомъ тяжкія. Кто можетъ, кто наставить правителя? съ обществомъ онъ разьединенъ, — его чиновники, какъ новоприбывшіе, почти не знаютъ Сибири... Ошибки предстоятъ на каждомъ шагѣ. А что стоятъ эти ошибки народу? Исторія Сибири представляетъ длинный рядъ такихъ ошибокъ, много администраторскихъ утопическихъ плановъ и нововведеній, ложившихся на народъ всюю своею тяжестью. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

Трескинъ заботился объ устройствѣ поселеній за Байкаломъ и особенно въ Иркутской губерніи между р. Каномъ и г. Нижнеудинскомъ. Для надзора за этими поселеніями, для пріученія поселенцевъ къ труду, къ порядочной жизни, Трескинъ присти-

визъ исправника Лоскутова. Намъ доводилось въ Иркутскѣ читать инструкцію Лоскутова, данную имъ поселенцамъ и утвержденную Трескинымъ. Эта инструкція имѣетъ поразительное сходство съ инструкціей Аракчеева жителямъ Грузина. Лоскутовъ предписываетъ, когда и какъ долженъ вставать крестьянинъ, какъ умываться, какъ читать молитвы, сколько времени и какъ запрагать лошадей, какъ должно держать молоко, яйца, мясо, когда и какъ снимать сметану, когда мыть въ избѣ и проч. и проч. Лоскутовъ строго наблюдалъ за соблюденіемъ своей инструкціи; онъ пріѣзжалъ въ селеніе поначе, какъ съ командой казаковъ, съ нѣсколькими возами палокъ, прутьевъ и лозъ. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ приступалъ къ осмотру хозяйства поселенцевъ. Если найдеть у бабы непокрытый горшокъ съ молокомъ, или невыполотыя въ огородѣ грады, или прорѣху на платьѣ, — тотчасъ порка. Потомъ ѣдетъ онъ по полямъ, и если находитъ, что мужикъ спашалъ мало или плохо, — безпощадно сбѣчетъ его. Если же на обратномъ пути замѣтитъ, что работа у наказаннаго плохо подвигается впередъ, — то снова сбѣчетъ. Лоскутовъ дѣятельно преслѣдовалъ преступленія. Пріѣхавши въ поселеніе съ казаками, палками и розгами, Лоскутовъ вызывалъ хозяина первой избы и сбѣкъ, допрашивая: «ты сдѣлалъ то-то?» Наказываемый указывалъ на кого-нибудь другого, сбѣли и того, — тотъ на третьяго, сбѣли и третьяго и т. д., пока кто-нибудь не сознавался въ преступленіи.» Тѣлесное наказаніе у Лоскутова было обыкновенное и съ мерсезакою. Вотъ какъ дѣлалась послѣдняя: сперва избобуютъ у несчастнаго все одну съ головы до пятокъ палками, потомъ, по ранамъ, уже сбѣкутъ розгами. Удары считались тысячами... При экзекуціи Лоскутовъ обыкновенно приговаривалъ: «какой нечестивца! Господи, исправь мерзавца!» (*Дель*, № 16). Такими-то нѣрами Трескинъ и Лоскутовъ хотѣли исправить поселенцевъ, сдѣлать ихъ трудолюбивыми и нравственными! Дѣйствительно, по наружности все было хорошо, но за кулисами производились страшныя преступленія.

Одну изъ самыхъ важныхъ, самыхъ горестныхъ ошибокъ, представляетъ современная намъ колонизація Амура и обращеніе забайкальскихъ крестьянъ въ казаки. Дорого стоило пріобрѣтеніе и заселеніе Амура Сибири, но все таки не удалось: русскихъ переселенцевъ въ настоящее время нѣтъ и многіе уже мечтають о колонизаціи Амура иностранцами, особенно американскими че-

хани, но, волю, — переселятся-ли они? О переселеніи другихъ иностранцевъ нечего и думать: ужь если пойдетъ на Амуръ великорусскій мужичокъ, привыкшій ко всѣмъ невгодамъ и лишениямъ, то съ какой стати пойдетъ туда иностранецъ?... Если настоящее положеніе сибирскихъ дѣлъ продолжится, то Амуръ должно или вовсе бросить или колонизировать его войсками, какъ прежде; а это окончательно разоритъ Восточную Сибирь, и Амуръ будетъ для Россіи тоже, что Алжиръ для Франціи. Да, исторія пріобрѣтенія и заселенія Амура поучительна: она показываетъ — какъ могутъ ошибаться отдѣльными личности, берущіяся за большое общественное дѣло, если онѣ дѣйствуютъ не какъ исполнители общественной воли, а какъ самостоятельные, неограниченные дѣятели.

Мы видѣли, что административное иго, лежавшее на Сибири, было несносно; посмотримъ теперь, какъ относились къ правителямъ жители Сибири.

Мы уже касались инородческихъ бунтовъ и говорили, что они идутъ черезъ всю сибирскую исторію. Причины этихъ бунтовъ заключаются часто въ злоупотребленіяхъ администраціи, въ вриѣсеніяхъ, которыя терпѣли туземныя племена отъ русскихъ. Правда, здѣсь были замѣшаны династическіе интересы, инородцы западной Сибири долгое время группировались около потомковъ Кучума, изъ которыхъ одинъ замышлялъ изгнать русскихъ изъ Сибири и сѣсть въ Тобольскѣ царемъ сибирскимъ. Но всѣ эти стремленія возстановить прежнюю свою самобытность были вызваны желаніемъ инородцевъ освободиться изъ подъ сибирской администраціи. Не злоупотребляй воеводы, не тѣсни они, не разоряй туземцевъ, тѣ спокойно платили бы ясакъ и мирно пребывали бы «подъ высокою рукою московскаго царя». Когда злоупотребленія были еще немного сносны, — инородцы жили мирно; едва административные безпорядки усиливались, — между инородцами чинилась *жадность* и они дѣлались «великому государю не покорны.» А такъ какъ администрація неослабно преслѣдовала ихъ своими злоупотребленіями, то они волновались при всякомъ удобномъ случаѣ и ненависть къ русскому владычеству никогда не умирала въ нихъ *. Это нерасположеніе къ русскимъ продолжается до настоящаго времени.

* Мы уже говорили о бунтахъ инородческихъ. Желающіе ближе познакомиться съ ними, найдутъ довольно обстоятельное описаніе ихъ въ XII томѣ Исторіи Россіи Соловьева.

До сихъ поръ намчадалъ молитъ своего бога *Индичула* объ избавленіи отъ казака и чиновника. До сихъ поръ бурятъ чествитъ воиъхъ русскихъ служебныхъ лицъ именемъ *макутоос*—провожаемыхъ мяенческихъ чудовищъ.

Русское поселеніе Сибири чаще всего выражало свое недовольство администраціей жалобами и доносами на правителей. Они были такъ часты, сибиряки взывали къ русскому правительству такъ настойчиво, что провозглашены законными ябедниками и доносчиками. Но сибиряки не довольствовались жалобами на правителей, они часто сами оказывали имъ энергическую реакцію. Такъ, въ 1696 году иркутскіе казаки и жители самовольно смѣнили жестокаго и корыстолюбиваго воеводу Савельева и избрали вмѣсто его ребенка Полтева, сына вѣдшаго въ Иркутскъ, но дорогой умершаго воеводы. Правителемъ дѣлъ при ребенкѣ-воеводѣ былъ избранъ сынъ боярскій Перфильевъ, правившій именемъ Полтева до 1699 года *. Жители селъ, выводимые изъ терѣвиз притѣсненіями служилыхъ людей, иногда возставали противъ нихъ и жестоко порѣшали съ ними; такъ, напримѣръ, строитель Красной Слободы, сынъ боярскій Молчаповъ, былъ убитъ взбунтовавшимися жителями этой слободы **. Но такихъ событій немного насчитывается въ сибирской исторіи; сибиряки чаще всего упорно отказывались отъ исполненія неразумныхъ требованій своихъ правителей и хоть много терпѣли за это, но все-таки ставили на своемъ. Ихъ трудно «согнуть въ бараний рогъ», какъ это хотѣлъ сдѣлать Трескинъ съ секретаремъ своимъ Бѣлавскимъ! Вотъ напримѣръ, какъ упорно отказывались жители Сибири отъ исполненія несправедливыхъ воеводскихъ приказаній. При Михаилѣ Федоровичѣ посланы были на Лену воеводы и духовныя лица, которымъ велѣно давать подводы безъ задержки. Когда они пріѣхали въ Енисейскъ, то здѣшній воевода Верекинъ велѣлъ созвать къ сѣзжей избѣ служилыхъ посадскихъ людей, пашенныхъ крестьянъ, пріѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей и сталъ требовать отъ нихъ подводы. Они отказали наотрѣзъ, если воевода не сниметъ съ служилыхъ людей «караулъ городовыя, заставныя караулы и службу», а съ крестьянъ казенную пашню. Нѣсколько дней сряду воевода призывалъ ихъ и приказывалъ дать подводы, но всякій разъ былъ одинъ отвѣтъ, что

* Иркутская лѣтопись подъ 1695 г.

** Исторія Сибири Миллера, ч. II, стр. 488.

«ниъ подводъ не давывать!» Тогда воевода велѣлъ лучшихъ людей пометать въ тюрьму и бить ихъ на правожѣ, — но енисейцы всё съ лучшими людьми пошли въ тюрьму и на правожѣ, говоря: «метать насъ въ тюрьму и на правожѣ бить всѣхъ, а не однихъ лучшихъ людей; въ томъ воленъ Богъ да государь; безъ государева указу велѣтъ на насъ подводъ править!».. И отказавъ въ подводахъ, пошла всё врознь *. Подобные факты случались и случаются въ Сибири силою да рядомъ. Не разъ крестьяне отказывались, напримѣръ, продавать хлѣбъ въ казну по предписанной цѣнѣ; но разъ крестьяне соглашались лучше подвергнуться истязаніямъ земской полиціи, чѣмъ измѣнить, по требованію властей, постановленіе мірскаго схода и т. п. На всѣ эти протесты администраторы отвѣчали наказаніемъ протестующихъ. Такъ, когда Трескинъ для планированія улицъ въ Иркутскѣ велѣлъ ломать обывательскіе дома и граждане зароптали, то голова Сибиряковъ и купецъ Мыльниковъ воспротивились дикому распоряженію губернатора. Ихъ сослали одного въ Норчинскъ, а другаго въ Баргузинъ; они умерли въ ссылкѣ. Купецъ Киселевъ, умный и пылкій, говорившій противъ дѣйствій Трескина, посаженъ въ сумасшедшій домъ, изъ котораго скоро пропалъ безъ вѣсти. Всѣ сочувствующіе протестующимъ назывались *мартіею* и терпѣли гоненіе (см. *И. Д. Поясненіе*). Этотъ гнетъ, эти гоненія доводили иногда народъ до крайней запуганности, до полной вѣры во всемогущество администраторовъ, но, къ счастью, не надолго. Нѣкоторые правители до того запугивали народъ, что онъ не зналъ никого выше ихъ. «На небѣ Богъ, въ Камчаткѣ Кохъ,» говорили о камчатскомъ начальникѣ. Когда старикамъ, подававшимъ Сперанскому просьбу на Лоскутова, объявили, что ихъ исправникъ смѣнецъ и арестованъ, то они, трясясь всѣмъ тѣломъ, схватили Сперанскаго за полу и шепотомъ говорили ему: «батюшка, это вѣдь Лоскутовъ, что ты это баешь! чтобъ тебѣ за насъ чего худаго не было! вѣрно ты не знаешь Лоскутова!» (*Ж. С. ж. II*). Въ другихъ мѣстахъ народъ не жаловался Сперанскому на своихъ властей, опасаясь, какъ бы онъ не наставилъ еще худшихъ начальниковъ. До того всё привыкли къ произволу и деспотизму!

Власть губернаторовъ была такъже неограничена, какъ власть воеводъ; съ теченіемъ времени она все болѣе и болѣе расши-

* Исторія Россіи Соловьева, т. IX, с. 400—401.

рилась и администраторы получали болѣе и болѣе средствъ на свободному, независимому отъ высшихъ правительственныхъ учреждений, управленію. Такъ было до Сперанскаго. Этотъ человекъ былъ благодѣтелемъ Сибири, творцомъ новаго «уложенія». Дѣйствительно, Сперанскій сознавалъ и выражался въ своемъ письмѣ къ Кочубею, что «Сибири необходимы не отдѣльныя перемѣны, а общія преобразованія, что невозможно управлять ею по тѣмъ же правиламъ, какъ и другими губерніями» (Керъ, II, 245). Онъ, дѣйствительно, ввелъ нѣсколько новыхъ, притненныхъ къ мѣстнымъ условіямъ законовъ, напр. объ управленіи сибирскими инородцами; характеръ сибирской администраціи со времени Сперанскаго въ своемъ основаніи подвергся важнымъ измѣненіямъ. Разсмотримъ главныя черты сибирскаго уложенія*.

Сибирь раздѣляется на двѣ части: Восточную и Западную: каждую управляетъ генералъ-губернаторъ и въ каждой особое главное управленіе. Генералъ-губернаторъ пресѣдательствуетъ въ совѣтѣ главнаго управленія. Трое изъ членовъ совѣта опредѣляются по представленію генералъ-губернатора, и трое — по представленію министерствъ (ст. 13). Совѣтъ самъ собой никакой власти исполнительной не имѣетъ, но всѣ предписанія исходятъ отъ генералъ-губернатора (ст. 249). Генералъ-губернаторъ можетъ согласиться съ единогласнымъ рѣшеніемъ совѣта, или съ большинствомъ голосовъ, или съ меньшинствомъ, или, «не соглашаясь ни съ кѣмъ, положить собственное свое рѣшеніе» (ст. 245). Въ такомъ же точно отношеніи находится совѣтъ губернской къ губернатору и совѣтъ окружной къ окружному начальнику (ст. 209—220). Отъ главнаго управленія, или точнѣе отъ генералъ-губернатора, зависятъ губернскія управленія и другія губернскія и окружныя учрежденія. Всѣ мѣста и лица, составляющія губернское управленіе, подчинены главному управленію, кромѣ порядка апелляціи и ревизіи (ст. 156). Общее губернское управленіе подчинено непосредственно главному управленію; общему-же губернскому управленію подчиняются губернское правленіе, казенная палата, губернскій судъ; этимъ же учрежденіямъ—всѣ окружныя управленія, окружныя управленія управы волостныя и инородныя (ст. 157—161). Такимъ образомъ, генералъ-губернатору подчинены всѣ мѣста

* Ст. Св. Законовъ, т. II, ч. 2. Въ текстѣ мы будемъ цитировать только статьи.

и лица гражданского управления. Генералъ-губернаторъ губернскому совѣту даетъ предложенія, и всѣмъ прочимъ, ему подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ, предписанія (ст. 202). Онъ опредѣляетъ и увольняетъ всѣхъ совѣтниковъ губернскихъ мѣстъ, окружныхъ начальниковъ, полиціймейстеровъ, городничихъ и, по представленію губернаторовъ, начальниковъ отдѣлений общихъ губернскихъ управленій (ст. 172). Губернскіе прокуроры и стряпчие опредѣляются по представленію генералъ-губернатора (ст. 173). Губернаторамъ генералъ-губернаторъ имѣетъ право дѣлать замѣчанія и налагать взысканія, только съ высочайшаго разрѣшенія (ст. 455). Всѣ донесенія, возбуждающія отвѣтственность губернатора, поступають прежде всего къ генералъ-губернатору и разсматриваются въ совѣтъ главнаго управленія (ст. 439).

Кромѣ власти надъ гражданскими судебными учрежденіями генералъ-губернатору принадлежитъ главное командованіе войсками; по дѣламъ военно-суднымъ и вообще по управленію войскомъ онъ имѣетъ права командира отдѣльнаго корпуса (ст. 1526). Кромѣ того, генералъ-губернатору принадлежитъ завѣдываніе учебными заведеніями, утвержденіе рѣшеній военно-судныхъ комиссій о похитителяхъ драгоцѣнныхъ металловъ съ присяговъ, распоряженія о водвореніи отставныхъ нижнихъ чиновъ, дѣла о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ (ст. 18, прим.). Генералъ-губернатору Восточной Сибири принадлежитъ начальство по горной части (16 ib.) и цензура мѣстныхъ изданій (газ. «Амуръ»). Почтовое вѣдомство подчиняется главному управленію: по надзору и взысканію отвѣта, въ случаѣ жалобъ и донесеній на неправильное ихъ дѣйствіе.» Но мѣры исправленія его, смѣна и преданіе суду чиновниковъ, и т. п., принадлежитъ почтовому департаменту; генералъ-губернаторъ можетъ дѣлать это только «въ случаяхъ крайнихъ и времени не терпящихъ,» донося о своихъ дѣйствіяхъ министерству (ст. 156). Одно только духовное вѣдомство избавлено отъ власти и вліянія генералъ-губернатора. Такимъ образомъ, исполнилось желаніе Сперанскаго, чтобы «средоточіемъ всѣхъ частей управленія достигнуть того, чтобы части ои одна другой содѣйствовали и весь составъ управленія представлялъ какъ бы одно цѣлое и совокупное (Корфъ, Жизнь Сперанскаго).

Изъ этого краткаго очерка административныхъ учреждений Сибири видно, что правительство сознавало необходимость воз-

можной децентрализаціи Сибири въ административномъ отноше-
ніи; съ этою цѣлью генераль-губернаторы облакались, по воз-
можности, полною, неограниченною властью.

Но наша Сибирь много, много перешла отъ всеводъ на-
мѣтниковъ, генераль-губернаторовъ и губернаторовъ. Въ XVIII
столѣтіи, всадѣтельность правителей Сибири состояла въ томъ,
что они били и грабили, грабили и били... Стоны страждущей
Сибири достигали иногда до русскаго правительства и оно стара-
лось пресѣчь незаконныя дѣйствія сибирскихъ начальниковъ.
Въ одномъ Нерчинскѣ въ 22 года (1682—1704) смѣнено де-
надцать правителей. Петръ I преслѣдовалъ ихъ строгими зако-
нами, судилъ и казнилъ. Но и послѣ Петра Сибирь осталась
все таки темнымъ царствомъ, во мракѣ котораго постепен-
но совершались самыя вопіющія дѣла, самыя варварскія пре-
ступленія, и правительство часто не называло виновныхъ. Такъ,
напримѣръ, въ 1736 году казненъ иркутскій губернаторъ Же-
лобовъ. Но злоупотребленія не прекращались. Правитель-
ство сознавалось, что «онныя мѣста весьма отдаленныя, къ те-
му же и въ управленіи дѣла отъ времени до времени раз-
ныя конфузїи и безпорядки произошли и отъ управителей, оби-
ватели несносное потерпѣли разореніе» (И. С. З. № 8218).
Но настоящая причина, корень этихъ золъ, залагалась не въ
характеръ управленія, не въ принципъ администраціи, а въ мѣ-
цахъ, управлявшихъ Сибирью, въ ихъ нравственныхъ недоста-
ткахъ. Поэтому старались посылать правителями такихъ людей,
«которые бы въ статскихъ дѣлахъ довольно искусны были, пра-
восудіе любили, бѣдныхъ охраняли, однимъ словомъ,—были бы
честные, умные, трудолюбивые, богобоязненные люди» (16 ib.)
Но зло не прекращалось, а еще болѣе увеличивалось; и послѣ
того, какъ стали посылать для управленія Сибирью «честныхъ
и богобоязненныхъ людей», въ ней были Пестель, Трескинъ и
другіе. Ясно, что «корень зла» выражался словами Сперля-
скаго, «не въ людяхъ, а въ самыхъ учрежденіяхъ,» что дока-
зывается историческими фактами и результатами приложенія
этихъ учрежденій къ дѣлу.

Независимое положеніе правителя такой отдаленной провин-
ціи, какъ Сибирь, портитъ человѣка. Все напоминаетъ ему его
независимость, его полноправіе, ничто не препятствуетъ къ
исполненію какихъ бы ни было его стремленій. Отдаленность
отъ столицы ругается за то, что до нея не дойдутъ, или, по

крайней мѣрѣ, не скоро дойдутъ слухи и жалобы на него. Все это располагаетъ человѣка къ забвенію своихъ обязанностей, къ своеволю, ведетъ къ преувеличенному мнѣнію о своей власти, о своемъ достоинствѣ. Особенно это должно сказать о молодыхъ, ограниченныхъ умственно и плохо образованныхъ администраторахъ. Нельзя не согласиться съ слѣдующими словами кахтинскаго корреспондента «Дня»: «Въ такомъ отдаленномъ углу, какъ Сибирь, молодость и власть вортятъ человека. Все угождаетъ ему, все льститъ, прибавьте къ этому расположение къ властолюбію, желаніе разбогатѣть легко и скоро, и вы увидите, что тотъ, кто проповѣдывалъ недавно свободу, человеколюбіе, гласность, безкорыстіе, правосудіе, сдѣлаясь первымъ исполнителемъ своей проповѣди» («День», № 16). И дѣйствительно, многіе правители Сибири зазнавались; чувствуя свою силу, свое могущество, они гордились данною имъ неограниченною властью и стращали ею; одинъ изъ нихъ, Нѣмцовъ, подписывался: «со властію губернаторскою бригадирскаго ранга Нѣмцовъ;» а камчатскій начальникъ Кохъ такъ управлялъ, что о немъ сохранилась въ народѣ поговорка, что «на небѣ Богъ, а въ Камчаткѣ Кохъ». И чего только не дѣлали правители единственно для того; чтобы похвалиться своимъ всемогуществомъ, выказать свое презрѣніе не только къ обыкновеннымъ смертнымъ, но и къ важнымъ сановникамъ. Трескинъ, напримѣръ, заставлялъ высшихъ чиновниковъ, даже вице-губернатора, снимать и подавать ему шубу, и за малѣйшую неловкость при этомъ, осыпалъ ихъ бранью (*Жизнь Сперанскаго, т. II*). Одинъ губернаторъ въ Иркутскѣ приказывалъ стрѣлять изъ пушекъ во время его прогулокъ по городу. Трескинъ зналъ архіерея Веніамина, насмывалъ его совѣсть и убѣжденіе и, при всякомъ удобномъ случаѣ, проявлялъ свою неограниченную власть надъ нимъ. Онъ заставлялъ Веніамина любоваться фарсами масокъ, которыя плясали. Или вышлетъ Веніаминъ въ торжественный день говорить проповѣдь, а Трескинъ пошлетъ въ алтарь городничаго сказать *не надо*, и напой унесутъ (*Чт. Об. И. и Д. Р. 1859 г. кн. III*). Это пренебреженіе къ закону и къ людямъ, это сознаніе своего могущества, доходили иногда до смѣшной, ребяческой хвастливости; одинъ правитель, узнавши дурные отзывы о немъ иркутскаго общества, грозился «не оставить въ Иркутскѣ камня на камнѣ, если обще-

ство не исправится.» И не одни генералъ-губернаторы и губернаторы, но и второстепенные чиновники прощкались сознаниѣмъ своей силы, своего всемогущества и хвастались своею деспотическою властью. Въ Енисейскѣ, напримѣръ, городничій Куколевскій вѣдѣлъ по улицамъ города въ экипажѣ, запряженномъ чиновниками; внир ихъ состояла въ томъ, что они хотѣли ходатайствовать о смѣнѣ его (*Корбу*). Это сознание своей силы и власти, доводила многихъ администраторовъ до состоянія, близкаго къ помѣшательству. Такъ, начальникъ нерчинскихъ заводовъ Нарышкинъ «занимался», по выраженію Иркутской летописи, «какими-то странными дѣйствіями». Онъ устраивалъ на казенныя деньги общественныя пиры и ноголовныя попойки; бросалъ казенныя деньги въ народъ, смѣнялъ чиновниковъ и вмѣсто ихъ опредѣлялъ ссыльныхъ и рабочихъ. Составивъ изъ рабочихъ и крестьянъ охранительную стражу, Нарышкинъ отправился съ нею въ Иркутскъ. На дорогу онъ взялъ изъ нерчинскаго казначейства болѣе 16 т. р., изъ генизонной артиллеріи взяты были канониры, пушки и порохи.

Развитіе этого самоишія сибирскихъ начальниковъ, этого пренебреженія ихъ къ народу, много способствовало предубѣжденію противъ Сибири, какъ страны, населенной мошенниками; Эта фраза бывала на устахъ не одного генералъ-губернатора. Даже низшіе чиновники, и тѣ были такого же убѣжденія о жителяхъ Сибири, такъ, напримѣръ, секретарь, Трескина Бѣлявскій, постоянно твердилъ губернатору: «что ихъ шадить, в. п., въ бараній рогъ надобно согнуть!» Протесты сибиряковъ противъ беззаконныхъ дѣйствій начальства и жалобы на него породили мнѣніе о ябедничествѣ, какъ объ отличительной чертѣ сибирскаго характера. Этого мнѣнія держалось даже и высшее правительство, такъ, напримѣръ, въ инструкціи, данной въ 1803 г. генералъ-губернатору Селифанову, говорится, что «между сибирскими жителями издавна замѣченъ духъ ябеды».

Вотъ что писалъ въ 1818 году министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ.

«При первомъ открытіи безпорядковъ въ Сибири приписываемые были слишкомъ ограниченной власти начальниковъ и потому усиливается она была постепенно и всегда, когда новыя сильнѣйшіе безпорядки открывались. Но поправленіе сибирскихъ губерній снѣмъ средствомъ оставалось безуспѣшно. Подобно неудачному врачеванію болѣзни, и сіе врачеваніе сѣ-

бирской болѣзни, симъ, несвойственнымъ ей лекарствомъ, не истребляла болѣзни, но умножало оную. Съ усиленіемъ власти начальниковъ, беспорядки и жалобы на притѣсненія видимо умножились.

«Самовластіе во всякой губерніи вредно и терпимо быть не можетъ, а тѣмъ менѣе въ отдаленной Сибири, откуда жалобы и стоны страждущихъ едва ли до высшаго правительства достигать могутъ, а ежели и достигнуть, то тогда уже, когда зло отвратить будетъ поздно и страждущій подъ страданіемъ изнеможетъ»

«Не распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золъ, происходящихъ отъ самовластія мѣстныхъ начальниковъ, скажу кратко, что *власть ихъ должно ограничить, а не распространять и не усиливать оную. Учрежденіе Верховнаго сибирскихъ губерній правительства, изъ чиновниковъ, частію опредѣляемыхъ отъ правительства, частію избираемыхъ отъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій можетъ ограничить власть начальника.*» (Млѣніе по дѣл. сиб. Ч. О. И. и Д. 1859 г., к. III).

Кромѣ благотворныхъ и спасительныхъ для Сибири мѣръ предлагаемыхъ Козодавлевымъ, нашей странѣ необходимы прежде всего мѣстный составъ управленія. А для достиженія этого намъ нуженъ университетъ! Только при немъ можно ожидать гражданскаго и промышленнаго развитія Сибири, только при немъ можно надѣяться, что она будетъ современемъ истинно цивилизованною страной. Намъ нуженъ прежде всего университетъ!

С. Шапновъ.

О НАЧАЛАХЪ ОБЩЕСТВЕННАГО ГОРОДСКАГО УСТРОЙСТВА.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, сознавъ необходимость улучшить городское управленіе, высказало свои мысли по этому предмету въ составленной имъ программѣ, и, разославъ эту программу во всѣ городскія общества, призываетъ ихъ къ принатію участія въ исполненіи своихъ преднамѣреній.

Сколько извѣстно, немногіе еще города составили свои ображенія. Литература должна содѣйствовать городскимъ обществамъ и самому министерству въ разрѣшеніи вопроса, важнаго для всего народа.

При составленіи своей программы, министерство приняло, въ главныхъ чертахъ, основанія, на конхъ утверждено въ 1846 году управленіе С.-Петербурга. Учрежденіе 1846 года признаю было благодѣтельнымъ единогласно. Оно казалось, въ то время въ особенности, блестящимъ и было единственнымъ въ своемъ родѣ. Исторія найдетъ въ немъ, какъ намъ кажется, начало настоящаго преобразованія управленія въ Россіи. Но съ того времени Россія значительно подвинулась. Что удовлетворяло тогда, не удовлетворяетъ уже теперь. Сравнивая программу министерства съ выраженными уже преднамѣреніями правительства по другимъ отраслямъ государственной жизни, частью осуществившимися уже, а частью ожидаемыми въ осуществленіи, нельзя не замѣтить, что рамка, въ которую вставлена министерская программа, узка; нельзя не пожелать раздвинуть ее и дать въ ней мѣсто новымъ элементамъ общественной городской жизни.

Мы не сознаемъ надобности входить въ подробный разборъ

упомянутой программы, и ограничимся разсмотрѣніемъ только того, что, по нашему мнѣнію, требуетъ въ ней поправки.

Нашъ занимаютъ: право труда, право принадлежности къ обществу, право участія въ жизни общества и, наконецъ, право самого общества.

I. Народъ нашъ дѣлится на четыре главные разряда по правамъ состоянія: дворянство, духовенство, сельскіе обыватели и городскіе обыватели. Съ правомъ состоянія соединяется и сословное право. Каждый изъ четырехъ разрядовъ народа, по законамъ, имѣетъ опредѣленный кругъ труда. Для народа въ высшей мѣрѣ важно, чтобы каждый изъ гражданъ занимался тѣмъ, къ чему имѣетъ склонность; а какъ отецъ не всегда передаетъ сыну свои склонности, и притомъ человекъ не всегда угадываетъ сразу свое призваніе, то необходимо, чтобы законы не стѣснили свободы гражданъ на право труда, чтобы законы представляли каждому право перехода отъ одного сословія къ другому. Въ этомъ отношеніи отмена крѣпостнаго состоянія будетъ благодѣтельна для городовъ; нѣтъ сомнѣнія, что установится болѣе правильное распредѣленіе податныхъ сословій между земледѣльческой и фабричною промышленностями, и что каждый посвятитъ свой трудъ на то, къ чему сознаетъ въ себѣ большую склонность.

Сельскіе и городскіе обыватели имѣютъ право, по нашимъ законамъ, не только перечисленія изъ одного сословія въ другое, переходя отъ одного рода труда къ другому; но имѣютъ право и выхода изъ этихъ сословій. Черезъ воспитаніе дана имъ возможность приобрести новыя высшія права состоянія, а съ ними и право труда по склонности.

Не то мы видимъ въ отношеніи дворянъ, къ которымъ причисляемъ и духовенство. По матеріальнымъ средствамъ и по нѣкоторому кругу свободы, дворянство поставило себя на высшую степень умственнаго и нравственнаго развитія, чѣмъ другіе разряды народа; на немъ лежитъ прямая обязанность быть просвѣтителемъ меньшихъ его братій. Силы его должны быть распредѣлены между земледѣльскою и фабричною промышленностями. Но этого распредѣленія не существуетъ; мы не видимъ и надлежащей свободы дворянъ на право труда. Мы сказали выше, что фабричная промышленность требуетъ болѣе заботливости, чѣмъ земледѣльческая; между тѣмъ въ нашемъ отечествѣ представляется совершенно обратное: дворянство не

допущено было до фабричной промышленности ; ему не дозволялось занятій, относенныхъ къ этой промышленности, оно удало было самимъ закономъ отъ городского сословія и служило или правительству или земледѣлію только. Воспрещеніе дворянамъ заниматься тѣмъ, что предоставлено городскимъ обывателямъ, и было, но нашему мнѣнію, одною изъ главныхъ причинъ отсталости нашей и въ земледѣліи, и въ промышленности, и въ наукахъ и въ художествахъ. Въ 1785 году дворянство получило право записываться въ купеческія гильдіи, а съ этимъ и право городской промышленности ; но, по вліянію прежнихъ установлений, дворянство усвоило себѣ уже извѣстныя понятія, отклонилось отъ всякаго другаго промысла, кромѣ земледѣльческаго, и не признавало приличнымъ имѣть фабрики и заводы, кромѣ развѣ тѣхъ, которые происходили единственно изъ права вотчиннаго его владѣнія помѣстьями въ земствѣ. Вотъ уже истекаетъ около восьмидесяти лѣтъ, со времени изданія упомянутаго права, а дворянъ, записанныхъ въ гильдію, крайне немного. Будемъ надѣяться, что отмена крѣпостнаго состоянія и обращеніе правительствомъ числа людей, потребнаго ему на службу, заставятъ дворянство искать занятій и въ городской промышленности. Но, для большаго успѣха, казалось бы полезнымъ преобразовать положеніе о пошлинахъ. Къ городской промышленности, кромѣ фабричной, относится и торговая. Торговая промышленность имѣетъ вовсе не то значеніе, какое имѣютъ фабричная и земледѣльческая. Между тѣмъ, по нашимъ законамъ, съ торговой промышленностью смѣшивается и фабричная, и даже вторая поглощается въ первой. У насъ не дозволено имѣть значительной фабрики тому, кто не записанъ въ купцы. Съ правами купца соединены права фабриканта и соединены даже такіе промыслы, которые не имѣютъ ничего общаго ни съ торговлею, ни съ фабричностью, какъ напр. комиссіонерство, баннирство и т. д. По сему мы полагаемъ бы фабричную промышленность отдѣлить вовсе отъ торговой, отнеса къ послѣдней право покупки и продажи предметовъ земледѣлія и фабрикъ, а къ первой право выработки предметовъ потребленія и продажи ихъ, какъ равно право покупки всего нужнаго для производства фабрики. Само собою разумѣется, что, при установленіи ярмыиъ налоговъ, слѣдовало бы установить нѣсколько классовъ фабрикантовъ, подобно тому, какъ нынѣ существуютъ классы для купцовъ.

Обращаясь за снѣгъ къ предѣламъ занятій, оказывается слѣдующее. Дворянинъ имѣетъ право заниматься земледѣліемъ безъ всякаго ограниченія пространства земель и цѣнности ея. Онъ можетъ хозяйничать и на одной десятинѣ земли, стоящей не болѣе нѣсколькихъ рублей серебромъ; не смотря даже на то, принадлежить-ли ему эта земля на правахъ собственности или на правахъ пользованія, чрезъ аренду или другаго рода условіе. Земледѣліе его имѣетъ кругъ, сообразный желанію и денежнымъ средствамъ. Уплата повинностей его по земству идетъ также соразмѣрно хозяйству. Какъ бы тѣсенъ кругъ земледѣлія ни былъ, дворянинъ сохраняетъ права своего состоянія, не лишается своего дворянства. Вступая въ область занятій городскихъ обывателей, дворянинъ не пользуется подобнымъ правомъ; онъ можетъ быть только купцомъ, то есть человѣкомъ высшаго круга занятій, для котораго установлены и высшія пошлины. Не кромѣ купцовъ, въ городахъ есть мѣщане, ремесленники, торгующіе крестьяне и работники. Каждый изъ нихъ избираетъ трудъ по силамъ и по средствамъ. Очевидно, что не всякій изъ дворянъ имѣетъ средства записаться въ купцы. Многіе изъ нихъ могутъ пожелать заняться тѣмъ, что присвоено мѣщанину, ремесленнику и т. д. Многіе изъ дворянъ отстаютъ уже отъ предразсудка, что дворянину неприлично заниматься ремесломъ или торговлею. Законъ, дозволяя ему только вступить въ купцы, становится помѣхою въ исполненіи подобныхъ намѣреній. Законъ этотъ имѣлъ еще въ свое время историческое значеніе, весь образованный міръ гнушался городскимъ промысломъ; притомъ дворяне нужны были правительству для его службы. Но Европа давно уже отбросила свой предразсудокъ, и дворянъ оказывается избытокъ у насъ для упомянутой надобности; между тѣмъ городскія промышленности крайне нуждаются въ свѣжихъ силахъ, способныхъ споспѣшествовать ихъ развитію. Что условное право низшаго состоянія не должно пользоваться правомъ труда, привоеннымъ лицамъ высшаго состоянія, это понятно; но для насъ становится рѣшительно непонятнымъ воспрещеніе лицу высшаго состоянія заниматься тѣмъ, что предоставлено лицу низшаго состоянія, если только объясненія сего не будемъ искать въ средневѣковыхъ понятіяхъ. По этимъ соображеніямъ, мы полагаемъ бы, для развитія благосостоянія городовъ, предоставить, какъ потомственнымъ, такъ и личнымъ дворянамъ право брать патенты на всякій кругъ городского про-

мысла, безъ всякаго ограниченія, съ соблюденіемъ лишь установленныхъ правилъ въ отношеніи занятія дѣла и вноса въ пользу города повинностей.

II. Гражданинъ принадлежитъ себѣ и обществу. Въ правѣ труда заключаются права гражданина на принадлежность его себѣ. Разсмотримъ теперь вопросъ о принадлежности гражданина обществу. Народъ представляетъ одно общество; но народъ, какъ общество, долженъ быть организованъ. Для организации народа надобно избрать въ государствѣ центры, сгруппировать около нихъ известное число гражданъ, возбудить въ нихъ жизнь, или составить изъ нихъ нервныя узлы и соединить ихъ нервными нитями двухъ родовъ: одніе должны служить для передачи, другіе для принятія впечатлѣній, то есть, одніе должны идти отъ центра къ периферіи, другіе—отъ периферіи къ центру. Наконецъ, центры должны различаться сферою дѣятельности въ государствѣ: должны быть большіе и меньшіе. Такимъ образомъ народъ долженъ представлять *сеть*, покрывающую все государство. Но народъ есть сложный организмъ; въ немъ есть не одинъ, а много органовъ: земледѣліе, фабричность, торговля, образованіе, изящныя искусства, полиція, судъ, законодательство, стража или войско и т. д. суть органы народа. Каждый изъ нихъ долженъ представлять особую *сеть*, съ особыми узлами и съ особыми нитями. Государство, не представляющее подбныхъ *сетей*, имѣющее только одинъ узелъ съ нитями по всей периферіи, по своему организму, уподобляется ряду такъ называемыхъ *лучистыхъ* животныхъ, имѣющихъ низшую организацию.

У насъ, въ отношеніи земледѣлія, начало надлежащей народной организации должно относить къ 1838 году. Бывшій министръ государственныхъ имуществъ, графъ П. Д. Киселевъ, составилъ первую органическую *сеть*, въ которую вошли всѣ государственныя крестьяне. 19 февраля 1861 года, разорвавъ цѣли другой части земледѣльцевъ, замѣнило ихъ жизненными узлами и нитями. Смѣло можно сказать, что нашъ земледѣльческій классъ народа пробужденъ къ органической жизни. Для развитія его надобно сплотить только узлы меньшей величины (сельскія и волостныя управленія), надобно выработать на выборномъ началѣ узлы большей величины: уѣзныя, губарискія и высшія управленія, чего, замѣтимъ мимоходомъ, вовсе не проявлялось въ учрежденіи 1838 г., и надобно прово-

дѣть связующія нити, то есть расширять право голоса, право высказывать взаимныя впечатлѣнія.

Что касается городовъ, то хотя они и составляютъ у насъ отдѣльныя общества, и къ нимъ, по положенію 1785 года, должны принадлежать всѣ городскіе обыватели *безъ различія*; но положеніе это не имѣло своей силы и умерло при самомъ его зарожденіи. Городскія общества постоянно составлялись исключительно изъ податныхъ сословій, которые, будучи съ одной стороны лишены средствъ воспитанія, а съ другой притѣсняемы мѣстной властью, дошли до полного отчужденія гражданскихъ качествъ. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Л. А. Перовскій, рѣшился вывести городскія общества изъ летаргіи и возбудить въ нихъ жизнь. Существо сдѣланнаго имъ въ 1846 г. преобразованія въ управленіи С.-Петербурга. заключается въ томъ, что дворяне, имѣющіе въ ней недвижимую собственность, получили право принадлежности къ городскому обществу. Мы сказали уже нѣсколько словъ объ учрежденіи 1846 г. Прибавимъ здѣсь, что оно составляетъ эпоху въ городской жизни. Насъ не беспокоитъ оскорбленное чувство одного дворянина за присылку ему диплома на зачисленіе въ городское общество, насъ не беспокоитъ даже и другое болѣе важное обстоятельство, именно, что въ Петербургѣ дворяне идутъ какъ бы особой дорогой отъ другихъ сословій. Нельзя же, и сливающимся рѣки несутъ свои воды нѣкоторое время отдѣльно, не смѣшиваются вдругъ. Нынѣ право дворянъ на участіе въ городской жизни предположено распространить на всѣ города имперіи. Мы сочувствуемъ сему предположенію, но находимъ, что оно въ томъ видѣ, какъ выражено въ программѣ, не можетъ удовлетворять городской потребности и не выдерживаетъ того начала, которое мы старались развить выше. Всякій гражданинъ, поселяющійся въ городѣ, имѣетъ естественное право быть записаннымъ по городу, быть членомъ городского общества. Отказывать въ этомъ правѣ, по нашему мнѣнію, тоже, что не признавать гражданина—гражданиномъ, тоже, что уменьшать добровольно свои собственныя силы. Не одни дворяне, имѣющіе собственность въ городѣ, имѣютъ право принадлежать къ городскому обществу, а всѣ, безъ исключенія, проживающіе въ городѣ и изъявляющіе желаніе. Намъ кажется, что городъ долженъ принимать въ свое общество всѣхъ дворянъ, включая сюда и духовенство, кто только изъ нихъ пожелаетъ поступить въ

общество и согласится вносить положенныя повинности за записку въ книгу городскихъ обывателей. Намъ кажется, что настоящія городскія общества радостно привѣтствовали бы такую мѣру; она послужила бы къ сближенію дворянъ съ городскими сословіями и была бы полезна тѣмъ и другимъ. Уѣздный судъ и магистратъ оканчиваютъ уже свой вѣкъ и сливаются въ одно учрежденіе; та же участь, сколько извѣстно, ожидаетъ земскую и городскую полицію. Если такимъ образомъ учрежденія, раздѣлявшія города отъ земства, соединятся между собою, то почему же этого не сдѣлать и гражданамъ?

Но нѣтъ землевладѣльца, который бы не былъ въ тоже время и промышленникомъ; нѣтъ и промышленника, который бы не былъ отчасти и земледѣльцемъ. И то и другое можетъ быть у дворянъ значительно. Посему не должно быть возбранено дворянамъ-землевладѣльцамъ приписываться вмѣстѣ съ тѣмъ къ городскому обществу.

III. Не всякій гражданинъ, принадлежащій къ обществу, долженъ имѣть право участія въ жизни общества, то есть пользоваться правомъ голоса и быть его повѣреннымъ или представителемъ. Для права участія въ жизни общества необходимы нѣкоторыя гарантіи, необходимо установленіе извѣстной мѣрки въ томъ, что гражданинъ интересуется самъ лучшимъ устройствомъ этой жизни; словомъ—необходимъ *ценсъ*. Но, рядомъ съ этимъ правиломъ, мы ставимъ другое: принадлежность гражданина къ обществу возводитъ его на высшій горизонтъ жизни, выводитъ его изъ тѣни на свѣтъ и заставляетъ его огмѣдываться вокругъ себя; участіе же въ жизни общества есть дѣйствительная школа, въ которой гражданинъ знакомится со всѣми добродѣтелями. Въ этомъ правилѣ, которое, кажется, не подлежитъ спору, указывается то, къ чему правительство должно стремиться, при желаніи просвѣщенія народа и улучшеніи его нравственности. Оно должно стремиться къ тому, чтобы *все* граждане принадлежали къ тому или другому обществу, и чтобы все они участвовали въ развитіи жизни общества. Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не встрѣчали въ статистикѣ цифръ преступленій и проступковъ гражданъ какого-либо народа, съ подраздѣленіемъ ихъ на проступки и преступленія, совершенныя гражданами: 1) участвующими въ общественной жизни, 2) принадлежащими къ обществу и 3) не принадлежащими къ обществу, и съ означеніемъ, сколько именно въ этомъ народѣ есть

гражданъ перваго, втораго и третьяго разрядовъ. Мы увѣрены впередъ, что изъ подобныхъ цифръ можно было бы вывести заключеніе, вполне подтверждающее выраженную нами мысль о стремленіи правительства.

Ценсъ, или мѣрка, устанавливаемая министерскою программою для участія въ городской общественной жизни, заключается въ *собственности*. Она можетъ состоять изъ недвижимости, капитала или товаровъ, приносящихъ въ годъ дохода не менѣе извѣстной суммы. Мы незнакомы съ правилами С.-Петербургскаго городского общества, которыми оно руководствуется при опредѣленіи правъ обывателей на участіе въ общественной жизни, по установленному для него ценсу въ 100 р. дохода. Въ опредѣленіи того, что недвижимая собственность приноситъ не менѣе ста рублей доходу, не можетъ представляться особыхъ затрудненій; но подобное опредѣленіе относительно товарной собственности не такъ уже легко; что же касается до капитала, то мы видимъ рѣшительную невозможность сдѣлать какую-либо повѣрку. Здѣсь остается одно: *вѣрить на слово*, какъ у насъ дѣлается съ лицами, объявляющими желаніе записаться въ купцы. Кто говоритъ, что у него есть денежный капиталъ, тотъ и признается капиталистомъ. Но подобнаго основанія нельзя одобрять.

Какое городскому обществу дѣло до того, что обыватель его имѣетъ какую либо собственность или не имѣетъ ея? Какая ему польза отъ того, что у меня лежитъ въ сундукѣ нѣсколько тысячъ рублей серебромъ, или хранится въ подвалѣ товару на подобную сумму?—Говоря о собственности, для общества полезна только та, которая ему приноситъ пользу; общество должно считать не чужую, а свою собственность, должно имѣть мѣркою не то, сколько обыватель получаетъ, а то, *сколько онъ ему приноситъ*. Посему мы полагали бы проектированнымъ министерствомъ имущественный ценсъ замѣнить другимъ, именно *мѣрою городскихъ повинностей*.—Но и здѣсь выскажемъ слѣдующія соображенія. Повинности суть прямыя и косвенныя. Нельзя считать только прямыя повинности. Возьмемъ для примѣра владѣльца дома, отдающаго его въ наемъ, и предположимъ, что домъ этотъ приноситъ 10,000 руб. сер. чистаго дохода, и что владѣлецъ его платитъ повинностей городскому обществу 10% или 1000 руб.—Общество дастъ право участія въ своей жизни этому домовладѣльцу, въ томъ вниманіи, что онъ заинтересованъ городскимъ хозяйствомъ.—Но, сколько намъ

кажется, владѣлец сего дома очень мало заинтересованъ городскимъ хозяйствомъ потому лишь, что онъ платитъ обществу 1000 руб.—Купивъ домъ, или получивъ его по наследству, онъ представляетъ его единицею и желаетъ получать известное число процентовъ. Въ этомъ заключается его желаніе, ни въ чемъ другомъ. Если городское общество увеличитъ городскія повинности съ домовладѣльца, то онъ разверстаетъ надбавку на квартиры и продолжаетъ получать прежніе проценты: домъ его сохраняетъ прежнюю цѣнность. Слѣдовательно, владѣлец вноситъ въ общество не свои деньги, а чужія—*арендаторовъ квартиръ*. Они собственно, суть платильщики повинностей; они, собственно, заинтересованы въ городскомъ хозяйствѣ.—Да, говоря вообще, кто же изъ городскихъ жителей не платитъ городу повинностей, если только считать повинности, не раздѣляя ихъ на прямыя и косвенныя?—Такимъ образомъ, не отходя отъ денежнаго ценса, при установленіи права на участіе въ общественной жизни, необходимо принимать въ соображеніе не только прямыя повинности, но и *косвенныя*.—Мы не находимъ затрудненій въ исчисленіи косвенныхъ повинностей. Положимъ, что обыватель нанимаетъ, для собственнаго своего помѣщенія, квартиру, за которую платитъ 300 руб. въ годъ. По квартирѣ можно судить и о расходованіи вообще, а при цифрахъ расхода, городу не трудно разбить ихъ на категоріи и вычислить, сколько обыватель доставляетъ ему повинностей. При установленіи, слѣдовательно, денежнаго ценса, мы признаемъ необходимымъ считать его и по прямымъ и по косвеннымъ повинностямъ.—Само собою разумѣется, что дворяне отнюдь не должны быть подчиняемы особымъ какимъ либо правиламъ. Министерская программа, сколько намъ кажется, не выдерживаетъ въ этомъ предметѣ строгой критики. Она даетъ право дворянамъ участвовать въ общественной жизни, потому что они *несутъ по городу повинности*. Стало быть, кто изъ дворянъ несетъ эти повинности, въ известномъ размѣрѣ, тотъ и имѣетъ право участвовать въ общественной жизни, въ какой бы формѣ онъ ни несъ эти повинности; но программа даетъ только тѣмъ дворянамъ право участія, которые имѣютъ *недвижимую собственность*. Почему же только недвижимую собственность?—Дворяне поставлены программой ниже другихъ городскихъ обывателей. Мы не домогаемся, чтобы ихъ ставили выше другихъ сословій: но оскорбляемся, если ихъ ставятъ ниже.

Во всѣхъ новѣйшихъ правительственныхъ проектахъ, преобразованій проявляется стремленіе принимать въ основу развитія общественной жизни денежный ценсъ. Публика, околько намъ кажется, не сочувствуетъ этому стремленію. Что касается лично до насъ, то мы не отвергаемъ абсолютно денежнаго ценса. Онъ можетъ служить нѣкоторой гарантіей. Но мы желаемъ одного, чтобы ценсъ былъ *справедливымъ*, чтобы онъ былъ соразмѣренъ народному богатству и чтобы это богатство считалось по годовому чистому доходу. Исчислите этотъ доходъ, раздѣлите его на число обывателей и обывательшъ (непремѣнно мужчинъ и женщинъ), и частное, которое получите, примите за ценсъ. Но пусть онъ будетъ общій для всѣхъ и на всѣ общественныя должности. Выше этого предѣла нельзя или не слѣдуетъ давать значенія денежному ценсу.

Не отвергая значенія денежнаго ценса, мы не замираемъ въ немъ единственно. Важнѣйшей мѣрки для предоставленія права участія въ общественной жизни должно иснать въ собственности недвижимой, въ собственности даровъ образованія, знаній и нравственности. Само правительство даетъ намъ въ этомъ примѣръ. Для своей службы оно имѣетъ также ценсъ, но ценсъ единственно дуневный и нравственный; оно назначаетъ на должности, не исключая и министерской, не требуя вовсе денежнаго ценса. Почему же требовать денежнаго ценса, когда дѣло идетъ о назначеніи гражданина въ должность отъ общества?—Слѣдовательно, если и необходимо сохранить денежный ценсъ, то единственно только для тѣхъ, которые не представляютъ нравственныхъ гарантій и способности къ общественной жизни. По нашему мнѣнію, всѣ граждане, имѣющіе аттестатъ высшихъ и даже среднихъ учебныхъ заведеній, должны быть свободны отъ денежнаго ценса, должны быть принимаемы въ дѣйствительные члены городского общества, если сами изъявятъ на то желаніе. Къ этому же правилу должно быть относитно и духовенство. Для обывателей съ учебными аттестатами можетъ быть сокращенъ и срокъ приписки къ городу для полученія права участія въ городской жизни.

Министерство высказываетъ въ своей программѣ, что лучшіе городскіе граждане уклоняются отъ общественной службы. Это правда. Но причину такого явленія надобно искать не въ гражданахъ, а въ учрежденіяхъ; составьте хорошія учрежденія, влейте чрезъ нихъ въ гражданъ гражданскую жизнь, и они укло-

няться не будутъ. Во всякомъ случаѣ принужденная служба есть тоже крѣпостное право. Необходимо прекратить и этотъ видъ крѣпостнаго права и даровать всѣмъ городскимъ обывателямъ преимущество, которымъ пользуются дворяне: *они имѣютъ право отказываться отъ общественной службы.*

IV. Обращаемся за симъ къ самому существенному вопросу: *къ правамъ городского общества.* По буквѣ нашихъ законовъ, устройство и управленіе городского общества принадлежитъ къ разряду установленій *правительства.* Изъ всѣхъ законовъ, касающихся устройства и управленія городскихъ обществъ, можно видѣть слѣдующій смыслъ: *общество есть сторожъ того, что имѣетъ, и въ жизни своей имѣетъ власть только исполнительскую, взыскивая съ членовъ своихъ повинности, которыя установлены правительствомъ. Общество отдаетъ правительству во всемъ подробный отчетъ и находится подъ бдительнымъ его руководствомъ и наблюдениемъ.*

Правительство сознало уже, что дальше идти нельзя проложеннымъ путемъ, что необходимо проектировать новую дорогу. Покаместъ допускъ дворянъ въ городское сословіе есть одно изъ самыхъ знаменательныхъ предположеній правительства. Но это одно предположеніе недостаточно для оживленія городского общества. Чтобы ожидать проявленія жизни, надобно вложить въ учрежденія элементы ея, надобно, въ общемъ видѣ, дать обществу самоуправленіе. Необходимость жить безъ надежды на помощь другаго научаетъ человѣка и общество уму разуму. Но, если человѣкъ научается по руководству одной только необходимости, то онъ не обходится безъ ошибокъ, которыя дорого ему иногда стоятъ, дороже того, что стоило бы вознагражденіе учителю. Почему же быть самоучкой, когда есть учитель и когда онъ предлагаетъ свои услуги?—И такъ, соглашаясь, что самоуправленіе должно быть цѣлю жизни, мы признаемъ, что для достиженія ея не слѣдуетъ отвергать услугъ, предлагаемыхъ хорошимъ наставникомъ. Этимъ наставникомъ въ настоящемъ случаѣ есть правительство. Притомъ самоуправленіе хорошо тогда, когда оно относится къ цѣлому народу, а не къ одному какому либо его органу или къ какой либо части его, когда *весь народъ* вырабатываетъ на столько свою жизнь, что онъ складывается въ полный организмъ, получаетъ произвольное движеніе, ощущенія, чувства, умъ, наконецъ и сохраняетъ свою самобытность, представляетъ полную

единицу.—Каждый городъ въ государствѣ есть какъ бы отдѣльная единица; предоставленіе городамъ самимъ себѣ ихъ развитіа, когда они ничѣмъ нравственнымъ не связаны между собою, могло бы повести къ тому, что единство между ними было бы разрушено, что въ одномъ государствѣ появилось бы много отдѣльныхъ государствъ.

Отклоняя мысль о самоуправленіи городскихъ обществъ въ настоящее время, мы не находимъ однако нужнымъ оставлять ихъ въ страдательной лишь средѣ; мы хотимъ, чтобы для нихъ была создана и дѣйствительная среда, чтобы въ нихъ пробудилась дѣйствительная жизнь.

Взглянемъ поближе въ ту часть министерской программы, которая высказываетъ намѣренія министерства объ общихъ городскихъ дѣлахъ. — Въ программѣ излагаютъ пять разрядовъ дѣлъ: 1) по внутреннему устройству общества; 2) по общественному хозяйству; 3) по внѣшнему устройству; 4) по общественному благосостоянію и 5) по государственнымъ и городскимъ повинностямъ.—Къ этимъ разрядамъ относятся: *къ первому*: а) опредѣленіе правъ членовъ городского общества на участіе въ общественныхъ дѣлахъ и б) назначеніе должностныхъ лицъ для завѣдыванія сими дѣлами; *ко второму*: а) охраненіе принадлежащихъ городу имуществъ въ цѣлости и распоряженіе ими съ цѣлю извлеченія изъ нихъ доходовъ, б) взиманіе разрѣшенныхъ законами сборовъ съ разныхъ предметовъ въ пользу городскихъ доходовъ, в) распоряженіе городскими доходами и расходованіе ихъ на основаніи установленныхъ правилъ и г) изысканіе средствъ на покрытіе городскихъ нуждъ въ случаѣ недостатка обыкновенныхъ доходовъ; *къ третьему*: а) соблюденіе правильности въ постройкахъ, согласно утвержденному для города плану, б) устройство мостовыхъ, в) освѣщеніе улицъ, и г) содержаніе въ чистотѣ улицъ и площадей; *къ четвертому*: а) обезпеченіе города продовольствіемъ, б) отвращеніе неправильностей въ торговлѣ, в) мѣры противъ пожаровъ и обезпеченіе на случай подобныхъ бѣдствій (общественныя пожарныя команды, взаимное застрахованіе), г) мѣры противъ другихъ общественныхъ бѣдствій: скотскихъ падежей и проч. д) охраненіе тишины и спокойствія (содѣйствіе учрежденной правительствомъ полиціи, содержаніе ночныхъ карауловъ), е) мѣры противъ нищенства и всомошествованіе бѣднымъ, учрежденіе благотворительныхъ заведеній и ж) мѣры къ распространенію

образования, учрежденію школъ, библиотекъ, музеевъ и т. п. и наконецъ, *къ ятому*: а) отводъ помѣщеній для воинскихъ удобностей, и б) содержаніе въ исправности дорогъ, местовъ и проч. въ чертѣ городскихъ владѣній.

Судя по *предметамъ*, программа заключаетъ въ себѣ все нужное для развитія городской общественной жизни.—Въ программѣ не видно только одного—*искры*, производящей жизнь, не видно того, что можетъ вывести общество изъ страдательной среды, а ввести его въ дѣйствительную. Программа не изыясляетъ сущности дѣла: управленіе городского общества остается во всемъ объемѣ *правительственною принадлежностью*. — Программа имѣетъ лишь тотъ характеръ, что выражаетъ сознаніе министерства о необходимости въ пособіи, участіи самого городского общества для устройства его и развитія.

Развитіе общества дѣлится на степени, какъ школьное образованіе и воспитаніе на классы. Не должно вступать въ верхній классъ, не пройдя нижнихъ.—Подобно ему, не должно давать обществу полной самостоятельности, если оно не имѣло доселѣ никакой. Съ другой стороны, общество никогда не разовьется, если оно будетъ имѣть значеніе только спутника правительства, содѣйствителя его, если не дать ему *нѣкоторой* самостоятельности.—Правда, министерство само сознаетъ необходимость дать городамъ нѣкоторую самостоятельность въ распоряженіяхъ по городскому хозяйству (это видно изъ примѣчанія, помѣщенного въ программѣ); но дѣло объ этомъ производится особо, и когда разрѣшится неизвѣстно.

Чего же мы желаемъ для городовъ?—Для сего перенесемъ въ земство. Крестьяне, поселенные на помѣщичьихъ земляхъ, получивъ свободу, остаются подъ управленіемъ правительства; но, не смотря на это, по Положенію 19 февраля 1861 г. они получили всѣ начала для выработки въ себѣ жизни, получили *нѣкоторую* самостоятельность, составляютъ органическіе первыи узлы. Они имѣютъ свою полицію, свое хозяйство и свой судъ, и даже *зерно* своего законодательства. По этимъ началамъ, не крестьянская полиція служить для содѣйствія правительственной полиціи, а наоборотъ, правительственная полиція служить для содѣйствія крестьянской: правительственная является тогда, когда крестьянская ее призываетъ. — Тоже самое сказать слѣдуетъ о хозяйствѣ и судѣ: правительство является по призыву общества, или когда усмотритъ нерадѣніе общества. — Этого мы же-

лсамъ и для городовъ, и полагаемъ весьма возможнымъ и въ высшей мѣрѣ полезнымъ *примѣнить* къ городамъ Положеніе 19 февраля 1861 года, сдѣлавъ необходимыя въ немъ измѣненія и дополненія, по вниманію различія положенія и нужды городскихъ и сельскихъ обывателей.

Главнѣйшія изъ такихъ измѣненій и дополненій, по нашему мнѣнію, должны состоять въ слѣдующемъ.

1) По Положенію, управление крестьянами имѣетъ шесть степеней: земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, уѣздныя мировыя сѣзды, мировыя посредники, волостное управление и сельское управление.—Изъ этихъ статей управленія только верхняя степень, земскій отдѣлъ, образовывается вполнѣ независимо отъ крестьянъ. Слѣдующая за тѣмъ, губернскаго присутствіе, есть смѣшанное учрежденіе «изъ лицъ отъ короны и по выборамъ отъ сословій». Третіе и четвертое учрежденія, мировыя сѣзды и мировыхъ посредниковъ, надобно считать также смѣшанными учрежденіями, или правильнѣе сказать *соединяющими* правительство съ народомъ и народъ съ правительствомъ, ибо хотя посредники назначаются губернаторомъ, но не однимъ имъ, а совокупно съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями дворянства, а это главное; притомъ, назначаются изъ числа лицъ, указанныхъ дворянскими собраніями. Наконецъ, пятая и шестая инстанціи, волостное и сельское управленія, суть чисто мирскія учрежденія.

Городскія общества, по существующимъ законамъ, не имѣютъ ничего общаго съ настоящими земскими учрежденіями, за исключеніемъ лишь того, что высшая власть надъ ними сосредоточивается также въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но разнымъ департаментамъ. Губернская власть надъ сими обществами держится въ рукахъ начальника губерніи лично или губернскаго правленія, гдѣ общество имѣетъ своихъ представителей, и затѣмъ существуетъ городская власть (городская полиція, или ратуша и магистратъ); но городская полиція есть властвующая въ городѣ и не оставляющая обществу ничего; дума или ратуша имѣютъ хозяиномъ городничаго или полиціймейстера и начальникомъ—начальника губерніи; что касается магистрата, то объ немъ *aut bene, aut nihil*: онъ умираетъ. Въ городскихъ обществахъ нѣтъ ничего соответствующаго мировымъ сѣздамъ, мировымъ посредникамъ и сельскому управленію.

Программа министерства оставляет всё нынѣшнія учрежденія на своихъ мѣстахъ.

Городское общество страдаетъ тѣмъ, что вездѣ и во всемъ является коллегіей, тогда какъ есть родъ дѣлъ, подобающій только бюрократіи, и тѣмъ, что въ городѣ, какъ бы онъ малъ или великъ ни былъ, есть только одна инстанція: дума или ратуша.

Въ видахъ развитія городского общества мы бы желали: 1) чтобы личная власть начальника губерніи касалась управленія городскими обществами только въ самомъ общемъ смыслѣ, 2) чтобы въ губернское правленіе приглашались, по дѣламъ городскихъ обществъ, отъ 2 до 4 членовъ изъ городскихъ обывателей, съ предоставленіемъ уѣзднымъ и заштатнымъ городамъ права давать уполномочіе жителямъ губернскаго города, для присутствія въ губернскомъ правленіи, 3) чтобы городской голова облеченъ былъ опредѣленною властію лично, независимо отъ думы или ратуши, и по исполнительнымъ дѣламъ, 4) чтобы городскія думы или ратуши были облечены *нѣкоторою* самостоятельностью, и приводили въ исполненіе *нѣкоторыя* свои постановленія, не испрашивая разрѣшенія высшаго начальства, и 5) чтобы города въ общественномъ управленіи имѣли свои низшія инстанціи. Но какъ города суть мѣстности сосредоточенныя, то и нѣтъ надобности учреждать, подобно земству, двѣ инстанціи: волостное и сельское управленія, а достаточно имѣть одну, которую, кажется, прилично было бы назвать *общественнымъ городскимъ управленіемъ*.

Главныя черты общиннаго городского управленія должны быть слѣдующія:

1) Городъ, представляя единицу, раздѣляется на участки, до двухъ или до трехъ тысячъ душъ мужскаго и женскаго половъ въ каждомъ; нынѣшнее раздѣленіе городовъ на приходы можетъ быть принято за основаніе при раздѣленіи городовъ на общины.

2) Общинное управленіе должно составлять: а) общинный сходъ, и б) общинный старшина. Сверхъ сего общины, кои найдутъ то нужнымъ, могутъ имѣть особыхъ сборщиковъ водной, смотрителей училищъ, больницъ и проч.

3) Общинный сходъ долженъ состояться изъ городскихъ обывателей, проживающихъ въ предѣлахъ общины, принадлежащихъ къ городскому обществу и получившихъ право участія въ дѣлахъ его.

4) Определеніе правъ и обязанностей общиннаго схода должно зависѣть отъ мѣстныхъ городскихъ соображеній; для составленія же ихъ, по полицейской и хозяйственной частямъ, должно принять въ основу 51 и 78 статьи Положенія 19 февраля 1861 года, устанавливающія права и обязанности сельскаго и волостнаго сходовъ. Что касается судебной части, то при заявленномъ уже отъ правительства благодѣтельномъ мировомъ судѣ нѣтъ надобности имѣть особый общинный судъ, тѣмъ болѣе, что съ осуществленіемъ постановленій правительства о судоустройствѣ и судопроизводствѣ вообще, безъ всякаго сомнѣнія, отиженъ будетъ и въ сельскихъ обществахъ существующій нынѣ волостной судъ.

5) Общинный старшина долженъ быть представителемъ городской полиціи и городского хозяйства въ общинѣ, во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ долженъ служить центромъ всей городской жизни въ общинѣ. Для начертанія проекта правъ и обязанностей общиннаго старшины могутъ быть приняты въ соображеніе 53 и 83 и 84 статьи Положенія 19 февраля 1861 года и программа министерства, выясняющая разряды дѣлъ общаго городского управленія. Характеръ правъ и обязанностей общиннаго старшины и общиннаго схода долженъ быть двойной: а) самостоятельный, если можно по каждому разряду дѣлъ въ извѣстныхъ границахъ, и б) зависимый отъ городского головы и городской думы или ратуши.—Таковъ же долженъ быть характеръ власти и обязанностей городского головы и городской думы или ратуши, по отношенію ея къ губернской власти; городничій же или полиціймейстеръ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть членомъ думы, а долженъ являться туда по пригласенію.

Въ городскомъ обществѣ, кромѣ дѣлъ общинныхъ, есть и частныя дѣла. «Городскія общества, вслѣдствіе совмѣстнаго жительства, естественно, связываясь между собою многими общими интересами, составляютъ изъ себя одно цѣлое общество; но вмѣстѣ съ тѣмъ члены городского общества, отираваясь, на основаніи существующихъ законовъ, разнообразныя повинности и имѣя различныя занятія, распадаются на отдѣльныя группы или сословія, образуемая изъ тѣхъ членовъ общества, которыхъ повинности и занятія сходствуютъ между собою: такое раздѣленіе на сословія является тѣмъ болѣе необходимымъ, что нѣкоторыя повинности обеспечиваются круговымъ другъ за дру-

га ручательствомъ обложенныхъ тѣми повинностями обывателей. Отсюда происходитъ, что общественныя дѣла города суть двухъ родовъ: *общія*, касающіяся интереса всего городского общества, и *сословныя*, относящіяся до одного какого-либо сословія».

Стражи эти, выписанныя нами изъ министерской программы, разъясняютъ городскимъ обществамъ, что они раздѣляются на группы по различію повинностей и занятій.—Благосостояніе общества обуславливается повинностями членовъ его; но самыя повинности обуславливаются занятіями ихъ.—Фабричныя производенія наши, относя сюда и производенія всѣхъ ремеселъ, сравнительно съ иностранными, обходятся у насъ дороже и уступаютъ въ качествѣ.—Причина сему заключается, конечно, въ недостаткѣ образованія, въ незнаніи нашими фабрикантами и ремесленниками простѣйшихъ даже законовъ политической экономіи, химіи, механики и технологіи. Хотя совершенно справедливо, что городское общество раздѣляется на группы по повинностямъ и занятіямъ и что каждая группа должна быть отдѣльнымъ нервнымъ узломъ—имѣть свое управленіе; но и цѣлое городское общество не можетъ, не должно, по крайней мѣрѣ, оставаться лишь холоднымъ зрителемъ того, какъ живутъ его фабричныя или ремесленныя группы. Между городскими жителями есть и просвѣщенные люди, знающіе науки, цѣнящіе важность раздѣленія труда, имѣющіе возможность слѣдить за успѣхами фабрикъ и ремеселъ не только въ Россіи, но и на Западѣ.—Почему же всему городскому обществу не пользоваться знаніями его членовъ? почему же не связать упомянутыхъ группъ съ цѣлою думою, не только въ отношеніи повинностей, но и занятій.—Казалось бы необходимымъ предоставить думѣ или ратушѣ, а также общиннымъ старшинамъ и общиннымъ сходкамъ право и даже вмѣнить въ обязанность слѣдить за развитіемъ фабрикъ и ремеселъ и предлагать сословнымъ или цѣховымъ управленіямъ все, что можетъ способствовать большому городскому благосостоянію, поощряя фабрикантовъ и ремесленниковъ идти впередъ.

Вотъ и всѣ, по нашему мнѣнію, начала, которыя должны служить дополненіемъ министерской программы для развитія городского общества.—Мы передаемъ ихъ на судъ публики и въ особенности на судъ самихъ городскихъ обществъ, заявивъ готовность, *во-первыхъ*, отстаивать и защищать изложенныя

здѣсь дополнительныя начала, и *во-вторыхъ*, развивать ихъ, еслибы они возбуждали къ себѣ сочувствіе городскихъ обществъ. При семъ обращаемъ особое вниманіе городскихъ обществъ на общинное управленіе. При учрежденіи сего управленія, съ одной стороны, городская полиція, передавъ ему часть своей власти и своихъ обязанностей, въ состояніи будетъ сократить свой составъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ сократятся и городскія издержки на содержаніе правительственной полиціи, а съ другой стороны, городская дума или ратуша облегчена будетъ въ своихъ занятіяхъ передачею отъ себя общиннымъ управленіямъ множества мелочныхъ дѣлъ, ее затрудняющихъ и лишаящихъ ея способности дѣйствовать въ кругу ей приличномъ. Сверхъ того общинное управленіе поедужитъ лучшимъ средствомъ къ искорененію замѣчнаго и самымъ правительствомъ равнодушія общества и небрежности его къ собственнымъ интересамъ и одушевитъ его къ сближенію и единству.

Хотя мы взяли для себя темное, на этотъ разъ, только *начало городского общественнаго устройства*; но позволимъ себѣ отступленіе отъ системы и обратимся къ нѣкоторымъ частностямъ.

1) *О дѣтяхъ городскихъ обывателей податнаго сословія.*— Дѣти земледѣльческаго класса людей съ самаго нѣжнаго возраста получаютъ свое значеніе въ земледѣліи, и занятія ихъ такого рода, что развиваютъ ихъ и физически, и душевно. Практическая жизнь дѣтей земледѣльческаго класса замѣняетъ отчасти даже и цѣль школьнаго воспитанія.—Совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ находятся дѣти городскихъ жителей податнаго сословія. Безъ вреда для органическаго и душевнаго развитія и даже безъ опасенія за самую жизнь они не могутъ находить себѣ занятій. Законы наши выражаютъ это убѣжденіе, установивъ извѣстные возрасты дѣтей для поступленія ихъ въ ремесла и фабрики и особыя правила для содержанія ихъ и ученія.—Прежде достиженія опредѣленнаго возраста, дѣти городскихъ обывателей податнаго сословія, болыною частію, проводятъ время въ праздности. Живя въ городѣ, въ праздности, они наталкиваются на каждомъ шагу на неблагопродиная побужденія, наитываются жаждою приобрѣтеній, сядуются ко лжи, къ обманамъ, къ нищенству, а затѣмъ и ко всѣмъ порокамъ. Хотя воспитаніе полезно, конечно, и для земледѣлія и для фабричности, но оно много разъ болѣе полезно

для второй промышленности, нежели для первой. Само собою такъ устранивается, что легче, удобнѣе, съ меньшими издержками можетъ быть воспитываемо юношество городского класса людей, чѣмъ земледѣльческаго; промышленники живутъ вообще тѣсными группами, въ городахъ, тогда какъ земледѣльцы, по натурѣ вещей, должны жить болѣе врознь. Самые обстоятельства, повторяемъ, склоняются къ тому, чтобы юные годы дѣтей городскихъ обывателей посвящены были ученію. — Есть уже въ Европѣ государства, въ которыхъ воспитаніе, до известной степени, признается *обязательнымъ* для всего народа. — Всякая обязательность, набрасываемая обществомъ, какъ мы виѣли уже случай выразиться, есть видъ крѣпостнаго состоянія, и потому мы не сочувствуемъ обязательности. Но и законы суть обязательны; между тѣмъ нѣтъ общества безъ законовъ. — Обязательность измѣняетъ свой характеръ, если она есть выраженіе воли *большинства*; меньшинство въ этомъ случаѣ должно укротить себя, если не выходитъ изъ общества. — Намъ кажется, что большинство городскихъ обывателей признаетъ пользу воспитанія; а потому мы полагаемъ бы предоставить каждому городскому обществу сдѣлать постановленіе объ обязанности воспитанія дѣтей членовъ его, принадлежащихъ къ податнымъ сословіямъ. Такая мѣра будетъ имѣть вліяніе и на улучшеніе народной нравственности и на развитіе промышленности, а слѣдовательно имѣетъ тѣсную связь съ городскимъ общественнымъ благосостояніемъ.

Источникъ для покрытія издержекъ на воспитаніе дѣтей городскихъ обывателей должны доставлять, во первыхъ, родители и опекуны дѣтей, во вторыхъ, частные покровители воспитанія и человѣчества, въ третьихъ, городскія общества, и въ четвертыхъ общія государственная казна. — Допуская возможность облагать платою студентовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, не исключая конечно лицеевъ, школы правовѣдѣнія и всѣхъ военныхъ академій, допуская даже облагать платою учениковъ гимназій, кадетскихъ корпусовъ и всѣхъ среднихъ заведеній, мы полагаемъ, что къ обязанности правительства, то есть всего народа, относится покрытіе издержекъ на первоначальное народное воспитаніе, въ особенности же на воспитанія дѣтей недостаточныхъ городскихъ обывателей.

2) По министерской программѣ, въ числѣ другихъ условій, для выбора гражданъ въ общественныя должности полагается безпорочное поведеніе. Здѣсь понимается, вѣроятно, неопороченіе судомъ или общественнымъ приговоромъ. Законы не должны упускать изъ виду, что опороченный судомъ, и опороченный праведнымъ судомъ, можетъ исправиться; они должны выражать широкую надежду въ томъ, что онъ непремѣнно исправится. Наши законы не имѣютъ въ себѣ этого характера. По нимъ опороченный судомъ или общественнымъ приговоромъ покрывается черною тѣнью на всю жизнь и лишается навсегда права общественной службы. — Изъ этого общаго правила допускаются лишь исключенія: дозволяется начальству ходатайствовать о томъ, чтобы опороченіе судомъ или общественнымъ приговоромъ не считалось пренятствіемъ къ общественной службѣ. — Черная тѣнь, положенная на человѣка безъ надежды снять ее, лишаетъ его довѣрія своимъ собственнымъ силамъ, отклоняетъ его отъ мысли исправленія и вооружаетъ противу цѣлаго общества. — Намъ бы казалось, что городское, да и всякое, общество не должно смотрѣть на опороченнаго, какъ на паршивую овцу, а какъ на человѣка, способнаго исправиться и сдѣлаться вновь достойнымъ человѣкомъ общества. Посему мы полагали бы воспретить городскому обществу допускать къ участию въ своихъ дѣлахъ опороченныхъ членовъ его только въ теченіе извѣстнаго времени, послѣ исполненія судебного или общественнаго приговора (отъ одного до трехъ лѣтъ, наяримъ); а за тѣмъ избраніе его въ общественныя должности предоставить непосредственно самому обществу.

3) По министерской программѣ, лицамъ женскаго пола, имѣющимъ право голоса, предоставляется передавать свой голосъ ближайшимъ родственникамъ и постороннимъ лицамъ, соединяющимъ въ себѣ для условія права голоса на выборахъ. Почему не предоставить лицамъ женскаго пола, имѣющимъ право голоса на выборахъ, являться самимъ на выборы и лично участвовать въ нихъ?

А. ДИОХОВСКИЙ.

НОВАЯ БРОШЮРА ПРУДОНА.

(LA FÉDÉRATION ET L'UNITÉ EN ITALIE).

Прудонъ пустился наконецъ въ политику. Читающей публикѣ, безъ сомнѣнія, извѣстно его мнѣніе относительно единства Италіи: равно какъ высказанное имъ по этому поводу мнѣніе относительно независимости Бельгіи. Мы не будемъ оспаривать ни того, ни другаго; это было бы совсѣмъ бесполезно. Мы только постараемся познакомить читателей съ его аргументами и указать въ его брошюрахъ нѣсколько особенностей, во-видимому, пропущенныхъ европейскою журналистикою. Онъ разсматриваетъ вопросъ съ разныхъ сторонъ и вездѣ находитъ, что Италія концентрироваться въ одно нераздѣльное и сильное государство не можетъ. Онъ разсматриваетъ тенденціи Гарibaldi и Мадзини, сравниваетъ ихъ со средствами, которыя они оба имѣютъ, и находитъ, что оба они стремятся къ утопіи. Но всего больше онъ вооружается противъ французской и бельгійской журналистики, которыя своимъ сочувствіемъ единству Италіи подрываютъ свои собственные интересы, а бельгійская журналистика даже приготовляетъ этимъ сочувствіемъ присоединеніе Бельгіи къ Франціи. Вотъ съ какими словами обращается онъ къ журналистамъ французской:

«Я понимаю вполне то упорство, съ какимъ Англія стремится къ созданію итальянскаго единства, и за это на нее ни

сколько не сержусь; я понимаю равнымъ образомъ, что французы, бельгійцы, австрійцы, даже русскіе, сочувствуютъ этой политике, и за это ихъ не осуждаю. Всякій народъ имѣетъ право стремиться къ тому, что всего лучше служить его интересамъ; если Франція, первое государство въ Европѣ по своимъ военнымъ силамъ и по своему счастливому положенію, безпокоитъ своихъ сосѣдей успѣхами своего оружія и вліяніемъ своей политики, то эти сосѣди нисколько не виноваты, если они стараются ослабить Францію и окружить ее желѣзнымъ кругомъ, — я не понимаю только одного, — того положенія, которое приняла французская журналистика при своихъ ультрамонтанскихъ симпатіяхъ.

«Ясное дѣло, что соединеніе Италіи въ одно государство съ 300,000 арміею ослабитъ имперію во всѣхъ отношеніяхъ.

«Во первыхъ, политически; амфиктійонскій судъ Европы, до сихъ поръ составленный изъ представителей пяти державъ, увеличится представителемъ шестой державы, которой голосъ, натурально, будетъ намъ (т. е. французамъ) враждебенъ. Мы слишкомъ близки къ Италіи, слишкомъ походимъ на нее и оказали ей слишкомъ большія услуги для того, чтобы она насъ любила. Неблагодарность въ политикѣ есть первое право и первая обязанность.

«Въ стратегическомъ отношеніи; въ то время какъ испанцы угрожаютъ намъ сзади, Англія, Бельгія и Голландія съ переди, Германія, Австрія и Россія съ боку, Италія будетъ стрѣлять намъ въ ноги и всадитъ намъ штыкъ прямо въ животъ, единственное мѣсто, которое мы до сихъ поръ считали безопаснымъ. Коалиція противъ Франціи съ этихъ поръ будетъ считать однимъ членомъ больше. Родство тутъ ничего не значитъ; вспомните Іоахима Мюрата и его жену Каролину.

«Въ социальномъ отношеніи, съ точки зрѣнія религій и идей, наше вліяніе уменьшится столько же, сколько уменьшится могущество политическое и военное; мы не будемъ имѣть того преимущества, которое имѣли до сихъ поръ въ качествѣ первой католической державы покровительницы св. престола, чтобы тамъ ни случилось, соединится ли папа съ Викторомъ-Эммануиломъ, уступивши ему напередъ свои владѣнія, или оставить Италію. Протестанты понимаютъ это хорошо и заранее радуются: возставая противъ свѣтскаго господства и требуя очищенія Рима французами, они заинтересованы совсѣмъ не богословскими вопросамъ. Безъ сомнѣнія, зло

это не было бы слишкомъ велико, если бы протестанты съ своей стороны отказались отъ пропаганды. Но вѣдь этого-то не хотятъ: соединенная Италия намѣрена сохранить иначество, а различныя протестантскія исповѣданія рассчитываютъ занять мѣсто католицизма, рассчитываютъ на 180,000,000 милліоновъ жителей, которые къ нимъ присоединились бы? Но такъ какъ государства не намѣрены покончить съ церковію, такъ какъ цивилизація различныхъ народовъ далеко не одинакова, такъ какъ философскую нравственность понимаетъ только меньшинство, чрезвычайно незначительное, а политическое значеніе народовъ пропорціонально ихъ правамъ и ихъ гению, то результаты соединенія Италіи для насъ не подлежатъ никакому сомнѣнію: Франція, потерявши военное преобладаніе, пожертвовавши наконецъ авторитетомъ своей вѣры, не замѣшая его новымъ авторитетомъ идей, Франція становится націею отрекающеюся, кончающее свое славное существованіе.

«Какъ, скажете вы, вамъ этого мало, что вы вооружаетесь противъ единства Италіи, вы принимаете сторону иначества, вы за одно съ клерикалами?»

«Можетъ быть; словами меня не испугаете, я васъ предупреждаю; и прежде всего я крѣпко держусь за то, чтобы разсуждать правильно и не остаться въ дуракахъ. Двѣ вещи совершенно различныя: стремиться къ общественному возрожденію посредствомъ философіи, политической экономіи и права, и изслѣдовать, каковъ долженъ быть образъ дѣйствія консервативнаго правительства въ данный моментъ. Политика есть искусство направлять силы народныя; а религія есть одна изъ этихъ силъ. Религія до сихъ поръ для огромнаго большинства людей составляетъ основаніе нравственности и кодексъ совѣсти. Это признаютъ всѣ, даже Мадзини и Гарибальди. Потому я и говорю, что если бы какой нибудь государь отказался отъ силъ, довѣренныхъ ему, не позаботившись напередъ о томъ, что бы замѣнить ихъ другими, это было съ его стороны измѣною. Онъ походилъ бы на того генерала, который, узнавши объ изобрѣтеніи пистона и наръзнаго ружья, началъ бы тѣмъ, что приказалъ бы разбить всѣ свои старыя кремневые ружья, не дожидаясь, пока ему сдѣлаютъ новыя. Я, по моему положенію, католикъ, и если вамъ угодно клерикалъ, потому что Франція, мое отечество, еще не перестала быть такою, и потому, что англичане держатся своей вѣры англиканской, пруссаки протестантской, швейцарцы кальвинисты, аме-

риканцы унитаріи, а русскіе держатва греческой віры; потому что въ то время, какъ наши миссіонеры подвергаются мученіямъ въ Кохинхинѣ, англійскіе продаютъ библіи и другіе предметы торговли.

«Изъ всѣхъ этихъ разсужденій, по моему мнѣнію, слѣдуетъ, что вслѣдствіе италіанской путаницы и кампаніи 1859 года, которой, впрочемъ, я апплодировалъ и объ этомъ не жалѣю, французскій народъ приближается къ ужасному паденію. И если я понимаю хорошо причины, которыя заставляютъ нашихъ соперниковъ желать этого паденія, то, съ другой стороны, никакъ не могу постигнуть сочувствія этому несправимому злу со стороны либеральной французской журналистики; я не могу понять италіанской глупости, которая объ немъ проситъ, и крайнюю близорукость другихъ государствъ (т. е. Бельгіи), которыхъ безопасность компрометируется и которыя все-таки ему апплодируютъ.

«Положимъ, что французская армія оставитъ Римъ; положимъ, что Австрія на половину по доброй волѣ, на половину вслѣдствіе силы окончитъ тѣмъ, что откажется отъ Венеціи. Положимъ еще, что единство Италіи будетъ довершено. Думаете ли вы, что и Франція и Австрія въ этомъ случаѣ откажутся отъ своихъ правъ безъ вознагражденія?—Подумать такъ можетъ только идіотъ. Мой патриотизмъ не имѣетъ ничего исключительнаго, моя преданность къ моей странѣ не дойдетъ никогда до того, чтобы я могъ жертвовать ей правами человечества. Если французское правительство сдѣлаетъ несправедливость какому-нибудь другому народу, я первый буду объ этомъ жалѣть и протестовать сколько возможно. Если Франція будетъ наказана за ошибки своихъ руководителей, то я склоню голову и въ глубинѣ души скажу: *merito haec patimur* (по заслугамъ мы терпимъ). Брутъ пожертвовалъ своими сыновьями для отечества, я готовъ пожертвовать моимъ отечествомъ для справедливости, если бы мнѣ случилось дѣлать выборъ между тѣмъ и другимъ.

«Сдѣлавши такую декларацію для успокоенія своей совѣсти, я спрошу, чѣмъ и какъ въ настоящихъ обстоятельствахъ Франція заслужила униженіе, которое ей грозитъ. Развѣ ее вина въ томъ, что она уничтожила въ Италіи австрійское вліяніе и перемѣнила деспотическое правленіе, учрежденное на полуостровѣ за 400 лѣтъ? Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ Европа позволила ей это сдѣлать? Зачѣмъ общественное мнѣніе, будучи враждебно Ав-

судити, апплодировало Франціи не только въ самой Франціи и Италіи, но и въ Англіи и въ Германіи? Зачѣмъ Австрія послѣ своего пораженія дала самію нашему дѣлу, усвоивъ себѣ тѣ учрежденія, которыя прежде она отвергала? Впрочемъ, тутъ и спорить нечего: ни одинъ человекъ во всей Европѣ не обвинить Францію за ея образъ дѣйствій относительно италіянскаго народа. Итакъ, я обращусь снова къ моему вопросу: зачѣмъ Франція будетъ обманута, зачѣмъ она будетъ жертвою своего собственного благодѣянія?

«Тѣмъ хуже, говорятъ, для Франціи, если освобожденная и соединенная Италія будетъ ее женировать! Италіянцы имѣютъ право устроиваться у себя дома какъ имъ угодно, а Римъ и Венеція принадлежать имъ». А! Тѣмъ хуже для Франціи? Въ добрый часъ: всякій можетъ хозяйничать у себя дома, я признаю этотъ принципъ. Но Франціи имѣетъ право предлагать условія за свои услуги; это азбука политики, равно какъ и торговли. Я иду дальше, я говорю, что если услуги, оказанныя Франціею, признаны цѣлою Европою и если должникъ несостоятеленъ, то вся Европа дѣлается солидарною съ нимъ и должна отвѣчать за долгъ. Эта Италія, освобожденная со вчерашняго дня, еще недовольно сильна, чтобы могла сама защищать себя. Вы хотите, чтобы французская армія оставила Римъ непремѣнно сегодня, а не завтра. Положимъ; только не забывайте того, что если австрійцы задумаютъ снова войти въ Италію, то Франція мѣшать имъ въ этомъ не станетъ: *Italia farà da se*. И было бы слишкомъ, если создавши Италію и вооруживши ее противъ себя мы обязаны были еще защищать ее. Я не желаю, чтобы Франція потребовала что нибудь за своихъ убитыхъ при Сольферіно или Маджентѣ; но надобно же что нибудь за эту защиту.

«Италіянцы такъ хорошо чувствуютъ это, что сами собою рѣшаютъ этотъ вопросъ. Национальность одного, говорятъ они, дѣлается на счетъ національности другаго; за единство платятъ присоединеніемъ. Пусть французскій императоръ овладѣетъ лѣвыми берегами Рейна отъ Базеля до моря; пусть Франція войдетъ въ свои естественныя границы, мы же будемъ помогать имъ въ этомъ. Съ этимъ увеличеніемъ 8,000,000 жителей и въ 6,000 квадр. миль территоріи она снова приобрѣтетъ свой вѣсъ.

«Я желалъ бы, однако, знать, что скажетъ объ этой системѣ вознагражденія бельгійская демократія, столь благопріятная иде.

амъ Гарибальди. Въ самомъ дѣлѣ, допустите окончательное сформированіе итальянскаго государства, и тотчасъ вы увидите, что либеральная и демократическая французская журналистика сдѣлаетъ вольтъ-фасъ и начнетъ дѣлать *этюды* относительно присоединенія Бельгій. И что отвѣтите вы тогда, brave журналисты Бельгій, наиполняющіе ваши столбцы парижскими тартинками, когда, схватившись за ваши собственныя доказательства, васъ попросятъ уступить для единства французскаго то, чего вы такъ краснорѣчиво требуете для единства итальянскаго? Вы признали королевство итальянское, скажутъ вамъ, слѣдовательно вы въ нѣкоторой степени сдѣлали за него обязательство. Вы содѣйствовали итальянскому единству вашими голосами, и вы болѣе или менѣе имѣли вліяніе на тюльерійскій кабинетъ. Но итальянское единство должно имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ единство французское; и, раскрывая передъ вашими глазами карту Европы, показывая вамъ на черную линію, идущую отъ Базеля до Роттердама, вамъ скажутъ вотъ оно гдѣ французское единство.

«И будьте покойны, вамъ докажутъ, что это единство предназначено судьбою, что оно хранится въ преданіяхъ бельгійскаго народа, что таково желаніе его сердца, что тутъ дѣло идетъ объ интересахъ самыхъ драгоцѣнныхъ, что вы французы по религіи, языку, нравамъ и по душѣ, что вы принадлежали великой націи со временъ Цезаря и даже раньше, что въ такихъ видахъ бельгійское королевство было и основано, и чтобы васъ убѣдить, дѣло будетъ предложено на вашъ собственный судъ, потребуютъ вашего же собственнаго мнѣнія, въ формѣ всеобщаго подаванія голосовъ. А вы знаете, что толпа всегда подастъ голосъ за того, кто съ нею совѣтуется и т. д.»

Вотъ въ чемъ заключается сущность брошюры, изданной Прудономъ. Въ другихъ частяхъ ея онъ доказываетъ, что Мадзини съ своимъ республиканизмомъ только вредилъ Италіи, пользуется идеями Феррари о томъ, что по своей натурѣ Италія не можетъ быть единою, а должна быть государствомъ федеративнымъ, возстаегъ вообще прогивъ централизціи государствъ и, отзываясь съ большимъ уваженіемъ о Гарибальди, сравниваетъ его съ рыцаремъ, стремящимся къ недостижимой цѣли и плохо соображающимъ свои средства. Въ одномъ мѣств авторъ обращается къ французскому императору. Къ сожалѣнію, это мѣсто не все напечатано: брошюра издана въ Парижѣ, и издатель, въ страхъ передъ ценсурюю, напечаталъ только конецъ,

этого мѣста. Это и есть то самое мѣсто, которое вызвало противъ автора народную демонстрацію въ Брюссель и безчисленныя нападки бельгійскихъ газетъ.

Говоря о мексиканской экспедиціи, Прудонъ обращается съ такими словами къ императору: «Зачѣмъ вамъ, государь, эти завоеванія въ другомъ полушаріи и безполезныя и тягостныя? Будто вы не найдете въ Европѣ клочекъ земли, который былъ бы намъ полезенъ? Не лучше ли какая нибудь страна, недалекая отъ насъ, обильная людьми и произведеніями, которой богатство помогло бы нашей бѣдности, которой рекруты замѣнили бы нашихъ... Дерзайте, государь, какъ говорилъ Мадзини Виктору Эммануилу; дерзайте—и Рейнъ, Люксембургъ, Бельгія, Голландія и вся эта Франція Тевтонская будутъ принадлежать вамъ. Вы имѣете на нее права вслѣдствіе вашего императорскаго титула, и она должна быть вамъ вознагражденіемъ за то, что вы сдѣлали въ пользу Италіи по требованію Европы. И кто вамъ будетъ противиться? Рейнъ со времени Буало не враждебенъ имени французскому; нѣмецкій Рейнъ ничего не понимаетъ въ политикѣ короля прусскаго, равно какъ и въ дебатахъ Германскаго Сейма. Что касается до Бельгіи, то надобно думать, что она васъ ожидаетъ: тамъ какъ и у насъ, даже больше нежели у насъ, народъ постылся и мечтаетъ, буржуазія занята пищевареніемъ и сонитъ, юношество курить и занимается любовью, военные скучаютъ, общественное мнѣніе ничѣмъ не занято и политическая жизнь угасаетъ. Уже торговецъ и промышленникъ сообразили, что они выиграютъ отъ присоединенія; работникъ легко повѣритъ тому, что его плата увеличится; духовенство нисколько не разсердится за то, что вы освободите его отъ либеральныхъ криковъ; народные представители.... чего можете вы бояться отъ этихъ людей, которые въ состояніи въ продолженіе шести недѣль разсуждать о какомъ нибудь невѣрующемъ, погребенномъ на святой землѣ? Стѣны Анвера падутъ при звукѣ вашихъ трубъ; оранская Фландрія будетъ очарована этою продѣлкою съ бельгійскимъ правительствомъ. Боятесь ли вы Англіи? Ахъ! бойтесь больше пауперизма, который насъ грызетъ..... * бойтесь революціи. Быть мо-

* Эти точки въ подлинникѣ показываютъ, что здѣсь издатель не рѣшился напечатать нѣсколько выраженій относительно современнаго состоянія Франціи.

жетъ, гораздо будетъ лучше, гораздо нравственнѣе, гораздо разнообразнѣе съ духомъ вѣка, гораздо достойнѣе васъ и Франціи, показавши столько безкорыстія относительно Италіи, выказать до конца ваше благородство, подавая Европѣ сигналъ обезоруженія и стараясь возстановить наше преобладаніе посредствомъ политики труда, справедливости и социальнаго возрожденія. Это была бы тоже слава; вамъ, императоръ, предстоитъ выбирать, но вы не избѣгнете этого выбора, что нибудь одно: или слава или свобода.»

Всѣ сочиненія Прудона имѣютъ одинъ весьма важный недостатокъ. Его довольно трудно понимать, потому что, не обращая много вниманія на форму, онъ совсѣмъ не отдѣливаетъ своихъ сочиненій; частенько у него попадаются скачки, весьма далекіе, частенько онъ развиваетъ свою мысль, а вывода не досказываетъ; весьма не рѣдко прямая рѣчь у него переходитъ въ иронію и при томъ столь тонкую, что ее не всякій пойметъ; доказательства его состоятъ, большею частію, въ такъ называемыхъ *ad absurdum*, т. е. онъ развиваетъ на основаніи мнѣній противниковъ нелѣпую мысль, которую, конечно, онъ не принимаетъ, но прямо этого онъ не говоритъ, такъ что весьма многіе принимали подобные абсурды за истинныя мнѣнія Прудона. Такъ, многіе думали, будто Прудонъ противникъ частной собственности и т. п.

Таже судьба постигла и замѣтки, написанныя имъ по поводу италіанскаго вопроса. Бельгійская журналистика напала за нихъ на Прудона; но нашлись люди, которые его и защищали, которые увѣряли, что онъ совсѣмъ не желаетъ присоединенія Бельгіи къ Франціи, что то мѣсто, въ которомъ эта мысль, по видимому, развивается, имѣетъ очевидный характеръ ироніи и сатиры на бельгійское общество.

Въ послѣднихъ газетныхъ извѣстіяхъ пишутъ, что французскій государственный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ императора недавно разсуждалъ объ италіанскомъ вопросѣ именно по поводу брошюры Прудона, и на основаніи ея рѣшилъ не выводить французскихъ войскъ изъ Рима. Такимъ образомъ и императорская Франція со своею политикою думаетъ видѣть въ Прудонѣ своего сторонника. Она имѣетъ на это нѣкоторыя права; но если всмотрѣться въ дѣло поближе, то Прудонъ оказывается тѣмъ же человѣкомъ, каковымъ онъ былъ 15 лѣтъ назадъ. Въ брошюрѣ его есть мѣсто, гдѣ онъ высказываетъ свою

явную антипатію къ церкви и къ религіозному убѣжденію, гдѣ онъ представляетъ какъ идеаль уничтоженіе епископствъ, консисторій и т. п. Въ концѣ своего письма къ императору онъ указываетъ ему истинную политику не въ завоеваніяхъ, а во внутренней реорганизаціи общественной, въ распушеніи арміи, что, конечно, не гармонируетъ съ тенденціями нынѣшней французской политики. Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ италяндамъ на единственный исходъ изъ ихъ положенія: на революцію, и это, конечно, опять таки не гармонируетъ съ политикою Франціи и при томъ даже не противорѣчитъ единству Италіи, противъ котораго онъ въ другихъ мѣстахъ своей брошюры вооружается.

Вообще эта брошюра Прудона, какъ и всѣ другія, походить на загадку. Послѣдняго слова, яснаго указанія на что нибудь въ ней, пожалуй, не найдете; онъ по прежнему безжалостно критикуетъ все, что видитъ, а концовъ не сводить.

Оттого всякій даетъ ему толкованіе, сообразное съ своими интересомъ или подъ диктовку собственнаго своего страха. Напримеръ, очевидно онъ не желаетъ присоединенія Бельгіи къ Франціи и не приглашаетъ къ этому императора, потому что указываетъ ему другую цѣль и болѣе нравственную и болѣе сообразную съ интересами Франціи, но тѣмъ не менѣе хотя въ видѣ уступленія онъ указывалъ императору и на Бельгію, какъ на страну, которую присоединить къ Франціи и гораздо легче и гораздо полезнѣе, нежели завоевать Мексику. Дѣло въ томъ, что французская политика въ Мексикѣ слишкомъ противорѣчитъ интересамъ Франціи, и даже нисколько не доказываетъ ея могущества, какъ объ этомъ думаютъ французы; это-то и хотѣлъ показать Прудонъ, и это, вѣроятно, уже не понравится французскому правительству.

Что касается до бельгійской журналистики, то ея непоследовательность, ея симпатіи, противныя ея принципамъ, бросаются въ глаза не одному Прудону. Если, въ самомъ дѣлѣ, она искренно сочувствуетъ единству италинскаго народа, то не меньше она должна сочувствовать единству и народу французскому, т. е. должна стремиться къ собственному своему соединенію съ Франціею, потому что бельгійцы столько же принадлежатъ къ французской націи, сколько пикардійцы, лотарингцы или лангедокцы. Мы прежде указывали на подобный фактъ непоследовательности въ нашей журналистикѣ, которая, умѣя со-

чувствовать единству италянцевъ и нѣмцевъ, въ то же время не умѣетъ сочувствовать единству русскаго народа. Со стороны Бельгій подобная непослѣдовательность тѣмъ болѣе достойна осужденія, что бельгійскій народъ, въ своей внутренней организаціи, имѣетъ много недостатковъ и не думаетъ объ ихъ исправленіи. И вотъ Прудонъ указываетъ имъ на эти недостатки. Въ Бельгій, какъ и почти вездѣ въ западной Европѣ, господствующій классъ народа есть буржуазія. И какова эта буржуазія? Кромѣ своего интереса она ни чѣмъ не занята, дальше его она ничего не видитъ и дѣйствительно можно съ увѣренностью сказать, что она присоединенію враждебна не будетъ. Благодаря господству буржуазіи положеніе рабочаго класса въ Бельгій тяжело; еще недавно тамъ были столкновенія между работниками и капиталистами и капиталисты, разумѣется, на основаніи законовъ, диктованныхъ ими же самими или людьми подобными имъ, одержали верхъ, а работники, которые постытся и вмѣсто насущнаго хлѣба довольствуются мечтами, были наказаны; * и дѣло могло устроиться такъ, что при свободѣ труда они принуждены были работать на капиталистовъ въ то время, когда сами не хотѣли такъ дѣлать. Очевидно, и этому классу народа не много дѣло до бельгійской независимости; онъ занятъ насущнымъ кускомъ хлѣба и не будетъ противиться политической комбинаціи, которая обѣщаетъ ему увеличеніе заработной платы. — Бельгій поддерживаетъ свою независимость тѣми же самыми средствами, какъ и другія государства западной Европы, т. е. армію. Прудонъ и прежде много разъ, согласно со всѣми другими экономистами, доказывалъ, что арміи въ нынѣшнемъ ихъ видѣ составляютъ великое зло. И всѣмъ извѣстно, что военные люди весьма не хладнокровны къ своей воинской славѣ: это главный конекъ ихъ. Но очевидно, что слава французской арміи неизмѣримо выше бельгійской, и французскій императоръ нѣтъ — нѣтъ да и затветъ какуюнибудь кампанію; у него военные люди долго не скучаютъ, и очень многіе изъ французскихъ офицеровъ имѣютъ удовольствіе видѣть, какъ непріятельскія пули отправляютъ на тотъ свѣтъ ихъ начальниковъ; вслѣдствіе чего производство тамъ гораздо быстрее, что и достав-

* Во Франціи по крайней мѣрѣ въ подобныхъ случаяхъ, Императоръ пользуется своимъ правомъ помилованія и работники забавляютъ ся отъ наказанія, какъ это недавно оказалось въ дѣлѣ парижскихъ абришиковъ.

ляют немалое удовольствіе всѣмъ вообще воспнымъ людямъ. Такимъ образомъ и армія бельгійская найдетъ свою выгоду въ присоединеніи. — Въ Бельгіи довольно значительна партія клерикальная и, какъ мы указывали въ одной изъ прежнихъ книжекъ нашего журнала, клерикальная партія до тѣхъ поръ не потеряетъ своего значенія въ государствахъ западной Европы, пока тамъ будетъ господствовать буржуазія съ ея характеромъ бездушности и служенія грубымъ матеріальнымъ интересамъ, безъ всякаго вниманія къ высшимъ интересамъ, моральнымъ, которая, по остроумному выраженію Прудона, только варить пищу и въ тоже время сопитъ (*digère et gonfle*). Но клерикальная партія, очевидно, будетъ чувствовать себя лучше во Франціи нежели въ Бельгіи; потому что во Франціи даже и такой пустой либерализмъ какъ въ Бельгіи значительно поддерживается императорскимъ правительствомъ, потому очевидно бельгійскіе клерикалы присоединенію Бельгіи то же противиться не станутъ. Вообще современное положеніе Бельгіи таково, что она не имѣетъ причины существовать отдѣльно отъ Франціи, если допустить принципъ объединенія народностей. Въ будущемъ положеніе Бельгіи то же, повидимому, не представляетъ большихъ надеждъ, потому что бельгійское юношество, по выраженію Прудона, только куритъ и занимается любовью. Нравственные силы его оказываются не выше тѣхъ, которыя Жоржъ Сандъ осуждалъ въ молодежи французской и которыя составляютъ удѣлъ и нашего юношества, жуирующаго самыми разнообразными способами, между прочимъ въ послѣднее время на многочисленныхъ публичныхъ танцевальныхъ вечерахъ. Очевидно, въ исчисленіи всѣхъ этихъ недостатковъ бельгійской общественной жизни Прудонъ указываетъ бельгійскому народу на лучшіе стимулы его дѣятельности, на необходимость болѣе разумной общественной организаціи, на необходимость введенія въ жизнь высшихъ интересовъ нравственныхъ.

Тоже самое оказывается и въ томъ мѣстѣ его брошюры, гдѣ онъ разсуждаетъ объ интересахъ политики французской. Франція, говоритъ онъ, до сихъ поръ была первымъ государствомъ въ западной Европѣ, имѣла самое большее международное значеніе; этому она обязана какъ хорошей организаціей своей арміи, такъ и тѣмъ, что сосѣди ея были до сихъ поръ весьма незначительны. Отсюда выводъ очень ясный и прямой, котораго однако не замѣтила французская журналистика, не смотря на свое

сочувствіе къ національной славѣ, — или Франція должна отказаться отъ своего преобладанія или не должна допустить образованія сильнаго государства въ своемъ сосѣдствѣ, или, наконецъ, она должна выступить защитницею какихъ нибудь новыхъ интересовъ. Въ этомъ смыслѣ и обращается Прудонъ къ французской журналистикѣ: если ужъ вы такъ хлопочете объ единствѣ Италіи, говорить онъ, то вамъ слѣдовало бы прежде похлопотать о томъ, чтобы во французскую жизнь вошли какіе нибудь новые элементы, которые дали бы Франціи возможность поддержать свое мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ. Въ противномъ случаѣ вы унизите нашу прекрасную Францію; вѣдь у насъ даже и буржуазный либерализмъ значительно сдузился напримѣръ въ сравненіи съ бельгійскимъ; а вы, ничего не сдѣлавши въ этомъ отношеніи, и даже не думая ничего сдѣлать, вашими криками стараетесь ослабить наши силы и наше значеніе, требуя единства Италіи. Въ этомъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ, Прудонъ остается истымъ французомъ, для котораго слова: «*belle France, grande nation, gloire nationale*» имѣютъ особенное магическое значеніе, не смотря на то, что онъ оговорился, какъ читатели видѣли, что для него интересы справедливости выше интересовъ Франціи. На дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не то; онъ самъ не замѣчаетъ, что интересъ Франціи для него выше всего. Какъ патриоту, конечно, это ему не дѣлаетъ безчестія; но это имѣетъ вредное вліяніе на характеръ его выводовъ и даже доказательствъ; напримѣръ: онъ убѣжденъ въ томъ, что Франція оказала *безкорыстную* услугу Италіи своимъ италіанскимъ походомъ, что эта услуга чрезвычайно важна для Италіи, и что какъ ея громадность, такъ и безкорыстіе оцѣнила вся Европа; онъ думаетъ, что безъ Франціи Италія, даже будучи соединена, не въ состояніи поддержать свою независимость, онъ находитъ, что Франція, имѣя *de facto* вліяніе въ Италіи, этимъ самымъ уже имѣетъ и право на вліяніе и на поддержаніе его.

Что касается до Италіи, Прудонъ доказываетъ, разумеется съ своей точки зрѣнія, что единство не только не принесетъ пользы италіанскому народу, но еще повредитъ ему. Единство онъ понимаетъ не иначе, какъ въ видѣ административной централизаціи. И вотъ какъ онъ описываетъ будущее состояніе Италіи.

Первый результатъ централизаціи, говоритъ онъ, будетъ тотъ, что въ разныхъ мѣстностяхъ страны исчезнетъ туземный ха-

ракторъ; черезъ это рассчитываютъ въ народной массѣ развить политическую жизнь, но въ самомъ дѣлѣ ее уничтожить окончательно. Въ государствѣ, имѣющемъ 26 милл. жителей, всѣ провинціальныя и муниципальныя права будутъ конфискованы въ пользу правительства. Что касается до партизановъ національнаго единства, имъ столько же дѣла до него, какъ и до духовнаго господства; объ этомъ можно судить по тому способу, какимъ piemontskіе чиновники третируютъ жителей присоединенныхъ провинцій. Чтобы управлять 26 милл. жителей, для этого нужна многочисленная бюрократія, цѣлые легионы чиновниковъ; для защиты страны противъ враговъ виѣшнихъ и внутреннихъ нужна постоянная армія. Чиновники, солдаты и платильщики податей, вотъ что съ этого времени будетъ составлять націю. Наконецъ, для этого грандіознаго величія нужна слава, нужно очарованіе, нужна роскошь; а для этого нужна приличная *liste civile*, роскошное жалованье, кому слѣдуетъ, воопрееніе словесности и искусствамъ, посольства, пенсіоны, ордены. Честолюбцы, интриганы и подобные имъ партизаны единства кишатъ около правительства. Натурально, нельзя же дать однимъ и отказать другимъ. При такомъ правительствѣ всякій протягиваетъ руку, просятъ не только отдѣльныя личности, но и города. А берется все это съ массы народа. Такъ кто же получитъ пользу отъ этого единства? Народъ? Нѣтъ, высшіе классы. Въ Италіи существуетъ множество церковныхъ земель, и буржуа требуютъ громкими криками ихъ продажи. Сколько достанется изъ этой священной земли на долю бѣднаго деревенскаго жителя, пролетарія, не имѣющаго копѣйки? Мадзини демократъ; дѣло, которое онъ защищаетъ, есть дѣло народа. А знаете ли, что онъ сдѣлалъ для италіянскаго народа, распространяя между нимъ стремленіе къ единству? Онъ отдалъ его подъ власть буржуа, которая окончилась и осуждена во Франціи еще съ 1847 года, которая была ошибкою перваго конституціоннаго собранія, якобинцевъ, консульства, реставраціи, іюльской монархіи, и которая можетъ быть роковою для Наполеона III.—Такимъ образомъ и относительно Италіи Прудонъ оказывается не ретроградомъ; напротивъ, онъ не доволенъ даже тѣми результатами и тѣми цѣлями, которыхъ добивается Мадзини. Онъ желаетъ бѣльшаго и его желанія имѣютъ прежній характеръ; онъ добивается освобожденія массы народа изъ подъ эксплуатаціи буржуазіи. Но онъ думаетъ, что національное объединеніе не-

премѣнно должно быть соединено съ административною централизаціею. Въ этомъ и заключается его ошибка, которая сдѣлала его противникомъ единства Италіи. Онъ не хотѣлъ обратить вниманія на различіе, которое всѣми давно дѣлается между централизаціею національною и централизаціею административною. Въ Англіи національная централизація можетъ быть сильнѣе, нежели гдѣ нибудь, въ то время какъ централизація административная тамъ весьма незначительна. У насъ въ Россіи всѣ сколько нибудь серьезные люди чрезвычайно дорожатъ централизаціею національною и въ то же время всѣ стараются содѣйствовать децентрализаціи административной; и слава Богу, у насъ, наконецъ, самые отъявленные прогрессисты поняли разницу между тою и другою централизаціею; и тѣ, которые прежде бросали громы на централизацію вообще, теперь уже вооружаются только прогнвъ централизаціи административной. Въ Германіи централизація національная почти не существуетъ, или существуетъ въ такомъ видѣ, что со стороны она возбуждаетъ только смѣхъ, а нѣмецкихъ патріотовъ приводитъ въ большую ярость. Между тѣмъ административная централизація въ Германіи сильнѣе нежели гдѣ нибудь; извѣстно, что въ Германіи всегда и все дѣлаетъ одна бюрократія. Даже и въ другихъ странахъ, куда нѣмцы являются въ большомъ количествѣ со своими административными услугами, какъ въ Греціи или даже въ Россіи, услуги ихъ всегда дѣлаются посредствомъ самой упрямой бюрократіи, до того упрямой, что наконецъ народъ, который они стремятся облагодѣтельствовать, не выдерживаетъ и гонитъ ихъ прочь, какъ это случилось въ Греціи. — Такимъ образомъ національная разъединенность нисколько еще не служитъ ручательствомъ за административную децентрализацію. При національной разъединенности всѣ эти неудобства, которыя Прудонъ считаетъ необходимою принадлежностью національнаго единства, бывають еще болѣе значительны. Напр. въ то время, какъ концентрированной Британіи содержаніе двора стоитъ только 480,000 фунт. стерлинговъ или около 3,000,000 прусскихъ талеровъ, разъединенной Германіи содержаніе ея многочисленныхъ дворовъ стоитъ больше 15,000,000 прусскихъ талеровъ, т. е. въ пять разъ больше, а Италіи въ прежнее время содержаніе ея дворовъ стояло больше 11,000,000 талеровъ, т. е. почти въ четыре раза больше нежели въ Британіи. Соотвѣтственно этому и многіе другіе рас-

ходы гораздо значительнѣе для Германіи, нежели для государствъ концентрированныхъ; наир. содержаніе армій для всей вообще Германіи стоитъ около 140,000,000 талеровъ, а Франція только за 120,000,000 имѣетъ прекрасную армию, какой въ Германіи нѣтъ, и кромѣ того, прекрасный флотъ, котораго въ Германіи тоже нѣтъ. И партизаны національнаго единства въ этомъ случаѣ могутъ адресовать къ Прудону вопросъ, сдѣланный имъ самимъ: на кого падутъ всѣ эти издержки въ странѣ, которой национальность не концентрирована? Очевидно, они падутъ на тотъ же самый народъ, объ участи котораго Прудонъ столько заботится; а въ бюрократію попадетъ не народъ, а тѣ же самые буржуа; имъ достанутся всѣ эти мѣста съ богатымъ содержаніемъ, эти пенсіоны, эти синекюры и т. п.

Для Италіи Прудонъ желаетъ именно такой судьбы, которая выпала на долю разьединенной Германіи, и говоря объ Италіи, онъ увлекается оптимизмомъ, который совсѣмъ не ладитъ съ его обилковенною сердитою миною, съ тою мизантропіею, которая положила невзглядимый отпечатокъ на всѣ другія его сочиненія и даже на эту самую брошюру объ единствѣ Италіи.

«Если бы Италія была соединена федеративнымъ образомъ съ конституціонною свободою во всѣхъ италіанскихъ государствахъ, это было бы дѣйствительнымъ осуществленіемъ того принципа, что соединеніе даетъ силу. Окончились бы соперничества между городами, окончились бы бунты, окончилась бы междуусобная война. Молодой король неаполитанскій уже вписалъ себя въ списокъ королей конституціонныхъ рядомъ съ Викторомъ Эммануиломъ; папа, оставшись государемъ своихъ владѣній, былъ бы принужденъ подражать имъ; австрійскій императоръ, увлеченный движеніемъ, противиться не могъ; герцогъ тосканскій не показалъ бы и тѣни сопротивленія. Такимъ образомъ Италія съ своими королями, съ своими герцогами, съ своимъ императоромъ и съ своимъ папою безо всякаго труда получала независимость и начинала свое истинное существованіе».

А партизаны италіанскаго единства и конституціонной свободы могутъ отвѣчать на это такимъ образомъ: все это, разумѣется, привлекательно; только ужъ если говорить о личныхъ издержкахъ, падающихъ на массу народа, то не мѣшало бы вспомнить ихъ и въ этомъ случаѣ, да не мѣшало бы вспомнить предыдущія обстоятельства и характеръ различныхъ правительствъ Италіи. Въдъ всѣ эти правители въ прежнее время не только общались,

но и давали, и при томъ неоднократно, конституціонную свободу въ своихъ владѣніяхъ; а потомъ брали ее назадъ; а нана и до сихъ поръ все твердись свое «non possumus»; и если напр. послѣ Пія IX папою будетъ кардиналъ Антонелли, то онъ будетъ еще упряме въ своемъ «non possumus». Между тѣмъ. Виктору Эммануилу, и вообще савойскому дому, итальянскій народъ имѣетъ причину вѣрить вполне. Да и взаимные интересы ихъ такъ сложились, что итальянскій король изъ савойскаго дома безъ конституціонной свободы совѣтъ немислимъ. А кромѣ того, мы, итальянцы, подобно французамъ и подобно вамъ, г. Прудонъ, позволяемъ себѣ думать тоже и о между-народномъ значеніи итальянцевъ. Соединеніе, которое предлагаете намъ вы, существовало у насъ и до сихъ поръ; но оно не давало намъ силы. Въ конгрессахъ Европы мы не имѣли голоса даже и для защиты своихъ собственныхъ интересовъ. А оружіемъ защищать ихъ мы могли еще менѣе; насъ самихъ не притѣснили и не били только тѣ, которые этого не хотѣли.

Въ этихъ аргументахъ, конечно, гораздо больше справедливости нежели въ оптимизмѣ Прудона.—Его оптимизмъ относительно Италіи, очевидно, навѣяно ему исключительностію его французскаго патриотизма. Онъ никакъ не хочетъ отказаться отъ мысли о преобладаніи Франціи въ западной Европѣ. Ему, очевидно, мало того, чтобы Франція была въ состояніи защитить себя отъ оскорбленій и нападений. Его мысль, быть можетъ, даже не вполне ясно сознаваемая, состоитъ въ томъ, чтобы Франція имѣла достаточно силы для того, чтобы во всякое время оскорбить и унизить другія сосѣднія народности. При томъ онъ забралъ себѣ въ голову, что въ политикѣ благодарности не бываетъ, и что сосѣднія государства непременно должны быть враждебны одно другому. Если и дѣйствительно благодарность изгнана изъ области политики, то у сосѣднихъ государствъ можетъ быть масса общихъ интересовъ, которые соединять ихъ неразрывною дружбою. Если бы императоръ французовъ искренно содѣйствовалъ возрожденію Италіи на конституціонныхъ началахъ, и если бы эти начала были источникомъ его собственной внутренней политики, то я вѣшняя политика его была бы всегда согласна съ политикою итальянскаго королевства. И Италія была бы такою союзницею для Франціи, съ которою ей не была бы страшна коалиція всей остальной Европы.

Прудонъ говоритъ, что итальянская путаница и безъ того

отняла у Франціи четыре года и на столько же замедлила у французовъ изученіе ихъ внутреннихъ потребностей и осуществленіе реформъ. Прудону не первый разъ приходится имѣть дѣло съ нынѣшнимъ императоромъ французовъ. Еще когда Людовикъ Наполеонъ назывался не Наполеономъ III, а г. Бонапартомъ, въ одинъ прекрасный день онъ совѣтовался съ Прудономъ о тогдашнемъ положеніи Франціи. И въ слѣдующую же ночь, по приказанію Бонапарта, Прудонъ былъ отвезенъ за границу Франціи. Этотъ урокъ, какъ видно, не послужилъ ему въ пользу, и повторяя нѣсколько разъ въ своей брошюрѣ, что онъ не желаетъ остаться въ дуракахъ, Прудонъ все-таки убѣжденъ, что императоръ французовъ изучаетъ внутреннее состояніе Франціи, и что, если бы не итальянскія дѣла, то во Франціи давно правительство приступило бы къ социальнымъ реформамъ, которыхъ самъ онъ столько желаетъ.

Д. Шегловъ.

ЧИНОВНИЧІЙ ЭЛЕМЕНТЪ

ИЗЪ РАЗРАБОТКЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

— История Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Сергѣя Соловьева. Томъ XII-й. Москва. 1862 г.

— Земство и расколъ, А. Щавова, Изд. Д. Е. Кожанчикова. С.-П. Б. 1862 г.

Весь почти XII-й томъ «Исторіи Россіи» г. Соловьева наполненъ разказами о ходѣ дѣлъ въ Малороссіи съ Андрусовскаго мира и о сношеніяхъ и переговорахъ московскихъ съ иностранными державами (съ 1667 г. до смерти Алексѣя Михайловича, 1676 г.). Въ концѣ книги есть краткій обзоръ царствованія Алексѣя Михайловича и характеристика его и приближенныхъ къ нему людей. Въ обѣгломъ очеркѣ мы познакоимъ читателей съ замѣчательными фактами XII-го тома.

Въ 1667 г. одна часть Малороссіи по сю сторону Днѣпра подъ гетманствомъ Брюховецкаго находилась въ подданствѣ Россіи; а другая, восточная сторона, гдѣ былъ гетманомъ Дорошенко, въ Чигиринѣ, состояла подъ покровительствомъ Турціи. Брюховецкій сначала объяснялся въ вѣрности, предлагалъ московскому царю разорить Чигиринъ и другіе измѣнническіе города, иначе-де не будетъ спокойна Украина, жаловался на безчестіе духовенства и просилъ изъ Москвы митрополита въ Кіевъ; а на епископа Мефодія доносилъ, что онъ научаетъ казаковъ на всякое зло и поджигаетъ къ бунту. Но тотъ же Брюховецкій скоро измѣнилъ царю и сталъ собирать войски противъ Москвы, сносясь съ Дорошенко. Когда онъ готовился выйти изъ Гадяча противъ государевыхъ войскъ, то Дорошенко приближилъ

*

ся съ своими войсками и послалъ сотниковъ съ повтореніемъ прежняго предложенія, чтобъ Брюховецкій отдалъ ему булаву, знамя, бунчукъ и нарядъ. Тотъ разсердился, прибиль сотниковъ и отослалъ скованныхъ въ Гадячъ. Но на другой день казаки обѣихъ сторонъ соединились и «убили его, какъ бѣшеную собаку и бросили нагого», добавляетъ г. Соловьевъ.

Автору страннымъ кажется — отъ чего это измѣнилъ Москвѣ Брюховецкій? «Неужели Меѳодій такъ умѣлъ передать свое раздраженіе, свои опасенія Брюховецкому, что тотъ по однимъ внушеніямъ епископа рѣшился сдѣлать это?» Такъ спрашиваетъ г. Соловьевъ и отвѣчаетъ, что Меѳодій дѣйствительно приготовилъ къ этому Брюховецкаго, который соблазнился быть гетманомъ всей Украины. У г. Соловьева большая часть историческихъ явленій опирается на личное раздраженіе и властолюбивыхъ стремленій гетмановъ, архіереевъ и полковниковъ. Старая исторія—объяснять все случайностью! Неужели нѣсколько незначительныхъ личностей могли клонить, куда имъ угодно, цѣлый народъ? Дѣло въ томъ, что Брюховецкій поставленъ былъ въ необходимость поступить такимъ образомъ: ему трудно было удержать казаковъ; онъ раздражилъ ихъ черезчуръ, потакая Москвѣ; казаки негодовали на гетмана за то, что онъ лишаетъ ихъ старинныхъ льготъ, дѣлаетъ большіе поборы, запрещаетъ свободную выкурку вина и проч. Измѣнилъ-ли бы, или нѣтъ Брюховецкій, — его ожидалъ оный конецъ.

Казаки всегда готовы были состоять подъ покровительствомъ Россіи, и Дорошенко постоянно испрашивался на подданство; но дѣло въ томъ, что они недовольны были излишнимъ вышательствомъ въ ихъ дѣла, старались отстоять свои права и вольности, которыя подтверждены при Богданѣ Хмельницкомъ. Они подозрѣвали, что Москва сравняетъ ихъ съ другими подданными и уничтожитъ ихъ самостоятельность; Меѳодій писалъ Брюховецкому: «ради Бога не оплошайся. Какъ вижу, дѣло идетъ не о ремешкѣ, а о цѣлой кожѣ нашей» (стр. 24). А тутъ какъ на зло восводы московскіе, разосланные по Украинѣ, стремились подчинить казаковъ и самоуправствовали, нарушая коренные ихъ юридическіе обычаи. Началась переписка и «переписчики ѣздили по селамъ пьяные и брали деньги по шагу и по два съ человѣка и пошито оброка государева, — писали казаковъ въ мужики, не разспрося подлинно.» Все это раздражало казаковъ; они убили стольника Ладыженскаго, вѣхавшаго въ

Крымъ, и рѣшились соединиться съ Дорошенкою, чтобы «выгонять московскихъ ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ, не давая московскому царю никакихъ поборовъ съ отцевъ своихъ и родичей». Можетъ быть и Брюховецкій сознался въ своей оплошности; онъ говорилъ: «не съ нашего единого, но съ общаго всей старшины совѣта учинилось, что мы отъ руки и пріязни московской отлучились по важнымъ причинамъ». Да притомъ Брюховецкій не первый началъ измѣну, а казаки; вѣдь кошевой Васютенко писалъ Брюховецкому съ голоса казаковъ такія строки: «никто въ цѣлости нашего народа не забывается; за грѣхи наши и тотъ, кто прежде намъ хлѣбъ давалъ, теперь камень дать замыслилъ... Царское величество тѣшитъ насъ листами бумажными, какъ дѣтей яблоками... За что бѣдныхъ людей, войною разоренныхъ, такъ стѣсняютъ? Не одинъ лицо свое кровавыми слезами омываетъ. Не хочетъ государь насъ, птенцовъ своихъ, подъ крылами держать: такъ милосердіе Божіе избавитъ насъ отъ такого ига горькаго, которое прежде было сахарно... Знаю, что и стольникъ (Ладыженскій) безъ вѣдома нашего смерть принялъ за то, что въ городахъ великія обиды отъ нихъ люди терпятъ. Изволь царскому величеству донести, чтобъ запретилъ своимъ ратнымъ людямъ чинить въ городахъ всякіе вымыслы, пусть живутъ по прежнему, а если не перестанутъ, то чтобы большой огонь не всталъ, потому что доколѣ живы, будемъ остерегать, чтобы наши права и вольности не умалились» (стр. 10—11).

Самъ царь согласенъ былъ, что московскіе воеводы дико поступаютъ съ казаками (29); а г. Соловьевъ обвиняетъ во всемъ послѣднихъ, какъ неразумныхъ и нестойкихъ, особенно за то, что между ними пущена была молва, будто царь московскій съ поляками вмѣстѣ хочетъ уничтожить Малороссію и проч. У страха глаза велики, есть пословица; и авторъ назидательно заключаетъ: «такую страшную порчу произвели политическія смуты; шатость въ этихъ несчастныхъ людяхъ, заставила потерять уваженіе къ самимъ себѣ, къ своимъ словамъ!»

Покончивъ съ Брюховецкимъ, Дорошенко выбралъ на его мѣсто гетманомъ Демьяна Многогрѣшнаго, который, видя невозможность бороться противъ государевыхъ войскъ, вступилъ въ подданство Москвы. Хотя онъ предъявлялъ условія, чтобы выведены были изъ Малороссіи царскія войска и воеводы, но дѣла остались въ прежнемъ порядкѣ. Раздвоеніе между казаками и,

прочимъ народонаселеніемъ, между высшимъ духовенствомъ и низшимъ, давало возможность Москвѣ не согластись на требованіе Многогрѣшнаго. Мѣщане и крестьяне жаловались Москвѣ на насиліе казаконъ; первымъ поддерживало низшее духовенство, и казаконъ, — архіерей и власти духовныя.

Когда Многогрѣшный говорилъ, что онъ не какъ Иванъ Брюховецкій, подобно Іудѣ, не измѣнитъ, а общается умереть за государя, въ это время случилась съ нимъ страшная исторія. По жалобѣ Брянскаго протопопа, византійскій патріархъ Меѳодій прислалъ проклетіе на Многогрѣшнаго: «если Демко Игнатенко не захочетъ отдать протопопу (пограбленнаго хлѣба, коней, свиней и пр.), то да будетъ отлученъ отъ Бога, проклятъ и не прощенъ, мертвый да не разсыллется никогда, до урѣченнаго суда, камни, дрова, желѣзо да истлѣютъ и разсылаются а земля разсыдется, онъ же никогда. И воокрѣтъ его земля, яко Давана и Авирона; грова Боніамъ сверку главы его; нивіеіе его а труды да будутъ прокляты и да не узрять счастья никогда; нивіеіе его вѣтрамъ да войдетъ, навосладохъ же и самъ да обратится ни во что и проч.» Но по ходатайству Мосовскаго царя, патріархъ снялъ проклетіе съ гетмана.

Съ Многогрѣшнымъ случилось тоже, что съ Брюховецкимъ; онъ измѣнилъ государю. Въ 1671 г. онъ говорилъ: «Ожидалъ я къ себѣ Царскаго Величества милости болше прежняго, а Ц. В. изволилъ насъ въ неволю отдать: нашихъ купцовъ польскіе люди грабятъ и въ тюрьмахъ держатъ, околю Кіева разорають, а Государь ничего ниъ не одѣлаеть, насъ не обороняеть.» И потомъ сталъ вноситься съ Дорошенкомъ и хотѣлъ выѣхати соединить Малороссію и освободиться отъ вліанія Москвы. Но скоро приверженцы Государя азъ казаконъ захватили Многогрѣшнаго съ его семействомъ и отпранили въ Москву. Тамъ гетмана судили, допрашивалъ съ пытки и рѣшилъ казнить смертью. Когда его съ братомъ Васильемъ положили на плаку, гоненецъ объявилъ милость Государеву, что В. Государь пожеловалъ Демку и Ваську, по уарошенію дѣтей своихъ, упасати съ слати въ дальніе сибирскіе города съ семействомъ.

Вообще Москва хлопотала перехватить изъ Малороссіи опасныхъ и враждебныхъ для себя людей. Епископа Меѳодія, который возбуждалъ возстанія въ казкахъ противъ государя, схватили и повезли въ Москву, такъ, чтобы не узналъ народъ, и свѣтовали люди знающіе, не возитъ его чрезъ Молдавію;

станѣ мужики своевольные, взбунтуются и епископа отобьютъ.» Такъ было еще при началѣ гетманства Многогрѣшнаго; а теперь, когда на мѣсто его казаки издумали избрать знаменитаго запорожца Стѣрка въ гетманы, его тоже отправили подъ карауломъ въ Москву, «а оттуда подалее въ Сибирь.» Выбранъ былъ Илацъ Самойловичъ, сынъ священника, человекъ самолюбивый, который постоянно дрожалъ при вѣсти, что Дорошенко ищетъ подчищенія Москвѣ, боясь, чтобы его не сдѣлали гетманомъ обѣихъ сторонъ Украйны. Дорошенко дѣйствительно домогался соединенія Малороссіи: «Никогда я этого не уступлю, говорилъ онъ; при двухъ гетманахъ мы никогда ничего добраго не сдѣлаемъ; примѣръ Польши и Литвы... Не хвалюсь; но пусть панъ Самойловичъ такой будетъ, какъ я. Казакъ-ли онъ отъ правдъ и дѣловъ! Знаеть-ли онъ Запорожье, рѣчки, проливы морскіе, рѣки, самое море?... Если онъ на себѣ покажетъ, что знаетъ все и можетъ что доброе начать, то я ему уступлю и низко поклонюсь, что съ меня эту тягость сниметь. .. Не обо мнѣ дѣло: у меня нѣтъ дѣтей; наберу тысячу, другую, третью пѣхоты, пойду въ поле и тамъ проживу. Дѣло идетъ обо всѣхъ людяхъ, которые отъ моего поступка могутъ погибнуть. Если Царское Величество будетъ слушаться Самойловича, то добра не видать. Такихъ найдется не мало, которые, сидя въ покоѣ, господствуютъ, о добрѣ общемъ христіанскомъ не стоятъ» (стр. 153 — 4). Самойловичъ боялся и Дорошенко и друзей Многогрѣшнаго и наговаривалъ и на тѣхъ и на другихъ.

Казаки по прежнему были недовольны московскими порядками и Самойловичемъ, что «гетманъ выбранъ не по вольностямъ правящихъ войсковымъ,—подъ бердышами и мушкетами; дѣти его забраны въ неволю въ аманаты»; что онъ долженъ отсылать виновныхъ казаковъ въ московскую неволю; что гетманъ дѣлаеть тягостные поборы, и службы не выносимы для казаковъ; что воеводы и стрѣльцы берутъ подводы многія, которыхъ на половину распропадаетъ; провожатыхъ бьютъ, за хохлы таскаютъ и ругаютъ скверными словами; разоряютъ дворы бѣдныхъ людей, травятъ сѣно: «такой налогъ бѣднымъ людямъ еще не бывало.... Неужели это христіане къ христіанамъ пришли на защиту? И татары тоже бы сдѣлали». Такъ говорилъ полковникъ Седоциня.

Въ Запорожьѣ въ 1672 г. осенью происходила слѣдующая замѣтная исторія. Тамъ явился пророкъ Вдовиченко, сказался харь-

ковскимъ жителемъ и запорожцы признали его святѣйшѣ мужемъ, говорили, что ему Богъ велѣлъ съ запорожскимъ войскомъ Крымъ разорить, но «Ромадановскій до этого добраго дѣла его не допустилъ и мучилъ; только его эти муки не берутъ, писано, что сынъ вдовицы всѣ земли усмирить». Вдовиченко велѣлъ всѣмъ проповѣдывать, что онъ возьметъ въ Крыму пять городовъ, подъ которые онъ будетъ приходить невидимо, стѣны сами распадутся, ворота сами отворятся и прославится онъ. Вдовиченко, по всей землѣ, а напередъ нужно взять Перекопъ и наполнить пожитками войско. Многіе побросали дома и хлѣбъ въ поляхъ, пришли въ Запорожье и возбуждали войско идти подъ Перекопъ и хотѣли убить кошеваго Евсевія Шамола, который посоветывалъ было дожидаться царскихъ пушекъ. Собрали раду, выбрали на мѣсто его Вдовиченко, и спрашивали, сколько взять пушекъ. «Мнѣ пушки не надобны, отвѣчалъ Вдовиченко: и безъ пушекъ будетъ добро; если вамъ пушки понадобятся, тогда, который городъ бусурманскій будетъ поближе и богатъ, въ томъ и пушки возьмете». Но знающіе люди все-таки взяли двѣ пушки; войско пошло около девяти тысячъ; Вдовиченко велъ ихъ безъ отдыха, отчего у многихъ лошади попадали. Пророчества атамана не сбьлись, разумѣется: церкопскіе жители начали стрѣлять, бить и топить казаковъ; самъ пророкъ сталъ прятаться отъ стрѣльбы; войско отступило отъ Перекопа; дорогой отняли у Вдовиченка булаву и бунчукъ и хотѣли убить его, но онъ скрылся. Однако, пророкъ не унылъ, онъ снова началъ свою проповѣдь въ Барышевкѣ, гдѣ его схватили, отослали къ гетману, а гетманъ преіпроводилъ къ Ромадановскому.

По случаю войны съ турками, малороссы просили отпустить къ нимъ знаменитаго вождя Стрка; Царь приказалъ доставить его изъ Сибири на Украину. Когда, въ началѣ зимы 1673 г., Стрко приближался къ Запорожью, здѣсь старшій товарищъ Разица, Иванъ Мюско, приготовилъ для него сюрпризъ. Онъ привезъ съ собою въ Запорожье молодаго человѣка лѣтъ 15, тонкаго, смугловатаго, молчаливаго, котораго выдавалъ за Симеона, сына Алексѣя Михайловича, и говорилъ, будто «у этого царевича на правомъ плечѣ и на рукѣ есть знамя, видѣніе царскаго вѣща».

Стрко посадилъ рядомъ съ собою его и сталъ разспрашивать: «Сказки. Бога боюсь, ты очень молодъ, сказки истинную правду, слылъ-ли ты Алексѣя Михайловича?» Молодой человѣкъ всталъ,

сидя въ шапку и говорилъ, какъ бы плача: «Не надѣялся я, что ты меня бояться будешь; Богъ мнѣ свидѣтель правдивый, что сынъ я вашего государя». Сѣрко и всѣ казаки сняли шапки, поклонились до земли и начали подчинять его питьемъ. Тутъ самозванецъ говорилъ, что сталъ бы писать грамотку батюшкѣ, но боится, чтобы грамотка его не попала въ руки боярамъ. Онъ пустилъ слухъ между казаками, будто когда онъ былъ у своего дѣда П. Д. Милославскаго и поитѣшалъ его разговоромъ съ нѣмецкимъ посломъ, то дѣдъ невѣжливо отвелъ его рукою. Возвратившись отъ него, онъ говорилъ матери: —еслибы мнѣ удалось побывать на царствѣ хоть дни три, я бы всѣхъ бояръ перевелъ и прежде всѣхъ Милославскаго. Царица кинула въ него пожесть, который попалъ въ ногу, и онъ, царевичъ, отъ того зажемогъ; потомъ велѣла оравить его стряпчему Михаилу Савастьянову; но стряпчій, вмѣсто него, окормилъ пѣвчаго, а его отправилъ къ архангельской пристани. Тамъ царевичъ скитался долго, пришелъ на Донъ, былъ у Разина кашеваромъ и назывался Матюшкой; посылалъ письмо къ отцу, но бояре перехватили. Такъ царевичъ говорилъ и на исповѣди подъ клятвою. А Мюско все подтверждалъ, что у царевича есть знаки видѣніемъ царскаго вѣнца. Московское правительство послало какъ-нибудь схватить самозванца; но Самойловичъ говорилъ: «думаю, что Сѣрко не будетъ мнѣ противенъ; боюсь одного, что на Запорожьѣ никого не выдаютъ, говорятъ, что они войско вольное, кто хочетъ, приходитъ по волѣ и отходитъ также». Запорожцы получили письмо отъ Самойловича о самозванцѣ и смѣялись, «про гетмана и бояръ говорили всякія непристойныя и грубыя слова, самозванца называли царевичемъ».

Пріѣхали въ Запорожье московскіе послы, Чадуевъ и Щеголовъ, и стали называть самозванца плутомъ, обманщикомъ, богоотступникомъ, ученикомъ Стеньки Разина. Толпа казаковъ съ самозванцемъ пришли въ квартиру пословъ и стали вызывать ихъ къ царевичу; на ругательство Чадуева самозванецъ вынулъ саблю и хотѣлъ убить его; тотъ хотѣлъ убить его изъ пищади, но писарь схватилъ его поперекъ, утащилъ за бочку и ушелъ съ нимъ въ городъ. Собралась рада, привели московскихъ пословъ, отобравъ у нихъ ножи; прочитали царскую грамоту о выдачѣ самозванца. Сѣрко началъ говорить запорожцамъ, что прежде того не бывало въ войскѣ — выдавать добрыхъ молодцовъ. Ему отвѣчали: — не выдадимъ и этого молодчика. Сѣрко

продолжалъ : «Братя моя иная ! какъ одного его выдадутъ, тогда всѣхъ насъ Москва по одному разволочеть; а онъ не верь, и не плуть, а прямой царевичъ...» Согласились писать къ Дорошенку, чтобъ онъ не выдавалъ клеймоты Ромадновскому: кака-де правда это? — Но имъ настаивали выдать самозванца; Сѣрко, 17 марта, послалъ священника, да 11 куренныхъ атамановъ осмотрѣть царевича: они нащипали только восемь бѣлыхъ пятенъ на груди, точно пальцомъ ткнуты, на правомъ плечѣ точно лишай—широко и бѣло. Самозванецъ имъ говорилъ, что про эти пятна знаетъ царица, да мама Марья. После осмотра слышѣ всѣ увѣрились и рѣшили отравить послать къ царю, чтобъ подлинно узнать о царевичѣ; съ послами самозванецъ отправилъ письмо, которое начиналось такъ: «Бю челомъ я, сынъ твой, благочестивый царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ, который похвалился было при вашемъ царскомъ пресвѣтломъ величествѣ батюшкѣ моемъ на думныхъ бояръ и за то меня хотѣли умерить, и не умерили» и т. д. Царь послалъ нагоняй Сѣркѣ и увѣрялъ казаковъ, что сынъ его Симеонъ скончался 18 июня 1669 г.; между прочимъ написалъ : «самозванца и Мюска прислать къ намъ скованныхъ за самымъ крѣпкимъ карауломъ, а пока не приплете, посланцы ваши будутъ оставаться въ Москвѣ». Сѣрко выдалъ самозванца. Въ Москвѣ, 17 сентября, приказали руки шее ему къ толчѣ, на которой вози Разина, и повезли въ земскій приказъ для розыска. Сначала самозванецъ показавъ, что онъ польской породы изъ князей Вышневецкихъ, будто нѣины продали его купцу Глуховскому, а тотъ перепродалъ Литвину и потомъ онъ бѣжалъ на Донъ, оттуда хотѣлъ пробраться въ Польшу; но Мюско принудилъ его назваться царевичемъ и въ случаѣ несогласія, грозилъ застрѣлить. Потомъ въ застѣжкѣ съ дыбы объяснилъ, что онъ мужичий сынъ подданный Вышневецкаго; отца его звали Иваномъ Андреевичемъ Воробьевичемъ, а ему имя Семень; воровству его научилъ Мюско Хохлатъ. «Хотѣли мы собрать войско и, призвавъ крымскую орду, идти на московское государство и побить бояръ». Съ огнемъ самозванецъ повторилъ тѣ же рѣчи, и казнили его въ тотъ же день, «сказъ «Стеньку Разина, и на колья разбили и поставили на болотѣ съ Стенькой. За вѣрность Сѣрку государь пожаловалъ, послалъ да сорока соболей по 50 р. сорокъ, да двѣ пары по 7 р.»

Разсказывая исторію самозванства, г. Соловьевъ не разъясняетъ намъ этого страннаго явленія, не показываетъ основанія,

наное было во взглядѣ русскаго человѣка на царя; а просто на-просто видѣть въ немъ какое-то безмысленное безобразіе на стройномъ организмѣ государственномъ. Подобный же, кажется, взглядъ пробивается у автора сквозь длинные рассказы о Дорошенкѣ и его желаніи поддаться Москвѣ и встѣлъ за тѣмъ объ отказахъ. Дорошенко не спѣшилъ подданствомъ потому, чтобы отстоять коренныя вольности и самостоятельныя права казаковъ; ему горько было, что люди недобросовѣстные готовы продать свою родину. Дорошенко зналъ, что «ратные люди сѣвскаго и бѣлгородскаго полковъ на службѣ сдѣлались наги и голодны, лошадыи онази и многіе отъ великой нужды разбѣжались и бѣгутъ безврестанно». Гетману извѣстно было, что воевода Волконскій не покупаетъ хлѣба стрѣльцамъ въ Украинѣ, не даетъ имъ денегъ и они мрутъ и бѣгутъ; онъ зналъ, что этотъ воевода «дуростью своею вступался въ права и вольности казаковъ, забывъ царскій указъ», что сыновей Самойловича не пустили изъ Москвы, не смотря на просьбу отца и шоч. Все это, конечно, заставляло задуматься о судьбѣ Украины стараго гетмана. Наконецъ, въ 1676 году Дорошенко просилъ окончательно принять его въ подданство Россіи.

Кзаки такъ любили свои права, что одна тѣнь зависимости отъ ихъ покровителей, малѣйшее нарушеніе старыхъ вольностей выводили ихъ изъ себя и заставляли бунтовать. Когда было царское распоряженіе, не нравившееся казакамъ, они не вѣрили ему и считали, что это сочинили бояре; если же они замѣчали признаки самовластной распорядительности. — въ такомъ случаѣ осыпали насмѣшками и ругательствами Москву, распускали злые и обидные слухи о тамошнихъ порядкахъ и возмывались, не слушая никакихъ убѣжденій.

Въ 1675 г. дано было распоряженіе донскимъ казакамъ про-повать на взморьѣ срикъ и поставить три городка, чтобы сидѣть тамъ казакамъ за государско жалованье. Хованскій воевода переговорилъ съ атаманомъ Корынломъ Яковлевымъ, который свалъ увѣщевать казаковъ строить городки по указу и въ сердцахъ зашибъ человѣкъ двухъ палкой; но они его прибили и хотѣли убить одного старшину, — тотъ, отмахиваясь ножомъ, скрылся у Хованскаго. Атамана тотчасъ схватили. Пришла другая царская грамота о городкахъ; казаки выслушали ее и начали ругать Хованскаго, что грамота прислана по его письму, и отказались идти на срикъ. Царь требовалъ выдачи извѣстнаго

вора Сеньки Буянка; Корпиль Яковлевъ совѣтовалъ выслать. Но казаки закричали: «Повадился ты насъ къ Москвѣ возить, будто азовскихъ ясырей; будетъ съ тебя и той удачи, что Разина отвезъ; если Буянка отдать, то и по достальнаго казака присылки изъ Москвы ждуть будетъ!» Сталь-было наставать Родіонъ Калужанинъ, а Фролъ Миняевъ ему поддакивать; на обѣихъ поднялись крики: «Вы этимъ выслуживаетесь, берете ковши да соболи, а Донъ разоряете; тебя, Фрола, растакую м..., на руку посадишь, а другою раздавишь!» Хованскому доносили, что казаки собираются по избамъ и толкуютъ, чтобъ побить московскихъ стрѣльцовъ, а городовымъ дать волю; они пустили молву по всѣмъ городамъ, что въ Москву стрѣльцамъ и идти не зачѣмъ: бояринъ Матвѣекъ за одного своего человѣка два приказа стрѣльцовъ велѣлъ порубить».

Точно такимъ же порядкомъ г. авторъ описываетъ волненія сибирскихъ инородцевъ, какъ они сталкиваются съ могущественною Москвою, «какъ сначала они хотять удержать свою независимость, право движенія и *лицьмичества*, но скоро, волею-неволею, должны подчиниться Москвѣ, войти къ ней въ служебныя отношенія, изъ дикихъ половцевъ сдѣлаться черными клубуками». Г. Соловьевъ просто на-просто считаетъ инородцевъ, отстаивающихъ свою независимость, хищниками и разбойниками, не касаясь причинъ этихъ разбоевъ (стр. 304).

О дѣлахъ Малороссіи и о бунтахъ инородцевъ сибирскихъ написано еще туда-сюда: здѣсь интересный предметъ спасаетъ автора и заставляетъ читателя не замѣчать тяжелого, сухого изложенія, длинноты мѣстъ, переведенныхъ изъ актовъ. Но о войнахъ и сношеніяхъ дипломатическихъ можно читать только по обязанности; объ эти мелочные рассказы, сухіе и ненужные для исторіи, притушается упорное терпѣніе. И чего вы не встрѣтите здѣсь! Вотъ длинное повѣствованіе о томъ, какъ слушали посольство безъ шапокъ со всякимъ учтивствомъ, разспрашивали: какъ живутъ? Въ благоденствіи и добромъ здоровьи; а вы какъ? Да ничего — «въ путномъ шествіи поводилось во всемъ здорово и благополучно». Вотъ рассказы, сколько четвертей послу отпустили овса, сколько битыхъ возовъ сѣна; кто пролгался, кто сорвалъ сердце и изъ этого ровно ничего не вышло. Говоря о посольствахъ въ другія земли, г. Соловьевъ слѣдитъ только за тѣмъ, гдѣ отдали честь русскимъ посламъ, какой былъ своръ изъ-за титюла, какъ посолъ совершалъ церемоніи и что ему го-

ворши о русскомъ царѣ. Всего интереснѣе, какъ авторъ на десяти листахъ распространился о вѣстахъ и слухахъ, бродившихъ въ Польшѣ при посольствѣ Тяпкина. Въ то время изъ этихъ слуховъ дѣлали практическіе выводы; а что за дѣло до нихъ современному историку и какой онъ сдѣлаетъ выводъ? Ровно никакого! Мало-ли слуховъ, сплетней и всякихъ вздоровъ ходить по городу между частными лицами; отъ всего этого вѣдь ни тепло, ни холодно: зачѣмъ же ихъ тискать въ исторію! Да и Тяпкинь, передавая слухи, прибавляетъ о полякахъ: «Нѣтъ въ нихъ ничего постоянного, какъ вольные народы имѣютъ уста не затворенные, что хотятъ, то поютъ, одинъ такъ, другой иначе, и никому вѣрить нельзя; всѣ вертоглавы бѣсовскіе, всѣ красомовцы, всѣ мудры, всѣ крутятся ехиднымъ поползновеніемъ, не только головами, но и самыми душами; сами между собою перегрызлись и разбрелись врознь». Конечно, XII-й томъ исторіи Россіи много бы выигралъ, еслибы освободить его на половину отъ лишнихъ вставокъ, осмыслить факты и коснуться внутренней исторіи жизни народной.

Г. Соловьевъ имѣетъ въ виду одну формальную постановку народной жизни. Конечно, и за этимъ нужно слѣдить историку; но если въ тоже время не обращать никакого вниманія на жизненные потребности и стремленія, на мѣстные условія быта — значитъ дѣлать то же, что подбирать пункты закона и прилагать къ извѣстному обстоятельству, совершенно не зная его.

Совсѣмъ противоположное явленіе представляетъ нашъ молодой даровитый историкъ А. П. Шаповъ: онъ написалъ немного, но успѣлъ заслужить одно изъ самыхъ почтенныхъ мѣстъ между русскими литераторами. Въ его сочиненіяхъ жизнь на первомъ планѣ, и онъ на всѣхъ пунктахъ разбиваетъ теорію г. Соловьева, не вступая ни въ какую полемику. Вотъ его слова: «Съ эпохою утвержденія московской централизаціи, въ нашихъ исторіяхъ все общѣе и общѣе говорится о внутреннемъ бытѣ провинцій; но не раскрываются въ частности разнообразныя историко-этнографическія, экономическія, юридическія, вообще бытовыя особенности каждой отдѣльной области или группы однородныхъ территоріальныхъ округовъ, мѣстныхъ общинъ; не изображаются въ надлежащей мѣрѣ мѣстныя, политическія, моральныя и физико-географическія условія ихъ внутренняго развитія и быта. Мѣстное саморазвитіе, внутренняя жизнь областей оставляются въ сторонѣ, или ставятся на вто-

ромъ планѣ; а вмѣсто того, на первомъ планѣ рисуется политическая дѣятельность правительства, развитіе централизованнаго устройства и быта Россіи, біографіи царей и проч. Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ не свойственно, не приложимо подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго. Русская исторія, въ самой основѣ своей, есть по преимуществу исторія областей, провинціальныхъ массъ народа, историческое развитіе и видоизмѣненіе разнообразныхъ областныхъ общинъ (Отчет. Зап. 1861 г.). Слѣдовательно, идея областного быта навсиль убиваетъ пресловутое родовое начало древней Руси и попытку объяснить посредствомъ его историческія явленія. Г. Соловьевъ не придаетъ никакого значенія волнениямъ во время междоусобствъ, смотритъ на нихъ, какъ на буйное развитіе страстей; а г. Щаповъ видитъ смѣль въ этой «розни областей». По его понятію, въ безгосударное время областныя массы народныя проявили сильную политическую самостоятельность: «и было въ нихъ столько внутренняго моральнаго самообладанія и столько сознанія необходимости общественнаго порядка и устройства, что, въ страшную эпоху всеобщей розни, шатости и разоренія, они сами собою и въ самихъ себѣ нашли силы и средства взаимной, политической дѣятельности. Дѣло кончилось сборомъ всей земли подъ Москву, земскимъ соборомъ 1613 года, на которомъ былъ выбранъ царь всей землей *по волею: какова уложится была по совету всей земли.*»

Такъ начинается статья г. Щапова, недавно вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ «Земство и Расколъ.» Если мы сопоставимъ разсужденія г. Щапова съ мертвыми повѣствованіями г. Соловьева, выйдетъ удивительная разница и несостоятельность до нельзя окажутся историческія воззрѣнія стараго русскаго историка.

Г. Соловьевъ усиливается почему-то оправдать *знаменитое* царствованіе Алексѣя Михайловича, которое, разумеется, не издается ни въ какомъ оправданіи, а только въ вѣрномъ, точномъ и всестороннемъ изображеніи его. «Знаменитость была дорого куплена, гласитъ г. Соловьевъ. Алексѣй Михайловичъ получилъ отъ отца тяжкое наследство. Царствованіе Михаила Федоровича съ перваго взгляда является временемъ усиленія московскаго государства: отъ смуты внутреннихъ и войнъ вѣнскихъ. Но тишина была передъ бурей. Привычки, прибрѣтенныя имъ»

шши частями городского населенія въ смутное время, далеко не исчерпались въ царствованіе Михаила.» Г. Шаповъ говоритъ, что общины въ своихъ земскихъ челобитныхъ «сильно и неумолчно высказывали всё разнообразныя, областныя неустройства, разладицы свободы земства съ приказнымъ производомъ, свободы земскихъ *жизнотовъ* и *промысловъ* съ *запросами* и *прибылью государевой земли*, льготы съ тяглою, свободы торговли съ таможенными сборами и заставами и проч.»

Изобразивъ въ короткихъ чертахъ тяжелое состояніе народа при Михаилѣ Теодоровичѣ, г. Соловьевъ дѣлаетъ обзоръ царствованія Алексѣя Михайловича: «Неудовольствіе платящихъ сословій, высказывавшееся при царѣ Михаилѣ сильно, но законно, при холодомъ Алексѣѣ высказалось московскимъ бунтомъ 1648 года, когда получалась возможность обвинить въ народныхъ бѣдствіяхъ не царя, но боярина-правителя.» Потомъ высчитываются бунты, малороссійскія возстанія, польская и турецкая войны, и прибавлено: «Казна истощена въ конецъ, ратные люди бѣгутъ отъ голоду и холоду... Надобно удивляться, какъ бѣдное государство могло выдержать такой рядъ ударовъ. рядъ войнъ?...» (стр. 333 — 41). Выводъ отсюда г. авторъ дѣлаетъ самый простой, что всё эти посланныя испытанія разрушительно подѣйствовали на природу Алексѣя Михайловича. Но государство, въ смыслѣ г. Соловьева, прославилось и ничего не потеряло; оно усилилось и получило всё между европейскими государствами. Страдалъ народъ, разоренный поборами и нововводимыми мѣрами усиленія средствъ. Г. автору эти мѣры представляются и необходимыми, и весьма хорошими при тогдашнемъ положеніи государства; онъ только упоминаетъ, что эти мѣры были тяжелы; но не говоритъ, что онѣ могли бы быть другими и лучше и ближе къ дѣлу, хоть, напримеръ, по указаніямъ мѣстныхъ челобитныхъ, дававшихъ матеріалы для земскаго строенія. Г. Соловьевъ, кажется, въ восторгѣ отъ того, что народъ, истощенный при Алексѣѣ Михайловичѣ, дѣлалъ все по требованію и принужденію власти, надрывая свои силы. По крайней мѣрѣ, онъ такъ объясняетъ то, что московское государство скоро оправлялось послѣ пораженій: «Дело объяснялось сосредоточенностью власти, единствомъ, правильностью, непрерывностью въ распоряженіяхъ. Медлили, уклонялись отъ исполненія, не умѣли что-нибудь исполнить; но жалоба на эту медленность, уклоненіе и неумѣнье шла въ Мо-

скву, и отсюда повторялся указъ великаго государя *одлоучио* слѣлать *незмотчавъ*; отвѣчали, что негдѣ взять чего-нибудь, шель указъ искать тамъ и тамъ; опять медлили — шель указъ съ грузомъ опалы и жестокаго наказанья, и дѣло наконецъ дѣлалось.»

Все это правда. Но нельзя же не видѣть, чего стояли народу эти принудительныя распоряженія и дѣйствія. Послушаемъ, что говоритъ г. Щаповъ о царствованіи Алексѣя Михайловича; по его понятію, областныя земскія общины постоянно докучали царю въ своихъ многочисленныхъ челобитныхъ, протестовали противъ произвола, насилій и стѣсненій, представляли различные интересы и потребности мѣстной областной жизни, сообщали матеріалы для законодательства, подавали совѣты царю объ устройствѣ народнаго управленія. Общины «сильно вопіяли противъ приказныхъ царскихъ дьяковъ, разбогатѣвшихъ на счетъ посуловъ, взятокъ съ народа, построившихъ на счетъ жалованныхъ имъ земель и деревень *палаты каменные такія, что неудобъ сказаемыя*; вопіяли противъ лежащей домовою казны патріарховъ, митрополитовъ, архіереевъ и монастырей»; противъ разныхъ чиновъ и властей, требовали, чтобы сборы государственные были наложены на всѣхъ наравнѣ съ тяглымъ земствомъ. Вопіяли земскіе люди противъ обременительной подводской повинности, разныхъ приказныхъ и городовыхъ службъ, вредныхъ для развитія торговли и промысловъ, противъ тяжелыхъ податей и сборовъ, казенныхъ работъ, ратныхъ сборовъ. Вопіяли противъ безотчетнаго употребленія и расточенія на мѣстѣ народныхъ сборовъ и требовали мѣстнаго контроля надъ казною. Особенно вопіяли противъ воеводскаго управленія и вреднаго его виѣшательства въ дѣла торговли и разоренія отъ него земскихъ людей и конечнаго оскудѣнія. Отъ всѣхъ тяготей люди бросали свои дворишки и *брели врознь, дѣлались бѣглецы.*

«И дѣйствительно, говоритъ г. Щаповъ, нельзя было не вопіять земскимъ людямъ въ XVII-мъ вѣкѣ, особенно со второй половины этого столѣтія. Повсюду въ областяхъ введено было воеводское управленіе, вмѣсто прежняго выборнаго самоуправленія и самосуда. Вольнонародная колонизація и свободное самоуправленіе городскихъ и сельскихъ общинъ окончательно замѣнились приказно - правительственною, преимущественно военно - стратегическою колонизаціей, казеннымъ *городовымъ дѣломъ, узкимъ* устройствомъ городовъ, остро-

говъ и т. п. Равноправное, свободное экономическое саморазвитіе земства сильно подрывалось несправедливымъ, вопіющимъ раздѣленіемъ земства на тяглыя и льготныя общины: неравныя государственныя условія экономическаго состоянія общинъ и знатныхъ людей порождали вопіющее экономическое неравенство въ народѣ, порождали множество *золотельныхъ, обнищавшихъ, оскудѣвшихъ до конца* людей рядомъ съ *отяжелѣвшими* отъ богатства привилегированными людьми. Экономическіе интересы земства поглощались интересами и прибылью государственной казны, да податями и сборами въ государеву казну...» Началось прикрѣпленіе къ мѣсту; крестьянамъ не позволяли торговать и имѣть оскѣдность въ городахъ; самовольно селившихся для промысла развозили въ деревни. Бояре и приказные люди, жили на счетъ народа, старались подавить земство; знатные дѣлались временщиками. Земскіе люди говорили: «Царь молодой смотритъ все изо рта бояръ Морозова и Милославскаго.» Земское строеніе не ладилось, или было не въ духѣ земства. Произошло даже раздѣленіе между *земскимъ* и *государевымъ* дѣломъ, раздѣленіе офиціальное, высказанное самимъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Конечно, «правильность, единство и непрерывность въ распоряженіяхъ», восхищающія г. Соловьева, суть свойства управленія сами по себѣ отличныя, но только не въ разладѣ съ народными стремленіями и коренными требованіями; а въ старые годы это не совсѣмъ ладилось. Г. Соловьевъ восхищается уложеніемъ 1649 г., которое, по его мнѣнію, прибавило долю знаменитости царствованію; а г. Щаповъ находитъ его не совсѣмъ сообразнымъ съ требованіями тогдашняго времени, приводитъ фактъ, что протестовавшихъ противъ этого законодательнаго кодекса сослали въ ссылку въ числѣ 160 человекъ и соглашается съ словами графа Завадовскаго, что «въ уложеніи написаны были законы не для свободныхъ гражданъ, а для рабовъ.»

По мнѣнію г. Соловьева общество было во всемъ виновато, потому что оно было не просвѣщено западомъ и не понимало благихъ цѣлей правительства, которое при недостаткѣ наличныхъ средствъ начинало стремиться сблизиться съ западомъ. Эта мѣра, по представленію г. автора, самая отличная; онъ винитъ русскихъ купцовъ въ томъ, что они не понимали всей выгоды иностранной торговли; винитъ общество, презрительно относившееся къ иностранцамъ. Но челобитныя русскихъ торговцевъ ясно говорятъ, что мно-

странцы вели свои дѣлшки не совсѣмъ чисто, при помощи своихъ патронъ-вельможъ въ родѣ Траханиотова и Плещеева. Объ иностранномъ вліаніи, вотъ что говоритъ г. Щаповъ: «Учиженіе чиновъ и судовъ и обычаевъ иночинныхъ нѣмецкихъ сильно возмущало земскихъ людей. Они не были врагами собственно иностранцевъ, европейцевъ... Но русскіе земскіе люди возмущались этимъ *нѣмецкимъ учиненіемъ* русскаго *земскаго строенья*, не *сочинявшася отвлеченно*, а создававшася жизнью всего народа, цѣлаго земства, своеобразно развивавшася изъ духа народнаго».

Г. Соловьевъ какъ-то дико смотритъ на явленія самозванцевъ, бунтовщиковъ, бѣглыхъ всякаго рода, которыхъ такъ много было въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Г. авторъ смотритъ на эти явленія, какъ на случайности, на болѣзненные наросты стройнаго организма государственнаго, какъ на уродливый разгулъ страстей и пьянства. Не таково мнѣніе о нихъ г. Щапова; какъ историкъ, привыкшій видѣть во всякомъ фактѣ жизненный смыслъ, докапывающійся до глубины народнаго духа, онъ смотритъ на безпорядки царствованія Алексѣя Михайловича, какъ на необходимое слѣдствіе тогдашняго положенія народнаго земледѣльческаго строенія. «Вслѣдствіе разъединенія, раздѣленія *государева* и *земскаго* дѣла, вслѣдствіе нестройности, неладности земскаго устроенья, въ земствѣ произошелъ разладъ и расколъ. Начались народныя движенія, бунты, знаменовавшіе царствованіе Алексѣя Михайловича и почти всю вторую половину XVII столѣтія. Весьма многіе земскіе люди съ этого времени часто «государеву указу и повелѣнію учинились упротивны, и, преступя его крестное государево цѣлованье, про него в. г. износили непристойныя рѣчи, чего и помыслить страшно, и его государевъ указъ ни въ чемъ не слушали»... Вабунтовались сначала въ Москвѣ земскіе люди всею землею;» потомъ во многихъ городахъ. На Дону и на Волгѣ собирались народныя борцы, недовольные порядками царствованія. Собирались эти обнищавшіе бѣглецы, протестовавшіе въ челобитныхъ противъ льготы однихъ богачей. «Собрались все эти *голтуевныя* люди на Донскую Украину, выбрали атаманомъ Стеньку Разина, и пошли съ этимъ могучимъ предводителемъ вверхъ по Волгѣ, противъ Москвы».

Г. Соловьевъ не придаетъ большаго значенія расколу, видя въ соловецкихъ бунтовщикахъ людей несмысленныхъ и въ ра-

солоучителяхъ глуныхъ «самитиковъ», борющихся изъ-за мелочей обрядовыхъ и мертвой буквы. Г. Шаповъ и это явленіе выводитъ изъ прежнихъ событій русской исторіи и рассматриваетъ «расколъ и земство» въ тѣсной связи. Расколъ стремился возвысить личность мужика, развить свободу жизни и дѣятельности, свободу труда и перехода, свободу брака и равенство мужчины и женщины. Раскольники основали свои общины въ соотвѣтственномъ порядкѣ старинной русской жизни и имѣли выборныхъ, у которыхъ судились и которые управляли ими.

Мы видѣли, какъ трактуетъ г. Соловьевъ объ инородцахъ, не давая имъ никакихъ самостоятельныхъ правъ и называя стремленія къ приобрѣтенію ихъ разбойническими продѣлками. Теперь посмотримъ, какъ рассматриваетъ тотъ же предметъ г. Шаповъ, который и въ жизни своей знакомъ былъ близко съ инородцами Сибири. Вотъ что онъ пишетъ на этотъ счетъ: «Главной причиной возмущенія инородческихъ племенъ, кромѣ памяти о насильственномъ присоединеніи къ московскому государству, была тягость московскаго владычества. Правительство московское насильно переводило татаръ и ихъ мурузъ на новыя поселенія, въ центральныя и сѣверныя области, обращало татаръ и черемисъ въ служилыхъ людей — въ *вожсей*, пушкарей, затинщиковъ и т. п., неудовлетворительно испомѣщало ихъ на службу, отбирало татарскія, черемисскія и чувашскія земли, поселяло тамъ русскихъ воеводъ, стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ, обременяло инородцевъ налогами, оброками и повинностями. Потомъ царскіе воеводы, русскіе городовые служилые люди и русскіе вотчинники съ инородцами обращались большею частію безчеловѣчно; наконецъ, духовенство насильно обращало ихъ въ свою православную вѣру. Все это вооружало татаръ и черемисъ противъ московскаго правительства, противъ русскихъ пришельцевъ колонистовъ и противъ сосѣднихъ великорусскихъ областей.» Этотъ антагонизмъ къ русскому господству отозвался въ бунтѣ Стеньки Разина, въ бунтахъ башкирскихъ и въ движеніяхъ пугачевщины (Отч. Зап. 1861 года № 11, стр. 88).

Г. Соловьевъ съ особенною любовью останавливается на лицахъ, приближенныхъ къ царю, которые держали себя по образцу иностранному, убирали свои помѣстья по европейски и тѣшились представленіями театральными. Важное приобрѣтеніе для русской жизни! Эти господа своею любовью

къ иноземцамъ, предпочтеніемъ своихъ земляковъ иностранцамъ много повредили русскому народу. Не знаемъ мы также, какую жизнь сообщили русской церкви сношенія съ Греціею; а г. Соловьевъ говоритъ, что мы видѣли это (въ XI томѣ его Исторіи). Пріѣзжающіе патріархи съ востока ровно ничего не сдѣлали для движенія русской жизни: и безъ нихъ была жизнь, когда загорѣлись религіозные споры и волненія. Вѣдь раскольниковъ отлучили отъ церкви и безъ патріарховъ, которые подтвердили только приговоръ русскихъ іерарховъ. Было слѣдствіе надъ греческимъ архимандритомъ по поводу фабрикаціи и продажи мощей и другихъ священныхъ предметовъ, какъ рассказываетъ г. Соловьевъ.

Конечно, во всемъ этомъ была своего рода жизнь. Но такая жизнь существовала даже со временъ Грознаго. Паисій Ангарида и теперь, по словамъ г. автора, тѣшилъ русскихъ пророчествами и предсказывалъ, «что бѣлокурый народъ овладѣетъ Константинополемъ», вымаливалъ у царя жалованье и подарки, и подслуживался шпионствомъ. О Паисіѣ патріархъ іерусалимскій написалъ царю, что онъ лютый волкъ, съ православными православенъ, а латины называютъ его своимъ. Изъ Москвы послали къ Нектарію іерусалимскому посла съ просьбой простить Ангарида, и тотъ написалъ на грамотѣ: «Если бы не было святаго ходатайства царева, то узналъ бы ты, кто мертвдушенъ и бѣденъ, тотъ-ли, кто 15 лѣтъ оставилъ паству безъ пастыря, или тотъ кто полагаетъ душу свою за овцы? Исполнилась на тебѣ басня Езопова: козелъ бранилъ волка съ высокаго мѣста; ты самъ по себѣ не великъ и глупъ, безчеловѣченъ и безстыденъ, только мѣсто, гдѣ пребываешь — дворъ царскій; уплomuдись хоть теперь» (стр. 261).

Слѣдовательно, г. Соловьевъ невольно подтверждаетъ идеи г. Шапова; по словамъ одного раскольникяго сочиненія, про грековъ въ половинѣ XVII вѣка даже простой народъ съ насмѣшкою говорилъ, что имъ-де нужно учиться у русскихъ, а не учить русскихъ.

Но не будемъ далѣе проводить невыгодное сравненіе для г. Соловьева между его схоластическими пунктами исторически и живымъ изслѣдованіемъ г. Шапова. Достаточно и этихъ немногихъ сопоставленій, чтобъ замѣтить всю громадную разницу двухъ историковъ, чтобъ посоветывать г. Соловьеву вѣсто громкаго названія: «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ»

озаглавить приличнѣе: «Матеріалы для Русской Исторіи». Тогда было бы безобиднѣе, хотя и Матеріалы эти на половину были бы лишніе.

Забавнѣе всего то, что г. Соловьевъ держится ни на чемъ неоснованнаго дѣленія Россіи на старую и новую, по Устряловскому методу. Вотъ онъ какъ оканчиваетъ свой XII-й томъ: «Здѣсь мы оканчиваемъ Исторію Древней Россіи. Дѣятельность обонхъ сыновей Алексѣя Михайловича, Федора и Петра (обонхъ!) принадлежитъ къ новой исторіи; но прежде нежели приступимъ къ изображенію этой дѣятельности, мы должны изложить состояніе Россіи, въ какомъ оставилъ ее царь Алексѣй. Этимъ изложеніемъ начнемъ слѣдующій томъ».

III. Вѣтъвѣдній.

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ.

(Ожиданіе).

Порядокъ нашихъ замѣчаній на «Основныя положенія», усвоенный нами въ предыдущей статьѣ нашей, опредѣлялся порядкомъ статей или пунктовъ самихъ «Основныхъ положеній». Этотъ способъ разбора намъ показался гораздо практичнѣе, чѣмъ, на примѣръ, разборъ по принципамъ, на которыхъ созданы «Основныя положенія.» Для этого намъ было бы нужно сперва выставить эти принципы и потомъ указать на сдѣланныя отъ нихъ отклоненія, которыми, такимъ образомъ, при обработкѣ частныхъ проектовъ новаго судоустройства, сами собой просились бы на поправку и на приведеніе ихъ въ согласіе съ общими принципами. Но тогда многія подробности «Основныхъ положеній», требующія замѣчаній, должны были бы остаться обойденными—или потому, что, не смотря на ихъ практическія неудобства, они не заключаютъ въ себѣ противорѣчія общими принципамъ «Основныхъ положеній», или потому, что они даже выводятся не изъ этихъ принциповъ, а изъ другихъ практическихъ соображеній, совершенно, впрочемъ, основательныхъ. Мы продолжаемъ, поэтому, слѣдуя принятому нами порядку.

Пунктъ 7. (Ч. II).—*Засѣданія, кромѣ случаевъ, именно указанныхъ въ законѣ, происходятъ публично.*

Въ законѣ будутъ указаны случаи, которые, впрочемъ, въ общихъ чертахъ указаны уже и въ «Основныхъ положеніяхъ», когда судебныя засѣданія не могутъ или не должны быть публичными. Такого рода случаи предполагаются возможными какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ процессахъ. Но какой

способъ указаний будетъ употребленъ въ законѣ: доименный, или посредствомъ опредѣленій? Будутъ-ли исключительные случаи названы по имени, или они будутъ только характеризованы болѣе или менѣе широкими опредѣленіями? Мы ставимъ этотъ вопросъ потому, что отъ способа законодательныхъ указаний на исключительные случаи будетъ зависеть степень уклоненія нашихъ судовъ отъ принципа публичности. Если исключительные случаи называть по именамъ, то ихъ можно насчитать два-три, или много пять-шесть, а если ихъ обозначать общими опредѣленіями, то ихъ можетъ быть пятьсотъ и тысяча. Употребленное въ приведенномъ проектѣ закона слово *именно*, повидимому, показываетъ, что исключительные случаи будутъ обозначены въ законѣ со всею точностію, не допускающею никакой эластичности или казуистической растяжимости закона. Но этотъ проектъ закона дополняется или объясняется въ «Основныхъ положеніяхъ» еще другимъ, въ которомъ мы читаемъ слѣдующее: *«Если по особому свойству дѣла, публичность засѣданія при докладѣ тому дѣлу можетъ быть предосудительна для религіи, общественнаго порядка или нравственности, равно какъ и въ другихъ случаяхъ, установленныхъ закономъ, то состоящій при судебномъ мѣстѣ прокуроръ въ правѣ требовать, или же наложить или судъ могутъ, по собственному усмотрѣнію, постановить, чтобы засѣданіе было при закрытыхъ дверяхъ (п. 58 ч. III)»*. Громадныя рамки исключительныхъ случаевъ, не оставляющія почти никакого мѣста никакимъ другимъ случаямъ, право прокуроровъ требовать закрытыхъ засѣданій и власть судовъ—устроить такіа засѣданія по собственному усмотрѣнію равняются почти полному признанію со стороны законодателя, что исключительные случаи будутъ подведены подъ общія опредѣленія, а не будутъ опредѣлены счетомъ и названы по именамъ: это значить, что они никогда не будутъ опредѣляемы ничѣмъ другимъ, кромѣ усмотрѣнія судовъ и соображенія прокуроровъ; это значить, что публичность нашихъ будущихъ судовъ можетъ никогда не сдѣлаться публичной. Такіе судебные случаи, обсужденіе которыхъ въ публичныхъ засѣданіяхъ слѣдуетъ признавать неудобнымъ, совершенно возможны, это не можетъ подлежать никакому спору, и законодатель долженъ ихъ предвидѣть и подвести подъ исключеніе изъ общаго правила. Но если законъ будетъ обставлять подобные случаи такими берегами, какъ религія, общест-

венный порядокъ и нравственность, то онъ сдѣлаетъ изъ насъ безбрежное море, въ которомъ судьи могутъ, если захотятъ, утопить всякую публичность. Есть-ли какая-нибудь возможность совершить такое преступленіе, или сдѣлать такое нарушеніе гражданской честности, которыя бы не были «предосудительны» или для религіи, или для общественнаго порядка, или для нравственности? Разумѣется, нѣтъ: тутъ охватятъ весь человѣкъ со всѣми возможными для него поступками и даже мыслями. Общественному порядку, напримѣръ, противны и самая мелкая карманная кража и заговоръ Катилины. Ему, конечно, противно и все то, что находится въ громадномъ промежуткѣ между этими двумя крайностями. Такимъ образомъ, если законодатель, относительно исключительныхъ преступленій этого разряда, ограничится однимъ общимъ опредѣленіемъ, хотя бы *именно указаннымъ въ законѣ*, то онъ, очевидно, вмѣсто исключеній постановитъ общее правило, которое будетъ состоять въ томъ, что «въ дѣлахъ, предосудительныхъ для общественнаго порядка, засѣданія могутъ быть публичными или закрытыми, смотря по тому, какъ этого захотятъ судьи». Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно преступныхъ дѣлъ противъ религіи и противъ нравственности: они всѣ,—отъ одного полюса до другого, безъ всякаго различія степеней, — подходятъ подъ опредѣленіе предосудительныхъ», и слѣдственно, исключенія и здѣсь, какъ и въ первомъ разрядѣ дѣлъ, будутъ зависѣть отъ того же общаго правила,—отъ усмотрѣнія судей. Не говоря уже о томъ, что предоставленіе такихъ правъ судьямъ поведетъ за собою нарушеніе однообразія въ отправленіи правосудія, такъ какъ одни судьи могутъ рѣшать при закрытыхъ дверяхъ такія дѣла, которыя другими судьями могутъ быть рѣшаемы публично,—не говоря объ этомъ великомъ злѣ, могущемъ скандализировать общественную совѣсть и уронить самое правосудіе, — предоставленіе такихъ правъ судьямъ, кромѣ нарушенія публичности, противорѣчитъ еще другому, не менѣе коренному принципу «Основныхъ положеній»: раздѣленію власти. Если бы мы думали, что эти принципы допускаются въ нашей судебной реформѣ только на бумагѣ, для полюбовной сдѣлки съ общественнымъ мнѣніемъ, тогда мы говорили бы иначе; но мы на самой первой страницѣ настоящей статьи нашей высказали увѣренность, что они вводятся въ «Основныя положенія» искренно, и потому теперь говоримъ только, что они нарушены. Судьямъ предоставляется законодательная

власть, потому что право — подводить судебные случаи под исключеніе есть право—законодательной власти. Но понятно, что каждая частица этой власти, какъ скоро она не на своемъ мѣстѣ, можетъ выражаться только произволомъ. Тоже самое будетъ и съ судьями: они могутъ являться деспотами, по крайней-мѣрѣ въ томъ отношеніи, что одинъ и тотъ же судья, по совершенно однородному дѣлу, къ одному подсудимому можетъ явиться снисходительнѣе, подвергая его суду при закрытыхъ дверяхъ, а къ другому строже, осуждая его публично,—или наоборотъ. На-этого вредъ для правосудія мы указываемъ только въ томъ еще предположеніи, если бы судьи всегда дѣйствовали по ихъ собственной инициативѣ. Но они поставлены еще въ зависимость отъ требованій прокуроровъ: «Основныя положенія» допустили фразу, что *прокуроръ въ правѣ требовать, чтобы засѣданіе было при закрытыхъ дверяхъ*. Кто такой прокуроръ? агентъ правительства, или юстиціи? Если правительства, то онъ не смѣетъ требовать, потому что власть судебная поставляется въ независимость отъ всякой другой власти, она сама по себѣ и считается со всѣми другими властями на равныхъ правахъ; а если онъ агентъ юстиціи, то очень странно, что онъ является повелителемъ тѣхъ, при комъ онъ состоитъ агентомъ. Въ «Основныхъ положеніяхъ» онъ называется членомъ *обвинительной власти*, которая *отдѣляется отъ судебной* (п. 3 и 4. ч. II.); а развѣ установленіе формы подсудности составляетъ, хоть въ какой-нибудь мѣрѣ, принадлежность обвинителя? И что означаетъ *право требовать?*.. То-ли, что прокуроръ можетъ заявить свою волю судьямъ, или то, что судьи непремѣнно обязаны ее уважить? Если послѣднее, тогда самостоятельности судовъ нѣтъ, это одинъ только призракъ; тогда судьи такіе же незначительные люди, какъ чиновники особыхъ порученій. Или: тогда между прокурорами и судьями тотчасъ возникаетъ ожесточенный антагонизмъ, борьба самолюбія изъ-за права преобладать и не быть въ униженномъ послушаніи; такое положеніе дѣлъ, разумѣется, въ самомъ скоромъ времени вызоветъ вмѣшательство постороннихъ судебному дѣлу властей. Хорошо, если эти власти, наученные опытомъ, порѣшатъ споръ радикальнымъ образомъ и рѣшительно запретятъ прокурору вмѣшиваться въ то, что до него нисколько не относится. Но если они по какимъ-нибудь соображеніямъ, болѣе или менѣе чуждымъ правосудію, захотятъ под-

держатъ этого полезнаго чиновника и уцѣрблять ту мѣру къ погашенію вреднаго антагонизма, что разрѣшать судьямъ не слушаться его, но только всякій разъ подъ своею отвѣтственностію: тогда самая *безсмѣтность* судей останется однимъ только терминомъ, потому что судьи *смѣняются* по суду, а отдавать ихъ подъ судъ будетъ во власти прокурора всякій разъ, какъ только они подвергнутъ публичному обсужденію дѣло, которое, по его мнѣнію, должно считаться «предосудительнымъ» или для религіи, или для нравственности, или для общественнаго порядка.

Между тѣмъ, не смотря на всю трудность, съ которою встрѣчается законодатель въ разбираемомъ нами случаѣ, возможность избѣгать широкихъ опредѣленій и назвать исключительные случаи съ самою близкою точностію — все-таки существуетъ. Слѣственно, существуетъ возможность устранить и судейскій произволъ и прокурорское вѣшателство. Вотъ вѣсколько такихъ названій, принадлежащихъ порокамъ, но нашему мнѣнію — неудобныхъ для судебного разоблаченія передъ публикой: оскверненіе, противоестественный развратъ, супружеская невѣрность, поруганіе надъ предметомъ общаго благоговѣнія, *содѣянное омерзительнымъ способомъ*.. Мы полагаемъ, что при условіи точныхъ названій этотъ списокъ вообще не можетъ быть длиненъ. Но пусть лучше останутся случаи, которыхъ законодатель не предусмотритъ, чѣмъ уступить — хоть малѣйшую долю судебной власти прокурорамъ, или хотъ ничтожную частіцу законодательной власти — судьямъ, которые непремѣнно злоупотребятъ ею, такъ какъ всякій излишекъ власти можетъ идти на одно только злоупотребленіе: это общее правило, изъ котораго едва-ли есть исключенія.

Относительно публичности мы тоже не кончили; мы привели только половину доказательства. Разбираемые нами проекты законовъ, какъ мы объяснили, поражаютъ этотъ принципъ тѣмъ, что публичность засѣданій поручается усмотрѣнію судей и прокуроровъ. Но они поражаютъ его и еще радикальнѣе. Именно: исключительные случаи, запрещенные для публичности производства, остаются неразрѣшоннымъ и для публичности печатной. Можетъ быть это простой пропускъ и запрещеніе гласности по судебнымъ случаямъ, подходящимъ подъ исключеніе, не было въ намѣреніи законодателя; тѣмъ не менѣе это запрещеніе существуетъ. Относительно пригово-

ровъ, произносимыхъ въ открытыхъ засѣданіяхъ, въ «Основныхъ положеніяхъ» говорится: *Каждое окончательное рѣшеніе, состоявшееся публично, можетъ быть напечатано, какъ самими судами, такъ и частными лицами, и обсуждается сами послѣдними въ юридическихъ журналахъ* (п. 62. ч. I). Мы уже замѣтили, въ предыдущей статьѣ нашей, какая жалкая гласность—эти юридическіе, еще несуществующіе у насъ, журналы; и для чего бы, кажется, законодательной власти брать на себя такіа провинціальныя обязанности, чтобы указывать пишущимъ людямъ изданія, въ которыхъ они *могутъ* печатать свои статьи по поводу судебныхъ рѣшеній? Но относительно приговоровъ, состоявшихся при закрытыхъ дверяхъ, не допускается даже и такой гласности. Пропускъ это, или запрещеніе? Если пропускъ, то онъ долженъ быть исправленъ, а если запрещеніе, то на какихъ соображеніяхъ оно основано? Если тутъ приняты тѣ самыя основанія, по которымъ дѣйствительно могутъ быть сдѣланы нѣкоторыя исключенія изъ *публичности производства*; то есть: если при этомъ имѣли въ виду зазорныя свойства нѣкоторыхъ дѣлъ и все ту же «предосудительность» ихъ для религіи, нравственности, или общественнаго порядка,—то эти основанія не существуютъ для печатной гласности. Въ противномъ случаѣ не существовало бы ни религіи, ни нравственности, ни общественнаго порядка; или: они вѣчно находились бы въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ мы застаемъ ихъ у народовъ, до изобрѣтенія письменности. Это мнѣніе можно, кажется, принять за аксіому. Съ другой стороны, что можетъ быть безобразнѣе и предосудительнѣе для нравственности и общественнаго порядка, какъ лишить подсудимаго, подходящаго подъ исключительный случай, такой могучей гарантіи противъ несправедливости, какая заключается въ остракѣ общественнаго мнѣнія? Если судьи будутъ убѣждены, что ихъ приговоры будутъ окружены секретомъ, то есть, тою же самой канцелярскою тайною, которою теперь ограждены все ихъ дѣянія, то они могутъ быть покорны всѣмъ тѣмъ порокамъ и слабостямъ, которые изгнали правосудіе изъ нашихъ теперешнихъ судовъ и для подавленія которыхъ и предпринимается, главнымъ образомъ, новая судебная реформа. Наконецъ, есть еще одна причина, имѣющая неотразимую уважительность, почему законодательная власть должна была бы воздержаться отъ запрещенія печатной гласности по поводу процес-

соевъ: эта причина — самоуваженіе, или уваженіе этой власти къ самой себѣ, потому что съ запрещеніемъ, при извѣстномъ оборотѣ дѣлъ, можетъ сдѣлаться совершенно безсиленнымъ. Судьи съ возведеніемъ ихъ въ достоинство самостоятельной власти, существующей самой по себѣ, получаютъ, въ отношеніи самихъ себя,—право, а въ отношеніи общества,—подвергаются обязанности—давать отчетъ и доказывать обществу всѣми возможными мѣрами, что отравленіе правосудія въ странѣ находится въ удовлетворительномъ состояніи. Для исполненія этого своего долга передъ обществомъ, они могутъ принять за неизмѣнное правило—вообще предавать печатной публичности всѣ свои засѣданія, такъ какъ другого способа объясненій съ страной, и даже съ однимъ даннымъ судебнымъ округомъ, не существуетъ; для этого они могутъ завести при своихъ судахъ особые судебные журналы, подъ названіемъ, положимъ,—«журналъ такого-то судебного округа». Эта мѣра отчетности ни въ какомъ случаѣ не будетъ превышеніемъ судебской власти или вмѣшательствомъ съ ея стороны въ права власти законодательной или административной, во первыхъ—потому, что эта мѣра, не будучи предсудительной для религіи, должна быть признана въ высшей степени нравственной и способствующей къ возвышенію общественного порядка, а во вторыхъ—потому, что она не только непротивна, а какъ нельзя болѣе согласна съ тѣмъ духомъ, въ которомъ должны быть написаны справедливые законы. А извѣстно, что во всѣхъ странахъ, обладающихъ правильнымъ судомъ, въ числѣ атрибутовъ судебской власти находится и тотъ, чтобы противиться вмѣненію невозможныхъ, жестокихъ и вообще несправедливыхъ законовъ.

Словомъ, аргументы противъ исключеній судебныхъ дѣлъ изъ печатной публичности могутъ быть неистощимы. Но такъ какъ въ результатъ всѣхъ соображеній, по этому поводу, можетъ быть отыскано только одно правило, выводимое не изъ произвола, а изъ принципа, по которому могутъ и должны быть допущены исключенія, то мы и заключимъ наше замѣчаніе этия указаніемъ. Это правило опредѣляется неприкосновенностью частной жизни. Изъ печатной публичности могутъ быть исключены,—и то не безусловнымъ запретомъ, а лишь угрозою ответственности,—только дѣла изъ этой сферы. Разумѣется, и самыя эти дѣла должны быть обозначены въ законѣ съ возможною точностію; наприимѣръ: супружеская неувѣренность, разводы, похищеніе не-

вѣсть и проч. Исключенія этого рода, очевидно, составляютъ не капризъ судейской власти, а также не привилегію подсудимыхъ или снисхожденіе къ нимъ, допускаемое изъ чувства пощады, а ихъ неопровержимое право: въ отношеніи частной жизни печатная нескромность равняется преступленію *безчестія*, за которое оскорбленный въ правѣ отыскивать возмездія по суду, хотя бы при томъ въ дѣйствительности опубликованнаго факта не было никакого сомнѣнія. Разумѣется, если самый фактъ окажется клеветливымъ, тогда преступность будетъ двойная; но она существуетъ даже и при подлинности факта. Около каждаго человѣка есть сфера предметовъ до того индивидуальныхъ, что относительно ихъ должна считаться предосудительной не то-что злонамѣренная публичность, а вообще публичность.

Пунктъ 24. (Ч. II). — *Мировой судья приступаетъ къ разбору подвѣдомственныхъ ему дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ: 1) по жалобамъ..... 2) по сообщеніямъ полицейскихъ и другихъ властей..... и 3) непосредственно по лично усмотрѣннымъ преступленіямъ и проступкамъ, ему подвѣдомнымъ, нарушающимъ общественный порядокъ или благочиніе.*

Пунктъ 30. — *Приговоры мирового судьи, которыми опредѣляются: взысканія, замѣчанія и выговоры, денежныя взысканія не выше 15-ти рублей съ одного лица и арестъ до трехъ дней считаются окончательными и не могутъ быть обжалованы.* — Такое же значеніе имѣютъ приговоры мирового судьи по гражданскимъ искамъ не выше тридцати рублей (Ч. III, п. 3).

Пунктъ 32. — *Окончательные приговоры мирового судьи приводятся въ исполненіе по его распоряженію.*

Мировой судья является въ своемъ участкѣ отцомъ, патриархомъ, помѣщикомъ и феодаломъ. Онъ по своему усмотрѣнію опредѣляетъ случаи нарушенія общественнаго порядка, или благочинія; за эти случаи онъ отдастъ виновныхъ подъ его же собственный судъ, наконецъ, онъ самъ же исполняетъ и свои приговоры надъ людьми, взятыми имъ подъ свой судъ и осужденными. Эти обширныя права состоятъ изъ смѣшенія властей всякаго рода. Тутъ есть атрибуты и законодательной власти, и обвинительной, и полицейской, которыя, однако, признаются въ «Основныхъ положеніяхъ» отдѣленными другъ отъ друга. Власть мирового судьи, какъ *судьи*, въ безчисленномъ множествѣ слу-

чаевъ безапелляціонна; слѣдственно, такова же его власть и какъ прокурора, и какъ полиціймейстера—по тѣмъ дѣламъ, которыя начинаются по его обвинительному усмотрѣнію и кончаются его безапелляціоннымъ рѣшеніемъ. Правда, это все дѣла не крупныя; но они составляютъ громаду; изъ нихъ состоитъ жизнь. Отеческое вліяніе мирового судьи, его безапелляціонное завѣдываніе всѣми дрязгами жизни, могутъ отравить любое существованіе, на которомъ онъ захочетъ сосредоточить свое вниманіе. Это строгій учитель въ педантической школѣ. Отъ такого вліянія могло бы спасти общественное мнѣніе; но общественное мнѣніе мирового участка, это слишкомъ слабая угроза, чтобы рассчитывать на ея спасительное дѣйствіе. Мировой участокъ, — это не англійское графство; въ немъ самый просвѣщенный человѣкъ можетъ иногда не знать правосписаія. Рассчитывать остается только на прозорливость законодательной власти, которая никому не должна предоставлять, — хотя бы и относительно самыхъ ничтожныхъ дѣлъ, — такой власти надъ человѣческими личностями, которая бы не была ограничена ничѣмъ, даже закономъ.

Во-первыхъ, мировой судья не долженъ бы имѣть ни малѣйшей частицы прокурорской или полицейской власти относительно судебныхъ случаевъ, и именно потому, что бы не быть обвинителемъ, судьей и полицейскимъ офицеромъ въ одно и то же время; гдѣ нѣтъ жалобы или донесенія, тамъ ему не должно быть никакого дѣла, иначе можетъ случиться, — и даже непременно будетъ случаться, — что онъ будетъ видѣть нарушеніе благочинія, будетъ забирать за это подъ свой судъ, произносить приговоры и приводить ихъ въ исполненіе тамъ, гдѣ рѣшительно никому не сдѣлано ни малѣйшаго вреда и гдѣ, кромѣ его одного, никто не видитъ никакого безчинства и никакого нарушенія общественного порядка. У насъ еще въ свѣжей памяти находится примѣръ дьякона, забраннаго мировымъ посредникомъ, оштрафованнаго имъ тремя рублями и въ добавокъ еще отданнаго подъ вторичный судъ—за нарушеніе благочинія, проявленное тѣмъ, что сившій въ телѣгѣ дьяконъ не своротилъ для него — мирового посредника — съ проѣзжей дороги. Словомъ, мировой судья можетъ поступать такъ, какъ теперь поступаетъ наша полиція. Но если ужъ законодатель, по какимъ-нибудь практическимъ соображеніямъ, находитъ нужнымъ и полезнымъ допустить такое смѣшеніе властей въ мировомъ

судьѣ, тогда ни одно его дѣйствіе изъ судебна-полицейской сферы, ни одно распоряженіе, даже простой призывъ къ себѣ для того, чтобы сдѣлать вышесказанное, не должны оставаться безконтрольными, не подлежащими никакой жалобѣ. Самая теперешняя полиція наша существуетъ на этомъ принципѣ — строжайшей отвѣтственности: полиціи предоставлено почти все, но, по закону, она должна и отвѣчать за все; малѣйшая тревога, несправедливо причиненная мирному человѣку, ведетъ за собою отвѣтственность; за неправильный трехдневный арестъ полицейскій чиновникъ, по закону, долженъ бы быть наказанъ ссылкой. На практикѣ эта законная вышесказанная въ отношеніи полиціи соблюдается извѣстнымъ для всѣхъ насъ образомъ. Это служитъ для насъ предметомъ вопіющихъ жалобъ, которыя, согласно всеобщему ожиданію, должны были бы найти удовлетвореніе въ настоящей судебной реформѣ. Но настоящая судебная реформа предоставляетъ мировымъ судьямъ право дѣлать безответственно все то, что даже теперешніе становые и исправники дѣлали подъ угрозой отвѣтственности, которая хотя и рѣдко, но все-таки постигала ихъ на самомъ дѣлѣ. Мировые судьи, обращенные, относительно своихъ участковъ, въ патриархальныхъ отцовъ семейства, могутъ заставить, такимъ образомъ, пожалѣть даже о становыхъ, которые во всякомъ случаѣ были незначительные чиновники, доступные страху—если не закона, то болѣе высокихъ чиновниковъ: мировые судьи въ огромной безднѣ мелкихъ дѣлъ не знаютъ никого больше себя, не исключая и самый законъ. Между тѣмъ совершенно ясно, что власть, отвѣтственная передъ закономъ, безъ всякаго сравненія превосходитъ власть, безответственной даже передъ нимъ; а всѣ сужденія о томъ, быть или не быть мировому судѣ безответственнымъ полиціймейстеромъ, только около этого сравненія и могутъ вращаться.

Во-вторыхъ, безапелляционность собственно судебныхъ рѣшеній мирового судьи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ самъ же былъ и открывателемъ преступленія и обвинителемъ, какъ въ приведенномъ намъ примѣрѣ дьякона, не требуетъ никакихъ опроверженій; но она несправедлива всегда и вообще, будетъ-ли дѣло начато по жалобѣ или донесенію. Извѣстно, что допускаемые рѣшенія, не подлежащихъ апелляции, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, не оправдывается никакимъ принципомъ и выводится только изъ кое-какихъ практическихъ соображеній и человѣческаго безсилія; ничтожность исковой сум-

мы или слабость наказанія, слѣдующаго за преступленіе, это общепринятое и все-таки очень жалкое основаніе для того, чтобы наказывать или присуждать къ проигрышу нека—безъ апелляцій: для нищаго, какъ можно полагать, пять рублей — болѣе значительная сумма, чѣмъ для Перейры пятьдесятъ тысячъ, и для безукоризненнаго человѣка неосправедливый трехдневный арестъ — болѣе строгое наказаніе, чѣмъ годъ острожной жизни для отъявленнаго негодяя. Однако, если право рѣшать дѣла безъ апелляцій предоставляется правильному коллегіальному суду, то тутъ есть нѣкоторыя основанія, по которымъ это право должно казаться вопіющимъ. Напримѣръ, предполагается, что при ничтожности исковой суммы коллегіальный судъ, по множеству своихъ членовъ, не можетъ быть ардушловъ; потому, въ коллегіальномъ судѣ существуетъ возможность отвода недо-зрѣваемаго судьи, и наконецъ, самая торжественность обрядовъ коллегіальнаго суда и въ особенности публичность производства, гдѣ она существуетъ, служатъ достаточнымъ ручательствомъ для того, что маленькое дѣло, лишонное всякаго соблазна, будетъ рѣшено справедливо даже и тогда, когда судьямъ не будетъ угрожать апелляція. Но въ лицѣ мирового судьи — это право дается суду единоличному, безотводному, рѣшающему дѣла на единѣ; здѣсь не остается ни одной гарантіи для справедливости и представляется множество соблазновъ для ея нарушения: главный кругъ дѣятельности мирового судьи—сельское населеніе, а мировой судья, въ качествѣ добраго отца въ своемъ участкѣ, можетъ полюбить и куръ, и медъ и всякія мелкія приношенія. Судъ мирового судьи, относительно дѣлъ рѣшаемыхъ имъ безъ апелляцій, значитъ гораздо болѣе, чѣмъ теперешніе уѣздные суды, но онъ устроенъ еще несравненно хуже, чѣмъ теперешніе уѣздные суды — учрежденія коллегіальныя и кромѣ того обязанныя представлять проекты своихъ рѣшеній на просмотръ старшихъ. Одного этого соображенія достаточно для того, чтобы подчинить мирового судью, — безъ всякаго ограниченія или исключеній, — естественной апелляціи «сѣздовъ мировыхъ судей». Наконецъ нужно же, чтобы отказъ отъ этой апелляціи, которая намъ кажется и возможной и необходимой, объяснялся, по крайней мѣрѣ, какою нибудь непреодолимою трудностію, которая, однако, по нашему, существуетъ развѣ только въ понятіяхъ, господствующихъ въ канцеляріяхъ о важности и маловажности дѣлъ. При теперешнемъ судеустройствѣ

и при полномъ господствѣ у насъ бумажнаго дѣлапроизводства, лишеніе права на апелляцію и ограниченіе огрѣмкой массы дѣлъ одною нижнею инстанціей, кромѣ тѣхъ гарантій справедливости, на которыя мы указали, обуславливаются еще трудностію, которую дѣйствительно можно назвать непреодолимой: во-первыхъ, небольшой искъ, если его не ограничить одною инстанціей, иногда не будетъ стоить бумаги, которая можетъ быть издержана на его производство; во-вторыхъ, апелляція пишется на дорогомъ листѣ и обезпечивается деньгами; въ-третьихъ, гдѣ производится дѣла, какъ въ нашихъ нижнихъ инстанціяхъ, о миллионахъ и смертоубійствахъ и объ одной сажени неправильно-завладѣнной земли или объ оскорбленіи чести неуважительнымъ словомъ, тамъ дѣйствительно очень повлѣтло раздѣленіе дѣлъ на важныя и маловажныя — даже въ отношеніи апеллаціи. Но для учрежденія мировыхъ судей не существуетъ ни одного изъ этихъ препятствій, его главное призваніе именно въ томъ и состоитъ, чтобы побѣдить ихъ, чтобы засвѣтить нѣкоторый лучъ справедливости тамъ, гдѣ былъ одинъ только хаосъ, чтобы дать отвѣдать справедливости людямъ, которые, по причинѣ своихъ маленькихъ дѣлъ, знали апеллацію въ одномъ только случаѣ, если совершали большое преступленіе, и то массу — не менѣе десяти человекъ: мировые судьи производятъ дѣла на словахъ, апеллаціи на ихъ приговоры могутъ быть допущены въ сѣзды мировыхъ судей на простой бумагѣ, а денежное обезпеченіе апеллацій «Основными положеніями» вообще отиѣняется; самыя эти дѣла, о которыхъ мы говоримъ, съ переходомъ ихъ къ мировымъ судьямъ перестаютъ быть маловажнымъ, такъ какъ мировые судьи почти ничѣмъ *болѣе важнымъ* не занимаются. Да и говоря безотносительно, чтожь это за маловажныя дѣла? Какъ уголовный каратель, мировой судья приговариваетъ безъ апеллаціи къ трехдневному аресту и пятнадцати-рублевому штрафу; какъ гражданскій судья, онъ при-суждаетъ *окончательно* къ потерѣ тридцати-рублевого иска. Мы смѣемъ утверждать, что ни то ни другое не маловажно. Относительно ареста мы можемъ разсуждать такъ, что онъ можетъ быть несправедливъ, — что, въ такомъ случаѣ, онъ одною статью нашего уголовного кодекса признается преступленіемъ *лишенія свободы*, — что другою статью за это преступленіе полагается наказаніе каторгой: чтожь это за маловажное дѣло? И почему мировой судья можетъ дѣлать это преступленіе безнаказанно?

И для чего существуетъ этотъ карающій законъ, если по другому закону онъ не применяется даже къ тѣмъ, которые строго всѣхъ должны бы отвѣчать за нарушение закона? Съ другой стороны, если несправедливый непродолжительный арестъ есть небольшое матеріальное зло, то въ нравственномъ отношеніи онъ можетъ быть величайшею обидою и даже величайшимъ поруганіемъ, какое только можетъ сдѣлать человекъ надъ человекомъ. Запрещеніе жаловаться на такую обиду есть жестокость, пропорціональная величинѣ обиды. — Что касается до тридцати-рублевыхъ исковъ, то насъ почти поражаетъ, что эти иски считаются ничтожными и что за ихъ ничтожность они предаются произвольнымъ рѣшеніемъ мировыхъ судей, когда между тѣмъ вѣдомство мировыхъ судей, главнѣйшимъ образомъ, ограничивается сельскимъ населеніемъ. Но тридцать рублей—это крестьянскій домъ,—это двѣ крестьянскія лошади,—это три коровы,—это пятнадцать овецъ. словомъ,—это благосостояніе или разореніе для многихъ милліоновъ людей, населяющихъ Россію, которые, можетъ быть, видѣли у себя въ рукахъ тридцать рублей—только по частямъ, и никогда вдругъ. Отказать людямъ сельскаго населенія въ апелляціи по такимъ искамъ, значитъ сказать имъ: нѣтъ вамъ справедливости, постарайтесь прежде разбогатѣть. — Но какъ же богатѣть безъ справедливости?

Между тѣмъ русскому законодателю предстоитъ прекрасный случай перешагнуть закодированную черту, существующую почти во всѣхъ законодательствахъ и раздѣляющую судебныя дѣла—на важныя, то есть дѣла избранныхъ, съ которыми нужно соблюдать справедливость,—и маловажныя, то есть дѣла массы, съ которыми можно не церемониться. Расширеніе правъ апелляціи до самой послѣдней возможности у насъ не повело бы за собой никакихъ неудобствъ: отъ этого наши суды не были бы загромождены дѣлами до такой степени, чтобы ихъ безчисленность могла остановить самое очуравленіе правосудія, такъ какъ мировые судьи съ ихъ сѣздами—это судъ самъ по себѣ, не имѣющій почти ничего общаго съ двумя инстанціями настоящаго, правильнаго суда—окружными судами и судебными палатами. Пусть лучше у мировыхъ судей отнимутся всѣ болѣе значительныя дѣла, по которымъ они подлежатъ апелляціи мировыхъ сѣздовъ, чѣмъ допустить, чтобы цѣлые миліоны небольшихъ дѣлъ были поражаемы ихъ окончательными рѣшеніями....

какъ-будто небольшое дѣло не можетъ быть отищено колоссальной несправедливостью?

Пунктъ 33.—*Полиція производитъ только дознанія о преступленіяхъ и проступкахъ.*

Пунктъ 34.—*Учтенное полиціею дознаніе передается ею непосредственно мѣстному судебному слѣдователю.*

Настоящій производитель слѣдствій—это судебный слѣдователь; но и его слѣдствія, согласно духу судебной реформы, считаются лишь *предварительными*; окончательно они завершаются въ открытомъ судѣ, въ присутствіи присяжныхъ заседателей, если они не исключаются по свойству дѣла, при защитникахъ, обвинителяхъ, свидѣтеляхъ и при публикѣ, такъ, какъ это и должно быть. Что же означаютъ полицейскія дознанія и какой промежутокъ времени—между моментомъ преступленія и донесеніемъ объ немъ судебному слѣдователю—можетъ быть потраченъ полиціею на производство дознаній? Законъ долженъ выразиться объ этихъ предметахъ со всею точностію, не то полиція можетъ придавать своимъ дознаніямъ форму настоящихъ слѣдствій и передавать ихъ *непосредственно* судебному слѣдователю въ то время, когда будутъ спрятаны всѣ концы преступленія. Мы не хотимъ сказать этимъ, что полицейскій чиновникъ предполагается человѣкомъ—нечестнымъ и способнымъ вредить судебной правдѣ по одному тому, что онъ полицейскій, или, что судебный слѣдователь долженъ быть выше всякаго подозрѣнія въ его честности по одному тому, что онъ не полицейскій; но если слѣдствія производитъ не полиція, то ея участіе въ слѣдствіи, если оно не будетъ опредѣлено закономъ ясно и положительно, можетъ быть источникомъ антагонизма между агентами суда и полиціи. Въ продолженіи этой статьи мы уже упоминали о томъ общемъ правилѣ, что всякія обязанности хорошо исполняются только тогда, когда они хорошо извѣстны, и не однимъ только исполнителямъ, но и другимъ. Обязанности полиціи, относительно слѣдствій, конечно, у насъ будутъ тѣже, какъ и вездѣ, гдѣ и судъ и полиція одинаково достойны подражанія. Во первыхъ, такъ какъ полиція всегда предполагается—вездѣ присущей и всезнающей, то она первая узнаетъ о совершившемся фактѣ преступленія и, разумѣется, въ случаѣ несомнѣнности на счетъ виновниковъ большихъ преступленій, задерживаетъ ихъ; во вторыхъ, она *тотчасъ* даетъ знать объ этомъ судебному слѣдователю; въ

третьихъ, она помогаетъ ему въ раскрытіи преступленія фискальными мѣрами, произвѣда свои дознанія подъ рукою, не нарушая ни чьего покоя и никого не тревожа формальными призывами къ отвѣтамъ и распросамъ. Полиція не поднимаетъ тревоги, не сбивается съ ногъ, не захватываетъ коннаго и пѣшаго, не наводитъ панику на городъ, хотя бы въ городѣ случилось чрезвычайное преступленіе: слѣдствіе производитъ представитель безстрастнаго суда. Но полиція не погашаетъ въ себѣ своей демонической страсти всезнанія; она только даетъ ей болѣе цивилизованное направленіе; изъ безпокойной и азартной, берущей срыву, она становится хитрой и прозорливой, проникающей въ душу, изъ вельзевула—месистофелемъ, духомъ, покорнымъ высшей силѣ. Роль полиціи—подчиненная; судебный слѣдователь можетъ дѣлать фискальныя порученія полицейскимъ агентамъ и указанія, какую именно подробность было бы выгодно и особенно важно открыть въ дѣлѣ, и полицейскіе агенты должны поставлать все свое честолюбіе въ томъ, чтобы отличатся въ подобныхъ открытіяхъ. Полиція должна быть настолько проникнута уваженіемъ къ авторитету судебной власти, что одна мысль объ антагонизмѣ съ этого властью должна казаться ей чистымъ безуміемъ, а самый антагонизмъ—преступленіемъ, каковъ онъ и дѣйствительно есть. Если бы при учрежденіи судебныхъ слѣдователей полиціи дана была строгая инициатива въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, она и теперь уже была бы порядочно ирричена къ своей подчиненной роли, и мы не слышали бы почти общихъ жалобъ со стороны судебныхъ слѣдователей на противодѣйствіе полицейскихъ чиновниковъ и на то, что они во всемъ переходятъ имъ дорогу; можетъ быть, мы и теперь уже не видали бы такого безобразія, но крайней мѣрѣ въ нашей петербургской столицѣ, какъ аресты, производимые полиціймейстерами за мнимыя грубости, сдѣланныя имъ же самимъ, не читали бы унижительныхъ для общества объясненій, будто полиція можетъ арестовать всякаго на каждомъ шагу (Вѣдом. С.-Пет. Полиц. № 238, стр. 1, столбецъ 2), и въ особенности, можетъ быть, не были бы поражены отчаяннымъ сопротивленіемъ выпущити арестованнаго, сопротивленіемъ, которое оказано протестамъ и законнымъ предписаніямъ лицъ, имѣющимъ несомнѣнное право судить и знать—сдѣлали-ли арестъ справедливо, или незаконно.

Пунктъ 64.—*Дѣла по обвиненіямъ во такихъ преступленіяхъ*

и преступкавъ, которые влекутъ за собою заключеніе въ крѣпости или смирительномъ домѣ, безъ ограниченія правъ и преимуществъ, заключеніе въ тюрьму и другія менѣе тяжкія наказанія, разсматриваются въ окружныхъ судахъ безъ участія присяжныхъ заседателей.

Первообразъ такого раздѣленія уголовныхъ процессовъ—на рѣшаемые съ участіемъ присяжныхъ, и безъ нихъ,—мы, по всей вѣроятности, должны видѣть во французскомъ законодательствѣ; наши окружные суды безъ присяжныхъ будутъ соотвѣтствовать знаменитымъ tribunaux correctionnels. Сравнительная легкость наказаній,—это единственное основаніе, по которому во французскомъ кодексѣ допущено различіе судовъ по уголовнымъ дѣламъ,—конечно, должна была служить единственнымъ основаніемъ и для нашего законодателя. Это основаніе не вѣрно, какъ будетъ указано ниже; однако, если ему оставаться вѣрнымъ, какъ оставался французскій законодатель, то въ практическомъ отношеніи оно довольно еще терпимо. Но проектъ нашего закона объ исключеніяхъ изъ-подъ суда присяжныхъ не вѣренъ и этому невѣрному основанію. Мы считаемъ его, по этому, доступнымъ самой уважительной критикѣ, которая вполне способна доказать, что онъ наноситъ смертельный ударъ самому принципу, по которому присяжные судьи, какъ судьи отъ общества, призываются къ рѣшенію уголовныхъ дѣлъ.

По французскому кодексу, вѣдомству *исправительныхъ трибуналовъ*, то есть, суду безъ жюри, принадлежатъ дѣла, которыя наказываются тюрьмою и еще менѣе тяжкими наказаніями. У насъ, кромѣ дѣлъ, подходящихъ подъ этотъ разрядъ, суду безъ присяжныхъ принадлежатъ еще дѣла, караемые безсрочнымъ заключеніемъ въ крѣпости и смирительнымъ домомъ, *безъ ограниченія правъ и преимуществъ*. Этотъ родъ наказанія,—обыкновенно присуждаемый за очень тяжкія преступленія или признаваемый за такія,—съ паденія венеціанской республики ни въ одномъ законодательствѣ не называется легкимъ. Его не смягчаютъ даже слова—*безъ ограниченія правъ и преимуществъ*, слова, нисколько не характеризующія ни мягкости, ни жестокости наказанія и имѣющія одно только призрачное значеніе. Во первыхъ, нѣтъ никакой возможности быть посаженнымъ въ крѣпость и не быть ограниченнымъ въ своихъ правахъ и преимуществахъ. Права бываютъ человѣческія и общественныя. Кого сажаютъ въ крѣпость, того лишаютъ величайшаго права

изъ числа первыхъ: свободы и, разумѣется, безчисленныхъ преимуществъ, соединенныхъ съ этимъ правомъ; но его лишаютъ еще правъ и втораго разряда: онъ *фактически* не можетъ быть избранъ въ общественную должность; онъ теряетъ ее, если ужъ былъ избранъ; онъ перестаетъ быть опекуномъ, если былъ имъ, и замѣняется другимъ, если срокъ его заключенія долженъ быть продолжительный; онъ перестаетъ торговать; онъ фактически подвергается разводу съ женою; его должники могутъ смѣяться надъ его кредиторскими правами и преимуществами; словомъ, кого заключаютъ въ крѣпость, и особенно кого заключаютъ на цѣлые годы, то поставатъ-ли въ его приговорѣ—*безъ ограниченія правъ и преимуществъ*, или напишутъ—*съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ*, онъ все равно не будетъ знать никакихъ правъ и преимуществъ, ни гражданскихъ, ни просто человѣческихъ; приговоръ послѣдняго рода для него будетъ даже лучше, потому что предоставленіе всѣхъ правъ, при невозможности пользоваться ни однимъ изъ нихъ,—это горькій сарказмъ. Во-вторыхъ, если сохраненіе правъ и преимуществъ доставляется заключенному въ видѣ надежды воспользоваться ими, со всѣмъ достоинствомъ полноправнаго человѣка, послѣ выпуска изъ заключенія, то, по увѣренію г. Достоевскаго (*Записки изъ Мертвого Дома*), надеждою, отчасти похожею на эту, живутъ даже каторжники, присужденные къ двадцатилѣтней подземной работѣ—въ цѣняхъ; и однако, было бы странно признавать эту надежду легально — смягченіемъ каторги. Въ третьихъ, съ видимымъ сближеніемъ у насъ сословныхъ подраздѣленій и особенно съ вѣроатною отмѣною тѣлесныхъ наказаній, упоминаніе въ нашихъ уголовныхъ приговорахъ объ ограниченіи или сохраненіи правъ и преимуществъ вообще очень немного можетъ усиливать или ослаблять ихъ дѣйствительную сущность.—Такимъ образомъ, наказаніе крѣпостью остается въ его чистомъ видѣ и настоящемъ свѣтѣ, и очевидно, общественному смыслу оно и у насъ, какъ и вездѣ, должно представляться однимъ изъ тяжчайшихъ наказаній. Дѣйствительное смягченіе этого наказанія можетъ быть только одно: ограниченіе его самымъ короткимъ срокомъ. Но проектъ закона объ этомъ дѣйствительномъ смягченіи не говоритъ ни слова, а въ его словахъ *безъ ограниченія правъ и преимуществъ*, мы не можемъ видѣть даже и косвеннаго намека на что нибудь похожее. Напротивъ, мы не-

жемъ быть твердо убѣждены, что и самъ составитель проекта не думалъ соединять съ сими тающими выраженіями мысль одѣствительной легкости наказанія, именно—о кратковременности заключенія. Наказаніе крѣпостью онъ присуждаетъ за *преступленіе*. Преступленія, конечно, бываютъ различныхъ степеней; но легкихъ преступленій совѣмъ не существуетъ, слѣдственно не существуетъ и легкихъ наказаній за нихъ; тотъ родъ не дозволенныхъ дѣйствій, который наказывается, напримѣръ, тюрьмою,—разумѣется кратковременною,—и еще менѣе тяжкими наказаніями, носить особенное названіе *проступковъ*. Дѣло очевидное: или наказаніе крѣпостью—наказаніе легкое, кратковременное, и тогда зачѣмъ поступокъ, навлекающій это наказаніе, называется *преступленіемъ*? Или это наказаніе—наказаніе тяжелое, присуждаемое за тяжкія преступленія, и тогда зачѣмъ оно присуждается безъ присяжныхъ? Тоже самое слѣдуетъ сказать и о нашемъ смирительномъ домѣ, и о нашей тюрьмѣ. И въ этомъ и заключается невѣрность нашего проекта закона тому основанію, котораго строго держался французскій законодатель.

Во французскомъ кодексѣ существуетъ еще основаніе для самаго опредѣленія сравнительной легкости наказаній: именно, тяжело наказываются *преступленія* (crimes), а легко *проступки* (délits). Эти-то послѣдніе исключительно и единственно и подлежатъ у французовъ сужденію безъ жюри, вѣдомству исправительныхъ трибуналовъ. Нашъ проектъ закона, разумѣется, *проступки* точно такъ же передаетъ вѣдомству постоянныхъ судей, безъ участія присяжныхъ, но онъ устраняетъ присяжныхъ еще и отъ приговоровъ за *преступленія*, которыя характеризуютъ только родомъ наказанія, ничего, въ свою очередь, не характеризующимъ: какъ же знать—что это за преступленія, и какъ оцѣнить—на сколько великъ этотъ ударъ, наносимый суду съ присяжными? Между тѣмъ и безъ этого необъяснимаго затрудненія, одно допущеніе различія судовъ—по преступленіямъ и проступкамъ—все еще представляло бы довольно значительныя трудности. Мы замѣтили уже, что самое это раздѣленіе не имѣетъ достаточнаго основанія. Во первыхъ, оно основано не на сущности предметовъ, которая, очевидно, одна и та же какъ въ преступленіяхъ, такъ и проступкахъ; судъ безъ присяжныхъ, по этому, какъ скоро существуютъ присяжные, есть судъ исключительный; а исключительные суды—это анархія въ области правосудія. Во-вторыхъ, кто опредѣляетъ: проступокъ-ли данъ

ный судебный случай, или преступление? Опредѣлять это долженъ бы законъ; но перечислить все безконечное множество проступковъ, это не-то что сдѣлать два-три исключенія; законъ тутъ долженъ оказаться бессильнымъ и законодательная власть переходить къ судьямъ. Но и судьи,—пока они не обсудили дѣла,—какъ они могутъ знать, нужно-ли будетъ за него наказать легко, или наказать тяжело, то есть, окажется-ли оно преступленіемъ, или проступкомъ? Между тѣмъ имъ нужно знать это заранѣе, именно для того, чтобы рѣшить—судить ли виновнаго съ присяжными, или безъ нихъ. Стало, судьи должны будутъ произносить приговоры надъ подсудимыми прежде суда и легальнаго осужденія; стало, судьямъ предоставляется право произвольныхъ рѣшеній. Во Франціи вопросъ о формѣ подсудности съ жюри или безъ нихъ — предоставленъ рѣшенію слѣдственнаго судьи (*juge d' instruction*). У насъ, положимъ, онъ будетъ завѣсть отъ усмотрѣнія судебного слѣдователя, или прокурора. Тогда судебный слѣдователь, второстепенный агентъ юстиціи, становится выше самихъ судей и даетъ произвольное направленіе дѣламъ, а прокуроръ облекается въ судейскую тогу и, будучи обвинителемъ, въ тоже время самовластно указываетъ—какимъ наказаніемъ слѣдуетъ покарать виновнаго. Правосудіе терпитъ въ обоихъ случаяхъ, и при томъ въ высшей степени во второмъ изъ двухъ случаевъ.

Но прямое и явное отдѣленіе изъ-подъ суда присяжныхъ еще *преступленій*,—и при томъ неопредѣленнаго свойства и количества ихъ,—возвышаетъ всѣ эти трудности еще на нѣсколько степеней, такъ что самое существованіе суда съ присяжными у насъ можетъ сдѣлаться только номинальнымъ. До сихъ поръ мы знаемъ навѣрное лишь одно преступленіе, которое, согласно «Основнымъ положеніямъ», непременно будетъ судиться судомъ присяжныхъ,—это омертоубійство; да и это преступленіе предполагаетъ еще очень много исключеній, такъ какъ убійство, сдѣланное нечаянно, вовсе не преступленіе, а убійство на дуэли на практикѣ всегда считается только проступкомъ.

Между тѣмъ введеніе присяжныхъ въ наши суды есть одинъ изъ краеугольныхъ камней нашей судебной реформы, это выходъ изъ варварства, рутины и жестокости и обращеніе къ здравомыслію, человеколюбію и гуманности, то есть обращеніе къ истинной справедливости. Изъ весьма многихъ основаній, которыми объясняется общее стремленіе всѣхъ сколько-нибудь

цивилизированныхъ обществъ къ суду присяжныхъ, и по которымъ этотъ судъ считается несравненно совершеннѣе всѣхъ другихъ формъ человѣческаго правосудія, безъ сомнѣнія, самое видное мѣсто занимаетъ то основаніе, что этотъ судъ самый здравый и человѣчный. Безсильность и самостоятельность судей, введенныя у насъ «Основными положеніями», если они достигнутъ притомъ полной дѣйствительности, конечно, достаточно обезпечиваютъ правосудіе; но если они чего не обезпечиваютъ, такъ это именно гуманности и здравого смысла рѣшеній. Мыслящихъ людей, а равно и общественный смыслъ, въ судьяхъ по ремеслу всегда поражало одно обстоятельство: это крайнее очерствѣніе этихъ людей, — хотя бы они были самые честные и просвѣщенные, — приобретаемое постояннымъ обращеніемъ съ преступленіями; это — ихъ особенная, специальная склонность видѣть въ обвиняемомъ преступника. Если мы обратимся ко временамъ сколько-нибудь отдаленнымъ отъ насъ, то мы можемъ быть пресыщены варварскими жестокостями этихъ людей, и притомъ очень часто — людей почтенныхъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Напримѣръ, судебная процедура требовала, чтобы доказательствомъ преступленія служили не свидѣтельскія показанія, не очевидныя улики, выводимыя изъ обстоятельствъ дѣла, а собственное сознаніе обвиняемаго, — и судьи не останавливались передъ этимъ требованіемъ. Чтобы исторгнуть такое сознаніе, они прибѣгали къ самымъ остроумнымъ и разнообразнымъ орудіямъ убѣжденія: къ дыбамъ, жаровнямъ, раскаленнымъ щипцамъ, кнуту, кобылицамъ, къ огню и кипящей водѣ, и они все это называли еще предварительнымъ допросомъ. Между тѣмъ это были не изверги и не люди варварскаго времени; это были просто судьи-ремесленники, одервенѣлые отъ своей привычки судить и отъ рутиннаго завѣта, взятаго изъ ученыхъ фоліантовъ, понимать — правосудіе, какъ слѣпую и неумолимую богиню мести; во Франціи такіе судьи были общимъ явленіемъ въ такія времена, когда кромѣ ихъ, да еще палачей, можетъ быть никто уже не былъ способенъ на подобные подвиги, они были во времена Гольтера, Руссо и энциклопедистовъ. Но если въ этомъ мы все еще имѣемъ возможность видѣть не одно только одервенѣніе отъ привычки, а и остатки варварскихъ нравовъ, то мы можемъ привести примѣръ, котораго ничто не можетъ быть новѣе. Австрія — страна на столько цивилизованная, что порядочные люди этой страны, безъ сомнѣнія, имѣютъ очень низкое понятіе о палкѣ,

какъ судебномъ доказательствѣ. И однако, если эти порадочные люди вмѣстѣ и судьи, то они привыкають имѣть совершенно другой взглядъ на палку. Австрійскій кодексъ допускаетъ при допросахъ палку, и австрійскіе суды полны людьми, дерущимися палкой. Это опять-таки не палачи, а простые ремесленники-судьи, очень учтивые въ гостинныхъ и совершенные джентльмены на публичныхъ гуляньяхъ. Но повиновеніе закону—прежде всего. Обвиняемый отказывается отвѣчать—палка (Австр. код. § 363); отъ притворяется или кажется притворяющимся въ сумасшествіи—палка (§ 364); его отвѣты, по мнѣнію судьи, отзываются наглостію—палка (§ 365). Что это,—варварскіе нравы, или варварство, создаваемое привычкою? Для судьи во всѣ времена считался самымъ приличнымъ эпитетомъ *безстрастнымъ*: въ этомъ столько же похвалы для судей, сколько и указанія на ихъ безсердечіе. Эти наглядные факты изъ науки сердецвѣднія заставляютъ насъ убѣдиться, конечно—не въ томъ, чтобы одервенѣніе и крайняя нечувствительность были въ самой природѣ судей — по ремеслу, а скорѣе въ томъ, что они дѣлаются ихъ природой, вслѣдствіе ихъ ремесла и педантическаго толкованія ими своихъ обязанностей. Но человѣческія общества могутъ выносить такое зло въ своихъ судахъ только до известной поры своего развитія; съ преобладаніемъ просвѣщенія и гуманныхъ чувствъ въ обществѣ, отъ этого зла начинаютъ искать лекарства..... Впрочемъ, съ тѣхъ поръ какъ оно открыто, его не ищутъ, его прямо берутъ, какъ беремъ, напримѣръ, мы, какъ хотятъ взять, наконецъ, даже австрійцы: оно называется *присяжными*. Радикальное леченіе этимъ лекарствомъ состоитъ въ полномъ и совершенномъ отнятій у постоянныхъ судей всего вѣдомства уголовныхъ дѣлъ и въ предоставленіи ихъ людямъ, поочередно призываемымъ изъ общества, въ которыхъ бы судейская образованность замѣнялась простымъ, здравымъ смысломъ, а судейское одервенѣніе—уцѣлвшею природною чувствительностію. Наши теперешніе суды не производятъ допросовъ, и потому они всегда были достаточно сдержаны отъ проявленія грубой, матеріальной жестокости, хотя наши слѣдствія надъ податнымъ сословіемъ почти до этихъ поръ производились по австрійскому способу. Наши будущіе суды съ ихъ будущею публичностію еще менѣе могутъ угрожать подсудимымъ матеріальной жестокостію. Но съ одной стороны, наши уголовные законы не могутъ быть названы образцомъ гуманности, а съ

другой, хотя матеріальная, побойная жестокость есть самая грубая форма жестокости, однако, она не единственная форма ея: остается еще жестокость приговора, по указанію безчеловѣчнаго закона; остается притупленный взглядъ на дѣло, по которому судья, одервенѣлый въ своемъ ремеслѣ, можетъ находить преступленіе, и притомъ тагчайшее, тамъ, гдѣ не то-что нѣтъ преступленія, а напротивъ, есть одна только добродѣтель.—Мы слышали о такомъ случаѣ изъ судебной практики: къ крестьянину нижегородской губерніи (уѣзда и села не припомнимъ) приходитъ сынъ—бѣглый рекрутъ. Отецъ отказывается укрывать его, велитъ отправиться къ мѣсту службы, явиться къ начальству съ повинною и увѣдомить домашнихъ о томъ, какъ его примутъ. Въ томъ же ожиданіи отвѣта, добрый отецъ положилъ въ своемъ сердцѣ, что вся благодарность его, въ случаѣ благополучнаго исхода дѣла, должна будетъ принадлежать Божіей Матери, которой онъ молился въ своемъ переднемъ углу. Сынъ увѣдомилъ отца, что начальство обошлось съ нимъ такъ хорошо, что не подвергло даже и самому легкому наказанію. Обрадованный отецъ не умѣетъ даже придумать — чѣмъ онъ можетъ отблагодарить заступницу: молебновъ ему кажется мало; самый серебряный окладъ ему не кажется достаточнымъ. Призывается на совѣтъ богомолка. Ей кажется, что ничего не можетъ быть лучше, какъ возвеличить Божію Матерь въ явленныя. Устройство дѣла она беретъ на себя. Видитъ богомолка сонъ: вышла она изъ села, перешла мостъ, повернула влѣво, вошла въ лѣсъ, пошла по тропинкѣ, свернула направо, видитъ ручей, а въ ручьѣ икона Божіей Матери, и говоритъ ей:—скажи церковному причту, что я хочу быть явленной. Причтъ дѣлаетъ открытіе. Окрестный народъ повалилъ толпами поклониться ново-явленной. Въмѣшивается гражданское начальство. Распространители ложнаго чуда предаются суду. Главнымъ виновникомъ оказывается отецъ,—сдѣлавшій поступокъ Брута и оказавшій вѣру Магдалины, за что и наказывается каторгой. — Какъ судъ по ремеслу, это самый обыкновенный судъ, и подобныя приговоры никогда не будутъ считаться исключеніями не только тамъ, гдѣ вовсе не будетъ присяжныхъ, но и тамъ, гдѣ изъ-подъ суда присяжныхъ будетъ допущено слишкомъ много исключевій. Поэтому, какъ скоро принимаются присяжные, то совершенная вѣрность принципу, по которому они принимаются, не допускаетъ никакого другого суда по уголовнымъ дѣламъ, кромѣ

ихъ: рѣшить и вязать это ихъ дѣло; къ этому способна только совѣсть людей, которые нинѣ судьи, а завтра опять простые люди. И такая вѣрность принципу вовсе не идеаль: мы видимъ ее осуществленной на самомъ дѣлѣ, въ примѣрѣ англійскихъ судовъ. Но такъ какъ для допущенія нѣкоторыхъ исключеній существуютъ нѣкоторыя извиненія, — напримеръ, быстрота и безостановочность правосудія, — то во всякомъ случаѣ эти исключенія должны быть сдѣланы по какому-нибудь неизмѣнному правилу. Такое правило, какъ мы видѣли, можетъ быть только одно: это сравнительная легкость наказаній, выводимая изъ раздѣленія осуждаемыхъ закономъ дѣйствій на *преступленія* и *проступки*. Гдѣ преступленіе, тамъ непременно судятъ присяжные; гдѣ проступокъ, тамъ могутъ судить одни постоянные судьи.

Разбираемый нами пунктъ проектированнаго закона невѣренъ этому правилу. Онъ требуетъ, поэтому, исправленія въ этомъ смыслѣ.

Пунктъ 87. — По окончаніи преній на судѣ и по изложеніи существа дѣла, председатель суда объясняетъ присяжнымъ за-сѣдателямъ правила о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ обвиняемаго, и законы, относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступленія, напоминая присяжнымъ, что при постановленіи рѣшенія они должны остерегаться всякаго увлеченія въ обвиненіи или оправданіи подсудимаго.

Въ лицѣ присяжныхъ рѣшеніе дѣла предоставляется здравому смыслу и непритупленной совѣсти; оттого судъ присяжныхъ, въ противоположность суду — по ремеслу, иначе и называется судомъ — по совѣсти. Но если присяжнымъ, передъ рѣшеніемъ дѣла, будутъ объяснять правила о силѣ судебныхъ доказательствъ, по которымъ, напримеръ, въ свидѣтельскихъ показаніяхъ «отдается преимущество мужчине передъ женщиной, образованному передъ необразованнымъ, знатному передъ незнатымъ», то это значить, что присяжнымъ будутъ внушать — произносить приговоры по условнымъ правиламъ, а не по здравому смыслу и не по совѣсти. Значить, присяжные обращаются въ такихъ же точно судей, какъ постоянные и юридически-образованные судьи, съ тою разницею, что образованные могутъ рѣшать дѣла сами, по своему собственному разумнѣю правилу о доказательствахъ, а необразованные должны покоряться, въ пониманіи этихъ правилъ, внушеніямъ образованныхъ. Это

во-первыхъ, унижаетъ достоинство присяжныхъ, во-вторыхъ, противорѣчитъ одному изъ самыхъ основныхъ положеній новаго уголовного судопроизводства, положенію — объ отнѣнїи теорїи формальныхъ доказательствъ (Ч. II. и. 8), а въ третьихъ, содержаніе заключительной судейской рѣчи, обращенной къ присяжнымъ, не можетъ быть опредѣлено какъ угодно, а только сообразно той *единственной* надобности, по которой судейская рѣчь повсюду признается самымъ приличнымъ заключеніемъ судебныхъ преній. Надобность эта — чисто логическая. Она вытекаетъ изъ анархическаго свойства самыхъ преній. Говоритъ судья, говоритъ прокуроръ, говорятъ подсудимые и ихъ защитники, и принимаются говорить по нѣсколько разъ, и тутъ же спрашиваютъ и переспрашиваютъ свидѣтелей. Судейская заключительная рѣчь должна придать всему этому единство. Поэтому, ея программа очень простая: она должна быть сжатымъ и системнымъ повтореніемъ всего хода преній и въ особенности яснымъ изложеніемъ — не правилъ о силѣ доказательствъ, а самыхъ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ обвиняемаго. Затѣмъ, предостереженіе отъ увлеченій и разъясненіе свойствъ преступленія въ духѣ положительнаго закона могутъ быть только терпимы въ судейской рѣчи, какъ удобныя темы для судебного ораторства, но не вызываются никакою необходимостью. Главное, чтобы судъ присяжныхъ былъ дѣйствительно судомъ присяжныхъ.

Пунктъ 89. — *Присяжные засѣдатели разрѣшаютъ предложенные имъ чрезъ старшаго вопросы по большинству голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ дается преимущество тому мнѣнію, которое оправдываетъ подсудимаго.*

Присяжные разрѣшаютъ два вопроса: во-первыхъ, о дѣйствительности событія, во-вторыхъ, о винѣ или невинности. Рѣшеніе нашимъ проектомъ закона устанавливается по большинству голосовъ. Известно, что въ пользу такого способа рѣшеній можно говорить много и основательно. Но известно также, что въ пользу *единодушнаго* рѣшенія можно говорить еще больше и еще основательнѣе. Мы укажемъ только на самый корень основаній, по которымъ поддерживается и то и это мнѣніе. Кто говоритъ въ пользу большинства голосовъ, тотъ имѣетъ въ виду общее правило, что различные люди могутъ смотрѣть на одинъ и тотъ же предметъ самымъ непримиримымъ образомъ, безъ всякой надежды когда-нибудь согласиться во взглядахъ.

Кто говоритъ въ пользу единодушнаго рѣшенія, тотъ принимаетъ за правило—исключеніе изъ этого правила, именно, что есть множество предметовъ, на счетъ пониманія которыхъ, при одинаковости человѣческой логики, могутъ никогда не согласиться только люди, потерявшіе свою логику, вслѣдствіе умственнаго разстройства, которые, слѣдственно, никогда не могутъ быть призваны къ исправленію какой бы то ни было общественной обязанности. Эти положенія оба справедливы; но основаніемъ для рѣшенія нашего вопроса скорѣе можетъ служить второе положеніе, чѣмъ первое. Въ самомъ дѣлѣ, мы на каждомъ шагѣ видимъ, что люди относительно однихъ предметовъ всегда остаются *при своихъ мнѣніяхъ*, а относительно другихъ *соглашаются съ другими*. Нужно быть небольшимъ психологомъ, чтобы замѣтить, когда они соглашаются и когда нѣтъ. Они умираютъ съ своими мнѣніями тогда, когда для того, чтобы измѣнить ихъ, имъ нужно отказаться отъ всей системы своихъ мыслей; а принимаютъ чужія мнѣнія тогда, когда эти мнѣнія не находятся ни въ какомъ противорѣчій съ ихъ общимъ направленіемъ. Разногласія по судебнымъ случаямъ, очевидно, могутъ быть стиснены только ко второй категоріи. Очень понятно, что если два человѣка радикально расходятся во взглядахъ на природу человѣческой души, то они должны умереть каждый при своемъ понятіи; если тутъ и существуетъ возможность соглашенія, то для достиженія его нужно употребить не часы, не дни, даже не мѣсяцы, а цѣлыя годы. Но если нѣсколько человѣкъ расходятся по вопросу — убилъ такой-то человѣкъ такого-то, или нѣтъ, и если они притомъ для составленія своихъ мнѣній по этому вопросу всѣ имѣютъ—сполна и рѣшительно—одни и тѣ же данныя, — никто ни одною чертою болѣе, никто ни одною йотою менѣе, — то почему бы имъ не придти къ единодушному мнѣнію? Изъ нихъ каждый можетъ имѣть свой личный взглядъ и свое сомнѣніе, но только до тѣхъ поръ, пока каждый съ каждымъ не размѣняется своими личными недоумѣніями. Они могутъ спорить и возражать каждый каждому, это можетъ продолжаться часъ, два, десять часовъ, но чтобы въ пятнадцатый или двадцатый часъ изъ этого спора не возникла наконецъ очевидность, которая была бы равно для всѣхъ убѣдительно, — это такая невозможность, которую вовсе предполагать нельзя, — это, смѣемъ сказать, не основаніе, а скорѣе предлогъ къ закону о рѣшенія по большинству голосовъ. Между тѣмъ этотъ за-

комъ, не обусловленный никакою абсолютною необходимостью, не обусловленный даже достаточною причиною, въ высшей степени противенъ духу гуманности: онъ будетъ приѣзживать надъ головами подсудимыхъ за одинъ волосокъ — сибирь и каторгу. И мы выражаемся не метафорой, а буквально. Это будетъ случаться всякій разъ, когда обвиняемый будетъ присуждаться къ тяжкому наказанію пятью голосами противъ семи. Отдѣлись *однимъ* голосъ къ противной сторонѣ, и онъ спасенъ, потому что при равенствѣ голосовъ онъ всегда спасенъ. Одинъ—голосъ, это волосъ, съ котораго оборвалась каторга. Двѣ лишніе минуты спора—и человѣкъ былъ бы найденъ, быть можетъ, невиннымъ. Поэтому, ничто не можетъ быть человѣчнѣй и, можно сказать, прозорливѣе и практичнѣе англійскаго закона, лишающаго присяжныхъ — свѣта, воды и хлѣба, пока они не примутъ единодушнаго рѣшенія. Исправительные приговоры за *проступки* еще могутъ быть терпимы по большинству голосовъ, тѣмъ болѣе, что они судятся постоянными судьями, у которыхъ можетъ не достать силъ для каждодневныхъ единодушныхъ соглашеній; но приговоры за *преступленія*, произносимые временными судьями, рѣшительно и безоговорочно должны быть единодушны.

Пунктъ 92.—*Рѣшеніе присяжныхъ произносится ими и провозглашается председателемъ въ томъ же зазданіи суда.*

Кажется, мы должны читать это такъ: *рѣшеніе присяжныхъ произносится не ими, а провозглашается председателемъ*, потому что въ предыдущемъ пунктѣ (91) говорится, что старшій заздатель, собравши голоса, представляетъ отвѣты присяжныхъ председателю. Повидимому, въ этомъ нѣтъ ничего существеннаго, что рѣшеніе присяжныхъ провозглашается не ими и не *тотчасъ* по выходѣ ихъ изъ особой комнаты, а председателемъ, и только *въ томъ же зазданіи*, а не вмѣстѣ съ принятіемъ отвѣтовъ отъ присяжныхъ. Однако, присяжные въ продолженіе преній только слушаютъ, то есть—молчатъ, передъ уходомъ въ особую комнату (въ «Основныхъ положеніяхъ», впрочемъ, не говорится объ особой комнатѣ?) председатель суда поучаетъ ихъ правиламъ о силѣ судебныхъ доказательствъ, по уходѣ въ особую комнату—ихъ никто не слышитъ, по возвращеніи оттуда, одинъ изъ нихъ молча подаетъ ихъ отвѣты председателю суда, тотъ, въ свою очередь, провозглашаетъ ихъ рѣшеніе послѣ нѣкотораго промежутка времени: это роняетъ авторисеть присяжныхъ; они являются какими-то пассивными агентами суда. Они

отъ этого не дѣлаются слабѣе и судъ ихъ остается вполне дѣйствительнымъ, но съ одной стороны, это затемняетъ въ глазахъ общества глубокий смыслъ самаго учрежденія присяжныхъ, а съ другой, провозглашеніе ими своего рѣшенія — это одинъ изъ ихъ атрибутовъ, который наиболѣе придаетъ торжественности ихъ суду, это такая ихъ принадлежность, которая можетъ быть перенесена на другое лицо только съ униженіемъ для нихъ и не безъ ущерба для нравственнаго чувства присутствующихъ. Мы знаемъ изъ единодушнаго свидѣтельства всѣхъ разскащиковъ объ уголовныхъ процессахъ, а еслибы не знали, то легко могли бы предположить, что самая внушительная и, слѣдственно, самая поучительная минута въ развитіи судебной драмы, это минута, предшествующая появленію присяжныхъ, рѣшившихъ судьбу подсудимаго и готовыхъ провозгласить ее собственнымъ голосомъ. Зачѣмъ наше общество будетъ лишено такого сильнаго и такого нравственнаго впечатлѣнія, котораго сильнѣй и нравственнѣй судъ ничего не можетъ представить?

Пунктъ 112. — Проектомъ закона, выраженнымъ въ этомъ пунктѣ, опредѣляются случаи, въ которыхъ приговоры судебной власти должны быть представляемы на усмотрѣніе высочайшей власти. Такіе случаи раздѣляются на три категоріи: 1) когда дворяне, чиновники и священнослужители всѣхъ степеней духовной іерархіи присуждаются къ лишенію или всѣхъ или даже только особенныхъ правъ и преимуществъ; 2) когда кто-нибудь присуждается къ лишенію какого бы то ни было знака отличія; 3) когда судебное мѣсто ходатайствуетъ или о смягченіи наказанія въ размѣрѣ, не предоставленномъ судебной власти, или о совершенномъ помилованіи преступника.

Дозволеннымъ возраженіямъ противъ этого пункта могутъ подлежать только два первыхъ подраздѣленія, а уважительныхъ основаній для такихъ возраженій существуетъ два: это драгоцѣнность времени высочайшей власти, и потомъ то, что высочайшая воля относительно вышненія наказаній однажды навсегда выражена въ законѣ.

Для того, чтобы показать всю силу убѣдительности перваго основанія, всего лучше было бы обратиться къ точнымъ цифрамъ и указать прямо, какая бездна судебныхъ дѣлъ должна подлежать, — какъ и всегда подлежала, — усмотрѣнію высочайшей власти по всѣмъ тѣмъ случаямъ, гдѣ лица привилегированныхъ сословіи и всесловные носители знаковъ отличія подвергаются

лишенію своихъ правъ и преимуществъ. Но мы лишены этой возможности, и потому, вмѣсто убѣдительнаго доказательства, можемъ указать комисіи, трудящейся надъ составленіемъ проекта судебной реформы, только на способъ получить такое доказательство: для нея это совершенно возможно. Мы съ своей стороны можемъ, однако, совершенно безошибочно заключать, что высочайшая власть должна быть обременена дѣлами изъ судебной сферы въ высшей степени. Мы, наприимѣръ, знаемъ, что лицъ только духовнаго званія, разумѣется, — не считая причетниковъ, — въ продолженіе года приговаривается къ наказаніямъ за позорныя преступленія, влекуція за собою потерю правъ, до 1500. Если мы число наказанныхъ лишеніемъ правъ изъ дворянскаго и чиновничьяго сословія, а также изъ носителей знаковъ отличія, ограничимъ произвольно, но вѣроятной цифрой — вдвое больше этой, то получимъ 4500 дѣлъ. Если мы потомъ предположимъ, что каждое изъ этихъ дѣлъ потребуетъ у высочайшей власти вниманія только *двухъ минутъ*, то это составитъ 150 часовъ. Наконецъ, если мы допустимъ, что высочайшая власть отдаетъ юстиціи изъ своего времени 50 дней въ году, посвящая остальное свое время другимъ отраслямъ управленія, то мы будемъ имѣть на каждый день ровно три часа, отданные высочайшею властію такимъ дѣламъ, которыя даже въ сферѣ юстиціи не имѣютъ рѣшительно никакого значенія. Съ другой стороны, высочайшая воля относительно всѣхъ дѣлъ этого разряда высказана рѣшительно и окончательно въ самомъ законѣ. Дворянинъ, чиновникъ, лицо духовнаго сана или носитель знака отличія, совершившіе преступленіе, влекущее за собою потерю правъ, приговорены высочайшею властію къ этой потерѣ при изданіи того самаго закона, по которому это преступленіе и карается — именно потерю правъ: особая санкція по каждому отдѣльному случаю, подходящему подъ этотъ общій законъ, очевидно, должна представляться, со стороны высочайшей воли, только безконечнымъ повтореніемъ самой себя. Между тѣмъ дѣла этого рода для одной только санкціи и представляются на высочайшее усмотрѣніе; другой причины для этого не существуетъ; относительно этихъ дѣлъ ничего не просятъ, ничего не ждутъ, даже ничего не желаютъ. Гдѣ нужно помилованіе или смягченіе наказанія, въ недозволенномъ размѣрѣ, тамъ очень понятно обращеніе къ высочайшей власти: тамъ дѣло идетъ объ отступленіи отъ закона и тамъ вниманію

государя представляется действительное санітіе. Но гдѣ виновенъ его даже вовсе не призывается на дѣло, гдѣ только исправляется его санкція закону, уже получившему его санкцію, словомъ. гдѣ обращаются къ нему изъ одного только обряда, — тамъ отиѣна этого обряда должна считаться отиѣмой бесполезной формальности.

Пунктъ 113. — *Главныя изытія изъ общаго порядка удопроизводства устанавливаются для слѣдующихъ дѣлъ:* 1) по преступленіямъ противъ вѣры; 2) по государственнымъ преступленіямъ; 3) по преступленіямъ и проступкамъ по службѣ; 4) по преступленіямъ смѣшанной подсудности гражданской и военной (бухпутной и морской); 5) по преступленіямъ смѣшанной подсудности гражданской и духовной.

Особенности судопроизводства по преступленіямъ противъ вѣры, сколько можно думать по другимъ пунктамъ «Основныхъ положеній», состоятъ, во-первыхъ, въ томъ, что они, какъ мы уже видѣли, могутъ быть судимы, по усмотрѣнію судей, въ открытыхъ или закрытыхъ засѣданіяхъ, во-вторыхъ, въ томъ, что они судятся съ участіемъ и безъ участія присяжныхъ и въ-третьихъ, въ томъ, что если это преступленія противъ православной вѣры, то они судятся православными присяжными.

Преступленія противъ православія у насъ исключительно совершаются одними раскольниками и ихъ прозелитами, поэтому и это изытіе мы должны относить къ однимъ только къ нимъ. Самымъ тяжкимъ преступленіемъ въ этомъ родѣ, которое съ тѣмъ вмѣстѣ и самое обыкновенное, положительный законъ признаетъ — совращеніе изъ православія, влекущее за собою наказаніе Сибирью и арестантскими ротами (т. XV кн. I ст. 205); поэтому изъ всѣхъ преступленій противъ православія присяжнымъ всего чаще придется судить людей не одного съ ними исповѣданія именно за это преступленіе. Но здѣсь возможны самыя прискорбныя случайности, могущія не приносить никакой чести государству, называющему себя вѣротерпимымъ. Пока наши суды оставались закрытыми и пока наши раскольники гораздо рѣже попадали министерству юстиціи, чѣмъ инструкціямъ, издававшимся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, тогда наши раскольничьи дѣла, вслѣдствіе самой таинственности, которой они окружались, еще могли не касаться общественной совѣсти; но введеніе правильного суда во всякомъ случаѣ дастъ возможность проникать общественному смыслу да-

же и въ закрытыя буды; тогда этотъ родъ дѣлъ, — будутъ ли они разрѣшаться на основаніи положительнаго закона, или по тѣмъ «свѣдѣніямъ и соображеніямъ, коими доселѣ руководствовались министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ», — однакоже окажется неудобнымъ вообще для всякой подсудности. Во-первыхъ, совратители и совращенные, въ виду тяжкаго наказанія, очень часто могутъ или опровергать самый фактъ совращенія, не подлежащій очевиднымъ доказательствамъ уже потому, что оны совершились въ глубинѣ совѣсти, или будутъ приносить ложное раскаяніе, тоже устраняющее возможность карательнаго наказанія. Тогда, съ одной стороны, и судъ и законъ должны признать себя безопытными, потому что они не могли осудить и наказать людей, дѣйствительно совершившихъ то преступленіе, за которое они были призваны къ суду, а съ другой стороны, и судъ и законъ становятся отвѣтственными въ томъ, что они безъ необходимости и пользы ставятъ людей въ положеніе лжи и притворства, которыя, разумѣется, противны чистой правдивости. Во-вторыхъ, совращенные и совратители, вслѣдствіе фанатизма, могутъ открыто признавать свое преступленіе и могутъ быть готовы принять за него всякое наказаніе, какъ испытаніе за вѣру. Тогда виновеніе наказанія будетъ не предупрежденіемъ зла, а тѣмъ могучимъ орудіемъ его пропаганды, которое одно только и создало расколъ. Въ-третьихъ, видѣть или не видѣть тяжкое преступленіе въ совращеніи отъ православія зависитъ, конечно, — и это наперекоръ положительному закону, — отъ совѣсти присяжныхъ и степени ихъ образованія или отъ ихъ направленія. Отъ этого можетъ происходить то, что, въ случаѣ фанатизма присяжныхъ судей, подсудимые будутъ отдаваемы на судъ жесточайшихъ враговъ, а въ случаѣ, если судьи будутъ люди равнодушные или скептики, они *осуждаются* судить такое преступленіе, за которое сами подлежатъ суду. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, положительному закону, который мы имѣемъ въ виду, остается одно изъ двухъ: или часть, или не имѣть ничего общаго съ правильнымъ судомъ, довольствуясь однимъ инквизиціоннымъ.

Судопроизводство по государственнымъ преступленіямъ отличается наиболѣе исключительными особенностями, передъ всѣми изъятіями изъ общаго порядка. Производство прямо начинается съ судебной палаты, то есть не съ первой инстанціи; второй инстанціей считается кассационный судъ и, кажется, не какъ судъ

только кассирующій, а какъ разсматривающій дѣла по ихъ сущности; предварительное слѣдствіе производится членомъ палаты; предварительное обсужденіе дѣла происходитъ въ гражданскомъ департаментѣ палаты; присяжные устраняются; взаимъ ихъ къ членамъ уголовного департамента палаты присоединяются: 1) мѣстный губернскій предводитель дворянства; 2) одинъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства мѣстнаго судебнаго округа; 3) одинъ изъ городскихъ головъ того же округа, и 4) одинъ изъ волостныхъ головъ или старшинъ того уѣзда, въ которомъ находится палата. Члены этого суда могутъ быть отводимы не иначе, какъ по причинамъ, опредѣленнымъ въ законахъ.—Личность подсудимаго,—мы должны съ этимъ согласиться,—здѣсь гарантирована достаточно. Государственное преступленіе совершенно справедливо признается преступленіемъ противъ общества, а не одного только правительства, какъ мы, безъ сомнѣнія, можемъ заключать изъ самаго состава суда. Но въ такомъ случаѣ, оно безъ достаточной причины отнесено къ числу исключеній: присяжные судьи, уже по одному своему количеству, могли бы служить въ большей степени гарантіей для общества. Противъ этого нельзя привести даже того возраженія, что въ составъ суда входятъ *собирательные* представители общества, какъ предводители и головы: эти люди избраны мѣстными обществами представлять интересы только извѣстнаго круга; очень можетъ быть, что еслибы дѣло шло объ избраніи въ судьи, то ихъ никогда бы не избрали или за ихъ характеры, или за ихъ понятія. Это возраженіе за общество; но присяжные въ большей степени могли бы гарантировать и личность подсудимаго. Дворянскіе предводители, а также и головы, не просто люди, принадлежащіе къ сословіямъ, а конечно и высшіе выразители сословныхъ интересовъ; въ этомъ качествѣ они должны быть и высшими выразителями сословныхъ предразсудковъ; эти предразсудки могутъ и, безъ сомнѣнія, очень часто будутъ служить единственнымъ основаніемъ ихъ взглядовъ на дѣло: такимъ образомъ подсудимому всегда угрожаетъ опасность сдѣлаться жертвой предубѣжденія. Ограниченіе случаевъ отвода посредствомъ положительнаго закона, еще болѣе отягчаетъ судьбу подсудимаго, и отягчаетъ съ безусловной несправедливостію. Какъ бы законъ не былъ подробенъ и дальновиденъ, онъ никогда не можетъ исчислить всѣхъ случаевъ справедливаго отвода, опущеніе которыхъ, однако, будетъ рѣшать участь подсу-

димаго. Человѣкъ можетъ ненавидѣть человѣка за мнѣнія; ненавидимый можетъ знать объ этомъ; но можетъ ли онъ доказать это? Здѣсь мы должны еще разъ сослаться на англійское законодательство, дозволяющее отводить подсудимому за государственное преступленіе всѣхъ своихъ судей, безъ объясненія причинъ, и требовать новаго состава присяжныхъ. Потомъ, «Основныя положенія» не общають точныхъ названій или хоть самыхъ близкихъ опредѣленій для государственныхъ преступленій и не обезпечивають публичности производства по дѣламъ этого рода; а этого столько же въ правѣ желать и требовать общество, какъ и подсудимый.

Подъ категорію изъятій, судимыхъ по тому же способу, подводятся преступленія, сдѣланныя посредствомъ печати, литографіи и вообще публичнаго слова (п. 130).—Разуміются-ли здѣсь только такія печатныя и вообще публичныя слова, которыя могутъ находиться въ непосредственной связи съ преступными дѣйствіями, или даже и такія, которыя служатъ только выраженіемъ мнѣній? Если законъ долженъ быть всегда точенъ въ своихъ опредѣленіяхъ, то въ этомъ случаѣ его точность должна превосходить всякую другую. Проектъ закона характеризуетъ преступленія этого рода просто «преступленіями, совершенными противъ верховной власти и установленнаго государственнаго порядка.» При широтѣ этого опредѣленія,—противъ которой мы уже достаточно возставали, и однако не столько достаточно, какъ этого заслуживаетъ самый вредъ,—можно истолковать въ смыслѣ преступленія каждое доброе слово въ пользу демократіи или конституціоннаго правительства, даже каждую похвалу чужестранной полиціи. Открывателями печатныхъ преступленій, будутъ, если не прокуроры, то особые правительственные агенты. Они могутъ не быть знакомы съ современнымъ состояніемъ политико-экономической науки, не имѣть никакой начитанности по этому предмету и даже самаго легкаго знакомства съ нимъ. Немудрено предвидѣть, что эти благонамѣренные люди, очень часто, съ ужасомъ могутъ отрывать заговоръ противъ экономическаго устройства нашего общества—тамъ, гдѣ существуетъ только простая научная истина или ходячее мнѣніе. Если это такъ часто случается съ теперешними цензорами—людьми все-таки образованными, еще болѣе можетъ случаться тогда. Потомъ мы знаемъ, что и между судьями, мы почти исключительно будемъ встрѣчать однихъ

такихъ, которые общественное устройство могутъ представлять себѣ только въ той единственной формѣ, при которой живутъ сами: какая безопасность будетъ оставаться бѣдной печати при такихъ обвинителяхъ и такихъ судьяхъ? Мы думаемъ, что составителью проекта закона о печатныхъ преступленіяхъ вещи не представлялись въ такомъ мрачномъ видѣ, а между тѣмъ это ихъ дѣйствительный видъ, несколько не преувеличенный. Но вѣроятно жестокость этого проекта закона будетъ парализована гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и всего вѣроятнѣе въ столь нетерпѣливо ожидаемомъ—новомъ цензурномъ уставѣ.

Между особенностями производства по преступленіямъ и проступкамъ по службѣ, кромѣ совершенно справедливыхъ особенностей—о дисциплинарныхъ взысканіяхъ съ служебныхъ лицъ, мы не нашли бы замѣтить ничего, если бы обо всемъ кругѣ этихъ дѣлъ не было сказано, что они «производятся по общимъ правиламъ уголовного судопроизводства» (п. 145). Мы нашли такъ много исключеній изъ общихъ правилъ, что не знаемъ, что должны считать настоящими общими правилами—исключенія или общія правила? Производятся-ли дѣла о преступленіяхъ по службѣ—публично вообще, или вообще закрыто, или это предоставляется, по общему правилу,—усмотрѣнію судей, и судятся-ли эти дѣла съ присяжными, или безъ нихъ?

Въ производствѣ дѣлъ смѣшанной подсудности наше вниманіе останавливается на той особенности, что лица военнаго сословія хотя и судятся за всѣ преступленія, не относящіяся къ нарушенію законовъ дисциплины, общими уголовными судами, но подвергаются вѣщенію по военно-уголовнымъ законамъ, тѣ есть, по законамъ гораздо болѣе строгимъ, чѣмъ общіе уголовные законы. Порокъ-ли, совершаемый военнымъ человекомъ гораздо вреднѣе для общества, или военный человекъ вообще предполагается добродѣтельнѣй всѣхъ остальныхъ членовъ общества, почему и наказывается гораздо строже, въ случаѣ паденія? Конечно, ни то, ни другое: это обветшавшая несправедливость, которую—или позабыли исправить, или оставили изъ уваженія къ существующему положительному закону. Но старшій законъ находится въ явномъ противорѣчій съ «Основными положеніями» не въ одномъ только этомъ случаѣ. Въ продолженіи нашихъ замѣчаній мы почти вовсе не касались этого предмета; мы не коснемся его и теперь, на послѣдней строкѣ этихъ замѣчаній: лучшую критику и самыя практическія замѣчанія отло-

сительно этого предмета представить самое осуществленіе судебной реформы. Но только понятно сразу, что издшняя пощада къ старому положительному закону способна обратить всякую полезную реформу въ одну только пустую форму.

Вотъ и всѣ наши замѣчанія. Мы считаемъ ихъ направленными не противъ духа «Основныхъ положеній», а только противъ воздержности, съ которою выражается ихъ прекрасный духъ. Можетъ быть это допущено съ цѣлію; можетъ быть намъ не дають всего должнаго въ тѣхъ видахъ, чтобы имѣть запасъ, изъ котораго можно было бы давать впередъ, когда этого потребуетъ нужда. Но съ одной стороны, судебная реформа еще не составляетъ предѣла нашихъ желаній, за которыми ничего не оставалось бы давать; а съ другой, есть способъ дѣлать благодѣанія, который, вмѣсто чувства одолженія, производитъ одно только озлобленіе. Правительство, безъ сомнѣнія, желаетъ другихъ чувствъ со стороны общества.

ЗАРЕНЬ.

КЪ ВОПРОСУ О НАШИХЪ ПЛЕМЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Въ одной изъ предъидущихъ книжекъ журнала мы высказали нашъ взглядъ на отношенія между русскимъ и польскимъ племенемъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Въ отношеніяхъ этихъ мы не находили равенства и искренности со стороны поляковъ, стремящихся къ политическому сближенію южно-русскаго племени съ польскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, и исторія, и современное положеніе дѣлъ имѣютъ въ результатъ то, что всѣ важнѣйшіе интересы двухъ племенъ находятся въ прямомъ противорѣчій, и согласить ихъ нѣтъ никакой возможности. Одно изъ двухъ племенъ непременно должно уступить. Поляки-помѣщики западно-русскихъ губерній, разумѣется, претендуютъ, что уступить имъ въ тѣхъ мѣстахъ должны русскіе, такъ какъ поляки представляютъ образованнѣйшій классъ въ томъ краю и притомъ владѣютъ почти исключительно поземельною собственностью. Русскіе утверждаютъ, что уступить должны поляки, потому что поляки составляютъ тамъ ничтожное меньшинство, потому что страна эта издревле составляла часть Россіи и до сихъ поръ имѣетъ общіе съ нею интересы религіи и національности.

Говорятъ, что поляки, живущіе въ западныхъ губерніяхъ, относятся къ Россіи еще съ меньшею симпатіею, нежели Поляки Царства Польскаго. Но когда тамошніе поляки хорошо смотрятся и сообразятъ свои средства съ обстоятельствами и особенно со своими желаніями, то они не могутъ не замѣтить, что ихъ средства и обстоятельства далеко не соотвѣтствуютъ желаніямъ. Отсюда прямымъ путемъ и происходятъ, какъ ихъ излишняя горячность, такъ и пренебреженіе многими самыми замѣчательными фактами, имѣющими существенную важность въ рѣшеніи вопроса.

Разумѣется, это пренебреженіе дѣлается въ пользу себя и во вредъ другимъ, т. е. южно-русскому населенію тѣхъ мѣстъ, состоящему, главнымъ образомъ, изъ простаго народа, изъ крестьянъ, недавно освобожденныхъ, которыхъ впрочемъ помѣщики и до сихъ поръ продолжаютъ называть хлопами.

Такое положеніе дѣлъ не могло не вызвать реакціи со стороны людей, въ которыхъ патриотизмъ не заглушилъ чувства справедливости; и вотъ въ юго-западной Россіи, мало по малу, сформировался кружокъ людей, которые, не отвращиваясь на мгнѣнне отъ фактовъ существующихъ, не въ силу какой-нибудь уродливой дипломатической комбинаціи, а въ силу естественнаго историческаго движенія и даже наперекоръ историческому насилію, рѣшились содѣйствовать образованію южно-русскаго народа, разсуждая, что образованіе, придуманное безъ особенной хитрости, ни въ какомъ случаѣ повредить народу не можетъ, а навѣрное принесетъ ему пользу.

Что можетъ быть законнѣе этого дѣла? Что можетъ возбуждать больше сочувствія всякаго честнаго гражданина, какъ подобные и безкорыстные и при томъ очень скромные труды на пользу народнаго образованія? А между тѣмъ, эти люди заслужили укоризну со стороны польскаго дворянства западныхъ губерній. Ихъ называютъ тамъ презрительнымъ именемъ хлопомановъ, т. е. людей, которые не устыдились принять сторону холоповъ и заняться ихъ интересомъ.

Странно видѣть со стороны поляковъ такую непослѣдовательность. Сами они хвастаются на весь свѣтъ тѣмъ, что они самые чистые и послѣдовательные демократы во всей Европѣ; а между тѣмъ, слово хлопоманъ имѣетъ у нихъ презрительное значеніе. Отсюда прямое слѣдствіе, что польская демократія, будучи весьма искренна за границею и въ другихъ мѣстахъ, въ нашихъ западныхъ губерніяхъ есть ложь, что равенство, которое поляки предлагали южно-русскому племени въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и въ Галиціи, есть обманъ.

Отчего же польскимъ помѣщикамъ юго-западной Россіи не нравятся стремленія кого бы-то ни было къ образованію простаго народа? Дѣло слишкомъ просто и понятно. Единственная опора, которую они имѣютъ за себя въ своемъ спорѣ съ южно-русскою народностью, состоитъ въ томъ, что они составляютъ образованнѣйшій элементъ народонаселенія. Быть можетъ, въ моемъ-то дѣлѣ это образованіе не такъ велико, чтобы оно

могло не только уравновѣшивать, но и перевѣшивать значеніе массы южно-русскаго народонаселенія. Но допустимъ, что оно вѣситъ дѣйствительно больше, нежели масса южно-русскаго народонаселенія, допустимъ, что одинъ полякъ-шляхтичъ съ его образованіемъ имѣетъ больше значенія, нежели десять человекъ малороссовъ, и бѣлоруссовъ малообразованныхъ. Если уровень образованія простаго народа поднимется, то это очевидно будетъ имѣть вліяніе на относительное значеніе двухъ противоположныхъ элементовъ; относительная тяжесть на двухъ концахъ рычага измѣнится и значеніе простаго народа перевѣситъ значеніе польской шляхты. Въ самомъ дѣлѣ, если теперь образованіе одного поляка, по значенію своему, равняется массѣ десяти малороссовъ, то въ случаѣ, если уровень образованія простаго народа поднимется вдвое, значеніе одного поляка будетъ уравновѣшивать массу только итерыхъ малороссовъ. Стало бытъ, остальные пять человекъ будутъ уже перевѣшивать, и вообще значеніе южно-русскаго элемента, сравнительно съ польскимъ, въ томъ краю увеличится вдвое.

Такинъ образомъ, интересъ польскаго элемента въ западной Россіи прямо противоположенъ интересу народнаго образованія въ этомъ краю; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прямо противоположенъ и началамъ справедливости. Тутъ поляки играютъ роль той лягушки, которая, забравшись на гору, просила Юпитера, чтобы онъ потопилъ всю равнину до вершины горы, для того, чтобы она могла, не сходя съ нея, плавать въ водѣ.

Несправедливые интересы всегда прямо противоположны интересамъ народнаго образованія. Такъ католическая церковь душила въ средніе вѣка всякую плодотворную мысль, старалась подавить всякую рациональную методу образованія, чтобы удержать за собою свои несправедливыя привилегіи. Такъ и до сихъ поръ нѣкоторыя правительства стараются препятствовать развитію народнаго сознанія, чтобы какъ можно больше скрывать несправедливость своихъ прерогативовъ. Эта мысль съ особеннымъ искусствомъ развита у Вольнея, французскаго писателя прошлаго столѣтія, весьма извѣстнаго своими изслѣдованіями о первоначальной исторіи арамейскихъ народовъ и ихъ вѣрованій. Онъ показываетъ съ послѣднею степенью ясности, что никакая несправедливая привилегія не можетъ ужиться со свѣтомъ образованія. Мы бы желали, чтобы наиболѣе пламенные изъ польскихъ патріотовъ западныхъ губерній познакомились съ Вольнеемъ.

Вражда польской партіи къ тѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ они называютъ хлопоманами, доказываетъ ясно несправедливость претензій поляковъ, живущихъ въ западной Россіи. По этому самому дѣло ихъ выиграно быть не можетъ; если они даже заставятъ хлопомановъ отказаться отъ ихъ почтенной дѣятельности, то и въ такомъ случаѣ они ничего не выиграютъ; уже самое появленіе хлопомановъ въ средѣ польскаго дворянства (позволяемъ себѣ думать, что по образованію хлопоманы не уступаютъ остальной части польскаго народонаселенія) нанесло сильный ударъ претензіямъ ультрапольской партіи.

Мы желаемъ успѣха почтенной дѣятельности хлопомановъ, если даже они и несогласны съ высказанными нами взглядами на взаимное отношеніе народностей, живущихъ въ западной Россіи. Мы не боимся, чтобы наши взгляды могли пострадать отъ свѣта образованія. А если бы они и пострадали, то все-таки мы желаемъ успѣха образованію народа; да будетъ свѣтъ!

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Споръ г. Скарятина съ г. Громекой о недовольныхъ правительствѣ.—Слѣды стараго времени нашего оживленія, общихъ мѣстъ и знаменъ.—Мировые посредники и судьи.—Облегченіе раскольниковъ.—Старообрядческіе архіереи.—Бѣлая Криница.—Комиссія объ улучшеніи быта духовенства.—Ходъ судебной реформы.—Наша благотворительность.—Подольскіе дворяне.—іисъмо г. Тургенева.

За прошедшій мѣсяць мы опять имѣемъ много чрезвычайно важныхъ новостей по государственному преобразованію: учреждена особая комиссія для обезпеченія быта духовенства; объявлено повелѣніе императора окончить проекты уставовъ судоустройства и судопроизводства къ началу 1863 года; сдѣлалось извѣстно, что учрежденіе мировыхъ посредниковъ перейдетъ либо въ концѣ будущаго, либо въ началѣ 1864 г. въ учрежденіе мировыхъ судей; газеты сообщаютъ, что финляндскій сеймъ будетъ созванъ въ будущемъ году; положеніе дѣлъ въ западныхъ губерніяхъ опредѣлилось еще яснѣе... Въ тоиѣ, въ пріемахъ каждаго объявленія о проектируемомъ преобразованіи выражается рѣшительное стремленіе правительства произвести реформы. Въ какой степени преобразованія будутъ удовлетворять обществу? на сколько будутъ они тверды и полны? Другими словами, —каково направленіе нашего правительства?

Можете представить себѣ, читатели, что въ прошломъ мѣсяцѣ мы были свидѣтелями спора о направленіи правительства, — въ русскихъ журналахъ! Этотъ любопытный споръ произошелъ между г. Скарятинимъ и г. Громекой, еще такъ недавно дружно подвизавшимся въ «Отечественныхъ Запискахъ». Г. Скарятинъ оставилъ теперь этотъ журналъ, покинулъ газету «Голось», программа которой, кажется, написана имъ, и дѣлается однимъ изъ редакторовъ еженедѣльной газеты «Русскій Ли-

стокъ». Къ объявленію о послѣднемъ изданіи приложенъ отвѣтъ г. Скарятина г. Гроиекъ, или, лучше сказать, подробное оправданіе образа мыслей г. Скарятина.

«Я думаю, — говоритъ онъ, — что между причинами нашего недовольства не малую роль играетъ привычка. Мы такъ долго, десятки лѣтъ, привыкали быть недовольными; причины нашего недовольства были такъ законны, что пессимизмъ вошелъ къ намъ въ плоть и кровь и, наконецъ, обратился въ какую-то моду, которою щеголяютъ. Я не думаю утверждать, чтобы у насъ не было никакихъ дѣйствительныхъ причинъ къ недовольству, я утверждаю только, что, независимо отъ этихъ причинъ, существуетъ у насъ еще пессимизмъ по модѣ, который я считаю очень вреднымъ, по могущимъ произойти отъ него послѣдствіямъ. Большое зло рутиннаго пессимизма заключается въ безплодныхъ жертвахъ, съ одной стороны, и въ помѣхѣ творить истинное добро съ другой, ибо власть, не пользующаяся сочувствіемъ большинства образованнаго класса, лишается силы творить добро и часто вынуждена истощаться въ заботахъ о сохраненіи матеріальнаго порядка. Неужели мало этого, чтобы оправдать людей, которые всѣ силы свои полагаютъ на то, чтобы успокоить раздраженіе и разсѣять страхъ за будущее. Неужели вы не понимаете, что тогда только и возможно всѣмъ намъ желаемое устраненіе матеріальной силы, когда на снѣгу ея явится сила слова и убѣжденія. Иначе не скоро дождетесь вы этого устраненія, ибо первая, священнѣйшая обязанность всякаго правительства (всякаго! отъ киргизскаго султана до президента республики) передъ обществомъ заключается въ сохраненіи матеріальнаго порядка и это въ такой степени вѣрно, что сами общества продаютъ добровольно свободу, когда приходится выбирать между анархіей и деспотизмомъ.

«Я полагаю, что литература оказала бы обществу весьма важную услугу, если бы успѣла ослабить собственно модное, рутинное (я не говорю о другомъ, пожалуйста не забывайте этого) недовольство. Вотъ вы сами, г. хроникеръ, находитесь (быть можетъ и не замѣчая этого) подъ рѣшительнымъ вліяніемъ такой рутины и поете себѣ, на всѣ лады—реакція, реакція и реакція! Въ какіе нибудь пять мѣсяцевъ, мы имѣемъ такіе три крупные факта, какъ отверженіе проекта откупщицковъ, гласный и публичный судъ съ присяжными и наконецъ земскія учрежденія. Реакція ли это? да или нѣтъ?

«Вы опять обвините меня въ томъ, что я обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ, на который вы прямо отвѣчать не можете, между тѣмъ вы все-таки отвѣтите мнѣ (если пожелаете) и вашъ какой нибудь намекъ будетъ понятъ точно такъ же, если не лучше, какъ и мои очень ясныя выраженія».

Мы не имѣли случая прочесть хронику г. Громеки, ничего не можемъ сказать о его теперешнихъ мнѣнiяхъ и, признаться, очень довольны этимъ. Во всякомъ случаѣ, напрасно г. Громека отрицаетъ силу обстоятельствъ, силу общественнаго мнѣнiя, будто открытую однимъ г. Скарятиннымъ. Не говоря уже о томъ, что о ней громогласно провозгласилъ г. Катковъ, слѣдовало бы вспомнить, что если въ обществѣ не созрѣла потребность извѣстныхъ реформъ, то къ чему звать о нихъ. Если нѣтъ силы обстоятельствъ, если общество не высказываетъ нужду въ извѣстныхъ реформахъ, то преобразования лягутъ только внѣшнею и часто стѣснительною формою на жизнь, не признающую ихъ. Вѣдь осуждаетъ же г. Громека напримѣръ Петра Великаго за его насильственную ломку.

Мы не колеблясь отвѣтимъ на вопросъ г. Скарятина, какъ бы предложенный имъ всей литературѣ, что надо быть либо ндiотомъ, либо недобросовѣстнымъ, чтобы считать отмену откуповъ, преобразование суда, новыя земскiя учрежденiя и многое прочее за реакцію. Стоитъ только обратить вниманiе на то, что эти реформы уничтожаютъ множество произвола и насилiя.

Но г. Скарятинъ все таки во многомъ ошибается и, кажется, даромъ тратитъ свой задоръ. Гдѣ увидѣлъ онъ недовольство, заставляющее говорить «о несочувствiи большинства образованнаго класса» и вспоминать о необходимости «сохраненiя матеріальнаго порядка въ обществѣ». Ктожь эти враги общества? Мы понимаемъ, что г. Скарятину было бы неловко и невозможно отвѣчать прямо на такой вопросъ, но это не мѣшаетъ намъ быть справедливыми въ увѣренiи, что г. Скарятинъ сильно преувеличиваетъ дѣло. Онъ ссылается на жертвы, на направленiе молодежи, на разные случаи этого года, но не замѣчаетъ, что они происходили въ ничтожномъ меньшинствѣ и преимущественно въ Петербургѣ, а онъ вѣдь казовый конецъ русской земли. Ужь не на раскольничьи ли секты мѣтитъ авторъ? но въ такомъ случаѣ ему лучше пожалѣть о прискорбномъ затмѣнiи многихъ на счетъ направленiя этихъ ученiй. Недовольство, которое грозило бы матеріальному порядку, должно быть хотя

сколько ильбудь серьезное и сознательное; но легко насчитать гораздо большее число тѣхъ, которые не удовлетворяютъ г. Скарятину по пунктамъ, признаваемымъ имъ дѣйствительными причинами нѣкотораго пессимизма, чѣмъ враговъ общественнаго порядка?

Замѣчая въ самомъ дѣлѣ распространенныя мелкія привычки достать запрещенную книжку журнала, сострить, посмѣяться, бросить соли въ разговоръ, г. Скарятинъ, кажется, вообразилъ въ этихъ замашкахъ, дѣйствительно не рѣдко доходящихъ до пошлости, что-то серьезное и требующее громовъ небесныхъ. Увы! гораздо благодарнѣе было бы взяться за осмѣяніе этихъ устарѣлыхъ, надоевшихъ общихъ мѣстъ и рутинныхъ пріемовъ, чѣмъ поражать ихъ указаніемъ на судьбы человечества. Не имѣя возможности соглашаться съ разными воззрѣніями г. Скарятинга, мы тѣмъ не имѣемъ повода сомнѣваться въ его искренности. И такъ, да проститъ насъ г. Скарятинъ, но онъ самъ даетъ оружіе своимъ противникамъ и даже отчасти самъ вызываетъ неблагоприятныя намеки на его счетъ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли видѣть, что человѣкъ гоняется съ убохомъ за комаромъ и по неволѣ въ виду подобнаго зрѣлища приходятъ въ голову такія мысли, которыя самъ гонитъ отъ себя. Можно подумать, пожалуй, что г. Скарятинъ нарочно, изъ самолюбія, разыгрываетъ роль общественнаго спасителя отъ несуществующей бѣды.

Кромѣ того, мы думаемъ, что г. Скарятинъ, какъ ни хвалится своею прямою и смѣлостію, все-таки часто не договариваетъ свою мысль до конца. Ему приходится указывать часто вовсе не на рутинное и не на справедливое недовольство, а просто на недобросовѣстное или на простое упрямство изъ самолюбія. «Не похваляю-де преобразованія судовъ, не найду въ нихъ ничего хорошаго потому, что прежде не выражалъ своей надежды на это». Неужели и противу такого направленія нужно призывать въ свидѣтельство исторію всѣхъ вѣковъ, а все-таки не назвать дѣла по имени. Г. Скарятинъ вѣдь не можетъ же полагать, чтобы человѣкъ обязанъ бы былъ никогда не измѣнять своихъ убѣжденій, чтобы развитіе мысли было дѣло нечистое. Впрочемъ, недавно одинъ журналъ, такъ хорошо знакомый съ Пушкинымъ, забылъ его выраженіе: «только дуракъ никогда не измѣняетъ своихъ убѣжденій». Не смотря на это, не можемъ согласиться съ мыслию, высказанною въ одномъ жур-

нальномъ объявленіи: «что нашъ прогрессизмъ долженъ принять вскорѣ новыя основы». Мы полагаемъ, что отдавать справедливость вовсе не значитъ измѣнять своему направленію и убѣжденіямъ.

Сдѣлаемъ г. Скарятину еще одно небольшое замѣчаніе. Своими послѣдними реформами наше правительство столько возвысило себя во мнѣніи людей разныхъ направленій, что смѣло можетъ пренебречь тѣми жертвами, о которыхъ такъ сожалѣетъ г. Скарятинъ. Намъ кажется, что этотъ авторъ поступилъ бы гораздо полезнѣе для общества, если бы разъяснилъ настоящія отношенія его, а это показало бы правительству, что оно можетъ удерживать карающую руку закона. Этимъ всего болѣе достиглось бы то сближеніе, о которомъ столь ревностно хлопочетъ г. Скарятинъ. Онъ могъ бы указать на постепенное ослабленіе того обаянія, которое производитъ разныя жертвы.

Впрочемъ, мы говоримъ общими мѣстами, которыя могутъ быть легко перетолкованы. Дѣло въ томъ, что г. Скарятинъ хотя недавно выступилъ на литературное поприще, вполне принадлежитъ ко времени нашего объявленія и общихъ мѣстъ, когда фельетонъ, неимѣвшій никакого смысла, но употреблявшій слова: «прогрессъ, гуманность» и проч., возбуждалъ сочувствіе и имѣлъ успѣхъ. Г. Скарятинъ употребляетъ тѣже приемы, хотя и другія слова. Онъ не можетъ отстать отъ общихъ мѣстъ, почему-то пренебрегаетъ изученіемъ, изслѣдованіемъ дѣла и потому пишетъ какъ бы съ предвзятою мыслью.

Подобные приемы теперь странно надобли даже въ самыхъ прямыхъ, но общихъ намекахъ на недовольство. Теперь насъ мало интересуютъ статьи въ родѣ «Наше Знамя» одной газеты, если мы видимъ, что все дѣло ограничивается однимъ заявленіемъ знамени, а не работою въ направленіи его. Теперь очень странно видѣть нѣкоторыхъ славнофильствующихъ господъ, отъѣзжающихъ на лѣто изучать воззрѣнія нашего народа по швейцарскимъ видамъ, по нѣмецкимъ городкамъ и всего болѣе по «столицѣ міра».

Общія мѣста, заявленія направленій были полезны, пока съ ними большинство читающихъ не было знакомо. Теперь отъ всей этой благодати наплодилось столько вздору, что она не годится даже для успѣшнаго протеста противу другихъ направленій.

Съ грустію надо замѣтить, что привычка къ общимъ мѣстамъ въѣлась даже въ труды лучшихъ дѣятелей. Напр., мы это видѣли недавно въ статьяхъ г.г. Шапова и Аксакова о раскольникахъ. Г. Шаповъ обратилъ вниманіе только на одну сторону дѣла, оставивъ совершенно въ сторонѣ другую и даже не постарался разъяснить ихъ отношенія, г. Аксаковъ отвѣчалъ г. Шапову совершенно тѣмъ же самымъ. Въ тоже время оба очень мало озаботились доказательствами и развитіемъ своихъ положеній, упустивъ изъ вниманія возраженія, приходящія въ голову самому невнимательному читателю.

Теперь, кажется, уже пора увидѣть разработку извѣстныхъ направленій, осуществленіе ихъ въ выводахъ и результатахъ. Хорошо бы сдѣлалъ г. Скарятинъ, если бы потрудился привести свои воззрѣнія не въ простомъ заключеніи ихъ, а въ разработкѣ различныхъ вопросовъ общественнаго устройства. Тогда дѣло разъяснилось бы гораздо скорѣе.

Мировые посредники, какъ мы сказали, замѣнятся мировыми судьями и къ послѣднимъ перейдутъ дальнѣйшія заботы по крестьянскому дѣлу. Разсчитываютъ, что это не обременитъ судей, тѣмъ болѣе, что главная работа посредниковъ, — ввѣдъ уставныхъ грамотъ, — будетъ окончена въ будущемъ году. Впрочемъ, судьямъ останется довольно дѣла по разверстанію угодій, по выкупнымъ сдѣлкамъ и даже, можетъ быть, слегка по грамотамъ. Извѣстно, теперь свѣшать ими къ назначенному сроку, а мѣстами вводятъ такъ называемыя *глухія грамоты*, т. е. безъ означенія надѣла въ натурѣ, а на основаніи опредѣленія надѣла на бумагѣ по другимъ статьямъ Положенія. Такихъ грамотъ набирается достаточно количество и врядъ-ли будущимъ лѣтомъ вездѣ успѣютъ сдѣлать нарѣзки, не говоря уже о неразмежеванныхъ дачахъ.

Въ началѣ 1864 г. окончится срокъ должности теперешнихъ посредниковъ, но, вѣроятно, учрежденіе мировыхъ судей воспользуется наличными силами теперешнихъ специальныхъ мировыхъ учреждений. Разумѣется, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ реформахъ, успѣхъ будетъ зависѣть отъ самого общества. Если выборы мировыхъ судей будутъ производиться разумно, если лучшіе люди общества не станутъ уклоняться отъ этой почетной должности, зародыша нашего самоуправления, то успѣхъ несомнѣненъ.

Въ то время, когда многіе выбиваются изъ силъ, заявляя свои знамена и направленія, лучшіе мировые посредники начинаютъ

жаловаться на охлажденіе общества къ осуществленію реформъ.

— «Что намъ за польза отъ вашихъ разрозноглагольствованій, отъ общаго стремленія къ законодательству, говорятъ они, когда рядомъ съ этимъ вы не хотите работать для осуществленія дѣла. Отчего вы, гг. либералы, уклоняетесь отъ помощи намъ. Дайте намъ хоть двухъ хорошихъ товарищей—и мы поручимся вамъ за успѣхъ.»

Видѣтъ съ такими жалобами мы слышимъ со всѣхъ сторонъ, что лучшіе посредники выходятъ въ отставку, а многіе остаются только до срока введенія грамотъ, чтобы не могли укрывать ихъ бѣгствомъ въ самое рабочее время. Въ то же время въ газетахъ чаще и чаще попадаются самыя горестныя извѣстія о нѣкоторыхъ посредникахъ. Тамъ рассказываютъ, что крестьянинъ умеръ отъ побоевъ посредника, здѣсь повѣствуется, что посредникъ прижалъ мелкую помѣщицу и почти даромъ скупилъ ея мѣтніе. Въ числѣ блистателей Положенія оказываются такія личности, которыя успѣли записать крестьянъ за женою, оставивъ землю себѣ и теперь гонять крестьянъ отъ полей. Въ отпоръ подобнымъ продѣлкамъ состоялся циркуляръ, надѣлюющій землю всѣхъ такимъ образомъ притѣсненныхъ крестьянъ.

Впрочемъ, въ большей части случаевъ мировыя учрежденія исполнѣ сохранили направленіе, доставившее имъ такой почетъ въ общественномъ мнѣніи. Достаточно побывать на нѣсколькихъ мировыхъ сѣздахъ, послушать ихъ живыя публичныя пренія, чтобы понять всю разницу мировыхъ учреждений отъ прежнихъ судебныхъ мѣстъ. Кроме того, посредники почти вездѣ, часто съ сильнаго боя, отстаивали себя отъ вѣншательства бумагописанія. Требованіе разныхъ вѣдомостей и отношеній сведено ими на самое необходимое.

Мы бы рекомендовали г. Скарятину обратить свое вниманіе на необходимость дѣятельной работы общества къ осуществленію различныхъ реформъ. Уклоненіе отъ нея гораздо вреднѣе для общества, чѣмъ всякаго рода сумбурно-крайнія направленія, какъ показало дѣло. неимѣющія у насъ почвы.

Въ числѣ вопросовъ, рѣшенныхъ «Основными положеніями» о преобразованіи судебной части, находится, какъ извѣстно, чрезвычайно важное измѣненіе теперешняго судопроизводства о преступленіяхъ противъ вѣры. До сихъ поръ мы еще не замѣтили, чтобы литература обратила вниманіе на это измѣненіе.

По прежнему, отиѣняемому порядку, преступленія противу вѣры, которыя подлежали свѣтскому суду, подлежали особому ряду судопроизводства, в административнымъ властямъ было предоставлено очень широкое участіе во воѣхъ подобныхъ дѣлахъ. На практикѣ, производство дѣлъ, напр., о раскольникахъ, чрезвычайно удалялось отъ общаго порядка суда. Министры, до которыхъ доходили разборательства раскольническихъ дѣлъ, руководствовались особыми неглавными инструкціями. Такія же инструкціи существовали по дѣламъ о совращеніи изъ православія, по дѣламъ о новокрещенныхъ, уклоняющихся въ магометанство, еврейство и проч.

Теперь ст. 119 «Основныхъ преобразованій» объявляетъ, что дѣла по преступленіямъ противу вѣры, подлежащія вѣдомству свѣтскаго суда, будутъ производиться общимъ порядкомъ, и инструкціи, которыми руководствовались министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи о совращеніи православныхъ въ другія нововѣданія и въ расколъ, должны войти въ общій наказъ судебнымъ мѣстамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ газеты сообщили, что составляется сводъ воѣхъ постановленій о раскольникахъ и что они будутъ пересмотрѣны.

Такимъ образомъ мы можемъ привѣтствовать стремленіе къ расширенію вѣротерпимости. Прежній особенный порядокъ судопроизводства по дѣламъ о вѣрѣ внушалъ раскольникамъ мысль о религиозныхъ преслѣдованіяхъ, часто укрѣпляющую и разжигающую фанатизмъ.

Послѣ ожесточенныхъ преслѣдованій раскольниковъ въ первой половинѣ XVIII ст., когда они были почти лишены гражданскихъ правъ и толпами бѣжали за границу, со времени Петра III началась нѣкоторая отиѣна стѣсненій.

Екатерина, призывая переселенцевъ въ Россію, дала всепрощеніе бѣжавшимъ раскольникамъ, свободный выборъ одежды, право носить бороду и избирать родъ жизни по желанію. Множество раскольниковъ дѣйствительно воротилось въ Россію и они были поселены въ новороссійскомъ краѣ и въ саратовской губерніи. Потомъ раскольники получили право судебного свѣдѣтельства, отправления общественныхъ должностей, а двойной окладъ, взимаемый съ нихъ, былъ отиѣненъ. Потемкинъ выхлопоталъ раскольникамъ право отправления ихъ обрядовъ, и изъ этого возникло *единоверіе*, имѣвшее цѣлью создать для раскола

что-то въ родѣ переходнаго положенія для слиянiя съ господствующею церковью. Единовѣрiе, правила котораго утверждены въ 1800 г., не имѣло успѣха потому, что завѣтная мечта раскольниковъ, имѣть своего архiereя, не исполнилась. Имъ дали только священниковъ. Къ тому же переходить въ единовѣрiе не позволялось громадному большинству раскольниковъ, писавшихся по бумагамъ православными, такъ что едва одна десятая раскола, собственно говоря, могла воспользоваться постановленiемъ объ единовѣрiи. Въ 1822 г., поповщинская секта гласно получила дозволенiе имѣть священниковъ.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ начинается отмена всѣхъ льготъ, данныхъ раскольникамъ Екатериной II и Александромъ I. Запрещалось строить новыя молельни, отбирались старыя иконы, книги, богослужебныя принадлежности и пр. Вещи, на которыхъ служили наши архiereи въ единовѣрческихъ церквахъ, въ то же время отбирались у раскола. Въ рукахъ многихъ чиновниковъ религiозное преслѣдованiе доходило до неувѣроятныхъ притѣсненiй, до совершеннаго разоренiя деревень. Но чѣмъ сильнѣе были стѣсненiя, тѣмъ дѣятельнѣе распространялся расколъ, особенно, когда въ среднiе сороковыхъ годовъ самая многочисленная богатая секта поповцевъ добилась утвержденiя своей митрополiи за границею.

Разумѣется, все, что мы говорили объ iерархiи раскольниковъ, относится къ поповщинской сектѣ, которую отдѣляетъ отъ господствующей церкви почти исключительно этотъ вопросъ объ iерархiи.

Многiе старовѣры говорятъ, что отъ обращенiя къ православию ихъ удерживаетъ неудовлетворительность, такъ сказать, быта нашего духовенства.

Съ величайшимъ удовольствiемъ можемъ сообщить мы, что теперь есть сильная надежда на устраненiе этого препятствiя. Правительство подняло вопросъ огромной важности и значенiя для всего народа,—вопросъ о духовенствѣ.

Намъ остается только приветствовать грядущее преобразованiе и сказать, что потребность его давно чувствовалась всѣми классами и необразованными и образованными и самимъ духовенствомъ.

Синодъ на запросъ Государя отвѣчалъ, что съ своей стороны онъ не встрѣчаетъ препятствiя къ обнародованiю учрежденiя комиссiи для преобразованiя быта духовенства, если оно ока-

зывается полезнымъ въ видахъ государственныхъ. Вслѣдствіе этого опубликовано слѣдующее:

«I. Государь Императоръ, во вниманіи къ настоятельной потребности въ большемъ обезпеченіи матеріальныхъ нуждъ православнаго духовенства въ имперіи, по обсужденіи сего дѣла въ совѣтъ министровъ, 28-го іюня 1862 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: I. Составить особое присутствіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которому поручить изысканіе способовъ къ большему обезпеченію быта духовенства, и между прочимъ именно: 1) къ расширенію средствъ матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства; 2) къ увеличенію личныхъ его гражданскихъ правъ и преимуществъ; 3) къ открытію дѣтямъ священно-и-церковно-служителей путей для обезпеченія своего существованія на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности; 4) къ открытію духовенству способовъ ближайшаго участія въ приходскихъ и сельскихъ училищахъ.—II. Всѣ постановленія сего присутствія всеподданнѣйше представлять на Высочайшее благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества. III. Членами сего присутствія, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, быть, со стороны духовной, тѣмъ же лицамъ, которымъ въ продолженіе занятій комитета будутъ составлять присутствіе святѣйшаго синода; а со стороны свѣтской: генераль-адъютанту князю Долгорукову, министру внутреннихъ дѣлъ, министру государственныхъ имуществъ, оберъ-прокурору святѣйшаго синода и директору духовно-учебнаго управленія, статсъ-секретарю князю Урусову. Управленіе дѣлами присутствія возложить на служащихъ по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, тайнаго совѣтника графа Толстаго и камергера Батюшкова, и служащаго по православному духовному вѣдомству дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домонтовича. IV. Исполненіе настоящаго Высочайшаго повелѣнія возложить на министра внутреннихъ дѣлъ и на оберъ-прокурора святѣйшаго синода, по принадлежности. V. Дѣлопроизводство по комитету предоставить въ завѣдываніе оберъ-прокурора святѣйшаго синода.

«При семъ Государю Императору благоугодно было отозваться, что хотя предметы, поручаемые разсмотрѣнію сего присутствія, относятся исключительно къ усиленію матеріальныхъ средствъ духовенства и къ расширенію его правъ и преимуществъ въ составѣ гражданского общества, нисколько не касаются до вну

твеннаго устройства самой церкви, а тѣмъ менѣе ея святаго ученія, всегда неприкосновеннаго, — со всѣми тѣмъ Его Величество повелѣть соизволялъ, при развитіи вышеуказанныхъ основаній, строго и неуклонно держаться постановленій св. церкви, дѣяній вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и правилъ св. отецъ.

«Его Императорскому Величеству также угодно, чтобы могущія быть предоставленными православному духовенству новыя права и преимущества ни въ чемъ не стѣсняли тѣхъ, которыя присвоены духовенству другихъ исповѣданій въ имперіи, сохраняющихъ полную независимость, законами для нихъ обезпеченную.»

Учрежденной Комисіи предстоить задача громадной трудности. Вѣковыя условія отчуждали до сихъ поръ наше духовенство отъ другихъ классовъ и дѣлали его кастой. «Увеличеніе правъ и преимуществъ его вмѣстѣ съ открытіемъ путей для обезпеченія дѣтей духовныхъ на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности», вѣроятно, уничтожитъ этотъ характеръ касты и привлечетъ на духовное поприще многихъ лучшихъ людей общества, давая болѣе свободный выходъ не чувствующимъ призванія. Обезпеченіе матеріальнаго быта вмѣстѣ съ увеличеніемъ правъ положить конецъ той угодливости даже передъ мелкими мѣстными властями, въ которой такъ много упрекаютъ наше духовенство. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ объ отношеніи блага духовенства къ черному, о значеніи консисторій и т. п. Впрочемъ о важномъ преобразованіи быта духовныхъ мы надѣемся поговорить подробнѣе, когда условія литературы относительно этого вопроса болѣе опредѣлятся.

Начала губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, а также основанія судебной реформы почти исключительно занимаютъ общественное вниманіе. Многие, приводя очень достаточныя основанія, сожалѣютъ, что оба эти главнѣйшіе вопросы были разсматриваемы совершенно отдѣльно. Другіе, и въ томъ числѣ г. Аксаковъ, указываютъ на самый способъ выработки, основаніе знаменитыхъ «сентябрьскихъ» реформъ. Впрочемъ, всѣ привѣтствуютъ отъ всей души тѣ многочисленныя начала этихъ преобразованій, которыя давно составляли лучшую надежду образованныхъ людей.

Съ своей стороны мы можемъ прибавить, что въ мнѣніяхъ депутатовъ, вызванныхъ въ Петербургъ, т. е. въ отвѣтахъ ихъ на вопросъ и въ отзывахъ на труды редакціонныхъ комисій

заключается множество интересныхъ мѣстныхъ замѣчаній. Многія изъ нихъ не остались безъ вліянія на окончательные труды комисіи.—Вообще объ этихъ мнѣніяхъ имѣютъ у насъ очень невѣрное понятіе, благодаря нѣсколькимъ депутатамъ-квѣстникамъ и разнымъ столкновениямъ и недоразумѣніямъ между комисіей и вызванными депутатами. Впрочемъ, два тома такихъ депутатскихъ мнѣній составляютъ библиографическую рѣдкость.

Преданія стараго законодательнаго порядка, какъ извѣстно, не были еще совершенно забыты при Екатеринѣ, и это выразилось именно на вопросѣ о судебной реформѣ. Начиная съ царствованія Павла, мы видимъ, что законодательныя работы сосредоточиваются почти исключительно въ однихъ канцеляріяхъ. Книга барона Корфа недавно оживила намъ ходъ судебного преобразования до смерти Сперанскаго, или лучше сказать, до изданія Свода Законовъ.

Представляемъ читателямъ краткій обзоръ движенія судебной реформы послѣ изданія Свода. Къ сожалѣнію, мы нашли въ газетахъ только самыя скудныя свѣдѣнія по развитію вопроса о судахъ.

Послѣ изданія Свода Законовъ II Отдѣленіе приступило къ составленію уложеній по отдѣльнымъ частямъ законодательства.

Прежде всего остановились на нуждѣ улучшить наше уголовное судопроизводство. Первые попытки этого преобразования показали, что прежде нужно преобразование уголовного права и смягченіе строгости уголовного законодательства, уже не соответствующихъ общественному развитію. Отсюда произошло уложеніе о наказаніяхъ 1845 года.

Еще прежде, въ 1843 году, II Отдѣленіе потребовало отъ губернскихъ прокуроровъ и предсѣдателей судебныхъ мѣстъ замѣчаній на дѣйствующіе законы гражданскаго права и судопроизводства гражданскаго и уголовного. Въ то же время приступили къ составленію сборника судебныхъ рѣшеній, со времени изданія Св. Законовъ.

Къ 1848 году былъ отработанъ вчернѣ первоначальный проектъ устава уголовного судопроизводства.

Тогда Императоръ Николай I далъ повелѣніе заняться изготовленіемъ и проекта устава гражданскаго судопроизводства. Во второмъ отдѣленіи начались усиленные работы по уголовному и гражданскому судопроизводству, а также судоустройству.

Приступая въ 1849 г. къ составленію проекта гражд. судопроизводства, II Отдѣленіе признало необходимымъ разрѣшить вопросъ: «Слѣдуетъ ли составить полный проектъ судопроизводства гражданскаго или же ограничиться нѣкоторыми частными исправленіями? Главноуправляющій II Отдѣленіемъ представлялъ свои соображенія Императору Николаю и было повелѣно: *не ограничиваясь отдѣльными исправленіями нѣкоторыхъ правилъ судопроизводства гражданскаго, составить полный проектъ новаго устава.*

Для разрѣшенія того же вопроса относительно уголовного судопроизводства, въ 1850 г. подъ предсѣдательствомъ графа Блудова составленъ комитетъ изъ чиновниковъ министерствъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Комитетъ призналъ, что *всякое измѣненіе законовъ уголовного судопроизводства не только не удобно, но и невозможно.*

Такъ было рѣшено приступить къ коренному преобразованію.

Второе отдѣленіе приступило къ подробной разработкѣ всѣхъ относящихся до судебной части проектовъ.

Проектъ гражданскаго судопроизводства, заключавшій впрочемъ только часть этого обширнаго труда, разрабатывался при содѣйствіи министерства юстиціи. Отдѣленіе сообщало министерству сперва основныя свои предположенія, а потомъ нѣрвыя раздѣлы проекта и передѣлывало ихъ на основаніи практическихъ замѣчаній министерства. Когда, въ 1852 г., были обработаны семь раздѣловъ и оказались разные взгляды на дѣло, II Отдѣленіе и министерства, изъ которыхъ первое старалось проводить признанныя теоретическія начала, а послѣднее указывало необходимость строгаго согласованія ихъ съ практическими условіями нашей жизни,—для соглашенія этихъ взглядовъ учрежденъ въ 1852 г. комитетъ изъ чиновниковъ II Отдѣленія и министерства юстиціи, подъ предсѣдательствомъ графа Блудова. По разсмотрѣніи и дополненіи проекта на основаніи замѣчаній комитета гр. Блудовъ внесъ эту первую часть своей работы въ государственный совѣтъ 8 іюня 1857 года.

Съ тѣхъ поръ графъ Блудовъ внесъ въ государственный совѣтъ цѣлый рядъ проектовъ, которые легли въ основаніе обнародованныхъ недавно предположеній о преобразованіи судебной части.

Государственный совѣтъ, въ 39 засѣданіяхъ, съ 15 ноября 1857 по 23-го сентября 1859 г., въ усиленномъ составѣ депар-

таментовъ законовъ и гражданскаго разсмотрѣлъ проектъ гражданскаго судопроизводства. Исправленный по замѣчаніямъ департаментовъ, этотъ проектъ вмѣстѣ съ включенными въ него всѣми поступившими къ тому времени дополнительными проектами напечатанъ въ 1859 г. и разосланъ для доставленія замѣчаній какъ членамъ государственнаго совѣта, такъ и къ опытнымъ юристамъ. Практическія замѣчанія юристовъ собраны въ своды и также разосланы членамъ совѣта. Такимъ же путемъ при разсылкѣ опытнымъ юристамъ и при составленіи свода ихъ замѣчаній разсматривались всѣ остальные проекты преобразованія судебной части.

Въ 1860 году соединенные департаменты приступили къ обсужденію какъ дополнительныхъ проектовъ, такъ и всѣхъ замѣчаній на проектъ гражд. судопроизводства и на другіе проекты. Но разсмотрѣніе проектовъ улучшенія земской полиціи и учрежденіи судебныхъ слѣдователей, а за тѣмъ положеній по крестьянскому дѣлу приостановили занятія совѣта реформою суда, но они были тотчасъ возобновлены послѣ изданія Положеній 19 февраля 1861 года.

Для ускоренія хода дѣла въ соединенныхъ департаментахъ рѣшено указать главныя основанія новаго судоустройства, возложивъ предварительную подробную разработку проекта на государственную канцелярію, при содѣйствіи чиновниковъ II Отдѣленія и министерства юстиціи.

Въ іюні 1860 и въ октябрѣ 1861 г. поступили въ совѣтъ первые шесть раздѣловъ проекта устава уголовного судопроизводства. По принятому порядку они препровождены на заключеніе министра юстиціи.

Государь Императоръ, по возвращеніи изъ путешествія въ Крымъ, въ октябрѣ 1861 г., разсмотрѣвъ представленныя свѣдѣнія о ходѣ работъ и признавая необходимымъ принять всѣ возможныя мѣры къ скорому и правильному окончанію дѣла, дозволилъ найти, что прежде внесенія въ общее собраніе государственнаго совѣта всѣхъ положеній и уставовъ было бы полезно обсудить и разрѣшить главныя начала судопроизводства и судоустройства.

Вслѣдствіе этого Государь Императоръ 23 октября 1861 г. Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Прелоставить соединеннымъ департаментамъ составить и

внести въ общее собраніе совѣта общую записку обо всемъ, что можетъ быть признано относящимся къ главнымъ, основнымъ началамъ предположеній для устройства судебной части въ имперіи.

2) Составленіе записки предоставитъ занимавшимся производствомъ этого дѣла въ совѣтѣ чиновникамъ госуд. канцеляріи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государственнаго секретаря и подъ высшимъ наблюденіемъ ст. секр. гр. Блудова.

3) Эту записку по внесеніи ее въ соединенные департаменты и въ общее собраніе представить на Высочайшее благоусмотрѣніе.

4) По рассмотрѣніи въ общемъ собраніи основныхъ началъ приступить къ редакціи самыхъ проектовъ.

5) Окончательное исправленіе редакцій поручить государственной канцеляріи при содѣйствіи, по усмотрѣнію государственнаго секретаря, чиновъ II Отдѣленія и министерства юстиціи, преимущественно юристовъ.

6) Исправленные проекты вносить чрезъ соединенные департаменты въ общее собраніе государственнаго совѣта и за тѣмъ на воззрѣніе и окончательное утвержденіе Государя Императора.

Въ работахъ государственной канцеляріи, по особому повелѣнію Государя Императора участвовали: состоящіе при канцеляріи т. с. *Плавскій*, д. с. с., оберъ-прокур. общ. собр. моск. деп. сената *Буцковскій* и испр. долж. ст. секр. госуд. сов. *Стояновскій* и *Зарудный*, помощ. ст. секр., д. с. с. *Даневскій*, е. с. *Шубинъ*, оберъ-секретарь общ. собр. москов. департ. сената е. с. *Побѣдоносцевъ*, москов. губ. прокуроръ *Равинскій* и экседиторъ госуд. канц. н. с. *Виленбахъ*.

Государственная канцелярія при участіи этихъ лицъ составила историческую записку объ основныхъ началахъ, извлеченныхъ изъ проектовъ II Отдѣленія.

Назначенный между тѣмъ предсѣдателемъ департамента законовъ предсѣдательствующій и въ соединенныхъ департаментахъ, князь Гагаринъ, находя, что замѣчанія, доставленные на проекты судопроизводства и судеустройства вообще, касаются преимущественно главныхъ началъ проектовъ и что одить простой сводъ ихъ не можетъ принести существенной пользы, а даже затруднить рассмотрѣніе, призналъ нужнымъ, чтобы при составленіи этого свода были изложены соображенія государственной канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ

о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство которыхъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по которымъ должна быть преобразована судебная часть въ имперіи. Это распоряженіе удостоено Высочайшаго одобренія Государя Императора.

Государственная канцелярія, при участіи вызванныхъ юристовъ, составила соображенія, изложенныя въ запискахъ: 1) объ основныхъ началахъ гражданскаго судопроизводства, 2) тоже уголовнаго, 3) объ основныхъ началахъ судоустройства, 4) объ особыхъ родахъ уголовнаго судопроизводства, 5) о переходныхъ мѣрахъ къ новому порядку и 7) о числѣ и штатахъ новыхъ судебныхъ учрежденій.

Первыя двѣ записки были представлены Государю Императору Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, какъ предсѣдательствующимъ въ государственномъ совѣтѣ. Высочайше повелѣно, 9 апрѣля 1862 г., приступить къ безотлагательному разсмотрѣнію всѣхъ записокъ канцеляріи, въ усиленномъ составѣ соединенныхъ департаментовъ, при участіи министра юстиціи, и предоставить департаментамъ требовать всѣ необходимыя объясненія отъ составителей записокъ, которымъ по этому случаю и находиться при всѣхъ засѣданіяхъ департаментовъ. Затѣмъ дать дѣлу установленный ходъ.

Результатомъ 16 засѣданій соединенныхъ департаментовъ законовъ, гражданскихъ и дуковскихъ дѣлъ, въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ и іюлѣ 1862 года, были основныя начала преобразованія судебной части, которыя, по разсмотрѣніи въ общемъ собраніи и утвержденіи Государемъ Императоромъ, опубликованы въ газетахъ.

Здѣсь будетъ не лишнимъ поименовать членовъ соединенныхъ департаментовъ. Извѣстно, что въ нихъ засѣдаютъ: князь Павелъ Гагаринъ, Е. И. В. *Принцъ-Ольденбургскій*, Кочубей, баронъ Корфъ, Литке, Бахтинъ, Норовъ, Гофманъ, Толстой и Мухановъ. Въ засѣданіяхъ участвовалъ министр юстиціи графъ Панинъ.

Изъ этого краткаго обзора хода судебной реформы читатель замѣтитъ, что въ наше время законодательныя инстанціи могли воспользоваться содѣйствіемъ русскихъ, специально образованныхъ основаній реформы нашей судебной части, невольно задаешь себѣ вопросъ: «какъ скоро могутъ быть выработаны оконча-

тельные, подробные проекты? Скоро-ли мы увидимъ осуществленіе многихъ лучшихъ надеждъ нашихъ на дѣлѣ?»

На это представленный нами обзоръ отвѣтитъ, что главныя затрудненія реформы заключались въ опредѣленіи самыхъ основаній и что теперь они уже побѣждены и утверждены.

Учрежденіе мировыхъ судей можетъ быть введено независимо отъ образованія специальныхъ судовъ, благодаря тому обстоятельству, что, согласно мнѣнію князя Гагарина, графа Панина и Е. И. В. Принца Ольденбургскаго, всѣ дѣла, разбираемая мировою юстиціей, кончаются тѣмъ же мировымъ порядкомъ,—на сѣздахъ мировыхъ судей. Оно можетъ быть введено въ самомъ скоромъ времени. Для учрежденія мировыхъ судей воспользуются составомъ мировыхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ и съ окончаніемъ срока назначенія посредниковъ въ 1863 г. произойдетъ введеніе мировой юстиціи.

— Государь Императоръ посѣтилъ въ Москвѣ тамошняго городского голову. Это возбудило сильныя толки, поднявшіе значеніе городского головы въ глазахъ многихъ.—Профессоры университета были приглашены къ столу во дворецъ и радушно приняты въ немъ.

Финляндскій сенатъ опубликовалъ одинъ изъ своихъ протоколовъ, обещающій созваніе сейма къ концу будущаго года. Изъ числа 54 вопросовъ, представленныхъ комиссіею о выборныхъ, 31 вопросъ признаны Государемъ главнѣйшими и будутъ предложены на обсужденіе сейма. Резолюція верховной власти на мнѣнія комиссіи выборныхъ переданы сенату и вмѣстѣ съ тѣмъ ему повелѣно составить комитеты изъ специальныхъ людей для предварительной разработки проектовъ по этимъ 31 вопросу.

Въ нынѣшнемъ году, какъ извѣстно, въ Финляндіи голодъ, особенно на сѣверѣ ея. У насъ въ Россіи въ пользу финляндцевъ, идутъ ничтожныя подписки, даются спектакли и пр. До сихъ поръ собранныя суммы, за исключеніемъ подписнаго листа В. К. Алексѣя Александровича, большею частію ничтожны. Не говоря уже о томъ, что подписки при редакціяхъ вертятся на немногихъ сотняхъ рублей, скажемъ, что въ Эстляндіи пожертвовано только 1800 р. с.

Въ то же время Стокгольмъ подписалъ около 10 т. р. с.

Иностранныя газеты стыдятъ насъ и указываютъ на Англію, гдѣ на одномъ митингѣ было собрано въ пользу голодающихъ рабочихъ около милліона р. с. Дѣйствительно, чѣмъ больше

ванкаты въ этотъ фактъ, тѣмъ стыднѣе для насъ. Кто же какъ не мы сами виноваты въ томъ, что у насъ цѣлая масса народа не принимаетъ участія въ общественной жизни и что мы сами не умѣемъ работать для нея. Подписка наша слишкомъ ничтожна, чтобы мы могли ссылаться на разстройство помѣщичьихъ хозяйствъ, на затишь торговли и т. п.

Подольскіе дворяне на выборахъ составили адресъ Государю о желаніи *всей страны* быть присоединенною къ Польшѣ и послали этотъ адресъ министру в. д. Выборы закрыты; предводители дворянства преданы суду, отправлены въ Петербургъ и на мѣсто ихъ назначены предводители отъ короны. Въ то же время въ газетахъ опубликованы адреса отъ городовъ и 67 волостей помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ о пожеланіи всякаго блага Россіи по поводу ея тысячелѣтія и о своей невзмѣнной принадлежности къ ней. Послѣдніе адреса подписаны также многими евреями.

Извѣстія изъ Польши все смутнѣе и смутнѣе. Тайное общество стало приводить въ исполненіе провозглашенную имъ угрозу убійствъ. Нѣкоторые изъ такихъ политическихъ убійцъ уже находятся въ рукахъ правительства. Болѣе шестидесяти человѣкъ изъ давнихъ присягу тайному обществу попались и судъ надъ нимъ начался. Мы получили пока извѣстіе о первыхъ допросахъ; это были допросы лицъ, принадлежащихъ къ низшимъ кружкамъ тайнаго общества. Въ программахъ этой партіи постановлено, чтобы низшіе кружки ничего не знали о высшихъ, и потому до сихъ поръ нельзя ничего сказать о значеніи суда открывшагося въ Варшавѣ.

Между тѣмъ «*Ревельская Газета*» говоритъ, что при открытіи въ г. Рыпинѣ рекрутской комиссіи, крестьяне стали упрекать пановъ, что они своими волненіями заставляютъ Государя увеличивать свое войско и тѣмъ навлекаютъ на нихъ, крестьянъ, наборъ. Получивъ свидѣтельства съ губернскимъ, а не государственнымъ гербомъ, крестьяне заподозрили ихъ вѣрность и начался открытый бунтъ противъ пановъ. Городъ былъ почти разграбленъ. Двое изъ крестьянъ убиты и 20 ранено. Нѣкоторые окрестные дворяне бѣжали. — Впрочемъ, это извѣстіе «*Ревельской Газеты*» требуетъ еще разъясненія и подтвержденія. Что дѣлается теперь въ Рыпинѣ?

Въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатано слѣдующее письмо Н. С. Тургенева къ редактору этой газеты:

Милостивый Государь! Въ фельетонѣ вашей газеты, отъ 22-го ноября (№ 316-й), подписанной буквами А. Ю., находится слѣдующая фраза:

«Пусть... г. Некрасовъ *жертвуетъ*... гг. Тургеневымъ, Дружининымъ, Писемскимъ, Гончаровымъ и Авдѣевымъ и издаетъ Современникъ!»

Мнѣніе, выраженное г. А. Ю., встрѣчалось мною въ печати не разъ. Оно проникло даже въ программы журнала, издаваемого г. Некрасовымъ. Я до сихъ поръ не считалъ нужнымъ обращать вниманіе на подобныя «заявленія»; но такъ какъ изъ словъ г. А. Ю. я долженъ поневолѣ убѣдиться, что молчаніе, особенно продолжительное, дѣйствительно почитается знакомъ согласія, то позвольте мнѣ изложить передъ вами въ короткихъ словахъ, какъ совершилось на самомъ дѣлѣ, собственно мое отчужденіе отъ «Современника».

Я не стану входить въ подробности о томъ, когда и почему оно началось, но, въ январѣ 1860 года, «Современникъ» печаталъ еще мою статью (Гамлетъ и Донъ-Кихотъ), и г. Некрасовъ предлагалъ мнѣ, при свидѣтеляхъ, весьма значительную сумму за повѣсть, запроданную «Русскому Вѣстнику», а весной 1861 года, тотъ же г. Некрасовъ писалъ мнѣ въ Парижъ письмо, въ которомъ, съ чувствомъ, жалуюсь на мое охлажденіе, возобновлялъ оное лестными предложеніями, и, между прочимъ, доводилъ до моего свѣдѣнія, что видитъ меня почти каждую ночь во снѣ.

Я тогда же отвѣчалъ г. Некрасову *молчаливымъ отказомъ*, сообщилъ ему мое твердое рѣшеніе не участвовать болѣе въ «Современникѣ», и тутъ же прибавилъ, что «отнынѣ этому журналу не для чего стѣсняться въ своихъ сужденіяхъ обо мнѣ».

И журналъ г. Некрасова немедленно пересталъ стѣсняться. Недоброжелательные намеки явились тотчасъ же, и, съ свойственной всякому русскому прогрессу быстротой, перешли въ явныя нападенія. Все это было въ порядкѣ вещей, и я, вѣроятно, заслуживалъ эти нападенія; но предоставляю вашимъ читателямъ самимъ судить теперь, на сколько справедливо мнѣніе г. А. Ю. Увы! г. Некрасовъ не принесъ меня въ жертву своимъ убѣжденіямъ, и, вспомнивъ имена другихъ его жертвъ, перечисленныхъ г. А. Ю., я готовъ почти пенять на г. издателя «Совре-

менника» за подобное исключеніе. Но, впрочемъ, точно ли гг. Дружининъ, Писемскій, Гончаровъ и Авдѣевъ пали подъ жертвеннымъ его ножомъ? Мнѣ кажется, что, въ теченіе своей карьеры, г. Некрасовъ былъ гораздо менѣе жрецомъ, чѣмъ предполагаетъ г. А. Ю.

Иванъ Тургеневъ.

Примите, и пр.

10-го дек. н. ст. 1862 г., Парижъ.

И такъ, весною въ маѣ 1861 года, г. Некрасовъ видѣлъ каждую ночь во снѣ г. Тургенева, а въ ноябрѣ и декабрѣ того же 1861 года, какъ г. Некрасовъ извѣстилъ публику (см. Совр. № 2, 1862), каждую ночь являлся къ нему во снѣ умершій Добролюбовъ!—Это не требуетъ комментаріевъ!

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Пора всевозможныхъ вопросовъ.—Греческій вопросъ, остановившійся на самой интересной минутѣ.—Паденіе министерства Ратацци.—Составъ новаго министерства.—Римскій вопросъ.—Брошюра Эженя Рандю о папствѣ вѣ Италіи.—Рукоположеніе кардинала Антонелли въ санъ священника и розовыя мечты его.—Мадзинисты, Бурбонисты и мюратисты.—Открытіе бульвара *Принца Евгенія* и рѣчь по этому случаю императора Наполеона.—Триволенія въ Пруссіи.—Послѣднія извѣстія.

Вопросы, вопросы и вопросы,—вопросы, которые Богъ вѣсть когда и какъ разрѣшатся, вопросы головоломные, вопросы щекотливыя, вопросы ни на что не похожіе, вопросы, интересующіе и томилшіе милліоны людей,—вотъ что, въ настоящую минуту, занимаетъ, волнуетъ и удручаетъ весь политическій міръ. Первое мѣсто все еще принадлежитъ вопросу о кандидатурѣ на греческій престолъ. Этимъ вопросомъ, и въ русскихъ, и въ иностранныхъ газетахъ, открываются въ послѣднее время всѣ «корреспонденціи», при чемъ, какъ водится, разныя «наши корреспонденты» почти постоянно оказываются отъявленнѣйшими сплетниками, весьма добродушно, впрочемъ, обличающими самихъ себя на другой же день. Кандидатовъ на мѣсто упрямнаго Отгона обрѣтается уже теперь семь человѣкъ, несчитая еще въ томъ числѣ самого Отгона и его четырнадцати баварскихъ родичей, вознамѣрившихся съѣхаться на семейное совѣщаніе въ Мюнхенъ, съ цѣлью поразсудить о томъ, нельзя ли когору-нибудь изъ нихъ, какимъ-либо способомъ, вступить снова въ управленіе греками. Сами же греки, мимо всѣхъ другихъ кандидатовъ, почти единодушно желаютъ имѣть королемъ англійскаго принца Альфреда, въ честь котораго, и въ Афинахъ, и въ другихъ городахъ, не разъ уже производились весьма выразительныя и шумныя демонстраціи. Желаніе грековъ прямо проглаголюетъ обязательствамъ трактатовъ, заключен-

выхъ между Англіею, Франціею и Россіею въ 1830 и 1832 годахъ,—трактатовъ, по силѣ которыхъ члены царствующихъ домовъ—русскаго, французскаго и англійскаго, не имѣютъ права вступить на греческій престолъ. Англія на первыхъ порахъ, кажется, позабыла объ этихъ трактатахъ, т. е. желала забыть, и явилъ органомъ своего тоже врага, хотя и престарѣлаго Пальмерстона, газетою «Morning Post», заявила относительно кандидатуры принца Альфреда такія мнѣнія, которыя заставили немедленно и французское правительство заявить и съ своей стороны, что оно, *въ случаѣ чего либо*, сдѣлаетъ всегда поддержать свое достоинство и защитить свои интересы. «Morning Post», впрочемъ, не указывала прямо на принца Альфреда, какъ на единственнаго человѣка, способнаго занять греческій престолъ: она, напротивъ, съ жаромъ утверждала, что Англія первая предложила покровительствующимъ Греціи державамъ поддержать во всей ненарушимости обязательства трактатовъ 1830 и 1832 годовъ; «но,—говорила она далѣе,—мы не можемъ воспрепятствовать грекамъ выражать ихъ желанія, и не можемъ не видѣть въ этихъ желаніяхъ знаковъ уваженія къ началамъ конституціоннаго правленія такого какъ наше. Когда же эллинская нація сообщитъ намъ оффиціально о сдѣланномъ ею выборѣ, тогда англійское правительство дастъ на этотъ счетъ рѣшительный отвѣтъ». За симъ, въ доказательство британскаго безкорыстія и справедливости, «Morning Post» увѣряла, что она еще прежде указывала на многихъ совершенно постороннихъ Англіи лицъ, какъ на людей, вполне достойныхъ занять греческій престолъ. Въ числѣ этихъ вполне достойныхъ лицъ «Morning Post» указывала на эрцгерцога Максимилиана и на принца Николая Нассаускаго. «Но—присовокупляла она—не пришло еще время обсуждать вопросъ съ этой стороны, и мы упоминаемъ названныя нами имена единственно для того, чтобы показать, какъ сами мы далеки отъ всякихъ происковъ въ греческомъ дѣлѣ. Въ Греціи же всё преисполнено энтузіазмомъ къ принцу Альфреду: тамъ только и слышится одно его имя».

Обращался потому органъ дальновиднаго лорда съ совѣтами къ эллинской націи—какъ ей слѣдуетъ держать и вести себя для того, чтобы неуклонно и безпрепятственно подти по пути прогресса, благодѣтельныхъ реформъ и конституціоннаго устройства, а чрезъ это возвеличить свое отечество и дать ему возможность къ необходимому для него расширенію владѣній. Словомъ, много хорошаго и усладительнаго излагалось въ «Morning Post»; но уже одно выраженіе ея о необходимомъ для Греціи расширеніи владѣній дало возможность всѣмъ проникательнымъ людямъ выкинуть разомъ въ истинный смыслъ этой музыки рѣчей, понять тотчасъ же—на какую приманку желаетъ

подѣпить эллинскую націю «коварный Альбѣонъ», въ настоящемъ случаѣ оказывавшійся, по истинѣ, коварнымъ. «Въ кабинетскомъ совѣтѣ, бывшемъ вчера въ Лондонѣ—пишетъ корреспондентъ «Independance Belge», отъ 3-го декабря (н. с.)—рѣшенъ окончательно вопросъ о кандидатурѣ принца Альфреда. Официальнымъ образомъ рѣшено, чтобы кандидатура эта — личное дѣло лорда Пальмерстона или, лучше сказать, оружію, направленное почти исключительно этою искусною рукою — была формально отвергнута. Для Англіи жертва эта, должно признаться, не составляетъ особенной заслуги: Англія только спрягала въ арсеналъ оружіе, одержавъ побѣду.»

И побѣда была, точно, одержана. Англія торжественно отказывалась за своего принца отъ кандидатуры на греческій престолъ, подавая такимъ образомъ цѣлому міру высокой примѣръ вѣрности данному обязательству; въ Греціи же, дѣйствительно, во выраженію «Morning Post», только и слышалось одно имя принца Альфреда, да дѣлались въ честь его повсемѣстно самыя шумныя и дружныя демонстраціи, въ которыхъ принимали участіе лица всѣхъ сословій. Еще до полученія извѣстія о томъ, что англійское правительство отказывается за принца Альфреда отъ кандидатуры его на греческій престолъ, въ Аѣинахъ три дня сряду, 22, 23 и 24 ноября (н. с.), производились демонстраціи, имѣвшія особенно торжественный и величавый характеръ. Въ первый день, на улицахъ показались двѣ открытыя коляски, и въ каждой изъ нихъ видѣлся портретъ принца Альфреда, увѣнчанный цвѣтами и окруженный свѣтильниками. За колясками, двигавшимися очень медленно, валила густая толпа, въ которой преобладали молодые люди, по большей части съ восковыми свѣчами въ рукахъ. Толпа была слишкомъ въ десять тысячъ человекъ, и вся она дружнымъ и непрерывнымъ крикомъ провозглашала принца Альфреда греческимъ королемъ, сопровождая крикъ свой рукоплесканьемъ. Аѣинскіе жители сбѣгались со всѣхъ сторонъ и присоединялись къ процессіи съ тѣми же криками и рукоплесканіями; кричали и рукоплескали и женщины, а нѣкоторыя изъ нихъ усыпали путь цвѣтами. Ожна, по дорогѣ процессіи, всюду освѣщались.

Въ девять часовъ, и коляски, и толпа достигли дома, занимаемаго англійскимъ посольствомъ. Крики усилились. Англійскій посланникъ, г. Скөрлетъ, вышелъ на балконъ, въ сопровожденіи одного изъ бывшихъ греческихъ депутатовъ, Будуроса, и долженъ былъ выслушать приветственную рѣчь, произнесенную командующимъ артиллеріею, г. Петмекою. Въ рѣчи выражались желанія греческаго народа и его расположеніе къ народу англійскому. Посланникъ, поблагодаривъ черезъ Будуроса толпу за чувства расположенія эллинской націи къ націи, которой онъ имѣетъ честь быть представителемъ, присовоку-

пиль къ этому, что касательно предмета, о которомъ говорилось въ рѣчи, онъ не уполномоченъ высказать никакого мнѣнія, но просить вѣрить, что желаетъ Греціи отъ всей души счастья и благоденствія, которыя, по всей вѣроятности, и будутъ удѣломъ эллинской націи, если только она не отступитъ отъ принципа политической умѣренности и осторожности. Процессія отправилась далѣе, а ночью еще разъ, и на этотъ разъ съ музыкой, вернулась къ дому посольства. Скарлетъ однако не вышелъ.

На слѣдующій день, процессія снова появилась на улицахъ, еще пышнѣе и торжественнѣе, чѣмъ наканунѣ. Къ портрету принца Альфреда присоединены были портреты королевы Викторіи и императоровъ русскаго и французскаго. Процессія опять подошла къ дому англійскаго посольства; посланникъ опять вышелъ на балконъ, опять благодарилъ толпу и опять напоминалъ ей о политической умѣренности и осторожности.

24-го ноября демонстрація происходила въ Пирей. Въ богатой каретѣ везенъ былъ бюстъ принца Альфреда, окруженный греческими гербами и знаменами, увитый миртовыми и лавровыми вѣтвями. Процессія, пройдя подъ звуки музыки по городскимъ улицамъ, явилась къ англійскому консульству. Консуль, г. Нэль, вышелъ на балконъ въ сопровожденіи своего семейства, и три раза, съ консульскимъ знаменемъ въ рукахъ, поклонился толпѣ. Тогда, въ то время, какъ одинъ адвокатъ, г. Николарасъ, обратился къ толпѣ съ приличною обстоятельствомъ рѣчью, комиссія, дирижировавшая демонстраціею, явилась къ консулу и, объяснивъ ему по-французски причины этой торжественной демонстраціи, просила его довести объ этомъ до свѣдѣнія англійскаго правительства. Нэль, по видимому, очень тронутый, отвѣчалъ тоже по-французски:

«Благодарю васъ за честь, которую вы оказываете въ лицѣ моемъ англійскому народу, объявляя о желаніи греческаго народа имѣть королемъ его высочество принца Альфреда. Если же есть въ Греціи кто либо, желающій республики, — я не сомнѣваюсь, что греки скажутъ ему тоже самое, что Ликургъ сказалъ Спартиату: *«попробуй-ка завести демократію въ твоёмъ семействѣ.»* Отечески-добрый король, живущій въ сердцахъ своего народа и охраняющій національную независимость, изображается у Платона олицетворенною добродѣтелью на землѣ. Вы, естественно, обращаете ваши взоры на свободный британскій народъ, имѣющій это неоцѣненное сокровище въ королевѣ Викторіи, и сердца ваши несутся къ принцу-моряку Альфреду. Я совершенно не знаю, кто будетъ королемъ Греціи, но принимаю вашу манифестацію, какъ доказательство, что вы имѣете твердое намѣреніе взять за основаніе будущей греческой конституціи свободу и повиновеніе законамъ.

«Созывая весьма скоро національное собраніе, правительство ваше не потеряло времени, и всякій грекъ раздѣляетъ съ нимъ отвѣтственность за будущиость Греціи.

«Очень вѣроятно, что основанія вашей будущей конституціи положены будутъ на твердой почвѣ. Кто же можетъ сомнѣваться въ томъ, что Греція найдетъ себѣ тогда того добродѣтельнаго короля, который долженъ быть главною частью всего зданія? Что же касается до меня, то я сообщу обо всемъ этомъ моему правительству въ надлежащемъ видѣ.»

Странныя вождеденія къ принцу Альфреду эллинской націи и постоянныя по этому случаю демонстраціи, съ каждымъ разомъ принимавшія все болѣе и болѣе бурный характеръ, въ особенности не нравились французскому правительству, видѣвшему во всемъ этомъ несомнѣнное преобладаніе Англии надъ другими покровительствующими державами. Французское правительство стало открыто порицать грековъ за то самое, за что одобряло ихъ тотчасъ по совершеніи ими переворота, угрожало имъ безднами революціи, анархіи, и, безъ сомнѣнія, при первомъ удобномъ случаѣ, не преминуло бы рѣшительно вмѣшаться въ дѣло, ради поддержанія принципа невмѣшательства. Все это ставило въ большое затрудненіе временное греческое правительство. Еще 19 ноября (н. с.) обнародовало оно декретъ, которымъ для начала выборовъ въ національномъ собраніи пазпачался день 6 декабря; а 22 ноября присоединило къ декрету прокламацію, въ которой опредѣлялись обязанности избирателей, долженствовавшихъ, при соблюденіи полнѣйшей добросовѣстности и умирности, позаботиться о возстановленіи церкви, объ устройствѣ арміи, о сохраненіи политическихъ и гражданскихъ правъ, о выполненіи всѣхъ настоятельнѣйшихъ желаній націи, объ укорененіи политической и общественной нравственности. Все это было прекрасно; все это согласовалось вполне съ косвенными инструкціями вмѣшавшихся въ греческія дѣла, ради поддержанія принципа невмѣшательства, державъ; но вышло все иначе. Наиболѣе страстные и рѣшительные приверженцы принца Альфреда хотѣли, чтобы онъ провозглашенъ былъ греческимъ королемъ безъ всякихъ церемоній, формальностей и проволочекъ, угрожая въ противномъ случаѣ временному правительству то республикою, то просто штыками. Временное правительство поставлено было такимъ образомъ между двухъ огней и прибѣгло къ слѣдующей мѣрѣ: вмѣсто выбора короля въ Национальномъ собраніи, оно рѣшилось произвести этотъ выборъ самымъ прямымъ путемъ, посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, и 1 декабря объявило о рѣшеніи своемъ особымъ декретомъ. Избирателями могли быть всѣ граждане не моложе двадцати лѣтъ; выборы должны были быть оконченными въ десять дней,

Они начались 3 декабря, и въ самое непродолжительное вре-

мя принца Альфредъ имѣлъ уже за себя сто десять тысячъ голосовъ. Лицъ, нежелающихъ принца, просто и просто изгоняли и этотъ энтузіазмъ въ пользу сына королевы Викторіи не охладился и тогда, когда пришло официальное извѣстіе, что англійское правительство формально отказывается за принца Альфреда отъ кандидатуры его на греческій престолъ. Извѣстіе это, напротивъ, только еще больше прежняго распалило страсти, и нашлись даже смѣльчаки такого рода, которые не отчаявались вынудить у Англій желанное согласіе силою. Почему такъ дорогъ и любезенъ былъ эллинской націи сынъ королевы Викторіи; ради чего добивалась его эта нація съ такимъ не только упорствомъ, но даже безразсудствомъ—этого рѣшительно не могли сообразить люди, не одаренные особенною проникательностію, до той самой минуты, когда во многихъ газетахъ появилась телеграмма такого содержанія:

«Афины, суббота, 13 декабря.

«Временное правительство получило отъ министровъ Франціи, Англій и Россіи ноту, которая извѣщаетъ, что три эти державы приняли съ общаго согласія рѣшеніе: устранить отъ кандидатуры на греческій престолъ принца Альфреда Англійскаго и герцога Лейхтенбергскаго.

«Англія рекомендуетъ бывшаго португальскаго короля Фердинанда. Она согласна уступить Греціи Юническіе острова».

Тогда загадка разрѣшилась для самыхъ непроницательныхъ людей; а такъ какъ васъ, читатель, мы причисляемъ, напротивъ, къ людямъ очень провицательнымъ, то и избавляемъ себя отъ излишнихъ разсужденій о лукавой политикѣ «коварнаго Альбіона», о хитрости престарѣлаго лорда Пальмерстона и т. п.

А вопросъ о кандидатурѣ на греческій престолъ все таки остается еще вопросомъ—по крайней мѣрѣ. въ эту минуту, какъ мы пишемъ эти строки.

Итальянскіе вопросы тоже попрежнему напоминаютъ помѣщаемые въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ *ребусы*, которые дразнятъ и томятъ падкаго на эти штуки читатели до слѣдующаго нумера журнала. Вся разница въ томъ, что въ дѣлѣ итальянскихъ *ребусовъ* заинтересованныя ими лица Богъ знаетъ когда дождутся слѣдующаго нумера. Одинъ изъ итальянскихъ вопросовъ, впрочемъ, частію рѣшенъ: благонамѣренное, умѣренное, побѣдоносное и мудрое министерство Ратацци болѣе уже не существуетъ, хотя, по мнѣнію нѣкоторыхъ пессимистовъ, можетъ снова воспрянуть, какъ фениксъ изъ пепла. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій туринской палаты, предшествовавшихъ паденію министерства, одинъ изъ депутатовъ доказывалъ прямо, что г. Ратацци остановилъ итальянское движеніе; что министерство его было просто пагубно для Италіи своею лишъ овною всякой энергіи, нерѣшительною, невѣрною

политикою. Изъ слѣдующее засѣданіе, г. Ратацци представилъ на этотъ счетъ шлать свои объясненія, т. е. объяснилъ всю политику своего кабинета, проораторствовавъ при этомъ случай цѣлыхъ четыре часа. Коснулся онъ, конечно, и славной победы Аспромонтской, сказавъ, что какъ ему было ни больно, но онъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Гарібальди вооруженною рукою; что, вообще, воспрепятствовать экспедиціи Гарібальди въ Римъ, онъ оказалъ тѣмъ отечеству великую, неоцѣненную услугу. Затѣмъ г. Ратацци сдѣлалъ очеркъ всей своей министерской дѣятельности, выводы изъ котораго были тѣ, что онъ, г. Ратацци, всегда высоко держалъ знамя порядка и власти и не искалъ никогда поддержки *любой стороны*. Должно быть, на конецъ концовъ, онъ успѣлъ убѣдить палату въ великихъ и неоцѣненныхъ заслугахъ, оказанныхъ имъ отечеству, потому что длинную рѣчь его покрыли громкими аплодисментами. Министръ, повидимому, торжествовалъ, но, зная, что аплодирующее ему собраніе все таки настроено противъ него враждебно, просилъ короля распустить палату. Викторъ-Эммануилъ сначала было на это согласился, потомъ раздумалъ, — и министерство подало въ отставку.

Составить новое министерство было дѣломъ не совсѣмъ-то легкимъ. Сначала король предложилъ это маркизу Торреверсъ; но тотъ отклонилъ отъ себя эту честь; потомъ составленіе министерства поручено было бывшему министру юстиціи Кассини, который хотя и взялся за это порученіе, но исполнить его не могъ. Успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ увѣнчаны были только труды графа Пазоллини и Фарини, при содѣйствіи того же Кассини. Составъ новаго министерства слѣдующій: президентомъ совѣта назначенъ Фарини; министромъ иностранныхъ дѣлъ — Пазоллини; министромъ внутреннихъ дѣлъ — Черуцци; министромъ юстиціи — Пизанелли; министромъ финансовъ — Мингетти; министромъ торговли — Манна; министромъ публичныхъ работъ — Менабреа; военнымъ министромъ — дела Ровера; морскимъ — Риччи.

Программа будущихъ дѣйствій новаго министерства изложена была Фарини въ засѣданіи туринской палаты депутатовъ 11 декабря (н. с.). Программа эта составляетъ почти что діаметральную противоположность той, по которой дѣйствовалъ Ратацци, и новый президентъ совѣта обѣщаетъ сдѣлать все, чего не сдѣлалъ старый. Во внѣшней политикѣ Фарини высказалъ намѣреніе поддерживать необходимые для Италіи союзы съ другими державами, но поддерживать ихъ такъ, чтобы независимость Италіи не страдала отъ этого нисколько, т. е., говоря другими словами, новый президентъ совѣта изъясняетъ намѣреніе не молчать предъ французскимъ правительствомъ такъ, какъ молчалъ старый. Во внутреннихъ распоряженіяхъ, Фарини обѣщавъ строго держаться статута и никогда отъ не-

го не уклоняться, т. е. не нарушать нравъ личной свободы депутатов и не объявлять осадныхъ положеній. Вообще же новый президентъ обѣщаль посвятить себя всего дѣлу осуществленія единства Италіи, на сколько позволяютъ эти обстоятельства и средства. «Проникнутые непоколебимымъ убѣжденіемъ, что единство Италіи осуществится,—сказалъ онъ въ заключеніе своей рѣчи,—мы почитаемъ лучше всего воздержаться отъ всякихъ обѣщаній, за которыми не послѣдовало бы немедленнаго ихъ исполненія; вѣра же наша въ будущее Италіи дастъ намъ право объявить ей, что она должна ожидать осуществленія своего единства отъ хода событій и обстоятельствъ. — должна ожидать этого безъ иллюзій, но и безъ недовѣрія. Возрожденіе наше началось и сдѣлало успѣхи, благодаря одинаковому настроенію умовъ, благодаря взаимному и дружному содѣйствію, мы будемъ продолжать идти по этой дорогѣ, принимая во вниманіе общій ходъ европейскихъ дѣлъ и ревностно стараясь, чтобы Италія поддерживая свои союзы и связи, сохраняла при этомъ всецѣло полную независимость. Это великая задача, которую провиденіе видимо вверило нашему поколѣнію, породивъ олагодпріятныя обстоятельства, надѣливъ соотечественниковъ нашихъ необходимыми доблестями и даровавъ имъ, сверхъ всего этого, нашего мужественнаго и честнаго короля, мудрость котораго укрѣпляетъ вѣру въ народѣ, а имя котораго—пароль и лозунгъ согласія между италіянами—напоминаетъ неразрывныя судьбы Италіи и династїи».

Фарини произнесъ эту рѣчь съ дрожаніемъ въ голосѣ, съ дрожаніемъ во всемъ тѣлѣ. Слова его покрыты были громкими и продолжительными рукоплесканіями. Въ числѣ слушателей находился и г. Рагацци. Рукоплескала ли онъ, газеты не сообщаютъ.

Въ словахъ Фарини много хорошаго; намѣреніе и обѣщанія его заслуживаютъ полнаго одобренія и сочувствія; но сбудутся ли его пророчества, удастся ли ему осуществить свои «непоколебимыя убѣжденія»—это опять таки вопросъ. Туринскій корреспондентъ «Independance Belge» сообщаетъ, что противъ новаго министерства уже составляется въ палатѣ многочисленная партія, и говоритъ положительно, что путь Фарини и его товарищей не будетъ путемъ, усыпаннымъ розами. Въ этомъ, думаемъ мы, не сомнѣвается нисколько и самъ Фарини.

Что же дѣлается въ Римѣ, вопросъ о которомъ доставить, безспорно, новому туринскому министерству менѣе всего розъ? Въ какомъ положеніи дѣла *вѣчныя города*? что святѣйшій отецъ? что Антонелли? что свѣтская власть, столь идущая къ ключамъ святаго Петра? Да что,—Императоръ Наполеонъ III былъ въ Компьенѣ и проводилъ тамъ, по увѣренію бельгійскаго корреспондента «Сѣверной Пчелы», время скучно и удивительно; по-

томъ вернулся въ Парижъ, открылъ тутъ новый бульваръ, далъ новыя названія нѣкоторымъ парижскимъ улицамъ и предѣльностямъ, потомъ собрался въ гости къ барону Ротшильду, въ Феррьеръ, гдѣ былъ, между прочимъ, исполненъ цѣлый охотничій хоръ — музыка Россини, слова Пачини. Что же касается до императрицы Евгении, то она, по прежнему, сильно отстаиваетъ и святѣйшаго отца, и его свѣтскую власть, и чуть не редактируетъ лагерфильеровской газетой «la Egançe», посредствомъ которой проводитъ въ публику свои идеи, въ родѣ идеи о замѣнѣ единства Италіи конфедерацией. Принцъ Наполеонъ, напротивъ, все ревностнѣе и ревностнѣе стоитъ за единство Италіи и очищеніе французскихъ войскъ; органомъ ему служить газета «Opinion Nationale». Но его высочеству не под силу бороться. «Opinion Nationale» получила уже два *предостереженія* отъ министра внутреннихъ дѣлъ за статьи о клерикалахъ и клерикализмѣ. Еще одно — и принцъ Наполеонъ лишится своего органа.

Люди, интересующіеся вопросами о Римѣ и папѣ, съ нетерпѣніемъ дожидаются появленія въ свѣтъ брошюры Эжена Рандю подъ названіемъ: «La Souveraineté pontificale et l'Italie». Брошюру эту почитаютъ, въ извѣстной степени, отраженіемъ взглядовъ французскаго правительства на вѣчный вопросъ о вѣчномъ городѣ и его святѣйшемъ владыкѣ. Теперь она, вѣроятно, уже вышла. Мысль и тенденціи автора можно понять изъ слѣдующей выдержки, приведенной въ «Independance Belge».

«Выйти изъ настоящаго положенія составляетъ настоятельную нѣйшую потребность и церкви, и свѣтскаго общества.

«Но выйти изъ него можно только при условіи, чтобъ и католики, и всѣ, опредѣляющіе папству, въ сферахъ нравственнаго міра, роль, достойную его величія, провозгласили громко положенія, совершенно противныя тѣмъ, изъ которыхъ, вотъ уже тридцать лѣтъ, дѣлаютъ какой-то законъ для отношеній папства къ Италіи. Положенія эти слѣдующія:

«Свѣтская власть папъ не имѣетъ другаго возможнаго основанія, кромѣ согласія на то народовъ, подлежащихъ ея вліянію.

«Свѣтская власть можетъ быть гарантіею независимости только тогда, когда ее терпятъ по доброй волѣ; налагаемая насильственно, она превращается для папства въ орудіе рабства и унижаетъ тѣ интересы, охраненіе которыхъ было ея цѣлюю.

«Свѣтская власть папы можетъ быть ограничена и раздѣлена; она принимаетъ, сообразно съ обстоятельствами и духомъ времени, форму и характеръ политической системы, преобладающей въ той странѣ, на которую власть папы вынуждена бываетъ опираться.

«Эта власть не только можетъ быть раздѣлена и ограничена,

но она может и должна, при известныхъ обстоятельствахъ, превратиться во власть чисто почетную, въ верховное протекторство.

«Положенія эти вытекаютъ изъ всей исторіи свѣтской власти папъ.»

«На брошюру эту взираютъ съ благосклонностью въ очень высокихъ сферахъ, «говоритъ парижскій корреспондентъ (*Independance Belge*), и это очень можетъ быть; но, должно полагать, что «въ очень высокихъ сферахъ» парижскаго общества «взираютъ съ благосклонностью» и на то, что творится въ *вмчломъ городѣ*, ибо тамъ, въ настоящую минуту, «все обстоитъ благополучно». Святѣйшій отецъ, правда, все хилѣетъ и слабѣетъ; но это нисколько не мѣшаетъ ему прилагать достолюбяныя попеченія о житейскомъ; кардиналъ же Антонелли, по поводу видимо - возрастающей хилости и слабости Пія IX, предается самымъ розовымъ мечтамъ. И мечты его не лишены основанія: до сихъ поръ Кардиналъ былъ діакономъ, а теперь посвященъ въ санъ священника. Чтобы, по видимому, значило это для кардинала и человѣка, который слишкомъ уже двадцать лѣтъ безраздѣльно управляетъ всѣми дѣлами римскаго престола, предоставляя самому святѣйшему отцу давать одни благословенія *urbi et orbis*? А въ сущности это значить очень много, и кардиналъ Антонелли не такой человѣкъ, чтобы сталъ по пустякамъ, неосновательно, лелѣять розовыя мечты. Не будучи рукоположеннымъ въ священника, нельзя быть папой, а будучи рукоположеннымъ—можно.

Но, занятый своими розовыми мечтами, кардиналъ Антонелли, по видимому, объ этомъ не беспокоится. Онъ, по видимому (замѣтьте однако же: *по видимому*), не смущается и отъ слуховъ о мадзинистахъ, которые снова кое-гдѣ появились, и появились будто бы съ цѣлью — такъ или иначе—привлечь на свою сторону Гарибальди. Въ Пизѣ мадзинисты устроили недавно нѣчто въ родѣ конгресса, на которомъ говорились самыя неприличныя рѣчи о королѣ Викторѣ - Эммануилѣ. Рѣчи эти были до того неприличны, что половина присутствовавшихъ при этомъ должна была выйти изъ собранія мадзинистовъ; однако же, это не смутило, и они, кажется, имѣютъ намѣреніе основать новую ассоціацію въ родѣ тѣхъ, которыя были закрыты Ратацци въ пору аспромонтскаго дѣла.

За мадзинистами появляются и бурбонисты. Имъ приписываютъ вывѣшенную недавно въ Неаполѣ республиканскую прокламацію. Другіе говорятъ, что прокламація эта—произведение мадзинистовъ. Бурбонисты обзавелись даже въ Неаполѣ собственною газетою, направленною исключительно противъ единства Италіи, которой, по мнѣнію новой газеты, всего приличнѣе было бы процвѣтать подъ крыломъ Бурбоновъ. Появленіе

этого жалкаго политическаго органа не сдѣлало, впрочемъ, никакого впечатлѣнія.

Столь же мало впечатлѣнія произвело и что въ родѣ манифеста, адресованнаго княземъ Мюратомъ къ его друзьямъ и партизанамъ въ бывшемъ королевствѣ обѣихъ Сицилій. Князь совѣтуетъ своимъ сторонникамъ вѣшнваться какъ можно чаще и дѣятельнѣе во все политическія дѣла и движенія, направляя при этомъ все свои усилія противъ бурбенизма и піемонтизма. Весь смыслъ этого манифеста резюмируется въ словѣ: «ждать». А дождется ли чего князь Мюратъ съ товарищами—это вопросъ болѣе, чѣмъ сомнительный. Хорошо, но крайней мѣрѣ, что у людей есть охота ждать, — есть, стало быть, терпѣніе. Терпѣніе же—первая добродѣтель.

Императоръ Наполеонъ III, на котораго, среди всѣхъ этихъ ожиданій, болѣе, чѣмъ на кого либо, вопросительно устремлены черные итальянскіе глаза, продолжаетъ предаваться мирнымъ занятіямъ и увеселеніямъ, какъ будто лишь одна Франція и составляетъ предметъ его заботъ. Мы упомянули выше объ открытіи въ Парижѣ новаго бульвара. Это бульваръ, именуемый Boulevard de prince Eugene, о которомъ, по церемоніи сопровождавшей его открытіе, стоитъ сказать нѣсколько словъ:

Торжество это совершилось 7-го декабря (п. с.). На мѣсто дѣйствія, какъ водится, сбѣжался весь Парижъ; войска, тоже какъ водится, красиво разставлены были вездѣ, гдѣ надлежало; у особой палатки, приготовленной для императорской фамиліи, находились два хора военной музыки. Императоръ явился верхомъ, нѣмъ по правую руку принца Наполеона; по лѣвую—князя Іоахима Мюрата. За императоромъ галопировали маршалы Рандонъ, Мак-Магонъ, Нель, Капроберъ, Ренью-де сен-Жан-д'Анжели, Бараге д'Илле и многочисленная свита. Впереди и сзади красовались великолѣпные gens d'armes.

Императрица прибыла вскорѣ послѣ супруга, въ каретѣ. И императоръ, и императрица—по словамъ французскихъ газетъ—ѣхали среди громогласнѣйшихъ восклицаній—и войскъ, и народа. За симъ началась церемонія. Первую рѣчь произнесъ сенскій префектъ, представившій полную картину преобразованій и усовершенствованій, соверщенныхъ императоромъ въ городѣ Парижѣ, съ указаніемъ, сколь эти преобразования полезны, благодѣтельны и велики. За префектомъ сталъ ораторствовать г. Дюма, отъ имени муниципальнаго совѣта. Онъ тоже благодарилъ императора за его благодѣнія, за его великую и могучую дѣятельность, дающую всюду жизнь и движеніе и т. д. «Обѣ рѣчи приняты были съ явнымъ одобреніемъ»—говоритъ газета «La France»;—за симъ въ необъятномъ собраніи воцарилось глубокое молчаніе—и раздался звонкій голосъ императора...

Императоръ произнесъ рѣчь, въ которой высказаны и народное чувство, и народная гордость. Началъ онъ съ благодарности префекту и членамъ муниципальнаго совета за ихъ неутомимую дѣятельность; замѣтилъ потомъ, что городскія постройки и перестройки должны быть дѣлаемы такъ, чтобы вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа удобныхъ и полезныхъ зданій развивалась въ массѣ и любовь къ изяществу.

Рѣчь, неоднократно прерывавшаяся рукоплесканіями, окончилась при крикахъ: «да здравствуетъ императоръ!»

Не удовольствуясь переименованіемъ одного изъ парижскихъ бульваровъ, императоръ Наполеонъ имѣетъ намѣреніе произвести политѣйшую перемѣну въ названіяхъ всѣхъ столичныхъ мѣстностей. Для этого весь городъ будетъ раздѣленъ на округа, и въ каждомъ кварталѣ будетъ своя категорія именъ. Такъ напр., Сент-ангуанское предмѣстіе украшено будетъ именами всѣхъ замѣчательныхъ французскихъ промышленниковъ; на долю округа Пауи достались артисты; предмѣстіе Сент-Оноре имѣетъ въ виду затверживать имена славныхъ отечественныхъ генераловъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, это умнѣе и цѣлесообразнѣе, чѣмъ какія-нибудь бессмысленныя, не имѣющія никакого значенія названія, соединенныя съ воспоминаніями, которыя лучше всего было бы забыть.

Между тѣмъ, какъ императоръ Наполеонъ, такимъ образомъ, увѣковѣчиваетъ имена разныхъ отечественныхъ знаменитостей, возбуждаетъ народные восторги искусно-обдуманнми рѣчами и предоставляетъ «прекрасной» Италіи томиться множествомъ мучительныхъ вопросовъ,—и въ другихъ мѣстахъ этого «лучшаго изъ міровъ», вопросы, вопросы и вопросы нагоняютъ морщины на лбы политическихъ дѣятелей. «Что произойдетъ, когда соберутся палаты? Какъ примутъ они министерство, а министерство ихъ? Не придумаетъ-ли чего новаго Бисмаркъ? Какъ порѣшитъ дѣло король? Перестанетъ-ли онъ почитать голоса разныхъ депутацій за голосъ цѣлой націи, или проникнется къ нимъ еще болѣе несокрушимою вѣрою, и вслѣдствіе этого распустилъ палату депутатовъ, которую его величество почитаетъ искусственной и вполне неблагонамѣренной?» Вотъ вопросы, волнующіе въ настоящую минуту всѣ прусскіе головы,—вопросы, рѣшеніе которыхъ далеко не за горами. Многіе говорятъ уже и теперь, что вопросы эти разрѣшатся совершенно въ пользу власти; что палата господъ встрѣтитъ министерство съ распростертыми объятіями; что палата депутатовъ будетъ шумѣть и горячиться; что г. Бисмаркъ дозволитъ ей шумѣть и горячиться; а потомъ за это самое палата будетъ распущена. Надобно, стало быть, подумать о составленіи новой палаты. Какъ составится эта палата? Каково будетъ въ ней большинство?... И опять радъ вопросовъ и вопросовъ безъ конца.

Въ Австріи закрыты засѣданія рейхсрата. Императоръ произнесъ при этомъ случаѣ рѣчь на тему «единства, славы и чести» Австріи.

Въ Японіи вспыхнула революція. Всѣ лица, принадлежащія къ высшему классу общества, должны были оставить Іеддо. Положеніе иностранцевъ далеко не безопасно. Власти не въ состояніи ничего сдѣлать. Кромѣ того, въ Іеддѣ свирѣпствуетъ холера, жертвами которой, въ теченіе самаго непродолжительнаго времени, сдѣлался уже 250,000 человекъ.

Мексиканская война, все еще продолжаетъ быть непопулярною во Франціи. Французскія войска заняли, однако, Тампико, и заняли безъ всякаго сопротивленія. Въ Гуанакато воздвигается, по общественной подпискѣ, статуя генералу Праму.

Въ Америкѣ рѣзня продолжается надлежащимъ образомъ. Однимъ изъ послѣднихъ подвиговъ тамъ былъ слѣдующій: федералистскій генералъ Борнсейдъ перешелъ Раппаганокъ и безъ большого труда взялъ Фредериксбургъ. Сепаратисты отступили и скрылись за укрѣпленія города Реймонда. Но здѣсь произошла еще большая битва и сѣверяне потерѣли страшную неудачу.

Въ Англіи, въ Бирмингемѣ, былъ, 18 декабря, огромный митингъ по поводу американскихъ дѣлъ. Предсѣдательствовали гг. Шэльфильдъ и Брайтъ, высказавшіе два совершенно противоположныя мнѣнія. Шэльфильдъ требовалъ отъ правительства рѣшительнаго признанія южныхъ штатовъ; Брайтъ стоялъ за противное.

Король Фердинандъ португальскій отказался положительно отъ греческой короны, и поручилъ всѣмъ португальскимъ посольствамъ объявить объ этомъ рѣшеніи всѣмъ дворамъ, при которыхъ они находятся.

Въ Неаполѣ, 16 декабря, произошло небольшое смятеніе. Театральное начальство отказалось выполнить, по желанію публики, гимнъ въ честь Гарибальди. Начался шумъ. Молодежь разсыпалась по толедской улицѣ съ криками: «да здравствуютъ мятежники! да здравствуютъ аспромонтскіе раненыя! долой Ла-Мармору! долой Фарини!»

Принуждены были прибѣгнуть къ военной силѣ, возстановившей спокойствіе.

Гарибальди, 20 декабря, прибылъ въ Ливорно, а оттуда отправился прямо на Капреру.

Значить, здоровье его, действительно, поправилось, и это самое пріятное извѣстіе изъ всего, нами здѣсь сообщеннаго.

NT

JW

JAN 10 1940

